

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

В. И. АБАЕВ

ОСЕТИНСКИЙ ЯЗЫК
И
ФОЛЬКЛОР

I

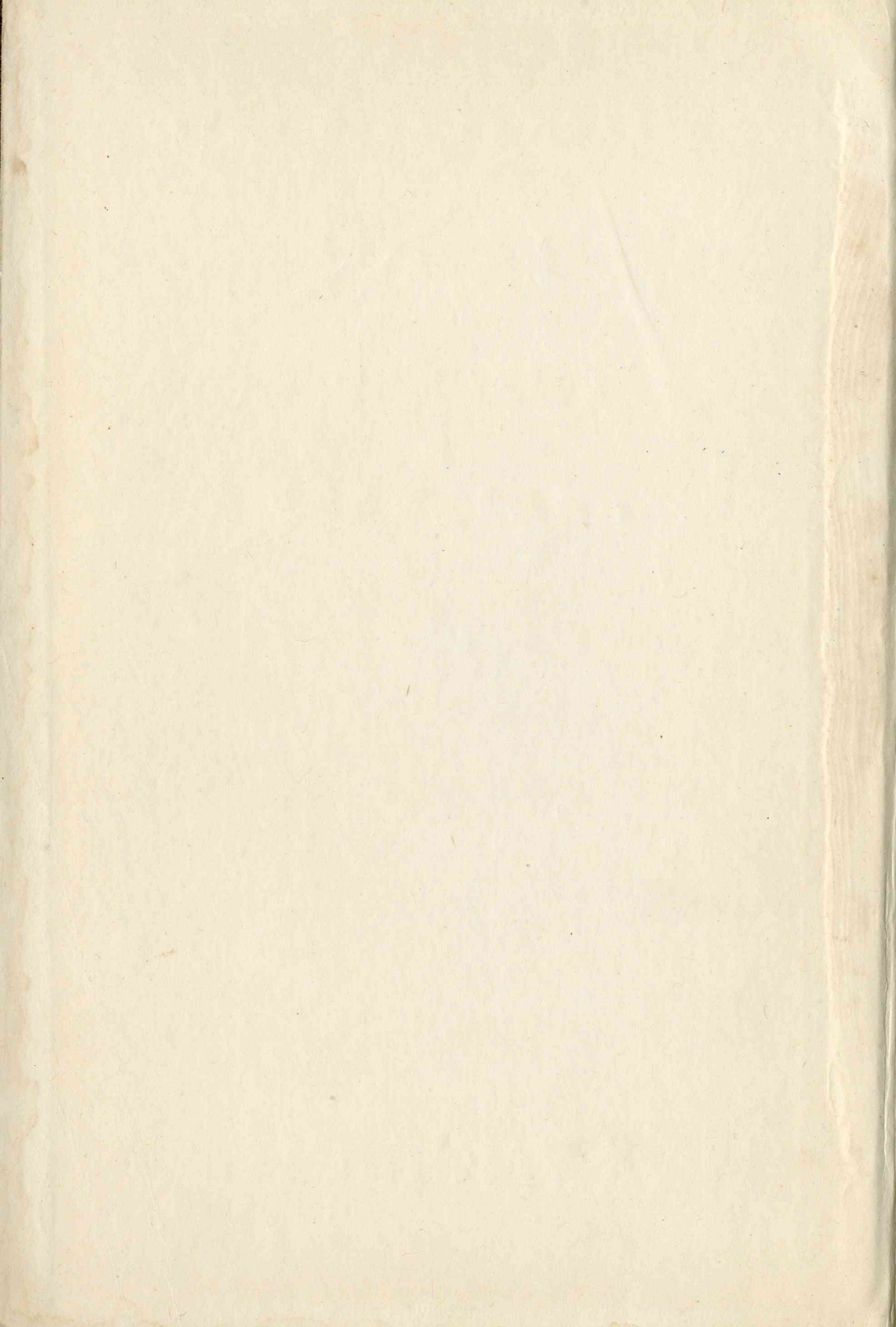
ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

В. И. АБАЕВ
ОСЕТИНСКИЙ
ЯЗЫК
И
ФОЛЬКЛОР

I

Глубокоуважаемая

Елизавета Ивановна!

Примите эту книгу

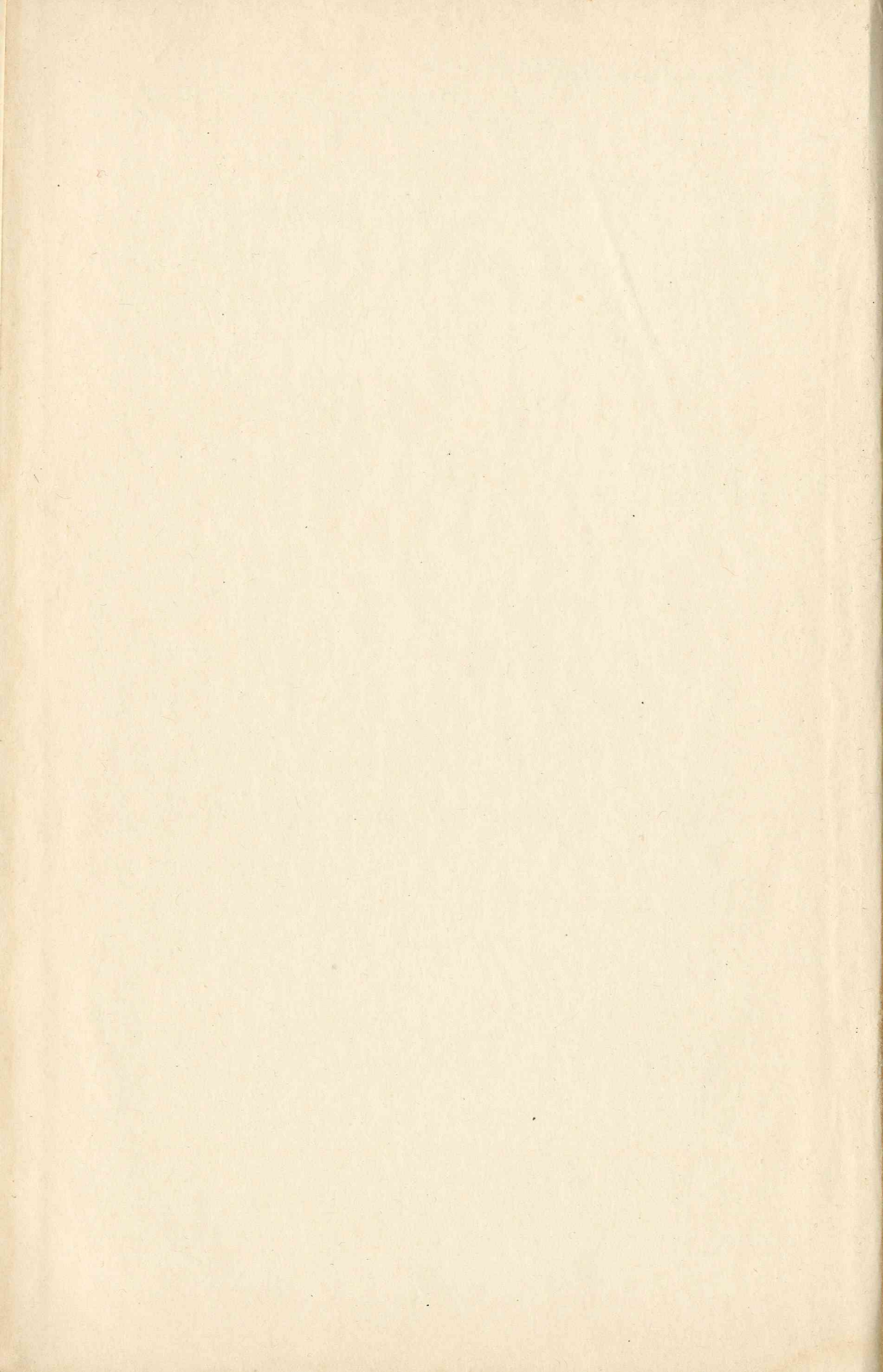
как скромный знак огромной благодарности

за все, что Вы для меня сделали

как врач и человек.

В. Абал

31/V - 50

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

В. И. А Б А Е В

О С Е Т И Н С К И Й Я З Ы К
И
Ф О Л Ь К Л О Р

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор
акад. И. И. МЕЩАНИНОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Инициатива издания настоящего сборника принадлежит кафедре осетинского языка и литературы Северо-Осетинского педагогического института. Учащиеся осетинских школ, изучающие родной язык и фольклор, студенты и аспиранты, специализирующиеся по осетинскому языку и фольклору, наконец преподаватели этих дисциплин в средней и высшей школе испытывают большие трудности в связи с отсутствием доступной научной литературы по языку и устному народному творчеству осетин. Старые работы А. Шегрена и В. Миллера, не говоря уже о том, что они стали библиографической редкостью, сильно устарели, а новейшая литература, вообще говоря довольно значительная, мало доступна в силу ее разбросанности.

Эти обстоятельства побудили еще в 1935 г. приехавшего в Ленинград представителя Сев. Осетии обратиться в Академию Наук СССР с просьбой выпустить отдельным сборником все те наши статьи, которые имеют своим предметом или хотя бы затрагивают вопросы осетинского языка и фольклора. Академия Наук, в лице директора Института языка и мышления им. Н. Я. Марра академика И. И. Мещанинова, отнеслась с полным сочувствием к просьбе Сев. Осетии. Книга была включена в план академических изданий. Однако в силу ряда обстоятельств издание сборника не могло быть осуществлено до настоящего времени. Такая задержка имела и свою положительную сторону: явилась возможность пополнить сборник новыми работами и более чем удвоить его объем.

Осетины, язык и фольклор которых составляют предмет настоящего сборника, относятся к числу небольших по численности народов Советского Союза (354,5 тысяч по данным на 17 I 1939, т. е. 0.21% к населению СССР¹). Заслуживают ли они, чтобы Академия Наук по-

¹ БСЭ, «Союз Советских Социалистических Республик», стр. 60.

святила им такое обширное издание? Этот вопрос мог бы возникнуть при всяких других условиях, но только не при наших, советских. «Советские люди считают, что каждая нация, — все равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее. В этом смысле все нации — и малые и большие, — находятся в одинаковом положении, и каждая нация равнозначна любой другой нации» (Сталин).

Историческое прошлое осетин богато, значительно и полно интереса. Предки осетин, входившие в состав скифских, сарматских и аланских племенных образований, в течение двух тысячелетий не сходили со страниц истории. Они внесли существенный вклад в культурное развитие юга России и Северного Кавказа в древний период.

В дальнейшем события приняли неблагоприятный оборот. Осетинский народ оказался замкнутым в нескольких горных ущельях Центрального Кавказа, и над ним нависла угроза полного вымирания и исчезновения. Но через все тяжчайшие испытания он бережно пронес два сокровища своей национальной культуры: язык и фольклор.

С Октябрьской революцией для осетинского народа взошла заря новой жизни, хозяйственного и культурного расцвета. Народ получил на заселение плодороднейшие земли, на которых колхозники собирают небывалые урожаи. Созданы промышленные предприятия не только местного, но и общесоюзного значения. Страна покрылась густой сетью школ. Открыто несколько высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов. Бурно растут литература и печать.

В годы Великой Отечественной войны осетины, сражаясь бок о бок с русскими и другими братскими народами, показали выдающиеся образцы мужества, героизма и любви к родине. По количеству награжденных пропорционально к численности народа осетины занимают одно из первых мест в Советском Союзе.

В 1949 г. Советская Северная Осетия празднует 25-летие своей автономии. Этой знаменательной дате и посвящается настоящий сборник.

Подводя в этой книге итог 20-летней работе в области языка и фольклора осетин, автор прекрасно отдает себе отчет, насколько незначительно все сделанное, по сравнению с тем, что нужно еще сделать. Тем не менее автор позволяет себе надеяться, что книга принесет некоторую пользу, освещая, с одной стороны, ряд частных вопросов языка,

фольклора и культурной истории и, с другой, выясняя общие методологические предпосылки для конкретного применения к осетинскому материалу принципов нового, советского языкознания, основы которого заложены нашим покойным учителем Н. Я. Марром.

Часть статей перепечатана (с необходимыми поправками и дополнениями) из различных, в большинстве давно уже вышедших из продажи и малодоступных изданий.¹ Остальные печатаются впервые.

При всем разнообразии содержания, работы, вошедшие в сборник, пронизаны одной мыслью: посылить использовать данные языка и фольклора для освещения исторического прошлого осетинского народа.

Сборник рассчитан на два выпуска. В настоящий, первый выпуск вошли в основном лингвистические работы.

Первый раздел посвящен общим вопросам. Крупнейшая работа этого раздела «Происхождение и культурное прошлое осетин по данным языка» дает суммарный обзор языковых материалов, на которых покоятся в основном наши современные представления о происхождении и древнем быте осетин и об их культурных связях и отношениях с другими народами. Она служит как бы лингвистическим введением в историю осетинского народа.

Следующие статьи этого раздела трактуют в разных аспектах об одном и том же: об участии кавказского субстрата в образовании осетинского языка и, стало быть, о языковом смешении. Последняя статья «Древнеперсидские элементы в осетинском» также затрагивает вопрос о смешении, но только о смешении междиалектальном, внутри-иранском.

Особый раздел посвящен скифо-аланским темам, имеющим первостепенное значение для древней истории осетин. Здесь рассмотрены, с одной стороны, дошедшие до нас памятники скифской и аланской речи, с другой — языковые свидетельства сношений алан с другими народами: венграми, славянами, готами, хазарами, монголами, горными татарами, грузинами, сванами, мегрелами, абхазами.

В разделе «Диалектология» дается впервые систематический обзор расхождений между двумя основными диалектами осетинского языка, иронским и дигорским.

В разделе «Вопросы фонетики и грамматики» затронуты некоторые частные вопросы, не получившие освещения в разделах «Общие вопросы» и «Диалектология».

¹ В конце каждой из этих статей указывается, где и когда она впервые опубликована.

В последнем разделе привлекается история нескольких слов для иллюстрации общих закономерностей исторической семасиологии.

Во второй выпуск войдут работы по фольклору, а также статьи и заметки разнообразного содержания, не вошедшие в первый выпуск. Там же будут помещены указатели к обоим выпускам.

Мы считаем приятным долгом выразить нашу глубокую признательность академику И. И. Мещанинову, много содействовавшему изданию настоящего сборника.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЯ

О транскрипции. Автор стремился к единообразию в передаче звуков всех привлекаемых языков, используя для этого научную (так называемую «чешскую») систему, приспособленную к фонетике кавказских языков. Полная унификация здесь трудно осуществима в виду сложности и разнообразия материала. Приводим значения некоторых употребляемых в настоящей книге знаков:

a = передний *a*,

y = гласный неопределенной окраски, результат редукции гласных *i* и *u*,

ə = дальнейшая ступень редукции предыдущего гласного,

e = русск. *e*,

ě = русск. *ь*,

ʒ = итальян. *z* в слове *bronzo*,

ʃ = англ. *j*,

ǰ = перс. *ǰ*,

q = араб. *ق*.

Знак апостроф (') после согласного указывает на смычно-гортанность: *k'*, *t'*, *p'*, *c'*, *č'*.

Кружочек возле буквы означает лабиализацию, а вертикальная черточка — палатализацию согласного (напр. *k_o* *k_i*). Остальные знаки не нуждаются в пояснении.

Сокращения: *ос.* = осетинский язык, *д.* или *диг.* = дигорский диалект осетинского языка, *и.* или *ирон.* = иронский диалект осетинского языка; две формы, разделенные вертикальной чертой означают: первая иронскую, вторая дигорскую, напр. *fyd* | *fidə* (= ирон. *fyd*, диг. *fidə*). Остальные сокращения в названиях языков общепонятны.

Сокращения в ссылках: ДАН = Доклады Академии Наук, ИАН = Известия Академии Наук СССР, СОПам. = Памятники народного творчества осетин, I—IV, Владикавказ (Дзауджикау), Сб. мат. Кавк. — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, 1—45.

ОБЩИЕ
ВОПРОСЫ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И КУЛЬТУРНОЕ ПРОШЛОЕ ОСЕТИН ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА

(ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЮ
ОСЕТИНСКОГО НАРОДА)

1. ЯЗЫК КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В настоящее время кажется излишним доказывать, что язык представляет первостепенный исторический источник.

Язык — самое многогранное из проявлений духовной деятельности человека. С точки зрения темы, поставленной в заглавии настоящей работы, язык можно определить так: язык народа — это его исторический опыт, обобщенный и зафиксированный в словах-понятиях и грамматических категориях. Нет такой стороны, такого закоулка бытия человека, который так или иначе не запечатлелся бы в его речи. Каждое слово-понятие, если удастся раскрыть его историческое содержание, представляет ценнейший документ, по древности своей конкурирующий с древнейшими памятниками материальной культуры.

Одним из первых, кто привлек язык в качестве исторического источника и пытался обосновать этот метод исторического исследования, был крупный представитель идеалистического языкознания прошлого века Якоб Гримм (1785—1863).¹ Ему принадлежит лапидарная фраза: «Наш язык есть также наша история».²

¹ В первую очередь следует указать такие его работы, как «Geschichte der deutschen Sprache» 1848 и «Deutsche Rechtsaltertümer, 1828.

² Kleinere Schriften, I, 1864, стр. 290.

Блестящий образец исторической интерпретации языковых фактов дал Фр. Энгельс во «Франкском диалекте».

Успешно использовали язык, как исторический источник, русские ученые. Еще Ф. И. Буслаев пользовался языковыми и фольклорными материалами для освещения древнейшей культуры русского народа.¹ «Неисправимым» историком был в своих лингвистических работах знаменитый А. А. Шахматов.² Характеризуя преобладающее направление научных интересов Шахматова, С. П. Обнорский пишет: «Шахматов на всем протяжении своей деятельности был историком русского языка, будучи всегда по общим своим устремлениям историком народа... И как лингвист, и как литературовед А. А. Шахматов всегда вместе с тем был историком в широком смысле, историком русской культуры, историком русского народа».³ «В изучении истории русского языка Шахматов с годами все более и более становился историком русского народа».⁴

Широко привлекает языковые материалы в своих исторических работах известный грузинский историк И. А. Джавахишвили.⁵

Особое место занимают палеонтологические работы Н. Я. Марра, оригинальные и смелые по методу, основанные на материалистическом учении о языке как идеологической надстройке, и правильном марксистском понимании исторического процесса, пытающиеся проникнуть в глубочайшую древность человечества и культуры.⁶ Было бы однако ошибочно думать, что палеонтология речи как увязка языка с историей общества и культуры применима только к древнейшим эпохам, что она исключает привлечение языковых данных для решения частных этногонических и историко-культурных вопросов, относящихся к позднейшим эпохам и касающихся одного конкретного народа или племени. Это так же неверно, как думать, что общая геология земли исключает частную геологию отдельных областей земного шара. Но несомненно, с другой стороны, что методические приемы общей палеонтологии речи и приемы частной палеонтологии отдельных языков не могут быть одинаковыми. Последняя разрабатывает историю языка-народа на ограниченном отрезке времени, именно за тот период, когда данный народ оформился и обособился как самостоятельное этническое образование, со своими особыми этнокультурными и языковыми признаками. Эти признаки, в части языка, устанавливаются сравнительной грамма-

¹ См., в особенности, т. I «Исторических очерков развития русской народной словесности и искусства» (М., 1861).

² См., напр.: К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей, 1899; Очерк древнейшего периода истории русского языка, 1915; Древнейшие судьбы русского племени, 1919.

³ Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., V, 1946, вып. 2, стр. 77, 78.

⁴ Там же; вып. 5, стр. 427.

⁵ История грузинского народа, I, II, 1914; История грузинского права, I—II, 1928; Экономическая история Грузии, ч. I, 1930, ч. II, 1935 (все на грузинском языке); Государственный строй древней Грузии и древней Армении, 1905 (на русском языке).

⁶ См.: Избранные работы I—V, passim.

тикой данной группы языков. Отсюда вывод: привлечение языка при разработке энтогенеза и истории отдельного народа или группы родственных народов должно неизменно опираться на данные сравнительно-исторического языкознания и генеалогической классификации языков. «Материя и форма родного языка, — писал Энгельс, — становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки».¹ Вне этих рамок всякие предположения и выводы рискуют оказаться висящими в воздухе.

Чтобы служить историческим источником, язык сам должен стать предметом истории. От истории языка к языку истории — таков естественный путь лингвиста-историка, такова неизбежная логика его исследовательской работы. Язык, который не имеет более или менее разработанной истории, представляет как исторический источник лишь ограниченную ценность.

Какое положение занимает в этом отношении осетинский язык? Оказывается — вполне благоприятное. Его место среди языков мира прочно установлено. Его исторические связи выяснены с большой полнотой. Мы имеем в настоящее время полное основание определить глоттогенез осетин краткой формулой: осетинский язык — это иранский язык, формировавшийся на кавказском субстрате. Несмотря на недостаток старых письменных памятников, прошлое осетинского языка, вскрываемое инструментом сравнительно-лингвистического анализа, поддается обозрению на протяжении более 2000 лет. Мы видим, как в течение этого огромного периода язык жил, развивался, изменялся и как в жизни языка отражалась жизнь народа.

Для нации, не имевшей до XIX в. развитой письменности и письменной исторической традиции, это значит слишком много. Можно сказать без преувеличения, все, что мы знаем в настоящее время о происхождении осетин и об их древнейшей истории, основано на $\frac{9}{10}$ на данных языка. С большим основанием, чем многие другие народы, осетины могут сказать: «Наш язык есть также наша история».

Привлекая язык как исторический источник, мы можем, при благоприятных условиях, получить ответ на следующие три основных вопроса:

1. С какими другими культурно-языковыми образованиями связан, по своему происхождению, данный народ?

2. Какова была культура этого народа в количественном и качественном отношении, т. е. как с точки зрения объема или уровня этой культуры, так и с точки зрения ее характера и преобладающего направления?

¹ Анти-Дюринг, издание 1948 г., стр. 303.

3. С какими другими языками и народами имел исторические связи и сношения данный народ, какие культурные влияния он испытал с их стороны, а также какое влияние оказал сам на них?

Хотя работа по истории осетинского языка и связанных с ним языков весьма далека пока от завершения, тем не менее современное состояние осетинского и общего языкознания позволяет нам вынести ряд достаточно обоснованных суждений по каждому из приведенных вопросов, т. е. о происхождении осетин, об их культуре в прошлом и об исторических сношениях осетин с другими народами.

Мы попытаемся изложить в сжатом виде добытые наукой до настоящего времени результаты.

2. ИНДО-ЕВРОПЕЙСКАЯ СИСТЕМА

Уже первые исследователи, посетившие Осетию в конце XVIII и начале XIX ст., обратили внимание на то, что осетины, имея много общего с соседними кавказскими народами по внешнему типу, одежде, образу жизни, нравам и обычаям, резко отличаются от них по языку. Более основательное знакомство с осетинским языком вскрыло интересный и несколько неожиданный факт: осетины по своему языку оказались родственны не кавказским (яфетическим) народам, как чеченцы, кабардинцы, абхазы, грузины, дагестанцы, не тюркским, как балкарцы, карачаевцы, кумыки, азербайджанцы, а народам Европы, Ирана и Индии, народам так называемой индо-европейской системы.

Что представляет собою индо-европейский мир, к которому относятся осетины? Народы индо-европейской речи — это ряд народов древнего и нового мира, выступающих на арене истории со II тысячелетия до н. э. Они населяли с давних пор большую часть Индии, Иран, часть Средней и Малой Азии и почти всю Европу.

Индо-европейцы, это, во-первых, хетты, создавшие во II тысячелетии до н. э. крупнейшее государство в Малой Азии. Далее — индийцы и иранцы, древние греки, римляне, кельты; славянские народы: русские, украинцы, белоруссы, поляки, чехи, сербы, хорваты, болгары и др.; балтийские народы: литовцы, латыши; германские народы: немцы, англичане, шведы, норвежцы, голландцы; наконец, романские народы: французы, итальянцы, испанцы, португальцы.

Одиночными представителями самостоятельных ветвей индо-европейской системы являются тохарцы в Восточном Туркестане (народ, исчезнувший еще в средние века), армяне в Закавказье, албанцы на Балканском полуострове.

Мы видим, что индо-европейскую систему образуют народы, находящиеся около 4-х тысячелетий в поле зрения истории.

В антропологическом отношении они сильно различаются. Объединены эти народы в одну группу или «семью» по признаку языка. Ничто

не указывает на то, чтобы между ними была расовая близость. Индо-европейский мир — это культурно-историческое, а не расовое образование.

Памятники на индо-европейских языках сохранились со II-го тысячелетия до н. э., так что историю их удастся проследить документально на протяжении около 4000 лет.

Глубокий сравнительный анализ древнеиндийского (санскрита) древнеиранского, древнегреческого, латинского, древнегерманских, древнеславянского и других языков этой группы, произведенный в начале прошлого столетия Францем Боппом и его преемниками, вскрыл чрезвычайную близость между этими языками, как по составу слов, так и по всей грамматической структуре. Казалось, что древние индо-европейские языки представляют наречия или диалекты одного языка. Как можно объяснить такую близость между языками, раскинутыми на огромном пространстве и не имевшими между собой, в большинстве, никакого общения? Не могло быть и речи о том, чтобы такая разительная близость могла получиться случайно и независимо в каждом месте. Единственно возможное объяснение, предложенное Н. Я. Марром, заключается в предположении, что индо-европейские языки образовались в результате длительного процесса постепенного схождения и укрупнения многочисленных мелких и раздробленных доисторических племенных и языковых образований.

Процесс образования и распространения первоначальных индо-европейских языков произошел в доисторические времена и не засвидетельствован никакими памятниками. Поэтому вопросы о том, как происходило это распространение, какие племена были первоначальными носителями индо-европейской речи, где жили эти племена — остаются до сих пор открытыми. Несомненно одно, что распространяясь на новые места, племена эти интенсивно смешивались с местным населением и воспринимали элементы его языка и культуры. Ниже мы увидим, что осетинский язык как раз прекрасно иллюстрирует этот процесс: распространившись на определенной территории Кавказа, индо-европейский осетинский язык, сам, в свою очередь, подвергся влиянию местных кавказских языков, а осетины-иранцы, как о том говорит их современный антропологический тип, смешались с местным населением.

3. ИРАНСКАЯ ГРУППА

Осетинский язык относится к одной определенной ветви индо-европейских языков — к иранской. Это с полной очевидностью показал В. Миллер,¹ а вслед за ним Гюбшман.²

Действительно, даже при поверхностном знакомстве с осетинским языком, можно было видеть, что, имея черты, общие всем индо-евро-

¹ В. Миллер. Осетинские этюды, I—III, М., 1881—1887.

² Н. Н ü b s c h m a n n. Etymologie und Lautlehre der Ossetischen Sprache. Strassburg, 1887.

пейским языкам, он обнаруживает в то же время ряд особенностей, свойственных, среди всех индо-европейских языков, только иранским.

К иранской ветви относятся, кроме осетинского, языки: персидский, курдский, татский, таьшский, афганский, белуджский, ряд иранских языков Припамирья (шугнанский, ваханский и др.), таджикский, ягнобский. Кроме того, сохранились памятники от нескольких уже мертвых языков: древнеперсидского и авестийского (примерно VI—IV вв. до н. э.), сакского, пехлевийского, согдийского, хорезмийского. Последние языки, в отличие от авестийского и древнеперсидского, могут быть названы „среднеиранскими“.

Имеется также достаточно оснований считать, что иранскими были языки древних скифов и сарматов, населявших когда-то юг России (см. ниже).

Таким образом, история иранских языков прослеживается на протяжении около 3000 лет. Из других индо-европейских языков ближе всего к иранским стоят индийские. Особенно велика близость древнеиранских языков к древнеиндийскому (санскриту).

Осетинский язык, территориально давно уже оторванный от остального иранского мира, занимает в нем обособленное место и, по многим своим признакам, противостоит всем остальным новоиранским языкам. Все же по ряду признаков осетинский язык можно отнести к одной определенной группе иранских языков, которую можно назвать северовосточной.

Сюда относятся, во-первых, предполагаемые языки скифов и сарматов, которые, как можно думать, были в ближайшем родстве с осетинским.

Далее согдийский и ягнобский, хорезмийский, сакский, и, наконец, языки Припамирья и афганский.

Благодаря архаизму форм осетинского языка и необычайной сохранности в нем старого иранского наследия, в ряде случаев более показательными оказываются параллели осетинского языка с древнеиранскими (авестийским и древнеперсидским), а также с древнеиндийским (санскритом), чем с любым из живых иранских языков.

В настоящей работе, рассчитанной на широкий круг читателей, мы не можем вдаваться в изложение всего того сравнительно-лингвистического материала, которым устанавливается принадлежность осетинского языка к иранской группе индо-европейской системы. Усвоение этого материала требует некоторой специальной подготовки. Интересующиеся могут обратиться к упомянутым работам Вс. Миллера. Здесь мы отметим только, что определение того места, которое занимает данный язык среди других родственных языков, производится на основе выработанных сравнительным языкознанием весьма точных методов. Самое родство определяется не случайным сходством отдельных слов или форм, а целой системой строго закономерных соответствий, охватывающих весь строй сравниваемых языков: фонетику, морфологию, лексику, семантику, синтаксис. Особенной выдержанностью и строгостью отличаются обычно соответствия фонетические, т. е. звуковые. В силу этой выдержанности им дают даже наименование «звуковых законов». Зная зву-

ковые законы, определяющие соответствие между несколькими родственными языками, мы, на основании данной формы одного языка, можем зачастую угадать, как должно было звучать это слово в другом языке. Так, зная, что древнеиранскому звуку *p* в начальном положении отвечает в осетинском языке звук *f*, мы можем уже утверждать с уверенностью, что древнеиранское *pātha* 'стрела' должно было дать в осетинском *fat*. др. иран. *pāda* 'нога' — ос. *fad*; др. иран. *pathana* 'широкий' — ос. *fætæn* и т. п. Точно также, зная фонетическую особенность осетинского, по которой звук *r* в группе из двух согласных перескакивает со второго места на первое, мы принимаем, как закономерное, что древнеиранское *brāta* 'брат' дало в осетинском *ærvad*, др. иран. *abra* 'облако' — ос. *arv* 'небо', др. иран. *traya* 'три' — ос. *ærtæ*, др. иран. *dru* 'волос' — ос. *ærdi*, др. иран. *druna* 'лук' — ос. *ærdunæ*, др. иран. *udra* 'выдра' — ос. *urd* и т. п.

Эти закономерные соответствия, если их рассматривать исторически, сводятся к закономерности изменений, которые претерпевают звуки и слова в процессе исторической жизни языка. В ходе этих изменений одни и те же слова могут в двух родственных языках разойтись по своему внешнему виду весьма далеко друг от друга и от своего прототипа; настолько, что только лингвистическим анализом удается установить их первоначальное единство. Поэтому судить о родстве двух языков по одному только внешнему сходству некоторых слов весьма рискованно и может повести к печальным ошибкам.

Важно не впечатление внешнего звукового сходства, а важно, чтобы звуковые отношения в сравниваемых словах соответствовали установленным для этих языков звуковым законам. Так, можно доказать с математической точностью, что осетинское *zærdæ* 'сердце' и персидское *dil* 'сердце', или латинское *equus* и греческое *ἵππος* 'лошадь' представляют по происхождению одно и то же слово. Тогда как, скажем, английское *bad* 'плохой' и персидское *bad* 'плохой' не имеют, повидимому, между собой ничего общего.

4. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОСНОВНОГО ЛЕКСИЧЕСКОГО ФОНДА ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

Изложение всей системы отношений осетинского языка к индо-европейским и специально к иранским языкам завело бы нас слишком далеко. Поэтому мы ограничимся приведением некоторых, более простых и наглядных фактов, которые красноречиво свидетельствуют о принадлежности осетинского языка к индо-европейской семье, а также указывают место, занимаемое им в этой семье.

Отношения родства между языками выявляются, как мы выше отмечали, во всем строе языка, т. е., с одной стороны, в словарных сходжениях, с другой — в грамматической структуре: в фонетике, морфологии, синтаксисе. Мы остановимся, преимущественно на первых, словарных фактах, как более бросающихся в глаза и доступных оценке даже неспециалиста.

Человеческая речь состоит из слов-понятий, количество которых в различных языках колеблется от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч, в зависимости от богатства и культурного уровня языка.¹

Каждое из этих слов представляет своего рода исторический документ, свидетельствующий либо о происхождении народа, либо о его сношениях с другими народами.

¹ Утверждение некоторых старых авторов, что язык «дикарей» состоит всего из нескольких сот слов, основано на недоразумении. Таких «дикарей» не существует в природе.

Легко заметить, что для суждения о происхождении языка-народа не все слова равноценны. Есть в языке слова-понятия, потребность в которых возникает только в определенных условиях географии, естественной среды, хозяйственного и культурного развития. В словаре эскимоса мы не найдем слов «лев», «крокодил», или «баобаб», так как слова эти не нужны ему. Точно также житель тропиков не испытывает особых неудобств от отсутствия в его языке понятий «тюлень», «морж» или «северное сияние». Наши предки в прошлом веке не знали слов «кино», «радио», «фашизм», поскольку не было еще соответствующих реалий.

Но есть в языке известный ограниченный круг слов-понятий, без которых нельзя себе мыслить ни одно человеческое общество, в каких бы широтах оно не жило и какова бы ни была его культура, техника, экономика.¹ До сих пор не обнаружено народа, который не умел бы называть некоторых частей тела: голову, руку, ногу, глаз, ухо, рот и пр.; не имел бы слов для обозначения главнейших космических понятий, как небо, солнце, луна, звезда, земля, вода, день, ночь и т. п.; не знал бы некоторых терминов родства и социальных отношений: мать, брат, сестра, сын, дочь и др.; не отличал бы в языке черного от белого, горячего от холодного, большого от малого, старого от молодого и т. п.; не умел бы считать хотя бы до десяти, до пяти или до трех; не пользовался бы местоимениями: «я», «ты», «мы», «вы», «кто», «что» и др.; не выражал бы в языке самых элементарных действий и состояний: «стоять», «лежать», «идти», «кушать», «пить», «рождать», «умирать», «смотреть» и др.

Перечисленные категории абсолютно необходимых в любом обществе слов-понятий образуют основной, неотчуждаемый, «общечеловеческий» фонд языка, по сравнению с которым другие категории слов, нужных обществу только в данных условиях природы, хозяйства и культуры, могут рассматриваться как фонд «специальный», конкретно-исторический. Язык в своей истории может сильно изменять, обогащать или терять свой «специальный» фонд, не переставая быть самим собой, тогда как потеря основного фонда была бы для языка равносильна катастрофе. Обогачительный фонд может в самых широких размерах пополняться за счет усвоения из других языков, тогда как заимствование в основном фонде слов-понятий возможно лишь в весьма ограниченных размерах.

Понятно само собою, что когда мы по фактам языка хотим доискаться до происхождения народа и выяснить, с какими другими народами он стоит в первоначальном родстве, мы должны главное наше внимание обратить на те категории слов, которые входят в основной

¹ Мы не говорим, разумеется, о самых начальных ступенях развития человеческой речи, которые лежат за пределами нашего зрения и могут быть лишь предметами смутных догадок и гипотез.

Фонд, а не в обогатительный: на названия частей тела; на главнейшие космические названия; на обозначения родства; на обозначения общераспространенных различений цвета, величины, пола, возраста и т. п.; на числительные хотя бы первого десятка; на местоимения; на употребительнейшие глаголы (обозначения действий и состояний). В осетинском большинство слов этого круга идет из индо-европейского.

Чтобы не быть голословными, приведем несколько иллюстраций.¹

Названия частей тела

голова: ос. *sær* = др. иран. *sarah*, др. инд. *śiras*, перс. *sar*, ягноб. *sar*, то же в других иранских языках, сюда же армян. *sar* 'высота', 'верхушка', греч. (Гомер) *χαρ* 'голова';

глаз: ос. *cæst* = др. иран. *časman*, перс. *čašm*; более старую форму этого слова осетинский сохранил в слове *casm* 'петля';

бровь: ос. *ærfyġ* | *ærfug* (перестановка из **frug*, см. выше, стр. 15) = др. иран. *bru*, др. инд. *bhru*, перс. *abru*, шугнан. *wruγ*, греч. *ὄφρῦς*, русск. *бровь*, др. англ. *brú*;

ухо: ос. *qus* | *ġos* = др. иран. *gauša*, др. инд. *ghōṣa*, перс. *gōš*, вахан. *γῦš*;

рот: ос. *kom* = перс. *kām* 'небо', англосакс. *gomā*, нем. *Gaumen*, 'небо';

зуб: ос. *dændag* = др. иран. *dantā*, др. инд. *dantī*, перс. *dandān*, вахан. *dündük*, лат. *dens dentis*, греч. *ὀδών ὀδόντος*;

язык: ос. *ævzag* = др. иран. *hižvā*, язгулем. *zūveg*, пехл. *uzvān*, перс. *zabān*;

рука: ос. *arm* = др. иран. *arma*, др. инд. *īrma*, согд. *arm*, нем. *Arm*;

нога: ос. *fad* (чаще в сложных словах: *fadqul* 'лодыжка', *wælfad* 'подъем ноги' и др.; частично вытеснено неиранским *kʼax*) = др. иран.

¹ Мы даем в первую очередь соответствия древнеиранские (авестийские и древнеперсидские) и древнеиндийские (санскритские), засвидетельствованные в памятниках VIII—III вв. до н. э., привлекая в отдельных случаях также факты других иранских и индо-европейских языков. Древнеиранские слова мы даем в «нормализованном» виде, т. е. устраняя графические и фонетические особенности, свойственные только авестийскому или только древнеперсидскому.

Древнеиранский и древнеиндийский стоят между собою в особо тесном родстве и под названием арийских языков объединяются в одну группу. Наименование «арийский» иногда применяется ко всем индо-европейским языкам, но это — неверно, так как из индо-европейцев только древние иранцы и индийцы называли себя *arya* «арийцами», т. е. «детьми неба» (от корня *ar* 'небо'). Мы будем в дальнейшем употреблять термин «арийский» только в его точном значении, т. е. в смысле «индо-иранский». Мы будем привлекать оба диалекта осетинского языка, иронский и дигорский. Две осетинские формы, разделенные вертикальной чертой, являются у нас первая иронской, вторая дигорской. Диалект одиночных форм указывается («ирон.» или «диг.»). Формы без обозначения диалекта являются общеосетинскими.

Все приводимые ниже соответствия опираются на наиболее надежные и проверенные данные индо-европейской сравнительной грамматики и лексикологии. Сомнительных и натянутых сближений мы абсолютно избегали.

pāda, др. инд. *pāda*, белудж. *pād*, лат. *pes pedis*, греч. πῶς ποδός, гот. *footu*, англ. *foot*;

кость: ос. *æstæg* = др. иран. *asti*, *asta*, инд. *asthi*, хеттск. *haštāi*, лат. *os ossis*;

сердце: ос. *zærdæ* = др. иран. *zardaya*, белудж. *zirdé*, сарыкол. *zard*, русск. *сердце*, арм. *sirt*, греч. καρδιά, лат. *cor cordis*, гот. *hairto*;

печень: ос. *igær* = др. иран. *yakar*, перс. *jigar*, латин. *jecur*;

мозг: ос. *maǰz* (перестановка из **mazg*) = др. иран. *mazga*, русск. *мозг*;

жила: ос. *niar* | *nawær* = др. иран. *snāvar*, др. инд. *snāvan*, греч. νεῦρον;

пупок: днг. *naffæ* = др. иран. *nāfa*, др. инд. *nābhi*, пехл. *nāfak*, белудж. *nāfaγ*, перс. *nāf*, англосакс. *nafu*, нем. *Nabe*.

Иранскими по происхождению оказываются также слова: *carm* 'кожа' (= др. иран. *čarman*); *qwyn* | *ǰūn* 'волосы' (= др. иран. *garma*, персид. *gūn* 'цвет', афган. *γūna*); *ærdū* | *ærdo* 'волос' (= др. иран. *drū*); *qis* | *ǰesæ* 'щетина' (= др. иран. *gaisu*, пехл. *ges*, перс. *gīs*); *nyx* 'ноготь' (= др. инд. *nakha*, перс. *naxin*, греч. ὄνυξ ὄνυχος); *song* 'рука' (= перс. *čang* 'лапа'); *wæxsk* 'плечо' (= др. инд. *vaksas*); *zomyg* 'колено' (= др. иран. *zānu*, пехл. *zānūk*, афг. *zāngūn*, лат. *genu*, хетт. *kenu*); *sin* | *suǰnæ* 'бедро' (= др. инд. *śrōṇi*, вахан. *šunj*, шугнан. *šaun*); *bazyg* | *bazug* 'предплечье' (= др. иран. *bāzi*, др. инд. *bāhi*, перс. *bāzū*, алан. *Bazuk* собственное имя); *bazyr* | *bazur* 'крыло' (= др. иран. **bāzura*); *zæng* | *zængæ* 'голень' (= др. иран. *zānga*, пехл. *zang*, др. инд. *jaṅghā*); ос. *ron* 'пояс' (= др. иран. *rāna*, перс. *rān* 'бедро'); *fars* 'бок' (= др. иран. *parsu*, др. инд. *parśu* 'ребро'); *faxs* 'сторона', 'бок' (= др. инд. *paṅsa*); *wyrg* | *urg* 'почка' (= др. инд. *vṛkkaṃ*, вахан. *velk*) и некоторые другие.

Названия космических тел и явлений

солнце: ос. *xur* | *xor* = др. иран. *hvar*, перс. *xōr xwar*, др. инд. *surya*,¹ лат. *sol*, русск. *солнце*;

небо: ос. *arv* (перестановка из **avr*) = др. иран. *abra awra*, др. инд. *abhra* 'облако', пехл. *awr*, курд. *awr*, перс. *abr* 'облако', греч. ἀφρός 'пена';

луна: ос. *mæj* = др. иран. *mah*, др. инд. *mas*, русск. *месяц*;

звезда: ос. *si'aly* | *si'alu* = др. иран. *star*, др. инд. *star*, хетт. *šittar*, лат. *stella*, греч. ἀστήρ, нем. *Stern*, арм. *astk*;

¹ Одна из фонетических особенностей иранской группы состоит в том, что общендо-европейскому звуку *s* отвечает в иранском *h*, напр., др. инд. *setu* = др. иран. *haitu* = ос. *xid* | *xed* 'мост' и т. п.

год: ос. *az* (из **azm*) | *anz* = др. иран. *āsmān*, др. инд. *āśmān* 'небо';

прошлый год: ос. *faron* | *faræ* = др. инд. *parut*, перс. *pār*, греч. *πέροτι*, средне-верхнем. *vert*;

весна: ос. *walzæg* (из **war-ǰæg*), = др. иран. *vahāra*, др. инд. *vasara*, перс. *bahār*, греч. *ἔαρ*, лат. *ver*;

лето: ос. *særd* = др. иран. *sarda*, др. инд. *śarad*, пехл. *sard* (ср. арм. заимствован. *navasard* 'новый год'), перс. *sal*;

осень: ос. *fæzzæg* (из *fæz-ǰæg*) = иран. *patiz*;

зима: ос. *zutmæg* | *zutmæg* = др. иран. *zima*, др. инд. *hima*, перс. *zimistān*, русск. *зима*, лат. *hiems*;

земля: ос. *zæxx* | *zænxe* (из **zæm-x*) = др. иран. *zam*, русск. *земля*;

облако: ос. *miǰ* | *meǰ* = др. иран. *maigha*, др. инд. *mēgha*;

ветер: ос. *wad* = др. иран. *vāta*, др. инд. *vāta*, русск. *ветер*, перс. *bād*;

дождь: ос. *waryn* | *warun* = др. иран. *vār*, перс. *bārān*;

вода, река: ос. *don* = др. иран. *dānu*, др. инд. *dānu* 'роса'; более распространенное иранское название воды *āp* сохранилось в слове *avg* 'стекло';

лед: ос. *ix* | *ex* = др. иран. *aixa*, перс. *jax*, курд. *jex*;

пена: ос. *fynk* | *finkæ* = др. инд. *phena*, русск. *пена*, *пенка*;

день: ос. *bon* = др. иран. *bānu*, др. инд. *bhānu* 'свет';

полдень: дигор. *ræftæ* (ср. ирон. *bon-ræfty* 'днем') = др. иран. *rap:θva*;

утро: ос. *sæw* (*sæw-mæ* 'утром') = др. иран. *sava*;

вечер: ос. *yzæf*, *izæf* = др. иран. *uzar*;

ночь: ос. *xsæw* | *æxsæw* = др. иран. *xšapa*, др. инд. *kṣapā*, мунджан. *xšáwa*, курд. *šew*, перс. *šab*;

заря: ос. *xsid* | *æxsed* = др. иран. *xšaita*, др. инд. *kṣeta*;

свет: ос. *ruxs* | *roxs* = др. иран. *rauhsna*, др. инд. *rukṣa*, лат. *lux*, русск. *луч*;

мрак: ос. *tar*, *talyng* (из **tar-ying*) = др. иран. *tātra*, перс. *tār tārik*, афг. *tōr*.

С космическими понятиями «света» и «мрака» древние иранцы связывали абстрактные понятия «истинь» и «лжи»:

истина: ос. *æcæg* = др. иран. *hatyaka*, ср. авест. *hatya*, др. перс. *hašya*, др. инд. *satya*;

ложь: ос. *mæng* = лат. *men*-в таких словах, как *mentior* 'я лгу', *mendax* 'лживый'.

Термины родства

мать: ос. *mad* | *madae* = др. иран. *mātā*, др. инд. *mātā*, перс. *mādar*, русск. *мать*, лат. *mater*, греч. *μήτηρ*, нем. *Mutter*;

отец: ос. *fyd* | *fidæ* = др. иран. *pitā*, др. инд. *pitā*, скиф. Φίδας (собств. имя), перс. *pedar*, лат. *pater*, греч. πατήρ, нем. *Vater*;

сын: ос. *fyrt* | *furt* = др. иран. *pušra*, др. инд. *putra*, скиф. Φούρτας, аланск. фурт (в Зеленчукской надписи);

дочь, девушка: ос. *dyǰd* | *duǰd* (сохранилось только в *xo-dyǰd* 'золовка') = др. иран. *duǰdā*, др. инд. *duhitā*, перс. *duxtar*, нем. *Tochter*;

брат: ос. *ærvad* | *ærvadæ* (перестановка из **orad*), = др. иран. *brātā*, др. инд. *bhrātā*, перс. *barādar*, русск. *брат*, лат. *brater*, греч. φράτωρ, нем. *Bruder*;

сестра: ос. *xo*, *xæra* (в *xæra-fyrt* 'сын сестры') | *xwæra* = др. иран. *hwāhar*, перс. *xwāhar*, курд. *xor*, др. инд. *svasar*;

дети, потомство: ос. *zænæj*, ср. др. иран. *zan*, др. инд. *jan* 'рождать', *jana* 'род', русск. *жена*, греч. γένος 'род', лат. *gens*, *genus* 'род'; другую разновидность того же корня находим в ос. *zajun* | *zajun* 'рождать', *zæje* 'потомство', ср. др. иран. *zā(y)*, др. инд. *jā(y)* 'рождать'.

К терминам социально-семейного круга можно отнести также:

ос. *not* 'имя' = др. иран. *nāma*, др. инд. *nāma*, перс. *nām*, афг. *nōm*, греч. ὄνομα, лат. *nomēn*, франц. *nom*, нем. *Name*;

ос. *tuggag* | *tuggag* 'фамилия' (от *tug* | *tugæ* 'сперма', 'семя'), ср. лат. *mucus* 'слизь';

ос. *bun* | *bun* 'наследство', также 'основание' (отсюда *binontæ* 'семья') = др. иран. *buna*, перс. *bun*.

Обозначения пола, возраста, величины, цвета и пр.

самец: ос. *næl* = др. иран. *nar*, др. инд. *nar*;

самка: ос. *syl* | *silæ* = др. иран. *strī*, др. инд. *strī*;

старый: ос. *zæronð* = др. иран. *zarant*, др. инд. *jarant*, скиф. Ζάρανδος (собств. имя), греч. (род. пад.) γέροντος;

новый: ос. *næwæg* = др. иран. *nava*, др. инд. *nava*, перс. *nau*, скиф. Νάναχος (собств. имя), русск. *новый*, лат. *novus*, греч. νέος, нем. *neu*; без суффикса *-æg* ос. *næw* значит 'молодая трава', 'дерн';

старший: ос. *xister* | *xestær* = согд. *xveštar*;

младший: ос. *kastær* = др. иран. *kasu-tara* 'меньшой', от *kasu* 'мальи́й', согд. *kaštar*;

большой: ос. *styr* | *stur* = др. инд. *sthūra*;

малый: ос. *k'anæg* = др. иран. *kanya*;

высокий: ос. *bærzond* = др. иран. *barzant*, др. инд. *bṛhant*, нем. *Berg* 'гора';

тонкий: ос. *tenæg* = др. инд. *tanu*, русск. *тонкий*, лат. *tennis*, греч. ταναός 'вытянутый', нем. *dünn*;

длинный: ос. *darǰ* = др. иран. *dargha*, др. инд. *dīrgha*, русск. *долгий*;

широкий: ос. *fætæn* = др. иран. *pathana*;

прямой: ос. *rast* = др. иран. *rāsta*, перс. *rāst*, лат. *rectus*, нем. *recht*;

острый: ос. *cyrġ* | *cirġ* (перестановка из **cigr*) = др. иран. *tigra*;

теплый: ос. *qarm* | *ġarm* = др. иран. *garma*, др. инд. *gharma*, перс. *garm*, лат. *formus*, греч. θερμός, нем. *warm* (из *gwarm*);

горячий: *tævd* (от *tavyn* 'греть') = др. иран. *tapta* (прош. причастие от глагола *tap*, русск. *монить*);

мерзлый: ос. *sald* (прош. прич. от *sælyn* 'мерзнуть') = др. иран. *sarta*, перс. *sard*;

белый: ос. *urs* | *ors* = др. иран. *auruša*, др. инд. *aruša*;

черный: ос. *saw* = др. иран. *syāva*, др. инд. *śyāva*, перс. *siyāh*;

красный: ос. *syra* | *surx* (перестановка из **suxr*) = др. иран. *suxra*, др. инд. *śukra*, перс. *surx*, скиф. Σορξαχος (собств. имя);

голубой, темносерый: ос. *æxsin* (отсюда *æxsinag* 'голубь') = др. иран. *axšaina*;

чистый: ос. *syġdæg* | *suġdæg* (от *sudzyn* 'гореть', буквально 'очищенный огнем') = др. иран. *suxta*, от корня *suk*, *suč* 'гореть'; от этого же корня образованы: *ræsuġd* 'красивый', *ræsuġ* 'прозрачный', *syra* 'красный', *suġ* 'дрова' ('то, что горит');

голый: ос. *bæġnæg* (из **mæġnæg*) = др. иран. *maġna* (из *nagna*, ср. русск. *нагой*);

Числительные

один: ос. *iw* | *ew* = др. иран. *aiva*, памир. *iw*;

два: ос. *duwæ* = др. иран. *duva*, др. инд. *duva*, *dva*, перс. *dō*, русск. *два*, лат. *duo*, греч. δύο;

три: ос. *artæ* (перестановка из **træ*) = др. иран. *θraya*, др. инд. *traya*, русск. *три*, лат. *tres*, греч. τρεῖς, нем. *drei*;

четыре: ос. *cyppar* | *suppar* = др. иран. *čatvar*, др. инд. *čatvar*, русск. *четыре*, тохар. *čtwar*;

пять: ос. *fonz* = др. иран. *pañča*, др. инд. *pañča*, перс. *panj*, греч. πέντε;

шесть: ос. *xsaæg*, *æxsaæg* = др. иран. *xšvaš*, др. инд. *ṣaṣ*, перс. *šaš*, лат. *sex*, нем. *sechs*;

семь: ос. *avd* = др. иран. *hapta*, перс. *haft*, алан. *аβδ* (в названии г. Феодосии Арδαβδз), согд. *avd*, ягноб. *avd*, др. инд. *sapta*, лат. *septem*, греч. ἑπτά;

восемь: ос. *ast* = др. иран. *aštā*, др. инд. *aṣṭā*, перс. *hašt*, согд. *ašt*, ягноб. *ašt*, лат. *octo*, нем. *acht*;

девять: ос. *næw* (удержалось только в дигорском *næw-dæš* 'девятнадцать'; для 'деяти' создано новообразование *far-ast* букв. 'за восемью') = др. иран. *nava*, др. инд. *nava*, русск. *девять*, (из **nevam*). лат. *novem*, нем. *neun*;

десять: ос. *dæs* = др. иран. *dasa*, др. инд. *daśa*, согд. *das*, ягноб. *das*, арм. *tasn*, русск. *десять*, лат. *decem*, греч. *δέκα*;
 одиннадцать: ос. *iwændæs* | *ewændæs* = др. иран. *aivandasa*;
 двенадцать: ос. *duwadæs* = др. иран. *dvadasa*;
 семнадцать: ос. *ævdæs* = др. иран. *haptadasa*;
 восемнадцать: ос. *æstdæs* = др. иран. *aštadasa*;
 девятнадцать: ос. *nudæs* | *næwdæs* = др. иран. *navadasa*;
 двадцать: ос. *yssæz* | *insæj* = др. иран. *viñsati*, ср. скиф. *Ἴνσάζαρος* (собств. имя).

Древние иранцы, как и все индо-европейцы, вели счет десятками. Этот счет был когда-то и у осетин. Но впоследствии они, под влиянием соседних кавказских народов, издавна ведущих счет двадцатками, восприняли двадцатичный счет.

Однако десятичный иранский счет удержался у пастухов в Дигории, а также у балкарцев, воспринявших его у осетин; наименование десятков в этом счете обычно соответствует древнеиранским.

тридцать: ос. *ærtin*, (перестановка из **trin*) = др. иран. *trinsat*, лат. *triginta*;

сорок: ос. *suppor*, более старое *suppors* = др. иран. *catvārinsat*;

семьдесят: ос. *ævdaj* = др. иран. *haptāti*;

восемьдесят: ос. *æstaj* = др. иран. *aštāti*;

девяносто: ос. *nævæz* = др. иран. *navati*;

сто: ос. *sædæ* = др. иран. *satam*, др. инд. *śatam*, перс. *sad*, русск. *сто*, лат. *centum*, греч. *ἑκατόν*;

тысяча: ос. *ærzæ* (из **æzræ*, встречается только в эпосе), др. иран. *hazakra*, перс. *hazar*;

множество: ос. *biræ* | *bewræ* = др. иран. *baivar*, перс. *bēvār*.

Местоимения

я: ос. *æz* = др. иран. *ažam*, курд. *āz*, талыш. *az*, др. слав. *az*, др. инд. *aḥam*, лат. *ego*;

меня, мой: ос. *mæp* = др. иран. *mana*, перс. *man*, русск. *меня*;

ты: ос. *dy* | *du* = др. иран. *tu*, *tvam*, др. инд. *tvam*, перс. *tū*, курд. *tu*, русск. *ты*, лат. *tu*, греч. *σύ*, нем. *du*;

тебя, твой: ос. *dæw* = др. иран. *tava*, русск. *твоей*;

мы, наш: ос. *max* = др. иран. *aḥmākam*, (др. перс. *amāham*), др. инд. *asmākam*, перс. *mā*;

вы, ваш: ос. *smax* = др. иран. *yušmākam*, перс. *šumā*;

нас, наш (краткая форма): ос. *næ* = др. иран. *nah*, др. инд. *nas*, русск. *нас*, лат. *nos*;

вас, ваш (краткая форма): ос. *wæ* = др. иран. *vah*, др. инд. *vas*, русск. *вас*, лат. *vos*;

сам: ос. *xædæg* | *xwædæg* (*mæ-xædæg* 'я сам', *dæ-xædæg* 'ты сам' и т. д.) = др. иран. *hvata*, др. инд. *svata*;

свой: ос. *xī* | *xe* = др. иран. *hvaī*, др. инд. *svayam*, русск. *свой*, лат. *suus*;

это: ос. *a* (обычно усиливается частицей *cy* | *ci*: *acy* | *aci*) = др. иран. *ā*, др. инд. *ā*;

го: ос. *u* | *o* (*uci* | *oci*) = др. иран. *ava*, др. инд. *ava*;

кто: ос. *čī* (из *kī*) | *ka* = др. иран. *ka*, др. инд. *ka*, перс. *ke*, русск. *кто*, литов. *kas*, лат. *qui*;

что: ос. *cy* | *ci* = др. иран. *cit*, перс. *či*, русск. *что*;

другой: ос. *ændær* = др. иран. *antara*, сак. *handara*, нем. *ander*;

другой: ос. *annæ innæ* = др. иран. *anya*, русск. *иной*.

Образованные от местоимений наречия восходят также к древнеиранским прототипам: *am* 'здесь' (= др. иран. *ahmi*), *um* | *omi* 'там' (= др. иран. *avahmi*), *kæt* 'где' (= др. иран. *kahmi*), *aftæ* | *otæ atæ* 'так' (= др. иран. *avatha*, *atha*), *kæd* 'когда' (= др. иран. *kada*), *wæd* 'тогда' (= др. иран. *avada*) и др.¹

Употребительнейшие глаголы²

жить: ос. *særyn* | *særun* || др. иран. *čar*, др. инд. *čar* 'бродить', 'кочевать', 'пасти скот';

умирать, убивать: ос. *mælyn* | *mælyn*, *maryn* | *marun* = др. иран. *mar*, *mār*, др. инд. *mṛ*, *mār*, перс. *murdan* 'умирать', *mard* 'смертный', 'человек', русск. *мереть*, *морить*, лат. *morior* 'я умираю', нем. *Mord* 'убийство'; сюда же ос. *marg* 'яд' = др. иран. *marka*;

рождать: ос. *zajyn* | *zajun* = др. иран. *zā*, др. инд. *jā*;

стоять: ос. *styn* | *stun* 'вставать', *stajyn* | *stajun* 'останавливаться' = др. иран. *stā*, др. инд. *sthā*, русск. *стоять*, лат. *sto stare*, нем. *stehen stand*;

идти: ос. *sæwyn* | *sæwin* = др. иран. *šyav*, др. инд. *čyav*, перс. *šudan*, памир. *cau*, *caw*;

лежать, спать: ос. *xwysyn* | *xissun* (из *xufs-un*) = др. иран. *xufs* (из *hup* + *s*), др. инд. *sup.*, русск. *спать*, греч. ὕπνος 'сон';

лежать, хворать: ос. *sæjyn* | *sæjun* = др. иран. *say*, др. инд. *śay* (ведийское *śaye* 'он лежит');

убегать: ос. *līzyn* | *lezun* = др. иран. *raič*, др. инд. *rič*, перс. *rēxtan rēz*;

гнать: ос. *tæryn* | *tærun* = др. иран. *tar*, др. инд. *tar*;

вязать: ос. *bættyn* | *bættun* (из *bændyn*, ср. *bændæn* 'веревка' и *ny-vændyn* 'мотать') = др. иран. *band*, др. инд. *bandh*, перс. *bastan band*, нем. *binden band*;

¹ Иранским является также наречие *nyr* | *nir* 'теперь' = др. иран. *nirat*, *nirat*, др. инд. *nipat*, русск. *ныне*, нем. *nun*.

² Древнеарийские глаголы мы даем в форме чистой основы.

ломать: ос. *scettyn* | *scettun* (из *scendyn*, ср. *scendæg* 'крошево' и *ysscendyn* 'топтать') = др. иран. *sčand*, др. инд. *skhad*, перс. *šikastan*;

держатъ: ос. *daryn* | *darun* = др. иран. *dār*, др. инд. *dhār*;

давать: ос. *daettyn* | *daettun* = др. иран. *dā dadā*, др. инд. *dā, dadā*, русск. *дамъ*, лат. *dare*;

есть: ос. *xæryn* | *xwærun* = др. иран. *hvar*, перс. *xwardan*;

сосать (вымя, грудь): ос. *dæryn* | *dærun* = др. инд. *dha* (*dhayati* 'он сосет'), русск. *доумъ*, арм. *diem* (ср. также арм. *dajeak* 'кормилица');

печь: ос. *fycyn* | *ficun* = др. иран. *pač*, др. инд. *pač*, перс. *puxtan paz*, русск. *печь*;

жечь: ос. *suzyrn* | *sozun* = др. иран. *sauč*, др. инд. *śoč*, перс. *sūxtan sūz*;

греть: ос. *tavyn* | *tavun* = др. иран. *tāp*, др. инд. *tāp*, русск. *монимъ*, *теплый*; отсюда же ос. *tævd* 'горячий', *æntæf* 'жара', *tæfsyn* 'нагреваться', 'лихорадить' (= др. иран. *tafs*, *tafsati* 'он нагревается', перс. *tafsīdan*);

кипятить: ос. *xsidyn* | *æxsedun* = др. иран. *xšait*;

течь: ос. *tæzyn* | *tæzun* = др. иран. *tač*, русск. *течь*;

таять: ос. *tajyn* | *tajun*, сюда же дигор. *certajun* 'купать', = др. иран. *tā*, русск. *таять*;

делать: ос. *kæryn* | *kærun* (из **kærnyn*) = др. иран. *karn*, др. инд. *kṛn*, перс. *kardan kun*;

местить: ос. *mæryrn* | *mærzun* = др. иран. *marz*, др. инд. *marj*;

чесать: ос. *fasyn* | *fasun* = лат. *pecto*, греч. *πέχω*;

мыть, купать: иран. *nažyn* = др. иран. *snā*, др. инд. *snā*, греч. *νάω* 'течь', лат. *nāre*; от этого же корня *snā* (*xšnā*) произошли, повидимому, ос. *æf-snažyn* 'убирать' и *xsyn* | *æxsnun* 'мыть';

мочиться: ос. *mižyn* | *mezun* = др. иран. *maiz*, др. инд. *meh*, перс. *māzīdan*;

лаять: ос. *ræžyn* | *ræžun* = др. иран. **ra(y)*, др. инд. *rā(y)*, курд. *reîn*, русск. *лаять*;

стонать: ос. *gæryrn* | *gærzun* = др. иран. *garz*, др. инд. *garj*;

петь: ос. *žaryn* | *žarun* = др. иран. *žar*, др. инд. *jar*; о птицах и пр. ос. *wasyn* | *wasun* = др. инд. *vaś*;

слушать: ос. *qusyn* | *iğosun* = др. иран. *gauš*, др. инд. *goṣ*.

смотреть: ос. *kæsyn* | *kæsun* = др. иран. *kas*, др. инд. *kās*; в *kæsyn* и в *caest* 'глаз' мы имеем один и тот же корень (*kas* || *čas*);

видеть: ос. *wynyn* | *winyn* = др. иран. *vain*, перс. *bin*;

писать: ос. *fyssyn* | *finsun* = др. иран. *pins*, перс. *navištān*, русск. *писать*, лат. *pingere*, *pictus* 'рисовать';

спрашивать: ос. *færsyn* | *færsun* = др. иран. *pars*, др. инд. *pr̥c̥h*, перс. *pursīdan* русск. *просить*, нем. *forschen* 'исследовать';

бояться: ос. *tærsyn* | *tærsun* = др. иран. *tars*, др. инд. *tarś*, *traś*, перс. *tarsīdan*, русск. *труситься*;

знать: ос. *zonun* | *zonin* = др. иран. *zān*, др. инд. *jān*, русск. *знать*.

Наш список можно было бы на много продолжить. Ниже, выясняя различные стороны древнеосетинской культуры и быта по данным языка, мы увидим, что они, одни в большей, другие в меньшей степени, обслуживались иранской лексикой, лишь частично обогащенной иными элементами.

5. КОРОТКО О ФОНЕТИКЕ, МОРФОЛОГИИ И СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Само собой разумеется, характеристика языка не исчерпывается его лексикой. Не меньший интерес с точки зрения происхождения языка представляют его фонетика, морфология, синтаксис. Мы не можем входить здесь в детальное рассмотрение этих сторон языка, как имеющих более специальный характер. Отметим лишь несколько лежащих на поверхности фактов, значение которых может быть оценено и лингвистом.

Звуковой состав осетинского языка может быть охарактеризован как промежуточный между индо-европейской фонетикой и фонетикой кавказских языков. Последние в этом отношении, как и в некоторых других, оказали на осетинский решающее влияние. Компромисс называется уже во внешнем признаке: количестве звуков (фонем). Индо-европейские языки характеризуются сравнительно небольшим числом фонем. В латинском, например, всего 21 фонема. Кавказские (яфетические) поражают, напротив, своей многофонемностью. В некоторых абхазских диалектах число фонем достигает 80-ти. Осетинский язык со своими 32—35 фонемами занимает промежуточное положение между индо-европейским и кавказским миром. Он приближается всего более к грузинскому и армянскому языкам.

Звуки осетинского языка стоят в ясных исторических соответствиях с древнеиранскими звуками, причем соответствия эти имеют в высшей степени строгий и закономерный характер. Но самая природа этих звуков, как о том свидетельствует и слуховое восприятие, и экспериментальные данные, весьма сблизилась в процессе долгих исторических сношений с природой звуков соседних кавказских языков. За счет кавказского влияния следует отнести появление в осетинском так называемых смычно-гортанных согласных: *k'*, *p'*, *t'*, *c'*, *c'*. Заднебный *q* мог быть усвоен из севернотюркских языков. Индо-европейским языкам эти фонемы чужды.

Такой же двойственный характер носит осетинский синтаксис. Кое в чем он продолжает традицию иранских языков, но, по ряду признаков, тяготеет к кавказским и тюрко-монгольским языкам: обязательное предшествование определения, система послелогов и др.

К морфологии мы обязаны отнестись с большим вниманием. Во всех почти языках морфологические признаки оказываются несравненно более устойчивыми и живучими, нежели фонетические и син-

таксические. Поэтому и значение их для вопроса о происхождении языка более важное. Особенно это касается системы глагола. Еще для Ф. Боппа спряжение глагола послужило одним из краеугольных камней, на котором он воздвиг здание сравнительной грамматики индо-европейских языков. Такая роль выпала на долю морфологии глагола потому, что индо-европейский глагол, отличаясь большой сложностью и богатством форм, оказывается вместе с тем весьма устойчивым и консервативным и дает обильный материал для сравнения.¹

Подобно другим новоиранским языкам, осетинский не сохранил всего богатства древнеиранских глагольных форм. Спряжение в нем по сравнению с древнеиранским представляется весьма упрощенным и урезанным. Но те формы, которые сохранились, не оставляют в большинстве сомнения относительно их генезиса: перед нами, несомненно, иранский тип глагола.

Отсылая за подробностями к специальным исследованиям мы отметим только некоторые факты, из которых видно, что осетинский глагол во всем существенном продолжает традицию иранского глагола.

В осетинском мы находим характерное для средне- и новоиранских языков чередование двух основ глагола: основы настоящего и основы прошедшего времени, причем самые законы этого чередования в большинстве соответствуют древнеиранским:

- ирон. *sæwyn* || *cyd* = др. иран. *šyav* || *šyuta*, др. инд. *éyav* || *éyuta*;
 ирон. *zajyn* || *zad* = др. иран. *zā* || *zāta*, др. инд. *jā* || *jāta*;
 ирон. *bættyn* || *bast* = др. иран. *band* || *basta*;
 диг. *lezyn* || *lǝd* = др. иран. *raič* || *rixta*;
 диг. *sozun* || *suǝd* = др. иран. *sauč* || *suxta*;
 диг. *finsun* || *finst* (ирон. *fyst*) = др. иран. *pins* || *pišta*, лат. *pingo* ||
 || *pictus* и т. п.

Четыре наклонения древнеиранского глагола отчетливо прослеживаются в осетинском: индикатив, конъюнктив, оптатив и императив. Формы индикатива не подверглись никакому смещению значения. Старый конъюнктив (примета — гласный *a*) получил в осетинском значение будущего неопределенного: *sæwon*, *sæwaj*, *sæwa* и т. д. '(если) я пойду' и т. д.

Старый оптатив (примета — гласный *i*) употребляется в осетинском в значении условного наклонения: *sæwin*, *sæwis*, *sæwid* и т. д. 'если бы я шел' и т. д.

Императив хорошо сохранился и по форме, и по значению:

ос. *ma tærs* | *ma tærsæ* 'не бойся' = др. иран. *mā tarsa*, перс. *mā tars*;

ос. *ma tærsæd* 'пусть он не боится' = др. иран. *mā tarsatu*;

ос. *ma tærsænt* 'пусть они не боятся' = др. иран. *mā tarsantu*.

¹ Не меньшую, если не большую, роль сыграл глагол, в силу тех же причин, в построении сравнительной грамматики семитических языков.

Одной из архаических черт в осетинском глаголе является использование старого, так называемого инхоативного суффикса *s* для образования средних глаголов от переходных:

dym-yn 'дуть' || *dym-s-yn* 'надуваться';

udaj-yn 'мочить' || *uda-s-yn* 'мокнуть';

tav-yn 'греть' || *taf-s-yn* 'согреваться' и др.

Глагольная флексия (личные окончания), хотя и подверглась в осетинском некоторым изменениям и упрощениям, все же не настолько, чтобы нельзя было установить связь и преемственность между осетинскими формами и древнеиранскими.

Чисто осетинским новообразованием, не имеющим близкой аналогии в других новоиранских языках, является образование будущего времени: *saw-zyn-aen*, *saw-zyn-a* и т. д. 'я буду итти' и т. д.

Осетинское склонение, в отличие от спряжения, значительно отошло от индо-европейского прототипа. Элементы, из которых оно составляется, — показатель множественности *t*, падежные окончания — могут быть без особой натяжки объяснены из иранского. Но тип склонения изменился. Из флективного оп стал агглютинативным.

Особенность агглютинативного склонения заключается, как известно, в том, что в нем падежные окончания во множественном числе те же, что в единственном, только между основой и окончанием вставляется показатель множественности, тогда как во флективном склонении падежные окончания в единственном и во множественном числе совсем разные: ос. *bax-æj* 'конем', *bax-t-æj* 'конями', *bax-aen* 'коню', *bax-t-aen* 'коням', ср. русск. *кон-ем*, *кон-ями*, *кон-ю*, *кон-ям*. По всей видимости на осетинский повлияли в данном случае кавказские языки, в которых (в новогрузинском, чеченском, дагестанских) мы также находим агглютинативное склонение.

Обильный материал для осетино-иранских параллелей дает осетинское словообразование. Осетинский удержал значительную часть словообразовательных частиц — префиксов и суффиксов, которыми пользовались древние иранцы и другие индо-европейцы.

Возьмем хотя бы глагольные префиксы (превербы):

ос. *a* (*a-sawyn* 'пойти') = др. иран. *ā*, др. инд. *ā*, перс. *ā*;

ос. *af*, *æv* (диг. *æv-gærdum* 'резать' от *kærdum*) = др. иран. *apa*, др. инд. *apa*, греч. *ἀπο*, лат. *ab*, гот. *af*;

ос. *æt* (*æt-sud* 'совместное хождение') = др. иран. *ham*, др. инд. *sam*, греч. *ὄμο*;

ос. *ær* (*ær-sawyn* 'прийти') вероятно из др. иранского *adra* 'здесь', 'сюда';

ос. *ba* (*ba-sawyn* 'войти') вероятно = др. иран. *ira*, др. инд. *ira*, греч. *ὑπο*;

ос. *fæ* (*fæ-sawyn* 'уйти', а также 'много походить') = др. иран.

pati, др. инд. *pati*; тот же самый др. иранский предлог, но с эпентезой (*paiti*) дал в осетинском закономерно *fī* | *fe* (*fī-dawyn* 'мириться', *fī-dis* 'поперек', диг. *fe-sawyn* 'проходить');

ос. *fæl* (*fæl-gæsyn* 'взирать' от *kæsyn*) = др. иран. *pari*, др. инд. *pari*, русск. *пере*, греч. *πέρι*, лат. *per*, нем. *ver*;

ос. *i* (*i-vajyn* 'бледнеть', от корня *bā*, диг. *i-gardun* 'резать' от *kærdun*) = др. иран. *vi*;

ос. *iv*, *if* | *ev*, *ef* (*iv-tyngzyn* 'запрягать' от *tyngzyn*) = авест. *aiwi* (из общераийского *abhi*);

ос. *ny* | *ni* (*ny-sawyn* 'сойти вниз') = др. иран. *ni*, др. инд. *ni*, перс. *ni*;

ос. *ra* (*ra-sawyn* 'выйти') = др. иран. *fra*, др. инд. *pra*, русск. *про*, лат. *pro*, греч. *προ*, ирл. *ro*;

ос. *u* | *o* (*u-dajyn* 'мочить' от *tajyn*, *ugærdæen* 'покос' от *kærdyn* 'косить') = др. иран. *ava*, др. инд. *ava*;

ос. *ys* | *is* (*ys-sawyn* 'взойти наверх') = др. иран. *uz*, *us*, русск. *воз*.

Если возьмем словообразовательные суффиксы, перед нами открывается такая же картина:

ос. *dær*, суффикс сравнительной степени = др. иран. *tara*; ос. *dærg-dær* 'длиннее' = др. иран. *dargha-tara*;¹

ос. *æg* = др. иран. *aka*; ос. *xær-æg* 'осел' = др. иран. **xar-aka*;

ос. *ag* = др. иран. *āka*; ос. *kærojn-ag* 'крайний' = др. иран. **karan-āka*;

ос. *æn* = др. иран. *ana*; ос. *bænd-æn* 'веревка' = др. иран. **band-ana*;

ос. *mar-æn* 'убивание' = др. иран. **mār-ana*;

ос. *on* = др. иран. *āna*; ос. *all-on* = др. иран. *ary-āna* 'ариец';

ос. *wærg-on* (в имени бога-кузнеца *Kurd-Alæ-Wærgon*) = др. иран. *Vark-āna* 'волчья страна', название провинции Гиркании; ср. употребление *on* в племенных названиях в осетинском: *ir-on* 'осетин', *kæsg-on* 'кабардинец' и т. п.;

ос. *æt*, суффикс порядковых числительных = др. иран. *ama*; ос. *fænzæt* = др. иран. *pančama* 'пятый'; ос. *ævdam* = др. иран. *haptama*, греч. *ἑβδόμος* 'седьмой'; ос. *æstæt* = др. иран. *astama* 'восьмой'; ос. *dæsæt* = др. иран. *dasama* 'десятый', лат. *decimus*;

ос. *yn* | *in*, суффикс, означающий материал, из которого что-либо сделано = др. иран. *aina*; диг. *særmīn xodæ* = др. иран. **carmaina xauda* ' меховая шапка'; ос. *ærzætyn* 'из руды' = др. иран. **arzataina* 'серебряный';

ос. *n* | *næ* = др. иран. *na*; диг. *arǰævnæ* 'клещи', др. иран. **ā-graba-na*, ср. также диг. *xæznæ* 'пастбище', от *xæzyn* 'пасти', диг. *færzæznæ* 'сред-

¹ Мы даем древнеиранские формы, если даже их нет в наличных памятниках Авесты и древнеперсидского, но если составляющие их элементы и характер их сочетания хорошо известны, и восстановление данной формы не противоречит всей сумме наших знаний по иранским языкам.

ство' от *færagun* и др.; наращение двух суффиксов имеем в ос. *xær-næg* | *xwærnæg* 'тризна' = др. иран. **xvar-na-ka*;

ос. *c* | *cæ* = др. иран. *ti*; ос. *xælc* | *xwælcæ* 'питание' = др. иран. **xvar-ti*; ос. *nymæc* | *nimæzæ* 'число' = др. иран. **ni-mā-ti*;

ос. *t*, *d*, суффикс прошедшего причастия = др. иран. *ta*; ос. *bast* 'связанный' = др. иран. *basta*; ос. *rast* 'прямой' = др. иран. *rasta* = лат. *rectus*; ос. *fyst* 'написанный' = др. иран. *pišta* = лат. *pictus*; ос. *mard* 'мертвый' = др. иран. *maria* = др. инд. *mṛta*; ос. *sald* = др. иран. *sarta*, перс. *sard*;

ос. *don* | *donæ*, суффикс, означающий вместилище, = др. иран. *dāna*, др. инд. *dhāna*, перс. *dān*; ос. *myddon* | *muddonæ* 'место для улыбок' = др. иран. **madu-dāna*; ос. *kærk-don* 'курятник' = др. иран. **karka-dāna* (ср. др. перс. *daiva-dāna* 'вместилище дэвов');

ос. *ston*, суффикс названий стран, а также слов, означающих вместилище чего-либо = др. иран. *stāna*, др. инд. *sthāna*, перс. *stān*; ос. *Iry-ston* 'Осетия', ср. перс. *Hindu-stān* 'Индостан', ос. *ærdy-ston* (из *rdyn-ston*) 'колчан' = др. иран. **druna-stāna*.

Наряду с суффиксами и префиксами чрезвычайно распространен в осетинском, как и в древнеарийских языках, другой способ образования новых слов-понятий: сложные слова. Все типы сложных слов, какие мы находим в древнеарийских языках и которые так тщательно расклассифицированы еще индийскими грамматиками, сохранились в осетинском и представлены обильными примерами. Приводить их здесь мы считаем излишним. Отметим только любопытный факт, что некоторые древние сложные слова, не только в своей структуре, но и в материальном своем звучании, прошли невредимо через десятки столетий и дожили до наших дней. В знаменитой Бехистунской надписи (конец VI в. до н. э.) персидский царь Дарий называет одно из сакских (скифских) племен *tigraxauda*, т. е. 'носящими островерхие шапки'. Это сложное слово до сих пор живет в осетинском в закономерной форме *cyrǰxud* | *cirǰxodæ*. Такими же древними сложными словами являются числительные *iwændæc* '11', *duwadæc* '12' и т. д. (см. выше). Ос. *xærgæfs* 'мул' восстанавливается в др. иранское **xara(k)-aspa*, букв. 'осел-лошадь'. Ос. *xærcæfyrt* | *xwærcæfirt* 'племянник (по сестре)', восстанавливается в **hvahar-putra*, ос. *syǰærin* | *syǰærinæ* 'золото' в **suxra-zaranyæ*, букв. 'красное золото', ос. *rætænagd* 'оглобля' в **ratha(n)haxta*, букв. 'ляжка колесницы', ос. *sæwæxsid* | *sæwæxsed* 'утренняя заря' в **sava-xšaita*, ос. *ærmærin* 'локоть' (мера длины) в **arma-aratni*; ос. *ærszarm* 'медвежья шкура' в **arša-čarma*, ос. *bæǰæmvad* 'босоногий', *bæǰæmsar* 'с непокрытой головой' и *ronbæǰd* 'без пояса' в **maǰna-pāda*, **maǰna-sara* и **rāna-maǰna*, ос. *æfsanduar* 'железновратый' в **span-dvara*, ос. *fændarast* 'прямой путь' (пожелание путнику) в **pantā-rāsta* и др.

6. ОТ ИСТОРИИ ЯЗЫКА К ЯЗЫКУ ИСТОРИИ

На этом мы заканчиваем предварительный обзор материалов, которыми в основном решается вопрос о происхождении осетинского языка. В дальнейшем мы значительно пополним этот материал отраслевой лексикой, характеризующей отдельные стороны старой осетинской культуры и быта. Этот дополнительный материал подкрепит и уточнит наши выводы, внесет в них больше исторической конкретности. Но общая картина ясна уже сейчас: осетинский язык по происхождению своему связан в основном с иранской группой индо-европейской семьи языков.

Какие исторические выводы можно сделать из этого положения? Можно ли по происхождению языка заключать о происхождении народа?

Нет надобности оговаривать, что происхождение народа надо понимать не в смысле биологического размножения от одной человеческой пары, а в смысле культурно-исторического единства и преемственности. Народ — не биологическая, а культурно-историческая категория. Если так, то происхождение народа не только можно, но необходимо связать с происхождением языка. Язык мало того, что сам является важнейшим признаком этнической культуры, но он служит той необходимой формой, в которую отливаются и через которую объективируются другие виды духовной культуры. Вот почему тезис о происхождении любого языка имеет не только узко-лингвистическое, но в той или иной степени и этногенетическое значение.

Но есть одно обстоятельство, которое в особенности побуждает нас от происхождения осетинского языка идти непосредственно к решению вопроса о происхождении и истории осетинского народа. Это обстоятельство — многовековая и совершенная оторванность осетин от остального иранского мира. В самом деле, если бы осетинский народ жил в непосредственном соседстве с другими иранскими народами, усвоение им иранской речи можно было бы рассматривать как результат чисто внешнего культурного влияния, не идущего слишком глубоко в историю и ничего не говорящего о происхождении народа. Такие случаи усвоения чужого языка в результате культурной и политической гегемонии нередки в истории. Так древние жители Франции и Испании усвоили в свое время латинскую речь.

Появление иранского языка на Северном Кавказе, в виде островка, окруженного со всех сторон не-ираноязычным населением, нельзя объяснить таким чисто культурным внешним влиянием, ибо для такого влияния необходим непосредственный контакт. Язык не мог свалиться с неба. Его должны были принести люди, живые люди, носители иранской речи.

Это иранское племя должно было передвинуться на Северный Кавказ из Средней Азии, предполагаемой родины иранских народов.¹ Оно должно было двигаться значительной массой, чтобы преодолеть большие пространства с неизбежными столкновениями и войнами, закрепиться в новом окружении, сохранить многие столетия свой язык и свою культуру. Таковы выводы, которые с необходимостью вытекают из факта существования осетинского языка на Кавказе.

Понятно поэтому, что «открытие» осетинского языка было давно оценено как факт большого интереса и значения. Было ясно, что осетинский язык на Кавказе — это лингвистический факт с серьезными историческими выводами.

И действительно, лингвистический сюрприз, каким была находка иранского языка на Северном Кавказе, поднял множество интересных исторических вопросов.

7. ПРЕДКИ ОСЕТИН ПРИШЛИ НА КАВКАЗ С СЕВЕРА

Первые вопросы, которые поставило перед наукой обнаружение осетинского языка на Кавказе, заключались в следующем:

1. Каким путем прошел на Северный Кавказ народ — носитель иранской речи?

2. В какую эпоху произошло это передвижение?

Оставовимся пока на первом вопросе.

Чтобы не выходить из рамок нашей темы, мы будем опираться исключительно на лингвистические данные, даже в том случае, когда есть возможность привлечь другие источники: памятники материальной культуры, свидетельства древних писателей или исторических хроник и т. п.

Можно ли, основываясь на одних только языковых данных, установить, каким путем иранцы-осетины попали на Кавказ? Нам думается, что можно, и притом с такой уверенностью, как если бы мы располагали самыми надежными документальными данными.

Из Средней Азии, где большинство исследователей помещают родину иранских народов, на Кавказ ведут два пути: южный, через нынешний Иран, и северный, между Уралом и Каспийским морем.²

Каким из этих двух путей шли на Кавказ предки осетин? С первого взгляда южный путь, как более короткий, кажется более вероятным. Границы Ирана здесь вплотную подходят к Закавказью, тогда как на севере не видно никаких посредствующих ираноязычных звеньев. Однако, именно северный путь, по первому взгляду менее вероятный, был действительным путем движения «праосетин» на Кавказ. Свидетельства

¹ В настоящее время некоторые специалисты считают, что прародиной иранских и всех вообще индо-европейских народов был юг России.

² Путь водой, через Каспийское море, в данном случае не идет в расчет.

языка не оставляют в этом никакого сомнения. Эти свидетельства весьма многочисленны, и мы отметим только главнейшие:

1. Северный характер флоры и фауны, представленный в иранском слое осетинского языка.

2. Финно-угорские элементы в осетинском и осетинские элементы в финно-угорских языках.

3. Осетинские элементы в венгерском.

4. Древнерусские элементы в осетинском.

5. Севернотюркские элементы в осетинском.

6. Осетинский характер некоторых скифских и сарматских собственных имен.

7. Языковые доказательства тождества осетин с аланами.

8. Географические упоминания в нартовском эпосе.

Каждое из перечисленных свидетельств само по себе служит веским аргументом в пользу северного пути осетин. Взятые в совокупности, они возводят северную гипотезу на степень бесспорного исторического факта.

1. Изучение осетинской лексики показывает, что названия специфически южных растений и животных чужды осетинскому. Из деревьев исконно иранские названия имеют: береза (ос. *bærz* = др. иран. *barza*), ольха (*færw*, ср. др. верхненем. *felawā* 'ива'), ильм (*talm* = др. иран. *tarmi*), ива (*xæris* | *xærwes*, во второй части — *wis* | *wes* родственно др. иранскому *vaiti* 'ива'). Все это — деревья северных и средних широт.

Названия южных растений либо отсутствуют, либо относятся к более новым заимствованиям. Гранат и винная ягода не известны. Черешня (*bal*), слива (*ēlawi*), персик (*at'ami*), огурец (*šit'ri*) и ряд других усвоены из грузинского. Заимствованным является также название риса (*pyryng*), тогда как северные злаки, ячмень и просо имеют старые иранские наименования: *xor* | *xwar* и *jæw*. Название винограда (*sænæfsir*) представляет, как и в русском, вторичное образование от «вина» (*sæn*), тогда как у южных народов находим для «винограда» самостоятельный, отличный от «вина» корень: у грузин *qurženi*, у итальянцев и испанцев *wā*, у французов *raisin*.

Такая же картина с фауной. Древнеиранское название верблюда (*uštra*) не сохранилось в осетинском. Вместо него мы находим здесь общее с севернотюркскими языками *tewa*. Представление о льве было настолько чуждо осетинам, что когда в новейшее время понадобилось дать ему наименование, они не нашли ничего лучшего, как перенести на него название... зубра (*dombaj*).

Напротив, для животных северной полосы в большинстве, как увидим ниже, унаследованы старые иранские наименования.

Все это говорит о том, что для осетин-иранцев была привычной флора и фауна северных и средних, а не южных широт. Если бы

осетины пришли на Северный Кавказ через Персию и Закавказье, мы имели бы у них совершенно иную картину ботанической и зоологической терминологии.

2. В осетинском языке обнаружены финно-угорские элементы, а в некоторых финно-угорских — осетинские. Осетинское название меди (*ærxii*) сближается с удмуртским (вотяцким) *irgon*, коми *yrĝon*, вогульским *irgin*. Ос. *ævzist* | *ævzestæ* 'серебро' неотделимо от удмуртского *azveś*, коми-зырянского *eziś*, венгерского *ezüst*. Осетинское название золота, *zærin* проникло в ряд финно-угорских языков: коми *zarni* и др. Название «сотни» в финно-угорских языках (*sad*, *sat* и пр.) — несомненное заимствование из какого-то арийского языка, возможно из того, который был предком осетинского. Финское *vasa*, мордовское *vaga*, вогульское *vōsi*, венгерское *űsző* 'теленок' вряд ли можно отделять от древнеарийского *vatsa*, ос. диг. *vass*.¹

Независимо от того, в каком направлении шло усвоение того или иного отдельного слова, не подлежит сомнению, что в какую-то эпоху имел место контакт «праосетин» с угро-финскими племенами. Это могло быть в очень отдаленные времена, когда финно-угорское население было продвинуто далеко на юг.

3. В 1901 г. известный венгерский ученый Б. Мункачи опубликовал (на венгерском языке) работу: «Арийские и кавказские элементы в финно-угорских языках». Позднее существенная часть этой работы была повторена автором на немецком языке под заглавием «Памятники аланского языка в венгерском словаре».² В этих исследованиях Б. Мункачи установил в высшей степени интересный и для лингвиста, а еще больше — для историка факт: в венгерском языке есть значительное число (ок. 30) осетинских слов. Венгры живут в настоящее время в Центральной Европе в окружении индо-европейских народов: славян, германцев, румын, но сами они по языку — не индо-европейцы. Они принадлежат к финно-угорской группе. Их ближайшими родичами являются остяки и вогулы, живущие в Западной Сибири. Сами венгры тоже жили когда-то в области Урала. Их переселение в Европу произошло в исторические времена, в VI—VIII вв. н. э. По пути в Европу они осели на продолжительное время в южно-русских степях. Здесь они и могли войти в соседство с осетинами (аланами) и воспринять от них некоторые слова. Вот некоторые из этих слов:

¹ Число арийских элементов в угро-финских языках весьма значительно, причем некоторые из них, судя по форме, заимствованы в ту отдаленную эпоху, когда арийцы не разделились еще на две ветви, индийскую и иранскую. Но многие имеют, несомненно, иранский облик и могли быть восприняты только от тех северных, скифо-сарматских иранских племен, осколком которых являются осетины. См. по этому вопросу специальное исследование J a c o b s o h n. *Arier und Ugrofinnen*, 1922.

² B. M u n k á c s i. *Alanische Sprachdenkmäler im ungarischen Wortschatze*. «Keleti Szemle», V, 1904, стр. 304—329.

венг. *aladár* 'начальник сотни', также собственное имя = ос. *aldar* (из *arm-dar* 'рукодержец'), 'владелец', 'князь';

венг. *asszony* 'женщина', 'дама' = ос. *æxsin* | *æxsina*, алан., *χσινα* 'госпожа' (см. ниже);

венг. *egész* 'весь', 'цельный', 'здоровый' = ос. *ægas* с теми же значениями;

венг. *ezüst* 'серебро' = ос. *ævzist* | *ævzestæ* (см. выше);

венг. *gazdag* 'богатый' = ос. *gæzdyg* | *ǰæzdyg*;

венг. *híd* 'мост' = ос. *xid* | *xed*;

венг. *kard* 'меч' = ос. *kard*;

венг. *keszeg* 'порода рыбы' = ос. *kæzag* 'рыба';

венг. *méreg* 'яд' = ос. *marg* 'яд';

венг. *mí mü* 'работа' = ос. *mi* | *miwæ*;

венг. *ravasz* 'хитрец', 'шельма' = ос. *rivas* | *rovav* 'лиса';

венг. *rég* 'давно' = ос. *rag* 'давний', 'ранний', *raǰy* | *ragi* 'давно';

венг. *részeg* 'пьяный' = ос. *ræsyg* | *rasug*;

венг. *tölgy* (произносится *töldy*) 'дуб' = ос. *tulǰ* | *tolǰæ* 'дуб';

венг. *üstök* 'длинные волосы у мужчины', 'чуб' = ос. *ystyg* | *æstug* 'клок волос', 'локон';

венг. *üsző* 'телка' = ос. диг. *wæss* 'теленка' (см. выше);

венг. *üveg* 'стекло' = ос. *avg* | *avgæ* 'стекло';

венг. *verem* 'яма' = ос. *wærm*;

венг. *vért* 'щит' = ос. *wart*;

венг. *zöld* 'зеленый' = ос. диг. *zældæ* 'молодая трава';

венг. *szineg*, *sineg* 'шнур' = ос. *sinag* и некоторые др.

Осетинские и венгерские слова и по звучанию и по смыслу настолько близки друг к другу, что о случайном совпадении не может быть и речи. Прошлое соседство осетин с венграми устанавливается этими языковыми сходениями с такой же непреложностью, как если бы мы имели по этому поводу самые верные и точные исторические свидетельства.

4. Осетино-русские связи и сходения в языке по своей древности, объему и значению заслуживают специального исследования. Они относятся частью за счет исконного родства этих языков, частью за счет позднейших осетино-русских сношений. Так как эти сношения продолжались непрерывно до наших дней, то не всегда удастся установить, что здесь относится к древней и что к новой эпохе. Все же такие сходения как русск. *Хорс* = ос. *xorz*, русск. *клет* = ос. *xumætæg* и другие можно бесспорно считать весьма древними (см. ниже, стр. 333 сл. и 595 сл.).

5. В осетинском языке довольно много тюркских слов. После иранских и кавказских тюркские элементы составляют самую заметную и многочисленную группу староосетинской лексики.

При внимательном рассмотрении этих элементов в осетинском оказывается, что в тех случаях, где есть различие между севернотюрк-

скими и южнотюркскими формами, осетинский примыкает к северным. Такие слова, как *qærcsuǰa* 'ястреб', *qaz* 'гусь', *soqquw* 'кривоглазый', *arqan* 'аркан', *arǰonaq* 'волкодав' и др. заимствованы из севернотюркских языков (южнотюркским чужд гортанный согласный *q*). Из этих же языков усвоены слова *biræǰ* 'волк', *tewa* 'верблюд', диг. *ninæǰ* 'малина' и др., ср. уйгур. *bürü* 'волк', уйгур. *tiva* 'верблюд', алтайское *nanagh* 'малина'. В южнотюркских эти слова либо отсутствуют, либо имеют иную форму.

В новейшее время осетины соседнили непосредственно только с одним тюркоязычным народом: балкарцами. Однако, относить все тюркские слова в осетинском за счет заимствования из балкарского совершенно не приходится. Во-первых, потому, что многие из этих слов в балкарском совершенно не встречаются. Во-вторых, потому, что культурное и языковое влияние балкарцев на осетин в силу объективного соотношения сил было и не могло не быть совершенно ничтожным. Следовательно, осетинский должен был соседить в прошлом с какими-то другими севернотюркскими языками. С какими же именно? Если мы, вооружившись историческим атласом, проследим предполагаемый путь осетин через Волгу и Южную Россию на Кавказ, мы встретим на этом пути целый ряд народов, тюркское происхождение которых либо доказано, либо предполагается с большой долей вероятности. Таковы уже упомянутые авары, болгары, хазары, печенег, половцы (куманы, кипчаки) и др. Естественно предположить, что именно от них проникли в осетинский язык те севернотюркские элементы, которые мы сейчас в нем находим.

В семье тюркских языков есть один язык, который стоит особняком и формы которого резко отличаются от других тюркских форм. Это — чувашский язык на Волге. Чуваша считаются потомками так называемых волжских болгар или булгар, народа, имевшего значительную силу и влияние в средние века в области средней Волги. Если бы в осетинском мы нашли специфические схождения с чувашским, то этот факт представил бы большой интерес, так как свидетельствовал бы об исторических связях осетин-алан с волжскими булгарами. Сравнительное изучение осетинской и чувашской лексики, показывает, что такие схождения имеются. Укажем одно, наиболее яркое: осетинское *cyxt* | *čigǰd* 'сыр' нельзя, очевидно, отделять от чувашского *čəǰət* 'сыр'.

Взятые в целом лексические связи осетинского с севернотюркскими языками являются убедительным доводом в пользу северного (а не южного) пути осетин на Кавказ и представляют большой интерес в культурно-историческом отношении.

Особый интерес с точки зрения вопроса о тождестве осетин с аланами представили бы языковые связи осетинского с хазарским. Известно, что аланы находились в долгих и тесных сношениях с хаза-

рами.¹ К сожалению, язык хазар остается до сих пор загадкой; нет даже полной уверенности, что они принадлежали к тюркскому племени. Зато мы доподлинно знаем, что они исповедывали иудейскую веру и, следовательно, культовая и ритуальная терминология должна была быть у них древнееврейской. Если так, то мы находим, кажется, ключ к разъяснению осетинского слова *kusart* | *kosart* 'животное, зарезанное в жертву богам, для гостя, к празднику' и т. п. Очевидно, это слово есть древнееврейское *košer* 'ритуально дозволенная пища'. В осетинский (аланский) это слово могло попасть только из хазарского. Другого контакта с иудаизмом у осетин, насколько позволяют судить наши сведения, не было.

8. ОСЕТИНЫ — ОСТАТОК СКИФОВ-ИРАНЦЕВ

Если верно, что иранцы-осетины пришли на Кавказ с севера и обитали в прошлом в Южной России, то встает вопрос, нет ли каких-либо признаков или указаний о присутствии в прошлом иранского элемента в Южной России. Обращаясь по этому вопросу к существующей научной литературе, мы получаем для такого построения самую полную и решительную поддержку. Присутствие иранского элемента в Южной России в период с VII в. до н. э. по III в. н. э. можно считать в настоящее время прочно установленным.

По сведениям античных писателей южнорусские степи в этот период были населены народами, известными под названием скифов и сарматов. Об этнической принадлежности скифов и сарматов в науке выдвигалось несколько теорий: иранская, монгольская, тюркская, славянская, кельтская, кавказская. Из этих теорий только иранская обставлена солидной научной аргументацией. Остальные представляют хрупкие сооружения из более или менее произвольных догадок и натянутых сопоставлений и в настоящее время не имеют ни одного сколько-нибудь авторитетного сторонника.

Мы оставим в стороне археологические и исторические свидетельства в пользу иранского происхождения скифов и сарматов и остановимся только на языковых.

Письменных памятников на языке скифов и сарматов до нас не дошло. Но у древних писателей, а еще больше в греческих эпиграфических надписях северного Причерноморья мы находим много «варварских» собственных имен, племенных названий и топонимических терминов, которые принадлежали тем народам, которых древние знали под именем скифов и сарматов. Далекое не все эти имена и названия удалось пока объяснить. Но если в этой массе терминов есть группа,

¹ «И заключил царь (хазарский) союз с нашим соседом, царем алан, так как царство алан сильнее и крепче всех народов, которые жили вокруг нас... Царь алан был подмогою для хазар, так как часть их тоже соблюдала иудейский закон.» (из письма неизвестного хазарского еврея X в., перевод П. К. Коковцова, см. П. К. Коковцов. Еврейско-хазарская переписка в X веке, 1932, Ленинград, стр. 116—117).

носящая отпечаток ясной и поддающейся определению языковой индивидуальности, то это — группа иранская. Все, что не объяснено из иранского, в большинстве вообще не поддается объяснению.¹ Таким образом, с точки зрения лингвиста скифская проблема может быть сформулирована так: весьма возможно, что в состав народов, объединяемых древними под названием скифов и сарматов, входили и не-иранские элементы; но с научной достоверностью мы можем говорить только об иранском. Другие элементы либо пока не поддаются лингвистическому определению, либо имеют, по сравнению с иранским, ничтожный удельный вес.

Нет надобности приводить здесь весь относящийся сюда материал. Мы отсылаем интересующихся к нашей специальной работе «Скифский язык» (см. ниже, стр. 147 сл.). Приведем только некоторые факты, указывающие на особую близость скифского и сарматского именно к осетинскому.

Названия скифских племен. В надписях персидского царя Дария I скифы называются *saka*. Повидимому, это было одним из их самоназваний. *Saka* сближается с осетинским *sag* 'олень' и указывает, что часть скифов именовала себя по имени своего тотемного животного — оленя.² Другая часть скифов, как можно думать на основании некоторых данных осетинского эпоса, имела тотемом волка.³

Названия многих скифских племен, по греческим источникам, оканчивались на *ta (tai)*: савроматы (сарматы), массагеты, саудараты, тиригеты, яксматы, тиссагеты, сайты и др. Как правильно отметил Вс. Миллер, это окончание *ta* сближается с осетинским показателем множественности *tae*, на которое оканчиваются все осетинские родовые наименования: *Nartae, Boratae, Xsærtaggatae* и т. п.

Некоторые из скифо-сарматских племенных названий имеют целиком осетинский облик. Так, название племени *Σαυδαράται*, встречающееся в Ольвийских надписях, легко объясняется из осетинского и означает 'одетые в черное' (от *saw* 'черный' и *daryn* 'носить'). Название *Σαυρομάται* 'савроматы' быть может = ос. *Sawermatae*, что означает 'смуглорукие' (*saw* 'черный' и *arm* 'рука').⁴ Название сармат есть, повидимому, не что иное как стертая форма названия савромат.

У Плиния и Тацита упоминается сарматское племя *Dandarii*. Как разъяснено Вс. Миллером, это название означает «держатые реку», «живущие по реке», ср. ос. *don* (из *dan*) 'река' и *daryn* 'держат'. Речь идет действительно о племени, живущем по нижней Кубани.

¹ Несколько собственных имен, разъясненных как фракийские, не меняют положения.

² Наименование племени или рода по тотемному животному — обычное явление в обществах, переживающих тотемическую стадию (многочисленные примеры у Моргана «Ancient Society»).

³ См. во втором выпуске настоящего сборника нашу работу о нартовском эпосе.

⁴ Ср. имя одного из первых грузинских царей по грузинской летописи Саурмага, сына Фарнаваза. Это имя, как кажется, заимствовано из аланского.

Название одного из сарматских племен Ρωξολανοί разъясняется как составное из *rox* = ос. *rox* 'светлый' и *alan* букв. «светлые аланы»;¹ ср. по типу образование ос. *urstualtae* 'белые туалцы' или русск. *белоруссы* и т. п. Относительно самоназвания алан см. ниже.

Названия двух других сарматских племен, аорсы и сираки, означают по-осетински «белые» (*ors*) и «плясунья» или «иноходць» (*sirag*).

Топонимические названия. Давно уже обращено внимание, что название реки Дон (греч. Τάναις) есть не что иное как осетинское слово *don* 'река', 'вода' (староосетинское *dan*). Этот же элемент входит в названия Днепра, Днестра и Дуная.

У нескольких древнегреческих писателей (Пиндара, Еврипида, Страбона) Черное море известно под названием Πόντος Ἰξείνος . Слово Ἰξείνος , по остроумной догадке М. Фасмера, есть не что иное как древнеиранское *axšaina* 'темносиний'. Так называли Черное море по его цвету иранцы-скифы, от которых это название было воспринято греками и впоследствии переделано (переосмыслено) в Εὐξείνιος 'гостеприимное'. Скифскому Ἰξείν 'темносиний' точно соответствует ос. *axsin* 'темносерый' (отсюда *axsinæg* 'дикий голубь').

Анонимный греческий автор V в. н. э. сообщает, что город Феодосия в Крыму на местном «аланском или таврском языке» назывался Ἀρδάβδα , что значит ἑπτάθεος , т. е. «семибожный». Действительно, первая часть названия включает осетинское *ard*, ныне «клятва», в прошлом культовое понятие — наименование божества (древнеиранское *arta*, авест. *aša*); вторая часть = ос. *avd* 'семь'. Перевод анонима совершенно точный, и термин не нуждается ни в каких поправках формы и значения вопреки Мюлленгофу и Вс. Миллеру.² Осетинский характер названия не вызывает сомнений.

Название другой греческой колонии в Крыму Σαυδάια , нынешний Судак (из *Sugdak*), сопоставляется Вс. Миллером с ос. *sugdæg* 'чистый', 'священный'.

Собственные имена. В Бехистунской надписи персидского царя Дария I (521—485 до н. э.) в числе других побежденных Дарием противников упоминается сакский (скифский) вождь *Skunxa*. Тут же на барельефе изображены побежденные враги, в том числе и *Skunxa*. Последний изображен в высокой остроконечной шапке, с длинной бородой.

Имя *Skunxa* сближается с осетинским *skunaxt* 'человек, прославленный каким-либо подвигом', 'герой', ср. диг. *sk'wənxim* 'отличаться', 'совершать какой-нибудь подвиг'.

¹ Вс. Миллер. Осет. этюды, ч. III, 1887, стр. 86.

² Ср. святилище *Avd-dzuar* 'Семь божеств' в селе Галиат в Осетии (В. Миллер. Осет. этюды, II, стр. 259).

У греческого писателя Ктесия (V в. до н. э.), служившего придворным врачом у персидских царей, упоминается скифская царица *Zarina*. Это имя звучит вполне по-осетински и означает 'золотая' (ос. диг. *zærinæ*). Ни в одном иранском языке, кроме осетинского, название «золота» не встречается в форме *zarina* (ср. авест. *zaranya*, др. персид. *daraniya*, перс. *zarr*).¹

Жена Александра Македонского Роксана (Ῥωξάνη), родом из Бактрии, также носит имя, которое из живых иранских языков легче всего разъясняется из осетинского: ср. ос. диг. *roxs* 'свет' плюс суффикс *ana* (нынешний суффикс *on*, см. выше). Таким образом Роксана (др. ос. *Roxsana*) значит то же, что русское Светлана.

Множество иранских элементов выявлено в скифских собственных именах, встречающихся в греческих надписях северного берега Черного моря, в надписях из Танаиса, Ольвии, также Тираса, Пантикалея. Процветавшие здесь в V в. до н. э. — III в. н. э. греческие колонии поддерживали оживленные сношения со скифскими племенами. Некоторые «окультуренные» скифы втягивались в городскую жизнь и занимали различные должности. Надписи прекрасно отражают эту смешанную греко-скифскую жизнь. Бок о бок с чисто греческими именами пестрят повсюду имена «варварские», скифские. Некоторые из последних своей близостью к осетинскому повергают в изумление. Кажется почти невероятным, что за 2000—2500 лет язык так мало изменился.

Νάναγος = ос. *næwæg* 'новый', до сих пор в ходу у осетин как собственное имя;

Ζάρανδος = ос. *zæronð* (из *zarand*) 'старый';

Φίδαξ = ос. *fidæ* 'отец';

Φούρτος = ос. *fyr̄t* | *furt* 'сын';

Λείμανος = ос. *lyman* | *limæn* 'приятель';

Νάμγηνος = ос. *nomgin* (из *namgin*) 'именитый';

Ἄρδαρος = ос. *ærdar*, *ældar* (из *arm-dar*) 'властитель';

Ῥάσσογος = диг. *ræsoγ* 'чистый', 'прозрачный', ср. *ræsuγd* 'красивый';

Ὀσμάραχος = диг. *osmaræg* 'женоубийца' (от *osa* 'женщина' и *marun* 'убивать');

Φανδάραξος = ос. *fændaræg* 'путеустроитель' (от *fændæg* 'путь' и *aræg* 'направлять', 'устраивать', ср. ос. *fændarast* 'добрый путь');

Ἰνσάαχος = староосет. *insæzæg*, (от *insæz* 'двадцать'; форма *insæz* закономерно восстанавливается на основании современных осетинских

¹ В приписываемом Лукиану (II в. н. э.) рассказе «Токсарис» говорится, что когда савроматы хотели умертвить пришедшего к ним Дандамита, последний закричал «Зирин», и тогда ему сохранили жизнь, так как это слово означало, что он принес им выкуп за пленных. Очевидно «зирин» и есть наше *zarinæ* 'золото', и крик Дандамита служил понятным для савроматов обещанием золота в качестве выкупной платы (см. З. Вандеев. Исторические известия об алахах-осах, 1941, стр. 89).

yssæz | *insæj* и древнеиранского *vinsati*; скифское имя по значению соответствует латинскому *Vicentius*);

Ἑξάκεφαλος 'шестиглавый', ср. ос. *sær* 'голова' и *æxsæz* 'шесть';

Γῶσακος = ос. (*i*)*ḡosag* 'хорошо слышащий' (от *ḡosun* 'слышать');

Κάσακος = ос. *kæsæg* 'смотрящий' (от *kæsun* 'смотреть');

Ἰάφακος = ос. *yjjafæg* 'настигающий' (от *yjjafun* 'настигать');

Βάδακος = ос. *badæg* 'сидящий' (от *badun* 'сидеть'), до сих пор у осетин в ходу собственное имя *Badæg*;

Ἀλούδακος от *alut*, название культового напитка, пива, ср. ос. *æluton* 'пиво богов'; Ἀλούδακος означало вероятно «пивовар»;

Ὀμβρούαρος = ос. *xumbwraæ* 'многопашенный' (от *xum* 'пашня' и *wwraæ* 'много');

Βυζει женское имя (зват. пад.) = ос. *bynz* | *binzæ* 'муха'.

Целый ряд скифских имен включает осетинские слова *farn* 'небесная благодать', 'высшая сила' и *xsart* 'доблесть'; Φάρνακος (= ос. *færnyg* 'наделенный фарном'); Σαιταφάρνης (= 'носитель фарна фамилии *Sajtaæ*');¹ Μαίφαρνος (= 'носитель фарна луны', от ос. *mæj* 'луна'), Ξάρτανος (ср. ос. собственное имя *Xsærtæg*), Φαρνόξαρδος, Καινάξαρδος, Δοσυμόξαρδος, Διδυμόξαρδος, Ἀλέξαρδος, Δανδόξαρδος.

Перечисленные скифские наименования, список которых можно было бы во много раз умножить, любопытны тем, что заключая в себе несомненные иранские слова, они дают их в такой форме, которая из всех иранских языков присуща только осетинскому. Некоторые же имена, как Λείμανος, Νάμγηνος, Ὀσμάρακος, Βάδακος, Ἰνσάλακος, Ἀλούδακος, *Saka* (скиф), *Skunxa*, Ἀρδαρος, Φούρτος и др. вообще не находят себе объяснения иначе, как только из осетинского.

Из всех иранских языков только в осетинском обще-индоевропейский согласный *p* перешел в спирант *f*. И мы видим на таких скифских именах как Φίδας, Φούρτος, что этот переход характерен и для скифского; ср. др. иран. *pitā*, *putra*, при ос. *fidæ*, *furt*.

Из всех иранских языков только в осетинском древнеиранская группа *tr* подверглась перестановке в *rt*; и то же мы видим в скифском: Φούρτος, Ξαρδος (ос. *furt*, *xsart*, др. иран. *putra*, *xšatra*).

Из всех иранских языков только в осетинском *r* перед *i* закономерно перешел в *l*; из др. иран. *frīman* 'приятель' (ср. др. инд. *prēman*) с отпадением начального *f* получилось *limæn*; и то же в скифском: Λείμανος.

Начальное *h* перед гласным *a* отпадало в осетинском; поэтому из древнеиранского *hapta* 'семь' получилось осетинское *avd*; и совершенно также звучало это числительное в аланском: алан. *αβδ* 'семь' в названии города Феодосии, Ἀρδάβδα 'семибожный'.

¹ Вопреки Вс. Миллеру (Осет. этюды, III, стр. 133) мы видим в первой части не авест. *saiti* 'радость' (в др. осетинском было бы *sati*), а племенное или родовое название *Saita* (гр. Σαίτοι).

Только в осетинском и скифском из древнеиранского *vinsati* 'двадцать' получилось *insæʒ*, *Ἰνσαζ*.

Эти и другие признаки противопоставляют осетинский и скифский всем остальным иранским языкам и позволяют объединить их в особую ветвь иранских языков, в североиранскую или скифо-сарматскую.

Скифский язык, с одной стороны, и современный осетинский с другой, — отражают две ступени развития этой скифо-сарматской ветви, отделенные друг от друга промежутком около 2000 лет.¹

9. ОСЕТИНЫ-АЛАНЫ

Приведенный выше материал позволяет думать, что в составе народов, известных древним под именем скифов и сарматов, скрывались предки осетин и что, следовательно, последние в VII в. до н. э. — III в. н. э. обитали на равнинах Южной России и Северного Кавказа. Встает вопрос, где они жили и под каким наименованием были известны в позднейшие времена?

Вернемся немного назад и вспомним, что языковыми фактами устанавливаются исторические связи осетин с венграми, с севернотюркскими племенами, с древней Русью, с булгарами, хазарами, монголами. Эти связи охватывают период с V по XIV в. н. э. На какой географической территории могли происходить встречи и общение осетин с этими народами? По всем историческим данным ареной таких межплеменных встреч могли быть только те же смежные области юга России и Северного Кавказа. Это — тот единственный район, где могли перекреститься и действительно перекрещивались исторические пути всех перечисленных народов. Стало быть в период с V по XIV в. осетинское население продолжало существовать на этой территории. Известно ли о нем что-нибудь из исторических источников? Под каким наименованием знали его соседи и какую историческую роль оно играло? Ответ на эти вопросы стал возможен после того, как было установлено тождество осетин со средневековым народом алан.

Лингвистические доказательства не играли решающей роли для установления тождества осетин и алан. Прямые исторические свидетельства были достаточно красноречивы. Перекрестное сопоставление исторических сведений из грузинских, армянских, византийских, латинских, арабских, русских (летописных) источников не оставляло сомнения в том, что под названием осов (осетин), асов, ясов, языгов, алан скрывался один и тот же народ.

¹ К сожалению, имеющиеся материалы дают кое-какое представление только о лексике и фонетике скифо-сарматского языка. О морфологии его мы ничего не знаем. Между тем для классификации языков и наречий морфология имеет, как известно, первостепенное значение. Сходство между осетинским и скифо-сарматским в фонетике и лексике и намечающаяся между ними историческая преемственность делают вероятным, что и в морфологии, если бы мы располагали материалами, вскрылась бы такая же близость.

Лингвисту остается лишь найти, если возможно, материал, подтверждающий, подкрепляющий это и без того достаточно прочно стоящее положение. И такой материал имеется.

Об аланском названии города Феодосии в Крыму Ἀρδάβδα мы уже говорили выше. В плане топонимическом интересно отметить еще, что Дарьяльское ущелье, с древних времен занимаемое с севера осетинами и служившее им обычным путем в Закавказье, арабскими авторами зовется *Bab-al-Alan* 'вратами алан', а общеизвестное Дариал (груз. *Dariala, Darialani*) происходит от перс. *Dar-i-Alān* 'аланские врата', «*porta Alanorum*». Кое-что для осетино-аланских параллелей дают аланские (асские, яские) собственные имена.

Альда, жена царя абасгов Грузии (XI в.); византийские историки называют ее аланкой, а грузинская летопись — осетинкой; ср. женское имя в осетинском эпосе: *Elda, Aldæ*.

Анбал, ключник Андрея Боголюбского, ясин (алан), был в числе участников убийства князя (1175 г.); ср. ос. *embal* | *ænbal* 'товарищ', ос. *Æmbalte* фамилия «Амбаловы». Это же имя с суффиксом *-an* мы находим в надгробной надписи X в., найденной у реки Зеленчук, притока Кубани, т. е. в районе исторической Алании.¹

Ἀραβάνης, имя аланского предводителя по византийским источникам; ср. ос. *ærvad* 'родич';

Beorgor, аланский предводитель (V в.); ср. ос. диг. *bewra* 'много' и *gor* (от *korin*) 'просящий' (у бога), *kordiat*, «божий дар»;

Eochar, аланское имя (V в.); ср. ос. *jewxwar* 'просед', 'едящий просо';

Ἰτάζης, имя аланского предводителя (VIII в.); ср. ос. *idæz* 'вдовец';

Матарша, имя аланского (асского) предводителя, участника монгольских походов в Китай (XIII в.); ср. ос. имя *Matersa*, букв. «бесстрашный»;

Σαρώνης, имя аланского царя (VI в.); ср. ос. *særoj* 'головастый' (от *sær* 'голова');

Сатник, имя аланской царевны (II в.) по рассказу Моисея Хоренского; ср. ос. Сатана, имя героини нартовского эпоса.

Неудивительно, что у алан мы находим также и грекохристианские имена: Илья, Николай, Димитрий, Стефан, Андрей, Мария, Ирина.² Уже с V в. у них велась широкая миссионерская пропаганда, шедшая из Византии и Грузии, завершившаяся в X в. христианизацией алан и созданием аланской епархии. Ничего неожиданного нет также в наличии у них монголо-тюркских имен: Бадур, Багатар, Теμήρης. С этими народами аланы общались с древнейших времен.

До последнего времени собственные имена составляли почти единственный материал для суждения об аланском языке. Только в 1930 г.

¹ См. ниже, стр. 260—270.

² См. ниже, стр. 253 сл.

опубликовано несколько аланских фраз, записанных в XII в. византийским писателем Иоанном Цецом в его «Теогонии».¹ Разобранные в этой записи слова имеют вполне осетинский характер:

κακαγγαζ (читается *da ban kas*) 'добрый день' = ос. *dæ bon xwarz*;

κίντζ (*kinz*) 'женщина' = *čynz* | *kinzæ* 'невестка';

χσίνα 'повелительница' = ос. *æxsin* | *æxsinæ*;

μεσφιλ 'мой господин', 'моя госпожа' = ос. *me'fsin* 'моя хозяйка';

φαρν = ос. *farn* (см. выше, стр. 40).²

Других памятников аланского языка пока не обнаружено, если не считать Зеленчукской надписи, которую также с полным правом можно рассматривать как аланскую.

Было бы, однако, слишком смело утверждать, что таких памятников не существовало. На примере Зеленчукской надписи видно, что аланы-осетины прибегали в отдельных случаях к греческому письму для составления эпитафий на своем языке, быть может и для других целей. Зеленчукская надпись не могла быть единичным явлением. Новые находки такого же порядка вполне вероятны.

Недостаток прямых свидетельств об аланском языке до некоторой степени возмещается косвенными. Косвенными памятниками аланской речи мы считаем схождения осетинского с венгерским, финскими, севернотюркскими, древнерусским, хазарским, монгольскими языками, а также со сванским, мегрельским, абхазским.

Чтобы обосновать исторически эти схождения, приходится вывести осетин за рамки нынешней их территории и распространить их на те именно области, которые занимала историческая Алания. Нет возможности удовлетворительно объяснить упомянутые схождения, если не видеть в осетинах преемников алан. Аланы — это тот северокавказский народ, о котором мы доподлинно знаем, что он общался со всеми перечисленными народами. Аланы — это тот народ, который, по всему, что мы о нем знаем, мог иметь с перечисленными народами те культурные связи, о которых сигнализируют языковые факты. Одни только осетинские элементы в венгерском являются для доказательства осетинско-аланского единства таким разительным и ярким свидетельством, которое стоит любого исторического документа.

Некоторые авторы считают нужным, говоря о преемственной связи осетин с аланами, сопровождать это, уже общепринятое в науке, положение оговорками на счет того, что аланы, дескать, были, собственно, не народ, а «собирательное название», или даже «географическое понятие». Тщательное изучение свидетельств древних и средневековых писателей об аланах не поддерживает такой точки зрения. Как оно и

¹ J. Moravcsik. Barbarische Sprachreste in der Theogonie des Johannes Tzetzes, Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher, Bd. VII, Heft 3—4, 1930, стр. 352—365.

² Подробный разбор аланских фраз Цеца см. ниже, стр. 254 сл.

естественно, эти писатели обнаруживают разную степень осведомленности об аланах; некоторые из них допускают ошибки в географических и хронологических определениях, путают алан с другими народами (напр. албанами), но ни один из них не дает повода думать, что, говоря об аланах, он имел ввиду не народ, а географическое понятие.

Одним из ранних и наиболее содержательных и важных известий об аланах является знаменитый рассказ Аммиана Марцеллина (IV в. н. э.) в его Римской истории (XXXI, 2). Вс. Миллер утверждает, будто из этого рассказа Аммиана Марцеллина видно, что для него название аланов — понятие географическое и что оно обнимает целую группу народов, живущих за Танаисом на границе Азии и Европы в кочевом быту.¹

Рассмотрим те два места из Марцеллина, которые дали Вс. Миллеру повод к такому выводу. «Аланы, — пишет Марцеллин, — живут на далеком расстоянии одни от других и, кочуя, проходят огромные пространства; однако, с течением времени они приняли одно имя и теперь все вообще называются аланами за свои обычаи, дикий образ жизни и одинаковое вооружение». Из этих слов явствует только то, что аланы кочевали на большой территории и что у них, как это всегда бывает на родовой стадии, не сразу выработалось сознание своего этнического единства и общее самоназвание. Ведь даже у современных осетин до недавнего времени не было общего самоназвания. Были «ирь», «дигорь», «туальь», но осетин вообще не было. Значит и осетины — не народ, а географический термин?

Другое место у Марцеллина гласит: «Они (аланы) постоянными победами мало-по-малу покорили соседние народы и распространили на них название своей народности, подобно персам».

О чем говорит это место? Допустим, что имя алан действительно распространилось на некоторые соседние племена. Но разве от этого аланы, как особая народность, перестали существовать? В современной иностранной прессе почти за правило принято называть всех советских людей русскими. Но кому же придет в голову, на этом основании, утверждать, что русские, как особый народ, не существуют, что они являются «географическим понятием»? Правильную оценку замечанию Аммиана Марцеллина дал Ю. Кулаковский.² Если бы Марцеллин употреблял название алан, как собирательное, разве стал бы он приписывать им вполне индивидуальную наружность (высокий рост, стройность, русые волосы)? А ведь описание наружности алан сам Вс. Миллер считает одним из интереснейших мест во всем рассказе Марцеллина.

¹ Вс. Миллер. Осет. этюды, III, стр. 51.

² Ю. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Чтения в Историческом Обществе Нестора Летописца, кн. 13, отд. II, Киев, 1899, стр. 114—115.

Говорить о народе, которому приписывается определенная внешность (Аммиан Марцеллин), определенный язык (Цец), который посещался десятками путешественников, который поддерживал оживленные сношения с культурными народами Закавказья и с Византией и был хорошо им знаком, среди которого ряд столетий велась христианская пропаганда, закончившаяся созданием аланской епархии, говорить о нем, что это не народ, а «географическое понятие» — это значит впадать в исторический нигилизм.

В числе вопросов, которые могут возникнуть у читателя, мы предвидим такой: если от алан к современным осетинам идет тесная и непрерывная преемственность, то почему у осетин не сохранилось старое самоназвание «алан». Название осетин идет из грузинского *osî* 'осетин', *Oseti* 'Осетия'. Самоназвание отдельных осетинских племен: *ir*, *digor*, *tual*, по нашему мнению, местного, кавказского происхождения. Почему же не удержалось название «алан»? На этот вопрос можно ответить, во-первых, что такая смена племенных названий — обычная вещь в истории. Современное название французов, *français*, происходит от названия германского племени франков, между тем как французы по языку продолжают латинскую традицию, а по психо-физическому типу — кельтскую.

Но, кроме того, неверно, что термин алан исчез из осетинского. Он сохранился. Сохранился в фольклоре, в сказках. Там, где в русских сказках людоед говорит о «русском духе», в осетинских неизменно фигурирует «аллонский (= аланский) дух», или «дух аллона-биллона» (*allon-billony smag*).¹ Здесь «аллон» может означать только «осетин», ибо героев своих, осетинских сказок народ, естественно, мыслит осетинами. Если эти герои в сказках зовутся *allon*, то очевидно, что это *allon* было в прошлом самоназванием осетин. Исчезнувшее из обихода, оно удержалось, как это часто бывает, в фольклоре.

Имя алан не исчезло полностью из памяти соседей. В языке мегрелов *alanî* значит «герой», «храбрец», «молодец». У тех же мегрелов засвидетельствован обычай *alanûroba*, заключающийся в особом спортивном состязании между двумя партиями молодых людей.²

Грузинская география царевича Вахушти также помещает страну алан (*Alaneti*) на запад от Сванетии и на север от Мингрелии (Бедии т. е. в районе нынешнего Клухорского района Грузии).³

Почему название алан прикрепилося к этому району? Дело в том, что ущелья на запад от нынешней Осетии были вплоть до XIII—XIV ст. заселены осетинами-аланами. В. Миллер убедительно доказал это путем анализа топонимических названий. В этих названиях мы то и дело

¹ См. ниже статью «Осетинские термины *iron*, *allon*».

² И. Кипшидзе. Грамматика мингрельского (иверского) языка, 1914, стр. 193.

³ Царевич Вахушти. География Грузии, перев. М. Джанашивили. Тифлис, 1904, стр. 237.

встречаем осетинские слова *don* 'река' (в старой форме *dan*), *kom* 'ущелье' (в форме *kam*), *aŋsæg* 'перевал' (в форме *əpčək*, *əfčək*), *dor* 'камень' и целый ряд других осетинских слов: *nyxas* в форме *nəxəš* 'место собраний'; *biwat* (в форме *bawat*) 'место', *kuŋojnæ* (в форме *kuŋan*) 'мельница', *fændag* 'дорога', *surx* 'красный', *ors* 'белый', *ǰar* 'теплый' и др. Вот несколько таких названий с их осетинскими значениями:

- Ghar-dan* ('теплая вода')
- Šaw-dan* ('черная речка')
- Kuŋan-dan* ('мельничная река')
- Šak-dan* ('оленья река')
- Šaw-kam* ('черное ущелье')
- Məstə-kam* ('мышинное ущелье'), ср. *Məstərdos* 'мышинная поляна', (ос. *ærdos* 'поляна')
- Ullu-kam* (соединение карачаевского слова *ullu* 'большой' с ос. *kam* → *kom* 'ущелье', 'большое ущелье')
- Šari-fčək* (перевал Сари, т. е. сванский)
- Štulu-fčək* (перевал Штулу)
- Daut-əpčək* (перевал Даут)
- Džuar-əfčək* (перевал, где есть святилище *Džuar*)
- Štur-dor* ('большой камень')
- Arvi-dor-nəxəš* ('место для собраний, где упал небесный камень')
- Ərdar-nəxəš* [= ос. *ældary-nyxas* 'место княжеского (*ældary*) собрания']
- Kurnoyat* (= ос. *kuŋon-wat* 'место, где стояла мельница')
- Doghwat* ('место скачек')
- Ors-fændag* ('белая дорога')
- Surx* — название горы ('Красная')
- Sərbət* (= ос. *sərvət* 'пастбище общего пользования')
- Fətən* (= ос. *fətən* 'широкий')
- Nargə* (= ос. *naræg* 'теснина')
- Ərqazən* (= ос. *ærqazən* 'пгрище', 'ристалище')
- Əitor* (= ос. диг. *əttor* 'кремень')
- Fəzə* (= ос. диг. *fəzæ* 'равнина')
- Rənžə* (= ос. диг. *rinžæ* 'зверинная тропа') и др.¹

Несомненно, что в ущельях на запад от нынешней Осетии: Черекском, Хуламо-Безенгийском, Чегемском, Баксанском, Верхне-Кубанском, слышалась когда-то осетинская, именно дигорская речь. Не случайно в этом же районе найдена надпись X в. на осетинском языке, так называемая Зеленчукская надпись (см. ниже).

¹ См. подробнее: В. С. Миллер. Осет. этюды, III, стр. 7—10; а также ниже статью «Поездка к верховьям Кубани, Баксана и Черек».

То обстоятельство, что часть этой территории до последнего времени сохраняла у соседей наименование Алании, служит еще одним свидетельством в пользу алано-осетинского тождества. Как это часто бывает, название прежнего населения, осетинского, было перенесено соседями на новое.

Если осетины являются потомками скифов, сарматов и алан, если они пришли на Кавказ из общей родины иранских народов, если в прошлом они обитали на равнинах Южной России и Северного Кавказа, то не сохранились ли в их фольклоре, в их легендах и преданиях какие-нибудь указания на их отдаленные исторические судьбы, на путь их переселения в нынешние места обитания? А priori больших надежд возлагать на это не приходится. Первое появление осетин на Кавказе произошло очень давно, не менее 2 000 лет назад. Этот срок вполне достаточен, чтобы стереть из памяти народа всякие следы событий, имен, впечатлений того отдаленного прошлого. Тем приятнее наше удивление, когда мы в древнейшей части осетинского фольклора, так называемом нартовском эпосе, находим все же кое-какие указания на северный путь движения осетин. Географические упоминания нартовского эпоса, довольно многочисленные, частью запутанные, идущие, повидимому, из разных эпох и источников, не были пока предметом специального изучения. Но в тех случаях, когда они легко поддаются пониманию, они указывают на север, а не на юг.

Обычная обстановка подвигов героев — *bydyr* 'равнина', притом весьма часто — в соседстве с морем (*denžyž*) или большой рекой (*furd* | *ford*). Море нередко называется по имени: *Saw-denžyž*, *Sadenžyž* 'Черное море'. Название большой реки, *ford*, безупречно соответствует старому названию реки Прут: *Porata*, которая на карте блаж. Иеронима названа «Аланской рекой» (*Alanus fluvius*). На берегах ее долго существовало аланское (яское) население, главный город которого до сих пор носит их название: Яссы. Упоминается также река *Idil* — Волга. Об общем наименовании для реки *don* мы уже говорили выше.

В нескольких сказаниях ареной событий является *Taraqajy bydyr*, Тьмутараканская равнина. Гораздо чаще мы видим нартовских героев на *Qumy-bydyr*, Кумской равнине. Как ни скудны эти данные, они ценны тем, что бьют в одну точку: указывают на северное происхождение эпоса и его создателей.¹

¹ О прошлых судьбах народа сигнализируют нередко такие «мелкие» факты, мимо которых проходишь сотни раз, не обращая на них внимания. Дарияльское ущелье, которое персы и арабы называли «вратами алан» (см. выше), у современных осетин зовется *Аггу-кот*, что значит «небесное ущелье», «ущелье, ведущее в небо». Нам кажется, что в этом названии заключено указание на то, откуда, с какой стороны пришли осетины к Дарияльскому ущелью. Назвать ущелье, расположенное на северной стороне Кавказского хребта, «ущельем, ведущим в небо» могли только люди, подымавшиеся снизу вверх, с северокавказской равнины к перевалу. Люди, спускавшиеся с перевала вниз, назвали бы его скорее ущельем, ведущим в преисподнюю, а отнюдь не в небо. В сумме свидетельств северного пути осетин на Кавказ и этот маленький фактик оказывается словом, которое «из песни не выкинешь».

10. СВИДЕТЕЛЬСТВА ЯЗЫКА О КУЛЬТУРЕ И БЫТЕ ДРЕВНИХ ОСЕТИН

Попытаемся теперь, основываясь на материале языка, восстановить в общих чертах культуру и быт древних осетин, насколько это окажется в наших силах.

Документами, на основании которых мы реконструируем прошлую культуру осетин, служат слова. Древность и культурно-исторический вес этих документов-слов безошибочно устанавливается соответствиями из других иранских и индо-европейских языков.

Предпринимаемая нами «реконструкция» имеет, по нашему мнению, значение для всего скифо-сарматского периода и для раннеаланского.

Естественная среда

Мы уже отмечали выше (стр. 32), что названия растений и животных в древнейшем слое осетинского языка указывают на северные или средние, отнюдь не на южные широты. Береза среди деревьев, волк среди зверей — наиболее популярны в нартовском эпосе. Они заслужили благодарность героя Сослана в его последней схватке с Бальсаговым колесом, и перед смертью он благословил их. Волк был к тому же, как о том свидетельствует эпос, тотемным животным древних осетин. Географическая область древних осетин может быть охарактеризована таким образом, — конечно, самым приближенным образом, — как область березы и волка.

Древнеиранское название березы — *barza*, идеально сохранилось в осетинском: *bærz* | *bærzæ*, ср. др. инд. *bhurja*, литов. *bėržas*, русск. *береза*. Из других названий деревьев бесспорно древнеиранскими являются *xæris* | *xærwes* 'ива' и *talm* 'ильм', вероятно также *færv* 'ольха'. *Xærwes* 'ива' разлагается на *xær* 'серый' (отдельно не сохранилось, ср., однако, диг. *xærmæg* 'серый туман', а также *xærwæg* 'осел', букв. «серый») и *wes* 'лоза', 'ветвь' (из др. иран. *vaiti*). Название ильма *talm* восходит к древнеиранскому *darmiti*, которое мы действительно и находим в др. персидском. Очень давно бытует на осетинской почве название дуба *tulz* | *tolzæ* (ср. венг. *tolgy*), но восходит ли оно к древнеиранскому — пока не выяснено. Аланским его можно считать во всяком случае. К старейшим названиям растений относится также *xumællæg* 'хмель', название которого примыкает к русскому; культура пива известна осетинам с незапамятных времен.

К Кавказу тяготеют названия сосны (*næzy* | *næzi*, ср. груз. *nažvi*), ели (*naž*), клена (*tægær*, ср. чечен. *stair*, балк. *təkər*).

Обращает на себя внимание обилие названий для всевозможных съедобных трав, но лишь немногие из них могут быть возведены

к древнеиранскому. Большинство их относится к альпийской флоре Кавказа.

О животном мире древней родины осетин язык и эпос сигнализируют довольно полно. Из хищников древний осетин, кроме волка, был знаком с медведем и лисицей. Древнеиранское название волка звучало *vřka, varka* (ср. русск. *волк*). Отсюда на осетинской почве должно было получиться *warg* или *warx*. Вместо этого мы находим усвоенное из севернотюркского или сакского *biræg | beræg*. Почему же не сохранилось чисто осетинское название? Объясняется это следующим: волк был у осетин тотемным животным и его имя попало под запрет, его нельзя было называть. Вместо *warg* или *warx* стали говорить *biræg*. Но и старое название, в форме *wargæg*, удержалось, только не в обиходной речи, а в эпосе: так называется родоначальник богатырского племени Нартов.

Осетинские названия медведя и лисицы восходят, как и *wargæg* 'волк', к обще-индо-европейским:

ос. *ars* 'медведь' = др. иран. *arša*, др. инд. *ṛkṣa*, латин. *ursus*, греч. ἄρκτος, арм. *arj*, др. ирланд. *art*, баск. (заимств. из кельтского) *hartz*;

ос. *ruvas | rovas, robas* = др. иран. **raupāsa*, сакское *rrūwāsa*, курд. *ruwās*, ормури *rawas*, др. инд. *lopaśa*, греч. ἄλωπεξ.

Олень — любимое животное осетинского фольклора. Охота на оленя — это охота *par excellence*, а оленьё мясо — обязательное угощение всякого нартовского пиршества. Название оленя *sag* возводится к самоназванию скифов *sāka*, именовавших себя так, надо думать, по своему тотемному животному, оленю. Мы рассматриваем поэтому *sag* как исконно осетинское слово, усвоенное отсюда в языки чеченской группы: чечен. *saj*, ингуш. *sej*, тушин. *sag* (?). В пользу этого говорит и то, что самка оленя имеет в осетинском также иранское наименование: *qwaž | ġewanž* = др. иран. **gavasna*, согд. *γawazn*.

Иранского происхождения кажутся нам также ирон. *sægut*, диг. *ræwes* 'косуля'.

Напротив, названия типично-горных животных вошли в осетинский из кавказского мира:

серна: ос. *syč'i | sk'e*, ср. мегрел. *sk'veri*, груз. *šveli*;

тур: ос. *zəbıdyr | zəbodur*, ср. балкар. *žığutur*.

К числу животных, знакомство с которыми осетин, говоря высоким стилем, теряется в глубине веков, относятся мышь, еж, выдра и ласка.

ос. *myst | mista* 'мышь' (конечное *t | te* представляет позднейшее наращение) = др. иран. *miš*, др. инд. *miš*, русск. *мышь*, лат. *mus*, греч. μῦς, др. верхненем. *mus*, нем. *Maus*;

ос. *wuzyn | uzun* 'еж' = армян. *ozni*, русск. *еж*, литов. *ežis*. греч. ἔχινος, нем. *Igel*;

ос. *wyrd* | *urdaē* (из *udra*) 'выдра' = др. иран. *udra*, др. инд. *udra*, литов. *udra*, русск. *выдра*, греч. ὕδρος, ὕδρᾱ 'гибра', нем. *Otter* 'выдра';

ос. ирон. *mustələg*, *mystuləg* 'ласка' = лат. *mustela* 'куница';

Обращаясь к птичьему царству, мы без труда выделяем здесь группу наименований, относящихся к древнейшему слою языка. Таково, во-первых, общее название пернатых *marg*, ср. др. иран. *margha*, др. инд. *mrga*, перс. *murğ* 'птица'. Отсюда *buləmərg* | *borməlgə* 'соловей', букв. «желтая птица», диг. *šawməlgə* 'скворец', букв. «черная птица», диг. *zumarğ* (из *zum-marg*) 'горная индейка', букв. «зимняя птица».

К древнеиранской эпохе относится также, несомненно, знакомство с орлом, вороном, вороной, журавлем, дикой уткой, перепелкой, голубем, ласточкой:

ос. *sərgəs* 'орел' из *kark-as*, *čark-as*, букв. «куроед»; ср. согд. *čarkas* 'орел';

ос. *synt* | *sunt* 'ворон' = памир. *šönd* 'ворон';

ос. *xalon* 'ворона', ср. в иранских языках Припамирья *xurn* 'ворона', а также лат. *cornix*, греч. κορώνη 'ворона';

ос. *zurnəg* 'журавль' возводится к древнеиранскому **zurana-ka*, родственно греческому γέρανος, русскому *журавль*, немецкому *Kranich*.¹

ос. *acc* 'дикая утка' безупречно отвечает древнеиндийскому *āti* 'водяная птица'; то же слово с назализованным *a* дало обще-индо-европейское название утки; литов. *antis*, нем. *Ente*, русск. *утка* (из *anti-ka*), лат. *anas*;

ос. *wərcs* | *wərccə* 'перепелка' = др. инд. *vartikā*, греч. ὄρνις;

ос. *axsinəg* 'голубь дикий', ср. др. иран. *axšaina* 'синий';

ос. *bəlon* 'голубь домашний', ср. литов. *balandis*;

Ласточка, любимица нартовского эпоса, «вестница бога» и «друг людей» («*xuycawu minəvar*», «*adəmlimən*»), носит название, имеющее, кажется, иранский облик: *zərvatygg* вероятно из *zər-fadyg* 'желтоногая'.

Названия некоторых птиц проникли из тюркских языков: *qərcsuyə* 'ястреб' (тур. *qacərgə*), *zəğynzəg* 'сорока' (балк. *čagənžik*), *dudaq* 'дрофа' (тур. *tutaq*). *Məqqyl* 'стрепет' сопоставляется с чеченским *taqqal* 'стрепет'; этим же именем (в форме *məqqəl*) осетины называют ингушей, что является, несомненно, отзвуком тотемистических представлений.

О названиях домашних птиц см. ниже.

К древнеиранскому восходит осетинское название рыбы *kəf*; ср. сакское *kava* 'рыба', согдийское *kap*, памир. *kāp* 'рыба'. Другое название для рыбы: *kasag* не имеет надежных соответствий в иранских языках,

¹ Другое название для журавля *qiriqurp* | *qurroj* звукоподражательного происхождения.

но на основании венгерского *keszeg* 'порода рыбы' можно утверждать, что мы имеем дело со старым аланским словом. Названия отдельных пород рыбы в осетинском пока недостаточно изучены.

Два малоприглядных существа были известны осетинам с незапамятных времен и названия их благополучно пережили несколько тысячелетий: змея и лягушка:

ос. *kalm* 'змея' = др. иран. **karmi*, др. инд. *kṛmī*, перс. *kirm*, литов. *kirmis* 'червь';

ос. *xæfs* | *xæfsæ* 'лягушка' = др. иран. *kasyapa* (через ступени *kaspa* → *kapsa* → *xæfsæ*).

Если бы мы, на основании всех показаний языка, пытались охарактеризовать с географической стороны древние места расселения осетин, мы сказали бы так: это была лесостепная область средних широт, хорошо орошаемая реками. Приречной характер древнеосетинских поселений сказался между прочим в том, что названия реки и воды совпали: ос. *don* значит и «река» и «вода». Показательно, кроме того, что древнеиранское *čāta* 'колодець' не удержалось в этом значении, а получило в осетинском значение 'озеро' *cad*.¹

Только благодаря соседству с крупными реками и водными бассейнами могли возникнуть те богатые и яркие представления о подводном царстве и его владыке *Донбетре*, о происхождении эпических героев из водной стихии, с которыми ежеминутно встречаемся в осетинском эпосе. Для исконных горных жителей такие представления были бы совершенно необъяснимы.

Что древней родиной осетин-иранцев была лесостепная, никак не высокогорная область, можно кажется утверждать с полным правом. Специфические термины высокогорной зоны в осетинском — не иранского, а кавказского происхождения:

ос. *c'iti* | *c'ete* 'глетчер' — груз. *c'veti*;

ос. *zæj* 'лави́на' — сван. *žāj*, груз. *zavi*;

ос. *k'æj* 'сланец', 'плитняк' — сван. *k'a*, балк. *gəjə*;

ос. *dur* | *dor* 'камень' родственно чеченскому *t'ulg* 'камень'.

Вспомним и то, что говорилось выше о названиях серны и тура.

Для некоторых горно-ландшафтных обозначений использованы анатомические названия: *kom*, обозначавшее «рот», «пасть», стало употребляться для «ущелья», *æfсæg* «шея» стало означать также «перевал».

¹ Проследить судьбу отдельных слов представляет крайне увлекательное и поучительное занятие. Древнеиранское *čāta* 'колодець' закономерно дало в новоперсидском *čāh* 'колодець'. Из персидского оно было заимствовано в грузинский: *č'a* 'колодець'. Из грузинского его воспринял осетинский: *c'aj* 'колодець'. Таким образом, на осетинской почве вновь встретились древнеиранское *čāta* в форме *cad* со значением 'озеро' и то же самое слово, прошедшее через персидский и грузинский и получившее форму *c'aj*. Встретились и уже не узнали друг друга.

Материальная культура

На заре своей истории осетины были знакомы уже по крайней мере с тремя металлами: железом, золотом и серебром;

ос. *æfsæn*, *æfsæjnag* 'железо' = афг. *ōspanah*, памир. *spīn*, согд. 'spn-.

ос. *zærinæ* (чаще *syǰzærin* | *suǰzærinæ* из *surx zærinæ* 'красное золото') «золото» = др. иран. *zaranya*, скиф. *zarina* (= устанавливается на основании скифского женского имени Ζαρῖνα).

Обще-индо-европейское название серебра прекрасно сохранилось в осетинском, но претерпело смещение значения: оно стало означать не металлическое серебро, а серебряную руду, а потом и вообще руду:

ос. *ærzæt* 'руда' — др. иран. *arzata*, др. перс. *ardata*, др. инд. *arjata*, арм. *arc'at*, ирланд. *argat*, лат. *argentum*, греч. ἄργυρον.

Осетинское название серебра *ævzist* | *ævzestæ* имеет соответствие в угро-финских языках: венг. *ezüst*, удмурт. *azveš* и др. (см. выше стр. 33). Поэтому одно время казалось, что осетинский заимствовал это слово из угро-финских. Но остроумное сопоставление шведского ученого Петерссона ос. *ævzestæ* с русск. *звезда* делает вероятным, что мы имеем перед собой старое индо-европейское слово. Действительно, древняя форма осетинского слова должна была звучать *zvesta*, а палеонтология речи устанавливает, что металлы получали часто названия от космических понятий: неба, солнца, звезды и проч.

Название стали *ændon* имеет сложные связи с одной стороны с угро-финскими (удмурт. *andan*, коми *jendon*), с другой — с кавказскими (чеч. *ondun*, ингуш. *onda* 'твердый'), и происхождение его нельзя пока считать выясненным. Но оно встречается в скифских именах. Ос. *ærxwuy* | *ærxī* 'медь' (ср. вогульск. *ärgin*, удмурт. *irgon*, коми *yrġōn*, марийск. *vörgeñe*) идет вероятно из угро-финских языков.

Неясно происхождение слова *zdy* | *izdi* 'свинец'. *K'ala* 'олово' усвоено на Кавказе (ср. груз. *k'ala*, араб. *qālay* и др.).

Огонь, священная стихия древних иранцев, начало и основа человеческой культуры, сохранил в осетинском, как и можно было ожидать, старое иранское наименование:

ос. *art* (перестановка из **ātr*) = др. иран. *ātar* (в косвенных падежах основа *ādr*), др. инд. *āthar*, согд. *ātr*, курд. *ār*.

Из встречи металлов с огнем родилась древняя металлургия — кузнечное дело. Судя по тому, какое выдающееся место занимает в осетинской мифологии и эпосе бог-кузнец Курдалагон, можно думать, что кузнечное дело стояло у древних осетин на значительной высоте и пользовалось большим почетом. Иначе оно и не могло быть, ибо, как видно из того же эпоса, война и охота были в более древнюю эпоху весьма обычными занятиями осетин, и изготовление оружия в достаточном количестве и хорошего качества было необходимым

условием благополучия и безопасности народа. Названия всех почти видов холодного оружия восходят к древнеиранской эпохе — лук, стрела, копье, меч, топор, палица, щит, кольчуга.

ос. *ærdyn* | *ærdunæ* 'лук' = др. иран. *druna*, перс. *durūna*;

ос. *fat* 'стрела' = др. иран. *pātha*;

ос. *arc* 'копье' = др. иран. *aršti*, др. инд. *ṛṣṭi*;

ос. *kard* 'меч', 'нож' = др. иран. *karta*, перс. *kārd*; усвоено в некоторые угро-финские языки — венг. *kard* и др.;

ос. *æxsærgard* 'сабля' восстанавливается в древнеиранское **xšatra-karta*;

ос. *feræt* 'топор' = др. иран. *parasu*, др. перс. **paraḥu*;

ос. *wart* 'щит' = др. иран. *vartra*;

ос. *zǰær* 'доспехи', 'кольчуга'¹ = афган. *zgharah*.

Не-иранским является название кинжала *qama*. Повидимому, это оружие не было в ходу у иранцев-осетин и они познакомились с ним на Кавказе; ср. кабард., черк. *qama*, абхазск. *aqama* (из тур. *qama*).

Названия ружья и пистолета взяты из тюркского: ос. *top* 'ружье' = тур. *top*, ос. *dambaca* 'пистолет' = тур. *tapança*.

Из названий орудий труда *fijjag* 'лопата' является повидимому, общеиранским (ср. памир. *fiāk* 'лопата'), а *sart* 'долото', *ræs* 'напильник', *arduan* 'терпуг', *arjævnæ* 'клещи' во всяком случае аланскими. Относительно *feræt* 'топор' см. выше.

На иранской почве разъясняется также *asin* 'лестница'.

Из предметов одежды, насколько позволяют судить их названия, осетинский унаследовал от древнеиранского шапку, бешмет, пояс, шубу, бурку;

ос. *xud* | *xodæ* 'шапка' = др. иран. *xauda*;

ос. *kuræt* 'бешмет' = ср. согд. *qwrty* (читается, вероятно, *kurta*) 'рубашка', тадж. *kurta*;

ос. *ron* 'пояс' = др. иран. *rāna* 'поясница', перс. *rān*, афг. *rān*, памир. *rān*;

ос. *kærc* 'шуба', ср. памир. *karas*, *karast*; из осетинского усвоены, повидимому, чечен. *kerč* 'тулуп с длинными рукавами', груз. *kerč*;

ос. *nymæt* | *nimæt* 'бурка', возводится к древнеиранскому *nimata*, ср. перс. *nabad*.

Все эти названия могли, повидимому, относиться одинаково и к мужской и к женской одежде; особых названий для последней в древний период не обнаружено.

Остальные названия одежды либо заимствованы (напр. *cuqa* 'черкеска', ср. тур. *cuqa*, *čoxa*, груз. *čoxa*, *k'aba* 'женское платье', ср. груз. *k'aba* и др.), либо неясны по происхождению.

¹ Отсюда *zǰær-xadon* 'кольчуга', *zǰær-xud* 'шлем', *zǰær-cong* 'налокотник'.

Ткацкое дело у осетин, по данным языка, столь же древне, как кузнечное. Старыми иранскими словами являются как различные названия шерсти — *ǰun*, *fəsm*, *fest* (см. ниже), так и ткацкие термины:

- ос. *ælvisyn* | *ælvesum* (из *æv-lis-yn*) 'прясть', ср. перс. *rīštan*;
 ос. *nyvəndyn* | *nivəndun* 'мотать пряжу' = др. иран. *ni-band*;
 ос. *wafyn* | *wafun* 'ткать' = др. иран. *vab*, *var*, др. инд. *var*, перс. *bāftan*, греч. ὑφαίνω, нем. *weben*;
 ос. *ælvynyn* | *ælvinun* 'стричь' (из **vrin*) = др. иран. *brin*, ср. русск. *брить*.

Названия частей веретена и ткацкого станка *ælxuj*, *wædert*, *wæfti* и пр. имеют также вполне иранский облик.

То же относится и к швейным терминам:

- ос. *xuǰyn* | *xujun* 'шить' = др. иран. *hu*, др. инд. *su*, *siv*, русск. *шить*, лат. *suo* (диг. *xud* = русск. *шить* = лат. *sutum*);
 ос. *suzin* | *sozine* 'игла' = др. инд. *śuči*, курд. *suzin*, перс. *sōzan* (от корня др. иран. *suč* 'жечь', букв. «жгучая»);
 ос. *ændax* 'нитка' из *ham-tak*, ср. русск. *начать*;
 ос. *sinag* 'шнур' бытовало у алан, как видно из венгерского *szineg* 'шнур' и др.

Из иранского идут основные термины средств передвижения и упряжи: арба, оглобля, колесо, уздечка, подпруга, ярмо;

- ос. *wærdon* 'арба' = авест. *vāša* (из *vārta*), согд. *vartan* 'колесница';
 ос. диг. *ar* 'оглобля' = др. иран. *arma*, собств. «рука»;
 ос. ирон. *rætenəǰd* 'оглобля' восстанавливается в др. иранское **ratha(n)-haxta*, букв. «ляжка колесницы»;¹
 ос. *calx* 'колесо' = др. иран. *čaxra*, др. инд. *čakra*, перс. *čarx*, греч. *χύκλος*;
 ос. *widon* 'уздечка' = др. иран. *avidāna*, др. инд. *abhidhānī*;
 ос. *æxtong* (из *æx-tong*) 'подпруга', ср. перс. *tang* 'ремень';²
 ос. *æfsonz* 'ярмо' возводится к др. иранскому **spanti*;
 ос. *stivz* | *stevzæ* 'шворень ярма' возводится к др. иран. **stipti*;
 ср. нем. *Stift*.

Термины, связанные с передвижением по воде, т. е. названия различного вида пловучих средств и их частей скудно представлены в современном осетинском. Есть данные думать (по материалам эпоса и дигорского диалекта), что когда-то эта терминология была довольно богата, но, благодаря долгой оторванности от крупных водных бассейнов и рек она постепенно утрачивалась и забывалась. Показательно,

¹ Отдельно древнеиранское *ratha* 'колесница' в осетинском не сохранилось, но, как это часто бывает, удержалось в составе сложного слова *rætenəǰd* 'оглобля'.

² Напротив, название седла представляет относительно позднее заимствование из арабского: ос. *sarg* = араб. *sarg*.

все же, что обще-индо-европейское название корабля удержалось в осетинском: ос. *naw* = др. инд. *nām*, перс. *nām*, греч. *ναῦς*, латин. *navis*, ирланд. *navi*.

Жилищные термины в осетинском не все удалось пока разъяснить. Но несомненно, что некоторые из них имеют многотысячелетнюю древность. Таково название двери: ос. *duar* = др. иран. *dvāra*, др. инд. *dvāra*, русск. *дверь*, перс. *dar*, нем. *Tor*, *Tür*.

Название окна, прон. *ruzyng* образовано от корня *ruč*, *rauč* 'свет' (ср. *ruks* 'свет'); ср. авест. *raočīna*, *raočana* 'окно'. В старину различались два отверстия для света, верхнее в потолке, служившее также для выхода дыма от очага, и боковое — в стене. Первое называлось *səjrag* 'верхнее', второе *fərsrag* 'боковое' (подразумевалось *ruzyng* 'окно'). Впоследствии *fərsrag* само стало обозначать окно вообще.

Происхождение слова *xəzar* 'дом' пока неясно. Зато *sk'æt* 'хлев' очевидным образом восходит к древнеиранскому **fšu-kata* 'помещение для овец'.

Обще-иранским является также глагол *aǰwɣndɣn* | *aǰɣndɣn* 'покрывать крышей' (отсюда *aǰust* 'постройка, помещение'); ср. др. иран. *gud*, *gund* 'покрывать'.

Большой культурно-исторический интерес представляет ос. *kərt* 'двор'. Диапазон его распространения огромен. От финно-угорских языков и чувашского через осетинский, чеченский, ингушский до армянского: мордов. *kardas* 'двор', 'хлев', чуваш. *karda*,¹ венгер. *kert*, осет. *kərt*, чечен. *kert*. В армянском в названиях населенных мест *kert* соответствует русскому «город»; ср. историческое название *Tigrano-certa*, современное *Степанакерт*. Нельзя сказать с уверенностью, кому принадлежит это слово по происхождению. Но все говорит за то, что на осетинской почве оно бытует очень давно.

Не разъяснено до сих пор важное в культурно-историческом отношении слово *məsyg* | *masug* 'боевая башня'. Шведский ученый Лиден видит это слово в первой части названия кавказского племени *Μοσύνοιχοι*, упоминаемого Ксенофонтом в его «Отступлении десяти тысяч». Название *Μοσύνοιχοι* значило бы в этом случае «живущие в башнях».

Два важнейших термина дорожного дела восходят к древнеиранскому:

ос. *fəndag* 'дорога' = др. иран. *pan̄tā*, др. инд. *panthā*;

ос. *xid* | *xed* 'мост' = др. иран. *haitu*, др. инд. *setu*. Последнее слово усвоено в грузинский: груз. *xidi* 'мост'.

¹ Отсюда слово проникло в некоторые восточнорусские диалекты: вятский, пермский и др.: *карда* 'ограда', 'скотный двор'.

Очень пеструю картину представляют названия домашней утвари, посуды и пр. Наряду со старыми иранскими словами как *fynŋ* | *fing* 'стол' (ср. греч. πίναξ 'доска'), *bandon* 'стул' (из *bad-don* 'место для сиденья'), *maŋæn* 'кубок', *arynŋ* 'корыто для теста' (ср. др. иран. *ār* 'мука'), *avdæn* 'колыбель' (из *a-udæn*), *baŋ* 'подушка' (= др. иран. *barziš*, др. инд. *barhiš*, перс. *bāliš*, армян. *barz*), *lystæn* | *listæn* 'подстилка', мы находим здесь элементы тюркские (*təbæŋ* 'тарелка'), кабардинские (*aqwvzæ* 'стакан'), чеченские (*qulyŋ* 'маслобойка'), грузинские (*sasir* 'сито'), русские (*pec* 'печь') и др. Происхождение некоторых терминов этого круга пока не установлено: *k'arta* 'ведро (деревянное)', *lalym* 'бурдюк' и др.

Терминология гончарного дела и гончарных изделий бедна и неоригинальна. Повидимому, эта важная отрасль древней техники не получила у иранцев-осетин большого развития. Зато стекло носит старое иранское наименование *avŋ* (от *ār* 'вода'). Судя по тому, что это слово было усвоено из осетинского в венгерский (*üveg*) и кабардинский (*abŋ*), надо полагать, что эти народы именно от осетин-алан познакомились со стеклянными изделиями.

Хозяйство

Материалы языка подтверждают другие исторические свидетельства, из которых видно, что осетины появились на арене истории как народ-скотовод и кочевник.

Скотоводческая терминология выступает в языке компактной и цельной массой, с печатью большой древности и единого, именно иранского происхождения. Между тем как другие отрасли хозяйства представлены словами весьма пестрого состава, идущими из разных эпох и разных источников, а в некоторой части не поддающимися разъяснению.

Пастушеский кочевой быт древних осетин ярко отразился в следующем факте. Общеарийский глагол *śar*, означающий во всех арийских языках «пасти скот», «кочевать, пастись скотом», а отсюда и вообще «кочевать», «бродить», этот же самый глагол в осетинском, в форме *сæryn* | *сærin* означает «жить». Иначе говоря, в устах древнего осетина «жить» — это значило «кочевать».

Осетинское название пастуха *fæjŋaŋ* восходит к арийскому корню *pa* 'стеречь', 'пасти', снабженному суффиксом *am*.

Разводили осетины всех тех животных, которых мы находим у древних иранцев, кроме верблюда: лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз, свиней. Нижеследующие соответствия дадут читателю представление о древности и обширных связях соответствующих осетинских наименований:

ос. *jæfs* | *æfsæ* (перестановка из **æsfæ*, *aspa*) 'кобыла' = др. иран. *aspa*, перс. *asp*, др. инд. *aśva* 'лошадь', литов. *ašvą* 'кобыла', латин. *equus*, греч. ἵππος 'лошадь';¹

ос. *wyrs* | *urs* 'жеребец' = др. иран. *vṛšan*, др. инд. *vṛšan* 'самец', памир. *vortš* 'конь', литов. *vėrszis* 'теленоч', лат. *verres* 'боров';

ос. *bairag* 'жеребеноч', ср. др. иран. *bār* 'ездить верхом'; отсюда и ос. *baræg* 'всаднич', ср. пехл. *bārak* 'всаднич'; ср. также перс. *bāre*, *bāregī* 'лошадь', памир. *wqarak* 'лошадь';

ос. *stur* | *stor* 'бык', 'корова' = др. иран. **staura*, пехл. *stōr*, шугнан. *stōr*, сарыкольск. *staur*, курд. *estōr*, ягноб. *sutur*, перс. *sutōr*;

ос. *qug* | *ḡog* 'корова' (из **gauka*) = др. иран. *gau*, др. инд. *go*, белудж. *ḡōk*, нем. *Kuh*, арм. *kov* 'корова', *kogī* 'масло' (букв. «коровье»);

ос. *wenyg* | *iwonæg* 'бычок', ср. др. иран. *yuvan*, др. инд. *yuvan* 'молодой', пехл. *yuvān*, *juvan* 'юный', лат. *juvenis* 'юноша', лат. *juvencus* 'бычок', русск. 'юный';

дигор. *wass* 'теленоч' = др. инд. *vatsa*, ягноб. *vasa*; ср. мордов. *vaza*, фин. *vasa*;

ос. *fys* | *fus* 'овца' = др. иран. *pasu*, др. инд. *paśu*, сак. *pasa*, курд. *pas*, белудж. *pas*, памир. (вахан.) *pus*; наконец, лат. *pecus* 'скот', готское *faihu* 'имущество', нем. *Vieh* 'скот' относятся сюда же;

ос. *wer* 'ягненоч' (отсюда *wærykk* | *wærikka* 'ягненоч', *wærgun* 'полярковая шерсть', *walzarm* 'мерлушка', *wælygæs* 'пастух ягнят') = др. иран. *var*, *ur*, др. инд. *urna* 'баран', памир. (вахан.) *warr*, перс. *barr*, белудж. *gvarak*; ср. также памир. (орошор.) *warbon* 'тулуп', лат. *vervex* 'баран' греч. ἀρνυ 'ягненоч';

ос. *sæg* 'коза' = др. инд. *śhāgā*;

ос. *xwυ* | *xu* 'свинья' = др. иран. *hū*, перс. *xūk*, др. инд. *sū*, греч. ὕς, лат. *sus*; сюда же примыкает русск. *свинья* и нем. *Schwein*.

Для копыта осетинский удержал также древнеарийское слово; ос. *sæfteg* (из *sæf* + *teg*) 'копыто' = др. иран. *safa*, др. инд. *śapha*, нем. *Huf*.

Собака, верный друг и помощник всех пастухов и охотников со времен неолита, носит в осетинском название *kuž*; *kuž* восходит закономерно к *kuti*. Повидимому, это слово было характерно только для северной группы иранских языков (ср. ягноб. *kut* 'собака'). Южно-иранские наречия имели для собаки другую основу *spā*, *spāka*. К северно-иранскому *kuti* примыкает восточнорусское *кутя*, *кутенок* 'щенок', а также турецкое *kuşik* 'щенок'. Ос. *qævdyn* (перестановка из **gædv*) 'щенок' сопоставляется нами с авест. *gadwa* 'собака'.

Следует упомянуть еще одно полезное домашнее животное, название которого в осетинском имеет такую же почтенную древность, как вышеприведенные. Мы имеем в виду осла: ос. *xærag* 'осел' = др. иран. *xara*, др. инд. *khara*, перс. *xar*; первоначально это

¹ Об осетинском *baæ* 'лошадь' речь будет ниже.

слово обозначало «серый», ср. диг. *xeræ-meġ* 'серый туман', *xer-wes* 'ива', букв. «серая лоза».

Если скотоводство действительно составляло основу древнеосетинского хозяйства, то мы вправе ожидать, что не только названия домашних животных, но и наименования продуктов и процессов скотоводческого хозяйства будут такой же древности и такого же иранского отпечатка. Так оно на самом деле и оказывается. Приведем некоторые соответствия;

ос. *ræz* 'летнее пастбище' = др. инд. *vraja* 'загон для скота', 'стадо';
ос. *fæz* | *fæzæ* 'луг', 'поле', 'ровное, покрытое травой пространство',
ср. русск. *пáжа, пáжить* 'луг', 'поле', 'пастбище';

ос. *daræn* 'временное стойбище скота', восходит к древнеиранскому *dārana* 'место держания (скота)';

диг. *stojnæ* 'скотный двор' = др. иран. *stāna*, др. инд. *sthāna* 'место стоянки';¹

ос. *xos* | *xwæsæ* 'сено', = сак. *hwasa* 'трава';

ос. *xollag* | *xwallag* 'корм', восходит к др. иран. **xvāryāka* 'корм';

ос. *ducyn* | *docyn* 'дойть' = др. иран. *doh*, др. инд. *doh*, *dogdhi*, *dōgha*, перс. *dōxtan* 'дойть', бел. *dūšim* 'я дою', *došag* 'дойть', вахан. *ḍīcam* 'я дою', сарыкольск. *dausam* 'я дою';

ос. *xsyr* | *æxsir* 'молоко' = др. иран. *xšira*, др. инд. *kṣīra*, перс. *šīr*, памир. *xšīr*;

ос. *misyn* | *mešin* 'пахтанье' = ягноб. *mešin*;

ос. *carv* 'масло' = сак. *tcarba*, пехл. *čarp*, пазенд. *čarw*, перс. *čarb*, белудж. *čarp*, афган. *tsōrb*, арм. *čarp* 'жирный', 'жир'; это слово имело, повидимому, вариант с начальным *s*, который мы находим в других индо-европейских языках: др. инд. *sarpi* 'масло', англ. *salve*, англосакс. *sealf*, нем. *Salbe* 'мазь', греч. ἔλπος 'елей', ἔλφος 'масло';

ос. *cyxt* | *ciġd* 'сыр', как можно думать на основании чувашск. *ĕğhät* 'сыр', является во всяком случае аланским:

ос. *fyd* | *fid* 'мясо' = др. иран. *pitu*, др. инд. *pitu* 'пища';

ос. *fiw* 'жир' = др. иран. *pīvah*, др. инд. *pīvas*, греч. πῖων 'жирный'.

Название шашлыка *fižonæg* | *fežonæg* является едва ли не древнейшим кулинарным термином в осетинском. Название орудия, с помощью которого изготавливается шашлык, т. е. вертела, имеет также многотысячелетний возраст:

ос. *waxst* | *wxst* = др. иран. **uxšti*, русск. *ость* 'острие' (ср. *острый*).

О терминах, связанных с обработкой шерсти, мы уже говорили выше.

Таким образом, весь скотоводческий цикл со всеми его отраслями представляется, по данным языка, единой, весьма древней и по удель-

¹ Об. ос. *sk'æt* 'хлев' см. выше.

ному весу важнейшей формой хозяйственной деятельности осетин в прошлом.

По сравнению со скотоводством, остальные отрасли хозяйства имели в древности второстепенное значение.

Земледелие, которое требует по крайней мере частичного перехода на оседлость, внедрялось у осетин постепенно, несколькими этапами. Отсюда большая разношерстность земледельческих терминов по их происхождению и давности бытования на осетинской почве. Наряду с более древними элементами, мы встречаем здесь более новые, воспринятые у соседних народов.

Так, название плуга *guton* | *goton* заимствовано из кавказских языков; ср. груз. *gutani*, чечен. *gotan*, аварск. *kutan*, арм. *kutan*, курд. *kotan*, перс. *kutān*. То же можно сказать об осетинском *poxxi* 'борона' (ср. груз. *poxxi*). Тогда как другие два названия бороны — диг. *asojnæ* и ирон. *adæg* — по всей вероятности, старые индо-европейские слова. Ос. *zyvyr* | *zibur* 'соха' пока не разъяснено.

Истинным апофеозом земледелия звучат древние дигорские песни «*Dalæ i buduri næ gotæntæ*» («Вот на равнине наши плуги») и «*Xuareldari zar*». («Песня повелителя урожая»).¹

Из культурных растений осетины с давних времен знакомы с просом, ячменем и пшеницей. Древнеарийское *yava*, которое у древних индусов и у всех иранцев означает «ячмень», получило в осетинском значение «просо»: ос. *jæw* 'просо', др. иран. *yava*, др. инд. *yava*, памир. *yavaj*, ягноб. *yau* 'ячмень'.

Ячмень же зовется в осетинском *xor* | *xwar*, *qæbær xor*, что восходит к древнеиранскому *xvārna* и значит просто «пицца». ² Это слово может означать вообще «злак», в том числе и «просо» (*bur-xor*), ср. назв. божества *Burxor-Ali* покровитель злаков.

Название пшеницы *manæw* образовалось, по нашему предположению, из *mæn-jæw* 'мой ячмень'.³

Кукуруза, попав впервые к осетинам, поразила их своим необычным для злаков видом и была названа *nart-xor*, т. е. «злак Нартов» (Нарты — легендарный богатырский народ осетинского эпоса).

Названия других культурных растений в осетинском идут большей частью из кавказского мира (*qædur* 'бобы', *sæxæra* 'свекла', *zætxæ* 'овес' и др.).

Из меда и ячменя изготовлялись алкогольные напитки: *rong* и *aluton*. Оба эти напитка упоминаются только в эпосе, но там они занимают весьма почетное место. *Rong* изготовлялся из

¹ См. Пам. народ. творч. ос., вып. 2, 1927, стр. 142.

² На основании осетинского *kærgyn* 'хлеб' (ячменный, впоследствии также кукурузный), составного из *kær* и суффикса *zyn*, мы предполагаем, что для ячменя существовало еще наименование *kær*, идущее из кавказского субстрата; ср. груз. *keri* 'ячмень'.

³ См. ниже, стр. 587 сл.

меда и отличался большой крепостью. Мы возводим это слово к древнеиранскому **frāna-ka*; ср. др. инд. *prāna* 'дыхание', 'дух'; по семантике ср. лат. *spiritus* 'дух', спирт'.

Æluton 'пиво особой варки', старое аланское слово, примыкает к северногерманскому *alut* 'пиво', ср. англ. *ale*, финское (заимствованное из германского?) *olut* 'пиво'¹.

Осетинское название колоса *æfsir* | *æfser* восходит закономерно к *sper* и представляет старое индо-европейское слово, особенно богато представленное в германских языках, ср. др. нижненемецкое *sp̄r* 'кончик ростка', 'колос', др. шведское *sp̄ra* 'стебель', англ. *spire* 'шпиль', нем. *Speer* 'копье' и др.

Древность и происхождение мукомольного дела у осетин пока не установлены. Названия ступки и пестика *fæxt* и *ælxoj* | *ælxojnæ* восходят, повидимому, к древнеиранскому. Название мельницы *kwyroj* | *kurojnæ* сближается с готским *kwairnus*.

Давно известна осетинам конопля, *gæn*. Название ее примыкает к некоторым европейским названиям этого растения, ср. русск. *конопля*, греч. *κάνναβις*, нем. *Hanf*. Однако ср., с другой стороны, сван. *kan*, абхаз. *akán* 'конопля'. Выражение *gænyston fæu!* 'чтобы тебе зарости коноплей!' является в осетинском не благословением, а проклятием, и свидетельствует о том, что речь шла не о культурной конопле, а о дикой, рассматривавшейся как сорное растение.

С плодовыми и огородными культурами осетины, по всем данным, познакомились только на Кавказе. Нет ни одного названия плодового дерева или овощи, которое восходило бы к древнеиранскому.

Нет в языке никаких указаний на то, чтобы осетины были когда-нибудь виноделами, хотя вино им известно с давних пор. Название вина *gæn* общее у осетин с кабардинцами. Это старое культурное слово, сфера распространения которого, помимо Северного Кавказа, захватывала и древнюю Скифию, т. е. Южную Россию.

О других отраслях хозяйства может быть сказано немногое.

Охота вряд ли была когда-нибудь у осетин единственным или даже главнейшим источником существования. Но, несомненно, с другой стороны, что с древнейших времен и до недавнего прошлого она была важным, серьезным и излюбленным побочным занятием мужчин, игравшим свою роль в общем хозяйственном балансе. Думать так заставляет многое.

В древнем осетинском эпосе (сказания о Нартах) охота, наряду с войной, служит самым обычным и любимым времяпровождением героев. Охотники имели в осетинском пантеоне свое особое божество-покровителя *Afsati*. У осетин, как и у многих охотничьих народов, есть осо-

¹ См. ниже, стр. 338 сл.

бий — и довольно богатый — охотничий язык. Показательно также, что названия главных видов дичи в осетинском идут от глубокой древности. Чтобы не повторяться, мы отсылаем читателя к тому, что говорилось выше о названиях оленя, косули, медведя, волка, лисы, дикой утки, перепела.

Много имеется данных за большую древность у осетин пчеловодства или, во всяком случае, бортничества. Мед был необходим для изготовления *ронга*, любимого алкогольного напитка осетин. Терминология пчеловодства отличается, особенно в дигорском диалекте, большим богатством и притом она совершенно оригинальна. Пчеловоды в Дигории имели, подобно охотникам, особого бога-покровителя, именуемого *Anigol*. Название меда, *myd* | *mid*, представляет разновидность древнего обще-индо-европейского, можно даже сказать евразийского названия этого напитка: ср. др. иран. *madu*, др. инд. *madhu*, русск. *мед*, нем. *Met*, греч. μέθυ, 'опьяняющий напиток' и др. Встречается это слово также в угро-финских языках и в языках Азии вплоть до японского.

В ряде терминов, связанных с пчеловодством, мы встречаем элемент *ævz* | *æfs* (диг. *ævzak'ec*, *ævzajod*, *ævzæn*, *ævzænqure*, ирон. *æfsyz* и др.). Это *ævz*, *æfs* можно сопоставить с индо-европейским названием осы. Ср. авест. *vavžaka* 'название какого-то дэвовского животного', белудж. *gvabz* 'пчела', 'оса', 'шершень', др. верхненем. *wafsa*, англосакс. *wafs*, литов. *vapsà*, русск. *оса* (из *онса*), лат. *vespa* 'оса'. Древнеиранская форма имела, возможно, два варианта: *vabza* и *vapsa*, которые и дали соответственно в осетинском *ævz* и *æfs*. Переход значения от «осы» к «пчеле» легко понятен. Начальное *v* могло отпасть как в *Acyruxs*, *Acamongæ* (из *Wacyruxs*, *Wacamongæ*). То, что *ævz*, *æfs* не сохранилось самостоятельно в значении «пчелы», следует объяснить действием словесного запрета, табу, которое распространилось на пчелу именно потому, что она была «священным» насекомым (ср. то, что говорилось выше о волке). С вытеснением слова *ævz*, *æfs* из обихода пчела стала называться описательно *mydybynz* | *midbinzæ* 'медовая муха'.

Древнеосетинское птицеводство ограничивалось, повидимому, разведением кур и может быть голубей. Из всех домашних птиц только эти две имеют в осетинском древние иранские названия:

ос. *kark* 'курица' = др. иран. *karka*, др. инд. *kṛka*, перс. *kark*, курд. *kurk*, ирл. *cerc* (= *kerk*);

ос. *wasæg* 'петух', от *was* = др. иран. *vas* 'петь';

ос. *bælon* 'домашний голубь', ср. литов. *baländis*.

Древним является также название для яйца:

ос. *ajk* 'яйцо' = др. иран. **āyaka*, курд. *haik*, перс. *hāya*; сюда же русск. *яйцо*, нем. *Ei* и пр.

С другими домашними птицами: гусем, уткой, индейкой осетины познакомились, судя по их названиям, от тюркских народов:

ос. *qaz* 'гусь' = тур. *qaz*;

ос. *babyz* 'утка' = тур. *babuş*; отсюда и чечен. *babušk*, ингушск. *boabæšk*;

ос. *gogyz* 'индейка' = каб. *göğüş* (из тур.?).

В нашем беглом обзоре мы коснулись лишь тех видов хозяйственной деятельности, о которых сигнализируют древнейшие материалы языка. В дальнейшей исторической жизни хозяйственный опыт народа все время обогащался и разнообразился, и этот процесс также отразился в языке, но проследивать его на всем протяжении до современности уже не входит в нашу задачу.

Основу всякого хозяйства составляет труд, и, в заключение нашего обзора мы считаем нелишним отметить, что глаголы «работать» и «строить», «созидать» относятся к старейшему фонду языка:

ос. *kusyn* | *kosun* 'работать' = перс. *kūšdan* 'стараться';

ос. *aragyn* | *aragun* 'делать', 'строить', 'созидать' представляет сравнение префикса *a* с обще-индо-европейским корнем *reg*, означающим 'направлять', 'управлять' и пр.; ср. др. иран. *raz*, лат. *rego* и т. д.

Общественно-бытовые отношения и мировоззрение

Древнейшей формой общественного существования осетин, до которой мы доходили по материалам языка и фольклора, является патриархальный род. Следы матриархальных отношений сохранились лишь в виде пережитков.¹

Обще-индо-европейское слово «брат» (др. иран. *brātā*, др. инд. *bhrātā*, ос. *ærvad* и пр., см. выше, стр. 20) имеет в осетинском (в иронском) значение не родного брата, а «члена того же рода», «родича». Для обозначения же родного брата создано новообразование *æfsymæc* | *ænsuvæc*, букв. «единоутробный».² Ос. *xo* | *xwercæ*

¹ Из языковых фактов отметим слово *afsin*, которое в других иранских языках (согдийском, персидском) засвидетельствовано как титул «господин», «правитель», в применении только к мужчине, тогда как в осетинском оно применяется только к женщине и значит «хозяйка дома», «старшая женщина в доме». Пережитки матриархальных отношений в этнографии и фольклоре многочисленны. См. М. Ковалевский. Современный обычай и древний закон, 1886, т. I, стр. 245 и др. — М. Косвен. Из истории родового строя в Юго-Осетии. Сов. Этнография 1936, № 2, стр. 7—11; Он же. Аталычество. Сов. Этнография, 1935, № 2, стр. 41—62. — См. также нашу работу «Нартовский эпос», в особенности раздел, посвященный знаменитой нартвской героине Сатане.

² Такую же картину находим в греческом: старое слово для «брата», *φράτωρ*, *φράτηρ* значит не «брат», а «член фратрии», т. е. родового союза. Когда явилась потребность выделить родных братьев из всей массы членов фратрии, было образовано новое слово *ἰδελφός*, представляющее точную кальку осетинского *ænsuvæc* «единоутробный».

‘сестра’ означало и теперь еще означает «всех женщин моего рода»; ос. *mady xo* | *madi xwæra* (букв. «сестра матери») — «всех женщин рода моей матери»; ос. *xæræfyrt* | *xwærifurt* (букв. «сын сестры») — «всех представителей того рода, который произошел от женщины моего рода».

Эти, на первый взгляд малозначительные лингвистические факты, в действительности приоткрывают завесу над целой эпохой в развитии общества. В переводе на язык социологии они означают, что род был первичной, а семья — вторичной организацией; что древний род возник не как результат расширения кровно-родственной семьи, а наоборот, семья выделилась вторичным образом из древнего рода. В полном согласии со сказанным мы находим в осетинском для «рода» старое слово *tyggag* | *tyggag* от вышедшего из употребления *tyg* | *tygæ* ‘сперма’ (ср. лат. *mucus* ‘слизь’), тогда как для «семьи» создано относительно новое слово *binontæ*, от *byn* | *byn* ‘наследуемое имущество’. Последнее наименование указывает, что обособление семьи из древнего рода было связано с возникновением института частной собственности.

В древнем слое языка нет слова, обозначающего «народ». Современное *adam* ‘народ’ представляет относительно позднее арабско-персидское заимствование. Подобное положение отражает древнюю родоплеменную дробность, когда народ не дошел еще до отчетливого сознания своего этнического единства.

Восприятие своего племени, как и чужих, было коллективное, т. е. коллектив мыслился как нечто первичное, а индивид — как нечто вторичное. Отсюда та особенность осетинских этнических терминов, что собирательное название всего племени представляет самую простую и краткую форму, а название единичного представителя этого племени — вторичную, производную, дериватную: *kæcæg* ‘кабардинцы (в целом)’, *kæcgon* ‘кабардинец’, *tætær* ‘татары’, *tætæivag* ‘татарин’, *ir* ‘осетины’, *iron* ‘осетин’ и т. п.¹

Племя управлялось на вечевых началах. Из глубокой древности осетины сохранили два термина народного самоуправления: *æmbyrd* | *æmburd* ‘собрание’ и *nyxas* | *nixas* ‘беседа’, специально «беседа на сельском собрании». Оба они восходят к древнеиранской эпохе: *æmbyrd* = др. иран. **hamburta* ‘собрание’, *nyxas* связано с *nyxasyn* ‘склеивать’ ‘спаять’.

В старом фонде языка нет никаких указаний на феодальные отношения или царскую власть. Термин *ældar*, который в позднейшее время

¹ Ср. древнерусские собирательные этнические наименования: чудь, весь, меря и т. п. Следуя привычным представлениям о примате коллектива над индивидом, осетинский даже арабскому *adam* ‘человек’ придал собирательное значение ‘народ’, ‘люди’ и уже отсюда с помощью своего суффикса *ag* образовал слово ‘человек’ *adæjtag*.

стал применяться к феодальной знати и переводится нередко словом «князь», означал первоначально не более, как «военный предводитель». Это видно из того, что в венгерском, куда он попал из аланского, он значит «начальник сотни», а у монголов, также воспринявших его от алан, он получил значение «(военная) слава». Самый факт заимствования этого слова в соседние языки свидетельствует о том впечатлении, которое производила на соседей военная организация алан (особенно славилась, как известно, аланская конница.). *Aldar* чисто осетинское слово, образовавшееся из *arm-dar* 'рукодержец'.

Рядом с алдаром стояла его супруга *æxsin*. В глубокую старину она была, возможно, такой же воительницей и вождем, как позднее *ældar*. В пользу этого, говорит то, что слово *æxsin* совершенно самостоятельного, не связанного с *ældar*, происхождения и притом древнее последнего: *æxsin* включает древний арийский корень *kša(y) xša(y)*, что значит 'сиять', 'властвовать' и родственно другим осетинским словам, содержащим этот же корень: *æxsid* | *æxsed* 'заря' *æxsidyn* | *æxsedun* 'кипеть', *æxsar* 'военная доблесть' и др.

Византийский писатель Цец сохранил нам это слово для XII века в форме $\chi\sigma\iota\chi$. У алан его заимствовали венгры, причем у них оно получило значение «дама», «женщина». То, что венгры взяли от алан пару таких социально значительных терминов, как *ældar* и *æxsin*, проливает свет на характер и интенсивность существовавших между ними отношений. Из аланского же идет армянское *axšen*, *ašxen*, сохранившееся до сих пор как женское имя.

Безопасность и преуспеяние рода и племени покоились на силе его боевой дружины, войска. Мы вправе ожидать, что вместе с другими терминами военной организации, название войска в осетинском также унаследовано от древних времен. Так оно и оказывается. Ос. *æfsad* 'войско' восходит к древнеиранскому *spāda* 'войско' и родственно персидскому *sipāh*.

Целиком связан с военной организацией еще один старый термин: *wacajrag*. Он употребляется в двух значениях: «пленный» и «раб». Уже сочетание этих двух значений говорит о том, что война и плен были главными, если не единственными источниками рабства. Этимология же данного слова, происходящего от среднеиранского *vāčār* 'торговля', указывает на то, что пленные, они же рабы, служили не столько для хозяйственного использования, сколько как предмет продажи на сторону.

Aldar и *æxsin*, с одной стороны, и *wacajrag* — с другой, составляли два крайних полюса несложной социальной лестницы древнеосетинского общества. Между этими полюсами располагалась масса свободных людей — воинов. Имела ли эта масса в древности какое-то особое наименование — трудно сказать. Возможно, что она называлась просто *æfsad* 'войско'. Может быть также, что к ней относилось наименова-

ние *ximætaeg*, которое теперь значит 'простой' (человек) и которое мы связываем с древнерусским *кмет* 'земский ратник', 'поселянин'.¹

Приведенными данными исчерпываются, кажется, свидетельства языка о социально-политической структуре осетин в древний период. Насколько можно судить, перед нами строй военной демократии. Род или племя образуют боевую дружину, возглавляемую в военное время предводителем — алдаром. Несложные проблемы мирного времени разрешаются амбурдом или нихасом, народным собранием.

Вся остальная социально-сословная терминология осетин, как-то *badeliatae* (название высшего сословия в Дигории), *wæzdan* ('благородный'), *færssaglæg*, *adæmixatt* ('свободный'), *kavdæsarð*, *qumajag* ('ограниченные в правах крестьяне'), *saǰar* ('раб') и др., все это — позднейшего происхождения, отчасти результат трансплантации на осетинскую почву кабардинских феодальных порядков.

Крупных городов древние осетины не строили. По крайней мере язык не сохранил для «города» никакого старого наименования. Современные *goræt* и *saxar* заимствованы из русского и персидского. Обычное название для населенных пунктов *qew* | *ǰew*, сближаемое Вс. Миллером с древнеиндийским *gavya* 'пастбище', означало, вероятно, в кочевом быту временное становище, а в оседлом — небольшое поселение, состоявшее, как правило, из членов одного рода.

Разделение труда было слабо выражено и шло, преимущественно, по линии поло-возрастных различий. Единственная профессия, которая обособилась очень давно, это — кузнецы. Из всех ремесел только кузнечное имеет старое, неразложимое наименование: *kurd* 'кузнец'. Остальные зовутся описательно: *sisamajag* 'строющий стены', *durarazæg* 'каменотес', *zabyrxujæg* 'башмачник' и т. д. Все это, по типу образования, вполне современные слова.

Кузнечное дело рано дифференцировалось на несколько специальностей, названия которых представлены в языке старыми образованиями: *æfsængurd*, или просто *kurd* 'кузнец по железу', *zæringurd* 'золотарь', *ærxigurd* 'медник'. Из некоторых нартовских сказаний можно заключить, что кузнецы занимали в нартовском селении особый квартал (*kurdty syx*).

Торговля была знакома осетинам с самых древних времён, до которых мы можем вообще дойти по материалам языка. Нижеследующие соответствия могут дать читателю представление о древности осетинских терминов торговли:

¹ Авеста, священная книга иранцев-зороастрийцев, дает картину более сложных и продвинувшихся социально-классовых отношений. Там различаются уже три сословия: воинов (*raðaeštar*), жрецов (*adhravan*) и крестьян (*vastryo-fšuyant*). Нет никаких признаков, чтобы у осетин жречество, если оно вообще существовало как обособленная группа, играло сколько-нибудь значительную роль в прошлом. Нет также указаний на обособление военного сословия: каждый, способный носить оружие, был воином.

ос. *wasar* 'торговля' (сохранилось только в слове *wasaɟrag* 'пленный', см. выше) = пехл. *vācār* 'торговля';

ос. *ælxænyn* | *ælxænun* 'покупать' (перестановка из *xran*) = др. инд. *krīn krīnāmi* 'я покупаю', др. ирланд. *crenim*, перс. *xarrīdan* 'покупать';

ос. *wəj* 'продажа', *wəj kænyn* 'продавать' = др. иран. *vah*, др. инд. *vas* 'продажа' (как *məj* 'месяц' из др. иран. *mah*, др. инд. *mas*), ср. др. инд. *vasna* 'цена', *vasnāyati* 'он торгует', перс. *bahā* 'цена' и др.;

ос. *arg* 'цена' = др. иран. *argha*, др. инд. *argha*, литов. *algá* 'плата', арм. *yargin* 'ценный', *anarg* 'ничтожный'.¹

Было бы однако ошибкой думать, что деньги и денежное обращение были известны осетинам с тех же отдаленных времен, что и торговля. В относящихся к деньгам терминах нет и следа той оригинальности и древности, которыми характеризуются термины торговли: *axca* 'деньги' и *som* 'рубль' — тюркские слова; *suari* 'пятак', *abazi* '20 копеек', *tuman* '10 рублей' — персидские слова, попавшие к осетинам через грузинское посредство. Очевидно, что торговля, о которой сигнализируют приведенные выше старые арийские слова, была торговлей меновой, причем меновой единицей служил обычно скот. Недаром осетинское *fos* | *fons* 'скот', подобно готскому *faihu*, значит в то же время 'имущество', 'богатство', 'добыча'.

Значительный интерес представляет осетинское слово *myzd* | *mizd* 'плата'. Оно относится к индо-европейскому слою, ср. др. иран. *mīzda*, перс. *mīzd*, русск. мзда, гот. *mizdo*, греч. *μισθός*. В современном употреблении осет. *myzd* значит 'жалованье', 'заработная плата'. Прощируя это значение в прошлое, мы должны были бы допустить, что в древнеосетинском обществе существовал наемный труд. Однако такой вывод был бы слишком поспешен. В примитивном родовом обществе наемный труд не мог иметь места и, стало быть, слово *myzd* имело тогда какое-то другое значение. Какое же именно? Ответ на этот вопрос мы находим, как кажется, в ведийском, т. е. в самых древних памятниках древнеиндийской речи. Там мы встречаем соответствующее слово *mīdha-*, но значит оно не «заработная плата», а «добыча в сражении». Картина ведийского быта, как она отражена в древнейших гимнах, во многом напоминает старый осетинский быт, о котором дают яркое представление нартовские сказания. Поэтому в семантике осетинских слов мы часто находим особенную близость именно к ведийскому среди всех индо-европейских языков. Одним из излюбленных сюжетов и ведийских гимнов, и нартовских сказаний являются походы за добычей. В Риг-Веде эти походы имеют особое название *gaviṣṭi*, что можно перевести приблизительно «жажда скота». Осетин-

¹ По всей вероятности из аланского усвоено венгерское *ár* 'цена'.

ское *myzd*, как и ведийское *mīdha-*, было связано первоначально с этими походами за скотом: *myzd* — это та доля, которая доставалась из добычи каждому участнику. Со временем, когда усилилась власть алдара-военачальника, последний стал единолично распоряжаться добычей, а воины получали от него лишь условленную плату. Соответственно эволюционировало значение слова *myzd*: вместо «доли в добыче», оно стало означать «наемная плата война».¹

Восстановить прошлую духовную культуру народа, не имеющего старой письменности, весьма трудно. Приходится довольствоваться отдельными фрагментами и намеками, сохранившимися пережиточно в языке и фольклоре.

Выступив на историческую арену как народ пастухов и воинов, осетины оставались такими на протяжении многих столетий. Народы этого типа характеризуются обычно склонностью к эпическому творчеству. К осетинам это относится в полной мере. Все говорит за то, что эпическая песня была от глубокой древности до наших дней той господствующей формой, в которую выливалось духовное творчество народа. Монументальным памятником этого многовекового народного творчества является осетинский героический эпос, так называемые сказания о Нартах. По сюжетному богатству, оригинальной силе, глубокой архаичности, сочетающейся с жизненностью и реализмом, осетинский эпос представляет выдающееся явление в ряду других памятников этого рода. Наряду со свидетельствами языка, он служит ценнейшим источником для суждения о древнем быте и мировоззрении. Хотя в сказаниях о Нартах немало позднейших наслоений, основное ядро их относится к той именно эпохе, которая служит предметом нашего рассмотрения в данной работе: к скифо-сарматской и раннеаланской.

За время, протекшее с тех пор, в течение которого народ испытал тяжкие удары, уничтожившие значительную его часть, неизбежно должны были быть утрачены многие произведения устной народной поэзии, быть может, целые эпические циклы. При передаче исключительно путем устной традиции, без фиксации в письме, такие утери совершенно неизбежны. То, что дошло до нас, — быть может, не более как фрагменты. Но даже по этим фрагментам можно судить о величии и размахе былого эпического творчества.

И когда мы пытаемся восстановить в воображении древнеосетинский быт, наряду с образами пастуха и воина, перед нами встает третий образ — образ певца, поющего о подвигах легендарных героев перед кругом зачарованных слушателей. В древнейший период все три образа легко объединялись в одном лице.

¹ Закреплению последнего значения должно было способствовать и то, что аланы весьма часто и охотно служили в качестве наемной военной силы.

Эпическая песня дошла до нас в двух видах. Один из них зовется *kadæg*, другой — *zaræg* | *zar*. *Kadæg* исполняется сольно, обязательно с музыкальным сопровождением. *Zaræg* — хоровая двухголосая песня без музыкального сопровождения. По типу *kadæg* исполняются нартовские сказания и некоторые другие старые эпические циклы. Сюжетом героической *zaræg* может стать любой подвиг, любое бранное дело, при условии, что герой нашел смерть в борьбе. Новые песни типа *zaræg* создавались и создаются все время, вплоть до наших дней.

Лингвистический анализ вскрывает, что как *kadæg*, так и *zaræg* восходят к далекому прошлому. *Kadæg* образовано от слова *kad* 'слава' и значит собственно «песня славы». *Zaræg* | *zar* восходит к древнеиранскому *zar* 'петь', ср. инд. *jar* 'петь'. Старым иранским глаголом является также *qurnun* 'подпевать', ср. др. инд. *grñāti* 'он поет'.

Музыкальный инструмент, необходимый при исполнении *kadæg*, имел вид либо двухструнной скрипки, либо двенадцатиструнной арфы. В том и другом случае он носит название *fændyr* | *fændur*. Это — древнее малоазийско-греческое слово (ср. греческое и лидийское $\pi\alpha\nu\delta\omicron\upsilon\rho\alpha$), распространившееся также по Кавказу и Южной России (ср., кроме осетинского, чечен. *pandər*, арм. *pandir* груз. *panduri*, украин. *бандура*). Слово *fændyr* могло попасть в осетинский язык еще в скифскую эпоху. Бытование его в скифской среде в Южной России проливает свет и на происхождение украинской бандуры.

Судя по нартовским сказаниям, песни, музыка и пляски составляли важнейший элемент древнеосетинского быта. Нарты предаются им с такой страстью и увлечением, что забывают даже о смертельной военной опасности. По сказаниям, время, не заполненное войной и охотой, отдавалось спортивным играм, пирам, песням и пляскам.

Как обстояло у древних осетин с другими искусствами: живописью, пластическими искусствами, художественным орнаментом? Для ответа на этот вопрос лингвистические данные могут дать немного. Решающее слово здесь принадлежит археологам и искусствоведам. И это слово уже сказано. Многочисленные раскопки древних погребений в Южной России, в Крыму и на Кавказе выявили довольно стойкий и своеобразный комплекс металлических изделий, орнаментальных мотивов и художественно-технических приемов, которые с большим постоянством повторяются в местах прежнего обитания исторических предшественников осетин — алан, сарматов и скифов и позволяют говорить о скифо-сарматском и аланском искусстве.

Мы не можем здесь входить в рассмотрение добытых археологической наукой результатов в деле изучения скифских, сарматских и аланских древностей. В данной работе мы ограничились свидетельствами языка. Оставаясь в рамках нашей темы, мы можем только указать на древность некоторых терминов, связанных с изобразительным искусством.

Ос. *fyssyn* | *finsun*, восходящее к древнеиранскому *pins* и родственное русскому *писать* (см. выше), в современном языке значит «писать». Можно, однако, утверждать, что первоначальное значение его было: рисовать, наносить орнамент, узор. Откуда это видно?

1. Сравнительный анализ значений этого корня в различных индо-европейских языках приводит к мысли, что вначале он означал — «делать отметки при помощи надрезов, или при помощи цветных знаков».¹ Так, др. индийское *pimśati* означает «он украшает», литов. *pašinti* «мазать сажей», латинское *pingere* «рисовать».

Русское *пестрый* — одного корня с *писать*, хотя мы этого уже не осознаем.²

2. Если бы *fyssyn* значило искони только «писать», то это слово не удержалось бы несколько тысячелетий у народа, не имевшего письменности.

3. Значение «рисовать», «наносить узор» не утрачено и в осетинском: так ситец зовется у осетин *žippæj-fyst*, т. е. ткань, разрисованная путем печатания; деревянная форма, которой наносится рисунок на печенье *č'iri*, называется *č'irifyssæn*.

Применяясь ко всякого рода орнаментальным и украшающим работам, глагол *fyssyn* дошел от древнеиранского периода до наших дней, когда он получил более узкое значение — «писать».

Таким же старым словом является другой глагол, связанный с работой художника:

ос. *æxoryn* | *xwarun* «красить» восходит к др. иранскому *hvār* одного корня с *hvār* «солнце».

Наконец, еще одно осетинское слово, имеющее отношение к занимающему нас вопросу, это — *nyv* | *nivæ* «картина», «рисунок», «орнамент». Оно сопоставляется с др. иранским *naiba* «красивый», «прекрасный» и, таким образом, подтверждает древность у осетин тех видов искусства, с которыми оно связано.

Важное культурное слово «книга» является у осетинского общим с русским: ос. *č'inyg* (из *kinug*) | *kiwtygæ* «книга». Появление этого слова в осетинском следует относить к старым сношениям осетин с Русью.

Попытка восстановить религиозные воззрения древних осетин наталкивается на значительные трудности.

Христианство у осетин имеет большую давность, не менее десяти столетий. Христианская пропаганда шла в Осетию с двух сторон, из Византии и из Грузии. И тем не менее христианизация осетин носила, повидимому, не очень глубокий характер. Религиозное состояние их, когда они попали в орбиту научного изучения, было отмечено чертами глубокого

¹ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индо-европейских языков, 1938, стр. 388.

² Впрочем и само «писать» может значить в русском также «рисовать», «писать картину».

архаизма. На христианских «святых»: У а ст ы р д ж и (св. Георгий), У а ц и л л а (св. Илья), Т у т ы р (св. Федор) и пр. были целиком перенесены образы древних языческих божеств. Казалось бы, в этих условиях реконструкция древнеосетинского культа не представляет неразрешимой задачи: надо взять «христианизованные» культы и, отвлекаясь от их христианской формы, вскрыть их старое языческое содержание. Такой подход в известной степени правомерен, и, в другом случае, мы так вероятно и поступили бы. Но в данной работе мы не хотим сходить с твердой лингвистической почвы.

Рассмотрев все культовые понятия осетин в этом аспекте, мы приходим к выводу, что первоначальными для осетин были культ солнца, культ огня и некоторые тотемические культы.

Солнце, в бытовой речи называемое *xur* | *xor* (см. выше, стр. 18), почиталось под названием *Xurzærin*. Это — старое сложение из древнеиранского *hwār* 'солнце' и *zaranya* 'золото': 'Солнце золотое'.¹ В старых молитвенных формулах встречается также выражение *Xurty Xurzærin* 'Солнце солнц'.

Культовое наименование огня, обычно называемого *art*, было *Aertæuron*, т. е. «Огонь — дитя солнца». В сильно потускневшем виде культ *Aertæuron* дожил до недавнего времени. Он приурочен к новому году, причем название *Aertæuron* применяется к изготовляемому в это время особому культовому пирогу.² Культ домашнего очага был, разумеется, тесно связан, если не тождествен, с этим культом.

Переживания тотемизма многочисленны в осетинском фольклоре, а также в обрядах и верованиях недавнего прошлого. Мы отметим только то, что оставило след в языке. Название тотемного животного, как известно, легко подпадает под запрет, так называемое словесное табу. С этой точки зрения нельзя было не обратить внимание, что старое иранское название волка не сохранилось в осетинском. Оно должно было звучать *warg* или *warg-*, а вместо этого мы находим заимствованное *biræg*. Возникла мысль, не вытеснено ли оригинальное название под действием табу и, стало быть, не был ли волк тотемным животным? Все сомнения на этот счет должны были рассеяться, когда оказалось, что в национальном осетинском эпосе родоначальник героев-Нартов зовется *Wærxæg*, т. е. Волк.³

Совпадение иранского названия скифов *Saka* с осетинским *sag* 'олень' позволяет предположить, что другим тотемным животным скифо-сарматских племен был олень.

Из многочисленных персонажей осетинской мифологии, далеко не полностью разгаданных, безусловно древним по наименованию и мифологи-

¹ Армянский поэт XII в. Ф р и к говорит о поклонении солнцу как о характернейшей особенности алан («алан, что солнце чтит»); см. Антологию армянской поэзии, 1940, ст. 240.

² В с. М и л л е р. Осет. этюды, II, стр. 266—267.

³ См. выше, стр. 49.

ческому образу является бог-кузнец *Kurdalægon*. Более древняя форма его имени — *Kurd-Alæ-Wærgon*, т. е. «Кузнец аланский *Wærgon*». Имя *Wærgon* точно соответствует латинскому *Vulcanus*, названию бога-кузнеца. Оба названия происходят, по нашему мнению, от несохранившихся самостоятельно старых наименований волка: ос. **warg*, лат. **vulc*. Если мы не ошибаемся в нашем толковании, то культ бога-кузнеца был и у осетин, и у римлян связан преемственно с тотемическим культом волка.¹

Общим наименованием всех небожителей было в древности слово *zæd* | *izæd*, получившее после христианизации значение «ангел». Это слово восходит к древнеиранскому *yazata* 'достойный жертвоприношения'. Так называются в Авесте, религиозных гимнах древних иранцев, все небесные силы.

Для религиозного состояния ранних общественных форм характерно, что между культовым и бытовым нет непроходимой пропасти, одно незаметно переходит в другое. В языке на этой стадии бывают слова, относительно которых трудно решить, следует ли относить их к культовой или бытовой лексике. В осетинском есть целый ряд таких слов-понятий: *farn*, *æxsar* (*xsart*), *ard*, *arfæ*, *wac*. В силу своеобразной семантической структуры, слова этого типа с трудом поддаются точному переводу.

Farn — это высшее благо мирного времени.

Æxsar — это высшая доблесть во время войны.

Мир, тишина, благополучие, преуспевание, благопристойность и многое другое — все это покрывается понятием *farn*.

Сила, мощь, отвага, победа, подвиг — все это входит в понятие *æxsar*.

Farn восходит к др. иран. *hvarna* (одного корня с *hvar* 'солнце'); ср. др. перс. *farna*, алан. *фарн* (у Цеца), согд. *farn*, перс. *farr*.

Æxsar (*xsart*) = др. иран. *xšadra*.

Оба термина относятся к важным религиозным понятиям Авесты. В силу присущего им религиозного оттенка, они охотно вводятся в состав собственных имен у иранских народов: у древних персов (*Φαρνάβαζος*, *Τισσαφέρνης*, *Artaxadra* и др.), у скифов (*Φαρνοξαρδος*, *Μαίφαρνος* и др., см. выше), у осетин в эпосе (*Buræfærnyg*, *Æxsar*, *Æxsartæg*).

Ос. *ard* переводится в словарях «клятва», но этим ни в какой мере не исчерпывается его семантика. В таких выражениях, как *xucawu ard* 'божий *ard*', *zæxyu ard* '*ard* земли', *adæmy ard* '*ard* народа' и др., *ard* выступает как магическая сила.

В прошлом этот термин имел несомненное культовое значение, и анонимный автор перипла V века был, вопреки Мюлленгофу и В. Миллеру, совершенно прав, когда он аланское название Феодосии 'Αρδάβδα перевел «город семи богов» (см. выше, стр. 38).

Ard восходит к др. иранскому *arta*, др. инд. *rta* (от корня *ar*, *r* 'небосвет'). Ср. др. персидские собственные имена *Артаксеркс*, *Артабан* и др. В Авесте в форме *asa* он встречается на каждом шагу как одно из цен-

¹ См. ниже, стр. 592 сл.

тральных понятий древнеиранской религии и мировоззрения, как олицетворение всего макрокосмического и нравственного миропорядка.

Ос. *arfæ* значит сейчас чаще всего «благодарность», также «благословение». Но в таких выражениях как дигор. *cæsti arfæ* «заговор против дурного глаза», отчетливо выступает его прежнее магическое значение: «заклинание», «магическая формула». Действительно, ос. *arfæ* восходит к др. иран. *āfrī*, которое означает «заклинать», «произносить магические формулы», откуда *āfrīti* «благословение» или «проклятие».

Ос. *wac* в современном языке мало употребительно. Оно означает различные виды речевой деятельности человека: *wac*, *wac-qud* «известие», *wac*, *waž* «поговорка», «речение» (*wažæn aftæ akænync*... «поговорка так гласит»...), диг. *waž-imis* «поэтическое произведение», диг. *waževgæ* «стих». Восходит *wac* к древнеиранскому *vāc* «слово», ср. др. инд. *vāc*, лат. *vox*, *vocis* «голос», греч. ἔπος. Для древних осетин *vāc* «слово» было чем-то иным, чем для нас. Оно мыслилось как личность, как могущественная высшая сила. Следы такого понимания сохранил нам осетинский эпос в таких собственных именах, как *Waciroxs* «свет *wac*'a (жен. имя), *Wažæftawæ* «Умножающая *wac*» (жен. имя), *Wacamongæ* «*Wac*-указательница» (название чудесной чаши).

В период христианизации *Wac* был у осетин, как можно думать, одним из важнейших культовых понятий. Этим объясняется, что, приобщая к своему пантеону новые «божества», осетинский прибавлял к их именам, в виде детерминатива, *Wac*. Так, св. Георгий (*Gergi*) стал *Wac-Gergi*, *Wastyrži*, св. Илья (*Illa*) — *Wac Illa* и т. п.

Центральное место в мировоззрении древних осетин занимал комплекс «небо — солнце — огонь — свет». Этот комплекс вторгался в такие области, которые в нашем представлении не имеют к нему никакого отношения. Так, «красота» и «чистота» не мыслились вне связи с «огнем». Ос. *ræsugd* «красивый» и *sygdæg* | *suğdæg* «чистый» образованы от *sužyn* | *sožyn*, *sygd* | *suğd* «гореть», «жечь». От того же корня происходит *ræsug* | *ræsog* «прозрачный». Понятие чистоты, прозрачности казалось настолько неотделимым от огня, что даже *færsužyn* «пропеживать» есть лишь видоизменение глагола *sužyn* «жечь».

«Небо — солнце» мыслилось источником всех земных благ, силы, власти, богатства. Поэтому ос. *bon* «день», восходящее к др. иран. *bānu* «солнечный луч», значит также «сила», «власть», «богатство», а *bonžyn* сейчас употребляется исключительно в значении «богатый».

Значительное место в жизни осетин занимал культ предков и связанные с ним обряды и обычаи. «Посвящение коня покойнику» (*Bæxfældisyn*) представляет один из древнейших и интереснейших памятников осетинского фольклора, своего рода народную «божественную комедию».

Не лишено интереса, что обрядовый плач по покойнику называется у осетин *ironvændag* «осетинский путь», чем подчеркивается национальный характер этого обряда.

Загробная жизнь достойных людей мыслилась как царство неугасающего света. Отсюда обычное осетинское напутствие покойнику *ruksag ut* 'будь предназначен для света!'

Средоточием и источником всех способностей и проявлений человеческой души, не только эмоциональных, но и интеллектуальных, считалось сердце, *zærdæ*. Не только симпатия и антипатия, радость и горе, надежда и отчаяние, но также сознание и память, наконец, отвага и мужество, — все это помещалось в сердце. В свете подобных воззрений становятся понятны такие выражения, как: *zærdætæ sæwyn* 'правиться', букв. «итти к сердцу»; *fydzærdæ* 'враждебный', букв. «с дурным сердцем», *zærdæruks* 'радостный', букв. «с светлым сердцем», *rystzærdæ* 'печальный', букв. «с болящим сердцем», *zærdæ væryn* 'обещать', 'обнадеживать', букв. «вкладывать сердце», *zærdæ dæryn* 'надеяться', букв. «иметь сердце», *zærdærgævd* 'восприимчивый', 'способный', букв. «имеющий взведенное сердце», *zærdyl dæryn* 'помнить', букв. «держат на сердце». *Zærdæ xsajy*, где глагол *xsajy* самостоятельно не употребляется, означает «беспокойство», «тоску», равно как *zærdæ zury* букв. «сердце говорит». *Zærdæ baqarm is*, букв. «сердце стало теплым» означает потерю сознания, *zærdæ xæccæ kæny* букв. «сердце мешается» — «тошноту». «*Styr zærdæ*», 'с большим сердцем' означает «гордый». *Ænæzærdæ* букв. «бессердечный», указывает не на жестокость, как в русском, а на трусость. Список подобных выражений, где центром является сердце, можно было бы увеличить во много раз.

В словах, выражающих отвлеченно-моральные понятия, индо-европейские языки обнаруживают так же мало единства, как в религиозных. Тем существеннее отметить, что у осетин некоторые слова этого круга показали такую живучесть и стойкость, которой могут позавидовать изделия из камня и бронзы. Таковы: ос. *æfsarm* 'стыд' и ос. *fæsmon* 'раскаяние'. Слово *æfsarm* 2500 лет назад засвидетельствовано у древних иранцев в этой же самой форме и в этом значении: авестийское *fšarəma* 'стыд'; ср. перс. *šarm* 'стыд', русск. *сором*, др. слав. *срам*.

Русское «стыд» не вполне покрывает семантику осетинского *æfsarm*. *Æfsarm* — это совокупность всех тех освященных обычаем норм поведения, а также тех эмоций, которые связаны с соблюдением благопристойности и чистоты в отношениях между людьми. Русское «стыд» имеет несколько более личный характер, осетинское *æfsarm* — более социальный.

Ос. *fæsmon* 'раскаяние' восходит к др. иранскому *pas* 'после' и *man* 'думать', букв. «размышление после», ср. перс. *pašmān* с тем же значением.

Также нерушимо пронес осетинский народ через тысячелетия понятие дружбы. Ос. *lytæn* | *lytæn* 'друг' восходит к скифскому *λεῖμαν*, *φλεῖμαν*, ср. скифские собственные имена *Λεῖμανος*, *Φλεῖμναγος*. Др. иранская форма этого слова восстанавливается в виде *frīman*, ср. др. иран.

frī 'любить', *frīða* 'милый', др. инд. *preman* 'любовь' (от этого же корня нем. *Freund* 'друг' и русск. *приятель*).

Гостеприимство, судя по данным языка, было с древнейших времен непреложным законом осетинской жизни. Ос. *wazæg* | *iwazæg* — старое арийское слово, от корня *vaz* 'ехать'; *wazæg* значило, стало быть, «едуший», «путник», а так как каждый путник рассматривался как гость, то отсюда, на осетинской почве, *wazæg* стало означать «гостя». Выражение *de wazæg fewæd* 'пусть будет твоим гостем' означает «пусть будет для тебя самым священным, предметом высшей твоей заботы и покровительства». Нет в осетинском более убедительной и сильной формы для просьбы, когда отдают кого-либо на попечение другого.

В акте гостеприимства участвуют две стороны: с одной стороны гость, с другой — хозяин, принимающий гостя. В осетинском хозяин, принимающий гостя, носит специальное название *fysym* | *fusun*. Это слово восходит вероятно к древнеиранскому *fsumant* 'обладающий скотом', 'скотохозяин'. Мы ожидали бы скорее 'домохозяин', но дело в том, что в кочевом быту не обладание домом, а обладание скотом является синонимом хозяйственности, достатка и способности оказать гостеприимство.

Осетинское *fysym* мы находим в большинстве горских языков: ингуш. *fusæm*, чечен. *husam*, кабард. *bəsəm*, абазин. *pšuma*, абхаз. *apšma*.

Восстановить полную картину древнеосетинского быта по одним лингвистическим данным конечно невозможно. Много препятствует этому. Во-первых, не все слова, употреблявшиеся в древний период, дошли до нас. Во-вторых, многие слова изменили свое значение, наполнились новым содержанием, и нам трудно уже восстановить с точностью, каким элементам древнеосетинской жизни отвечает данное слово. В-третьих, между древнеиранским языковым состоянием, о котором мы судим по Авесте, древнеперсидским надписям и, косвенно, по памятникам древнеиндийской литературы, и современным осетинским языком нет промежуточных звеньев: памятников скифского, сарматского и аланского языков. Те скудные свидетельства, которые мы имеем по этим языкам, важны для установления их иранского характера и связи их с осетинским, но они совершенно недостаточны для каких-либо культурно-исторических выводов. Наконец, следует учесть и то, что до сих пор удалось разъяснить происхождение и историю далеко не всех слов осетинского языка. Работа в этом направлении предстоит пока большая.

Если мы примем во внимание все сказанное, то мы должны будем согласиться, что то, что удалось получить путем сравнительно-исторического изучения фактов осетинского языка, не так мало. Мы проследили судьбу нескольких сот слов-понятий на протяжении ряда тысячелетий. Каждое из этих слов сигнализирует о какой-нибудь стороне исторической жизни народа, об его происхождении, о его связях с другими языками

и народами, о материальных условиях его исторического существования, об его древнем быте и мировоззрении. Непрерывная традиция народа пронесла эти слова через вереницу веков, все снова и снова вливая в них жизненное содержание и тем предохраняя их от исчезновения и забвения. В течение многих веков слова эти жили в устах народа, обслуживая различные стороны его материального и общественного существования.

Благодаря свидетельствам языка далекое прошлое осетин перестало быть темной, зияющей пустотой, какой оно несомненно оставалось бы, если бы не успехи в деле исторического изучения осетинского языка. Мы пока не знаем всего, но мы уже знаем многое. Основные положения, касающиеся этногенеза осетин, стоят прочно и непоколебимо: наличие ирапского элемента в их этнической культуре и их изначальное культурно-языковое родство с другими народами индо-европейского круга; северный путь их движения на Кавказ; преемственная связь их со скифами, сарматами и аланами. По этим вопросам уже достигнута та степень достоверности, которая вообще мыслима в исторической науке.

Но не следует закрывать глаза и на имеющиеся пробелы. К последним относится, прежде всего, невыясненность древнейших отношений осетин к кавказскому этническому и культурному миру. Между тем, как справедливо указывал Н. Я. Марр, никакая этногенетическая теория, касающаяся осетин, не может считаться полной и законченной, если она не учитывает кавказский вклад. Этот вклад был не настолько подавляющим, чтобы затемнить или сделать спорной индо-европейскую основу осетинской этноязыковой культуры. Но он, тем не менее, значителен и требует изучения. Дает ли язык какие-либо данные для его определения? К этому вопросу мы теперь и перейдем.

11. КАВКАЗСКИЙ СУБСТРАТ

Первое появление осетин-алан на Кавказе относится, в полном смысле, к незапамятным временам. Никакие предания осетинского народа, никакие исторические свидетельства не дают опорных точек даже для приближенной датировки этого события. Рассказ грузинской хроники о происхождении осетин от сына хазарского царя Убоса говорит о господствовавшем у грузин убеждении о северном происхождении осетин, но для датировки ничего не дает, так как рассказ этот относится к той древнейшей, легендарной части хроники, где правда перемешана с вымыслом. Важно, однако, что историческая память грузинского народа знает осетин на Кавказе с самых отдаленных времен, до каких она вообще доходит, с тех легендарных времен, когда сам грузинский народ делал свои первые шаги на историческом поприще.

В такую же седую древность уходят первые сношения алан с другим культурным народом Закавказья, армянами. Уже во времена Моисея Хоренского (V в. н. э.) аланы были вплетены в эпические песни армян-

ского народа. Рапсоды из области Голтан пели Хоренскому, как о событиях давней и чудесной старины, о нашествии алан в Армению, о красоте и уме аланской царевны Сатиник и о браке ее с армянским царем Арташесом.

Первые упоминания об аланах на Кавказе у классических писателей (Иосиф Флавий, Дион Кассий, Арриан) относятся к началу нашей эры. Однако из этих упоминаний никак нельзя вывести, что аланы впервые появились в пределах Кавказа именно в этот период. Напротив, ничто не препятствует тому, чтобы их первые вторжения на Кавказ отнести к более ранней эпохе, от которой до нас случайно не дошло никаких исторических свидетельств об этом народе.

Как бы то ни было, можно считать несомненным, что не менее двух тысяч лет осетины-аланы являются народом кавказским и находятся в тесных отношениях и взаимодействии с народами коренного кавказского этнического круга. Очевидно а priori что такие продолжительные связи не могли не оставить следа в языке и во всей этнической культуре осетин. И действительно, среди всех не-индо-европейских элементов, которые мы находили в осетинском языке, кавказский элемент занимает особое место, не столько по количеству — понятие количества бывает здесь трудно применимо — сколько по интимности и глубине вскрывающихся связей. Кавказский элемент вошел в осетинский не просто как внешнее влияние — подобно тюркскому, арабскому и др., а как самостоятельный структурный фактор, как своего рода вторая его природа.

И если влияние других языков отразилось, главным образом, на лексике, обогатив осетинский язык значительным числом словарных заимствований, то кавказская языковая среда наложила заметный отпечаток на все стороны осетинского языка: на фонетику, морфологию, синтаксис, лексику, семантику, идиоматику.

В других работах¹ мы пытались выделить те черты осетинского языка, которые следует относить за счет влияния кавказского языкового субстрата. Здесь мы отметим только некоторые более яркие факты.

По звуковому составу осетинский язык занимает промежуточное положение между индо-европейскими и кавказскими языками. Из последних он наиболее близок, по своей фонетике, к грузинскому. Особенно яркой и бросающейся в глаза «кавказской» чертой в фонетике осетинского языка являются смычно-гортанные согласные: *k'*, *p'*, *t'*, *c'*, *č'*. Индо-европейским языкам они чужды, тогда как из коренных кавказских языков нет ни одного, где бы этих звуков не было.

В морфологии осетинский обнаруживает коренную ломку древнеиранского склонения, причем по характеру этой ломки можно предполагать, что она совершилась под влиянием кавказского субстрата. Древнеиранское склонение было флективным, т. е. каждая падежная форма как единственного, так и множественного числа характеризовалась особым окончанием,

¹ См. ниже, стр. 95—108 и 109—123.

так что окончания одного и того же падежа в единственном и множественном числе не имели между собою ничего общего. Хорошее представление о таком типе склонения дает современный русский язык. В осетинском же склонение агглютинативное, т. е. падежные окончания в единственном и во множественном числе одни и те же, но во множественном числе между основой и падежным окончанием вставляется показатель множественности. Так, дательный падеж от *волж* будет в русском *волжу* для единственного числа и *волжам* — для множественного; окончания *-у* и *-ам* совершенно различны, каждое из них выражает одновременно и число и падеж. В осетинском от *biræġ* 'волк' дательный падеж единственного будет *biræġ-æn*, а дательный множественного — *biræġ-t-æn*; окончание *-æn* одинаково для единственного и множественного числа; множественность выражается особым, отдельным от окончания элементом *t*. Обозрев кавказские языки, мы легко убедимся, что те из них, в которых имеется развитое склонение (новогрузинский, вейнахские, дагестанские), склоняют имена по типу агглютинативному, как осетинский, а не флективному, как древнеиранский или русский. Осетинский, стало быть, отошел в склонении от древнеиранского прототипа и сблизился с кавказскими. Это сближение сказалось, между прочим, и в том, что в осетинском появилось много падежей локативного (пространственного) значения: отложительный, направительный, местный внешний, местный внутренний, совместный. В древнеарийских были только отложительный и местный.

В других частях осетинской морфологии кавказское влияние сказалось очень мало. В частности, система глагола, весьма важная для характеристики языка, удержала в общем свой иранский характер.

В синтаксисе осетинского языка, сравнительно с древнеиранским, произошли серьезные сдвиги: порядок слов стал более строгий, определение обязательно предшествует определяемому (в древнеиранском оно могло и предшествовать, и следовать за определенным), вместо предлогов, которые мы находим в других индо-европейских языках, осетинский выработал систему послелогов (ср. порядок слов в русском *перед домом* и осетинском *xæzary raz*, букв. «дома перед»). Все эти новшества могли быть результатом естественного развития самого осетинского языка. Но если принять во внимание, что все они идут по линии сближения осетинского языка с восточногогорскими и южнокавказскими, то представляется вероятным, что и тут не обошлось без воздействия на осетинский язык субстратных кавказских языков.

В лексике осетинского языка есть известное число заимствований из кавказских языков: грузинского, кабардинского и др. С точки зрения генезиса языка этот факт не имеет сам по себе существенного значения. Не меньшее количество имеется в осетинском слов тюркских, арабских, русских. Однако вспомним то, что нами говорилось выше (стр. 16) о различении в словарном составе языка основного «общечеловеческого» фонда и фонда «специального». Мы признали тогда, что слова,

входящие в основной фонд языка (названия главных частей тела, космических явлений, отношений родства и др.), не безразличны для выяснения его происхождения, тогда как слова из «специального» фонда в этом случае полагаться не приходится. Мы убедились на конкретных словарных соответствиях, что основной лексический фонд осетинского языка носит ярко выраженный индо-европейский характер. Тем не менее и в этом фонде обнаружено некоторое количество, правда, относительно небольшое, слов не-индо-европейского происхождения. При ближайшем рассмотрении большинство этих слов оказываются близкими к словам некоторых кавказских языков.

Таковы:

ос. *k'ux* | *k'ox* 'рука', ср. чечен. *kiɟɟ* 'рука';

ос. *k'ax* 'нога', ср. чечен. *kog* 'нога';

ос. *ɣux* | *c'ux* 'рот', ср. ингуш. *zhok* 'клюв';

ос. *byl* | *bilc* 'губа', ср. сван. *p'il* 'губа', груз. *p'iri* 'рот';

ос. *laɟ* 'человек', 'мужчина', ср. чечен. *laɟ* 'раб', авар. *lagh* 'раб', абхаз.

laɟaʒw 'старик' (*aʒw* значит «старый»).

ос. *bax* 'лошадь', ср. ингуш. *baɟh* 'жеребенок';

ос. *dur* | *dor* 'камень', ср. чечен. *thulg* 'камень' и некоторые др.

Любопытно, что для некоторых из этих понятий сохранились также их иранские наименования: *arm* 'рука', *fad* 'нога', *kom* 'рот' (см. выше, стр. 17), *jæfs* | *aɟsæ* 'кобыла' (из др. иран. *aspa* 'лошадь', см. выше, стр. 57). Стало быть, заимствование чужих слов было вызвано не недостатком своих, а какими-то другими причинами. Какими же именно? Если бы влияние кавказских языков пошло чисто внешний характер, то такое сосуществование иранских и кавказских слов для насущнейших понятий было бы трудно объяснимо. Но если мы допустим, что в определенный период взаимодействие между двумя языковыми средами было настолько тесным и интимным, что исчезал критерий «своего» и «чужого» для некоторых слов, тогда приведенные факты покажутся нам достаточно естественными.

Мы можем восстановить такую, примерно, картину первоначальной встречи и взаимодействия пришедшей иранской и местной кавказской языковой среды. Пришельцы аланы нашли, конечно, на занятых ими землях Кавказа не безлюдную пустыню, а какое-то старое население, по языку, надо полагать, родственное другим коренным народам Кавказа: вейнахам, черкесам, сванам, грузинам, абхазам.¹ Нет никаких оснований думать, чтобы это коренное до-иранское население Алании-Осетии было истреблено или вымерло. Гораздо вероятнее, что оно смешалось с при-

¹ О существовании до-осетинского населения на территории нынешней Осетии говорит, между прочим, топонимика (названия местностей). В значительной своей части эта топонимика средствами осетинского языка не может быть объяснена и является наследием какого-то доисторического населения.

шельцами иранцами и этим смешением и было положено начало современному осетинскому этническому типу.

Иранский язык пришельцев стал господствующим на занятой ими территории. Этот язык был, хорошо или плохо, усвоен также местным населением. Но такое усвоение чужого языка есть процесс сложный и длительный. В течение известного отрезка времени должно было существовать двуязычие, т. е. параллельное употребление местной речи рядом с иранской. На почве этого двуязычия и произошло взаимопроникновение элементов обоих языков, результаты которого мы видим в современном осетинском языке.

И проникновение в осетинскую фонетику «кавказских» звуков, и некоторые особенности осетинского склонения и синтаксиса, и появление в основной части осетинской лексики ряда кавказских слов, и наличие в осетинском двадцатичной системы счета рядом с десятичной индо-европейской — все это и многое другое становится понятным, если мы примем нарисованную выше картину взаимоотношений иранского и кавказского элемента в период формирования осетинского языка и народа на Кавказе. Становятся понятными и некоторые интимные схождения осетинского с кавказскими языками в семантике, в идиомах, в путях языкового мышления. Осет. *caškom* 'лицо' есть сложное слово из *cašt* 'глаз' и *kom* 'рот'. Оба слова — иранские, но их сочетание со значением 'лицо' не встречается в индо-европейских языках. Оно представляет точную копию аварского *berkal* 'лицо', из *ber* 'глаз' и *kal* 'рот'. Осет. *fuccag* | *ficcag* 'первый' образовано от *fynz* | *finzæ* 'нос' и значит, собственно «носовой», «передний». Ближайшую семантическую параллель находим не в индо-европейских языках, а в грузинском, где *p'irveli* 'первый' образовано от *p'iri* 'рот'. Таких схождений можно было бы привести немало.

Нельзя пройти также мимо того факта, что племенные самоназвания различных ветвей осетинского народа: *ir*, *digor*, *tual* и др., не могут быть объяснены из иранского. Они восходят, повидимому, к этническим самоназваниям до-осетинского населения, удержавшимся и после иранизации.¹ Мы не говорим уже об осетино-кавказских схождениях в материальной культуре, обычаях, нравах, деталях быта, фольклоре, религиозных воззрениях и обрядах и пр. Схождения здесь очень многочисленны и древни, но рамки нашей работы не позволяют нам входить в их рассмотрение.

Не можем мы также углубляться в антропологическую сторону вопроса, хотя стоит отметить, что имеющиеся по этой части материалы подкрепляют нашу концепцию: антропологический тип осетин характеризуется как весьма мешаный, с преобладанием в одних случаях европейских, в других — кавказско-средиземноморских черт.

¹ Название крупнейшей ветви осетинского народа *ir*, *iron* некоторые исследователи связывали с Ираном. Это — грубая ошибка, основанная на недостаточном знакомстве с исторической фонетикой осетинского языка. Чисто иранским названием осетин было не *iron*, а *allon* (← *allan*), сохранившееся в сказках. См. ниже, стр. 245.

Вся сумма известных нам фактов, из которых мы привели лишь часть, побуждает нас признать, что в осетинском мы имеем дело не только с кавказскими влияниями, но с кавказским субстратом. Что это значит? Это значит, что в формировании осетинской этноязыковой культуры кавказский элемент участвовал не только как фактор внешний, чужеродный, но также как фактор внутренний, органический, как подпочвенный слой, на который сверху наложился слой иранский.

Кавказский субстрат в значительной степени определил культурный тип осетин. Из всех культурно-исторических связей, какие имели древние осетины с другими народами за пределами индо-европейского круга, наиболее важными и глубокими следует признать связи с кавказским миром. Изучить их во всей полноте — насущная задача осетиноведения. К сожалению, средства и возможности такого изучения, поскольку речь идет о древнейшем периоде, весьма ограничены. Что это были за народы и языки, которые бытовали на территории Осетии до иранизации и послужили субстратом при образовании кавказского осетинского народа? На этот вопрос мы не можем ответить, так как на этих субстратных языках не осталось никаких памятников. Можно только предполагать, что они были близки по типу к ныне соседящим с осетинами кавказским языкам: грузинскому, черкесскому и др. Можно также думать, что субстрат представлял большую пестроту в языковом отношении. Эта пестрота воспринимается нами теперь в диалектном дроблении осетинского языка.

Вот то немногое, что может быть пока сказано лингвистом о роли кавказского субстрата в формировании этнической культуры осетин. Что касается позднейших культурных влияний и взаимодействий осетин с соседними кавказскими народами: грузинами, кабардинцами и другими, то их мы, конечно, не должны смешивать с проблемой субстрата. Проблема субстрата есть проблема становления языка и народа. Тогда как культурные влияния, как бы значительны они ни были, предполагают уже сформировавшиеся языки, в строй которых они не могут внести существенных изменений. Поэтому, с точки зрения культурных влияний, нет оснований выделять кавказские языки из числа остальных языков, с которыми в своей исторической жизни имел связи осетинский язык: тюркских, угро-финских, славянских и др. Этих связей и отношений мы коснемся вкратце в следующей главе.

12. КУЛЬТУРНЫЕ ВЛИЯНИЯ

То, что мы называем культурными влияниями, представляет всеобщее и важнейшее явление мировой истории. Вряд ли когда-либо был случай мало-мальски продолжительного соседства двух народов, который не сопровождался бы взаимным культурным воздействием и обменом культурными ценностями. Как две сообщающиеся жидкости не могут не смешаться хоть немного, так два соседствующих народа не могут не влиять друг на друга культурно.

Самым верным и чутким показателем культурных влияний оказывается язык. Оно и понятно. Всякое культурное влияние сводится, в конечном счете, к обмену вещами и понятиями, а вместе с вещами и понятиями передаются, как правило, и их наименования. Значение языка как исторического источника выявляется здесь в полном блеске. Бывает так, что язык оказывается единственным свидетелем существования между двумя народами культурно-исторических связей. Если бы не свидетельства языка, соседство и культурные отношения осетин с венграми оставались бы в лучшем случае в области догадок и предположений. Данные языка возводят их на степень бесспорного исторического факта.

Благодаря своеобразию своих исторических судеб, осетины-аланы должны были иметь исключительно большое число встреч и сношений с другими народами. Сложный и извилистый путь их переселений и военных походов охватывает огромную территорию от Тихого до Атлантического океана. Если мы возьмем карту и прочертим на ней пути движения алан, перед нами откроется любопытная, единственная в своем роде, картина. Вряд ли можно указать в истории другой народ, который в течение такого продолжительного времени был бы непрерывно одержим страстью к передвижениям и дальним походам. Не говоря о доисторическом их переселении в пределы Южной России и Северного Кавказа, уже на глазах истории аланы, помимо основной своей области на Дону и в западном Кавказе, побывали крупными массами в следующих местах: в Армении и Мидии, вплоть до Каппадокии (походы I и II вв. н. э.), в Крыму (с III до XIV в.), по реке Прут и в области нижнего Дуная (с IV до XII вв. н. э.), в Паннонии (под именем языгов, в I в. н. э., под именем алан в IV—V в. н. э.), в Галлии, нынешней Франции, по среднему течению Луары (в совместном с вандалами походе в V в.) с вылазками в Италию (V в.), в Испании (V в.), в Северной Африке (V в.), в Венгрии (последний раз в XIII в.), в Китае (в XIII—XIV вв.). Веские данные имеются о связях алан с тохарцами в восточном Туркестане¹ и об участии алан в образовании туркменской народности.² Были, возможно, и такие передвижения алан, о которых до нас не дошло никаких сведений.

Не следует также забывать, что основная занимаемая ими территория в Южной России, служила искони большой дорогой для переселений из Азии в Европу и неизбежно оказывалась ареной столкновений алан со многими племенами.

Такая бурная и подвижная историческая жизнь дала возможность аланам перезнакомиться с десятками народностей: германскими племенами, особенно длительно с готами и вандалами, с придунайскими племенами, с греками и римлянами, с галлами во Франции и иберами в Испании, со славянами, с венграми, хазарами, с финскими племенами, с длинным

¹ См. Вестник Древней истории, 1940, № 3—4, стр. 192.

² См. Вестник Древней истории, 1941, № 1, стр. 160.

рядом тюркских племен от гуннов до ногайцев и балкарцев, с монголами и китайцами. Для полноты картины следует прибавить сюда то исключительно пестрое и многоязычное окружение, в каком оказались аланы на Кавказе. Если бы среди алан были ученые, которые оставили бы нам свои наблюдения над всеми народами, встречавшимися на их историческом пути, получилась бы своего рода этнографическая энциклопедия.

Можно ли ожидать, что в современном осетинском языке мы найдем следы исторических связей осетин-алан со всеми перечисленными народами? Конечно, нет. Дело в том, что та часть алан, непосредственными потомками которых являются современные осетины, очень рано обосновалась в горах центрального и западного Кавказа и лишь частично принимала участие в дальнейших передвижениях и походах своих братьев, оставшихся на равнине. Историю алан приходится строить на различении исторических судеб двух групп этого народа: горных алан и алан равнинных. Между ними, несомненно, существовало тесное общение и связи, в особенности, пока была непрерывность занимаемой ими территории. Но эта непрерывность могла нарушаться; да и помимо того, не всякое культурное влияние, испытанное равнинными аланами, должно было обязательно передаваться горным.

Осетино-венгерские языковые отношения с этой точки зрения весьма показательны. В венгерском обнаружено около 30 слов, осетинское (аланское) происхождение которых стоит вне всякого сомнения. В осетинском же нельзя указать ни одного бесспорного венгерского заимствования. Почему? Трудно допустить, чтобы культурные связи между двумя народами, стоявшими приблизительно на одном уровне, шли только в одном направлении. Само собой напрашивается другое объяснение: та группа алан, которая соседствовала с венграми, не связана прямой преемственностью с той группой, от которой произошли современные осетины, и, стало быть, в язык последних и не могли попасть венгерские элементы.

Крупные массы аланского народа не раз снимались с родных мест и оседали навсегда на далеких землях: во Франции, в Испании, на Дунае, в Молдавии, в Крыму, в Туркестане, в Китае. Ясно, что культурно-языковые влияния, испытанные этими группами на их новой родине, никак уже не могли дойти до кавказских алан.

Что касается следов, какие могли сами аланы оставить в тех странах, то для обнаружения их следовало бы произвести специальные изыскания по топонимике и диалектологии соответствующих районов Франции, Испании, Венгрии, Румынии, Крыма, Туркестана, Китая. К сожалению, таких изысканий пока никто не делал. Имеются лишь случайные и разрозненные сопоставления. Каталония (провинция Испании) объясняется как Гот-Алания. Название города Яссы на реке Прут очевидным образом связано с ясами-аланами. О топонимических названиях Крыма — Сугдея и Ардабада, а также об осетинском элементе *don* 'река' в названиях Дуная, Днестра, Днепра и Дона мы уже говорили выше. Отмечали следы

алан в топонимике древнего Хорезма и в племенных названиях туркмен.¹ Систематическое и тщательное обследование районов занимавшихся в прошлом аланами, с точки зрения топонимики, этнонимики и диалектологии, сочетающееся с параллельным обследованием на этих территориях памятников материальной культуры, вскрыло бы, несомненно, много новых и интересных фактов. Пока же мы должны опираться, преимущественно, на показания осетинского языка и некоторых его соседей в прошлом и настоящем, помня, что эти показания не охватывают культурных связей всего аланского народа, а только отдельных его частей.

Самые ранние культурные влияния, о которых сигнализирует осетинский язык, исходят от соседних ветвей своего же иранского народа.

Мы уже отмечали выше, что осетинские слова *ferat* 'топор' и *ratæn* 'веревка', по своему звуковому облику, выдают свое южноиранское происхождение и должны быть возведены к др. персидским **parathu* и **rathana*, а не общеиранским *parasu* и *rasana*. Повидимому, с этими предметами техники северные иранцы, предки осетин, познакомились от южных иранцев, предков персов.

Слово *farn*, имевшее такое важное значение в мировоззрении древних осетин, (см. выше), также не может быть названо чисто осетинским: по законам осетинского языка из древнеиранского *hvarna* должно было получиться не *farn*, а *xorn*, *xwarn*. Предполагают, что форма *farn* — мидийская, воспринятая от мидийцев другими иранскими племенами.

Когда северная, скифская группа иранцев, в которую входили предки осетин, отделилась от своих собратьев и двинулась в Европу, для нее началась серия встреч и сношений с другими, не-иранскими народностями. Эти сношения, поскольку они оставили след в языке, были уже предметом нашего интереса в связи с вопросом о северном пути движения осетин (см. выше, стр. 31 сл.).

Весьма ранними, не поддающимися точной датировке, представляются сношения с угро-финскими племенами. Эти сношения должны были иметь место где-то в области Южного Урала, на рубеже I и II тысячелетия до нашей эры. Главнейшим предметом культурного обмена между скифами и угро-финнами был, судя по показаниям языка, накопленный каждым народом опыт металлургии. Скифы передали угро-финнам название золота [ос. *zærin(æ)* → коми *zarni* и др.] и серебра (ос. *ævzist* | *ævzestæ* → удмурт. *azvés*, венгер. *ezüst*). В свою очередь предки осетин познакомились, повидимому, благодаря угро-финнам с металлургией меди (вогульск. *ärgin*, коми *yrğön* → ос. *ærxu*).

Кроме названий металлов между осетинским и восточно-финскими языками есть и другие сходства, пока недостаточно выясненные с точки зрения генезиса и датировки.²

¹ Развалины А л а н - к а л а на юговосточной окраине Уст-Урта и самоназвание а л а н у одного из туркменских племен. См. Вестник древней истории, 1941, № 1, стр. 160.

² См. J a c o b s o n. Arier und Ugrofinnen, 1922.

Сношения скифов с греческими колониями северного Причерноморья, продолжавшиеся с VII—VIII в. до н. э. до первых веков н. э., оставили обильный след в эпиграфических надписях и в памятниках материальной культуры. Некоторые греческие слова в осетинском (*xædon* ‘рубашка’ и др.) могли бы рассматриваться как памятники этих греко-скифских сношений, если бы не возникало сомнение, относятся ли они к этому или к позднешему, византийскому периоду.

С III в. н. э. аланы приходят в соприкосновение с германскими племенами, готами и вандалами.

В виду длительности алаано-готского соседства (в Крыму до XIII в. н. э.) должны были, несомненно, существовать обоюдные влияния, и если они до сих пор не выявлены, то объясняется это, во-первых, скудостью памятников готского языка, во-вторых, тем, что никто этим вопросом специально не занимался. Известно, например, что в крымско-готском «сто» звучало *sada*, из аланского *sādä*.

Некоторые лексические схождения осетинского с русским, не укладывающиеся в обще-индо-европейские закономерные соответствия, заставляют думать о древних связях осетин-алан с русскими. Такие связи русских с «ясами» действительно существовали в X—XII вв. и нашли отражение в русских летописях. Мы вынуждены сейчас воздержаться от обобщающих суждений о культурном содержании этих сношений, пока не исследован относящийся сюда языковой материал.

Весьма длительными и оживленными были, по свидетельству языка, сношения алан с венграми. Аланские элементы в венгерском (см. выше) весьма разнообразны по своей культурной значимости. Особо показательно заимствование в венгерский двух важных терминов военно-дружинной организации алан: *áladár* (ос. *ældar*) ‘военачальник’ и *asszony* (ос. *æxsin*) ‘женщина’, ‘госпожа’, а также терминов материальной культуры и оружия: *ezüst* (ос. *avzist*) ‘серебро’, *üveg* (ос. *ævg*) ‘стекло’, *kard* ‘меч’, *vért* (ос. *wart*) ‘щит’, *hid* (ос. *xid*) ‘мост’.

Обильный след оставили в осетинском языке сношения с народами тюркской группы. Количество тюркских элементов в осетинском исчисляется десятками, и охватывают они самые разнообразные стороны культуры и быта. Тут и топографические термины, как *denžyz* | *dengiz* ‘море’ (турец. *dengiz*); *ærx* ‘овраг’ (тур. *arx*, *arəq*), *obaw* ‘курган’ (тур. *oba*); и названия животных диких и домашних, как *dombaj* ‘зубр’ (карач. *dommaj*), *sælavyr* | *sælaur* ‘куница’ (тур. *salaw*), *tin* ‘белка’ (тур. *tiin*), *qarccyğa* ‘ястреб’ (тур. *qacərga*, *qarçəğa*), *dudaq* ‘дрофа’ (тур. *tutaq*), *boğ* ‘бугай’ (тур. *buğa*), *toqyl* | *toqul* ‘баран откормленный’ (тур. *toqlu*), *jegar* ‘борзая собака’ (тур. *igar*), *gaz* ‘гусь’ (тур. *qaz*), *babyz* ‘утка’ (балк. *babuš*) и др.; и названия разнообразных предметов материальной культуры, как *bolat* ‘сталь’, *top* ‘ружье’, *dambaca* ‘пистолет’ (тур. *tapança*), диг. *urundiq* ‘кровать’, *tebæg* ‘тарелка’ (тур. *tabaq*), *cuqqa* | *coqa* ‘черкезка’ (тур. *çoxa*), *qumac* ‘ткань’ (тур. *qumaç*), *zabyr* | *zabur* ‘чувяк’ (тур. *çabur*), *zylar* ‘недо-

уздук' (тур. *jular*), *axca* 'деньги' (тур. *aqça*), *som* 'рубль', числительное *min* 'тысяча' и многие др.

Даже такое обиходное слово, как *çuzg* | *kizgæ* 'девушка' оказывается усвоенным из тюркского.

После исламизации тюркских племен много арабских и персидских слов попало в осетинский через турецкое посредство.

Контакт осетин с тюркоязычными племенами начался еще в первые века нашей эры и продолжался до недавнего времени (балкарцы). Соседями осетин в разные времена были многие, известные в истории, племена, из которых одни — несомненно, другие — с большой долей вероятности относятся по языку к туркам. Таковы гуны, авары, хазары, печенеги, половцы (команы, кипчаки), ногайцы, балкарцы, карачаевцы.

От какого именно тюркского народа и в какую эпоху попало в осетинский каждое отдельное тюркское слово? Разрешить этот вопрос могли бы только соединенные усилия осетинистов и тюркологов. Пока такое сотрудничество не осуществилось, мы вынуждены весь материал сваливать в одну кучу.

Этот материал, по нашему убеждению, заслуживает того, чтобы привлечь внимание специалистов по истории и диалектологии тюркских языков. Он дает кое-что не только для истории осетинского, но и для истории тюркских языков. И мы позволяем себе выразить убеждение, что изучение тюркско-осетинских лексикальных отношений даст важные для обеих сторон культурно-исторические выводы.

Близкими родичами тюркских народов по языку являются народы монгольские. Значительная часть лексики у них — общая. А так как осетины-аланы общались и с тюркскими народами, и с монголами, то в некоторых случаях бывает трудно определить, усвоено ли данное слово из тюркского или монгольского. Так, осет. *bæjatyр*, *qebatyр* 'храбрый' можно с равным правом считать и тюркским и монгольским заимствованием. Однако, за вычетом таких сомнительных случаев, остается все же некоторое количество слов в осетинском, которые могли туда попасть только из монгольского. Таковы некоторые собственные имена в осетинском эпосе (*Хетус* = монг. *xabiçi* 'витязь' и др.).

Что касается возможных обратных влияний аланского на монгольские диалекты, то и здесь не может быть сказано не только последнее, но и первое слово, так как вопросом этим никто пока не занимался. Можно только отметить, что одно аланское слово распространилось по всему монгольскому миру: это — *aldar* 'слава' (ос. *ældar* 'князь').

Длительные и тесные культурные отношения связывают осетин с кавказским миром. Мы говорили уже об участии кавказского субстрата в процессе формирования осетинской этнической культуры. Этот процесс надо считать завершенным давно, но и после этого культурное взаимодействие осетин с кавказскими народами не прекращалось никогда, вплоть до наших дней.

В эпоху вторжений алан в Закавказье завязалась, надо полагать, те сношения алан с армянским народом, памятником которых являются армянские народно-эпические песни об аланской царевне Сатиник, записанные Моисеем Хоренским. Аланское происхождение армянского женского имени *Axšen* мы уже имели случай отметить.

Осетино-грузинские культурные связи, по своей давности, богатству, сложности и интересу заслуживают быть предметом специального исследования.

В истории этих связей намечаются два периода. В первый период влияния были двусторонние, т. е. обе стороны испытывали взаимное влияние. Во второй период, с ослаблением осетинского народа, преобладали влияния грузинского на осетинский. В первый период грузинский заимствовал из осетинского ряд слов, в том числе несколько весьма обиходных: груз. *šavi* 'черный' (← ос. *saw*), груз. *bevri* 'много' (← ос. диг. *bevræ*), груз. *kudi* 'шапка' (← ос. *xud*), груз. *ludi* 'пиво' (← ос. *eluton*), груз. *doḡi* 'скачка' (← ос. *duḡ* | *doḡ*), груз. *ormo* 'яма' (← ос. *wærm*), груз. *xidi* 'мост' (← ос. *xid*),¹ груз. *uso* 'почтенная женщина' (← ос. *us* 'женщина'), груз. *kerco* 'шуба' (← ос. *kærc* 'шуба').

Ос. *kadæg* 'былина', 'сказание' получило на грузинской почве значение 'проицатель' (груз. *kadagi*). Заключенный в этом слове корень *kad* 'слава' наличен также в груз. *sa-si-kad-ulo* 'славный'.

Значительно больше, чем в литературном грузинском языке, мы находим осетинских элементов в тех грузинских диалектах, которые непосредственно соседят с осетинским: рачинском, пшавском, хевсурском, мтиульском мохевском. Так, рачинское *naḡšeba* 'беседа' очевидным образом примыкает к осетинскому *nyxas* с тем же значением.

С древнейших времен свидетельствуются на грузинской почве осетинские (аланские) собственные имена. Об аланском характере имени грузинского царя Саурмага мы уже говорили выше. В недавно открытой двуязычной (арамейской и греческой) надписи из Армази (II в. н. э.), расшифрованной и истолкованной Г. В. Церетели, упоминаются правители и знатные люди Иверии II века, носящие имена, повидимому, аланского происхождения. Имя правителя Иверии *Kse Farnug* включает в первой части иранский корень *xšay* 'спясть', 'властвовать', наличный в осетинском *æxsin* 'госпожа'. Во второй части мы видим общепранское *farn*, но с таким оформлением (*farn-ug*), которое из всех иранских языков встречается только в осетинском; ср. ос. *færnug* 'наделенный фарном', а также собственное имя нартовского героя *Boræ-Færnug*. Другое имя из той же надписи, *Jodmangan* можно также объяснить из осетинского: *i-wod-mængon*, букв. «тщедушный» (такое имя могло быть дано с магическими целями). Наконец, третье имя *Zevax* напоминает ос. *zevæg*

¹ О давности этого заимствования можно судить по тому, что на мегрельской почве слово успело претерпеть закономерный перебой *d* || *nʒ*, мегрельское *xinʒi* 'мост'.

‘ленивый’. Распространению аланских собственных имен среди грузинской знати способствовали частые браки грузинских правителей с аланками.

Обратные влияния грузинского на осетинский еще обильнее и разнообразнее, но относятся в значительной части к более новым временам. Тут и термины, связанные с христианским культом: ос. *zuar* ‘крест’, ‘святилище’ (← груз. *žvari*), ос. *k'wyr̄i* | *k'wære* ‘неделя’ (← груз. *k'vira*, с греч.), ос. *č'iri* | *k'ere* ‘культовой пирог’ (← груз. *k'veri*), ос. *Taranželoz* название святилища (← груз. *mtavar-angeloz* ‘архангел’), ос. *marxo* ‘пост’ (← груз. *marxa*), ос. *barysč'i* | *baræsk'æ* ‘пост’ (← груз. *p'arask'evi* ‘пятница’) и др.; названия огородных и садовых культур, с которыми осетины познакомились от грузин: ос. *sæxæra* ‘свекла’ (← груз. *č'arxali*), ос. *žit'ri* ‘огурец’ (← груз. *k'it'ri*), ос. *bulk'* | *bolgæ* ‘редиска’ (← груз. *bolok'i*), ос. *nury* ‘чеснок’ (← груз. *niori*), ос. *bal* ‘черешня’ (← груз. *bal*), ос. *člawi* ‘слива’ (груз. *kliavi*) и др.; термины материальной культуры: ос. *poxc̄i* ‘борона’ (← груз. *posxi*), ос. *dič'i* ‘бурдюк’ (груз. *t'ik'i*), ос. *k'aba* ‘женское платье’ (← груз. *k'aba*), ос. *c'yn̄da* | *c'inda* ‘носок’, ‘чулок’ (← груз. *c'inda*), ос. *tyrysa* | *turusa* ‘флаг’ (← груз. *droša*, с перс.), ос. *č'yr* | *k'wæ* ‘известь’ (← груз. *k'iri*), ос. *xyrx* | *xirx'e* ‘пила’ (← груз. *xerxi*) и др.

В период усиления аланского народа, влияние его испытали на себе все кавказские народы. Факты языка доказывают, что осетины-аланы соседнили в прошлом и с теми кавказскими племенами, от которых они теперь отделены значительными пространствами и иноязычным населением: мегрелами, сванами, абхазами, абазинами. Осетинское название арбы *wærdon* мы находим не только у ингушей и чеченцев (*vordæ*, *vardan*), но и у отдаленных абхазов (*awardən*). Название надочажной цепи также является общим у осетин и абхазов: ос. *ræxys* = абхаз. *arxəšna*.¹ Аланские элементы в абазинском еще не подвергались изучению, но уже беглые наблюдения показывают, что эти элементы значительны. В частности, название крупнейшего абазинского племени *t'apanta* представляет осетинскую форму множественного числа от осетинского же *t'æpæn* ‘низина’, ‘низменность’ и указывает на противопоставление равнинных абазин горным.

Имеется ряд схождений осетинского с мегрельским. Ос. *sk'e* ‘серна’ неотделимо от мегрельского *sk'veri* ‘серна’, а ос. *sæxær* ‘огонь’ от мегр. **čxari* ‘горячий’ и др.²

Все эти факты говорят о том, что осетинское население было продвинуто в прошлом далеко на запад. Это полностью подтверждается также данными топонимики. Осетинские названия местностей мы находим по всей горной Кабарде и далее на запад, вплоть до Черноморского побережья (см. выше, стр. 45 сл.).

¹ Сюда же аварское *račas* ‘цепь’, дарг. *račaz*.

² См. ниже статьи «Поездка в Сванетию», «Поездка в Абхазию», «Мегрелизмы в осетинском».

Особые связи имеются у осетин с горным племенем сванов, родственным по языку грузинам. В настоящее время между осетинами и сванами нет почти соприкосновения. Но в прошлом они были близкими соседями, и, как памятник того времени, в их языке сохранилось несколько важных в культурном отношении сходжений:

ос. *rong* 'легендарный напиток Нартов' = сван. *rang* 'медовый напиток';
ос. *bæstæ* 'страна', 'мир' = сван. *buast* 'мир', 'мирской сход', 'множество';

ос. *zæj* 'лави́на' = сван. *žäj, žäh* 'снежный завал', ср. груз. *zavvi*;

ос. *k'æj* 'шиферная плита' = сван. *k'a* 'доска каменная у очага';

ос. *quna* | *ğuna* 'плесень' = сван. *guna* 'копоть';

ос. *byl* | *bilæ* 'губа' = сван. *p'il* 'губа', груз. *p'iri* 'рот';

ос. *Æfsati* 'бог охоты' = сван. *Apsat* 'бог охоты'.

Давними соседями осетин являются кабардинцы. Русская летопись, повествуя о походах Святослава (X в.), упоминает рядом с яссами (осетинами) касогов. В этих касогах (ос. *kæscəg*) видят кабардинцев.

В XVI—XVIII вв. Кабарда, переживавшая расцвет феодализма, достигла значительного могущества и получила преобладающее влияние на Северном Кавказе. Эпитет «кабардинский» был в это время синонимом аристократической изысканности и комильфотности. К этому периоду относится ряд заимствований из кабардинского в осетинский. Это, во-первых, слова абстрактного значения, составлявшие, повидимому, принадлежность «высокого стиля» феодальной речи: ос. *zulle* | *zillæ* 'мир', 'общество' (← кабард.-черк. *žällä*), ос. *unaffæ* 'совет' (← кабард.-черк. *hunaſä*), ос. *guzawæ* 'колебание', 'сомнение', ос. *gurusxæ* 'подозрение', ос. *laz* | *lazæ* 'вина' (← кабард. *lazä*), диг. *kezi* 'очередь' и др. Кухня кабардинского феодала была или казалась образцовой для его осетинских подражателей. Отсюда появление в осетинском некоторых кабардинских кулинарных терминов: *lyvzæ* 'жаркое', *xalyvæ* 'ватрушка', *cyvzy* 'красный перец' (кабард. *šəps*), *æfsap'æ* 'повар' и др. Ряд других слов разного значения могут, с большой долей вероятности, рассматриваться как усвоенные из кабардино-черкесского: *qata* 'кинжал', *aguvzæ* 'стакан', диг. *t'affæ* 'лист', *guffæ* 'кузов арбы', *zæ'e* | *zak'æ* 'борода' и др. Общим в осетинском и кабардинском является название вина: ос. *sæn* | *sænæ* = кабард.-черк. *sänä*.

Обратные влияния осетинского на кабардинский слишком мало изучены, чтобы можно было делать какие-либо выводы.

Старыми заимствованиями из осетинского в кабардинский надо считать несколько важных в культурно-историческом отношении слов. Одно — из материальной культуры: кабард.-черк. *abǰ* (← ос. *avg*) 'стекло'; другое — из области социальных отношений: кабард. *bəsəm* (← ос. *fysym*) 'хозяин, принимающий гостей'; третье — из религиозной сферы: кабард.-черк. *žogen* (← ос. *sawgin*) 'священник'.

Исчерпали ли мы всё языковые данные о культурных связях осетин с народами Кавказа? Конечно, нет. Такой задачи мы перед собой не ставили, да и не могли ставить по характеру материала. В этом отношении Кавказ ставит перед исследователем совершенно особые трудности. Необъятный по своей пестроте и богатству языковой материал, при малой его изученности — вот с чем приходится иметь дело каждому, кто сопркасается с вопросами кавказской лингвистики. Возьмите карту мира и, сколько бы вы ни искали, вы не найдете другого такого уголка, где на таком ограниченном пространстве перед вами предстало бы такое ошеломляющее нагромождение языков и наречий. Если сюда прибавить, что по большинству этих языков нет сколько-нибудь удовлетворительных словарей и других справочных пособий, то можно будет согласиться, что для предварительной ориентации даже приведенный выше скудный материал может принести кое-какую пользу.

Этот материал позволяет сделать один интересный вывод: все народы Кавказа, не только непосредственно соседящие друг с другом, но и более отдаленные, связаны между собой сложными и прихотливыми нитями языковых и культурных связей. Создается впечатление, что, при всем непроницаемом разноязычии, на Кавказе складывался единый в существенных чертах культурный мир.

Если бы мы составили, например, карту лексических изоглосс для всего Кавказа, то оказалось бы, что десятки линий во всевозможных направлениях, причудливыми и неожиданными кривыми оплетают всю территорию, не считаясь ни с какими языковыми и диалектальными перегородками. Иными словами, существует лексический фонд, свойственный не одному только или двум соседним языкам, а трем, четырем и более языкам, нередко весьма удаленным друг от друга, иначе говоря, — межкавказский лексический фонд.

При этом мы имеем в виду не общие для многих кавказских языков заимствования из арабского, персидского и турецкого — последние представляют для нас меньший интерес. Мы имеем в виду слова местного кавказского происхождения, распространение которых было обусловлено не внешним влиянием, а внутренней жизнью кавказских народов, их тяготением к культурному единству, превозмогающему историческое многоязычие.

Представляло бы высокий интерес собрать и систематизировать весь этот материал и создать, таким образом, «Сравнительную лексикологию кавказских языков». Такая работа подтвердила бы то, что давно известно этнологам и историкам материальной культуры, а именно, что при всей языковой раздробленности, существует единая кавказская этническая культура; мало того, такая работа позволила бы уловить дух и существенные черты этой культуры. На эту работу мы здесь не можем отважиться. Но привести здесь замеченные нами попутно межкавказские лексические схождения считаем нелишним. Мы приводим изоглоссы,

захватывающие три и более различных языка, при условии, что одним из них является осетинский.

Ос. *abyræg* | *abæreg* 'абрек' = авар. *aburik*, чечен.-ингуш. *oburg*, *abärg*, кабард. *abreg*, сван. *ambreg*, мегр. *abragi*, груз. *abrak'i*;

ос. *ag* 'котел' = авар. *hag*, рутульс. *hajak*, чечен.-ингуш. *jej*;

ос. *zul* | *zol* 'пшеничный хлеб' = дарг. *s'uli* 'пшеница', 'хлеб в зерне', лезг. *kül* 'пшеница';

ос. *gal* 'бык' = дарг. *kal*, *gal* 'корова', лезг. *kal* 'корова'; груз. *xari* 'бык';

ос. *fos* | *fons* 'скот', 'добыча' = авар. *panz* 'рогатый скот', дидойское *poso*, чечен. *hons* 'добыча', ингуш. *fos* 'добыча';

ос. *fysym* | *fusun* 'хозяин, принимающий гостя' = чечен. *husum*, ингуш. *fusäm*, кабард. *bäsät*, черкес. *bäsät*, абаз. *pšuma*, абхазск. *apš-ma*;

ос. *kaw* 'плетень' = авар. *kau* 'ворота', чечен.-ингуш. *kaw*, *kow* 'ворота';

ос. *kert* 'двор' = чечен.-ингуш. *kärt* 'плетень', армян. *kert* 'город' (в названиях городов, напр. Стспанакерт);

ос. *kesena* 'могильная изгородь' = абх. *akašana*, черк.-кабард. *kešane*, балк.-карач. *kešene*, ингуш. *kaš* 'надгробное сооружение';

ос. *kuræt* 'бешмет' = лезг. *kurt* 'короткая шуба', удинск. *ğurat* 'рубаха', аварск. *gorde* 'рубаха', груз. *k'varti* 'рубаха' (ср. выше, стр. 53);

ос. *k'æj* | *k'æja* 'шиферная плита' = балк. *gəjə*, сван. *k'a*;

ос. *k'urt* 'сидка кури на яйцах', *k'urtton kark* 'наседка' = балк. *gurtt* 'квохтанье', ингуш. *qurt* 'наседка', кабард. *qurt* 'наседка';

ос. *læg* 'человек', 'мужчина' = авар. *lagh* 'раб', дарг. *lagh* 'раб', лак. *lak* 'племенное название', лезг. *lik* 'раб', чечен.-ингуш. *läj* 'раб', абаз. *läg* 'крестьянин', абхазск. *läg-ažw* 'старик', букв. «старый (*ažw*) человек (*läg*)»;

ос. *myrtkæ* | *myrtkæ* 'калина' = балк.-карач. *myrtku* 'калина', груз. *marc'qvi* 'земляника';

ос. *nartxor* | *nartixwar* 'кукуруза' = балк. *nartux*, кабардин. *nartəxwə*;

ос. *næzy* | *næzi* 'сосна', *naz* 'ель' = чечен.-ингушск. *naž* 'дуб', балк.-карач. *nazə*, *nəzə* 'ель', груз. *nazvi* 'ель';

ос. *nyxas* | *nixas* 'беседа', 'место, где беседуют мужчины аула' = балк. *nəjəš*, груз. (рачин. диалект) *naxšeba* 'беседа';

ос. диг. *nostæ* 'невестка' = авар. *nus*, арчин. *nustur*, тушин. *nus* 'невестка', чечен. *nuskul*, ингуш. *noskal* 'невестка', черкес. *nəse* 'невестка', мегр. *nosa*, чанск. *nusa* 'невестка', груз. *nusadia* 'жена дяди', арм. *nus* 'невестка';

ос. *qædur* | *qædoræ* 'бобы', 'горох' = балк.-карач. *qudorū*, сван. *ğeder*, груз. *xnduri*;

ос. *ræxys* | *ræxis* 'цепь', в особенности «священная надочажная цепь» = авар. *raças*, дарг. *raxaz*, абхазск. *arxəšna* 'цепь';

ос. *ryg* | *rugæ* 'пыль' = лезг. *rug*, рутульск. *rug* 'пыль';

ос. *sont* 'полоумный' = балк.-карач. *sant* 'дурачок', ингуш. *sontä* 'чванный';

ос. *swadon* | *sawædon* 'родник' = чечен.-ингуш. *šawdan*, *šowdæ*, балк. *šawdan* 'родник';

ос. *syl* 'рожь' = лезг. *ssil*, агульск. *ssul*, дарг. *ssulsul* 'рожь' (по Эркерту);

ос. *tærxæg* 'скамья (каменная)', 'полка' = чечен. *tärxi*, балк. *tærxæk* 'скамья';

ос. *wærdæx* 'скрученный прут', 'жгут' = балк.-карач. *wrdux*, *bardux*, кабард. *wærdæxwæ* 'жгут', сван. *mardax* 'жгут', груз. *matraxi* 'плеть';

ос. *wærdon* 'арба' = чечен.-ингуш. *varda(n)*, *vordæ*, абхаз. *awardən* 'арба';

ос. *xal* 'нить' = лак. *xal*, лезг. *ǰal*, балк. *xalə* 'нить';

ос. *zæj* 'лавина' = сван. *žäh*, груз. *zavvi* 'лавина';

ос. диг. *zætæxə* 'овес' = балк. *zæntxə*, сван. *zæntx*, кабард. *zæntx* 'овес';

ос. *Æfsati* 'бог охоты' = балк. *Apsatə*, сван. *Apsat* 'бог охоты', арм. *ast'vac* 'бог'.

Приведенный список включает слова из различных семантических областей. Но три группы слов выделяются своим полновесным культурным содержанием: 1. названия культурных растений и домашних животных («пшеница», «рожь», «овес», «кукуруза», «скот», «корова», «бык»); 2. термины материальной культуры («котел», «цепь надочажная», «плита», «скамья», «ворота-плетень-двор», «арба», «скрученный прут», заменявший у примитивных народов веревку, «нить», «рубашка») и 3. термины социального порядка («абрек»,¹ «человек», «раб», «хозяин, принимающий гостей», «место аульного совета»).

Помимо лексических сходжений, имеются между кавказскими языками еще более обильные сходжения в области семантики и так называемой внутренней формы слов, в идиомах, речениях и поговорках. Но для систематизации их проделано еще меньше предварительной работы, чем по лексике. Поэтому ограничимся здесь несколькими вполне случайными примерами.

Почти все кавказские языки имеют особое слово для обозначения даровой коллективной помощи при сельскохозяйственных и иных работах: ос. *ziw* | *zew*, ингуш. *belxi*, авар. *goaj*, лезг. *mäl*, балк. *tammät* и др. Место сборища в ауле, название которого, как мы видели, совпадает с осетинским, балкарским и рачинским (ос. *nyxas*), имеет свое особое наименование и в других кавказских языках: авар. *žejin*, лак. *dakkabu*, лезг. *kit* и др.

Во многих кавказских языках имеется особое слово для обозначения животного с белым пятном на лбу: ос. *zyǰar*, лезг. *kkaška* и др.

¹ В условиях старого кавказского быта абрек представлял собой важную социальную категорию.

Ход мысли при образовании одних понятий от других поразительным образом совпадает во многих кавказских языках. Напомним хотя бы ос. *cæskom* 'лицо' и авар. *berkal* 'лицо', означающие оба «глаз-рот». В другом месте мы приводили ряд таких параллелей между осетинским и балкарским.¹ Так на основе общности быта и взаимных культурных влияний вырабатывались единые пути языка-мышления.

Наш обзор языковых данных о межкавказских культурных влияниях был бы неполным, если бы мы обошли молчанием замечательный факт распространения у всех северокавказских народов одного и того же эпического цикла, сказаний о богатырях Нартах. Не углубляясь в сравнительный разбор сюжетов и мотивов этого эпоса у различных народов Северного Кавказа, что не входит в задачу данной работы, мы отметим только общность наименований главнейших героев во всех национальных вариантах сказаний:

ос. *Wyryzmæg* | *Oræzmæg* нартовский герой = ингуш. *Orzmi*, *Uræzman*, балк. *Örüzmeğ*, кабар. *Orezmek*;

ос. *Xæmys* | *Xæmic* нартовский герой = ингуш. *Xamč*, кабард. *Xəməš*;

ос. *Satana* нартовская героиня = чечен.-ингуш. *Sataj-xan*, *Seli-Sata*, балк. *Satanaj*, кабард. *Setenej*, армян. *Satinik*;

ос. *Sozruqo* нартовский герой = ингуш. *Soska*, балк. *Sosruq*, *Sosruqwa*, кабард. *Sosruqwa*, абхаз. *Sasərgwa*;

ос. *Batraz* нартовский герой = ингуш. *Pataraz*, кабард.-черк. *Peterez*;

ос. *Acæmæz* нартовский герой = балк. *Ačimez*, кабард. *Ašemez*;

ос. *Soslan* нартовский герой = ингуш. *Solsa*;

ос. *Æxsærtæg* нартовский герой, родоначальник сильнейшей нартовской фамилии = балк. *Sxurtuk* и др.

Общее наименование всех героев этого цикла, Нарт, известно всем горским народам Кавказа от Дагестана до Абхазии.

Говоря о культурных влияниях, которые испытал в своей исторической жизни осетинский народ, мы должны упомянуть и о двух мировых религиях, христианстве и мусульманстве, которые в течение ряда веков оспаривали друг у друга господство в Осетии. Христианство, пропаганда которого велась среди алан с V в., имело решительное преобладание, но и мусульманство укрепилось в некоторых частях Осетии.

Всегда бывает так, что внешние формы и термины религии усваиваются быстрее и легче, чем ее содержание. Воинственный пастушеский народ, полностью не изживший родового строя, приняв христианство под перекрестным влиянием Византии и Грузии, оставался весьма далек от его догматики и от его нравственных принципов. Он удовлетворялся тем, что своим старым богам дал имена христианских святых, а свои старые

¹ См. ниже, стр. 286.

языческие праздники календарно приспособил к христианским. Так возникли полужязыческие, полухристианские персонажи осетинского пантеона:

Wastyrży | *Wasgergi* 'бог мужей' = «св. Георгий»,

Wacilla бог-громовержец = «св. Илья»,¹

Nikkola = «св. Николай»,

Bašil, название новогоднего праздника = «св. Василий»,

Tutyр | *Totur* бог волков = «св. Федор»,

Donbetyr водное божество = «св. Петр» (буквально — «Петр воды»),

Safa бог металлургии и оружия = «св. Савва» (?),

Fælværa бог домашнего скота = «св. Флор и Лавр»,

Alardy | *Alaurdi* божество, насылающее оспу = «св. Иоанн Алавердский»,

Mykalgabyrtæ, название святилища = «архангелы Михаил и Гавриил»,

Taranželoz, название святилища = груз. *Mtavarangeloz* «архангел»,

Atymæg, название летнего праздника = «св. Афиноген» (Ἀθηνoγένης).

Типологических двойников этих «богов» мы найдем, под другими наименованиями, у горских народов Кавказа: сванов, абхазов, черкесов, ингушей. Особенно много общего в религиозных воззрениях осетин и абхазов.

Знают осетины также верховного бога *Xucaw* и Христа, *Čyrysti* | *Kiristi*. Но, при сравнении с живыми фигурами языческих богов, их образы представляются туманными и лишенными красок.

Вместе с христианством вошли в осетинский, помимо имен христианских святых, некоторые греческие и грузинские слова, связанные с культом (см. выше, стр. 87).

Влияние на осетин ислама было еще менее глубоким. Но по каналам мусульманской пропаганды и от соседей-мусульман в осетинский язык, как и в другие языки Кавказа, проникло значительное число арабских и персидских элементов.

Вот некоторые из них: *adæm* 'люди', *azal* 'смерть', *air* 'недостаток', *alæmæt* 'чудо', *amal* 'средство', *aqaz* 'помощь', *bazar* 'торговля', *bærkad* 'изобилие', *daw* 'обвинение', *dune* 'мир', 'вселенная', *zawta* 'вещь', *daur*, *žaur* 'гяур', *gæxxæt* 'бумага', *lulæ* 'курительная трубка', *mulk* 'имущество', *nalat* 'проклятый', *namys* | *namus* 'честь', *nyfs* 'дух', 'мужество', 'надежда', *padcax* 'царь', *pajda* 'выгода', *raxumrar* 'пророк', *pyl* | *pil* 'слон', *qazuat* 'отвага', *qædabæ* 'бархат', *vazy* | *vazi* 'согласный', *sabi* 'ребенок', *sabyr* | *sabur* 'тихий', *salam* 'привет', *saqat* 'недостаток', *saxar* 'город', *saxat* 'час', 'часы', *suræt* 'картина', *tabu* 'моление', *xabar* 'известие', *xair* 'идущий на пользу', *xajvan* 'животное', *xarз* 'расход', *xatyр* | *xatir* 'спусхождение', 'прощение', *xælar* 'благорасположенный', 'дружественный', *xæram* 'идущий не впрок', 'враждебный', *zaman* 'время', 'эпоха', *zian*

¹ О значении элемента *was* см. выше, стр. 72.

‘убыток’. В осетинских междометиях *ællæx* ‘о боже!’ и *aræbi* ‘о господи!’ нетрудно опознать арабские *allāh* и *ya rabbi*.

Наш краткий обзор культурных влияний, действовавших в истории осетинского народа и нашедших отражение в языке, мы на этом заканчиваем.

Со второй половины XVIII века возобладал на севере новый культурный фактор, влияние которого стало отныне решающим и отодвинуло на второй план все другие воздействия и влияния. Мы имеем в виду Россию и русскую культуру. Но здесь мы вступаем в новейший период истории осетинского народа, рассмотрение которого не входит уже в задачу настоящей работы.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОВРЕМЕННОГО ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

Осетины, более чем какое-либо из горских племен Кавказа, привлекали и привлекают к себе внимание ученого мира. Литература об осетинах, этнографическая, историко-археологическая и лингвистическая, весьма значительна и включает труды, принадлежащие перу крупнейших ученых как русских, так и иностранных.

Интерес к осетинам особенно возрос, когда в языке их было твердо установлено (главным образом работами Вс. Миллера) наличие значительного и хорошо сохранившегося иранского слоя. В настоящее время считается общепризнанным, что осетины являются заброшенным на Кавказ осколком северной группы иранских народов, что в прошлом они обитали в южнорусских степях и в Кубанской области и что под именем алан, упоминаемых среднековыми писателями, скрывались главным образом предки осетин. Тем самым осетинская проблема связывается со скифо-сарматской.

В то же время наличие иранских влияний в финских и венгерском языках привлекает к осетинскому языку также внимание специалистов урало-алтаистики. Наконец, на Кавказе осетины оказываются связанными сетью сложных и разнообразных взаимоотношений, пока недостаточно выясненных, с окружающими яфетическими племенами, так что и кавказовед не может пройти равнодушно мимо этого народа.

Таким образом осетинский народ и язык оказываются в узле целого ряда проблем, из которых каждая представляет несомненный и глубокий интерес.

Неоспоримой заслугой прежних исследователей-осетиноведов во главе с Вс. Миллером было установление и выделение иранских элементов в осетинском и ряд интереснейших выводов культурно-исторического порядка, который был отсюда сделан. Но нельзя не признать, что изучение всего не-иранского в осетинском находится пока в зачаточном состоянии. Между тем, размеры и значение этого не-иранского как в языке, так и в фольклоре осетин не могут укрыться от исследователя при самом поверхностном с ними знакомстве. В другом месте мы писали: «Иранизм осетинского языка в его основе, с одной стороны, и сильные в нем инородные влияния, с другой, — это два факта равно

бесспорных и важных, и трудно сказать, пренебрежение каким из них может повлечь к более печальным последствиям».¹

В истории изучения осетинского языка можно наметить три основных периода. Первый, связанный с именами Гюльденштета, Палласа, Клапрота и др., это — период предварительных путевых заметок, не имеющих серьезного научного значения. Второй период — описательно-грамматический, ознаменованный прежде всего большим трудом А. Шегрена.² Третий, связанный главным образом с именем В. Миллера,³ можно назвать индо-европейским или иранистическим, так как осетинский язык в этот период его изучения служит преимущественно объектом индо-европейских и в особенности иранских сближений и сопоставлений.

В настоящее время изучение осетинского языка должно, вступить в новый, четвертый этап, в котором осетинский язык будет рассматриваться, как единое целое, как живая система, с вытекающим отсюда признанием равноценности всех его элементов и с учетом того этнического и лингвистического окружения, в котором он находится на Кавказе на протяжении всей доступной нашему обозрению истории.

Настоящая статья имеет целью обратить внимание на ряд фактов осетинского языка, которые до сих пор, вследствие невозможности связать их непосредственно с фактами иранскими, арийскими и индо-европейскими, выпадали из круга внимания традиционной лингвистической школы и оставались мало или вовсе не освещенными. Она, таким образом, ставит себе задачей дать кое-какие данные для перехода к тому новому этапу изучения осетинского языка, о котором мы только что говорили.

Фонетика

При первом взгляде на систему звуков осетинского языка, бросается в глаза огромное сходство этой системы с фонетической системой соседних яфетических языков, в особенности южнокавказских. Когда основоположник научного изучения осетинского языка акад. Шегрен, составляя для осетин новый алфавит, остановил свой выбор на русских буквах, он сделал это не потому, что находил русскую азбуку наиболее пригодной для этой цели, но главным образом, принимая во внимание «будущую судьбу осетин», а также их большее предрасположение к русскому шрифту по сравнению с грузинским. Но в то же время он отдавал себе ясный отчет в преимуществах грузинской графики для полного и адекватного изображения осетинских звуков. В подтверждение этого он справедливо ссылается на пример Ялгузидзе, который, пользуясь грузинским алфавитом для составленных им осетинских книг, должен был ввести лишь три новые недостающие в грузинском буквы.⁴

¹ Новое в осетиноведении. Изв. Осет. инст. краев., вып. 1, 1925, стр. 492.

² Осетинская грамматика, 1844.

³ См. в особенности его «Осетинские этюды» I—III (1881—1887).

⁴ Осетинская грамматика, 1844, стр. XVI, XVII.

Ошибочно было бы думать, что «кавказский» облик придает осетинской фонетике только наличие характерных «кавказских» смычно-гортанных взрывных согласных *k', p', t', c', č'*. Второй ряд глухих взрывных, именно придыхательный *k, p, t, c, č* также полностью совпадает с соответствующим рядом в кавказских яфетических языках. Нельзя поэтому согласиться с проф. Б. Алборовым, когда он противопоставляет аспирированные осетинские *k, p, t*, как «осетино-европейские», смычно-гортанным *k', p', t'*, как «осетино-кавказским».¹ Более здравое понимание вещей обнаруживает Шегрен, когда он осетинские согласные придыхательного ряда отождествляет последовательно с соответствующими грузинскими и армянскими согласными.² Вс. Миллер считает осетинские придыхательные близкими к северогерманским и русским, хотя принужден признать, что осетины передают часто русские взрывные согласные в заимствованиях из русского не через придыхательные, а смычно-гортанные.³

Таким образом, на одной стороне мы имеем противоречивые и сомнительные сближения осетинских глухих взрывных с русскими и германскими, на другой — несомненную и очевидную близость, если не тождество этих согласных с соответствующими согласными кавказских яфетических языков. Вряд ли можно сомневаться, что как ни интересны могут быть фонетические сближения между осетинским и теми или иными европейскими языками, факт совпадения всей системы осетинского консонантизма с консонантизмом определенной группы языков Кавказа несравненно более важен и поучителен. Дело не меняется оттого, что в иранских словах осетинские согласные закономерно корреспондируют определенным иранским согласным: осетинские звуки не делаются от этого «иранскими» или «европейскими»; дело попросту в том, что осетинский, как и армянский, строит «индо-европейские» слова из кавказского фонетического материала.

Значительным шагом в деле уточнения наших представлений об осетинском консонантизме было выяснение того, что осетинский имеет не три ряда взрывных согласных, как думали до последнего времени, а четыре:

- 1) ряд звонких,
- 2) ряд глухих придыхательных,
- 3) ряд смычно-гортанных,
- 4) ряд глухих непридыхательных.

¹ Б. Алборов. Первая осетинская книга. Известия Горского пед. института, Владикавказ, 1928, стр. 163, 167. Впрочем, сам пишущий эти строки не был свободен от этого заблуждения, пока не познакомился ближе с консонантизмом кавказских яфетических языков.

² Op. cit. стр. 18, 22, 23. Однако Шегрен впадает в не менее грубую ошибку, когда он ставит знак равенства между русскими *k, n, m* и осетинскими смычно-гортанными (там же, стр. 9).

³ Осет. Этюды, II, стр. 17—18, ср. Grundriss der iranischen Philol., Anhang z. V. I, стр. 13.

Совершенно такую же систему находим в ряде дагестанских языков: лакском, лезгинском. Согласные звонкого и глухого придыхательного ряда встречаются чаще, чем согласные двух других рядов, и распределены равномерно, как в иранском, так и в не иранском слое осетинского языка. Глухие непрдыхательные, обнаруженные в осетинском в недавнее время, появляются лишь при определенных фонетических условиях; после глухих спирантов и при удвоении согласных.¹

Значительный интерес и разнообразие представляют случаи появления в осетинском смычно-гортанных, рассматриваемых обычно как «кавказские» *rag excellence*. Уже В. Миллер должен был отметить, что смычно-гортанный *k* встречается не только в «заимствованиях» из кавказских языков, но «проник и в чисто осетинские слова».² Оставляя под сомнением научную основательность деления элементов языка на «чистые» и «нечистые», мы должны признать, что, действительно, значительное число осетинских слов, имеющих хорошо установленные иранские и индоевропейские соответствия, включает в себе «кавказские» смычно-гортанные согласные вместо ожидаемых, тоже впрочем «кавказских», придыхательных.³

Если в отношении взрывных осетинский примыкает к южнокавказским и отчасти к восточногогорским языкам, то некоторые другие элементы осетинского консонантизма ведут нас уже к языкам западногогорской группы. Таковы характерные сибиланты *š, ž* средние между *s* и *z*, с одной стороны, и *š* и *ž*, с другой. Наличные только в некоторых осетинских диалектах, они не были правильно охарактеризованы прежними исследователями, отождествлявшими их то с зубными, то с палатальными европейскими сибилантами. Между тем сравнение этих согласных с соответствующими сибилантами в языках черкесской группы легко обнаруживает, что мы имеем здесь дело с фонетическими фактами одного порядка.

В области вокализма здесь уместно отметить одно явление, замеченное в джавском диалекте в Юго-Осетии. Мы имеем в виду двоякое произношение гласных, одних с резко выраженной округло-губной артикуляцией *â, o, û*, других с растянуто-губной *æ, i, e, y*. Это явление находит себе аналогию в таком же двояком произношении согласных в абхазском (напр. *k* и *k̄* и т. п.).

С разных сторон мы вновь и вновь убеждаемся, что правильное представление об осетинской фонетике ни в коем случае не может быть составлено при игнорировании кавказско-яфетических фонетических фактов, и попытка свести все к «индоевропейскому» может привести лишь к тому, что ряд интереснейших явлений окажется вне сферы научного исследования.

¹ См. ниже, стр. 512 сл.

² Осет. этюды, II, стр. 71. Ср. Grundriss ... Anhang 27.

³ Об условиях появления смычно-гортанных согласных подробнее см. ниже, стр. 518 сл.

Морфология

Нигде, быть может, двуприродность осетинского языка не сказывается так ярко, как в морфологии; мы имеем в нем весьма близкую к другим иранским языкам систему глагола наряду с чуждым остальному иранскому миру хорошо развитым агглютинативным склонением.

То обстоятельство, что взамен флективной древнеиранской (resp. индоевропейской) системы склонения мы находим в осетинском агглютинативную, построенную по образу и подобию соседних кавказских языков картвельской и восточно-горской групп, никак не может быть объяснено игрой случая. В то время как другие новоиранские языки, утратив старую именную флексию, утратили вместе с ней и склонение, осетинский из собственных иранских элементов выработал новую систему падежных окончаний и новое склонение, приближающееся по типу к склонению в агглютинативных языках: тюркских, угро-финских, некоторых кавказских. Влияние последних играло здесь, надо полагать, главную роль.

Мы проведем параллель между осетинским склонением и склонением в новогрузинском языке. Но предварительно условимся о том, что считать падежом. Всякое падежное окончание можно, в результате палеонтологического, а то и элементарно-этимологического анализа, реально или факультативно, возвести к особому, когда-то самостоятельному слову (имени). Это слово, играя первоначально роль синтаксического элемента во фразе в качестве местоимения, послелога или наречия, постепенно все теснее срастается с именем и, наконец, теряя значение самостоятельного слова, становится элементом морфологическим, падежным окончанием. Спрашивается, с какого, собственно, момента надо считать этот переход совершившимся, с какого момента имя плюс послелог или наречие превращается в падеж (имя плюс падежное окончание)? Провести эту границу довольно трудно. Однако, можно предложить два критерия, один объективный, другой субъективный: 1) если прежняя синтаксическая единица (послелог, наречие, местоимение) в процессе срастания с именем претерпевает такие фонетические изменения (сокращение, упрощение и т. п.), которые делают ее отличной от слова (наречия, послелога, местоимения), из которого она образовалась (тем более, если последнее продолжает иметь в языке самостоятельное существование в своей полной форме), то мы имеем право говорить об образовании падежа; 2) если падежная форма не разлагается в сознании говорящего на два элемента, то это опять-таки убеждает нас, что мы имеем дело с «настоящим» падежом. Становясь на эту точку зрения, мы должны число падежей в новогрузинском, которых принимается в традиционной грамматике шесть, увеличить по крайней мере вдвое.¹ Типологическое тождество осетинского

¹ См. Н. Я. Марр. Грамматика древнелитературного грузинского языка. Л., 1925. стр. 31 сл. — А. Шанидзе. Основы грузинской грамматики, I, 1942, стр. 71—74 (на груз. яз.).

склонения с склонением в новогрузинском, а также в ряде восточногогорских языков, становится при этом совершенно очевидным.

В осетинском мы находим следующие падежные формы:¹

1) Именительный. В единственном числе не имеет в иронском диалекте никакого окончания и совпадает с основой: *k'ux* 'рука'. В дигорском находим иногда окончание *æ*: *fid-æ* 'отец'. Во множественном числе и в иронском и в дигорском принимает окончание *-æ*, присоединяемое к постоянному показателю множ. числа: *k'ux-t-æ* 'руки'.

2) Родительный. Характеризуется флексией *-y* в иронском, *-i* в дигорском. Отвечает на вопросы «кого, чего, чей, какой»: *k'ux-y*, *k'ox-i* 'руки'. Соответствует родительному падежу в европейских и кавказских языках, груз. *xel-is* 'руки'.

3) Дательный. Флексия *-æp* в обоих диалектах. Значение обычного датива с некоторым оттенком, общим у него с соответствующим падежом в яфетических языках Кавказа: не только «кому, чему», но и «для кого, для чего»: *k'ux-æp* 'руке', 'для руки', груз. *xel-sa*.

4) Орудийно-отложительный. Флексия *-æj*. Как видно из названия, совмещает в себе два значения — *instrumentalis*'а и *ablativus*'а, «кем, чем» и «от кого, от чего», «из кого, из чего»; *k'ux-æj* 'рукой', 'из руки'. Таким образом, семантика этого падежа полностью совпадает с семантикой соответствующего падежа в грузинском древнелитературном, где ему было свойственно такое же двойное значение: *xel-it* 'рукой и 'от руки'.

5) Направительный (у Вс. Миллера «местный внешний»). Окончание этого падежа *-тæ*, *-æt* (во мн. ч.); значение двойное: «направление к чему-нибудь или пребывание у чего-нибудь» (Вс. Миллер): *k'ux-тæ* 'к руке', 'в руку' или 'у руки'. В грузинском древнелитературном соответствующий падеж, так и называемый обычно «направительным» (Н. Я. Марр), оканчивался на *-ad*: *xel-ad*. Новогрузинский придал ему несколько иной оттенок.

6) Местный внутренний. По форме (но не происхождению) совпадает с родительным: *k'ux-y*, диг. *k'ox-i* 'в руке'. Точное грузинское соответствие: *xel-ši* 'в руке' (из послеложного образования *xelsa šina*).

7) Местный внешний (у Вс. Миллера «adessiv»). Оканчивается в иронском диалекте на *-yl*, *-wyl*, в дигорском на *-bæl*: *k'ux-yl*, *k'ox-bæl* 'на руке'. Вышел из послелога *wælwæ* 'сверху'. Соответствующая грузинская флексия *-ze*, вышедшая также из послелога *zeda* 'сверху': *xel-ze* 'на руке' (из *xelsa zeda*).

8) Союзный, *sociativus*, *comitativus*. Имеет в иронском окончание *-итæ*, в дигорском ему отвечает послелог *xæssæ* 'вместе': *k'ux-итæ*, диг.

¹ Мы вносим некоторые поправки в названия падежей, принятые Вс. Миллером (Осет. этюды, II, стр. 142), добавляем уподобительный падеж и устраняем винительный падеж, включение которого в систему осетинского склонения мы считаем недоразумением.

k'oxi xæssa 'с рукой'. В грузинском используется в этом значении послелог *tan*.

9) Уподобительный. Флексия *-aw*. Обычно игнорируется, как падеж, быть может на том сомнительном основании, что слова в этом падеже по «законам» формальной грамматики попадают в категорию наречий; *k'uχ-aw* 'как рука', 'подобно руке', *biræŋ-aw* 'как волк', 'по-волчьи', груз. *mgeli-vit* 'по-волчьи' (где *-vit* послелог). Впечатление близости между осетинским склонением и склонением в южных и восточных кавказских языках усугубляется еще тем, что и там, и тут не существует винительного падежа, вопреки мнению А. Шегрена и Вс. Миллера.¹

Вопрос о числе падежей, важный с формально-грамматической точки зрения, для нас здесь не представляет интереса, и мы можем его оставить открытым. Второстепенным, с нашей точки зрения, является также вопрос о происхождении отдельных падежных окончаний. В наших целях достаточно указать на полное типологическое тождество осетинского склонения со склонением в языках грузинской и восточногогорской групп. Там и тут мы имеем хорошо разработанное агглютинативное склонение, причем каждый осетинский падеж находит себе более или менее точный типологический эквивалент в склонении ряда кавказских языков с тем же семантическим содержанием и той же синтаксической функцией. Там и тут мы находим постоянный показатель множественности.²

Вс. Миллер не без успеха пытается большинство флексий объяснить из иранских и арийских элементов.³ Лишь в одном случае его толкование оказывается явно неудовлетворительным. Пытаясь связать окончание союзного падежа *-imæ* с санскр. *smat*, авест. *mat*,⁴ а позднее⁵ с арийск. *samā*, *samāt*, он принужден строить сложную цепь объяснений, чтобы устранить возникающие при этом затруднения, что ему, однако, так и не удается по его же собственному признанию.⁶ Между тем, происхождение окончания *-imæ* совершенно прозрачно: оно вышло из живого осетинского наречия *iwtæ*, что значит «вместе».⁷ В дигорском вместо *-imæ* мы находим *xæssa*, что опять-таки значит «вместе».

Очевидно, когда явилась необходимость строить склонение, язык мало заботился о том, чтобы быть последовательным в выборе материала, и выходил из затруднения как умел. Для одних падежей он использовал иранские элементы, в то время еще бытовавшие в языке — таково по нашему мнению происхождение падежных окончаний родительного *y*, *i*,

¹ См. ниже стр. 129 сл.

² Это типологическое единство не нарушается, конечно, тем, что для некоторых падежей грузинского и восточногогорских языков нет вполне адекватных соответствий в осетинском.

³ Осет. этюды, II, стр. 129—140.

⁴ Осет. этюды, II, стр. 138.

⁵ Ossetica, 1904, стр. 28.

⁶ Осет. этюды, II, стр. 139.

⁷ В свою очередь *iwtæ* есть не что иное, как «направительный» падеж от *iw* 'один'.

орудийно-отложительного *æj* и уподобительного *aw*; другие падежи построил по аналогии с местоименным склонением — дательный *æn* и направительный *mæ*; наконец, для образования третьих использовал доньше живущие послелог и наречия, — для местного внешнего *yl* из *wæł*, что значит «на», диг. *bæł*, для союзного *imæ* из *imtæ* 'вместе'.

Переходя от имени к глаголу, от склонения к спряжению, мы попадаем в другой языковой мир, флективный, «индо-европейский». Если в склонении мы видим коренную ломку древнеиранской системы, то в спряжении почти любая форма рождает иранские реминисценции. Наличие двух основ, настоящей и прошедшей, чередование гласных в этих основах, образование *causativ*'а, образование *optativ*'а и *conjunctiv*'а, флексия настоящего времени, перифрастические формы прошедшего времени — все это находит близкие параллели частью в древних, частью в новых иранских языках.

Однако, даже в системе глагола встречаются отдельные формы, неожиданные с точки зрения парадигмов индо-европейской сравнительной грамматики. Мы имеем в виду образование будущего времени (*futurum II* по В.с. Миллеру, Осет. этюды, II, 199).

Возьмем в виде примера будущее время от глагола «жить»:

	дигорский	иронский
ед. ч.	<i>cær-zæn-æn</i>	<i>cær-zy-m-æn</i>
	<i>cær-zæn-æ</i>	<i>cær-zy-m-æ</i>
	<i>cær-zæn-æj</i>	<i>cær-zæn-is</i>
мн. ч.	<i>cær-zin-an</i>	<i>cær-zy-stæm</i>
	<i>cær-zin-ajtæ</i>	<i>cær-zy-stut</i>
	<i>cær-zæn-æncæ</i>	<i>cær-zy-sty</i>

Из трех элементов, на которые легко распадается каждая форма будущего времени, первый представляет основу настоящего времени данного глагола (*cær*), последний — *praesens* вспомогательного глагола *æn*, *æ*, *æj* и т. д. Между ними вставлена частица *zym* (*zæn*, *zin*, *zy*), которая очевидно и сообщает данным формам значение будущего времени. Что же представляет собой эта частица? В.с. Миллер, справедливо отвергая объяснение, данное этой частице Фр. Мюллером, обнаружил большую широту мысли, сблизив ее с суффиксом, который мы находим в осетинских *abstracta*,¹ напр. *ræst-zin-ad* 'правда' от *rast* 'прямой'. В другом месте мы указывали,² что наша загадочная частица в форме *-zym*, *-zin* служила когда-то и для образования прилагательных от имен.

Таким образом один и тот же морфологический элемент использован для образования и прилагательных, и абстрактных слов, и будущего времени.

Этимология нашей частицы, вопреки недоумениям В.с. Миллера (Осет. этюды, II, стр. 201), может быть разъяснена в иранских рамках.

¹ Осет. этюды, II, стр. 200—201,

² Яфет. сб., III, стр. 104.

Основными формами мы считаем *-gin* для дигорского и *-gun* для иронского диалекта и рассматриваем их как параллельные к двум живым и весьма употребительным, образующим прилагательные, суффиксам *-gin* (*-gun*) в дигорском и *-gun* в иронском. В то время как последние восходят закономерно к *-kaina* (из *-ka-aina*), формы *-gin*, *-gun* следует возводить к параллельной форме *-caina*.

Лексика

Осетинский словарь, как впрочем и другие стороны осетинского языка, был до сих пор предметом научного интереса и изучения почти исключительно в иранской его части. Попав в научный оборот как раз в эпоху пышного расцвета индо-европейской лингвистики, осетинский язык разделил участь остальных индо-европейских языков, а именно стал рассматриваться односторонним образом, как материал для индо-европейских этимологий. Естественно, что в этой области была проделана очень большая и плодотворная работа. До настоящего времени около 800 осетинских слов нашли себе более или менее удовлетворительные иранские и индо-европейские соответствия. Однако в процентном отношении эта цифра не так велика, так как общее число слов (вернее, основ) в осетинском следует принять минимально в 4000.¹ Мы имеем, следовательно, около 20% разъясненных индо-европейских слов. Правда, надо отметить, что в эту группу входят наиболее важные и употребительные категории слов: числительные, местоимения, ряд употребительнейших глаголов («быть», «жить», «умирать», «ходить», «держать», «давать», «есть» и т. д.), космические термины («небо», «солнце», «луна», «звезда» и пр.), термины родства, термины скотоводческого быта, ряд анатомических терминов и др.

К числу «разъясненных» слов надо прибавить заимствования из больших языков передней Азии: арабского, персидского, тюркских и грузинского. Число последних также достигает 800 (20%). Если принять для остальных «разъясненных» так или иначе слов максимальную цифру — 400 (еще 10%), то и тогда у нас останется около 2000 слов, т. е. 50% словаря, которых еще не коснулся лингвистический анализ. Успешная и плодотворная работа над дальнейшим анализом осетинского лексического материала возможна, нам кажется, только при следующих предпосылках:

1) необходимо привлечь широко кавказские языки, как соседящие с осетинскими, так и более отдаленные;

2) необходимо при сравнительном изучении лексических фактов отрешиться от традиционной формулы: «либо родство, либо заимствование», так как нельзя теперь уже не видеть, что междуязыковые взаимоотношения гораздо сложнее этой формулы и что смешение языков ставит

¹ Эта цифра основана на подсчете словарных материалов Вс. Миллера, пополненных нашими собственными материалами.

перед нами такие вопросы, удовлетворительное разрешение которых невозможно традиционными методами.

Мы позволим себе пояснить нашу мысль примером. Осетинское (дигорское) слово *c'orr* имеет два весьма отдаленных друг от друга значения: «вершина» и «шерсть».¹ В кавказских языках не находим слова, которое можно было бы непосредственно связать с осетинским *c'orr*. Возьмем, однако, грузинскую основу *c'am-* в значении «волос» (*sa-c'm-isi* 'власница', *c'am-c'ami* 'ресница') и построим его закономерный мегрельский (шипящий) эквивалент. На основании установленных сравнительной грамматикой южнокавказских языков фонетических соответствий, мегрельская форма грузинского *c'am-* должна звучать *c'om-* или *c'ob-*. В мегрельском, насколько можно судить по словарю Кипшидзе, этого слова нет, но оно сохранилось в осетинском в характерной для него покающей форме: *c'orr*. Ни в иранских, ни вообще в арийских языках мы этого слова не находим, но оно выплывает неожиданно в германских: англ. *top*, датск. *top*, нидерланд. *top*, немец. *Zopf* и т. д. в значениях «кончик», «вершина», «коса» (женская).² Наконец, и русское *чуб* относится, очевидно, сюда же. Возвращаясь к ос. *c'orr*, мы задаем вопрос, можно ли здесь говорить о заимствовании? Кажется весьма странным допущение, что осетины, ощутив недостаток в слове для понятия «вершина», заимствовали слова *c'orr*, а затем, когда понадобилось обогатить язык словом для понятия «шерсть», не нашли ничего лучшего, как заимствовать то же самое *c'orr*. Мы решаемся утверждать, что наличие этого слова в осетинском в двух столь далеких значениях говорит уже само по себе о факте языкового смешения. Слово должно было войти в язык не как нечто внешнее и случайное, а влиться в него органически вместе с носителями того языкового мышления, для которого естественным и привычным является семантический ряд: «вершина - лес - голова - волосы - шерсть». Не идет ли это слово и в осетинском и в германских языках из того общего языкового субстрата, который древнее всяких пра-индо-европейских эпох?³

К сожалению, недостаток в литературе удовлетворительных словарей по кавказским языкам и вообще недостаточная изученность этих языков затрудняют разработку осетино-кавказских лексических отношений в тех размерах, какие диктуются научными потребностями. Как только положение в этом отношении изменится к лучшему, будет несомненно внесен новый свет в мир неразъясненных элементов в осетинском.

Однако, уже теперь можно утверждать, что кавказский вклад в осетинский язык не так незначителен, чтобы его можно было игнорировать.

¹ Иронское *c'urr* значит только «вершина».

² Ф.г. Kluge в своей книге «Etymol. Wörterbuch d. deutschen Sprache» заявляет, что слово «в негерманских языках отсутствует» (см. слово *Zopf*).

³ Слово *c'orr* как отложение в осетинском из шипящего слоя яфетических языков не стоит относить изолированно (см. ниже, стр. 323).

Мы приводим ниже некоторые осетино-кавказские лексические сходжения, относящиеся к достаточно важным в бытовом и культурно-историческом отношении областям и дающие представление о глубине и интимности осетино-кавказских культурных связей.

Термины религии и культа:

xucaw 'бог', ср. лезг. *xucar* 'бог'; *zwar* 'божество', 'святилище', 'крест', груз. *žvari* 'крест'; *Æfsati* 'бог охоты', сван. *Apsad Apsat* (см. Изв. Акад. Наук 1911, 759 сл.) и др.

Кавказского происхождения также названия осетинских племен: *ir*, груз. *Her-et-i* и пр. (см. ниже, стр. 245); *tval*, груз. *dvali*, *Dval-et-i*; *digor* окаменелое мн. число от широко распространенного на западном Кавказе племенного названия **dig*, ср. черк. *a-dəğ-e*, груз. *žix-i* 'черкесское племя', 'джикеты', 'дзихи' и пр.

Наконец целый ряд слов разнообразнейшего значения.

Названия частей тела

k'ux/k'ox 'рука' — инг. *kułg*, чеч. *kuig* id.;
k'ax 'нога' — инг.-чеч. *kog* id.;
byl/bilæ 'губа' — сван. *p'il* 'губа', груз. *p'iri* 'рот';
zyx/c'ux 'рот' — чеч. *zyok*, инг. *zhok* 'клыв';

Названия животных

bæx 'лошадь' — инг. *bağh* 'жеребенок';
zærg 'свиноматка' — инг. *zärgä* id.;
sag 'олень' — инг.-чеч. *säj* id., каб. *šäh*.

Названия растений

диг. *zætxæ* 'овес' — каб. *zantx*, бакл. *zəntxə*, сван. *zəntx* id.;
gæn 'конопля' — сван. *kan* id.;
cyvzy 'красный перец' — каб. *šəps* id.;
диг. *v'affæ* 'лист' — каб. *thapä*;
k'uter/k'otær 'куст' — инг.-чеч. *k'otär*.

Термины хозяйства и материальной культуры

ag 'котел' — чеч. *jej*, инг. *jej* id., авар. *hag* id.;
dæğæl 'ключ' — инг. *dhoəğä* id.;
zæğæl 'гвоздь' — инг. *zägäl* 'задвижка', чеч. *zajl* id.;
ræxys/ræxis 'цепь' — авар. *raχas*, абх. *a-rxəšna* id.;
gærz-tæ 'снаряжение', 'оружие', 'одежда' — чеч.-инг. *gerz-aš* 'оружие', 'снаряжение';
guffæ 'кузов арбы' — каб.-черк. *gufä* 'дышло';
qwylyg 'маслобойка' — инг.-чеч. *qułg* id.;
kaw 'плетень' — авар. *kaw*, чеч. *kaw*, инг. *kov* 'двор';

gon 'амбар' — каб.-черк. *gon* id.;
xædon 'рубашка' — каб. *xædan* 'тряпка';
xal/xalæ 'нить' — лак. *xal*, балк. *xalə* id.;
kwyris/kuresæ 'сноп' — инг. *kurs* id.;
sæn/sænæ 'вино' — каб.-черк. *sänä* id.;
bægəny/bægəni 'пиво' — каб.-черк. *beginä* 'кисель';
k'umæl 'брага' — инг. *k'omäl* (?);
maxsymæ 'брага' — инг. *maxäm* id.;

Термины социального круга

læg 'человек' — инг. *lej*, чеч. *laj* 'раб', абаз. *læg* 'крестьянин' абх. *læg-až* 'старик';
zylle/zilla 'общество', 'мир' — каб. *žällä*;
bæste 'страна', 'мир' — сван. *buast* 'мир', 'мирской сход';
wynaffæ 'совет', 'совещание' — каб.-черк. *hınafä* и мн. др.

Мы могли бы, пользуясь даже одними только печатными источниками, значительно увеличить наш список. Но мы сознаем, что такое голое сопоставление слов имеет лишь предварительное значение. Оно показывает, что есть над чем работать. Задачей дальнейшего исследования является выяснение действительного генезиса каждого слова, отделение позднейших заимствований от глубоко в доисторию идущего субстратного лексического фонда. Мы не сомневаемся, что на этом пути будут вскрыты отношения и связи не менее интересные и сделаны выводы не менее плодотворные, чем те, которые принесло в свое время изучение осетино-иранских отношений.

Семантика глагольных префиксов (превербов)

Система глагольных префиксов в осетинском может служить хорошей иллюстрацией того, как при бесспорно иранской форме элементы языка таят в себе, повидимому, субстратное, кавказское содержание. Почти все интересующие нас глагольные префиксы — иранского происхождения.

Привожу их со значениями, которые дает им Вс. Миллер:¹

a-, перс. *ā-*, др. перс., авест *ā-*, санскр. *ā-*, «обозначает движение от одного внешнего пункта к другому»;

ra-, санскр. *pra-*, авест. *fra-*, н. перс. *far-*, «обозначает движение от внутреннего пункта наружу»;

ba-, санскр. *upa-*, авест. *upa-*, н. перс. *ba-*, «обозначает движение снаружи внутрь»;

ær-, м. б. авест. *adra* 'здесь', «обозначает направление к предмету издали»;

nə- | *ni-*, санскр. *ni-*, авест. *ni-*, перс. *ni-*, «обозначает направление вниз».

¹ Осет. этюды, II, стр.214—217.

Перечисленные превербы имеют двойное значение: локативное (при глаголах, обозначающих передвижение) и отвлеченное (при остальных глаголах), придающее им значение совершенного вида с тем или иным оттенком. Нас здесь интересует только локативное значение. Мы привели толкование локативного смысла превербов Вс. Миллера, чтобы показать недостаточность этого толкования. Особенностью локативной семантики осетинских глагольных префиксов сравнительно с индо-европейскими является то, что они выражают не только направление передвижения абстрактно в пространстве, но и положение наблюдающего субъекта по отношению движущегося предмета. Аналогичное положение вещей в грузинском и ряде восточногогорских языков позволяет рассматривать и это явление как одно из проявлений яфетической природы осетинского языка. Если русский глагольный префикс *вы-* означает движение вообще изнутри наружу, то из двух осетинских его эквивалентов *a-* и *ra-* первый означает движение наружу с точки зрения находящегося внутри, а второй — движение наружу с точки зрения находящегося снаружи. Первый, следовательно, соответствует грузинскому превербу *ga-*, второй *gamo-* (*ga+mo-*).

Равным образом, движение снаружи внутрь, передаваемое одним русским превербом *в* (*vo*), находит в осетинском два преверба для своего выражения: 1) *ba-* движение внутрь с точки зрения находящегося снаружи (груз. *še-*); 2) *ærba-* (*ær+ba-*) движение внутрь с точки зрения находящегося внутри (груз. *mo-* и *šemo-*).

Наконец, движение сверху вниз, русск. *с-* или *низ-* («сходить», «нисходить»), передается либо превербом *ær-*, если наблюдающий находится внизу (груз. *čamo-*), либо *nə-*, если наблюдающий находится наверху (груз. *ča-*):

ос. <i>a-cyd</i> , груз. <i>ga-vida</i>	} 'вышел'	{	наблюдатель находится внутри
ос. <i>ra-cyd</i> , груз. <i>gamo-vida</i>			« « снаружи,
ос. <i>ba-cyd</i> , груз. <i>še-vida</i>	} 'вошел'	{	наблюдатель находится снаружи,
ос. <i>ærba-cyd</i> , груз. <i>mo-vida</i>			« « внутри,

ос. <i>ær-cyd</i> , груз. <i>čamo-vida</i>	} 'сошел'	{	наблюдатель находится внизу,
ос. <i>ny-cyd</i> , груз. <i>ča-vida</i>			« « наверху.
			(сверху вниз).

В этом стремлении возможно точнее выразить с помощью префиксов пространственные отношения сказывается тенденция рассматривать вещи не изолированно и абстрактно, а в их взаимной связи.

Иранские элементы и на этот раз оказываются наполненными яфетическим содержанием.

Синтаксис

Вопросов синтаксиса, вследствие их слабой разработанности как в яфетических, так и в осетинском, мы можем коснуться лишь очень кратко.

Говоря об осетинском склонении, мы уже указывали на тождество синтаксических функций осетинских падежей с соответствующими падежами в языках южнокавказской (груз., мегр.) и восточногогорской групп.

В виде общего наблюдения можно отметить большую строгость осетинского синтаксиса, неохотно допускающего изменение порядка слов или замены одной формы другою.

Далее, в осетинском, как в южных и восточных яфетических языках Кавказа, вместо обычной в индо-европейских языках системы предлогов, находим систему послелогов, которые, опять-таки как обычно в указанных яфетических языках, требуют родительного падежа.

Определение не согласуется с определяемым в числе и падеже и ставится всегда в неоформленном пад. Напр. *syrx bæx-tæ* 'гнедые лошади', а не *syrx-tæ bæx-tæ*.

Определение, чем бы оно ни было выражено, ставится всегда впереди определяемого: *xury tyn* 'луч солнца', букв. «солнца луч»; обратный порядок совершенно немыслим.

Аналогичную картину мы находим как в соседних яфетических языках, так и в языках финской и тюркской групп.

Наблюдаемая в осетинском тенденция ставить предикат в конце, а также тенденция помещать все слова, конкретизирующие предикат (обстоятельства, дополнения), впереди предиката, а все слова, конкретизирующие субъект (определения и пр.), помещать впереди субъекта — все это в еще более резкой и выдержанной форме мы находим в яфетических языках Сев. Кавказа как восточных, так и западных.

¶ Если прибавить сюда такие факты, как двадцатичичный счет, то осетинско-яфетические сходжения вырастают в целую систему, из которой, как из песни, слова не выкинешь.

Яфетический сборник VII (1932), стр. 57—80

О ВЗАИМООТНОШЕНИИ ИРАНСКОГО И КАВКАЗСКОГО ЭЛЕМЕНТА В ОСЕТИНСКОМ

Одним из самых интересных и вместе с тем самых трудных вопросов индо-европейского языкознания был и остается вопрос об исторических условиях образования отдельных индо-европейских языков. Работами Фр. Боппа и его преемников была вскрыта разительная общность между языками, раскинувшимися на обширном пространстве Европы и Азии, от Исландии до Персидского залива, от Индии до Ирландии. Это открытие было одним из выдающихся событий не только в языкознании, но вообще в гуманитарных науках. Сравнительное языкознание было поставлено на прочную базу и получило мощный толчок к дальнейшему расцвету. Казалось, что сведение всех индо-европейских языков к открывшейся общности их происхождения окажется тем ключом, той предпосылкой, которая позволит всесторонним и исчерпывающим образом истолковать и объяснить природу каждого отдельного индо-европейского языка.

Однако эти надежды оправдались лишь отчасти. В структуре и материальном составе всех индо-европейских языков оказалось множество такого, что никоим образом не могло быть выведено из предполагаемого «праязыкового» единства, а героические попытки уложить все и вся в отлично разработанные сравнительно-грамматические схемы приводили нередко к такой эквилибристике и натяжкам, которые способны были только подорвать доверие к полезному в известных рамках методу. Одностороннее и преувеличенное внимание лишь к элементам общим и удобным для сравнительной грамматики неизбежно приводило к тому, что оставались в тени черты своеобразия и самобытности каждого отдельного языка. Забывался старый гносеологический принцип: *rerum varietates non temere esse minuendas* (т. е. не следует без достаточного основания преуменьшать многообразие вещей). Вот почему, после десятков лет напряженной и несомненно плодотворной работы, мы стоим все-таки перед фактом, что почти все индо-европейские языки разъяснены только в одной своей части, как бы с одного боку.¹ Мы знаем, что у них общего, но не знаем, почему, при этой общности, они столь различны и неповторимо индивидуальны. С одной стороны — гипотетическое первоначальное языковое единство,

¹ Самым блестящим исключением является, благодаря работам Н. Я. Марра, армянский.

«праязык», с другой — живые, реальные, бесконечно многообразные индоевропейские языки, которые застаёт история. Что происходило между этими двумя крайними этапами? Какие факторы внутриязыкового и внешнего порядка сделали из каждого индоевропейского языка то, что он есть?

Можно ли объяснить глубокое своеобразие каждого индоевропейского языка как результат внутреннего, имманентного развития из «праязыкового» единства? В настоящее время ни один серьёзный исследователь не ответит на этот вопрос положительно. Все больше голосов раздается в пользу того, что в неразъясненных элементах ряда индоевропейских языков надо видеть вклад местной доиндоевропейской языковой стихии. Теория субстрата, с блеском примененная Н. Я. Марром к армянскому, а также некоторым другим индоевропейским языкам, относится к числу наиболее прочных и плодотворных достижений нового языкознания. Если раньше историческая интерпретация индоевропейских языков сводилась к вопросу об отношении новых языков к древним, а последних к «праязыку», то теперь со всей настоятельностью встает другой вопрос: отношение индоевропейских языков к тем языкам, которые были на данной территории до «индоевропеизации». Больше того, мы убеждаемся, что первый вопрос мог бы быть разрешен успешнее, если бы мы имели ответ на второй.

В самом деле, если бы мы могли установить с точностью вклад субстратной языковой среды в каждый индоевропейский язык, в греческий, латинский, санскрит и другие, мы могли бы путем «вычитания» этого вклада определить, что в этих языках является результатом тех чисто внутренних законов развития, которые были заложены в древнеиндоевропейских диалектах, из которых они развивались. Однако с первых же шагов мы наталкиваемся здесь на огромную трудность: в большинстве случаев мы ничего не знаем о доиндоевропейских языках, бытовавших на территории позднейшей индоевропейской речи. В самом деле, что можно, например, сказать о роли пелазгского в образовании греческого языка, если до нас не дошло ни одного слова на языке пелазгов? Немногим лучше обстоит дело и с другими индоевропейскими языками.

Легко представить, как было бы соблазнительно найти такой индоевропейский язык, который до наших дней бытовал бы в окружении тех самых языков, которые в свое время послужили субстратом при его образовании. Исследование его взаимоотношений с этими языками могло бы пролить свет на условия и факторы образования всех индоевропейских языков. К счастью, такой язык существует: это — осетинский язык на Кавказе.

Следует удивляться, что до сих пор осетинский язык так мало оценен и использован с этой точки зрения. Разумеется, большой интерес в этом плане представляет и армянский: мертвый халдский язык и живой грузинский могут до некоторой степени дать представление о характере тех языков, которые были на территории Армении до индоевропеизации. Но здесь нет и речи о том неисчерпаемом богатстве живых разновидностей яфетической речи, которые составляли кавказское окружение осетинского

языка: вейнахские языки на Востоке, грузинский, сванский, мегрельский на Юге, абхазский с абазинским на Западе, черкесский и кабардинский на Севере, — все эти языки со своими многочисленными наречиями и говорами представляют во всем многообразии те типы речи, которые с несомненностью принимали участие в образовании осетинского языка.

Значение яфетического окружения для осетинского впервые по достоинству оценил Н. Я. Марр. В статье «Ossetica-Japhetica» он подчеркнул, что «мир был и остается шире, чем можно видеть из окна иранизма», и с полным основанием утверждал, что игнорирование кавказских связей осетинского апинаучно и недопустимо.¹ Привлеченный Н. Я. Марром в этой работе осетинский материал весьма ограничен и носит случайный характер. Тем достойнее удивления та прозорливость, с какой Н. Я. Марр на этом скудном материале сделал далеко идущие выводы, целиком оправдавшиеся в дальнейшем при более широком и всестороннем изучении осетино-яфетических отношений.² Основной результат этого изучения сводится к тому, что общие элементы у осетинского с окружающими кавказскими языками ни в коем случае не покрываются термином «займствование». Они затрагивают самые глубокие и интимные стороны языка и свидетельствуют о том, что осетинский во многих существенных отношениях продолжает традицию местных кавказских языков, совершенно так же как в других отношениях он продолжает традицию иранскую.

Покойный Мейе выдвигал как критерий отнесения языка к той или иной генеалогической ветви непрерывную преемственность (*continuité*) языковой традиции говорящих. Мысль, что язык может быть носителем не одной, а двух линий *continuité*, показалась бы ему абсурдной. И действительно, такая возможность на первых порах с трудом укладывается в мозг. Нужна продолжительная «тренировка», чтобы освоиться с идеей, что две языковые традиции могут слиться воедино так же нераздельно и взаимопроницающе, как сливаются в одну две реки, причем вопрос о том, какая традиция — «своя», а какая — «займствованная», становится в этом случае таким же праздным и бесплодным, как, скажем, спор о том, что считать истоком реки Амур, Шилку или Аргунь.

В настоящей статье мы имеем в виду осветить, главным образом, лексические взаимоотношения осетинского с кавказскими. Но для того, чтобы читатель получил более полное и верное представление об объеме и значении кавказского вклада в осетинском, необходимо хотя бы вкратце, коснуться и других сторон языка: фонетики, морфологии, синтаксиса.

Тому, кто склонен был бы рассматривать кавказское влияние на осетинский как нечто внешнее и не затрагивающее основ языка, следует прежде всего задуматься над звуковым составом осетинского языка.

¹ Изв. Акад. Наук, 1918, стр. 2099—2100.

² См. выше нашу статью «К характеристике современного осетинского языка».

Если Вс. Миллеру представлялось, что единственным признаком кавказского влияния на осетинскую фонетику являются смычно-гортанные согласные, то теперь мы знаем, что звуковой строй осетинского языка в целом (как и армянского) почти тождествен строю южнокавказских (картвелских) языков. Если не считать согласных так называемого «4-го ряда» (смычных глухих непридыхательных), которые являются «полуфонемами», то только три фонемы, две гласные (*a* и *y*) и одна согласная (*f*) отличают осетинский от грузинского. Смычные придыхательные, не в меньшей мере, чем смычно-гортанные, являются «кавказскими», и обращать для объяснения их природы к европейским языкам, когда эта природа лежит как раскрытая книга здесь же, под рукой, на Кавказе — это все равно, что тянуться к правому уху левой рукой. Смычные непридыхательные («4-го ряда») сближают осетинский с некоторыми дагестанскими языками (лезгинский). Глубокий заднеязычный *q*, чуждый индо-европейскому консонантизму, роднит осетинский со всеми кавказскими языками. Ни балкарский, ни карачаевский, несмотря на почтенную давность их существования в кавказском окружении, не подверглись такой фонетической ассимиляции. Только весьма длительные и интимнейшие связи могли породить такую близость.

Морфология осетинского языка, пожалуй, особенно любопытна как пример того, какие причудливые формы может принимать взаимопропихновение и смешение двух различных языковых систем. В системе склонения осетинский отчетливо противостоит всем без исключения древним и новым иранским языкам.¹ От древних его отличает последовательно агглютинативный характер склонения, а также отсутствие морфологически характеризованного винительного падежа, от новых — многопадежность (9 падежей), от тех и других — богатое развитие локативных падежей (пять падежей исключительно или преимущественно локативного значения: направительный, отложительный, местный внутренний, местный внешний, союзный). Все указанные черты, проводящие резкую грань между осетинским и другими иранскими языками, являются вместе с тем чертами, сближающими его с яфетическими языками Кавказа, специально — восточногорскими и южнокавказскими. При этом любопытно, что материал склонения — падежные окончания, показатель множественности — весь иранский, во всяком случае ни для одного элемента нельзя установить заимствование из кавказских. И вот располагая этим материалом, унаследованным от флективного строя и приспособленным для флективного склонения, осетинский, следуя какой-то непреодолимой внутренней потребности, создает агглютинативное, богатое выражением локальных отношений склонение, по образу и подобию соседних кавказских языков.

Осетинское спряжение в основных линиях идет в фарватере общеиранского. Мы находим тут и различие двух основ, настоящей и прошедшей, и четкую материальную и типологическую преемственность гла-

¹ Об иранских языках см. выше, стр. 13 сл.

гольных форм; легко опознаются, в частности, старый индикатив, конъюнктив, оптатив и императив.

Обращает на себя внимание двадцатиричная система счета в осетинском, в отличие от десятиричной иранской. Вряд ли нужно тратить слова на доказательство того, что эта система идет из кавказского субстрата и идет не как усвоение чего-то нового, а как сохранение старого, кавказского, которое было в такой же мере своим, как и иранское.

Переходя к синтаксису, мы испытываем серьезные затруднения. Три величины, которые мы должны были бы сравнивать: синтаксис осетинский, синтаксис иранских языков и синтаксис кавказских языков, представляют по своей малой изученности нечто вроде алгебраических x , y , z , и вся проблема напоминает решение одного уравнения с тремя неизвестными. Тем не менее некоторые лежащие на поверхности факты нельзя не отметить. Каждому, кто прочитает текст из Авесты или древнеперсидского, а затем из осетинского, бросится в глаза коренное различие в расположении частей простого и сложного предложения. В противоположность весьма свободному порядку слов в древнеиранских, осетинский синтаксис характеризуется известной связанностью и строгостью. Атрибутивный комплекс (определение — определяемое) получает в древнеиранских весьма разнообразное синтаксическое выражение. Определение, выраженное прилагательным или местоимением, может непосредственно предшествовать определяемому авест. *aməša- spənta-* 'бессмертный светоносец', др. перс. *aiva martiya* 'один человек', др. перс. *imām bumām* 'эту землю'. Но определение может также следовать за определяемым: др. перс. *xšāyathiya vazraka* 'царь великий'. Далее, определение может быть связано с определяемым так называемой изафетной конструкцией: др. перс. *kāra hya mana* 'мое войско', букв. «войско, которое мое». Определение, выраженное родительным падежом имени существительного (gen. possessivus), может также либо предшествовать определяемому (др. перс. *Vištāspahyā pussa* 'сын Виштаспы', *parānam framātar-* 'повелитель многих'), либо следовать за ним (др. перс. *xšāyathiya xšāyathiyānām* 'царь царей'). Между определением и определяемым могут вставляться другие части предложения: субъект, предикат, дополнение и пр.: авест. *avam me dazdi ayāptəm* 'такое даруй мне счастье'.

Ни в одном из перечисленных случаев осетинский не может и попытаться о такой свободе. Определение, чем и как бы оно ни было выражено, может в осетинском только предшествовать определяемому, но никак не следовать за ним: *styr padcax* 'великий царь', *padcaxtu padcax* 'царь царей'. Вставка между определением и определяемым других членов предложения невозможна.

Если разбить фразу на две части — группу субъекта и группу предиката — то в осетинском все, что конкретизирует субъект (определения и пр.), ставится предпочтительно впереди субъекта, а все, что кон-

кретизует предикат (дополнения, обстоятельства) — впереди предиката. Эта связанность порядка слов весьма явственно отличает осетинский от древнеиранского, или русского, или латинского, или древнегреческого.

В древнеиранских языках целый ряд локальных, временных и иных отношений выражаются с помощью предлогов. Но наряду с предложными конструкциями, которые являются господствующими, допускаются и конструкции послеложные; напр. слова *radi*, *pati* выступают в древнеперсидском как послелогии: *avahyā radiy* 'поэтому', 'ради этого', *xšarā-va raucā pati-va* 'ночью и днем'. При этом *pati* в других случаях оказывается уже предлогом: *patiš Dadaršim* 'против Дадаршиша'. Осетинский и тут произвел коренную ломку: система предлогов последовательно и до конца заменена системой послелогов. Только частицы *æd* 'с' и *ænæ* 'без' по своему положению впереди слова производят впечатление предлогов, но так как они утратили старое падежное управление и сочетаются в комплекс с именительным (неоформленным) падежом, то эти сочетания правильнее рассматривать не как предложные конструкции, а как сложные слова: *ædbæx* «лошадью», *ænæbæx* 'без лошади'.

Приведенные синтаксические особенности осетинского языка при сравнении с древнеиранскими и вообще древнеиндоевропейскими языками создают впечатление радикальной ломки и перестройки. Но попробуем взглянуть на эти же факты с другой стороны, со стороны кавказской. Допустим, что осетинский язык продолжает не только иранскую традицию, но и традицию тех кавказских яфетических языков, на субстрате которых он сформировался. Тогда окажется, что никакой ломки и перестройки нет, что, напротив, осетинский язык очень стойко и консервативно держится своей природы, своей второй природы, не иранской, а кавказской. И в восточноргорских языках, и в новогрузинских диалектах мы найдем и обязательное предшествование определения, и систему послелогов. Правда, эти черты не являются отнюдь особенностью одних кавказских языков. Мы найдем их и в тюркских, и в монгольских, и в угро-финских. Больше того, некоторые новоиранские языки, например, белуджский, в той или иной мере смыкаются в этом отношении с только что названными языками. Однако, если мы хотим объяснить природу и особенности языка исторически, то для осетинского мы в первую голову должны взять на учет кавказское окружение, в котором он находится с незапамятных времен и которое так выпукло и настойчиво дает себя знать во всех других сторонах языка. Пока недостаточно изучены, но несомненно многочисленны тесные и интимнейшие схождения осетинского с кавказскими в семантике,¹ идиомах, речениях, пословицах, фольклоре, мифологии, воззрениях, обычаях, семейном и общественном быте, не говоря уже о материальной

¹ Выше (стр. 106) мы отмечали, например, что осетинские глагольные префиксы (превербы) выражают такие оттенки пространственных отношений действия-движения, которых мы почти не встречаем в индо-европейских языках, но которые обычны в языках яфетических.

культуре. Совокупность всех указанных признаков позволила Н. Я. Марру с полным основанием говорить об осетинах, как об одном из кавказских этнографических типов (Ossetica-Japhetica).

Мы обозрели фонетику, морфологию, синтаксис осетинского языка с точки зрения исторических отношений этого языка с одной стороны к иранским, с другой к кавказским языкам. При всей беглости и недостаточности нашего обзора, мы должны, оставаясь объективными, признать, что индивидуальные особенности осетинского языка не могут быть объяснены как результат имманентного развития из древне-иранского состояния. Не могут быть они объяснены и как заимствование извне, поскольку они затрагивают существеннейшие, структурные формы языка. Какой же остается вывод? Вывод может быть только один: в осетинском языке слились, соединились две линии преемственности, одна — идущая от древнеиранского и другая — идущая от субстратных, кавказских языков. Причудливое сочетание и переплетение этих двух языковых традиций и создало то своеобразное целое, которое мы зовем осетинским языком. Нам остается под этим же углом зрения, но более детально рассмотреть осетинскую лексику.

Однако обзору и анализу конкретных фактов мы считаем нужным предпослать несколько общих соображений.

Прежде всего мы хотели бы коснуться вопроса о критериях генеалогической принадлежности языка. Естественные науки выработали довольно точные методы классификации своих объектов. Они берут в расчет не всю сумму признаков, число которых безгранично, а несколько решающих показателей, которые оказываются необходимы и достаточны для отнесения данного объекта к тому или иному роду или виду. Остальные признаки либо игнорируются, либо рассматриваются как второстепенные. В лингвистике таких общепризнанных критериев генеалогической классификации не существует. Правда, широко распространено мнение, что для суждения о родстве языков всего важнее морфология, а лексика не показательна, но это — скорее стихийно возникшее убеждение, чем научно обоснованное положение.

Не следует ли лингвистам взять пример с естественных наук и подумать о выработке нескольких определяющих критериев для отнесения языка к той или иной группе, системе, ветви, а не разбрасываться по всей необозримой массе его признаков? В частности, когда говорят, что для суждения о генезисе языка морфология важна, а лексика неважна, то нет ли тут слишком огульного, недифференцированного подхода и к морфологии, и к лексике? Может быть не всякая морфология важна и может быть не всякая лексика неважна? Весь опыт сравнительного языкознания говорит, например, что в морфологии система глагола важнее системы имени. Не случайно та работа, которая положила основание индо-европейскому и вообще сравнительному языкознанию, называлась: «Ueber das Conjugationssystem der Sanscritsprache . . .».

Недоверие к лексике при решении генетических вопросов основано на том, что в области словаря имеет широчайшее распространение явление заимствования. Но вся ли лексика, все ли разделы в этом отношении равноценны?

Надо сказать, что лексика, это та область, где термином «заимствование» оперируют особенно охотно. Достаточно отнести язык к той или иной «семье», чтобы чуждые этой семье лексические элементы объявлялись без колебаний «заимствованными», хотя бы они составляли 9/10 всего словаря.

Правомерно ли такое широкое, ничем не ограниченное употребление термина «заимствование»? Думаем, что неправомерно. Нет спору, что заимствование из одного языка в другой является на всем протяжении истории человеческой речи распространеннейшим и важным фактором обогащения языка. Но несомненно, с другой стороны, что заимствование в узком и точном смысле имеет все же ограниченную сферу действия. Из другого языка усваивается то, чего недостает в родном языке, но в чем возникает потребность. Поэтому заимствования в точном смысле относятся к периферии языка, а не к ядру его. Они образуют тот обогатительный лексический материал, который существенно необходим языку в данный исторический момент, но без которого он мог обходиться и действительно обходился в других исторических условиях, не переставая быть самим собой. Но существует некий основной лексический фонд, охватывающий круг необходимых в любом человеческом обществе понятий и отношений, без которых трудно себе мыслить человеческую речь, если не считать самых ранних, начальных стадий глоттогонии, о которых мы можем только смутно догадываться, и которые характеризовались, повидимому, беспредельным полисемантизмом. Этот строго ограниченный круг насущных и необходимых для всякого языка слов образует то, что можно назвать основным лексическим минимумом. Сюда относятся основные местоимения, первые числительные, основные анатомические и космические названия, основные термины родства и социальные термины, глаголы, выражающие самые насущные, элементарные действия и состояния; в отдельных случаях сюда же приходится относить названия ряда животных и растений, поскольку имеются основания постулировать знакомство народа с этими животными и растениями с незапамятных времен.

Когда речь идет об этом основном, минимальном, «неотчуждаемом» лексическом фонде каждого языка, говорить о заимствовании приходится с большой осторожностью. Ибо, что значит заимствовать такие слова, как «мать», «брат», «сестра», «рука», «нога», «глаз», «солнце», «небо» «вода», «ходить», «стоять», «есть», «пить», «два» «три», «я», «ты» и т. п.? Это значит — отбросить, забыть свое и усвоить чужое. В каждом подобном случае неизбежно встает вопрос, почему, в силу каких стимулов свое, привычное, родное, всосанное с молоком матери, вытес-

няется чуждым, усвоенным извне. И если для единичных случаев мы можем найти иногда те или иные оправдания (явления словесного запрета, табу на некоторые слова и т. п.), то в случаях массового проникновения «чужих» слов в сферу экзистенц-минимума приходится признать, что существовали особые условия взаимодействия двух языковых традиций, не имеющие ничего общего с заимствованием в точном смысле. Этим особым условием, при котором лексический минимум оказывается связанным с двумя или несколькими исторически различными языковыми традициями, может быть только предшествующее и длительное двуязычие. Мы должны признать, что ни при каких иных условиях подобное смешение в насущном, неотчуждаемом лексическом фонде немислимо. Только длительное, в нескольких поколениях, и привычное двуязычие создает те предпосылки, при которых понятия «свое» и «чужое», «оригинальное», и «заимствованное» теряют всякий смысл.

Итак при выяснении генеалогии языка к лексике надо подходить дифференцированно. К тем лексическим категориям, которые мы объединяем названием лексического экзистенц-минимума, понятие заимствования применимо в самой малой степени. А раз так, то для определения происхождения и родственных связей языка эти категории имеют не меньшую ценность, чем самые стойкие морфологические категории. Мы бы решились даже пойти дальше и высказать убеждение, что система глагола, с одной стороны, и лексический минимум — с другой, являются теми двумя определяющими признаками, которыми решается в основном вопрос о генетической принадлежности и генетических связях языка. Эти два признака могут быть для лингвиста тем же, чем для ботаника является строение цветка, а для антрополога строение черепа.

Весь опыт сравнительно-исторического языкознания говорит о том, что лексический минимум и система глагола представляют наиболее устойчивые, традиционные элементы языка, на которые лингвист смело может положиться при решении вопросов генезиса и родства.

Если в этих двух категориях наблюдаются признаки смешения двух исторически различных языковых линий, то это дает право говорить о мешаном языке и утверждать, что данная языковая среда пережила когда-то период двуязычия.

Как же обстоит дело в этом отношении в осетинском? О системе глагола мы уже говорили выше, на ней лежит в общем отпечаток иранской традиции.

Переходя к лексике, мы устанавливаем, что иранские элементы захватывают в нем некоторую часть того, что мы назвали лексическим минимумом. Сюда относятся названия руки и ноги: ос. *k'ux*, *k'oax* 'рука', ср. чеч. *kuĵg*, ос. *k'ax* 'нога', ср. чеч. *kog*. Любопытно при этом, что в сложных словах и некоторых речениях осетинский сохранил также иранские слова для руки и ноги: ос. *arm* 'рука', ср.

авест. *arəta*, ос. *fad* 'нога'. ср. авест. *pāda* 'нога'. Здесь мы видим воочию, как в условиях двуязычия борются две языковые традиции, причем ни одна не достигает абсолютного господства: вытесненные из употребления в одних случаях, иранские термины удерживаются в других.

С названием еще одной существеннейшей части тела дело обстоит совершенно также: ос. *zux* | *s'ux* 'рот', ср. ингуш. *zhok* 'клюв'. Наряду с этим в сложных словах и предложениях имеем ос. *kom* 'рот', ср. новоперс. *kām* 'нёбо'. То же самое, как увидим ниже, с названием лошади. Из анатомических названий можно указать еще *byl* | *bile* 'губа', очевидно также субстратного происхождения, ср. сван. *p'il*, груз. *p'iri* 'рот'.

Несомненно, из кавказского мира идет ос. *laeg* 'мужчина', 'человек', ср. авар. *lagh* 'раб', чеч. *laĵ* и др.

Субстратного происхождения ос. *baex* 'лошадь', ср. ингуш. *baqh* 'жеребенок'. Случай с 'лошадью', пожалуй, особенно поучителен. Известно, что иранцы были великие конники, поклонники и ценители лошадей. В надписях царя Дария I лошадь упоминается неизменно впереди человека: *huvaspa-humartiya*.¹ Не может быть и речи о том, чтобы иранцы-осетины познакомились с лошадью впервые на Кавказе. Тем более, что иранское название лошади (др. иран. *aspa*) также удержалось в осетинском: ос. *jæfs* | *æfsæ* 'кобыла', ос. *xærgæfs* 'мул', букв. «осел-лошадь». Иранцы-осетины пришли на Кавказ несомненно со своей «лошадью», но, столкнувшись с местным названием, иранская «лошадь» была оттеснена и удержалась только в значении «кобыль». Кавказский «кобель» не имел бы никаких шансов вытеснить иранского, если бы этому не благоприятствовало двуязычие.

Слово «камень», которое мы также относим к лексическому минимуму, идет в осетинском из кавказского: ос. *dur* | *dor*, ср. чеч. *thulg* (-g — суффиксальное).

Перечисление всех прочих кавказских элементов в осетинском заняло бы слишком много места, и мы ограничимся здесь лишь указанием некоторых кругов понятий, к которым они относятся.

Названия растений: «ель», «сосна», «клен», «калина», «овес».

Названия орудий: «котел», «маслобойка», «чашка», «молоток», «гвоздь», «ключ», «плуг» и его части, «борона», «цепь» (надочажная) и др.

Племенные самоназвания осетин: *ir*, *digor*, *tual*.

Термины культа и мифологии: *Æfsati* 'бог охоты', *zuar* 'крест' 'святилище', *Saniba* назв. «дзуара» и селения (груз. *sameba* 'троица') и др.

Мы далеки от того, чтобы недооценивать удельный вес иранской лексики в осетинском. Достаточно сказать, что сюда относятся такие фундаментальные разделы словаря, как местоимения, числительные, употре-

¹ Т. е. «страна, имеющая) добрых коней и добрых мужей».

бительнейшие глаголы, космические термины, термины родства и многое другое. Впечатление иранизма от осетинской лексики яркое и покоряющее. Но и кавказская лексика в осетинском, если к ней присмотреться внимательнее, далеко выходит за пределы того, что можно было бы назвать заимствованием: она с несомненностью свидетельствует о длительном двуязычии в период формирования осетинского народа и языка.

Новый свет на взаимоотношения иранского и кавказского элемента в эпоху становления осетинского языка проливает осетинская диалектология.

Осетинский язык делится, как известно, на два главных диалекта: восточный, ирский или иронский и западный, дигорский. И вот, обозревая лексические схождения и расхождения между этими диалектами, мы замечаем, что схождения идут преимущественно по линии иранской лексики, а расхождения — по линии неиранской. Этот на первый взгляд не столь существенный факт имеет в действительности первостепенное значение. Он дает ключ к пониманию того, что собственно происходило на заре истории осетинского и других индоевропейских языков. Он вводит нас в самую лабораторию «индо-европеизации».

Приведем, хотя бы частично, относящийся сюда материал иронско-дигорских лексических расхождений. Он распадается на три рубрики.

I. В обоих диалектах иранские слова:

- 1) и. *uj* (из *ava*) — д. *e* (из *aita?*) 'он', 'тот';
- 2) и. *najyn* (иран. *snā*) — д. *ærtajun* (иран. *tā*) 'купаться';
- 3) и. *rætenagd* (из *ratha-haxt-*) — д. *ar* (из *arm*) 'оглобля';
- 4) и. *čynz* (из **kinti*) — д. *nostæ* (из *snūša*) 'невеста'; однако в дигорском имеем *kinzæ* в значении «кукла», а в иронском соответствие *nostæ* в слове *faj-nust* 'ятровь';
- 5) и. *zonyn* (иран. *zān*) — д. *fæsmærun* (иран. *smar*) 'знать'; однако в диг. есть и *zonun*;
- 6) и. *næw* (из *nava*) — д. *zældaæ* (из *zari*) 'дерн';
- 7) и. *æmbisbon* (во второй части — *bon* из *bānu*) — д. *ræftæ* (из *rapi-dwa*) 'полдень';
- 8) и. *ræwæd* (иран.?) — д. *wæss* (из *vatsa*) 'теленок';
- 9) и. *amajun* — (иран. *mā*) д. *dasun* (иран. *dakš?*); однако в дигорском есть и *amajun*.

Эту рубрику вряд ли можно было бы существенно пополнить: расхождения в иранской лексике крайне незначительны.

Более многочисленны расхождения второй категории.

II. В одном диалекте иранское слово, в другом — не-иранское:¹

- 1) и. *jæw* (из *yawa*) — д. *fagæ* 'просо';
- 2) и. *ruzunŋ* (иран. *rauč*) — д. *k'ærazgæ* 'окно';
- 3) и. *ægomuŋ* (от *kom* 'рот', см. выше) — д. *k'wætti* 'немой';
- 4) и. *maŋz* (из *mazga*) — д. *ganz* 'мозг';
- 5) и. *ærtax* (иран. *tak, tač*) — д. *t'ing* 'капля';
- 6) и. *syŋdæg* (из **suhta-ka*) — д. *kæzɔs* 'чистый';
- 7) и. *fædæg* — д. *zukkæ* 'сосок';
- 8) и. *fæzdæg* (из **razda-ka*) — д. *qwæææ* 'дым';
- 9) и. *qwyn* (из *gauna*) — д. *c'opp* 'шерсть', есть и д. *ŋin*;
- 10) и. *ulæn* (ср. русск. *волна*) — д. *sæqal* (ср. груз. *c'qali* 'вода') 'волна';
- 11) и. *bandon* — д. *k'ela* 'стул';
- 12) д. *naffæ* (из *nāp*) — и. *bik'* 'пупок', есть и д. *bek'æ* 'верхушка';
- 13) д. *bodæn* (иран. *baud* 'пахнуть') — и. *nury* (ср. груз. *niori*) 'чеснок'.

III. В обоих диалектах неиранские слова:

- 1) и. *syscy* — д. *zætxæ* (ср. каб. *zantx*) 'овес';
- 2) и. *wyryzy* — д. *ærxæ* (ср. каб. *rxə*) «морковь»;
- 3) и. *malusæg* — д. *zæk'olon* 'подснежник';
- 4) и. *sæxæra* (ср. груз. *č'arxali*) — д. *k'umbul* 'свекла';
- 5) и. *mæck'wy* (ср. груз. *marc'qvi* 'земляника') — д. *sk'eldu* (ср. балк. *šaxəldə*) 'брусника';
- 6) и. *c'wi* — д. *tæk'uzgæ* 'рябина';
- 7) и. *qalgæn* — д. *wark'in* 'крыжовник';
- 8) и. *syf* — д. *t'affæ* 'лист';
- 9) и. *gædy* — д. *tikis* 'кошка';
- 10) и. *wury* — д. *gælæw* 'крыса';
- 11) и. *mæqqi* — (ср. чеч. *meqæ* 'борона') — д. *satalæ* (ср. груз. *satarī*) 'плетеная волокуша для сена';
- 12) и. *k'ori* — д. *qazmuz* 'мяч';
- 13) и. *sabant'y* (ср. груз. *sarant'i*) — д. *c'irxæ* (ср. каб. *šerx*) 'дробь';
- 14) и. *k'ala* — д. *zæxwæ* 'олово';
- 15) и. *zængærag* — д. *miræ* 'колокол';
- 16) и. *c'ægæz* — д. *colaq* 'челнок ткацкого станка';
- 17) и. *sart* — д. *zaqur* 'долото';
- 18) и. *k'ærtt* (иран?) — д. *qwæl* 'кусок';
- 19) и. *lalym* — *gæbæt* 'бурдюк';
- 20) и. *c'il* — д. *kin* 'волчок';

¹ Этимологию неиранских слов не всегда удается установить, но фонетический облик слова и вся сумма наших знаний по иранской лексике позволяют обычно с уверенностью утверждать, что данное слово не является иранским.

- 21) и. *gwydyr* — д. *k'uma* 'замок';
- 22) и. *tyrġ* — д. *zatma* 'балкон';
- 23) и. *car* — д. *tugur* 'потолок';
- 24) и. *sæg* — д. *sk'oræ* 'сажа';
- 25) и. *k'ul* (в *k'ulybadæg*) — д. *k'æs* 'хижина';
- 26) и. *k'æbut* — д. *mæk'ur* 'затылок', ср. д. *k'æbot* 'морда';
- 27) и. *byrynġ* — д. *k'embur* 'морда';
- 28) и. *gwybyn* — д. *qæstæ* 'живот';
- 29) и. *pysultæ* — д. *qæppæltæ* 'одежда';
- 30) и. *lenk* — д. *nakæ* (иран.?) 'плавание';
- 31) и. *č'izi* — д. *s'umur* 'грязный';
- 32) и. *čysyl* — д. *minġ'i* (иран.?) 'маленький';
- 33) и. *ævzær* (иран.?) — д. *læġiz* 'плохой' и многие другие.

Всего больше слов оказывается в третьей группе. Мы привели только небольшую часть. В «Словаре дигорско-иранских расхождений», приложенном к нашему «Очерку расхождений иранского и дигорского диалектов» (см. ниже), приводится свыше 900 лексических расхождений между двумя диалектами и значительная часть их приходится на неиранские элементы. Некоторые из этих расхождений представляют относительно новое заимствование из соседних языков: тюркских, грузинского, кабардинского, чечено-ингушского и др. Но многих мы в соседних языках не находим, или они имеют там слишком отличную форму, что заставляет искать их происхождение из языкового субстрата.

Что же означает, что в отношении субстратных элементов диалекты расходятся, в то время как в иранской части они сходятся? Очевидно — то, что субстратная среда была многоязычна, лингвистически раздроблена, в то время как иранская, будучи более единообразной и цельной, наложила на первую, как некое сближающее, унифицирующее начало, как *lingua franca*, т. е. как язык межплеменного общения.

Важность этого вывода, если он применим и к другим индо-европейским языкам, очевидна. Мы как будто проникаем в историческую обстановку и условия образования индо-европейских языков на субстрате до-индо-европейского мира; сущность индо-европеизации, исторический ее смысл, ее прогрессивное значение заключались в том, что благодаря ей на базе сильно раздробленных, мелких, отсталых доисторических языковых образований Европы и передней Азии создались более крупные языковые объединения.

Потребность в таком укрупнении языковых единиц вызывалась всем ходом исторического развития, оживлением межплеменных сношений, расширением обмена и пр.

Вернемся теперь к исходной точке наших рассуждений, осетинскому языку, и еще раз обозрим пройденный путь. Мы установили, что:

1) в фонетике, морфологии, синтаксисе осетинского языка кавказский субстрат выступает как самостоятельный конструктивный элемент, а не как «заимствование»;

2) в словарном составе осетинского языка кавказский элемент вторгается частично в лексический минимум, что нельзя объяснить иначе, как на почве длительного двуязычия;

3) рассмотрение лексики по диалектам приводит к выводу, что общенациональные элементы идут преимущественно по иранской линии, а диалектизмы — по неиранской; это, в свою очередь, наводит на мысль, что иранская речь играла роль межплеменного языка, для тех микроэтнических групп, которые составляют кавказский субстрат осетинского народа; в этом случае становится понятным и то двуязычие, к которому приводит нас изучение словарного состава осетинского языка.

Считая, что исторические условия образования других индо-европейских языков в существенных чертах были те же, что в осетинском, мы позволили себе ряд обобщений, в частности высказали предположение, что исторический смысл индо-европеизации заключался в том, что она обеспечила средством межплеменного общения раздробленные, мелкие и мельчайшие этно-языковые группы доисторической Евразии и тем ответила на назревшую потребность в расширении и укрупнении языковых объединений на новой ступени хозяйственного и социального развития древнего общества.

О ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ГОРСКИХ ЯЗЫКОВ КАВКАЗА ¹

Я думаю, что буду прав, если скажу, что одной из особенностей советской науки является то, что она не терпит белых пятен на карте Советского Союза и во всех областях очень планомерно и настойчиво искореняет их. Из года в год всевозможные экспедиции и исследовательские группы ведут наступление по всем линиям на эти белые пятна: в области геофизики, геологии, почвоведения, ботаники, зоологии, археологии и т. д. Само собой разумеется, что для нас, лингвистов, является делом чести, чтобы в общем наступлении мы не оказались в хвосте. Мы также должны приложить усилия, чтобы те белые пятна, которые находятся еще на лингвистической карте нашего Союза, были в возможно короткий срок уничтожены.

Переходя к горским языкам, которые являются предметом нашего интереса в данный момент, я не буду повторять того, что говорили здесь о значении диалектологических изучений. То, что здесь было сказано в отношении русского языка, приложимо и к горским языкам, а именно: для восстановления их истории очень важное значение имеет изучение диалектов и говоров. Но я бы хотел отметить еще два момента, которые придают особую актуальность диалектологическому обследованию горских языков, один — теоретического значения и другой — практического.

Теоретическое значение изучения горской диалектологии заключается в том, что горские языки хранят отложения многих стадий глоттогонии, в том числе весьма отдаленных. Акад. Марр неоднократно указывал на то, что кавказские языки, и горские в частности, своей структурой вводят нас в столь глубокие и отдаленные эпохи становления и развития языка и мышления, о которых не могут нам дать никакого представления, скажем, языки индоевропейские.

Геологи, при изучении истории земли, в том или ином месте находят отложения тех или иных определенных эпох. Но бывают такие счастливые для геологов уголки, где в одном месте, как бы в разрезе, можно увидеть не одну, а несколько геологических эпох. И вот таким особенно интересным уголком для лингвистов является кавказский языковый мир. Здесь можно видеть в живом бытовании напластования многих эпох, живую палеонтологию речи, становление отдельных речевых категорий, прозрачные и яркие примеры отражения в языке отдаленных норм мышления,

¹ Из выступления на 1-й диалектологической конференции в Ростове на Дону в 1938 г.

коллективного осознания человеком окружающей действительности. В истории развития лингвистической теории, которая связана с именем Н. Я. Марра и которой по праву гордится советская наука, кавказские языки сыграли большую роль, и эта роль будет повышаться, если они будут изучаться более планомерно и если будет поставлено на должную высоту диалектологическое изучение. Все это должно приковать наше внимание к изучению диалектологии горских языков.

Второе обстоятельство касается развития самих этих языков и имеет большое практическое значение. Для некоторых горских народов проблема создания литературного языка не является окончательно решенной. В некоторых случаях не решен даже вопрос, достаточно ли для данного народа одного литературного языка или нужно создать два-три, так как диалекты, которые имеются в этом языке, сильно между собой расходятся. Наконец, даже там, где решены эти вопросы, остаются другие вопросы, которые могут быть решены только с помощью диалектологического изучения: если в основу литературного языка положить один диалект, то как и в какой мере обогащать язык за счет других диалектов, что брать из лексики, из словообразовательных средств диалектов и т. д. Таким образом, основной вопрос языкового строительства горских языков может быть решен только при всестороннем диалектологическом обследовании этих языков.

Начну с лексики. Каждый, кому приходилось иметь дело с научным изучением горских языков или кто просто интересовался этими языками, не мог не заметить, что состояние лексикологической работы по горским языкам исключительно неудовлетворительное. Не существует по горским языкам ни одного словаря, на который можно было бы опереться как на научный источник. Единственное, может быть, исключение — осетинский словарь Миллера. Я говорю «может быть», потому что и там много ошибок. Что же касается остальных языков, то имеющиеся по ним словари можно назвать скорее списками слов, так как в них нет никакого толкования, никакой фразеологии. Они пригодны лишь для самой общей и поверхностной ориентации в лексике соответствующих языков. Однако даже на основании этих материалов можно уже сделать кое-какие выводы. Прежде всего можно установить, что в лексике горских языков есть значительный общий фонд. По произведенным мною подсчетам этот общий фонд достигает 800 слов. Если иметь в виду только основные (не производные) слова, то эти 800 слов составляют около 20% всего лексического запаса горских языков. Процент весьма значительный, который позволяет рассматривать горские языки в плане лексического их изучения методом лингвистической географии до некоторой степени как единое целое. 800 изоглосс, проходящих по всем горским языкам, — это не мало для начала. Анализ этого общего фонда представляет значительный интерес. Какие элементы сюда входят? Прежде всего сюда относятся общие элементы,

усвоенные из культурных языков Передней Азии: арабского, персидского, тюркских, отчасти грузинского. Более новым, но количественно уже сейчас весьма значительным и с каждым днем увеличивающимся является лексический фонд, усвоенный из русского языка.

Русские слова входят в большом числе в горские языки, главным образом, в новейшее время. Сюда относятся термины, связанные с новыми политическими, общественными и хозяйственными формами в нашей стране. На этих элементах я не буду останавливаться, они всем хорошо знакомы. Но есть в горских языках общие слова с русским, свидетельствующие о каких-то давних связях между ними. Так вейнах. *soalaz* 'сани' трудно отделить от русского *сагазки*, но не представляется возможным допустить, чтобы это слово попало в вейнахский в новейшее время. Осет. *fæga* 'поле' при русском *паша*, *пашить*, также, разумеется, не относится к новейшим схождениям осетинского с русским. Русские диалектальные *щекотать* 'щекотать', *карда* 'двор' мы находим в нескольких горских языках (осетинском, вейнахском). Сванские *č'ətin* 'ячмень' и *salad* 'солод' неотделимы от русских *ячмень* и *солод*. Думаю что эти давние схождения с русским языком представят интерес для истории не только горских языков, но и русского.

Просматривая вопросник по русской диалектологии, я не нашел там ни одного вопроса по семантике. Вряд ли это правильно. На опыте изучения горских языков я прихожу к выводу, что введение вопросов по семантике в диалектологические вопросники необходимо. По горским языкам уже сейчас намечаются некоторые семантические явления, по которым крайне любопытно было бы собрать исчерпывающих материал по диалектам. Некоторые из этих явлений отмечал еще покойный Н. Я. Марр. Он указывал, что на ранних стадиях понятие «мальчик» образуется путем соединения слов «мужчина» + «дитя», а понятие «девочка» соответственно — «женщина» + «дитя». Это положение находит себе подтверждение в ряде горских языков: вейнахских, осетинском. Обильно иллюстрируется также развитие: «слеза» ← «вода глаза».

Другое семантическое явление: понятие «лицо» образуется путем соединения слов «глаз» и «рот» или «глаз» и «нос» и т. п. Так в осетинском *cæskom* 'лицо' образовано из *cæst* 'глаз' и *kom* 'рот'. И совершенно так же в аварском *berkal* 'лицо' — из *ber* 'глаз' и *kal* 'рот'.

Введение таких вопросов в вопросник могло бы нас обогатить еще многими фактами такого рода, представляющими огромный интерес не только для горских языков, но для освещения вопросов глоттогонии вообще, истории языка-мышления.

В некоторых горских языках (например, языках андодидойской группы) «небо» и «год» обозначаются одним и тем же словом. Такая семантика, связанная с определенной стадией мышления, обоснована

и иллюстрирована Н. Я. Марром во многих работах. Однако трудно было предполагать, что следы ее окажутся в индоевропейском языке, каким является осетинский. И если бы не ряд других разительных семантических схождений осетинского с горскими языками, я не решился бы толковать осетинское *az, anz* 'год' из иранского *āsmān* 'небо'. А теперь это стоит для меня вне всякого сомнения. Таким образом, семантические закономерности в одних языках позволяют осветить темные уголки в других.

Даже в новейшее время наблюдается удивительное постоянство в формировании некоторых слов-понятий. Заинтересовавшись, как выражается в различных языках понятие «телеграфировать», я обнаружил, что во многих доступных мне горских языках оно передается выражением «ударить в проволоку».

Разве не правильно было бы, если бы диалектологическое обследование включало и подобные семантические явления, прослеживало их на возможно обширном материале языков, диалектов и говоров? Думаю, что включение таких вопросов в вопросник дало бы положительные результаты.

К составлению хороших словарей надо приступить теперь же. В настоящее время имеются все предпосылки для успешного «фронтального» наступления на этом участке. У нас, мне кажется, недооценивают те возможности, которые открылись для словарной работы в связи с тем замечательным фактом, что множество языков за 20—30 лет превратились из бесписьменных в письменные, литературные. Это чудесное, только у нас оказавшееся возможным превращение позволяет при составлении словаря перейти от кустарных методов опроса, записывания случайных фраз, текстов и пр. к планомерной документированной выборке из письменных источников. Само собой разумеется, сбор лексического сырья путем выборки не исключает, а предполагает параллельную работу по сбору дополнительного материала путем специальных вопросников по отдельным отраслям: термины «скотоводства», «земледелия» и т. д.

Перехожу к следующему разделу диалектологического обследования: к фонетике. Для лингвиста, прошедшего школу одних только европейских языков, кавказские языки сулят много неожиданностей. Это относится полностью и к фонетике. Переходя от европейских языков к кавказским, приходится радикально менять привычные представления о границах фонемы, о границах перехода одних звуков в другие, о границах комбинаторных явлений, о возможных чередованиях звуков и т. п. Работая над общими элементами осетинского с вейнахским, я мог установить ряд лексических схождений только после того, как ознакомился с некоторыми необычными для меня чередованиями звуков в вейнахских диалектах. Без установления этих фонетических закономерностей соответствующие лексические сопоставления показались бы мне самому в высшей степени

произвольными и неправдоподобными. Можно было бы привести десятки примеров, когда только знание диалектальной фонетики подводит надежный фундамент под важнейшие лексические и морфологические изыскания и разъяснения.

Составить сейчас всеобъемлющий вопросник по диалектальной фонетике всех горских языков нет, конечно, никакой возможности: слишком велико разнообразие материала и слишком мало изучены в этом отношении даже крупнейшие горские языки. Сейчас можно наметить лишь несколько самых общих вопросов.

По вокализму:

Различаются ли долгие и краткие гласные? Влияет ли ударение на количество и качество гласных? Наблюдается ли редукция неударных? Наблюдается ли явление сингармонизма гласных? Имеет ли место чередование гласных в одних и тех же именных и глагольных основах (аблаут)? При каких условиях? Какие закономерности есть в этом чередовании? Имеются ли дифтонги?

По консонантизму:

Наблюдается ли четырехстепенность смычных согласных (1. звонкие, 2. глухие придыхательные, 3. глухие непридыхательные, 4. смычно-гортанные)?

Существуют ли фрикативы смычно-гортанного типа?

Существует ли геминация согласных? Отражается ли она на качестве согласных?

Существует ли лабиализация согласных? Палатализация их?

Какие согласные (или группы согласных) не удерживаются в паузе?

Какие согласные (или группы согласных) не могут начинать слова?

Какими согласными замещаются русские согласные в заимствованных из русского словах (законы субституции)?

Влияние согласных друг на друга (ассимиляция, диссимиляция).

Применительно к каждому отдельному языку можно значительно умножить и уточнить вопросы по фонетике этого языка.

По разделу морфологии придется также ограничиться пока самыми общими вопросами:

Показатели множественности в имени и глаголе.

Имеются ли грамматические классы имен? роды? сколько?

Есть ли формальные различия между именем существительным и прилагательным?

Как образуются наречия?

Существует ли один тип склонения или несколько?

Формы счета.

Есть ли общие элементы в флексии имени и флексии глагола? Существуют ли отыменные глаголы?

Есть ли в глаголе категория вида? Как она выражается? Категория наклонения? — залога?

Распространены ли сложные (составные) глаголы? Какие понятия, выражаемые в русском простым глаголом, выражаются в данном языке сложным («чистить» «готовить», «помнить», «забыть», «думать», «клясться», «целовать», «плевать», «плавать» и др.)?

Какие глаголы выступают в роли «вспомогательных»?

Способы выражения временных отношений в глаголе, пространственных (глагольные приставки).

Наблюдается ли аффиксация в глаголе субъекта? — прямого объекта? — косвенного объекта? Совпадают ли эти аффиксы с местоимениями?

Выражение отрицания в глаголе.

Система местоимений; какие категории имен различаются в местоимении (лица — вещи, мужские существа — женские существа, одушевленные предметы — неодушевленные и т. п.)?

Массу интереснейших, но пока, к сожалению, недостаточно исследованных явлений таит в себе синтаксис горских языков. Для начала можно было бы здесь выдвинуть несколько наиболее общих вопросов:

Какой падеж является падежом логического субъекта при непереходном глаголе? при переходном?

Какой падеж является падежом прямого объекта?

Какие понятия выражаются безлично («дождить», «морозить» и т. п.)?

Порядок слов в предложении: субъект — предикат; определение — определяемое; предлоги или послелоги; место дополнения, прямого и косвенного; место обстоятельственных слов.

Явления групповой флексии.

Различия в строе повествовательного, вопросительного и восклицательного предложения.

Прямая и косвенная речь.

Типы согласования; выражения смысловых связей между членами предложения (число, класс, род, лицо и пр.).

Развитие сложно-сочинительного и сложно-подчинительного предложения; какие существуют подчинительные союзы-связки (определятельные, дополнительные, временные, причинные, обстоятельственные).

Использование деепричастий для выражения подчинения.

Порядок частей сложного предложения.

Таков перечень вопросов, которые можно было бы выдвинуть при диалектологическом обследовании горских языков; перечень предварительный, неполный, недостаточный, но все же способный сослужить службу при начале работы, пока на его основе не будут разработаны более детальные вопросники по каждому отдельному языку. Эту последнюю работу должны взять на себя местные научно-исследовательские институты, привлекая, если понадобится, специалистов из центра.

О «ВИНИТЕЛЬНОМ» ПАДЕЖЕ В ОСЕТИНСКОМ

В предложенной нами схеме осетинского склонения¹ мы допустили ряд отклонений от общепринятой до последнего времени схемы А. Шёгрена-Вс. Миллера. Некоторые наши поправки касаются лишь наименования падежей, а не их системы.

1) Падеж на *-тæ*, *-æт*, *-æтæ*, называемый у Миллера и Шёгрена местным внешним, мы предложили именовать направлятельным, считая, что локативная (пространственная) семантика этого падежа ближе выражается этим наименованием.

2) Падеж на *-ул*, *-wул*, диг. *-bæл*, у Миллера названный адессивом, мы предложили именовать местным внешним, так как локативное значение его (нахождение на чем-либо, на поверхности чего-либо) лучше всего передается, по нашему мнению, именно таким наименованием.

Другие наши «новшества» носят более принципиальный характер и затрагивают самую систему склонения.

1) Мы ввели новый падеж — уподобительный (флексия *-аи*).

2) В нашей схеме не нашел себе места винительный падеж, без колебаний признанный существующим в осетинском всеми авторами от Шёгрена и Миллера до настоящего времени.

Таким образом наша схема, сравнительно с миллеровской, имеет такой вид:

Схема Миллера

Им. п.
Род. п.
Дат. п.
Местн. внешн. п.
Твор. п.

Местн. внутр. п.
Адессив
Союзн. п.
Винит. п.
—

Наша схема

Им. п.
Род. п.
Дат. п.
Направ. п.
Орудно-отлож. п.

Местн. внутр. п.
Местн. внешн. п.
Союзн. п.
—
Уподобит. п.

bæx 'лошадь'
bæxu 'лошади'
bæxæp 'лошади'
bæxtæ 'к лошади'
bæxæj 'от лошади, лошадью'
bæxu 'в лошади'
bæxul 'на лошади'
bæxtæ 'с лошадью'
bæxai 'как лошадь'

¹ В статье «К характеристике современного осетинского языка» (См. выше, стр. 99—102).

Если в вопросе о названиях падежей, а также о включении в схему уподобительного падежа мы не встретили серьезных возражений и наша схема уже частично вводится в школьное преподавание осетинского языка, то в отношении винительного падежа мы не можем похвастать таким же успехом. С этим падежом расстаются неохотно, к нему привыкли, его наличие в схеме Шёгрена — Миллера считается обоснованным. К тому же мы до сих пор не имели случая изложить мотивы его исключения из нашей схемы.

Попробуем вкратце изложить те соображения, которые побудили нас нарушить установившуюся традицию в вопросе о винительном падеже в осетинском, а также вскрыть те причины, по которым этот падеж попал в систему осетинского склонения, принятую Шёгреном и Миллером, и упорно держится у позднейших авторов, хотя он и не имеет никакого особого морфологического признака.

Мы исходили из того положения, что при установлении системы падежей не следует смешивать двух моментов: морфологической характеристики падежа (флексии) и его синтаксической функции; один и тот же по флексии падеж может принимать разные функции и, наоборот, одна и та же функция может выражаться (напр. в разных категориях имени) различными падежами. Совершенно очевидно, что при установлении морфологической системы словоизменения имени (т. е. склонения) можно исходить только из морфологической характеристики, а не из функции. Возможные функции имени в предложении столь многообразны, в установлении их так мало надежности и единодушия, что ставить вопрос о числе и характере падежей в плоскость их синтаксических функций, это значит отказаться от какой-либо стабильной и общеобязательной схемы склонения. Между тем винительный падеж введен и держится в осетинских грамматиках исключительно по признаку синтаксической функции (прямого объекта), а не по признаку особого форманта, ибо никакого специфического оформления прямой объект в осетинском не имеет, он оформляется либо как именительный, либо как родительный.

Таким образом наш отказ от винительного падежа есть лишь констатация определенного морфологического факта: отсутствия особого форманта прямого объекта в осетинском. Нам возражают, что по этому (морфологическому) признаку следовало бы родительный падеж объединить с местным внутренним, так как у них одинаковое оформление: *-y* в иронском, *-i* в дигорском диалекте. Это возражение явно не продумано. Оно не считается с местоименным склонением, где эти два падежа четко различаются: от *a* 'этот' род. п. *aj*, местн. внутр. *at*, *ati*, от *vj* 'тот' род. п. *uj*, *oj*, местн. внутр. *ut*, *oti*, от *ei*, *ka* 'кто' род. п. *kej*, *ke*, местн. внутр. *ket*, *keti*, от *cy*, *ci* 'что' род. п. *cej*, местн. внутр. *set*, *seti*. Оно не считается также с историей падежных формантов, из которой видно, что флексия *y* (*i*) родительного падежа и флексия *y* (*i*) местного внутреннего совершенно различного происхождения. Мы знаем, что и в русском в ряде

случаев винительный падеж совпадает с именительным или родительным, но это еще не дает нам никакого права на выключение винительного падежа из схемы русского склонения, во-первых, потому, что есть категории имен существительных, прилагательных и местоимений (женский род), имеющих совершенно особое оформление прямого объекта; во-вторых, данные исторической грамматики русского языка отчетливо говорят о раздельном от именительного и родительного морфологическом существовании винительного падежа.

Ничего подобного мы не найдем в осетинском. Старое иранское флективное склонение в нем утрачено и заменено агглютинативным, по типу некоторых кавказских, тюркских и финно-угорских языков. Не малейших оснований предполагать, что в этой агглютинативной системе когда-либо существовал морфологически обособленный винительный падеж, у нас нет. Напротив, по аналогии с соседними кавказскими языками, есть все данные утверждать, что его там никогда не было, что осетинское склонение строилось по типу языков безаккузативного строя.

Таковыми языками являются все кавказские яфетические языки. Следует, правда, отметить, что в этих языках отсутствие аккузатива связано с особой конструкцией при переходном глаголе, когда логический субъект стоит в особом «эргативном» падеже (иногда совпадающем с творительным или дательным), а логический объект в неформленном (именительном) падеже. Но в грузинском, напр., где эта «эргативная» конструкция появляется только в определенных («аористных») временах и где в других временах мы могли бы ожидать (по аналогии хотя бы с индо-европейскими языками) существования особого падежа прямого объекта, т. е. аккузатива, мы его не находим; прямой объект выражается там дательным падежом: *p'ursa sc'am* 'хлеб он ест' (*p'ursa* — дательный или, вернее, дательно-винительный падеж от *p'uri* 'хлеб').

Так как современный осетинский язык формировался на субстрате яфетических языков такого же примерно строя, как грузинский, сванский и другие ныне соседящие с ним языки, и так как именно в склонении особенно ярко сказалась его типологическая близость к указанным яфетическим языкам, то отсутствие винительного падежа в осетинском есть именно то, чего следовало бы ожидать, и, наоборот, его наличие казалось бы чем-то странным и необъяснимым.

Вопрос о «винительном» падеже в осетинском представляет значительный интерес в плане общелингвистическом и на нем стоит остановиться несколько подробнее. Что мы собственно имеем в осетинском? Особого, морфологически характеризованного винительного падежа, т. е. падежа прямого объекта при переходном глаголе, в осетинском, как было выше сказано, не существует. Прямой объект ставится либо в именительном падеже, либо в родительном. И когда мы пытаемся установить, в каких случаях прямой объект имеет форму именительного падежа и в каких — родительного, то тут вскрываются любопытные вещи. Шёгрену и Миллеру

казалось, что дело здесь в определенности и неопределенности объекта: если объект определенный, то он ставится в родительном падеже, если неопределенный — в именительном. Действительно, из двух выражений *læg amardta* и *lægzy amardta* первое означает «[какого-то] человека [он] убил», «il a tué un homme» (прямой объект *læg* стоит в им. п.), а второе — «[определенного] человека [он] убил», «il a tué l'homme» (прямой объект *lægzy* стоит в род. п.). Если бы такая трактовка прямого объекта проводилась последовательно во всех случаях, мы имели бы в осетинском картину такую же, как в тюркских и некоторых финно-угорских языках, где различают два винительных: винительный неопределенный (совпадающий обычно с именительным) и винительный определенный. Разница была бы только в том, что в осетинском винительный определенный совпадал бы с родительным, тогда как в тюркских языках он имеет особое оформление.

Однако более углубленное изучение осетинских фактов показывает, что такая аналогия была бы поспешной и поверхностной. Обращает на себя внимание, во-первых, что в осетинском неодушевленные предметы лишь в редчайших случаях оформляются в положении прямого объекта в родительном падеже. В выражении *сэвæг расæгд* 'отбей косу' ударение *сэвæг* не оставляет сомнения, что речь идет об определенной косе¹ и тем не менее *сэвæг* стоит в именительном падеже. Этого мало. Даже животные в положении прямого объекта не всегда стоят в родительном падеже, там где этого следовало бы ожидать, если бы определенность имела решающее значение. Наличие указательного местоимения *acy* в выражении *acy bæx siftynz* 'запряги эту лошадь' казалось бы, красноречиво говорит о том, что речь идет об определенной лошади, и однако *бæx* стоит в именительном падеже. Форма *acy bæxy siftynz* также возможна, но то, что она не обязательна, свидетельствует о том, что дело здесь не только в определенности и неопределенности, а еще в чем-то другом.

Для полноты картины следует привлечь также местоименное склонение. Относительно-вопросительные местоимения *эй* 'кто', *су* 'что' в положении прямого объекта имеют соответственно *кæй* 'кого' (совпадает с родительным) и *су* 'что' (совпадает с именительным). С первого взгляда кажется, что здесь вместо категории определенности и неопределенности выступает на первый план категория «одушевленности» и «неодушевленности», как в русском, где в относительно-вопросительных местоимениях, а также именах мужского рода, а во множественном числе и женского, винительный падеж для одушевленных совпадает с родительным, а для неодушевленных с именительным. Однако нетрудно убедиться, что «одушевленность» не является для осетинского, как впрочем и для русского, реальным принципом классификации имен, так как животные и даже человеческие существа

¹ См. нашу статью «Об ударении в осетинском языке» (Докл. АН. 1924, стр. 155).

тракуются в определенных случаях как «что» («неодушевл.»), а не как «кто» («одушевл.»). Если охотник убил какого-нибудь зверя, то вопрос задается в форме: *су амардта?* 'что убил', а не *каѣ амардта?* 'кого убил?'. Нельзя о всаднике спросить «на ком он едет?» (*каѣул бадуд?*), надо сказать «на чем?» (*саѣул бадуд?*). В выражениях *ис ырхаста* 'женился' (жену привел), *лаппи ныджардта* 'мальчика родила' *ис* 'жену' и *лаппи* 'мальчика' стоят в осетинском в именительном, а не родительном падеже и вопрос задается в форме *су рхаста? су ныджардта?* 'что привел?', 'что родила?' а не *каѣ аерхаста?*, *каѣ ныджардта?* 'кого привел?', 'кого родила?'. С другой стороны, неодушевленные предметы, если они выступают как действующие лица (скажем в баснях, сказках), трактуются как «кто», а не «что», и «винительный» падеж для них совпадает с родительным (что совершенно исключено в русском): *хур маѣу бафарста* 'солнце спросило месяц' (*маѣу*—род. п.; по-русски нельзя сказать «солнце спросило месяца»).

Таким образом ни категория «определенности» и «неопределенности», ни категория «одушевленности» и «неодушевленности», взятые в отдельности, не дают ключа к разгадке различного оформления прямого объекта в осетинском, то в виде именительного, то в виде родительного падежа. В основе этого различия лежит, по нашему мнению, какой-то более древний принцип классификации имен. И принимая в поле зрения всю сумму фактов, какие дает нам осетинский язык, с учетом также данных общего языкознания, мы склоняемся к мысли, что в различении двух форм прямого объекта в осетинском нашло отражение старое деление имен на два класса: класс личностей и класс вещей.

Существенное отличие этого деления от деления на «одушевленные» и «неодушевленные» заключается в том, что «одушевленность» считается постоянным признаком определенной группы живых существ (человека и животных), тогда как деление на «личности» и «вещи» является не столько классификацией объектов, взятых абстрактно и статично, сколько классификацией отношений субъектов—объектов в различных конкретных ситуациях. Именно поэтому один и тот же предмет может трактоваться в одном случае как «личность», в другом как «вещь».

Всего лучше и нагляднее эта классификация отражена в употреблении относительно-вопросительных местоимений *ѣи* 'кто' и *су* 'что'. Как мы видели выше, употребление этих местоимений не имеет ничего общего с категориями «одушевленности» и «неодушевленности». Животные и даже человеческие существа могут в известных случаях трактоваться как *су* (что), т. е. как вещи, а неодушевленные предметы оказываются, опять-таки в определенной ситуации, *ѣи* (кто), т. е. личностями. Употребление двух относительно-вопросительных местоимений, *ѣи* и *су*, позволяет нам осветить существо различения двух форм прямого объекта, — одного, совпадающего с родительным падежом, другого с именительным. От местоимения *ѣи* 'кто' мы можем иметь в прямом объекте только *каѣ*. (род. п.), от *су* 'кто' — только *су* (им. п.); постановка вопроса *саѣ* (род. п. от *су*) в применении к прямому

объекту невозможна. А что это значит? Это значит, что если прямой объект трактуется как вещь, то постановка его в родительном падеже невозможна, безразлично, идет ли речь об определенном или неопределенном предмете. Иначе говоря, существо различения двух форм прямого объекта в осетинском сводится к следующему: если прямой объект трактуется как вещь, то он стоит в именительном (неоформленном) падеже, если прямой объект трактуется как личность, то он стоит в родительном падеже. Что касается категорий определенности и неопределенности, а также категорий одушевленности и неодушевленности, то они представляются нам результатом позднейшего переосмысления, в двух различных направлениях, категорий личности и вещи. Пути такого переосмысления нетрудно наметить. Различие между выражениями *bæx siftynž* 'запряги лошадь' и *bæxy siftynž* заключается как будто в том, что в первом случае имеется в виду лошадь неопределенная, какая-нибудь лошадь, во втором — определенная, известная. Но мы видели выше, что в первом выражении при *bæx* может быть поставлено указательное местоимение *acy* 'эту', без того чтобы это повлекло постановку *bæx* в родительном («винит. определенном») падеже. Следовательно, определенность еще не решает дела. Прямой объект ставится в родительном падеже лишь тогда, когда он трактуется как личность, не заменяемая никакой другой личностью, когда он выделяется из всей массы сходных предметов. Иначе говоря то, что с первого взгляда кажется выражением определенности предмета, оказывается в действительности выражением личного отношения к нему.¹

Однако нетрудно представить, что когда познавательные нормы, питавшие классификацию «личности» — «вещи», начинают тускнеть благодаря сдвигам в мышлении, грамматические выражения этой классификации могут быть в языковой технике использованы для новых, более актуальных различений, в частности для различения определенности и неопределенности прямого объекта. Этот процесс, только намечившийся в осетинском, получил в тюркских свое завершение.

В другом направлении было переосмыслено различение «личности» и «вещи» в русском, а также в ряде других языков. Здесь категория «личности» продвинулась в сторону категории «одушевленности», а категория «вещи» — в сторону категории «неодушевленности». Новая классификация восприняла, с одной стороны, старое различение двух относительно-вопросительных местоимений «кто» (личность) и «что» (вещь), из коих первое имеет винительный падеж, тождественный с родительным, а второе — с именительным (кого, что); с другой — она нашла выражение в различении двух форм винительного падежа в именах мужского рода, а во множественном числе и женского: одной, тождественной с родительным падежом — для одушевленных предметов («ему коня подводят»), другой, тождественной

¹ В выражении бильярдного игрока «такого шара промазал» именно личное отношение к шару побуждает поставить его в родительном падеже (В. В. Виноградов. Современный русский язык, вып. II, 1938, стр. 42).

с именительным падежом — для неодушевленных предметов («ты знаешь край . . .»).

Однако в проведении этой классификации в языковой практике наблюдается и в русском некоторая непоследовательность, весьма важная для уяснения генезиса соответствующих категорий. В самом деле, человека, который купил петуха, спросят «что он купил», а не «кого он купил», хотя купивший должен ответить: «петуха», а не «петух». Здесь между «что купил» и «купил петуха» оказывается несомненное противоречие: один и тот же предмет (петух) рассматривается в местоименном аспекте как неодушевленный, а в именном — как одушевленный. Это противоречие, конечно, не случайно. Оно говорит о том, что взаимоотношения познавательных и грамматических категорий не получили еще полного и логического разрешения, что в местоимениях еще просвечивает старая классификация: «личности» — «вещи», не совпадающая с новыми познавательными категориями «одушевленности» — «неодушевленности».

Характерно, что такая же неясность и непоследовательность наблюдаются в новоперсидском литературном языке в употреблении или неупотреблении частицы *-rā*, как приметы винительного падежа (она же служит приметой и дательного падежа, ср. грузинский). В то время как одни авторы считают возможным утверждать, что оформление *-rā* указывает на определенность объекта, тогда как неопределенный объект остается неоформленным,¹ в классической грамматике Залемана и Жуковского читаем: «Ein Unterschied von „bestimmten“ und „unbestimmten“ Acc., wie er sonst gelehrt wird, ist bei der Setzung oder Weglassung dieser Partikel (*-rā*. B. A.) nicht nachzuweisen» (Persische Grammatik, стр. 27).² Причина этой неясности, нам кажется, та же, что в осетинском: сквозь новую классификацию («определенность» — «неопределенность») просвечивает старая («личности» — «вещи»).

Следует ответить на один вопрос: почему в осетинском (отчасти в русском) объект-личность оформляется в виде родительного падежа, тогда как объект-вещь стоит в неоформленном (именительном) падеже. После сказанного ответ на этот вопрос не составит для нас трудности. Классу «вещей», по самой его природе, свойственно быть в роли объекта. Следовательно, чтобы подчеркнуть его объектную функцию, нет надобности отличать его от субъекта особым оформлением: противопоставление «личности» и «вещи» само уже указывает, кто из них предназначен играть роль субъекта и кто объекта. Не случайно так называемый средний род имен, восходящий исторически к классу вещей, не различает в индо-европейских языках именитель-

¹ См., напр., Philot. Higher Persian Grammar, 1919, стр. 51, 130, 451 сл.

² Впрочем и Philot не скрывает сложности вопроса: «One of the difficulties to a beginner is the correct use or omission of *-ra*» (op. c., стр. 451). Ряд тонких наблюдений заключает специальная статья А. И. Томсона «Об употреблении частицы *-ra* в винительном падеже в персидском языке» (Докл. АН, 1928, стр. 227—232). Однако и из этой работы выносятся убеждение, что на статично-психологической почве, на которой стоит автор, вопрос не может быть разрешен.

ного падежа от винительного. Но если и субъект и прямой объект — «личности», то их взаимоотношение должно получить какое-то грамматическое выражение; и если синтаксис (порядок слов) не дает этого выражения, то является потребность противопоставить и различить субъект от объекта морфологически. В языках так называемой эргативной конструкции это достигается оформлением субъекта в особом (эргативном, иногда творительном, дательном, родительном) падеже, в осетинском — путем оформления объекта-личности в родительном падеже, тогда как субъект остается неформленным. Таким образом самое оформление определенных категорий имен в положении прямого объекта родительным падежом подтверждает косвенно, что эти категории связаны преемственно с классом личностей.¹

Мы видим здесь, как «сухая» грамматическая категория, падеж, при историческом подходе наполняется живым и увлекательным содержанием. История винительного падежа встает перед нами как яркая страница истории человеческих воззрений ранних эпох, как история одной из самых первых и важных классификаций, определивших отношение человека к окружающему миру: деления объектов на класс личностей и класс вещей.

Возвращаясь к практически-грамматическому вопросу о числе падежей в осетинском, мы можем только подтвердить наше убеждение, что вводить в схему осетинского склонения особый винительный падеж нет никаких оснований как в школьной грамматике, так и научной (школьная грамматика ведь тоже должна быть научной). Но зато уместно в названии родительного падежа подчеркнуть его двоякую функцию и называть его родительно-винительным. Что касается именительного, который выполняет функцию прямого объекта для класса вещей, то вводить эту функцию в его название нет смысла потому, что в слишком многих языках именительный (неформленный) падеж выступает как падеж прямого объекта; можно сказать, что это одна из основных его синтаксических функций. Поэтому название «именительно-винительный» звучало бы как тавтология.

Итак, винительного падежа в осетинском не существует; есть именительный, выполняющий функцию субъекта и, в определенных случаях, прямого объекта, и есть родительно-винительный, несущий, на ряду со своей основной притяжательной функцией, функцию прямого объекта для класса «личностей».

Встает еще один вопрос: как могло случиться, что такие исследователи, как Шёгрэн и Миллер, могли не заметить того очевидного факта, что особого винительного падежа в осетинском не существует? Объясняется это очень просто. Уже со времен Клапрота утвердилось мнение о индо-европейском характере осетинского языка. Естественно, что Шёгрэн и Миллер при всей широте их кругозора склонны были приносить

¹ В испанском и румынском объект-личность в отличие от объекта-вещи ставится в косвенном («дательном») падеже. Это весьма близко к положению в персидском и осетинском.

в этот язык некоторые готовые схемы, выработанные на опыте изучения других индо-европейских языков. В схеме склонения, в частности, аккумулятив был «необходимым» элементом. И он был найден. Человек вообще склонен видеть в объектах то, что ему хочется видеть. Если бы их знакомство с кавказскими языками было более глубоким, если бы они могли оценить двуприродный характер осетинского языка, отсутствие аккумулятива они приняли бы как должное. При той же системе апперцепций, какая у них была, они неизбежно должны были усмотреть в языке ряд таких категорий, которые в нем отсутствовали, и, наоборот, не заметить многое из того, что в нем есть. Так они нашли винительный падеж, которого нет, но не заметили уподобительного, который есть. Если бы даже они знали, что почти во всех языках чечено-дагестанской группы уподобительный падеж существует, они не придали бы этому значения, поскольку им оставался неизвестен тот основной факт, что типология осетинского склонения идентична с типологией склонения восточных и южных кавказских яфетических языков.

Язык и мышление X (1940), стр. 3-12

ДРЕВНЕПЕРСИДСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Исследуя историческую фонетику того или иного языка, мы устанавливаем обычно известную закономерность звуковых соответствий данного языка с другими стоящими с ним в тех или иных исторических связях языками. На этой бесспорной закономерности и строятся в существенной части сравнительные грамматики «родственных» языков. Однако наряду с закономерными соответствиями мы в каждом языке находим также и некоторое число «исключений», т. е. таких соответствий, которые противоречат преобладающей линии исторического развития звуков данного языка, нарушают выдержанность сравнительно-фонетической картины и в силу этого воспринимаются как нечто «ненормальное», «незакономерное». Поскольку мы не хотим ограничиться констатацией этих исключений (а мы конечно не должны этим ограничиться), поскольку мы убеждены, что эти «исключения» имеют свой реальный исторический смысл (а можем ли мы в этом сомневаться?), — перед нами встает задача попытаться вскрыть в каждом отдельном случае, чем обусловлены в историческом процессе как «закономерные» соответствия, так и «исключения». В другом месте мы следующим образом пытались расшифровать исторический смысл «закономерного» и «незакономерного» в фонетических соответствиях в наиболее общей форме: «Что такое фонетический „закон“? Фонетический „закон“ — это развивающийся на почве технизации речи процесс унификации фонетических норм, причем носителем этой унификации бывает всегда определенная общественная группа; выдержанность, универсальность и экспансия „закона“ определяются устойчивостью и стабильностью этой общественной группы и ее экономическим, общественно-политическим и культурным удельным весом и влиянием в пределах языкового единства. Что такое „исключения“? „Исключения“ — это либо вторжение в язык других общественных групп, помимо основной и господствующей, свидетельство того, что и они участвуют в формировании языка, либо „исключения“ — это указание на особые, специфические условия семантической жизни тех элементов речи, в которых эти „исключения“ наблюдаются».¹

Итак, «исключения», если их нельзя объяснить влиянием семантических факторов (семантическое ослабление, контаминация, аналогия и пр.),

¹ Язык и Мышление, I, 1933, стр. 14.

указывают, что в формировании данного языка наряду с преобладающей общественной группой, характеризуемой определенными фонетическими нормами, выступающими в данном языке как господствующие, «закономерные», приняли еще участие, большее или меньшее, другие общественные группы, характеризуемые иными фонетическими нормами, выступающими в данном языке как «исключения». Далее, так как одна и та же общественная группа может в формировании одного языка играть решающую, определяющую роль, а на формирование другого языка оказать лишь частичное влияние, путем, скажем, внесения в него нескольких слов, оформленных по характерной для нее звуковой норме, то может оказаться и оказывается на самом деле, что нормы звуковых соответствий, выступающие в данном языке как «исключения», в другом языке оказываются «законом» и наоборот. Тот факт, что ни в одном языке мы не находим чистых, выдержанных сверху донизу фонетических норм, подтверждает и без того очевидный факт, что языки развиваются не в порядке прямой преемственности по схеме родословного древа, а в процессе непрерывных, интенсивных, разносторонних и сложнейших общественных взаимодействий и взаимовлияний. «Исключения» с этой точки зрения оказываются не менее закономерными, чем «законы», а для истории языка и общественности могут в ряде случаев представлять гораздо больший интерес, чем последние.

В осетинском имеются два слова, в которых общеарийскому *s* отвечает «незакономерно» *t*:

1) ос. *færat* 'топор' — санскр. *paraśú-*, греч. πέλεκος (считается усвоенным в индо-европейские языки из аккадского, ср. аккад. *pilakku*); в осетинском ожидали бы **færas*;

2) ос. *rætæn* '(ременный) канат', 'веревка' — санскр. *raśanā-* 'веревка' 'ремень', новоперс. *rasan* id.; в осетинском ожидали бы **ræsan*.

Возникает вопрос, какой из двух указанных нами факторов мог обусловить появление в осетинском этих двух исключений из общей фонетической закономерности: иранск. *s* — осет. *s*. Так как нет оснований для допущения каких-либо семантических причин перебора *s* → *t*, то уместно спросить, не являются ли эти слова вкладом какой-то другой иранской же среды, в которой общепранское *s* отражалось как *t* или *ʒ*. Такой именно языковой средой является среда, оставившая нам памятники в виде надписей династии Ахеменидов в древней Персии. Общеиранскому *s* отвечает в древнеперсидском, как правило, — *ʒ*: др. перс. *ʒah-* 'говорить' — авест. *sah-*, санскр. *śans-*; др. перс. *ʒard-* 'год' — авест. *sarəδ-*, новоперс. *sal* 'год', санскр. *śarad-* 'осень'; др. перс. *vīʒ-* '(царский) род, дом' — авест. *vis-*, санскр. *viś-*; др. перс. *maʒišta-* 'величайший' — авест. *masišta-*, новоперс. *mahist* и др.

Хотя интересующие нас два слова в дошедших до нас древнеперсидских памятниках не встречаются, мы легко можем установить их

форму в древнеперсидском: «топор» должно было звучать **parađu-*, а «веревка» **radana-*. Попав на «осетинскую»¹ почву в этой форме, эти слова должны были дать закономерно *faræt* и *ratæn*, что мы в действительности и имеем.

Сюда же можно присоединить еще одно слово, происхождение которого, однако, менее ясно, так как оно засвидетельствовано пока на иранской почве только в двух языках: древнеперсидском и осетинском. Мы имеем в виду древнеперсидское *ḫarmi-*. Это слово встречается единственный раз в сочетании *ḫarmiṣ hya naušaina* 'кедр' в надписи Дария о сооружении дворца в Сузе. *ḫarmiṣ hya naušaina* представляет изафетный оборот, где *naušaina* служит определением к *ḫarmiṣ* и связывается с ним с помощью местной связки (изафета) *hya*. *Naušaina* сопоставляется с новоперс. *nōž* 'сосна', а *ḫarmiṣ* должно по смыслу означать 'дерево' вообще или породу дерева (*ḫarmiṣ hya naušaina* 'дерево, похожее на сосну?').

Если др. иранск. **karmi-* (санскр. *kṛmi-*) 'червь' дало в осетинском *kalm* 'змея', то др. перс. *ḫarmi-* должно было дать закономерно *talm*. Это слово мы действительно и находим: ос. *talm* 'порода дерева', 'горный илим'.

Поскольку начальное *ḫ* в *ḫarmi-* следует рассматривать как оформление специфически древнеперсидское, которому в исходном языке соответствовало *s* (Herzfeld сопоставляет ассир. *surmēnu*), мы должны видеть в осетинском *talm* такой же вклад из древнеперсидского, как вышерассмотренные *faræt* и *ratæn*. Почему именно эти три слова усвоены в осетинском из древнеперсидского, когда и при каких условиях произошло это усвоение, — об этом можно высказывать лишь догадки. Обращает на себя внимание, что в двух случаях мы имеем термины материальной культуры (топор, веревка), а третье слово *talm* также, возможно, связано с употреблением данного дерева как строительного материала (об этом говорит и надпись Дария I). При этом следует отметить, что древнеперсидский «топор» пользовался, по видимому, большой известностью в древнем мире у соседних народов, так как еще в двух языках мы находим название топора в древнеперсидском оформлении; сакск. *paḍa* (из *parađu*)² и тохарск. *porat*.³ Любопытно, что в язгулямском, где, по его историческим связям с сакским, мы ожидали бы найти рефлекс той же древнеперсидской формы этого слова, мы находим, наоборот, общеиранское *s*: язгул. *parūs* 'топор'.⁴ Еще более

¹ Термин «осетинский» в применении к этой эпохе (2500—3000 лет до наших дней) можно, разумеется, употреблять лишь условно, имея в виду среду, являющуюся носителем тех иранских элементов, которые приняли участие в формировании современного осетинского языка.

² Sten Konow. *Saka Studies*, 1932, стр. 163.

³ Ev. Liden. *Studien zur tocharischen Sprachgeschichte*. Göteborgs Hogskolas Arskrift, 22, 1916, № 3, стр. 18.

⁴ Любезно сообщено С. И. Климчицким.

разительным с точки зрения обычных представлений о взаимоотношениях древних и новых иранских языков является тот факт, что в то время как в осетинском мы имеем для 'веревки' «древнеперсидскую» форму *ratæn*, в так называемом новоперсидском, предполагаемом «прямом потомке» древнеперсидского, мы находим форму с *s*, т. е. ту, которую мы ожидали бы встретить в осетинском: новоперс. *rasan* 'веревка'. В данном термине линии преемственности идут не по обычной схеме, а перекрещиваются самым неожиданным образом. Мы могли бы ограничиться констатацией этого «курьеза», если бы этот «курьез» не имел, с нашей точки зрения, большого принципиального, методологического значения. Углубленное изучение неисчерпаемого богатства живых языков и диалектов в последние десятилетия распатало и продолжает расшатывать много старых генеалогических схем и поверхностных классификаций. Иранские языки не составляют исключения. На каждом шагу приходится убеждаться, что языковые признаки и связи, совершенно не считаясь с географическим распределением иранских языков, перекрещиваются в самых неожиданных направлениях. Это остается верным как в отношении иранских языков в целом, так и на каждом отдельном, хотя бы небольшом участке иранской диалектологии. Исследователь новоиранских языков К. Ходанк, характеризуя язык гүрәни, пишет: «Vom Gūrānī führen Verbindungslinien bald zum Sīvandī, bald zum Zāzā, bald zum Sāmnanī. Zugleich ergeben sich aber jedesmal deutliche Trennungslinien, die von einem gewissen Sonderdasein dieser Sprachen bzw. Dialekte zeugen. Es ist also eine gleichartig verwickelte Lage, wie wir sie in anderen Fällen kennen lernen: kein einfaches, sondern ein mehrseitiges Verwandtschaftsverhältnis, jedoch nicht mehr ganz eng und nah».¹

Сказанное следует распространить не только на взаимоотношения живых иранских языков друг к другу, но и на отношения их к средним и древним иранским языкам.

Нет ни одного нового иранского языка, отношения которого к его предполагаемому среднему и древнему «предку» можно было бы представить в виде непрерывной прямой линии. Такие термины как «древнеперсидский», «среднеперсидский», «новоперсидский», поскольку ими постулируется непрерывная, замкнутая преемственность одного и того же языка на протяжении 2500 лет, представляют не более как недоразумения. Ими можно пользоваться лишь, оговаривая неизменно их условный характер.

Мы проделали небольшой статистический подсчет. Взяли несколько фонетических особенностей древнеперсидского: др. перс. *d* ← общеиранск. *z*, др. перс. *ḍ* ← общеиранск. *s*, др. перс. *ss* ← общеиранск. *ḍr*, др. перс. *s* ← общеиранск. *sp*, и подсчитали (по «Persische Studien» Гюбшмана),

¹ Kurdisch-persische Forschungen. Abt. III, B. II, стр. 70.

в скольких случаях новоперсидский следует в этом отношении за древнеперсидским и в скольких он отходит от него. Результаты даже для нас оказались неожиданными: в 36 случаях мы имеем схождение новоперсидского с древнеперсидским, а в 51 случае отход от него, иначе говоря отношение 2 : 3 в пользу неперсидского характера новоперсидского литературного языка.¹

Неудивительно поэтому, что всякие построения, исходящие из предположения, что новоперсидский литературный язык является «прямым потомком» языка ахеменидских надписей, проваливаются нередко самым жалким образом. В свое время Гюбшман на основании новоперсидского *zarr* 'золото' восстановил древнеперсидскую форму этого слова **zarna*-.² Теперь древнеперсидское название золота найдено в надписи Дария I из Сузы. И что же? Оказывается оно звучало совсем не *zarna*-, а *daraniya*-. В связи с этим пехлевийские и новоперсидские формы этого слова с начальным *z* объявляются «заимствованием из мидийского».³ А что это за мидийский язык? Это — язык мало еще изученный. Поэтому те, кто приписывает ему те или иные качества, чувствуют себя в полной безопасности: опровергнуть их невозможно. Но остается совершенно непонятным, зачем было персам заимствовать для «золота» чужое слово, когда у них было свое (*daraniya*)? И что, собственно, кроме затхлых кабинетных теорий, делает слово *zarr* для персов более чужим, чем любое другое слово их языка?

Дело, очевидно, не в «заимствованиях», а в том, что в формировании новоперсидского литературного языка (как и всякого другого) принимали участие не одна, а многие общественные, resp. языковые среды. Ни одна из этих сред не была «чужой», все были «своими»; ни одна из этих сред не была носительницей «неправильных» форм, все говорили «правильно» на своем языке. Преимущество названия «персидский» связана с политическими судьбами Ирана и не имеет лингвистической ценности. Отложения различных языковых сред перекрещивались в самых различных направлениях, и поэтому оказывается, что, напр., осетинский со своим *raðæn* 'веревка' оказывается более персидским, чем «новоперсидский» со своим *rasan*.

Уже в древнеперсидском мы находим, в его фонетике и лексике, не одну, а несколько языковых норм.⁴ Да и вообще, куда бы мы ни обра-

¹ Само собой разумеется, традиционная школа объявляет все случаи отхода новоперсидского от древнеперсидских норм, как «неправильные формы» и как «заимствования» из других иранских языков: «Le traitement pehlevi sassanide et persan s de v.-p. § initial est irregulier», «la ou, comme il arrive souvent, le pesran a *hr* (ancien *ḫr*), c'est qu'il a emprunté la forme à un parler mède du Nord-Ouest» (Meillet-Benveniste. Grammaire du Vieux-Perse, 1931, стр. 64). Иначе говоря, персидский язык даже в иранской своей части оказывается на $\frac{3}{5}$ «неправильным» и «заимствованным». А говорящие на этом языке, кажется, и не подозревают этого.

² Persische Studien, стр. 69, 259.

³ Meillet-Benveniste, op. cit., стр. 152.

⁴ Тедеско (Tedesco), конструируя по ряду признаков «чисто персидское» («echt persisch») состояние, приходит к выводу, что древнеперсидский не отвечает

тились, мы не находим нигде языков-монолитов, не находим потому, что не существует нигде замкнутых, изолированных от всего окружающего мира общественных сред.

Возвращаясь к осетинским *færat* 'топор' и *raetæn* 'веревка', мы устанавливаем, что эти слова, будучи исключением из обычных закономерностей осетинско-иранской фонетики, именно в силу этого приобретают особый интерес, указывая на наличие древнеперсидского вклада в осетинском. Сопоставление аналогичных явлений из других иранских языков привело нас к своеобразной, если можно так выразиться, «философии исключения». Основной вывод этой «философии» сводится к тому, что «исключения» — вовсе не третьесортный, а, напротив, первоклассный языковой материал, долженствующий стоять не на периферии, а в центре исследовательского внимания лингвиста-историка. Только гипноз праязыка мог привести к тому, что «исключения» оказались на задворках науки. Наряду с другими дефектами старой лингвистики новое учение о языке должно исправить и эту ошибку: оно должно реабилитировать «исключения».

Иранские языки, I (1945), стр. 7-12

этому состоянию (Dialektologie der westiranischen Turfantexte. Le Monde Oriental, XV, 1921, стр. 248). «Чистый» персидский язык оказывается таким образом некоей умопостигаемой категорией, которой ничто в реальной действительности не соответствует.

СКИФО-АЛАНСКИЕ
ЭТЮДЫ

СКИФСКИЙ ЯЗЫК

1. ЧТО МЫ НАЗЫВАЕМ СКИФСКИМ ЯЗЫКОМ?

Термин «скифский язык» мы употребляем как общее название для всех иранских скифо-сарматских наречий и говоров, которые существовали на территории северного Причерноморья в период от VIII—VII вв. до н. э. до IV—V вв. н. э. Здесь нет надобности входить в обсуждение скифо-сарматской проблемы в целом. Работами Мюлленгофа, Вс. Миллера, Томашека, М. Фасмера и др. полностью доказано распространение ираноязычного элемента в Южной России в указанный период. Это население было известно классическим авторам под названием скифов *Σκύθαι* и сарматов *Σαρμάται*, *Sarmatae*. Его остатком являются современные осетины на Кавказе. Если под общим наименованием скифов и сарматов скрывались также некоторые не иранские элементы, что возможно, то приходится согласиться, что для их этнической и языковой характеристики сделано пока недостаточно.¹ Во всяком случае ничего, что можно было бы противопоставить иранскому, как равноценное по объему и значению, пока не обнаружено.

Н. Я. Марр в своих работах «Термин скиф» (1922) и «Скифский язык» (1926) с полным основанием утверждает, что в северном Причерноморье древней эпохи, наряду с греческим и иранским элементом, следует считаться с элементом «третьим», местным, т. е. до-греческим и до-иранским.² Пересмотрев заново весь материал, мы должны признать, что имеется значительное количество слов, имен и названий, которые не могут быть объяснены ни из греческого, ни из иранского. С большой долей вероятности некоторые из этих неразъясненных элементов можно рассматривать как наследие до-иранского населения. Выявление и определение этих элементов должно производиться на основе точных и продуманных методов, а не путем

¹ Исключение составляют фракийские элементы, наличие которых несомненно и которые легко объясняются соседством и общением иранских племен с фракийскими.

² В существовании иранского элемента Н. Я. Марр никогда и нигде не сомневался. «Я отнюдь не имею в виду отрицать значение других племен, особенно же иранцев, в генезисе исторически существовавших на юге России скифов» (Избр. раб. V, I).

произвольных домыслов и догадок. Первым шагом на этом пути должно быть выделение, путем тщательного лексического, фонетического и словообразовательного анализа, всех бесспорно иранских элементов. Таким путем будет расчищена почва для анализа и определения остальных элементов. Вместе с тем, можно надеяться, будет положен конец легковесным и безответственным спекуляциям на скифском материале, не имеющим ничего общего с наукой.

Скифо-сарматский языковой материал из Южной России, вполне достаточный, чтобы распознать в нем иранские элементы, слишком, однако, беден, чтобы можно было представить сколько-нибудь полную лингвистическую картину этого мира, раскинувшегося на обширном пространстве от Дуная до Каспийского моря и состоявшего, как можно думать, из многих наречий и диалектов. Связных текстов на этих наречиях до нас не дошло и, если бы не было осетинского языка, мы могли бы судить о них только по некоторым топонимическим названиям, по названиям племен и по собственным именам, которые в значительном числе встречаются в греческих надписях, находимых на месте старых греческих колоний-городов: Танаиды, Горгиппии, Пантикапея, Ольвии и др.

Однако, как ни скуден этот материал, необходимо извлечь из него максимум того, что он может дать. Споры об иранстве и неиранстве скифов и сарматов, основанные на единичных и случайных фактах и толкованиях, надо считать отошедшими в прошлое. Настало время подойти вплотную к языковой характеристике скифо-сарматской речи с охватом всего доступного материала, восстановить в меру возможного ее лексику, фонетику, грамматику и, таким образом, представить этот материал не в виде перечня отдельных разъяснений и толкований, а в виде элементов языковой системы. Настоящую работу о «скифском языке» мы рассматриваем как приступ к этой задаче.

Термин «скифский язык» в нашем употреблении может вызвать возражения, которые мы хотели бы тут же предупредить.

1. Поскольку в вопросе об этническом составе населения древней Скифии и Сарматии есть известные неясности, можно ли употреблять термин «скифский» как лингвистический? Пока не-иранские элементы не выявлены с такой же отчетливостью как иранские, такое употребление вполне закономерно. В настоящее время наименование «скифский» неприложимо ни к какому другому, исторически и лингвистически определенному языковому единству, кроме связанного с иранскими элементами северного Причерноморья. Стало быть наш термин не оставляет места для каких-либо недоразумений или превратного понимания. Когда не-иранские элементы будут определены и представлены как нечто цельное в языковом отношении, противостоящее иранскому, тогда можно будет подумать об уточнении терминологии.

2. Иранское население северного Причерноморья было само, по всей видимости, неоднородно. У Геродота четко проводится различие между скифами и сарматами, причем границей между ними называется река

Танаис (Дон). Различные авторы называют племена Языгов, Аорсов, Сираков, Алан, Роксолан и др. Можно ли в этих условиях говорить о каком-то едином североиранском языке и называть этот язык скифским? На этот вопрос можно ответить, что редко вообще бывает, чтобы язык не делился на диалекты и говоры. Говоря об иранской речи северного Причерноморья и применяя к ней обобщающее название «скифской», мы считаем само собой разумеющимся, что эта речь дробилась на множество разновидностей. Но мы убеждены вместе с тем, что у них был целый ряд общих черт, которые противопоставляли их остальным иранским наречиям и которые позволяют рассматривать все скифо-сарматские говоры как одно лингвистическое целое. Ничто не противоречит такой концепции и многое говорит в ее пользу. Наиболее значительным было, вероятно, различие между скифами и сарматами. Но даже о них Геродот говорит, что язык савроматов тот же скифский, но только с давних пор «испорченный» (IV, 117). Вряд ли различия между племенными говорами внутри скифского или внутри сарматского были более значительными. Мы увидим дальше, что в надписях, происходящих из разных весьма удаленных друг от друга областей скифо-сарматского мира, встречаются одни и те же иранские имена, с одними и теми же фонетическими и словообразовательными признаками. Все это дает право говорить о языковом единстве иранского Причерноморья и применить к этому единству одно общее наименование. Более точным было бы назвать его не «скифским», а «скифо-сарматским», но последнее наименование несколько громоздко. К тому же следует учесть, что и после появления сарматов, название «скифы», «скифский» оставалось наиболее обычным обозначением для всех, в том числе и предполагаемых сарматских племен. Так Иосиф Флавий называет алан «скифским племенем» (Иудейская война, VII, 7, 4). Если у латинских авторов получил широкое хождение термин «сармат», то для греков после-геродотовского периода все «варвары» на север от Черного моря продолжали оставаться «скифами».

Важнейшие работы о языковой принадлежности скифов и сарматов:

1. В. Миллер. Осетинские этюды, III, 1887.
2. Он же. Эпиграфические следы иранства на Юге России. ЖМНП., 1886 окт., стр. 232—283.
3. Он же. К иранскому элементу в припонтийских греческих надписях. Изв. Археол. комиссии, вып. 47, 1913.
4. А. Соболевский. Русско-скифские этюды. Изв. Отд. русск. яз. и словесн. Акад. Наук, 26(1921), стр. 1—44, 27(1922) стр. 252—332.
5. Н. Я. Марр. Термин скиф. 1922. Избр. раб. V, стр. 1—43.
6. Он же. Скифский язык. 1926. Избр. раб. V, стр. 191—223.
7. K. Müllenhoff. Über die Herkunft und Sprache der Skythen und Sarmaten. Monatsberichte der Preuss. Akad. d. Wiss., 1866, VIII, стр. 549 сл.; ср. он же. Deutsche Altertumskunde, III, 1892, стр. 101—125, 205—211.
8. F. Justi. Iranisches Namenbuch, 1895.

9. W. Tomaschek. Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden, I—II. Sitzungsber. d. Wiener Akad. 116 (1887), 117 (1889); ср. его же статьи в Pauly-Wissowa, Realencyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft: Alani, Aorsi, Dandarii и др.

10. J. Marquart. Untersuchungen zur Geschichte von Eran. Philologus, 54 (1895), 55 (1896), Supplem. 10 (1905).

11. M. Vasmer. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Südrussland, 1923.

12. Его же статья «Skythen, Sprache» в «Reallexikon der Vorgeschichte» (XII, стр. 236—251).

13. Он же. Iranisches aus Südrussland. Streitberg-Festgabe, 1924, стр. 367—375.

14. Образцовое издание припонтийских греческих надписей дал В. Латышев. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae, et latinae, I (1885), II (1890), IV (1901).

2. ЛЕКСИКА

Элементы скифской лексики разбросаны в собственных именах, топонимических и племенных названиях, сохранных нам в многочисленных исторических, географических и эпиграфических источниках. В нижеследующем мы делаем попытку извлечь их оттуда и расположить в алфавитном порядке. Мы получим таким образом некие рудименты скифского словаря.

Хотя предпосылки для нашего начинания уже созданы работами наших предшественников, тем не менее мы встретимся с немалыми трудностями. Передача скифских имен греческими (или латинскими) буквами была по необходимости весьма несовершенной: слишком велико было различие фонетических систем. Легко представить; что нередки были также случаи искажения, опуск и ошибок. Восстановить, в этих условиях, подлинный звуковой облик скифских слов не так легко.

Но если трудно восстановить действительную форму скифских слов, то еще труднее обстоит дело с их значением. О значениях скифских имен или названий наши источники, как правило, не дают нам даже намека. Значения приходится устанавливать сравнительным путем, опираясь на данные иранского и индо-европейского языкознания. Главные инстанции, к которым приходится апеллировать, это, с одной стороны, древнеиранские языки (авеста и древнеперсидский), с другой — осетинский язык как непосредственный продолжатель скифского.

Не раз приходилось нам задумываться над вопросом: какие формы выставлять в нашем «словаре» как основные? Источники, из которых мы черпаем наш материал, охватывают огромный период, около 1000 лет. За это время язык, конечно, изменялся. Одну и ту же основу мы встречаем нередко на разных ступенях фонетической эволюции. Какую форму

выставить как основную словарную? Мы нашли наиболее целесообразным выставлять в качестве исходных нормализованные древнеиранские формы, с учетом особенностей скифской группы. Иными словами, мы выставляем формы, которые как мы думаем, совпали бы с древнейшими скифскими, если бы последние до нас дошли.

В тех случаях, когда для восстановления древнеиранской формы нет достаточных данных, мы выставляем наиболее архаическую из известных нам, реально засвидетельствованных форм.

Мы включаем в наш лексикон и те скифские имена, которые засвидетельствованы за пределами Скифии — во Фракии, Иберии и пр., если только они отмечены яркими признаками скифского происхождения.

В толковании скифских имен и названий мы частью примыкаем к нашим предшественникам, частью даем новые. В первом случае мы ссылаемся на сводную работу М. Фасмера: *Die Iranier in Südrussland* (1923), где интересующийся найдет дальнейшие библиографические указания. Мы избегали натянутых и сомнительных сближений и толкований и отваживались на анализ лишь тогда, когда чувствовали твердую почву под ногами. Все же в некоторых случаях, помеченных вопросительным знаком, мы допускаем возможность иной интерпретации, чем наша.

Осетинские параллели мы берем обычно из дигорского диалекта: дигорские формы, как правило, более архаичны и потому более близки к скифским.

СЛОВАРЬ СКИФСКИХ ОСНОВ

Сокращения в словаре:

Фасмер — M. Vasmer. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I: Die Iranier in Südrussland. Leipzig, 1923.

Г — Горгиппия	Т — Танаида
О — Ольвия	Фн — Фанагория
П — Пантикапей	Фд — Феодосия
Х — Херсонес	

а- привативная частица 'не-', 'без-':

↳ ἐνάρεις (Геродот), ἀνάρεις (Гиппократ) 'полумужчины, гермофродиты' (у скифов) = др. иран. *a-nar-ya* 'не мужчина' (Фасмер, 13); ср. *nar*;

↳ Ἄττασας (Т) = ос. *a-das* 'безопасный', из др. иран. *a-tars-* (Фасмер, 34);

↳ Ἀράσας (Г) = ос. *a-gas* 'здоровый', 'целый', 'невредимый', из др. иран. *a-kās-*; ср. собст. имя *Šar-agas* в надписи II в. из Армази (Грузия), а также имена, Ὀσσίγασος (Т), Οὐσίγασος (О), Γωδίγασος (Т); из аланского это слово усвоено в венгерский: венг. *egesz* 'целый', 'здоровый'; ср. *akāsa*;

↳ Ἄσαρος (Π) = др. иран. *a-sara-* 'безголовый' (Фасмер, 34); ср. *sara*.

abra 'небо', др. инд. *abhra-* 'облако', авест. *awra-* 'облако', ос. *arv* (из **avr*) 'небо':

- ↳ 'Αβραχος (O, встречается многократно) = *abr* + *ag* 'небесный', 'Caelestinus' (в осетинском обычно с другим суффиксом: *arv-on* 'небесный'); сюда же, возможно, 'Αβρόαχος (O) и 'Αβρόζεος (T); ос. *abæreg* 'разбойник', не имеет сюда никакого отношения, вопреки Вс. Миллеру (ЖМНП., 1886, окт. стр. 249).

асуа 'правдивый', 'праведный', см. *hatya*.

ad- 'есть, кушать', авест. *ad-*, ст. слав. *jed-*, гр. ἔδω, лат. *edo*:

- ↳ 'Αμάδοχοι 'скифское племя' (Гелланик по Стефану Визант.) = *āma-adaka* букв. «сыроеды», «едащие сырое» (Фасмер, 11);
- ↳ Ουαργάδαχος (O) = *varg-adak* букв. «волкоед»; ср. *varka*;
- ↳ Τορεκχάδοι 'сарматское племя' (Птолемей); во второй части *ad-* 'есть'; в первой иран. *turi-* 'кислое молоко' (?) (Фасмер, 54); или ос. *turæ* 'суп' (?)

adari 'внизу', 'под', ос. *dælæ*, в сложных словах *dæl-*, авест. *adairi*:

- ↳ Δαλόσαχος (T) = ос. *dæl-os-æg* «находящийся в подчинении у женщины» (?)

afs- 'лошадь', см. *aspa-*.

aft- 'семь', см. *hapta-*.

aftaimāk 'седьмой', см. *hapta-*.

agar 'многий', 'чрезмерный', 'избыток', ос. *ægær id.*, из др. иран. *a-kara* 'бесконечный'; ср. *karana-* 'конец' и приват. част. *a-*:

- ↳ 'Αρδόνάγαρος (T) = ос. *ærdun-ægær* 'многолучный', 'имеющий много луков'; ср. 'Αρδόναστος = *ærdun-ast* 'восьмилучный'; см. *druna-*.

ag̃dāk 'обычай' (?), согд. **ag̃dāk* 'завет', ос. *æg̃daw* 'обычай':

- ↳ 'Αρδάγδαχος (T) «следующий ag̃d'у и обычаю», см. *arta*.

akāsa (*a-kās-*) 'цельный', 'невредимый', 'здоровый' → *agas* → *igas* (ос. *egas*, *igas*); ср. пехл. *kās-*, перс. *kāh-*, *kastan* 'уменьшать'; ср. венгерское (из аланского) *egesz* 'цельный, здоровый'; см. *a-*:

- ↳ 'Αχάσας (Γ);
- ↳ *Šaragas* имя питахша в Грузии II в. н. э. (в надписи из Армази) = ос. *sær-egas* 'невредимый', 'с невредимой головой'; см. *sara*;
- ↳ Γωδίγασος (T) = ос. *ǰud-igas* букв. «здравомысл»;
- ↳ 'Οσσίγασος (T), Ούσίγασος (O) = ос. *os-igas* «имеющий здоровую жену» («здоровых жен»);
- ↳ Σαυάγασχος (Φη) может быть = ос. *sæw-egas* «невредимый утром», параллель к употребительному осетинскому вы-

ражению *saw-zavd* «пораженный утром»; см. *sava* 'утро'.

ālān, āllān 'название скифского племени', из *aryana* 'арийский', 'ариец', ос. *allon*; см. *arya-*.

aluθ 'пиво', древнегерм. **alut*, ос. *æluton*:

↳ 'Ἀλούθαρος (O); такое имя могло означать «пивовар» или «пиволюб»; ср. Σάναρος (O) от *san* 'вино'; ср. ос. *æluton* 'пиво как ритуальный напиток', грузинское (из аланского) *aludi*, *ludi* 'пиво'; восходит к древнегерманскому *alut* 'пиво'; (англ. *ale*); сюда же финское *olut* 'пиво', литов. *alūs*, древнерусское *олуи* 'пиво'.

am- приставка, означающая совместность, см. *ham-*.

āma 'сырой', авест. *āma-*, ос. *xom*:

↳ 'Ἀμάδοχοι 'скифское племя' (Гелланик по Стефану Визант.) = *āma-adaka* «едащие сырое» (Фасмер 11); ср. *ad-*.

ama 'сильный, могучий', авест. *ama-* (в осетинском не сохранилось):

↳ 'Ἀράγη 'сарматская царица' (Фасмер, 31);

↳ 'Ἀμώμαιος (O) = др. иран. *ama* 'сильный', 'могучий' + др. иран. *mau* 'искусство', 'ловкость' (Фасмер, 32); сюда же 'Ἀμώμαιος (O)? (Фасмер, 31);

↳ 'Ἀμώσπαδος (O) = др. иран. *ama* + *spāda* 'войско' (Фасмер, 32).

āmāy- (*ā-māy-*) 'строить', ос. *amajun* 'строить':

↳ 'Ἀμαίαχος (T), 'Ἀμαείαχος (T) = ос. *amajaeg* 'строитель' (Фасмер, 31).

ambust 'возвеличенный' (?); из *ham-rus-* (?) ср. русск. *пышный* и пр.:

↳ 'Ἀμβουστός (T);

↳ 'Ἰράμβουστός (T). →

↳ *Ambustan* 'языгское собств. имя' (Gombocz. Osseten-Spuren in Ungarn, стр. 9).

ana- 'без', ос. *ænae*, авест. *ana*:

↳ 'Ἀνάχρσις 'знаменитый скифский мудрец' (Геродот и др.) = *ana-hvarti-* 'невредимый', ос. *ænae-xwælc*; см. *hvar-* 'повреждать', 'ранить'.

andān 'сталь', ос. *ændon*; ср. удмурт. *andan*, чечен. *ondun* 'сталь', *andanik* у Марко Поло «особый сорт стали»; происхождение не вполне ясно; может быть из иран. **han-dāmi* 'сплав':

↳ 'Ἀνδάναχος (T) (Фасмер, 32);

↳ 'Ἀσπάνδακος (T) = *asp-andan* 'стальноконный', 'имеющий стальных коней'; см. *aspa*;

↳ 'Ἰασα[ν]δάναχος (T) = *i-as-andan-ak* 'стальной Ас'; см. *As* 'скифское племя', 'аланы', 'осетины'.

ār- 'вода' (→ *af* → *av*); ср. ос. *avg* 'стекло', *æv-dew* 'демон (водяной)':

↳ 'Ἀβδάραχος (T) = *av-darak* 'дающий воду', 'поющий водой' (ср. ос. *don-daræg id.*)?

↳ Ἰβνωζος (O) = *av-niwaz-* 'водопийца', ср. ос. *niwazun* 'пить' (Фасмер, 30).

āpra 'водная глубь' (*āp* вода + суффикс *-ra?*) → *arp*; ср. ос. *arf* 'глубокий':

↳ Ἀρπόςαις 'один из родоначальников скифского племени, сын Таргитаоса' (Геродот) = *āpra-xšaya* 'владыка вод', 'владыка Днепра'; см. под *xšay-*;

↳ Δάναπρις 'Днепр' = *dān-āpr* = ос. *don-arf* 'глубокая река'; см. *dāni*.

ar- 'находить', 'добывать', 'рождать', ос. *arun* | *jerun* (из *bar-* → *war-*?):

↳ Γῶαρ 'аланский предводитель V в. н. э.' (Олимпиодор и др.) = *go-ar* 'добывающий скот'; см. *gau* 'крупный рогатый скот';

↳ Ξησσάγαρος (O) = ос. *xšaz-sag-ar* «добывающий шесть оленей» т. е. «счастливый охотник»; см. *xšas* 'шесть' и *sāka* 'олень';

↳ *Sagaris* (Овидий), *Saggarius* (Плиний) 'река Березань' букв. «где находят (*ar*) оленей (*sag*)».

arāz- 'направлять', 'устраивать' (*ā-rāz-*), ос. *arazun* id; см. *rāz*.

arc 'копье', см. *arsti*.

ard культовой термин, 'божество'; см. *arta*.

ardār 'господин', 'князь'; ос. *ardar*, *ardar* id. из *arm-dar* (← *armadāra*) 'рукодержец', 'Handhaber'; из аланского усвоено в венгерский (*aladar*) и монгольский (*aldar*):

↳ Ἀρδᾶρος (встречается многократно: Т, Г, П, Ф) (Фасмер, 33);

↳ Ἀρδάρακος (Т, П, встречается несколько раз) = *ardar* + суффикс *-ak* (Фасмер, 33);

↳ Ἀρδάρισκος (Т) = *ardar* + греческий суффикс *-ισκος* (Фасмер, 33); см. *arm* и *dar*.

ardun 'лук', ос. *ardun*; см. *druna*.

argā- 'освящать религией', 'благословлять' (из *ā-grā* ← *ā-gār*, где *gār* = др. иран. *gār*, *zār* 'петь'); ср. ос. *argāun*, прош. прич. *argūd* 'освящать религией, церковной службой', 'совершать церковную службу':

↳ Ἀργῶδας (Π), Ἀργῶτας (Π) = ос. *argūd* 'освященный', 'благословенный', 'Benedictus' (Фасмер, 32); неотделимо отсюда название города Ἀργῶδα в Херсонесе Таврическом (Птолемей); может быть сюда же Ἀργουάνακος (O) = *argāuṅnag* 'подлежащий благословению', 'Benedicendus'.

arma 'рука', ос. *arm*, др. иран. *arma*:

↳ Ἀρδαρος = ос. *ardar* 'господин' из *arm-dār* 'рукодержец'; см. *ardār*.

↳ *Saurmag* 'грузинский царь' (Brosset. Histoire de la Géorgie, I, стр. 43) = ос. *saw-arm* 'смуглорукый' + суффикс *-ag*;

- Σαρματάται (Геродот) → Σαρμάται (Скимн), *Sarmatae* (Плиний и др.) 'сарматы' м. б. = ос. *saw-arm-a-tæ* 'смугло-рукие'; см. *syāva*; другие толкования термина сармат см. Фасмер, 51.

arna 'дикий, свирепый', ос. *arnæg*, др. инд. *árana-*, авест. *auruna*, *rēna-* 'дикий':

- Ἄρναχης (Г); встречается и в других иранских языках (Justi, 27).

aršā 'самец', 'мужчина', авест. *aršan-* (в ос. нет) или

arša 'медведь', ос. *ars* 'медведь', авест. *arša-*:

- Ἀρσάκης (II, O) = *aršaka-*, ос. *arsæg* в фамилии *Arsægatae*; широко распространено в Иране и Армении (Justi, 27 сл.); имя родоначальника парфянской династии Аршакидов; отсутствие в осетинском каких-либо следов древнеиранского *aršan-* 'мужчина' побуждает нас думать, что на скифской почве мы имеем дело скорее с *arša* 'медведь';
- Ἀρσηρόαχος (O), Ἀρσηόαχος (O), Ἀρσηόχος (O) = *arša-vahu* «добрый медведь»;
- может быть сюда же племенное название из европейской Сарматии Ἀρσηῖται (Птолемей).

aršti 'копье' ос. *arc*, др. перс. *aršti-*, авест. *aršti-*:

- Ἀρδιέμματος (Березань); *di*, как и в некоторых других случаях, передает, возможно, *c*; тогда имеем стар. ос. *arcæ-[n]-man* = др. иран. *aršti-manu-* «человек с копьем», «копьеносец»; для *n* в *arcæn-man* ср. появление *n* в ос. *iwendæš* 'одинадцать', *raetenagd* 'оглобля'; см. *manu* 'человек', 'мужчина';
- Χώραρχος (O) = ос. *xwæd-arc* 'снабженный копьем', 'копье-носец'; ср. *hwata*.

art 'огонь' см. *adr-*.

arta → *ard* — одно из важнейших религиозных понятий иранского мира, 'божество', 'олицетворение света, правды', др. перс. *arta-*, авест. *aša-*, ос. *ard* 'клятва', первоначально «божество, которым клянутся»:

- Ἀρδάβδα 'аланское название города Феодосии в Крыму' (Анонимный Перипл Понта Эвксинского V в. н. э.), в переводе на греческий означало ἐπτάθεος, т. е. 'семибожный', 'посвященный семи богам' = *ard-avd*; ср. ос. *ard* и *avd* 'семь' (Фасмер, 72); о порядке частей см. ниже, стр. 231 сл.; о другом старом названии Феодосии, Кафа, см. под словом *кара* 'рыба'.

- Ἀρδαβούριος 'имя трех византийских полководцев аланского

происхождения' (Феофан Малала), вероятно ос. *ard-bewra* «наделенный многим ard'ом»;

↳ Ἀρδάγαδος (Т); в первой части *ard*, для второй ср. согдийское **ağdāk* 'завет', ос. *ağdaw* 'освященный традицией обычай'; стало быть *ardagadak* может означать: «тот, кто следует ard'у и обычаю» (ср. Фасмер, 32);

↳ Ὀδιάρδος (Т); в первой части осетинское *od* 'душа', в родительном падеже: *odiard* «чья душа исполнена ard'а».

arvant 'быстрый', 'сильный', 'отважный', 'герой', авест. *aurvant*; в осетинском не сохранилось:

↳ Ὀρόντης (О); встречается и в других иранских языках (Фасмер, 46, Justi, 235);

↳ Ὀροφέρης (Π) = *aurva-farna*(?) (Фасмер, 46).

arya 'ариец', 'арийский' → *al[y]a*, др. перс. *ariya-*, авест. *airya-*,

aryana 'арийский', 'ариец' → *alyana* → *allan* (*alan*); ср. ос. *allon* 'самоназвание осетин в сказках':

↳ Ἀρῖι 'сарматское племя' (Епифаний Кипр) (Фасмер, 33);

↳ Ἀριαντάς 'имя скифского царя' (Геродот) = др. иран. *aryavant-* (Фасмер, 12);

↳ Ἀριαπειθης 'имя скифского царя' (Геродот) = др. иран. *aryapaisa* «имеющий арийский облик» (Фасмер, 12);

↳ Ἀριαράθης (Π) = др. иран. *arya-ratha* (Фасмер, 33);

↳ Ἀριαράμνης (Π) = др. иран. *arya-rāmna* (Фасмер, 33);

↳ Ἀριάρνης 'имя царя племени Θατείς' (Диодор Сиц.) = *aryafarna* «носитель арийского *farn*'а» (Фасмер, 33); см. *farna*;

↳ Ἠρακας (Π) имя «главного переводчика алан» (начало III в. н. э) = *erak* из *airyaka* (Фасмер, 39 сл.);

↳ Ἀλέξαρος (Фн) = *arya-xšadra* «носитель арийского *xšart*'а» (Фасмер, 31); см. *xšadra*; для первой части (*αλε*) ср. ос. *alæ* в названии бога-кузнеца *Kurd-Alæ-Wærgon* «кузнец аланский Варгон»;

↳ Ἀλανοί (Иосиф Флавий, Лукиан, Дион Кассий и др.), *Alani* (Плиний, Светоний и др.) 'название скифского (сарматского) племени', 'алань', из др.иран. *aryana-* 'арийский', 'ариец', ос. *allon*;

↳ Ἀλανορσοί сарматское племя 'аланорсы' (Птолемей, Страбон); вторая часть = ос. *ors* 'белый'; стало быть аланорсы это «белые алань»; ср. ос. *ors-tyal-tæ* «белые туальцы» название югоосетинского племени;

↳ Ῥωξολανοί (Птолемей, Страбон), *Rhoxolani* (Плиний) 'сарматское племя', 'роксоланы' = *rox-alan*, где *rox* = ос. *rox*, др. иран. *rauxšna* 'светлый': «светлые алань»; ср. Ἀλανορσοί 'белые алань' (Фасмер, 49).

ās 'сарматское племя', 'асы', 'яссы', 'осетины', ос. *Asi* (перенесено на балкарцев):

- ↳ 'Ἀσσιῶται 'сарматское племя' (Птолемей), 'Ἀσσιῶται 'скифское племя' (Стефан Визант.); может быть к авест. *āsu* 'быстрый' (Фасмер, 33 сл., 63, 67, 70);
- ↳ Ἴασα[ν]δάναχος (Г) = *i-as-andan-ak* «стальной Ас»; см. *andān*;
- ↳ Ῥαδάμασις (Π) = др. иран. *fratama* 'первый' + *ās*: «первый среди асов»; см. *fratama*;
- ↳ *Carthasis* 'брат скифского царя' (время Александра Макед.) = *kart-as* «меч асов»; см. *karta* 'меч'.¹

aspa 'лошадь' → *asp* → *afs* (αψ), ос. *æfsæ* 'кобыла', авест. *aspa*:-

- ↳ Ἴασπαχος (Г) из *aspa-ka* (Фасмер, 34); сюда же Ἴσρακαί 'скифский князь' в ассирийских источниках (Фасмер, 14);
- ↳ Ἄψαχος (Г) = *afsaχ*, дальнейшее звуковое развитие имени *Aspak* (Ἄσπαχος); ср. ос. *æfsæ* (из *aspa*) 'кобыла';
- ↳ Ἄσπουρος (Г и др.) = др. иран. *aspa-ugra* «мощный конь» или «имеющий мощных коней» = ос. *æfsurg* | *æfsorg* (из *aspurg*) 'легендарная порода коней', может быть сюда же Ἄψώγας (Ο), вл. Ἄψόργας = *afsoḡ*; см. *ugra*;
- ↳ *Asparuk* имя основателя болгарского государства на Балканах (нач. VI века), тюрка, но носившего иранское (скифское) имя; во второй части — *ruk*, др. иран. *rauika*, *rauča*, 'свет', 'светлый', стало быть *Asparuk* означает «светлый конь» или «имеющий светлых коней»; ср. гр. Λεύκιππος; сюда же Ἄσπυροῦβις, питиахш в Грузии II—III в. (С. Каухчишвили. Сообщ. Груз. Акад. Наук, II, 1941, стр. 169); армянское *Asp̄irak* (Justi, 47) представляет, надо думать, перестановку *Asparuk*; другую метатезу того же имени мы видим в имени грузинского царя III в. *Aspagur* из *Asparug* (Brosset, I, стр. 78—82); ср. ниже Ἄσφόρουγος;
- ↳ Ἄσφόρουγος (Ο) = *asfarug*, дальнейшее звуковое развитие имени *asparuk* (см. выше);
- ↳ Ἄσπάνδανος (Г) = *asp-andan*, где *andan* 'сталь', 'стальной': *aspandan* «стальноконный»; см. *andān*;
- ↳ Βόρασπος (Г); первая часть = ос. *bor* 'желтый', 'буланый': «имеющий буланых коней» (Фасмер, 36);
- ↳ Βαίώρασπος (Г) = др. иран. *baivar-aspa* «многоконный»; ср. ос. *bevræ* 'много' (Фасмер, 35);

¹ Мы не приводим здесь топонимических следов пребывания асов в Молдавии (город Jasi, Яссы, Аскый торг), в Крыму (Böjuk As, Kučuk As, Temeş As и др.), так как они относятся, возможно, к более поздним эпохам.

- ↳ Βανάδαστος 'царь сарматского племени языгов' (Дион Кассий) = др. иран. *vanat-aspa* «победокопный», от *van* 'победить' (Фасмер, 35);
- ↳ (...) λόραστος (Т); первая часть неразборчива.
- aspaina** (?) 'железо', афг. *ōsraṇa*, *ōsrīna*, пам. *šrōn*, *spin*, ос. *æfsæn*, *æfsæjnag*, согд. **spn*-:
- ↳ *Ὀσπίναζος (О) может быть из *Ὀσπίβαζος = *aspaina-bāzi* = ос. *æfsæn-bazyg* «железнодорожный» (ср. Фасмер, 46, а также MSL 23, 133).
- ašta** 'восемь', ос. *ast*, др. иран. *ašta*-:
- ↳ Ἀρδόναστος (Т) = ос. *aerdun-ast* 'имеющий восемь луков'; см. *druna*.
- ↳ Χάραξτος (Т), Κάραστος (О), Κάραξτος (О) = *xar-ašt* или *xarak-ašt* «имеющий восемь ослов»; число 8 имело в старосетинском особое значение; об этом говорит между прочим способ обозначения 'девяти': *far-ast* букв. «за восьмью», «сверх восьми».
- ātar**, **ādr**- 'огонь', авест. *ātars*, вин. п. *ādrəm* 'огонь', ос. *art*:
- ↳ Ἀρδάμων (О)? для второй части (αμων) можно указать на ос. *amond* 'счастье', *amonun* 'указывать, предсказывать'; ср. по образованию ос. *Was-amongæ* название чудесной чаши в нартовских сказаниях;
- ↳ Ψευδαρτάκη 'название священного места в Скифии' (Стефан Визант.); Маркварт исправляет в Ψευδαρτάκη и читает *fsand-art* 'священный огонь', где *fsand* — закономерное для осетинского развитие др. иранского *spanta*- 'священный', хотя и неупотребительное в современном осетинском (Фасмер, 57).
- auruša** 'белый', авест. *auruša*, ос. *ors*:
- ↳ Ἀορσοί 'сарматское племя', 'аорсы', «белые»;
- ↳ Ἀλανορσοί 'сарматское племя', 'аланорсы', «белые аланы»; возможно сюда же Ὀρσιόμιχος (Т).
- āv** вода, см. *āp*.
- avd** 'семь', см. *hapta*.
- axšaina** 'синий, темносерый', др. перс. *axšaina*-, ос. *æxsin* id, *æxsinæg* 'голубь':
- ↳ Ἀξεινος в названии Черного моря Πόντος Ἀξεινος (Пиндар, Еврипид, Страбон) «синий Понт», переосмыслено впоследствии в греческое Πόντος Εὐξεινος «гостеприимный Понт»; это остроумное разъяснение принадлежит Фасмеру;¹

¹ Acta Universitatis Dorpatensis, серия В, I, № 3. Переименование Ἀξεινος в Εὐξεινος было «магической антифразой»: иранское *axšaina* 'синий' в греческой передаче стало осмысляться как *ἄξεινος* 'негостеприимный'. Такое название звучало для греческих мореходов зловеще, и они переделали его в *εὐξεινος* 'гостеприимный'.

↳ Χαράξηνος (O) = *xar-axšen* «темносерый осел» (др. иран. *xara-*, ос. *xæræg* 'осел'); такое имя могло не заключать ничего унижительного; ср. перс. *gūr* 'дикий осел' как украшающий эпитет царя (*Bahrām-Gūr*); давались подобные имена и с магическими целями, чтобы сделать ребенка непривлекательным для злых духов; такого происхождения, напр., осетинское имя *Kuzæg* от *kuz* 'собака'.

az 'гнать', 'править', авест. *āz-*:

↳ Νάβαζος (Γ) = др. иран. *nav-āza-* 'кормчий', 'управляющий кораблем'; см. *nav* 'корабль' (Фасмер, 45).

bad- 'сидеть', вероятно из древнеиранского *ura-had-* (Миллер), ос. *badin* 'сидеть':

↳ Βάδαγος (O) = ос. *badæg* 'сидящий' (до сих пор употребляется как собственное имя); сюда же Βάδαχης (O) (Фасмер, 35).

baga 'бог', др. перс. *baga-*, авест. *baγa-*; в осетинском не сохранилось:

↳ Βάγης (Γ), сокращенная форма какого-то имени, содержащего *baga*, напр. *Bagadata* 'богоданный' и т. п. (Фасмер, 35); сюда же, возможно, Βάγιος (Γ).

baivar 'много', «10.000» → *bevar* → *beor*; ос. *bewræ*, авест. *baēvar-*:

↳ Βαίώρασπος (Γ) = др. иран. *baivar-aspa* «многоконный», «имеющий много коней» (Фасмер, 35); см. *aspa*;

↳ Βαίωμαίος (O) = др. иран. *baivar-māya* «многорадостный» (др. иран. *māyā-* 'радость');

↳ *Beorgus* (*Beorgor*) 'аланский царь, вторгшийся в Италию в V веке' (Кассиодор, Иордан и др.) = др. иран. *baivar-gan* «имеющий много крупного скота» (Фасмер, 36); см. *gan*;

↳ Βωρόφαζος (O) вероятно неточная передача старо-осетинского *bewrā-fsad* «имеющий много войска»; колебание между δ и ζ наблюдается и в других случаях, напр. Χοζίαχος рядом с Χοδίαχος; см. *spāda* 'войско';

↳ Ούμβηρούρος (O) = *xim-bewar* «многопашенный», «имеющий много пашен»; ср. ос. *xim* 'пашня'; см. *hurma*;

↳ Ἄρδαβούροις 'имя трех византийских полководцев аланского происхождения' (Феофан Малала), возможно = староосет. *ard-bewræ* «носитель многого ard'a»; см. *arta*;

↳ Βευραζούρια 'женское имя' Мцхет, ок. IV в. (С. Кауччишвили, Сообщ. Груз. Акад. Наук, IV, 1943, стр. 577 сл.) = ос. *bewræ* + основа глагола ос. *zurun* |

Совершенно также итальянские моряки переделали *malacia* (от греч. *μαλακία* 'штиль') в *bonacia*, т. к. в *malacia* им слышалось *malus* 'дурной'. Римляне обратили *Maleventum* (от гр. *μάλοντα* винит. пад. «яблоневый сад») в *Beneventum*. В южнофранцузском *marrubi* (названии растения) обратилось в *bon-rubi*. См. W. H a v e r s. *Neuere Literatur zum Sprachtabu*, Wien, 1946, стр. 137.

zorun 'говорить'; почтенная дама называлась «многоречивой».

bala 'военная сила', 'дружина', др. инд. *bala-*, ос. *bal*:

- ↳ Πάλοι 'скифское племя' (Диодор Сип.);
- ↳ Οὐαστόβαλος (Т) *varzta-bala* 'любимый дружиной';
- ↳ Οὐαρζβάλαχος (Ο) = стар. ос. *warz-bal* 'любящий дружину' или 'любимый дружиной'; см. *vārz* 'любить' (ср. Миллер. Эпиграфические следы..., ЖМНП, 1886, окт., стр. 254).

bānu 'свет', 'день'; авест. *bānu-*, ос. *bon* 'день', 'сила', 'мощь', 'богатство', аланское *ban* (παν) в аланском приветствии *ταπαρχας* (*tā ban xwarz*) 'добрый день' у византийского писателя Цеца (см. ниже, стр. 256):

- ↳ Βάνας (Π);
- ↳ *Sangibanus* 'аланский царь V в. в Галлии (Иордан) = *čang-i-ban*, ос. *cong-i-bon* «имеющий мощь (*bon*) в руке (*cong-i*)»; см. *čang* 'рука'.

basta 'место', 'страна', см. *upasta*.

baxš- 'наделять', 'быть наделенным', авест. *baxš-*:

- ↳ Βάξαρος (Ο) «наделяющий» или «наделенный».

baxta 'удел', 'счастье', авест. *baxta-*, может быть в осетинском *bæḡdawæn* 'удел', 'долг', 'ответственность':

- ↳ Βάγδοχος (Т) = *baxta-vahu* «имеющий хороший удел», «счастливым» (Фасмер, 35); см. *vahu* 'хороший';
- ↳ Βαγδόσαυος (Т) = *baxta-syāva* «имеющий черный удел» см. *syāva*.

bāzu 'рука', 'плечо', авест. *bāzu-*, ос. *bazug*:

- ↳ *Bazuk* 'осетинский предводитель I—II в. н. э.' по грузинской хронике (Brosset, 65—70);
- ↳ *Ambazuk* 'осетинский предводитель I—II в. н. э., брат *Bazuk'a*' (Brosset, *ibid.*); *Bazuk* = ос. *bazug* 'плечо', *Ambazuk* = ос. *ambazug* 'равноплечий';
- ↳ Σωχούβαζος (Ο); в первой части *σωχ* мы видим перестановку из *xos* 'сухой'; ср. в дигорском диалекте осетинского языка *suxæ* 'сухой' (*suxæ zmesæ* 'сухой песок') рядом с *xusæ*; во второй части *bāzu* 'рука' (Фасмер, 53); имя может означать, стало быть, «сухорукий»;
- ↳ Οὔργβαζος (Ο); во второй части *bāzu*; первая неясна: «волчий» (*varka*)? «мощный» (*ugra*)? ср. Фасмер, 47.
- ↳ Ὀσπίμαζος (Ο) из *Ὀσπιβαζος = ос. *æfsæn-bazug* 'железнодорожный', см. *asrainā* 'железо' (?).

binc- 'муха', ос. *bingæ*; ср. древневерхненем. *bini* 'пчела';

- ↳ Βενξεί (Π) 'женское имя', зват. падеж; ос. *bingæ* 'муха' встречается как женское имя; ср. Фасмер. 36.

bor(a) 'желтый', 'рыжий', 'буланный', ос. *bōr*, перс. *bōr* 'бурый':

↳ Βόρος (на вазах, Фасмер, 36), ср. собств. имя *Boræ-Færnug* в нартовском эпосе;

↳ Βόραχος (Γ); *bor* + суффикс *-ak* (Фасмер, 36);

↳ Βόρασπος (Τ) «имеющий буланных коней» (Фасмер, 36); см. *aspa* 'лошадь'.

brātā 'брат' → *vrada*, ос. *ærvad*, авест. *brātā*, др. перс. *brātā*:

↳ Βράδαχος (Π) = *brātaka* «братец» (Фасмер, 36).

brin- 'стричь' → *vrin* → *ivn*; ос. *ælvinn*, *ilvinn* 'стричь', *ælvīd*, *ilvīd* 'стриженный', авест. *brin-*, др. инд. *bhrīn-*:

↳ Ἰρβις, род. пад. Ἰρβιδος (Τ) = ос. *ilvīd* 'стриженный'.

čāgār 'раб' (?) ос. *caġar*, нехл. *čākar*, перс. *čākar*:

↳ Θιάγαρος (Τ) (Фасмер, 40); сочетание *θi* в этом имени и в нескольких других представляет, повидимому, попытку передать аффрикат *č*;

čang 'рука', 'le bras'; ос. *cong*, перс. *čang*:

↳ *Sangibanus* 'аланский царь V в. в Галлии' (Иордан) — *čangī-ban* = ос. *congī-bon* «мощь руки», «обладающий мощью руки», см. *bāni*; латинское *s* передает здесь, как мы думаем, аффрикат *č*.

čarma 'кожа', ос. *carm*, авест. *čarəman-*:

↳ Θιάρμαχος (Τ) = *čarm* + *ak*, что могло означать «кожевник» (Фасмер, 40), *θi* = *č*, ср. выше *čāgār* = Θιάγαρος.

čyav- 'итти', ос. *cauin*, авест. *šyāv-*:

↳ Ζάβαχος (Τ), Ζαβήγιος (Γ) = ос. *cawæg*, *zawæg* 'ходок' (Фасмер, 39); ср. *Zawæg* имя основателя Владикавказа, по-осетински называемого *Zawægi ġaw* «селение Дзавага»; иную передачу того же имени мы видим в Θιάβωγος (Τ); третьим мыслимым способом передачи аффриката *č* греческим письмом мог быть *σ*, что вероятно мы имеем в Σαυώνων (Τ) = ос. *cawənon* 'охотник' от того же корня *cau-* 'ходить'.

¹ **dā-** 'устанавливать', 'создавать', 'творить', др. инд. *dhā-*, авест. *dā-*:

↳ Παράδατα 'царствующая скифская династия' (Геродот) = *para* + *dāta* «предустановленный» (Фасмер, 15); см. *paradāta*.

↳ Ὀδατις 'женское имя' (Athenaeus, XIII, 36) = др. иран. *hu-dātā* 'хорошо сотворенная' (Фасмер, 45); см. *hu-*.

² **dā-** 'давать'; ос. *dædtun*, авест. *dadāmi* 'я даю':

↳ Δάδαγος (Ο); ср. ос. *dædtæg* 'дающий', 'щедрый' (Фасмер, 37);

dantā 'зуб', авест. *dantan-*, ос. *dændag*:

↳ Δανδάχη место на юго-западном побережье Крыма (Птолемей,

Аммиан Марцеллин) = староос. *dandāk*, ос. *dændag*; речь шла, надо думать, о каком-то зубовидном выступе или мысе (Фасмер, 70);

Δανδάξαρδος (Березань) = *dandāk-sart*, где вторая часть = ос. *sart* 'долото', «имеющий зубы, как долото»; можно также видеть во второй части иранское *xšadra* 'власть', 'царство', 'сила' и пр. (Миллер; Фасмер, 38).

dānu 'река', авест. *dānu-* 'река', ос. *don* 'вода', река'. В отличие от осетинского, где значения «вода» и «река» совпали в одном слове *don* (из *dān*), в скифском для «воды» было другое слово, см. *ār*:

- ↪ Τάναϊς 'название реки Дон' (Геродот, Страбон), русск. *Дон* (из *Дан*); субституция τ вместо δ имела место, повидимому, и в других случаях, напр., в имени скифского родоначальника Ταργίταος = *darǵa-tava*; от реки получила свое название греческая колония на ее берегу Τάναϊς 'Танаида' (Фасмер, 74);
- ↪ Δάναπρις 'название реки Днепр' (Анонимный Перипл и др.), русск. *Днепр*, старослав. *Днѣпръ*; разлагается на *dān + āpr*, где вторая часть = скифскому *arp* в Ἀρποξαις 'имя одного из скифских родоначальников' и осетинскому *arf* 'глубокий': *dān-āpr* 'глубокая река'; см. *āpra*;
- ↪ *Danaster*, *Danastrus*, Δάναστρις, 'название реки Днестр' (Аммиан Марцеллин, Иордан, Константин Багрянородный), русск. *Днестр*, старослав. *Днѣстръ*; разлагается на *dān + Istr* 'река Истр'; ср. Ἰστρος 'старое (фракийское) название Дуная'; подобный перенос названия с одной реки на другую — обычное явление; ср. две Двины, два Буга и др.; ср. Фасмер, 62 сл.;
- ↪ Δανούβιος (Аристотель, Птолемей, Страбон), *Danuvius* (Цезарь, Тацит, Плиний) 'название реки Дунай';
- ↪ Οὐαρδάνης 'река Кубань' (Птолемей) = *varu-dānu* «широкая река»;
- ↪ Δανδάριοι (Гекатей, Страбон, Фн), *Dandarii* (Плиний) 'название народа в области нижней Кубани и Меотиды', из *dān + dār* «держатщие реку», т. е. владеющие приречной областью: ср. *Dandarum* 'название стоянки на берегу бугского лимана'; совпадение не случайное: и Ю. Буг, и Кубань известны древним под одним и тем же названием Ἰπανίς (Ипанис); можно думать, что название *dān-dār* «рекодержцы», повторяющееся и на Кубани и у Ю. Буга, относилось к одному и тому же племени; ср. Фасмер, 38, 65;

↳ Δαναράζμαχος, Δαναράσμαχος (Г); во второй части вероятно имя *Varazmak*; см. *varāza* 'кабан'.

dar- 'держать', 'владеть', 'носить (о платье)', авест. *dar-*, ос. *darun*:

↳ Δανδάριοι, *Dandarii* 'название народа', букв. «владеющие рекой», см. выше;

↳ Σαυδάρатаи 'племенное название' (O) = ос. *Sawdaratae* форма множеств. числа от осетинского *sawdar* «носящий черное»; ср. ос. родовое название *Ældaratae* от *ældar* и т. п.; стало быть Σαυδάρатаи «носящие черную одежду», Μελάγγλαινοι (Фасмер, 51);

↳ Ἄρδαρος (Г, П, Г, Ф) = ос. *ærdar* 'господин', 'князь' из *ærm-dar* 'рукодержец', 'Handhaber'; см. *arma*, *ardār*;

↳ Σαγάραρες 'племя на Дунае' (имп. Юлиан) = *sāka-dāra* = ос. *sag-dar* «имеющий оленей»;

↳ Ἄβδάραχος (Г) = *āv-dārak* 'поющий водой'; ср. современное осетинское *don-daræg*, так называют того, кто поит лошадей, скот; другое менее правдоподобное толкование: ос. *avd-arag* «рождающий семерых» (Фасмер, 30); см. *ār*.

↳ Σανδάρζιος (Г) = ос. *sen-dar* 'виновладелец'? ζ = суффиксу *s* из *ti* (как *bærc* от *barun* 'мерить' и т. п.) (?) см. *sana* 'вино'.

darana ср. ос. *daræn kænun* 'сокрушать', 'громить', др. инд. *dar-* (*drnāti*) 'рвать', 'раздирать', русск. *депу*, *драть*, гр. *δέρω* 'сдирать':

↳ Φαλδάρανος (Г) = *pari-darana*, стар. ос. *fældæræn* «сокрушитель» (?).

dargā 'длинный', 'долгий':

↳ Ταργίταος 'легендарный родоначальник скифов' (Геродот) = др. иран. *dargā-tava* 'долгомошный' (?); для субституции τ (вместо δ) ср. *Τάνας* = Дон (Фасмер, 17).

dasa 'десять', авест. *dasa*, ос. *dæs*:

↳ Μάυδασος (Г) может быть = стар. ос. *man-das* «(имеющий силу) десяти мужей», или «Decemvir».

druna 'лук (оружие)', авест. *druna-*, ос. *ærdun*:

↳ Ἄρδονάγαρος (Г) = ос. *ærdun-ægær* «имеющий избыток луков» (?); см. *agar* 'чрезмерный', 'избыток';

↳ Ἄρδοναστος (Г) = ос. *ærdun-ast* «имеющий восемь луков»; см. *ast* 'восемь'.

dvara 'дверь', 'ворота', авест. *dvara-*, ос. *duar*:

↳ Δουάραγος (Березань) = ос. *duar* + суффикс *-ag*; такое имя могло означать «привратник» (Фасмер, 38)

farna 'небесная благодать, благоденствие' и пр; др. перс. *farna-*, авест. *hvarəna-*, ос. *farn*; подобно *arta* и *xšadra* — полурелигиоз-

ное понятие; широко представлено в скифских собственных именах:

а. без суффикса:

↳ Φάρνης (Π) (Фасмер, 55); ср. ос. фамилию *Færniate*;

↳ Φαρνόςαρδος (Τ) = др. иран. *farna-xšadra* (Фасмер, 55); см. *xšadra*;

↳ Ἀριφάρνης (Диодор Сиц.) = *arya-farna* «носитель арийского *farn'a*» (Фасмер, 33); см. *arya*;

↳ Σαίταφάρνης (Ο) 'имя скифского (сарматского) предводителя' (Ο) = *Saita-farna* «носитель *farn'a* племени сайев»; ср. Σαῖοι 'сарматское племя' (Ο); *Saita* — форма множественного числа от этого племенного названия *Sai*; см. ниже, стр. 219 сл.

↳ Μαίφαρνος (Ο) = ос. *mæi-farn* «носитель лунного *farn'a*» (Фасмер, 43); см. *mah* 'луна';

↳ Χόφαρνος (Τ) = др. иран. *hu-farna* «носитель хорошего *farn'a*» (Фасмер, 57); см. *hu-* 'добрый', 'хороший' (в сложных словах);

↳ Κόφαρνος (Τ); ошибочное написание вместо Χόφαρνος, см. выше;

↳ Οὐατάρνης 'божество', надпись на амулете из Кубанской области (Kondakov-Tolstoi-Reinach, *Antiquités de la Russie Méridionale*, 180) = *vača-farna*, см. *vāč-* 'слово, как божество'.

↳ Ὀροφέρνης (Π) = *aurva-farna* (?) (Фасмер, 46); см. *arvant*;

б. с суффиксом *-ak*, *-ag*:

↳ Φαρνάκης (многократно: Π, Γ, Τ, Χ) (Фасмер, 55);

↳ Φάρναχος (многократно Ο, Сев. Кавказ) (Фасмер, 55);

↳ Φαρναχίων (Π, Γ) (Фасмер, 55);

↳ Πιτφαρνάκης (Тирас), Πιτόφαρνάκης (Τ) = *pit-farn-ak* «носитель отцовского *farn'a*» (Фасмер, 48), ср. осетинское выражение *fidi farn* «отцовский *farn*»; см. *pitā* 'отец';

↳ Εὐβαρνάκης (Τ) элинизация скифского *hu-farnak* «носитель доброго *farn'a*»; озвончение *f* → *v* после сонорного закономерно; ср. ос. *Von-værn-on* (из *Von-færn-on*) планета Венера, букв. «вестница дневного *farn'a*»;

в. с суффиксом *-ug*:

↳ Ξη Φαρνούγος 'имя иберского царя II в. н. э.' (Γ. Церетели. Армазская билингва, Тбилиси, 1942); ср. ос. *færniug* 'наделенный *farn'ом*', *Voræ-Færniug* 'один из героев нартовского эпоса'; для первой части имени иберского царя (Ξη) см. *xšay*.

farzev- 'хлебосольный' (?), ос. *farzeiv* (*pari-j'iva*):

↳ Φάρζης (Ο); хотя этимология не вполне очевидна, разительное совпадение с дигорским *farzeiv* 'угощение', 'хлебо-

сољство', 'хлебосољный' дает право включить это имя в наш глоссарий; ср. ос. *zew* 'общественная работа (помочь) и сопровождающее ее угощение'.

fasm- 'подражать', (из *pas-tru*?), ос. *fæzmin*:

↳ *Χόφραζμος, Χόφρασμος* (Т) может быть метатеза из *Χόφραζμος* = ос. *xor-fæzt* «подражающий солнцу», «подобный солнцу».

fedan 'будущий', ос. *fedæn*:

↳ *Φηδάναχος* (Т) = ос. *fedæn-ag* «кому суждено будущее»; основа ос. *fed-* восходит, возможно, к др. иран. *pati-dā-*.

fid- 'отец', см. *pitā*.

fli- 'любить', см. *fri-*.

fliman 'друг', см. *friman*.

frāk- 'рано', 'ранний', др. инд. *prāk-*, ос. *rag-*:

↳ *Σεράχος* (Фн) = ос. *sæw-rag-* 'утро', 'утренний'; ср. ос. *sæw(mæ)-ragi* «рано утром»; см. *sava* 'утро'.

frasauka 'чистый', 'прозрачный' (*sauka* 'огонь' + приставка *fra*), ос. *ræsog, ræssog*:

↳ *Ῥάσσογος* (Т) (Фасмер, 49); см. *sauka*.

fratama 'первый' → *radam-*, др. инд. *pratama-*, авест. *fratama-*, согд. *prt̄m*; в современном осетинском *ficcag* 'первый' представляет новое образование от *finz* 'нос' («носовой», «передний»); слово *finz*, по всем данным, кавказского происхождения; в староосетинском должно было быть другое, иранское, слово для «первый»; нижеприводимые скифские имена делают почти несомненным, что этим словом было *radam-*, вышедшее из древнеиранского *fratama*:

↳ *Ῥαδαμφοῦρος* (Т) = *radam-furt* = др. иран. *fratama-pudra* «первый сын», «первенец» (Фасмер, 48); см. *pudra* 'сын';

↳ *Ῥαδαμσάδης* 'царь Боспора' = *radam-sad-* = др. иран. *fratama-šyāti* «первая радость» (Фасмер, 48); см. *šāti* 'радость';

↳ *Ῥαδάμασις* (Π) = *radam-as-* «первый среди асов», см. *as* 'скифское племя';

↳ *Ῥαδάμειστος* (Т, Φ) = *radam-mizd* = др. иран. *fratama-mizda* «получающий первую награду» (Фасмер, 48); это же имя носил сын иберского царя Фарасмана, *Radamistus* (Тацит); см. *mizda* 'награда', 'вознаграждение';

↳ *Ῥαδάμων* (Ο), вторая часть (*μων*) не ясна (Фасмер, 48);

↳ *Ῥαδαμψῶν* (Ο); вторая часть (*ψῶν*) не ясна (Фасмер, 48).

fri- 'любить' → *fli* → *li*: др. инд. *prī-*, авест. *frī-*;

↳ *Φλίανος* (Ο) = др. иран. *frūāna-* «любимый» (Фасмер, 55).

friman 'друг' → *fliman* → *liman*, ос. *limæn*; др. инд. *preman-*; от корня *fri-*, *pri-* (см. выше):

- ↳ Φλιμάνναχος (O) = *fliman* + суффикс *-ak* (Фасмер, 55);
- ↳ Φλείμνυχρος (O) = *fliman* + суффикс *-ag* (Фасмер, 55);
- ↳ Λείμναχος (Т, П) = ос. *limæn* (Фасмер, 43);
- ↳ Λίμναχος (Г) = ос. *limæn* + суффикс *-ak*, дальнейшая фонетическая эволюция имени Φλιμάνναχος (Фасмер, 43).

fud 'дурной', ос. *fud* id., к др. иранскому *puṭa* 'гнилой':

- ↳ Φόδαχος (Т, Фн) = *fud* + суффикс *-ak* или ос. *fudwag*, *fudag* 'шалун' (Фасмер, 55).

¹fur- 'много' см. *ragu-*.

²fur- 'баран', ос. *fur*:

- ↳ Φόρος (Т) Фасмер, 55.

furt 'сын', см. *puṭra*.

gar- 'бодрствовать', авест. *gar-*, ос. *ǰal* 'бодрствующий':

- ↳ Ἄγαρος 'скифский царь' (Диодор Сиц.), Ἄγαροι 'скифское племя' (Аппиан) = *ā-gar-* 'бодрствующий' (?)

garu 'тяжелый' (?), др. инд. *guru*, авест. *gouru-*:

- ↳ Γοργόσας (Г) = *garu-gauša* «тугоухий» (?) (Фасмер, 37); см. *gauša* 'ухо'.

gasti 'гость', это слово, хорошо известное в славянских и западноевропейских языках, не сохранилось, кажется, в других иранских языках; в осетинском имеем также другое слово для 'гостя' *wagæg*; принимая во внимание исконную близость скифского к славянскому и европейскому миру, мы имеем достаточное основание предполагать в нем существование слова *gasti* 'гость':

- ↳ Γάσταις. Γάστης (встречается многократно Г, П).

gau 'корова', 'бык'; авест. *gao-*, ос. *ǰog* (из *go-ka*):

- ↳ Γάος (Т)? (Фасмер, 36);
- ↳ Γώαρ 'аланский предводитель V в.' (Олимпиодор) = *go-ar* «добывающий скот»; см. *ar-* 'находить', 'добывать';
- ↳ Ἄγαυοί 'скифское племя' (Гомер и др.) = *a-gau-* «не имеющий коров»; не потому ли Гомер (Илиада 13, 5) называет их «доителями кобылиц», что лошади заменяли для них крупный рогатый скот?
- ↳ *Beorgus* (*Beorgor*) 'аланский царь V в.' = *beur-go* «имеющий много крупного скота» (Фасмер, 36); см. *baivar* 'много'.

gauna 'шерсть' → *gun*, авест. *gaona-* 'масть, цвет', ос. *ǰun* 'шерсть':

- ↳ σαχυνδάχη 'скифская одежда' (Гесихий) = *sak-gun-dak*, ос. *sag-ǰun-dag* 'одежда из оленей шерсти'; см. *āka* (ос. *sag*) 'олень' и *tag*, *dag* 'нить' в ос. названиях тканей: *ǰæl-dag* 'шелк', *kættag* (из *kæn-tag*) 'полотно'.

gauš- 'слышать', авест. *gaoš-*, ос. *ǰusun* | *ǰosun*:

- ↳ Γώσαχος (Т) = ос. *ǰosæg* «слышащий» (Фасмер, 37); ср. ос.

Qusaeg имя одного из сыновей осетинского царя Алгуза (XIV в.).

gauša 'ухо', авест. *gaōša-*, ос. *gos*:

↳ Γόσων (X) (Фасмер, 37);

↳ Γοργόσας (Γ) = авест. *gouru-gaōša* т. е. «тугоухий» (?) (Фасмер, 37)

↳ Ῥαδάγωσος (Ο) = др. иран. *fraða-gauša* 'широкоухий' (?) (Фасмер, 49).

gav- 'нуждаться', 'потреблять', согд. *γw-*, хорезм. *γw-*, ос. *ǰawin* 'потреблять':

↳ Φοργάβλακος (Τ) = ос. *fur-ǰawæg* «много потребляющий» (Фасмер, 55).

guta 'мысль', ос. *ǰud*, *ǰudi.*, вероятно прош. прич. от предыдущего глагола:

↳ Γωδίγασος (Τ) = ос. *ǰud-igas* «здравомысль»; см. *akāsa*, ос. *igas* 'цельный, здоровый';

↳ Γοδόσαυος (Τ) = ос. *ǰud-saw* «чернодум» (?); см. *syāva*, ос. *saw* 'черный';

↳ Εἰσγούδιος (Π) = ос. *jes-ǰudi* «обладающий мыслью», букв. «у кого мысль (*ǰudi*) имеется (*jes*)».

ham- приставка, обозначающая совместность, соответствие и т. п., авест. *ham-*, ос. *aem-*:

↳ *Ambazuk* 'осетинский предводитель I—II в. н. э.' (Brosset, 65—70) = *aem-bazug* «равноплечий»; см. *bāzu* 'плечо', 'рука';

↳ Ἄμβουστος (Τ) = *am-buzt* «возвеличенный» (?); сюда же языгское имя *Ambustan*; ср. ос. *a-buz-un* 'расти, увеличиваться';

↳ Ἀμάρταστος (Τ) = ос. *aem-aertast* (?); ср. ос. *aertasun* 'отбирать, выбирать'; скиф. *amartast* «избранный» (:); ср. Фасмер, 31;

↳ Ὀμράσμακος (Τ) = др. иран. *ham-rasma-ka* «стоящий в том же боевом ряду» (Фасмер, 46).

hamara 'враг' (?), др. перс. *hamara-*:

↳ Ἀμωρόμαρος (Ο) = *hamara-mār* «врагоубийца» (?); ср. Фасмер, 32; см. *mar-* 'убивать'.

hapta 'семь' → *aft* → *avd*, ос. *avd*, авест. *hapta-*:

↳ Ἀφθαίμαχος (Τ), Ἀφθειμάχος (Τ) = *hapta-ma-ka* = ос. *avdæ-imag* 'сдьмой'; скифское имя соответствует латинскому *Septimius* (Фасмер, 34);

↳ Ἀρδάβδα 'аланское название города Феодосии в Крыму' (Анонимный Перипл V в. н. э.) = ос. *ard-avd* «место, посвященное семи arđ'ам», т. е. семи божествам, как правильно переводит автор Перипла: ἐπτάθεος «семи-

божный»; ср. в Осетии место, называемое *avd-zuary* «место семи *zuar*’ов» (*zuar* ‘небесная сила’, ‘божество’).

hatya ‘правдивый, истинный’, авест. *haiḍya-*, др. перс. *hašya-*, ос. *æcæg* (← *æcya-ka*):

- ↳ ‘Ατέας ‘скифский’ царь’ (Плутарх, Страбон) (Фасмер, 12 сл.);
- ↳ ‘Αζίαγος (O) = *aciag* = ос. *æcæg*; сюда же, возможно, ‘Αζίας (Γ), ‘Αζιαῖος (O).

hazahra ‘тысяча’ → *azar*, ос. *æzæ* из *æzæz*, авест. *hazañra-*:

- ↳ ‘Αζαρίων (Т) (Фасмер, 30).

hu- ‘хороший’, ‘добрый’ (в сложных словах), греч. εὖ-:

- ↳ ‘Οδατις ‘женское имя’ (Athenaeus, XIII, 36) = *hu-dātā* «хорошо сотворенная» (Фасмер, 45); см. *dā-* ‘создавать’, ‘творить’;
- ↳ Οὐστάνος (Т, Π) = др. иран. *hu-stāna* «хорошо сложенный» (ср. Фасмер, 47); см. *stāna*;
- ↳ Χόμευος (Т) = *hu* + ос. *meuæ* ‘занятне’, ‘работа’: «искусный в работе»; см. *maiva*;
- ↳ Χόδαινος (Т) = др. иран. *hu-daina* «имеющий добрую веру», к др. иранскому *daina* ‘вера’, ‘религия’; ср. Фасмер, 56;
- ↳ Χόφαρνος (Т) = др. иран. *hu-farna* «носитель доброго *farn*’а» (Фасмер, 57); см. *farna*.

hurma ‘пашня’, ос. *xumæ*; подробнее об этом слове см. Н. W. Bailey, *Asica* (согд. *xwrm*):

- ↳ Οὐμβηούαρος (O) = *hurm-bevar* = ос. *xum-beura* «имеющий много пашен»; см. *baivar* ‘много’.

hunara ‘способность’, ‘дар’, авест. *hunara-*:

- ↳ Χούναρος (O), очевидно в значении «одаренный» (Фасмер, 57).

huška ‘сухой’, ав. *huška-*, ос. *xusk’*:

- ↳ Φύσκη ‘приморский город восточнее устья Днестра’ (Пто-лемей), ныне «Сухой Лиман»; ос. *xusk’* обозначает специально сухую бесплодную землю; начальное Ф в греческом — народноэтимологическое приспособление: греч. φύσκη ‘пузырь’ (Фасмер, 64).

hvāh- ‘бить’, ‘толкать’ и пр., ос. *xwajun*; см. *razwāy-*.

hvan- ‘звать’, ‘приглашать’, авест. *hvan-*, ос. *xonun*:

- ↳ Χανίχης (Π) = *hvanaka* = ос. *xonæg* «приглашающий»;
- ↳ Χωνδίχχος (Феод.) = ос. *xundiag* «достойный приглашения».

hvar ‘солнце’, ав. *hvar-*, ос. *xor*:

- ↳ Χορόαδος (Т) (Фасмер, 56); вторая часть = *vāē*, ос. *wac*: «вестник солнца» (?)
- ↳ Χορόξαδος (Фасмер, 56); вторая часть = др. иран. *xšnātā-*, ос. *æxsad* ‘умытый’: «умытый солнцем»;
- ↳ Χόφραζμος, Χόφρασιμος (Т) вероятно метатеза из Χόρφαζμος = ос. *xor-fæzm* «подражающий солнцу», «подобный солнцу»; ср. ос. *fæztun* ‘подражать’.

hvar- 'повреждать', 'ранить', ос. *æv-xwærun* 'обижать', 'наказывать', *av-xwælcæ*, *æv-xælc* 'повреждение', авест. *xvara-* 'рана', русск. *хворый*, др. в. нем. *sweran* 'причинять боль':

↳ 'Ἀνάχρασις 'знаменитый скифский мудрец' (Геродот и др.) = *ana-hvarti* (*ana-xvarci*) «невредимый»; ср. ос. *ænevælcæ*.

hvarz- 'хороший', ос. *xwarz*, *xorz* (из *hu-varz-*?):

↳ Χορσάμαντις 'массагет, копьеносец Велизария' (Прокопий Кес.) = ос. *xorz-amond-*, стар. ос. *hvarz-āmānt*: «счастливый», «наделенный хорошим счастьем»; см. *mān-*;

↳ Χορσάμανος 'массагет, копьеносец Велизария' (Прокопий Кес.) = *hvarz-āmān* «хорошо наставляющий» (?); см. *man-*.

↳ Χοαρσφάδιος(Γ) вм. Χοαρσφάδιος (?) ; ср. ос. *xwærz-fæd* «имеющий хорошее потомство»; см. *pada*.

hvata 'сам', 'свой' → *xvad* (χωδ), ос. *xwæd-*, авест. *hvata-*:

↳ Χωδάρζος (Ο) = ос. *xwæd-arc* «снабженный копьем»; в сложных словах *xwæd* означает наделенность чем-либо, напр., *xwæd-æǵdaw* «благовоспитанный» от *æǵdaw* 'обычай', *xwæd-kimnuga* «образованный», от *kimnuga* 'книга' и т. п.; Χωδάρζ = *xwædarc* «снабженный копьем» или «искусный в пользовании копьем»; это имя до сих пор живет в осетинской фамилии *Xædarcatæ*.

i определенный артикль, авест. *ya-*, ос. *i*; нижеследующие примеры доказывают, что скифский артикль *i*, как французские *le*, *la*, мог входить в состав собственных имен:

↳ *Jodmangan* 'яберский сановник II в.' (Г. Церетели, стр. 21 сл.) = *i-od-mang-an* букв. «щедрый», современное осетинское *mæng-od*;

↳ 'Ιχσα[ν]δάνηκος (Γ) = *i-as-andan-ak* 'стальной ас'; см. *andān* 'сталь' и *ās* 'сарматское племя';

↳ 'Ιώδης (Π) = *i-od*, ср. ос. *od* 'душа', 'жизнь';

↳ 'Ιωδέσμαχος (Ο) = *i-od-æsmag*; ср. ос. *æsmag* 'запах', 'дыхание' и выражение *od-æsmag zi næ jes* «в нем нет дыхания жизни».

insaz 'двадцать' см. *vinsati*.

kaina 'воздаяние', 'месть', 'возмездие', ав. *kaēnā-*, русск. *цена*, греч. *ποινή*, ос. *kenæ* в выражении *kenæ xatun* 'мстить':

Καινάχαρος (Ο) = др. иран. *kainā-xšādra* = ос. *kenæ-xsart* «доблестный (*xsart*) в мести (*kenæ*)»; несколько иное написание того же имени — Κηνέχαρος (Ο).

kāma 'рот', 'отверстие', 'открытый', 'обнаженный', ос. *kom* 'рот', 'отверстие', *gom*, *igon* 'открытый' (из *vi-kāma*), перс. *kām* 'нёбо', нем. *Gaumen* и пр.:

↳ Καμχαρύη 'женское имя' (Π) = *kāma-sara* = ос. *gom-sær* «с непокрытой головой».

кана 'конопля', ос. *gæn id.*; более старая форма *kæn* сохранилась в *kættag* 'холст', 'полотно' (из *kæntag*, ср. *tag* 'нить'); ср. также сванское (из осетинского?) *kan* 'конопля':

- ↳ *κάνναβις* 'название конопли у скифов' (Геродот, Гесихий); скрещенное слово *kan* + *piš*, где каждая часть означала «конопля» (O. Schradet. Realexikon... «Hanf»); опираясь на осетинское *kæn*, мы думаем, что именно первая часть *kan* была чисто скифской, а вторая, возможно, финской. Имя аланского царя V в. *Kandak* (Иордан), возможно = староос. *kæn-dak* «холст» («носящий холст»).

кара 'рыба' согд. **kar-*, сак. *kava*, афг. *kab*, мунджан. *kar*, ос. *kæf*:

- ↳ *Παντικίπης* 'название реки в Скифии' (Геродот, Скимн); по мнению Фасмера, 73. это же название носил у скифов Киммерийский Боспор, т. е. Керченский пролив, откуда:
- ↳ *Παντικίπαιον* 'Пантикапей', крупнейшая греческая колония, на месте нынешней Керчи; название разлагается на *panti* 'путь' + *кара* 'рыба': «рыбный путь»; поскольку речь идет о Керченском проливе, трудно было бы подобрать более удачное название: пролив этот был путем массового хода рыбы, а Пантикапей едва ли не крупнейшим в древнем мире центром рыбного промысла; см. *panti* 'путь';
- ↳ *Καφᾶς*, *Safa*, *Saffa* 'название города Феодосии в Крыму в источниках X—XV вв.'; быть может = алан. *kafa* 'рыба'; Фасмер, 72, производит, от др. иран. *kaufa* 'гора'; однако о сохранении дифтонга *au* в эту эпоху не может быть речи: он перешел в *o*, *u*, и мы имели бы *Kofa*, *Kufa*, но не *Kafa*; о более старом аланском названии этого города 'Αρδάβδα см. под словом *arta*;
- ↳ *Καφάναχος* (O) = *kaf* с наращением двух излюбленных в собственных именах суффиксов, *-an* и *-ag*; соответствующее осетинское **kæfonæg* не засвидетельствовано, но звучит вполне естественно;
- ↳ *Κέφδος* (Γ); суффикс не ясен;
- ↳ 'Ολκάβης 'скиф' (Аппиан, Фронтин) = ос. *wæl-kæf* (с озвончением *f* → *v*) «повелитель рыб» (?); ср. *upari*, ос. *wæl-* 'сверху находящийся', 'высший'; имя в целом можно сравнить с ос. *Kæsti-sær* «Глава рыб», герой нартовских сказаний;
- ↳ *σατέρδης* 'название рыбы у скифов' (Гесихий); мы исправляем в *κατέρδης* и разлагаем на *кар-erd* «светлая, блестящая рыба», ср. ос. *ird* 'светлый', 'блестящий'.

karsa 'резкий'(?), 'строгий'(?), ос. *karz*, авест. *kərəsa-* 'худой', др. инд. *krśa-*:

- ↳ *Κάρσος* (Γ) ср. Фасмер, 42;
- ↳ *Κάρζεις* (O) Фасмер, 41 сл.;

- ↳ Καρζάζος (O) = *karsa-vāc* = ос. *karz-wac* «резкий на слово», «чье слово грозно»; см. *vāc* «слово».

karta «меч», авест. *karṭa-*, ос. *kard*:

- ↳ Κάρδιος (Т, Ф);

- ↳ *Carthasis* «брат скифского царя времени Александра Македонского» (Курций Руф, см. Латышев. *Scythica*, II, стр. 131) = *kart-as* «меч асов»; см. *as* «скифское племя»

kas- «смотреть», ав. *kas-*, ос. *kæsun*:

- ↳ Κάσαχος (O), Κάσαχος (O) = ос. *kæsæg* «смотрящий» (Фасмер, 42).

kazanak «запка» (?), ос. *kʷæzænæg* id.:

- ↳ Καζάναχος (Т); неточное написание вместо Κηζάναχος (?).

kazār «дом» (?), ос. *xæzar*:

- ↳ χαζαρές «скифские дома» οἱ Σχυθικοὶ οἴκοι (Гесихий); ос. *xæzar* побуждает исправить в *κηζαρές*.

kuti «собака» → *kuc* → *kuz*, ос. *kuz*, ягноб. *kut*, русск. диал. *кутя*, *кутенок* «щенок»:

- ↳ Κουζαῖος (O); ср. осетинские собственные имена *Kuza* и *Kuzæg*; возможно, что сюда же относятся Κουσοῦς (Π) и название местности в Крыму *Κύσαιον* (Птолемей).

liman «друг», см *friman*.

madu «мед»; авест. *madu-*, ос. *mud*:

- ↳ Μάδυς (Страбон), Μεδύης (Геродот) «имя скифского царя»;

- ↳ Μάδωις (Т);

- ↳ Μάδαχος (Т); такое имя могло означать «медолюб» или «медовар»; ср. Ἀλούθαχος от *alud* «пиво» и Σάναχος от *san* «вино».

mah «луна», «месяц», авест. *māh-* ос. *mæj(æ)*:

- ↳ Μάης (Π) (Фасмер, 43);

- ↳ Μαίφαρνος (O) = ос. *mæj-farn* «носитель лунного *farn*'а» (Фасмер, 43);

- ↳ Μαιωσάρα «женское имя» (Π) = ос. *mæj-ser* «луноглавая» (Фасмер, 43);

- ↳ Στέρμις (Т) = ос. *stur-mæj* «напоминающий большую (т. е. полную) луну» (?); см. *stura* «большой».

maiša «овца»; авест. *maiša-*; в осет. не отмечено:

- ↳ Μαισης (Γ) ? (Фасмер, 43).

maiva «действие», «занятие», «работа», ос. *mewæ*, ср. др. инд. *miṽati* «он двигает», латин. *movere* «двигать»:

- ↳ Μεύαχος (Т) = *mew* + суффикс *-ak*;

- ↳ Χόμενος (Т) = *hu* «хорошо» + *mew*: «хороший, искусный в работе», др. иран. **humaiva*.

mān- глагол, выражавший различные виды духовной активности: 'хотеть', 'стремиться', 'помышлять', 'думать', 'наставлять', ос. *atopin* 'наставлять', *amond* 'счастье', *monc* 'желание', *mondag* 'охочий', *dæljimon* 'демон', авест., др. инд. *man-*:

↳ *Χορσάμαντις* 'массагет, копьеносец Велизария' (Прокопий Кесар.) = ос. *xorz-amond* = стар. ос. *hvarz-āmānt* «имеющий хорошее счастье»; см. *hvarz-* 'хороший':

↳ *Χορσόμανος* 'массагет' (Прокопий) = *hvarz-āmān* «хорошо наставляющий».

mang 'ложный', 'тщетный', 'ненадежный', ос. *mæng*; ср. лат. *mendax* 'лживый':

↳ *Jodmangān* имя иберского сановника II в. н. э. (Г. Церетели, Армазская билингва, стр. 21 сл.) = ос. *i-od-mæng-on* 'тщедушный'; ср. *mæng-od* с тем же значением.

manu 'человек, мужчина', авест. *manu-*, др. инд. *manu-* 'человек, мужчина', гот. *manna* 'мужчина', русск. *муж* (из **man-dua-*), ос. *mojnæ* (из *man-*) 'муж':

↳ *Μάνμαρος* (Π) из *Μάνμαρος* = стар. ос. *man-mar* «мужеубийца, 'Ανδροκτόνος»; для ассимиляции *manmar* → *matmar* ср. *τῆττα* «ко мне» из *mæn-tæ* и др.; см. *mār* 'убивать':

↳ *Μανίαχος* (Ο) = стар. ос. *mani-ag* «кому суждено стать мужчиной»; ср. современное осетинское *læggag* (из *lægiag*) с тем же значением, от *læg* 'мужчина'; новоосет. *læg*, кавказского происхождения, в значении 'человек, мужчина' вытеснило стар. ос. *man-*, которое удержалось только в значении 'муж' (*mojnæ*);

↳ *Μάνδασος* (Τ) = *manu-dasa* = стар. ос. *man-das*, по структуре (с перестановкой частей) = лат. *decemvir*, по значению вероятно «имеющий силу» десяти мужей»; см. *dasa* 'десять':

↳ *Μασσαγέται* 'скифское племя' 'массагеты' (Геродот), может быть = стар. ос. *man-sag-a-ta* «люди-олени» (*manu-sāka*), см. *sāka*, ос. *sag* 'олень'; для ассимиляции *ns* → *ss* ср. ос. *xissar* из *xunsar* 'юг' и мн. др.;

↳ *Ἀρδιέμικλος* (Березань) = стар. ос. *arçæ[n]-man* «человек с копьем», «копьеносец» (*aršti-manu*); см. *aršti* 'копье'.

mār- 'убивать', ав. *mār-*, ос. *marun*:

↳ *marha* 'боевой клич сарматов' (Аммиан Марцеллин), ср. ос. *margæ!* «бей! убивай! смерть!»; ср. Фасмер, 44;

↳ *σιόρπατα* «мужеубийцы», скифское название амазонок (Геродот); может быть вместо *σιρόμαρτα* = *v̄na-mār-ta* «муже-

убийцы», ср. ὀρμάτι «мужеубийцы у скифов» (Герасимий);

↳ Μάρμαρος (Π) из *mar-mar* «мужеубийца»; см. *man* 'человек, мужчина';

↳ Ἀμωρομαρος (Ο) = др. иран. *hamara* 'враг' + *mar*: «врагоубийца»;

↳ Ὀσμάρχος (Τ) = ос. *os-maræg* «женоубийца» (Фасмер, 46);

↳ Μάρδαρος (Τ) ? (Фасмер, 44);

↳ Ἀμάρδιχος (Τ); ср. ос. *amædtag* (из *amærdag* ← *a-mardi-ag*) 'жертва'.

marz- 'мести', 'сметать', авест. *marəz-*, ос. *mærzun*:

↳ Μάρζαχος (Π) = ос. *mærzæg* «сметающий» (Фасмер, 44).

masta 'гневный', 'ярый' прош. прич. от *mad-* 'возбуждаться', авест. *masta-*, ос. *mæsti*, *mæst-gun* id., перс. *mast* 'опьянение', 'пьяный':

↳ Μάστας (Π) (Фасмер, 44);

↳ Μαστοῦς (встречается многократно Т, Π, Γ).

mātā 'мать', авест. *mātā*, ос. *madæ*:

↳ Μάδα (Π) 'женское имя' (Фасмер, 43).

matuka 'саранча', ос. *mætuk*, авест. *maḍaha-*:

↳ Ματοχέται 'скифское племя' (Гекатей по Стефану Визант.) = *matuka* + показатель множественности *ta*; вероятно тотемическое название как Σάκκι, Οὐρῶι и др.

maz(a) 'большой', 'великий', ав. *maz-*, в осет. не засвидетельствовано:

↳ Μάζις (Π) (Фасмер, 43);

↳ Μάζις 'женское имя' (Лукиан) (Фасмер, 43);

↳ Ἀτταμάζας (Γ), Ἀτταμάζας (Γ) = ос. собств. им. *Acætæz* (нартовский эпос); в первой части *vḗ* 'слово' (с утратой *v*) ?

↳ Ὀσπίμαζος (Ο), первая часть (*οσπι*) не ясна; ср. Фасмер, 46.

mizda 'вознаграждение' авест. *mizda-*, ос. *mizdæ*, старослав. *мъзда*, греч. μισθός:

↳ Ῥαδάμιστος (Γ, Фд), *Radamistus* иберский царевич (Тацит) = *radam-mizd* = др. иран. *fratama-mizda* «получающий первую награду» (Фасмер, 48); см. *fratama* 'первый'.

mrga 'птица', авест. *marəga-*, ос. *marǵ*, и рс. *mirǵ*:

↳ Μυργέται 'скифское племя' (Гекатей, по Стефану Визант.) = *mrga* + показатель множественности *ta*; такое племенное название могло иметь тотемическое происхождение.

wuka 'сперма', 'семя', 'порода' (?), ос. *muǵæ* 'семя', *muǵǵag* 'порода', греч. μύζα, лат. *mucus* 'слизь':

↳ Μουγίσαχος (Ο), с перестановкой частей = ос. *sag-muǵǵ-ag* «оленьей породы»; см. *saka* 'олень'.

nāma 'имя', авест. *nātā*, ос. *nom* (из *nām*):

↳ Φαζίναμος (Г многократно), Φαδίναμος (Г) = иран. *pati-nāma*- (?) (Фасмер, 54);

nāmgen (*nām* + суффикс *-gen*), ос. *nomgin* 'именитый':

↳ Νάμγηνος (O) = стар. ос. *nām-gin* 'именитый' (Фасмер, 45).

nar 'мужчина', 'самец', авест. *nar-*, ос. *næl*:

↳ ἐνάρεες (Геродот), ἀνάριες (Гиппократ) «полумужчины, гермофродиты у скифов» = др. иран. *a-nar-ya* «не мужчина, лишенный мужества» (Фасмер, 13).

nāra 'узкий', 'тесный', ос. *naræg*, афган. *parai*, англ. *narrow*:

↳ Νάραχον στόμα 'один из рукавов Дуная в его дельте' (Арриан и др.), *Naracustoma* (Плиний), Νάρηχος (Аполл. Род.) = стар. ос. *nārak*, ос. *naræg* (Фасмер, 60 сл.).

nāv 'корабль', авест. *nāv-*, др. перс. *nāv-*, ос. *naw*:

↳ Νάβαζος (Г) = др. иран. *nāv-āza* «управляющий кораблем, кормчий» (Фасмер, 45); см. *āz-* 'гнать', 'править'.

nava 'новый', авест. *nava-*, др. перс. *nava-*, ос. *nawæg*:

↳ Νάβαχος, Νάβαχος (Г) = ос. *nawæg*, до сих пор употребляется в Осетии как собственное имя (Фасмер, 45); ср. также слав. *новак*, встречающееся и в качестве собственного имени.

nivāz- 'пить' (?), ос. *nivazun*, *nivazun*:

↳ Ἄβνωζος (O) = *āv* 'вода' + *nivaz*: «водопийца» (Фасмер, 30), см. *āp* 'вода'.

nix 'лоб', ос. *nix* из др. иран. *anika*:

↳ Νίχεχος (Г) = *nix* + суффикс *-ak*; «лобастый» или «счастливый» (счастье, по осетинским понятиям, «написано на лбу»),

od 'душа', 'жизнь', ос. *od*, лат. *odor* 'запах', арм. *hot* 'запах' и пр.:

↳ Ἰώδαξ (Π) = *i* (опред. артикль) + *od*; ласкательное имя: «душа», «жизнь»;

↳ Ὀδιάρδος (Г) = ос. *odi* (род. пад.) + *ard* «чья душа исполнена ard'a»; см. *arta*;

↳ Ἰωδέσμαχος (O) = *i* (опред. артикль) + *od-æsmag*; ср. ос. *æsmag* 'запах', 'дыхание' и выражение «*odæsmag zi næjes*» «в нем нет дыхания жизни»;

↳ Ἰοδτάνγαν 'иберский сановник II в. н. э.' (Г. Церетели, Армазская билингва, стр. 21 сл.) = стар. ос. *i-od-tangan* «тщедушный», ср. современное осетинское *tæng-od* «тщедушный».

↳ Ὀχώδιαχος, Ὀχώζιαχος (Г) = *vahu* 'добрый' + *od* + суффикс *ag* «добродушный»? см. *vahu* 'добрый'; или к *vāč*?

ors 'белый', см. *auruša*.

os- 'жена', 'женщина', ос. *osæ*, *us* к др. инд. *yošit*?

- ↳ Ὀσμάραχος (Т) = ос. *os-maræg* «женоубийца» (Фасмер, 46); см. *mār-* 'убивать';
- ↳ Ὀσσίγασος (Т), Ὀσσίγασος (О) = ос. *os-igas* «имеющий здоровую жену»; см. *akās*;
- ↳ Δαλόσαχος (Т) = ос. *dæl-os-æg* «уступающий женщине», «подчиняющийся женщине»; см. *adari* (→ *dæl*) 'вниз', 'под', 'ниже'.

pada 'след', также 'потомство' → *fad*, ос. *fed*, авест. *pada-*:

- ↳ Φαδιάραχος (Т) вероятно = ос. *fed-araz* «пролагающий след», «прокладывающий дорогу»; см. *ārāz-* 'делать', 'направлять';
- ↳ Χοαρσφάδιος (Т) вероятно неточное чтение вместо Χοαρσφάδιος = *xwærz-fed* «имеющий хорошее потомство»; см. *hwærz-* 'хороший'; выражения *xwærzfed* «имеющий хорошее потомство» и *fudvæd* «имеющий дурное потомство» употребительны в осетинском.

paisa 'вид', 'облик':

- ↳ Αριπείδης 'скифский царь' (Геродот) = др. иран. *arya-paisa* «имеющий арийский облик» (с др. персидским оформлением *ϑ* вместо *s*) (Фасмер, 12); см. *arya* 'ариец', 'арийский';
- ↳ Σπαργαπίδης 'скифский царь' (Геродот), Σπαργαπίσης 'массагет' (Геродот) = др. иран. *sparga-paisa* «подобный юной лозе» (?) (Фасмер, 16).

panaka 'доска', ос. *fæjnæg*; от корня *pa-* 'ограждать';

- ↳ Παρσπάναχος (О) с перестановкой частей = ос. *fæjnæg-fars* «крепкобокий», букв. «у кого бока (*fars*) как доски (*panak*)»; ср. по образованию англ. *ironside* «железнобокий»; см. *parsu* 'бок'.

pant(i) 'путь', авест. *panta-*, др. инд. *panthi-*, русск. *путь* (из *panti*), ос. *fændag*:

- ↳ Παντικάπης 'название реки в Скифии' (Геродот, Скимн); так же назывался, по мнению Фасмера 73, Керченский пролив, откуда:
- ↳ Παντικάπαιον 'Пантикапей, греческая колония на месте нынешней Керчи' = *panti-kapa* «рыбный путь»; см. *kapa* 'рыба';
- ↳ Φωνδάραχος (Γ) = ос. *fænd[ag]-araz* «устраивающий дорогу», «пролагающий путь» (Фасмер, 54); ср. выше Φαδιάραχος (под *pada*); см. *ārāz-* 'устраивать', 'направлять'.

paradāta (*dā-* 'устанавливать' + приставка *para*) 'предустановленный', 'искони назначенный', авест. *paradāta-* id.:

- ↳ Παρλάται 'царствующая скифская династия' (Геродот);

λ вместо δ либо ошибка, либо звуковой перебой, наблюдаемый в ряде иранских языков (Фасмер, 15); см. *dā-*.

pari- 'через', 'за' (обычно преверб), др. инд. *pari*, авест. *pairi*, русск. *пере-*, греч. *περι*, лат. *per*, ос. *fær-*, *fæl-*:

↳ Φαλδάρωνος (Т) = *pari-darāna*, стар. ос. *fældæræn* «сокрушитель»;

↳ Φάρζηος (O) = ос. *færzew* 'тароватый', 'хлебосольный' (*pari-jiva?*); ср. ос. *zew* 'общественная работа и сопровождающее ее угощение'.

parsu 'бок', авест. *parəsu*, др. инд. *parśu*, ос. *fars*:

↳ Παρσπάναχος (O) = *pars-panak* «имеющий бока (*pars*) как доски (*panak*)», «крепкобокий», «igonside»; ср. обычное осетинское выражение *fəjnæg-fars* с тем же значением, составленное из тех же элементов, но в обратном порядке.

paru- 'много-' (в сложных словах), авест. *pouru-*, ос. *fur*:

↳ Φοργάβαχος (Т) = ос. *fur-ğawæg* «много потребляющий»; см. *dav* 'потреблять';

↳ Φορίανος (Т) = др. иран. *paru-yava* = ос. *fur-jæw* «имеющий много проса» (Фасмер, 55):

↳ Φορήρανος (Т) = *paru-aryana* «многоарийский»? (Фасмер, 55).

pasu 'овца', авест. *pasu-*, ос. *fus*:

↳ Φόσαχος (Т) = ос. *fus* + суффикс *-ak* (Фасмер, 55).

paḍaka 'вождь', ос. *fətæg*, вероятно от корня *paṇt-*, *paḍ-* 'дорога', авест. *paḍ-*, др. перс. *paḍ-*:

↳ Πάταχος (Γ), Φιάταχος (Π).

pati 'господин', авест. *paiti-*, др. инд. *pāti-*:

↳ Πάτειс (Т) (Фасмер, 48);

↳ Πατίας (Т) (Фасмер, 48);

↳ Οίόρπατα 'скифское название амазонок' (Геродот) — обычно толкуется как *vīra-patayah* «господствующие над мужчинами» (Фасмер, 15); однако Геродот переводит «мужеубийцы»; мы думаем, что *οίόρπατα* ошибка вместо *οίόμαρτα* = *vīra-mār-ta* «мужеубийцы»; ср. у Гесихия форму *ορμάται οι άνδροκτόνοι. Σχύθαι*. см. *mār-*.

paу- 'пить', авест. *paу-* 'литься', др. инд. *pāti* 'он пьет', в осетинском не засвидетельствовано:

↳ σάναπις 'οίνοπότης' 'винопийца' на скифском языке (Гесихий); в первой части *sana* 'вино', для второй ср. др. инд. *pīti-* 'питье', *pītā-* 'вапившийся'.

per- 'чесать шерсть' (?), ос. *pivyn* id.:

↳ Πήραχος (O) = ос. *pivæg* 'чесальщик' (?).

pita 'отец' → *fīd-*, авест. *pitar-*, ос. *fidæ*:

- ↳ Πιτοφάρνάκης (Г), Πιτοφάρνάκης (Г) = *pit + farnak* «носитель отцовского *farn'a*»; ср. осет. выражение *fidī-farnæ* «отцовский *farn*» (Фасмер, 48); см. *farna*;
- ↳ Πίδανος (Тирас) = ос. *fidon* 'отцовский' (Фасмер, 48);
- ↳ Πίδος (Березань) (Фасмер, 48);
- ↳ Πίδεις (О) (Фасмер, 48);
- ↳ Φίδας (Г, П) (Фасмер, 55);
- ↳ Φιδάνους (Г, П) = ос. *fidon* 'отцовский'; ср. выше Πίδανος (Фасмер, 55).

porata 'река', ос. *ford* 'большая река', 'море':

- ↳ Πόρατα 'река Прут по скифски' (Геродот), Alanus Fluvius «Аланская река» на древних картах; судя по осетинскому *ford*, получило нарицательное значение «большой реки»; в скифский язык попало, возможно, из какого-то другого языка, так как надежных иранских соответствий не видно; ср. Фасмер, 61.

puḍra 'сын' → *put* → *furt*, ос. *furt*, авест. *puḍra-*, др. инд. *putra-*:

- ↳ Πουρδαῖος (О) (Фасмер, 48);
- ↳ Πουρδάκης (О) из *puḍraka* «сыночек», как Βράδακος из *brā-taka* «братец» (Фасмер, 48);
- ↳ Φούρτας (Г) (Фасмер, 55);
- ↳ Ραδαμόφουρτος (Г) = стар. ос. *radam-furt* = др. иран. *fratama-puḍra* «первый сын», «первенец» (Фасмер, 48); см. *fratama* 'первый'.

radam- 'первый', см. *fratama*.

rap- 'служить опорой', 'поддерживать', авест. *rap-*:

- ↳ Ραπάκης = др. иран. *rapaka* «тот, кто является опорой, поддержкой».

rasmā 'боевая колонна', 'фаланга', 'отряд', авест. *rasman-*, в осетинском не известно:

- ↳ Ομράσμακος (Г), по Юсти (стр. 233) = *ham + rasma-ka* «состоящий в том же отряде», «боевой товарищ»; ср. ос. *ambal* 'товарищ', букв. «принадлежащий к тому же отряду (*bal*)».

rasog 'чистый', 'прозрачный', см. *frasauka*.

rauka, *rauča* 'свет', 'светлый' → *rok (roz)* → *ruk*; ср. авест. *raočah-*, др. перс. *rauča-*, греч. λεύκος, ср. *raukšna*:

- ↳ Ρευχάναλοι 'сарматское племя' (Птолемей), метатеза из 'Ρευχάλανοι = *rauka + alan*, параллельная скифская форма к названию 'Ρωζολανοί «светлые аланы»;
- ↳ *Asparuk* основатель болгарского государства на Балканах, носивший иранское имя: *aspa-rauka* «имеющий светлых коней», греч. Λεύκιππος (с обратным порядком частей);

также имя пятихша (правителя) в Иберии, см. выше под *aspa* 'лошадь'; *Ἀσφώρουγος* (O) = *asfa-rug*, дальнейшее звуковое развитие имени *Asparuk*;

- ↳ *Σώρωζος* (O) = др. иран. *sava-rauša* «утренний свет»; ср. для второй части ос. *roz-* в *roz-ingə* 'окно' (← 'свет'); для первой части см. *sava* 'утро'.

raupāsa 'лиса', др. инд. *lorpāša-*, ос. *robas, rovas*:

- ↳ *Ропша* название реки в б. Орловской губ.; другое название этой же реки «Лисичка» представляет русский перевод старого скифского названия; что скифские влияния доходили весьма далеко на север, подтверждается и другими топонимическими данными; см. Фасмер, 75 сл.

rauxšna 'свет', 'светлый' → *roxs*, авест. *raoxšna-*:

- ↳ *Ρωξάνη* 'Роксана' женское имя (Π) = ос. *roxs* + суффикс *-ana* (Фасмер, 49); иранская *Роксана* представляет, таким образом, точную параллель к славянскому имени *Светлана*; жена Александра Македонского, дочь Бактрийского князя, также называлась Роксаной;
- ↳ *Ῥωξανάκη* 'столица саков' (Κтесий) = ос. *roxs* + суфф. *-an* + суфф. *-ak*;
- ↳ *Ῥωξολανοί* 'сарматское племя' (Страбон, Птолемей) = ос. *roxs* + *alan* «светлые аланы» (Фасмер, 49); ср. *Ἄλανορροί* 'белые аланы'; см. *arya*.

rava 'легкий', 'быстрый', др. иран. *rava-*, ос. *rawəg*:

- ↳ *Ῥαβαίγ*... (надпись graffiti)¹ = ос. *rawəg*.

raxwāy- 'пронзать' из *fra-hvāh-*, ос. *rəxwajun, rəxojun* 'пронзать'; ср. *hvāh-* 'бить' 'толкать':

- ↳ *Ῥαχίσακος* (Τ) = ос. *rəxwaj-sag, rəxoj-sag* «пронзающий оленя»; см. *sāka* 'олень'.

raū- 'радоваться', (из **frāy-?*), ос. *irajun, rajun*, прош. прич. *rad*:

- ↳ *Φάραδος* (O) = ос. *fe-rad, fe-rad* «получивший радость».

rāz- 'направлять', *ā-rāz-* 'направлять', 'устраивать', 'делать', ос. *arazun* id., авест. *rāz-* 'направлять' и пр.;

- ↳ *Φανδάραζος* (Γ) = ос. *fəndag-araz* «устраивающий путь», «пролагающий путь» (Фасмер, 54); см. *panti* 'путь', 'дорога';
- ↳ *Φαδιχράζος* (Τ); если неточное написание вместо *Φαδιχράζος*, то = ос. *fəd-araz* «пролагающий след», «прокладывающий дорогу»; ср. предыдущее имя; см. *pada* 'след';
- ↳ *Δαναράζμακος, Δαναράσμακος* (Τ) по Миллеру = *dān-ārāz* «направляющий реку», но откуда *m*? (Фасмер, 38); иное толкование см. под словом *varāza* 'кабан';

¹ Любезно сообщено И. И. Толстым.

sāka 'олень', ос. *sag* 'олень' собств. «ветвисторогий», «сохатый», от *sākā* 'ветвь, сук'; ср. др. инд. *śākhā-* 'сук', перс. *sāx* 'сук', 'рог', лит. *šaka* 'сук', 'ветвь', 'олений рог', латыш. *sakas* 'вилы', русск. *соха*, *сохатый* (олень), ср. ос. *sagcjanē* 'вилы' при *sag* 'олень';¹ отсюда тотемическое племенное название *sāka* 'скиф', «принадлежащий к тотему оленя»:

- ↳ *Σάκαι* 'скифское племя' (Геродот), др. перс. *saka-* 'скиф' = «принадлежащий к тотему оленя»; ср. *Ζαχάται* (вместо *Σαχάται*?) племя в Азиатской Сарматии (Птолемей);
- ↳ *σακαίη* 'скифский праздник' (Гесихий); вероятно тотемический «олений» праздник;
- ↳ *Μασσαγέται* 'скифское племя' (Геродот); в борьбе с ними, по Геродоту, погиб персидский царь Кир; по Диону Кассию и Аммиану Марцеллину — ближайшие родичи алан; разлагаем на *man-sag* + показатель множественности *ta*, буквально «люди олени» (из *mani* + *sāka*); см. *mani* 'человек', 'мужчина'; обычно связывают это племенное название с авест. *masya-* 'рыба' (см. Фасмер, 14); однако теперь известно, что для «рыбы» на всей восточноиранской почве (в скифском, аланском, сакском, согдийском) господствовало слово *kapa*, q. v.;
- ↳ *Θυσσαγέται* 'савроматское племя' (Геродот), более старая форма *Thyrsagetae* (Валерий Флакк, VI, 135, 140) = *tur-sāga-ta* (← *tura-sāka-ta*) «туро-саки» или «быстрые олени»; см. *tura* 'быстрый';
- ↳ *Τάξις* 'скифский военачальник и царь' (Геродот) = ос. *tax-sag*, др. иран. *taka-sāka* «быстрый олень»; см. *taka* 'быстрый', 'сильный';
- ↳ *Σαχεσφάρης* 'царь саков-скифов по ту сторону реки Бактер' (Полиен) = ос. *sag-æfsæc* «имеющий оленью (*sag*) челюсть (*æfsæc*)»?
- ↳ *Ραχίσταχος* (T) = ос. *ræxoj-sag* «пронзающий оленя»; см. *hwāh-* 'бить', 'толкать', *rahwāy* 'пронзать';
- ↳ *Μουγίσταχος* (O), может быть из *mug* 'семя', 'порода' и *sag* 'олень', букв. «оленьей породы», ос. *sagi muggag id.*; см. *tika* 'семя';
- ↳ *Σαγάρης* 'племя на Дунае' (из письма Юлиана Отступника к Василию Великому, см. Латышев. *Scythica*, I, стр. 705) = ос. *sag-dar* «имеющий оленей»; возможно

¹ В соответствии др. индийскому *śākhā-* ожидали бы в иранском *sāxa*, однако скифские факты указывают на существование параллельной арийской формы *sākā*.

- сюда же (с метатезой) *Sadagarii* 'народ, поселившийся после смерти Аттилы в Нижней Мезии' (Иордан);
- ↳ Σάχδεος (Т) = др. иран. *sāka-daiwa* = стар. ос. *sag-dew* 'демон-олень'; для второй части ср. ос. *ev-dew* 'демон' из *ap-daiwa* «водный демон»;
 - ↳ *Sagaris* (Овидий), *Saggarius* (Плиний) 'река Березань', букв. «где находят (*ar*) оленей (*sag*)»;
 - ↳ Ἐησάχαρος (О) возможно = ос. *xsæz-sag-ar* «находящий (*ar*) шесть (*xsæz*) оленей (*sag*)» в смысле «счастливей охотник за оленями»; см. *xšaš* 'шесть';
 - ↳ Μηδόσακχος 'сарматский царь' (Полиен); во второй части *sak*, *sag* 'олень', первая часть не ясна; «смидийский олень»?
 - ↳ σακυνδάκη 'скифская одежда' (Гесихий) = ос. *sag-ǰun-dag* 'одежда из оленьей шерсти' из *sag* (← *sāka*) 'олень' + *ǰun* (← *ǰauna*) 'шерсть' + *tag*, *dag* 'нить', 'ткань'; для последнего элемента и для всего образования ср. ос. *kættag* (из *kæn-tag*) 'холст' (см. *kana* 'конопля') и ос. *zaldag* 'шелк'.¹
- san(a)** 'вино'; скифо-фракийское слово: σανάπι οι μέθυσοι λέγονται παρὰ Θραζίν (Схолии у Аполлония Родосского, цит. по Латышеву. *Scythica*, I, стр. 854), ос. *sænæ* 'вино', кабард. *sanä* 'вино':
- ↳ σανάπις οἰνοπότης. Σχύθαι (Гесихий), «винопийца», для второй части (*pti-*) см. *ray-* 'пить' (Фасмер, 50);
 - ↳ Σάναχος (О) = *san* + суффикс *-ag*; значение такого имени могло быть «винолюб» или «винодель»; ср. по образованию Ἀλούθαχος от *alud* 'пиво' или Μάδαχος от *madu* 'мед';
 - ↳ Σανδάρζιος (Т); вторая часть (*darz-*) не ясна; возможно сюда же *Σανεία* 'женское имя' (Π) и *Σάνων* (Π).
- sara** 'голова', авест. *sarah-*, ос. *sær*:
- ↳ Σάρον название местности на Борисфене (Птолемей);
 - ↳ Σάραχος (Т) = *sar* + суффикс *-ak* (Фасмер, 50);
 - ↳ Σαράκη 'женское имя' (Π) = *sar* + суффикс *-uk* (Фасмер, 51);
 - ↳ Σαρώης (Феофан Византийский), Σαρώσιος, Σαρώδιος (Менандр) 'аланский царь VI в.'; ср. ос. *særoj* «головастый».
 - ↳ *Šaragas* имя питахша в Грузии II в. н. э. (в надписи из Армази, см.: Г. Церетели. Армазская билингва, стр. 62) = ос. *særægas* «невредимый», «имеющий невредимую голову», см. *akās* 'цельный', 'здоровый', 'невредимый';

¹ С точки зрения реалий уместно вспомнить пояснение Гесихия к слову τάρανδος: «подобное на оленя животное, шкуры которого скифы употребляют на одежду» (Л а т ы ш е в. *Scythica*, I, 855).

- ↳ Σαράξαρος (O) = ос. *sær-æxsæz* «шестиглавый» может быть в смысле «имеющий шесть детей»; ср. осетинское выражение *ǰæ sær æxsæz bacǰ* «его голова стала шестью» в смысле «его семья достигла шести душ»; порядок частей (числительное позади существительного) как в Ἄρ-δᾶβδα = ос. *ard-avd* «город семи arđ'ов»; см. *xšāš* 'шесть';
- ↳ Ἄσαρος (Π) = др. пран. *a-sara* = ос. *æ-sær* 'безголовый' (Фасмер, 34); см. *a-* 'без-', 'не-';
- ↳ Μαῖωσάρα 'женское имя' (Π) = ос. *mæj-sær* «луноголовая» (Фасмер, 43); см. *mah* 'месяц';
- ↳ Καμασαρή 'женское имя' (Π) = ос. *gom-sær* «с непокрытой головой»; см. *kāma* 'отверстие' 'открытый';
- ↳ Στοσάραχος (Τ), вероятно из Στορσάραχος = ос. *stur-sær* + *ak* 'большоголовый' (Фасмер, 53); см. *stura* 'большой';
- ↳ Σαράπαροι 'фракийское племя' «головорезы» (Страбон, XI, 14, 14: «сарапары звероподобны и неукротимы, живут в горах подобно скифам, отрубая головы и снимают черепа, что означается словом «сарапарь»); название явно скифское, ср. ос. *sær-æppar* «сбрасывающий головы» = «головорез»;
- ↳ *Chorsari* 'скифское наименование персов' (Плиний); во второй части *sar* 'голова'; первая часть не ясна (вряд ли *xor* 'солнце'); в целом название заставляет вспомнить позднейшее турецкое наименование персов *qazılbaş* «красно-головые».

sata 'сто' → *sada*, ос. *sæde*, авест. *satəm*:

- ↳ Σαδαῖος (O), может быть в значении «сотник».

šati 'радость', 'счастье', ср. ос. *-cad* (из *sad*) в *æn-cad* 'покой', др. перс. *šiyāti*:-

- ↳ Ῥαδαμσάδης 'боспорский царь', букв. «первая (*radam*) радость (*sadi*)»; см. *fratama* 'первый' (Фасмер, 48).

sauka 'огонь', др. инд. *śoka-* id., ос. *sog* 'топливо', 'дрова':

- ↳ Σόγος (Γ, Τ, Π) = ос. *sog* в старом значении «огонь»;
- ↳ Ῥάσσογος (Τ) = ос. *ræsog* 'чистый' = *fra-sauka* q. v.

sava 'утро', авест. *sava-*, ос. *saw-* в *sæwtæ* 'утром' и др.:

- ↳ Σεύραγος (Φη) = ос. *sæw-rag* 'утро', 'утренний', ср. ос. *sæwtæ-ragi* 'утром рано'; см. *frāk* 'рано'; вряд ли сюда же Σώραχος (Π); см. *sor-* 'преследовать';
- ↳ Σώρωζος (O) может быть = *sav-roz* (← *sava-rauša*) «утренний свет», см. *rauika*, *rauša* 'свет';
- ↳ Σαυάγασχος (Φη) может быть = ос. *sæw-ægas* «невредимый утром»; ср. осетинское выражение *sæw-zavd* «пораженный утром» (*sæwzavd fæu!* «чтобы тебя поразило утром!» проклятие).

- ↳ Σαύμυχος (X) скиф, убивший Боспорского царя Перисада, = ос. *sæwtag* 'утренний'.

sāv[a] 'черный', см. *syāva*.

si- 'зябнуть', ос. *sijun*:

- ↳ Σιαγούς (Γ) = ос. *siag* 'зябкий' (Фасмер, 52).

sir- 'танцевать (плавно)', 'итти иноходью (о лошади)', ос. *siryun, serun*:

- ↳ Σίραχοι 'сираки, скифское племя в области нижней Кубани' (Страбон), ср. ос. *sivag* «идуший, танцующий плавно», «иноходец» (о лошади); сюда же собственное имя из Ольвии Σίραχος.

skunx- 'отличаться', 'совершать подвиг', ос. *sk'wænxun*, прош. прич. *sk'unaxt*:

- ↳ Σκυνχα 'скифский предводитель, взятый в плен Дарием I' (по Бехистунской надписи).

sor- 'преследовать', ос. *sorun*:

- ↳ Σώραχος (Π) = ос. *soræg* «преследователь» (Фасмер, 53).

spāda 'войско' → *sfad* → *fsad*, ос. *æfsad*, авест. *spāda-*:

- ↳ Σπάδαχος (Ο) = *spād* + суффикс *-ak* (Фасмер, 52);
 ↳ Σπιδάχας 'царь санигов в Абхазии' (Арриан); иранское имя в неиранской среде, как во многих других случаях (Фасмер, 52);
 ↳ Σπιδίνης 'царь сарматского племени аорсов' (Страбон) = *spād* + суффикс *-in*, восходящий к древнеиранскому *-aina* (Фасмер, 53);
 ↳ Ἀμώσπαδος (Ο) — *ama-spāda* «имеющий мощное войско» (Фасмер, 32); см. *ama* 'мощный';
 ↳ Βωρόφαδος (Ο) петочно вместо Βερόφαδος, (?), ср. ос. *bevræ-fsad* «имеющий много войска»; колебание между δ и ζ наблюдается нередко: Φαδίναμος и Φαζίναμος, Χοδίαχος и Χοζίαχος; см. *baivar* 'много'.

spanta 'священный, святой' → *sfand* → *fsand*, авест. *spanta*, в осетинском сохранилось может быть в *ævgændæg* 'эпитет божества Alardy';

- ↳ Ψενδαρτάκη (так читает Маркварт вместо Ψευδαρτάκη) 'название священного места в Скифии' (Стефан Визант.) = стар. ос. *fsand-ärt* «священный огонь»; см. *ātar, āθr-* 'огонь'.

spar- 'наступать', 'напирать', ос. *æfsærun*, авест. *spar-*, русск. *спор*, др. сев. *spora* 'попирать':

- ↳ *Aspar* 'аланский вождь' (Иордан);
 ↳ *Rasparagamis* 'rex Rhoxolanorum et Sarmatarum' (на двух надписях времени Адриана) = *fra-spara* + *ka* + *na* = ос. *ra-fsær-æg-on*, ср. ос. *ra-fsæræg* «тот кто наступает»

и суффикс *-on*, употребительный в собственных именах; осетинская фамилия *Æfsæraegtæ* (Афсараговы) предполагает существование собственного имени *Æfsæraeg* ← *Asparaek*, а также фамильного имени *Æfsæraegon* ← *Aspara-gaṅan*.

- ↪ *Σπαρόροτος* (Т); во второй части ос. *fat* 'стрела' (?).
- ↪ *Σφαρόβαις* (Π); во второй части ос. *waj-* 'нести' («несущийся наступаая») (?).

sparga 'отпрыск', 'побег', 'лоза', авест. *sparəγa-*, в осет. нет:

- ↪ *Σπαργαπέιθης* 'скифский царь' (Геродот), *Σπαργαπίσης* 'массагет' (Геродот) = др. иран. *sparga-raisa* «подобный юной лозе» (Фасмер, 16).

stāna 'стояние', 'стоянка', 'место', 'стан', 'рост', 'фигура'; др. инд. *sthāna-*, др. перс. *stāna-*, ос. *-ston* (в сложных словах):

- ↪ *Βορυσθένης* 'древнее название Днепра' (Геродот, Птолемей, Страбон) = др. иран. *varu-stāna* «широкая область»; ср. название «Великий луг» в нижнем течении Днепра (Фасмер, 65 сл.); см. *varu* 'широкий';

- ↪ *Οὔστακος* (Т) = *hu-stāna* «хорошо сложенный», «стройный».

stāv- 'свалить', 'славить', авест. *stū-*, *stav-*, ос. *stāvun*:

- ↪ *Σταύακος* (Т) = ос. *stāvæg* 'славящий' (Фасмер, 53).

stura 'большой', авест. *stūra-*, ос. *stur*:

- ↪ *Στύρακος* (Γ) = *stur* + суффикс *-ak* 'Magnus' (Фасмер, 53);

- ↪ *Στύρακος* (Т) = *stur* + суффикс *-an* (Фасмер, 53);

- ↪ *Στοράνη* 'женское имя' (Π), тождественно с предыдущим (Фасмер, 53);

- ↪ *Στοσάρακος* (Т), вероятно вместо *Στορσάρακος* = ос. *stur-sær* «большоголовый» с суффиксом *-ak* (Фасмер, 53); см. *sara* голова;

- ↪ *Στόρμαϊς* (Т), вторая часть = ос. *mæj* 'луна'; «подобный большой (т. е. полной) луне».

suḡda 'чистый', 'святой', ос. *suḡdæg*, из *sukta*, *suḡta* прош. прич. от *sič-* 'жечь', собств. «очищенный огнем»:

- ↪ *Σουγδία* 'город на юго-восточном берегу Крыма', 'Судак' = ос. *suḡdæg* (Фасмер, 71 сл.); название принесено, повидимому, скифами из средней Азии, где была иранская область и народность того же названия, др. перс. *Suguda*, *Coudiana*, среднеиран. *Soḡd*.

suxra 'красный' → *sux*, ос. *sux*, авест. *suxra-*, перс. *sux*:

- ↪ *Σόρακος* (Т) = *sux* + суффикс *-ak* (Фасмер, 52).

syāva 'черный' → *sāv-*, ос. *saw*, авест. *syāva-*:

- ↪ *Σιάουος* (Ο) (Фасмер, 52):

- ↪ *Σιάακος* (Т) = *syāva* + *ka* (Фасмер, 52);

- ↪ Σαύαγος (Π), тождественно с предыдущим, но с озвончением $k \rightarrow g$ (Фасмер, 51);
- ↪ Σαύαγος = ос. *saw* + *ag* (Фасмер, 51); или к *sava* 'утро'?
- ↪ Σαυδαράται 'сарматское племя' (по Ольвийским надписям) = ос. *saw-dar-a-tæ* «одетые в черное», «Μελάγγλαινοι» (Фасмер, 51); см. *dār*- 'носить (одежду)';
- ↪ *Saurmag*, *Surmag*, *Sauromaces* 'имя нескольких грузинских царей первых веков нашей эры' (Brosset, I, стр. 43, Аммиан Марцеллин 27, 12, 4), вероятно = ос. *saw-arm* «смуглорукий» + суффикс *-ag*; см. 'рука';
- ↪ Σαυρομάται 'племенное название', 'савроматы' (Геродот), позднее — Σαρμάται (Скимн), *Sarmatae* (Плиний, Тацит и др.), может быть = ос. *saw-erm-a-tæ* «чернорукие» или «смуглорукие»; ср. выше *Saurmag*; существуют другие, мало удовлетворительные, по нашему мнению, объяснения, см. Фасмер, 51;
- ↪ Βαγδόσαυος (Τ) = *baxta-syāva* (→ *bağda-sav*) «имеющий черный удел»; см. *baxta* 'удел', 'счастье';
- ↪ Σοζίρσαυος (Τ) = *Sozir-saw* «смуглый Созир», ср. ос. собств. имя *Sozir*;
- ↪ Σαυαίωσος (Τ); вторая часть не ясна;

¹taka 'быстрый', 'сильный' (от корня *tak*- 'течь'), авест. *taka-*, ос. *tæx* 'быстрый', 'стремительный', 'напряженный', 'сильный', ос. *tæxun* 'лететь':

- ↪ Τάξαις 'скифский военачальник и царь' (Геродот) = *tak-sāk* «быстрый олень», см. *sāka* 'олень';
- ↪ Ὀλθακός 'династ племени Дандариев' (Плутарх) = ос. *wæł-tæx* (*upari-taka*) «сверх быстрый?»

²taka 'нить', 'ткань', 'одежда' ос. *tag* id., в названиях тканей: *kættag* (из *kæn-tag*) 'холст', *zæl-dag* 'шелк' (к русск. *ткаль*, *мачать*):

- ↪ σακυνδάκη 'скифская одежда' (Гесихий) = *sak-gun-tak* «одежда (*tak*) из оленьей (*sak*) шкуры или шерсти (*gun*)», см. *sāka* 'олень' и *gauna* 'шерсть'.

¹tanu 'тело', авест. *tanu-* id., ос. *tæn* 'нижняя часть живота':

- ↪ *Vaxtang* 'грузинский царь V в. н. э.' (Brosset, I, стр. 148 сл. сл.); это имя многократно встречается и в последующее время; вероятно из *Varx-tang* «имеющий волчье (*varx*) тело»; ср. ос. собственное имя *Wærxtenæg* (в нартовских сказаниях); см. *varka* 'волк'.

¹tār- 'греть', авест. *tār-*, ос. *tavun*:

- ↪ Ταβίτι (Геродот) 'богиня очага у скифов' (Фасмер, 16);
- ↪ Θαβείς 'женское имя' (Π).

tars- 'бояться', авест., др. перс. *tars-* id., ос. *tarsun* 'бояться', ос. *tas* (из *tars*) 'страх':

↳ 'Ατάσας (Т) из *a-tars* 'бесстрашный', ср. ос. *æ-das* 'безопасный' (Фасмер, 34); см. *a-* 'без-', 'не-'.

tava 'сила', 'мощь', др. инд. *tavás-*, авест. *tavah-*:

↳ Ταργίτας 'родоначальник скифов' (Геродот) = *darğa-tava* «долгомошный» (Фасмер, 17);

↳ Τιργαττώ 'женское имя' (Полиен) = *tigra-tava* «стреломощная» (Фасмер, 54); ср. для первой части др. иран. *tigra-* 'острый', 'стрела', ос. *cirğ* 'острый'.

tura 'быстрый', 'сильный', др. инд. *turá-*, перс., курд. *tūr* 'ярый':

↳ Τύρας, Τύρης, 'древнее название Днестра' (Геродот и др.) собств. «быстрая» (Фасмер, 61);

↳ Θυσσαγέται (Геродот), *Thyrsagetae* (Валерий Флакк) = *tura-sāka-ta* «быстрые олени»; см. *sāka* 'олень'.

tusk 'клык', ср. англ. *tusk* id., ос. *tusk'a* 'кабан', собств. «клыкастый»:

↳ Θυσκῆς (Ο) = «клыкастый», «кабан».

ugra 'сильный', 'мощный' → *urg*, авест. *ugra-*, *uṅra-*, ос. *-urğ* в *æfsurğ* 'легендарный конь':

↳ Ἀσπουργος (Г многократно) имя боспорского царя I в. = *aspa-ugra* «имеющий сильных коней», ос. *æfsurğ*, *æfsorğ* 'легендарная порода лошадей'.

upari 'сверху', 'над', 'сверх-', авест. *upairi*, ос. *wel-*, *walæ*, отсюда *wallag* 'верхний', 'высший':

↳ Ὀλθαχός 'властитель племени Дандариев' (Плутарх) = ос. *wel-tex* (*upari-taka*) «сверхбыстрый» (?); см. *taka* 'быстрый', 'сильный';

↳ Ὀλχάβας 'скиф' (Аппиан, Фронтин) = ос. *wel-kæf* (с озвончением *f* → *v*), «повелитель рыб»? см. *kapa* 'рыба'.

upasta 'местопребывание', 'место' → *basta*, ос. *bæstæ* 'место', 'страна', др. инд. *upastha-*:

↳ Βάσταχος (Т) = ос. *bæstag* 'местный', 'земляк'; сюда же Βοσπάγων (Π)?

vāb- 'ткать', др. инд. *vabh-*, нем. *weben*, ос. *wafun*:

↳ *Ababa*, *Hababa* аланка, мать римского императора Максимиана (Иордан), может быть искажено из *hwāba* «хорошая ткачиха»; ср. Ἀποσσα = иран. *Hutausa*, где также *Hu* = *A*.

vā č- 'слово' др. инд. *vāk-*, *vācas-*, авест. *vāk-*, *vačah-*, ос. *wac* 'слово', 'весть'; в осетинском слово имело религиозный оттенок (как Логос в эллинистических культах); оно служит эпитетом христианских святых: *Wac-Ила*

‘св. Илья’, *Was-Gergi* ‘св. Георгий’; ср. также *Aciroxs* (из *Wasi-roxs*) нартовская героиня, букв. «свет Was’а», *Aciamongæ* (из *Wasi-amongæ*) ‘название чудесной чаши в нартовских сказаниях’ «указательница Was’а»:

- ↳ *Οὐατχάρνης* ‘божество’ (из надписи, найденной в Кубанской области, см. Вс. Миллер. Древности Восточные, I, стр. 131 сл.) = *vāča-farna* с передачей *č* через *τ* как в *Ἀτχμάζας* (см. ниже); видеть в первой части осет. *wat* ‘комната’ (вслед за Миллером) мы никак не можем и по семантическим соображениям и потому, что древность слова *wat* в осетинском не может быть доказана. Религиозный оттенок, присущий обоим словам, *vāč* и *farna*, делает весьма естественным все образование как название божества; см. *farna*;
- ↳ *Ἀτχμάζας*, *Ἀττχμάζας* (Γ) = *vāča-maza* с утратой начального *v*, как в ос. *Aciroxs*, *Aciamongæ* (см. выше); не подлежит сомнению, что *τ* передает здесь *č* (или *c*), так как имя сохранилось в нартовском эпосе: *Acsetæz*; ср. выше *Οὐατχάρνης* = *vāča-farna*; в некоторых именах *č* передается через *ζ*;
- ↳ *Καρζόζος* (Ο) = ос. *karz-wac* = др. иран. *karsa-vāč* «чье слово резко, грозно»; см. *karsa* ‘резкий, строгий’;
- ↳ *Οὐαχώζαχος* (Ο) = *vahu-vāča-ka* «доброслов»; см. *vahu*;
- ↳ *Ἰξαρδῶζις* (Γ) = ос. *æxsart-wac* = *xšadra-vāč*- «чье слово полно мужества»; см. *xšadra*;
- ↳ *Χορράθος* (Γ) = др. иран. *hvar-vāč* = ос. *xor-wac* «вестник солнца»;
- ↳ *Ἀβρῶζεος* (Γ) = *avra-vāča*-ос. *avv-wac* «носитель небесного was’а»; см. *avra* ‘небо’.

vahu ‘хороший’, ‘добрый’, ‘добро’, авест. *vohu-*, др. инд. *vasu-*:

- ↳ *Ἰοχαρζάνης* (Γ) = *vahu* + ос. *varz-* ‘любить’, «добролюб»; см. *varz-* ‘любить’;
- ↳ *Ἰοαχώζαχος* (Ο) = *vahu-vāča-ka* «доброслов»; см. *vāč-* ‘слово’; сюда ли *Οχώδιαχος*, *Οχώζιαχος*?
- ↳ *Ἀρσηόαχος*, *Ἀρσηόαχος*, *Ἀρσήαχος* (Ο) = *arša-vahu* «добрый медведь»; менее приемлемо видеть в первой части *aršan* ‘мужчина’ ввиду отсутствия этого слова в осетинском.
- ↳ *Ἀβυάται* ‘скифское племя, потомки Липоксаля’ (Геродот) = *vahu* + *ta* «хорошие»(?).

vaiti ‘лоза’, ‘ива’, авест. *vāēti-*, ос. *widag* ‘корень’:

- ↳ *Βιδάκης* (Π) = ос. *widag*.

van- ‘побеждать’, авест. *van-*, в осетинском не отмечалось:

- ↳ *Βανδάσπος* ‘языгский царь’ (Дион Кассий) = *vanat-aspa* «победноконный» (Фасмер, 34).

vara 'ягвенок', 'баран', ос. *wær*, *wærikk*, перс. *bar*:

↳ Οὐάρας (Т) = ос. *wær* (Фасмер, 46);

↳ Ὀρίκος 'имя одного скифа' (Геродот) = ос. *wærikk*.

varāza 'кабан', авест. *varāza-*, перс. *guraž*, в осетинском сохранилось только в собственных именах:

↳ Οὐαράζακος (Т) = *varāz* + суффикс *-ak* (Фасмер, 46); ср. ос. собств. имя *Wæraz* (Besati T. Dzilli zaræg, 1931, стр. 30);

↳ Αὐράζακος (Т) неточное написание предыдущего имени (*Varāzak*), как Αὐράτσι = *vahu* + *ta*;

↳ Οὐαροζβάλακος (Т); в первой части *varāz*, вторая часть не ясна; м. б. к ос. *bal* 'группа', 'стая': *varāz-bal-ak* «принадлежащий к кабаньей стае»;

↳ Δανράζμακος, Δανράσμακος (Т) = *Dan-Varazmak* «Донской Уаразмак», «Уаразмак с реки Дон», где *Varazmak* собственное имя, образованное от *varāza* 'кабан' и сохранившееся в нартовском эпосе (*Wærazmæg*).

varka 'волк', др. инд. *v̥ka-*, авест. *vahrka-*, ос. *Wærxæg* собств. имя в нартовском эпосе, ос. *Wærgon* 'Вулкан', 'бог-кузнец'; формы *varg*, *wrg* являются дальнейшим развитием старого слова:

↳ Λύκος 'один из скифских родоначальников, дед Анахарсиса' (Геродот); это имя представляет, по видимому, перевод на греческий язык скифского имени, которое, судя по осетинскому *Wærxæg*, должно было звучать *Varka*;

↳ Οὐαράδακος (Ο) = *varg-adak* «волкоед»; см. *ad-* 'есть';

↳ Οὐργις 'сарматское племя' (Страбон), 'урги', букв. «волки», тотемическое название; ср. Σάκι 'саки', «скифы», букв. «олени»; форма *wrg* представляет закономерный вариант формы *varg*; ср. в осетинском такие чередования как *wærxæg* || *wrix* 'широкий', *wæxst* || *wxst* 'вертел', *wæxsk* || *wsqæ* 'плечо' и др.;

↳ Οὐργιος (Т, П);

↳ Οὐργιβάζος (Ο) = *varka-bāzi* «волкоплечий», «у кого в плечах волчья сила», см. *bāzi* 'плечо';

↳ *Vaxtang* 'грузинский царь V в. н. э.' из *warxtang* = *varka-tanu* «имеющий волчье тело»; ср. ос. *Wærxtenæg* 'имя героя в нартовском эпосе'.

varu 'широкий' авест. *voru-*, ос. *wærxæg*, *wrix*:

↳ Βορυσθένης 'древнее название Днепра' (Геродот и др.) = *varu-stāna* (Фасмер, 65 сл.); сюда же «печенежское» название Днепра Βχρουχ (Константин Багрянородный) = ос. *wærxæg*, *wrix* (Фасмер, 66);

- ↳ Οὐαρδάνης 'река Кубань' (Птолемей) = *varu-dāni* = стар. ос. *var(æx)-dān* 'широкая река'.
- vārz-** 'любить', ос. *warzun* 'любить', авест. *varəz-* 'действовать';¹
- ↳ Ὀυαρζάνης (Γ) = *vahu-vārz-ana* «Добролюб» (Фасмер, 47); см. *vahu* 'добрый', 'добро';
- ↳ Οὐαρζβάλακος (Ο), в первой части ос. *warz-* 'любить', во второй ос. *bal* 'военная дружина': «любящий дружину» или «любимый дружиной» (ср. Миллер, ЖМНП, 1886, окт., стр. 254); см. *bala*;
- ↳ Οὐαστόβαλος (Γ), из *warsta-bal* (с выпадением *r* перед *s* как в *Στοσάρακος*, см. *stura*); *warst-* — прош. причастие от *warz*; *warsta-bal* могло значить «любимый дружиной»; см. *bala* дружина.
- vinsati** 'двадцать', др. инд. *viṃsati*, авест. *visaiti-*, стар. ос. *insæz*, ос. *yssæz*, *insæj*:
- ↳ Ἰνσάλαγος (Ο) = стар. ос. *insaz-ag* «Vicentius» (Фасмер, 31).
- vir(a)** 'мужчина', авест. *vīra-*, в осетинском никаких следов не видно:
- ↳ Οἰόρπατα 'скифское название амазонок', «мужеубийцы» (Геродот); опираясь на параллельную форму ὀρμάται (Гесихий), мы находим возможным исправить οἰόρπατα в οἰόρμαρτα = *vīra-mār-ta* «мужеубийцы».
- xan-** 'приглашать', см. *hvan-*.
- xara** 'осел', авест. *xara-*, ос. *xæræg*, перс. *xar*:
- ↳ Χαράξηνος (Ο) = *xar-axsen* = др. иран. *xara-axšaina* «темносерый осел»; ср. перс. *gūr* 'дикий осел', как украшающий эпитет царя Бахрама; см. *axšaina*;
- ↳ Χάραξτος (Γ), Κάραστος (Ο), Κάραξτος (Ο) = *xar-ašt* или *xarak-ašt* «имеющий восемь ослов»; см. *ašta* 'восемь';
- ↳ Χάραξ 'назв. местности в Крыму' (Птолемей).
- xod-** 'смеяться', ос. *xodun*:
- ↳ Χοδέχιος (Γ) = ос. *xodæg* 'смешной';
- ↳ Χωδόνακος (Τ) = ос. *xodujnag* 'достойный смеха' (Фасмер, 57).
- xšas** 'шесть', авест. *xšva*, ос. *xsæz*, *æxsæz*:
- ↳ Σαράξασος (Ο) = стар. ос. *sær-æxsæz* 'шестиглавый'; см. *sara* 'голова';
- ↳ Ξησάγαρος (Ο) = ос. *xsæz-sag-ar* «находящий (*ar*) шесть (*xsæz*) оленей (*sag*)»; см. *sag* 'олень'.
- xšadra** 'власть', 'сила', 'победа', 'доблесть', 'отвага', авест. *xšadra-*, др. перс. *xšassa-*, от *xšay* 'блистать' (см. ниже), ос. *xsar*

¹ Об отношении осетинского значения к авестийскому см. ниже статью «К палеонтологии слов, обозначающих «любовь» и «ненависть».

‘сила’, ‘отвага’, ‘доблесть’, ос. собст. имена (в нартовском эпосе) *Xsart* и *Xsærtæg*:

- ↪ *Ξάρθανος* (Т) = ос. *xsart* + суффикс *-an* (ос. *-on*) (Фасмер, 45); ср. *Ajsartan* имя нескольких царей Кахетии и Ширваншахов XI—XII вв. (Brosset, I, стр. 331—354, 419, 437);
- ↪ *Ξάρταμος* (O) = ос. *xsart* + суффикс *-ama* (Фасмер, 45); ср. этот же суффикс в др. перс. *Aršāma*;
- ↪ *Σατράκης* ‘царь скифов, живущих к северу от Согдианы’ (Ариан, 4, 4, 8) = *xšadraka* = ос. *Xsærtæg* ‘герой нартовских сказаний’;
- ↪ *Σατραβύτης* (Фн IV в. до н. э.), в первой части несомненно *xšadra*; во второй *pāti* ‘глава’ (?) или *vača* ‘слово’ (?).
- ↪ *Ἀλέξανδρος* (Фн) = *arya-xšadra* «носитель арийской доблести» (Фасмер, 31); см. *arya* ‘арийский’;
- ↪ *Φαρνόςχαρδος* (Т) = ос. *farn-xšart* = др. иран. *farna-xšadra* «чья доблесть полна *farn*’а» (Фасмер, 55); см. *farna*;
- ↪ *Καινάχαρδος*, *Κηνέχαρδος* (O) = др. иран. *kaina-xšadra*, ос. *kenaxsart* «доблестный в мести» (Фасмер, 41); см. *kaina* ‘возмездие’;
- ↪ *Δανδάχαρδος* (Березань) = *dantā-xšadra* «сильнозубый» (?), другое возможное разъяснение см. выше, под словом *dantā* ‘зуб.’
- ↪ *Δοτυμόχαρδος* (Т), первая часть не ясна;
- ↪ *Διδυμόχαρδος* (Т); в первой части — греч. *δίδυμος* (Фасмер, 38);
- ↪ *Ἵχαρδῶζις* (Т) = стар. ос. *xšart-wac* «чья речь (*wac*) полна отваги (*xšart*)»; см. *vāc* ‘слово’, ‘речь’.

xšaya ‘сиять’, ‘блистать’, ‘властвовать’, авест. *xšayu-*; в осетинском ср. *xsart* ‘доблесть’, *xsin* ‘княгиня’, *xsed* ‘заря’, и др.:

- ↪ *Λιτόξαις* ‘один из родоначальников скифов’ (Геродот); во второй части *xšaya*, первая не ясна (Фасмер, 14);
- ↪ *Ἀρπόξαις* ‘второй родоначальник скифов’ (Геродот) = *āpra-xšaya* «повелитель Днепра»; ср. *āpr-* в скифском названии Днепра: *Dan-āpr-is* «река Апр»; скиф. *āpra*, *āpra* = ос. *arf* ‘глубокий’;
- ↪ *Κολάξαις* ‘третий легендарный скифский родоначальник’ (Геродот); *ξαις* = *xšaya*, первая часть не ясна (Фасмер, 14); может быть искажение вместо *Χοράξαις*; ср. др. иран. *hvar-xšaita* ‘солнце’, перс. *Xoršēd*;
- ↪ *Ξαιορσάζης* (Π); вторая часть не ясна (Фасмер, 45);
- ↪ *Ἐη Φαρνούχος* *Xse-Farnug* ‘царь Иберии II в. н. э.’ (Г. Церетели. Армазская билингва, стр. 21 сл.); для второй части ср. *farna*;
- ↪ *Σαῖοι* ‘сарматское племя’ (O) вместо *Ξαῖοι*; для передачи *xš*

- через *s* ср. Σατράκης = Xšadraka под xšadra;
 ↳ Σαῖος (Π) вместо Ξαῖος (?).
- xvar-** 'кушать, есть', авест. *xvar-*, ос. *xwærun*:
 ↳ *Eochar* 'аланский предводитель V в.' (Житие св. Германа) = ос. *jæw-xwar* 'просоед' (Фасмер, 38); см. *yava* 'просо'.
- xvar** 'солнце' см. *hvar*.
- xvārna** 'пища', авест. *xvārna*, ос. *xwar* 'хлеб в зерне', 'ячмень':
 ↳ Χοάρναρος (Т) (Фасмер, 56); вторая часть не ясна;
 ↳ Χουάρναρος (Ο), ср. ос. *xwar* и *zaruñ* 'садить (растения)' (Фасмер, 57).
- yār-** 'достигать', 'нагонять' (из *vi-ār-*?), др. инд. *ār-*, авест. *ār-* 'достигать', перс. *yāftan*, ос. *æjjafun* 'достигать', 'нагонять':
 ↳ Ἰάρναρος (Ο) = ос. *æjjafæg* «нагоняющий», «достигающий» (Фасмер, 41).
- yava** 'просо', др. инд. *yáva-* 'ячмень', авест. *yava-* 'ячмень', ос. *jæw* 'просо':
 ↳ Ἰάβαχος (Т); обычное оформление суффиксом *-ak* (Фасмер, 40);
 ↳ *Eochar* 'аланский предводитель V в.' (Житие св. Германа) = ос. *jæw-xwar* «просоед» (Фасмер, 38);
 ↳ Φορίναρος (Т) = ос. *fur-jæw* «имеющий избыток проса» (Фасмер, 55).
- yazata** 'божество', 'небесная сила', авест. *yazata-*, ос. *izæd*:
 ↳ Ἰαζάδαχος (Ο); оформлено суффиксом *-ag* (Фасмер, 40);
 ↳ Ἰέζδαχος (Ο) (Фасмер, 41);
 ↳ Ἰέζδαδος (Ο) = ос. *izæd-radt* «данный богами» (Фасмер, 41).
- zantu** 'племя', авест. *zantu-*:
 ↳ Ζαντικός 'языгский князь' (Дион Кассий) = «сын племени» (ср. Фасмер, 39).
- zarant** 'старый', др. инд. *jarant-*, авест. *zarant-*, ос. *zæronð*:
 ↳ Ζάρανδος (Т) = стар. ос. *zarand* (Фасмер, 39).
- zaranya** 'золото, золотой', авест. *zaranya-*, ос. *zærinæ*:
 ↳ Ζαρίνα 'царица саков-скифов' (Ктесий); ср. ос. женское имя *Zærinæ*;
 ↳ Ζίριν по Лукиану (Тохарис) на языке савроматов означал «выкуп»; речь шла очевидно о «золоте»; неточная передача вместо Ζάριν, ос. *zærin(æ)* (Фасмер, 39).
- zevak** 'ленивый', ос. *zevæg* id.; возможна связь с русск. *зевать, зевака*:
 ↳ Ζεύαχος (Т); ос. собств. имя *Zevæg* в нартовских сказаниях; сюда же, возможно, *Zevax* имя сановника в Иберии II в. н. э. (Г. Цертели, стр. 21 сл.)
- zura** 'сила', 'сильный' (?), авест. *zurah-*, др. перс. *zura-* 'сила', 'насилие':
 ↳ Ζούρης (Тирас).

УКАЗАТЕЛЬ

РАЗОБРАННЫХ СКИФСКИХ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

- Ababa Hababa: *hu* и *vāb* (?)
 Ἀβδάρακος: *ār* и *dār*-
 Ἀβνωζος: *ār* и *nivaz*-
 Ἀβραγος: *abra*
 Ἀγαρος *gar*-
 Aḡsartan: *xšadra*
 Ἀζιαγος: *hatya*
 Ἀζιας: *hatya*
 Ἀκάσας: *akās*
 Ἀλανοί Alani: *aryana*
 Ἀλανορσοί: *aryana* и *auruša*
 Ἀλέξαρθος: *arya* и *xšadra*
 Ἀλουθαγος: *aluθ*
 Ἀμάγη: *ama*
 Ἀμάδοχοι: *āma* и *ad*-
 Ἀμαζιαχος: *āmāy*-
 Ἀμαρδιαχος: *mār*-
 Ambazuk: *ham* и *bāzu*
 Ἀμβούστος Ambustan: *ambust*
 (← *ham-pust*?)
 Ἀμώμαιος: *ama* и *māya*
 Ἀμώσπαδος: *ama* и *spāda*
 ἀνάριες: *a* и *nar*
 Ἀνάχαρσις: *ana* и *hvar*-
 Ἀνδάναχος: *andān*
 Ἀξεινος (Ποντος —): *axšaina*
 Ἀρσοί: *auruša*
 Ἀργουάναγος: *ārḡā*-
 Ἀργόδας Ἀργότας: *ārḡā*-
 Ἀρδάβδα: *arta* и *hapta*
 Ἀρδαβούριος: *arta* и *baivar*
 Ἀρδάγδαχος: *arta* и *aḡdāk*
 Ἀρδάραχος: *ardār*
 Ἀρδάρισκος: *ardār*
 Ἀρδαρος: *ardār* (*arma-dāra*)
 Ἀρδονάγачος: *druna* и *aḡar*
 Ἀρδόναστος: *druna* и *ašta*
 Ἀρδάμων: *ādr*- и *mān*-(?)
 Ἀρδιέμμανος: *aršti* и *manu*
 Ἀριάντας: *arya*
 Ἀριαπείδης: *arya* и *paisa*
 Ἀριί: *arya*
 Ἀριφάρνης: *arya* и *farna*
 Ἀρνάκης: *arna*
 Ἀρπόξαις: *āpra* и *xšay*-
 Ἀρσάκης: *arša*
 Ἀρσηούαγος: *arša* и *vahu*
 Ἀσαίτοι: *ās*
 Ἀσαρος: *a* и *sara*
 Ἀспаχος: *aspa*
 Ἀспάνδανος: *aspa* и *andān*
 Aspar: *spar*-
 Asparuk: *aspa* и *rauka*
 Ἀспаυρούκις: *aspa* и *rauka*
 Ἀспουργος: *aspa* и *ugra*
 Ἀσφώρουγος: *aspa* и *rauka*
 Ἀταμάζας: *vāc* и *maza*
 Ἀτάσας: *a* и *tars*-
 Ἀτέας: *hatya*
 Ἀυράζαχος: *varāza*
 Ἀυχάται: *vahu*
 Ἀφθαίμαχος: *hapta*
 Ἀφαγος: *aspa*
-
- Βαγδόσαυος: *baxta* и *syūva*
 Βάγδοχος: *baxta* и *vahu*
 Βάγης: *baga*
 Βάδαγος: *bad*- (← *upa-had*)
 Bazuk: *bāzu*
 Βαιόρασπος: *baivar* и *aspa*
 Βαιόρμαιος: *baivar* и *māya*
 Βανάδασπος: *van*- и *aspa*
 Βάνας: *bānu*
 Βάσταχος: *upasta*
 Beorgus: *baivar* и *gau*
 Βευραζούρια: *baivar* и *gur*
 Βόρασπος: *bora* и *aspa*
 Βόρυς: *bora*
 Βоруσθένης: *varu* и *stāna*

Βράδαχος: *brātā*
 Βώραχος: *bora*
 Βωρόψαζος: *baivar* и *spāda* (?)

Γάρος: *gau*
 Γάστεις Γάστης: *gasti*
 Γοδόσαυος: *guta* и *syāna*
 Γοργόσας: *garu* и *gauša*
 Γόσων: *gauša*
 Γωδιγασος: *guta* и *akās*
 Γώσαχος: *gauš-*

Δάδαγος: *dā-*
 Δαλόσαχος: *adari* и *os*
 Δάναπρις: *dānu* и *āpra*
 Δαναράζμαχος: *dānu* и *varāza*
 Danastrus, Δάναστρις: *dānu*
 и *Istr*

Δανδάχη: *dantā*
 Δανδάξαρθος: *dantā* и *xšadra*
 Δανδάρισι: *dānu* и *dār-*
 Δανούβιος: *dānu*
 Διδυμόξαρθος: *xšadra*
 Δοσυμόξαρθος: *xšadra*
 Δουάραχος: *dvara*

Εισγούδιος: (*jes* и) *guta*
 έναρρες: *a* и *nar*
 Eochar: *yava* и *xvar*
 Εύβερνάχης: *farna*

Ζάβαγος: *čyav-*
 Ζαχάται: *sāka*
 Ζαντικός: *zantu*
 Ζάρανδος: *zarant*
 Ζαρίνα: *zaranya*
 Ζεύαχος Zevax: *zevak*
 Ζιριν: *zaranya*
 Ζούρης: *zura*

Ἡραχᾶς: *arya*

Θαβείς: *tāp-*
 Θιάγαρος: *čākār*
 Θιάρμαχος: *čarma*
 Θυσκῆς: *tusk*
 Θυσσαγέτι Thyrsagetæ: *tura*
 и *sāka*

Ἰαζάδαγος: *yazata*
 Ἰασανδάναχος: *i, ās* и *andān*
 Jassi: *ās*
 Ἰάναχος: *yava*
 Ἰάφρχος: *yār-* (*ār-*)
 Ἰέζδαγος: *yazata*
 Ἰέζδραδος: *yazata* и *rāda* или
fradāta
 Ἰνσάζαγος: *vinsati*
 Ἰ-βιδ-: *brin* (*brita*)
 Ἰσρακαί: *aspa*
 Ἰώδας: *i* и *od*
 Ἰωδέσμαχος: *i* и *od*
 Iodmangan: *i, od* и *mang*

Καδάναχος: *kazanak*
 Καινάξαρθος: *kaina* и *xšadra*
 Καμασαρύη: *kāma* и *sara*
 Kandak (Candac): *kana* и *taka* (?)
 κάνναβις: *kana*
 Καρχυές: *kazār* (?)
 Κάραστος: *xara* и *ašta*
 Κάρζεις: *karsa*
 Καρζόαζος: *karsa* и *vāč*
 Carthasis: *karta* и *ās*
 Κάρσας: *karsa*
 Κάσαγος: *kas-*
 Κάσαχος: *kas-*
 Καφάναγος: *kapa*
 Κηνέξαρθος: *kaina* и *xšadra*
 Κολάξις: *hvar* (?) и *xšay-*
 Κουζαῖος: *kuti*
 Κόφαρνος: *hu* и *farna*

Λείμανος: *friman*
 Λίμναχος: *friman*

Λιπόξαις: *xšay-*
Λύκος: *varka*

Μάδα: *mātā*
Μάδακος: *madu*
Μάδους: *madu*
Μαδύης: *madu*
Μάδωις: *madu*
Μαζαία: *maza*
Μαζίς: *mah*
Μαίσης: *maiša*
Μαίφαρνος: *mah* и *farna*
Μαιωσάρα: *mah* и *sara*
Μάμμαρος: *manu* и *mār-*
Μάνδασος: *manu* и *dasa*
Μανίαγος: *manu*
Μάρζακος: *marz-*
marha: *mār-*
Μασσαγέται: *manu* и *sāka*
Μάστας: *masta*
Μαστούς: *masta*
Ματυκέται: *matuka*
Μεύακος: *maiva*
Μουγίσαγος: *muka* и *sāka*
Μυργέται: *mrga*

Νάβαζος: *nāv* и *āv-*
Νάμγηνος: *nāma*
Νάρακον (στόμα): *nara*
Νάυαγος: *nava*
Νίχεκος: *niχ (anika)*

Ξάρθανος: *xšadra*
Ξάρθαμος: *xšadra*
Xse-Farnug: *xšay-* и *farna*
Ξησάγαρος: *xšas*, *sāka* и *ar-*

Όαροζβάλακος: *varāza* и *bala*
Όδαπις: *hu* и *dā-*

Όδιάρδος: *od* и *arta*
Όιόρπατα (BM. *Όιρόμαρτα):
vira и *mār-*
Όλθακός: *upari* и *taka*
Όλκάβας: *upari* и *kapa*
Όμράσμακος: *ham* и *rasmā*
Όξαρδωίς: *xšadra* и *vāč*
Όρικός: *vava*
Όρόντης: *arvant*
Όροφέρνης: *arvant* и *farna*
Όσμαράκος: *os* и *mār*
Όσπίνμαζος: *aspaina* и *bāzu*
Όσσίγασος: *os* и *akās*
Όυάρας: *vava*
Όυαράζακος: *varāza*
Όυαργάδακος: *varka* и *ad-*
Όυαρδάνης: *varu* и *dānu*
Όυαρζβάλακος: *varz-* и *bala*
Όυαταφάρνης: *vāč* и *farna*
Vaxtang: *varka* и *tanu*
Όυαχώζακος: *vahu* и *vāč*
Όυμβηούαρος: *hurma* и *baiivar*
Όυργβαζος: *varka* и *bāzu*
Όυργοι: *varka*
Όυστανος: *hu* и *stāna*
Όχοαρζάνης: *vahu* и *varz-*
Όχώζιακος: *vahu* и *vāč*

Παντικάπης: *panti* и *kapa*
Παντικάπαιον: *panti* и *kapa*
Παραλάται: *paradāta* (¹*dā-*)
Παρσπάνακος: *parsu* и *panaka*
Πάταικος: *padaka*
Πάτεις: *pati*
Πατίας: *pati*
Πήρακος: *per-*
Πίδανος: *pitā*
Πίδεις Πίδος: *pitā*
Πιτφρηνάκης: *pitā* и *farna*
Πόρατα: *porata*
Πουρθαίος: *puθra*
Πουρθάκης: *puθra*

Ῥαβαιγ...: *rava*
 Ῥαδάμισις: *fratama* η *ās*
 Ῥαδάμιστος *Radamistus*: *fratama* η *mižda*
 Ῥαδαμόφουρπος: *fratama* η *puθra*
 Ῥαδαμσάδις: *fratama* η *šati*
 Ῥαθάγωσος: *fraθa* η *gauša*
 Ῥαπάκης: *rap-*
Rasparaganus: *spar-*
 Ῥάσσογος: *frasaika*
 Ῥαχοίσακος: *raxuāy-* (*hvāh-*)
 η *sākā*
 Ῥευκάναλοι: *rauika* η *aryana*
 Ῥωξανάκη: *rauixšna*
 Ῥωξάνη: *rauixšna*
 Ῥωξολανοί: *rauixšna* η *aryana*
 Ροπισα: *raupāsa*

Σαγάδαρες: *sāka* η *dār-*
 Sagaris Saggarius: *sāka* η *ar-*
 Σαδαῖος: *sata*
 Σαῖτοι: *xšay-* (?)
 Σαιταφάρνης: *xšay-* (?) η *farna*
 Σάκαι: *sāka*
 σακαία: *sāka*
 Σάκδεος: *sāka* η *daiva*
 Σακεσφάρης: *sāka*
 σακυνδόακη: *sāka*, *gauna* η *²taka*
 Σάναγος: *sana*
 σάναπτις: *sana* η *pay-*
 Sangibanus: *čang* η *bānu*
 Σανεία: *sana* (?)
 Σάνων: *sana* (?)
 σαπέρδης: (BM. καπέρδης?): *kapa*
 (η *erd*)

Šaragas: *sara* η *akās*

Σάρακος: *sara*
 Σαράξασος: *sara* η *xšāš*
 Σαράπαραι: *sara* η *appar-* (?)
 Σαρμάται: CM. Σαυρομάται
 Σάρων: *sara*
 Σαρούκη: *sara*

Σαρώης: *sara*
 Σαρώσιος Σαρώδιος: *sara*
 Σατραβάτης: *xšadra* η *pati*
 Σατράκης: *xšadra*
 Σαυάγασκος: *sava* η *akās* (?)
 Σαυάγος: *syāva*
 Σαυάνων: *čyav-* (?)
 Σαυδαράται: *syāva* η *dār*
 Σαύμακος: *sava*
 Saurmag: *syāva* η *arma*
 Σαυρομάται: *syāva* η *arma* (?)
 Σεύαγος: *syāva*
 Σεύραγος: *sava* η *frāk*
 Σιαγούς: *si-*
 Σιάουος: *syāva*
 Σιαύακος: *syāva*
 Σιαύασκίς: *syāva*
 Σίρακοι: *sir-*
 Skunxa: *skunx-*
 Σόγος: *sauka*
 Σοζίρσανος: (*Sozir* η) *syāva*
 Σόρχακος: *suara*
 Σουγδαία: *suata*
 Σπαδάγας: *spāda*
 Σπάδακος: *spāda*
 Σπαδίνης: *spāda*
 Σπαργαπειδής: *sparga* η *paixa*
 Σπαρόφοτος: *spar-*
 Σταύακος: *stāv-*
 Στοράνη: *stura*
 Στόρμαις: *stura* η *mal*
 Στοσάρακος: *stura* η *sara*
 Στύρακος: *stura*
 Στύρανος: *stura*
 Σφαρόβαις: *spar-*
 Σώρακος: *sor-*
 Σωχούβριζος: *sox* (?) η *bāzu*

Ταβίτι: *tāp-*
 Τάνις: *dānu*
 Τάξαις: *taka* η *sāka*
 Ταργίταος: *darğa* η *tava*
 Τιργατζάω: *tigra* η *tava*

Τύρας: *tura*

Φαδιαρόαζος: *pada* и *rāz-*
 Φαδίνος: *nāma*
 Φαδίους: *pada*
 Φαζίναμος: *nāma*
 Φαλδάρανος: *pari* и *darana*
 Φαλδάραζος: *pant(i)* и *rāz-*
 Φάραδος: *rāy-*
 Φάρζης: *farzev (pari-jiva?)*
 Φάρναχος: *farna*
 Φαρνάκης: *farna*
 Φαρνακίων: *farna*
 Φάρνης: *farna*
 Φαρνώξαρος: *farna* и *xšadra*
 Φηδάναχος: *fedan (pati-dāna?)*
 Φιδάνους: *pitī*
 Φιδας: *pitā*
 Φλείμναχος: *friman*
 Φλίανος: *fri-*
 Φλιμάναχος: *friman*
 Φόδαχος: *fud (putaka?)*
 Φοργάβαχος: *paru* и *gav-*
 Φορήραχος: *paru* и *aryana*
 Φορίανος: *paru* и *yava*
 Φόρος: *fur*
 Φόσαχος: *pasu*

Φούρτας: *puθra*

Φύσκη: *huska*

Χανάκης: *hvan-*
 Χάραξ: *xara*
 Χαράξηνος: *xara* и *axšaina*
 Χάραξτος: *xara* и *ašta*
 Χοάργαρος: *xvārna*
 Χοαροράδιος: *hvarz* и *pada*
 Χόδαиnos: *hu* и *daina*
 Χοδέχιος: *xod-*
 Χόδιος: *xauda*
 Χόμευος: *hu* и *maiva*
 Χορόαθος: *hvar* и *vāē*
 Χορόξαθος: *hvar* и *xšnāta(?)*
 Χορσάμαντις: *hvarz* и *mān-*
 Χορσόμανος: *hvarz* и *mān-*
 Chorsari: *hvar (?)* и *sara*
 Χουάρσαζος: *xvārna*
 Хούναρος: *hunara*
 Χόφαρνος: *hu* и *farna*
 Χόφρασμος: *hvar* и *fasm-*
 Χωδάρζος: *hvata* и *aršti*
 Χωδόναχος: *xod-*
 Χωνδίαχος: *hvan-*

Ψευδαρτάκη: *spanta* и *adr- (?)*

Как ни скуден добытый нами лексический материал (около 200 слов-основ), он не оставляет места для какой-либо ошибки или сомнения относительно языковой принадлежности разобранных имен и названий. Покойный наш коллега Н. В. Юшманов составил «Определитель языков», в который вложил немало эрудиции и остроумия. Он пытался дать перечень характернейших внешних признаков каждого языка, по которым его может определить и тот, кто не владеет им. Можно было бы говорить об «определителях» целых языковых семейств и групп. Иранская группа в своей лексике имеет достаточно яркую и своеобразную индивидуальность. Эту индивидуальность мы без труда распознаем в скифских именах и названиях. Далеко недостаточный для составления скифского словаря, наш материал больше чем достаточен как «определитель».

Известно, что в мировоззрении иранцев играли важную роль такие слова и понятия, как *farna*, *xšadra*, *arta*. Они мыслились как высшая,

небесная сила, которая может проникать в человека и всю природу. Такие понятия отмечены у первобытных народов под названием «оренда», «мана», «вакан». О значении этих слов при образовании иранских собственных имен можно составить представление, взглянув хотя бы в *Iranisches Namenbuch* Ф. Юсти. Многие десятки имен заключают эти слова. Мы их не только встречаем в скифских именах, но удельный вес их именно таков, какого можно было ожидать: мы имеем *farna* в 15 именах, *xšadra* — в 9-ти, *arta* — в 4-х. Некоторые из этих имен, как *Φαρνάκης*, *Φάρναχος*, встречаются много раз в самых различных местах, от Кубани до Днестра. К трем названным терминам, имеющим религиозный оттенок, можно присоединить, из религиозной сферы, *yazata* (3 имени). Возможность какой-либо ошибки здесь совершенно исключена.

Превосходным «определителем» является также широко известный иранский конь *aspa*, без которого нельзя себе мыслить иранский ономастикон. Десять скифских имен, содержащих это слово, могут удовлетворить самого взыскательного эксперта.

Иранское *dānu* 'река', сохранившееся в названиях Дона, Днепра, Днестра и Дуная, является также весьма убедительной «записью», оставленной скифами на карте Южной России.

Мы не будем останавливаться на классификации всего лексического материала, довольно пестрого по содержанию. Но стоит отметить некоторые важные группы слов, которые дошли до нас в скифских именах и названиях.

Термины родства: *pitā* 'отец', *mātā* 'мать', *puδra* 'сын', *brātā* 'брат'.

Социальные понятия: *manu* 'человек', 'мужчина', *os* 'женщина', *friman* 'друг', *arya* 'ариец', *ardār* 'повелитель', 'князь', *gasti* 'гость'.

Части тела: *sara* 'голова' (в 10 именах), *arma* 'рука', *bāzu* 'плечевая кость', 'рука', *parsu* 'бок', *gauša* 'ухо', *čarma* 'кожа', *dantā* 'зуб'.

Животные: *aspa* (см. выше), *sāka* 'олень', *arša* 'медведь', *varka* 'волк', *kuti* 'собака', *varāga* 'кабан', *vara* 'ягненок', *pasu* 'овца', *gam* 'корова', *xara* 'осел', *kapa* 'рыба'.

Растения: *yava* 'просо', *kana* 'конопля'.

Военные термины: *spāda* 'войско', *rasmā* 'отряд', *karta* 'меч', *arsti* 'копье', *druma* 'лук'.

Металлы: *garanya* 'золото', *aspaina* (?) 'железо', *andān* 'сталь'.

Пища и напитки: *xvārna* 'пища', *āp* 'вода', *abuδ* 'пиво', *sana* 'вино', *madu* 'мед'.

Названия цвета: *syāva* 'черный' (ок. 10 имен), *auruša* 'белый', *aššaina* 'темноспинный', 'темносерый', *bor¹a¹* 'желтый', *suxra* 'красный'.

Другие прилагательные: *nava* 'новый', *garant* 'старый', *vahu* 'добрый', *stura* 'большой', *maza* id., *hatya* 'правдивый', *karsa* 'резкий', *suxta* (*suğda*) 'чистый', 'святой' и др. Обращает на себя внимание обилие слов для понятий «сильный», «быстрый»: *ama*, *arvant*, *ugra*, *taka*, *tura*, *tava*, *asu*. Удивлять это не должно. Сила и быстрота — залог победы в войне.

А война и организация войны были, говоря словами Ф. Энгельса, нормальной функцией скифской жизни.

Числительные: *aiva* '1', *xšaš* '6', *hapta* '7', *ašta* '8', *dasa* '10', *vinsati* '20', *sata* '100', *hazahra* '1000', *baivar* '10000', 'много'.

Глаголы: *ad-* 'есть', *ātāy-* 'строить', *ārāz-* 'направлять', 'делать', *āz-* 'гнать', 'управлять', *dār-* 'держат', 'носить' и пр., *fri-* 'любить', *gauš-* 'слышать', *kas-* 'смотреть', *mār-* 'убивать', *marz-* 'мести', *skunx-* 'отличаться', *sor-* 'преследовать', *spar-* 'наступать', *stāv-* 'славить', *varz-* 'любить', *xšay-* 'сиять', 'властвовать', *yār-* 'достигать' и др.

Ряд важных в культурно-бытовом отношении слов распознан в скифском впервые: *vāč* 'слово', *manu* 'человек', *sāka* 'олень', *varka* 'волк', *arša* 'медведь', *kuti* 'собака', *kapa* 'рыба', *almā* 'пиво', *panaka* 'доска' и др.

Если учесть, что скифские племена от глубокой древности проявляли большую подвижность, весьма далеко отходили от остального иранского мира, соприкасались со многими народами не только азиатского, но и европейского круга, то можно утверждать с уверенностью, что в их языке должно было выработаться с течением времени много своеобразного, отличного от других иранских языков. Позволяют ли скифские имена подметить это своеобразие? В той мере, в какой это можно ожидать от столь ограниченного по объему и характеру материала, — да, позволяют.

Отрыв от остального иранского мира и общение со множеством неиранских племен: финских, славянских, германских, фракийских, кавказских и может быть других, о которых мы не знаем, объясняет прежде всего, почему значительный процент скифских собственных имен не удается все же объяснить из иранского.

Но и в разъясненной части скифская лексика включает много оригинального, отличного от «классических» иранских языков, авестийского и персидского. Вот несколько наблюдений и предположений.

В значении «человек», «мужчина» скиф не знал, повидимому, хорошо известного по другим иранским языкам *martya* и употреблял *manu*, смыкаясь в этом отношении со славянскими и германскими языками.¹ В других диалектах было в ходу слово *vira*. В осетинском слово *manu* удержалось в значении «муж» *mojne*, тогда как в значении «человек» закрепилось кавказское *leg*.

В значении «рука» находим *arma*, (ос. *arm*), *bāgi* (*bazug*), но никаких следов авест. *zasta-*.

«Собака» называлась, во всяком случае в некоторых диалектах, не *span* или *spara*, а *kuti* (ягноб. *kut*, ос. *kuz*).² *

«Рыбу» скифы называли не *masya*, а *kapa* (ос. *kæf*).

¹ Поэтому элемент *mart* в финских языках и этнонимике (коми *mort* 'человек', удмурт, мордва и пр.) следует, вероятно, считать усвоенным еще в до-скифские времена.

² Вопрос о том, откуда усвоено русск. *собака*, остается таким образом открытым.

Сами себя скифы называли *Sāka*. Это слово, как мы думаем, означало «олень» (ос. *sag* 'олень'). Оно встречается в названии скифской одежды *σχιυδάκη*, что должно значить «одежда из оленьей шерсти». В других иранских языках *sāka* 'олень' не встречается, но по происхождению оно кажется арийским, означавшим «сохатый». *Sāka, sāg* 'олень' повторяется в других скифосарматских племенных названиях: *Ζαχάται*, *Μασσαγέται*, *Θυσσαγέται*, *Σαγάρδαρες*. Роль оленя в скифской этнонимике и ономастике, связанная, очевидно, с тотемистическими воззрениями этого народа, представляет один из важных результатов нашего разбора. Оленю, как тотему скифов, мы надеемся посвятить особую работу.

«Сталь» носила загадочное название *andān*. Это слово встречается в столь различных языках, как финские, осетинский, кавказские.

Два скифских алкогольных напитка вместе с их названиями не имеют также древнеиранских параллелей: *aluδ* 'пиво' (ос. *eluton*) и *sana* 'вино' (ос. *sənə*). Северноевропейское название пива хорошо известно: ст. англ. *alu, alud-*, ст. слав. *олъ*, лит. *alūs*, фин. *olut*. Скифская форма всего ближе к восстанавливаемой древнегерманской **alut*. Возможно, что мы имеем старое заимствование из готского. Но возможно и обратное: заимствование из скифского в северноевропейские языки. Таким путем прошли на север Европы ряд других слов.¹

Название вина *sana* далеко не ясно по происхождению. Опираясь на скифское *σάναπις* «винопийца» (Гесихий) и, с другой стороны, на осетинское *sənə*, можно быть уверенным, что это слово бытовало в скифском. Но наряду с этим у древних авторов есть указание, что фракийцы называли вино этим же словом (см. Латышев, *Scythica*, I, стр. 854). Не заимствовали ли скифы это слово у фракийцев, которые по географическому положению должны были лучше быть знакомы с вином и винодельческим делом?

Сама Скифия представлялась древним грекам родиной важного культурного растения, конопли. Древнегреческое название конопли *χάνναβις*, с его многочисленными разновидностями в языках Европы и передней Азии, представляет скрещение из двух элементов, из которых по крайней мере первый (*kan*) может быть назван скифским (ос. *qən*).

Слово *yava* в других арийских языках означает «ячмень». Для скифского даем значение «просо», опираясь, с одной стороны, на осетинский язык, с другой — на осетинские предания, по которым в старину культура проса преобладала над всеми другими. К тому же на территории, населенной скифами, культура ячменя никогда не имела серьезного значения.

Мы видим обычно, что там, где скифский язык оказывается оригинальным и противостоит другим известным иранским языкам, он смыкается с осетинским.

¹ См. Viggo Brøndal. Mots «scythes» en nordique primitif. Acta Philologica Scandinavica, København, 1928, стр. 1—31.

Для «реки» мы находим в скифском малоупотребительное в других иранских языках *dānu* (ос. *don*), тогда как широко распространенное на юге и востоке Ирана *rauda* не оставило, повидимому, никакого следа.

Другим, уже совершенно оригинальным названием для «реки» было *porata*, закрепившееся в древности за Прутом, а в осетинском сохранившееся в нарицательном значении: *ford* 'большая река', 'море'.

Такие слова, как *zarant* 'старый', *frasauka* 'чистый', хотя и относятся к общепранскому фонду, особенно характерны для осетинского (*zæronð*, *ræsoŋ*). Значение «доска» для *panaka* устанавливается на основе осетинского *fæjnæg*, как и значение «небо» для *avra* (ос. *arv*).

Ярким примером лексического единства скифского и осетинского мы считаем скиф. *ardār* — ос. *ærdar* 'князь'. В иранском характере этого слова сомневаться не приходится, но в других иранских языках оно не встречается. И когда мы узнаем, что несколько граждан Танаиды носили имя 'Ардарос, то становится понятным и то, что река, у которой жили эти Ардары, носила одинаковое название с реками современной Осетии — *Don*. Названия пива (*alud*) и вина (*sana*), о которых мы выше говорили, также свидетельствуют о тесной и непрерывной связи и преемственности скифского и осетинского.

В некоторых случаях осетинский унаследовал от скифского не только отдельные лексические элементы, но целые их комбинации — сложные слова

'Ασποῦργος = ос. *æfsurǰ* «легендарный конь» (из *aspa-ugra*);

Σαυδάραται 'племя' = ос. *savdar* «одетый в черное»;

Παρσπάνηχος = ос. *fæjnægfar* «крепкобокий» (с перестановкой частей) и др.

В названии Днепра *Δόναιρις* и в имени одного из легендарных родоначальников скифов 'Αρπό-ξαις мы находим осетинское слово. *arf* (из *āpra*, *āpra*) 'глубокий', в других иранских языках не отмеченное.

Весьма любопытно, что среди скифских личных имен мы встречаем такие, которые совпадают с именами героев в древних эпических песнях осетинского народа, известных под названием нартовских сказаний. Таковы:

скиф. 'Ατχιμάζας (Горгиппия, Кубань) = ос. *Acætæg* 'чудесный певец нартовских сказаний';

скиф. [Οὐ]αράζμηχος в *Δαναράζμηχος* (Танаида) = ос. *Wæraætæg* 'один из главных героев нартовского эпоса';

скиф. *Ἐξάρθανος* (Танаида), *Σατράκης* (Арриан) = ос. *Xsærtæg* (суффиксы *-an* и *-ag* чередуются) 'нартовский герой, родоначальник сильнейшей нартовской фамилии';

скиф. *Ζεύαχος* (Танаида) = ос. *Zevæg* 'нартовский герой' (букв. «ленивый»);

скиф. *Σοζίρσαυος* (Танаида) «смуглый Созир», ср. «смуглый Созирко» в нартовских сказаниях (Созирко — кабардинизация имени Созир);

скиф. Βόρις, Βώραχος (Горгиппия), ср. ос. *Boraë* в нартовской фамилии *Boraë-tæ* и в имени *Boraë-Færnuig*;

скиф. Φαρνούχος, Φάρναχος (многократно), ср. ос. *Boraë-Færnuig* 'один из героев нартовского эпоса';

Λύχος 'один из скифских родоначальников, дед Анахарсиса' (Геродот) представляет перевод на греческий язык местного имени *Varka* 'волк' = ос. *Wærxæg* 'родоначальник Нартов', в староосетинском «волк».

За параллелями к скифским именам приходится обращаться к нартовским сказаниям, которые по древности конкурируют с ними. Что касается современного живого осетинского ономастикона, то он подвергся влияниям христианским, мусульманским, тюркским, кавказским и другим, и скифского осталось в нем мало. Все же некоторые разительные совпадения имеются, и их стоит отметить:

Zarína 'скифская царица' = ос. *Zærinæ* женское имя, букв. «золотая»;

Βάδαχος (O) = ос. *Badæg* мужское имя, букв. «сидящий»;

Νάιαχος = ос. *Nawæg* мужское имя, букв. «новый»;

Χώδαρζος (O) = ос. *Xwædarç* «снабженный копьем» в фамильном имени *Xædarç-atæ*;

Κουζίος (O), ср. ос. мужские имена *Kuza* и *Kuzæg* от *kuz* 'собака'.

Если на нашем материале мы видим прямую преемственность от скифского к осетинскому, то несомненно с другой стороны, что в лексике осетинского языка с течением времени должно было утратиться много старого, скифского и появиться много нового, главным образом в результате смешения и под влиянием соседних кавказских языков. Некоторые из этих перемен прослеживаются при сопоставлении осетинских фактов с тем небольшим лексическим материалом, который дают нам скифские имена.

Иранское *manu* в значении «человек», «мужчина» оказалось вытесненным кавказским *læg*; старое *manu* удержалось только в значении «муж» (*mojnæ*).

Иранское *fratama* (→ *radam*) в значении «первый» вытеснено новым образованием *ficcag*, от *finzæ* 'нос', по всей видимости кавказского происхождения.

Иранское *aspa* 'лошадь' удержалось только в более узком значении 'кобыла' (*æfsæ*), тогда как «лошадь» вообще получила кавказское наименование *bæx*.

Из двух иранских глаголов для понятия 'еды' *xvar-* и *ad-*, которые мы распознаем в скифском, осетинский удержал только первый.

Иранское *vahu* 'хороший' вытеснено другим, тоже иранским *xorz* | *xwarz*.

Такие скифские слова как *baæta* 'счастье', *maza* 'великий', *tura* 'быстрый', *varæza* 'кабан' и некоторые другие не оставили, повидимому, в осетинском никакого следа.

В другом месте стоило бы остановиться подробнее на скифских именах с точки зрения того, как и почему даются те или иные имена, иначе говоря—

с точки зрения их культурного содержания. Здесь мы скажем об этом лишь пару слов.

Насколько мы можем судить, прежние исследователи (Мюлленгоф, Юсти, Вс. Миллер и др.) при разъяснении скифских имен совершенно не считались с этой стороной дела и были озабочены только подбором сходных по звучанию слов, не задаваясь вопросом, мог ли данный народ в тех условиях давать такие имена. Отсюда множество чрезвычайно искусственных объяснений, основанных на произвольных и отвлеченных манипуляциях словами и понятиями, без учета эпохи, культурного уровня, путей мышления; не видно, чтобы у авторов явилась мысль о том, что собственные имена могут быть выражением определенного, исторически обусловленного жизненного уклада и мировоззрения. Могут возразить, что мы слишком мало знаем об укладе жизни носителей рассматриваемых имен. Не совсем так. Ценнейшие описания и сведения Геродота, Страбона, Аммиана Марцеллина и других древних авторов дают достаточно живую картину быта и общественного строя скифов, савроматов (сарматов), массагетов, алан. Родо-племенной быт с пережитками матриархата (савроматы), военная демократия — вот как рисуется этот строй в переводе на современную терминологию. Это примерно — строй моргановских ирокезов. Не случайно те и другие имели один жестокий обычай: скальпировать врагов. Мы вправе ожидать, что в скифских именах, в их «идеосемантике», будет много общего с именами ирокезов и других народов, стоящих на том же уровне развития. Культурные влияния, которым подвергались скифы в греческих колониях, не могли быть настолько глубокими, чтобы искоренить унаследованные обычаи и воззрения. Тотемизм, мифологические представления, вера в магическую силу имени, воинственные наклонности — вот что должно отразиться и отражается в собственных именах народов на этой ранней исторической стадии. И все это мы действительно находим в скифских именах. «Волк», «Кабан», «Олень», «Вестник солнца», «Месяц», «Многоконный», «Многолучный», «Крепкобокий», «Железнуюрукий», «Копьеносец», «Мужеубийца», «Истребитель волков», «Пронзающий оленя» и т. п. — таковы наудачу взятые скифские имена. Многократно встречающиеся в именах понятия *farna*, *arta*, *xšadra*, *vāc*, с которыми связывалось представление о какой-то возвышенной, всепроникающей, но трудно определенной силе, стоят в несомненной близости к аналогичным понятиям меланезийцев, индейцев и других первобытных народов, отмеченным в этнологической литературе под названием «мана», «оренда», «вакан» и др.

Мы позволяем себе думать, что в нашей интерпретации скифский ономастикон приобрел черты некоторого единства и внутренней цельности, недостаток чего воспринимается как существенный минус старых толкований. Отсутствие стадияльной цельности подрывает доверие к исторической реальности предлагаемых объяснений, а потому ставит под сомнение и лингвистические предпосылки этих объяснений. В личных именах, как и в других фактах языка, отражается конкретная историческая действи-

тельность и определенное мышление, свойственное данному состоянию общества. Эта элементарная для нас истина совершенно игнорировалась прежними толкователями скифских имен, сводившими свою задачу лишь к подысканию внешне созвучных слов из других языков, мало заботясь о том, отвечает ли семантика этих слов реалиям и мировоззрению скифской эпохи.

На одном примере можно иллюстрировать разницу между нашим подходом и подходом наших предшественников: на разъяснении имени скифского вождя и царя Τάξαις (Геродот). Юсти и В.с. Миллер переводят его «Плотник» (др. инд. *takṣaka*). При этом даже не ставится вопрос, могли ли существовать у кочевников-скифов профессиональные плотники. Мы переводим «Быстрый Олень» (*tak-sāka*). Мы думаем, что «Плотник» — мало подходящее имя для вождя воинственного племени, снимающего скальпы с врагов. Ни один индейский вождь, насколько мы знаем, не назывался «Плотником»...

Полученные до сих пор результаты в разборе скифских имен и названий нельзя, разумеется, считать окончательными. Дальнейшие исследования могут пополнить наш «словарь», а также внести поправки в некоторые разъяснения. Однако мы думаем, что уже сейчас создана база для того нового этапа в разработке скифских языковых памятников, о котором мы говорили в начале настоящей работы: для перехода от споров о языковой принадлежности скифов и сарматов к опытам систематизации лексических и грамматических фактов. Нижеследующие главы так же мало претендуют на название «скифской грамматики», как наш лексический перечень на название «скифского словаря». Немного фонетики, немного словообразования — вот все, что можно пока извлечь из материала. Однако, когда речь идет о языке, имеющем до сих пор репутацию чего-то дискуссионного, темного и загадочного, даже эти рудименты грамматики могут представить интерес.

3. ФОНЕТИКА

Восстановить звуковой состав скифской речи, имея перед глазами только скифские имена и названия в греческой и латинской записи, совершенно невозможно: слишком неточна и несовершенна передача скифских звуков греческими и латинскими знаками. Необходимо привлечь данные иранского языкознания, в первую голову древнеиранских языков и осетинского. Опираясь на эти данные, можно представить исходное состояние скифской фонетики древнейшего периода в следующем виде:

Гласные: *a, ā, i, u, ai* (→*e*), *ai* (→*o*);

Согласные: *k, g, x, č, j* (*ǰ*), *t, d, ʒ, p, b, f, m, n, r, y, v, s, š, z, ž, h*.

Достаточно сравнить этот состав звуков с греческим (и латинским) алфавитом, чтобы было ясно, насколько приближенной и неточной оказывалась по необходимости передача скифских слов греко-латинскими авторами и древними писцами из припонтийских греческих колоний.

Рассмотрим, как отразилось в дошедшем до нас скифском материале первоначальное состояние, а также позднейшая эволюция звуков скифской речи.

Гласные *a*, *ā*. Имеются все основания думать, что краткое и долгое *a* различались в скифском. Фонематическое (смыслоразличительное) значение противопоставления исходных *a* и *ā* весьма велико на протяжении всей истории иранских языков. В осетинском старое количественное различие перешло в качественное: гласный *a* дал более закрытый и более передний гласный *æ*, как бы средний между *a* и *e*, *ā* дал открытый *a*. К сожалению это фундаментальное различие не передается греческой (и латинской) записью. Встречая, например, в скифских именах элемент *sav* (σᾱυ), мы не знаем подчас, скрывается ли за ним *syāva* 'черный' (ос. *saw*) или *sava* 'утро' (ос. *sæw*-). Единичные случаи передачи скифского *a* через *ε* или *αι* указывают, быть может, на наметившееся продвижение краткого *a* в сторону *e*, как в осетинском; напр., ἐνάρεεε = др. иран. *anarya*, Σέρραχος = ос. *sæwrag* 'утренний', Πάταχος = ос. *fætæg*, 'Ραβαίγ... = ос. *ræwæg* и др. В Ἰέζδαχος, Ἰέζδραδος (к др. иран. *yazata*) переход *a* в *e* следует объяснять влиянием предшествующего *i*; этот процесс ассимиляции привел в дальнейшем к осетинскому *izæd*.

Гласный *ā* перед носовыми перешел в осетинском в *o*. Случилось это, повидимому, не очень давно: осетинские заимствования в венгерском, балкарском, карачаевском, сванском, абхазском чужды этому переходу. Тем более трудно допускать его в скифский период. Действительно, в нашем «словаре», под словами *dāni* 'река' (ос. *don*), *andān* 'сталь' (ос. *ændon*), *zarant* 'старый' (ос. *zæronð*), *manu* 'человек', 'муж' (ос. *mojnæ*), *pāta* 'имя' (ос. *nom*) и др. мы видим неизменное сохранение *a*: Δάνατρις, Τάναις, Ζάρανδος, Νάμνηνος и пр. Если, наряду с этим, мы встречаем в некоторых иранских по виду именах *ω* или *ο* перед носовыми, напр. Ἀρδάμων, Ῥαδάμων, Σαράων, то здесь надо видеть либо ограниченное диалектальное явление, либо неточное написание.

Гласные *i*, *u*. Различение количества этих гласных уже в древнеиранском имело второстепенное значение. В осетинском оно не оставило никакого следа. Поэтому мы игнорируем его и для скифского.

В дигорском диалекте гласные *i*, *u* сохранились нерушимо от древнеиранского периода. В иронском они слились в один гласный неполного образования *y* (ə). Скифский смыкается здесь, как и в других случаях, с дигорским.

Передача скифского *i* в эпиграфических припонтийских памятниках двоякая:

через *ι*: Ἰνσάζαχος, стар. ос. *insæz*, др. иран. *vinsati*, Φίδας = ос. *fidæ*, др. иран. *pitā*;

через *ει*: Λείμωνος = ос. *liman* (но ср. Λίμναχος от этого же слова); μείστος (в Ῥαδάμειστος) = ос. *mizdæ*, др. иран. *mižda*.

Передача скифского *i* через *η*, которую допускают Вс. Миллер (Известия Археолог. Комиссии 47, стр. 80) и М. Фасмер (Streitberg-Festgabe, стр. 368), для нас не очевидна. Имя Νάμγηνος действительно соответствует осетинскому *nomgin* 'именитый', но суффикс *-gin* восходит, как кажется, к древнеиранскому *-kaina* и в скифскую эпоху всего вероятнее звучал *-gen*, а не *-gin*, ср. Κηνέξαρος = др. иран. *kaina-xšadra*. Первые признаки смешения *η* и *ι* в аттических надписях отмечаются с середины II века н. э. Однако широкое распространение этого явления относится к значительно более позднему времени. В переводе Библии на готский язык (IV век н. э.) *η* передается преимущественно через *ē*, а *ι* и *ει* через *ei*. В армянском в V веке н. э. *η* передается через *e* в 28 случаях, а через *ī* только в шести. В Малой Азии и в понтийско-греческом различие *η* и *ι* удерживалось значительно дольше, чем в самой Греции.¹ Нет поэтому достаточных оснований для допущения, что в скифских именах и словах *η* передает *i*. Передача *i* через *η* характерна для византийской эпохи, как мы видим, например, в зеленчукской аланской надписи (см. ниже, стр. 269).

Гласный *u* передается трояко:

через *ou*: Φούρτας = ос. *furt*, др. иран. *puθra*; Ἀσπουργος = ос. *afsurǰ* || *afsorǰ*; Ζουγδαία = ос. *suǰdaeg*; Κουζαίος = ос. *kuz*; Ἀλούδαγος к ос. *eluton*;

через *o*: Ζόρυακος = ос. *surx*, др. иран. *suxra*; Ζτοράνη, Ζτο[ρ]σάρακος, Ζτόρμας к ос. *stur*, др. иран. *stura*; Ἀρξόναστος к ос. *ardun*, др. иран. *druna*;

через *u*: Ζτύρανος (ср. Ζτόρανη) к *stur*; Ματυέται к ос. *matux*, др. иран. *matuka*; Вс. Миллер полагает, что в последних случаях скифский гласный приближался к *y* (ə) иронского диалекта (Изв. Археол. Ком. 47, стр. 89).

Дифтонги *ai*, *au*. В истории этих дифтонгов наблюдается закономерность, прослеживаемая в ряде иранских языков: вслед за первоначальным дифтонгальным состоянием, представленным в Авесте и древнеперсидском, наступает стяжение *ai* в *ē*, *au* в *ō* («среднеиранское» состояние), после чего возможно еще эвентуальное сужение *ē* в *ī*, *ō* в *ū*. Дигорский диалект осетинского языка отражает вторую ступень (*e*, *o*), иронский диалект — третью (*i*, *u*). В положении перед *n* старые дифтонги сужаются обычно в *i*, *u*: *zærinæ* 'золото' (пз *zaranya* → *zaraïna*), *ǰun* 'шерсть' (из *gauna*).

Какова картина в скифском? Учитывая большой период, охватываемый нашим материалом, мы можем ожидать, что в нем окажутся представленными не одна, а несколько ступеней развития иранских звуков, в том числе и дифтонгов. Так оно и есть в действительности. В Καινάξαρτος (др. иран. *kainaxšadra*), (Πόντος) Ἄξεινος, Ἄορσοί (др. иран. *auriša*), перед нами, как можно думать, еще старые дифтонги *ai* и *au*. Но эти же

¹ E. H. Sturtevant. The pronunciation of Greek and Latin. 1940. стр. 37—38.

слова (*kaina*, *axšaina*, *auruša*) встречаются в иной форме: *κην-* (в *Κηνέξαρδος*), *αξην-* (в *Χαράξηνος*) и *ορσ-* (в *Ἄλανορσοί*). Вполне возможно, что нестяженные (*ai*, *au*) и стяженные (*ē*, *ō*) формы существовали некоторое время параллельно, как, например, в современном осетинском уживаются рядом *næwæg* и *noġ* 'новый', *ræwæg* и *roġ* 'легкий'. Убедительным доказательством того, что не только *ai*, но и *ei* могли произноситься дифтонгально, служат скифские *Ἀφθαίμακος* и *Ἀφθείμακος*, которые нельзя, очевидно, отделять от ос. *ævdæjmaġ* 'седьмой'.¹

Скифские *ē* и *ō*, вышедшие из дифтонгов *ai* и *au* передаются соответственно через *η*, *ε* и *ω*, *ο*:

Κηνέξαρδος (см. выше); *Χαράξηνος* (см. выше); *Μεύακος* = *maivaka*, ср. ос. *mewæ*;

Γώσακος = *gaušaka* = ос. *ġosæg*; *Ῥωξάνη* к др. иран. *rauχšna*, ос. *roxš*; сюда же *Ῥωξολανοί* = ос. *roxš-allon* и *Ῥωξανάκη*; *Ῥάσσογος* = *frasauka* = ос. *ræsog*; *Ῥορσοί* = *auruša* = ос. *ors*.

Многочисленными другими примерами можно было бы иллюстрировать пестроту и непоследовательность в передаче скифского вокализма греческими знаками. Что здесь следует отнести за счет диалектальной пестроты самой скифской речи и что за счет ошибок и неточности писцов, — сейчас трудно установить. По всей вероятности имело место и то, и другое.

В передаче согласных мы видим примерно такую же картину.

Лишь в отношении *k* (κ), *x* (χ), *d* (δ), *p* (π), *f* (φ), *m* (μ), *n* (ν), *r* (ρ) можно чувствовать себя на твердой почве.² В отношении всех остальных согласных греческая передача обычно оставляет место для тех или иных сомнений и неясностей.

Согласные *g* и *ġ* могли передаваться только одним знаком γ. Поэтому мы не можем установить, совершился ли уже в скифское время переход всех старых *g* в *ġ*, как это мы видим в дигорском диалекте осетинского языка; следует ли, скажем, имя *Γώσακος* произносить *ġōsak* или *ġōsak* и т. п.

Пытаясь представить себя в положении писцов, выписывавших «варварские» имена греческим письмом, можно предполагать, что больше всего неприятностей причиняли им аффрикаты *č*, *j*, чуждые, как известно, греческому (и латинскому) языку. На нашем материале распознаются пять способов передачи аффриката *č*: τ, θ, θι, σ, ζ.

Передача через τ: *Ἀταμάζας* = ос. *Aætæg* (из *Wāčamaġ*?) 'нартовский герой'; этот случай, благодаря тому, что имя целиком сохранилось в нартовском эпосе, является совершенно надежным и позволяет расшифровать имя алаанского божества *Οὐαταφάρνης* как *Wāčafarna*. Уместно

¹ Стяжение дифтонга *ai* в *ē* и *ei* в *ē* началось в аттическом во II веке до н. э. и широко распространилось ко II веку н. э. (см. M. Lejeune. *Traité de phonétique grecque*, 1948, стр. 199—200; E. H. Sturtevant, цитир. соч., стр. 40, 41, 49, 50). Однако в греческих колониях северного Причерноморья фонетические процессы могли значительно запаздывать по сравнению с метрополией.

² Наблюдается, впрочем, колебание при передаче скифского *x* (χ); см. ниже, стр. 243.

напомнить, что и в древнеперсидских именах *č* передается нередко через *τ*: *Čissafarna* — *Τισσαφέρνης*, *Čidrataxma* — *Τριταντάξιμης*, *Čispi* — *Τείσπις* и др.

Передача через *θ*: *Χοράδος* = ос. *xor-wac* (*hvar-vāč*) «вестник солнца»; ср. такую же передачу у Геродота: *Ἀσπαδίνης* = др. перс. *Aspačana*.

Передача через *θ*: *Θιάρμαχος* = *čarmak*, *Θιάβωγος* = ос. *čewæg* «ходок»? *Θιάγαρος* = ос. *čağar* «раб»? Из этих примеров первый во всяком случае надо считать бесспорным.

Передача через *σ*: *Ἀνάχαρσις* = *anaxvarci* (из *anaxvarti* с переходом *ti* → *ci* как в осетинском) «невредимый» (?); *Σαυάνων* = ос. *šawænon* «охотник»? *Sangibanus* = стар. ос. *čangi-ban* = ос. *congibon* «сила длани» (?). Хотя в приведенных примерах анализ нельзя считать окончательным, однако самая возможность передачи *č* через *σ* (*s*) вряд ли возбудит сомнения; ср. у Геродота *Μεγασίδρας* = др. иран. *Bagāčidra*.

Передача через *ζ*: *Ζάβαγος* = ос. *čewæg zæwæg* «ходок» (к *čyav-* «итти»), *Ὀυαζώζαχος* = *vahu-vāča-ka*, *Καρζάχος* = ос. *karz-wac* (*karsavāč*); в этих примерах старое *č* имело возможно тенденцию к озвончению и, стало быть, *ζ* передаст здесь не глухой *č*, а звонкий (или полувзвонкий) *j* (*š*); ср. в осетинском рядом с *wac* косвенный падеж *wazæn* (*wazæn aftæ akænync* «пословица гласит»), а также слова *waz-imis* «поэт», «сочинитель» и *Waz-aftawæ* — женское имя в нартовских сказаниях. Однако возможность соответствия *č* = *ζ* также не исключена, ср. пехл. *patbāč* — *πoтiβaչiς*.

Как видит читатель, наши соображения о передаче аффриката *č* основаны в значительной части на слове *vāč*. Это слово не было распознано в скифских именах нашими предшественниками. Для нас его существование в скифском представляется несомненным. Нашу уверенность мы черпаем в фактах осетинского языка. Важнейшие христианские «святые» снабжены в осетинском эпитетом *Wac*; *Was-Gergi*, *Wac-Illa*, *Was-Totur*, *Wac-Nikkola*. Это говорит о том, что в дохристианской Осетии *wac* был одним из главнейших культовых понятий. Такое понятие имело все данные входить в состав личных собственных имен в дохристианскую эпоху. И действительно в замечательном народно-эпическом памятнике, восходящем к этой эпохе, мы находим два женских имени *Waciroxs* «Свет *Wac*'а» и *Wazæftawæ* «Умножающая *Wac*» и название чудесной чаши *Wacamonga*.¹ Эти примеры показывают, что *wac* означал не только «слово», но некую высшую «божественную» силу, наряду с *farna*, *arta*, роль которых в иранском ономастиконе известна. В нартовском сказании «Песнь об Адамасе» говорится, что от небожителей исходит *waca roxs* «свет *Wac*'а». ² Ясно, что значение «слово» для *wac* недостаточно. *Wac* имел прямое и тесное отношение к тому, что мы называем «религиозным». Это был не *λόγος* с маленькой буквы, а Логос с большой. Вот почему мы считаем, что

¹ В Авесте *vāč* входит также в состав имен двух легендарных женщин, сестер родоначальника людей Имы: *Erənavāč* и *Sawāñhavāč* (Yt. 5, 34; 9, 14)

² В. Абаев. Из осетинского эпоса, 1939, стр. 57.

аланское божество Οὐαταφάρνης есть *Vāca-farna*, ос. *Wasæ-farn*.¹ Возникает мысль, что «христианские» названия *Was-Illa*, *Was-Gergi* и т. п. построены по готовым образцам названий дохристианских божеств типа *Wasæ-Farn* = Οὐαταφάρνης .

Принимая во внимание, что фонетические и палеографические данные не препятствуют видеть слово *vāc* во всех тех скифских именах, где мы его усматриваем, кажется, что введя это слово в скифский лексикон, мы не совершили ошибки...

Возвращаясь к скифским аффрикатам, мы должны отметить, что греческое письмо совершенно маскирует еще одно важное различие: между шипящими (\check{c} , \check{z}) и свистящими (c , z) аффрикатами. Поэтому из скифского материала нельзя извлечь ничего положительного для решения вопроса о происхождении и датировке осетинского цоканья. Известно, что в осетинском (кроме некоторых говоров) старые \check{c} , j (\check{z}) заменились c , z . Произошел ли этот переход уже в скифскую эпоху? Не известно. Все знаки, которые служили для передачи \check{c} (τ , ϑ , $\vartheta\iota$, σ , ζ), могли передавать также c . Осетинские заимствования в соседних кавказских языках указывают на цоканье. Поэтому кажется, что современное осетинское цоканье — явление не очень древнее и во всяком случае не может восходить к скифским временам. Лишь в тех случаях, где аффрикат вышел из ti , мы можем предполагать c (z), а не \check{c} (\check{z}): $\iota\nu\sigma\alpha\zeta$ = ос.**insæz* (из *vinsati*) в Ἰνσάζαρος , $\alpha\rho\zeta$ = ос. *arc* (из *arsti*) 'копье' в Χώδαρζος , $\alpha\zeta\iota\alpha\rho$ = ос. *æcæg* (из *hatyaka*). В Κουζαῖος (от *kuti*) можно, в согласии с осетинским *kuz*, предполагать звонкий z , как и в Ἰνσάζαρος .

Согласные t и ϑ . Различались ли эти согласные в скифском, как они различались, скажем, в авестийском и древнеперсидском? Обращаясь к современному осетинскому, мы устанавливаем, что t в словах, например, *tærs*- 'бояться' и *fætæn* 'широкий' звучит совершенно одинаково, хотя первый восходит к др. иран. t , а второй к др. иран. ϑ . Однако перенести это состояние на скифский период и утверждать, что уже тогда эти согласные совпадали было бы ошибкой. Нетрудно доказать, что различие древнеиранских t и ϑ имело место в осетинском, но утрачено. Об этом говорит их различная судьба в Inlaut'e после сонорных. Старый t в этом положении озвончается (*madæ*, *ard*, *mard* из *mātā*, *arta*, *marta*), тогда как ϑ остается глухим (*fætæn*, *art*, *furt* из *padana*, *āθr-*, *puθra*). Эта различная историческая судьба была бы необъяснима, если бы в древнеосетинский период между двумя согласными не было качественной разницы. Поэтому в восстанавливаемых нами скифских формах мы неизменно проводим это различие. Поэтому, например, скифское название пива мы

¹ Вс. Миллер видел в первой части ос. *wat* 'комната' («бог комнаты»). Не говоря о том, что слово *wat* не прослеживается в скифо-сарматском, непонятно, о каком «комнатном» божестве могла быть речь у кочевого или полукочевого народа, для которого, по словам Аммиана Марцеллина, повозка была домом и «родиной».

восстанавливаем в виде *aluθ*, а не *alut*: в последнем случае в осетинском было бы *æludon*, а не *æluton*, как оно есть в действительности.¹

Отражено ли различие *t* и *θ* в скифских именах, записанных греческим письмом? Наличие в греческом двух знаков, τ и θ, открывало для этого полную возможность. Картина, которую мы находили, лишь отчасти отвечает нашим ожиданиям. В слове *x̄sadr̄a* (ос. *xsart̄*) в восьми случаях стоит θ: ξαρθ, и лишь в двух τ: Ξάρταμος, Σαρτάκης. Но в слове *puθra* в двух более древних по форме (сохранение *p* без перехода в *f*) и по датировке свидетельствах из Ольвии стоит θ: Πουρθαῖος и Πουρθάκης, тогда как в двух более новых по форме (переход *p* → *f*) и по датировке случаях из Танаиды стоит τ: Φούρτας и Ῥαδαμόφουρτος. Не говорит ли это о том, что на почве Танаиды в этот период (III в. н. э.) уже определилось то состояние, которое мы застаем в осетинском: утрата различия между старым *t* и θ? И не этим ли объясняется, что в надписях из той же Танаиды мы встречаем обратные случаи: написание θ там, где следовало ожидать τ, напр. Ῥαθαμίχκος = *hapta-ma-ka*?

Греческий τ мог передавать не только скифские *t* и θ, но в отдельных случаях и скифский *d*; в пользу этого говорят Τάνις (см. *dāni*) и Ταργίτζος (см. *darǰa*).

Полугласный *v*. Передается разнообразно: через ου, ο, β, υ (после гласного). Группы *vā*, *va* могут принимать вид ουα, οα, ω, ο, βα. Примеры см. под словами *vāc̄*, *vahu*, *van-*, *vara*, *varāza*, *varka*, *varu*, *vārz-*, *syāva*, *sava*, *nāv*, *nava*.

В скифском уже наметилось одно характерно: для осетинского явление: отпадение *v* в начале, а также внутри слова. Однако ни в осетинском, ни в скифском оно не имеет силы абсолютного закона. Перед гласным *i* неохотно терпелся *v*: др. пран. *vinsati* — скиф. Ἰνσάζαχος — стар. ос. *insæz* — ос. *insæj yssæz*. Однако в слове ос. *winun* 'смотреть' старый *v* удержался. Перед гласными *ā*, *a* старый *v* отпадал лишь sporadически: *Aciroxs* рядом с *Waciroxs* 'женское имя', *Acamongæ* рядом с *Wacamongæ* 'название чудесной чаши', *arun* из **var-* 'находить' и несколько других случаев. Эти случаи дают нам право восстановить ос. *Acætæz* = скиф. Ἄταμάζα в *wāca-maza*, а скиф. Δανράζμαχος в *Dan-Varazmak*. Для последнего случая ср. ос. *bunai* 'место' из *bun-wat*, *fudag* из *fud-wag*, скиф. Φόδζχος.

Серьезным дефектом греческой (и латинской) графики с точки зрения обозначения скифских звуков было неразличение звуков *s* и *š*, также *z* и *ž*. В современном осетинском старые *s* и *š* (а также *z* и *ž*) совпали в одном сибиллянте, который в различных диалектах приближается то к *s* (*z*), то к *š* (*ž*). Определилось ли это совпадение зубных и палатальных сибиллянтов уже в скифском или там они еще различались? Было ли, скажем,

¹ На этот раз и греческая передача поддерживает форму *aluθ*: Ἀλούθαχος.

различие в значении σ в Μάστας (др. иран. *masta*, ос. *mast*) и Ἀρδόνστος (др. иран. *ašta*, ос. *ast*)? На этот вопрос греческая графика не дает ответа.

Древнеиранский *h* удержался в осетинском только в положении перед *i*, *u* и в сочетании *hv*. В других положениях он исчез. На нашем материале можно видеть, что произошло это еще в скифскую эпоху. Приставка *ham-* в скифских именах звучит *am-*: *Ambazuk*, Ἀμβουστος и др.; *hatya* дало *atya*, *acya*: Ἀτέας, Ἀζίαχος; *hapta* — *aft*, *avd*: Ἀφθαίμαχος, Ἀρδάβδα.

В положении перед *i*, *u* старый *h* «сгустился» в осетинском в *x*; соответственно в скифском находим χ : др. иран. *hu-* — скиф. $\chi\sigma-$ (Χόφαρνος, Χόμευος и др.), др. иран. *vahu* — скиф. $\sigma\alpha\chi-$, $\sigma\alpha\chi-$, $\sigma\chi-$ (Ἀρσηρούαχος, Ὀχοαρχάνης и др.). Однако в нескольких надежных случаях *h* (χ) перед *u* отсутствует, то ли потому, что он не был воспринят записывающим, то ли потому, что была допущена ошибка: Οὔστανος = *hu-stāna*, Ὀδάτις = *hu-dātā*, Οὐμβηρούαρος = *hum-bevar*. Сочетание *hvā* (*xvā*) является в виде $\chi\sigma\alpha$, $\chi\sigma\upsilon\alpha$, $\chi\omega$, $\chi\sigma$ (Χοάργαρος, Χουάρσαζος, Χώδαρχος). В названии солнца скифский вместе с осетинским даёт *xor* в соответствие древнеиранскому *hvar*.

Нижеследующая таблица дает представление о том, какие скифские звуки могут скрываться за греческими знаками:¹

α — \bar{a} , <i>a</i>	μ — <i>m</i>
$\alpha\iota$ — <i>ai</i> , <i>e</i>	ν — <i>n</i>
β — <i>b</i> , <i>v</i> (<i>w</i>)	ξ — <i>xš</i> , <i>xs</i> , <i>kš</i> , <i>ks</i>
γ — <i>g</i> , \check{g}	\omicron — <i>o</i> , <i>u</i> , <i>v</i> (<i>w</i>), <i>va</i>
δ — <i>d</i>	$\omicron\upsilon$ — <i>u</i> , <i>v</i> (<i>w</i>)
ϵ — <i>e</i> , <i>a</i> , <i>i</i> (<i>y</i>)	π — <i>p</i> , <i>b</i>
$\epsilon\iota$ — <i>i</i> , <i>ai</i>	ρ — <i>r</i>
ζ — <i>z</i> , \check{z} , <i>z</i> , (<i>dz</i>), <i>j</i> (<i>dž</i>), <i>c</i> , \check{c}	σ — <i>s</i> , \check{s} , <i>z</i> , \check{c}
η — <i>e</i> , (<i>i</i> ?)	τ — <i>t</i> , <i>d</i> , \check{c}
θ — ϑ , <i>t</i>	υ — <i>u</i> , <i>v</i> (<i>w</i>)
$\theta\iota$ — \check{c} (<i>c</i> ?)	ϕ — <i>f</i>
ι — <i>i</i> , <i>y</i>	χ — <i>x</i> , <i>h</i>
κ — <i>k</i> , <i>x</i> , (в исходе) <i>g</i>	ψ — <i>fs</i>
λ — <i>l</i>	ω — <i>o</i> , <i>u</i> (?), <i>va</i> , <i>vā</i>

Звуковая форма скифских слов, как мы их находим в эпиграфических и иных источниках, не совпадает уже с тем «праскифским» состоянием, которое мы пытались восстановить в нашем «лексиконе». Ко времени, когда были зафиксированы скифские имена и названия, язык успел проделать известную фонетическую эволюцию, выявить ряд фонетических тенденций и процессов, определивших звуковую индивидуальность скифского

¹ Мы опускаем единичные, неправдоподобные с фонетической и палеографической стороны соответствия, в которых можно предполагать ошибки, описки или неточное восприятие писцов или, наконец, «эллинизацию» скифских сочетаний.

языка среди других иранских языков. Как показали Вс. Миллер¹ и М. Фасмер,² эти тенденции и процессы совпадают с теми, которые характерны для осетинского языка. В последнем они нашли свое дальнейшее развитие и завершение.

Из звуковых изменений, которые затрагивают не отдельные звуки, а целые ряды их, наиболее характерны для осетинского озвончение некоторых глухих после сонорных и спирализация некоторых смыхных. Можно считать установленным, что оба эти процесса определились уже в скифский период.

Озвончение $k \rightarrow g$. Это явление особенно обильно иллюстрируется примерами с суффиксом *-aka*, *-āka*, получившим в осетинском форму *-ag*, *-ag*. В скифский период этот переход еще не завершился, и мы находим параллельно формы с *k* и *g*: Βαδάκης || Βάδαγος, Φαρνάκης || Φάρναγος, Ἄβνακος || Ἄβναγος, Κάσακος || Κάσαγος, Ναύακος || Ναύαγος, Μήθακος || Μήθαγος, Σταύακος || Σεαύαγος, Σπάδακος || Σπαδάγας, Φλιμάνακος || Φλείμναγος. Слова *sāka* 'олень', *akāsa* 'целый' мы также встречаем в двух вариантах, с *k* и *g*: *sāk-*, *sāg*, *akās*, *agās*, *igās* (см. в «словаре» под этими словами); ср. также *Asparuk* и Ἀσφώρουγος. В тех именах, где нет параллельных форм, преобладает *k*: Ἀμαίακος, Ἀρνάκης, Ἀρσάκης, Ἀσπακος, Βράδακος, Βώρακος, Γώσακος, Δαναράζμακος, Ζεύακος, Ιαύακος, Μάρζακος, Ουαράζακος, Σαρακος, Σταύακος, Στύρακος, Σώρακος, Φόδακος, Φότακος, Χωδόνακος и др. Но и такие имена, которые дошли до нас только с *g*, весьма многочисленны: Ἀλούθαγος, Ἀβραγος, Δουάραγος, Ἰαζάδαγος, Ἰάφαγος, Ἰνσάζαγος, Μανίαγος, *Rasparaganus*, Ῥάσσογος (из *frasauka*), Σάναγος, Ουαργ- (*varg*) из *varka* 'волк' и др.

Озвончение $t \rightarrow d$. Поучительны и здесь те случаи, когда одно и то же слово представлено на двух этапах своего звукового развития: на более раннем с глухим согласным и более позднем — со звонким:

aft 'семь' (в Ἀφθαίμακος) и *avd* (в Ἀρδάβδα) из *hapta*, ос. *avd*;

pit- 'отец' (в Πιτφαρνάκης) и *pid-*, *fid-* (в Πίδος, Φίδας) из *pitā*, ос. *fidē*;

pant- 'дорога' (в Παντικάπιον) и *fand-* (Φανδάραζος) из *panta*, *panti*, ос. *fēndag*;

ārgūt- ('Αργότας) и *ārgūd-* ('Αργόδας) из *āgruta*? ос. *arḡūd*.

Некоторые слова дошли до нас только с глухим *t*:

Πόρατα 'река Прут', ос. *ford* 'большая река';

dāta 'созданный' (в Παραλάται, Ὀδατις).

¹ ЖМНП, 1886, окт., стр. 269—270 («подавляющее большинство иранских имен представляет такие звуковые черты, которые роднят их с осетинским языком»); Осет. Эт., III, стр. 83.

² *Iranisches aus Südrussland*, Streitberg-Festgabe, 1924, стр. 367 сл.; *Die Iranier in Südrussland* 1923, стр. 28—29 («die sarmatischen Sprachreste zeigen eine Reihe lautlicher Uebereinstimmungen mit dem Ossetischen... Es kann danach an einem nahen Zusammenhang zwischen Sarmatisch und Ossetisch nicht gezweifelt werden»).

В подавляющем большинстве случаев скифские имена отражают то состояние, когда переход *t* в *d* после гласных и сонорных уже совершился:

Φίδας и пр. из *pitā*, ос. *fidæ*;

Μάδα из *mātā*, ос. *madæ*;

Βράδαχος из *brātā*, ос. *ærvadæ*;

Σαδαῖος из *sata* 'сто', ос. *sædæ*;

yazad, *yez[a]d* (в Ιαζάδαχος, Ιέζδαχος) от *yazata*, ос. *izæd*;

irvid (в Gen. Ἰρβιδος) из *brīta*, ос. *ilvid*;

hvad- (в Χώδαρζος) из *hvata*, ос. *xvæd*;

radam (в Ῥαδαμφορτος и др.) из *fratama*;

ard (в Ἀρδαβδα и др.) из *arta*, ос. *ard*;

Ζάρανδος из *zarant*, ос. *zæronð*;

bağd (в Βάγδοχος) из *baxta*;

suğd- (в Σουγδαία) от *suxta*, ос. *suğdæg* и др.

Озвончение остальных глухих согласных в скифском наблюдается лишь в единичных случаях. В словах Οὐαχώζαχος и др. ζ выражает, повидимому, *j* (ž), вышедший из *ċ* (*vāċ* → *vāj*). Однако ζ мог передавать и глухой *s*, если только мы правильно разобрали имена Χώδαρζος = *xvædarc*, Ἀζίαχος = *æcæg*. Озвончение *f* → *v* имеем в Εὐβαρνάκης (*eu-varnak*) из *eu* + *farnak*; ср. в осетинском *Bonværnop* из *Bon-færn-on* «Вестница дневного *farn'a*» (= «планета Венера»).

Обозревая имена, в которых наблюдается колебание между глухими и звонкими, а также те, где на месте старых глухих господствуют звонкие, мы видим, что они встречаются в надписях, относящихся преимущественно к II—III вв. нашей эры.¹ Не будет большой ошибки утверждать, что в этот именно период происходил переход глухих в звонкие в определенных положениях. Но нет никаких оснований думать, что на всем пространстве скифских наречий перебой совершался одновременно. В отдельных диалектах он мог иметь место значительно раньше или позже. Примерами весьма древнего озвончения старых *k* и *t* могут служить *Μασσαγέται* (Геродот), если из *manu-sāka-ta*, *Thyrsagetæ* из *tura-sāka-ta*, далее название Согдианы (др. перс. *Suguda*, ср. Σουγδαία в Крыму) из *sukta*. Так как и массагеты и Согдиана ведут нас в Среднюю Азию, то можно высказать предположение, что в тамошних скифских и скифо-согдийских говорах озвончение поствокальных глухих имеет большую древность. Дальше робкой гипотезы пойти нельзя ввиду скудости материала.

Спирантизации или переходу во фрикативы подвергались в осетинском не все смычные. Сплошная спирантизация, во всех почти положениях.

¹ Ср. М. Фасмер в *Streitberg-Festgabe*, стр. 372—373.

захватила только смычные *g* и *p*, которые перешли соответственно в *ǰ* и *f*. Частичной спирантизации (в *Inlaut'e*) подвержены *k* и *b*. Совершенно не коснулось это явление зубных *t* и *d*.

Имеется ли и тут единство между скифским и осетинским? Переход *g* в *ǰ* невозможно распознать на доступных нам источниках по уже отмеченной выше причине: греческая графика не различает *g* и *ǰ*, передавая то и другое через *γ*. Тем не менее можно утверждать с большой долей уверенности, что перебой *g* → *ǰ* произошел в скифскую эпоху и притом до рассмотренного выше озвончения *k* → *g*. В самом деле, если бы перебой *g* → *ǰ* произошел после озвончения *k* → *g*, то он захватил бы и те *g*, которые возникли в результате озвончения старого *k*. Между тем, как видно из осетинского, *g*, вышедший из *k*, не подвергался спирантизации. Следовательно, ко времени перехода *k* в *g* после гласных, закон спирантизации *g* → *ǰ*, сделав свое дело, уже утратил силу.

Переход *p* → *f*, отлично фиксируемый греческим письмом, представляет одну из ярких звуковых черт, объединяющих осетинский со скифским в один фонетический тип, противостоящий всему остальному иранскому миру.

Другие иранские языки знают только частичную спирантизацию *p* (перед согласными). Только в скифском и осетинском всякое *p* (если только ему не предшествует *m*) переходит в *f*. Из других индо-европейских языков через такой сплошной перебой прошли германские языки и армянский, что дает право говорить об общем скифо-германо-фракийском звуковом перебое *p* → *f*.

Перебой *p* → *f* совершался, как и озвончение *k*, *t*, в скифскую эпоху, и мы можем, так сказать, видеть его своими глазами. На некоторых именах особенно удобно проследить, как старый *p* уступает место *f*.

pid- 'отец' (в Πίδος) и *fid-* (Φίδας и др.) из *pitā*, ос. *fidæ*;

purt- 'сын' (в Πουρδάχιος, Πουρδάχης) и *furt* (в Φούρτας) из *puθra*, ос. *furt*;

pant- и *fand-* 'дорога' из *panta*, *panti*, ос. *fændag* (см. выше);

asp- 'лошадь' (в Ἀσπαχος, Ἀσπουρος, Βόρασπος, Βαιόρασπος и др.) и *asf-*, *afs-* (в Ἀσφώρουρος, Ἀψαχος) от *aspa*, ос. *æfsæ*;

spād- 'войско' (в Σπάδαχος, Ἀμώσπαδος и др.) и *fsād* (в Βωρόφαζος?), ос. *æfsad*;

spar- 'наступать' (в *Aspar*, *Rasparaganus* и др.) и *sfar-* (в Σφαρόβαις?), ос. *æfsærun*;

kapa 'рыба' (в Παντικάπαιον) и *kaf* (в Καφάναχος, *Caffa*), ос. *kæf*.

Известное число слов засвидетельствовано только с *p*:

paradāta (Παραδάτα);

āpra (в Δάναπρις, Ἀρπόξαις), ос. *arf*;

Πόρατα, ос. *ford*;

parsu и *panaka* (в Παρσπάναχος, ср. ос. *fæjnægvars*) и др.

В большинстве же имен старое *p* выступает уже как *f*:

pasu 'овца' дало *fus* (Φόσακος), ос. *fus*;

paru 'много' дало *fur* (Φορίζκος и др.), ос. *fur*;

pāri (приставка) → *fal* (Φαλδάρανος), ос. *fæl-*;

pūta → *fud* (Φόδακος), ос. *fud*, *fudag*;

hapta → *aft* и *avd* ('Αφθαίμακος, 'Αρδάβδα), ос. *avd*;

āp → *yāf-* (Ίάφακος), ос. *æjjafun* и др.

В начале слова перед *r* согласный *f* имел в осетинском особую судьбу: он исчезал. Это явление восходит также к скифскому времени:

frasaika → *rasog* ('Ράσσογος), ос. *ræsog* 'чистый';

frāk- 'рано' → *rāg* (в Σεύρακος), ос. *rag*;

fratama 'первый' → *radam* (в 'Ραδαμόφουρτος, 'Ραδάμειστος и др.), в осетинском не сохранилось;

frīman 'друг' → *līman* (в Λείμανος, Λίμνακος), ос. *līmæn*; как бы для того, чтобы у нас не осталось сомнений относительно происхождения этого слова и относительно предшествующего звукового состояния, надписи сохранили нам и более старую форму *flīman* (в Φλιμάνακος, Φλειμναγος).

Специфическими для осетинского являются некоторые метатезы согласных. Самый распространенный вид — метатезы с участием *r*: в группе из двух согласных *r* не мирится с положением на втором месте и перескакивает на первое. Это же самое явление имеет место и в скифском.

θr → *rθ*: *puθra* → *purθ* → *furθ*: Πουρθαῖος, Πουρθάκης, Φούρτας, ос. *furt*;

xšadra → *xšard-*: Ξάρθανος, Ξάρθαμος, Αλέξανθος, Φαρνόξανθος, Καινάξανθος и др., ос. *xsar̥t*, *xsar̥*; сохранение группы *θr* имеем в Σατράκης и Σατρωβάτης;

ār → *ārθ*: 'Αρδάμων, Ψενδαρτάκη, ос. *art*;

dr → *rd*: *druna* → *ardun-*: 'Αρδόνιστος, 'Αρδονάγαρος, ос. *ærdun*;

xr → *rx*: *suxra* → *surx*: Σόρχακος, ос. *surx*;

pr → *rp* → *rf*: *āpra* → *ārpa*: Δάναπρις, 'Αρπόξαις, ос. *arf*;

br → *rb* → *rv*: *brīta* → *irvid*: 'Ιρβις, 'Ιρβιδος, ос. *ilvid*.

В имени 'Αβραγος из *abra*, *avra* 'небо', ос. *arv*, метатеза еще не произошла.

Из других осетинских метатез в скифских именах можно обнаружить метатезу *sp* (*sf*) → *fs*:

asp- → *afs-*: 'Ασπακος → 'Αψακος, ос. *æfsæ*;

spāda → *fsad*: Σπαδάγος → Βωρόψαζος, ос. *fsad*.

В нескольких случаях можно говорить, кажется, об ассимиляции согласных в скифском:

nt → *nt*: *tamtar* (Μάμταρος) из *tan-tar* 'мужеубийца'; ср. такую же ассимиляцию в осетинском, напр. *tættæ* 'ко мне' из *tæn-tæ* и^Фт. п.

ns → *ss*: *massag* (Μασσαγέται) из *tan-sag* 'человек-олень', 'человек-сак'; ср. в ос. *fyssyn* из *fynsyn*, диг. *fīnsun* 'писать' и т. п.

rs → *ss*: *tussag* (Θυσσαγέται) из *tur-sag* (*Thyrsagetae*) 'быстрый олень' → 'туро-сак'; ср. в ос. *xæssyn* из *xærsyn*, диг. *xærsun* 'нести'.

Переход *r* в *l* перед *i* представляет характерную черту исторической фонетики осетинского языка. Как видно из нижеследующих примеров, начало этого явления восходит к скифскому:

aryana → *alyana* → *alfljan*: 'Αλανοί, *Alani* 'аланы', ос. *allon*;

arya → *alya* → *ala*: 'Αλέξαρχος = *arya-xšadra*;

friman → *fliman* → *liman* 'друг': Φλιμάννακος, Φλείμννακος, Λείμνακος, ос. *limæn*;

urari 'над' → *val*: 'Ολθαρός, 'Ολκάβας, ос. *wæl*;

adari 'под' → *dal*: Δαλόσνακος, Δαλάσιος, ос. *dæl*;

rari- 'пере-' → *fal*: Φαλδάρνακος, ос. *fæl*.

Во времена Геродота (V в. до н. э.) этот переход еще не имел места, судя по ἐνάριες ἀνάριες «евнухи» = др. иран. *anarya*; ср. ос. *næl* 'самец' из *narya*.

К числу звуковых признаков, роднящих скифский язык с осетинским, относится ассимиляция *ti* → *ci*:

vinsati 'двадцать' → *insaz*: Ἰνσάζακος, стар. ос. *insæz*, ос. *insæj yssæz*;

arsti 'копье' → *arc*: Χώδαρζος, ос. *arcæ*;

kuti 'собака' → *kuz*: Κουζαῖος, ос. *kuz*;

hatya 'правдивый' → *acy*-. Ἀζίακος, ос. *æcæg*; в имени скифского царя 'Ατέας (Плутарх, Страбон) мы видим более древнюю форму этого же слова [*h*]*atya*, где *ti* еще не перешел в *ci*; имя 'Ραδαμσάδης = *fratama-šati* указывает, что закон *ti* → *ci* действовал не во всех скифских наречиях [если только *δ* перед *i* не произносилось здесь как *ζ* (*z*), что также возможно];

anahvarti 'невредимый' → *anaxvarci*: 'Ανάχαρσις.

Сопоставляя др. иранское *aryana* 'арийский' с 'Αλανοί, *Alani*, ос. *allon*, мы констатируем, помимо перехода *r* → *l*, исчезновение *y* после согласного. Это явление не случайное. Оно закономерно для осетинского; ср. *hatyaka* → *æcæg*, *syāva* → *saw* и др. В скифских именах *y* частью сохраняется, частью выпадает, как в осетинском. Так от *syāva* 'черный' имеем с одной стороны *Σιύνακος*, с другой *Σύνακος*, *Σαυδαράται* и может быть сюда же *Σαυρομάται*. В 'Αζίακος, если это имя равно *hatyaka* (ос. *æcæg*), *y* также сохранено.

Допустимо ли однако, чтобы в более древних по документации фактах *y* отсутствовал ('Αλανοί, *Σαυρομάται*), а в более новых сохранялся (*Σιύνακος*)? Разумеется, ничего невозможного в этом нет. Звуковое развитие в разных наречиях могло идти с разной скоростью, и в более новых по датировке источниках могут быть представлены более старые формы.¹

¹ В отношении *Σαυρομάται* могло быть и неточное написание вместо *Σιυ...*; засвидетельствована параллельная форма *Συμάται* (Евдокс по Стефану Визант.). Не есть ли здесь *υ* попытка передать сочетание *yav* в *syāva*?

Говоря о выпадении звуков, считаем излишним повторять здесь то, что говорилось нами выше (стр. 208) о выпадении, в определенных условиях, звуков *v* и *h*. Напомним только, что и в этих явлениях скифский и осетинский смыкаются.

Характерное для осетинского появление протетического гласного перед группой согласных прослеживается в скифском только в редких случаях, именно перед *r*: Ἀρδόναστος, ср. ос. *ardun*, др. иран. *druna* 'лук'; Ἰρβίτος, ср. ос. *ilvid*, др. иран. *brīta* 'бритый'. Но ср. Βράδαχος, ос. *ærvad*, др. иран. *brātā*; Ξάρδαχος, ос. *æxsar*, др. иран. *xšadra* и др.

Что дал нам разбор скифских имен с фонетической стороны? Если учесть бедность материала и несовершенство греческой передачи, то надо признать, что удалось извлечь много ценного и важного.

Самое существенное заключается в том, что полученные данные позволяют в значительной мере заполнить пустоту между древнеиранским состоянием, с одной стороны, и современным осетинским — с другой, и набросать, таким образом, примерную картину звуковой истории осетинского языка. Охватывая большой период, около 1000 лет, скифские материалы зафиксировали не один определенный этап этой истории, а несколько этапов. В этом их особенная ценность. Они позволяют наблюдать не только фонетические факты, но и процессы, послужившие переходом от древнеиранской звуковой системы к осетинской. Скифские материалы для осетинского *mutatis mutandis* то же самое, что для новоперсидского — древнеперсидский и пехлевийский, вместе взятые.

Следующие переходные явления мы можем наблюдать на скифском материале:

1. стяжение дифтонгов *ai*, *am* в *e*, *o*;
2. озвончение глухих (главным образом *k*, *t*) после сонорных;
3. спирализация *p* → *f*;
4. отпадение начального *f* перед *r*;
5. метатезы: *ḡr* → *rḡ*, *dr* → *rd*, *xr* → *rx*, *pr* → *rp*, *br* → *rb*, *sp* → *fs*;
6. переход *ri* → *l[i]*;
7. переход *ti* → *c[i]*;
8. выпадение *y* после согласных;
9. выпадение *v* в известных условиях;
10. исчезновение *h* в известных условиях.

Все эти скифские звуковые процессы обратились в дальнейшем в хорошо известные осетинские звуковые «законь». В скифский период они начали свое действие, в осетинском они получили дальнейшее развитие. Насколько скифские факты удастся датировать, большинство указанных звуковых изменений определилось ко II — III вв. н. э. (см. М. Фасмер в *Streitberg-Festgabe*, стр. 368—373). Звуковая история скифо-осетинского языка ставит еще ряд небезытересных вопросов:

1. возникновение качественного различия между *a* и \bar{a} ;
2. возникновение осетинского цоканья;
3. совпадение *s* и \check{s} , *z* и \check{z} ;
4. спирантизация *g* → \check{g} .

Об этих явлениях наш материал молчит: они завуалированы особенностями греческой графики.

4. МОРФОЛОГИЯ

Эта глава по необходимости должна быть очень краткой. Вне речевой деятельности нет словоизменения, и язык, от которого дошли хотя бы все слова, но ни одной связной фразы, остается для нас аморфным. Бесполезно поэтому искать в скифских именах ответа на вопросы по истории осетинского склонения или спряжения.

Кое-что можно выловить в материале, кажется, только по следующим вопросам:

1. о судьбе древнеиранских основ;
2. о родительном падеже;
3. о показателе множественности *t*.

1. Древнеиранские (и вообще древнеиндо-европейские) основы построены, как правило, по типу: корень плюс определитель основы (тематический элемент). В качестве последних выступают гласные *a*, *i*, *u*, некоторые согласные или целые слоги. Тематических элементов много; отсюда многообразие основ на древнейшей ступени. Дальнейшая история иранских языков характеризуется стиранием и отпадением тематических элементов, стало быть унификацией основ с вытекающими отсюда последствиями: утратой именных и глагольных классов с их разнообразной и сложной системой склонения и спряжения.

Эту эволюцию проделал также осетинский язык. В частности отпали по большей части древнеиранские конечные гласные, стало быть и тематические гласные или целые слоги.

Распространенное в дигорских именах окончание именительного падежа *-a* нельзя рассматривать как прямое продолжение древнеиранского тематического гласного *-a*, так как это окончание встречается и в таких словах, где в древнеиранском никакого *-a* не было (напр. *arcæ* 'копьё' ← др. иран. *arsti*), а также в словах, не иранских по происхождению (напр. *bolgæ* 'редиска' ← груз. *bolok'i*). С другой стороны оно может отсутствовать там, где в древнеиранском был *-a* (напр. *sag* 'олень' ← скиф. *sāka*, *sog* 'дрова' ← др. иран. *sauka*).

Сохранились ли в скифских именах следы старых тематических элементов? На этот вопрос можно, кажется, ответить положительно. Легко заметить, что «варварские» имена получают в греческой записи различное оформление; они оканчиваются на *-ος*, *-ης*, *-ας*, *-υς*, *ις*. Это различие не случайно, не объясняется оно также произволом записывающего. Если

в отдельных случаях писец-грек мог невольно приспособлять варварские имена к знакомым греческим словам или звукосочетаниям, то в большинстве различие греческого оформления указывает на различие в окончаниях самих варварских имен. Спрашивается, каким иранским окончаниям отвечает или может отвечать нормально то или иное греческое окончание? Все, что мы знаем о передаче греками древнеперсидских и других «варварских» имен, делает вероятным, что там, где в греческом оформлении стоит на конце *-ης* или *-ας*, а во множ. числе *-αι*, перед нами основа на *-a*, сохранившая тематический гласный.¹ Стало быть:

Σάκαι	предполагает скиф.	<i>sāka</i> ,
Παραδάται	»	» <i>paradāta</i> ,
Ἀριαπείδης	»	» <i>aryapaiša</i> ,
Ἀτέχας	»	» <i>[h]atya</i> и т. п.

Окончание *-ος* соответствует старым скифским основам на *-u*, а окончание *-ις* — основам на *-i*:

Μάδους	‘скифский царь’	— <i>madu</i> ‘мед’,
-σαδις	(в ‘Ραδαμσαδις)	— <i>šāti</i> ‘радость’.

Окончание *-ος* указывает в большинстве на то, что скифское имя оканчивается на согласный и что, стало быть, тематический гласный, если он был, — утерян. Поэтому:

Βόρασπος	предполагает скиф.	<i>bōrasp</i> (а не <i>bōraspa</i>),
Ζάρανδος	»	» <i>zarand</i> (а не <i>zaranda</i>),
Ἄρδαρος	»	» <i>ardār</i> (а не <i>ardāra</i>),
Λείμανος	»	» <i>liman</i> (а не <i>limana</i>) и т. п.

При всех возможных ошибках этот критерий пригоден для общей ориентировки в материале с точки зрения сохранения или отпадения старых тематических гласных. Подавляющее большинство имен имеет окончание *-ος*, в особенности имена относящиеся к I—III вв. н. э. Это значит, что к этому времени тематические гласные в скифском отпали и с этой стороны язык вступил в «среднеиранское» состояние.

Напротив, имена, сохраненные в самых ранних источниках (Геродот, древнейшие надписи и др.), носят признаки наличия тематических гласных.

Если мы сравним *Σιταφάρνης* и, скажем, *Χόφαρνος*, то первая форма, с указанной точки зрения, представляется более архаичной. Так оно в действительности и оказывается. *Σιταφάρνης* встречается в надписи из Ольвии III в. до н. э., *Χόφαρνος* — в надписях из Танаиды III в. н. э. В этот промежуток и происходил, как можно думать, переход скифского языка от богато-флективного древнеиранского состояния к агглютивативно-аналитическому «средне-скифскому» состоянию.

2. В сложных словах типа *tatpuruša*, где первая часть представляет имя, стоящее по смыслу в родительном падеже и определяющее вторую

¹ Ср. др. перс. *Xšayāršā* — *Ξέρξης Artaxšassa* — *Ἀρταξέρξης*, *Artafarna* — *Ἀρταφάρνης*, *Bagabādra* — *Μεγαβίδρας Parsa* — *Πέρσαι* и др. Бывают, впрочем и нарушения: *Bagabaxsa* — *Μεγάβυξος* и др.

часть, окончание род. падежа в осетинском как правило опускается, и имя выступает в виде чистой основы. Это собственно и указывает, что синтаксическое сочетание обратилось в композиционное (словообразовательное); напр. *sær-než* 'головная боль' («головой болезнь»). Однако есть несколько случаев, где, хотя обе части настолько тесно спаяны и все сочетание настолько лексикализовано, что трудно рассматривать его иначе, как в аспекте сложного слова, — тем не менее окончание родительного падежа *i* | *y* сохраняется:

særi-ġun 'волосы' («головой волось»),
cæsti-sug 'слеза' («глаза струя»),
cæsti-xaw 'ресница' («глаза бахрома»),
toppi-xwasæ 'порох' («ружья лекарство»),
xori-tunæ «солнца луч»,
madi-rvadæ 'дядя по матери' («матери брат»).

Если не ошибаемся, в скифских именах есть несколько таких же случаев:

**Odiarðos* = *odi-ard* «души ard»,
Sangibanus = *congibon* «руки сила».

Трудно было бы подыскать элементу *i* в этих именах иное объяснение, как признав его за сохранившееся в композиции окончание родительного падежа, подобно вышеприведенным осетинским примерам. Имя **Odiarðos* относится к III в. н. э., имя *Sangibanus* — к V в. н. э. Если осетинское окончание род. падежа *i* | *y* восходит, как мы думаем, к др. иран. *-hyā*, то в результате отпадения конечного *-a* (см. выше, стр. 216) и исчезновения *h* (см. выше, стр. 209), это окончание в III—V вв. уже могло обратиться в *i* и в таком виде дожить до наших дней.

3. Давно уже обращено внимание (Миллер, Маркварт) на обилие в скифо-сарматских племенных названиях окончания *-ta* (в греческой передаче именит. падеж множ. числа *-ται, -τοι*): *Αὐχάται, Ἀναρτοί, Ἀναρτόφρακτοι, Ἀγορέται, Ἀρσιήται, Ἀσιῶται, Ἐξοβυῖται, Ζαχάται, Θεμεῶται, Θισαμάται, Ἰαξιμάται, Καρεῶται, Οὐσσαγέται, Μασσαγέται, Ματυχέται, Μυργέται, Μαίται, Ναπάται, Παγυρίται, Σαυδαράται, Σαυρομάται, Σαρμάται, Σκόλοτοι, Σκύθαι, Τορεᾶται, Τυρεγέται* и др.

Процент названий с таким окончанием настолько велик, что относить его за счет случайности совершенно не приходится. Вполне очевидно, что если не во всех, то в большинстве подобных случаев элемент *t* относится не к корню названия, а служит каким-то формантом. Но каким? Когда речь идет о племенных названиях, ответ может быть только один: показателем множественности или коллективности. Так именно и объясняют элемент *t* Миллер и Маркварт, сближающие его с осетинским показателем множественности *-ta*. Другие северо-восточные иранские языки также имеют показатель множественности *t*: согд. *-t'*, *-t*, ягноб. *-t*, хорезм. *-c* (из *-t*). С возражениями выступает Фасмер (op. cit, стр. 373—374). Указывая на то, что окончание *-ται* встречается уже в древнейших геродотовских

свидетельствах (*Σαυρομάται*, *Μασσαγέται*, *Αύχάται* и др.), Фасмер считает, что усматривать здесь осетинский показатель множественности *-ta* это значит допускать, что уже во времена Геродота скифы утратили флективное древнеиранское склонение и перешли на агглютинативное. А так как это представляется ему невероятным, то он и считает, что точка зрения Маркварта и Миллера «повисает в воздухе».

Нельзя сказать однако, чтобы позиция Фасмера была неуязвима. Говорить что-либо определенное о скифской морфологии времен Геродота трудно ввиду отсутствия связных текстов. Весьма возможно, что уже тогда наметился переход к тому новому состоянию, черты которого мы находим в современном осетинском языке. Но если даже считать, что скифский язык той эпохи был еще близок к авестийскому и древнеперсидскому и имел флективные формы множественного числа, ничто не мешает допустить, что племенные названия, как особая категория, имели свое особое оформление, в данном случае *-ta*. Дело в том, что осетинский показатель множественности *ta*, по догадке Р. Готию, восходит к древнеиранскому коллективно-собирательному суффиксу *-ta* (*-θva*).¹ Недифференцированно-собирательное восприятие племенных коллективов могло выделить племенные названия среди других именных групп оформлением суффиксом *ta*. Со временем *-ta* стал универсальным показателем множественности в осетинском.

Племенные названия в ряде языков выделяются особенностью грамматического употребления. В современном осетинском языке, например, чистая основа без всякого суффикса имеет уже значение множественное, точнее коллективное: *ir* 'осетины', *turk* 'турки' и т. п. (ср. русск. *чудь*, *весь* и т. п.). Возможно, что в древнескифском особенностью племенных названий было их оформление не обычной флексией множественного числа, а коллективно-собирательным суффиксом *-ta*.

Как бы то ни было, невозможно ни признать обилие названий на *-tai*, *-to*: случайностью, ни видеть в *t* что-либо другое, кроме элемента, указывающего на множественность, коллективность.

Два примера в особенности убеждают нас в последнем: племенное название *Σαυδαράται* и собственное имя *Σαιταφάρνης*.

Название *Σαυδαράται* вполне прозрачно: ос. *sawdar* значит «одетый в черное», а *t* может быть только показателем множественности (ос. *sawdarata*); все название представляет прекрасную параллель к греческому названию одного из скифских племен *Μελάγγλαινοι* «одетые в черное».

Имя скифского царя *Σαιταφάρνης* (III в. до н. э. в надписи из Ольвии) невозможно разъяснить вне связи с названием его племени *Σαῖοι*: «сайи» (м. б. из *xuaihi*). Это название, снабженное показателем множественности

¹ MSL., XX, стр. 71 сл. P. Tedesco (Zeitschrift für Indologie und Iranistik 4, 1926, стр. 149) и E. Benveniste (Gram. Sogd. ч. 2, стр. 79), оспаривая Gauthiot, производят согдийский показатель множественности *-t* из др. иранского абстрактного суффикса *tā*.

-*ta*, дало *saita*, имя *Saita-farna* может значить только «носитель *farn'a* племени сайев».

В этих двух примерах функция элемента *t* становится особенно ясной благодаря тому, что мы с несомненностью имеем те же слова без *t*: *sawdar* и *Σαῖοι*. Миллер (ЖМНП, 1886, окт., стр. 282) приводит два таких же примера: *Μασσάγης* (имя одного из военачальников Ксеркса) рядом с *Μασσαγέται* и *Σκύλης* (имя скифского царя), *Scolo-pitus* (имя скифского царя) рядом с *Σκόλοτοι*. Мы могли бы присоединить сюда такие пары, как *Σάχαι* и *Ζαχάται*, *Ἀσῖοι* и *Ἀσιῶται*, *vahu* и *Ἀυχάται*. На суффиксальном характере элемента *t* основаны также наши толкования племенных названий *савроматы*, *массагеты*, *тиссогеты*, *матикеты*, которые предполагают, как мы думаем, существование слов *savarm* (ср. имя *Saurmag*), *mansag*, *tursag*, *matuka*. Объяснить все перечисленные выше племенные названия не отделяя *t*, т. е. считая его частью основы, не представляется возможным, да никто и не пытался этого сделать. Напротив, исходя из отделимости *t*, можно удовлетворительно истолковать если не все, то многие из них.¹

Если представить параллельно формы без *t* и с *t*, то получается достаточно убедительная картина:

Saurmag	Σαυρομάται
Σαῖοι	Σαῖτα(φάρνης)
Ἀσῖοι	Ἀσιῶται
ос. <i>sawdar</i>	Σαυδαράται
<i>Scolo(pitus)</i>	
Σκύλης	Σκόλοται
Μασσάγης	Μασσαγέται
др. иран. <i>matuka</i>	Ματυχέται
Σάχαι	Ζαχάται
др. иран. <i>vahu</i>	Ἀυχάται

Наш вывод таков. В значительной части скифосарматских племенных названий, имеющих в греческой передаче окончание *-ται*, *-τοι*, элемент *t* принадлежит не основе, а представляет коллективно-многожественный показатель, равный древнеиранскому *-tva* или *tā*, осетинскому *-tæ*. В эллинизированной передаче мы имеем, таким образом, оформление греческим множественным числом того, что уже было множественным числом в скифском. Совершенно также, говоря *зулусы*, *индусы*, *эскимосы*, мы образуем русское множественное число от английского множ. числа *zulu-s*, *hindoo-s*, *eskimo-s*.

¹ Скифское название амазонок *Οἰόρματα*, означающее по Геродоту «мужеубийцы», мы склонны исправить в *Οἰόρματα* = *oira-mar-ta* «мужеубийцы» (ср. *οἰράται* у Геродота) = ос. *læg-mar-tæ* «мужеубийцы»; стало быть и здесь конечное *-та* могло быть показателем коллективности.

5. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ¹

По своему составу скифские имена и названия могут быть разделены на две группы: простые, т. е. заключающие одну основу, и сложные, составленные из нескольких, обычно двух основ. Имена первой группы редко заключают чистую основу, обычно она осложнена каким-нибудь суффиксом, реже префиксом.² Суффиксами снабжаются иногда и сложные, двухсоставные имена. Мы рассмотрим сперва, какие словообразовательные аффиксы (суффиксы, префиксы) употребительны в скифских именах, а затем перейдем к вопросу сложения (композиции) в этих именах.

Аффиксы

Два словообразовательных суффикса являются наиболее продуктивными в осетинском языке: *-ag* (*-æg*) и *-on* (из *-ān*). И эти же два суффикса господствуют в скифских собственных именах. Особенно часто встречается первый из них, представленный как в более старой форме *-ak*, так и более новой *-ag*: *-axos*, *-xhqs*, *-xqs*. Он восходит к древнеиранскому *-a-ka*, *-ā-ka*. На древнеиранской почве он имел ограниченное употребление, насколько можно судить по дошедшим памятникам. Зато в средне- и новоиранских языках он получил широчайшее распространение, став своего рода одним из опознавательных признаков этих языков.

Все случаи употребления этого суффикса в скифских собственных именах и названиях можно разбить на две большие группы:

1. суффикс *-ak*, *-ag* присоединяется к глагольной основе;
2. суффикс *-ak*, *-ag* присоединяется к именной основе.

Рассмотрим сначала первую группу.

В осетинском языке суффикс *-æg*, присоединяясь к глагольной основе, образует причастие настоящего времени, большей частью активного или среднего, но иногда и пассивного залога, напр. *kærdæg* не только «косящий», но и «косимое» → «травя» (от *kærdyn* 'косить'), *xodæg* не только «смеющийся», но и «смешной» (от *xodyn* 'смеяться'). Такое употребление этого суффикса, повидимому, очень древне. Оно свидетельствуется уже древнеиранскими памятниками, напр. др. перс. *bandaka* 'раб' от *band-* 'вязать' («тот, кто связан»). В осетинском образования на *-æg* имеют чаще значение *nomina actoris*.

Тот же суффикс, но с сильным гласным *-ag* означает (при основе глагола) постоянное свойство: *wajag* 'скакун' от *wajyn* 'бежать', *kusag* 'работающий' от *kusyn* и т. п. Обычный древнеиранский формант причастия настоящего времени *-ant* утратил в осетинском продуктивность и сохранился

¹ В настоящей главе мы даем скифские имена в латинской транскрипции.

² Примерами неосложненных имен могут быть: Ateas, Azias (hatya), Azos (ati?), Bages (baga), Banas (banu), Borys (bor), Pharnēs (farna), Phoros (fur), Gasteis (gasti), Gaos (gau), Karsos (Karsa), Madys (madu), Maēs (mah), Mastas (masta), Mada (mata), Phidas (pitā), Phurtas (puḍra), Sakai (sāka), Sogos (sauka), Skunxa (skunx), Tyras (tura), Uaras (vara), Saioi (xšay), Zarina (zaranya).

только в нескольких старых лексикализованных образованиях, где он уже не осознается как суффикс: *zæronð* 'старый' (из *zar-ant*), *bærzonð* 'высокий' (из *barz-ant*) и др. Не только в иранских, но и других индо-европейских языках есть следы употребления суффикса *-ka* в значении помен *actōis*. Согдийские глагольные имена на *-āk* полностью примыкают к скифским и осетинским, напр., **nīpīšāk* 'пищущий' (ос. *nyffysæg*), **niğōšāk* 'слушатель' и т. п. Сюда относятся и такие русские образования как *писака*, *рубака*, *гуляка*, *зевака*, близкие по значению к осетинским отглагольным образованиям на *-ag*, не имеющим, однако, того иронического оттенка.

В скифских именах отглагольные образования с суффиксом *-ak*, *-ag* многочисленны:

adak 'едящий' (в *Amadokoi*, *Uargadakos*);
āmāyak 'строитель' (*Amajakos*), ос. *amagæg*;
bādak, *bādag* 'сидящий' (*Badakes*, *Badagos*), ос. *badæg*;
baššag 'наделяющий' или 'наделенный' (*Baksagos*);
savag, *zavag* 'ходок' (*Thiabogos*, *Zabagos*), ос.
sæwæg, *zæwæg*,
dadag 'дающий'? (*Dadagos*), ос. *dædtæg*;
dārak 'державший' и пр. (в *Abdarakos*), ос. *daræg*;
gāvak 'потребляющий' (в *Phorgabakos*), ос. *gāwæg*;
gosak 'слышающий' (*Gosakos*), ос. *iğosæg*;
kasak, *kasag* 'смотрящий', 'spectator' (*Kasakos*,
Kasagos), ос. *kæsæg*;
mārak 'убийца' (в *Osmarakos*), ос. *maræg*;
marzak 'сметающий' (*Marzakos*), ос. *mærzæg*;
perak 'чесальщик' (*Perakos*), ос. *piræg*, стар. ос. *peræg*;
rasparag 'наступающий' (в *Rasparaganus*), ос. *rafsæræg*;
siag 'зябкий' (*Siagous*), ос. *siag*;
sirak 'плавно идущий' (*Sirakoi*), ос. *sirag*;
sorak 'преследующий' (*Sorakos*), ос. *soræg*;
stāvak 'славящий' (*Stauakos*), ос. *stawæg*;
xanak 'зовущий', 'приглашающий' (*Chanakes*), ос. *xonæg*;
xodak 'смеющийся' или 'смешной' (*Chodekios*), ос. *xodæg*;
yāfag 'настигающий' (*Iaphagos*), ос. *æjjafæg*.

С большой долей уверенности можно отнести сюда же *mevak* (*Meuakos*) «работящий», ср. ос. *mewæ* 'дело', 'занятие', 'работа'. Хотя в осетинском сохранилась только именная форма, но глагольная основа (др. инд. *mīvatī*, лат. *movere*) могла еще жить в скифском и дать закономерное отглагольное имя со значением «трудолюбивый», «работящий».

Если образование отглагольных имен на *-æg*, *-ag* мы находим в осетинском как живое и неограниченно продуктивное и как совершенно ясное по употреблению, то нельзя того же сказать об употреблении этого суф-

фикса при именных основах. Факты других иранских языков указывают на то, что он мог придавать именам уменьшительное или ласкательное значение. Однако в осетинском эта функция мало выявлена, и *-æg* может присоединяться к таким именам, где понятия уменьшительности или ласкательности с трудом применимы, напр. *zɯtæg* 'зима' от др. иран. *zīta* или *syǰdæg* 'чистый' от др. иран. *suxta*, *næwæg* 'новый' от древнеиранского *nava*. Большинство подобных имен, дошедших до нас с оформлением на *-æg*, наводит на мысль, что этот суффикс мог быть просто «усиливающим» основу наращением, не придающим ей какого-либо особого семантического оттенка. Таковы:

скиф. *arnak* (*Arnakes*), ос. *ærnæg* 'дикий';

скиф. *nawak nawag* 'новый' (*Nauakos, Nauagos*), ос. *næwæg* 'новый';

скиф. *zewak* (*Zeuakos*), ос. *zewæg* 'ленивый' и нек. др.

Ласкательный оттенок можно предполагать в скифском *brādak* «братец» (*Bradakos*) из *brātā* и *puṛdak* «сын» (*Purthakes*) от *puṛda*.

Есть в осетинском случаи, когда наращение *-æg* служит для превращения нарицательного имени в собственное. Так *kuz* 'собака' употребляется только в нарицательном значении, тогда как *Kuzæg* известно исключительно как имя собственное. От нарицательного *xsar* (← *xsart*) 'доблесть', могущего служить и собственным именем, образовано *Xsærtæg*, которое может быть уже только собственным именем. От *xəzar* 'дом' не известно образование *xəzaræg*, но фамильное имя *Xəzarægatae* (Хадзараговы) указывает, что *Xəzaræg* существовало как собственное имя или прозвище. Медведь зовется по-осетински *ars*, форма *arsæg* не засвидетельствована. Но фамилия *Arsæg-tæ* приводит нас к собственному имени или прозвищу *Arsæg*. Эти осетинские факты важны для нас, так как они позволяют объяснить значительное число скифских имен на *-ak*, *-æg*. Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что нижеследующие скифские имена построены по типу осетинских *Kuzæg*, *Arsæg*, *Xəzaræg*, *Xsærtæg*, то есть формант *-ak*, *-æg* служит в них приметой собственного имени (в отличие от нарицательного):

Andānak (*Andanakos*) от *andān*, ос. *ændon* 'сталь', 'стальной',

Arsak (*Arsakes*) от *arša* 'медведь', ос. *Arsæg* в фамильном имени *Arsæg-tæ*.

Aspak (*Aspakos*) от *aspa* 'лошадь',

Fusak (*Phosakos*) от *pasu*, ос. *fus* 'овца',

Varazak (*Uarazakos*) от *varāza* 'кабан',

Borak (*Borakos*) от *bor* 'желтый', 'русый',

Syāwak (*Siaukos*) от *syāva* 'черный',

Sturak (*Styrakos*) от *stura* 'большой',

Farnak, *Farnag* (*Pharnakes*, *Pharnagos*) от *farna*,

Xšadrak (*Satrakes*) от *xšadra*, ос. *Xsærtæg*,

Duarag (*Duaragos*) от *dvara*, стар. ос. *Duaræg*, ср. выше ос. *Xəzaræg*;

Ardarak (*Ardarakos*) рядом с *Ardar* (*Ardaros*), ос. *ærdar* 'князь',

Dal-osak (*Dalosakos*), ср. ос. *dæl-os* «находящийся в подчинении у женщины».

Несколько скифских имен образовано от названий напитков:

Aluḡag (*Aluḡagos*) от *aluḡ* 'пиво';

Madaḡ (*Madaḡkos*) от *madu* 'мед' (?);

Sanag (*Sanagos*) от *sana* 'вино'.

Для объяснения этих имен можно привлечь один факт из осетинского. Ос. *æxsir* значит «молоко». От этого слова образовано *æxsiræḡ*; так называется растение, выделяющее сок молочного цвета. Здесь суффикс *-æḡ* означает, по видимому, «производящий что-либо» (в данном случае — молоко). Если такая функция была присуща суффиксу *-ak*, *-ag*, то скиф. *aluḡag* могло означать «пивовар», *madaḡ* — «медовар», а *sanag* — «винодел». Сюда же можно было бы отнести *Yavaḡ* (*Iauakos*) от *yava* 'просо', в смысле «возделывающий просо», или «богатый просом», и *Čarmak* (*Thiarmakos*) 'кожевник' от *čarma* 'кожа'. В именах *Sāv-armag* «смуглорукий» (*Saurmag*) и *Vah-vāčak* «доброслов» (*Uachōzakos*) суффикс *-ag*, *-ak* означает, быть может, «наделенность», «обладание» чем-либо.

Остающиеся, за вычетом перечисленных, скифские имена на *-ak*, *-ag*, легко могут быть объяснены, если исходить из функции осетинского суффикса *-ag*, восходящего к *-āk* (тогда как *-æḡ* восходит к *-ak*).

В отличие от *-æḡ*, функции суффикса *-ag* в отыменных образованиях в осетинском достаточно ясны.

1. Он может означать «происходящий откуда», «принадлежащий к чему», напр. *dcjuag* 'водный', *urussag* 'русский', *bujnag* 'нижний' и т. п.
2. «Предназначенный стать чем-либо», «пригодный к чему-либо», «достойный чего-либо», напр. *læggag*, «предназначенный стать мужчиной», *bændæjnag* «трава, пригодная для витья веревки (*bændæn*)», *xodujnag* «достойный осмеяния».
3. Этот же суффикс образует порядковые числительные, либо один (*dukkag* 'второй'), либо в сочетании с *-æt* (*ævdæjmag* 'седьмой').

Такое употребление суффикса *-ag* (← *-āk*) поддерживается следующими скифскими именами:

Bastāk (*Bastakos*) 'местный, 'земляк', ср. ос. *bæstæ* 'место', 'страна', *bæstag* 'местный';

Avrāḡ (*Avragos*) «происходящий из неба», от *abra*, ср. (с другим суффиксом) ос. *ærvon* 'небесный';

Yazadāḡ (*Iazadagos*) 'божественный' от *yazata*;

Sarāk (*Sarakos*) «головной», «главный» от *sara*, ос. *sajrag*;

Flimanāk, *Limanāk* (*Phlimanakos*, *Limnakos*) «достойный быть другом», ос. *limæjnag*;

Spādāk, *Spādāḡ* (*Spadakos*, *Spadagos*) «предназначенный для войска»;

Maniag (*Maniagos*) «предназначенный стать мужем», от *manu*; ср. современное осетинское *laeggag* с тем же значением (от *laeg* 'мужчина');
Fedanāk (*Phēdanakos*) «достойный будущего», «кому суждено будущее»; ср. ос. *fedæŋ* 'будущий',
Xodunāk (*Chōdonakos*) «достойный смеха», ср. ос. *xodujnag*;
Arġāunāg (*Arguanagos*) «достойный благословения», ср. ос. *arġaujnag*;
Aftaimāk (*Aphthaimakos*) «Septimius», ос. *ævdæjmag*; ср. согд. 'βtmyk;
Insazāg (*Insazagos*) «Vicentius».

Образования с суффиксом *-ān* (ос. *-on*, др. иран. *-āna*) значительно малочисленнее в скифских именах. Их можно также разбить на две группы: отглагольные и отыменные.

В осетинском отглагольные образования на *-on* имеют значение причастий настоящего времени, чаще пассивных, иногда активных. Примером пассивного употребления могут быть *warzon* 'любимый' от *warz-* 'любить', *ew-daron* 'постоянно носимый' (о платье) от *dar-* 'носить'. Примером активного употребления можно считать *baron* 'прощающий' от *bar-* 'прощать'. Такими отглагольными образованиями в скифском являются:

fliān 'милий' (*Phlianos*) от *fri* 'любить';
varzān- 'любящий' (*Oxoarzanēs = vahu-varzān* «добролюб»), значение активное в отличие от осетинского *warzon* 'любимый';
faldarān 'сокрушающий' (*Phaldaranos*), значение активное; ср. ос. *dæræn kænin* 'сокрушать', 'громить'.

Отыменные образования на *-on* имеют в осетинском значение происхождения или принадлежности и таким образом параллельны по функции некоторым рассмотренным выше образованиям на *-ag*:

kæsgon 'кабардинский' от *kæsæg*,
ġæwwon 'сельский' от *ġaw* и т. п.

Но кроме того *-on* широко используется для адекативных образований разнообразного характера:

zymægon 'зимний' от *zymæg* 'зима',
xæston 'военный' от *xæst* 'война',
syrdon 'звериный' от *syrd* 'зверь',
ævdsæron 'семиглавый' и т. п.

Для наших целей, т. е. разбора скифских имен, особенно важно отметить употребление суффикса *-on* как патронимического и фамильного:

Syruxon Comag 'Цирихович Цомак',
Færniōn 'принадлежащий к роду Фарн' и т. п.

Наконец, в ряде случаев *-on* оформляет собственные имена, не прибавляя ничего к значению основы (ср. выше, аналогичное употребление суффикса *-æg*). Так в грузинской поэме «Алгузиани» (начало XIX в.) имя осетинского царя Алгуза звучит то *Alguz*, то *Alguzon*. Один из сыновей этого царя зовется то *Qusæg*, то *Qusægon*, другие сыновья зовутся

Sidæmon, Cærazon, Cæxil или *Cæxilon*. Много имен с этим окончанием в осетинской мифологии и эпосе: *Galægon, Aminon, Syrdon, Aëfsæron*. В имени нартовского героя *Soslan a* перед носовым в виде исключения не перешел в *o*. В осетинском существует имя *Æmbal*. В известной зеленчукской аланской надписи это же имя имеет оформление *-an*, причем о патронимическом значении не может быть речи, так как отец Анбалана звался, согласно надписи, Бакаатар. Можно думать, что такое употребление развилось из патронимического. Ср. в латинском суффикс *-an*, сперва обозначавший принадлежность к фамилии (напр. сын *Павла Эмилия* назывался *Эмилиан*), а потом ставший универсальным оформителем имен (*Julianus, Octavianus, Claudianus, Aurelianus* и т. п.). Приведенные выше осетинские примеры говорят о том, что и здесь он имел в прошлом широкое распространение. Любое или почти любое имя могло получать оформление *-an*.

Обозревая теперь скифские имена на *-an*, мы найдем примеры на каждый из выше отмеченных осетинских типов:

а. *-an* указывает на происхождение или принадлежность:

alān 'алан' (*Alanoi*) от *arya* 'арийский', ос. *allon*;

pidān, fidān 'отцовский' (*Pidanos Phidanoyis*), ос. *fidon* 'отцовский', от *fidæ*;

б. *-an* служит адъективным суффиксом:

Roksāna женское имя «светлая» «Светлана», от *roxas* 'свет', стар. ос. *roxšān*;

в. *-an* только «оформляет» собственное имя:

I-od-mangān «тщедушный», ср. ос. *od-mæng, mæng-od* 'тщедушный';

Sturān (*Styranos*) от *stura* большой, ос. *stur*;

Xšaršān (*Ksartanos*) от *xšadra*, ос. *xšart*.

Так же как в осетинском, суффиксы *-ak* и *-an* могли чередоваться и заменять друг друга (ср. ос. *xoxag* и *xæxxon* 'горный', *qæwckag* и *qæwwon* 'сельский' и т. п.):

Sturān (*Styranos*) и *Sturak* (*Styrakos*),

Xšaršān (*Ksartanos*) и *Xšaršrak* (*Satrakes*).

Наконец, в некоторых случаях оба суффикса нарастают один на другой: *-ān-ak* или *-ak-ān*:

Kaf-ān-ag (*Kaphanagos*) от *kapa* 'рыба', ос. *kæf*;

Roxs-ān-ak (*Roksanakē*) от *rauxšna* 'свет', ос. *roxas*;

Raspar-ag-an (*Rasparaganus*) = *fra-spar-ak-an* от *spar* 'наступать'.

В языском собственном имени *Ambustan* суффикс *-ān* вырос на прошедшее причастие *ambust*.

Нижеследующие скифские имена пока не ясны по составу, но в высшей степени вероятно, что в большинстве их налицо суффикс *-ān*:

Ardindian(os) Танаида, *Mathan(os)* Ольвия,

Bardan(os) Пантикапей, *Ksiamphokan(os)* Танаида,

Gagan(os) Горгиппия, *Reuroman(os)* Ольвия,

<i>Zōrsan(os)</i> Ольвия,	<i>Sauanōn</i> Танаида,
<i>Ēlman(os)</i> Ольвия,	<i>Spōtagan(os)</i> Ольвия,
<i>Thylogan(os)</i> Танаида,	<i>Phorēran(os)</i> Танаида,
<i>Irgan(os)</i> Танаида,	<i>Chozania</i> 'женское имя', Пантиканей.

По сравнению с именами на *-ak (-ag)* и *-an*, количество имен, имеющих иное суффиксальное оформление, ничтожно.

Сюда относятся имена, имеющие форму прошедшего причастия на *-t*, *-d* (др. иран. *-ta*):

Ambust(os), *Ambusta*;

Amōdast(os)?;

Amarđast(os);

Argot(as), *Argod(as)*, ос. *arğud* 'благословенный';

Amard-iakos, ср. ос. *amard* 'убитый' и *amættag-* (из *amard-iag*) 'жертва';

Pharad(os) = ос. *ferad* 'обрадованный' (от *rajyn* 'радоваться');

Irbid(os) род. пад. от *Irbis*, ос. *ilvid* 'стриженный', др. иран. *brīta*.

Суффикс *-man* наличен в *liman* (*Leimanos*), ос. *limæn* из *friman*. Этот же суффикс «скрестившись» с *-ak* дал суффикс *tak* в *Danarazmakos* из *Dan-Warazmak*, ср. ос. *Wæræzmæg* 'нартовский герой' при среднеиранском *Varāzman*.

Суффикс *-gen* имеем в скиф. *namgen* 'именитый' (*Namgēnos*), ос. *nomgin*, и, может быть, в *Kaskēn(os)*.

Суффикс *-am*, др. иран. *-ama* в скиф. *xšardām* (*Ksartamos*), рядом с *xšadrak* (*Satrakēs*), ос. *Xsærtæg*; ср. др. перс. *Aršāma* рядом с *Aršaka*.

Суффикс *-in* надо предполагать в *Spadin(ēs)*, от *spada* 'войско'.

Префиксальные образования встречаются в скифских именах несравненно реже, чем суффиксальные, что находится в полном согласии с известными нам структурно-словообразовательными нормами иранских языков. Глаголы с приставками (превербами) составляют большинство таких образований:

преверб *ā-*: *ā-rāz-* 'направлять' и пр. (*Phandarazos*), ос. *araz-*; *ā-spar-* 'наступать' (*Aspar*), ос. *a-fsær-*;

преверб *fra-*: *fra-xwāy-* 'прозвать' (*Rachojsakos*), ос. *ræxwaj-* | *ræxoj-*; *fra-spar* 'наступать' (*Rasparaganus*), ос. *ra-fsær-*;

преверб *pari-*: *fal-dar-* 'сокрушать' (*Phaldaranos*);

преверб *ham-*: *am-buz-* 'чваниться' (?) (*Ambustos*).

Последняя приставка может стоять не только при глаголах, но и именах, напр. *Ambazuk*, ос. *æmbazug* 'равноплечий'.

Сложные слова

Как ни значительно количество скифских имен односоставного типа, то есть заключающих одну основу, излюбленным типом имен в скифском, так же как в древнеперсидском и древнегерманском, были имена двухсоставные, т. е. образованные из двух самостоятельно значимых основ, короче говоря *composita* или сложные слова. Материал, который дают в этом отношении скифские имена, весьма богат и представляет выдающийся интерес.

Большинство имен этого рода представляет атрибутивные *composita* и относится к типу санскритских *bahuvrīhi*. Так *Aleksarthos (Aryaxšadra)* надо понимать не «арийская доблесть», а «носитель арийской доблести». Однако есть случаи, где нельзя сказать с уверенностью, имеем ли мы дело с *bahuvrīhi* или, скажем, с *katmadhara*. Так *Boraspos (Bōrasp)* может значить не только «имеющий буланых коней», но и просто «буланный конь», как прозвище или тотемическая кличка. Поскольку для разбора имен это различие не имеет существенного значения, мы будем его игнорировать.

Мы рассмотрим сперва наиболее простые, распространенные типы, а потом остановимся на менее обычных.

Основных групп намечается две:

1. во второй части сложного слова — глагольная основа, выражающая то или иное действие, в первой — именная основа, дополняющая или уточняющая выражаемое глаголом действие (тип «водовоз»);
2. во второй части — именная основа, первая часть служит определением ко второй (тип «златоуст»).

Имена первой группы могут быть в свою очередь разбиты на две подгруппы:

1. глагол выступает в виде чистой основы;
2. глагольная основа оформлена каким-нибудь суффиксом.

Примерами на первую подгруппу могут быть:

man-mār- (Mammaros) «человекоубийца», ср. ос. *lægmar* с тем же значением;

hamara-mār (Amōromaros) «врагоубийца»;

dān-dār- (Dandarīi) «владеющий рекой», ос. *dondar* с иным значением (ср. ниже *āv-dārak*);

sāu-dār- (Saudaratai) «одетый в черное», ос. *sawdar* или *sawdaræg*;

ar-dār- из *arm-dar (Ardaros)* «рукодержец», «Handhaber» «князь», ос. *ærdar, ældar*;

sāga-dār- (Sagadares) «имеющий оленей», ос. *sagdar*;

nāv-āz- (Nabazos) «кормчий», авест. *navāza-*;

xor-fazm- (Chophrasmos) «подражающий солнцу», ос. *xorfæzm*;

xvarz-āmān- (Chorsomanos) «хорошо наставляющий»? или «имеющий хорошую судьбу»? ос. *xvarz-amon*;

āv-nivāz- (Abnozoz) «водопийца», ср. ос. *nwaz- | niwaz-* «пить»;

fand-ārāz- (*Phandarazos*) «направляющий на (добрый) путь», ср. ос. *fəndarast* «имеющий добрый путь»;

xšāš-sāg-ār- (*Ksəssagaros*) «находящий шесть оленей» (?) ос. *xšəzsagar*;
go-ar- (*Gōar*) «добывающий скот», ос. *ǰog-ar*;

hu-mev (*Chomeuos*) «хорошо работающий», к др. инд. *mīvatī* 'двигать', в осетинском сохранилось только как именная основа: *mevæ* 'занятие', 'дело', 'работа';

hu-vāba (*Hababa, Ababa*) «хорошая ткачиха» (?), ср. ос. *xərz-waf*;

ārpa-xšaya (*Arpoksais*) «повелитель Днепра»;

xor-xšaya (?) (*Kolaksais*) «Солнце-царь»;

(*Lipo*)-*xšaya* (*Lipoksais*);

yav-xvār- (*Eochar*) «проезд», ос. *ǰəw-xwar*;

xvār-saz- (*Chuarsazos*) «возделывающий ячмень», ос. *xwar-saz*;

bevra-gur- (*Beurazuria*) «многогоречивый», ос. *bevræ-ǰor*.

В нижеследующих примерах глагол выступает не в виде чистой основы, а в форме какого-либо дериватного образования: *nomen actoris* (-*ak*), прошедшего причастия (-*t*, -*d*) и др.

āv-dārak (*Abdarakos*) «поющий водой», ср. ос. *dondaræg*;

os-mārak (*Osmarakos*) «женоубийца», ос. *osmaræg*;

fur-gavak (*Phorgabakos*) «много потребляющий»;

varg-adak (*Uargadakos*) «волкоед»;

amādaka (*Amadokoi*) «сыроед»;

vah-vārzān (*Ochoarzanēs*) «добролюб»;

hu-dāta (*Odatīs*) «хорошо созданная»;

sana-pita (*sanaptis*) «винопийца»;

yazad-radāt (*Iesdrados*) «данный богами», др. иран. *yazata* + *fradāta*, *izəd* + *radt*.

Теперь рассмотрим сложные слова, где вторая часть заключает именную основу, а первая служит определением ко второй (типы *karmadhāraya* и *bahuvrīhi*):

arya-paisa (*Ariapeithēs*) «арийского облика»;¹

arya-farna (*Aripharnes*) «арийский *farn*»;

al(y)a-xšard- (*Aleksarthos*) «арийская доблесть»;

hu-farn- (*Chopharnos*) «добрый *farn*» (= «носитель доброго *farn*'а»);

ev-farnak (*Eubarnakēs*) «обладатель доброго *farn*'а»;

hu-den- (*Chodainos*) «добрая вера» (= «носитель доброй веры»);

hu-stān- (*Ustanos*) «хорошего сложения»;

hu-mev- (*Chomeuos*) «искусный работник»; в этом примере *mev* можно, впрочем, рассматривать и как глагольную основу (см. выше, стр. 222);

xvād-arc- (*Chōdarzos*) «своекопейный», «снабженный копьем»;

¹ Термин *arya* 'армец' был общим самоназванием индо-иранских племен.

- ama-spād-* (*Amōspados*) «могучий военной силой»;
ama-māy- (*Amōmaios*) «сильноискусный»;
sāv-arm- (*Saurmag, Sauromatai*) «смуглорукый»;
roax-alan- (*Roksolanoi Roksalanoi*) «светлый алан»;
bor-asp- (*Boraspos*) «буланый конь»;
beor-asp- (*Baioraspos*) «многоконный»;
beor-māy- (*Baiormaios*) «многоискусный» или «многорадостный»;
vanad-asp- (*Banadaspos*) «победононый»;
farna-xšarθ- (*Pharnokarthos*) «доблесть полная *farn'a*»;
kena-kšarθ- (*Kainokarthos*) «доблесть в мести»; ср. также *Dosymo-*
ksarthos и *Didymokarthos*;
fsand-ārt- (*Psendartakē*) «священный огонь»;
radam-furt- (*Radamophurtos*) «первый сын»;
radam-mizd- (*Radameistos*) «первую награду (получающий)»;
radam-sad- (*Radamsadis*) «первая радость»;
radam-ās- (*Radamasis*) «первый из асов»;
raða-goš- (*Rathagosos*) «широкоухий»;
xvarz-amant- (*Chorsamantis*) «доброе счастье»;
xvarz-fad- (*Choarophadios*) «имеющий хорошее потомство»;
kāma-sar- (*Kamasaryē*) «с непокрытой головой»;
stur-sar- (*Stosarakos*) «большеголовый»;
may-sar- (*Maiōsara*) «с луновидной головой»;
fur-yav (*Phoriamos*) «имеющий много проса»;
tur-sāg- (*Thyrsetae*) «быстрый олень» или «туро-сак»;
taka-sāka (*Taksakis*) «быстрый олень»;
darga-tava (*Targitaos*) «долгомошный»;
vah-vāč- (*Uachozakos*) «доброслов»;
karz-vāč- (*Karzoazos*) «строгий словом»;
Dān-Varazmak (*Danarazmakos*) «Донской Варазмак».

В особую группу мы выделяем те случаи, где первая часть, определяющая вторую, представляет по смыслу род. падеж имени существительного, причем форма род. падежа чаще остается невыраженной, и имя выступает в виде чистой основы (тип *tatpuruṣa*):

- Saita-farna* (*Saitapharnēs*) «*farn* племени Сайев»;
may-farn- (*Maiopharnos*) «лунный *farn*»;
vāca-farna (*Uatapharnēs*) «*farn* слова»;
pit-farnak (*Pitpharnakēs*) «носитель отцовского *farn'a*»;
varg-bāz- (*Urgbazos*) «волчье плечо»;
varg-tan- (*Vaxtang*) «волчье тело»;
čangi-bān- (*Sangibanus*) «сила руки»;
odi-ard- (*Odiardos*) «*ard* души»;
sāk-ḡun-dāk- (*sakyndakē*) «одежда из оленьей шкуры»;
 К типу копулятивных *composita* мы относим:
man-sāg- (*Massagetai*) «человек-олень», ср. ос. *læg-syrd* «человек-зверь»;

tur-sag (*Thyrsagetae*) «туро-сак» (или «быстрый олень»);

ārc-man- (*Arthiemmanos*) «копье-человек»;

sāk-dev- (*Sakdeos*) «олень-демон»;

ard-ağdak (*Avdagdakos*) «хранитель *ard*'а и обычая».

В *Alanorsoi* мы видим не *dvandva* (Алано-Аорсы), а *karmadharāya* с «инверсией» (Аланы-белые).

Особо надо отметить скрещенные греко-иранские имена:

Eubarnakēs из греч. εὖ- 'добрый, хороший' и иран. *farnak* (с озвончением начального *f*), «обладатель доброго *farn*'а»;

Didymoksarthos из греч. δίδυμος 'двойной' и иран. *xšādrā* 'доблесть', 'власть', «обладатель двойной доблести».

Теперь мы должны перейти к рассмотрению довольно обширной группы имен, имеющих необычную структуру и в силу этого не получивших до сих пор удовлетворительного разъяснения.

Разобранные выше сложные слова типа *karmadharāya*, *tatpuruṣa* и *bahuvrīhi* имеют в сущности одинаковую структуру: одна часть служит определением к другой, причем определение всегда предшествует определяемому. Такой порядок частей является преобладающим как в древнеиранских языках, так, в особенности, в осетинском, а в скифском, судя по работам предшественников, он казался единственно возможным. Так мы и сами думали вначале, пока разбор некоторых имен не привел нас к другим выводам.

Первое имя, которое заставило нас задуматься о порядке частей в скифских сложных словах, было аланское название города Феодосии *Ardabda*. Анонимный автор Перипла Эвксинского Понта, относимого к V веку н. э., сообщает: «Νῦν δὲ λέγεται ἡ Θεοδοσία τῇ Ἀλανικῇ ἤτοι τῇ Ταυρικῇ διαλέκτῳ Ἀρδάβδα, τουτέστιν ἐπτάθερος». («Ныне же Феодосия на аланском или таврском наречии называется Ардава, что значит Семибожный»). Не подлежит сомнению, что Ἀρδάβδα включает два слова: *ard* 'божество' (ос. *ard* 'клятва') и *avd* 'семь' (ос. *avd*). Но постановка числительного не впереди, а позади существительного представляется по первому взгляду настолько необычной, что все без исключения авторы, разбиравшие это название (Мюлленгоф, В. Миллер, Томашек, Фасмер), считали необходимым исправить Ἀρδάβδα на Ἀβδάρδα, предполагая, что автор Перипла допустил ошибку.

Внимательное изучение скифских материалов и осетинских данных привело нас к другому выводу: 1. никакой ошибки в передаче анонима нет, город назывался, если переводить точно, не «семибожный», а «богосемный», постановка числительного позади существительного была закономерна для скифского и поддерживается другими примерами; 2. числительное в этих случаях трактуется как определение, и подобные сложения представляют лишь частный случай сложных слов, в которых определение стоит не впе-

реди, а позади определяемого; таких сложных слов в скифском имеется значительное количество.

Начнем с фактов осетинского языка.

В синтаксисе современного осетинского языка есть железное правило: определение, чем бы оно ни было выражено — прилагательным, существительным, числительным, местоимением — ставится всегда впереди определяемого. Такое положение является общим для агглютинативных языков, к типу которых в процессе своей исторической жизни приблизился осетинский, отойдя от флективного древне-индо-европейского типа.

Словообразовательные нормы в какой-то степени повторяют нормы синтаксические, и, обзревая осетинские сложные слова мы видим, что порядок частей в них подчинен тому же правилу, что порядок слов в развернутом предложении — часть сложного слова, являющаяся определением, предшествует части, которая является определяемым: *Ors-don* 'белая река', *aers-ǰarm* 'медвежья шкура', *saw-aerfug* 'чернобровый', *aevd-særon* 'семиглавый' и т. п.

Однако, если мы привлечем достаточно обширный материал, то убедимся, что в сложных словах такой порядок не является таким же обязательным и универсальным, как в синтаксисе. Во-первых, имеется известное число сложных слов, где наблюдается колебание — определение может стоять и впереди и позади определяемого:

xi-bar и *bar-xi* 'произвольный', 'свободный' (*xi* 'свой', *bar* 'воля', 'право');

naræg-astæw и *astæw-naræg* 'с узкой талией';

ruxs-ǰærdæ и *ǰærdæ-ruxs* 'с светлым сердцем', 'радостный' (чаще употребляется вторая, т. е. «ненормальная» форма), ср. *fɨd-ǰærdæ* 'со злым сердцем', 'враждебный', где порядок не может быть изменен;

xæliw-ǰyx и *kot-xæliw* 'с разинутым ртом' (*ǰyx* и *kot* — синонимы, означают «рот»);

о счастливой дороге говорят и *ræst-fændag* и *fændag-rast*, букв. «прямой путь».

Наряду с этими примерами, где возможен и тот и другой порядок, встречаются случаи, когда употребителен только «ненормальный», «инверсированный» порядок: определение позади определяемого:

sær-gubur 'с опущенной головой' (*sær* 'голова', *gubur* 'опущенный');

wæng-mard 'вялый', букв. «с мертвыми членами» (*wæng* 'член', *mard* 'мертвый') и др.

Весьма показательно, что такие «инверсированные» сложные слова встречаются часто среди старых мифологических наименований, унаследованных от глубокой древности, так что состав слова для современного осетина не всегда уже понятен.

Xur-særin «Солнце-золотое», культовое название солнца;

Ært-xuron «Огонь-солнечный», божество;

Kurd-Alægon «кузнец-Алагон», наименование бога-кузнеца;

Kæf-qundar «Рыба-шерстью-покрытая» = «дракон»;

Batyr-as «Батыр асский», имя нартовского героя;

Afs-urġ 'легендарный конь' (из *aspa-ugra* «мощный конь», отдельно слово *urġ* в осетинском не сохранилось).

Эти примеры наводят на мысль, что «инверсия» в сложных словах особенно характерна для отдаленного прошлого осетинского языка. Такая догадка находит подтверждение в некоторых сложениях хотя и не мифологического содержания, но весьма архаичных, так что в сознании современного осетина они уже неразложимы на составные части. Таково ос. *ġunt'uz* 'хмурый', 'взъерошенный'. Это слово разлагается на *ġun+t'uz* и представляет «инверсию» др. иранского *duž-gauna* «дурного цвета», «дурной шерсти», «дурного вида». Действительно, мы находим в осетинском и «нормальную» форму *duz-ġun* 'растрепанный'. Слово *ġun* в значении 'шерсть' живет в современном языке, но *duz-*, *t'uz-* (←*duž-*) 'дурной' давно забыто и встречается только в данных, неразложимых в сознании осетина сочетаниях. Параллельно существует образованное по нынешним нормам и общепонятное *fud-ġun* 'взъерошенный'.

Все эти факты отражают, как кажется, то более древнее состояние осетинского языка, когда и в развернутой речи (в синтаксисе) определение могло стоять позади определяемого. Пережиточно это состояние дошло до нас в нескольких сказочно-эпических и религиозных наименованиях, в которых украшающий эпитет стоит не впереди, а позади имени:

Agundæ-Ræsugd 'Агунда-Красавица',

Bora-Færnug 'Бора-Наделенный *farn*'ом',

Nikkola-Xwarz 'Никкола-Добрый' (св. Николай).

Стало быть вышеприведенные «инверсированные» сложные слова возникли на основе «инверсированных» синтаксических сочетаний, которые когда-то были не инверсированными, а нормальными.

Выше мы говорили, что словообразовательная структура представляет как бы модель синтаксической. Теперь мы должны внести поправку в этот тезис: словообразовательная (да и словоизменительная) структура может быть отражением не нынешней, а прошлой синтаксической структуры языка.

Если постановка определения перед определяемым чужда вообще современному осетинскому языку, то особенно нетерпима она в тех случаях, когда определение выражено именем существительным в родительном падеже. Так «луч солнца» можно по осетински передать только: *xori tunæ* (букв. «солнца луч»). Обратный порядок совершенно немыслим. Естественно, что в соответствующих этим сочетаниям сложных словах (тип *tatpurgsa*) порядок: определение — определяемое кажется единственно возможным:

wær-ġun 'шерсть барашка' (букв. «барашек-шерсть»),

sag-zarm 'оленья шкура',

xwæri-furti 'племянник' («сестры сын») и т. п.

И все же сохранилось в осетинском несколько старых сложений, где даже этот, кажущийся абсолютно непреложным, порядок нарушен:

jæw-gæf 'икра', букв. «рыбье (*gæf*) просо (*jæw*)»;

don-guron «мельничная (*guron*) речка (*don*)»;

zǝcellag-kom 'удила', букв. «металл (*zǝcellag* от *zǝcer*) рта (*kom*)»;

xæf-fynz 'сопля', букв. «гной (*xæf*) носа (*fynz*)»;

cæfxad из *cæg-fad* 'подкова', букв. «кольцо (*cæg*) ноги (*fad*)», ср. «нормальный» порядок в *qus-cæg* 'серьга', букв. «кольцо (*cæg*) уха (*qus*)».

Мы не привели пока примеров, которые бы точно соответствовали аланскому *Ardabda*, т. е. где в «инверсии» участвовало бы числительное. В осетинских текстах нам не попадалось таких случаев. Но в нашем собственном языковом опыте есть такие фразы, как «*særduwæ fæci*» «его голова раздвоилась (была рассечена надвое)»; *sær-duwæ* 'двуглавый', где числительное (*duwæ*) стоит позади существительного (*sær*), точно соответствует аланскому *Ardabda* 'семибожный', букв. «богосемный».

Если верно, что в этих «инверсиях» отражены нормы староосетинского языка с его более свободным синтаксисом и словообразованием, то мы в праве ожидать, что в скифских именах «инверсированные» сложные слова не должны быть редкостью. Так оно в действительности и оказывается. Название Феодосии *Ardabda* есть лишь один из многих примеров.

Мы рассмотрим несколько десятков скифских имен и названий, которые не получили удовлетворительного разъяснения в работах наших предшественников. Между тем это в большинстве довольно простые и прозрачные образования. Единственная их «трудность» — необычный порядок составляющих частей: определение стоит не впереди, а позади определяемого.

Как на пример исключительно простого и ясного *composita* этого типа можно указать на *Bagdoch(os)*. Не может быть сомнения, что это имя образовано из *bagd* 'удел', 'счастье' (др. иран. *baxta*) и *ox* или *vax* 'добрый' (др. иран. *vahu*). Естественный перевод: «счастье-доброе (имеющий)». ¹ Однако Ф. Юсти, не допуская очевидно, что *vahu* может быть определенном к предшествующему *baxta*, переводит: «добрый благодаря счастью, кого счастье сделало добрым человеком» (*gut durch Glück, den das Glück zu einem guten Menschen gemacht hat*). ² Таким образом у него, наперекор здравому смыслу, *baxta* оказывается определенном к *vahu*, а не наоборот.

Нижеследующие имена и названия показывают, что *bagd-ox* — не случайное и не единичное явление и что «инверсия» в сложных словах была обычным явлением в скифском:

Arsēuachos = *arša-vahu* «медведь-добрый»,

Charaksēnos = *xar-axšen* «осел-темносерый»,

¹ Ср. перс. *xuš-baxt* с тем же значением.

² Jt. Namenbuch, стр. 416.

Aspurgos = *aspa-ugra* «конь-мощный»,
Asparuk = *aspa-rauka* «конь светлый», «Λεύκπιπος»,
Aspandanos = *asp-andān* «конь-стальной»,
Iasandanakos = *i-ās-andānak* «ас-стальной»,
Iodmangan = *i-od-mangan* «душу-слабую (имеющий)»,
Šaragas = *sar-agās* «голову-невредимую (имеющий)»,
Ossigasos = *os-igās* «жен-здоровых (имеющий)»,
Godigasos = *gud-igās* «мысль-здоровую (имеющий)»,
Parspanakos = *pārs-panak* «крепкобокий», букв. «боккрепкий» [«бока-как-доски (имеющий)»]; это сложное слово живет до сих пор в осетинском, но только порядок частей приспособился к современному строю языка: *fəjnæg-fars* «крепкобокий»;

Mugisagos = *mug-sāg* «к-породе-оленьей (принадлежащий)»,

Sozirsauos = *Sozir-sāw* «Созир смуглый»,

Alanoroi = *ālān-ors-* «аланы-белые»,

Atamazas = *vāča-maz-* «слово-великое (имеющий)»,

Dandaksarthos = *dandāk-sārt* (?) «зубы-как-долото (имеющий)» (?).

В особую группу можно выделить имена типа *ardabda*, т. е. имеющие во второй части числительное или количественное наречие:

Ardabda = *ard-avd* «богов-семи (город)»; ср. название святилища в Осетии в сел. Галиат: *Avd-zuar* «семь божеств». ¹

Saraksasos = *sar-axšāš* «голов-шесть (имеющий)»,

Mandasos = *man-das* «decem-vir», букв. «vir-decem»,

Ardonastos = *ardun-ast* «луков-восемь (имеющих)»,

Ardonagaros = *ardun-agar* «луков-избыток (имеющий)»,

Umbeuaros = *hum-bevar* «пашен-много (имеющий)».

Скифское название какой-то рыбы *σκαπέρδης* (Гесихий) мы исправляем в *καπέρδης* и разлагаем на *kap-erd* «рыба-блестящая». Ошибка могла произойти у переписчиков под влиянием латинского написания *caperd* (?).

Опираясь на добытые результаты по «инверсированным» сложным словам в скифском, мы можем подойти к объяснению названий *Днепра* и *Днестра*, а также знаменитой греческой колонии на месте нынешней Керчи — *Παντικασεя*.

Если мы взглянем на карту современной Осетии, то легко заметим, что названия рек в ней оканчиваются на *-don*: *Arydon*, *Fiagdon*, *Gænaldon*, *Orsdon* и т. п. *Don* значит «река», а предыдущий элемент определяет, конкретизирует, о какой реке идет речь: Ар-река, Фиаг-река, Белая-река и т. п. Порядок частей отвечает современным нормам осетинского языка: определение впереди определяемого.

¹ В с. Миллер. Осет. этюды, II, стр. 259. Более старая форма названия *Ar-davda* должна была звучать *Artafta* (см. выше, в словаре *arta* и *hapta*). В раскопках Дура Европос обнаружено название, где первые четыре буквы читаются *Arta*. . . С. А. Железов (Изв. ГАИМК, 104) предлагает дополнить *Arta*ϕττ, что и дало бы нам старую форму скифского названия Феодосии.

Если мы взглянем теперь на карту северного Причерноморья, то заметим, что названия рек заключают в них тот же элемент *don* в более старой форме *dan*, но только здесь *dan* стоит не в конце, как в осетинском, а в начале: *Danapr-*, *Danastr-*, *Danuvi-*. Сейчас никто уже не сомневается, что эти названия идут от скифских времен. Хотя они засвидетельствованы позднее, чем другие древние названия тех же рек, *Βορυσθένης*, *Τύρας* и *Ἰστρος*, это не доказывает, что они не существовали задолго до того, как они были зафиксированы тем или иным автором. Наличие в этих названиях иранского *dānu* 'река' казалось в высшей степени вероятным. Не вполне ясна была все же их структура. Теперь, когда мы познакомились с «инверсией» в сложных словах в скифском, эта неясность исчезла. Названия великих черноморских рек построены по известному нам теперь типу скифских «инверсированных» сложных слов: впереди общее понятие «река», а за ним определяющее конкретное наименование. Скифское *Dan-apr* «Река-глубокая» относится к осетинскому *arf-don* «глубокая река», как скифское *Pars-panak* «бококрепкий» к осетинскому *fəjnæg-fars* «крепкобокий». Стало быть разница в структуре скифских и осетинских названий рек есть разница между двумя историческими этапами развития одного языка, отраженная в способах образования сложных слов.

Итак, названия *Δάναπρις*, *Danastrus* представляют сложные слова и означают «Река-Апр», «Река-Астр». Но что же представляют собой вторые части *Апр*, *Астр*? Только *Апр* мы отважимся объяснить из скифо-осетинского. Древнеосетинское **apr-* по законам осетинской исторической фонетики должно дать последовательно *arp-* и *arf-*. Последнее слово мы действительно имеем в осетинском, и значит оно «глубокий». Это название могло быть присвоено Днепру, так как он действительно намного глубже соседних рек. О связи этого названия Днепра (*Апр* → *Арр*) с именем легендарного родоначальника скифов *Арпоксаис* мы скажем ниже.

Что касается *Астр*, то здесь мы имеем, повидимому, дело со старым, доскифским названием Днестра. По удачной догадке А. Соболевского, *Астр* вероятно тождествен *Истру* (*Ἰστρος*), древнему названию Дуная:¹ одно и то же название часто присваивается нескольким рекам, ср. два Буга, две Двины и т. п.

Δανούβιος, *Δάνουβις*, *Danuvius* мы рассматриваем как простое «удлинение» древнеиранского *dānu* 'река', восходящее к тому времени, когда конечный (тематический) гласный *-и* не был еще в скифском утрачен.²

Мы не коснулись названия четвертой великой южнорусской реки *Дона*. Оно не является сложным словом и в данной связи нас не интересует. Дон назывался просто «Рекой», без всяких дальнейших определений.

¹ Archiv für slav. Phil. 27, 1905, стр. 242 сл.

² Название Дуная пытались также объяснить из кельтского (напр. M. Förster, Zeitschrift für slavische Philologie, I). Но насколько вероятно, чтобы один и тот же элемент *dan* в названиях соседних рек был разного происхождения?

Название *Παντικάπειον* (нынешняя Керчь) относится к числу неразъясненных элементов древней южнорусской топонимики. Оно представляется производным от *Pantikara* (Фасмер, 73). Действительно у Геродота мы находим название реки *Παντικάπης*, в котором видят современный Ингулец (Брун, Черноморье, II, 15, 44). Однако Керчь отстоит от Ингульца на большое расстояние, и непонятно, каким образом город мог получить название от отдаленной реки. Поэтому Фасмер справедливо полагает, что название *Pantikara* применялось также к Керченскому проливу и отсюда-то город получил свое название.

Разъяснение термина *Pantikara*, в свете того, что мы узнали о скифских сложных словах, не представляет никаких трудностей. Он заключает общепиранское *panti* 'путь' и общевосточноиранское *kara* 'рыба' и означает стало быть «путь-рыбный». Построение такое же, как в других «инверсированных» сложных словах (см. выше).

Значение «рыбный путь» делает понятным, почему такое название могло повторяться в разных местах: любая река или водный проток, где наблюдался массовый ход рыбы, могли называться «рыбным путем», *pantikara*.

К Керченскому проливу такое название подходит как нельзя лучше. С древних времен он славился своими рыбными богатствами, а рыбные промыслы Пантикалея, как показали археологические данные, получили такой размах, как, пожалуй, нигде в древнем мире.¹

В осетинском нартовском эпосе упоминается некий князь или владетель, то враждебный, то дружественный Нартам, носящий загадочное имя *Kæfty-sær-Xujændon-ældar*. *Kæfty-sær* значит «Глава рыб». *Xujæn-don* можно понять как «связующая» или «соединяющая вода» (от *xijyn* 'сшивать', 'связывать'), иначе говоря «пролив». *Ældar* значит «князь», «владетель». Мы получаем таким образом: «Глава рыб — владетель пролива». Не могло ли такое имя относиться к Боспорским царям, владевшим Боспорским проливом с его рыбными богатствами? Нартовские сказания, как это показано Миллером, Дюмезилем и нами, отражают во многом скифский быт и скифские дела. Отношения Нартов к «Алдару пролива» напоминают отношения скифов к Боспорским царям, когда расчетливая дружба нередко сменялась открытой враждой и взаимная помощь военной силой легко переходила во взаимные распри...

¹ См. по этому вопросу следующие статьи: В. Ф. Гайдукевич (ВДИ, 1937, № 1, стр. 236 сл.; ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 309 сл.; ВДИ, 1947, № 3, стр. 194 сл.); Семенов-Зусер (ВДИ, 1947, № 2); Ю. Ю. Марти (Сов. Арх., VII, стр. 94—105), его же статью в журнале «Природа», 1941, стр. 79 сл. («Возникновение и развитие рыбного промысла в Азовско-Черноморском бассейне»). Отсюда и позднейшее, тюркское название *Kzrmlxlox* (И. Цец), где во второй части — тюркское *balæq* 'рыба'.

В начале настоящей главы, классифицируя скифские сложные слова, мы разбили их на две основные группы: 1. содержащие во второй части глагол и 2. содержащие во второй части имя. Все перечисленные выше «инверсированные» *composita* относятся ко второй группе. Значит ли это, что «инверсии» был подвержен только этот тип? Повидимому, нет. На паре примеров можно показать, что и глагольные сложные слова в определенных случаях строились необычным образом: глагол стоял не на втором месте, а на первом (ср. греч. Κλέ-ανδρος рядом с Ἄνδρο-κλής):

Rachoisakos = *raxvāy-sāk* «пронзающий-олень»,

Uarzbalos = *warz-bal* «любящий-дружину».

Насколько можно судить «инверсия» этого типа была гораздо более редким явлением. Подавляющее большинство глагольных сложных слов имеет «нормальное» строение: глагол стоит в конце (см. выше, стр. 228 сл.).

Как ни характерны «инверсированные» сложные слова для скифского, они никак не могут считаться исключительной особенностью этого языка. Древние иранские языки допускали известную свободу в расположении частей в сложных словах.

Вот несколько примеров «инверсии» в древнеперсидских именах:

Τανυοζάρκης 'один из сыновей царя Кира' = *tanu-vazarka* «тело-великое (имеющий)».

Τιθράύστης 'один из сыновей Ксеркса' = *tiθra-vahišta* «из-рода-лучшего (происходящий)».

Примером «инверсии» с глаголом может быть имя «Дарий»: *Dāraya-vahi* «носитель-добра».

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История скифов составляет неотделимую, органическую часть истории народов Советского Союза. Вместе с другими ираноязычными народами, хорезмийцами и согдийцами, они составляли древнейший культурный элемент в Южной России и Средней Азии. Персия, которой ее правители присвоили теперь официальное название «Иран», была в древности не более как отсталой по культуре периферией иранского мира. Древнейшими областями культуры ираноязычных народов были области, принадлежащие ныне к СССР. В преданиях, восходящих к легендарным временам, колыбелью иранских народов называется страна «Еран-веж» (авест. *airyanəm vaejō*). Эта страна, как показали Маркварт¹ и Бенвенист,² есть не что иное, как Хорезм. Неумимые изыскания советских археологов вскрыли, что это был в течение ряда веков неугасающий очаг высокой культуры в Средней

¹ J. Marquart. Eranšahr, стр. 118, 155.

² E. Benveniste. L'Érān-vēž et l'origine légendaire des Iraniens, BSOS, VII, 268—274.

Азии. Такой же культурной областью была много столетий соседняя Согдиана. В близком языковом родстве и в оживленном общении с ними находился и скифо-сакский мир. Его историческая роль, его культура выступают перед нами все более рельефно, и здесь наибольшая заслуга принадлежит опять-таки русским и советским ученым.

Языки этих народов представляют для советской науки выдающийся интерес. Этот интерес выходит далеко за рамки узкой иранистики. Углубляясь в далекое прошлое Скифии, Хорезма, Согдианы, мы соприкасаемся в сущности с узловыми вопросами становления и развития народов советского Юга, их материальной и духовной культуры.

Народы и их культура не исчезают бесследно. Не исчезли бесследно и скифы, хорезмийцы и согдийцы. Дело не только в том, что осетинский язык на Кавказе и ягнобский язык в Средней Азии продолжают традицию скифского и согдийского языков. Более существенно то, что ираноязычные народы древнего нашего юга внесли заметный вклад в языки и культуру многих народов Советского Союза: славянских, угро-финских, среднеазиатских, кавказских. Чтобы выявить и оценить этот вклад в полном объеме, надо приложить все усилия к лучшему познанию скифо-сакского и вообще древнего восточно-иранского мира.

Наш очерк некоторых явлений скифской речи весьма далек от того, чтобы его можно было назвать описанием языка. Он дает не более полное представление о всей системе скифской речи, чем несколько уцелевших обломков от разных частей тела могут дать о действительном строении и физиономии древней статуи. Достаточно сказать, что из нашего описания почти полностью выпадает такой фундаментальный раздел грамматики, как морфология.

Ограниченность и специфичность материала — почти исключительно собственные имена — полное отсутствие фразеологии, ставят исследователя в тесные рамки. А дефектность передачи вносит во многие предлагаемые разъяснения элемент неуверенности и гадательности.

Тем не менее в каждом разделе нашего очерка — в лексике, фонетике, словообразовании — мы получили некоторую сумму положительных, твердых и бесспорных данных, которые не могут быть поколеблены никакими будущими изысканиями и открытиями. Эти данные характеризуют скифский язык как иранский язык, обладающий чертами своеобразной и хорошо выраженной индивидуальности. Из всех известных иранских языков он ближе всего к осетинскому. Эта близость настолько ярка и отмечена такими чертами преемственности, что скифский и осетинский языки могут рассматриваться как две ступени развития одного и того же языка.

Остаются две важные проблемы, которых мы не касались:

1. отношение скифского языка к другим иранским языкам,
2. отношение скифского языка к соседним языкам Восточной Европы и Кавказа древней эпохи.

Для широкой постановки этих проблем нет достаточных предпосылок в силу уже известной нам причины: крайней скудости дошедшего до нас скифского материала. Но если привлечь также данные осетинского языка — что можно сделать с полным правом — то в деле освещения скифо-иранских, скифо-восточноевропейских и скифо-кавказских связей и отношений могут быть достигнуты существенные результаты.

Из иранских языков в первую очередь привлекают интерес в данной связи сакский, хорезмийский и согдийский языки, относящиеся вместе со скифским к одной, северо-восточной группе иранских языков. Успехи, достигнутые в деле изучения этих языков в последние десятилетия, открыли здесь такие возможности, о которых не могло быть речи раньше. Рамки иранской диалектологии намного расширились. Ценным вкладом в сравнительное изучение языков северо-восточной группы является работа Бэли (H. W. Bailey) «Asica».¹

Привлекают внимание связи скифского с древне-персидским. Уже отмечалось,² что ряд скифских собственных имен имеет древнеперсидский облик: *Achaemenes*, *Ariaramnes*, *Ariapeithes* и др. С другой стороны древнеперсидские элементы отмечены и в осетинском.³ Не подлежит сомнению, что связи существовали. Вопрос лишь в том, относятся эти связи к древнейшему периоду иранского единства, когда праскифский язык мог еще непосредственно соседить с древнеперсидским, или речь идет о позднейших влияниях.

Все эти и другие вопросы скифо-иранских отношений не могли быть поставлены в рамках настоящей работы. Разработка их — дело будущего.

То же нужно сказать о скифо-восточноевропейских и скифо-кавказских отношениях. Давно уже отмечено значительное количество арийских и иранских элементов в угро-финских языках. Вряд ли могут быть сомнения, что львиная доля этих элементов идет именно от скифского. Именно скифы, как северный форпост иранского мира, могли и должны были, по территории своего расселения, в течение не одного столетия соседить с угро-финнами. Работа Якобсона «Arier und Ugrofinnen»⁴ не дает всей полноты материала. К тому же она отягощена сомнительными теориями геттингенской школы о древнеиранском вокализме.

Весь вопрос об ирано-финских отношениях следует пересмотреть в свете новых данных осетино-скифского и согдийского языкознания.

Скифы являются также тем единственным иранским народом, который долго и непосредственно соседил со славянским, в особенности восточнославянским миром. Вот почему проблема ирано-славянских отношений есть опять-таки в первую очередь проблема скифо-славянских отношений. Имеющиеся работы (Соболевского, Розвадовского, Младенова, Фасмера,

¹ Transactions of the Philological Society, 1945.

² В с. М и л л е р, ЖМНП, 1886, окт., стр. 276—278.

³ «Иранские языки», вып. 1, 1945, стр. 7 сл.

⁴ Göttingen, 1922.

Мсерианца, Фреймана) дали уже много ценного. Но все же это — только первые шаги. Многое говорит за то, что на этом пути вскроется еще немало интересного и важного.

С момента появления готов в восточной Европе можно говорить о скифо-германских отношениях. Скифское *alud* 'пиво' является вероятно не единственным свидетельством существовавших сношений. Скифские культурные влияния в северной и западной Европе послужили предметом обстоятельного исследования В. Брэндала.¹ Здесь также нужны более углубленные изыскания.

Среди иранских скифских имен встречаются имена фракийские (Фасмер, 57 сл.). С другой стороны на фракийской почве отмечены иранские имена (*Aripharnes*). В полном согласии с этими фактами стоят исторические сведения о соседстве и сношениях скифских и фракийских племен.

Н. С. Трубецкой в *Mém. Soc. Lingu.* (22, 1921, стр. 247—252) поставил вопрос о североиранских влияниях в кавказских языках. Привлеченный им материал представляет несомненно лишь небольшую часть того, что может быть здесь выявлено более широким и глубоким изучением.²

Было бы неправильно, однако, ставить вопрос только об ирано-скифских влияниях в соседних языках. Не менее важно выявление вклада этих последних в скифском. Здесь кое-что может дать анализ неразъясненных пока скифских собственных имен, в особенности же — выявление и изучение не-иранских элементов в осетинском. Ведущаяся в этом направлении работа будет, как мы надеемся, завершена в близком будущем.

Одним из прочных результатов нашего исследования является тот, что скифы в языковом отношении не были какой-то бесформенной, хаотической массой, находящейся в периоде этно-языкового становления. Мы имеем дело с вполне определенным языковым типом, который занимает свое определенное место в сравнительной грамматике иранских и индоевропейских языков. Иначе оно и не могло быть, так как еще за тысячу лет до скифов, в XV веке до н. э., мы имеем из Малой Азии памятники индо-иранской речи с вполне определенными чертами этой языковой группы (числительные и имена божеств).

Ясно, что приурочивать к скифской эпохе глоттогонию восточной Европы так же нелепо, как выводить млекопитающих животных непосредственно из первоначальной протоплазмы. Значит ли это, что нельзя ставить вопроса о скифо-славянских, скифо-кавказских и т. п. отношениях? Конечно, нет. Но эти вопросы должны ставиться и решаться

¹ Acta Philologica Scandinavica, III, 1928, стр. 1 сл.

² Обращает на себя внимание обилие скифо-сарматских имен среди иберской знати в первые века нашей эры: Ксе-фарнуг (царь), Саурмаг (царь), Вахтаг (царь), Радамист (царевич), Шарагас (питиахш), Зевах (питиахш), Аспаурук (питиахш), Иодманган (начальник двора).

в плане взаимодействия и взаимовлияния вполне определившихся и оформившихся языковых образований, а не в плане первоначального глоттогенеза.

Вопросы глоттогенеза ведут нас ко временам, на много столетий предшествовавшим появлению скифов в Южной России.

ЗАМЕТКА I

Легенда о происхождении скифов

(Геродот, VI, 5—6)

Геродот — единственный из древних авторов, который черпал свои сведения о скифах непосредственно из первоисточников. Поэтому его рассказы о скифском быте и обычаях, о легендах и мифах скифов заслуживают доверия.¹

«Скифы говорят, — пишет Геродот, — что их народ моложе всех и произошел следующим образом. В их земле, которая до того была безлюдной, родился первый человек, по имени Таргитай. Родителями этого Таргитая они называют, по моему мнению неверно, Зевса и дочь реки Борисфена. Такого-де происхождения был Таргитай, а у него родились три сына: Липоксай, Арпоксай и младший Колаксай.... От Липоксай произошли те Скифы, которые носят название рода Ахватов, от среднего брата Арпоксай — те, которые называются Катиярами и Траспиями, а от младшего те, что называются Паралатами».

Деление скифов на три колена напоминает деление Нартов на три рода: Бораевых, Хсартаговых и Алаговых.

Другая более интересная параллель между нартовской и скифской легендой, которую мы имели случай отметить в нашей работе о нартовском эпосе (см. II вып. настоящего сборника), заключается в том, что главная нартовская героиня Сатана, в образе которой ярко выступают мифологические черты первой женщины-родоначальницы, произошла от союза небесного Уас-Георги, христианского «Зевса», и дочери водного царства Дзерассы. По всей видимости, происхождение племени от союза неба и воды было стойкой мифологической традицией скифов, которая в устах осетинских рапсодов дожила до наших дней.

Теперь обратимся к именам трех скифских родоначальников, сыновей Таргитая. Все три имени включают во второй части иранский корень *xšay-*, означающий «сиять», «блистать», а также «властвовать», «повелевать». Первые части этих имен до сих пор не вполне ясны. Элемент *Arp-* в *Arpokсайs* мы сопоставляем со скифским названием Днепра в *Dan-Apr* «Река-Апр». *Apr* в свою очередь сопоставляется с осетинским *arf* 'глубокий'.

¹ Этого нельзя сказать, разумеется, о передаче им собственных имен и названий, которые и у самого Геродота и у позднейших переписчиков могли подвергаться и несомненно подвергались серьезным искажениям.

Итак *Arpo-ksais* = *Apra-xšaya* могло означать «Владыка Днепра» или «Днепр-царь».

Для объяснения *Kola* в *Kolaksais* мы обращаем внимание на случаи колебания, при передаче иранских имен, между *K* и *X*, в частности на передачу в отдельных случаях иранского *h* через *k*. Так мидийское имя *Hwaxštra* в греческой передаче звучит *Κωξάρης*. Среди скифских имен находим *Χόφαρνος* и *Κόφαρνος*, оба из Танаиды. Трудно думать, что это два разных имени. Всего вернее, оба они отражают скифское *hu-farna* «(носитель) доброго *farn*'а». *Χάραξτος* (Т) и *Κάραξτος*, *Κάραστος* (О) также представляют, повидимому, не что иное, как разное написание одного и того же имени.

Мы не беремся подыскать удовлетворительное фонетическое или палеографическое объяснение этому явлению — передаче *h(x)* через *k*, но самые факты стоят вне сомнения.

Если, вдобавок к сказанному, допустить колебание между *l* и *r*, что могло иметь место и на скифской почве, то, быть может, имя младшего родоначальника скифов *Kolaksais* можно восстановить в *Xoraksais* = *Hvar-xšaya* «Солнце-царь». Такое имя было бы хорошей параллелью к перс. *Xoršēd* = *Hvar-xšaita* «Солнце».

Если один из скифских родоначальников оказывается олицетворением солнца, а другой (*Arpoksais*) — олицетворением Днепра, то выходит, что в легенде об этих братьях повторяется, в новых образах, уже известный нам миф о происхождении скифов от неба и воды, от Зевса и Днепра.

Остается третий брат *Lipoksais*, который тоже был, возможно, каким-нибудь мифологическим образом. К сожалению, здесь нельзя даже строить никаких предположений: элемент *Lipo-* решительно не поддается объяснению

ЗАМЕТКА II

Термин «скиф»

Как мы отметили в начале настоящей работы, значительная часть «варварских» имен и названий из северного Причерноморья скифо-сарматской эпохи средствами иранских языков разъяснена быть не может. К числу таких терминов относится и термин «скиф» (греч. *Σκύθης*, множ. ч. *Σκύθαι*). Явно несостоятельна попытка В. Миллера объяснить *Σκύθαι* как множественное число от *Saka* 'сак', 'скиф'.¹ Выпадение коренного гласного *a* нельзя поддержать примерами из осетинского, так как в последнем выпадение имеет место в многосложных основах, но никогда в односложных; так, от *sag* 'олень' множественное число будет *sagtæ*, а не *sgutæ*.

Совершенно прав, поэтому, Н. Я. Марр, когда он ищет объяснение этому термину, а также ряду других, в до-иранской, «яфетической» речи

¹ ЖМНП, 1886, окт., стр. 181—183.

местного населения.¹ Удачным кажется нам также восстановление *skuta* в *skul-ta*, где *ta* — показатель множественности.² В этом случае термин $\Sigma\kappa\acute{\upsilon}\theta\alpha\iota$ ($\leftarrow skul-ta$) оказывается разновидностью другого самоназвания скифов $\Sigma\kappa\acute{\upsilon}\lambda\omicron\tau\alpha\iota$, о котором сообщает Геродот. В этом же ряду находят себе место собственные имена $\Sigma\kappa\acute{\upsilon}\lambda\eta\varsigma$ 'скифский царь' (Геродот IV, 78, 80), $\Sigma\kappa\acute{\iota}\lambda\omicron\upsilon\omicron\varsigma$ 'скифский царь' (Страбон VII, 4, 3, 6), *Scolopitus* 'скифский царь' (Юстин II, 4). Элемент *skul*, *skol*, наличный в этих именах был по всей вероятности каким-то важным термином до-иранского населения юга России.

Проследивая изменения в составе «варварских» слов и названий от Геродота до II—III вв. н. э. можно констатировать, что иранский элемент усиливался постепенно, достигнув максимума к первым векам нашей эры. Не случайно, что у самого раннего автора, Геродота, мы находим наибольший процент терминов и слов, не имеющих удовлетворительного иранского объяснения. Иранизация проходила через ряд этапов. На начальных ее этапах удельный вес до-иранских элементов был еще весьма значителен. Были, в частности, унаследованы, как это часто бывает, некоторые старые племенные названия. К числу их относился, надо думать, и термин *skul*, *skol*.

Иранские языки II, 1949.

¹ Термин «скиф». Избр. раб., V, стр. 1—43.

² Избр. раб., V, стр. 196.

ОСЕТИНСКИЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ IRON, ALLON

Племенное название осетин восточной и южной ветви *ir*, *iron*, привлекается обычно всеми исследователями как одно из наиболее ярких доказательств иранского происхождения этого народа.

Предполагается, что *ir* восходит к др. ир. **arya* (с эпентезой), *iron* — к **aryana*,¹ подобно тому как н. перс. *īrān* восходит к др. п. *ariyānām*.

Однако при теперешнем состоянии наших знаний по исторической грамматике осетинского языка мы можем утверждать, что такая этимология термина *ir* не только не неоспорима, но явно ошибочна и основана на случайном звуковом сходстве.

1. Прежде всего, допущение для праосетинского эпентезы *airya* в достаточной мере произвольно. В отдельных случаях осетинский отражает старые эпентезы, напр., *midæg*, диг. *medæg* = ав. *maidya*. Но в большинстве на осетинской почве эпентеза не имела места; ср. *dælæ*, *wælæ*, *kælyn* и др. = ав. *adairi*, ав. *upairi*, скр. *kiryatē*.

2. Если бы *i* в слове *ir* восходил к образовавшемуся через эпентезу дифтонгу *ai*, то в дигорском диалекте мы ожидали бы закономерно форму *yer*, ибо др. ос. *ai* = диг. *(y)e* = ирон. *i*, напр. ир. *iv-* (префикс) = диг. *yev-* = ав. *aiwi*, ир. *midæg* = диг. *medæg* = ав. *maidya*; между тем, дигорцы называют иронское племя *ir*, *iron*, т. е. так же, как иронцы сами себя. Пришлось бы допустить, что дигорское племя забыло свое собственное (ибо когда-то, очевидно, общеосетинское) национальное название «арийцев» и уже впоследствии заимствовало его у иронцев в форме *ir*. Как велика вероятность этого, если учесть, в особенности, архаизм дигорского языка, большую сохранность в нем старых иранских форм?

3. Согласно фонетическому закону «аланской» группы иранских языков, указанному Андреасом и для осетинского подмеченному уже В. Ф. Миллером, др. ир. *ry* сплошь дает на осетинской почве *l* (или *ll*):² *zældæ* 'трава' из **zari*, *bælløn* 'желать' из **var-ya*, *dællag* 'нижний' из **adaryāka* и многие др. Следовательно, в соответствии др. ир. *arya*, *aryana* мы должны были бы иметь в осетинском (допуская эпентезу) *il*, *illon*, но никак не *ir*, *iron*.

4. Если бы в слове «*iron*» *i* вышел из дифтонга *ai*, ударение по законам осетинской акцентологии неизбежно должно было падать на слог, заклю-

¹ Напр., H ü b s c h m a n n, Etym. etc., стр. 41.

² G a u t h i o t. Essai de gramm. sogdienne, Introduction III; GrIrPh Anhang, p. 36.

чающий это *i*, т. е. первый от начала.¹ Ударение *i*ón не оставляет сомнения, что гласный *i* первого слога — искони краткий и к дифтонгу восходить не может.

Этих соображений достаточно, чтобы признать сопоставление *ir* = *arya* недоразумением, явившимся в результате недоследованности исторической фонетики осетинского языка в младенческий период его изучения.

Исходя из др. ир. **āryana*, мы должны были закономерно получить в осетинском [через ступени **āl(y)ana*, **āl(l)ana*, *āl(l)ān*] *allon* (из *āryana*) или *ellon* (из *āryana*). И мы, действительно, такую форму находим в осетинских сказках. Герой сказки попадает в дом людоеда в отсутствие последнего; жена людоеда прячет его; приходит домой людоед и, понюхав, говорит: «здесь пахнет (не ироном, как мы ожидали бы, а) «аллоном-биллоном»; по-осетински: *am allon-billonny 'smag səwuy*. *Allon-billon* — очевидно, племенное название. Первая часть, *allon*, представляет идеальное, но осетинским фонетическим законам, соответствие старому *āryana*. Во второй части *billon* можно видеть бессмысленную аллитерацию к первой (ср. ос. *yes-bes* 'имущество', *k'æg-mæg* 'кривой', н. перс. *kaž-maž* id. и др.).

Таким образом, если искать на кавказской почве отражений древнего названия иранцев, то они даны нам в названии народа аланов и в осетинском сказочном термине аллон.² Что касается термина ир, то он бесспорно не имеет сюда никакого отношения.

Откуда же идет термин *ir*?

А priori естественно думать, что он идет оттуда же, откуда идут и другие осетинские этнические термины: *digor*, *twal* и др. — из кавказского этнического мира. Реальные связи указаны Н. Я. Марром:³ название осетин в устах чеченцев и андийцев: *hiri*, *hiri-ol*, грузинский географический термин *Her-et-i* и др.,⁴ не этот ли кавказский этнический термин *h¹er* (→ *h¹ir*) отложился и в ряде топонимических названий в районе южной Осетии: *Erç'o*, *Erman*, *Erçot'*, *Erk'net*, *Eræt'o*, *Ereda*, *Eredvi*?

С учетом этих и многих других фактов происхождение и формирование осетинского племени встает перед нами в новом свете. Вырисовывается, как будто, такая картина: в числе яфетических племен, передвигавшихся в доисторические времена с юга на север Кавказа, был народ *h¹er* (*h¹ir*); смешавшись с северными пришельцами иранцами-аланами (аллонами), он дал свое название самому многочисленному из образовавшихся, в результате такого смешения, осетинских племен, иронскому. Разумеется, пока что это утверждение может быть принято лишь как рабочая гипотеза, открывающая новые пути для исследовательских устремлений.

¹ См. Christensen. Textes Ossètes, p. 9 и мою заметку в ДАН 11, 1924, стр. 158.

² В названии реки (Терека?) у Птолемея (V, 8), *Ἀλόντις*, на которое любезно обратил мое внимание А. Н. Генко, легко опознать наш термин, снабженный осетинским же показателем множ. числа.

³ «Кавказские племенные названия и местные параллели», стр. 15 и 30.

⁴ Ср. также груз. *er-i* «народ».

Как бы то ни было, действительный научный, историко-этнологический интерес осетинской этнической номенклатуры, в том числе и термина *ir*, в том, что она вскрывает связи кавказского народа осетин с их кавказскими же соседями. В таких терминах, как *ir*, *digor*, *twal* и пр., бесполезно было бы искать каких-нибудь иранских реминисценций. Они уходят корнями в кавказский этнокультурный мир и только в рамках этого мира могут найти себе истолкование.

Лфетический сборник V (1927), стр. 105—108

ALANICA

В 1822 г. в XVI томе «*Annales des Voyages*» известный в свое время путешественник и кавказовед Ю. Клапрот поместил статью: «*Mémoire dans lequel on prouve l'identité des Ossètes, peuplade du Caucase, avec les Alains du moyen-âge*».

С тех пор теория о тождестве осетин с аланами получила разностороннее подтверждение и в настоящее время пользуется общим признанием среди специалистов.¹

Новая культурно-историческая концепция, связанная с именем Н. Я. Марра, не снимает отнюдь вопроса об алано-осетинских отношениях, как не снимает она ни одного вопроса реальных исторических связей и отношений. Но она решительно устраняет сомнительные и ненадежные попытки перевести вопрос об алано-осетинских связях в плоскость расово-антропологических отношений и бесплодного спора о том, являются ли аланы «предками», а осетины — «потомками».² С этой поправкой проблема полностью сохраняет свое значение. Она сохраняет свое значение как проблема реальной культурно-исторической и языковой связи и преемственности между двумя народами Северного Кавказа, одного — современного, другого — средневекового. В этом только смысле мы и будем говорить об аланах, а также о скифах и сарматах как о предках осетин, выдвигая неизменно на первый план данные культурной истории и данные языка.

В настоящей заметке мы имеем в виду дать краткую сводку последних, т. е. языковых данных, дополнив их некоторыми новыми осетино-аланскими сопоставлениями.³

Памятников аланского языка, созданных самими аланами, у нас не сохранилось, если не считать одной надгробной надписи греческими буквами, заключающей, кроме собственных имен, лишь слова «сын»

¹ Из более новых работ см. статью R. Bleichsteiner'a в *Berichte des Forschungsinstitutes für Osten und Orient*, Bd. 2, 1918, стр. 4—16.

² Ср. соображения Вс. Миллера о «темнорусых волосах» у алан (Осет. этюды, III, стр. 52, 53).

³ Что касается исторических доказательств тождества осетин с аланами, то они сведены вместе Вс. Миллером (Осет. этюды, III, стр. 30—66) и Ю. Кулаковым (Аланы по сведениям классических и византийских писателей, 1899). Стержнем аргументации является сопоставление различных исторических свидетельств, из которого вытекает с необходимостью, что термины *алан*, *ас*, *ясс*, *ос* (осетин) относились к одному и тому же народу. Однако, так как несомненно, с другой стороны, что такие термины, как *алан*, *ас* никогда не были достаточно четкими и дифференцированными, то известное место для скепсиса и сомнения все же остается. Тем большую ценность приобретают языковые данные, подтверждающие алано-осетинское языковое единство.

и «памятник» (см. ниже). Несмотря на значительную историческую роль и политическую силу, аланы не имели, повидимому, своей письменности, пользуясь в отдельных, редких случаях греческим письмом. К счастью, у нас есть косвенные источники, позволяющие судить о некоторых фактах того языка, который мы с большой долей вероятности можем называть аланским, учитывая, разумеется, известную условность этого термина.

Эти факты позволяют утверждать, что осетинская речь действительно имела в свое время распространение на той территории, которая, по имеющимся у нас историческим и иным свидетельствам, занималась народом, называемым аланами.

1. Топонимика горной Кабарды и Клухорского района

Эти две области, расположенные на северо-запад от нынешней Осетии, буквально насыщены осетинскими топонимическими названиями. Так как соответствующие материалы уже опубликованы, мы не будем здесь приводить иллюстраций, отсылая читателя к работе Вс. Миллера: Осетинские этюды, III, стр. 7—10, и к нашей статье «Поездка к верховьям Кубани, Баксана и Черема» (см. ниже).

Уже беглый обзор материалов не оставляет сомнения, что территория эта была значительный период времени населена народом, говорящим на осетинском языке, точнее на дигорском наречии осетинского языка. С другой стороны, этот район находился, по свидетельству средневековых источников (в частности географии Моисея Хоренского), в сфере предполагаемого распространения аланских поселений. Большой интерес в этом отношении представляет тот факт, что мегрелы до последнего времени называли карачаевцев *alani*. Приведем полностью соответствующее место из работы И. Кипидзе, Грамматика мингрельского (иверского) языка, стр. 193: *alani* — алан; аланами мингрельцы называют карачайских татар (карачайцев), живущих на северном склоне главного Кавказского хребта, близ Эльбруса, у истоков р. Кубани; — *alani-k'oci* человек-алан, т. е. сильный, храбрый, молодец,¹ см. *Aram-xut'u*; *alanuroba-malanuroba* — обычай, совершаемый 20—21 августа в церковной ограде в сел. Биа Зугдидского уезда (см. სსსსსსსს ზაზაო, 1910, № 170, стр. 2, статья «Alanuroba Samegreloš»); суть обычая состоит в состязании в силе и ловкости двух партий нарочно выбранных молодых холостых людей (*alanuri, malanuri*), группирующихся поровну (по шести) вокруг опять-таки нарочито выбранных двух старцев, представляющих собою имеретинского царя и мингрельского князя; победительницей является та партия, которой удастся захватить знамя, огромный шест, кругом обитый холстом; по-мингрельски игра эта называется *k'ak'vi-gala* «несение шеста».

Приведенное место говорит повидимому о контакте мегрелов с аланами в какую-то историческую эпоху, причем этот контакт должен был быть

¹ А. Ц а г а р е л и. Мингрельские этюды, I, стр. 72.

достаточно оживленным, если популярная в народе игра называлась «аланской» (быть может, была заимствована у алан).

В связи с этим следует напомнить, что в осетинском имеются южнокавказские лексические элементы, которые по своему фонетическому облику, при сопоставлении с грузинскими эквивалентами, могут быть охарактеризованы как «мегрелизм», т. е. как вклады именно шипящей, а не свистящей ветви южнокавказских языков.¹

При отсутствии в настоящий момент какого бы то ни было соседства и соприкосновения между осетинами и мегрелами эти факты могут показаться трудно объяснимыми. В свете исторических алано-мегрельских связей они получают определенный смысл и обоснование.

2. Зеленчукский памятник

Несколько севернее Клухорского района в ущелье реки Б. Зеленчук обнаружен в 1888 г. надгробный камень, надпись на котором, разобранная В. С. Миллером, подтвердила данные топонимики, свидетельствующие о распространении осетинского населения в этих местах в прошлую эпоху.² В разобранной части надпись содержит слова: *Паххадар Паххадар форт* *Ауπαλα* *Απαλανη* *φорт*. Надпись датируется В. С. Миллером приблизительно XI—XII в. Несмотря на некоторые неясности, хорошо разбираемое слово *φорт* = ос. диг. *furt* 'сын' и собственное имя *Αυπαλα* = ос. *Æmbal*, диг. *Æmbal*³ позволяют с уверенностью рассматривать этот памятник как осетинский (см. ниже, стр. 260—270).

3. Осетинские элементы в венгерском

Ряд средневековых латинских, византийских и арабских свидетельств помещают алан значительно далее на север, до Азовского моря и Волги, в соседстве печенегов, команских турок, хазар и мадьяр.⁴ Замечательным свидетельством этих более северных расселений аланского народа являются осетинские элементы в венгерском. Заслуга определения осетинских (аланских) слов в венгерском принадлежит венгерскому лингвисту Б. Мункачи (B. Munkácsi).⁵ Позднее шведский лингвист Г. Шёльд (H. Sköld) посвятил им большую работу.⁶

¹ См. ниже, стр. 323—330.

² Материалы по археологии Кавказа, III, стр. 110—118.

³ Ср. *Анбал*, имя ясына, участвовавшего в убийстве Андрея Боголюбского (XII в.) (Миллер, Ос. эт. III, стр. 68.)

⁴ См. К у л а к о в с к и й, *op. cit.*; М и л л е р, *op. cit.*, III, стр. 39 сл.

⁵ *Arja es kaukazusi elemek a finn-magyar nyelvekben*, Budapest, 1901; Он же. *Alansische Sprachdenkmäler im ungarischen Wortschatze*, «Keleti Szemle», V, 1904, стр. 304—329.

⁶ *Die ossetischen Lehnwörter im Ungarischen*, Lunds Universitets Arsskrift, N. F. Avd. I, Bd. 20, № 4; ср. он же, *Woher stammen die ossetischen Lehnwörter im Ungarischen?* ZII, Bd. 3, Heft 2, 1925. Некоторые затронутые Шёльдом вопросы вызвали полемику между ним и финским ученым Г. Шмидтом (G. Schmidt), см. *Finnisch-Ugrische Forschungen*, 18 (1927) и 19 (1928).

Считаем нелишним привести здесь все наиболее верные осетино-венгерские соответствия, дополнив их несколькими новыми этимологическими догадками и разъяснениями:

1. Венг. *aladár* 'начальник сотни', также собственное имя — ос. *aldar* 'властитель', 'князь'; из аланского же идет, повидимому, монг. *aldar* 'слава' (а также собственное имя), 'господин'; осетинское слово образовалось, по нашему мнению, из *arm-dar* 'рукодержец' от *arm* 'рука' и *dar-* 'держать'; ср. груз. *xelmc'ipe* 'царь', букв. 'рукой достигающий'.
2. Венг. *asszony* 'женщина' — ос. *'xsin*, *axsinae* 'госпожа', алан. *χσινα* 'госпожа', *ἄρύντισσα* (см. ниже, стр. 257).
3. Венг. *bűz* 'запах' — ос. *bud* | *bod* 'ладан', авест. *baoidi-*.
4. Венг. *egész* 'весь', 'целый', 'здоровый' — осет. *egas* id.; в пользу аланского происхождения слова можно было бы указать на скифское собств. имя *Ἀχάσας* (Латышев, I, стр. 248).
5. Венг. *ész* 'вкус' — ос. *ad* id., соответствие ос. *d* венг. → закономерно, ср. выше *bűz*.
6. Венг. *ezüst* 'серебро' — ос. *evzist*, *evzesta* id.; происхождение слова не ясно; налично также в восточнофинских языках: удмурт. *azveš*, коми *eziš*.
7. Венг. *fűzet-*, *fűzet-* 'платить', ос. *fid-*, *fed-* id.; возможно из древнеиранского **pati-dā* 'давать взамен'.
8. Венг. *gaz* 'небольшой лес', 'поваленное дерево' — ос. *qæd*, *ǰædæ* 'лес', 'дерево (срубленное)', 'бревно', 'балка'. Происхождение не ясно.
9. Венг. *gazdag* 'богатый' — ос. *qæzduq*, *ǰæzduq* id. Слово имеет иранские соответствия.
10. Венг. *hid* 'мост' — ос. *xid* *xed*, id., санскр. *setu-*, авест. *haetu-*¹
11. Венг. *kard* 'меч' ос. *kard* id., авест. *karata-*, перс. *kārd*; налично в ряде других финно-угорских языков, что заставляет рассматривать это слово в более широком плане, чем осетино-венгерские отношения.
12. Венг. *keszeg* 'leuciscus' — ос. *kæsaq* 'рыба' (у В. Миллера, *Die Sprache der Osseten*, стр. 10, 106 ошибочно *k'æsaq*); происхождение слова не ясно; прослеживается и в других угорских языках, остяцком и вогульском.
13. Венг. *legény* 'юноша', 'слуга', 'воин' — ос. *læq* 'мужчина', диг. *læqwaen* 'юноша'; слово налично в кавказских языках (ЯФ. сб., III, стр. 105—106); связь с венгерским сомнительна.
14. Венг. *tanó* 'демон', 'бес' — ос. *-mon* в *delimon*, *delujmon* 'нижний (т. е. 'преисподний') дух', 'бес'; следует учесть, что более древней формой осетинского слова должно было быть **tan* (авест. *mainyu-*

¹ Слово находим также в грузинском: *xid-i* 'мост', что, однако, не может служить основанием, чтобы отрывать осетинское слово от арийских вопреки Г. Шмидту (FUF. 19, Anzeiger, стр. 27 сл.).

- ‘дух’); переход долгого *a* в *o* перед носовыми совершился в осетинском относительно поздно, как это видно при рассмотрении осетинских элементов в балкарском и карачаевском, во всяком случае позднее алано-венгерского соседства (см. ниже, стр. 256).
15. Венг. *méreg* ‘яд’ — ос. *maŋg* id. авест. *mahrka-* ‘смерть’.
 16. Венг. *mi*, *mű* ‘дело’, ‘работа’ — ос. *mi*, *mūwe* id., ср. скифское *Μεύαχος* (Латышев, II, стр. 29, 237).
 17. Венг. *ravasz* ‘хитрец’, ‘шельма’, в старом языке — ‘лиса’ — ос. *ruwas*, *robas* ‘лиса’; общеиранское слово, усвоенное и в другие финно-угорские языки.
 18. Венг. *rég* ‘давно’ — ос. *rag-* ‘давний’, ‘ранний’, чаще в сложных словах, *ražy*, *raji* ‘давно’, санскр. *prāk-*, др. иран. **frāk-* ‘передний’, ‘начальный’.
 19. Венг. *részeg* ‘пьяный’ — ос. *rasyg*, *rasug* id. Происхождение не ясно.
 20. Венг. *tölgy* ‘дуб’ (произносится *töldy*) — ос. *tulž*, *tolžæ* id.; одно из интереснейших осетино-венгерских соответствий, привлекающее внимание в особенности потому, что в самом осетинском слово *tulž*, *tolžæ* не имеет удовлетворительного разъяснения.
 21. Венг. *üstök* ‘длинные волосы у мужчины’, ‘чуб’ — ос. *styg*, *stug* ‘локон’, ‘лок волос’, санскр. *stūkā-* id.
 22. Венг. *üsző* ‘телка’ — ос. диг. *wæss* ‘теленок’, санскр. *vatsā-* id.; сюда же вогул. *vōsi* ‘Renntierkalb’.
 23. Венг. *üveg* ‘стекло’ — ос. *avg*, *avgæ* id.; из **āpka*, от корня *āp* ‘вода’; сюда же кабард., черк. *abǵ*.
 24. Венг. *vendég* ‘чужой’, ‘гость’ — ос. *fændag* ‘дорога’, с. *pánthan-* id., ср. ос. *fændagkon* ‘путник’ (‘путник’ — ‘гость’). Однако переход ос. *f* → венг. *v* представляет трудности.
 25. Венг. *verēm* ‘яма’ — ос. *wærm* id., с. *várman-* ‘прикрытый’, ‘прикрытие’; для полногласия в венгерском ср. выше *aladar*, *méreg*.
 26. Венг. *vért* ‘щит’ — ос. *wart* id., санскр. *vártra-*, авест. *varədra-*.
 27. Венг. *zöld* ‘зеленый’ — ос. диг. *zældæ* ‘дерн’.
 28. Венг. *zsineg*, *sineg* ‘шнур’ — ос. *sinag* id.

Остальные соответствия, приводимые Мункачи и Шельдом, представляются более или менее сомнительными.¹

Как можно убедиться из приведенных соответствий, часть венгерских слов действительно допустимо считать усвоенными из осетинского (аланского), именно в тех случаях, когда в осетинском эти слова относятся к старому иранскому фонду: *aladár*, *asszony*, *bűz*, *fizet*, *híd*, *merég*, *ravasz*, *rég*, *üstök*, *üsző*, *üveg*, *vendég* (?), *verēm*, *vért*, *zöld*. В отношении остальных соответствий можно говорить и об обратном движении — из венгерского в осе-

¹ Б. Мункачи установил позднее несколько новых осетино-венгерских лексических параллелей: венг. *reszelő* — ос. *res* ‘напильник’, венг. *ezer* ‘тысяча’ — ос. *aržæ* ‘множество’ (в эпосе). См. Magyar nyelvör, 1933, стр. 68, 89 сл.

тинский (аланский) — или об усвоении из какого-то третьего источника. Однако эти последние элементы неясного происхождения могут с таким же правом привлекаться для доказательства исторических алано-венгерских связей, как и первые, так как и они говорят с несомненностью об одном: о существовании общего лексического слоя в осетинском и венгерском.

Общий вывод, вытекающий с необходимостью из приведенных материалов, может быть сформулирован так: в определенную историческую эпоху (по Шёлду — в VIII в.) имело место соседство двух языковых коллективов, из которых один преемственно связывается с современными венграми, другой — с современными осетинами. Место этого соседства определяется лишь приблизительно: Северный Кавказ, быть может, также степи между Волгой с Доном. Народом, который мог бы передать в венгерский осетинские элементы, могли быть только аланы.

4. Аланские собственные имена

Аланские (гесп. аские, яские, овские) собственные имена дошли до нас в значительном числе в источниках латинских, греческих (византийских), русских, армянских, грузинских, арабских, монгольских.

Общая сводка их была бы крайне интересной. В настоящей заметке мы коснемся лишь одной группы аланских собственных имен, которая до сих пор, насколько нам известно, не привлекла к себе ничего внимания: мы имеем в виду аланские имена из истории монголов.

Известно, что аланы-асы играли большую роль в монгольских военных предприятиях XIII—XIV вв. Сношения алан с монголами, а также китайцами относятся к значительно более раннему периоду, именно к первым векам нашей эры.¹

В китайской истории монголов, известной под названием «Юань-ши», т. е. «История Юаньской (Монгольской) династии» (1369 г.), упоминается ряд аланских военачальников, награжденных монгольскими ханами, премниками Чингиз-хана, за особые военные заслуги. Сводка этих сведений дана А. И. Ивановым по-русски в статье «История монголов (Юань-ши) об асах-аланах» (Христ. вост., II, вып. 3, 1914, стр. 281—300). Беглый обзор приводимых там аланских собственных имен позволяет, во-первых, выделить ряд христианских имен:

Илья (*Е-ле*, стр. 288 сл., *Е-м-я*, стр. 293);

Николай (*Не-ву-лай*, стр. 292 сл.);

Димитрий (*Ди-ми-ди-р*, стр. 295);

Соломон (*Ши-м-мьнь*, стр. 298).

¹ E. Bretschneider. Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources, I—II, London, 1880. Важным языковым свидетельством осетино-монгольских связей являются монгольские элементы в осетинском эпосе.

В этом факте нет ничего неожиданного, так как хорошо известно, что аланы в эту эпоху были христианами.¹ Ср. язигские (язские) имена XIV в.: *Demetrius, Stephanus, Andreas*.²

Ряд имен носит монгольский характер: *Бадур* (стр. 299), *Ху-ду-те-му-р* (стр. 292) и др.

Из остальных имен некоторые легко разъясняются с помощью осетинского. Особенно показательно в этом отношении имя *Ма-та-р-ша* (馬塔兒沙 299), которое в точности передает осетинское имя *Matersa* (*matersa* «пусть не боятся» = «бесстрашный», ср. тур. *Qorq-maz* с тем же значением). Это имя до сих пор бытует у осетин и известно в фамильных преданиях южной Осетии, см. предание о борьбе фамилий *Sonagotæ* и *Gag-lojtæ* (Пам. ю. ос. нар. творчества, II, 158, 159, 160).³

Имя *Кой-р-изи* (口兒吉 294 сл.) может быть сопоставлено с осетинским *xorz*, диг. *xwarz* «хороший»; ср. язигское имя *Hurz*, которое *Gombocz*'ем сопоставляется с ос. *xorz*, *xwarz* (op. cit., стр. 9).⁴

Имя *А-да-чи* (阿荅赤 291, *A-ma-чи* 阿塔赤 283—285) поразительным образом совпадает с именем последнего аланского царя в Португалии, разбитого вестготами: *Addac (Atax)*. Это совпадение тем более любопытно, что последнее имя относится к V в. н. э., в то время как первое (*Адачи*) — к XIV в., т. е. они отделены друг от друга промежутком в девять столетий.

5. Аланские фразы у византийского писателя Цеца (XII век)

Проф. Б. Мункачи имел любезность обратить наше внимание на статью И. Моравчика (J. Moravcsik): *Barbarische Sprachreste in der Theogonie des Johannes Tzetzes*,⁵ где впервые опубликована та часть «Теогонии» Цеца, которая содержит формулы приветствия на различных языках, с которыми соприкасалась в ту эпоху (XII в.) Византийская империя: латинском, русском, еврейском, арабском, турецком и аланском. Как предполагает И. Моравчик, Цец вставил эти разноязычные фразы в свою «Теогонию» с целью похвастать своими познаниями перед своей высокопоставленной покровительницей Ириной, невесткой императора Мануэля Комнена.

В статье И. Моравчика разобраны фразы на всех языках, кроме аланского, и результаты анализа говорят о том, что показания Цеца в общем

¹ Об этом говорят не только западные, но и восточные источники, ср. Палладий К а ф а р о в. Старинные следы христианства в Китае. Вост. сб., 1877. — P. Pelliot. *Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient*. T'oung Pao., XV, 1914, стр. 641—643.

² *Gombocz*. *Ossètes et Jazyges*, Rev. des ét. Hongr. et Finno-Ougr., 1925, № 1—2, стр. 8.

³ По способу образования ср. другое осетинское имя *Сара*, собств. «пусть живет». З л. ед. ч. Optativ'a, как и *ma tærsa*. Такие имена давались с целью магически сообщить новорожденному требуемое качество: живучесть, бесстрашие.

⁴ По любезному осведомлению А. А. Драгунова начальный согласный может читаться по произношению северо-западных диалектов как спирант *x*.

⁵ *Byzantinisch-Neugriechische Jahrbucher*, VII, 1930, Heft 3—4, стр. 352—365.

заслуживают доверия и что он действительно слышал все записанные им формулы приветствия.¹ Тем больший интерес возбуждает аланское приветствие, которое является единственным языковым памятником, аланский характер которого был бы засвидетельствован самим записавшим его лицом.

Ниже мы приводим ту часть текста, которая касается аланского.

И. Моравчиком текст прочитан следующим образом:

τοῖς Ἀλανοῖς προσφθέγγωμαι κατὰ τὴν τούτων γλωσσαν
καλὴ ἡμέρα σου, αὐθέντα μου, ἀρχόντισσα, πόθεν εἶσαι;
ταπαγγὰς μέσφιλι χοῖνὰ κορθιν [-----]
οὐκ αἰσχύνεσαι, αὐθέντριά μου
τὸ φάρνετζιν κίντζι μέσφιλι καιτερφουὰ [--] οὐγγε

Аланские фразы, взятые отдельно, звучат:

ταπαγγὰς μέσφιλι χοῖνὰ κορθιν [-----]
τὸ φάρνετζιν κίντζι μέσφιλι καιτερφουὰ [--] οὐγγε

и должны, по греческому переводу самого Цеца, означать:

«Добрый день, господин мой, повелительница, откуда ты?»

«Тебе не стыдно, госпожа моя?»

Рукопись местами повреждена, но количество недостающих слогов можно установить, так как текст написан стихами, заключающими по 15 слогов в каждой строке. Относительно первой аланской строки И. Моравчик замечает: «Laut dem Versmass müssen nach κορθιν noch fünf Silben folgen, doch da das Papier zerriss, sind hier nunmehr unlesbare Striche zu unterscheiden». Относительно второй строки: «Aus der zweiten Hälfte des Verses fehlt noch eine Silbe. In φάρνετζιν ist das ν sehr verschwommen, es kann eventuell auch η sein. Die fehlenden zwei Buchstaben nach καιτερφουὰ sind vermutlich σ und μ, doch kann dies nicht sicher festgestellt werden».

Аланское ταπαγγὰς, которое по Цецу должно означать «добрый день» (καλὴ ἡμέρα σου), легко сопоставляется с осетинским *da bon xorz* 'добрый день' (собств. — 'твой день — добрый'), как это и делает Б. Мункачи (Magyar nyelvögr, 1933, май — июнь, стр. 68, прим. 2).

Поддерживая полностью сопоставление Б. Мункачи, я хочу только в его защиту выдвинуть несколько дополнительных соображений:

1. Византийско-греческий не имел, как и новогреческий, звонких смычных *b* и *d*; буквы β и δ обозначали не смычные, а соответствующие спирранты. Поэтому при передаче чужих *b* и *d* мы находим часто в греческих текстах того времени подстановку соответствующих глухих π и τ. Так, мы видели выше, говоря о Зеленчукском памятнике (стр. 250), что аланские *Anbal* и *Bakatar* переданы по-гречески через *Ανπάλ*, *Πακαταρ*. В тексте самого Цеца русское (болгарское?) *brate* передано *πράτε*. Поэтому, когда мы в соответствие с осетинским *d* и *b* (*da bon xorz*) находим у Цеца

¹ «Русское» приветствие гласит: σδρᾶ πράτε, σεστριτζα, δββρα δενη.

τ и π (ταπχχας), то эту подстановку надо считать вполне закономерной.¹

2. Звук *o* в *bon* восходит исторически к *a*, как и все осетинские *o* перед носовыми (ср. В.с. Миллер, Sprache der Osseten. Grundriss I, Anhang, стр. 20); ос. *bon* 'день' = авест. *bāni-*, с. *bhāni-* 'свет', 'луч'. Установить точно, когда именно произошел переход долгих *a* перед носовыми в *o* мы не можем, но все же приблизительный *terminus ante quem non* позволяют наметить осетинские элементы в балкарском и карачаевском. В соответствие осетинскому *o* перед носовыми мы находим в балкарском и карачаевском систематически *a*:

Ос.	<i>don</i>	'река'	—	балк.-карач.	<i>dan</i>	(в топонимике)
»	<i>kom</i>	'ущелье'	—	»	<i>kam</i>	»
»	<i>kurojnæ</i>	'мельница'	—	»	<i>kurān</i>	»
»	<i>sont</i>	'идиот'	—	»	<i>sant</i>	
»	<i>ḡolon</i>	'пестрый'	—	»	<i>ḡolan</i>	
»	<i>dordon</i>	'зоб'	—	»	<i>dordan</i>	
»	<i>ginon</i>	'часть сохи'	—	»	<i>ginan</i>	
»	<i>xwasdon æ</i>	'место, куда свозят сено' ²	—	»	<i>xastan</i>	

Как справедливо указывает Г. Шмидт (Mélanges J. J. Mikkola, стр. 389—390), такое закономерное чередование следует объяснять не фонетическими особенностями балкаро-карачаевского, а тем, что здесь балкарский и карачаевский отражают более древнюю звуковую форму осетинских слов. Следовательно, в ту эпоху, когда эти слова были усвоены из осетинского в балкарский и карачаевский, переход старого осетинского *a* перед *n* и *m* в *o* еще не имел места. А каким периодом можно датировать начало осетино-балкарских и осетино-карачаевских языковых и культурных связей? По всем данным, не ранее монгольского нашествия, т. е. не ранее XIII в. (см. G. Schmidt, *ibid.*, стр. 365—371). Поэтому, когда мы в соответствие осетинскому *bon* 'день' находим в XII в. аланское **ban* (πχν в τα-πχν-χας), то это именно то, чего следовало ожидать.

3. Следует иметь в виду, что форма *xorḡ* 'добрый', которую приводит Б. Мункачи, принадлежит иронскому диалекту и что в дигорском мы имеем более архаичную форму *xwarḡ*, которая по огласовке более точно соответствует «аланскому» χας в τα-πχν-χας.

Таким образом, восстанавливая известную нам форму современного

¹ В отношении τ мы теперь думаем, что она может передавать более старое осетинское произношение *ta*, лишь впоследствии перешедшее в *da*; ср. др. иран. *tu*, *tvam* 'ты', *tava* 'твой'. См. по этому поводу D. Gerhardt, *Alanen und Osseten* (ZDMG. Bd. 93, 1939, стр. 39). Что касается π, то наши соображения остаются в силе.

² Все осетинские слова даны в дигорской форме. См. ниже «Поездка к верховьям Кубани, Баксана и Черека».

осетинского приветствия в аланскую, мы должны были бы иметь **dä ban xwarz*, что довольно точно и передано Цепом.

Из других «аланских» слов, приводимых Цепом, μέστριλι сопоставляется Б. Мункачи с осетинским *me'fsin* 'моя хозяйка' (из *mæ æfsin*). Сопоставление кажется мне приемлемым. Перестановку *fs* → σφ можно отнести за счет восприятия Цеца. Что касается *l* (λ) вместо *n*, то тут не обязательно видеть искажение. Перебой *n* → *l* наблюдается и в современном осетинском языке, напр. *namaz* → *lamaz* (см. Язык и мышление, I, стр. 68). Вполне возможно, что в том аланском «диалекте», из которого почерпнул свой материал Цец, действительно существовала форма **äfsil-* (вместо **äfsin-*). Можно поставить вопрос, могло ли уже в то время иметь место sandhi: *mä* + *ä* = *me*? К сожалению, наши сведения по исторической фонетике осетинского языка пока недостаточны, чтобы ответить утвердительно или отрицательно на этот вопрос.

В современном осетинском *æfsin* ^гæ¹ может относиться только к женщине. Между тем, у Цеца это слово передает в одном случае греческое *κύριον* 'господин', в другом — *κύριον* 'госпожа' (см., впрочем, ниже, стр. 258). Если принять во внимание, что грамматического рода в осетинском нет, то нет оснований отрицать, что *æfsin* могло применяться и к мужчине. В пользу последнего допущения можно указать на согдийское *afsin*, титул царя, засвидетельствованный в арабских источниках (у Я'куби).¹

Остальных слов Б. Мункачи вовсе не коснулся. Наше внимание привлекло здесь в особенности слово *χουή*, которое означает по Цецу *ἀρχόντισσα* 'повелительница'. Внимательное рассмотрение снимка с рукописи² возбудило у нас сомнение в правильности предлагаемого И. Моравчиком чтения. Вторую от начала букву следует читать, по нашему мнению, не *o*, а *σ* (сигма). Читатель может убедиться в правомерности такого чтения, рассмотрев интересующее нас слово, скопированное с увеличенного снимка:

χοιη

Если так, то здесь мы имеем новое блестящее доказательство языковой близости аланского с осетинским. Перед нами несомненно осетинское слово *'xsinæ*, *æxsinæ* (пронский диалект *'xsin*), означающее 'госпожа', 'владычица', 'повелительница', *ἀρχόντισσα*.³ Из аланского это слово усвоено и в венгерский (см. выше, стр. 251).

Слова, означающие «откуда ты» (*πόθεν εἶσαι*), в аланском тексте сильно повреждены; разбирается только начало *χορδιν*..., за которым могло следовать еще пять слогов. Если в *χορδιν* последнюю букву можно вместо *v* читать *γ* (в виду дефектного состояния этого места рукописи такая возможность не кажется нам исключенной), то мы могли бы восполнить недо-

¹ В. В. Бартольд. Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen, 1899, стр. 11, «*afsin* Самарканда».

² Самая рукопись, использованная И. Моравчиком, хранится в Ватиканской библиотеке. Она восходит не к самому Цецу (1110—1180), а представляет список XV в.

³ Этимологию ос. *'xsinæ* и дальнейшие параллели см. выше, стр. 64.

стающую часть и прочесть приблизительно следующее: *ku'rdigæj cæwis(æ)* «откуда (с какой стороны) идешь?»

Выражению «тебе не стыдно» (*οὐκ αἰσχύνεσαι*) соответствует в аланском *φάρνετζυ* (или *φάρνετζη*). Знакомый с осетинским языком легко усмотрит здесь ос. *farn* = авест. *hvarənah-*, согд. *prn*, перс. *farr*. Значение ос. *farn* не поддается точному выражению по-русски (нечто вроде «небесной благодати»), но в числе употреблений его есть одно, подходящее для данного случая: когда в разговоре упоминается что-либо непристойное, то, как бы для извинения, говорят: *færngun ajtae, færnžyn ut* 'будьте наделенными *farn*'ом'. Несомненная семантическая связь между словом *farn* и чувством стыда, которая выступает в этом употреблении, и сохранена, повидимому, в приводимом Цецом выражении, если перевод им дан правильный.

Относительно *-ετζυ* ввиду неясности конечной буквы трудно сказать что-либо определенное.

Слово *κίντζι* сопоставляется с ос. диг. *kingzæ* (прон. *čynz*) 'невестка'. Семантика других иранских форм этого слова: мунджан. *kintika* 'девушка', вахан. *kənd* 'женщина' позволяет думать, что осетинское слово означало первоначально 'молодая женщина', 'молодуха'. В пользу этого говорит и то, что для 'невестки' осетинский имеет другое старое слово: диг. *nostæ*, прон. **nust* (сохранилось в *fajnost*).

Если так, то выражение *κίντζι μέσφιλι* (греч. *αὐθέντριά*) следует буквально переводить: 'женщина — моя госпожа'. Необходимость добавления *κίντζι* к *μέσφιλι* становится понятной, если принять, что *μέσφιλι* (ос. *mæ æfsin*, ср. выше) могло быть обращением одинаково к мужчине и женщине или даже преимущественно к мужчине, так что при обращении к женщине: «моя госпожа» — *αὐθέντριά μου* была потребность прибавить в качестве детерминатива *κίντζι* 'женщина': «женщина — мой господин». Ср. ос. *us-padcax* 'царица', букв. «женщина-царь» или франц. *la femme professeur* «женщина-профессор» (последнюю параллель приводит Д. Герхардт в вышеупомянутой статье, стр. 44). Это тем более вероятно, что выражение «господин мой» — *αὐθέντα μου* передано выше просто через *μέσφιλι*, как если бы мужское употребление этого обращения было для него обычным.

Следует еще отметить, что окончание *ι* в *κίντζι* и *μέσφιλι* отвечает форме не именительного (диг. *kingzæ, æfsinæ*), а родительного падежа в осетинском (*kingzi, æfsini*), что синтаксически трудно оправдать контекстом. Мы ожидали бы звательный падеж, которого в современном осетинском языке нет (обращение выражается именительным). Постулировать для той эпохи звательный падеж с окончанием на *i* мы не решаемся.¹

Наконец, последнее слово (или группа слов?) *κατερφουά[σμ]οῦγγε* представляет особые трудности для истолкования, в особенности потому,

¹ Б. Мункачи допускает, что аланское конечное *-æ* могло восприниматься как *i* (Körösi Csoma Archivum, I, Ergänzungsband III, 1937, стр. 270—271); ср. в удмуртском и коми *zarni* 'золото при осетинском *zərinæ*. В этом случае *κίντζι* и *μέσφιλι* могут быть несколько неточной передачей аланских *kinzä* (*kinčä*) и *me fsinä*.

что оно оставлено Цецом без перевода. В *κλιτερ* можно было бы видеть ос. *kæjdær* 'кого-то', 'чей-то', а в *ζουα[σμ]οῦγγε* деепричастие от какого-либо глагола (от *fægtyn* 'передразнивать', 'подражать?'). Однако, как связать это с контекстом?

Имеющиеся в аланском тексте Цеца неясности не снижают его исключительного интереса и значения. Можно сказать без преувеличения, что мы имеем здесь одно из самых ярких и убедительных свидетельств языковой близости аланского с осетинским. В аланский лексикон, о котором мы могли до сих пор составлять представление лишь косвенным путем, можно внести теперь первые несколько слов, засвидетельствованных современником как аланские:

παν (**ban*) 'день' — ос. *bon*;

χσινα (**xsinä*) 'повелительница' — ос. *'xsin*, *æxsinæ*;

μεσφιλ- (**me'fsin*) «мой господин (моя госпожа)» — ос. *me'fsin* «моя хозяйка (дома)»;

φαρν — ос. *farn*;

κιντζ- (**kinz-* или **kinç-*) 'женщина' — ос. диг. *kinzæ* 'невестка';

τα (**ta*) 'твой' — ос. *dæ*;

χαζ (**xwarz?*) — ос. диг. *xwarz* 'хороший', 'добрый'.

С точки зрения истории осетинского языка представляет известный интерес, что некоторые из приведенных аланских слов имеют форму, сближающую их с формами современного дигорского (западного) диалекта, но расходящуюся с иронской (восточной). Так, в *χσινα* находим конечный (заставочный) гласный *a*, как в дигорском *æxsinæ*, ср. ирон. *'xsin*. Алан. *κιντζ-* 'женщина' (?) примыкает к дигорскому *kinzæ*, но расходится с иронским *čynz*. Алан. *χαζ* ближе к диг. *xwarz*, чем к ирон. *xorz*.

Г. Шёлд (op. cit.) на основе анализа осетинских элементов в венгерском приходит к выводу, что уже тогда (VIII в.) осетинский язык делился на те же два диалекта, дигорский и иронский, и что осетинские элементы в венгерском идут именно из иронского. Не разделяя этого вывода, основанного в значительной мере на недоразумениях, мы со своей стороны склонны думать, что очень многих из тех особенностей, которые сейчас отличают иронский диалект от дигорского, в то время вовсе не существовало, и что факты, засвидетельствованные Цецом, отражают не какие-либо специфические «дигорские» формы, а «средние» аланские формы того времени.¹

Известия Академии Наук СССР, 1935, № 9, стр. 881—894

¹ Подробный разбор аланских свидетельств Цеца с учетом работ Мункачи и нашей и с рядом дополнительных соображений и сведений дает Д. Герхардт (D. Gerhardt) в статье «Alanen und Osseten» (Zeitschrift d. DMG. Bd. 93, 1939, стр. 33—51).

ДРЕВНЕОСЕТИНСКАЯ ЗЕЛЕНЧУКСКАЯ НАДПИСЬ

Летом 1888 г. Д. М. Струковым была обнаружена в Кубанской области на берегу реки Б. Зеленчук могильная плита с надписью греческими буквами, но не на греческом языке. Копия с надписи была доставлена акад. Вс. Миллеру, и последний признал надпись осетинской. Хотя на самой надписи даты не оказалось, но привлечение датированной греческой надписи из тех же мест и палеографические соображения позволили Вс. Миллеру установить ориентировочную дату XI—XII в.

Значение Зеленчукского памятника заключается в том, что:

1. это — единственный, обнаруженный до сих пор памятник древней (точнее, средневековой) осетинской письменности;

2. он найден на территории исторических алан и, следовательно, служит одним из подтверждений тождества осетин с аланами и пребывания осетин на Западном Кавказе;

3. это — памятник христианский, он свидетельствует о том, что осетины-аланы, жившие в X—XII в. в Кубанской области, были христиане;

4. из этого памятника видно, что уже в ту эпоху были попытки создать осетинскую письменность, используя для этого греческие буквы. Если до сих пор не найдено других памятников этого рода, то это не значит, что их не было. Может быть они были, но погибли. Может быть они есть и сейчас, но не обнаружены. Никто не производил в этом направлении систематические поиски. «Как известно, — пишет Вс. Миллер, — в Кубанской области было найдено уже довольно значительное количество христианских могильных памятников с греческими надписями, но последние в большинстве случаев сохранились весьма плохо, представляют обрывки двух-трех слов, весьма трудно поддающиеся дешифровке». Кто решится утверждать, что среди этих неразобранных надписей не могло быть осетинских? Очень может быть, что «не поддающиеся дешифровке» надписи оказались бы более податливыми, если бы к ним подойти с позиций осетинского языка.

Вс. Миллер, которому мы обязаны изданием и разъяснением зеленчукского памятника,¹ дал ему также надлежащую оценку. «Рассмотренный памятник представляет значительный интерес для древней этнографии. Хотя некоторые слова и не поддаются точной дешифровке, но четыре раза явственно читающееся осетинское слово и два употребительных у осетин

¹ Вс. Миллер. Древне-осетинский памятник из Кубанской области. Материалы по археологии Кавказа, III, 1893, стр. 110—118.

личных имени несомненно свидетельствуют о том, что перед нами древняя осетинская надпись, представляющая попытку выразить греческими буквами осетинские слова. Мало того, интерес памятника возвышается местом его нахождения и христианской эмблемой. Он найден в местности, где указываются развалины поселения и в недалеком расстоянии от обширных развалин древнего христианского города, который, судя по числу церквей, мог быть центром Аланской епархии (митрополии), упоминаемой византийскими писателями. Подробное археологическое исследование развалин этого города, его христианских памятников и могил, должно разъяснить национальность и культуру его древнего населения. Но уже на основании рассмотренного нами памятника мы можем заключить, что одним из элементов населения были некогда предки современных осетин — аланы или яссы, — знавшие греческие письмена и делавшие попытки выражать ими звуки родного языка... О распространении христианства в бассейне Кубани свидетельствуют развалины древних церквей, из которых не менее десяти были отмечены и частью описаны путешественниками прошлого столетия и нынешнего в разных местах Кубанской области... Но самое близкое отношение к Зеленчукскому памятнику имеют развалины древнего города и нескольких церквей в ущельи Б. Зеленчука, в 20 верстах южнее станицы Зеленчукской... Местность, на которой находятся главные остатки древних построек, занимает правый берег реки и в глубину ущелья с северо-востока к юго-западу простирается на семь верст. В городе было 3 храма византийского типа, сохранившихся настолько, что они могут быть восстановлены, обширное кладбище, городская стена и проч. Таким образом, остатки значительного поселения, развалины церквей и христианские могильные памятники свидетельствуют о том, что здесь, на верховье Зеленчука, жило в средние века христианское население, и наша плита, как единственный доселе известный памятник с более отчетливой и длинной надписью, получает особенное значение для определения национальности этого населения».

Считаем нелишним привести здесь описание памятника и места его находки, заимствуя его из той же превосходной статьи Вс. Миллера.

«Я, — сообщает Вс. Миллер, — получил от Д. М. Струкова, совершившего летом 1888 года поездку в Кубанскую область, копию с надписи на могильной плите, находящейся в Зеленчукском ущельи в нескольких верстах на юг от св. Александрo-Афонского Зеленчукского монастыря, в Баталпашинском уезде Кубанской области. Плита оканчивается внизу лапой, указывающей на то, что некогда она была вделана в каменную основу. По словам Д. М. Струкова, высота плиты 2 арш. 2 вершка, толщина $2\frac{1}{2}$ вершка, материал — белый известняк... Плита лежит в лесу на древнем кладбище, на котором сохранились еще три такие же плиты. По словам Г. И. Куликовского, осмотревшего памятник летом 1892 г., плита лежит на правом берегу реки Б. Зеленчук, в 40—45 верстах от Александрo-Афонского монастыря, между реками Ропачай и Казгич... В окружающем лесу

в большом количестве видны развалины построек, иногда резко заметной 4-угольной формы, груды камней, длинные стены и т. д.»

В отличие от других христианских памятников из Кубанской области, надписи на которых по плохой сохранности не удавалось разобрать, на данной плите, «покрытой письменами сверху до низу, судя по списку, доставленному Д. М. Струковым, буквы, за немногими исключениями, весьма явственны, так как были высечены вглубь довольно глубоко, и это обстоятельство придает Зеленчукской плите особую ценность».

Надпись, содержащая 21 короткую строку, прочитана и переведена Вс. Миллером следующим образом.

Текст	Перевод
Ις Χς	Иисус Христос
Οατς (?) Νικολαος	Святой (?) Николай
Σαχηρη φουρτ	Сахира сын
Χ... ρη φουρτ	Х... а сын
Πακαθαρ Πακαθαη φουρτ	Бакатар Бакатая сын
Ανταλ Αναπαλανη φουρτ	Анбал Анабалана сын
λαχανη τζηρθε (?)	Юноши памятник (?)
⟨λαχανητε ηρθε⟩ (?)	(Юноши Иры ?)

В ряде пунктов интерпретация Вс. Миллера не вызывает возражений. Не подлежит сомнению, что четырежды встречающееся слово *φουρτ* (строки 7, 9—10, 14, 17—18) есть осетинское *furt* 'сын' в дигорской форме. Не подлежит также сомнению, что форма имен, предшествующих слову *furt*, есть каждый раз форма осетинского родительного падежа, ибо окончание *η* (-*i*) есть окончание родительного падежа в дигорском диалекте осетинского языка. Правильно указывается, что *Анбал* есть чисто осетинское имя, нарицательно означающее «товарищ». ¹ *Бакатар* — хотя турецкое или монгольское по происхождению, но с давних пор имеющее хождение у осетин. Передача звука *б* через *π* в именах *Ανταλ* и *Πακαθαρ* правильно объясняется тем, что в византийско-греческом не было звука *б* (*β* выражала спирант *в*, а не смычный *б*).

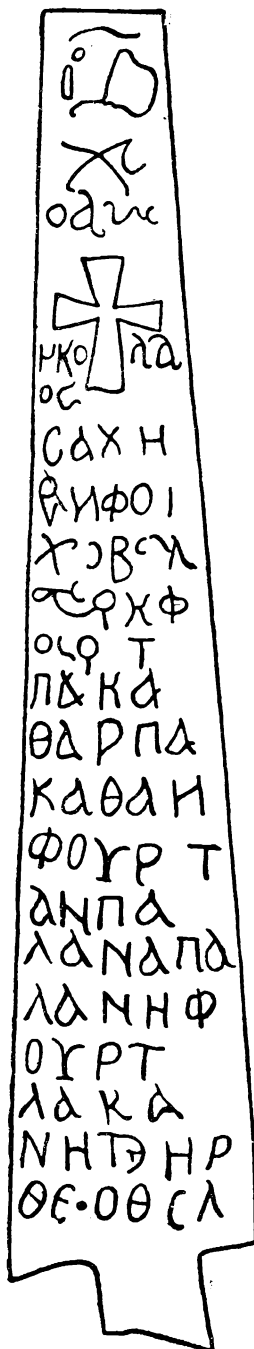
Нет даже тени сомнения, что перед нами могильный памятник осетинский и христианский.

На самой плите даты разобрать не удастся, но Вс. Миллер удачно привлекает для датировки другой памятник из развалин вышеупомянутого аланского города, относящийся, по палеографическим и другим соображениям, к той же эпохе. Это — каменный крест с греческой надписью, на которой отчетливо читается дата: 6521, т. е. 1018 г. н. э.

Таким образом и наш единственный найденный до сих пор древнеосетинский памятник можно отнести к X—XII в.

¹ Это имя носил, между прочим, осетин, участвовавший в убийстве суздальского князя Андрея Боголюбского (1174): «Анбал Ясин ключник».

- 1 ΓΣ
- 2 ΧΣ
- 3 ΟΑ...Σ
- 4 ΝΙΚΟ ΛΑ
- 5 ΟΣ
- 6 ΣΑΧΗ
- 7 ΡΗΦΟΥ[ΡΤ]
- 8 Χ.....
- 9 ...ΡΗΦ
- 10 ΟΥΡΤ
- 11 ΠΑΚΑ
- 12 ΘΑΡΠΑ
- 13 ΚΑΘΑΗ
- 14 ΦΟΥΡΤ
- 15 ΑΝΠΑ
- 16 ΛΑΝΑΠΑ
- 17 ΛΑΝΗΦ
- 18 ΟΥΡΤ
- 19 ΛΑΚΑ
- 20 ΝΗΤΖΗΡ
- 21 ΘΕ·ΟΘΣΛ

Наряду с этими прочно установленными положениями есть в интерпретации В. Миллера некоторые неувязки и неясности.

1) При названии лица по имени и отчеству в осетинском всегда идет на первом месте отчество, а потом имя. В записях нартовских сказаний нам сотни раз встречались имена Хамицева сына Батраза (*Xæmysy fyrt Batraz*), Ацова сына Ацамаза (*Aci fyrt Acæmæz*) и др., но нет ни одного случая, когда бы имя стояло впереди отчества, т. е. *Batraz Xæmysy fyrt* или *Acæmæz Aci fyrt*. Перечисление имен в Зеленчукской надписи начинается в полном соответствии с этим обычаем осетинского языка, т. е. в начале идет отчество: *Saxiri fyrt*. Мы вправе ожидать, что этот порядок будет выдержан до конца. Однако, по толкованию Миллера, получается, что в наименованиях *Bakatar Bakatai fyrt* и *Anbal Anabalani fyrt* личное имя оказывается впереди отчества, т. е. допускается немыслимый в осетинском порядок.

2) Странное созвучие имен и отчеств у этих двух лиц объясняется по Миллеру тем, что «имя сына по звукам подлаживалось к имени отца». Однако, нам ничего неизвестно о существовании у осетин такого обычновения, чтобы сыну давать сходное с отцом имя. Напротив, в этнографической литературе есть прямое указание, что такая общность имен избегалась. «Давая имя новорожденному (осетины) избегают давать такое имя, которое уже имеет не только какой-нибудь член семьи, но и член рода. Так что в одной семье никогда не бывает двух одинаковых имен. Даже в память умерших редко дают его имя ребенку».¹

3) Если имя *Анбал* звучит вполне по-осетински, то имя *Анабалан*, вопреки уверению Миллера, решительно не имеет ничего осетинского.

4) Имена и отчества, как они прочитаны Миллером, не позволяют поставить их носителей ни в какие родственные друг другу отношения; выходит, стало быть, что в одну могилу захоронено несколько посторонних друг для друга лиц; подобное погребение в корне противоречило бы осетинским обычаям, которые допускают общие склепы только для членов одной семьи или фамилии; не отмечено ни одного случая захоронения в одну могилу нескольких неродственных друг другу лиц.

5) Для последних строк Миллер дает два возможных чтения, оба — гадательно; оба они неприемлемы; если читать *λαχωνη τζηρδε*, т. е. «юноши памятники», то единственное число «юноши» будет противоречить содержанию надписи, где речь идет о нескольких покойниках; чтение же *λαχωνητε ηρδε* — «юноши иры (т. е. осетины)» неприемлемо, потому что ос. *ir* 'осетины' имеет собирательное значение и во множественном числе не употребляется; к тому же надпись имеет дигорский характер, а дигорцы не называют себя «ир».

¹ Кл. Борисевич. Черты нравов православных осетин и ингушей Северного Кавказа. Этногр. обозр., 1899, т. I, стр. 242.

Таковы те недоумения, которые неизбежно возникают по поводу нашей надписи и без устранения которых предложенное Вс. Миллером чтение оставляет чувство неудовлетворенности.

Предлагаемые нами поправки к чтению, сохраняя за работой Вс. Миллера все ее значение в общей оценке памятника, а также в разъяснении некоторых слов, способствуют только, как мы думаем, лучшему пониманию надписи.

Мы читаем надпись так:

Текст	Перевод
<p>Ις Χς Οα...ς(?) Νικολαος Σαχηρη φουρτ [Χ...ρ] [Χ]...ρη φουρτ Πακαθαρ Πακαθα[ρ]η φουρτ Ανπαλαν Α[ν]παλανη φουρτ Λακ ανη τζηρθε</p>	<p>Иисус Христос Святой (?) Николай Сахира сын Х...р Х...ра сын Бакатар Бакатара сын Анбалан Анбалана сын Лаг — их памятник.</p>

К чему сводятся, стало быть, наши поправки?

1. Из двух предложенных Миллером чтений третьей строки, осетинского *οατς* = *was* 'святой' и греческого *ὁ ἅγιος* 'святой', мы принимаем греческое *ὁ ἅγιος*, так как оно лучше вяжется с греческим окончанием *-ος* имени *Νικολαος*. Если бы писец взял для «святой» осетинское *was*, он бы имя Николая дал также в осетинской форме *Nikkola*. Имена Христа и св. Николая были, надо полагать, обычным трафаретом надгробных надписей и исполнялись всегда по-гречески, независимо от языка самой надписи. Впрочем чтение *ὁ ἅγιος*, как нам указывает проф. С. Каухчишвили, также встречает палеографические трудности. Поэтому благоразумнее признать, что это слово остается непрочитанным.

2. Расположив имена и отчества в том порядке, какой свойствен осетинскому языку, т. е. впереди отчество, а за ним имя, мы приходим с необходимостью к тому выводу, что в надписи речь идет о представителях нескольких поколений, каждый из которых является сыном предшествующего. Имя первого из них, сына Сахира, не удалось разобрать. Назовем его Х-ом. Это имя должно было быть короткое, в три или четыре буквы. В этом случае оно свободно могло поместиться в неразобранных 8-й и 9-й строках надписи, первый раз в именительном, второй раз в родительном падеже. Итак, в погребении лежали: 1) сын Сахира, 2) сын предыдущего Бакатар, 3) сын Бакатара Анбалан и 4) сын Анбалана Лаг. Мы имеем, стало быть, дело с фамильным погребением.

Как показывают материалы раскопок, подобные коллективные, фамильные или семейные погребения широко распространены на территории Осетии.

тин, причем многие из них относятся к той же эпохе, что и наш памятник, т. е. к X—XII вв.¹

3. Если мы правильно понимаем надпись, то придется предположить, что резчик дважды допустил пропуск буквы: в 13-й строке он вырезал *Пахадааη* вместо *Пахадаαη* (эту возможность выдвигает и Вс. Миллер) и в 16-й строке он вырезал *Απαλαηη* вместо *Ανπαλαηη*. Впрочем в обоих случаях могли быть и фонетические явления: в первом — выпадение *r* между гласными, во втором — носовое произношение начального *a*.

4. Имя третьего покойника звучит в нашем чтении не *Ανπαλ*, а *Ανπαλαν*. Это — то же осетинское имя *Ænbal*, снабженное весьма употребительным суффиксом *-an*, в современном языке *-on*. Имена с оформлением на *-on* были, повидимому, очень распространены в осетинском. Из семи сыновей, которых предание приписывает осетинскому царю Ос-Багатару (начало XIV в. н. э.), трое носят имена, оформленные на *-on*: *Sidæmon*, *Cerazon*, *Qusægon*. Суффиксальный характер элемента *-on* особенно ясен в последнем имени, где само *Qusæg* представляет осмысленное слово, означающее «слышащий». Создается впечатление, что в ту эпоху любое собственное имя могло быть «усилено» суффиксом *-on* (*-an*). Так, имя Иоанн является в нартовских сказаниях в виде *Ojnon* из *Ion* + *on*. В известной исторической поэме «Алгузиани» имя осетинского царя Алгуза дано то в форме *Alguz*, то в форме *Alguzon*. Как *Qusægon* от *Qusæg*, *Alguzon* от *Alguz*, так *Ænbalon* образовано от *ænbal*, означающего нарицательно «товарищ». Имена на *-on* встречаются также в осетинском эпосе и мифологии: *Syrdon* один из популярнейших героев нартовского эпоса (более древняя форма *Sirdan*), *Æfsæron*, *Kurdalægon* бог-кузнец, *Ærtæuron* божество, *Aminon* божество загробного мира, *Galægon* бог ветров и др. В одном случае старое *a* не перешло в *o*: *Soslan* герой нартовского эпоса.

5. В наименованиях покойников с начала до конца выдержан один порядок: сперва называется отчество, потом имя. Поэтому после слов *A[ν]παλαηη φουρτ* «сын Анбалана» обязательно должно следовать имя. Этим именем является, по нашему мнению, *Λαχ* = ос. *Læg*. Наричательно это слово означает в современном языке «человек», «мужчина». С приставкой *a* оно до сих пор в ходу как имя собственное: *Alæg*.² Ср. также груз. собств. имя *K'aci*, *K'acia*, нарицательно означающее «человек», или древнеперсидское *Martiya* имя одного из мятежников, разбитых Дарием I, при нарицательном *martiya* «человек».

¹ Напр., могильники в сел. Камунта в Дигории, где в одной могиле были найдены от 2 до 7 скелетов. См. П. С. Уварова. Могильники Сев. Кавказа, Мат. по археол. Кавказа, VIII, 1900, стр. 293—299. См. также «Послесловие» П. С. Уваровой к этому изданию, стр. 375.

² В аланских катакомбах VII—X вв. на Северном Кавказе редко лежит один костяк, большей частью их несколько (2—8), причем обстановка свидетельствует о разновременном захоронении. Катакомбы были постоянными семейными или родовыми усыпальницами, наподобие более поздних каменных надземных склепов, чрезвычайно обильных в Центральном Кавказе [История СССР (на правах рукописи) т. II, стр. 440].

² Ср. также фамилию *Alagate* в нартовском эпосе.

6. После перечисления покойников, которые доводились, надо думать, предками постановщику памятника, следуют слова: $\alpha\eta\eta\ \tau\zeta\eta\rho\theta\epsilon = ani\ cirt(\alpha)$ «этих (т. е. перечисленных лиц) памятник». Родительный падеж, которого требует *cirt(α)* «памятник» (чей памятник?), выражен не в каждом имени, а вынесен «за скобки», в виде указательного местоимения *ani* 'этих' (*ani* — род. падеж от дигор. *atə* 'эти'). Вместо того, чтобы написать «Бакатара, Анбалана, Лага памятник», автор надписи говорит: «Багатар, Анбалан, Лаг — их памятник». Такой способ выражения падежной формы группы имен с помощью заключительного местоимения обычен как в осетинском, так и во многих других языках.¹

Для последних строк надписи возможно, вообще говоря, и другое чтение. Можно допустить, что последнего покойника звали не *Λαχ*, а *Λαχων* (ср. выше *Αυπζλαν* от *Αυπζλ*) и, стало быть, читать: *Α[ν]πζλανη φορστ Λαχωνη τζηρθε*. В этом случае родительный падеж последнего имени относился бы и к предыдущим (групповая флексия). Однако против такого чтения можно выдвинуть два соображения:

1. Групповая падежная флексия нескольких имен обычна в осетинском, но в этом случае перед последним именем ставится союз *ætə* 'и'; например: *ars, birəǵ ætə ruvasy arǵaw* «сказка о медведе, волке и лисице» (букв. «медведь, волк и лисицы сказка»); союз *ætə* здесь совершенно необходим; иначе выражение будет понято так, как будто флексия родительного падежа (*-y*) относится только к *ruvas* 'лиса'. Между тем в нашей надписи нет никаких следов союза *ætə*.

2. Если последнее имя было осетинское *Læg*, то конечное *χ* (вместо *γ*) легко объяснимо, так как звонкие согласные в паузе оглушаются. Если же это имя было *Ləgan* (*Læg* + суффикс *-an*), то мы ожидали бы написания *Λαγαν*, а не *Λαχαν*, так как греческое *γ* лучше передало бы осетинское *g* между гласными, чем греческое *χ*. Поэтому более приемлемым кажется нам предложенное выше чтение: *Λαχ* (= *Læg*) и местоимение *αηη* (= *ani*) 'этих', 'их'.

Остаются последние четыре буквы: *ΟΘΣΛ*. По местоположению на памятнике наши загадочные буквы должны были бы обозначать дату. Но подставляя вместо букв обычные цифровые значения мы не получаем никакой правдоподобной даты. Может быть здесь применена не обычная, а какая-нибудь особая система летоисчисления? По этому поводу наш коллега Г. Ф. Турчанинов любезно сообщил нам свое мнение.

«Мне кажется, что буквы *ΟΘΣΛ* могут обозначать только дату. Дата эта, как мне кажется, исчислена по солнечному кругу. При исчислении солнечного круга, как одной формы летоисчисления, слово «круг» обозна-

¹ Ср., например, в осетинском такое выражение: *xisaw, zəxx — idony ard mə bajjaǵad* «бог, земля — их проклятие меня пусть постигнет» (вместо «пусть постигнет меня проклятие бога и земли»). В абхазском родительный падеж вообще не выражается иначе, как с помощью местоимения: «сын Арсена» будет по-абхазски *Arsen-i-ra*, букв. «Арсен-его-сын».

чается кружком \odot , исходя из этого я предполагаю, что буква «O» зеленчукской надписи означает не «O», а символ солнечного круга.

Итак:

O = \odot символ солнечного круга.

Θ = 9, т. е. количество лет прошедших с начала последнего (современного писцу) солнечного круга (солнечный круг = 28 годам).

CA = 230; количеству полных солнечных кругов от сотворения мира к моменту написания надписи.

Таким образом в дешифрованном виде O Θ CA = \odot 9,230; произведем вычисление:

$230 \times 28 = 6440 + 9 = 6449$, где 230 — количество солнечных кругов от сотворения мира, умноженное на 28 — количество лет в одном солнечном кругу, — дает нам 6440 полных лет, к ним нужно прибавить 9 лет последнего, не закончившегося солнечного круга. Всего 6449 лет от сотворения мира, что по нашему летоисчислению равно 941 (6449 — 5508). Таким образом надпись относится не к XII — XI в., как полагал по палеографическим соображениям Вс. Миллер, а точно к 941 г. или X веку.¹

Мы считаем датировку Г. Ф. Турчанинова удачной и отвечающей как палеографическим, так и культурно-историческим данным. Официальная христианизация алан произошла, как известно, в начале X в. Поэтому христианская эмблема на аланском памятнике 941 г. — вполне на своем месте. Не случайно также, что рядом с Иисусом Христом фигурирует св. Николай, а не какой-нибудь другой святой. Именно св. Николай считался патроном дигорцев, т. е. той части осетин, которая преемственно связана с западными, стало быть и зеленчукскими аланами. Миссионерская пропаганда христианства шла из Византии и, как и в других случаях, сопровождалась попытками применить греческое письмо для бесписьменного дотоле народа. Зеленчукская надпись — один из таких опытов.

Вопрос первостепенной важности: был ли этот опыт единичным, или применение греческого письма у алан для их родной речи получило известное распространение и, стало быть, мы можем говорить о X в., как о начале осетинской письменности? Многое дает право ответить положительно на этот вопрос. Прежде всего мы имеем прямое свидетельство. Известный путешественник Вильгельм Рубруквис, посетивший Аланию в середине XIII в., пишет: «Накануне Пятидесятницы пришли к нам некие аланы, которые именуются там аас, христиане по греческому обряду, имеющие греческие письма и греческих священников».²

¹ Свой опыт датировки Зеленчукской надписи Г. Ф. Турчанинов опубликовал в «Известиях АН СССР, Отделение литературы и языка» (т. VII, 1948, вып. 1, стр. 80—81).

² Путешествие в восточные страны, глава XIII.

В районе находки Зеленчукской плиты разбросано еще немало камней, надписи на которых, по плохой сохранности, не могут быть разобраны. Однако, в ряде случаев ясно, что язык этих надписей не греческий, хотя письмо и греческое. На каком языке они могли быть написаны? Какой народ жил там в эту эпоху? В другом месте мы привели ряд прямых и косвенных свидетельств о том, что таким народом были аланы.¹ Весьма вероятно, поэтому, что по крайней мере часть неразобранных надписей являются аланскими.

Внимательное изучение нашей надписи также приводит к заключению, что она не могла быть единичной. Дело в том, что звуковая система византийско-греческого и аланского языка весьма различны и, стало быть, приспособление греческих писем для изображения аланских слов ставит известные трудности. Если бы данная надпись была первым и единственным опытом такого рода, у писца неизбежно наблюдались бы колебания и непоследовательность в передаче тех аланских звуков, которые не имеют точных эквивалентов в греческом. Между тем таких колебаний и непоследовательности в нашей надписи мы не видим.

Отметим некоторые графико-фонетические черты нашей надписи.

Гласные *a* и *æ*, восходящие первый к *ā*, а второй к *a*, не различаются и передаются оба через *α*: *ανη* (*ani*), *Λαχ* (*Læg*), *Βαχχθαρ* (*Bæqatær*), *Ανβαλαν* (*Ænbalan*).² В более пространным тексте смешение этих двух резко различающихся фонем было бы недопустимо, так как порождало бы смысловые недоразумения, но в кратких текстах типа надгробных надписей оно терпимо.

Гласный («дигорский») *i* передается неизменно через *η*: *Σαχηρη* (*Saxiri*), *Βαχχθα[ρ]η* (*Bæqatæri*), *Ανβαλανη* (*Ænbalani*), *ανη* (*ani*), *τζηρδε* (*cirtæ*).

Гласный («дигорский») *u* передается всегда диграммой *ου*: *φουρτ* 4 раза (*furt*), такая же передача в скифском имени в надписи из Танаиды: *Φούρτας*.

О передаче осетинского (аланского) *b* через *π* мы уже говорили выше. Так же передается аланское *b* у Цеца в слове *παυ* = *ban* 'день' (см. выше, стр. 255).

Знак *χ* в *Βαχχθαρ* передает, повидимому, аланское *ɟ* (*Bæqatær*).

Знак *χ* в *Λαχ* передает, как мы думаем, аланское *g* в паузе (*Læg*).

Обращает на себя внимание двоякая передача осетинского *t* (придыхательного). Внутри слова между сонорными он передается через *θ*: *Βαχχθαρ*, *τζηρδε*, а в исходе — через *τ*: *φουρτ*. Мы придаем существенное значение этому различию, так как думаем, что за ним скрываются какие-то орфографические нормы, которым писец старался следовать. Основанием для такой орфографии могло быть то, что в исходе аспирация бывает и в самом деле слабее, чем внутри слова между гласными и сонорными.

¹ См. ниже: «Поездка в Абхазию», стр. 309 сл.

² Впрочем конечное *æ* передано через *ε*: *τζηρδε* (*cirtæ*).

В знаках ТЭ 20-й строки можно видеть лигатуру τζ для передачи аффриката *s* или *š* (*cirtæ* или *širtæ*). Ср. передачу аланского *s* через τζ у Цеца в слове χιγτζ = алан. *kinc* 'женщина' (см. выше, стр. 259).

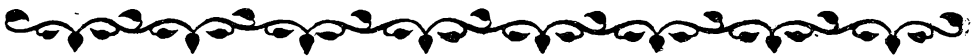
Оценивая нашу надпись с точки зрения «грамотности», мы должны признать, что она не производит впечатления первого и неуверенного опыта выражения аланских слов греческими буквами. Напротив, выдержанность и постоянство в передаче одних и тех же звуков одними и теми же знаками, отсутствие какой-либо непоследовательности и разнобоя говорит о другом: о существовании в этой области известных навыков и традиций.

Принимая во внимание также все другие исторические данные, мы вправе предполагать, что в X—XIII вв. у алан была уже письменность.

*Сообщения Грузинской Академии Наук V (1944),
№ 2, стр. 217—226*

.

ПОЕЗДКА К ВЕРХОВЬЯМ КУБАНИ, БАКСАНА И ЧЕРЕКА

Вопросы языкового смешения стояли в центре научной проблематики созданного Н. Я. Марром Института языка и мышления с первых дней его основания. И когда летом 1929 г. лингвистическая экспедиция Академии Наук СССР направилась туда, где царят на границе двух материков Эльбрус, Дыхтау и другие высочайшие вершины Кавказа, инициатор и вдохновитель экспедиции Н. Я. Марр поставил перед ее участниками в качестве главной задачи изучение межязыковых влияний и смешения.

Район для этой цели был выбран как нельзя более удачно. Горские племена, населявшие верховья Кубани, Баксана, Чегема и Черема, принадлежат по языку к тюркской группе, находились с давних пор в чрезвычайно пестром и интересном языковом окружении. На севере — русские, кабардинцы и черкесы; на западе — абхазы, на юге — сваны, на востоке — осетины. Взаимодействие на небольшом пространстве трех языковых стихий, тюркской, иранской и кавказской, из коих последняя представлена в нескольких разновидностях, должно было приводить и приводило к такому переплетению межязыковых схождений, фонетических, лексических, семантико-идиоматических, какое можно наблюдать не часто. Общность природных условий, хозяйственного уклада, социальной структуры, обычаев и верований придавала особую интимность культурным и языковым схождениям между всеми народами Центрального и Западного Кавказа, к какой бы группе они ни относились по лингвистической классификации — кавказской, иранской или тюркской.

Об этих схождениях уже было кое-что известно в литературе. Однако имеющиеся работы Н. А. Караулова (Сб. мат. Кавк. 42) и В. Прёле (W. Pröhle) (Keleti Szemle X, стр. 83 сл., там же, XV, стр. 165 сл.) давали слишком скудный и недостаточный материал. Обследовать и изучить со всей тщательностью схождения и встречи между различными языками этого интереснейшего уголка Кавказа и на основе этого изучения попытаться проникнуть в культурно-исторические судьбы и отношения народов, говорящих на этих языках — такова была в общих чертах задача, поставленная перед экспедицией.

В экспедиции приняли участие тюрколог А. К. Боровков, кавказоведы К. Д. Дондуа и Р. М. Шаумян (ныне покойный) и другие. На пишущего эти строки была возложена одна определенная часть общей задачи: обследование языковых и культурных отношений татарских племен Центрального Кавказа к осетинам. Я тем охотнее принял участие в этой поездке,

что она полностью совпадала с моими собственными исследовательскими интересами: меня занимал вопрос о прежнем расселении осетин в связи с аланской проблемой. Из трудов Вс. Миллера, побывавшего когда-то в тех же местах, куда мы направились, я знал, что многие названия местностей этого района носят явно осетинский характер. На основании топонимических и других данных Вс. Миллер пришел к убеждению, что ущелья Черека, Чечема, Баксана и Верхней Кубани были когда-то населены осетинами.¹ С другой стороны, по имеющимся историческим сведениям народ алан граничил когда-то со Сванетией и Абхазией, т. е. жил как раз в этих ущельях.

Экспедиция работала три лета, в 1929, 1930 и 1931 годах. В первое лето я не мог принять в ней участие. Я совершал поездку по Алагирскому ущелью Северной Осетии. Летом 1930 г. наша группа выехала из Ленинграда с намерением поработать в верховьях Кубани.

Доехав до города Клухори (б. Микоян-Шахар), мы двинулись оттуда вверх по Кубани и скоро углубились в теснину, которую река в течение долгих геологических эпох прогрызла в Боковом хребте. В этом стремительном, бурном и kloкочущем горном потоке трудно было узнать широкую и величественную реку, какой Кубань становится, выходя на северокавказскую равнину.

После нескольких часов пути ущелье стало расширяться, и перед нами открылась широкая котловина. Это было место слияния Кубани с притоком Уллукам, несущимся из бокового ущелья.

Немного выше слияния двух рек раскинулся большой аул Уччулан. Здесь мы прожили около месяца. Ярко запомнился вид на вершину Эль-бруса, господствующую над ближними горами на востоке. В ясные вечера, когда долина уже погружалась в сумерки, там, в вышине великолепный снежный купол, освещенный прощальными лучами солнца, долго еще пылал золотом и огнем на фоне глубокого синего неба. Нельзя было оторвать глаз от этого зрелища, пока последний луч не угасал на верхушке...

Основной материал по карачаевскому языку мы собрали в Уччулане. Оттуда мы сделали только две вылазки: одну в аул Хурзук, другую на пастушескую летовку (кош), расположенную высоко, у самого перевала, в местности, называемой Махар.

«Хурзук» — название осетинское и значит «каменистая впадина» (Хурзук). Местоположение аула в ущельи Уллукам соответствовало этому названию. Камней здесь больше чем достаточно. Аул произвел на нас впечатление архаичностью своих построек. Наряду с каменными встречались деревянные сакли большой древности, сколоченные из таких толстых бревен, что мы диву давались: где же тот лес, где были срублены эти гиганты? Кроме нескольких чахлых рошиц ничего не было видно. От стариков мы

¹ Осет. этюды, III, стр. 7—11.

узнали, что ущелье было прежде покрыто густым лесом; который со временем был истреблен.

Памятной осталась поездка в кош к Махарскому перевалу. Мы провели там несколько дней с пастухами. Пили айран, чудесный напиток из овечьего молока, вроде кефира, но гораздо приятнее. От него чувствуешь прилив бодрости и силы и легкое и приятное возбуждение. Спали мы под открытым небом, и по утрам наши одеяла и бурки были мокрые от инея. Умывались в горной речке, прозрачной, как слеза, и холодной, как лед. Организм преобразался в этой обстановке. Какая-то необыкновенная легкость и упругость ощущались в каждом мускуле, каждой клеточке...

Закончив работу в верхней Кубани, мы располагали еще некоторым запасом времени и решили использовать его для посещения самого восточного из ущелий, подлежащих нашему обследованию, Черекского. По прямой линии нас отделяло расстояние не более 150 км. Но в горах прямолинейные маршруты доступны только птицам, а нам пришлось проделать довольно сложный и извилистый путь. Мы вернулись на верховых лошадях в Клухори. Оттуда на «линейке» добрались до Кисловодска. Здесь сели на поезд и, через Минеральные воды и Прохладную, с двумя пересадками, прибыли в центр Кабарды, город Нальчик. В Нальчике, мы опять пересели на линейку и доехали до аула Кашкатау, расположенного у преддверия в ущелье Череха. Дальше в горы колесный путь был размыт, и мы наняли верховых лошадей. До цели нашего путешествия, аула Верхний Хулам, оставалось еще несколько километров, когда над ущельем спустилась ночь. Мы ехали в полной темноте, в молчании, в том напряженно-приподнятом состоянии, которое знакомо всем, кому приходилось делать ночные переходы. Тишина нарушалась только шумом Череха и стуком копыт о каменную дорогу. Наконец проводник возвестил, что мы добрались до Хулама. Мой конь, немного отставший от других, вдруг остановился. Прямо перед нами, из-под земли, из небольшого круглого отверстия шел слабый свет. Я спешил, подошел к отверстию, заглянул вниз и увидел внутренность сакли: очаг с догоревшими угольями, двух ребятишек, немолодую женщину, возившуюся возле кадки с молоком... Неужели хуламцы живут под землей?.. Загадка разъяснилась на другой день. Хулам, как многие горные аулы, расположен на склоне ярусами или уступами. Плоские крыши домов одного яруса служат как бы дворами или террасами для вышележащего. Эти же крыши-террасы служат зачастую и дорогами. Понятно, каким образом мой конь чуть не попал ногой в дымовое отверстие сакли: мы въехали в аул по крышам. Это было здесь в порядке вещей...

Хулам дал много нового и интересного в языковом отношении. Здесь мы впервые записали, между прочим, балкарский пастушеский счет. Этот счет есть не что иное, как иранский десятичный счет, бытующий у народа

тюркской речи. Иранские названия десятков легко опознаются (см. ниже, стр. 282 сл.). Осетины почти совершенно забыли десятичный счет, перейдя на двадцатичный счет своих кавказских соседей. Балкарцы же, восприняв его когда-то у тех же осетин, пользовались им в пастушеской практике, при счете овец.

Поработав в Хуламе неделю, мы поднялись в самый высокий в этом ущелье аул Безенги. Недалеко от него начинается знаменитый безенгийский глетчер, самый длинный на Кавказе. Из Безенги мы через невысокий по местным понятиям перевал (ок. 2800 м) перебрались в ущелье верхнего Черека. Это едва ли не самая суровая и неприветливая местность, какую нам приходилось видеть на Кавказе. Работа наша протекала в аулах Ишканты и Кюннум. Осетинское влияние в языке чувствовалось здесь сильнее, чем в других ущельях. Оно сказалось не только в лексике, но и в фонетике: верхне-балкарский говор был цокающим. Остальным балкарско-карачаевским говорам цоканье было чуждо, но зато оно очень характерно для осетинского: в балк. *сит* 'кизил', другие говоры *сит* (осет. *сит*), в балк. *зигур* 'пестрый', другие говоры *зигур* (ос. *зигур*) и т. п.

Закончив работу в ущелье Черека, экспедиция вернулась в Ленинград.

Поездку в Баксанское ущелье я совершил один в следующем, 1931 г. В прекрасный летний вечер, в конце июля я сошел с поезда в уже знакомом городе Налчик, а на следующий день присоединился к группе туристов, направляющихся, как и я, к верховьям Баксана.

Баксан — крупнейший приток Терека. Как и Кубань, он берет начало от ледников Эльбруса, но только истоки Кубани находятся на запад от него, а истоки Баксана — на восток. Баксанское ущелье относится к числу живописнейших на Северном Кавказе. Особенно хорошо оно в верхней части. К сожалению испортившаяся погода основательно отравила нам удовольствие поездки. Под проливным дождем мы вступили в сумерках в аул Верхний Баксан (б. Урусбиево). Переночевав здесь, мы на другой день продолжали наш путь вверх по ущелью. Переставший к утру дождь вскоре снова зарядил, и все вздохнули с облегчением, когда показался наконец небольшой аул Тегенекли — конечный пункт нашей поездки, крупная туристская база. Район Тегенекли, где сходятся несколько ущелий, одно живописнее другого, представляет обетованную землю альпинистов. На небольшом пространстве здесь столпились десятки снежных вершин, из которых каждая может поспорить по высоте с прославленным Монбланом. На добрый километр выше своих соседей возвышается громада Эльбруса... Когда летом 1868 года человеческая нога впервые ступила на вершину Эльбруса, весть об этом облетела весь мир. В 1931 г. я был свидетелем, как буквально вереницы людей, в том числе много

женщин, поднимались на высочайшую вершину Европы и благополучно возвращались оттуда.

В туристской базе, где я сперва остановился, оказалось слишком беспокойно, и я снял комнату в сакле одного горца. Сакля была расположена на самом берегу Баксана, и шум реки в первое время очень меня донимал. Днем он был не так заметен. Но ночью, когда умолкали все дневные шумы и звуки, неистовый рев Баксана, всё более разрастаясь, становился оглушительным и, казалось, наполнял вселенную. В первое время этот грохот мешал мне спать, но вскоре я привык к нему и засыпал, как убитый. А еще позднее, когда я расстался с Тегенекли и вернулся в Нальчик — первые ночи опять не мог заснуть; казалось, что чего-то недостает. И я понял: не доставало шума реки. Такова сила привычки!..

Языковой материал, собранный на Баксане, существенно пополнил картину осетино-балкарских схождений. Этот материал вновь подтвердил, что осетинские элементы в балкаро-карачаевском ни в коем случае не могут объясняться распространением из нынешней Осетии. В этом случае количество таких элементов резко убывало бы с востока на запад и в таком отдаленном от Осетии районе, как Баксанский, не могло быть сколько-нибудь значительным. В действительности баксанский насыщен «осетизмами» не меньше других говоров, и, что особенно показательно, в нем встречаются такие осетинские элементы, которых нет в более близких к Осетии говорах, чегемском и верхнебалкарском.

Вывод ясен: осетинские элементы в балкаро-карачаевском — не результат новейшего заимствования из современной Осетии, а наследие старого алаано-тюркского смешения, происходившего на территории всех ущелий, от Терека до верхней Кубани.

Анализ общих элементов осетинского и балкаро-карачаевского заставляет нас признать, что перед нами три различные категории явлений: элементы, усвоенные из осетинского в балкаро-карачаевский, элементы, усвоенные из балкаро-карачаевского в осетинский, и, наконец, элементы, воспринятые теми и другими из общего местного, яфетического субстрата.

Следует еще отметить, что лексические схождения осетинского с балкаро-карачаевским гораздо обширнее, чем это представлялось Вс. Миллеру и М. Ковалевскому. Хотя эти ученые всячески подчеркивают огромное влияние осетин на балкаро-карачаевцев и даже называют последних «отатарившимися осетинами», когда дело доходит до конкретных языковых доказательств этого влияния, они могут привести всего с десяток слов, «заимствованных» балкарцами у осетин.¹ В действительности, как показы-

¹ Значительно больше материала (58 лексических параллелей) дает G. Schmidt («Ueber die ossetischen Lehnwörter im Karatschajischen, Mélanges J. J. Mikkola, стр. 364—395). Но и он в своем исследовании был ограничен опубликованными словарными собраниями W. F r ö h l e, в которых балкаро-карачаевская лексика представлена далеко не полно.

вают наши материалы, число общих слов у осетинского с балкаро-карачаевским (не считая заведомо общетюркских элементов, проникших в осетинский быт может от других тюркских народов) достигает двухсот.

После этих предварительных замечаний переходим к изложению осетино-балкарских лексических сходжений, которые для удобства делим на несколько групп: термины неживой природы, термины живой природы, названия культурных растений и домашних животных, термины материальной культуры и т. д.

Примечание. Расхождения между балкарским и карачаевским незначительны и во всяком случае не больше, чем различия между диалектами внутри балкарского. Поэтому есть потребность в едином названии для балкаро-карачаевского языка. Таким термином может быть термин «таулу» (буквально «горский»), которым называли себя и друг друга одинаково балкарцы и карачаевцы. В дальнейшем те слова, которые общи балкарскому и карачаевскому, мы будем называть таулу (т); если же слово отмечено для одного какого-нибудь диалекта, то будет указываться, какой это диалект: карачаевский (кч), баксанский (бс), чегемский (ч), хуламский (х), безенгийский (бз) или собственно балкарский (бк). Осетинские слова даны обычно в дигорской форме, как более близкой к балкарским. Осетинские слова, встречающиеся только в дигорском диалекте, обозначаются: ос. диг.

Термины неживой природы

- кч *küllum* 'подсолнечный, южный склон горы', х. *künnüm*, бз. *kündüm* (от *kün* 'день', 'солнце') — ос. *k'uldun* 'горный склон';
 т *čeget* 'северный склон горы', также — 'лес' — ос. *səgat* 'северный склон горы';
 бз бк *awana* 'тень' — ос. *awon* id.;
 т *дуптур, туптур* 'бугор', 'холм' — ос. *туптур* id.;
 т *төппе, төбе* 'верхушка', 'вершина' — ос. *с'опп* id.;
 т *гəтəх* 'место, покрытое скудной растительностью' — ос. *gətəx* id.;
 т *гəжə* 'каменная плита', 'шифер', 'сланец' — ос. *k'ajə* id, ср. сван. *k'a* id.;
 т *ran* 'недоступное место среди скал' — ос. *rawən, ran* 'место';
 бз *təxən* 'ровная площадка на скале' — ос. *k'əxən* 'скала' (?);
 т *dorbun, dorbən* 'пещера' — ос. *dor-bun* id.; букв. 'каменный пол' (см. ниже, стр. 283);
 т *üzmez, üzmes* 'песок' — ос. *əzmesə* id.;
 бк *xuru* 'каменистое место', 'булыжник' — ос. *xur* id.;
 т *ərxə* 'русло дождевого потока', 'балка', 'лощина' — ос. *ərxə* id.;
 ч х *šawdan* 'родник' — ос. *sawædon* id.;
 т *сисхур* 'водопад' — ос. *сисхур* вообще 'падающая струя воды';
 кч *təlpı* 'пар', 'дыхание' — ос. диг. *tulfə* id;

Термины живой природы

- т *пагə, пəгə* 'ель', 'пихта' — ос. *pəgi* 'сосна', *pəgi* 'ель', ср., груз *pəzv-i*;
 бк *mərgə* 'береза' — ос. *bərgə* id.; (ср. бк *sawmərgə* 'порода березы' — ос. *saw bərgə* 'черная береза');

- т *təkər, təgər* 'клен' — ос. *təgər* id.;
- т *čum* 'кизил' — ос. *čum* id.;
- т *türtü* 'барбарис' — ос. *turtu* id.;
- т *nanəg* 'малина' — ос. диг. *ninæg* id.;
- бк *züdür* 'черная смородина' (?) — ос. *zədurə* 'ежевика';
- т *tüqüzgü* 'рябина' — ос. *tək'uzgə* id.;
- т *murtxu, murtku* 'калина' — ос. *murtgə, murk'ə* id.; ср. груз. *marc'qu-* 'земляника';
- т *kərdək* 'трава' — ос. *kərdæg* id.;
- т *xans* 'трава' — ос. диг. *xans* 'высокая трава'; также назв. месяца (мая);
- бк *fadačan* 'трава для постилки в чабурах (горной обуви)' в первой части ос. *fad* 'нога' (см. ниже, стр. 283);
- т *šənžə* 'шиповник', 'колючка' — ос. *sinžə* id.;
- т *mursa* 'крапива' — ос. *pursa, purusa* id.;
- т *škeyli, šxeli, sqeli* 'можжевельник' — ос. *əxsalə* id.;
- т *škildi, šxildi, əškaldə* 'брусника' — ос. диг. *sk'eldu* id.;
- бз *xömpək*, бк *хотпид* назв. дикого съедобного растения — ос. *qoππæg, qoπ-πæg* id.;
- бк бз *kündes* назв. ядовитого растения — ос. *kəndis* id.;
- т *žəgəra, zəgəra* назв. съедобной травы — ос. *zəgəræg* id.;
- т *mant* назв. съедобного растения — ос. *mont, məntæg* id.;
- т *kəldə* 'гнилое дерево', 'валежник' — ос. *kəldə* id.;
- бз *pura*, бк *fura* 'дупло' — ос. *p'ura, məra* id.;
- т *žugutur* 'горный тур' — ос. *zəbodur* id.;
- т *šugut-žəlan* — ос. *səgwyt* 'козуля';
- т *gələw* 'крыса' — ос. диг. *gələw* id.;
- т *uku* 'сова' — ос. *ug* id.;
- т *žumarək* 'горная индейка' — ос. *žumarğ* id.;
- т *məga* 'перепел' — ос. *məga* 'бекас';
- т *bittir* 'летучая мышь' — ос. *bittir* id.;
- т *didin* 'оса' — ос. *didin binžə* id., где *binžə* 'муха';
- т *gəbə, gubi, gabi* 'паук', 'клещ', вообще 'мелкое насекомое' — ос. *gəbu* 'клещ';
- бз *gelbo* 'бабочка' — ос. *gələbo* id.;
- бс, х, бк *gumulžuk* 'муравей' — ос. *mulžug* id.;

Названия культурных растений

- т *nartux* 'кукуруза' — ос. *nartxor*, ср. кабард. *nartəxwə* id.;
- т *zəntxə* 'овес' — ос. диг. *zətxə*, ср. каб. *zəntx*, сван. *zəntx* id.;
- т *xumellek, xumalag* 'хмель' — ос. *xuməllæg* id.;
- т *qudoru* 'бобы' — ос. *qədorə* id., ср. груз. *qnduri*, сван. *ğeder* id.;
- т *naša, narša* 'огурец' — ос. *nas* 'тыква', ср. каб. *našä* 'огурец', груз. *nesvi* 'дыня'.

Названия домашних животных

- т *toqlu* 'баран в возрасте от 3 мес. до 1 года' — ос. *toqul*;
 бк *irik* х *rik* 'баран кастрированный' — ос. *wærikka* 'ягненок' (?);
 т *u-zada* (*qoçxar*) 'овца 3 лет' — ос. *du-zad* (*fus*) id.; букв. 'дважды рожавшая';
 т *urtu-zada urçu-zada* 'овца 4 лет' — ос. *ærðæ-zad* id. ('трижды рожавшая');
 т *wanəq*, *wanek* 'бычок' — ос. *wənyg*, *iwonæg* id.;
 т *gələw*, *gəlu* 'осленок' — ос. *k'ələw* id.;
 т *gağə*, *gačča* 'сука' — ос. *gaza*, *gacca* id.;
 т *kistik* 'кошка' — ос. диг. *tikis* id. (перестановка элементов *kis-tik* — *tik-kis*).

Термины материальной культуры

- т *balas* 'плетенка из молодых березок, на которой волокут сено с гор'¹ — ос. *bəlas* 'дерево';
 т *gərməg*, *gərmək*, *kərmək* 'веревка, свитая из травы' — ос. *k'ərmæg*, *k'ələmæg* id., также 'затычка, сделанная из травы';
 бк *gallas* 'копна' — ос. *gal* 'вол' и *lasyn* 'тащить';
 бс ч, х, *batan*, бк *fatan* 'охалка сена' — ос. *bætæn* 'связка';
 т *dərən* 'разбросанное, неубранное сено' — ос. *dərən* id.;
 т *ləppər* 'кучка сена' — ос. диг. *ləppər* id.;
 т *antau-geben* 'куча сена' — ос. диг. *əntaun* 'собирать сено граблями';
 т *xastan* 'место, куда свозят копны сена' — ос. *xwasdonə* id.;
 т *beldərən* 'вновь начатая полоса при косьбе' — ос. *feltər*, *fəltərən* id.;
 т *tolan* 'скатываемая с горы масса сена' — ос. *tolun* 'катить';
 бз *gəstə* 'полная горсть колосьев при жатве' — ос. *dəstæg* id. (?);
 бз *gus* 'сноп' — ос. *igwəs*, *ugəs* id.;
 бз *pətau* 'большой стог' — ос. *əftaw* id.;
 бз *zəmel*, бк *zəml* 'отходы, остатки после молотбы' — ос. *s'ətməl-tə* id.;
 кч *mūlxar* 'мякина' — ос. *fəlxwarc* 'остатки пищи, корма';
 т *təbənə*, *təvənə* 'шерстяная веревка' — ос. *təbyn* 'шерстяной';
 т *gərə*, *gərka*, *kərčča* 'деревянное кольцо для натягивания на конце веревки' — ос. *gərka* id.;
 т *bardux*, *urdux* 'скрученный прут' — ос. *wərdəx* id., ср. каб. *wərdəxwə*, сван. *mardax* 'жгут', груз. *matraxi* 'плеть';
 бз, бк *dorlasən* 'волокушка для перевозки камней' — ос. *dor* 'камень' и *lasyn* 'тащить';
 бз бк *apṭun* 'обруч, оплетенный травой, на который кладется котел' — ос. *agbun*, *akṛun* id., от *ag* 'котел' и *bun* 'низ';

¹ В. Прёле дает значение 'Tanne', нами не отмеченное.

- т *gulos, guloj, glos* 'ручка сохи' — ос. *gulos, glus, glurs* id.;
- т *čana* 'сани' — ос. *conæg*;
- бк *ginan* 'часть сохи' — ос. *ginon*;
- бс *gurgurag*, х, бз *kankurak*, бк *konkurak* 'принадлежность горской мельницы, кулачок, сотрясаемый жерновом и способствующий равномерному осыпанию зерна' = ос. *gærk'ærag, k'wærk'wærag*;
- т *küf, kuf* 'большая корзина' — ос. *kuf* id.;
- т *gebdeš, gəbdəš, gəbədəš* 'ясли, кормушка для скота' — ос. *qəvdəš* id.¹;
- бз *gumu* 'кладовка' — ос. *k'um* 'угол', диг. *gumu*;
- т *čiginži, žiginži, žiginži* 'столб' — ос. *səginzə* id.;
- т *xərak* 'главная потолочная балка', ср. также бз, бк *ağerəq* 'жердь под потолком, на которую вешают шкуры и пр.' — ос. *xæræg, axxæræg* id.;
- т (бз, бк) *zəltə, zəltə* 'хворост, которым покрывают плоскую крышу сакли' — ос. *ængalm* 'жерди на крыше';
- т *tərxək* 'каменная скамья' — ос. *tərxæg* id., также 'полка';
- т *buru* 'ограда' — ос. *buru, buræw* id.;
- т *šəndək, šəndik, šəntək* 'скамья' — ос. *syntæg* 'кровать';
- т *ləstən* 'подстилка' — ос. *liš-tæn* id.;
- т *čəkkər* 'кадка (небольшая)' — ос. *səxgær* id.;
- т *küstel* 'кадка (большая)' — ос. *kus-telə* id.;
- т *čolpu* 'ковш', 'черпалка' — ос. *colpi* id.;
- т *čarax* 'колесо' — ос. *calx* id.; ср. перс. *čarax*, тур. *čarax* id.;
- т *šərxə, xəršə* 'точильный камень' — ос. диг. *sərxə* id.;
- т *ləxdən, lətxən* 'толстая палка', 'лом' — ос. *lux-dun* букв. 'с обрезанным концом' (см. ниже, стр. 283);
- т *xəžə, xəžə* 'палка с крюком на конце', 'багор' — ос. *xəžə* id.;
- т *čək* 'узел', 'петля', 'звено' — ос. *sæg* 'звено', 'кольцо';
- т *доптан* 'большая деревянная чаша' — ос. *k'опта* id.;
- т *gəbət* 'бурдюк' — ос. диг. *gəbæt* id.;
- т *kəržən, kəržən, gəržen* 'хлеб', 'чурек (не пшеничный)' — ос. *kəržən* id.;
- т *xəčən* 'пирог' — ос. диг. *əxcin* id.;
- т *žərna, žərna, žərta, žərta* 'каша' — ос. *žərna* id.;
- т *žalğauč, žalğauč, žalğauc* 'сковорода с ручкой' — ос. *žalğawinzə, alğawinzə, alğac* id.;
- т *araun, arawan* 'сковорода для поджаривания хлеба', также 'лопатка' — ос. *araun* 'опалить огнем', 'жарить';
- бз бк *xagi, xagidan* 'печь для сушки зерна' — ос. диг. *xegə* id.;
- т *šxuir, ušxuir, əšxuir* 'ужин' — ос. *əxsævær* id., ср. также ос. *səxwar* 'обед';
- т *xalə* 'нитки' — ос. *xalə* 'нить';

¹ Отсюда т *gəbdəš tuğan*, букв. «рожденный в яслях» — название человека низшего сословия, точный эквивалент ос. *kəvdəs-ard* с тем же значением.

- бз бк *zmelt* 'вид пряжи' — ос. *æzmilt* id.; от *æzmelun* 'прясть особым образом';
 бк *ræxsæn* 'ремень для плетения подошвы горской обуви' — ос. *ræxsæn* id.;
 бз бк *xujun* 'ремень' или 'грубые нитки' — ос. *xujun* 'шить', *xujæn* (*dag*) 'нитки';
 т *čurug* 'сапог' — ос. *culuq*, *curug* id.;
 т *gönčarək* 'чувяки' — диг. *goncaruk* id.;
 т *gebenek* 'пальто из войлока' — ос. диг. *gebena* 'короткая шуба';
 т *xægen* 'сумка, мешок' — ос. *xuzun xizin* id.;
 бз *təpəl*, бк *təfəl* 'слой шерсти' или 'сена' — ос. *t'əfil*, *t'yfyl* id.;
 х бз, бк *urxoduk* 'искры', 'пепел' — ос. *ærtxutæg*, *ærtotug* 'пепел';
 х бз бк *zing*, *zink* 'горящие уголья' — ос. *zing*, *zyng* id.;
 т *baguš*, *baumuš*, *bauš* 'навоз' — ос. *fagus* id.;
 т *səgən* 'кизяк' — ос. *zək'æn* id.;
 т *stauat* 'стойбище для скота' — ос. *stonwat* id. (ныне устарело) (см. ниже, стр. 283).

Анатомические и медицинские термины

- т *žukka* 'женская грудь', 'сосок' — ос. *zukkæ* 'сосок';
 т *bazuk* 'предплечье', х 'голень' (?) — ос. *bazug* 'предплечье';
 бз *tuquštug* 'предплечье' — ос. *mæk'ustæg* id.;
 т *xamxot*, *gəmxot*, *gəmxot* 'морда' — ос. *xətxotxæ* id.;
 т *žux*, *žux* 'рот', 'морда', 'край скалы' — ос. *žux*, *č'ux* 'рот';
 т *šatə* 'слюна' — ос. *sətə* id.;
 т *tulu* 'темя (у детей)' — ос. *tulæ* id.;
 бк *dardan*, х *dörden* 'зоб (у птиц)' — ос. *dordona* id.;
 х *boqqur* 'зоб', 'двойной подбородок' — ос. *boqqur* id.;
 т *čəlmərtən*, *čərmərtən* 'грыжа' — ос. *čəlmərtən* id.;
 т *čəgər*, *čəgər* 'парша' — ос. *səgər* id.; ср. ингуш. чеч. *čəgərg*;
 т *čəgər* 'бельмо на глазу' — ос. *zəgür* 'несмыкание глаз (болезненное)';
 т *xiptil* 'волдырь' — ос. *xəptil* id.;
 т *gubuz*, *gubus* 'бородавка' — ос. *buzux* id.; *k'ubus* 'пищка.'

Социальные и этнические термины

- т *digiza* 'кормилица' — ос. *digiza* id.;
 т *apsən*, *afsən* 'золовка' — ос. *əfsin* [ə¹] 'хозяйка';
 т *ginži*, *ginži* 'кукла' — ос. *kinzæ* 'невеста', 'кукла';
 бс бз х *čəgər*, *čaar* 'раб' — ос. *cağar* id.;
 т *nəgəš* 'место в ауле, где собираются старики на совет' — ос. *nixas* id.;
 т *düger-lə* 'осетин', 'дигорец' — ос. *digor*;
 т *tegej-lə* 'осетин' — ос. *tegia-tə* 'осетины-тагаурцы'.

Любопытно, что последние два этнических термина — названия осетин в устах балкаро-карачаевцев — употребляются у них так же как названия

двух предметов материальной культуры, именно *düger* значит «поперечная перекладина саней», а *tegej* — «лопасть мельничной турбины».

Названия качеств, физических и психических

- т *gići, kići, giće* 'маленький' — ос. *guscyl*
 т *gumix* 'тупой' — ос. *k'umix* id.;
 т *čibur* 'куцый' — ос. *cibur* 'короткий';
 бз бк *gиптур* 'горбатый' — ос. *gibur* id.;
 т *mələ* 'сырой' — ос. *uməl* id. (?);
 т *məstə* 'кислый' — ос. *mas* 'горький';
 бз бк *žigur, zigur* 'пестрый', 'рябой' — ос. *žigur* id.;
 т *qolan* 'пестрый', 'пятнистый', 'полосатый' — ос. *ğolon, qulon* id.;
 т *mutxuz, butxuz* 'тусклый', 'неопределенного цвета' — ос. *mutxuz*, букв. «медового цвета»;
 бз х *žut*, бк *žut* 'обжора' — ос. *žud* 'жадный';
 кч *muxar* 'обжора' — ос. *furxwar* id.;
 т *xətmix* 'слабый', 'дряблый', 'дрянной' — ос. *xomix* id.;
 бз *ərnək kištik* 'дикая кошка' — ос. *ərnəğ* 'одичавший' (также про растения или про заброшенную землю). Вне данного сочетания мне в балкарском слово *ərnək* не попадалось;
 т *səlxər* 'помешанный' (обычно про овец, пораженных особой болезнью мозга) — ос. *səlxər* id.;
 т *sant* 'полоумный', 'идиот', 'дурачок', также 'бред' — ос. *sont* id.;

Varia

- т *buxul, pusxul* 'тряпки', 'сверток' — ос. *buğur* 'тряпьё' *pusxul* 'спутанный';
 т *zajən* 'яйцо под наседкой' — ос. диг. *zajən* id.;
 кч *gakkə* 'яйцо' — ос. 'яйцо' (детское слово);
 т *sağəs* 'дума', 'раздумье' — ос. *sağəs* id.;
 т *buštan* 'раскаяние', 'горе' — ос. *fəstən*, перс. *pašimān* 'раскаяние', 'сожаление';
 т *xinə, xijnə* 'наговор', 'заговор', 'колдовство' — ос. *xinə* id., а также 'хитрый', 'хитрость';
 т *tolpar* 'толстяк' — ос. id.;
 т *xurxur* 'храп' — ос. id.;
 т *xəppərək* 'мокрота' (при харканьи) — ос. *xəppər* id.;
 т *gurtt* 'квохтанье' (про наседку) — ос. *k'urtt*;
 т *dəğə, dəğə, dəğəl* 'шекотка' — ос. диг. *zigu, zigi* id.;
 т *ba, иппа* 'поцелуй' — ос. *p'a* id.;
 т *baппи* 'хлеб' (детское слово) — ос. *baппа* id.;
 т *gəx, qəx* 'кака' (детское слово) — ос. *gux*

- т *əʃnər, məʃnər* 'жвачка' — ос. *synər, sinər* id.;
- т *məllək* 'труп', 'дохлятина' — ос. *məllæg* 'худой', 'тощий', *mələg* 'умирающий';
- т *хиппегі, хиппай* 'сыворожка' — ос. *хиппаг* 'жидкая пища';
- т *хорхуз* 'мука из невысушенного ячменя' — ос. *хор* 'зерно', 'ячмень', *хуз* 'подобный' (?);
- т *šəxol-la* 'кишки' — ос. диг. *saw-əsxolə* 'пищевод';
- кч *xota* 'передник' — ос. *kwatə* id.;
- т *tegene* 'корыто' — ос. *təgena* id.;
- бз *zātma*, бк *zātma* 'навес', 'балкон', 'крыльцо' — ос. диг. *zātma* id.;
- т *qunazın* 'трехлетняя корова' — ос. *qunazın* id.;
- т *qraw* 'близорукий' — ос. диг. *qəræw* 'слепой';
- т *šaw bol-* 'гибнуть', ср. ос. *saw* 'черный', *saw bon* 'беда' (букв. «черный день»);
- т *soš bol-* 'утихать' — ос. *soš kənun* id.

Значительный интерес с точки зрения осетино-балкарских связей и их хозяйственной основы представляет наличие в балкарском осетинских числительных, наряду со своими, тюркскими. Хозяйственное значение этого факта достаточно определяется тем, что осетинский счет употреблялся балкарцами почти исключительно в скотоводческой, пастушеской практике. Счет ведется парами и, что особенно любопытно, по старой иранской десятичной системе, в то время как у самих осетин десятичная система замещена двадцатичной, по примеру соседних яфетических языков. Десятичный иранский счет настолько чужд современным осетинам, что сохранившие его кое-где дигорские пастухи называют его категорически *əsson nıməzə*, т. е. «балкарский счет». Нами отмечено несколько вариантов этого счета, различающихся звуковой формой некоторых числительных. Ниже мы даем формы, записанные в селении В. Хулам, давая в скобках другие балкарские варианты, если они представляют интерес.

Балк.	Ос. диг.
<i>dua</i> 2	<i>duuə</i>
<i>čipar</i> 4	<i>cuππar</i>
<i>əxsəz</i> 6	<i>əxsəz</i>
<i>as</i> 8	<i>ast</i>
<i>dəs</i> 10	<i>dəs</i>
<i>duardəs</i> 12	<i>duuadəs</i>
<i>čəpordəs</i> 14	<i>cuππərdəs</i>
<i>əxsərdəs</i> 16	<i>əxsərdəs</i>
<i>əsdəs</i> 18	<i>əsdəs</i>
<i>ensey</i> (<i>ənsəž</i>) 20	<i>insəj</i> (ир. <i>əssəz</i>)
<i>dumensey</i> (<i>duanč</i>) 22	<i>duuə ma insəj</i>

<i>čəpərmensej</i> (čiparmanč) 24	<i>сиппар ма инсəј</i> и т. д.
<i>əxsəmənsəj</i> 26	
<i>əstənsəj</i> 28	
<i>erten</i> 30	<i>ərtin</i>
<i>dumerten</i> 32 и т. д.	
<i>šəppor</i> 40	<i>сиппор</i>
<i>dumašəppor</i> 42 и т. д.	
<i>finža</i> 50	<i>fənzəj</i>
<i>dumafinža</i> 52 и т. д.	
<i>axšə</i> (<i>axšəj</i>) 60	<i>əxsəj</i>
<i>dumaxšə</i> 62 и т. д.	
<i>uvdaži</i> (<i>bədaј</i>) 70	<i>əvdaј</i>
<i>dumavda</i> 72 и т. д.	
<i>əstəži</i> (<i>əstəј</i>) 80	<i>əstəј</i>
<i>dumasṭa</i> 82 и т. д.	
<i>nawzi</i> (<i>nawz</i>) 90	<i>nəwəz</i>
<i>dumanawzi</i> 92 и т. д.	
<i>sədə</i> 100	<i>sədə</i>

Здесь кстати будет еще отметить, что помимо старых иранских числительных балкарский сохранил еще ряд старых осетинских слов, которые в самом осетинском уже мало или вовсе не употребляются. Таковы уже отмеченные выше:

dorbun 'пещера' — диг. **dor-bun*;

luxdun 'палка', 'дубина' — диг. **lux-dun*;

stawat 'стойбище скота' — ос. *stonwat*;

fadavan 'трава для подстилки в чабурах', вероятно, из ос. **fadtavæn*, букв. 'ногогрейка', ср. перс. *pāitāba* 'портянка', 'чулок'.

Если к этому прибавить, что такие слова, как *kam* 'ущелье', *dan* 'река', *kuran* 'мельница' и многие др. балкарский сохранил в их старом фонетическом облике (ср. соврем. ос. *kom*, *don*, *kurojnæ*), то станет очевиден интерес, который представляет балкарский для истории осетинского языка.

Религия, мифология, фольклор

т *Apsatə*. *Afsatə* божество охоты — ос. *Afsati* id., ср. сван. *Apsat'* id.;¹

т *Xardar* 'гений урожая' — ос. *Xwar-əldar* 'хлебодержец', 'владыка урожая';

т *Xəcauman* назв. месяца — ос. *Xucau* 'бог', *Xucau-bon* 'божий день';

т *Totur* назв. месяца — ос. *Totur* назв. божества и праздника;

т *Basil* назв. месяца — ос. *Basil* назв. праздника;

¹ См. Н. Я. Марр. Бог Տաջիոս у армян. Изв. Акад. Наук, 1911, стр. 759—774; он же. Франко-армянский Sabagios-aswac' и сванское божество охоты. Изв. Акад. Наук, 1912, стр. 827—830.

- т *Nikkola* назв. месяца — ос. диг. *Nikkola* назв. божества и праздника;
 т *Abəstol* назв. месяца — ос. диг. *Amistol* id.;
 т *žor, žar, žor, zor* 'крест' — ос. *žvar* 'крест', 'святыня', ср. груз. *žvari* id.;
 т *nart* название легендарного народа — ос. *nart* id.;
 т *Orüzmeğ* герой нартовского эпоса — ос. *Uruzmeğ* id.;
 т *Satanaj* героя нартовского эпоса — ос. *Satana* id.;
 т *Sosruqwa, Sosruq* герой нартовского эпоса — ос. *Sozruqo* id.;
 т *Qara-šavaj* герой нартовского эпоса — ос. *Səvaj* id.;
 кч *Ačimez* герой легенды, мститель за отца — ос. *Acəmez* id.;
 т *Soslan taš* назв. горной породы (полевои шпат²), где *taš* — 'камень' — ос. *Soslan* герой нартовского эпоса;
 т *kepena, kefena, terana* назв. хороводного танца, первоначально культурного — ос. *kepena* id.

Топонимика

- Štulu-fčək, Šari-fčək, Xolam-əfčək, Šau-əfčək, žuar-əfčək, Davt-əpčək* и др. — названия перевалов — ос. *əfčæg* 'перевал';
Ağəš-tan, Sag-dan, Kuran-nan (из *-dan*), *Šau-dan, Kor-dan* назв. рек — ос. *don* 'река';
Sau-kam, Məstə-kam, Ullu-kam и др. назв. ущелий — ос. *kom* 'ущелье';
Nal-bawat, zel-bawat, Saš-bawat, Xunuk-bawat — названия урочищ — ос. *buwat* 'место';
Sərbət назв. урочища — ос. *sərvət* 'пастбище общего пользования';
Musuk-su назв. реки — ос. *məsug* 'башня';
Fətən назв. горы — ос. *fətən* 'широкий';
Xwəres əfčək назв. перевала — ос. *xərweš* 'ива';
Getan-dor назв. урочища — ос. *dor* 'камень';
Bawbun назв. урочища — ос. *bun* 'низ', 'под', *baj-bun* 'под выступом (скалы)';
Kizgi-čirt назв. местности — ос. *kizgi-čirt* 'девичья могила';
Erqazən назв. урочища — ос. *ərqazən* 'игрище', 'ристаллище';
Saw müsü назв. урочища — ос. *saw* 'черный', *məsug* 'башня';
Уттор назв. урочища — ос. диг. *ætтор* 'кремень';
Orusuttor id. — ос. *ors æттор* 'белый кремень';
Fəzə назв. местности в Хуламе — ос. *fəzə* 'равнина';
Danikam id. — ос. *doni kom* 'речное ущелье';
Kefena назв. урочища — ос. *kepena* 'танец' (следов. — 'место, где танцуют kefena');
Orsundak назв. местности — ос. *ors fəndag* 'белая дорога' (?);
Kurnojat назв. селения — ос. *kuron-wat* 'место (*wat*), где мельница (*kuron*)';
Nargə назв. урочища — ос. *narəg* 'тесный', 'теснина';
Sau-dan, Sau-kam, Sau-əfčək, Sau-xumat, Sauardat и др. назв. — ос. *saw* 'черный';
Sagdan назв. урочища — ос. *sag* 'олень', *don* 'река', *Sagdan* 'оленья река';

- Kurannan* (из *Kurandan*) урочище — ос. *kuron* 'мельница' *don* 'река';
Čeget žora назв. урочища — ос. *čeget žuar* 'северное святилище';
Doğwat назв. урочища — ос. *doğwat* 'место для скачек', 'ипподром';
Rdar-nəğəš назв. горы — ос. *əldari nixas* '[место] княжеского (*əldari*) собрания (*nixas*)';
Arvədor-nəğəš назв. урочища — ос. *arvi dor* 'небесный камень';
Šaudor-su 'река' — ос. *saw dor* 'черный камень';
Kostartə назв. поселка — ос. *k'osbartə* 'обряд собрания приношений для молебствия во время стихийных бедствий';
Fardək назв. поселка — ос. *fərdyg* 'самоцвет';
Məstərdos назв. поляны — ос. *mistə* 'мышь', *ərdos* 'поляна';
Məstəkam назв. ущелья — ос. *misti kom* 'мышинное ущелье';
Ləğərə назв. местности — ос. *ləğær*, *ləğær* 'тропа, протоптанная скотиной';
Urustor назв. урочища — ос. *ors dor* 'белый камень';
Ustur назв. горы — ос. *stur*, *ustur* 'большой'.

Если балкарская топонимика была достаточно обследована еще Вс. Миллером с точки зрения осетинских в ней элементов, то топонимика верхней Кубани обследована с этой точки зрения впервые нашей экспедицией. Мы нашли прежде всего те наиболее употребительные осетинские термины, которые нам уже знакомы по балкарской топонимике, именно: *əpčək* — ос. *əfčæg* в названиях перевалов, напр. *Daut-əpčək*, *dan* — ос. *don* в названиях рек, напр. *Zagdan*, *kam* — ос. *kom* в названиях ущелий, напр. *Ullukam* и др. Кроме того мы нашли ряд других топонимических терминов, которые легко опознаются как осетинские:

- Nəxət* скалы около с. Учкулан — ос. *nixtə* 'скалистые выступы';
Šausügit назв. местности — ос. *saw* 'черный', *sigit* 'земля': 'чернозем';
Surx назв. горы — ос. *surx* 'красный';
Rənžə назв. урочища по пути в Сванию — ос. *rinžə* 'звериная тропа';
Xurzuk назв. селения — ос. *xur-žiqq* 'каменистая впадина' и др.¹

Следует еще отметить, что повсюду в обследованных ущельях бросается в глаза обилие топонимических названий с *t* или *t* плюс гласный в конце. Если вспомним, что *t* есть показатель множественности в осетинском и что,

¹ Не нужно думать, что область верховьев Кубани является крайним западным пределом распространения осетинской (аланской) топонимики на Сев. Кавказе. Хотя мы лично не производили обследования, но на существующих картах и по литературным данным осетинские названия прослеживаются на запад по левым притокам Кубани (Зеленчуку, Лабе и др.) почти до самого моря: *Fars* приток Лабы — ос. *fars* 'сторона', ср. ос. *Donifars* или просто *Fars* название селения и местности в Дигории. *Zagədan*, *Zagdan*, *Zaadan* местность в бассейне Лабы — стар. ос. **Sagi-dan* 'оленья река'; в абхазской охотничьей песне поется: «Заадан переполнен оленями» (Сб. мат. опис. Кавк. 44 IV 21); *Уруштеп* приток Лабы — ос. *Ors-don* 'Белая река'; *Рошкау* назв. местности — ос. *roxš-ğæw* 'светлое селение'; *Догуад* местность близ Геленджика — ос. *doğwat* 'место скачек'.

с другой стороны, в топонимике множественное число всегда встречается в изобилии, то и это обстоятельство придется взять на учет при выяснении размера и значения осетинских элементов в балкаро-карачаевской топонимике.

Наряду с лексическими схождениями можно отметить множество чисто семантических схождений осетинского с балкаро-карачаевским. Укажу некоторые: бк-кч *tüb*, как и ос. *bun*, значит «низ», «дно» и в то же время «наследство»; бк-кч *bet-səz* 'бессовестный', букв. «безлицый», как и ос. *æ-zæsgom*; бк-кч *qac*, как и ос. *zwar*, значит одновременно «крест», «икона» «святотилище»; бк-кч *tumaq*, как и ос. *gwətəza*, значит и «безрогий», и «глупый»; бк-кч *qabərga* и ос. *k'ul* значит и «стена», и «склон горы»; бк-кч *ağac*, как и ос. *pæd*, значит и «лес», и «бревно»; бк-кч *auz*, как и ос. *kom*, значит «ущелье», «лезвие» и «рот»; бк *čəbeq*, как и ос. *wis*, находим в значении и «прута», и «скошенной полосе»; одним и тем же словом выражаются и в осетинском и балкарском понятия «найти» и «родить»; бк *gəbdəš tuğan* 'человек низшего сословия', как и ос. *kævdæc-ard*, значит букв. «рожденный в яслях»; бк *süt baš* 'сливки', как и ос. *æxsyry sær*, значит букв. «молока голова (верхушка)»; и осетинский, и балкаро-карачаевский широко используют для образования глагольных понятий сложно-описательные образования с вспомогательным глаголом «делать» (бк-кч *ctmck*, ос. *kænən*), так понятие «пахнуть» выражается в обоих языках — «делать запах», «обвинять», «делать виновным» и т. п. Карачаевское название января *qərgauz aĵ* (*qərq* 'сорок') представляет перевод осетинского названия декабря *sæpporsej maĵ*, где *sæpporse* — старое числительное 'сорок' (= «сорокадневный пост»).

Из морфологических и синтаксических схождений, помимо элементов, общих у осетинского со всеми тюркскими языками (агглютинация в склонении, система послелогов, предшествование определения и др.), следует отметить типологическое тождество в образовании будущего времени с помощью одной и той же, по словообразовательной функции, частицы — в осетинском *zən*, в балкаро-карачаевском *lək* (*lik*). Балкарский «уподобляющий» суффикс *-ča* по функции тождествен ос. *-aw*, бк *it-ča* «по собачьи» — ос. *kuz-aw* и т. п.

Приведенный материал языковых схождений осетинского с карачаево-балкарским, даже не подвергнутый какому-либо углубленному анализу происхождения каждого слова, сам по себе уже говорит о многом. Не трудно видеть, например, что значительный процент схождений падает на термины материальной культуры.

Мы не можем здесь останавливаться на вопросе о происхождении каждого отдельного слова и о том, кто у кого заимствовал то или иное слово. Однако считаем нужным подчеркнуть, что методологические основания для решения этого вопроса достаточно ясны, и в ряде случаев вывод может строиться на весьма прочных аргументах.

Эти аргументы — четвероякого рода: семантические, морфологические, этимологические и фонетические.

Если мы имеем в осетинском слово *bælas* в значении «дерева» в о б щ е, а в балкарском *balas* в с п е ц и а л ь н о м значении определенного примене-

ния дерева в сенокосной практике, то такое семантическое сужение, технизация значения, делает в высшей степени вероятным, что слово перешло из осетинской среды в балкарскую, а не обратно. То же самое и по тем же соображениям мы должны сказать про балк. *ran* 'недоступное место' — ос. *ran* вообще 'место', балк. *apsən* 'золовка' — ос. *aψsin* 'домохозяйка' и др.

Напротив, когда мы имеем в балкарском слово *eñceġ* в значении «сосок», а в осетинском это же слово в производном вторичном значении «молочный брат», или когда балкарское *tiin* «белка» находим в осетинском только в специальном, производном значении *tin* [*kærcæ*] 'беличья [шуба]', то у нас есть серьезные основания полагать, что слова эти перешли из балкарско-карачаевской среды в осетинскую, а не обратно.

Ос. *acudas* 'квасцы' легко распознается, как воспринятое из балкарского или другого тюркского, так как в последнем оно раскрывается в более общем значении «горький» (*aψu*) «камень» (*taš*). Напротив, в балк. *əstəm keče* 'ночь (*keče*) совершения над новорожденным известного обряда' первое слово явно усвоено из осетинского, где *əstəm* значит 'восьмой'; следовательно, *əstəm keče* значило собственно «восьмая (после рождения) ночь». В балк. *ərnək kištik* 'дикая кошка', слово *ərnək* является повидимому воспринятым из осетинского, так как в балкарском оно употребляется только в этом выражении, в осетинском же оно имеет самое общее значение «дикий», «одичавший» (даже про растения и землю).

Под этот же критерий семантического сужения можно подвести и те балкарско-карачаевские топонимические названия, которые содержат осетинские нарицательные слова в значении «ущелье», «перевал», «река» и т. д., но стали употребляться в собственном значении в названиях определенных урочищ, ущелий, рек и т. п. (см. выше).

Таковы те точки опоры, которые дает нам при выяснении направления движения слов из одной в другую семантика. Что касается морфологического критерия, то он сводится к следующему. Если мы имеем в двух языковых средах одно и то же слово, но в одной из них это слово представляет определенное морфологическое образование по нормам данного языка, а во втором оно воспринимается как аморфное, то, очевидно, что оно принадлежит первой среде, а во второй оно является воспринятым извне. Пример. Ос. *kəldæ* 'валежник' представляет причастное образование от глагола *kalun* 'валить' (как русское *валежник* от *валить*). Балк. *kəldæ* с этим же значением не имеет уже на балкарской почве никакой морфологической жизни, оно аморфно. Совершенно очевидно, что балкарское слово воспринято из осетинского, а не обратно. То же можно сказать про балк. *zmelt* 'пряжа особого типа', которое представляет part. prf. от ос. глагола *əzmelun* «прясть особым образом». Балк. *səlxər* 'помешанный' не имеет никаких морфологических

признаков на балкарской почве, тогда как его осетинский эквивалент *sælqær* легко восстанавливается в *sær-xæld* «(с) поврежденной (*xæld*) головой (*sær*)». Ясно, что слово является «своим» на осетинской почве и «чужим» на балкарской.

Этимологический критерий основан на том, что рассматриваемые языки относятся в своей основе к двум различным языковым системам: иранской и тюркской. Если, например, для ос. *berzæ* — балк. *mərzə* 'береза' мы находим на индоевропейской почве обширную «родню», а из тюркских мы находим его только в балкарском и то в одном диалекте, примыкающем непосредственно к осетинскому, то все данные за то, что слово воспринято в балкарский из осетинского. То же можно сказать про такие слова, как ос. *bazug* — балк. *bazək* 'предплечье', ос. *iwonæg* — балк. *wanug* 'бычок' и др. Напротив, такие слова, как ос. *toqul* — балк. *toqlu* 'баран годовалый', ос. *goncaruq* — балк. *gönçarəq* 'особый вид чувяков' (ср. тур. *göl* 'выделанная кожа' и *çarəq* 'чувяк'), ос. *obaw*, *obaj* — балк. *oba* 'могильник', ос. *kuf* — балк. *küf* 'корзина' и многие др. легко опознаются по этому же признаку как заимствованные осетинским из балкарского или другого тюркского языка.

Фонетический критерий для определения направления передачи слов основан на следующем. Каждый язык имеет свою фонетическую систему, основанную на единстве артикуляционных навыков, артикуляционной базы. Воспринимая слова из другого языка, данный язык оформляет их по своей фонетической системе, артикулирует по своему. Он, следовательно, производит субституцию (разумеется невольную) своих звуков взамен чужих по признаку максимального «сходства». Когда происходит обмен лексическими элементами между двумя языками, тут и там имеет место такая субституция, но вовсе не обязательно, чтобы законы этой субституции были совершенно симметричны там и здесь. В самом деле, допустим язык А, заимствуя слова из языка В, систематически замещает звонкие согласные воспринятых слов глухими. Из этого вовсе еще не следует, что в случае обратном, т. е. когда язык В заимствует из А, он должен производить обязательно обратную субституцию, т. е. замещать все глухие звонкими. Тут уже могут действовать другие законы, например замещение мгновенных длительными и т. п. Вот эта-то несимметричность законов субституции в двух языках позволяет во многих случаях установить, в каком направлении передвигалось слово. Возьмем, напр., ос. *kuf* — балк. *küf* 'корзина'. Можно ли установить на основании законов субституции, кто у кого воспринял это слово? Можно, во всяком случае со значительной долей вероятности. В самом деле, если бы слово было воспринято из осетинского в балкарский, то для последнего не было бы никакой необходимости производить субституцию *й* вместо *и*, так как балкарский располагает более точным эквивалентом осетинского *и*, именно гласным *и*. Напротив, если допустить, что осетинский усвоил это слово из балкарского, то он обязательно должен был произвести субституцию

и вместо балкарского *й*, так как более близким гласным к балк. *й* он не располагает. Следовательно, в этом случае соответствие: ос. *kuf*. — балк. *küf* становится вполне понятным. Мы не будем здесь разбирать всех осетино-балкарских фонетических соответствий. Обозрев наш материал, читатель легко уловит наличные здесь закономерности (ос. *æ* — т. *ə*, ос. *с* — т. *č*, ос. *s* — т. *š* и др.).

Если каждый из разобранных четырех критериев в отдельности оказывается во многих случаях недостаточным, то при удачной комбинации нескольких признаков, друг друга подкрепляющих, наша уверенность в пользу того или иного решения вырастает до степени полной научной достоверности.

Подвергнув наш материал всестороннему анализу с помощью указанных четырех критериев, мы можем отделить, с одной стороны, элементы иранские, с другой — тюркские. Однако после отделения тех и других, у нас остается еще значительный остаток, который идет, надо думать, из местной субстратной среды. Этот «остаток» представляет естественно особенный интерес. Мы находим здесь термины материальной культуры, как балк. *bardux* — ос. *wærdæx* — каб. *werdæxwæ* — св. *mar-dax* — груз. *matraxi* 'жгут', 'плеть', название растений, как ос. *zætxæ* — балк. *zæntxæ* — каб. *zantx* — сван. *zæntx* 'овес', ос. *murtgæ* 'калина' — балк. *murtku* — груз. *marc'qu* — 'земляника', ос. *næzu* — балк. *næz* 'ель', 'сосна' — груз. *næzu* —; наконец, сюда же относятся такие интересные в культурно-историческом отношении культовые термины, как название охотничьего божества: ос. *Afsati* — бк-кч *Apsatə* — сван. *Apsat'* — арм. *Aswac'*. Если мы обратимся к топонимике, то и тут материал говорит ясно о мощном субстратном слое: наряду с терминами, которые объясняются из осетинского или балкаро-карачаевского, мы находим множество топонимических названий, чуждых и тому и другому языку в их современном состоянии и принадлежащих какой-то более ранней общественности. К сожалению, наш материал не дает пока достаточных данных для языковой характеристики этой «доисторической» общественности. Можно отметить разве только одно наблюдение: в смежных районах Осетии и горной Кабарды ряд необъяснимых ни из осетинского, ни из балкарского топонимических названий имеет одну общую особенность: окончание *sk* или *šk* плюс какой-нибудь гласный.

В Дигории:

В горной Кабарде:

Žirasko	Rcəvaški
Xocko	Xumiški
K'orosko	Čajnaški
Maхčeskæ	Siški
Mosk'a	Zaraški
Zadæleskæ	Mužraški
K'ušeskæ	Silbeški

Færæsk'æ-t

Zugušku
Qərbauşku
Bodišku

Приведенные термины позволяют высказывать гипотезу, что в «доисторическом» процессе формирования центральнокавказских этнических культур участвовала общественность, говорившая на языке, имевшем формант *sk*.

Резюмируем наши выводы:

1. В языке и фольклоре осетин и балкаро-карачаевцев мы находим обширные и разносторонние схождения.

2. Эти схождения представляют закономерную надстройку на единой охотничье-скотоводческой общественности.

3. По своему языковому составу эти схождения идут частью из осетинской среды, частью из балкаро-карачаевской, частью из местной субстратной (яфетической).

4. Распространение когда-то осетинской речи в верховьях Кубани, Баксана, Чегема и Черема подтверждается нашими новыми топонимическими материалами.

5. Тот же топонимический материал говорит, однако, с очевидностью, что осетинский слой не является самым глубоким, до какого мы доходим в этом районе.

6. Для языковой характеристики более ранних этнических культур Центрального Кавказа наш материал недостаточен.

7. В виде гипотезы можно предполагать наличие форманта *sk* в одном из «доисторических» языков Центрального Кавказа.

Язык и мышление I (1933), стр. 71—89

ПОЕЗДКА В СВАНЕТИЮ

В известной своей работе «Ossetica-Japhetica»¹ Н. Я. Марр писал: «При исследовании осетинской речи нельзя не поставить на первый план вопроса об его отношении к коренным кавказским языкам, с которыми он сожительствует в весьма интимном общении многие и многие сотни лет... Чуткость требуется не только к добру непосредственно соседящих племен, но и к достоянию отрезанных ныне от непосредственного общения с осетинами народов... И отдаленные ныне от осетин народы могли быть и действительно были в непосредственном соседстве и прямом общении с осетинами в степени, представляющей существенный интерес для изучающего гетерогенные или сродные соседственные влияния на осетинский язык» (стр. 2071, 2100, 2078). Полемизируя с Вс. Миллером, который утверждал, что «осетины окружены со всех сторон племенами, с которыми не имеют ничего общего по языку и происхождению», Н. Я. Марр замечает: «Утверждение „не имеют ничего общего“ могло бы быть произнесено с правом на это, когда была бы взята на соответствующей важности вопроса глубине природа отношений к осетинскому всех окружающих его языков. Между тем вовсе не назван главный из соседей осетин, пожалуй, более важный для возбуждающегося вопроса, чем грузинский народ, именно сваны» (стр. 2071).

Подчеркивая далее важность «классификации материалов, освещающих взаимоотношения осетинской речи с яфетическими языками», Н. Я. Марр указывает, что эти материалы «следовало бы распределить по группам, характеризующим взаимоотношения черкесо-осетинские, свано-осетинские, грузино-осетинские» и т. д. (стр. 2077).

Таким образом, в цитируемой статье Н. Я. Марр дал развернутую программу изучения осетино-яфетических отношений на ряд лет. Поездка моя в Сванетию летом 1944 г. была одним из звеньев в выполнении этой программы.

Знакомство мое со сванским языком состоялось задолго до этой поездки.

Первыми уроками сванского языка я обязан почтенному Арсену Ониану.² Уроженец селения Сасаш в Нижней Сванетии, Арсен Ониан был главным осведомителем Н. Я. Марра при изучении последним сванского

¹ ИАН, 1918, стр. 2069—2100.

² Скончался в Тбилиси в 1948 г.

языка. Я познакомился с ним в 1928 г. в Ленинграде, куда он приехал из Сванетии по приглашению Н. Я. Марра. А. Ониан был знаком также с балкарским языком и имел ряд наблюдений по общим элементам в сванском и балкарском. Интерес, вызванный этими его наблюдениями, сыграл известную роль при организации балкаро-карачаевской лингвистической экспедиции (см. выше, стр. 271 сл.). В 1931 г. будучи в сел. Тегенекли на берегу Баксана, я имел случай снова встретиться со сванами и продолжить сванские занятия. Сваны были частыми гостями на Баксане.

Хотя между Сванетией и Баксаном лежит труднейший, покрытый вечным снегом перевал Донгуз-Орун, сваны с такой легкостью отправлялись в путь, как будто речь шла о невинной прогулке.

Выявляя общие элементы в осетинском и балкарском, я имел возможность убедиться, что многие из этих элементов составляют также достояние сванского. Типичный пример — название охотничьего божества: ос. *Aḡsati*, балк. *Apsatə*, сван. *Apsat*?

Не меньший интерес представляли те случаи, когда осетинский смыкается непосредственно со сванским, минуя балкарский. Так именно обстояло дело с названием «нартовского» напитка *rong* — сван. *rang*. Такие специфические осетино-сванские схождения требовали своего исторического объяснения.

Известно, что современные осетины не соседят близко и не соприкасаются со сванами. Известно, с другой стороны, что со сванами соседями аланы, предполагаемые предки осетин, расселенные прежде далеко на запад от нынешней Осетии.¹ Возникла мысль, не являются ли осетино-сванские лексические схождения свидетельством этих старых свано-аланских культурных связей. Конечно, два-три общих слова составляли слишком скудную базу для каких-либо далеко идущих выводов. Необходимо было собрать дополнительный материал, а также проверить и уточнить уже сделанные наблюдения. Выполнить это всего лучше можно было бы в самой Сванетии. И я тогда же, в период работы на Баксане решил при первой возможности совершить поездку в Сванетию. В силу ряда обстоятельств, осуществить это намерение удалось только через 14 лет, в 1944 г. К поездке была привлечена О. Г. Тедеева, окончившая филологический факультет Тбилисского университета по разряду кавказских языков и изучавшая в частности сванский язык.

Сванетия была в прошлом одним из малодоступных уголков Кавказа. Колесных дорог не было. Во всей Сванетии нельзя было встретить ни одного колесного экипажа или средства транспорта. Для перевозки сена и пр. пользовались, не только зимой, но и летом, санями. Проникнуть во внутренние районы Сванетии можно было только пешком или верхом, да и то не всегда. Не случайно обнаружены в Сванетии ценнейшие памят-

¹ По свидетельству Прокопия Кесарийского, с аланами граничат сваны (Σουητοί) (De Bello Persico I, 15).

ники грузинской письменности и культуры, например знаменитое Адишское евангелие: в черную годину, когда Грузия подвергалась опустошительным нашествиям, ревнители культуры и христианства укрывали в Сванетии сокровища нации, зная, что туда враг не доберется. С большими трудностями было сопряжено сообщение между двумя частями Сванетии: Верхней, расположенной по реке Ингуру, и Нижней, расположенной по реке Цхенис-Цкали. Пролетающий между ними высокий Сванетский хребет имеет несколько перевалов, из которых даже самый доступный Латпарский представляет большие трудности для преодоления.

Так обстояло дело в недалеком прошлом. Теперь положение иное. Шоссейные и грунтовые дороги прошли до самых отдаленных селений. Теперь никто уже не удивляется, встретив в самой глубине сванских ущелий автомашину.

Но подлинную революцию внесло в жизнь Сванетии установление регулярного воздушного сообщения со Сванетией. Раньше, чтобы добраться из города Кутаиси до высокогорных селений, надо было потратить несколько дней. Теперь вы садитесь в кутаисском аэропорту на маленький двухместный самолет и через 45 минут опускаетесь в сердце Сванетии, в селении Местиа.

Мы избрали местом нашей работы Верхнюю Сванетию, примыкающую на значительном протяжении к главному Кавказскому хребту.

Верхняя Сванетия делилась в прошлом на ряд «обществ». Каждое «общество» состояло из нескольких селений. Глубже всего в горах располагалось общество Ушгуль. За ним, если идти вниз по течению реки, следовали общества Ипари, Мужал, Мулах, Местиа, Ленджер, Пари и т. д.

Каждое общество представляло замкнутый, самодовлеющий мир. В эпических песнях сванов военные столкновения между различными обществами составляют обычный мотив. Обилие боевых башен — красноречивое свидетельство об этих тревожных временах. Сейчас, конечно, от этой вековой замкнутости и вражды не осталось и следа. Но в языке до сих пор не исчезли черты первоначальной раздробленности: даже близко соседящие территориально «общества» имеют всегда хоть незначительные различия в фонетике, лексике, семантике.

Мы избрали местом постоянной работы общество Ленджер. Собранный в Ленджере материал мы потом проверили и дополнили в Местиа и Мулахе.

Главным нашим осведомителем по сванской речи был учитель Акакий (Како) Гуледани, по сванскому фольклору и этнографии Иосиф (Себи) Гуледани, директор местного краеведческого музея.

Акакий Гуледани — не только отличный знаток родного языка, но и вдумчивый человек, стремящийся осмыслить и понять каждый языковой факт. Пройди он хорошую лингвистическую школу, из него получился бы серьезный исследователь родного языка.

Иосиф Гуледани — один из почтенных и заслуженных культурных работников Сванетии. Им собраны обширные этнографические и фольклорные материалы, опубликованные пока лишь в незначительной части. Помимо родного сванского языка, он отлично владеет также грузинским и русским.

В первый же день нашего знакомства он пригласил нас в созданный его усилиями краеведческий музей. Самое существование такого музея в горной глуши было для нас приятным сюрпризом. В музее мы увидели образцы старинного сванского оружия и утвари, замечательный, ныне уже исчезающий музыкальный инструмент «чанг», род арфы, покрытый художественной резьбой, несколько старых грузинских рукописей и многое другое.

Главная цель нашей поездки в Сванетию, помимо общего ознакомления со страной и языком, заключалась, как я отмечал выше, в том, чтобы собрать, по возможности, материал для темы, которую можно определить так: осетинско-сванские (resp. алано-сванские) культурные связи по данным языка и фольклора.

В языке лучшим, самым чутким показателем всякого рода культурных сношений и влияний является, как известно, лексика. Естественно, что ей мы и уделяли наибольшее внимание. Из значительного собранного материала мы приводим ниже то, что представляется нам наиболее надежным и показательным.¹

Не живая природа

1. Св. *žäh* снежная лавина — ос. *žəj|žəjə* id. По устному сообщению акад. А. Г. Шанидзе в нижнесванских говорах (в лашхском) встречается еще более близкий к осетинскому вариант *žäj*. По всей видимости слово заимствовано из сванского в осетинский. Сванское слово имеет соответствие в грузинском: *zvavi* 'лави́на'. На иранской почве параллелей не видно. Аланы как степняки не имели первоначально представления о снежных лавинах и, попав в горы, могли усвоить это слово у своих ближайших соседей за хребтом, сванов.

2. Св. *k'a* 'сланец', 'шифер', 'шиферная плита'; множ. ч. *k'aval* — ос. *k'əj|k'əjə* id. Сюда же балкарское *gəjə* с тем же значением. Слово, подобно предыдущему, связано с горной природой и поэтому должно рассматри-

¹ Осетинские слова даются обычно в обоих диалектальных вариантах, иронском и дигорском; первая форма — иронская, вторая — дигорская; между ними вертикальная черта.

ваться в осетинском как вклад из кавказского языкового мира, всего вернее — из сванского.

Растения

3. Св. *mōg* название дерева и плода, называемого мушмула (груз. *zǰmart'li*); плоды величиной с грецкий орех несколько терпкого вкуса (ср. Арсен Ониан, Сванские названия деревьев и растений, стр. 16) — ос. *mugæ* | *mogæ id.*,

4. Св. *inǰa* 'малина', в лентехском говоре *inaǰa* (Н. Я. Марр. Извлечение из сванско-русского словаря, стр. 27) — ос. диг. *ninæǰ*; осетинское слово имеет соответствия в северотюркских (балк. *nanəǰ* 'малина', алт. *ponaǰ* 'черника'). Сванское *inǰa* следует считать усвоенным из осетинского (с утратой начального *n*, возможно, осмысленного как сванский префикс *n-*).

5. Св. *basq* 'земляника' — ос. *mæck'u* 'брусника'. Повидимому старое кавказское слово; ср. груз. *marc'qu-* 'земляника', убых. *bəšxu* 'дикий виноград'.

6. Св. *matata mat'at'a* ядовитое растение, 'белена'? «портит желудок и отнимает разум» по объяснению свана. Тому, кто позволяет себе нелепые выходки, говорят: «Не поел ли ты *matata*?» (как по-русски: «Что ты, белены объелся?») — ос. *mætatyk* | *tatuk* с'едобное растение. Происхождение нам не известно. Исходная форма в осетинском *tatuk*.

7. Св. *tek'ra*, *tek'er* 'клен' — ос. *tægær id.*, ср. балк. *təkər id.* Сюда же относится несомненно чеченское *stajr* 'клен' (в чеченском начальные *t* || *st* чередуются, а осетинскому *g* после гласного отвечает чеченское *j*, стало быть чеч. *stajr* = ос. *tægær*). А. Ониан переводит *tek'ra* «вид крепкого дерева», а для клена дает другое слово (из грузинского) *bek'enčxal*. Однако в ленджерском говоре *tek'ra* означает именно «клен». Мы имеем здесь дело очевидно с диалектальными лексическими расхождениями. Конечное *ra* в сванских названиях деревьев встречается часто (напр. *ǰihra* 'дуб', *s'ipra* 'бук', *gwiǰra* 'каштан' и др.) и рассматривается как суффикс, означавший первоначально «дерево» (устное сообщение А. Г. Шанидзе). Однако в данном случае *ra* должно принадлежать основе; иначе пришлось бы и осетинское, и балкарское, и чеченское слово рассматривать как заимствования из сванского, что мало вероятно. Против суффиксального характера *ra* в *tek'ra* говорит также существование варианта *tek'er*. Каково происхождение этого распространенного по всему Центральному Кавказу слова? На иранской почве мы не можем подыскать никакой удовлетворительной этимологии и думаем, что оно идет из кавказского.

8. Св. *zəntx* 'овес' — ос. *zətxæ*, ср. каб. *zantx*, балк. *zəntxə id.* Ни на иранской, ни на картвельской почве слово не находит поддержки. Всего вероятнее, что оно адыгейского (кабардино-черкесского) происхождения,

проникло отсюда в дигорский и балкарский, а через посредство последних — в сванский.

9. Св. *geder* 'бобы' — ос. *gædur* | *gædoræ* 'бобы', 'фасоль'; ср. балк. *qidoru*, абх. *a-qəd*, собират. *a-qəd-ra* 'бобы'. Первоисточником всех перечисленных форм следует считать грузинское *qnduri*, *xnduri* 'крупные бобы', 'турецкие бобы' (лексикон Саба Сулхана Орбелиани). Исходная форма **qdur*, *n* появилось фонетически между *q* и *d*. Осетинское слово весьма близко к этой форме и должно считаться непосредственным заимствованием из грузинского, так же как сванское и абхазское.

10. Св. *kan* 'конопля' — ос. *gæn* | *gænæ*, ср. абх. *a-knə* id. Полагаем, что в осетинском была раньше форма с начальным *k* (*kæn*): ос. *kættag* 'холст' образовано несомненно из *kæn-tag* 'конопляная нить', 'конопляная ткань', как *zældag* 'шелк' из *zæl-tag* 'шелковая нить'.

Приведенные осетино-свано-абхазские названия конопли нельзя разумеется отделять от общеевропейского и переднеазиатского названия этого растения: гр. $\chi\lambda\upsilon\alpha\beta\iota\varsigma$, русск. *конопля*, нем. *Hanf*, араб. *kenaf*, груз. *k'anari* и пр. Однако, в то время как все последние варианты дают трехсложный тип: *knpr*, в осетинском, сванском и абхазском мы имеем двухсложный: *kn*. Быть может третий губной согласный был и здесь, но утрачен? Однако никаких следов его существования в каком-либо из трех указанных языков в прошлом не имеется. Поэтому мы склоняемся к другому взгляду: свано-абхазо-осетинская форма есть первоначальная простейшая форма евразийского названия конопли. Трехсложные же формы, прообразом которых является греческое $\chi\lambda\upsilon\alpha\beta\iota\varsigma$, представляют результат скращения старого слова *kan* 'конопля' со словом *pis* с тем же значением.¹

В этой связи позволительно поставить вопрос, не являются ли горные области Кавказа, сохранившие древнейшую форму названия конопли *kan*, прародиной самого растения, конопли?

11. Св. *tanäš* 'рожь' — ос. *tænsew* 'пшеница'. Этимология не вызывает сомнений. Конечное *š* в *tanäš* представляет наращение (суффикс), которое мы встречаем и в ряде других слов. В другом месте мы пытались показать, что *tænsew* — исконно осетинское слово (см. ниже, стр. 587 сл.). Стало быть в данном случае следует думать о заимствовании из осетинского в сванский.

12. Св. *zad* 'солод' — ос. *zad* id. Происхождение этого слова хорошо известно: оно представляет прошедшее причастие от осетинского глагола *zajun* 'рости' и означает «проросшее (зерно)». Сванский усвоил слово из осетинского. По уверению нашего осведомителя А. Гуледани, в нижебальском диалекте сванского (сел. Ленджер относится к вышебальскому) для «солода» употребляется слово *salad*. Как попало туда русское слово?

¹ Ср. O. Schradеr, Reallexikon etc., под словом «Hanf».

Животные

13. Св. *māga*, *māg* «название небольшой птицы, за которой охотятся» (А. Гуледани); по Н. Я. Марру (Извлечение, стр. 11) «вид перепелки, покрупнее, ноги длиннее, красно-желтого цвета» — ос. *mæga* 'бекас'. Сюда же балк. *mæga* 'бекас'. Происхождение нам не ясно.

14. Св. *məršk* 'муравей' — ос. *mælzug* | *mūlzug*. Старое индо-европейское слово, др. иран. *mawri*, перс. *muršeh*, русск. *муравей*. Староосетинскую форму можно восстановить в виде **muršuk*, откуда легко могло получиться сванское *məršk*. В других картвельских языках нет этого слова (ср. груз. *č'ianč'vela*).

15. Св. *darg* 'коза в возрасте от 6 мес. до 1 года' — ос. *dærk'* id. Относится ли сюда груз. *dek'euli* 'годовалая телка'?

16. Св. *dalisw* (мулах. *dalüs*) 'барашек в возрасте от 6 мес. до 1 года' — ос. *dalys* | *dalis* id.; для этого слова находим неожиданное соответствие в русских диалектах: *давись* 'одногодок' (Дополнение к Опытному областного великорусского словаря). Принимая во внимание, что *л* и *в* в южнорусских говорах чередуются (*волж* || *вовж* и т. п.), можно предполагать существование русск. **дамись*.

Возможно, что в основе этого слова, как и предыдущего, лежит один и тот же элемент *dar*, означавший «год», но на каком языке?

17. Св. *dombäj* 'бык крупного и мощного сложения' — ос. *dombaj* 'зубр', ср. карач. *domtaj* 'зубр', абх. *a-domrej*, каб. *dombej*, груз. *dombai* («Глоссарий» Чкония).

Хозяйство, материальная культура

18. Св. *gurna* || *gurana* (ср. выше *inga* || *inaga*) 'круглый камень для толчения зерен или соли', 'пест' — ос. *kuroj* | *kurojnæ* 'мельница'. Осетинские формы закономерно восходят к *kurana*. Эта старая форма сохранилась в топонимических названиях Балкарии, напр. *Kuran-dan* 'Мельничная река'.

Староосетинское (аланское) *kurana* и сванское *gurana* не отделимы друг от друга. Соответствие особенно интересно тем, что в нем наглядно выступает семантическая палеонтология «мельницы»: «мельница» восходит к «камню», «камню для толчения зерен». Сванский нерушимо сохранил это древнее значение. Мы не можем здесь останавливаться на вопросе о происхождении свано-осетинского слова. Думаем только, что у него есть связи, выходящие за пределы Кавказа. К числу их мы относим готское *qairnus* 'мельница'.

19. Св. *gwet* 'кладовая' — ос. *got*, *gon* 'амбар'; ср. кабард. *gon* 'амбар'.

20. Св. *mekw* 'копна сена', *mæ'wal* 'скирд из снопов' — ос. *mæk'wyl* | *mæk'wæl* 'копна', 'скирд'; ср. груз. *maqoli* (в диалект.) 'копна'. Сколько можно судить, слово — кавказского происхождения; ср. кабард. *māgw* 'сено'.

21. Св. *arsan* 'крепкая веревка из конопли и щетины'; по Н. Я. Марру (Извлечение, стр. 27): 1. «цепь железная для шеи», 2. «канат, покупаемый в городе» — иран. *rasana* 'веревка', перс. *rasan*; в осетинском это слово сохранилось в незакономерной форме *rætæn* (см. выше, стр. 139). Однако не исключена возможность, что рядом с *rætæn* существовала в диалектах форма *ræsæn* и что сванское слово усвоено из осетинского. Если бы слово проникло в сванский из персидского, то вернее всего через грузинское посредство; между тем в грузинском мы его не находим.

22. Св. *k'ir* 'деревянное кольцо на конце веревки для стягивания' — ос. *gærk'a* id., ср. балк. *gəgə* id. Слово не иранское.¹

23. Св. *sæg* 'подпятник мельницы' (железная пластина с ямкой посередине, в которую упирается вертикальная ось горской водяной мельницы) — ос. *sæg* 'кольцо', 'скоба' и пр., слово, по всей видимости, не иранское. Ср. балк. *čək* 'петля', 'звено'.

24. Св. *k'ədər* (Ленджер), *k'udur* (Мулах) 'чурбан', 'толстяк' — ос. *k'wydyr* | *k'udur* 'чурбан', 'обрубок'.

25. Св. *k'wadal*, *k'wädäl* 'прут', св. *kwač* id. — ос. *k'æcæl* | *k'wæcæl* 'щепка', 'палочка', ср. абх. *a-k'waz* 'крупная щепка'; есть параллели и в адыгейских диалектах. Слово идет, надо думать, из кавказской среды.

26. Св. *čirt* 'куча камней, собранных с поля, расчищенного под пашню' — ос. *cirt* | *cirt* 'памятник', 'могильник'; ср. инг. *čurt* 'памятник'. Слово допускает иранскую этимологию (др. иран. *čīdra* 'знак') и поэтому и в сванском, и в ингушском должно рассматриваться как усвоенное из осетинского. Однако сванский и здесь, как в случае с «мельницей» (см. выше), сохраняет древнейшее значение: куча камней несомненно является одним из архаичнейших видов надгробного сооружения.

27. Св. *kešeni* 'склеп надземный' — ос. диг. *kesena*, балк. *kešene*; за-свидетельствовано также в других кавказских языках. (См. А. Генко, Из культурного прошлого ингушей. Записки коллегии востоковедов, V, стр. 713 сл.).

Пища и напитки

28. Св. *kəržin* 'хлеб, спеченный в золе' — ос. *kərgyn* | *kərgin* 'хлеб ячменный или кукурузный', балк. *kərgən*. Слово заключает осетинский суффикс *zyn* | *gin* и поэтому должно считаться заимствованием из осетинского; впрочем и сами сваны поясняли, что *kəržin* они зовут «осетинский» хлеб.

29. Св. *woräs* 'сусло для араки (водки)', по Н. Я. Марру; «выжимки, остатки (по выгонке араки)» — ос. диг. *wəras* 'брага', ср. абх. *a-waras* «напиток вроде пива». Р. Штакельберг сближает осетинское слово с чу-

¹ А. Г. Шанидзе обратил мое внимание на более близкую параллель к ос. *gærk'a*: хевсурское *girk'ali*, *gærk'ali* «деревянное кольцо».

вашским *əröš* 'брага' (Miller und Stackelberg. Fünf ossetische Erzählungen, стр. 84). Если так, то сванское и абхазское слова придется считать усвоенными из аланского.

30. Св. *rang* 'мед (напиток)' — ос. *rong* 'мифический напиток нартов, нектар', ср. мегр. *rangi* 'медовый напиток' (сообщение Г. Рогавы) и груз. (рачинский диалект) *rangi* 'медовое вино' (Словарь В. Беридзе). Этому весьма интересному слову мы посвятили особую статью (см. ниже, стр. 348 сл.).

Одежда и обувь

31. Св. *kərdän* 'тряпка' — ос. *kərdæn* 'платок'. Слово получает объяснение на осетинской почве; оно образовалось от глагола *kərd-* 'кроить' и значит собственно «отрез», «кусок материи». Сванский усвоил слово из осетинского.

32. Св. *žabər* 'обувь для хождения по крутым склонам (верх из цельного куска кожи, подошва из переплетенных ремешков)'; св. *čarəl* 'чувык' (обувь) — ос. *zabyr* | *zabur* 'чувык', сюда же балк. *čabər* 'чувык'. Оба сванских слова *žabər* и *čarəl* представляют фонетические вариации одного и того же слова, проникшего и в сванский, и в осетинский, повидимому, из тюркского. В грузинском в диалектах встречается *čapula* (название обуви). Стоит отметить, как использованы в сванском фонетические варианты слова для целей семантической дифференциации: *čarəl* применяется к обычной обуви, которую носят сваны, а *žabər* — к специальной обуви для лазания по горам, употребляемой охотниками, косарями на крутых склонах и пр. Последняя обувь знакома также осетинам, но имеет иное наименование: *æré'i* | *ærk'e*.

Части тела

33. Св. *p'il* 'губа' — ос. *byl* | *bilæ* id; ср. груз. *p'iri* 'рот', 'лицо'. Наличие грузинского и мегрельского (*p'iži*) соответствия дает право говорить, что мы имеем дело с исконным картвельским достоянием. Осетинский мог, вообще говоря, усвоить слово из грузинского, но сванская форма и по звучанию, и по значению стоит ближе к осетинской, и мы с полным основанием можем включить это слово в ряд языковых свидетельств свано-осетинского соседства и связей.

34. Св. *talapa* 'ресница' — ос. диг. *təfalæ* id. Налицо перестановка: *ta'apa* → **tapala* → *tafalæ*.

35. Св. *mak'wśdäg* 'бедро' — ос. *mək'ustag* 'плечевая кость'. Несмотря на смещение значения, соответствие не внушает сомнений. Перед нами сложное слово, где во второй части осетинское *stæg* 'кость'; первая часть не ясна. Сюда же балк. *muguštuk* 'плечевая кость'.

36. Св. *sk'el* 'голень' — ос. *sč'il* | *sk'elæ* 'лодыжка', 'задняя часть ноги'. Происхождение неясно.

Varia

37. Св. *bwast* 'мир', *ame bwast* 'этот мир', 'мир живых', *eče bwast* 'тот мир', 'загробный мир' — ос. *bæstæ* 'мир', 'страна', *mærdty bæstæ* 'загробный мир'. Сванское слово не имеет надежных картвельских соответствий, осетинское имеет приемлемую индо-европейскую этимологию (санскр. *upasthā-* 'стояние', 'пребывание'). Поэтому считаем сванское слово усвоенным из осетинского.

38. Св. *swim-ra*; современные сваны стали уже забывать значение этого слова, повидимому связанного с каким-то древним ритуалом, и толкуют его по-разному: «массовое шествие», «сборище», также «войско», «военная сила»; в основе лежит, вероятно, слово *swip*, означающее «сельское собрание», «беседа» и «место собрания»; возможна связь с осетинским *sim-|sem-* «исполнять массовый танец»; последнее слово сближается также с грузинским *sama* 'особый танец' (С. С. Орбелиани).

39. Св. *səlxær* 'полоумный', применяется также к овцам, пораженным особой болезнью мозга, 'шалый' — ос. *səlxær* id. (применяется к человеку и к овцам), ср. балк. *səlxær* id. Слово осетинское [из *zær-xæld* 'имеющий поврежденную (*xæld*) голову (*sær*)']. Однако в сванский могло попасть не непосредственно из осетинского, а через балкарское посредство.

40. Св. *šaxar* 'бык с белой полосой на лбу', *sağar* 'лошадь с такой же полосой' — ос. *zyğar* | *zəğar* 'животное с белым пятном на лбу'. Слово выходит за рамки свано-осетинских отношений; ср. груз. *sağari* 'лошадь с белым пятном на лбу', груз. *š'agara* 'седой'; пахур. *žagwar* 'белый' и др.

41. Св. *buran* 1. 'помет мелкого скота', 2. 'пыльная поверхность почвы' — ос. *byron* | *burojnæ* 'сор, мусор'. Осетинское конечное *-on* восходит и здесь, как в других случаях к *an(a)*; стало быть сванский сохранил более старую форму слова, как это мы видели и в других случаях: *durana* (№ 18), *rang* (№ 30). Заимствование из осетинского в сванский кажется вероятным.

Мифология, фольклор

42. Св. *Apsat* 'бог покровитель охоты и охотников, патрон зверей' — ос. *Afsati*. Ср. балк. *Apsatə* id. Н. Я. Марр считал, что это божество идет с юга, из Фригии и Армении.¹ Это относится, конечно, только к названию бога. Его мифологическая сущность — коренная кавказская, целиком возникшая на почве охотничьего быта кавказских народов. Типологическими двойниками Апсата являются абхазский охотничий бог *Až.vejpsaa*, адыгейский *Mezix*. У самих сванов было еще второе, женское божество охоты *Dal*.

¹ Н. Я. Марр. Бог *Տաջիտոս* у армян. Изв. Акад. Наук, 1911, стр. 759—774; он же, Фрако-армянский *Sabazios-aswac* и сванское божество охоты, там же, 1912, стр. 827—833.

43. Св. *Närt* 'богатырь, представитель богатырской породы людей' — ос. *Nart* название эпических героев.

44. Св. *Sosruqwa* эпический герой — ос. *Sozruqo*, каб. *Sosruqwa* нартовский герой.

45. Св. *Werzmeq* собств. имя, встречающееся в сказках, а также в быту — ос. *Warəzmağ*, *Wyryzmağ* 'нартовский герой'. Свойственная сванскому экающая тенденция в огласовке объясняет форму *Werzmeq*.

46. Св. *Xabiž*, *Xabžə* собств. имя в эпосе и в быту — ос. *Xəmyc* | *Xəmic* нартовский герой. В работе о собственных именах нартовского эпоса мы возвели осетинское *Xəmic* к монгольскому *xabiči* 'герой', считая *m* перебоем вместо *b*. Сванское *Xabiž* подтвердило нашу этимологию.

47. Св. *Satanäj*, *Zitanäj* имя чародейки в сказках — ос. *Satana* нартовская героиня.

С помощью сванского объясняется, возможно, осетинская форма имени св. Георгия *Gergi* в *Was-Gergi*. Ни греко-византийское Γεώργιος, ни груз. *Giorgi* не могло дать в осетинском *Gergi*.¹ Огласовка *e* весьма характерна как раз для сванского. И хотя св. Георгий зовется у них *Žgarāg* (см. ниже), в названии праздника св. Георгия (груз. *Georgoba*) мы находим нужную нам форму *Gergi*. Этот праздник носит у сванов название *Li-Giergi*. Весьма вероятно, поэтому, что имя св. Георгия осетинский усвоил через сванское посредство.

Все перечисленные соответствия относятся к разряду имен существительных и прилагательных. Глаголы, как известно, меньше подвержены заимствованию. К тому же сванский глагол, вследствие своей сложной структуры, с богатой префиксацией, требует особой осторожности при всяких сопоставлениях за пределами картвельских языков.

В виде предположения можно указать на возможную связь сванской основы *mand-* 'любить' с осетинским *mond*, *mons* 'страстное желание' и сванского *za-* (*lizal*) 'рождать' с осетинским *za-* 'рождать'.

Рассмотрение свано-осетинских лексических соответствий позволяет установить один важный факт: там, где есть расхождения между иронским и дигорским, сванский примыкает к дигорскому. Так, слова *zatxə* (№ 8), *ninəĝ* (№ 4), *wəras* (№ 29) в иронском вообще отсутствуют. Слово *təfalə* в значении «ресница» (№ 34) также характерно для дигорского. Сванские *mōg* (№ 3), *čirt* (№ 26), *sk'el* (№ 36) по огласовке смыкаются именно с дигорскими, а не иронскими формами. Все это вполне согласуется с тем, что мы вправе были ожидать по другим соображениям. Известно, что осетинские элементы в балкарском и карачаевском имеют дигорский облик. Все данные, которыми мы располагаем, согласно говорят о том, что осетины

¹ Так груз. *niori* «чеснок» дало в осетинском (иронском) *nury*. Соответственно от груз. *Giorgi* ожидали бы *Gurgy*, а не *Gergi*.

(аланы), которые жили в прошлом в соседстве сванов, были носителями дигорской речи.¹

Несомненный культурно-исторический интерес представляет вопрос о том, откуда идет то или иное слово, составляющее общее достояние осетин и сванов. Мы его посылно касались при рассмотрении каждого отдельного соответствия. Общий вывод таков: влияния были обоюдные, с некоторым перевесом в пользу осетинского (аланского). Слова *zæj*, *k'æj*, *bilæ*, *Æfʃati* (№№ 1, 2, 33, 42) представляются усвоенными из сванского в осетинский. Напротив, сванские *zad*, *manäs*, *inğa*, *mæršk*, *rang*, *bwast'*, *mak'wšdäg*, *kæržin* (№№ 12, 11, 4, 14, 30, 37, 35, 28), равно как имена из нартовского мира идут очевидно из осетинского. В некоторых случаях слова прошли в сванский, как видно, через балкарское посредство. Это в особенности вероятно там, где сванский по огласовке примыкает не к осетинскому, а балкарскому: *sälxær* (№ 39), *zəntə* (№ 8), *cæg* (№ 23), *kæržin* (№ 28). Происхождение ряда слов остается пока неясным. Несомненно лишь, что многие из них, как *gurana* || *kurojnæ* 'мельница', идут из глубокого доисторического субстрата, общего у сванов и осетин.

Фонетические отношения, выявляемые в свано-осетинских лексических соответствиях, характеризуются значительной пестротой. Эта пестрота отражает, надо полагать, сложность и многообразие тех реальных исторических условий, в которых совершалось взаимодействие двух языковых сред. Ясно, например, без лишних слов, что звуковые отношения не могут быть одни и те же, идет ли речь об усвоении из сванского в осетинский, или из осетинского в сванский, или об общем субстрате.

Кроме того звуковые отношения могли меняться в разные периоды жизни двух языков.

Приведем некоторые соответствия:

- ос. *a* || св. *a*: *dalīs* || *dalisw*, *zad* || *zad*, *zabʒr* || *žabər*, *Satana* || *Satanäj*;
 ос. *a* || св. *ä*: *Nart* || *Närt*, *wəras* || *woräs*;
 ос. *æ* || св. *a*: *bæstæ* || *bwast'*, *dærk'* || *darg*, *mæga* || *maga*, *k'æj* || *k'a*,
gæn || *kan*, *mæk'wystæg* || *mak'wšdäg*, *mænæw* || *manäs* и др.;
 ос. *æ* || св. *ä*: *zæj* || *žäh*, *mænæw* || *manäs*, *mæk'wystæg* || *mak'wšdäg*;
 ос. *æ* || св. *e*: *tægær* || *tek'er*, *Wæræzmæg* || *Wergzeg*;
 ос. *æ* || св. *ə*: *sälxær* || *sälxær*, *cæg* || *cæg*, *kæržin* || *kæržin*, *kærdæn* ||
kærdän;
 ос. *i* || св. *i*: *dalis* || *dalisw*, *Xamic* || *Xabiž*, *bilæ* || *p'il*.

В отношении согласных имеем обычно полное соответствие в осетинском и сванском, но есть и исключения.

¹ «Сани» зовутся по-свански *sav*, и это же слово означает «осетин», и, хотя множ. ч. различается (от *sav* «сани» мн. ч. — *savər*, от *sav* «осетин» мн. ч. — *savər*), мы думаем что это — одно и то же слово и что какой-то тип саней, усвоенный у осетин, был назван их именем; ср. балк. *düger* «осетин-дигорец» и вместе с тем «перекладина саней». Если наша догадка верна, то между сванами и осетинами происходил обмен не только словами, но и вещами. Ср. ниже, о сванском музыкальном инструменте «чанг».

В осетинском «цоканье», в сванском «чоканье»: *cirt* = *čirt* (однако в дигорских говорах есть и *čirt*), *Xæmic* || *Xæbiž*, *zabyr* || *žabər*, *kærgin* || *kæržin*; но *sæg* || *sæg*.

В осетинском звонкий, в сванском глухой смычно-гортанный: *bilæ* || *p'il*, *tægər* || *tek'er*; обратно: *dærk'* || *darg*.

В ос. звонкий, в сванском глухой придыхательный: *gæn* | *kan*; обратно: *kurojnæ* || *gurana*, *Xæmic* || *Xæbiž*.

Ос. *f* || св. *p*: *Afsati* || *Apsat'*, *tæfalæ* || *talapa*.

В сванском *arsan* имеем перестановку (из *rasan*); в сванском *inğa* утрату начального *n* (ос. *ninæg*).

В ряде случаев сванский сохраняет старые осетинские формы: *rang*, *buran*, *gurana*, *Xæbiž*, *kan* при современных осетинских *rong*, *burojnæ*, *kurojnæ*, *Xæmic*, *gæn*. Здесь сванские факты оказывают известную услугу уяснению истории осетинского слова. В некоторых случаях это относится не только к звукой форме, но и значению осетинских слов: так сванский помогает установить старое значение слов *rong*, *cirt*, *kurojnæ* (№№ 30, 26, 18).

Если наш материал дает много интересного для истории осетинского, то и для истории сванского он может сослужить некоторую службу. Он избавляет историка сванской лексики от необходимости искать для ряда слов объяснения в рамках картвельских языков или из внутри-сванских элементов. В своем «Извлечении из сванско-русского словаря» Н. Я. Марр разлагает слово *inğa* 'малина' на *i-nğa*, *tağa* 'бекас' на *ta-jğa*, *mekw* 'копна' на *te-kw* и т. д., стало быть считает эти слова префиксовыми образованиями. В свете осетинских фактов такой «гипер-анализ» оказывается излишним.

Северокавказские, в частности осетинские влияния, являются фактом, с которым полностью следует считаться историку сванского языка.¹

Говоря о свано-осетинских языковых и культурных отношениях, нельзя умолчать об одном любопытном факте: о десятичном счете в сванском. Одной из отличительных особенностей кавказских (яфетических) языков является, как известно двадцатичный счет. Сванский составляет исключение. В нем, наряду с двадцатичным, в ряде говоров употребляется десятичный. Как он туда попал? Иранские языки обладают десятичным счетом, и еще Н. Я. Марр высказывал догадку, что десятичный счет в сванском надо рассматривать как результат осетинского влияния. Лучшего объяснения, казалось бы, не нужно и желать. Но тут есть одно затруднение: осетинский язык, один среди иранских языков, имеет как раз... двадцатичный счет. Правда, в ущельях Дигории нашли у пастухов следы старого десятичного счета, но в общем употреблении утвердился двадцатичный. Слу-

¹ Нам приходилось отмечать в сванском, рядом с осетинскими, попутно балкарские, кабардинские и др. сев. кавказские элементы. Так сван. *wärg* «князь» неотделимо от кабард. *work* «дворянин».

чилось это, надо думать, под влиянием кавказских языков. Выходит, что осетины, научив сванов десятичному счету, сами поспешили забыть его и восприняли (может быть у тех же сванов?) двадцатичный. Конечно ничего невозможного в этом нет, но все же надо признать, что положение довольно запутанное...

Наряду с языком, мы интересовались сванским фольклором. Нас специально занимал вопрос: известны ли сванам широко распространенные на Северном Кавказе и в особенности у осетин сказания о героях «Нартах». В существующей литературе мы не встретили указаний по этому поводу. Не сразу попали мы на след Нартов и при личном посещении Сванетии. Большинство сванов на вопрос, знают ли они что-нибудь о Нартах, отвечали отрицательно. Лишь несколько стариков вспомнили, что в сказках упоминаются какие-то Нарты и встречаются герои, носящие имена известных Нартов: Сосруква, Сатанай, Хабиж, Вердзмег. При этом некоторым Нартам давалась такая же характеристика, как в северокавказских сказаниях. Так Сатанай зовется чародейкой: *Orxugw-Satanäj*, так же как в балкарском: *Obur-Satanaj*.

В сванских текстах, записанных в разное время Иосифом Гуледани, выступают иногда в качестве героев Нарты и встречаются целые нартовские сюжеты. По нашей просьбе Иосиф Гуледани записал еще несколько текстов такого же рода. Название «Нарт» выступает в сванском фольклоре часто как нарицательное, в значении «богатырь», «герой». Говорится о «Кабардинском Нарте», «Абхазском Нарте», «Мулахском» или «Латальском Нарте» и т. п. («Раз мулахский Нарт Вердзмег Курдани попал на селение Хашкил», говорится, например, в сказании «Маленький Хаджи», записанном от Чкинтюльда Гуледани, 85 лет, из с. Ленджер). В других случаях Нарт понимается, как особое племя или род людей, живших в далеком прошлом.

Вот несколько отрывков.

«В древности, во времена Нартов, в селении Ленджер жил один человек, которого звали Хабджи!» (Чкинтюльд Гуледани).

«Близ селения Лагами сохранились стены одной крепости. Ее должны были строить люди очень сильные. В стенах на большой высоте есть громадные камни. Такой камень с трудом поднимут 10—15 человек. По преданиям эта крепость построена во времена Нартов» (со слов Карима Палиани).

«По сказаниям сванов, Нарты были люди высокого роста, могучего сложения, они были заступники за народ, покровители обиженных». (Ромткил Хершани, 110 лет).

Сюжетных параллелей между осетинскими и сванскими «нартовскими» рассказами мы обнаружили немного. Приведем два наиболее ярких примера.

В сванском сказании о Нарте Сегз героиня Натела подвергается преследованию со стороны дэва (великана), но благополучно ускользает

от него. Тогда он обращается к ней с угрозой: «При жизни твоей мне не удалось овладеть тобой, но клянусь, что после смерти ты от меня не уйдешь!» Помня эту угрозу, Натела перед смертью призывает своего друга Сегза и дает ему такой завет: «В продолжении трех дней после моей смерти охраняй мою могилу». Сегз выполняет просьбу Нателы и убивает дэва, покушавшегося на мертвую красавицу. (Записано в селении Доли. По словам Иосифа Гуледани на этот сюжет у сванов существует также песня).

В осетинском сказании о рождении Сатаны говорится: «Небожитель Уасгерги склоняет к любви красавицу Дзарассу, но безуспешно. Тогда он грозит: „При жизни твоей ты не даешься мне, но куда ты уйдешь от меня после смерти“. Вскоре Дзарасса заболевает и, чувствуя приближение смерти, вспоминает об угрозе Уасгерги. Она призывает своих сыновей, Урузмага и Хамица, и просит их в течение трех ночей стеречь ее могилу». Дальше ход событий в сванском и осетинском варианте расходится.

Еще более разительна близость в сванском и осетинском рассказах о смерти Сосруква (Созруко). Мы приводим ниже, в русском переводе, сперва сванский, потом осетинский варианты.

«Вот благословенный Сосруква. Как только он родился, отец взял его к Солому. Там его закалили, только колени его так и не закалились.¹ Нартам не понравилось (что Сосруква закалился). Вспыхнула война между Сосруква и Нартами. Нарты сказали: „Пусть Сосруква подставит голову“. Сосруква так и сделал, подставил голову. Нарты ударили по голове мельничным жерновом. Но голова осталась невредимой. Сосруква же камнем перебил много Нартов. Затем заставили Сосруква подставить лопатку. Но и лопатке никакого вреда не причинили. Сосруква снова перебил много Нартов. Потом потребовали, чтобы он подставил бок. Сосруква и на это согласился, но опять он остался невредимым. Наконец сказали ему, чтобы он подставил колени. „Горе мне, несчастному, они узнали, что колени у меня не закалены. Пусть мой грех падет на голову Солома, за то, что он не закалил моих колен“. Пустили на Сосруква жернов и перерезали ему колени. Хлынула кровь.

Пришел волк, Сосруква говорит волку: „Волк, прошу тебя, выпей мою кровь!“ „Избави боже, я не выпью твоей крови“. „Ну, раз ты не пьешь моей крови, пусть моя сила и мощь перейдут в твою шею“ — сказал Сосруква. Вот почему шея у волка такая сильная.

Потом пришла ворона. „Ворона, выпей мою кровь!“ „Еще бы, с удовольствием выпью твою кровь, но тебе станет жалко“. „Нет, мне не будет жалко“ — сказал Сосруква. И ворона выпила его кровь. Сосруква проклял ее, сказав: „Выводи птенцов спиной (?), а потом скрывайся за восемнадцать гор, иначе птенцы тебя растерзают“.

¹ Солом (Соломон?) выступает здесь в роли бога-кузнеца (ос. Курдалагон). В одном сванском сказании о Сатане говорится: «Солом был кузнец и покровитель кузнецов».

Теперь пришел перепел. „Выпей мою кровь!“ — сказал ему Сосруква. „Избави, боже, чтобы я выпил твою кровь!“ (Сосруква благословил его, говоря:) „Пусть, когда ты взлетаешь, твои крылья издадут такой шум, чтобы все пугались!“..

Умер Сосруква...»

(Записано И. Гуледани. Напечатано в сборнике «Сванские прозаические тексты, Ё», изданном А. Шанидзе и В. Топуриа, Тбилиси, 1939, стр. 394).¹

Осетинская версия гласит:

«Когда родился Созруко, его отнесли к небесному кузнецу Курдалагону для закалки. Курдалагон закалил его в волчьем молоке. Только колени остались не закаленными... Колесо Бальсага спустилось с неба, чтобы умертвить Созруко. „Подставь мне лоб!“ — говорит Колесо, Созруко подставляет лоб. Колесо ударяет по нему, но не наносит даже царапины.

„Подставь мне грудь!“ — говорит Колесо. Созруко подставляет грудь. Колесо ударяет его в грудь, но не причиняет ему никакого вреда... После Бальсагову Колесу удалось подстеречь Созруко, когда он лежал на земле. Оно перекатилось через его колени и раздробило их.

К умирающему Созруко слетелись птицы и сбежались звери. Прилетела ворона. „Подойди, — сказал ей Созруко, — поешь моего мяса и выпей моей крови!“. Ворона подошла и стала пить кровь Созруко. Созруко ее проклял: „Чтобы тебе целыми днями каркать проклятия на людей, но чтобы твои проклятия не сбывались“.

Пришел волк. Созруко предложил и ему отведать его мясо и кровь, но волк отказался. Тогда Созруко благословил его: „Пусть в твою шею перейдет сила моего пальца“. От этого шея у волка такая сильная». Дальше в осетинских версиях следует обычно еще разговор с некоторыми другими зверями, после чего Созруко умирает.²

Такая исключительная близость между сванским и осетинским рассказом могла возникнуть только на почве весьма тесного общения.

Само собой разумеется, общее у сванов и осетин не исчерпывается приведенными языковыми и фольклорными параллелями. По данным общей этнографической литературы о сванах и на основе наших собственных наблюдений мы могли бы очень много отметить общего у этих двух народов в религиозных празднествах, обрядах, обычаях, материальной культуре, социальных институтах. Но параллели этого рода, как бы они ни были ярки и многочисленны, не могут быть привлечены для доказательства того, что осетины и сваны в прошлом соседили и находились в культурном общении. Такого рода общие этнографические черты мы найдем

¹ На этот текст любезно обратила наше внимание В. В. Бардавелидзе, взявшая на себя, кроме того, труд сделать с него грузинский перевод.

² Мы дали здесь сокращенное извлечение из сборника «Нартские сказания» (Дзауджикау, 1946, стр. 136 сл.).

у всех горских племен Кавказа: они вытекают из общности природных условий, хозяйства, социального и культурного развития. Поэтому мы не можем здесь на этом останавливаться. Заметим только, что сванский быт недалекого прошлого был еще более архаичен, чем осетинский. Типичное сванское селение с его суровыми каменными громадами башен, типичная старинная сванская сакля — это своего рода музей древнего быта, подобных которым мы в Осетии не встречали. Сванский «мачуб», главное помещение в сакле, где находится домашний очаг, во многом похож на осетинский «хадзар», но от него веет еще большей древностью. Обширное полутемное помещение, освещенное небольшим отверстием в стене, напоминающим скорее бойницу, чем окно; стены и потолок совершенно почернели от копоти столетий и блестят точно покрытые лаком; вся мебель — кровати, кресла, сундуки, перегородки — покрыта резным геометрическим орнаментом, совершенно таким же, как в Осетии, причем все вещи сколочены без участия хотя бы одного гвоздя; очажная цепь, свисающая с потолка; рога туров, прибитые к столбам; и тут же, за художественно орнаментированной перегородкой стойла для коров, помещение для мелкого скота. Почти две с половиной тысячи лет назад Ксенофонт видел такие дома у горцев Южного Кавказа: «Тут же в домах находились вместе с детьми козы, овцы, волы, домашняя птица, и весь скот кормился сеном».

Теперь Сванетия, перешагнув сразу в XX в., стала страной контрастов: с одной стороны описанный «мачуб», с другой — электрическое освещение. С одной стороны сваны и сейчас пользуются летом санями, не имея арбы или телег, с другой — самолеты и автомобили стали повседневным явлением.

Как мы выше заметили, сходство в предметах материальной культуры у различных народов не доказывает обязательно, что между этими народами существовал контакт и культурные связи. Однако бывают случаи такой яркой, как бы обособленной близости в отдельных объектах материальной культуры, в их конструкции, форме, орнаменте, которые крайне трудно было бы объяснить независимым возникновением у каждого народа. Такие схождения заставляют думать об особо тесном культурном единстве.

При осмотре Сванского Краеведческого музея мы обратили внимание на музыкальный инструмент «чанг». Это небольшая арфа.¹ Число струн, как нам объяснил И. Гуледани, колеблется от 8 до 12. Играют на ней, положив ее на колени. Звук слабый, но приятный. Сейчас чанг стал в Сванетии редкостью, но все же найти его можно не только в музее, но и в быту. Такая же точно арфа существует у осетин и зовется *duwadae-stænon fændyr* «двенадцатиструнный фандыр».

В абхазских материалах Н. Я. Марра есть указание на существование аналогичного инструмента у абхазов.²

¹ Грузинское *čangi* означает «лира».

² Абхазско-русский словарь, стр. 159.

Насколько можем судить по литературным данным и по личным вопросам, у других горцев Кавказа такого инструмента нет. Сваны, осетины, абхазы... Три народа, различные по языку и этногенезису. Но мы уже знаем несколько изоглосс, которые объединяют именно эти три народа; таковы названия конопли и браги (см. выше №№ 10 и 29). Множество характерных этнографических черт также сближает их между собой. Мы думаем, что сванский чанг с его осетинским и абхазским двойниками, может по праву занять свое место в ряду тех языковых и фольклорных параллелей, которые свидетельствуют о прошлой близости и тесных культурных сношениях этих трех народов Кавказа.

ПОЕЗДКА В АБХАЗИЮ

Поездка в Абхазию, предпринятая мною осенью 1945 г., была, по своим целям и программе, вполне аналогична поездке в Сванетию, совершенной годом раньше. Если аланы действительно жили там, где их помещают известные нам исторические источники, то они должны были сосуществовать не только со сванами, но и с абхазами. А если такое соседство действительно имело место и было достаточно тесным и продолжительным, то оно не могло не оставить следа в языке, в духовной и материальной культуре.

Отыскать эти следы старых алано-абхазских связей в речи и фольклоре и составило мою задачу.

Имеется множество прямых и косвенных исторических свидетельств о том, что аланы и абхазы действительно были близкими соседями и находились долгий период в оживленных сношениях. Приведем некоторые из них.

1. Территория, которую в разное время населяли аланы, была, как известно, весьма обширна, охватывая области Сев. Кавказа, Крыма, Южной России, а в отдельные периоды также некоторые области Зап. Европы, Средней Азии и Дальнего Востока.

Но если мы на этой обширной территории попытаемся найти район, к которому особенно стойко, упорно и долго прикреплялось название «Алания», мы должны будем остановиться на местности, орошаемой верхним течением Кубани и ее притоками, Тебердой, Зеленчуком, Лабой, т. е. местности, непосредственно примыкающей к Абхазии. Еще на картах XVII и XVIII вв. эта область продолжает носить название «Алания».¹ Там же помещает Аланию хорошо осведомленный царевич Вахушт в своей «Географии Грузии».² Традиция, которая связывала именно с этой местностью центр и средоточие аланского народа, была настолько прочна, что мегрелы на юге до последнего времени помещали алан в области верхней Кубани, перенося это название на позднейших пришельцев, карачаевцев (см. выше, стр. 249).

2. В области Б. Зеленчука, в соседстве Абхазии, найдены старейшие памятники аланской письменности (см. выше, стр. 260 сл.).

3. По сообщению грузинской летописи, когда арабский полководец Мурван Глухой вторгся в Грузию (VII в.), правитель

¹ Напр. на карте Мингрелии о. Ламберти (XVII в.).

² См. относящуюся сюда цитату, а также другие сведения об аланах на Кубани в новое время у В. Миллера, Осет. эт., стр. 113 сл.

Абхазии Леон «укрылся в крепости Собга, расположенной у перевала в Овсетию».¹

4. В рассказе Феофана Византийского о посольстве Льва Исавра в Аланию (703 г.) сообщается, что путь посла пролегал через Абхазию. Лев и его спутники попадали непосредственно из Абхазии в Аланию и обратно. Никакие промежуточные области или племена не упоминаются. Владетель Абхазии, предостерегая алан против Льва, говорит им, что «Юстиниан прислал его, чтобы возбудить нас против вас, наших соседей». Аланы в свою очередь говорили Льву про абхазов: «Мы имеем с ними сообщение, и наши купцы всегда ходят туда».

5. Арабский автор Масуди (X в.) сообщает: «Рядом со страной аланов живут абхазы, исповедующие христианскую религию».²

6. Утверждение христианства у алан совершилось при активном участии абхазского царя Георгия (X в.), который получил за свои заслуги в этом деле благодарность Константинопольского патриарха Николая Мистика. В XIII в. абхазская и аланская епархия были объединены. Очевидно они были смежными, и между ними были доступные пути сообщения. Иначе такое объединение не было бы ни целесообразным, ни практически осуществимым.

7. По рассказу грузинской летописи, относящемуся к событиям XI в., «великий царь овсов Дорголея пожелал видеть сестру свою, жену грузинского царя Баграта, и отправился в сопровождении князей Овсетии через Абхазию в Кутаиси».³ Очевидно, если бы столица Дорголея находилась где-нибудь в районе нынешней Осетии, ему незачем было бы кружить через Абхазию. Он отправился бы либо по нынешней Военно-грузинской дороге (если бы он направлялся в Тбилиси), либо по Военно-осетинской (если бы он направлялся в Кутаиси). Напротив, если допустить, что центр тогдашней Осетии находился в районе верхней Кубани, то путь, избранный Дорголеем, окажется наиболее удобным, коротким и естественным: через Клухорский перевал в Абхазию и оттуда в Кутаиси.

Мы имеем таким образом непрерывный ряд свидетельств от VII до XIII в. о соседстве алан (осетин) с абхазами.

О таком соседстве говорят и топонимические данные. В примыкающих к Абхазии районах верхней Кубани, Зеленчука, Лабы отмечены легко опознаваемые осетинские названия, как

Sura название горы (Клухорский район) — ос. *sura* 'красный';

Šawšūgit название местности (там же) — ос. *saw-šūgit* 'черная земля';

Fars приток Лабы — ос. *fars* 'сторона', ср. ос. *Fars* или *Doni-Ears* местность в Дигории;

Roškaw 'населенный пункт' — ос. *roxs-ğaw* 'светлый аул';

¹ Картлис Цховреба, Тбилиси, 1942, стр. 150 (на грузинском языке).

² Сб. матер. Кавк., вып. 38, стр. 56.

³ Картлис Цховреба, стр. 196.

Zagdan река и местность в Мостовском районе Краснодарского края — ос. *sag-don* 'оленья река' (более старая форма *sag-dan*). Любопытно, что эта река в абхазских охотничьих песнях слывет именно оленьей: «Заадад переполнен оленями».¹

Крайним западным пределом аланской топонимики в этой области является, кажется, район Геленджика, где мы еще встречаем местность *Догуад* (*Doğwat*), что значит по-осетински «место скачек».

Приведенные данные, число которых можно было бы умножить, не оставляют сомнения что осетины и абхазы были ряд столетий близкими соседями и конечно не могли не оказать друг на друга культурного и языкового влияния. Кое-что в этой области можно было отметить уже на основании опубликованных материалов. Личное знакомство с абхазами, с их языком и культурой, должно было уточнить и пополнить эти данные. Лексика, с одной стороны, и фольклор — с другой, были, как и в Сванетии, предметом моего преимущественного интереса. Предполагалось также произвести нотную запись абхазских народных мелодий. Мне не раз до этого приходилось слушать по радио абхазские песни, и они поражали сходством с осетинскими. Личные впечатления в Абхазии и произведенные записи подтвердили эту близость.

По прибытии в Сухум, прекрасную столицу Абхазии, мы первым делом посетили Абхазский научно-исследовательский институт Грузинской Академии Наук.

Директор Института А. Чочуа, сотрудники К. Шакрыл, Х. Бгажба, Б. Шинкуба, И. Аджинджал отнеслись к нам и к нашей работе с большим вниманием. Их великодушное содействие и забота окружали нас в течение всей поездки и немало способствовали успеху нашей работы.

В Сухуме же к нам присоединился молодой абхазский этнограф, в то время аспирант Грузинской Академии Наук, Шалва Денисович Инал-Ипа. До этого мы были с ним в переписке, и он любезным образом согласился сопровождать нас в нашем путешествии по Абхазии. Его помощь оказалась для нас неоценимой. Трудно было бы пожелать более приятного спутника и более деятельного и ценного товарища в работе. Все трудности и помехи, с которыми неизбежно приходится встречаться человеку, не знающему местных условий и не владеющему практически языком, были сведены до минимума благодаря нашему славному спутнику. Он умел, как никто, разыскать и привлечь нужных людей, заинтересовать их нашей работой. Мы с ним крепко подружились.

Абхазия в языковом отношении и по ряду других признаков делится на две части: северную, Бзыбскую и южную, Абжуйскую. Мы решили начать наше обследование с Бзыбской Абхазии. Автомашина доставила

¹ Сб. матер. Кавк., вып. 44, отд. 4, стр. 21.

нас в районный центр гор. Гудауты. Заручившись здесь содействием районных властей, мы расстались с морем и углубились внутрь страны. До сел. Лыхны мы могли еще воспользоваться автомобилем. Отсюда и до конца наше путешествие совершалось на верховых лошадях, которые нам, всегда точно и своевременно, предоставляли местные сельские советы.

Наша работа протекала в трех селениях: Ачандара, Дурипш, Отхара. Наиболее продолжительным было пребывание в Отхара.

Собранный нами языковой и фольклорный материал полностью еще не обработан, и нижеследующие наблюдения имеют предварительный характер.

Начнем с наблюдений в области лексики.

Явления природы

1. абх. *a-fərtən* 'буря', 'метель' — ос. диг. *burdaen*; слово, повидимому, тюркского происхождения.

2. абх. *a-əlūa* 'дым', *əlūiak* 'копоть', 'сажа' (ср. Н. Я. Марр. Абхазско-русский словарь, стр. 55) — ос. *ala* 'копоть', 'чад'.

Растения

3. абх. *a-knə* 'конопля' — ос. *gæn*, св. *kan*, см. выше, стр. 296.

4. абх. *a-kār* 'ячмень' — ос. *kær* в слове *kær-gyn* 'хлеб', букв. «ячменный»; и абхазское и осетинское слово ведут к грузинскому *keri* 'ячмень', но по огласовке осетинская форма ближе к абхазской.

5. абх. *a-kdā* 'лес' — ос. *qæd* | *ğædæ*.

Животные

6. абх. *a-kəḷḷma* 'волк' — ос. *kwuz* | *kuḷ*, *kuj* 'собака'; абхазское слово можно разложить на *kəḷḷ-ma*, где *ma* — отрицание; в таком случае, опираясь на ос. *kuḷ* (собака) можно думать, что абх. *a-kəḷḷma* означало букв. «не собака». Такое иносказательное обозначение волка могло возникнуть на почве тотемических воззрений и связанного с ними запрета (табу) на называние волка своим именем.

7. абх. *a-əā* 'олень' — ос. *saj*; ср. кабард. *śəx*, чечен. *saj*. По нашему предположению слово восходит к скифскому *sāka* 'олень', служившему также племенным названием.

8. абх. *a-hā* 'свинья', кабард. *кхгуэ*, — ос. *xwū* | *xu*, др. иран. *hu-*. Не исключена возможность случайного созвучия, так как абхазо-адыгейское слово представляется коренным кавказским.¹

¹ Профессор К. Д. Дондуа обращает мое внимание, в частности, на груз. *ḡōgi* 'свинья'.

9. абх. *a-kašt* 'годовалая овца' — ос. *kwist* | *kost*; ср. сван. *negašt* id. Происхождение не ясно.

Хозяйство, материальная культура

10. абх. *a-wardən* 'арба' — ос. *wardon* | *wərdun* 'арба'; ср. чечен. *warda(n)*, ингуш. *wordə* 'арба'. Слово иранского происхождения ср. др. иран. **vartana* 'колесница', согд. **vartan* и др. И абхазское, и чеченское слово представляют старое заимствование из аланского.

11. абх. *a-čbəga* 'коса' (орудие), абаз. *čbəg*, кабард. *šämäg* — ос. *səvæg*. Особый интерес этого слова заключается в том, что мы находим его также в чувашском и некоторых других тюркских и финских языках: чув. *sävä*, марийск. *saba* и др. Есть основание считать слово аланским по происхождению. Ос. *səvæg* представляет по форме причастие от глагола *səvyn* | *səvun* 'бить', 'сечь' и значит, стало быть, «секущее (орудие)».

12. абх. *a-rxəšna*, *a-rxəšnə* (с метатезой *a-xnəšər*) 'надочажная цепь' — ос. *rəxys* | *rəxis* 'цепь'; ср. аварское *račas* 'цепь'. Слово относится к важным культурным терминам, если учесть в особенности культовое значение надочажной цепи, связанное одновременно и с культом очага и огня, и с культом металлов (в древности это был один из немногих железных предметов, употребляемых в домашнем быту). У осетин существуют предания о происхождении надочажной цепи с неба. У них же надочажная цепь имеет свое особое божество *Safa*. Какого происхождения слово? Как оно попало на два противоположных конца Кавказского хребта, Абхазию и Аварию? Было ли тут посредничество алан? На эти вопросы точного ответа мы пока не имеем.

13. абх. *a-čxinž* название предмета, хорошо известного пастухам и охотникам: это палка, втыкаемая наклонно в землю, на которую подвешивается котелок для варки пищи, — ос. *səžynž* | *səginžə* 'столб'. Абхазское слово представляет несомненный мегрелизм. Если мы возьмем грузинское слово *čxiri* 'палочка' и построим его закономерный мегрельский эквивалент, мы получим **čxinži*. Хотя в словаре И. Кипшидзе такое слово не значится, груз. *čxiri* и абх. *a-čxinž* делают весьма вероятным его существование. Не подлежит сомнению, что осетинское *səginžə* усвоено на Кавказе. Но откуда? Непосредственно из мегрельского или через абхазское посредство? То и другое допустимо.

14. абх. *a-dərdə* 'веретено', *a-dərtə* 'кольцо веретена', — ос. *wədərət* 'кольцо веретена'. Происхождение не ясно.

15. абх. *a-psəngarə*, *a-psəngiri* 'наковальня', также 'бабка, на которой отбивают косу'. Первая часть *psən* может быть = ос. *əfsən* 'железо'.

16. абх. *a-tsə* 'свинец' — ос. *əzdy* | *əzdi*. Происхождение не ясно.

17. абх. *a-k'adər* 'седло' — ос. *k'wydyr* | *k'udur* 'обрубок', 'чурбан'. Ср. выше сванское соответствие (стр. 298).

18. абх. *a-kəpa* 'большая корзина для кукурузы', 'такая же корзина,

которую кладут на арбу при перевозке кукурузы и пр.' — ос. *kuf* 'большая корзина'.

19. абх. *a-qàra* 'ограда двора' — ос. *gæræn* | *goren* id.

20. абх. *a-mxə* 'поле', 'пашня' — ос. *xum* | *xumæ* id. Слово, повидимому, иранское, ср. согд. **xurt-*. О звуковых отношениях абхазского слова к осетинскому см. ниже.

Одежда и пр.

21. абх. *a-qabàn* 'тютяк' — ос. *goban* id.

22. абх. *a-qabanək* 'короткая шуба' — ос. *žeben* | *gebena* id., ср. араб. *žeben* 'савап' (?).

23. абх. *a-šanžəf* 'оборка женского платья' (Марр, | Словарь) — ос. *šanžəf* id.

24. абх. *a-c'arš* 'подкладка' — ос. *c'ar* 'кора', 'покрышка', 'подкладка'; ср. ос. *carṁ* 'шкура' (?).

25. абх. *a-supəl* 'кожаные полосы, свисающие по бокам седла' — ос. *supal* | *copal* 'висящая кисть'.

26. абх. *a-qàta* 'кинжал' — ос. *qata* | *qəta*, ср. адыг. *qata* id. Идет из тюркского (*qata* 'большой нож'). Осетинское слово усвоено скорее всего из адыгейского (кабардинского).

27. *a-k'arax* 'револьвер' — ос. *k'erax* id., кабард. *k'erax* id., ср. ос. *gærax* 'выстрел'.

Пища, напитки

28. абх. *a-žək'a* 'соль' — ос. *səxx* | *sənxxə*. Повидимому, кавказское слово; есть соответствия в дагестанских языках (см. Miller und Stackelberg. Fünf ossetische Erzählungen, стр. 85).

29. абх. *a-warəš* 'брага' (?) — ос. *waras*, сван. *woräš* (ср. выше, стр. 299).

Части тела

30. абх. *a-pənc'a* 'нос' — ос. *fynz* | *finzə*, *fij* 'нос'. Одно из ярких абхазо-аланских схождения. Возможно, что и это слово подобно выше рассмотренному *čxinž* (№ 13) является в абхазском мегрелизмом, а именно восходит к закономерному мегрельскому соответствию грузинского *p'iri* 'рот': *p'inži*. Правда в современном мегрельском мы находим другой вариант, без носового, *p'izi*, но вполне возможно, что в прошлом существовал также вариант *p'inži*. Такими же «мегрелизмами» придется признать в этом случае грузинское *p'incvi* 'ноздря' и арм. *p'inž* 'ноздря'. Так или иначе, осетинское слово нельзя отделять от абхазского.

31. абх. *a-č'ə* 'лицо', 'лезвие' — ос. *zyx* | *c'ux*. Мы допускаем, что абхазский утратил конечное *x*; ср. абх. *žə* 'вода' при *žəx* 'источник'.

32. абх. *a-žāk'a* 'борода' — ос. *zač'e* | *zak'a* id., ср. кабард. *žak'e*.

33. абх. *a-раc'а* 'усы', 'борода' — ос. *boč'o* 'борода'; ср. кабард. *раc'e* 'усы', 'борода'. Оба последних слова могли быть усвоены в осетинский не из абхазского, а кабардинского.

Социальные понятия

34. абх. *à-рsэта, à-рsта* 'хозяин дома', специально 'хозяин в отношении гостя' — ос. *fysym* | *fusum* 'хозяин в отношении гостя'; старое иранское слово *fšumant*, означавшее первоначально «хозяин скота» (от *rasu* 'скот', ос. *fys*), а потом вообще «хозяин». Усвоено чуть не во все северокавказские языки: кабардинский, черкесский и другие (см. здесь, стр. 90).

35. абх. *a-ləgaž.* 'старик'. Слово составное. Во второй части — абх. *až.* 'старый'. Первую часть мы отождествляем с осетинским *ləg* 'человек', 'мужчина'. Все вместе значит, стало быть, «человек старый». В абхазском есть слово *ləg*, но оно значит «полоумный».¹ Невозможно допустить, чтобы это слово послужило для образования понятия «старик» у народа, где старики окружены почетом и уважением. Не исключено, разумеется, что *ləg* 'полоумный' в каком-то плане восходит к понятию «человека» или связано с ним, но мы утверждаем только, что в состав *ləgaž.* вошло *ləg* со значением «человек», а не «полоумный».

Для предложенной этимологии имеются точки опоры в других языках Сев. Кавказа. В абазинском языке, ближайшем родственнике абхазского, мы находим слово *ləg* 'крестьянин', 'крепостной'. Ср. далее чечен. *lağ* 'раб', авар. *lağh* раб.² От понятия «человек» до названия сословия — дистанция небольшая, и то, что в абазинском означает «старый крестьянин», в абхазском могло означать вообще «старый человек». Слово *lağ* в значении «человек», «крестьянин», «раб» представляется нам исконно кавказским. В осетинском оно сохранилось как одно из ярких отложений кавказского субстрата. Осетинское значение «человек», «мужчина» всего ближе к тому значению, которое имело предполагаемое абхазское **ləg*, сохранившееся в слове *ləgaž.* 'старик'. Что это значение — не выдуманно, подтверждается еще одним абхазским словом, на которое любезно обратил наше внимание М. А. Лакербай. Абх. *a-wadələg* значит «прислуга». В первой части турецкое *oda* 'комната'; во второй части уже знакомое нам восстанавливаемое абх. **ləg* 'человек'; *wadələg*, стало быть, букв. «комнатный человек». Ср. по образованию французское *femme de chambre* 'служанка'.

Имена прилагательные

36. абх. *àrnəg* 'бешеный', 'обезумевший' — ос. *ærnəg* 'дикий'. Слово иранское; ср. авест. *amrūna, rəna* 'дикий', др. инд. *araṇa* 'дикий'.

¹ У Н. Я. Марра (Словарь, стр. 54) даются также значения «немошный», «слабый».

² Может быть сюда же племенное название дагестанского племени *лак*ов, а также кабард. *lə* 'мужчина', груз. *gləxi* 'крестьянин' (из *laxi* с наращением *g*?).

37. абх. *argàta* 'явный', 'открытый' — ос. *ærgom* id. Слово этимологизируется на осетинской почве; *gom* 'открытый' и приставка *ær* (напр. *ær-gom kænyn* 'обнажить', 'приоткрыть'). Ос. *o* перед носовым восходит здесь, как в других случаях, к *a*. Стало быть абхазский (*argata*) сохранил более старую форму осетинского слова. Из осетинского либо непосредственно, либо через абхазское посредство, слово проникло также в мегрельский: мегр. *argat* 'явный'.

Varia

38. абх. *à-kra* 'возраст' — ос. *kar* | *karæ* id. Происхождение не ясно.

39. абх. *a-zâr* 'песня, исполняемая на скачках' — ос. диг. *zar* 'песня'. Слово иранское: авест. *zar-*, др. инд. *jar-* 'петь'.

40. абх. *a-xiš*. 'лекарство', 'порох' — ос. *xos* | *xwasæ* 'лекарство', *toppy xos* 'порох'. Вероятно, иранское слово.

41. абх. *à-k'enž*, *à-k'anž* 'кукла' — ос. диг. *kinžæ* id. Об этимологии см. выше, стр. 258.¹

42. абх. *warajda* обычный припев — ос. *wææjda* id.

43. абх. *i-tabù-p* 'спасибо' — ос. *tabu* 'поклонение'. Возможно арабское?

44. абх. *amàrža* 'ну-ка', 'пожалуйста!' — ос. *amaržæ*, *jamaržæ* поощрительный возглас. Вероятно от грузинского корня *marž-* 'побеждать' (*gamaržoba* приветствие).

Религия, мифология, фольклор

45. абх. *Šora*, *At'lar-Šora* 'обряд и песня, исполняемые вокруг пораженного молнией' — ос. *Corraj*, *aldary Corraj* id. Значение и происхождение слова *Šora* не ясны. Что касается абхазского *At'lar*, то оно соответствует осетинскому *aldar*, означающему «князь». Описание интересного обряда, совершаемого при поражении молнией, можно найти в статье Г. Ф. Чурсина в сборнике «Юго-Осетия», изданном Закавказской Научной Ассоциацией в 1924 г.

46. абх. *Məkamgaria* название «божества» и праздника архангелов Михаила и Гавриила (Христ. Восток, вып. 4 стр. 78) — ос. *Mykalgabyrtæ* id.

47. абх. *Dad-Iuana* 'название божества («святого»), букв. «Отец Иоанн» — ос. *Fyduani* название праздника и «святого», из *Fyd-Iuane* букв. «Отец Иоанн» (Иоанн Креститель?). Эпитет «отец» повторяется в обоих языках.

48. абх. *Nart*,* собирательно *Nartaa* «Нарты», название богатырского племени — ос. *Nartæ* id.

49. абх. *Sasərga*, *Sosərga* имя одного из Нартов — ос. *Sozryuqo* | *Sozryuqo*, кабард.-черкес. *Sosruqwa*.

¹ К. Д. Дондуа допускает связь с груз. *gonži* 'кукла.'

50. абх. *Xməš* имя одного из Нартов, *Xabəž* абхазское собственное имя — ос. *Xəmyc* | *Xəmic* имя Нарта и собственное имя.

51. абх. *Satani*, *Satania Gwaša* имя нартовской героини — ос. *Satana id.*, кабард. *Setenej-Gwaše*.

52. абх. *Gunda* имя красавицы в нартовских сказаниях — ос. *Agunda*.

53. абх. *Patraz* имя Нарта — ос. *Batraz id.*

54. абх. *Erečxew* имя Нарта — ос. *Arəxəw*, *Ierəxəw*, кабард. *Ereksu*.

55. абх. *Xož-arpəs* имя Нарта, противника Сосруквы (*arpəs* означает «витязь», стало быть герой зовется «витязь Хож») — ос. *Xuz* | *Xiz* имя Нарта, противника Созруко.

56. абх. *Salusan* имя героя одной сказки — ос. *Soslan* имя Нарта (?)

57. абх. *Šardən*, *Xoža-Šardən* имя героя анекдотических рассказов — ос. *Syrdon* | *Sirdon* имя героя из нартовского эпоса; прибавление *Xoža* в абхазском — результат контаминации со знаменитым Х о д ж а - Н а с р е д - д и н о м, героем распространенных по всему Кавказу и за его пределами анекдотических рассказов.

Обзор приведенных материалов говорит о том, что в период алаано-абхазского соседства два языка взаимно обогащались лексическими элементами. Абхазский усвоил из аланского такие слова, как *a-čbəga* 'коса', *a-wardən* 'арба', *ə-psəta* 'хозяин', *ərnəg* 'бешеный', *argəta* 'явный', *a-zər* 'песня' и др. С другой стороны некоторые осетинские слова ведут нас к абхазскому. При этом зачастую абхазо-осетинские схождения слишком глубоки, чтобы их можно было свести к простому заимствованию. Они заставляют думать об общем местном субстрате. Таковы абх. **ləg* — ос. *ləg* (№ 35), абх. *rəxəna* — ос. *rəxys* (№ 12), абх. *pənc'a* — ос. *fynž* (№ 30) и некоторые др.

Фонетические отношения абхазских слов к осетинским довольно просты, и мы отметим только некоторые характерные чередования.

Если осетинское *a* имеет своим рефлексом абхазское *a* (*zar* || *zar*, *kar* || *kra*, *Batraz* || *Patraz* и др.), то осетинскому *æ* отвечает чаще абхазское *ə*: *ləg* || *ləg*, *səvæg* || *čbəga*, *ərnəg* || *arnəg*, *gæn* || *kənə* и др.

Однако есть и исключения (ос. *æ* — абх. *a*): *wərdon* || *wardən*, *sənzæf* || *šanžaf*, *wəras* || *waras*.

Характерна для абхазского метатеза, превращающая слова закрытого слога типа «согласный + гласный + согласный» (*kaŋ*) в слова открытого слога типа «согласный + согласный + гласный» (*kra*). Примеры: *gæn* || *kənə*, *kar* || *kra*, *gəd* || *kdə*, *xum* || *mχə*.

В последнем примере произошла двойная метатеза *xum* → **xmə* → *mχə*. Перестановку согласных имеем также в *əgdy* || *tə* 'свиноец'.

В нескольких случаях можно, кажется, говорить об утрате в абхазском конечного согласного:

абх. *č'ə* 'рот' — ос. *с'их*,

абх. *ča* 'олень' — ос. *саг*. кабард. *šəx*.

Наряду с лексическими, имеются схождения в той интимной области, которую мы называем идеосемантикой. Так «лицо», «рот», с одной стороны, и «лезвие» — с другой, обозначаются в обоих языках одним и тем же словом (ос. *kom*, абх. *а-č'ə*). Одно и то же слово означает «глаз» и «петля» (ос. *caem*, абх. *á-bla*), «семейство» и (эвфемистически) «жена» (ос. *binontə*, абх. *а-таса*). Цвета «зеленый», «синий», «голубой», «серый» не различаются в языке и обозначаются одним и тем же словом (ос. *с'æx*, абх. *á-ec'a*) и др. Обычное выражение угрозы в осетинском *dæ ud dyn yslaszyæn* «вырву твою душу» имеет точное соответствие в абхазском: *upsə təsxəp'*. Просматривая абхазские пословицы, собранные Д. И. Гулия (Сухум, 1939), мы находим среди них множество таких, которые буквально совпадают с осетинскими.

Разумеется такие схождения могут возникнуть независимо от какого-либо контакта, как результат одинакового уклада жизни и одинакового осознания действительности.

Но несомненно, с другой стороны, что близкое соседство и общение могли способствовать закреплению одинаковых идеосемантических представлений, одинаковых идиом, одинакового выражения в пословицах и поговорках народной мудрости.

Религиозные и мифологические представления абхазов уже освещались в литературе (напр. в статье Н. С. Джанашия в «Христ. Востоке», IV). Имеются работы и о религиозно-мифологических представлениях осетин (Вс. Миллера, Г. Ф. Чурсина и др.).

Яркие черты сходства бросаются в глаза каждому, кто хотя бы бегло ознакомится с этими материалами. Близость здесь идет нередко дальше, чем у осетин с их ближайшими соседями. Хотя, как хорошо известно, у всех горцев Кавказа можно было найти много общего в тех полуязыческих верованиях и воззрениях, которые скрыты за оболочкой христианства или мусульманства, абхазо-осетинская близость в этой области является настолько яркой, глубокой и интимной, что можно было бы, в рамках общекавказской этнографии говорить об едином абхазо-осетинском этнографическом типе, отмеченном общими чертами религиозных верований, мифов и обрядов, представляющих смешение довольно древнего у этих народов христианства с несравненно более древними языческими воззрениями.

Западные черкесы, по имеющимся данным, должны быть отнесены к этому же кругу, но у них многое было застигнуто уже в более потускневшем виде, вероятно потому, что мусульманство оказывается вообще более убийственным для старых языческих верований, чем христианство. Многими, но не всеми чертами, примыкают к этому кругу также сваны.

Отметим некоторые характерные абхазо-осетинские параллели в области старых верований и обрядов.

1. Культ грозового божества и в особенности обряд, сопровождающий поражение человека молнией. По рассказам стариков из сел. Ачандара обряд состоял в следующем. К месту поражения молнией собираются родные пораженного и другие жители селения и, не прикасаясь к нему, образуют вокруг него нечто вроде хоровода, ходят по кругу и поют песню, называемую *At'lar Čopa*: «O, Afə, Afə, et'la, et'la, At'lar Čopa» (*Afə* имя грозового божества, остальные слова по-абхазски не осмысляются). После этого пораженного кладут на специально сделанный помост и совершают жертвоприношение. В жертву приносится животное, указанное знахаркой, обычно козел. Во все время совершения обряда не допускается никакого выражения скорби по поводу случившегося, никакого плача, причитания и пр., т. е. всего того, что имеет место, когда речь идет об обыкновенном покойнике. Наоборот, даже ближайшие родственники погибшего должны петь и выражать внешние признаки радости. Весь род пораженного считал этот день священным. В этот день ни у кого ничего не брали, не давали и не продавали.

Осетинский обряд, во всем, даже в деталях, сходен с абхазским. Слова песни «*At'lar Čopa*» точно соответствуют осетинскому «*Aldary Čoppaj*» (см. выше).

2. Культ охотничьего божества и связанные с ним обряды и песни. Абхазский охотничий бог *Ažejpšaa* — родной брат осетинского *Afsati*, сванского *Apsat'*. Ему молились охотники перед отправлением на охоту, а после удачной охоты абхазы пели песню *Ažejpšaa*, как осетины песню *Afsati*. Охотники-абхазы, как охотники-осетины, пользовались на охоте особым, охотничьим языком, в котором вся лексика, относящаяся к охотничьей практике, иная, чем в обычной речи.

3. Чертами сходства был отмечен культ божества оспы, у абхазов *Zəsxan*, у осетин *Alardy*.

4. И у абхазов и у осетин (дигорцев) существовал бог покровитель пчеловодов, у абхазов *Anana-Gunda* у осетин *Anigol*.

5. Бог-кузнец и его роль в эпических сказаниях о Нартах весьма близки у осетин, абхазов и адыгейцев, хотя имена у них различные: у осетин *Kurdalagon*, у абхазов *Šeš*. (также *Ajnar-ži* 'кузнец Айнар'), у адыгейцев *Тлену*. Все три кузнеца занимаются закалкой героев, а также починкой разбитых в бою черепов путем наложения медных пластинок.

Можно указать также на ряд поверий, общих у осетин с абхазами. Такова вера в «врата неба». Если кто-либо увидев, что «врата неба отверзлись», успеет произнести «Лари, вари, хызы, джехвари», то всякое его желание исполнится (Н. С. Джанашия. Религиозные верования абхазов. «Христианский Восток», IV, I, стр. 82). Аналогичное поверье существует у осетин.

Рассказ о том, как чорт попался в расщелину бревна, был пойман и его заставили работать, почти в идентичной форме бытовал у осетин и абхазов (ср. с одной стороны, Ес. Миллер, Осет. этюды, I, стр. 87, с другой — «Христ. Восток», IV, I, стр. 102).

Конечно, подобные поверья и преданья можно найти и у других народов на Кавказе и вне Кавказа, но на общем фоне абхазо-осетинской близости они особенно показательны.

Особо следует остановиться на распространении в Абхазии нартовских сказаний. Задолго до поездки 1945 г. мы уже знали, по литературным данным, что абхазские певцы, подобно осетинским и адыгейским, поют песни о легендарных героях Нартах. Но мы не предполагали, что северокавказский эпос пользуется у абхазов такой популярностью.

Когда в сел. Ачандара мы спросили у старого кузнеца Авидзба Луман, знает ли он что-нибудь о Нартах, он ответил: «Нартов знают все».

И это было не далеко от истины. Среди старшего поколения мало найдется таких, которые не слышали бы о Нартах. И в каждом селении есть несколько человек, которые могут вам гладко и без запинки рассказать два-три и больше сказаний о подвигах нартовских героев.

Любимым героем абхазских вариантов является Сасырква, и это сближает их с адыгейскими вариантами. Но в некоторых сказаниях главным героем выступает Патраз (ос. Батраз), и эти варианты смыкаются непосредственно с осетинскими.

Из сюжетов цикла Сасырквы особенно популярен, как и в адыгейских и осетинских вариантах, рассказ о том, как Сасырква хитростью побеждает великана, заставляя его вмерзнуть в лед реки (озера).

Рождение героя из камня, его смерть от колеса (камня), поразившего его в лишенные закалки колени, его разговор перед смертью с вороном, волком и другими зверями и птицами — все это так же хорошо известно абхазским сказителям, как осетинским.

Популярен в Абхазии также сюжет о соперничестве Нарта Ерычхеу (ос. Арахцау) с Хож-арпысом (ос. Хыз).

В опубликованных абхазских текстах я не встречал нартовских сказаний, где главным героем выступал бы Батраз (Патраз), являющийся в осетинских вариантах любимым персонажем. Тем интереснее было убедиться во время личной поездки, что Патраз хорошо известен лучшим абхазским сказителям и ему посвящен ряд сказаний, чрезвычайно близких к осетинским. Так, вышеупомянутый Л. Авидзба рассказал о том, как Патраз сокрушил крепость *Gimbav* — близкий вариант осетинского рассказа о том, как Батраз сокрушил крепость Гур или Хиз. «Патраза поставили на метательное орудие и метнули его в крепость. Он проломил стену и, ворвавшись в башню, извлек меч и стал всех избивать... Нарты разорили крепость и с богатой добычей вернулись домой...»

В осетинских сказаниях из цикла Батраза упоминается знаменитая «чаща героев», из которой удается выпить только тому, кто совершил

великие подвиги и правдиво о них рассказал. В этих сказаниях Вс. Миллер и Дюмезиль справедливо видят отголосок одного скифского обычая, о котором сообщает Геродот. В сел. Ачандара мы записали этот же самый сюжет, но только в несколько видоизмененном виде.

«Патраз сказал: „Пусть у того из нас, кто самый храбрый и самый правдивый, закипит котел с мясом барана“. Сасырква и Цвыц стали говорить о своих подвигах. Но котел не закипел. Тогда стал рассказывать о своих подвигах Патраз, не называя себя. Понемногу котел стал кипеть. Когда Патраз кончил свой рассказ, мясо уже варилось...»

Любопытно, что народная традиция связывает нартов с Сев. Кавказом. «Нарты родом из Кубани (Аḡа)» — уверенно заявил старик Хагба Смаил из сел. Ачандара.

Абхазские варианты нартовских сказаний представляют несомненный интерес и заслуживают серьезного внимания. То, что до сих пор опубликовано в этом жанре, составляет, как мы могли убедиться, лишь незначительную часть того, что пока еще хранит память народа.¹ Некоторое количество неопубликованных текстов хранится также в Абхазском научно-исследовательском институте. Весьма желательно, чтобы Институт организовал в ближайшие годы всеобъемлющую запись нартовских сказаний во всей Абхазии.

Добыча будет несомненно богатая. А если не сделать этого теперь, то многое будет безвозвратно потеряно.

Помимо нартовских сказаний мы знакомимся с другими образцами богатого абхазского фольклора. Центральное место в нем занимает, несомненно, как и в Осетии, героическая песня. Кровная месть, межродовые столкновения, подвиги личной храбрости, абречество — вот преобладающие темы старой абхазской героической песни, как и осетинской.

Абхазская героическая песня, насколько мы могли заметить, не носит пока признаков отмирания. Она живет полнокровной жизнью, и ее драматический пафос и сейчас находит доступ к сердцам. Мы были свидетелями, как талантливые певцы-музыканты, Габрава Йедрат из сел. Дурипш и Аристаа Кастей из сел. Отхара, исторгали слезы у своих слушателей, пожилых, выдавших виды абхазов.

Песни исполняются с музыкальным сопровождением. Любимые музыкальные инструменты старой Абхазии, — это *архарса* и *аџ'арпан*. В последнее время они вытесняются гармоникой.

Архарса — двухструнный смычковый инструмент. Струны волосяные, настроены одна на соль малой октавы, другая на ре малой октавы. Корпус изготавливается обычно из ольхи, имеет продолговатую форму (длина

¹ См. сборник: Абхазские сказки, Сухуми (на абхазском языке), 1940.

около 65 см., ширина верхней деки 10 см.), смычок длиной около 50 см. Стянут волосом. Исполнитель при игре опирает инструмент на колени, грифом вверх.

И по устройству и по манере исполнения абхазская апхярца очень близка к осетинскому двухструнному фандьру. Разница между ними только в том, что у абхазского инструмента корпус продолговатый, а у осетинского обычно круглый.

Аџ'арпан — свирель, двойник осетинского *wadyng*. Об этом инструменте рассказывают следующую легенду. Один абхаз нечаянно застрелил своего сына, приняв его в темноте за подкрадывающегося зверя. Несчастный отец сделал *аџ'арпан* и, глядя на убитого сына, стал играть... Он играл до рассвета одну и ту же внезапно родившуюся в его душе скорбную мелодию, а на рассвете умер сам...

Слушая эту легенду я вспомнил из нартовских сказаний рассказ о том, как Нарт Сирдон, трагически потеряв сыновей, сделал первый фандыр и стал в звуках изливать свое горе, положив тем начало музыке у Нартов.

В старину у абхазов был еще один музыкальный инструмент — арфа, но нам не удалось его видеть.¹ Насколько мы можем судить, арфа известна в горах Кавказа только трем народам: осетинам, сванам и абхазам. Кто из них является ее творцом, или они восприняли ее у кого-нибудь из древних народов, мы не знаем.

Мелодии абхазских песен весьма близки к осетинским, а в некоторых случаях совершенно с ними тождественны. Помню, как удивлялись абхазы, когда я, во время их пения, с первой же музыкальной фразы присоединялся к поющим и вел втору безошибочно, как заправский абхаз. Объяснялось это, разумеется, не моими музыкальными способностями, а только тем, что в абхазских песнях я сразу улавливал знакомые мне с детства осетинские мелодии...

По возвращении в Сухуми мы сделали в местном научно-исследовательском институте сообщение о предварительных итогах нашей поездки. Основное в этих итогах можно свести к двум положениям:

1. У абхазов с осетинами имеется целый комплекс сходжений языкового и культурного порядка.

2. Существенные элементы этих сходжений восходят к периоду алано-абхазского соседства и культурного общения.

Единодушно была подчеркнута желательность продолжения работы и изысканий в этом направлении.

¹ Н. Я. Марр. Абхазско-русский словарь, стр. 159.

МЕГРЕЛИЗМЫ В ОСЕТИНСКОМ

Многовековое соседство и культурное общение осетин с картвельскими племенами оставило обильный след в осетинском языке. Можно считать, что осетинский имеет лексические схождения со всеми тремя ветвями картвельской группы: грузинской, сванской и мегрело-чанской (занской), хотя в настоящее время соседит только с одной из них, грузинской. В статье «Ossetica-Japhetica» (Изв. Акад. Наук СССР, 1927, стр. 436) Н. Я. Марр, говоря об осетино-яфетических языковых связях, отмечает неожиданный на первый взгляд факт: в осетинском отложились элементы не только свистящей, грузинской ветви картвельских языков, но и шипящей, т. е. мегрело-чанской ветви, которая в настоящее время ни в одной точке не соприкасается с осетинским. Н. Я. Марр высказывает даже предположение, что «вклад шипящей группы в осетинском превалирует».

Последняя догадка Марра не подтверждается нашими наблюдениями: в общей массе картвельских элементов, усвоенных в осетинский, превалируют все же грузинские, а не мегрело-чанские (занские) формы. Но факт присутствия в осетинском известного числа слов, отмеченных характерными чертами именно шипящей, занской группы, не подлежит сомнению.

Прежде чем приступить к рассмотрению этих слов, мы должны сделать несколько предварительных замечаний. Среди элементов, которые мы ниже рассматриваем как «мегрелизмы» в осетинском, есть такие, которые отсутствуют в доступных нам материалах по мегрельской и чанской лексике.¹ Тем не менее мы отваживаемся трактовать их как вклад шипящей группы. На каком основании? Мы исходим из того вполне законного допущения, что:

1. в опубликованных материалах представлена не вся лексика мегрельского и чанского языков; всеобъемлющего обследования этой лексики по всем наречиям и говорам, как известно, не производилось,

2. в осетинском могли отложиться слова, бытовавшие на мегрело-чанской почве в далеком прошлом, но впоследствии утраченные.

Основываясь на этих постулатах, мы считаем возможным прибегать к реконструкции таких мегрело-чанских форм, которые в доступной нам литературе не отмечены.

¹ И. К и п ш и д з е. Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем, 1914.

Н. Я. М а р р. Грамматика чанского (лазского) языка, 1910.

А. Ч и к о б а в а. Сравнительный словарь чанского, мегрельского и грузинского языков, Тбилиси, 1938 (на грузинском языке).

Предпосылки и технику для такой реконструкции дает нам сравнительная грамматика картвельских языков, достигшая благодаря трудам А. Цага-рели и Н. Марра, значительной точности и совершенства. Отправной инстанцией служит нам в этих случаях грузинский язык. Опираясь на относительно богатые материалы по грузинской лексике, мы на основании грузинских фактов восстанавливаем закономерные мегрельские (занские) формы. Вот эти-то реконструированные мегрельские слова мы в ряде случаев и находим (с закономерными изменениями) в осетинском.

Прекрасный образец применения этого метода дал сам Н. Я. Марр в вышеупомянутой работе. Отправляясь от грузинского *t'ali* 'кремень', он восстанавливает по нормам шипящей группы **t'ori* и с полным основанием усматривает это, не сохранившееся в мегрело-чанском слово в осетинском: *dor* 'камень'.

Несколько аналогичных опытов разъяснения осетинских слов сделано нами в статьях «Некоторые осетино-яфетические параллели»¹ и «К характеристике современного осетинского языка»².

Доказательность подобных сопоставлений зависит, само собой разумеется, от закономерности определенных звуковых соответствий, существующих, во-первых, между грузинским и занским, во-вторых, между картвельскими языками, с одной стороны, и осетинским — с другой. Если бы эти закономерности не существовали и не были проверены на достаточном числе примеров, убедительность наших осетино-мегрельских параллелей была бы значительно ослаблена. Поэтому мы считаем необходимым обозреть вкратце те грузино-занские и картвельско-осетинские фонетические соответствия, на которые нам придется опираться в наших этимологических разъяснениях.

А. Грузино-занские соответствия:

груз. *a* || зан. *o, u*: груз. *asi* — зан. *oši* 'сто', груз. *xari* — зан. *xoži* 'вол';
 груз. *e* || зан. *a*: груз. *rze* — зан. *bža* 'молоко', груз. *c'er* — зан. *čar* 'писать';

груз. *l* || зан. *r*: груз. *asuli* — зан. *asuri* 'дочь';

груз. *r* || зан. *ž, nž, d, nd*: груз. *xari* — зан. *xoži* 'вол', груз. *kmari* — зан. *komonži* 'муж', груз. *cxviri* — зан. *čxvindi* 'нос',

груз. *š* || зан. *sk, sk'*: груз. *šeni* — зан. *skani* 'твой'.

Остальные грузино-занские звуковые закономерности, в частности соответствие грузинских свистящих согласных занским шипящим, для нас в данной связи не имеют значения.

Б. Картвельско-осетинские соответствия.

Почин в разработке этих соответствий принадлежит Г. С. Ахведиани³.

¹ Яфет. Сб., III, 1924, стр. 109—110.

² Яфет. Сб., VII, 1932, стр. 70 сл.

³ Диссимилятивное озвончение смычных в осетинском языке. Труды Тбилисского Гос. Ун-та, XVIII, 1941, стр. 41—45.

Кроме отмеченного Г. С. Ахвледиани диссимилятивного озвончения можно указать еще на следующие звуковые изменения, которые претерпевают картвельские элементы, когда они попадают на осетинскую почву:

1. Озвончение (независимо от диссимиляции):

- груз. *p'iri* 'рот', сван. *p'il* 'губа' — ос. *bilæ* 'губа',
- сван. *kan* — ос. *gæn* 'конопля',
- груз. *kağaldi* (из араб.) — ос. *gæxxæet*,
- груз. *xari* (← *qari*) 'вол' — ос. *gal*,
- груз. *xrili* 'зазубренный' — ос. *gæliŕ* и др.

Озвончение не имеет однако характера абсолютного закона; оно действовало, вероятно, в течение определенного периода; в очень многих случаях картвельские глухие остаются таковыми и в осетинском.

2. Полногласие:

- груз. *c'qali* 'вода' — ос. *sæqal* 'волна',
- груз. *glexi* 'крестьянин' — ос. *gælex* 'раб',
- груз. *qbedi* 'болгун' — ос. *k'æbæda id.*,
- груз. *krtami* 'взятка' — ос. *gærtam*,
- груз. *xrili* — ос. *gæliŕ* и др. (см. ниже, стр. 526 сл.).

Полногласие в известной степени характерно и для занского, если его сравнивать с грузинским. Но такие группы согласных как *cx*, *c'q* сохраняются одинаково в занском, как в грузинском. В осетинском же расщепляются и эти группы.

3. Цоканье:

- груз. *č'arxali* — ос. *sæxæra* 'свекла',
- груз. *č'ala* — ос. *c'ala* 'долина',
- груз. *žvari* — ос. *žvar* 'крест' и др., а также неразличение *s* и *š*, *z* и *ž*.

4. Выпадение *v* после согласного перед *e*, *i*, *æ*:

- груз. *k'veri* — ос. *k'ere* 'лепешка',
- груз. *c'veti* — ос. *c'ete* 'глетчер'.

Особенность, отмеченная в 3-м пункте (цоканье) приводит к тому, что столь характерная для занского «шипящесть» («шипящая группа» по Марру) утрачивается в осетинском, и, стало быть, аффрикаты и сибиллянты не могут быть опознавательным признаком при определении занских элементов в осетинском.

При полном учете указанных выше рядов закономерных соответствий (А и Б) выявление занских элементов в осетинском становится достаточно точной, можно сказать «математической» работой.

Считаем нужным сказать два слова в защиту заглавия данной статьи. С точки зрения фонетической нельзя провести резкой границы между мегрельским и чанским. Поэтому следовало бы говорить не о «мегрелизмах», а о «занизмах» в осетинском. Однако мы сознательно остановились на термине «мегрелизмы». Мы считаем рассматриваемый осетинский материал свидетельством исторических связей осетин именно с мегрелами. Для постулирования таких связей есть, по нашему мнению, все основания. Напротив,

о существовании каких-либо длительных исторических сношений осетин с чанами (лазами), которые могли бы оставить след в языке, повидимому говорить не приходится. Называя нашу тему «мегрелизмы (а не «занизмы») в осетинском», мы этим хотели подчеркнуть, что трактуем наш материал не с отвлеченно-лингвистической, а с конкретно-исторической точки зрения, с точки зрения реального исторического соседства и культурных связей двух кавказских народов: мегрелов и осетин.

Перейдем теперь к нашим лексическим параллелям.

1. Мы начнем с марровского разъяснения осетинского слова *дор*, *dur*, 'камень'. Груз. *t'ali* 'кремень' позволяет восстановить мегрельское **t'ori*. Это последнее как нельзя лучше объясняет осетинское *дор*. Озвончение *t' → d* закономерно: сван. *p'il* → ос. *bil* и т. п. (см. выше). Чеч. *t'alg* 'камень', по своему происхождению связано, вероятно, с картвельскими *t'ali*, *t'ori*. Но осетинское слово лучше согласуется с мегрельской, чем с грузинской или чеченской формами.

2. Груз. *c'am* 'волос' (в *sa-c'm-isi* 'власяница', *c'amc'ami* 'ресница') — мегр. *č'obi* (Броссе) — ос. диг. *c'op* 'шерсть'. В иронском диалекте осетинского языка это же слово (в форме *c'up*) значит 'вершина', что в палеонтологическом плане может быть сближено со значением «волось», «шерсть».

3. Груз. *saxli* 'горячий', *secxli* (из *se-cxl-i*) 'огонь' — мегр. **čxari* — ос. *saxær* 'огонь', 'горящие уголья', 'искры'. В грузинском существует компромиссная грузино-занская форма *sxari* 'жгучий'. Но осетинское *saxær* предполагает значение «огонь», которое, как мы думаем, принадлежало несохранившемуся занскому **čxari*. Современное мегрельское *čxe* 'горячий' своей огласовкой выдает свое грузинское происхождение.

4. Груз. *p'iri* 'рот', 'лицо' — мегр. *p'iži*, **pinži* — ос. *finzæ*, *fynz* 'нос', ср. абх. *a-rənc'a* 'нос', арм. *p'inč*, *p'inž* 'ноздры', груз. *p'inčvi* id. В осетинский язык слово могло попасть через абхазское посредство. В пользу этого говорит и тождество значений. Но и осетинское, и абхазское, и армянское слово, и грузинское *pinčvi*, если их соотнести к грузинскому *p'iri*, должны рассматриваться как «занизмы».

Если так, то картвельское *p'ir-* отложилось в осетинском дважды: в виде *bilæ* 'губа' (вероятно из сванского *p'il*) и в виде *finzæ* 'нос' (← абх. *rənc'a* ← зан. **p'inži*). В современном мегрельском засвидетельствована только форма *p'iži*, но и форма *p'inži* вполне закономерна и могла существовать в прошлом.

5. Груз. *čaxiri* 'палочка' — мегр. **čaxinži* (ср. абх. *a-čxənž* 'палка, всаженная в землю, для подвешивания котла') — ос. *səginzæ* 'столб' (→ балк. *čiginži*). Для осетинского непосредственным источником мог быть здесь, как и в предыдущем примере, абхазский. В осетинском имеем полногласие, так же как в *saxær* и в других случаях (см. выше). Для перехода картв. *x* → ос. *g* мы также приводили примеры выше. Движение значения «палка» — «столб» обычно; ср. русск. *палка* — нем. *Pfahl*.

6. Груз. *c'noŕi* 'краснотал' (Чубинов), 'полевая ива' (Саба Орбелиани) — мегр. **c'inodi*, **c'anodi* — ос. *c'aenodæ* 'осока'. Относительно груз. *c'noŕi* Саба поясняет, что эта разновидность ивы любит долины и берега рек. Отсюда понятен переход значения «ива» → «осока».

7. Мегр. *ža* 'жердь', чан. *nža*, мн. ч. *nžal-epe*, груз. *zeli* — ос. *aenzalæ*, *aenzalm* id.

8. Груз. *šveli* 'серна', мегр. *sk'veri*, *sk'eri* (Броссе) — ос. *sk'e*; характерно, что осетинский сохранил чистый корень, без суффикса-детерминанта *-ri*.

9. Груз. *c'veri* 'кончик', 'вершина', мегр. **c'vanži*, **c'vandi* — ос. *caend* 'куча камней'. Развитие значения: «вершина» — «холм» — «куча с заостренной верхушкой». О выпадении *v* после согласного в осетинском см. выше.

10. Мегр. *k'vela* 'скамья' (чан. *k'ula*) — ос.-диг. *k'ela* id. Выпадение *v* закономерно, как в *sk'e*, *caend* и др. (см. выше). Это слово встречается и в сванском, в форме *k'vil*. Однако ос. *k'ela* по огласовке примыкает к мегрельскому и может быть объяснено только как непосредственно усвоенное из последнего.

11. Мегр. *c'ir-*, *c'irua* 'цедить', 'выжимать' — ос. *c'ir-*/*c'er-* (*c'iryŋ* | *c'erun*) 'сосать'. В грузинском это слово звучит *c'urva* и стало быть не может, по своей огласовке, быть источником осетинского *c'ir-*. Только мегрельская форма согласуется полностью с осетинской.

Из одиннадцати выявленных нами мегрелизмов в осетинском шесть имеют реальные, документированные соответствия в опубликованных материалах мегрельского языка (*c'op*, *aenzalæ*, *sk'e*, *k'ela*, *caend*, *c'ir-*). Мегрельское (занское) происхождение остальных пяти устанавливается путем реконструкции закономерных мегрельских форм, хотя и не засвидетельствованных в литературе, но предполагать которые нам дает полное право сравнительная грамматика картвельских языков (*dor*, *caexæŕ*, *fiŋzæ*, *caeginzæ*, *c'aenodæ*). Самый факт наличия этих слов в осетинском служит свидетельством того, что они должны были существовать в занском, так как найти для них иное объяснение не представляется возможным. Осетинский язык (как в еще большей степени абхазский и сванский) может, таким образом, сослужить службу для исторической лексикологии картвельских языков, специально — мегрельского языка.

Мы подчеркнули выше, что языковые факты интересуют нас не сами по себе, а главным образом как источник для культурно-исторических выводов.

Рассмотренные осетинские слова мы не можем трактовать в аспекте универсального распространения «шипящего слоя» в языках Евразии. Такая трактовка отрывает конкретные, географически и этнически характеризованные языковые явления от всякой реальной исторической почвы и растворяет все в непроницаемом хаосе до-истории.

Наличие в осетинском хорошо маркированных занских элементов может, по нашему мнению, свидетельствовать только об одном: о древних связях осетин-алан с Колхидой и населявшими ее предками современных мегрелов. Иным образом нельзя объяснить осетинского *k'ela* (при мегрельском *k'vela*), ос. *sk'e* (при мегр. *sk'eri*), ос. *c'ir-* (при мегр. *c'ir-*) и др. Только в отношении *finzæ* 'нос' и *sæginzæ* встает вопрос о возможности абхазского посредства. Сванское посредство, как мы могли лично проверить, будучи в Сванетии, не может быть, повидимому, принято во внимание ни для одного из разобранных слов.

В настоящее время осетины и мегрелы отделены друг от друга большими пространствами. Но не всегда было так. Уже Н. Я. Марр подчеркивал: «Было бы большим недоразумением предполагать, что нынешними соседствами вполне исчерпывается тот круг яфетических народов, который окаймлял осетин и в древности и находился в непосредственном с ними общении... И отдаленные ныне от осетин народы могли быть и действительно были в непосредственном соседстве и прямом общении с осетинами». И Н. Я. Марр указывал конкретно на мегрелов. «Чуткость требуется не только к добру непосредственно соседящих племен, но и к достоянию отрезанных ныне от непосредственного общения с осетинами народов, в данном случае мегрелов и чанов, коренного населения во многих отношениях интересной и столь же многократно забываемой архаичной Колхиды».¹

Слова Н. Я. Марра блестяще подтвердились новейшими археологическими исследованиями. Выяснилось, что знаменитая Кубанская бронзовая культура на территории Осетии составляет одно целое с аналогичной культурой древней Колхиды и что, стало быть, осетины вместе со сванами, мегрелами и абхазами являются наследниками и продолжателями единой когда-то «кубанско-колхидской» культурной общности.²

Эта общность не полностью была разорвана и в позднейшие времена, и, в частности, контакт между осетинами и мегрелами мог иметь место продолжительное время, поскольку есть данные, что осетины жили в прошлом западнее, а мегрелы восточнее и севернее нынешних мест расселения.

О прошлом расселении осетин-алан мы уже говорили.³

Что касается мегрелов, то у И. Кипшидзе в предисловии к его «Грамматике мингрельского языка» читаем: «Что мингрельцы в древности занимали гораздо больше пространства, чем в настоящее время, это видно из географической номенклатуры местностей вне пределов нынешней Мингрелии». Приведя в доказательство ряд названий местностей Гурии и Имеретии, автор продолжает: «Помимо географических названий иверизмы встречаются в народной лексике, притом в такой отдаленной от нынешней

¹ Ossetica-Japhetica, Изв. Акад. Наук, 1918, стр. 2077, 2078, 2100.

² А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, ИГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 116—139.

³ См. выше статьи: «Поездка к верховьям Кубани, Баксана и Черёка», «Поездка в Сванетию», «Поездка в Абхазию».

Мингрелии провинции, как Рача не говоря уже об Имерии». Вспомним что Рача — ближайший сосед современной Осетии.

И. А. Джавахишвили в своей «Истории грузинского народа» (I, 1913, стр. 56 сл.) также считает несомненным распространение в прошлом мегрельского элемента в нынешней Имерии.

Мегрельское население было распространено не только на восток, но и на север от нынешней Мегрелии. По любезному осведомлению С. Н. Джанашиа, мегрельский элемент был распространен в прошлом по Кодорскому ущелью нынешней Абхазии — факт особой важности, если иметь в виду многовековое соседство осетин-алан с Абхазией.

В этой связи уместно также вспомнить свидетельство Иосафата Барбаро (XV в.): «За Кремухом обитают разные народы в недалеком расстоянии друг от друга как-то: Киппики, Титаковцы, Собойцы, Кевертийцы, Ас или Аланы, земли коих простираются на 12 дней пути, вплоть до самой Мингрелии» (Путешествие в Тану).

Таким образом прошлое соседство осетин с мегрелами ставится на вполне реальную географическую и историческую почву.

Не случайно, что мегрелы сохранили старое название осетин *alani* в значении «герой», «молодец», а также присвоили популярной спортивной игре название «аланской» (*alanuroba*).¹

Осетинские слова, которые мы рассматриваем как мегрелизмы, своим характером, значением и употреблением говорят об интимности и глубине связей, существовавших между двумя народами. Речь идет не о каких-нибудь второстепенных и малоупотребительных словах, а о самых насущных, обиходных понятиях: огонь, камень, жердь, столб, скамья, шерсть, серна, нос. К некоторым из этих слов трудно применимо даже наименование «заимствования». Мысль возвращается настойчиво к другому лингвистическому и культурно-историческому понятию: «субстрат». Такие слова как *dor* 'камень', *saxæc* 'огонь', *c'op* 'шерсть', *finzæ* 'нос' вряд ли могли попасть в осетинский как внешнее заимствование. Эти «мегрелизмы» настолько органично и глубоко входят в осетинский язык, без них так трудно мыслить язык как систему понятий, что их вернее будет отнести к тому кавказскому этно-языковому субстрату, на базе которого происходило формирование осетинского языка и народа.

Это, разумеется, не препятствует тому, чтобы трактовать их, по их фонетическим характеристикам, как «мегрелизмы».

В свете изложенных соображений решается и вопрос о датировке осетино-мегрельских языковых связей. Они могут восходить к глубокой древности, к тем отдаленным временам, когда произошло первое общение иранцев, предков осетин, с кавказскими племенами. Нельзя однако утверждать, что все рассмотренные слова были усвоены в осетинский одновременно. Такое слово, как *k'ela* 'скамья' (мегр. *k'vela*), могло попасть

¹ См. И. К и п ш и д з е, цит. соч., стр. 193.

в осетинский и в более позднюю эпоху уже как заимствование в подлинном значении этого слова, т. е. как результат внешнего контакта.

Во всяком случае ни одно из рассмотренных слов не могло попасть в осетинский позже XIV века, т. е. позже того времени, когда осетины были расселены еще до верховьев Кубани и могли непосредственно общаться с мегрелами, абхазами и сванами.

ДРЕВНЕЕВРЕЙСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ОСЕТИНСКОМ

В осетинском имеется два несомненных древнееврейских слова.

1. Ос. (дигорский диалект) *kosart*, (иронский диалект) *kusart* означает «заколотое для трапезы животное». *kosart kænun* | *kusart kænyn* 'закалывать животное для трапезы с соблюдением необходимых церемоний', *kosærttag* | *kusærttag* 'животное, предназначенное для закалывания'.

Слово восходит очевидно к древнееврейскому *kāšēr*, в традиционном произношении *kōšēr* 'ритуально дозволенная пища'. Нарращение на конце *t* могло произойти на осетинской почве, ср. такое же наращение в словах *myst* 'мышь', *cæst* 'глаз' и др. Если допустить, что слово попало в осетинский (аланский) из хазарского языка (см. ниже), то в *t* можно предполагать также какой-то хазарский формант.

2. Ос. (диг. диалект) *kæzos* 'чистый', 'святой'. В иронском диалекте не употребительно; там в этом значении бытует слово *syğdæg*. В дигорском *syğdæg* также встречается, но обычное слово для понятия «чистый» — *kæzos*. Сопоставляется с древнееврейским *qādōš* 'святой', 'священный'.

Наличие древнееврейских слов в осетинском представляет значительный исторический интерес. Никакого контакта с древнееврейским языком у осетин в новое время не могло быть. Зато в аланскую эпоху такой контакт несомненно имел место. Еврейская диаспора засвидетельствована в северном Причерноморье с глубокой древности. В Боспорском царстве евреи были заметным элементом.¹ Уже в эту эпоху могли скифо-сарматские племена приходить с ними в соприкосновение. Несравненно должно было возрасти еврейское влияние, когда иудейство стало официальной религией в могущественной хазарской державе (VII—X вв. н. э.). Мы имеем прямое свидетельство, что в эту эпоху имело место обращение в иудейство не только хазар, но, частично, и алан. В письме хазарского еврея X в. читаем: «... Царь алан был подмогою (для хазар, так как) часть их (тоже) соблюдала иудейский закон»².

Впрочем вышеприведенные слова могли попасть в аланский независимо от иудейской пропаганды, от хазар. Оба слова по своему употреблению относятся к области культа и ритуала («ритуально дозволенная пища» и «священный, чистый»). Хотя хазары были, повидимому, сами тюркским народом, но приняв иудейство, они должны были усвоить религиозно-

¹ Schürer, Die Juden in Bosporanischem Reiche. Sitzbr. Preuss. Akad., 1897, стр. 211 сл.

² См. П. К. Коковцов. Еврейско-хазарская переписка в X веке, 1932, стр. 117.

ритуальную еврейскую терминологию, как христианские народы усвоили греческую и латинскую, а мусульманские — арабскую. Войдя в хазарский язык вместе с иудейским культом, слова *košer* и *kadoš* могли затем быть восприняты аланами, находившимися в оживленных сношениях с хазарами.

Если так, то может быть за счет особенностей хазарского языка следует относить и наращение *-t* в осетинском *kosart*.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛОВА ХУМАТÆГИ 'ПРОСТОЙ'

Осетинское слово *xumætegi* (дигор. диалект), *xumætežy* (иронский диалект) 'простой' представляет по форме родительный падеж от *xumæteg* и значит, стало быть, «хуматаговский». Но что же такое это *xumæteg*? На этот вопрос не так легко ответить, так как самостоятельно это слово в народной речи не употребляется.

Правда, в современном литературном языке мы встречаем *xumæteg* (вместо *xumætežy*) в значении «простой» (отсюда попало и в словарь Вс. Миллера). Но это — употребление искусственное, не народное. В значении «простой» в народе употребляется только форма род. падежа *xumætegi* | *xumætežy*, напр. «*xumætežy qaztaw nyn lasy næ id*» «он мучает нас, как простых гусей» (Коста Хетагуров). Именительный же падеж *xumæteg* известен нам только в выражении *xumæteg næu!* «он не хуматаг!» по смыслу близком к русскому «вишь какой!» Так говорят о том, слова или поступки которого по своим претензиям являются неожиданными, превышая его возможности и силы. Естественно было думать, что в этом выражении *xumæteg* означает «простой, рядовой человек», и «*xumæteg næu!*» заключает ироническую оценку: «вишь какой! он не простой человек! он не считает себя простым человеком!».

Такое значение, если оно верно, ведет нас в сторону социальных понятий, и наше внимание обратилось к древнерусскому слову *кмет* (*кзметь*, *кметь*), польскому *kmieś* 'крестьянин', 'поселянин', затем «(простой) воин», «ратник», «ополченец». Считают, что оно восходит к латинскому (*comes*), *comitis* 'товарищ'.¹ Слово это в значении «воин» встречается еще в «Слове о полку Игореве». Исходная форма *kumet* представляет идеальный этимон для осетинского *xumæteg*. Перебой *k* → *x* относится к числу нередких в истории осетинских слов. Ср. ос. *xawun* 'падать' из *kap-*, *xæf* 'гнилой' из *kafa*, *xæfs* 'лягушка' из *kasyara*, *xæssyn* 'нести' из *karš-* и др. Конечный *-æg* представляет обычный и излюбленный формант, нарощенный на множество не только иранских, но и не-иранских слов, если последние усвоены в осетинский в древнюю эпоху. По форме русское *кмет* относится к ос. *xumæteg*, как русское *хмель* к ос. *xumællæg* 'хмель'.

Мы должны предположить, что слово *кмет* было усвоено из древнерусского в аланский (осетинский) язык в значении «поселянин», «простой (не знатный) воин» и получило здесь форму *xumæteg*. Родительный падеж

¹ Б р ю к н е р. Этимологический словарь польского языка, s. v.

от него *ximætagi* 'хуматаговский', т. е. «крестьянский» стал означать вообще «простой» в применении уже не только к людям, но и к животным, вещам и пр. Ср. груз. *glaxa* 'плохой', 'жалкий', связано с *glexi* 'крестьянин'.

Потребность в таком термине возникла, очевидно, в связи с социальной дифференциацией среди алан, когда выделившаяся военная знать, «алдары», стала противопоставляться рядовым воинам, крестьянским ополченцам. Заключительная фаза эпохи военной демократии и начало феодализма — вот период, когда это могло произойти.

К этому именно периоду мы относим усвоение из древнерусского в аланский (ясский) термина *кмет* → *ximætag*.

АЛАНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ ТЕРМИНЫ В КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКАХ

В эпоху преобладания алан на Северном Кавказе (I—XIII вв н. э. они оказали значительное культурное влияние на соседние кавказские народы. Свидетельством этого влияния служат культурные термины, усвоенные из аланского в кавказские языки. Таковы названия стекла, арбы, косы, моста, пива, меда (напитка).

1. Осетинское название стекла *avg* восходит к др. иранскому **ārka* или *āraka* от *ār-* 'вода'; по своей прозрачности стекло напоминало воду и отсюда получило свое название. Наличие оригинального иранского слова для «стекла» говорит о древности этого предмета у осетин. Археологические данные полностью подтверждают такое предположение. Изделия из стекла — стеклянные сосуды, вставные украшения из цветного стекла и пр. — составляют один из характерных признаков сарматской культуры. Они встречаются в сарматских погребениях с первых веков нашей эры.¹

Неудивительно поэтому, что осетинское (аланское) название стекла мы находим у двух, ныне столь удаленных друг от друга народов, как кабардинцы и венгры. Оба они соседнили с осетинами (первые остаются их соседями по сей день) и, познакомившись от них со стеклом и стеклянными изделиями, усвоили также его название. Кабардинское (а также адыгейско-черкесское) *abǰ* 'стекло' неотделимо от ос. *avg*, так же как венгерское *üveg*.

Отметим попутно, что и в других кавказских языках название стекла не является, как правило, оригинальным. В большинстве находим персидское *šīša*.

2. Осетинское название арбы *wærdon* восходит к древнеиранскому *vartana*, ср. авест. *vāša-* (←*varta-*) 'колесница', согд. **vartan* id. В течение ряда столетий аланы были степняками и кочевниками, и повозки были неотъемлемой принадлежностью их подвижного быта. Достаточно вспомнить сообщение Аммиана Марцеллина: «Аланы кочуют на огромном пространстве... У них нет жилищ, они живут в повозках, покрытых кусками древесной коры. Это — их постоянное жилище, и, куда бы они ни пришли, они свою повозку считают своей родиной».²

Иное положение было в высокогорных районах Кавказа. До недавнего времени там вообще не существовало колесных дорог и, стало быть,

¹ См., например, М. И. Ростовцев. Эллинизмо и иранство на юге России, 1918, стр. 137.

² Ammianus Marcellinus, 31, 2.

применение арбы было практически невозможно. В некоторых районах Сванетии, как мы сами могли убедиться, до сих пор не употребляют арбы или иного колесного средства передвижения. Естественно поэтому, что те из горских народов, которые находились в общении с аланами, именно от последних могли познакомиться впервые с арбой и ее применением и усвоили ее название. Это были чеченцы и ингуши на восточных пределах аланского мира и абхазы на западных. Чечено-ингушское *vorda* (из более старого **vardan*) 'арба' и абхазское *a-wardán* 'арба' отражают очевидно аланское **vardan*.

3. Коса (орудие) зовется по-осетински *sævæg*. Это слово представляет форму причастия настоящего времени от глагола *sævyn* 'бить', 'ударять' и означает «бьющее или секущее орудие». Ср. по образованию шорское *šalgə* 'коса', букв. «бьющее (орудие)» от *šal-* 'бить', 'ударять'.

Такая морфологическая прозрачность слова *sævæg* не оставляет сомнения, что оно является оригинальным осетинским словом. Из осетинского (аланского) оно воспринято во все западногорские языки: кабард. *šämäg*, зап. черкесское *čämäg*, абазин. *čbæg*, абхаз. *a-čbəga*. Вероятно отсюда же идут чувашское *sävä* 'коса' и марийское *saba* 'коса'.¹ Познакомились ли эти народы с косой впервые от алан, или последние пришли с каким-то усовершенствованным типом этого орудия — сказать трудно. Все, что мы знаем о хозяйственном быте алан, говорит в пользу того, что сенокосение и связанная с ним техника должны были им быть известны с древнейших времен. Скотоводство, в частности коневодство, было их главным занятием с того момента, как они появились на исторической арене. В условиях довольно суровой северокавказской и южнорусской зимы сохранить скот и особенно коней, не запасаясь кормом, крайне трудно. Аланы несомненно должны были делать значительные заготовки сена на зиму. А если вспомнить, что они были и отличными кузнецами, то легко допустить, что в технике изготовления кос и сенокосения они могли научить кое-чему своих соседей.

4. Осетинское название моста *xid* | *xed* восходит к древнеиранскому *haitu* (ср. авест. *haetu-*, др. инд. *setu-* 'мост'). Грузинское *xidi*, равно как венгерское *hid* 'мост', усвоены из аланского.

5. В современном осетинском языке пиво зовется *bagæny*. Но, как теперь установлено, более древним его названием было *æluton*. В этом слове конечное *-on* является суффиксом. Основа *ælut* сопоставляется с северноевропейскими названиями пива: древнегерм. *alut*, фин. *olut*, др. русск. *олъ* и пр. Древность этого слова на осетинской почве свидетельствуется скифским собственным именем Ἄλωδαγος. Столь же древней была, надо полагать, культура пива у предков осетин.

¹ Наличное в некоторых тюркских языках *sakpa* 'коса' или случайно созвучно, или тоже усвоено из аланского.

Грузинские племена, у которых господствовал другой алкогольный напиток, вино, познакомились с пивом у алан и восприняли его название: рачинское *aludi*, грузин. литерат. *ludi* 'пиво'.¹

6. Любимым напитком героев осетинского эпоса, Нартов, был хмельный *rong*. Он изготовлялся из меда, который подвергался продолжительному брожению, в результате чего приобретал сильные алкогольные свойства. У современных осетин он вышел из употребления. Но в те времена, когда он процветал у предков осетин, алан, его, вместе с названием, усвоили некоторые южные соседи осетин: рачинцы, сваны, мегрелы; рачин. *rangi*, сван. *rang*, мегр. *rangi* 'медовый напиток'.

Осетинское *rong* восходит к древнеиранскому *frāna-ka*; ср. др. инд. *prāna* 'дух'. Развитие значения такое же, как в латинском *spiritus* 'дух' → 'спирт' или в немецком *geistig* 'духовный' → 'спиртной'.²

7. Широкое распространение получил среди кавказских народов один важный аланский термин социального порядка. Мы имеем в виду *fysym* | *fusum* 'хозяин (по отношению к гостю)'. Слово возводится к древнеиранскому *fšūmant* 'хозяин скота', 'скотовладелец'. Если в оседлом быту гостя принимает хозяин дома, то в кочевом быту способность оказать гостеприимство связывается не с владением домом, а с владением скотом, тем более, что мясо скота как раз и служит главным предметом угощения. Поэтому развитие значения: «хозяин скота» → «хозяин принимающий гостя» было, в условиях старого аланского быта, вполне естественным. Слово усвоено из аланского в следующие языки: чеченский (*husam*), ингушский (*fusəm*), кабардинский (*bəsəm*), абазинский (*pšwma*), абхазский (*á-pš.ma*).

Разумеется, перечисленными словами не исчерпывается аланский вклад в кавказские языки.³ Но мы остановились на этих словах, так как они представляют особый интерес как с точки зрения культуры аланского народа, так и культурных отношений алан с кавказскими народами.

¹ Подробнее см. ниже, в статье «Значение и происхождение слова *aluton*».

² Подробнее см. ниже, в статье «Значение и происхождение слова *rong*».

³ См. выше, стр. 271—322.

ЗНАЧЕНИЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛОВА *DELUTON*

Бывает так, что история одного единственного слова приоткрывает завесу, скрывающую далекое прошлое народа, пути его передвижений, его встречи с другими народами. Таким именно словом является осетинское слово *deluton*, *ilaton*. Оно было мне знакомо с детства, но когда я впервые над ним задумался, все в нем оказалось загадочным и требующим объяснения.

Много лет назад, когда я был малышом и семья наша жила в ауле, к нам нередко забегали соседи попросить муки или соли. Моя мать щедро отсыпала просимое, не стесняясь количеством. «Хватит!» останавливала ее соседка. Но мать говорила, улыбаясь: «Бери, бери! Ведь это не *алутон*». И я заключал отсюда, что *алутон* — это нечто редкое и дорогое, что можно давать только в малых количествах. Но что именно? На этот вопрос никто не мог дать мне точного и уверенного ответа. Никто из опрошенных лиц не видел *алутон* своими глазами, но многие высказывали догадку, что это — чудесная пища «золотого века», которая утоляла голод навсегда.¹

Не более как домыслом было также слышанное мною объяснение, что *алутон* — какое-то редкое растение, обладающее чудодейственными целительными свойствами.

Позднее, работая над историей осетинской лексики, я вновь оказался лицом к лицу с нашим загадочным словом. Хотелось выяснить его происхождение. Но как? Где искать его этимологию?

Слово имеет две стороны, звуковую и смысловую. Обе эти стороны должны быть установлены с максимальной точностью и определенностью, для того чтобы можно было отважиться на этимологическое объяснение. Если есть какая-либо неясность хотя бы в одной стороне, звуковой или семантической, то всякие этимологические домыслы и догадки мало чем отличаются от гадания на кофейной гуще.

В данном случае смысловая сторона была окутана густым туманом.²

¹ Это значение проникло и в Осетино-русско-немецкий словарь В.с. Миллера.

² Уже 150 лет назад *алутон* был достоянием легенд, как это видно из следующего рассказа Ю. Клапрота: «В Они мне рассказали, что в Двалети (Южной Осетии, — В. А.) некоторое время назад нашли в земле большой глиняный сосуд, похожий на те, которые употребляют в Грузии для хранения вина; сосуд содержал массу, похожую на деготь; если ее сильно вдыхали или брали небольшие порции в рот, то наступал крепкий и длительный сон. На том месте, где лежит сосуд, не росло, как говорили, никакой травы, а зимой здесь не залеживался снег. Двалы

Нужно было первым делом рассеять этот туман и уже тогда ставить вопрос о происхождении слова.

И я обратился к фольклору. Здесь, в этом хранилище народной памяти, сохраняется, как я знал по опыту, много такого, что давно исчезло из обиходной жизни. И я не ошибся.

В «Памятниках народного творчества осетин» II, содержащих дигорские тексты, на стр. 127 в сказании о «Сари Асланбеге и Великом Есене», повествуется о том, как Есен, принимая посланцев кабардинского князя, выносит им чашу, полную илатона. В «Песне о Нарте Ацамазе» (Из осетинского эпоса, 1939, стр. 62), в описании свадебного пиршества упоминается «пиво сваренное, как алутон» или «по-алутоновски» (*æluton-funx bædæni*). Первое из цитированных мест не оставляет сомнения, что *алутон* | *илатон* — какой-то напиток. Второе позволяет уточнить, какой именно: речь идет о пиве, сваренном каким-то особым образом. В поездку 1931 г. в горную Дигорию мне удалось получить подтверждение последнего значения. Один старик-дигорец сообщил, что в пору его молодости приготовление *алутона* было распространено в Дигории; это было пиво, в котором вываривались бараньи курдюки или целые бараньи туши. Теперь стали понятны и знакомые мне ранее представления о чудесных насыщающих свойствах *алутона*: пиво как хлебный сок, само уже имеет способность утолять не только жажду, но и голод; будучи же до отказа пропитано бараньим жиром, оно несомненно могло насыщать... конечно не «навсегда», но надолго.

Оставалось однако непонятным, почему представление об алутоне связывалось с чем-то драгоценным, доступным только в малых количествах: пиво в Осетии было с давних пор очень распространенным напитком и варилось и употреблялось в огромных количествах. Эту последнюю загадку удалось раскрыть позднее.

Пока же я ухватился за значение «пиво», как за единственное конкретное и хорошо документированное значение, которое могло послужить путеводной нитью в этимологических поисках. Исходить приходилось из формы **alut*, так как конечное *-on* представляет распространеннейший осетинский суффикс.

Итак, где, в каком языке есть следы слова *alut* в значении «пиво». Поиски были непродолжительны. Древнерусский *олъ*, *олуй* 'пиво' и английский *эль* (*a'el*) блеснули, как первый луч во мраке. Староанглийская форма *alu* выявляет в косвенных падежах основу *alud*. Древнегерманская форма восстанавливается в виде *alut*.¹ К германскому *alut* примыкают, как само-

называют это вещество лутон. Я очень сожалею, что не смог остаться дольше в этой местности, чтобы проверить истину этих рассказов и исследовать сущность вещества, похожего на опиум» (J. Klaproth. Reise in den Kaukasus und nach Georgien, II, 1814, стр. 384).

¹ O. Schrader. Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde, под словом «Bier».

стоятельные индо-европейские формы, литовское *alūs*, старославянское *олъ* 'пиво'.¹ Финское *olut* 'пиво' считается заимствованным из германского.

Предполагают, что в этих словах наличен индо-европейский корень *al* в значении «горький», который мы встречаем также в названии квасцов: лат. *alumen*, нем. *Alaun* и пр. Развитие значения такое же, как в *квас* → *квасцы*.² Так это или не так, — для нас в данном случае неважно. Оставляя в стороне «квасцы» и твердо держась значения «пиво», мы констатируем, что в этом значении слово имеет точно ограниченный ареал распространения: германские, балтийские, славянские, западно-финские языки, т. е. Северная Европа. Исходной формой, к которой возводятся все известные нам разновидности, является **alud*.³

Спрашивается, в каких отношениях к североевропейским названиям пива стоит осетинское *æluton*, старосетинское **alut*? Можно ли его рассматривать как самостоятельное и закономерное иранское соответствие, восходящее вместе с ними к общему индо-европейскому прототипу?

На этот вопрос придется ответить отрицательно. Одной из отличительных особенностей иранских языков является, как известно, ротацизм, и если бы в старосетинском мы имели исконно иранский эквивалент древнегерманского **alut*, балтийско-славянского **alud*, он звучал бы не **alut*, а **arud*, а в современном осетинском мы имели бы не *æluton*, а **ærudon*. Остается предполагать, что осетинское слово представляет старое заимствование из германского, балтийско-славянского или финского. Однако, где и когда маленький кавказский народ, осетины, мог соседить с народами северной Европы? Если мы вспомним, что осетины являются потомками средневекового народа алан, а аланы в свою очередь были одним из скифо-сарматских племен, соседивших и с германцами, и с древними славянами, и с финнами, тогда осетинское *æluton* 'пиво' не только оказывается вполне на своем месте, но и приобретает значение ценного исторического документа — неопровержимого свидетельства культурных сношений предков осетин с народами Сев. Европы.

Какому из этих народов осетинский обязан словом *æluton*? По звуковому облику предполагаемая древне-осетинская форма *alut* стоит всего ближе в древнегерманской. Они, можно сказать, идентичны. В особенности приходится считаться с конечным *t*. Звонкие согласные в исходе не оглушаются в осетинском, и если бы в дающем языке было *alud*, в осетинском удержался бы звонкий *d*. Не исключена, вообще говоря, и возможность заимствования в древне-осетинский из финского: осетино-финские лексикальные встречи давно отмечены и опираются на исторические связи

¹ По любезному осведомлению Е. М. Иссерлин встречается еще в памятниках XVI в. «... от меду и вина и олуя, иже есть пиво» (Книга степенная царского родословия 1560 г. ПРСЛ, т. XXI, стр. 102).

² O. Schgader, *Reallexicon*, loc. cit.

³ Хотя в литовском (*alūs*) и славянском (*олъ*) конечный согласный *d* уже отсутствует, однако ничто не препятствует тому, чтобы и для них считать исходной формой *alud*, а не *alu* (по любезной справке Б. А. Ларина).

иранских и финских племен (см. выше, стр. 33). Однако, когда речь идет об осетинском, приходится брать в расчет главным образом восточно-финские языки. Соседство алан или сарматов с западнофинскими племенами нельзя считать доказанным. Поэтому западнофинское *olut* вряд ли могло быть источником староосетинского **alut*.

Какое же из древнегерманских племен могло передать предкам осетин название пива? Конечно, речь может идти только о готах. По свидетельству Аммиана Марцеллина, Иордана и др., аланы и готы были соседями, когда на них обрушился удар гуннов. Это соседство продолжалось позднее в Крыму.

В какую эпоху могло произойти заимствование? На этот вопрос нелегко ответить. Памятников аланской и скифо-сарматской речи у нас нет, и, стало быть, о филологической датировке мечтать не приходится. Все, что мы можем сделать это заглянуть в скифо-сарматские собственные имена, в большом числе сохранившиеся в греческих надписях северного Причерноморья. Не сохранилось ли в этих именах каких-нибудь следов интересующего нас слова? Если в скифском имени *Σάναχος* можно опознать осетинское *sæn* 'вино', то не могло ли в другом имени закрепиться **alut* 'пиво'?

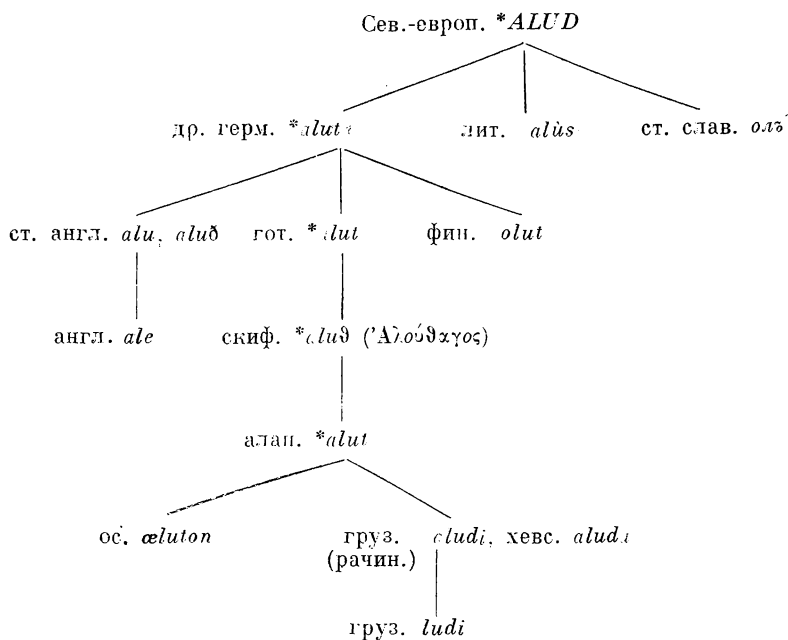
В надписи II в. из Ольвии мы находим имя *Ἀλούθαχος*, содержащее *alut* 'пиво', осложненное как и *Σαν-αχ-ος* распространеннейшим ирано-осетинским суффиксом *-ag*. Такое имя могло означать «пиволюб» или «пиво-вар». Ср. по образованию *æxsæræg* 'белка' (от *æxsær* 'орех') «любительница орехов», или *æxsyræg* название растения, выделяющего молочный сок (от *æxsyr* 'молоко').

Если работа над загадочным словом *œluton* принесла нам в качестве первого сюрприза связь с Сев. Европой, то вторым сюрпризом было обнаружение этого слова в грузинском.

Пиво зовется в грузинском *ludi*. Трудно было допустить, что между грузинским *ludi* 'пиво' и староосетинским (аланским) *alut* 'пиво' нет никакой связи, что созвучие между ними является простой случайностью. Однако отсутствие в грузинском начального *a* несколько смущало. Конечно, гласный мог существовать и отпасть со временем, но как это доказать? Ш. В. Дзидзигури, с которым я поделился своими сомнениями, любезно предоставил мне собранные им и еще неопубликованные материалы по горно-рачинскому говору грузинского языка. И что же? Оказалось, что в этом говоре «пиво» зовется *aludi*! Недостающее звено было найдено. Цепь замкнулась. Усвоив название пива *alut* у германских (или финских) племен, аланы в свою очередь, передали его своим соседям на Кавказе, грузинам. И слово распространилось таким образом «от хладных финских скал до пламенной Колхиды». Аланы оказались в данном случае в роли культурных посредников между Северной Европой и Закавказьем.¹

¹ Хевсурское собственное имя *Aluda* (с начальным *a!*) представляет хороший pendant к скифскому *Ἀλούθαχος* (*Aluda Ketelauri* герой произведения известного грузинского поэта Важа Пшавела).

Подводя итог предыдущему, мы можем распространение слова *alut* 'пиво' и его разновидностей представить на следующей схеме:

В данной схеме мы исходим из предположения, что скифо-аланское *alut* усвоено из готского. Если допустить что оно идет из финского (что кажется нам менее вероятным), то схема примет несколько иной вид.

Следует сказать несколько слов об осетинских вариантах *æluton* и *ilæton*. Обращает на себя внимание, во-первых, наращение суффикса *-on*. В современном языке это весьма продуктивный суффикс, служащий главным образом для образования прилагательных, для обозначения происхождения, принадлежности и пр. Напр. *xæston* 'восинный' от *xæst* 'война', *iron* 'осетин осетинский', от *ir* 'Осетия, осетины', *maxon* 'наш' от *max* 'мы' и т. п.

Однако в ряде старых образований наращение суффикса *-on* не меняет сколько-нибудь заметным образом содержание понятия, так что варианты с суффиксом *-on* и без него оказываются синонимами: напр. ос. проп. *faron* 'в прошлом году', *dyson* 'вчера вечером', *æznon* 'вчера' при дигорских *faræ*, *ædosæ*, *æzinæ* с тем же значением, но без суффикса *-on*. Наращение суффикса *-on* в *æluton*, насколько можно судить, не внесло также ничего нового: «пиво» осталось «пивом».

Форма *æluton* засвидетельствована в обоих диалектах осетинского языка — иронском и дигорском. Строго говоря она является дигорской, которой должно отвечать в иронском **ælyton*, но последняя форма нигде не отмечена.

Форма *ilæton* дигорская, и, если не ошибаемся, встречается только в вышеприведенном фольклорном тексте (Пам. нар. творч. ос., II, стр. 127). Она не вполне закономерна, но все же может быть поддержана параллелиями. Для чередования начальных *æ* и *i* в дигорском ср. *æværun* и *iværun* 'класть' и др. Для чередования внутри слова *æ* и *u* ср. ирон. *fænyk* || диг. *funyk* 'зола', ирон. *mælzug* || диг. *mulzug* 'муравей' и др. То, что на этот раз огласовку *æ* мы находим не в иронском, а в дигорском (*ilæton*), не представляет чего-либо необычного. Можно указать немало случаев такого перелетения диалектальных норм (см. напр. ниже, стр. 367).

Мы до сих пор не получили ответа на вопрос: если *алутон* было пиво и ничего кроме пива, то откуда взялось представление о нем, как о чем-то дорогом и доступном только в малых дозах? Между тем именно это представление оказывается самым распространенным и устойчивым, что удержалось в памяти народа из всего содержания понятия «*алутон*». В то время, как большинство осетин давно забыло, что такое *алутон*, выражение «бери (или давай) побольше, ведь это не *алутон!*» или «почему так мало? ведь это не *алутон*», вы можете услышать повсюду.

В настоящее время удалось установить, что это представление связано с особой ролью, которую играло пиво-алутон в некоторых религиозных церемониях. Эту роль можно сравнить до некоторой степени с христианским «причастием».

По любезному осведомлению преподавателя Северо-осетинского педагогического института О. Н. Туаевой, соответствующий обряд заключался в следующем: «Ко дню праздника „Уацилла“¹ варили пиво. В день праздника наполняли большую чашу этим пивом и оставляли на целый год в „кувандоне“ (святилище). Через год, в тот же день, когда народ приезжал на богомолье, из этого пива давали в небольших дозах больным (в частности эпилептикам). Считалось, что это исцеляет их. Так повторялось из года в год, и напиток назывался „*алутоны баганы*“ т. е. алутоновское пиво. Вместе с пивом оставляли особо приготовленный пирог. Во время праздника „Уацилла“ давали крошечные кусочки каждому богомольцу, предварительно обмакнув их в *алутон*. Богомольцы уносили кусочки домой и делили их между членами семьи. Этот пирог назывался „*алутоны уалбах*“, т. е. алутоновский пирог».

Аналогичный обряд описан у горного грузинского племени хевсур, которые, как и другие грузинские племена, судя по названию пива *ludi*, *aludi*, восприняли культуру пива у осетин (алан).

Вот что рассказывает по этому поводу Г. Тевдордзе в своей книге «Пять лет в Пшаво-Хевсуретии»: «В вечер накануне Нового года все жители селения собираются к *хат'и* (святилищу)... На некоторое время веселье приостанавливается. Жрец окунает крохи хлеба в сосуд с пивом и раздает

¹ У ацилла — божество урожая.

всем прихожанам. Каждый прихожанин прячет кроху за пазуху и уносит домой»¹

Думаем, что приведенными данными полностью разъясняется последняя загадка, связанная со словом и понятием *алутон*. Самые простые и доступные вещи могут приобрести ореол драгоценности и недоступности, если они освящены каким-нибудь религиозным ритуалом. Вино, употребляемое в причастии, ничем не отличается от обыкновенного вина. Оно становится «драгоценным» благодаря сопутствующим религиозным представлениям. Сама малая дозировка становится психологическим моментом, в большой степени способствующим усилению пиетета перед обрядом.

Выражение «почему так мало? ведь это не *алутон!*» означает: «ведь это не причастие!». В аналогичных случаях грузины действительно и говорят: *ziareba xom ar aris* «ведь это не причастие». Эта параллель сама по себе достаточно красноречива. Не только момент «причастия», но и весь процесс приготовления и потребления пива был как бы пронизан сознанием важности и серьезности этого дела и какой-то особой «религиозной» торжественностью. Начать с того, что он чаще приурочивался к определенным праздникам и даже совершался вблизи святилищ, «дзуаров». В этом случае он становился в полном смысле общественным делом, в котором посильно участвовали все, начиная от жрецов и кончая детьми. Особо торжественным у осетин, как и у их соседей хевсур, пшавов, мтиульцев, был обряд «открытия» сосуда с пивом. Вот как описывает этот обряд тбилисский этнограф В. В. Бардавелидзе²: «Сосуд с пивом к'о ди поручается определенному лицу называемому мек'о де. Он должен хорошо знать обычай, касающийся открытия и расходования пива и не допускать никаких нарушений. Когда наступает время открытия, готовятся свечи, одна побольше, три поменьше и призывается жрец — хуцес. На коди кладут особый пирог ка да. Три таза наполняют пивом. Одну свечу уставляют на коди, три — на тазах с пивом. Затем хуцес произносит пространную молитву, состоящую из трех частей. По окончании молитвы жреца, присутствующие также произносят про себя короткую молитвенную формулу. Затем хуцес благословляет пиво и присутствующие также произносят слова благословения и доброго пожелания. После этого хуцес берет один таз с пивом, поднимает его высоко и произносит новую молитву, называемую са ди де бел тай (славословие). Вслед за этим начинается проба пива и угощение».

Мы решили, казалось бы, все недоумения, связанные с интересующим нас словом. Однако это не так. Остается непонятным, почему современные осетины называют пиво не *aluton*, а совершенно другим словом, — *bagəny*.

Здесь следует считаться с двумя возможностями. Во-первых *aluton* могло обозначать не всякое пиво, а только пиво особого сорта. Вспомним, что говорили нам в Дигории о пиве, в котором вываривались бараньи туши.

¹ იმ გ. თეგვანაძე, ხუთი წელი უძვე-სეკსტრუქ.ში, ტფილისი, 1930, სტრ. 39—40. Указанием на эту книгу я обязан любезности К. Д. Дондуа.

² По рукописи, любезно предоставленной автором в мое распоряжение.

Если этот сорт со временем, по тем или иным причинам, перестал приготавливаться, то и название его могло исчезнуть из обихода. Англичане, например, различают эль (*ale*) и обыкновенное пиво (*beer*). Ничего не было бы невероятного, если бы приготовление эля, а с ним и его название были бы забыты и остался бы только *beer*. Против этой гипотезы можно, однако, выдвинуть серьезные возражения. Ничто не указывает, чтобы в пивоваренном искусстве в Осетии наступила какая-либо деградация и чтобы было забыто или утрачено что-либо существенное, относящееся к этому искусству. Трудно поверить поэтому, чтобы старое, не менее двух тысячелетий существующее название пива было вытеснено не очень, повидимому, старым *bagəny*, примыкающим, как кажется, к кабардинскому *beginā* 'кисель'.

Наконец, грузинское *ludi* и другие относящиеся сюда факты не дают никаких данных думать, что аланское *alut* означало какое-нибудь особенное, а не обыкновенное пиво.

Можно дать другое объяснение факту вытеснения слова *aluton* в значении «пиво» другим словом. Это объяснение кажется более правдоподобным. Оно опирается на установленные факты использования пива в религиозно-ритуальных церемониях. Известно, что многие слова и наименования, относящиеся к этой сфере, попадают под действие словесных запретов или табу. Именно под действием такого запрета название напитка, служащего для «причастия», могло быть вытеснено из обихода и заменено другим словом.¹

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что культура пива была известна осетинам от глубокой древности и была на значительной высоте. Можно ли такой вывод подкрепить какими-либо другими данными, историческими, литературными, фольклорными и пр.?

Первый источник, к которому обращаются взоры, это, разумеется, нартовские сказания. Этот замечательный по своей архаичности и своеобразию народноэпический памятник представляет своего рода энциклопедию древнеосетинской жизни. Он уже оказал нам услугу, дав нам возможность установить значение «пиво» для *aluton*. Пиво, как алкогольный напиток, было хорошо известно Нартам, наряду с медом «ронгом». Любопытнее, однако, то, что имеется специальное сказание посвященное происхождению пива. По этому сказанию, впервые сварила пиво знаменитая нартовская героиня Сатана, при содействии своего супруга Урузмага. В сказаниях об Урузмаге и Сатане мы имеем отголосок мифа о первой человеческой паре. Если народная традиция возводит появление пива к мифическим временам, к заре своей жизни — это значит, что мы имеем дело с действительно национальным напитком, культура которого уходит в глубокую старину.

¹ Не под влиянием ли подобных же факторов древний русский *олуй* вытеснен *пивом*?

Есть еще один эпический памятник, где пиву уделено большое место. Это — Калевала. Целая руна посвящена объяснению происхождения и приготовления пива. И там также начало пивоварения возводится ко временам первых героев Калевы.

Следует отметить еще один курьезный факт, который, если я не ошибаюсь, свидетельствует о том, что аланское пивоварение пользовалось известностью у соседей, и самый напиток считался «аланским». На русской почве существует, как известно, особый «тайный» язык, язык офеней или коробейников. Признано, что этот язык уходит корнями в глубокую древность и хранит много всякой старины, которой не сохранилось ни в каких письменных памятниках. И вот в этом офенском языке пиво зовется «*аланя*». Думаю, что это название дано по имени народа *алан* и дано потому, что культура пива процветала у них настолько, что соседи называли напиток по имени народа, как мы говорим «русская» или «английская горькая».

Высокий уровень пивоваренного искусства и широкое употребление напитка в быту, в особенности на праздниках, свадьбах и пр., полностью удержались у осетин и в новое время. Грузинский царевич Вахушт, писатель XVIII в., в своей «Географии Грузии», касаясь Осетии, отмечает, как характерную особенность, распространение в ней пивоварения.¹

Весьма интересные сведения сообщает Ю. Клапрот.

«Осетинское пиво (*bagani*) — лучшее во всем Кавказе, и, если оно хорошо сварено, не уступает английскому портеру. Несколько бутылок этого пива были посланы князю Потемкину в Петербург, и он нашел его таким превосходным, что велел выписать туда осетинских пивоваров. Однако последние не смогли сварить его так же хорошо, как у себя на родине. Они думали, что виною этому — вода, и Потемкин велел доставить воду из Осетии в С.-Петербург. Однако пиво опять оказалось неудачным, и под конец пивовары были отосланы обратно».

«Ведь и хороший портер, добавляет Клапрот, варят только в Лондоне».²

К этому свидетельству, относящемуся к началу XIX в., можно прибавить сведения от середины того же столетия, сообщаемые Гакстгаузенем. По словам того автора осетины варят из ячменя пиво, которое обладает высокими качествами. «Другим кавказским народам, добавляет Гакстгаузен, этот напиток не известен».³

Последнее утверждение вряд ли точно. Еще Ксепсфонт сообщал, что армяне готовят «вино» из ячменя. Однако бесспорно, что в Грузии пивоваренное дело достигло значительной высоты только у тех горных племен, которые соседят непосредственно с осетинами: у хевсур, шшавов, мохевцев, мтиульцев, рачинцев.

Познакомившись с пивом на заре своей истории, в пору соседства с германскими, славянскими и финскими племенами и достигнув высокого совер-

¹ Издание 1941 г. Тбилиси, стр. 111.

² J. Klapproth. Reise in den Kaukasus und nach Georgien II, 1814, стр. 593.

³ Закавказский край, 1857, ч. II, стр. 115 сл.

шенства в пивоваренном деле, аланы впоследствии, на Кавказе, способствовали распространению этой культуры.

Распространение культуры пива и название напитка с севера на юг не является случайностью. Пиво — напиток по преимуществу северный. Северноевропейским народам, германцам, славянам, финнам он знаком, можно сказать, с младенческой поры их истории. Если мы представим на карте территорию распространения пива в древности, то окажется, что на севере это сплошная широкая полоса, захватывающая всю северную, отчасти среднюю Европу. На юге же это — отдельные островки: Египет, Армения и некоторые другие.

Со временем культура пива продвигалась от северных к южным народам. Исследование значения и происхождения осетинского слова *celuton* привело нас к выводу, что это продвижение шло в Восточной Европе, между прочим, *via Alanica*.

ЗНАЧЕНИЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛОВА RONG

Осетинский *rong* долгое время казался мне чем-то подобным греческому нектару, т. е. мифическим, никогда реально не существовавшим напитком богов и героев. Другого вывода и нельзя было сделать, оставаясь в рамках осетинских источников.

Основной источник — нартовский героический эпос. В нем ронг фигурирует весьма часто как излюбленный напиток Нартов. О Нартах же говорится, что они были «сотрапезниками богов» (*Nartæ æædtimæ æmæærd, æmnozæ wydysty*). И действительно, мы не раз видим Нартов и небожителей бражничающими совместно. Стало быть можно думать, что ронг был напитком и Нартов, и бессмертных небожителей.

В разное время, в разных ущельях Осетии мы спрашивали у старых людей: что такое ронг? пили ли они его когда-нибудь? Ответ был почти всегда один и тот же: ронг — напиток Нартов; с гибелью Нартов он исчез, как и многое другое чудесное и прекрасное, что было во времена Нартов; ни один из существующих напитков не может итти ни в какое сравнение с ронгом.

Нам часто приходилось слышать, как осетин, желая воздать высшую хвалу какому-нибудь напитку, пиву, вину или араке, говорит: он подобен ронгу (*ronžy æwyzææ u*).

Из нартовских текстов, в которых упоминается ронг, можно вывести заключение, что напиток этот был не только весьма приятный, но и очень крепкий и хмельный. Ни от чего так не пьянели Нарты, как от ронга. В одном рассказе гостящий у Нартов сын Хиза обращается к Сослану: «Самым крепким из ваших напитков наполните мне турий рог!» И тот приносит ему ронг (*Xyzy fyræ Soslanmæ zury: — Wæ nwæstæj karzæærd æi u, umæj ma tyn iu, zæbydyry syk'a ærbææssut! — Æmæ jyn u j rong bææstæ*).¹

В нартовских сагах можно найти также кое-какие указания, касающиеся приготовления ронга и наводящие на мысль, что этот, ныне забытый в Осетии напиток действительно существовал.

В рассказе о том, как Урузмаг женился на своей сестре Сатане, Урузмаг, отправляясь в поездку, поручил своей первой жене Эльде приготовить к его возвращению ронг. Эльда рьяно принялась за дело. «Вскипятила хорошо, но когда положила закваску, ронг у нее не бродил. В смятении она то подбегала к сосуду с ронгом, то к чародейке Сатане, прося у нее

¹ Нартовские сказания, Дзауджикау, 1946, стр. 343.

совета». Сатана обещала ей помочь, если та разрешит ей переодеться в ее платье и провести ночь с Урузмагом. Доведенная до отчаяния Эльда соглашается. Тогда Сатана заквашивает новую закваску и ронг начинает бродить.¹

В сказании о Сатане и девице из рода Бората последняя рассказывает свой (вымышленный) сон: «Я вчера заквасила кадки с ронгом, но они у меня совершенно не бродили. Тогда я пошла к родичам в нижний квартал и принесла оттуда закваску. Стоило мне подмешать этой закваски, как ронг начал бродить».

Из приведенных мест можно заключить, что при изготовлении ронга важнейшим моментом был процесс брожения. Если брожение было хорошее, ронг удавался. В противном случае налицо была полная неудача. А неудача в этом деле была настолько позорной для хозяйки, что Эльда согласилась даже уступить своего мужа на одну ночь Сатане, лишь бы поправить дело с ронгом. Из обоих рассказов видно также, что брожение достигалось специальной закваской.

Никаких других указаний, из чего и как приготавлился ронг, мы в дошедших до нас осетинских нартовских сказаниях не находим. Только в примечаниях Г. Шанаева к записанным им в прошлом столетии нартовским текстам есть глухое указание, что ронг приготавлился из проса и меда.² А еще один сказитель, фамилию которого не удалось выяснить, утверждал, будто бы, что ронг это «сладкая арака», или «медовая арака».

Весьма показательно, что, хотя арака (водка) является распространенным алкогольным напитком в современной Осетии, на протяжении нескольких сотен прочитанных и услышанных нартовских сказаний я не встречал ни одного намека на араку. Безошибочный такт певцов подсказывал им, что приписать Нартам употребление такого банального напитка значило бы снизить и опошлить Нартовский мир, овеянный ореолом сказочной героики. Для этого легендарного племени подходил только легендарный напиток, и таким казался ронг.

Мы говорим «казался», потому что, как теперь выяснилось, ронг был в прошлом все-таки вполне реальным напитком и лишь со временем стал «легендой».

Раскрыть загадку ронга удалось однако не в Осетии, а в Сванетии.

Еще в 1931 г., будучи в Баксанском ущелье Кабардинской республики, я познакомился с несколькими прибывшими туда из-за хребта сванами и узнал от них, что у них в Сванетии приготавливается напиток «ранг». Не подлежало сомнению, что сванский *ранг* и осетинский *ронг* — одно и то же. По законам исторической фонетики осетинского языка всякое *о* перед носовыми согласными восходит к *а*, и, даже не зная сванского, можно было безошибочно восстановить осетинское *ронг* в *ранг*. Однако главный интерес

¹ Там же, стр. 26—27.

² Памятники народного творчества осетин, I, Владикавказ, 1925, стр. 38.

для меня был не в том, что сванский сохранил староосетинскую форму. Важно было то, что напиток, который на осетинской почве был достоинством богов и героев когда-то в золотой век, в Сванетии существовал реально, в быту, сегодня, и каждый мог его пить.

Если бы древнему греку сказали, что есть такая страна, где простые смертные могут пить нектар, он бы, вероятно, все бросил и сейчас же пустился в дорогу. Признаюсь, когда я с товарищем в 1944 г. направился в Сванетию, желание увидеть и попробовать *ранг* было также одним из сопутствующих мотивов этой поездки.

Судьба, казалось, хотела подразнить нас, и нам не сразу удалось удовлетворить наше любопытство. Был такой сезон, когда рангу бывает немного, и в сел. Ленджер, где мы остановились, не оказалось в тот момент чудесного напитка. Но вот в одно прекрасное утро нам принесли дорогой подарок: на нашем столе стояла бутылка нектара.

Он имел вид прозрачной жидкости красивого бледножелтого цвета. Множество мелких пузырьков, подымавшихся со дна к поверхности, говорили об усиленном процессе брожения. Попробовав ранг, мы без колебаний признали его одним из самых приятных напитков, какие нам привелось пить в жизни. Медовая сладость в сочетании с характерной остротой бродящих жидкостей, делали из ранга исключительно вкусный и освежающий напиток, поистине достойный «богов». Алкогольных свойств мы в нашем ранге не заметили. Объяснялось это тем, что ранг, который нам принесли, был свежий. Хмельным он становится лишь после того, как его выдерживают несколько месяцев. Но зато тогда один стакан «хорошего» ранга может свалить с ног...

По описанию, любезно предоставленному нам нашим сванским другом Иосифом Гуледани, ранг готовится следующим образом. «Из улья достают соты, полные меда, и тщательно выщеживают мед. Нагревают воду и смешивают выщеженный мед с нагретой водой в пропорции: 1 часть меда на 4—5 частей воды. Полученную смесь кипятят, затем ее наливают в глиняный сосуд и держат в теплом месте. Через неделю, а летом через 5 дней начинается брожение. С этого момента напиток уже годен к употреблению. Но он еще не опьяняет. Он представляет просто сладкий шипучий напиток. Чтобы сделать его хмельным, его надо долго выдерживать, не открывая сосуда. Чем больше он так выдерживается, тем больше приобретает крепости. При этом он не теряет и шипучести, так как брожение идет все время».

Легко видеть, что это описание хорошо согласуется с тем, как готовила ронг супруга Нарта Урузмага Эльда. Налицо и кипячение, и процесс брожения как основной и решающий для успеха дела. Разница лишь в том, что в описании И. Гуледани нет упоминания о какой-либо закваске, вызывающей брожение; кажется что брожение начинается самопроизвольно. В нартовских же описаниях фигурирует закваска. Когда мы, по возвращении из Сванетии, пытались сами изготовить ранг, мы не могли добиться

самопроизвольного брожения. Но прибавление крошечного количества обыкновенных пшеничных дрожжей дало желаемый эффект, и мы получили напиток почти не уступающий сванскому.

Итак, тайна ронга была раскрыта. Это был тот хмельный медовый напиток, который известен индо-европейским народам с древнейшей поры их существования. Древнегреческий μέθυ, германский *Met*, славянский *мед*, так часто фигурирующий в русских былинах и сказках («... и я там был, и мед я пил...») — все это были родные братья нартовского ронга, сванского ранга. Имеется свидетельство о существовании такого напитка у скифов.¹ Упадок пчеловодства и уменьшение меда привели к тому, что в Осетии этот когда-то реальный и доступный напиток обратился в мифический. Напротив в Сванетии, где пчеловодство и сейчас процветает, ранг продолжает существовать в быту.

В дальнейшем удалось установить, что распространение слова *rang*, а заодно и соответствующего напитка не ограничивается пределами Осетии и Сванетии. В «Глоссарии» по рачинскому диалекту грузинского языка, составленном В. М. Беридзе, читаем რანგი (*rangi*), и объяснение: თაფლის ღვინო (*taplis ġvino*), т. е. «медовое вино».² Наконец, по устному сообщению Г. Рогавы (Грузинская Академия Наук), у мегрелов также имеется медовый напиток и тоже зовется *rangi*.

За пределами этих четырех языков: осетинского, сванского, рачинского и мегрельского, слово *rang*, насколько можно судить, не встречается.

Что касается напитка, то он употребляется или употреблялся в прошлом и другими народами Кавказа. По словам 90-летнего абхаза Палцава Тапагу из сел. Отхара, в Абхазии в прошлом в больших количествах приготавлился хмельный напиток из меда и воды. Чтобы усилить его опьяняющие свойства его подвергали продолжительному брожению. Назывался этот напиток *a-caʒə*, что значит букв. «восковая вода».

В Грузии напиток был известен не только в Раче, если судить по Грузино-русскому словарю Д. Чубинова. В этом словаре дается слово თაფლი (таплиц'и) с таким переводом: «ликера, медовика, hydromel, boisson de miel et de houblon». Слово *taplic'i* представляет производное от *tapli* 'мед'.

Что можно сказать о происхождении слова *rang* || *rong*? По внешнему облику оно представляется иранским. Как ни обманчиво может быть такое впечатление, им нельзя совершенно пренебрегать. Каждый язык вырабатывает свой излюбленный фоносиллабический тип, который в сочетании с другими данными помогает при выяснении происхождения слова. Ряд соображений можно привести в пользу исконно-осетинского характера слова *rang*:

1. Неразрывная связь слова *rang* с нартовским эпосом — древнейшим и оригинальнейшим памятником осетинского народного творчества.

¹ Μελίττειον, πόμα τι Σκυθικόν μέλιτος ἐφεμένου σὺν ὕδατι καὶ πόχ τινί «какой-то скифский напиток (из) меда, сваренного с водой и какой-то травой» (Гесихий).

² Материалы по яфетическому языкознанию, VI, 1912.

2. Присутствие этого слова только в тех языках на юге, которые соседят или соседили в прошлом с осетинским (аланским): рачинском, сванском, мегрельском; объяснить эти формы в рамках сравнительной грамматики картвельских языков невозможно.

3. Наличие в осетинском производного слова *ævrong* 'трезвый'. Присутствующий здесь префикс *æv* восходит к древнеиранскому *ara* и означает 'лишенный', ср. авест. *ara-xšaθra* 'лишенный царства', согд. *'rw* (**arō* из *ara-ava*) 'без', напр. *'rw* *rz'rn* 'без печали' и т. п. Стало быть *æv-rong* значит «лишенный ронга»; образование вполне понятное, так как ронг был символом опьянения (как в русском синонимом опьянения стал *хмель*, откуда — *хмельный*); «лишенный ронга» означало «лишенный хмеля». Префикс *æv-* в современном языке уже не продуктивен и встречается только в старых образованиях, но там он чрезвычайно распространен. При этом нельзя привести ни одного случая, когда бы префикс *æv-* сочетался с не иранским словом.

4. Есть в осетинском еще одно сложное слово с участием в первой части *rong*: *rongasaw*; так называют человека, который бродит в поисках чего-нибудь хмельного. Во второй части иранский глагол *asaw* 'шарить', 'искать', и все образование представляется весьма архаичным.

Все приведенные соображения позволяют с уверенностью искать для слова *rong* иранской, а не какой-либо иной этимологии.

Староосетинская форма, как об этом свидетельствуют также сванский, рачинский и мегрельский, была *rang*. Конечно *-g* — суффикс, восходящий к древнеиранскому *-ka*. Чаще мы находим его с тематическим гласным: *æg* из *a-ka*: *xææg* 'осел', *zutmæg* 'зима', *ærdæg* 'половина' и многие др.

Но немало и таких случаев, где тематический гласный либо отсутствовал, либо редуцировался и исчез, и тогда мы имеем на конце просто *g* или *k*. Вот несколько примеров:

- avg* 'стекло' от *āp* 'вода';
- mīg* 'мочевой канал' от корня *miz* 'мочиться';
- marg* 'яд' от корня *mār* 'убивать';
- fynk* 'пена' от *pena*;
- wæxsk* 'плечо' от **waxša*;
- færsk* 'ребро' от *parsu*, ср. ос. *fars* 'бок' и др.

Отбросив в *rang* конечное *g* получаем *ran*. Начальное осетинское *r* может иметь двоякое происхождение; оно может восходить либо к начальному древнеиранскому *r*, либо начальному *fr*. В первом случае мы пришли бы к др. иранскому *rāna* 'поясница', что явно сюда не подходит и связано с другим осетинским словом *ron* 'пояс'. Остается думать, что начальный *r* в *rong* восходит к группе *fr*, так же как в провербе *ra* (из *frā*), в *rag* 'ранний' (из **frāk*), *lymæn* 'друг' (из *frīman*) и др.

В этом случае мы приходим к древнеиранскому **frāna*. Хотя в дошедших до нас древнеиранских памятниках это слово не отражено, но его точное древнеиндийское соответствие *prāna* хорошо известно и означает «дух»,

«душа». И по звучанию и по значению оно как нельзя лучше подходит к осетинскому *rong*. Сюда же согдийское **frān* (*βr'n*) 'haleine', 'souffle' (R. Gauthiot. *Essai de grammaire sogdienne*, I, стр. 45). Звуковая сторона нам уже ясна. Что касается идеосемантики «дух» → «алкоголь, хмель», то она вполне аналогична латинскому *spiritus* 'дух'-'спирт' и немецкому *geistig* 'духовный'-'спиртной'.

Резюмируем вкратце историю слова *rong*. В том древнеиранском, «скифском» диалекте, который был родоначальником осетинского, существовало слово **frāna*, отвечающее древне-индийскому *prāna* 'дух'. Значение «дух», как в латинском *spiritus*, было перенесено на «духовитые», хмельные напитки и вообще на состояние опьянения. На почве этого семантического развития и образовались осетинские слова *rong* 'хмельный напиток из меда' и *ævrong* 'трезвый', 'лишенный хмеля'.

Приготовление ронга, повидимому, процветало у осетин-алан в особенности в ту отдаленную «эпическую» эпоху их истории, когда создавались нартовские сказания. Ронг любимый напиток Нартов.

Мед для ронга мог добываться либо самими аланами, либо получаться путем обмена у соседей, в частности русских, с давних пор торговавших медом. Есть данные, позволяющие утверждать, что у самих осетин пчеловодство в прошлом было на значительной высоте. Пчеловодная терминология, в особенности в дигорском диалекте, весьма богата. У дигорцев же существовал культ особого божества — покровителя пчеловодства, носившего название А н и г о л.

В эпоху, когда у осетин-алан было широко распространено приготовление и употребление ронга, название этого напитка (вероятно с самим напитком) перешло к соседним картвельским племенам: рачинцам, сванам, мегрелам, в более старой форме *rang*.

У самих осетин, в связи, надо думать, с упадком пчеловодства, ронг постепенно стал выходить из употребления. Название его сохранилось, однако, в эпических песнях, но самый напиток стал казаться чем-то легендарным, «нартовским»...

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

ОЧЕРК РАСХОЖДЕНИЙ ИРОНСКОГО И ДИГОРСКОГО ДИАЛЕКТОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение диалектов приобретает для осетинского языка на данном этапе важное теоретическое и практическое значение. Теоретическое значение такого изучения определяется ролью диалектологии как преддверия или ключа к истории языка.¹ Если это справедливо в отношении всякого языка, то когда речь идет о языке, не имеющем письменных памятников прошлого, каким является осетинский, значение диалектологии для познания истории языка становится поистине огромным. Сейчас, в связи с изучением родного языка в начальной, средней и высшей школе Осетии, интерес к истории языка необычайно велик, но удовлетворительных пособий по этому предмету нет ни у учащихся, ни у учащихся. Нет также и пособия или курса по диалектологии, который мог бы играть пропедевтическую роль к курсу истории языка. Настоящая работа предназначена восполнить хотя бы частично этот последний пробел. Она включает систематический обзор расхождений двух основных диалектов осетинского языка: иронского и дигорского.² Взаимоотношения этих двух диалектов таковы, что дают исключительно благодарный материал для истории языка (см. ниже «Введение»). В то же время на этом материале удобно и полезно проверять и оттачивать сведения, приобретенные студентами по курсу общего языкознания.

Наряду с теоретическим значением изучение диалектов имеет для младописьменного языка, каким является осетинский, также настоящее практическое значение. Без такого изучения нельзя строить правильно литературный язык. И здесь диалектология приобре-

¹ На диалектологическом совещании, состоявшемся в Ростове-на-Дону в июне — июле 1938 г., все его участники были единодушны в вопросе о необходимости введения диалектологии, как самостоятельного и важнейшего предмета преподавания родного языка в вузах, предмета, вводящего в историю языка.

² Особого юго-осетинского или «туальского» диалекта не существует. В Юго-Осетии имеется несколько говоров, которые все примыкают к иронскому диалекту и должны рассматриваться как поднаречия последнего. Подробнее об этом см. ниже, стр. 424 сл.

тает такую значимость, какой она не может иметь, скажем, для русского или иного языка со старой письменностью. В этих последних языках изучение диалектов, весьма полезное и необходимое с разных точек зрения, не может, однако, отразиться на судьбах литературного языка, ибо литературный язык уже создан, стабилизирован, он богат, крепок и его путь ясен. В осетинском же литературный язык молод, он нуждается пока в постоянной заботе, культивировании, обогащении. И здесь-то встает насущная задача: показать диалектологический фон, на котором совершается развитие молодого литературного языка, и тем содействовать в посильной мере его правильной ориентации, его обогащению, укреплению и росту. Положить один из диалектов в основу литературного языка — это еще не значит создать в действительности национальный литературный язык. На такую роль может претендовать только язык, который преодолевает ограниченность одного, хотя бы и крупного диалекта, который из всего многообразия диалектальных норм языка вбирает в себя все самое прогрессивное, самое жизнеспособное, самое современное и нужное, который строится с учетом истории языка в прошлом и тенденций его развития в настоящем. Для младописьменного языка, каким является осетинский, эти задачи могут быть решены успешно только на основе тщательного изучения диалектов.

Далее, литературный язык, который хотел бы быть на высоте своего назначения, должен использовать богатство выразительных средств всех диалектов, должен достигнуть такого совершенства, разнообразия и гибкости выражения, чтобы каждому было очевидно его превосходство над разговорной речью любой диалектальной разновидности.¹ Но для того, чтобы с умением и успехом использовать для литературного языка выразительные ресурсы отдельных диалектов, надо эти диалекты знать, надо взять на учет все то, чем они располагают и что может послужить на пользу литературному языку.

Осетинский литературный язык, создателем которого является народный поэт Осетии Коста Хетагуров (1859—1906), стоит на надежном и верном пути к дальнейшему развитию и расцвету. Он строится на базе иронского диалекта, на котором говорит $\frac{5}{6}$ осетин. Но до настоящего времени он далеко не в достаточной мере использует богатство разговорной речи различных наречий и говоров осетинского языка. Этим в значительной степени объясняются дефекты, характерные для ряда произведений как художественной, так в особенности общественно-политической, учебной и научной литературы на осетинском языке: бедность лексики и терминологии, однообразие и трафарет в использовании словообразовательных средств, однообразие синтаксических конструкций и пр.

¹ Сказанное относится прежде всего к лексике, а отчасти словообразованию и синтаксису. Что касается фонетики и морфологии, то здесь литературный язык нельзя, разумеется, мыслить как смешение норм разных диалектов: определяющими остаются нормы одного диалекта.

Дигорский диалект является вторым, наряду с иронским, основным диалектом осетинского языка. На нем имеется своя небольшая литература. Расхождения его с иронским значительны, но не таковы, чтобы препятствовать созданию единого литературного языка. К тому же объективные условия их совместной жизни в рамках одной автономной республики, при наличии оживленных связей и отношений, характерных для эпохи социализма, ведут эти два диалекта ко все большему взаимному сближению. Для литературного осетинского языка является весьма существенным использование в максимальной степени выразительных ресурсов дигорского диалекта, которые, в частности в отношении лексики, весьма значительны и которые могут, во-первых, послужить для обогащения литературного языка и, во-вторых, способствовать дальнейшему сближению этих двух диалектов.

Нашей целью в настоящей работе было также дать некоторые отправные точки для будущей грамматики и диалектологического словаря осетинского языка. Этим объясняется, что работа, задуманная первоначально как сводка расхождений иронского и дигорского диалектов, в дальнейшем несколько расширилась и приняла вид краткого очерка сравнительной фонетики, морфологии и лексики обоих диалектов.

Работы основоположников осетиноведения, А. Шегрена и В. Миллера, которые повсюду в своих исследованиях дают параллельно иронские и дигорские формы, были, разумеется, нами использованы. В ряде случаев (в частности в схеме склонения и спряжения) мы расходимся с покойными учеными. Мы считали излишним оговаривать это в каждом отдельном случае. Подчеркиваем только, что наша схема изложения системы имени и глагола поддерживается всем опытом изучения осетинского языка, каким мы располагаем. В отношении дигорского диалекта (иронский является для нас родным) мы располагали материалами, собранными нами в поездку летом 1932 г. в селениях Дигора, Чикола и Дзинага и в поездку осенью 1937 г. в селениях Дигора и Мостиздахе.

Из печатных источников по дигорскому диалекту нами использованы:

- Argæuæn kiunugæ (книга для чтения), I—III. Орджоникидзе, 1933—1936 (Arg. kiun.).¹
 Baǵærat i Soz ur. Zærdi duar. Владикавказ, 1926 (Soz.).
 Besati Taze. Dzilli zaræg. Владикавказ, 1931 (Bes.).
 Besati Taze. Ka ke? Орджоникидзе, 1934 (Ka ke).
 Gurdžibeti. B. Digoron uadžimistæ. Владикавказ, 1903 (Gurdž. Uadž).
 Gurdžibeti B. Æduli. Владикавказ, 1903 (Gurdž. Æduli).
 Gurdžibeti B. Saxi ræsuǵd. Владикавказ, 1903 (Gurdž. Saxi ræs.).
 Iron literaturæjy xrestomati, I—III. Орджоникидзе, 1933.
 Qazbegti Qazbeg. Næuæg card i xætæl. Орджоникидзе, 1932 (Qazb.).
 Qazbegti Qazbeg. Amondgun dogæ. Орджоникидзе, 1938.
 Qirǵuti Dzan te. Fæltærtæ. Чикола, 1934 (Qirh.).
 Literaturæjy qazuaton (журнал), 1—3, 1932—1933 (Lit. qaz.).
 Max Dug (журнал), 1933—1937 (MD).
 Миллер В. Осетинские этюды, I—III. М., 1881—1887.

¹ В скобках даются сокращения, которыми мы пользуемся в тексте при ссылках.

- Miller W. Die Sprache der Osseten. Strassburg, 1903.
 Миллер Всев. Дигорские сказания. М., 1902 (ДСк.).
 Миллер Всев. Осетинско-русско-немецкий словарь. Под редакцией и с дополнениями А. А. Фреймана, I—III, 1927—1934 (Сл.).
 Miller W. und von Stackelberg. R. Fünf ossetische Erzählungen in digorischem Dialekt. СПб., 1891 (MSt.).
 Munkácsi В. Blüten der ossetischen Volksdichtung. Будапешт, 1932 (Munk.).
 Памятники народного творчества осетин, вып. II. Дигорское народное творчество в записи Михаила Гарданти. Владикавказ, 1927 (СОПам. II).
 Surx Digoræ (газета), 1932—1936 (SD).
 Tujǵanti Махагбег. Digoron kadængæ. Владикавказ, 1911 (Tujǵ.).
 Fændag socializmæ (рабочая книга для начальной школы на дигорском языке), I—III. Орджоникидзе, 1931. (F. soc.).
 Christensen A. Textes ossetes. Копенгаген, 1921 (Ghrist.).
 Шегрен А. Осетинская грамматика. СПб., 1844.

При проверке и пополнении дигорского материала большую помощь оказали нам следующие лица: Бесаев Т., Гарданов М., Гулуев А., Казбеков К., Туганов М.

Считаем приятным долгом выразить всем перечисленным лицам нашу благодарность.

ВВЕДЕНИЕ

Взаимоотношения двух основных диалектов осетинского языка, иронского и дигорского, могут служить исключительно яркой иллюстрацией того, какое значение имеет диалектология для воссоздания истории языка. Не будь у нас возможности сравнивать эти два диалекта, наши сведения по истории осетинского языка не имели бы и половины той относительной полноты и точности, которыми они характеризуются сейчас. Интереснейшие и важнейшие моменты развития языка, отражающие целые этапы его истории, о которых мы могли бы строить лишь косвенные догадки, или которые могли быть вовсе для нас утрачены, сохранены нам как живые, актуальные речевые нормы то в одном, то в другом диалекте и открывают нам перспективу исторической жизни языка в целом и отдельных его элементов — фонетических, морфологических, лексико-семантических.

Неоценимой сокровищницей для историка осетинского языка является в особенности дигорский диалект. Достаточно сказать, что в области фонетики и отчасти морфологии он отражает нормы переходные от древнеиранских к современным иронским. Иначе говоря, в ряде явлений фонетики и морфологии дигорский и иронский диалекты могут быть рассматриваемы как два последовательных этапа развития одного и того же языка.

Возьмем осетинские гласные. В соответствие древнеиранскому дифтонгу *ai* мы находим в дигорском *e*, в иронском *i*: др.-иранск. **maida* 'туца' — д. *mege* — и. *miǵ*. Очевидно, что диг. *e* в этих случаях представляет переходную ступень от др.-иранск. *ai* к иронскому *i*. Совершенно так же такие соответствия как др.-иранск. *xauda* 'шапка' — д. *xode* — и. *xud* свидетельствуют о том, что дигорский *so* своим гласным *o* отражает промежуточный этап между др.-иранск. дифтонгом *au* и иронском *u*.

Др.-иранск. гласные *i* и *u*, сохранившиеся в дигорском, слились в иронском в один гласный неполного образования *y* (э).

Сохранение конечного *e* и начального *i* в дигорском, при утрате их в иронском, также должно быть рассматриваемо (по крайней мере в большинстве случаев) как одна из архаических черт дигорского языка. В области консонантизма можно указать на сохранение в дигорском *k*, *g*, *k'* в положении перед *i*, *e*, в то время как в иронском эти согласные в данном положении перешли в соответствующие аффрикаты *č*, *č'*, *č''*; далее — сохранение в дигорском начального *ǰ*, перешедшего в иронском в *q*, сохранение носового в окончании — *-ojnæ* (ир. *-oj*, см. ниже § 14 с) и др.

Процесс ассимиляции согласных получил в иронском весьма большое распространение и, обращаясь к дигорскому, мы легко убеждаемся, что и тут он остался более близок к др.-иранск. состоянию (и. *fyssyn* — д. *fin-syn* — др. иранск. *pīns-* 'писать' и т. п., см. ниже §§ 21, 28).¹

В области морфологии дигорский также обнаруживает ряд черт, которые, по сравнению с иронским, отражают более раннее состояние языка. Таковы, например, формы мн. ч. наст. врем. глагола «быть» (и. *uyn*): д. *an*, *ajta*, *ænce*, и. *stem*, *stut*, *sty*.

Лексика дает картину более пеструю и запутанную. Лишь некоторые словарные расхождения между иронским и дигорским могут быть отнесены за счет разной степени сохранности иранского наследия. Огромное большинство этих расхождений много происхождения (см. ниже). Да и в отношении иранского лексического фонда не всегда дигорский оказывается его лучшим хранителем. Если несомненно, что дигорский сохранил значительное число иранских слов, отсутствующих в иронском: *nostæ* 'невестка', *uæss* 'теленос', *naffæ* 'пупок', *ræftæ* 'полдень', *felwara* 'позапрошлый год' и др., то, с другой стороны, можно привести ряд противоположного порядка: и. *ružyng* — д. *k'ærazgæ* 'окно', и. *tağz* — д. *qanz* 'мозг', и. *ægotyğ* — д. *k'uætti* 'немой', и. *ærtax* — д. *t'ing* 'капля' и др.

В нескольких случаях оба диалекта имеют иранские слова, но в разной форме или даже разного происхождения:

и. <i>aryn</i>	д. <i>jerun</i>	'находить'
<i>axadyn</i>	<i>axedun</i>	'умножаться'
<i>uændyn</i>	<i>ændeun</i>	'сметь'
<i>uj</i>	<i>je</i>	'он', 'тот'

¹ Было бы, разумеется, большой ошибкой считать, что дигорский всегда и во всех случаях дает более старые звуковые отношения, чем иронский. Несомненно новым является в дигорском замещение начального полугласного *w* (*u*) полугласным *j* (д. *jedug* — и. *uidyg* 'ложка' и др., см. ниже §§ 14 а); замещение конечного *z* (*nz*) через *j* (д. *kuj* — и. *kuz* 'собака' и др., § 14 б); замещение конечного *m* через *n* (д. *non* — и. *nom* 'имя'; см. § 19); замещение групп *sm*, *zm* через *ns*, *nz* (д. *cans* — и. *castm* 'петля', д. *fans* — и. *fæsm* 'шерсть' и др., см. § 20); отпадение *m* после *r* в исходе (д. *gar* — и. *qarm* 'теплый' и др., § 19, прим.). Во всех этих случаях не дигорский, а иронский оказывается более «арханчым».

<i>najyn</i>	<i>certajyn</i>	‘купать’
<i>ratenağd</i>	<i>ar</i>	‘оглобля’
<i>sxon</i>	<i>ætdor</i>	‘ремень’
и др.		

Если не все, то некоторые из этих расхождений отражают несомненно различные диалектальные факты еще древнеиранской языковой среды, напр. местоимения *uj* (← *ava*) и *je* (← *aīta*).

Возвращаясь к отмеченным выше фактам фонетики и морфологии, мы видим, что здесь дигорский характеризуется как бы некоторой «остановкой» или «задержкой» в своем развитии по сравнению с иронским. Чем объяснить эту «остановку»? В другой работе мы по совершенно иным соображениям пришли к выводу, что аланская иммиграция в Центральный Кавказ совершилась двумя волнами, из которых первая, более ранняя, может быть условно названа «дигорской», а вторая, позднейшая — «иронской» (условно потому, что в действительности окончательное формирование и иронского и дигорского племени происходило уже здесь, на Кавказе: об этом см. ниже). Если эта наша гипотеза правильна, то она объясняет и большую архаичность дигорского диалекта: условия жизни в замкнутых ущельях Центрального Кавказа в огромной степени способствовали языковой консервации, и «дигорцы», раньше изолировавшиеся и попавшие в эти условия, сохранили более архаичный облик языка, чем «иронцы», находившиеся еще известный период времени в интенсивном междуплеменном общении и движении в условиях открытой равнины.

Установить хронологию фонетических расхождений иронского и дигорского довольно трудно. Некоторые из них (переход *k, g, k'* в *č, ž, č'* перед *i, e*, переход начального *ǰ* в *q* в иронском) относительно недавнего происхождения (см. ниже, стр. 509 сл.). Покойный шведский лингвист Н. Sköld на основе анализа осетинских (аланских) элементов в венгерском приходит к выводу, что в IX в. н. э. некоторые фонетические расхождения между иронским и дигорским уже существовали и что в частности венгерским усвоены именно иронские формы, а не дигорские.¹ Этот вывод, не противоречащий и нашему предположению о более раннем отходе дигорского к Кавказскому хребту, нуждается, однако, в более солидном обосновании.

Все изложенные выше догадки и соображения, касающиеся преимущественно иранского слоя осетинского языка, могут объяснить лишь часть иронско-дигорских расхождений. В немалой степени эти расхождения (и в первую голову расхождения в лексике) объясняются различиями местных кавказских этно-языковых образований, на территории которых и в про-

¹ Н. Sköld. Die ossetischen Lehnwörter im Ungtrischen. Lunds Universitets Arsskrift, N. F., Avd. I. Bd. XX, № 4. — Он же. Woher stammen die ossetischen Lehnwörter im Ungarischen? ZII, Bd. III, Heft 2, 1925. — См. также нашу статью «Alanica» в настоящем сборнике, стр. 248 сл.

цессе скрещения с которыми совершалось формирование современной осетинской этно-языковой культуры. Эту мысль с предельной ясностью выразил Н. Я. Марр, когда он писал:

«Само деление этой (осетинской, — В. А.) речи на ир^{он}ское и дигорское наречия и туальский говор находится, судя по всему, в некоторой зависимости от первоначального состава этнической среды, в которую внедрили арпоевропейский язык... Названия трех групп „ирская“ или „иронская“, „дигорская“ или „дигоронская“ и „туальская“ говорят о троячности местной до-иранской этнической подосновы» (Ossetica-Japhetica. Изв. Ак. Наук, 1918, стр. 2077).

Нам уже приходилось отмечать не раз, что односторонняя трактовка осетинского языка в аспекте только его иранского происхождения грубо ошибочна, затемняет реальный исторический процесс становления осетинской этнической культуры, представляет его как бы в кривом зеркале.¹

Реальную историю осетинского языка можно строить только исходя из предпосылки, что окончательное формирование этого языка совершалось не где-то в Средней Азии или Придонье, а здесь, на Кавказе, в процессе теснейшего взаимодействия и скрещения двух основных языковых стихий: пришлой иранской и местной яфетической в ее нескольких разновидностях.² Только такая концепция позволяет удовлетворительным образом разъяснить осетинский язык как с точки зрения его общей структуры, так и отдельных элементов: фонетических, морфологических, лексико-семантических, синтаксических. Восстановить сейчас картину тех языков, которые послужили субстратом для осетинских диалектов, конечно, весьма трудно. Памятников от них не сохранилось, а их отложения в осетинском недостаточны для их характеристики. То обстоятельство, что оба диалекта осетинского языка в структурном, типологическом отношении совершенно однородны и в иранской своей части различаются главным образом в лексике, указывает на то, что и те яфетические языки, на базе которых происходило «становление» осетинских диалектов, были языками одной типологии, одного склада, и главным образом словарные расхождения делали их различными языками. Наложившийся на них иранский слой сыграл несомненно роль сближающего, унифицирующего фактора, благодаря которому на основе раздробленных и, повидимому, многочисленных яфетических языков и диалектов, существовавших на территории современной Осетии, вырос единый в основном осетинский язык, в диалектах и говорах которого «просвечивает», однако, до сих пор прежнее многоязычие.

В итоге картина образования двух основных осетинских диалектов — иронского и дигорского — представляется в следующем виде.

¹ См. выше, стр. 95—122.

² В пользу этого красноречиво говорят и этнические названия осетинских племен: *ir*, *digor*, *tual*, которые не имеют ничего общего с иранским миром и представляют старые местные этнические наименования (см. выше, стр. 245 сл.).

1. Некоторая, весьма незначительная часть расхождений между ними (в лексике, может быть в фонетике) восходит, по видимому, к диалектальным различиям еще в древнеиранский период.

2. Ряд фонетических расхождений и некоторые морфологические следует отнести за счет большей архаичности дигорского диалекта, который по видимому раньше иронского попал в условия замкнутой жизни в Центральном Кавказе и благодаря этому «законсервировал» ряд таких явлений, которые в иронском либо утрачены, либо продвинуты в стороны дальнейшей эволюции.

3. Значительная часть расхождений, главным образом в лексике, отражает несомненно различия в той яфетической языковой среде, в которой происходило образование современного языка.

4. Наконец, многие словарные различия следует объяснять, конечно, тем, что дигорский и иронский усваивали слова для одного и того же понятия из различных соседних языков; напр., и. *mæqqi* (← чеч.-инг. *meqi*, *mæqæ*) — д. *satalæ* (← груз. *satarî*) 'салетка из березок'.

В настоящее время, в условиях советской действительности, диалекты вступили в новый этап своего развития. Характерная черта этого этапа — небывало быстрое уничтожение вековой замкнутости и взаимного отчуждения диалектов. Никогда процессы и факторы схождения не преобладали в такой степени над процессами и факторами расхождения, как сейчас. Могучее и благотворное влияние русского языка и русской культуры, которое чувствуется одинаково на всех диалектах Осетии, становится одним из определяющих факторов этого новейшего периода в развитии осетинского языка.

А. ФОНЕТИКА ¹

1. Гласные

§ 1. Основные иронско-дигорские соответствия в области вокализма могут быть представлены в следующей таблице:

и. <i>a</i>	д. <i>a</i>	} сильные гласные
<i>o</i> (перед <i>n</i> , <i>m</i>)	<i>o</i>	
<i>i</i>	<i>e</i>	
<i>u</i>	<i>o</i>	
<i>o</i> (после <i>x</i> , <i>k</i> , <i>k'</i>)	<i>ua</i> ²	} слабые гласные
<i>æ</i>	<i>æ</i>	
<i>y</i>	<i>i</i>	
<i>y</i>	<i>u</i>	
нуль (отсутствие звука)	<i>i</i> (в начальном положении)	

¹ Не располагая экспериментально-фонетическими данными, мы вынуждены воздержаться от артикуляционной характеристики звуков иронского и дигорского диалектов.

² В данной работе знак *u* перед гласными обозначает полугласный (*u*).

Мы имеем, следовательно, схождение в отношении гласных *a*, *æ*, *o* (перед носовыми) и расхождение в отношении всех остальных гласных.

П р и м е ч а н и е. Следует, однако, иметь в виду, что гласные *a* и в особенности *æ* являются более распространенными, нежели остальные гласные.

§ 2. Ир. *a* = диг. *a* (исторически *ā*):

и. <i>art</i>	д. <i>art</i>	‘огонь’	и. <i>k'ona</i>	д. <i>k'ona</i>	‘очаг’
<i>arv</i>	<i>arv</i>	‘небо’	<i>darun</i>	<i>darun</i>	‘держатъ’
<i>sag</i>	<i>sag</i>	‘олень’	<i>k'ævda</i>	<i>k'ævda</i>	‘ливень’
<i>max</i>	<i>max</i>	‘мы’	<i>cuqqa</i>	<i>soqa</i>	‘черкеска’
<i>mad</i>	<i>madæ</i>	‘мать’	и др.		

П р и м е ч а н и е 1. В соответствиях и. *arun* — д. *erun* ‘находить’, и. *axadun* — д. *axedun* ‘умножаться’ иронскому *a* отвечает дигорское *e*.

П р и м е ч а н и е 2. В соответствии и. *qata* — д. *qæta* ‘кинжал’ иронскому *a* отвечает дигорское *æ*.

§ 3. Ир. *o* = диг. *o* (истор. *ā* перед носовыми):

и. <i>don</i>	д. <i>don</i>	‘вода’, ‘река’
<i>bon</i>	<i>bon</i>	‘день’
<i>kæron</i>	<i>kæron</i>	‘конец’
<i>fong</i>	<i>fong</i>	‘пять’
<i>zonun</i>	<i>zonun</i>	‘знать’
<i>xox</i>	<i>xonx</i>	‘гора’
<i>rox</i>	<i>ironx</i>	‘забытый’
<i>fos</i>	<i>fons</i>	‘скот’
<i>kodta</i>	<i>kodta</i>	‘он делал’ (истор. <i>kondta</i> от <i>kænun</i> ‘делать’)
<i>kuroj</i>	<i>kurojnæ</i>	‘мельница’
<i>æncoj</i>	<i>æncojnæ</i>	‘покой’
<i>zængoj</i>	<i>zængojnæ</i>	‘ноговица’
<i>kom</i>	<i>kom</i>	‘ущелье’
<i>nom</i>	<i>nom, non</i>	‘имя’
<i>qom</i>	<i>ǰom</i>	‘крупный рогатый скот’
и др.		

П р и м е ч а н и е. В соответствии и. *uromun* — д. *oratumun* ‘останавливать’ иронскому *o* перед *m* отвечает в диг. в виде исключения *ā*. В соответствиях и. *zond* — д. *zund* ‘ум’, и. *wærdon* — д. *wærdun* ‘арба’ иронскому *o* перед *n* отвечает диг. *u*.

§ 4. Ир. *i* = диг. *e*, в начальном положении — диг. *je* (истор. *ai*):

и. <i>ix</i>	д. <i>jex</i>	‘лед’
<i>iu</i>	<i>jeu</i>	‘один’
<i>isun</i>	<i>jesun</i>	‘братъ’
<i>ivun</i>	<i>jevun</i>	‘менять’
<i>xid</i>	<i>xed</i>	‘мост’

<i>mĭġ</i>	<i>mēġæ</i>	‘облако’
<i>lĭzɣɯn</i>	<i>lezɯn</i>	‘убегать’
<i>rɯxi</i>	<i>rexe</i>	‘ус’

обратное отношение:

п. <i>jēġau</i>	д. <i>iġau</i>	‘крупный’
-----------------	----------------	-----------

Примечание. В одном случае ир. *i* отвечает диг. *o*: и. *zæbidyr* — д. *zæbodur* ‘тур’.

§ 5. В некоторых случаях ир. *i*, будучи не сильным, а слабым гласным, может соответствовать диг. *i*, напр., ир. *xist* — диг. *xist* ‘поминки’, а также а) в начале слова:

п. <i>idæz</i>	д. <i>idæz</i>	‘вдова’
<i>izæɾ</i>	<i>izæɾ</i>	‘вечер’
<i>igæɾ</i>	<i>igæɾ</i>	‘печень’
<i>ivazɯn</i>	<i>ivazɯn</i>	‘тянуть’
<i>ir</i>	<i>ir</i>	‘Осетия’, ‘осетины’
<i>innæ</i>	<i>innæ</i>	‘другой’
и др.		

б) перед *n*:

п. <i>syġzærin</i>	д. <i>syġzærinæ</i>	‘золото’
<i>æxsin</i>	<i>æxsinæ</i>	‘госпожа’
<i>æfsin</i>	<i>æfsinæ</i>	‘хозяйка’
и др.		

в) в формах условного наклонения:

п. <i>ærin</i>	д. <i>ærinæ</i>	‘я жил бы’
<i>æris</i>	<i>ærisæ</i>	‘ты жил бы’
<i>ærid</i>	<i>æridæ</i>	‘он жил бы’
п т д.		

Примечание. В тех случаях, где ир. *i* получалось из сочетания *y + i*, оно может отвечать диг. *i (ij)*, также *ij*.

п. <i>bijɯn</i>	(из <i>byjɯn</i>)	д. <i>bijɯn</i>	‘вить’
<i>sijɯn</i>	(из <i>syjɯn</i>)	<i>sijɯn</i>	‘зятьнуть’
<i>xuijɯn</i>	(из <i>xuijɯn</i>)	<i>xijɯn</i>	‘шить’
<i>sin</i>	(из <i>syjɯn</i>)	<i>sijnæ</i>	‘бедро’
<i>xudinag</i>	(из <i>xidujɯnag</i>)	<i>xodujɯnag</i>	‘позор’
и др.			

§ 6. Ир. *u* = диг. *o* (в начале нередко — диг. *uo*) (истор. *au*):

п. <i>urs</i>	д. <i>uors, crs</i>	‘белый’
<i>ud</i>	<i>uod</i>	‘душа’
<i>um</i>	<i>uomi, omi</i>	‘там’

<i>urdygæj</i>	<i>uordigæj</i>	‘оттуда’
<i>urðæm</i>	<i>uordæmæ</i>	‘туда’
<i>us</i>	<i>uosæ, osæ</i>	‘женщина’
<i>xud</i>	<i>xodæ</i>	‘шапка’
<i>xur</i>	<i>xor</i>	‘солнце’
<i>qus</i>	<i>ǰos</i>	‘ухо’
<i>qug</i>	<i>ǰog</i>	‘корова’
<i>sug</i>	<i>sog</i>	‘дрова’
<i>cu</i>	<i>co</i>	‘иди’
<i>ærdu</i>	<i>ærdo</i>	‘волос’
и др.		

П р и ч а н и е 1. В двух случаях начальному ир. *u* (= *uy* слабый гласный) отвечает диг. *i*:

и. <i>ugærdæn</i>	д. <i>iguærdæn</i>	‘покос’
<i>ugæs</i>	<i>iguæs</i>	‘сноп’

П р и м е ч а н и е 2. В некоторых случаях мы имеем одинаково *o* как в иронском, так и в дигорском не перед носовыми (см. § 3):

и. <i>bos</i>	д. <i>bos</i> (есть и <i>bons</i>)	‘перевязь’, ‘повод’
<i>nos</i>	<i>nos</i>	‘шрам’
<i>bolat</i>	<i>bolat</i>	‘булат’, ‘булатный’
<i>zǰoryn</i>	<i>zǰorun</i>	‘бежать’

Об аналогичном явлении в новейших заимствованиях см. § 12.

П р и м е ч а н и е 3. В слове и. *abizyn* — д. *abizun* ‘вдуться’ имеем в основе одинаковую огласовку *u* в иронском и дигорском.

П р и м е ч а н и е 4. Есть также несколько случаев, где мы имеем соотношение, обратное обычному, т. е. ир. *o* отвечает диг. *u*:

и. <i>kærdo</i>	д. <i>kærdtu</i>	‘груша’
<i>uærdon</i>	<i>uærdun</i>	‘арба’
<i>xorzen</i>	<i>xurzin</i>	‘хурджин’, ‘переметная сума’
<i>tamako</i>	<i>tamaku</i>	‘табак’
<i>tolppar</i>	<i>tulpar</i>	‘здоровяк’

§ 7. Ир. *o* (после *x, k, k'*) = диг. *ua* (истор. *(x)vā*):

и. <i>xor</i>	д. <i>xuar</i>	‘хлеб (в зерне)’
<i>sixor</i>	<i>sexuar</i>	‘обед’
<i>xorz</i>	<i>xuarz</i>	‘хороший’
<i>xos</i>	<i>xuasæ</i>	‘сено’, ‘лекарство’
<i>xojyn</i>	<i>xuajun</i>	‘стучать’
<i>axorun</i>	<i>xuarun</i>	‘красить’
<i>xordta</i>	<i>xuardta</i>	‘он ел’
<i>yfcægkot</i>	<i>æfcægkuatæ</i>	‘воротник’
<i>k'ord</i>	<i>k'uar</i>	‘группа’

П р и м е ч а н и е. В одном случае ир. *o* (после *x*) отвечает диг. *ua*:

и. <i>xo</i>	д. <i>xuasæ</i>	‘сестра’
--------------	-----------------	----------

§ 8. Ир. *æ* = диг. *æ* (истор. *ǣ*):

и. <i>æz</i>	д. <i>æz</i>	'я'
<i>ænæ</i>	<i>ænæ</i>	'без'
<i>mæn</i>	<i>mæn</i>	'меня'
<i>dæu</i>	<i>dæu</i>	'тебя'
<i>dæs</i>	<i>dæs</i>	'десять'
<i>cæryn</i>	<i>cæryn</i>	'жить'
<i>zærdæ</i>	<i>zærdæ</i>	'сердце'

Примечание 1. В начальном положении ир. старое *æ* все больше переходит в *y*, что позволяет установить отношение: ир. начальное *y* (в большинстве говоров) = диг. *æ*:

и. <i>ymæ</i>	д. <i>ama</i>	'в'
<i>yrtæ</i>	<i>arte</i>	'три'
<i>ystæm</i>	<i>æstæjmag</i>	'восьмой'
<i>yznæg</i>	<i>æznæg</i>	'враг'
<i>yzmis</i>	<i>æzmesæ</i>	'песок'
<i>yrvad</i>	<i>ærvadæ</i>	'родственник'
<i>yndon</i>	<i>ændon</i>	'сталь'
<i>yfsæjnæg</i>	<i>æfsæjnæg</i>	'железо'
<i>ymbijyn</i>	<i>æmbijyn</i>	'гнуть'
и др.		

В настоящей работе мы будем, однако, держаться традиционной иронской орфографии, т. е. писать в начале *æ*, а не *y*, тем более что такое написание отвечает пока произношению важнейших в хозяйственном и культурном отношении районов плоскостной Осетии.

Примечание 2. В положении после *x*, *k'*, *g* ир. *æ* отвечает нередко диг. *uæ* (ср. выше отношение ир. *o* — диг. *ua*):

и. <i>xæd</i>	д. <i>xuæd</i>	(в сочетаниях) 'сам'
<i>mæxædæg</i>	<i>mæxuædæg</i>	'я сам'
<i>dæxædæg</i>	<i>dæxuædæg</i>	'ты сам' и т. д.
<i>xæryn</i>	<i>xuæryn</i>	'есть'
<i>xærafyrt</i>	<i>xuæifurt</i>	'племянник, сын сестры'
<i>xæcyn</i>	<i>xuæcyn</i>	'держат'
<i>æfxæryn</i>	<i>æfxuæryn</i>	'обижать'
<i>k'æzyn</i>	<i>k'uæzyn</i>	'заикаться'
<i>k'æcæl</i>	<i>k'uæcæl</i>	'щепка'
<i>ugærdæn</i>	<i>iguærdæn</i>	'покос'
<i>ugæs</i>	<i>iguæs</i>	'сноп'
<i>xælmæg</i>	<i>xuælmæg</i>	'струп'
<i>xæxtæ</i>	<i>xuænxætæ</i>	'горы'
и др.		

Примечание 3. В нескольких случаях ир. *æ*, *uæ* отвечает диг. *u*:

и. <i>mælzug</i>	д. <i>mulzug</i>	'муравей'
<i>gæmpæg</i>	<i>rumpæg</i>	'моль'
<i>fænyk</i>	<i>funuk</i>	'зола'
<i>mæra</i>	<i>mura, pira</i>	'дупло'
<i>uærcæx</i>	<i>urux</i>	'широкий'
<i>uæxst</i>	<i>uxst</i>	'вертел'
<i>uæxsk</i>	<i>usqæ</i>	'плечо'
<i>ævzæryn</i>	<i>ævzurun</i>	'зарождаться, прорастать'
<i>ærgævyn</i>	<i>ærguoun</i>	'взваливать'
<i>uærsta</i>	<i>iursta</i>	'он делил' (СОПам. II 74)
<i>uæfti</i>	<i>uftinæ</i>	'шпилька'

Обратное соответствие:

и. *æliuon* д. *ilæton* 'сказочная пища'П р и м е ч а н и е 4. В нескольких случаях ир. *æ* отвечает диг. *i*:

и. <i>læǰz</i>	д. <i>liǰz</i>	'гладкий'
<i>læxtæ</i>	<i>lixtæ</i>	'мольба'
<i>dærzæg</i>	<i>dirzæg</i>	'шероховатый'
<i>ævdærzyn</i>	<i>ævdirzun</i>	'натирать (кожу)'
<i>xærunk'a</i>	<i>xirink'a</i>	'перочинный нож'
<i>ænt'ærun</i>	<i>ænt'irun</i>	'прогонять'

Обратное соответствие:

и. *kæri* д. *kæræ* 'куча'П р и м е ч а н и е 5. Имеем случаи соответствия ир. *æ* — диг. *a*:

и. <i>ætæ</i>	д. <i>ætæ</i>	'и'
<i>fælæ</i>	<i>fal</i>	'но'
<i>fæsm</i>	<i>fans</i>	'шерсть'

а также в прошедшем времени глаголов с двухсложной основой:

и. <i>læværdta</i>	д. <i>læværdta</i>	'он давал'
<i>æfsæsta</i>	<i>æfsasta</i>	'он насыщал'
<i>ævnældta</i>	<i>ævnældta</i>	'он трогал' (см. § 71)

П р и м е ч а н и е 6. В соответствии: ир. *zænæt* — диг. *zænet* 'рай', ир. *ʔætæn* — диг. *geten* 'холост', ир. *cyllæ* — диг. *cille* 'шелк', ир. *æ* отвечает диг. *e*.§ 9. Ир. *y* = диг. *i* (истор. *i*):

и. <i>yssæǰ</i> (ср. § 8, прим. 1)	д. <i>insæǰ</i>	'двадцать'
<i>fyd</i>	<i>fidæ</i>	'отец'
<i>myzd</i>	<i>mizdæ</i>	'плата'
<i>æxsyr</i>	<i>æxsir</i>	'молоко'
<i>byl</i>	<i>bilæ</i>	'губа'
<i>bynz</i>	<i>binzæ</i>	'муха'
<i>xyl</i>	<i>xilæ</i>	'ссора'
<i>xyrx</i>	<i>xirxæ</i>	'пила'
<i>fynz</i>	<i>finzæ, fij</i>	'нос'
<i>fyccag</i>	<i>ficcag</i>	'первый'
<i>myŋ</i>	<i>miŋ</i>	'мне' (энклитич.)
<i>cyrg</i>	<i>cirǰ</i>	'острый'
<i>fyssyn</i>	<i>finsun</i>	'писать'
<i>xynsyn</i>	<i>xincun</i>	'считать'
<i>myŋ</i>	<i>uiŋun</i>	'видеть'
<i>gædy</i>	<i>gædi</i>	'осна'
<i>qudy</i>	<i>gudi</i>	'мысль'
<i>zy</i>	<i>zi</i>	'там', 'в нем' (энклитич.)

и др.

Примечание 1. В нескольких случаях ир. *y* отвечает диг. *æ*:

и. <i>cyozu</i>	д. <i>civzæ</i>	'красный перец'
<i>næxiydtæg</i>	<i>næxiædtæ</i>	'мы сами'
<i>k'uyxtæ</i>	<i>k'iuæxtæ</i>	'куски'
<i>k'uyri</i>	<i>k'iuære</i>	'неделя'
<i>xuyzdær</i>	<i>xuæzder</i>	'лучше'
<i>mæk'uyt</i>	<i>bæk'uæl</i>	'копна'
<i>æxuiyrsyn</i>	<i>ixuiærsun</i>	'нанимать'
<i>nyqquyryun</i>	<i>niqquærun</i>	'глотать'
<i>sguyryun</i>	<i>æsk'iuenxun</i>	'отличаться'
<i>ardygæj</i>	<i>ardægæj</i> (рядом с <i>ardigæj</i>)	'отсюда'
<i>yntysyn</i>	<i>æntæsun</i>	'удаваться'
<i>bajdydtæ</i>	<i>bajdædtæ</i>	'он начал'
и др.		

О соответствии: ир. начальное *y* — диг. начальному *æ* см. § 8, прим. 1.

Примечание 2. Есть случаи соответствия ир. *y* — диг. *e*:

и. <i>qæbys</i>	д. <i>gæbes</i>	'объятие'
<i>qynс'ym</i>	<i>genc'un</i>	'печаль'
<i>qysqys</i>	<i>qesqes</i>	'скрежет', 'скрип'

§ 10. Ир. *y* = диг. *u* (истор. *u*):

и. <i>fyrt</i>	д. <i>furt</i>	'сын'
<i>byn</i>	<i>bun</i>	'низ', 'под'
<i>ryn</i>	<i>run</i>	'болезнь'
<i>synt</i>	<i>sunt</i>	'ворон'
<i>myd</i>	<i>mud</i>	'мед'
<i>fys</i>	<i>fus</i>	'овца'
<i>ystyr</i>	<i>(u)stur</i>	'большой'
<i>bydyr</i>	<i>budur</i>	'равнина', 'плоскость'
<i>byrc</i>	<i>burcæ</i>	'перец'
<i>dy</i>	<i>du</i>	'ты'
<i>zyrd</i>	<i>zurd</i>	'слово'
<i>myrkag</i>	<i>mugkag</i>	'род', 'фамилия'
<i>syly</i>	<i>sulu</i>	'сыворотка'
и др.		

В окончании неопределенного наклонения глаголов ир. *yn* закономерно отвечает диг. *un*:

и. <i>badyn</i>	д. <i>badun</i>	'сидеть'
<i>dymyn</i>	<i>dumun</i>	'дуть'
<i>zyryn</i>	<i>zorum</i>	'говорить'
и т. д.		

Примечание. После задненёбных согласных *k*, *k'*, *g*, *q*, *x*, *ǰ* в соответствии диг. *u* мы находим в иронском обычно не просто *y*, а дифтонг *iy* (*øy*):

и. <i>kiyd</i>	д. <i>kud</i>	'как'
<i>kiy</i>	<i>ku</i>	'когда'

<i>kuɣz</i>	<i>kuj</i>	'собака'
<i>kuɣrd</i>	<i>kurd</i>	'кузнец'
<i>kuɣroj</i>	<i>kurojnæ</i>	'мельница'
<i>kuyst</i>	<i>kust</i>	'работа'
<i>k'uylyx</i>	<i>k'ulux</i>	'хромой'
<i>k'uymyx</i>	<i>k'umux</i>	'тупой'
<i>ynk'uysyn</i>	<i>ænk'usun</i>	'шататься'
<i>(y)sk'uynyn</i>	<i>isk'unun</i>	'рвать'
<i>mæk'uystæg</i>	<i>mæk'ustæg</i>	'плечевая кость'
<i>guɣbyr</i>	<i>gubur</i>	'сторбленный'
<i>guɣr</i>	<i>guræ</i>	'туловище'
<i>guɣryn</i>	<i>igurun</i>	'рождаться'
<i>mæguyr</i>	<i>mægur</i>	'бедный'
<i>quɣdy</i>	<i>ɣudi</i>	'мысль'
<i>quɣr</i>	<i>qur</i>	'горло'
<i>xuɣ</i>	<i>xu</i>	'свинья'
<i>xuɣz</i>	<i>xuzæ</i>	'вид'
<i>xuɣlf</i>	<i>xurfa</i>	'внутренность'
<i>xuym</i>	<i>xumæ</i>	'пашня', 'посев'
<i>xuysyn</i>	<i>xussun</i>	'спать'
<i>æxxuys</i>	<i>ænxus</i>	'помощь'
<i>ætɣuɣd</i>	<i>æɣud</i>	'срок'
<i>uæɣuɣn</i>	<i>uæɣun</i>	'поярок', 'полярковая шерсть'

Ср., однако, и. *faɣys* — д. *fagus* 'навоз', и. *saxɣun* — д. *sænxun* 'солёный'.
Необычны соответствия:

и. <i>æxxuɣrsyn</i>	д. <i>ixuærsun</i>	'нанимать'
<i>næxxuɣdtæg</i>	<i>næxxuædtæ</i>	'мы сами'
<i>nyɣquɣryn</i>	<i>niɣquærun</i>	'глотать'
<i>sguɣxyn</i>	<i>æsk'uænxun</i>	'отличаться'

(см. § 9, прим. 1).

§ 11. В ряде случаев начальное пр. *y*, отвечающее диг. *i*, не удержалось, и таким образом мы имеем соответствия: пр. нуль (отсутствие звука) — диг. *i* (в начальном положении):

и. <i>gom</i>	д. <i>igon</i>	'открытый'
<i>dard</i>	<i>idard</i>	'далекий'
<i>ɣag</i>	<i>iɣag</i>	'полный'
<i>naj</i>	<i>inajæ</i>	'молотьба'
<i>som</i>	<i>ison</i>	'завтра'
<i>xæs</i>	<i>ixæs</i>	'долг'
<i>quɣsyn</i>	<i>iɣosun</i>	'слышать'
<i>guɣryn</i>	<i>igurun</i>	'рождаться'
<i>ɣærdyn</i>	<i>iɣærdun</i>	'прорезать'
<i>qal</i>	<i>iqal</i>	'бодрствующий'
<i>qælzæg</i>	<i>iɣælzæg</i>	'веселый'
<i>mɣsyn</i>	<i>imɣsun</i>	'придумывать'
<i>ræɣyn</i>	<i>iræɣun</i>	'расти'
<i>rox</i>	<i>ironx</i>	'забытый'
<i>særdyn</i>	<i>isærdun</i>	'мазать'
<i>sæfyn</i>	<i>isæfun</i>	'пропадать'
<i>tauɣn</i>	<i>itauɣn</i>	'сеять'

<i>tynzyn</i>	<i>itinzyn</i>	‘растягивать’, ‘расстилать’
<i>uazæg</i>	<i>iuazæg</i>	‘гость’
<i>uaryn</i>	<i>iuaryn</i>	‘делить’
<i>xalyn</i>	<i>ixalyn</i>	‘разрушать’, ‘развязывать’
<i>zajyn</i>	<i>izajyn</i>	‘оставаться’
и др.		

Примечание. Старое начальное *i* (*y*) появляется, однако, в иронском, если слово снабжено префиксом: *bajgom* (*ba + igom*), *bajdzag* (*ba + izag*), *ærymysyn* (*æ + ymysyn*), *bajsærdyn* (*ba + isærdyn*), *fesæfyn* (*fæ + isæfyn*) (см. § 13с), *bajtauyn*, *bajtynzyn*, *bajuaryn*, *fexalyn*, *de'uazæg* (*dæ + iuazæg*). О других случаях сохранения старого слабого *i* в иронском (без перехода в *y*) см. § 5.

§ 12. В словах, вошедших в осетинский язык в новейший период, обычно не наблюдается тех расхождений в вокализме между иронским и дигорским, которые описаны выше. Эти слова имеют, как правило, одинаковую огласовку в иронском и дигорском. Так, вопреки соответствию ир. *i* — диг. *e* (см. § 4) мы имеем:

и. <i>sovet</i>	д. <i>sovet</i>	‘совет’
<i>cement</i>	<i>cement</i>	‘цемент’
<i>artel</i>	<i>artel</i>	‘артель’
<i>masinæ</i>	<i>masinæ</i>	‘машина’
и др.		

Вопреки соответствию ир. *u* — диг. *o* (см. § 6) мы имеем:

и. <i>kolxoz</i>	д. <i>kolxoz</i>	‘колхоз’
<i>poezd</i>	<i>poezd</i>	‘поезд’
<i>goræt</i>	<i>goræt</i>	‘город’
<i>kartof</i>	<i>kartof</i>	‘картофель’
<i>t'yruba</i>	<i>t'yruba</i>	‘труба’
и др.		

Таким образом новейшие элементы лексики оказываются значительным фактором сближения обоих диалектов и ослабления существующих между ними фонетических расхождений.

§ 13. Изменения гласных (Umlaut, sandhi) в основном одни и те же в иронском и дигорском.

а) Во множественном числе при склонении сильные гласные основы *a*, *o* переходят часто в слабый гласный *æ* (Umlaut):

и. <i>bælas</i>	д. <i>bælasæ</i>	‘дерево’ мн. ч. ир. и диг. <i>bælaestæ</i>
<i>xox</i>	<i>xonx</i>	‘гора’ мн. ч. ир. <i>xæxtæ</i> , диг. <i>xuænxætæ</i>
и т. д.		

Дигорский проводит Umlaut более последовательно, в том числе и в ряде случаев, когда в иронском Umlaut не имеет места:

и. <i>bon, bontæ</i>	д. <i>bænttæ</i>	‘дни’
<i>az, aztæ</i>	<i>anz, ænzæ</i>	‘годы’
<i>sag, sagtæ</i>	<i>sægtæ</i>	‘олень’
<i>qaz, qaztæ</i>	<i>qæztæ</i>	‘гуси’
<i>unaffæ unaffætæ</i>	<i>unæftæ</i>	‘советы’ (СОПам. II 145 а)
<i>bædul, bædultæ</i>	<i>bædolæ bædælttæ</i>	‘детеныши’

и т. д.

Umlaut имеет место не только во мн. ч., но часто и при наращении на слово суффикса:

и. <i>xorz</i>	д. <i>xuarz</i>	‘хороший’	и. <i>xuuzdæc</i>	д. <i>xuæzdæc</i>	‘лучше’
<i>xox</i>	<i>xonx</i>	‘гора’	<i>xæxxon</i>	<i>xuænxxon</i>	‘горный’

Примечание. О чередовании гласных в глаголах, в основах настоящего и прошедшего времени, см. § 71 в отделе морфологии.

б) При встрече сильного гласного *a* со слабыми *æ, y* последние поглощаются первым: *ma'rbauaz* (*ma ærbauaz*) ‘не подпускай’, *m'amond* (*mæ amond*) ‘мое счастье’ и т. п.

в) При встрече *æ* с *i, y*, а также *æ* происходит слияние их в *e*: и. д. *metæ* (*mæ + imæ*) ‘со мной’; и. *fequsyn* (*fæ + (y)qusyn*), д. *fejosun* ‘услышать’ (*fæ + ijosun*); и. д. *me'rvad* (*mæ + ærvad*) ‘мой родич’ и т. п.

Примечание. В иронском подобное стяжение (*æ + i(y) = e*) наблюдается иногда и в таких случаях, когда в дигорском оно не имеет места: и. *fenyn* (из *fæ + (u)ynyn*) ‘увидеть’, д. *fæjinun*; и. *fervasyn* (из *fæ + irvæzyn*) ‘спастись’, д. *fæ;rvæzyn*.

д) Гласные *æ, y* (диг. *u*) в последнем слове имен могут выпадать при присоединении показателя множественности *-tæ*: и. д. *xærcæg* ‘осел’ — мн. ч. и. *xærcyztæ*, д. *xærcgutæ*; и. *rasyg*, д. *rasug* ‘пьяный’ — мн. ч. и. *rasguytæ*, д. *rasgutæ* и т. п.

II. Полугласные

§ 14. Полугласные *j* и *u* (*w*) наличны в обоих диалектах осетинского языка, однако в употреблении их имеются некоторые незначительные расхождения между иронским и дигорским.¹

а) Ир. начальному *u* (*w*) отвечает нередко диг. *j*; это имеет место перед гласным ир. *i* — диг. *e*, а также ир. *y* — диг. *i*:

и. <i>uidag</i>	д. <i>jedagæ</i>	(рядом с <i>uedagæ</i>)	‘корень’
<i>uidon</i>	<i>(j)idonæ</i>	(рядом с <i>uidonæ</i>)	‘уздечка’
<i>uidug</i>	<i>jedug</i>	(рядом с <i>uedug</i>)	‘ложка’
<i>uizyn</i>	<i>jezyn</i>	(рядом с <i>uezyn</i>)	‘подбирать’

¹ В настоящей работе полугласный *w* передается буквой *u*, как и гласный *u*. Но в образцах иронского и дигорского текста, которые мы даем ниже (стр. 428 сл.), данный полугласный передается через *w*.

<i>uilyn</i>	<i>jelun</i>	(рядом с <i>uelun</i>)	‘подбрасывать (при игре в альчики)’
<i>uis</i>	<i>jes</i>	(рядом с <i>ues</i>)	‘прут’
<i>uisoj</i>	<i>jesojnæ</i>	(рядом с <i>uesojnæ</i>)	‘метла’
<i>uynun</i>	<i>jynun</i>	(рядом с <i>uynun</i>)	‘видеть’

Примечание. В одном случае мы имеем соответствие—иронское начальное а — диг. *je*:

и. *aryn* д. *jerun* ‘находить’, ‘рожать’.

б) Ир. конечному *-z* и *-nz* (*nc*’) отвечает нередко диг. *-j*:

и. <i>yssæz</i>	д. <i>insæj</i>	‘двадцать’
<i>kuuz</i>	<i>kuj</i>	‘собака’
<i>xuyluz</i>	<i>xuluj</i>	‘мокрый’
<i>afæz</i>	<i>afæj</i>	‘год’
<i>ærcynz</i>	<i>ærcij</i>	‘иголка для шитья обуви’
<i>fynz</i>	<i>fij</i> (рядом с <i>finzæ</i>)	‘нос’
<i>æfsonz</i>	<i>æfsoj</i>	‘ярмо’
<i>ælxunc’</i>	<i>ælxij</i>	‘узел’
и др.		

в) Ир. конечному *-oj* отвечает часто диг. *-ojnæ*:

и. <i>soj</i>	д. <i>soinæ</i>	‘жир’
<i>toj</i>	<i>tojnæ</i>	‘муж’
<i>æncoj</i>	<i>æncojnæ</i>	‘покой’
<i>kuuroj</i>	<i>kuurojnæ</i>	‘мельница’
<i>uisoj</i>	<i>jesojnæ</i>	‘метла’
<i>sagoj</i>	<i>sagojnæ</i>	‘вила’
и др. (см. § 21, прим.)		

г) Ир. начальное *j* — диг. нуль:

и. <i>jæfs</i>	д. <i>æfsæ</i>	‘кобыла’
<i>jæxs</i>	<i>æxsæ</i>	‘плеть’

е) Ир. начальное *æ* — диг. *je*:

и. <i>ævžid</i>	д. <i>jevged</i>	‘порука’
<i>ævdælyn</i>	<i>jevælyn</i>	‘иметь досуг’, ‘быть незанятым’
<i>æmseĕ</i>	<i>jenseĕ</i>	‘воспитанник’

ф) Ир. *v* отвечает иногда диг. *u* (*w*):

и. <i>færv</i>	д. <i>færuæ</i>	‘ольха’
<i>cyrv</i>	<i>ciruæ</i>	‘пивные дрожжи’
<i>nærv</i>	<i>næruæ</i>	‘кожемялка’ (орудие)
и др.		

g) Иронской группе *ua* (*wa*) отвечает в ряде случаев диг. *auæ* (*awæ*) или *æua* (*æwa*):

и. <i>suæn</i>	д. <i>saucæn</i>	‘охота’
<i>suar</i>	<i>sauœr</i>	‘минеральный источник’
<i>buar</i>	<i>baucœr</i>	‘тело’
<i>nuar</i>	<i>naucœr</i>	‘жила’
<i>tuag</i>	<i>taucæg</i>	‘кислый’
<i>suari</i>	<i>sauœri</i>	‘пятак’
<i>suang</i>	<i>sauœngæ</i>	‘вплоть’
<i>ruaʒy</i>	<i>rœuagi</i>	‘благодаря,’ ‘ради’
<i>quag</i>	<i>ǰœuagæ</i>	‘недостача’

В соответствиях:

и. <i>ran</i>	д. <i>raucæn</i>	‘место’
<i>qaʒʒyn</i>	<i>ǰœuaggin</i>	‘недостающий’

имеем полное выпадение *u* (*w*) в иронском, так же как в соответствиях:

и. <i>sy</i>	д. <i>siucæ</i>	‘рог’
<i>mi</i>	<i>miucæ</i>	‘работа,’ ‘дело’

В соответствиях:

и. <i>riuyǰyn</i>	д. <i>rœueǰyn</i>	‘толкать’
<i>liuyryn</i>	<i>lœueryn</i>	‘прыгать’

иронской группе *iyu* отвечает диг. *æue*.

III. Согласные

§ 15. По своему консонантизму иронский и дигорский диалекты весьма близки друг к другу. В частности, в обоих диалектах наличны:

а) смычно-гортанные («кавказские») согласные *k'*, *p'*, *t'*, *c'*;

б) согласные «4-го ряда» (глухие непрдыхательные), появляющиеся после глухих спирантов *s*, *f*, *x* и при геминации и не имеющие в современном алфавите особых обозначений:

и. д. <i>xæstæg</i>	‘близкий’
<i>zaxta</i>	‘он сказал’
<i>sœrfta</i>	‘он чистил’
<i>ʒyrtta ʒyrtta</i>	‘он говорил’
<i>cyttar cyttar</i>	‘четыре’
<i>dyxhaǰ dixhaǰ</i>	‘второй’
и мн. др.; ¹	

с) задненёбный *q*.

¹ В данных примерах мы обозначаем согласные 4-го ряда через греческие, *x*, *π*, *τ*. Вообще же, следуя принятой графике, мы обозначаем их через обычные *k*, *p*, *t*, которыми изображаются глухие прдыхательные.

§ 16. Наиболее значительное расхождение в консонантизме иронского и дигорского заключается в следующем: в дигорском (кроме некоторых говоров) нет палатальных аффрикат \check{c} , \check{c}' , \check{z} , которые имеются в иронском. Следует при этом отметить, что в самом иронском эти аффрикаты представляют относительно новое явление и появились в результате палатализации задненёбных k , k' , g перед передними гласными i , y , e .

Мы имеем, следовательно, закономерный ряд соответствий:

$$\left. \begin{array}{l} \text{и. } \check{c} \text{ — д. } k \\ \check{c}' \text{ — } k' \\ \check{z} \text{ — } g \end{array} \right\} \text{ перед } i, e$$

Примеры:

и. <i>čerena</i>	д. <i>kerena</i>	'хороводный танец'
<i>činyg</i>	<i>kiunugæ</i>	'книга'
<i>čygz</i>	д. <i>kizgæ</i>	'девушка'
<i>čynz</i>	<i>kinzæ</i>	'невеста'
<i>tyččy</i>	<i>tikki</i>	'игральный камешек'
<i>karčy</i> (род. пад. от <i>kark</i>)	<i>karki</i>	'курицы'
<i>č'iri</i>	<i>k'ere</i>	'лепешка'
<i>č'yldym</i>	<i>k'ildun</i>	'зад', 'спина'
<i>č'yr</i>	<i>k'iræ</i>	'известь'
<i>ærč'i</i>	<i>ærk'e</i>	'горная обувь'
<i>syč'i</i>	<i>sk'e</i>	'серна'
<i>š'ipp</i>	<i>gepp</i>	'печать'
<i>ražy</i>	<i>ragi</i>	'рано', 'давно'
<i>læžy</i> (род. пад. от <i>læg</i>)	<i>læggi</i>	'человека'
<i>adžyn</i>	<i>adgin</i>	'сладкий'
<i>sæxžyn</i>	<i>sæxgin</i>	'соленый'
и др. ¹		

Примечание. В нескольких случаях ир. \check{z} отвечает в диг. не g , а k' :

и. <i>ž'ia</i>	д. <i>k'ex</i>	'остолбеневающий', 'столбняк'
<i>syžyt</i>	<i>sik'it</i> (рядом с <i>sigit</i>)	'земля', 'почва'

§ 17. В ряде дигорских говоров зубные c , c' , z , s , z перед гласными i , e сильно палатализуются, переходя (например в моздокском говоре) в \check{c} , \check{c}' , \check{z} , \check{s} , \check{z} ; в иронском такая палатализация не имеет места:

и. <i>cyrağ</i>	д. <i>čirağ</i>	'свеча'
<i>cy</i>	<i>či</i>	'что'
<i>cyxt</i>	<i>čigd</i>	'сыр'
<i>cyllæ</i>	<i>čille</i>	'шелк'

¹ Даже в заимствованных словах дигорский нередко замещает \check{z} через k , напр., *kežotka* 'чахотка' (Bes. 78).

<i>c'iu</i>	<i>č'eu</i>	'птичка'
<i>c'iti</i>	<i>č'ete</i>	'глетчер'
<i>c'yf</i>	<i>č'ifæ</i>	'грязь'
<i>zylæ</i>	<i>žillæ</i>	'мир', 'общество'
<i>zykku</i>	<i>žikko</i>	'коса (женская)'
<i>kærzyn</i>	<i>kæržin</i>	'хлеб'
<i>simd</i>	<i>šind</i>	'хороводный танец'
<i>syvylz</i>	<i>šibulzæ</i>	'карагач'
<i>sižær</i>	<i>šežær</i>	'сирота'
<i>synz</i>	<i>šinžæ</i>	'репей', 'колючка'
<i>misyn</i>	<i>mešin</i>	'айран', 'пахтание'
<i>æxsyr</i>	<i>æxsir</i>	'молоко'
<i>zilyn</i>	<i>želun</i>	'вращать'
<i>zian</i>	<i>žian</i>	'убыток'
<i>zynğ</i>	<i>žing</i>	'огонь'
<i>ævzist</i>	<i>ævžestæ</i>	'серебро'
<i>yzdy</i>	<i>iždi</i>	'свинец'
<i>mysty</i>	<i>mišti</i> (от <i>myst</i>)	'мышь'
п т. п.		

В принятой дигорской графике палатализация остается без обозначения, что на практике не влечет никаких неудобств, так как фонематического значения палатализация не имеет.

§ 18. Начальному ир. *q* преимущественно в словах, принадлежащих к иранскому слою осетинского языка, в дигорском отвечает *ğ* (истор. *g*, *gh*):

п. <i>qavun</i>	д. <i>ğavun</i>	'метить', 'целиться'
<i>qazun</i>	<i>ğazun</i>	'играть'
<i>qal</i>	<i>ğal</i>	'бодрствующий'
<i>qælzæg</i>	<i>ğælzæg</i>	'веселый'
<i>qarm</i>	<i>ğar</i>	'теплый'
<i>qarun</i>	<i>ğarun</i>	'просачиваться'
<i>qædynz</i>	<i>ğædinzæ</i>	'лук'
<i>qædgom</i>	<i>ğædgin</i>	'язва'
<i>qæbys</i>	<i>ğæbes(æ)</i>	'объятие'
<i>qælæs</i>	<i>ğælæs</i>	'голос'
<i>qæd</i>	<i>ğædæ</i>	'лес', 'бревно'
<i>qæzdug</i>	<i>ğæzdug</i>	'богатый'
<i>qæmp</i>	<i>ğæmpæ</i>	'солома'
<i>qæn</i>	<i>ğænæ</i>	'повреждение'
<i>qær</i>	<i>ğær</i>	'крик'
<i>qærzyn</i>	<i>ğærzun</i>	'стонать'
<i>qast</i>	<i>ğast</i>	'жалоба'
<i>qæu</i>	<i>ğæu</i>	'село', 'аул'

<i>qæmyn</i>	<i>ǰæmyn</i>	‘быть нужным’
<i>qizæmar</i>	<i>ǰezæmaræ</i>	‘мúка’, ‘страдание’
<i>qil</i>	<i>ǰelæ</i>	‘дубина’
<i>qis</i>	<i>ǰesæ</i>	‘щетина’, ‘грубая шерсть’
<i>qid</i>	<i>ǰog</i>	‘корова’
<i>qul</i>	<i>ǰolæ</i>	‘альчик’
<i>qulon</i>	<i>ǰolon</i>	‘пестрый’
<i>qom</i>	<i>ǰom</i>	‘крупный рогатый скот’
<i>qus</i>	<i>ǰos</i>	‘ухо’
<i>quaz</i>	<i>ǰæuanz</i>	‘самка оленя’
<i>quydy</i>	<i>ǰudi</i>	‘мысль’
<i>quydtag</i>	<i>ǰudtag</i>	‘дело’
<i>quyzyu</i>	<i>ǰuzyu</i>	‘красться’
<i>qurnyn</i>	<i>ǰirnyu</i>	и. ‘подпевать’, д. ‘скулить’
<i>quyn</i>	<i>ǰyn</i>	‘волос,’ ‘шерсть’
<i>qug</i>	<i>ǰigæ</i>	‘грусть’
<i>quzyu</i>	<i>ǰuzyu</i>	‘морозить’

и др.

В других случаях (преимущественно в словах не иранского происхождения) ир. начальному *q* может и в дигорском отвечать *ǰ*:

и. <i>qaz</i>	д. <i>qaz</i>	‘гусь’
<i>qalon</i>	<i>qalon</i>	‘налог’
<i>qata</i>	<i>qæta</i>	‘кинжал’
<i>qatyl</i>	<i>qamyl</i>	‘камыш’
<i>qaru</i>	<i>qaruæ</i>	‘доблесть’, ‘энергия’
<i>qæbær</i>	<i>qæbær</i>	‘твердый’
<i>qæbul</i>	<i>qæbolæ</i>	‘детеныш’
<i>qædur</i>	<i>qædoræ</i>	‘фасоль’
<i>qæz</i>	<i>qæzæ</i>	‘камыш’, ‘тростник’
<i>qændil</i>	<i>qændelæ</i>	‘жук’
<i>quymas</i>	<i>qumas</i>	‘ткань’, ‘материя’
<i>quyr</i>	<i>qur</i>	‘горло’

и др.

Примечание. В нескольких случаях имеем необычное соответствие — и. *ǰ* — д. *q*:

и. <i>æzǰær</i>	д. <i>æsqær</i>	‘металл’
<i>nyǰuylun</i>	<i>niqulun</i>	‘окуна́тьс

§ 19. Конечному ир. *m* (не только в исходе слова, но и ¹слога) отвечает, как правило, конечное диг. *n*:

и. <i>gom</i>	д. <i>igon</i>	‘открытый’
<i>rajsom</i>	<i>ison</i>	‘завтра’

<i>fysym</i>	<i>fusun</i>	‘хозяин дома’ (в отношении гостя)
<i>č'yldym</i>	<i>k'ildun</i>	‘зад’, ‘спина’
<i>xœram</i>	<i>xœran</i>	‘враждебный’, ‘вредный’, ‘не впрок’
<i>salam</i>	<i>salan</i>	‘привет’
<i>nom</i>	<i>non</i> (рядом с <i>nom</i>)	‘имя’
<i>œrgom</i>	<i>œrgon</i>	‘вязанка’
<i>dam</i>	<i>dan</i>	‘дескать’, ‘слух’, ‘молва’
<i>bæġæmvað</i>	<i>bæġænbað</i>	‘босой’ (также <i>bæġænsar</i> , <i>baġænzængæ</i>)
<i>simd</i>	<i>sind</i>	‘хороводный танец’
<i>xumtgænd</i>	<i>xungændæ</i>	‘пашня’
<i>næmzypæn</i>	<i>nænzænpæn</i>	‘я буду бить’
<i>cymdton</i>	<i>cundton</i>	‘хлебал’
<i>œmk'aj</i>	<i>œnk'aj</i> ¹	‘пара’, ‘супруг’
<i>œmgar</i>	<i>œngaræ</i>	‘сверстник’
<i>œmġuyð</i>	<i>œnġud</i>	‘срок’
<i>œmzæġð</i>	<i>œnzæġð</i>	‘отбивание такта ладонями’

и т. п.

То же в глагольных окончаниях 1-го л. мн. ч.:

и. <i>xæssæm</i>	д. <i>xæssæn</i>	‘мы несем’
<i>xastam</i>	<i>xastan</i>	мы несли’

и т. п.

Однако в ряде случаев находим конечное *m* в дигорском, как иронском:

и. <i>kom</i>	д. <i>kom</i>	‘ущелье’
<i>qom</i>	<i>ġom</i>	‘крупный рогатый скот’, но <i>ġongæs</i> ‘пастух’
<i>som</i>	<i>som</i>	‘рубль’

и др.

Примечание. Конечной группе *rm* может отвечать в дигорском *r*:

и. <i>qarm</i>	д. <i>ġar</i>	‘теплый’
<i>carm</i>	<i>car</i>	‘шкура’
<i>æfsarm</i>	<i>æfsar</i>	‘стыд’

§ 20. Группе *sm* в иронском отвечает в ряде случаев группа *ns* в дигорском, а группе *zm* в иронском — группа *nz* в дигорском:

и. <i>sasm</i>	д. <i>sans</i>	‘клей’
<i>casm</i>	<i>cans</i>	‘петля’
<i>fæsm</i>	<i>fans</i>	‘шерсть осенней стрижки’
<i>fæzmpun</i>	<i>fænzun</i>	‘подражать’
<i>az</i> (* <i>azm</i>)	<i>anz</i>	‘год’

Примечание. Неожиданным с этой точки зрения является соответствие

и. <i>tuлзун</i>	д. <i>tuzun</i> (рядом с <i>tuлзун</i>)	‘спешить’
------------------	--	-----------

¹ Префикс и. *œm* — д. *œn*.

§ 21. В виду того, что процессы ассимиляции согласных получили в дигорском меньшее развитие, нежели в иронском, мы находим ряд случаев, когда группе из двух одинаковых согласных в иронском отвечает группа из двух различных (не ассимилированных) согласных в дигорском.

а) Группе *ss* в иронском отвечает группа *ns* в дигорском:

и. (y)ssæz	д. insæj	‘двадцать’
xussar	xonsar	‘юг’
fyssyn	finsun	‘писать’
t'yssyn	t'unsun	‘совать’
(y)ssyn	insun	‘молотъ’, ‘точить’
(y)ssyr	ensuræ	‘кльк’
(y)ssændyn	ensændun	‘топтать’, ‘мять’
(y)ssonyn	ensonnun	‘продвигать’, ‘проталкивать’

В исходе иронскому *s* может отвечать диг. *ns*:

и. fos	д. fons	‘кот’
bos	bons	‘перевязь’

б) Группе *xx* (в исходе также *x*) в иронском отвечает группа *nx* в дигорском:

и. æxxæst	д. ænxæst	‘совершенный’
æxxuys	ænxus	‘помощь’
xox	xonx	‘гора’
zæxx	zænxæ	‘земля’
cæxx	cænxæ	‘соль’
syx	sinx	‘квартал’
xorzæx	xuarzænxæ	‘благоволение’
fydæx	fudænxæ	‘вражда’, ‘немильность’
xaxx	xanxæ	‘черта’, ‘линия’
rox	ironx	‘забытый’
fyx	funx	‘сваренный’, ‘спеченый’
gyuxxæl	konxæl	‘воздержный в пище’
и др.		

в) Группе *ğğ* в иронском отвечает группа *nğ* в дигорском:

и. æğğæd	д. ænğæd	‘довольно’
----------	----------	------------

г) Группе *vv* в иронском отвечает группа *nv* в дигорском:

и. ævvaaxs	д. ænvvaaxs	‘близко’
bæğvævvad	bæğvæn vad	‘босой’

е) Ир. *-g* в исходе отвечает в нескольких случаях диг. *-ngæ*:

и. <i>uasæg</i>	д. <i>uasængæ</i>	‘петух’
<i>æxsinæg</i>	<i>æxsinængæ</i>	‘голубь’
<i>garæg</i>	<i>ǵarængæ</i>	‘причитание’
<i>kadæg</i>	<i>kadængæ</i>	‘эпическая песня’
<i>rizæg</i>	<i>rezængæ</i>	‘лихорадка’

В этих словах *n* в дигорском вряд ли имеет историческое значение.

f) Группе *tt* (*dt*) в иронском отвечает группа *ntt* (*ndt*) или *nd* в дигорском, это имеет место главным образом во множественном числе слов, исходящих на *n* или *nd* и подверженных Umlaut’у, где иронский ассимилирует конечный согласный *n* с показателем множественности *t*, тогда как дигорский сохраняет *n* не ассимилированным:

и. <i>ættæmæ</i>	д. <i>ændæmæ</i>	‘наружу’
<i>dættæ</i>	<i>dænttæ</i>	‘воды’ (от <i>don</i>)
<i>kærættæ</i>	<i>kærænttæ</i>	‘концы’ (от <i>kæron</i>)
<i>xalættæ</i>	<i>xalænttæ</i>	‘вороны’ (от <i>xalon</i>)
<i>gutættæ</i>	<i>gotænttæ</i>	‘плуги’ (от <i>guton</i> , <i>goton</i>)
<i>byrættæ</i>	<i>burænttæ</i>	‘мусор’ (от <i>byron</i> , <i>buronjæ</i>)
<i>zærættæ</i>	<i>zærændtæ</i>	‘старик’ (от <i>zærond</i>)
и др.		

Примечание. Сюда же следует отнести такие слова, как:

и. <i>kuuroj</i>	д. <i>kurojnæ</i>	‘мельница’
<i>fælløj</i>	<i>fælløjnæ</i>	‘труд’ ‘имущество’
<i>æǵdyncoj</i>	<i>æǵdincøjnæ</i>	‘стремя’
<i>uisoj</i>	<i>jesojnæ</i>	‘метла’
<i>kuysi</i>	<i>kusinæ</i>	‘ковш’
<i>xuyfi</i>	<i>xufinæ</i>	‘кожаное решето’

и др. (см. § 14, с), где иронский утратил, а дигорский сохранил *n*; во мн. ч. мы имеем соответственно:

и. <i>kuuræjtæ</i>	д. <i>kurænttæ</i>	‘мельницы’
<i>fællæjtæ</i>	<i>fællænttæ</i>	‘труды’
<i>æǵdynçæjtæ</i>	<i>æǵdincænttæ</i>	‘стремена’
<i>uisæjtæ</i>	<i>jesænttæ</i>	‘метлы’
<i>kuysitæ</i>	<i>kusinttæ</i>	‘ковши’
<i>xuyfitæ</i>	<i>xufinttæ</i>	‘кожаные решета’

g) Группе *zz* в иронском отвечает группа *jz* в дигорском:

и. <i>bazzajyn</i>	д. <i>bajzajyn</i>	‘остаться’
<i>aqazzag</i>	<i>aǵajzag</i>	‘отменный’

§-22. Ир. интервокальному и интерсонорному *v* отвечает в ряде случаев диг. *b*:

и. <i>ruvas</i>	д. <i>robas</i>	‘лиса’
<i>zyvyr</i> (рядом с <i>zybyr</i>)	<i>zibur</i>	‘соха’
<i>siivr</i>	<i>sebur</i>	‘корыто с отверстием’

<i>syvylʒ</i>	<i>sibulʒæ</i>	‘карагач’
<i>zærvatykk</i>	<i>zærbatukkæ</i>	‘ласточка’
<i>zævæt</i>	<i>zæbæt</i>	‘пятка’
<i>bæġæmvað</i>	<i>bæġænbad</i> (рядом с <i>bæġæmvað</i>)	‘босой’

§ 23. В нескольких случаях иронскому звонкому или придыхательному отвечает в дигорском смычно-гортанный:

и. <i>zyx</i>	д. <i>s'ux</i> (рядом с <i>zyx</i>)	‘рот’
<i>ʒix</i>	<i>k'ex</i>	‘остолбеневший’
<i>syʒyt</i>	<i>sik'it</i> (есть и <i>sigit</i>)	‘земля, почва’
<i>uylyng</i>	<i>ulink'æ</i>	‘пядь (мера длины)’
<i>sguyxun</i>	<i>æsk'uænɣun</i>	‘отличаться’
<i>stigyn</i>	<i>æst'egun</i>	‘сдирать кожу’
<i>axston</i>	<i>ast'onæ</i>	‘гнездо’
<i>myrtkæ</i>	<i>murk'æ</i>	‘калина’
<i>gærax</i>	<i>k'ærax</i>	‘выстрел’
<i>sysʒy</i>	<i>sisk'i</i> (рядом с <i>zætææ</i>)	‘вес’

Обратное отношение:

и. *bulk'* д. *bolgæ* ‘редис’

§ 24. В нескольких случаях иронским глухим в исходе отвечают звонкие в дигорском, часто в формах причастия прошедшего времени глаголов:

и. <i>cyxt</i>	д. <i>cigd</i>	‘сыр’
<i>kaft</i>	<i>kavd</i>	‘пляска’
<i>k'aaxt</i>	<i>k'agd</i>	‘яма’
<i>ulæft</i>	<i>uolævd</i>	‘вздых’
<i>sæft</i>	<i>isavd</i>	‘пропавший’ (СОПам. II 63)
<i>nytmæc</i>	<i>nimæzæ</i>	‘число’

Такое же соответствие в начальном положении:

и. <i>ġetæn</i>		д. <i>geten</i>	‘холст’
<i>çæxæra</i>	‘свекла’	<i>zæxæra</i>	‘огород’
<i>sal</i>		<i>zælæ</i>	‘детское место,’ ‘послед’

Наряду с этим в некоторых дигорских говорах появляется глухой в соответствии иронскому звонкому:

и. <i>cyrd</i>	д. <i>curt</i>	‘ловкий’ (СОПам. II 29)
<i>card</i>	<i>cart</i>	‘жизнь’
<i>zondʒyn</i>	<i>zuntgin</i>	‘умный’
<i>ard</i>	<i>art</i>	‘клятва’

<i>cæfxad</i>	<i>cæfxat</i>	‘подкова’ (СОПам. II 124)
<i>zæbug</i>	<i>zæbokæ</i>	‘МОЛОТОК’
<i>æsmudyn</i>	<i>æsmotun</i>	‘нюхать’
<i>zɔnyǰ</i>	<i>conæǰ</i>	‘сани’

25. Ир. *z* отвечает иногда диг. *ʒ*:

и. <i>zalgæd</i>	д. <i>zalgædæ</i>	‘азалия’ (растение)
<i>zyndon</i>	<i>ʒindonæ</i> (рядом с <i>zindonæ</i>)	‘ад’
<i>zaman</i>	<i>ʒaman</i>	‘время’
<i>zyǰarœg</i>	<i>ʒœǰarœg</i>	‘барсук’
<i>æxszɔgon</i>	<i>æxsiʒgæ, æxsiʒgon</i>	‘приятный’
<i>zœǰyn</i>	<i>ʒœǰyn</i> (рядом с <i>zœǰyn</i>)	‘сказать’

Примечание. В словах: и. *disny* — д. *uzestæ* ‘пядь’ имеем соответствие ир. *d* — диг. *ʒ*.

§ 26. Ир. *l* отвечает иногда диг. *r*:

и. <i>xuylf</i>	д. <i>xurfæ</i>	‘внутренность’
<i>ɠuylfœj</i>	<i>ɠurfœj</i>	‘скопом’;

обратное соответствие: и. *ærysk’æf* — д. *lisk’æf* ‘земляника’.

§ 27. Явление геминации согласных имеет широчайшее распространение в обоих диалектах осетинского языка. Случаи появления геминированных согласных в основном одни и те же в иронском и дигорском. Лишь в нескольких случаях дигорский отходит от иронского, давая геминацию там, где в иронском она не имеет места.

а) В обоих диалектах преверб *ny-*, *ni-*, присоединяясь к глаголу, вызывает геминацию начального согласного (или полугласного) глагола: *nyssæuyn*, д. *nißsæuyn* ‘сойти вниз’ (от *sæuyn*, *sæuyn* ‘итти’), и. *nykkalyn*, д. *nißkkalyn* ‘разлить,’ ‘рассыпать’ (от *kalyn*, *kaʎyn*), и. *nyuiazyn*, д. *nißuiazyn* ‘оставить’ (от *uiazyn*, *uaʒyn*) и т. п.

В дигорском, в отличие от иронского, этим свойством вызывать геминацию начального согласного (или полугласного) глагола обладает не только преверб *ni-*, но и преверб *fæ-*:

и. <i>fæssæuyn</i>	д. <i>fæßsæuyn</i>
<i>fækalyn</i>	<i>fækkalyn</i>
<i>fæuiazyn</i>	<i>fæuiazyn</i>
и т. п.	

б) В обоих диалектах показатель множественности *t* геминируется, если слово исходит на плавный (*r*, *l*), носовой (*n*, *m*) или полугласный (*j*, *u*) и если во мн. ч. имеет место Umlaut (см. § 13, а):

<i>xæzar(æ)</i>	<i>xæzærttæ</i>	‘дом’
<i>amal</i>	<i>amælttæ</i>	‘способ’
<i>don dættæ</i>	<i>dænttæ</i>	‘вода’
<i>kom</i>	<i>kæmttæ</i>	‘ущелье’
<i>xaj</i>	<i>xæjttæ</i>	‘часть’
<i>ægdau</i>	<i>ægdæuttæ</i>	‘обычай’

и т. п.

В дигорском Umlaut, а в связи с ним и геминация показателя множественности *t* имеют место и в ряде таких случаев, когда в иронском они не наблюдаются:

и. <i>bon, bontæ</i>	д. <i>bon, bænttæ</i>	‘день’
<i>qædzul, qædzultæ</i>	<i>ǰædzol(æ), ǰædzælttæ</i>	‘одеяло’ (СОПам. II 150)
<i>bædul, bædultæ</i>	<i>bædolæ, bædælttæ</i>	‘детеныш’
<i>uadul, uadultæ</i>	<i>uadolæ, uadælttæ</i>	‘щека’

и т. п.

П р и м е ч а н и е. Даже без Umlaut’а слова, исходящие на *-inæ*, могут в дигорском геминировать *t* во мн. ч.:

<i>kusinae, kusinttæ</i>	‘ковш’ (СОПам. II 50)
<i>æfsinae, æfsinttæ</i>	‘хозяйка’ (СОПам. II 125)
<i>ænxætinae, ænxætinttæ</i>	‘спутник’ (СОПам. II 143)

с) Спорадически в дигорских текстах встречаем случаи геминации, не наблюдаемые в иронском:

и. <i>susægæj</i>	д. <i>sosæggæj</i>	‘тайком’ (СОПам. II 173)
<i>xudinag</i>	<i>xoddujnag</i>	‘стыд’, ‘позор’ (СОПам. II 63)
<i>kærdo</i>	<i>kærttu</i>	‘груша’
<i>čyzžytæ</i>	<i>kizguttæ</i>	‘девушки’
<i>nožy</i>	<i>nikki</i>	‘еще’
<i>ærdygæj</i>	<i>ærdikki</i>	‘со стороны’
<i>midægæj</i>	<i>medækkæj</i>	‘изнутри’ (SD. 289)
<i>dælijæ, uælijæ</i>	<i>dællæj, uællæj</i>	‘снизу’, ‘сверху’
<i>mæ fydy stæn</i>	<i>mæ fidi sttæn</i>	‘клянусь отцом’ (ДСк. 55)

Обратное отношение имеем в соответствии:

и. <i>cuqqa</i>	д. <i>coqa</i>	‘черкеска’
<i>sæqqis</i>	<i>sæqes</i>	‘грубая шерсть’

§ 28. Комбинаторные явления в области консонантизма в основном одни и те же в иронском и дигорском.

а) Озвончение глухих в интерсонорном положении:

и. д. <i>tas</i>	‘опасность’		и. д. <i>ædas</i>	‘безопасный’
<i>kard</i>	‘нож’		<i>æxsargard</i>	‘шашка’
<i>kæron</i>	‘конец’	и. <i>æmgæron</i>	д. <i>ængæron</i>	‘смежный’
и т. п.				

b) Ассимиляция:

и. д. *ær + lasy(u)n* → *ællasy(u)n* ‘привести’
zaxta ‘он сказал’

от основы *zæġ-* (*ġ* → *x* под влиянием *t*) и т. п.

Примечание. Исторически процессы ассимиляции выражены в дигорском слабее, нежели в иронском (см. § 21).

c) Диссимиляция (*r* → *l*)

и. *styr* д. *stur* ‘большой’ в сравн. степ.
styldæc *stuldæc*
и т. п.

§ 28a. В ряде случаев расхождение звукового облика слов между иронским и дигорским выражается в перестановке звуков (метатезе), причем более старую форму сохраняет в одних случаях иронский, в других дигорский:

и. <i>æfsymæc</i> (из * <i>æmsyvæc</i>)	д. <i>ænsuvæc</i>	‘брат (родной)
<i>ælxysk’</i>	<i>æxsilk’æ</i>	‘щипок’
<i>ærdyn</i>	<i>ænduræ</i> (рядом с <i>ærdunæ</i>)	‘лук (оружие)’
<i>ærgævdyn</i>	<i>ævgærdun</i>	‘резать’
<i>ængævzyn</i>	<i>ævgæzun</i>	‘полоскать’
<i>lymæn</i>	<i>nimæl</i> (рядом с <i>limæn</i>)	‘друг’
<i>quzy</i>	<i>zigu, zigi</i>	‘щекотка’
<i>pysyra</i>	<i>pursa</i>	‘крапива’
<i>sasir</i>	<i>sarsenæ</i>	‘сито’
<i>zok’o</i>	<i>k’ozo</i>	‘гриб’
<i>zyġwymtæ</i>	<i>usqumtæ</i>	‘навыворот’
<i>læqqug</i>	<i>quælēg</i>	‘тухлый’

IV. Ударение

§ 29. В отношении ударения между иронским и дигорским имеются значительные расхождения.

§ 30. Иронское ударение подчиняется следующим правилам:¹

а) Ударным может быть только первый или второй слог от начала, дальше второго слога ударение в иронском падать не может.

¹ См. «Доклады Ак. Наук», 1924, окт.—дек., стр. 152—155.

б) Если в первом слове слабый гласный (см. § 1), то ударение падает на второй слог: *færdæt* 'топор' *færdæzyn* 'мочь'.

с) Если в первом слове сильный гласный, а во втором слабый, то ударение падает на первый слог: *ádæjmag* 'человек'.

д) Если в первом и во втором слове сильный гласный, то ударение падает в одних случаях на первый слог, в других — на второй, но чаще на первый: *átonyn* 'показывать', *xússar* 'юг', но *fadát* 'возможность', *qarú* 'энергия', *tamáko* 'табак' и др.

е) В именах, имеющих ударение на втором слове, ударение переходит на первый слог, если речь идет об определенном предмете; *færdæt* 'ein Axt', *færdæt* 'der Axt'.

§ 31. В дигорском имеем несколько иную картину. /

а) Ударение может падать и дальше второго слога от начала — на третий, четвертый и т. д.

б) В словах, заключающих одни только слабые или одни только сильные гласные, ударение падает на последний слог: *sædæ* 'сто', *censuvær* 'брат' (п. *cæfsjæmæc*), *robás* 'лиса' (п. *rúvas*). *Sataná* женское имя (п. *Satána*).

Примечание. В трех- и многосложных словах последний слог не принимает ударения, если он принадлежит окончанию и содержит слабый гласный: *æstæxine* 'я взлетел бы'.

с) В словах, заключающих комбинацию сильных гласных со слабыми, ударение падает на ближайший к концу слова сильный гласный: *bércæġ* 'волк' (п. *bíræġ*), *dændág* 'зуб' (п. *dændág*), *uásænge* 'петух' (п. *uásæġ*), *qædóroæ* 'фасоль' (п. *qædúr*), *zæxærá* 'свекла' (п. *cæxæra*), *uadólæ* 'щека' (п. *uádul*), *færæstæjmag* 'девятый' (п. *færæstæjmag*) и т. п.

§ 32. В дигорском более, чем в иронском, дают о себе знать старые количественные различия между гласными, которые в значительной мере скрадывают и перекрывают и без того слабое дигорское ударение; как общее положение, можно принять, что ударение в дигорском менее ясно выражено, чем в иронском.

§ 33. Что касается распределения ударения в потоке речи (Satzakzent), то здесь, насколько можно судить по недостаточным пока наблюдениям, дигорский дает ту же картину, что иронский, а именно: группы слов, определенным образом синтаксически связанные, объединяются в группы с одним ударением;¹ основные типы ритмических групп те же, что в иронском:

- а) энклитики,
- б) проклитики,
- с) определение с определяемым,
- д) послелог с управляемым словом,
- е) сложный глагол.

¹ См. ниже статью «Ритмика осетинской речи».

Б. МОРФОЛОГИЯ

I. Словоизменение

1. Имя¹

§ 34. Оба диалекта осетинского языка — иронский и дигорский — не знают различения имен по грамматическому классу или грамматическому роду.

§ 35. Склонение в обоих диалектах однотипное, агглютинативное, с постоянным показателем множественности *t* и с одинаковыми падежными окончаниями в единственном и множественном числе и для всех категорий имен. Между склонением имен существительных и имен прилагательных нет никакого различия. Прилагательные и числительные, если они стоят при имени существительном в качестве определения, не изменяются по падежам и числам.

§ 36. Множественное число в обоих диалектах образуется присоединением элемента *t*(*æ*) либо непосредственно к основе (если основа исходит на гласный, полугласный или одиночный согласный), либо со вставкой гласного *y*(*uy*) в иронском, *i*, *u* в дигорском (если основа исходит на группу из двух или более согласных, или на *-æg*, *-yg*, *-ig*, *-ug* — в двухсложных и многосложных словах).

Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.	
п. <i>k'uyri</i>	<i>k'uyritæ</i>	д. <i>k'uære</i>	<i>k'uæretæ</i>	'неделя'
<i>ga</i>	<i>galtæ</i>	<i>gal</i>	<i>galtæ</i>	'бык'
<i>qus</i>	<i>qustæ</i>	<i>gos</i>	<i>gostæ</i>	'ухо'
<i>qæu</i>	<i>qæutæ</i>	<i>gæu</i>	<i>gæutæ</i>	'село'
<i>bæx</i>	<i>bæxtæ</i>	<i>bæx</i>	<i>bæxtæ</i>	'лошадь'
<i>læg</i>	<i>lægtæ</i>	<i>læg</i>	<i>lægtæ</i>	'мужчина'
<i>calx</i>	<i>cælxytæ</i>	<i>calx</i>	<i>cælxitæ</i>	'колесо'
<i>myst</i>	<i>mystytæ</i>	<i>mistæ</i>	<i>mistitæ</i>	'мышь'
<i>næmyg</i>	<i>næmgytæ</i>	<i>næmug</i>	<i>næmgutæ</i>	'пуля'
<i>kærdæg</i>	<i>kærdæžytæ</i>	<i>kærdæg</i>	<i>kærdægutæ</i>	'трава'

Примечание. Основы, исходящие на плавный или носовой плюс другой согласный, очень часто присоединяют показатель множественности без вставки гласного элемента.

Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.	
и. <i>arġ</i>	<i>ærġtæ</i>	д. id.	id.	'цена'
<i>arv</i>	<i>ærvtæ</i>	id.	id.	'небо'
<i>sarġ</i>	<i>særġtæ</i>	id.	id.	'седло'
<i>darġ</i>	<i>dærġtæ</i>	id.	id.	'длинный'
<i>arm</i>	<i>ærttæ</i>			'рука'
<i>mard</i>	<i>mærdtæ</i>	id.	id.	'труп'

¹ Мы не выделяем имени существительного, прилагательного и числительного, так как нормы словоизменения у них одни и те же.

§ 37. Общей для иронского и дигорского является также следующая закономерность: если основа исходит на плавный (*r, l*), носовой (*n, m*) или полугласный (*j, w*) и происходит Umlaut, т. е. ослабление гласного основы *a, o, в æ* (см. § 13, а), то показатель множественности геминируется (см. §§ 27 и 21).

§ 38. В обоих диалектах некоторые термины родства, основа которых исходит на *d, t*, образуют мн. ч. необычным образом — путем вставки элемента *-æl-*, причем в дигорском в отличие от иронского конечный согласный *d* основы геминируется:

Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.	
и. <i>mad</i>	<i>madæltæ</i>	д. <i>mædæ</i>	<i>maddæltæ</i>	‘мать’
<i>fyd</i>	<i>fydæltæ</i>	<i>fidæ</i>	<i>fiddæltæ</i>	‘отец’
<i>cervad</i>	<i>cervadæltæ</i>	<i>cervadæ</i>	<i>cervaddæltæ</i>	‘родич’

В иронском такой способ образования мн. ч. наблюдается только в приведенных трех словах. В дигорском же находим еще целый ряд слов, обнаруживающих ту же особенность в образовании мн. ч.

Ед. ч.	Мн. ч.	
д. <i>uosæ</i>	<i>uostæltæ</i>	‘жена,’ ‘женщина’ (и. <i>us ustyte</i>)
<i>nostæ</i>	<i>nostæltæ</i>	‘невестка’
<i>uxst</i>	<i>uxstæltæ</i>	(СОПам. II 41; рядом с <i>uxstite</i>) ‘вертел’
<i>xatt</i>	<i>xattæltæ</i>	‘раз’ (SD 256)
<i>fest</i>	<i>festæltæ</i>	‘шерсть’
<i>sast</i>	<i>sastæltæ</i>	‘обломок’ (СОПам. II 49)
<i>kust</i>	<i>kustæltæ</i>	‘работа’ (SD 160 ₂)
<i>cigd</i>	<i>cigdæltæ</i>	‘сыр’ (SD 191 ₂)
<i>mes</i>	<i>mestæltæ</i>	‘кожаный чулок’

§ 39. В иронском имеется девять падежей: 1) именительный, 2) родительный, 3) дательный, 4) направительный, 5) орудно-отложительный, 6) местный внутренний, 7) местный внешний, 8) уподобительный, 9) союзный (или совместный).

В дигорском находим все эти же падежи, кроме союзного; отношения союзности или совместности выражаются в дигорском с помощью послелога *xæssæ* ‘вместе’, управляющего, как и другие послелоги, родительным падежом. Винительного падежа с особыми формальными признаками осетинский не знает; функция прямого объекта выражается либо родительным, если речь идет об определенном и одушевленном предмете, либо именительным, если речь идет о неопределенном предмете, будь он одушевленным или неодушевленным, или о неодушевленном, если даже он определенный.¹ Приведем для образца склонение слова *bæx* ‘лошадь’ в обоих диалектах.

¹ Подробнее о винительном падеже в осетинском см. выше, стр. 129 сл.

	Ед. ч.		
Именит.	и. <i>bæx</i>	д. <i>bæx</i>	'лошадь'
Родит.	<i>bæxy</i>	<i>bæxi</i>	'лошади'
Дательн.	<i>bæxæn</i>	<i>bæxæn</i>	'(для) лошади'
Направит.	<i>bæxtæ</i>	<i>bæxtæ</i>	'к лошади', 'у лошади'
Орудно-отложит.	<i>bæxæj</i>	<i>bæxæj</i>	'лошадью', 'от лошади'
Местн. внутр.	<i>bæxy</i>	<i>bæxi</i>	'в лошади'
Местн. внешн.	<i>bæxyl</i>	<i>bæxbæl</i>	'на лошади'
Уподобит.	<i>bæxau</i>	<i>bæxau</i>	'подобно лошади'
Союзный	<i>bæxtimæ</i>	(<i>bæxi xæccæ</i>)	'с лошадью'

	Мн. ч.	
Именит.	и. <i>bæxtæ</i>	д. <i>bæxtæ</i>
Родит.	<i>bæxty</i>	<i>bæxti</i>
Дательн.	<i>bæxtæn</i>	<i>bæxtæn</i>
Направит.	<i>bæxtæm</i>	<i>bæxtæmæ</i>
Орудно-отложит.	<i>bæxtæj</i>	<i>bæxtæj</i>
Местн. внутр.	<i>bæxty</i>	<i>bæxti</i>
Местн. внешн.	<i>bæxtyl</i>	<i>bæxtabæl</i>
Уподобит.	<i>bæxtau</i>	<i>bæxtau</i>
Союзный	<i>bæxtimæ</i>	(<i>bæxti xæccæ</i>)

Различия в падежных окончаниях между иронским и дигорским сводятся: 1) к закономерному чередованию гласных: ир. *y* — диг. *i*. (см. § 9), 2) к различию формы направит. падежа во мн. ч.: ир. *-æm* (вм. *-mæ*) — диг. *-ætæ*, 3) к различию формы местного внешнего падежа в обоих числах: ир. *-yl* — диг. *-bæl*. Если слово исходит на гласный, то для избежания зияния при встрече гласного основы с гласным падежного окончания между ними вставляется в обоих диалектах *j* (парадигмы см. § 43).

§ 40. Как видно из приведенных выше примеров, имена во мн. ч. оканчиваются в именит. падеже на *tæ*; в этом элементе показателем множественности является согласный *t*, что касается гласного *æ*, то его надо рассматривать в обоих диалектах как окончание именит. падежа, так как в косвенных падежах он выпадает и уступает место другим падежным окончаниям. Учитывая агглютинативный характер осетинского склонения, мы в праве ожидать, что гласный *æ*, как окончание именит. падежа, появляется также в ед. ч. Это отчасти и подтверждается, но только для дигорского диалекта, где, правда, не все, но значительная часть имен действительно имеют в именит. падеже ед. ч. окончание *æ*, отпадающее в других падежах. В иронском этот элемент, как показатель именит. падежа ед. ч., отсутствует. В этом и заключается одно из существенных расхождений иронского и дигорского диалектов в области склонения.

Дигорские слова, где появляется конечный гласный *æ*, отсутствующий в иронском, весьма многочисленны и не поддаются удовлетворительной,

классификации. Отчасти это те слова, где исторически имелось конечное *a* основы, переосмысленное, в связи с трансформацией склонения из флективного в агглютинативное, в падежное окончание именительного падежа. Ниже мы даем перечень употребительнейших слов, где дигорскому конечному *a* отвечает нуль в иронском.

Основы на *-d, -t*

и. <i>mad</i>	д. <i>madæ</i>	‘мать’
<i>fyd</i>	<i>fidæ</i>	‘отец’
<i>(æ)rvad</i>	<i>ærvadæ</i>	‘родич’
<i>cad</i>	<i>cadæ</i>	‘озеро’
<i>kad</i>	<i>kadæ</i>	‘честь’, ‘почет’
<i>rad</i>	<i>radæ</i>	‘очередь’
<i>ad</i>	<i>adæ</i>	‘вкус’
<i>qæd</i>	<i>qædæ</i>	‘лес’
<i>cæd</i>	<i>cædæ</i>	‘пара быков’
<i>ud</i>	<i>uodæ</i>	‘душа’
<i>xud</i>	<i>xodæ</i>	‘шапка’
<i>ƒænd</i>	<i>ƒændæ</i>	‘замысел’
<i>kænd</i>	<i>kændæ</i>	‘поминки’
<i>c'ynd</i>	<i>c'undæ</i>	‘вмещающий закрытые глаза’
<i>n:yzd</i>	<i>nizdæ</i>	‘заработок’, ‘плата’
<i>myst</i>	<i>mistæ</i>	‘мышь’
<i>syst</i>	<i>sistæ</i>	‘вошь’
<i>lyst</i>	<i>listæ</i>	‘щепка’
<i>cæst</i>	<i>cæstæ</i>	‘глаз’
<i>ævzist</i>	<i>ævzistæ</i>	‘серебро’
<i>uædært(t)</i>	<i>uædærtæ</i>	‘веретенное кольцо’
<i>mæt</i>	<i>mætæ</i>	‘забота’
<i>sæt</i>	<i>sætæ</i>	‘слюна’
<i>cyt</i>	<i>citæ</i>	‘почет’

Основы на *-ʒ, -c*

и. <i>k'æʒ</i>	д. <i>k'æʒæ</i>	‘кривой’
<i>xæʒ</i>	<i>xæʒæ</i>	‘брюк’, ‘багор’
<i>synʒ</i>	<i>sinʒæ</i>	‘шип’, ‘колючка’
<i>bynʒ</i>	<i>binʒæ</i>	‘муха’
<i>rynʒ</i>	<i>rinʒæ</i>	‘звериная тропа’
<i>čynʒ</i>	<i>kinʒæ</i>	‘невестка’
<i>nytcæc</i>	<i>nitæʒæ</i>	‘счет’
<i>rævʒ</i>	<i>rævʒæ</i>	‘снаряженный’, ‘наготове’
<i>æʒynʒ</i>	<i>cæginʒæ</i>	‘столб’

<i>qædynz</i>	<i>ǰædinzæ</i>	‘лук (растение)’
<i>uadynz</i>	<i>uadinzæ</i>	‘свирель’
<i>tulz</i>	<i>tolzæ</i>	‘дуб’
<i>syvylz</i>	<i>sibulzæ</i>	‘карагач’
<i>arc</i>	<i>arcæ</i>	‘копье’
<i>kæxc</i>	<i>kæxcæ</i>	‘большая деревянная чаша’
<i>kærc</i>	<i>kærcæ</i>	‘шуба’
<i>bærc</i>	<i>bærcæ</i>	‘мера’
<i>dærg</i>	<i>dærgcæ</i>	‘длина’
<i>uærx</i>	<i>uærxcæ</i>	‘ширина’
<i>uærc</i>	<i>uærcæ</i>	‘перепел’
<i>byrc</i>	<i>burcæ</i>	‘перец’

Основы на -z, -s

п. <i>xos</i>	д. <i>xuasæ</i>	‘сено’
<i>us</i>	<i>uosæ</i>	‘женщина’, ‘жена’
<i>tuas</i>	<i>tuasæ</i>	‘шило’
<i>minas</i>	<i>minasæ</i>	‘угощение’
<i>as</i>	<i>asæ</i>	‘величина’, ‘рост’
<i>bas</i>	<i>basæ</i>	‘суп’
<i>bælas</i>	<i>bælasæ</i>	‘дерево’
<i>tæraz</i>	<i>tærazæ</i>	‘весы’
<i>gæbaz</i>	<i>gæbazæ</i>	‘клочок’
<i>qæbys</i>	<i>ǰæbesæ</i>	‘объятие’
<i>qis</i>	<i>ǰesæ</i>	‘щетина’, ‘грубая шерсть’
<i>færaz</i>	<i>færaznæ</i>	‘средство’, ‘возможность’
<i>bæzn</i>	<i>bæznæ, bæzdæ</i>	‘толщина’
<i>uæz</i>	<i>uæzæ</i>	‘тяжесть’
<i>fæz</i>	<i>fæzæ</i>	‘равнина’
<i>qæz</i>	<i>qæzæ</i>	‘камыш’
<i>xuыз</i>	<i>xuызæ</i>	‘вид’
<i>pyxs</i>	<i>pixsæ</i>	‘хворост’
<i>ǰæxs</i>	<i>æxsæ</i>	‘плеть’
<i>ǰæfs</i>	<i>æfsæ</i>	‘кобыла’
<i>xæfs</i>	<i>xæfsæ</i>	‘лягушка’
<i>tærs</i>	<i>tærsæ</i>	‘бук’
<i>kærz</i>	<i>kærzæ</i>	‘ясень’
<i>bærz</i>	<i>bærzæ</i>	‘береза’
<i>gærz</i>	<i>gærzæ</i>	‘ремень’

Основы на -l, -r

п. <i>cæl</i>	д. <i>cælæ</i>	‘пир’
<i>xal</i>	<i>xalæ</i>	‘нить’

<i>xyl</i>	<i>xilæ</i>	‘ссора’
<i>byl</i>	<i>bilæ</i>	‘губа’
<i>syl</i>	<i>silæ</i>	‘самка’
<i>tyl</i>	<i>tulæ</i>	‘темя’
<i>qil</i>	<i>ḡelæ</i>	‘дубина’
<i>č’il</i>	<i>k’elæ</i>	‘обод’, ‘пятка’
<i>sč’il</i>	<i>sk’elæ</i>	‘складка’, ‘пятка’, ‘зад’
<i>k’æzil</i>	<i>k’æzelæ</i>	‘хвост’
<i>qændil</i>	<i>qændelæ</i>	‘жук’
<i>k’wystil</i>	<i>k’ustelæ</i>	‘высокая кадушка’
<i>qul</i>	<i>ḡolæ</i>	‘альчик’
<i>bædul</i>	<i>bædolæ</i>	‘детеныш’
<i>uadul</i>	<i>uadolæ</i>	‘щека’
<i>zæbul</i>	<i>zæbolæ</i>	‘отвисшее’, ‘болтающееся’
<i>zāḡul</i>	<i>zāḡolæ</i>	‘косой взгляд’
<i>qæbul</i>	<i>qæbolæ</i>	‘детка’ (ласковое обращение)
<i>qædur</i>	<i>qædoræ</i>	‘фасоль’
<i>ærdyn</i>	<i>ænduræ</i> и <i>ærdunæ</i>	‘лук (оружие)’
<i>yssyr</i>	<i>ænsuræ</i>	‘кльк’
<i>kar</i>	<i>karæ</i>	‘возраст’
<i>ætgar</i>	<i>ængaræ</i>	‘сверстник’
<i>xæzar</i>	<i>xæzaræ</i>	‘дом’
<i>xuyr</i>	<i>xuræ</i>	‘щебень’
<i>xo</i>	<i>xuæræ</i>	‘сестра’
<i>ḡuyr</i>	<i>ḡuræ</i>	‘туловище’
<i>æfsir</i>	<i>æfseræ</i>	‘колос’
<i>læč’ir</i>	<i>læk’eræ</i>	‘мякина’

Основы на *-m*, *-n*

и. <i>сум</i>	д. <i>sumæ</i>	‘кизил’
<i>хум</i>	<i>xumæ</i>	‘пашня’, ‘поле’
<i>qæmp</i>	<i>ḡæmpæ</i>	‘солома’
<i>uærm</i>	<i>uærmæ</i>	‘яма’
<i>fælm</i>	<i>fælmæ</i>	‘мгла’, ‘дымка’
<i>qæn</i>	<i>ḡænæ</i>	‘поломка’, ‘повреждение’
<i>sæn</i>	<i>sænæ</i>	‘вино’
<i>ḡæn</i>	<i>ḡænæ</i>	‘конопля’
<i>tæn</i>	<i>tænæ</i>	‘пах’
<i>widon</i>	<i>jidonæ</i>	‘уздечка’
<i>ron</i>	<i>ronæ</i>	‘пояс’
<i>afon</i>	<i>afonæ</i>	‘пора’, ‘время’
<i>byron</i>	<i>byrojnæ</i>	‘сор’
<i>yss on</i>	<i>insojnæ</i>	‘точильный камень’
<i>ky roj</i>	<i>kurojnæ</i>	‘мельница’

<i>soj</i>	<i>sojnæ</i>	‘жир’
<i>moj</i>	<i>mojnæ</i>	‘муж’
<i>æncoj</i>	<i>æncojnæ</i>	‘покой’
<i>kæfoj</i>	<i>kæfojnæ</i>	‘плетеный совок’
<i>ægdyncoj</i>	<i>ægdincojnæ</i>	‘стремя’
<i>zængoj</i>	<i>zængoinæ</i>	‘ноговица’
<i>wisoj</i>	<i>jesojnæ</i>	‘метла’
<i>sagoj</i>	<i>sagojnæ</i>	‘вилы’
<i>fælloj</i>	<i>fællojnæ</i>	‘труд’, ‘имущество’
<i>tyn</i>	<i>tunæ</i>	‘луч’
<i>sin</i>	<i>sijnæ</i>	‘бедро’
<i>cin</i>	<i>cinæ</i>	‘радость’
<i>xin</i>	<i>xinæ</i>	‘хитрость’
<i>æfsin</i>	<i>æfsinæ</i>	‘хозяйка’
<i>æxsin</i>	<i>æxsinæ</i>	‘госпожа’
<i>asin</i>	<i>æsinæ</i>	‘лестница’
<i>sužin</i>	<i>sožinæ</i>	‘шля’
<i>syžǣrin</i>	<i>sižǣrinæ</i>	‘золото’
<i>kuysi</i>	<i>kusinæ</i>	‘ковш’
<i>xuyfi</i>	<i>xufinæ</i>	‘решето’ (кожаное)
<i>ælxwi</i>	<i>ælxwinæ</i>	‘веретено’
<i>uæfti</i>	<i>uftinæ</i>	‘шпулька’

Основы на *-f*

и. <i>c'yf</i>	д. <i>c'ifæ</i>	‘грязь’
<i>syf</i>	<i>sifæ</i>	‘лист’
<i>(y)st'ælf</i>	<i>æst'ælfæ</i>	‘пятно’
<i>xuylf</i>	<i>xurfæ</i>	‘внутренность’

Основы на *-ǧ, -x*

и. <i>byǧ</i>	д. <i>biǧæ</i>	‘сор’
<i>tyx</i>	<i>tuxæ</i>	‘сила’
<i>ærx</i>	<i>ærxæ</i>	‘овраг’, ‘балка’
<i>zæxx</i>	<i>zænxxæ</i>	‘земля’
<i>cæxx</i>	<i>cænxxæ</i>	‘соль’
<i>xæxx</i>	<i>xænxxæ</i>	‘черта’, ‘линия’
<i>xorzæx</i>	<i>xuarzænxxæ</i>	‘благоволение’
<i>fydæx</i>	<i>fudænxxæ</i>	‘вражда’
<i>xyrx</i>	<i>xirxxæ</i>	‘шла’
<i>tyrǧ</i>	<i>turǧæ</i>	‘сани’
<i>rænq</i>	<i>rænǧæ</i>	‘ряд’
<i>sæǧ</i>	<i>sæǧæ</i>	‘коза’
<i>mǧ</i>	<i>mæǧæ</i>	‘облако’
<i>tiǧ</i>	<i>teǧæ</i>	‘край’

ОСНОВЫ НА *-g, -k, -k'*

и. <i>ryg</i>	д. <i>rygæ</i>	'пыль'
<i>myg</i>	<i>mygæ</i>	'сперма'
<i>uidag</i>	<i>jedagæ</i>	'корень'
<i>kæsaġ</i>	<i>kæsaġæ</i>	'рыба'
<i>éyġ</i>	<i>kizgæ</i>	'девушка'
<i>fynġ</i>	<i>fingæ</i>	'стол'
<i>mæng</i>	<i>mængæ</i>	'ложь', 'ложный'
<i>zæng</i>	<i>zængæ</i>	'нога'
<i>uasæġ</i>	<i>uasængæ</i>	'петух'
<i>kadæġ</i>	<i>kadængæ</i>	'героическая песня'
<i>qaræġ</i>	<i>ġarængæ</i>	'обрядовое причитание'
<i>ri:zæġ</i>	<i>re:zængæ</i>	'лихорадка'
<i>éinyġ</i>	<i>kiunugæ</i>	'книга'
<i>uæxsk</i>	<i>usqæ</i>	'плечо'
<i>fynk</i>	<i>finkæ</i>	'пена'
<i>synk'</i>	<i>sunk'æ</i>	'прыщ'
<i>xuysk'</i>	<i>xusk'æ</i>	'засохший', 'бесплодный'
<i>kænk</i>	<i>kænkæ</i>	'перхоть'
<i>æksænk'</i>	<i>æksæuk'æ</i>	'блоха'
<i>fark</i>	<i>farkæ</i>	'лопасть'
<i>dærk'</i>	<i>dærk'æ</i>	'годовалый козленок'
<i>uærykk</i>	<i>uærikkæ</i>	'ягненок'
<i>mæsk'</i>	<i>mæsk'æ</i>	'лощина'
<i>tæsk'</i>	<i>tæsk'æ</i>	'корзина'
<i>lysk'</i>	<i>lysk'æ</i>	'гнида'
<i>zulk'</i>	<i>zolk'æ</i>	'червь'
<i>bulk'</i>	<i>bol'k'æ, bolgæ</i>	'редиска', 'редька'

ОСНОВЫ НА *-v (-w)*

и. <i>æxsæv</i>	. <i>æxsævæ</i>	'ночь'
<i>færv</i>	<i>færvæ</i>	'ольха'
<i>cyrv</i>	<i>cyrvæ</i>	'пивные дрожжи'
<i>mí</i>	<i>míuæ</i>	'дело', 'работа'
<i>sy</i>	<i>siuæ</i>	'рог'
<i>dau</i>	<i>dauæ</i>	'обвинение'
<i>kau</i>	<i>kauæ</i>	'плетень'

ОСНОВЫ НА *-j*

и. <i>mæj</i>	д. <i>mæjæ</i>	'месяц'
<i>k'æj</i>	<i>k'æjæ</i>	'шифер'
<i>c'æj</i>	<i>c'æjæ</i>	'сукровица'
<i>zæj</i>	<i>zæjæ</i>	'лавина'

<i>uæj</i>	<i>uæjæ</i>	‘продажа’
<i>naj</i>	<i>inajæ</i>	‘молотьба’

Эту же особенность обнаруживают некоторые употребительные суффиксы.

а) Суффиксы абстрактных слов:

	и. <i>-ad</i>	д. <i>-adæ</i>	
	<i>-zinad</i>	<i>-zinadæ</i>	
Например:	и. <i>xicaud</i>	д. <i>xecaudæ</i>	‘правительство’
	<i>ræstad</i>	<i>ræstadæ</i>	‘право́та’
	<i>xorzzinad</i>	<i>xuarzzinadæ</i>	‘достоинство’

б) Суффикс отглагольных имен, выражающих постоянное свойство:

	и. <i>-ag</i>	д. <i>-agæ</i>	
Например:	и. <i>uajag</i>	д. <i>uajagæ</i>	‘скакун’
	<i>xærag</i>	<i>xuæragæ</i>	‘обжора’

в) Суффикс, обозначающий вместилище:

	и: <i>-don</i>	д. <i>-donæ</i>	
Например:	и. <i>kærkdon</i>	д. <i>kærkdonæ</i>	‘курятник’
	<i>sækærdon</i>	<i>sækærdonæ</i>	‘сахарница’
	и т. п.		

§ 41. Некоторое количество имен имеют конечное *æ* одинаково и в иронском, и в дигорском диалекте:

и. <i>zærdæ</i>	д. <i>zærdæ</i>	‘сердце’
<i>bæstæ</i>	<i>bæstæ</i>	‘страна’
<i>dyuicæ</i>	<i>dyuicæ</i>	‘два’
<i>ærtæ</i>	<i>ærtæ</i>	‘три’
<i>sædæ</i>	<i>sædæ</i>	‘сто’
<i>ëyræ</i>	<i>kiræ</i>	‘пзвоз’
<i>kuatæ</i>	<i>kuatæ</i>	‘передник’
<i>arfæ</i>	<i>arfæ</i>	‘благословение’, ‘благодарность’
<i>lyvzæ</i>	<i>libzæ</i>	‘мясное рагу’
<i>uynaffæ</i>	<i>unaffæ</i>	‘совет’, ‘совещание’
<i>guyzavæ</i>	<i>guzavæ</i>	‘сомнение’
<i>guyffæ</i>	<i>guffæ</i>	‘ящик арбы’
<i>læxstæ</i>	<i>lixstæ</i>	‘мольба’
<i>dyngæ</i>	<i>dungæ</i>	‘ветер’

Однако склоняются эти слова в иронском и дигорском неодинаково; в дигорском конечное *æ* трактуется (как и в ранее приведенных случаях, см. § 40) как окончание именительного падежа и в других падежах (кроме направит. и местн. внешн., о чем ниже) отпадает (числительные имеют в дигорском особый тип склонения, см. § 47).

Напротив, в иронском конечное *æ* в этих словах рассматривается как часть основы и проходит через все падежи; мы имеем следовательно:

Именит.	и. <i>zærdæ</i>	д. <i>zærdæ</i>	‘сердце’
Родит.	<i>zærdæjy</i>	<i>zardi</i>	‘сердца’
Дательн.	<i>zærdæjæn</i>	<i>zærdæn</i>	‘сердцу’
	и т. д.		

Примечание. В некоторых употребительных оборотах обнаруживается, однако, что и в иронском когда-то конечное *-æ* рассматривалось как падежное окончание; так, в выражении *mæ zærdyl læuuy* ‘мне помнится’, букв. ‘на моем сердце стоит’, мы имеем местн. внешн. падеж — *zærdyl* (от основы *zærd-*), а не *zærdæjyl*; в выражении *mæ bæsty* ‘вместо меня’, местн. внутр. падеж от *bæstæ* звучит *bæsty* (от основы *bæst-*), а не *bæstæjy*, и т. п.

§ 42. Конечный гласный *-æ*, характеризуя в дигорском диалекте именит. падеж, отпадает во всех других падежах, но сохраняется в направит. и местн. внешн., если основа имени исходит на согласный:

	Ед. ч.	Мн. ч.
Именит.	<i>sifæ</i> (п. <i>syf</i>) ‘лист’	<i>siftæ</i> ‘листья’
Родит.	<i>sifi</i>	<i>sifti</i>
Дательн.	<i>sifæn</i>	<i>siftæn</i>
Направит.	<i>sifæmæ</i>	<i>siftæmæ</i>
Орудно-отложит.	<i>sifæj</i>	<i>siftæj</i>
Местн. внутр.	<i>sifi</i>	<i>sifti</i>
Местн. внешн.	<i>sifæbæl</i>	<i>siftæbæl</i>
Уподобит.	<i>sifau</i>	<i>siftau</i>

Сохранение гласного *æ* в этих падежах (направит. и местн. внешн.) объясняется тем, что окончания этих падежей имеют в начале согласные (*m, b*), и для избежания их встречи с согласным основы между ними сохраняется гласный *æ*:

<i>sifæmæ</i>	<i>siftæmæ</i>	вм. <i>sifmæ,</i>	<i>siftmæ</i>
<i>sifæbæl</i>	<i>siftæbæl</i>	вм. <i>sifbæl</i>	<i>siftbæl</i>

§ 43. В именах, основа которых исходит на гласный, есть небольшие расхождения в склонении между иронским и дигорским.

а) В родительн. и местн. внутр. падежах ед. ч. иронский имеет обычное окончание *-y*, предваряемое для избежания влияния полугласным *i* (см. § 39):

Именит.	<i>sæxæra</i>	‘свекла’
Родит. и местн. внутр.	<i>sæxæraejy</i>	

В дигорском же обычное окончание этих падежей *i* ослабляется в полугласный *j*, в результате чего мы получаем на конце дифтонг:

Именит.	<i>zæxæra</i>	‘огород’
Родит. и местн. внутр.	<i>zæxæraj</i>	

б) В орудно-отложит. падеже ед. ч. иронский вместо полного падежного окончания *-æj* имеет в этих случаях окончание *-æ*, предваряемое все тем же комбинаторным *j*: *sæxærajæ*; дигорский присоединяет падежное окончание *-æj* в полном виде: *zæxærajæj*.

В итоге склонение имен, основа коих исходит на гласный, может быть представлено в следующем виде:

	Ед. ч.		Мн. ч.	
Именит.	и. <i>sæxæra</i>	д. <i>zæxæra</i>	и. <i>sæxæratæ</i>	д. <i>zæxæratæ</i>
Родит.	<i>sæxærajy</i>	<i>zæxæraj</i>	<i>sæxæraty</i>	<i>zæxæratî</i>
Дательн.	<i>sæxærajæn</i>	<i>zæxærajæn</i>	и т. д. как обычно (см § 39).	
Направит.	<i>sæxæratæ</i>	<i>zæxæratæ</i>		
Орудно-отложит.	<i>sæxærajæ</i>	<i>zæxærajæj</i>		
Местн. внутр.	<i>sæxærajy</i>	<i>zæxæraj</i>		
Местн. внешн.	<i>sæxærajyl</i>	<i>zæxærabælj</i>		
Уподобит.	<i>sæxærajau</i>	<i>zæxærajau</i>		
Союзный	<i>sæxæraimæ</i>	<i>(zæxæraj xæccæ)</i>		

§ 44. В дигорском имя, стоящее при числительном или при количественном местоимении, получает особую форму склонения, характеризующую вставкой между основой и падежным окончанием в косвенных падежах слога *-em-* (в дательн., орудно-отложит. и местн. внутр. падежах) или *-e-*, (в родит., направит. и местн. внешн.):

Именит.	<i>avd ærvadi</i>	‘семь братьев’
Родит.	<i>avd ærvadej</i> (или <i>ærvadi</i>)	
Дательн.	<i>avd ærvademæn</i>	
Направит.	<i>avd ærvademæ</i>	
Орудно-отложит.	<i>avd ærvademæj</i>	
Местн. внутр.	<i>avd ærvademî</i>	
Местн. внешн.	<i>avd ærvadebæl</i>	
Уподобит.	<i>avd ærvadau</i>	

Эту особенность имеет, как увидим ниже, также склонение дигорских числительных и количественных местоимений, когда они стоят не при имени, а самостоятельно (стоя при имени они, как вообще определение в осетинском, не изменяются по падежам).

В иронском имена при числительных и количественных местоимениях склоняются как обычно (см. § 39).

§ 45. Дигорский сохранил определенный член в виде частицы *i*, употребляемый, однако, не во всех случаях, где мы в праве были его ожидать, а лишь эпорадически, и стоящий, повидимому, на пути к отмиранию. Иронский совершенно не знает этого артикля, и единственным свидетельством его бывшего существования в этом диалекте является перенос ударения со второго слога на первый для выражения определенности (см. § 30, е; а также «Доклады Ак. Наук», 1924, окт. — дек., стр. 153).

Примеры на употребление определенного члена в дигорском:

... *sirebæl læg æta uosæ badtæj* ... *I læg æta i uosæ zorunçæ* ... «на диване сидели мужчина и женщина (ein Mann und eine Frau).. Мужчина и женщина (der Mann und die Frau) говорят ...» (СОПам. II 57).

Ku raxæleutæj i ciuan agæj i sau zænxæbæl i tævdæ basæ «и разлился из чугунного котла на черную землю горячий суп (der Kessel ... der Boden ... die Suppe)».

ærgan æj kældræbun i ars «повалился у валежника медведь (der Bär)» (Bes. 76).

§ 46. Система числительных одна и та же в иронском и дигорском. Счет — двадцатичный (о пастушеском дигорском и балкарском счете см. ниже). Различия в звуковом облике отдельных числительных не выходят за пределы закономерных фонетических соответствий, кроме «девятинадцати»: и. *nudæs*, д. *næudæs* '19'.

и. <i>iu</i>	д. <i>jeu</i>	'1'	и. <i>iuændæs</i>	д. <i>jeuændæs</i>	'11'
<i>dyuuæ</i>	<i>duuæ</i>	'2'	<i>dyuuadæs</i>	<i>duuadæs</i>	'12'
<i>ærtæ</i>	<i>ærtæ</i>	'3'	<i>ærtyndæs</i>	<i>ærtindæs</i>	'13'
<i>cyppar</i>	<i>cyppar</i>	'4'	<i>cyppærdæs</i>	<i>cuppærdæs</i>	'14'
<i>fonz</i>	<i>fonz</i>	'5'	<i>fynddæs</i>	<i>finddæs</i>	'15'
<i>æxsæz</i>	<i>æxsæz</i>	'6'	<i>æxsærdæs</i>	<i>æxsærdæs</i>	'16'
<i>avd</i>	<i>avd</i>	'7'	<i>avddæs</i>	<i>ævddæs</i>	'17'
<i>ast</i>	<i>ast</i>	'8'	<i>æstæs</i>	<i>æstæs</i>	'18'
<i>farast</i>	<i>farast</i>	'9'	<i>nudæs</i>	<i>næudæs</i>	'19'
<i>dæs</i>	<i>dæs</i>	'10'	<i>yssæz</i>	<i>insæj</i>	'20'

§ 47. Склонение числительных, когда они стоят самостоятельно (а не при имени существ.), имеет в дигорском уже отмеченную выше (§ 44) особенность: в родит., направит. и местн. внешн. между основой и падежным окончанием вставляется гласный *-e-*, а в дательн., орудноотложит. и местн. внутр. — слог *-em-*:

Именит.	<i>duuæ</i> 'два'
Родит.	<i>duuej</i>
Дательн.	<i>duuetæn</i>

Направит.	<i>дицетæ</i>
Орудно-отложит.	<i>дицетæј</i>
Местн. внутр.	<i>дицети</i>
Местн. внешн.	<i>дицебæл</i>
Уподобит.	<i>дицæјаи</i>

§ 48. Порядковые числительные, кроме «первый», «второй» и «третий», образуются в иронском и дигорском различно: в иронском — путем прибавления суффикса *-æт*, в дигорском — *-æјтаг* (из *æт+аг*):

и. <i>fycæg</i>	д. <i>ficcæg</i>	‘первый’
<i>dykkæg</i>	<i>dukkæg</i>	‘второй’
<i>ærtjkkæg</i>	<i>ærtikkæg</i>	‘третий’
<i>cuppærcæt</i>	<i>cuppærcæјтаг</i>	‘четвертый’
<i>fænzæt</i>	<i>fænzæјтаг</i>	‘пятый’
<i>æxsæzæt</i>	<i>æxsæzæјтаг</i>	‘шестой’
<i>ævdæt</i>	<i>ævdæјтаг</i>	‘седьмой’
<i>æstæt</i>	<i>æstæјтаг</i>	‘восьмой’
<i>faræstæt</i>	<i>faræstæјтаг</i>	‘девятый’
<i>dæsæt</i>	<i>dæsæјтаг</i>	‘десятый’

Впрочем, и в иронском встречается sporadически употребление порядковых числительных на *æјтаг*: и. *ævdæјтаг* ‘седьмой’.

§ 49. В некоторых горных районах Дигории, сохранился в пастушеской практике десятичный иранский счет в отличие от общеупотребительного двадцатичного. Для десятков до ста имеются в этом счете свои наименования, восходящие большею частью закономерно к древнеиранским:

<i>dæs</i>	‘десять’	} наличны и в обычном счете
<i>insæј</i>	‘двадцать’	
<i>ærtin</i>	‘30’ (в обычном счете — <i>dæs æта insæј</i>)	
<i>cuppor</i>	‘40’ (» » » — <i>duinsæјi</i>)	
<i>fænzæј</i>	‘50’ (» » » — <i>dæs æта duinsæјi</i>)	
<i>axsæј</i>	‘60’ (» » » — <i>ærtinsæјi</i>)	
<i>ævdæј</i>	‘70’ (» » » — <i>dæs æта ærtinsæјi</i>)	
<i>æstæј</i>	‘80’ (» » » — <i>cupparinsæјi</i>)	
<i>næwæз</i>	‘90’ (» » » — <i>dæs æта cupparinsæјi</i>)	
<i>sædæ</i>	‘100’ налично и в обычном счете	

П р и м е ч а н и е. Следует отметить, что *sædæ* ‘сто’, известное обоим диалектам, в иронском употребляется реже, чем в дигорском, уступая место двадцатичному выражению *fondz yssæзy* букв. ‘пять (раз) двадцать’.

Удобства десятичного счета и близость его к общеевропейской системе счета побудили руководителей дела просвещения в Осетии ввести его в школьную практику, где он успешно прививается, а отчасти переходит в деловую и даже бытовую речь, заменяя двадцатичный.

2. Местоимение

§ 50. Личные местоимения 1-го и 2-го лица как в единственном, так и во множественном числе, как в именительном, так и в косвенных падежах совпадают в обоих диалектах осетинского языка:

1-е л. и.	<i>æz</i>	д.	<i>æz</i> 'я'	мн. ч. и.	<i>tax</i>	д.	<i>tax</i> 'мы'
2-е л.	<i>dy</i>		<i>du</i> 'ты'		<i>s(y)tax</i>		<i>sumax</i> 'вы'

Косвенные падежи местоимение 1-го л. образует от основы *tæp*, а местоимение 2-го л. от основы *dæu*.

Падежные окончания те же, что и в склонении имени (см. § 39), кроме родит., который в единственном числе имеет чистую косвенную основу *tæp*, *dæu*, а во множественном числе совпадает с именит.: *tax sumax*, *sumax*.

§ 51. Личное местоимение 3-го л., оно же указательное, различно в иронском и дигорском:

и. *ij* д. *je*, *jejæ* 'он', 'тот', мн. ч. и. *idon* д. *jetæ* 'они', 'те'

Однако формы *je*, *jetæ* 'он', 'они' появляются в дигорском только в имен. падеже.

Косвенные падежи дигорский образует от основы *io*, закономерно корреспондирующей иронскому *и*.

Склонение местоимения 3-го л. представляется в иронском и дигорском в следующем виде:

	Ед. ч.	
Именит.	и. <i>ij</i>	д. <i>je</i> 'он', 'тот'
Родит.	<i>ij</i>	<i>ioj</i>
Дательн.	<i>itæp</i>	<i>ioitæp</i>
Направит.	<i>itæ</i>	<i>ioitæ</i>
Орудно-отложит.	<i>itæj</i>	<i>ioitæj</i>
Местн. внутр.	<i>it¹</i>	<i>ioit¹</i>
Местн. внешн.	<i>itl</i>	<i>ioitæl</i>
Уподобит.	<i>ijau</i>	<i>iojau</i>
Союзный	<i>itæ</i>	<i>(ioj xæssæ)</i>
	Мн. ч.	
Именит.	и. <i>idon</i>	д. <i>jetæ</i> 'они', 'те'
Родит.	<i>idon, idony</i>	<i>ionⁱ</i>
Дательн.	<i>idonæp</i>	<i>ionæp</i>
Направит.	<i>idonitæ</i>	<i>ionætæ</i>
Орудно-отложит.	<i>idonæj</i>	<i>ionæj</i>
Местн. внутр.	<i>idony (it)</i>	<i>(ionⁱ)</i>

¹ Получило значение наречия 'там'

Местн. внешн.	<i>udonyl</i>	<i>uonæbæl</i>
Уподобит.	<i>udonau</i>	<i>uoniau</i>
Союзный	<i>udonimæ</i>	<i>(uoni xæccæ)</i>

В иронском помимо формы *udon* 'они' употребляется еще форма *udættæ*, представляющая закономерное мн. ч. от *udon*, иначе говоря двойное мн. ч. Дигорский формы *udon*, как и *udættæ*, совершенно не знает. Ир. *udættæ* имеет несколько отличный от *udon* оттенок значения, который можно передать приблизительно: «они (те) и им подобные».

§ 52. Кроме полных форм личных местоимений, весьма употребительны в осетинском в косвенных падежах краткие, энклитические формы, склонение которых имеет в иронском и дигорском некоторые различия:

Ед. ч.

Родит.	и. <i>mæ, dæ, jæ (æj)</i>	д. <i>mæ, dæ, æ (æj)</i>
Дательн.	<i>myl, dyl, (j)yl</i>	<i>mi, di, in</i>
Направит.	<i>mæt, dæt, (j)æt</i>	<i>mætæ, dætæ, imæ</i>
Орудно-отложит.	<i>mæ, dæ, zy</i>	<i>mi, di, zi (si)</i>
Местн. внутр.	<i>mæ, dæ, zy</i>	<i>mi, di, zi (si)</i>
Местн. внешн.	<i>myl, dyl, (j)yl</i>	<i>mæbæl, dæbæl, ibal</i>
Уподобит.	—	—
Союзный	<i>metæ, detæ, jætæ</i>	—

Мн. ч.

Родит.	и. <i>næ, uæ, sæ</i>	д. <i>næ, uæ, sæ</i>
Дательн.	<i>nyn, uyn, syn</i>	<i>ni, ui, sin</i>
Направит.	<i>næt, uæt, sæt</i>	<i>nætæ, uætæ, sætæ</i>
Орудно-отложит.	<i>næ, uæ, sæ (zy)</i>	<i>ni, ui, si (zi)</i>
Местн. внутр.	<i>næ, uæ, sæ (zy)</i>	<i>ni, ui, si (zi)</i>
Местн. внешн.	<i>nyl, uyl, syl</i>	<i>næbæl, uæbæl, sæbæl</i>
Уподобит.	—	—
Союзный	<i>netæ, uetæ, setæ</i>	—

Мы видим, что в энклитических формах личных местоимений 1) выступают (кроме 1-го и 2-го л. ед. ч.) иные основы, чем в полных; 2) формы орудно-отложит. и местн. внутр. падежей совпадают; 3) в орудно-отложит. и местн. внутр. наблюдается необычное чередование гласных элементов между двумя диалектами: ир. *-æ* — диг. *-i*.

и. <i>mæ, dæ</i>	д. <i>mi, di</i>
<i>næ, uæ, sæ</i>	<i>ni, ui, si</i>

§ 53. В обоих диалектах существуют усиленные формы личных местоимений, со значением «именно я», «я сам», «ты сам» и т. д. Они образуются путем присоединения к энклитическим формам (см. § 52) ст

возвратного местоимения и. *xædæg*, д. *xuædæg*, в косв. падежах — и. *xi(c)*, д. *xe(c)*.

Ед. ч.

Именит.	и. <i>mæ-, dæ-, jæxædæg</i>	д. <i>mæ-, dæ-, æxuædæg</i>
Родит.	<i>mæ-, dæ-, jæxi</i>	<i>mæ-, dæ-, æxi</i>
Дательн.	<i>mæ-, dæ-, jæxicæn</i>	<i>mæ-, dæ-, æxecæn</i>
Направит.	<i>mæ-, dæ-, jæximæ</i>	<i>mæ-, dæ-, æxemæ</i>
Орудно-отложит.	<i>mæ-, dæ-, jæxicæj</i>	<i>mæ-, dæ-, æxecæj</i>
Местн. внутр.	—	<i>mæ-, dæ-, æxemi</i>
Местн. внешн.	<i>mæ-, dæ-, jæxiuyl</i>	<i>mæ-, dæ-, æxebæl</i>
Уподобит.	<i>mæ-, dæ-, jæxijau</i>	<i>mæ-, dæ-, æxejau</i>
Союзный	<i>mæ-, dæ-, jæximæ</i>	—

Мн. ч.

Именит.	и. <i>næ-, uæ-, sæxædæg</i> или <i>næ-, uæ-, sæxyudtæg</i>	д. <i>næ-, uæ-, sæxuædtæ</i>
Родит.	<i>næ-, uæ-, sæxi</i> и т. д. (как в ед. ч.)	<i>næ-, uæ-, sæxe</i> и т. д. (как в ед. ч.)

§ 54. Указательное местоимение для более близких предметов звучит: ир. *a*, *aj*, диг. *a*, *ajæ* 'этот', мн. ч. ир. *adon*, диг. *atæ* 'эти'. Указательное местоимение для более отдаленных предметов совпадает с личным 3-го л.: ир. *uj*, диг. *je*, 'тот', мн. ч. ир. *udon*, диг. *jetæ* 'те' (см. § 51).

Склонение местоимения *a* 'этот' аналогично склонению местоимения *uj*, *je* 'тот':

Ед. ч.

Именит.	и. <i>a</i> , <i>aj</i>	д. <i>a</i> , <i>ajæ</i> 'этот'
Родит.	<i>aj</i>	<i>aj</i>
Дательн.	<i>amæn</i>	<i>amæn</i>
Направит.	<i>amæj</i>	<i>amæj</i>
Местн. внутр.	<i>am¹)</i>	<i>ami¹)</i>
Местн. внешн.	<i>auyl</i>	<i>abæl</i>
Уподобит.	<i>ajau</i>	<i>ajau</i>
Союзный	<i>aimæ</i>	(<i>aj hæsse</i>)

Мн. ч.

Именит.	и. <i>adon</i>	д. <i>atæ</i>
Родит.	<i>adon</i> , <i>adony</i>	<i>ani</i>
Дательн.	<i>adonæn</i>	<i>anæn</i>
Направит.	<i>adonmæ</i>	<i>anæmæ</i>

¹ Получило значение наречия 'здесь'.

Орудно-отложит.	<i>adonæj</i>	<i>anæj</i>
Местн. внутр.	<i>adony (an)</i>	<i>anæti (ami)</i>
Местн. внешн.	<i>adonyl</i>	<i>anæbæl</i>
Уподобит.	<i>adonau</i>	<i>aniau</i>
Союзный	<i>adonimæ</i>	<i>(ani xæccæ)</i>

Рядом с *adon* в иронском существует форма *adættæ* 'эти' (ср. *udon* — *udættæ*, § 51).

§ 55. Если указательные местоимения *a* 'этот', *u*, *je* 'тот' стоят при имени в качестве определения, то они употребляются обычно с наращением *-cy*, *-ci*:

и. <i>acy læg</i>	д. <i>aci læg</i>	'этот человек'
<i>icy læg</i>	<i>jeci (uoci)¹ læg</i>	'тот человек'

Местоимения *acy (aci)*, *icy (jeci, uoci)*, как вообще всякое определение в осетинском, не изменяются по падежам и числам.

§ 56. Притяжательные местоимения представлены в обоих диалектах в пяти видах:

- 1) краткий,
- 2) полный,
- 3) усиленный,
- 4) полный субстантивный,
- 5) усиленный субстантивный.

Краткий вид совпадает с родит. падежом личных местоимений в их энклитической форме (см. § 52):

Ед. ч.			Мн. ч.		
1-е л.	и. <i>mæ</i>	д. <i>mæ</i> 'мой'	1-е л.	и. <i>næ</i>	д. <i>næ</i>
2-е л.	<i>dæ</i>	<i>dæ</i>	2-е л.	<i>uæ</i>	<i>uæ</i>
3-е л.	<i>jæ</i>	<i>æ</i>	3-е л.	<i>sæ</i>	<i>sæ</i>

Полный вид совпадает с родит. падежом личных местоимений в их полной форме (см. §§ 50, 51):

Ед. ч.		
1-е л.	и. <i>mæn</i>	д. <i>mæn</i> 'мой'
2-е л.	<i>dæu</i>	<i>dæu</i>
3-е л.	<i>uj</i>	<i>ucj</i>

Мн. ч.		
1-е л.	и. <i>max</i>	д. <i>max</i>
2-е л.	<i>sumax</i>	<i>sumax</i>
3-е л.	<i>udon(y)</i>	<i>uoni</i>

Примечание. Формы *mæn*, *dæu* в атрибутивной функции мало употребительны, они заменяются краткими формами *mæ*, *dæ*.

¹ Форма *uoci*, которая закономерно отвечает ир. *icy*, употребляется в диг. р-дико (см., напр., СОПам. II 94).

Усиленный вид совпадает с родит. падежом личных местоимений в их усиленной форме (см. § 53):

н. <i>mæxi</i>	д. <i>mæxe</i> 'мой собственный'
<i>dæxi</i>	<i>dæxe</i>
и т. д.	

Полный субстантивный образуется от второго вида путем прибавления суффикса *-on*:

Ед. ч.

1-е л.	н. <i>mænon</i>	д. <i>mænon</i> 'le mien'
2-е л.	<i>dænon</i>	<i>dænon</i>
3-е л.	<i>ujon</i> (не употр.)	<i>uojon</i> (не употр.)

Мн. ч.

1-е л.	н. <i>maxon</i>	д. <i>maxon</i>
2-е л.	<i>s(y)maxon</i>	<i>sumaxon</i>
3-е л.	<i>idonon</i>	<i>ionion</i>

Усиленный субстантивный образуется от третьего (усиленного) вида путем прибавления суффикса *-on*:

н. <i>mæxion</i>	д. <i>mæxeon</i> 'le mien'
<i>dæxion</i>	<i>dæxeon</i>
и т. д.	

Первый вид употребляется только в атрибутивной функции и, следовательно, не изменяется по падежам.

Второй и третий виды употребляются в атрибутивной и предикативной функции и тоже не изменяются по падежам.

Четвертый и пятый виды употребляются в субстантивной функции и склоняются как имена:

Ед. ч.

Именит.	н. <i>mænon</i> , <i>mæxion</i>	д. <i>mænon</i> , <i>mæxeon</i>
Родит.	<i>mænonu</i> , <i>mæxionu</i>	<i>mænoni</i> , <i>mæxeoni</i>
и т. д.		

Мн. ч.

Именит.	н. <i>mænuætta</i> или <i>mænontæ</i>	д. <i>mænontæ</i> , <i>mæxeontæ</i>
	<i>mæxiuætta</i> или <i>mæxiontæ</i>	
Родит.	<i>mænuætty</i> или <i>mænonty</i>	<i>mænonti</i> , <i>mæxeonti</i>
	<i>mæxiuætty</i> или <i>mæxionty</i>	
и т. д.		

§ 57. Вопросительные (они же относительные) местоимения:

и. <i>či</i>	д. <i>ka</i>	‘кто’
<i>cy</i>	<i>ci</i>	‘что’
<i>kasu</i>	<i>kesi</i>	‘который’

Местоимения *či*, *ka* ‘кто’ и *cy*, *ci* ‘что’ склоняются в единственном числе следующим образом:

Именит.	<i>či, cy</i>	<i>ka, ci</i>
Родит.	<i>kəj, səj</i>	<i>ke, səj</i>
Дательн.	<i>kætəp, sətəp</i>	<i>kætəp, sətəp</i>
Направит.	<i>kətə, sətə</i>	<i>kətə, sətə</i>
Орудно-отложит.	<i>kətəj, sətəj</i>	<i>kətəj, sətəj</i>
Местн.внутр.	<i>kət,¹ sət</i>	<i>kəti,¹ səti</i>
Местн.внешн.	<i>kəyul, səyul</i>	<i>kəbəl, səbəl</i>
Уподобит.	<i>kəjau, səjau</i>	<i>kəjau, səjau</i>
Союзный	<i>kəitə (čətə), səitə</i>	<i>(ke xəssə, səj xəssə)</i>

Обращает на себя внимание необычное отношение гласных в именит. и родит. падежах местоимения ‘кто’:

Именит.	и. <i>či</i>	д. <i>ka</i>
Родит.	<i>kəj</i>	<i>ke</i>

Формы множественного числа от местоимений *či*, *ka* и *cy*, *ci* образуются необычным образом — путем присоединения показателя множественности *tə* (в косвенных падежах *ty*) к соответствующей падежной форме ед. ч.:²

Именит.	и. <i>čitə, cytə</i>	д. <i>kata, citə</i>
Родит.	<i>kəjty, səjty</i>	<i>keti, səjti</i>
Дательн.	<i>kəmtəty, səmtəty</i>	<i>kəmtəti, səmtəti</i>
Направит.	<i>kətəty, sətəty</i>	<i>kətəti, sətəti</i>
Орудно-отложит.	<i>kətəjty, sətəjty</i>	<i>kətəjti, sətəjti</i>
Местн. внутр.	<i>kəmyty, səmyty</i>	<i>kəmiti, səmiti³</i>

и т. д.

Нормально показатель множественности предшествует, как мы видели (§ 39), падежному окончанию.

Местоимение *kasu* ‘который’, если оно употребляется самостоятельно в субстантивной функции, склоняется в иронском как обычное имя с исхо-

¹ Получило значение наречия ‘где’.

² Данные у В. С. Миллера формы (Sprache der Osseten. Grundriss der iranischen Philologie, В. I., Anhang, стр. 53): и. *kəjtəp, kəjtəj, kəjtəm, cyty, cytəp, cytəj, cytəm*, д. *čiti, citəp, citəj, citəmə* — нереальны.

³ В формах *kəmyty, səmyty*, как видно из сравнения их с ед. ч. *kət, sət*, восстанавливается в иронском гласный *y*, который закономерно отвечает дигорскому *i* в *kəmi, səmi, kəmiti, səmiti*.

дом на гласный (см. § 43); в дигорском же в некоторых падежах появляется перед падежным окончанием характерный для местоименного склонения согласный *m*:

Именит.	и. <i>kæsu</i>	д. <i>kæsi</i>
Родит.	<i>kæsuju</i>	<i>kæsiŋ</i>
Дательн.	<i>kæsuæn</i>	<i>kæsimæn</i>
Направит.	<i>kæsutæ</i>	<i>kæsimæ</i>
Орудно-отложит.	<i>kæsuŋæ</i>	<i>kæsimæŋ</i>
Местн. внутр.	<i>kæsuju</i>	<i>kæsimi</i>
Местн. внешн.	<i>kæsuju!</i>	<i>kæsiβæl</i>
Уподобит.	<i>kæsuŋai</i>	<i>kæsiŋai</i>
Союзный	<i>kæsimæ</i>	(<i>kæsiŋ hæssæ</i>)

Во множественном числе местоимение *kæsu*, *kæsi* склоняется в обоих диалектах по нормам именного склонения.

§ 58. Местоименные количественные имеют в дигорском особый тип склонения, характеризуемый вставкой перед падежным окончанием элемента *-e-*, *-et-*; по этому же типу склоняются в дигорском числительные, а также имена существительные, если при них стоит в качестве атрибута числительное или количественное местоимение (см. §§ 47 и 44); в качестве примера даем склонение местоимения *cal* 'сколько'.

Именит.	<i>cal</i>
Родит.	<i>calej</i>
Дательн.	<i>caletæn</i>
Направит.	<i>caletæ</i>
Орудно-отложит.	<i>caletæŋ</i>
Местн. внутр.	<i>caletmi</i>
Местн. внешн.	<i>caleβæl</i>

Во мн. ч. через все падежи проходит вставка *-e-*: *caletæ*, *caletmi* и пр. По этому образцу склоняются в дигорском местоимения:

<i>cal</i>	'сколько'
<i>ual</i>	'столько'
<i>aual</i>	id.
<i>ænkæt</i>	'все' (и. <i>æppæt</i>)
<i>ægas</i> , <i>uēgas</i>	id. (<i>ne gas</i> , <i>ue gas</i> , <i>se gas</i> 'мы все, вы все, они все')
<i>ænxuæssæj</i>	id.
<i>kæraze</i>	'друг друга'
<i>ændæŋ</i>	'другой' (факультативно)
<i>imæ</i>	'другой' (факультативно)
<i>fæjŋæ</i>	'по одному' (MD 1937 I 29)
<i>beuræ</i>	'много'
<i>k'uar</i>	id.

§ 59. Местопомения:

и. <i>isçi</i>	д. <i>jeske</i>	‘кто-нибудь’
<i>niçi</i>	<i>neke</i>	‘никто’
<i>alçi</i>	<i>alke</i>	‘каждый’
<i>isty</i>	<i>jesti</i>	‘что-нибудь’
<i>nicy</i>	<i>neci</i>	‘ничего’
<i>alcy</i>	<i>alci</i>	‘все’

склоняются (однотипно в обоих диалектах) так же, как соответствующие вопросительные местоимения *çi*, *ka* ‘кто’ и *cy*, *ci* ‘что’ (см. § 57).

По этому же типу идет в иронском *innæ* ‘другой’.

3. Глагол

§ 60. Наиболее значительное диалектальное расхождение между иронским и дигорским в системе глагола относится к спряжению вспомогательного глагола ‘быть’:

		Наст. вр.			
Ед. ч.				Мн. ч.	
и. <i>dæn</i>	д. <i>dæn</i>	‘я есмь’		и. <i>(y)stæm</i>	д. <i>an</i>
<i>dæ</i>	<i>dæ</i>			<i>(y)stut</i>	<i>aitæ</i>
<i>u, is, i</i>	<i>æj, jes</i>			<i>(y)sty</i>	<i>æncæ</i>

Как можно видеть, формы 3-го л. ед. ч. и всех лиц мн. ч. коренным образом расходятся в иронском и дигорском.

§ 61. Различно образуются также формы прош. вр. вспомог. глагола: в иронском они характеризуются гласным основы *uy-*, в дигорском *a-*:

		Прош. вр.			
Ед. ч.				Мн. ч.	
и. <i>uydtæn</i>	д. <i>adtæn</i>	‘я был’		и. <i>uydystæm</i>	д. <i>adtan</i>
<i>uydtæ</i>	<i>adtæ</i>			<i>uydystut</i>	<i>adtajtæ</i>
<i>uydis (uydi, uyd)</i>	<i>adtæj</i>			<i>uydysty</i>	<i>adtæncæ</i>

§ 62. Расхождение в спряжении наст. времени вспомог. глагола (§ 60) неизбежно влечет расхождение в спряжении глаголов в тех временах, которые образуются с помощью наст. вр. вспомог. глагола, а именно — прош. вр. непереходных глаголов и буд. вр. всех глаголов.

§ 63. Прошедшее время непереходных глаголов; глагол *særyn* ‘жить’:

		Ед. ч.		Мн. ч.	
и. <i>card-dæn</i>	д. <i>card-dæn</i>	‘я жил’		и. <i>card-ystæm</i>	д. <i>card-an</i>
<i>card-dæ</i>	<i>card-dæ</i>			<i>card-ystut</i>	<i>card-ajtæ</i>
<i>card-is (-i, нуль)</i>	<i>card-æj</i>			<i>card-ysty</i>	<i>card-æncæ</i>

§ 64. Буд. вр.:

Ед. ч.		Мн. ч.	
и. <i>cærzyp-æn</i>	д. <i>cærzæn-æn</i>	и. <i>cærzy-stæm</i>	д. <i>cærzin-an</i>
<i>cærzyp-æ</i>	<i>cærzæn-æ</i>	<i>cærzy-stut</i>	<i>cærzin-ajtæ</i>
<i>cærzæn-is</i> (-i, нуль)	<i>cærzæn-æj</i>	<i>cærzy-sty</i>	<i>cærzæn-æncæ</i>

§ 65. Значительное расхождение имеется между формами сослагат. наклонения в наст. вр. и прош. вр. Сослагат. наклонение (в обоих временах) характеризуется следующими окончаниями:

в иронском:

Ед. ч.	Мн. ч.
<i>-in</i> (<i>cærin</i> , <i>cardain</i>)	<i>-ikkam</i> (<i>cærikkam</i> , <i>cardaikkam</i>)
<i>-is</i>	<i>-ikkat</i>
<i>-id</i>	<i>-ikkoj</i>

в дигорском:

<i>-inæ</i> (<i>cærinæ</i> , <i>cardainæ</i>)	<i>-ianæ</i> (<i>cærianæ</i> , <i>cardajjanæ</i>)
<i>-isæ</i>	<i>-iajtæ</i>
<i>-idæ</i>	<i>-ioncæ</i>

§ 66. Остальные расхождения между иронским и дигорским в спряжении не столь существенны и сводятся большею частью к уже известным нам из раздела фонетики закономерным звуковым соответствиям. Незаконмерными с точки зрения звуковых соответствий расхождениями могут считаться, помимо вышеуказанных, еще следующие:

а) Окончания 2-го л. мн. ч. наст. вр. изъявит. и повелит. наклонения:

и. <i>-ut</i>	д. <i>-etæ</i>
---------------	----------------

Например: и. *cærut* д. *cæretæ* 'вы живете', 'живите'

б) Окончание 3-го л. мн. ч. в прош. вр. переходных глаголов и в будущем сослагат. наклонения:

и. <i>-oj</i>	д. <i>-oncæ</i>
---------------	-----------------

Например: и. *farstoj* д. *farstoncæ* 'они спрашивали'

cæroj *cæroncæ* '(если) будут жить'

в) Окончание 2-го л. мн. ч. в буд. вр. сослагат. наклонения:

и. <i>-at</i>	д. <i>-ajtæ</i>
---------------	-----------------

Например: и. *cærat* д. *cærajtæ* '(если) вы будете жить'

д) В показателе буд. вр. изъявит. наклонения:

Ед. ч.			Мн. ч.		
1-е л.	и. <i>-ʒyn-</i>	д. <i>-ʒæn-</i>	1-е л.	<i>-ʒy-</i>	<i>-ʒin-</i>
2-е л.	<i>-ʒyn-</i>	<i>-ʒæn-</i>	2-е л.	<i>-ʒy-</i>	<i>-ʒin-</i>
			3-е л.	<i>-ʒy-</i>	<i>-ʒæn-</i>
				(см. § 64)	

§ 67. В ряде форм дигорский имеет в конце добавочный гласный *æ*, которому в иронском отвечает нуль (ср. аналогичное явление в имени, § 40):

- а) во всех лицах сослагат. наклонения наст. и прош. вр. (см. § 65);
 б) во 2-м л. повелит. наклонения обоих чисел:

и. <i>cæp</i>	д. <i>cæpæ</i>	‘живи’
<i>cærut</i>	<i>cæretæ</i>	‘живите’

- в) в 3-м лице мн. ч. во всех случаях:

и. <i>cærync</i>	д. <i>cæruncæ</i>	‘они живут’
<i>farstoj</i>	<i>farstoncæ</i>	‘они спрашивали’
<i>cærent</i>	<i>cærentæ</i>	‘пусть они живут’
и т. д.		

- д) во 2-м л. мн. ч. во всех случаях:

и. <i>cærut</i>	д. <i>cæretæ</i>	‘вы живите’
<i>cærat</i>	<i>cærajtæ</i>	‘(если) вы будете жить’
и т. д.		

§ 68. В итоге система спряжения в обоих диалектах осетинского языка может быть представлена в следующем виде.

Глагол и. *uyn*, д. *un* ‘быть’.

Изыъявительное наклонение

Наст. вр. (однократн. вид)

Ед. ч.		Мн. ч.	
и. <i>dæn</i>	д. <i>dæn</i>	и. <i>(y)stæm</i>	д. <i>an</i>
<i>dæ</i>	<i>dæ</i>	<i>(y)stut</i>	<i>ajtæ</i>
<i>u, is, i</i>	<i>æj, jes</i>	<i>(y)sty</i>	<i>æncæ</i>

Наст. вр. (многократн. вид)

и. <i>væjʒyn</i>	д. <i>un</i>	и. <i>væjʒæm</i>	д. <i>uæn</i>
<i>væjʒys</i>	<i>uis</i>	<i>væjʒut</i>	<i>uetæ</i>
<i>væjʒy</i>	<i>uʒ</i>	<i>væjʒync</i>	<i>uncæ</i>

Прош. вр.

п. <i>uydtæn</i>	д. <i>adtæn</i>	п. <i>uydystæm</i>	д. <i>adtan</i>
<i>uydtæ</i>	<i>adtæ</i>	<i>uydystut</i>	<i>adtajtæ</i>
<i>uyd(is)</i>	<i>adtæj</i>	<i>uydysty</i>	<i>adtæncæ</i>

Буд. вр.

п. <i>uzyænæn</i>	д. <i>uozænæn</i>	п. <i>uzyystæm</i>	д. <i>uozinan</i>
<i>uzyænæ</i>	<i>uozænæ</i>	<i>uzyystut</i>	<i>uozinajtæ</i>
<i>uzyæn(is)</i>	<i>uozænæj</i>	<i>uzyysty</i>	<i>uozænæncæ</i>

Сослагательное наклонение

Наст. вр. (сильный вид)

Ед. ч.		Мн. ч.	
п. <i>uain</i>	д. <i>uainæ</i>	п. <i>uaiikam</i>	д. <i>uaijanæ</i>
<i>uais</i>	<i>uaisæ</i>	<i>uaiikat</i>	<i>uaijajtæ</i>
<i>uaid</i>	<i>uaidæ</i>	<i>uaiikkoj</i>	<i>uaijonæ</i>

Наст. вр. (слабый вид)

п. <i>uin</i>	д. <i>uinæ</i>	п. <i>wikkam</i>	д. <i>wianæ</i>
<i>uis</i>	<i>uisæ</i>	<i>wikkat</i>	<i>wiajtæ</i>
<i>uid</i>	<i>uidæ</i>	<i>wikkoj</i>	<i>wionæ</i>

Прош. вр.

п. <i>uydain</i>	д. <i>adtajnæ</i>	п. <i>uydaikkam</i>	д. <i>ädtajjanæ</i>
<i>uydais</i>	<i>adtajscæ</i>	<i>uydaikkat</i>	<i>ädtajjajtæ</i>
<i>uydaid</i>	<i>adtajdæ</i>	<i>uydaikkoj</i>	<i>ädtajjonæ</i>

Буд. вр.

п. <i>uon</i>	д. <i>uon</i>	п. <i>uæt</i>	д. <i>uæn</i>
<i>uaj</i>	<i>uaj</i>	<i>uat</i>	<i>uajtæ</i>
<i>ua</i>	<i>ua</i>	<i>uoj</i>	<i>uonæ</i>

Повелительное наклонение

Ед. ч.		Мн. ч.	
2-е л. и. <i>u</i>	д. <i>uo</i>	п. <i>ut</i>	д. <i>uotæ</i>
3-е л. <i>uæd</i>	<i>uæd</i>	<i>uænt</i>	<i>uæntæ</i>

Причастие

Наст. вр.	п. <i>uævæg</i>	д. —	‘сущий’
Прош. вр.	—	—	—
Буд. вр.	<i>u'nağ</i>	<i>uinag</i>	‘долженствующий быть’

Деепричастие

и. *ævge, ævgeij* д. *uoge, uogej* 'будучи'

Примечание 1. В иронском слабая форма наст. вр. сослагат. наклонения (*uin, uis* и т. д.) употребляется редко, главным образом в сочетании с провербами: *fæ-uin, ys-uin*.

Примечание 2. Глагол *fæun*, вопреки схеме Шегрена и Миллера, не представляет особого вспомогательного глагола, а лишь одно из возможных сочетаний глагола *un* с провербами. Реже, чем с *fæ-*, но в такими же семантическими и формальными последствиями глагол *un* может сочетаться с *ys-*, *is-* (*ys-uyn, is-un, ys-dæn, is-dæn*), *ba-* (*ba-uyn, ba-un, ba-dæn*), *ærba-* (*ærba-uyn, ærba-un, ærba-dæn*) и т. д.

Все провербные образования с *un* имеют значение «становления». Особенностью семантики *fæun* является новое значение «кончать», которого не имеют сочетания *un* с другими провербами.

Из формальных особенностей спряжения глагола *uyn, un* в сочетании с провербами следует отметить следующие.

а) Настоящее время изъявит. наклонения может быть образовано только от многократн. вида:

и. <i>fævæjjyn, ysvæjjyn</i>	д. <i>fæun, isun</i>
<i>fævæjjys, ysvæjjys</i>	<i>fæuis, isuis</i>
<i>fævæjju, ysvæjju</i> и т. д.	<i>fæuj, isuj</i> и т. д.

б) Сочетание проверба с однократным видом наст. вр. от *uyn, un* получает значение прошедшего вр.: *fædæn, fæddæn* 'я оказался', *ysdæn, isdæn* 'я стал' (а не 'оказываюсь' 'становлюсь').

с) С прош. вр. изъявит. наклонения провербы не сочетаются; следовательно, такие формы, как и. *fæ-uydtæn, ys-uydtæn*, д. *fæ-, is-adtæn*, невозможны.

д) В прош. вр. изъявит. наклонения в 3-м л. ед. ч., а в дигорском еще и во всех лицах мн. ч. между провербом и глаголом вставляется согласный *-c-*:

и. *fæ-c-i(s), ys-s-i* (из *ys-c-i*), *ba-c-i(s), ærba-c-i(s)*
 д. *fæ-c-æj, is-c-æj, ba-c-æj, ærba-c-æj*
 д. *fæ-c-an, is-c-an, fæ-c-ajta, is-c-aitæ* и т. д.

е) Наст. вр. сослагат. наклонения сильного вида имеет две формы: 1) нормальную и 2) со вставкой *-c-*:

и. *fæ-uain* и *fæ-c-ain, ys-uain* и *ys-c-ain*
 д. *fæ-uainæ* и *fæ-c-ainæ* и т. д.

ф) Прощ. вр. сослагат. наклонения имеет также в иронском две формы: 1) нормальную и 2) со вставкой *-c-*, а в дигорском только последнюю;

и. *fæ-uydain* и *fæ-c-adain, ys-uydain* и *ys-c-adain*
 д. *fæ-c-adajnæ, is-c-adajnæ* и т. д.

§ 69. Ниже дается спряжение непереходного глагола

и. *cæryu* д. *cærun* 'жить'.

Изъявительное наклонение

Наст. вр.

Ед. ч.		Мн. ч.	
и. <i>cæryu</i>	д. <i>cærun</i>	и. <i>cæraem</i>	д. <i>cæraen</i>
<i>cærys</i>	<i>cæris</i>	<i>cærut</i>	<i>cæretæ</i>
<i>cæry</i>	<i>cæruj</i>	<i>cærync</i>	<i>cærunce</i>

Прош. вр.

и. <i>cardtæn</i>	д. <i>cardtæn</i>	и. <i>cardystæm</i>	д. <i>cardan</i>
<i>cardtæ</i>	<i>cardtæ</i>	<i>cardystut</i>	<i>cardajtæ</i>
<i>card(is)</i>	<i>cardæj</i>	<i>cardysty</i>	<i>cardæncæ</i>

Буд. вр.

и. <i>cærzæn</i>	д. <i>cærzæn</i>	и. <i>cærzystæm</i>	д. <i>cærzinan</i>
<i>cærzænæ</i>	<i>cærzænæ</i>	<i>cærzystut</i>	<i>cærzinajtæ</i>
<i>cærzæn(is)</i>	<i>cærzænæj</i>	<i>cærzysty</i>	<i>cærzænæncæ</i>

Сослагательное наклонение

Наст. вр.

Ед. ч.		Мн. ч.	
и. <i>cærin</i>	д. <i>cærinæ</i>	и. <i>cærikkam</i>	д. <i>cærianæ</i>
<i>cæris</i>	<i>cærisæ</i>	<i>cærikkat</i>	<i>cæriajtæ</i>
<i>cærid</i>	<i>cæridæ</i>	<i>cærikkoj</i>	<i>cæriænæ</i>

Прош. вр.

и. <i>cardain</i>	д. <i>cardainæ</i>	и. <i>cardaikkam</i>	д. <i>cardajjanæ</i>
<i>cardais</i>	<i>cardaisæ</i>	<i>cardaikkat</i>	<i>cardajjajtæ</i>
<i>cardaid</i>	<i>cardaidæ</i>	<i>cardaikkaj</i>	<i>cardajjænæ</i>

Буд. вр.

и. <i>cæron</i>	д. <i>cæron</i>	и. <i>cæraem</i>	д. <i>cæraen</i>
<i>cæraaj</i>	<i>cæraaj</i>	<i>cærat</i>	<i>cærajtæ</i>
<i>cæra</i>	<i>cæra</i>	<i>cæroj</i>	<i>cæronæ</i>

Повелительное наклонение

Ед. ч.		Мн. ч.		
2-е л.	и. <i>cær</i>	д. <i>cærae</i>	и. <i>cærut</i>	д. <i>cæretæ</i>
3-е л.	<i>cæraed</i>	<i>cæraed</i>	<i>cæraent</i>	<i>cæraentæ</i>

Причастие

Наст. вр.	и. <i>cæraeg</i>	д. <i>cæraeg</i>	‘живущий’
Прош. вр.	<i>cærd</i>	<i>card</i>	‘прожитый’, ‘жизнь’
Буд. вр.	<i>cærinaŋ</i>	<i>cæriŋnaŋ</i>	‘долженствующий жить’

Деепричастие

и. *cærgæ*, *cærgæjæ* д. *cærgæ*, *cærgæj* ‘живя’

§ 70. Глаголы *wyn*, *in* ‘быть’ и *cæryn*, *cærin* ‘жить’ (§§ 68. 69) спрягаются по типу непереходных глаголов. Спряжение переходных глаголов совпадает со спряжением непереходных, кроме прошедшего вр. изъявит. наклонения. Прош. вр. переходных глаголов имеет окончания, совпадающие не с наст. вр. изъявит. наклонения вспомог. глагола, а с буд. вр. сослагат. наклонения, кроме 1-го л. мн. ч., где имеем сильный гласный (-*am*, -*an*) вместо слабого (*æm*, -*æn*). Возьмем для примера глагол (*færsyn*, *færsun* ‘спрашивать’).

Изъявительное наклонение

Прош. вр.

Ед. ч.		Мн. ч.	
и. <i>farston</i>	д. <i>farston</i>	и. <i>farstam</i>	д. <i>farstan</i>
<i>farstaj</i>	<i>farstaj</i>	<i>farstat</i>	<i>farstajtæ</i>
<i>farsta</i>	<i>farsta</i>	<i>farstoj</i>	<i>farstoncæ</i>

§ 71. Чередование гласных в основах наст. и прош. вр. обычно закономерно корреспондирует в иронском и дигорском.

Главнейшие типы чередований:

и. <i>a</i> — <i>a</i>	=	д. <i>a</i> — <i>a</i>	<i>bad</i> — <i>badt</i>	‘сидеть’
<i>a</i> — <i>æ</i>	=	} <i>a</i> — <i>a</i> <i>a</i> — <i>æ</i>	<i>uaf</i> — <i>uævd</i>	‘ткать’
<i>æ</i> — <i>æ</i>	=		} <i>æ</i> — <i>æ</i> <i>æ</i> — <i>a</i>	<i>x(u)æc</i> — <i>x(u)cæst</i>
<i>æ</i> — <i>a</i>	=	<i>æ</i> — <i>a</i>		<i>bædt.</i> — <i>bast.</i>
<i>i</i> — <i>i</i>	<i>sim</i> — <i>simd</i>	<i>e</i> — <i>i</i>	<i>sem</i> — <i>sind</i>	‘плясать’
<i>i</i> — <i>y</i>	<i>zil</i> — <i>zyld</i>	<i>e</i> — <i>i</i>	<i>zel</i> — <i>zild</i>	‘вертеть’

<i>u</i> — <i>u</i>	<i>xud</i> — <i>xudt</i>	<i>o</i> — <i>u</i>	<i>xod</i> — <i>xudt</i>	‘смеяться’
<i>u</i> — <i>y</i>	<i>zur</i> — <i>zyrd</i>	<i>o</i> — <i>u</i>	<i>zor</i> — <i>zurd</i>	‘говорить’
<i>au</i> — <i>y</i>	<i>tau</i> — <i>tyd</i>	<i>au</i> — <i>u</i>	<i>tau</i> — <i>tud</i>	‘сеять’
<i>æu</i> — <i>y</i>	<i>cæu</i> — <i>cyd</i>	<i>æu</i> — <i>u</i>	<i>cæu</i> — <i>cud</i>	‘ити’
<i>o</i> — <i>y</i>	<i>zon</i> — <i>zynd</i>	<i>o</i> — <i>u</i>	<i>zon</i> — <i>zund</i>	‘знать’
<i>y</i> — <i>y</i>	{ <i>fyss</i> — <i>fyst</i>	<i>i</i> — <i>i</i>	<i>fins</i> — <i>finst</i>	‘писать’
	{ <i>byr</i> — <i>byrd</i>	<i>u</i> — <i>u</i>	<i>bur</i> — <i>burd</i>	‘ползать’

Как видно из приведенной таблицы, между дигорским и пронским имеются все-таки некоторые расхождения в чередовании гласных, выходящие за пределы нормальных фонетических соответствий; таково, во-первых, чередование: ир. *a* — *æ*, диг. *a* — *a*.

Сюда относятся обычно глаголы с двухсложной основой:

и. <i>æjjaf</i> — <i>æjjæft</i>	д. <i>æjjaf</i> — <i>æjjaft</i>	‘догонять’
<i>æfsad</i> — <i>æfsæst</i>	<i>æfsad</i> — <i>æfsast</i>	‘насыщать’
<i>nuaz</i> — <i>nuæst</i>	<i>niuaz</i> — <i>niuast</i>	‘пить’
<i>ævnal</i> — <i>ævnæld</i>	<i>ævnal</i> — <i>ævnald</i>	‘трогать’
<i>saf</i> — <i>sæft</i>	<i>isaf</i> — <i>isavd</i>	‘терять’
<i>araz</i> — <i>aræzt</i>	<i>araz</i> — <i>arazt</i>	‘делить’
<i>færaz</i> — <i>færazt</i>	<i>færaz</i> — <i>færazt</i>	‘мочь’
<i>ælvas</i> — <i>ælvæst</i>	<i>ælvas</i> — <i>ælvast</i>	‘натягивать’
(<i>y</i>) <i>zjal</i> — <i>æzjæld</i>	<i>æzjal</i> — <i>æzjald</i>	‘осыпать’
(<i>y</i>) <i>zdax</i> — <i>æzdæxt</i>	<i>izdax</i> — <i>izdaxt</i>	‘поворачивать’
<i>ivaz</i> — <i>ivæzt</i>	<i>ivaz</i> — <i>ivazt</i>	‘растягивать’
<i>xal</i> — <i>xæld</i>	<i>ixal</i> — <i>ixald</i>	‘разрушать’
<i>læmar</i> — <i>læmarst</i>	<i>læmar</i> — <i>læmarst</i>	‘выжимать’
<i>lædar</i> — <i>lædarst</i>	<i>lædar</i> — <i>lædarst</i>	‘давать стечь’

Такое же расхождение, опять-таки в двухсложных основах, имеем в чередовании:

и. <i>æ</i> — <i>æ</i>	д. <i>æ</i> — <i>a</i>	
и. <i>æmbæl</i> — <i>æmbæld</i>	д. <i>æmbæl</i> — <i>æmbald</i>	‘встречать’
<i>ærgævd</i> — <i>ærgævst</i>	<i>ærgærd</i> — <i>ærgarst</i>	‘резать’
<i>fæzæxs</i> — <i>fæzæxst</i>	<i>fæzæxs</i> — <i>fæzæxst</i>	‘завещать’
<i>ysk'ær</i> — <i>ysk'ærd</i>	<i>æsk'ær</i> — <i>æsk'ard</i>	‘гнать’
<i>ævæz</i> — <i>æværd</i>	<i>ævæz</i> — <i>ævard</i>	‘класть’
<i>yzmænt</i> — <i>yzmæst</i>	<i>æzmænt</i> — <i>æzmast</i>	‘мутить’
<i>yzdæx</i> — <i>yzdæxt</i>	<i>æzdæx</i> — <i>æzdaxt</i>	‘возвращаться’
<i>yzjæl</i> — <i>yzjæld</i>	<i>æzjæl</i> — <i>æzjald</i>	‘осыпаться’
<i>sæf</i> — <i>sæft</i>	<i>isæf</i> — <i>isavd</i>	‘пропадать’
<i>særd</i> — <i>særst</i>	<i>isærd</i> — <i>isarst</i>	‘мазать’
<i>irvæz</i> — <i>irvæzt</i>	<i>jervæz</i> — <i>jervast</i>	‘спасаться’

Примечание 1. Впрочем, в дигорском в ряде случаев наблюдается колебание: *fæzaxst* и *fæzæxst*, *æmbald* и *æmbæld* и т. д.

Примечание 2. Необычно чередование:

и. <i>ævzar</i> — <i>ævzærst</i>	д. <i>ævzar</i> — <i>ævzurst</i>	‘выбирать’
<i>uar</i> — <i>uærst</i>	<i>iuar</i> — <i>iurst</i>	‘делить’

Лишь немногими примерами представлены расхождения:

и. <i>i</i> — <i>i</i>	д. <i>e</i> — <i>i</i>
<i>u</i> — <i>u</i>	<i>o</i> — <i>u</i>

и. <i>sim</i> — <i>simd</i>	д. <i>sem</i> — <i>sind</i>	‘плясать в хороводе’
<i>sir</i> — <i>sird</i>	<i>ser</i> — <i>sird</i>	‘итти иноходью’
<i>is</i> — <i>ist</i>	<i>jes</i> — <i>ist</i>	‘брат’
<i>xud</i> — <i>xudt</i>	<i>xod</i> — <i>xudt</i>	‘смеяться’

§ 72. Помимо переогласовки (в большинстве случаев) основа прош. вр., совпадая с причастием прош. вр., характеризуется обычно, как можно видеть из приведенных выше примеров, прибавлением согласного *d* или *t* иногда со вставкой *s*. Однако в иронском есть несколько глаголов (почти исключительно непереходных), которые образуют основу прош. вр. путем прибавления к основе настоящего слога *-yd*, так что основа прош. вр. не совпадает с причастием прош. вр. Этот способ образования дигорскому совершенно чужд.

и. <i>æuænd</i> — <i>æuændyd</i>	д. <i>æuænd</i> — <i>æuændt</i>	‘доверять’
<i>bæll</i> — <i>bællyd</i>	<i>bæll</i> — <i>bæld</i>	‘стремиться’
<i>bæzz</i> — <i>bæzzyd</i>	<i>bæzz</i> — <i>bæzt</i>	‘годиться’
<i>byr</i> — <i>byryd</i>	<i>bur</i> — <i>burd</i>	‘ползти’
<i>fælmæc</i> — <i>fælmæcyd</i>	<i>fælmæc</i> — <i>fælmast</i>	‘мучиться’
<i>fæzm</i> — <i>fæzmyd</i>	<i>fænz</i> — <i>fænz</i>	‘дразнить’
<i>kaf</i> — <i>kafyd</i>	<i>kaf</i> — <i>kaft</i>	‘танцевать’
<i>læu</i> — <i>læuwyd</i>	<i>læu</i> — <i>læud</i>	‘стоять’
<i>mys</i> — <i>mysyd</i>	<i>imis</i> — <i>imist</i>	‘сочинять’
<i>nær</i> — <i>næryd</i>	<i>nær</i> — <i>nærd</i>	‘гремять’
<i>næt</i> — <i>nætyd</i>	<i>næt</i> — <i>nætt</i>	‘тужиться,’ ‘стонать’
<i>qav</i> — <i>qævyd</i>	<i>ğav</i> — <i>ğaft</i>	‘метить’
<i>qaz</i> — <i>qazyd</i>	<i>ğaz</i> — <i>ğazt</i>	‘играть’
<i>qærz</i> — <i>qærzyd</i>	<i>ğærz</i> — <i>ğærzt</i>	‘стонать’
<i>quyz</i> — <i>quyzyd</i>	<i>ğuz</i> — <i>ğuzt</i>	‘красться’
<i>qyrn</i> — <i>qyrnyd</i>	<i>ğirn</i> — <i>ğirnd</i>	‘подпевать,’ ‘скулить’
<i>tælf</i> — <i>tælfyd</i>	<i>tælf</i> — <i>tælf</i>	‘шевелиться’
<i>tynz</i> — <i>tynzyd</i>	<i>tunz</i> — <i>tunst</i>	‘спешить’

<i>uar</i> — <i>uaryd</i>	<i>uar</i> — <i>uard</i>	‘дождить’
<i>uas</i> — <i>uasyd</i>	<i>uas</i> — <i>uast</i>	‘петь’ (про птиц);
<i>ulæf</i> — <i>ulæfyd</i>	<i>uolæf</i> — <i>uolæft</i>	‘дышать’
<i>xæc</i> — <i>xæcyd</i>	<i>xuæc</i> — <i>xuæst</i>	‘держать’
<i>xuyss</i> — <i>xuyssyd</i>	<i>xuss</i> — <i>xust</i>	‘спать’
<i>yzmæl</i> — <i>yzmælyd</i>	<i>æzmæl</i> — <i>æzmald</i>	‘двигаться’
<i>zar</i> — <i>zaryd</i>	<i>zar</i> — <i>zard</i>	‘петь’

Примечание. В безличном глаголе *fændyn* ‘хотеть’ прош. вр. звучит в иронском *fændyd(is)*, в дигорском *fend' adtaj*.

§ 73. Помимо изложенных выше (§§ 60—72) общих расхождений между иронским и дигорским в системе глагола, существует еще ряд частных различий, касающихся отдельных глаголов или глагольных форм. Эти различия могут быть разбиты на две категории: различия формы и различия употребления. Ниже приводятся наиболее существенные различия обеих категорий.

§ 74. Различия формы в глаголе.

1. Выше (§ 70) мы видели, что осетинский различает переходные и непереходные глаголы в прош. вр. изъявит. наклонения, где имеется два типа спряжения: один для непереходных, другой для переходных глаголов. В общем это различие проводится одинаково и последовательно в обоих диалектах, но в отношении отдельных глаголов наблюдается колебание: в одном диалекте они трактуются как непереходные, в другом — как переходные. Так, нижеследующие глаголы спрягаются в прош. вр. изъявит. наклонения в иронском как непереходные, в дигорском как переходные:

и. <i>zaryd(is)</i>	д. <i>zardta</i> (а не <i>zardæj</i>)	‘он пел’ (от <i>zaryn, zarun</i>)
<i>kafyd(is)</i>	<i>kafta</i>	‘он плясал’ (от <i>kafyn, kafun</i>)
<i>mysyd(is)</i>	<i>imista</i>	‘он сочинял’ (от <i>mysyn, imisun</i>)
<i>qavyd(is)</i>	<i>ǰavta</i>	‘он метил’ (от <i>qavyn, ǰavun</i>) (ДСк. 24)
<i>qazyd(is)</i>	<i>ǰazta</i>	‘он играл’ (от <i>qazyn, ǰazun</i>) (ДСк. 47)
<i>uaryd(is)</i>	<i>uardta</i>	‘шел дождь’ (от <i>uaryn, uaryn</i> , (Arg. kiun. 1, 5))
<i>uasyd(is)</i>	<i>uasta</i>	‘он пел’ (про животных) (от <i>uasyn, uasun</i>)
<i>aftyd(is)</i>	<i>raftudta</i>	‘он попал’ (от <i>æftyn, æftujun</i>) (ДСк. 15, 23)

Нижеследующие глаголы, наоборот, спрягаются в иронском как переходные, в дигорском — как непереходные:

и. <i>xaudta</i> ¹	д. <i>xaudtæj</i>	‘он падал’ (от <i>xauyn, xaun</i>) (MD 1937 II 38)
<i>sqiudta</i>	<i>æsqiudtæj</i>	‘он отскакивал’ (от <i>sqiuyyn, sqeunn</i>)
<i>tynzydta</i>	<i>tunstæj</i>	‘он спешил’ (от <i>tynzyn, tunzun</i>) (MD 1936 II 34)
<i>kuydta</i>	<i>kudtæj</i>	‘он плакал’ (от <i>kæuyyn, kæun</i>) (MD 1936 I 53)
<i>niudta</i>	<i>niudtæj</i>	‘он был’ (от <i>niuyyn, neun</i>)
<i>qærzydta</i>	<i>qærztæj</i>	‘он стонал’ (от <i>qærzyn, qærzun</i>)

Примечание. Для «понимать» иронский и дигорский имеют различные глаголы: и. *æmbaryn*, д. *lædærun*, причем и. *æmbaryn* трактуется как переходный глагол (*æmbærsta* ‘он понимал’), а д. *lædærun* — как непереходный (*lædærdtæj*). Глагол и. *fycyn* употребляется и как переходный: ‘кипятить’ (*fyxton* ‘я кипятил’) и как непереходный: ‘кипеть’ (*fyxten* ‘я кипел’); в дигорском в непереходном значении ‘кипеть’ употребляется другой глагол—*irajun*, тогда как за *ficyн* закреплено употребление в переходном значении ‘кипятить’. Точно так же иронскому глаголу *suzyn* ‘жечь’ ‘гореть’ соответствуют по значению два дигорских глагола: *sozyn* ‘жечь’ и ‘*æfsun*’ ‘гореть’.

2. В обоих диалектах имеют большое распространение сложные глаголы, образуемые по типу: имя плюс вспомогательный глагол *kænyн* ‘делать’, *uyn* ‘быть’, реже *lasyn, daryн* и др. Из имеющихся здесь незначительных расхождений отметим:

а) «забывать» выражается в иронском сочетанием слова *rox* ‘забытый’ с *kænyн* ‘делать’, а в дигорском сочетанием *ironx* с *un* ‘быть’: и. *ferox kodton*, д. *feronx dæn* ‘я забыл’;

б) безличный глагол *fændyn* ‘желать’ выступает в иронском как простой, в дигорском (всегда ли?) как сложный с *un*: д. *fænd’ adtæj* ‘хотелось’, *ku fændæ ua* ‘если будет хотеться’ и т. п.;

в) глагол и. *irgævyn* ‘разнимать’, выступающий в иронском только как простой, в дигорском бывает и простым *jergævyn* и сложным *jergæf kænyн*;

г) ‘ждать’ по-иронски *ængæltæ kæsyn*, по-дигорски *ængæl kæsun*.

3. Ряд частичных расхождений можно отметить в спряжении. Наряду с полной формой 2-го л. ед. ч. наст. вр. изъявит. наклонения на *-is* употребляется в дигорском усеченная форма на *-i*:

д. <i>lezî</i>	‘ты бежишь’	(вм. <i>lezis</i>)
<i>kæni</i>	‘ты делаешь’	(вм. <i>kænis</i>)
<i>zoni</i>	‘ты знаешь’	(вм. <i>zonis</i>)

и т. п.

(Arg. kiun. II 32, 42; СОПам. II 10; ДСк. 44; Sam. 63).

Насколько позволяют судить наши наблюдения, эта форма придает речи несколько фамильярный оттенок.

4. Наряду с полной формой буд. вр. изъявит. наклонения употребляется в дигорском упрощенная, где характеристикой буд. вр. выступает не *zæn, zin*, а только лишь согласный *z* или элемент *zi*:

¹ Встречается и *xaudis*.

д. <i>uo-ʒ-æj</i>	‘будет’	(вм. <i>uo-ʒæn-æj</i>)
<i>cær-ʒ-æj</i>	‘будет жить’	(вм. <i>cær-ʒæn-æj</i>)
<i>cær-ʒi-an</i>	‘будем жить’	(вм. <i>cær-ʒin-an</i>)

(Soz. 15, 17, 23, 24, 25, 34, 62; Qazb. 7, 16, 20, 21; MD 1934 III—IV 85).

В буд. вр. в дигорском, если основа глагола исходит на *s, z*, происходит нередко ассимиляция *ʒ* (характеристики буд. вр.):

д. <i>fəʒussænæj</i>	‘он услышит’	(вм. <i>fəʒusʒænæj</i>) (Ka ke 20)
<i>kæssænæj</i>	‘будет смотреть’	(вм. <i>kæsʒænæj</i>) (SD 187 ₃)
<i>lassæj</i>	‘будет везти’	(вм. <i>lasʒænæj</i>) (SD 203, 251)
<i>nibbuʒssinan</i>	‘мы потерпим’	(вм. <i>nibbuʒssinan</i>) (SD 237 ₃)
<i>isarazzinan</i>	‘мы сделаем’	(вм. <i>isarazzinan</i>) (SD 244 ₂)

Иронский в этих случаях избегает ассимиляции, хотя вообще ассимиляция в иронском распространена больше, чем в дигорском (см. § 21).

5. Несколько глаголов в дигорском (*uaʒun, saʒun*) образуют 2-е л. мн. ч. повелит. наклонения не от основы наст. вр., что является нормой, а от основы прош. вр.:

д. <i>niuuaxtæ!</i>	‘оставьте!’	(вм. <i>niuuaxtæ</i>)
<i>nissaxtæ!</i>	‘воткните!’	(вм. <i>nissaxtæ</i>)

(СОПам. II 68, 118; ДСк. 22, 24, 44; Arg. kiun. III 11, 36; Qazb. 15, 24; Soz. 22).

6. Глагол *kænun* ‘делать’ имеет в дигорском 2-е л. мн. ч. повелит. наклонения *kæntæ* (вм. *kænetæ*) (СОПам. II 60); ср. *rauajtæ!* ‘идите!’ вм. *rauajetæ*.

7. Деепричастия на *-gæ* используются в обоих диалектах как повелит. форма: *cæugæ!* ‘иди!’ (вм. *cu, co*). Мн. ч. от этих повелит. форм иронский образует прибавлением вспомогат. глагола во мн. ч.: *cæugæ ut!* ‘идите!’, дигорский же прибавлением обычного именного показателя множественности *-tæ*: *cæugitæ!* ‘идите!’ *margitæ!* ‘бейте!’ (MD 1936 II 14).

§ 75. Различия употребления глагольных форм. 1. Многократность действия выражается в иронском прибавлением частицы *iu* (*cardis iu* ‘живал’), в дигорском — частиц *cid, jeu* (*cardæj cid, cardæj jeu*). Однако в дигорском многократность может быть выражена также сослагательным наклонением наст. вр., как в сочетании с вышеуказанными частицами, так и без них.

Примеры:

«bon kud fac'c'æx uida, uotæ sæ kæræzej rajerioncæ», «как только рассветало, они находили друг друга» (Lit. qaz. 1, 38);

«bælestæ cid certasun kænida» «он (бывало) сгибал деревья» (MSt. 9, 1);

«*æ sabi furt jeu ærcæuidæ zujmon æxsævi*» «е юный сын приходил в зимнюю ночь» (MD 1934 III-IV 82);

«*uæd jeu zi feronx uioncæ cid æ æfxuærditæ*» «тогда он забывал свои обиды» (F. soc. II 11).

2. Иногда повеление выражается в дигорском формой буд. вр. сослагат. наклонения вместо повелит.: *racæuaj* 'иди' (MSt. 26, 6), *raxæssaj* 'неси' (ДСк. 26, 32), *rakæsj* 'взгляни' (ДСк. 32, а также 33, 38, 42, 138), вместо *raco*, *raxæssæ*, *rakæsa*. Впрочем, такое выражение повеления возможно спорадически и в иронском, напр. *bajrægjaj* рядом с *bajræg* 'расти'.

3. Повеление с запретительной частицей *ma* может сочетаться в дигорском (весьма редко) не с повелит. наклонением, а с сослагат.:

ma uazisæ 'не пускай' (вм. *ma uazæ*)

ma kænisaæ 'не делай' (вм. *ma kænæ*) (MD 1937 I 33)

4. В редких случаях (в диалоге) в вопросительных оборотах возможно употребление в дигорском сослагат. наклонения вм. изъявит.:

<i>ci xabar zağaj?</i>	«что нового скажешь?»
<i>atæ ragiau</i>	так рано
<i>fædeson xuzæj</i>	с тревожным видом
<i>kæcæj fæcajsæ?</i>	откуда ты явился?»

5. Частица *сæj*, вставляемая между превербом и глаголом, выражает в иронском начавшееся, но не завершенное действие:

<i>syvællon bylæj fæcæjxaudi</i>	«ребенок чуть было не упал с крыши»
<i>asinyl kuy 'rcæjcydi uæd jæ k'ax fezdÿxst</i>	«когда он спускался по лестнице, нога у него подвернулась»

В дигорском, где эта частица также употребляется, она, насколько можно судить по известным нам примерам, не обязательно придает глаголу вышеуказанный оттенок и часто не дает заметного отличия от форм без *сæj*:

<i>racæjjevğudæj mæ dogæ</i>	«ушло мое время»
<i>niccæjkaldæj mæ mæsug</i>	«рухнула моя башня»

Вместо *racæjjevğudæj* и *niccæjkaldæj* здесь можно было бы сказать также *rajjevğudæj*, *nikkaldæj*, так как речь идет о вполне завершившихся действиях.

§ 76. В обоих диалектах осетинского языка имеется система превербов, широко используемых как в простых, так и сложных глаголах. В глаголах, выражающих движение, превербы указывают на совершенный вид и напра-

вление движения: внутрь, наружу, вверх, вниз и т. п. (см. «Яфет. сб.», т. VII, стр. 76—78). В прочих глаголах превербы используются для выражения совершенности действия (в наст. вр. также многократности) с различными семантическими оттенками и нюансами.

В настоящее время в осетинском используются, как живые и продуктивные, следующие превербы:

и. <i>a-</i>	д. —
<i>ær-</i>	<i>ær-</i>
<i>ba-</i>	<i>ba-</i>
<i>ærba-</i>	<i>ærba-</i>
<i>fæ-</i>	<i>fæ-</i>
<i>ny-</i>	<i>ni-</i>
<i>cæ-</i>	—
<i>ra-</i>	<i>ra-</i>
<i>(y)s-</i>	<i>(i)s-</i>

Как видно из приведенного перечня, иронский преверб *a-* (а также *cæ-*, редкий и в иронском) не имеет соответствия в дигорском; там, где иронский употребляет преверб *a-*, дигорский использует преверб *ra-*, который, следовательно, имеет в дигорском более широкую семантику и использование, чем в иронском:

и. <i>a-marun</i>	д. <i>ra-marun</i>	‘убить’
<i>ra-cæun</i>	<i>ra-cæun</i>	‘выйти наружу’

Все остальные превербы как по звучанию, так в основном и по использованию (см. ниже) соответствуют в иронском и дигорском.

§ 77. В иронском и дигорском при присоединении преверба *ny-*, *ni-* начальный согласный глагола геминируется:

cæun ‘итти’, *nyccæun* ‘спуститься’

В дигорском такое явление имеет место не только при превербе *ni-*, но и при *fæ-*:

niçcæun ‘спуститься’, *fæccæun* ‘уйти’ (ср. § 27, а) (и. *fæcæun*).

§ 78. Если превербы *a-*, *ba-*, *ærba-*, *fæ-*, *ny-*(*ni-*), *ra-* присоединяются к глаголу, начинающемуся с гласного *a*, то между превербом и глаголом появляется (для избежания зияния) в иронском согласный *-c-*, в дигорском (факультативно) полугласный *-j-*, причем после преверба *ny-* в иронском и после превербов *ni-* и *fæ-* в дигорском эти вставные *c* и *j* являются в геминированном виде:

и. <i>acarazyn</i>		‘сделать’ (из <i>a + aræzyn</i> ‘делать’)
<i>basaguryn</i>	д. <i>bajagorun</i>	‘разыскать’ (из <i>ba + aguryn agorun</i> ‘искать’)
<i>ærbacarazyn</i>	<i>ærbajarazun</i>	‘сделать’ (из <i>ærba + arazyn arazun</i>)
<i>fæcarxajyn</i>	<i>fajjarxajun</i>	‘повозиться (из <i>fæ + arxajyn arxajun</i> ‘возиться’)
<i>nyccaxsyn</i>	<i>nijjaxæssun</i>	‘поймать’ (из <i>ny(ni) + axsyn axæssun</i> ‘ловить’)
<i>racaxsyn</i>	<i>rajjaxæssun</i>	‘поймать’ (из <i>ra + axsyn axæssun</i>) ¹

§ 79. В иронском преверб не отделим от глагола (в сложных глаголах — от именной части глагола);² в дигорском между превербом и глаголом могут вставляться энклитические местоимения в качестве прямых и косвенных объектов и вообще энклитические частицы:

д. *ba-itmæ-cudæj* ‘он пошел (*ba-cudæj*) к нему (*itmæ*)’

и. *bacydi jæt*

д. *ba-din-æj-jesženæn* ‘(я) отниму (*ba-jesženæn*) его (*æj*) у тебя (*din*)’

и. *bajszynæn dyn æj*

д. *ra-jin-arfækænæ* ‘поблагодари (*ra-arfæ kænæ*) его (*jin*)’

и. *raarfæ jyn kæn*

д. *is-ma-zurdta* ‘он еще произнес’

и. *yszurdta ma*

§ 80. В дигорском преверб может, для усиления, повторяться дважды — перед и после глагола:

ær-kæsaĵ-ær ‘взгляни-ка’ (ДСк. 138)

ni-ğĵær kodta-ni ‘он воскликнул’

В иронском такое повторение преверба не наблюдается.

§ 81. Система сложных глаголов, образуемых из имени плюс глагол *uyn* (*un*) ‘быть’, *kænyu* (*kænyu*) ‘делать’ и *lasyn* (*lasun*) ‘тащить’, *darun* (*darun*) ‘держатъ’, одинаково распространена в обоих диалектах, и в образовании и употреблении их нет существенных расхождений между иронским и дигорским (см. § 74, 2).

II. Словообразование

§ 82. Нормы словообразования, как по способу деривации (с помощью суффиксов и префиксов), так и по способу композиции, одни и те же в ирон-

¹ Толкование вставного *s* в иронском как преверба (*y*)*s*- (Miller, Sprache der Osseten, стр. 34) лишено основания; ср. вставное *s* в формах вспомогательного глагола: *fæci*, *aci*, *raci*, *ærbaci*, *nycci*, *fæcain*, *yscain*, *fæcadain* и пр.

² Между превербом и глаголом может вставляться в иронском частица *sæj* (см. выше, § 75,5) и в этом случае вместе с *sæj* могут быть вставлены также энклитические местоимения и частицы.

ском и дигорском. Точно так же фонд словообразовательных элементов, суффиксов и префиксов, является общим для обоих диалектов.

Примечание. О глагольном префиксе (превербе) *a-*, который имеется в иронском, но не употребителен в дигорском, см. § 76.

§ 83. Имеющиеся незначительные различия словообразовательных частиц мы разобьем на три группы: а) дигорские аффиксы, отсутствующие в иронском, б) аффиксы, различающиеся по форме, с) аффиксы, различающиеся по употреблению.

§ 84. Дигорские аффиксы, отсутствующие в иронском:

1. Суффикс *-gon*; во-первых, в значении 'близ':

dongon 'у реки' (от *don* 'река'); «*babuztæ uasuncæ dongænti baltæj*» «утки крикают у реки стаями» (Qazb. 8); «*Kim æma Tajmuraz fæccudæncæ dongonmæ ærtajunmæ*» «Ким и Таймураз пошли к реке купаться» (Arg. kiun. II 7);

bilgon 'у берега, у края' (от *bilæ* 'берег, край'); «*æ bilgon ġæu læudtæj*» «на его (Хазнидона) берегу стоял аул»;

ġæugon 'близ аула, под аулом' (от *ġæu* 'аул'); «*æfsad ġæugoni ærlæudtæj*» «войско остановилось у аула».

Второе значение суффикса *-gon* близко к русск. *-ватый*: *borgon* 'желтоватый' (от *bor* 'желтый'); «*æ soqa borgon*» «его черкеска — желтоватая» (Sam. 108);

surxon 'красноватый' (от *surx* 'красный'); «*xor... surxon baxursta k'æzæxtæ*» «солнце окрасило скалы в красноватый цвет» (Qazb. 57).

c'æxgon 'зеленоватый' (от *c'æx* 'зеленый', также 'серый', 'синий'); «*c'æxgon zinnuj ærdozæ*» «зеленая виднеется поляна» (Mal. 19).

k'olgon 'слегка покатый' (от *k'ol* 'покатый'); «*mænæutæ k'olgon rau-ænti... rauæzæ — bauæzæ kænuncæ*» «пшеница на покатых местах слегка покачивается» (Ka ke 29).

В последнем значении (русск. *-ватый*) суффикс *-gon* близок к и. *-gotau* (*burgotau*, *surxgotau*, *c'æxgotau*, *k'ulgotau* 'желтоватый' и пр.), что позволяет видеть в *-gotau* эквивалент д. *-gon*, снабженного окончанием уподобительного падежа *-au* (ир. *m* — диг. *n* в исходе, см. § 19).

2. Суффикс *-a* при местоимениях, наречиях, когда на них делается логическое ударение (?): *maxa* 'мы' (Arg. kiun. I 15), *æxixædægka* 'он сам' (SD 292₄), *nura* 'теперь' (SD 280₂).

3. При наречиях места (а также прилагательных?) появляется иногда вначале гласный *æ* без определенной семантической значимости:

<i>ætænæ</i>	'вот', рядом с <i>mænæ</i>
<i>ædælə</i>	'вон внизу', рядом с <i>dælə</i>
<i>ærræstæ</i>	'прямо', при и. <i>rast id.</i>
<i>ædarġ(?)</i>	'длинный', рядом с <i>darġ</i>

4. Суффикс *-zæg* наличен в нескольких словах: *uarunzæg*, 'дождь', рядом с *uarun* id., *zorunzæg* 'говорливый' от *zorun* 'говорить'.¹

5. Мало оправданным семантически представляется нам также наращение элемента *g* (*gæ*, *gi*) при некоторых наречиях и связках:

<i>nerængæ</i>	'пока еще', рядом с <i>neræn</i> id.
<i>caldængæ</i>	'пока', рядом с <i>caldæn</i>
<i>ualdængæ</i>	'до тех пор', рядом с <i>ualdæn</i>
<i>cævedtongæ</i>	'будто', рядом с <i>cævedton</i> (и. <i>cævidton</i>)
<i>fæltaugi</i> , <i>fæltaugæn</i>	'лучше пусть', рядом с и. д. <i>fæltau</i> id.
<i>fudænengi</i>	'назло', рядом с <i>fudænæn</i> (и. <i>fydænæn</i>)

§ 85. Аффиксы, различающиеся по форме.

1. Иронскому суффиксу *-ag* отвечает в дигорском в некоторых случаях *-kkaq*:

<i>særkkaq</i>	'верхний', 'главный' (вм. <i>sæjrag</i> , от <i>sær</i> 'голова')
<i>bunkkaq</i>	'нижний' (вм. <i>bujnag</i> , и. <i>binag</i> от <i>bun</i> 'низ')
<i>ræbunkkaq</i>	'внутренний' (вм. <i>ræbujnag</i> , и. <i>ræbinag</i> , от <i>ræbun</i>) (SD 177 ₂)
<i>kæronkkaq</i>	'крайний' (вм. <i>kærojnag</i> от <i>kæron</i> 'конец, край') (SD 203 ₂) ²

П р и м е ч а н и е. Можно вообще отметить в дигорском ряд случаев морфологического появления геминированного *kk* (*gk*) в суффиксах и окончаниях:

fæstekkæj 'сзади' — и. *fæstijæ*
ændekkæj 'снаружи' — и. *ædtijæ*
medægkæj 'внутри' (SD 289) рядом с *medægæj*, и. *midægæj*
ardigkæj, *ardikkî* 'отсюда' (SD 99) рядом с *ardigaj*, и. *ardygaj*
uordigki 'оттуда' (Арğ. кiuп. III 17) рядом с *uordigæj*, и. *urdygæj*
nigki 'еще' при и. *nožy*
sosægkæj 'тайно' (Арğ. кiuп. III 31) рядом с *sosægæj*, и. *susægæj* (ср. § 27, с).

2. Глагольный префикс (преверб) *ra-* имеет в дигорском иногда усиленную (эмфатическую) форму *æra-* (может быть контаминация двух превербов *ær-* и *ra-*):

«*kædimajdima Akula ræsuğd... mæsugi særæj ærakæsidæ*» «авось красавица Акула выгянет с верхушки башни» (СОПам. II 26).

3. Закономерным соответствием ир. суффиксу *-žyn*, означающему обладание чем-нибудь, является д. *-gin*, *-gun*, что мы обычно и имеем; но в двух случаях мы находим этот суффикс в виде д. *-gen*:

<i>baraggen</i>	'имеющий право, власть', от <i>bar</i> (рядом с <i>baraggin</i>)
<i>zærdegen</i>	'с сердцем', от <i>zærdæ</i> (рядом с <i>zærdægin</i>)

§ 86. Аффиксы, различающиеся по употреблению.

1. Употребление глагольного префикса (преверба) *ær-* заметно шире в дигорском, чем в иронском, как можно видеть из следующих примеров:

¹ Ср., впрочем, и. *qælzæg*, д. *iğælzæg* 'веселый' от *qal*, *iğal* 'бодрствующий'.

² Ср. в иронском *qæukkaq* 'сельский' от *qæu* 'селение'.

д. <i>ærzudton</i>	‘я узнал’ (Sam. 110)	и. <i>bazydton</i> , от <i>zonyn</i> , <i>zonun</i>
<i>ærxatten</i>	‘я побродил’ (Sam. 110)	<i>fæxattæn</i> , от <i>xætyn</i> , <i>xætun</i>
<i>ærkodta</i>	‘он отрезал’ (Bes. 82)	<i>rakodta</i> от <i>kænyun</i> , <i>kænun</i>
<i>ærkodta</i>	‘он засеял’ (Ka ke 12)	<i>bakodta</i>
<i>ærfælmæstæncæ</i>	‘они утомились’ (Ka ke 89)	<i>bafælmæcydysty</i> , от <i>fælmæcyn</i> , <i>fælmæcun</i>

2. Суффикс *-oj*, наличный в обоих диалектах, в иронском обозначает чаще наличие какого-либо свойства, в дигорском (специально о частях тела) — его отсутствие:

и. <i>sætoj</i>	‘слюнтяй’, от <i>sæt</i> ‘слюна’
и. <i>k’æzøj</i>	‘кривобокий’, от <i>k’æz</i> ‘кривой’
и. <i>sajægoj</i>	‘обманщик’, от <i>sajyn</i> ‘обманывать’
д. <i>ǰosoj</i>	‘безухий’, от <i>ǰos</i> ‘ухо’
д. <i>congøj</i>	‘безрукий’, от <i>cong</i> ‘рука’
д. <i>k’axøj</i>	‘безногий’, от <i>k’ax</i> ‘нога’

3. Суффикс ир. *-yn*, диг. *-in*, обозначающий материал, из которого сделан предмет, имеет в дигорском некоторые случаи употребления, не засвидетельствованные в иронском:

<i>togin</i>	‘кروавый’ (Gurǰ Uaǰ. 10), от <i>tog</i> ‘кровь’
<i>zældagin</i>	‘шелковый’ (СОПам. II 39), от <i>zældagæ</i> ‘шелк’
<i>cærmin</i>	‘овчинный’ (Mal. 18, 115), от <i>car(m)</i> ‘шкура’
<i>tunin</i>	‘суконный’ (Ka ke 36), от <i>tunæ</i> ‘сукно’
<i>izdin</i>	‘свинцовый’, от <i>izdi</i> ‘свинец’
<i>agorin</i>	‘кирпичный’ (Arg. kiun. II. 19), от <i>agori</i> ‘кирпич’
<i>sinz’in</i>	‘из репейника’, от <i>sinzæ</i> ‘репей’
<i>kauin</i>	‘плетеный’ (Bes. 63; Qazb. 9), от <i>kauæ</i> ‘плетень’
<i>sojn’in</i>	‘жировой’ (Arg. kiun. II 16), от <i>sojnæ</i> ‘жир’
<i>næmæg’in</i>	‘новый’ (Arg. kiun. III 44) при <i>næmæg</i> id.

4. Суффикс отвлеченности ир. *-c*, диг. *-cæ*, который не может быть рассматриваем как ж и в о й ни для одного диалекта, был, повидимому, в прошлом в дигорском более продуктивен, чем в иронском:

д. <i>dærǰcæ</i>	‘длина’	и. <i>dærǰ</i> , от <i>darǰ</i> ‘длинный’
<i>uærxcæ</i>	‘ширина’	<i>uærx</i> , от <i>uærxæ</i> , <i>urux</i> ‘широкий’
<i>igurcæ</i>	‘рождение’	<i>rajǰuurd</i> , от <i>guurdyn</i> , <i>igurun</i> ‘рождаться’
<i>xuasǰærcæ</i>	‘сенокос’	<i>xosǰærst</i> , от <i>xos kærdyn</i> , <i>xuasæ kærdun</i> ‘косить сено’

<i>ixælcæ</i>	‘порча’	<i>xæld</i> , от <i>xælyn</i> , <i>ixælyn</i> ‘портиться’
<i>iærceæ</i>	‘дележ’	<i>uærst</i> , от <i>uæryn</i> , <i>iuæryn</i> ‘делить’
<i>kælcæfxuælcæ</i>	‘разруха’	от <i>kælyn</i> ‘разрушаться’ и <i>æfxuælyn</i> ‘повреждаться’

5. Засвидетельствован в дигорском ряд случаев употребления суффикса *-igon* (и. *-ygon*), чуждых иронскому:

<i>sæumigon</i>	‘утром’, от <i>sæumæ</i> ‘утро’
<i>ræftigon</i>	‘в полдень’, от <i>ræftæ</i> (ср. и. <i>særdygon</i> ‘летом’)
<i>iuxattigon</i>	‘давешний’ (Ка ке 96), от <i>iu xatt</i> ‘однажды’

6. Своеобразно употребление форманта уподобит. падежа *-au* при инфинитиве глаголов в дигорском:

uniau (SD 178₄, 185₃, 257₂), от *un* ‘быть’;
kænniau, *sæuniau* (SD 283₄, 286₄), от *kænn*, ‘делать’, *sæun* ‘итти’.

7. В употреблении суффиксов и. д. *-ag*, и. д. *-on*, близких по семантике, наблюдается колебание, а именно — в ряде случаев иронский имеет *-ag* (*-æg*), в то время как дигорский *-on*:

и. <i>sixag</i>	д. <i>sinxon</i>	‘сосед’, от <i>sux</i> , <i>sinx</i> ‘квартира’
<i>zærdiag</i>	<i>zærdton</i>	наряду с <i>zærdtag</i> ‘сердечный’, от <i>zærdæ</i> ‘сердце’
<i>taxynæg</i>	<i>taxinon</i>	‘колбаса’
<i>asiag</i>	<i>æsson</i>	‘балкарский’, от <i>Asy</i> , <i>Asi</i> ‘Балкария’

Примечание. И. *zymæg* ‘зимний’ отвечает д. *zujton* (*zymæg*, *zimæg* ‘зима’).

8. Иногда в одном диалекте имеем простую основу, а в другом — срощенные этой основы с каким-нибудь суффиксом:

и. <i>faron</i>	д. <i>faræ</i>	‘прошлый год’
‘æ’ <i>znon</i>	<i>æzinæ</i>	‘вчера’
<i>dyson</i>	<i>ædosæ</i>	‘вчера ночью’
<i>çyryn</i>	<i>kiræ</i>	‘сундук’
<i>xæsnag</i>	<i>xæsne</i>	‘пари’
<i>xæluaræg</i>	<i>xælaur</i>	‘паук’
<i>susæg</i> , <i>susægæg</i>	<i>sos</i> , <i>sosæg</i> (есть и <i>sosæg</i>)	‘тайный’, ‘тайно’
<i>zaræg</i>	<i>zar</i>	‘песня’
<i>fistæg</i>	<i>fest</i> (рядом с <i>festæg</i>)	‘пеший’
<i>uarykk</i>	<i>uær</i> (рядом с <i>uærikkæ</i>)	‘барашек’
<i>qændil</i>	<i>qændelæ</i> , но и <i>qændelæg</i>	‘жук’

(ср. выше *zujton*, предполагающее основу *zim* при обычном д. *zimæg*, и. *zymæg* ‘зима’).

§ 87. Сложные слова (composita) имеют широкое распространение в обоих диалектах и представляют живой и весьма продуктивный фактор

словообразования и обогащения лексики. Нормы образования сложных слов и основные их типы — одни и те же для обоих диалектов.

§ 88. В сложных словах, где вторая часть представляет отглагольное имя с отвлеченным значением («смотрение», «сидение» и т. п.), иронский дает обычно глагол в форме прошедшего причастия (основы прош. вр.), а дигорский — в виде основы настоящего времени с концевым гласным *-æ*:

<i>sosæg-warzæ</i>	‘тайная любовь’ (MD 1937 1 30), ср. и. <i>susæg-warzt</i>
<i>k'ex-færsæ</i>	‘настойчивый вопрос’, ср. и. <i>xync-farst</i>
<i>zændæl-kafæ</i>	‘вялый танец’, ср. и. <i>uæzzau-kaft</i>
<i>tux-tæræ</i>	‘понуkanie (лошади) через силу’ (SD 182 ₂), ср. и. <i>tyxtard</i>
<i>fæste-tæræ</i>	‘понуkanie сзади’ (Ka ke 96)
<i>ærxun-xussæ</i>	‘грустный сон’
<i>ærxun-badæ</i>	‘грустное сидение’
<i>zæğæl-badæ</i>	‘праздное сидение’ (SD 292 ₄)
<i>zæğæl-xætæ</i>	‘праздное хождение’ (SD 292)
<i>desæ-ğoræ</i>	‘удивленная речь’
<i>kozbau-ğoræ</i>	‘льстивая речь’ (Sam. 63)
<i>fud-ænbæle</i>	‘роковая встреча’
<i>ğala-kæsæ</i>	‘бессмысленный взгляд’
<i>list-kæsæ</i>	‘внимательный взгляд’
<i>dælbun-kæsæ</i>	‘взгляд исподлобья’
<i>adgin-ğaræ</i>	‘приятное впечатление’
<i>mæstæj-maræ</i>	‘дразнение’ (Ka ke 54)
<i>masti-ficæ</i>	‘кипение гнева’ (Qazb. 71)

Примечание 1. В дигорском, однако, глагол может стоять и в форме прош. причастия, как в иронском; так, наряду с *ğala-kæsæ*, мы находим *kex-kast* ‘пристальный взгляд’.

Примечание 2. Мы не касаемся здесь орфографического вопроса, писать ли образования вышеприведенного типа вместе или отдельно. Подчеркиваем только, что самая постановка глагола в форме основы наст. вр. возможна лишь при условии, если впереди стоит определение, т. е. если все образование имеет характер сложного слова.

В. СИНТАКСИС

§ 89. В области синтаксиса сколько-нибудь существенных расхождений между иронским и дигорским нами не отмечено. Структура простого и сложного предложения, способы сочинения и подчинения, нормы согласования, порядок слов в предложении, предшествование определения, система послеслогов, взаимоотношение синтаксических функций и морфологических категорий — все это является общим для обоих диалектов. Ниже мы отмечаем несколько несущественных различий.

§ 90. Употребление послеслогов. Обстоятельственные отношения (места, времени, причины, цели, способа действия), которые не покрываются падежными формами, выражаются в обоих диалектах с помощью богатой системы послеслогов, сочетающихся почти исключи-

тельно с родительным падежом. Однако в обоих диалектах имеются также предложные образования. При этом два предлога, *æd* 'с' и *ænæ* 'без' являются живыми и продуктивными. Остальные же наличны только в строго ограниченном числе старых и как бы застывших образований.

Например:

и. <i>uæl-vændag</i>	'над дорогой',	вм. <i>fændaz̄y uælijæ</i>
<i>dæl-vændag</i>	'под дорогой',	вм. <i>fændaz̄y dælijæ</i>
<i>fæs-k'ævda</i>	'после дождя',	вм. <i>k'ævdaz̄y fæstæ</i>
<i>mid-bylyt̄y</i>	'меж губ',	вм. <i>bylyt̄y midæg</i>
<i>ættæ-duar</i>	'за дверь',	вм. <i>duaræn ættijæ</i>
и т. п.		

Особенностью дигорского диалекта является более широкое распространение подобных предложных образований: однако и в дигорском они являются как нечто застывшее, сцементированное и должны быть рассматриваемы скорее как сложные слова, чем как предложные образования в собственном смысле (предлог сочетается не с каким-либо косвенным падежом, а с основой).

1. Предлог *æd* 'с' продуктивен и в иронском (см. выше), но в дигорском используется шире, в частности в таких случаях, где иронский прибегает к союзному или отложительному падежу:

д. <i>æd-æxsævæ-ad-bonæ</i>	'ночью и днем',	и. <i>axsævæj-bonæj</i>
<i>æd-særdæ-æd-zumæg</i>	'летом и зимой',	<i>særdæj-zumægæj</i>
<i>æd-kæstær-æd-xestær</i>	'и младшие и старшие',	<i>kæstæræj-xistæræj</i>
<i>æd-ǵær</i>	'с криком',	<i>ǵærimæ</i>
<i>æd-æfsad</i>	'с войском'	<i>æfsadimæ</i>

2. Предлог *uæl* 'на', 'над' используется в дигорском sporadически не только вместо послелога *uælijæ*, но также вместо местного внешнего падежа.

д. <i>uæl-c'ete</i>	'на леднике', и. <i>c'itijyl</i>
<i>uæl-nad</i>	'на дороге', по смыслу = и. <i>fændagyl</i>
<i>uæl-fingæ</i>	'за столом', и. <i>fynɣyl</i>

3. Предлог *dæl* 'под'.

д. *dælfinkæj* 'из-под пены', и. *fynčy byncæj*.

4. Предлог *med* 'в, внутри', используется как вместо послелога, так и вместо местного внутреннего падежа:

д. <i>med-arv</i>	'в небе', и. <i>arvy</i>
<i>med-fun</i>	'во сне' (Saxi ræs. 20), и. <i>fyny</i>
<i>med-reu</i>	'в груди' (Ka ke 36), и. <i>riuy, riuy midæg</i>
<i>med-ronæ</i>	'в поясе', и. <i>rony</i>
<i>med-adæm</i>	'среди людей', и. <i>adæmy'xsæn</i> .

5. Предлог *ændæ* 'за, вне'.

д. *ændæ-qæu* 'за аулом', и. *qæwy'dtiǰæ*
ændæ-sk'ola 'вне школы' (SD 244).

6. Предлог *fæs* 'после'.

д. *fæs-mærdæ* 'после смерти' (Lit. qaz. 1 35), и. *amardy fæstæ*.

§ 91. Энклитические частицы могут в дигорском вставляться между превербом и глаголом, что в иронском невозможно; примеры см. § 79.

П р и м е ч а н и е. В выражении «еще один раз», энклитика *ma* 'еще' стоит в дигорском после 'один': *jeu ma xatt*, в иронском после 'раз': *iu xatt ma*. Это положение можно, кажется, обобщить на все случаи, когда числительные стоят как определения.

§ 92. Энклитические местоимения в роли косвенных объектов (и вообще энклитические частицы) по нормам иронского синтаксиса должны присоединяться обязательно к первому слову (или первому акцентуальному комплексу) предложения, хотя бы это был и не глагол, от которого они зависят: в дигорском такой порядок является также обычным, но не обязательным.

д. *сæтæн isafis mæ?* «почему ты меня губишь?» в иронском было бы *сæтæн mæ safys?* [энклитическое местоимение *mæ* стоит не после сказуемого *safys* (д. *isafis*), а после первого слова в предложении *сæтæн* 'почему'].

д. *ka fæzzæǰij din dæ læžæ...* «кто говорит тебе о твоей вине...» (Bes. 61), в иронском было бы: *çi dyn fæzzæǰy dæ læž* [энклитическое местоимение *din* стоит не после сказуемого *fæzzæǰy*, а после первого слова в предложении *çi* (д. *ka*)].

Г. ТЕКСТ ИЗ НАРТОВСКОГО ЭПОСА¹

(дается последовательно: 1. иронский текст, 2. дигорский текст,
3. русский перевод)

Narty Wyryzmæg æmæ Xæmусу fyrт Batrazy kadæg

1. Iw xatt kwy wydi wæd nærton zæronд Wyryzmæg Narty nuxasy
imnægæj duryl cæwy ræzæ-mæzæ kodta.

Narti Uruzmæg æma Xæmici furt Batrazi kadængæ

1. Ew kæmi adtæj omi nærton zæronд Uruzmæg Narti nixasi ewnægaj
dorbæl cæw-ræxсæ kodta.

Сказание о нарте Урузмаге и Хамицовом сыне Батразе

1. Однажды старый Нарт Урузмаг дремал один на камне на нартвовском нихасе.²

¹ СОПом. V, 1941 стр. 159—162.

² Н и х а с — место, где собираются и беседуют мужчины.

2. Narty syvællættæ nyxasy alfamblaj purtijæ qazydysty. Æmæ sæ iw purti nyk'k'wyrdta, æmæ jæ xwycaw Wryzmaëzy wæragyl fækodta.

3. Wryzmaëg dær kwynnæ smæsty wydaid syvællættæm æmæ purti nyzyvvytt kodta. Syvællættæ kæwyn bajdydtoj, æmæ syn fætæriğæd kodta. Sæ purti syn fæstæmæ ærxasta, ærsabyr sæ kodta, semæ qazyn rajdydta.

4. Wæddær ysturtæj niçi zyny nyxasmæ. Æmæ wæd Wryzmaëg færsy syvællættæ:

— Næ gwypypysartæ kæm ysty umæn nicy zonut? zæğgæ.

5. Æmæ syvællættæj sæ iw zury:

— Æz, zağta, nyr yl iw k'wyri cæwy, wæd næ fos xizynmæ wydtæn æmæ sæ Wask'wypy bærzondyl fedton, simdyl nyxxæcydysty aftæmæj.

2. Narti suvællænttæ nixasi falænbulaj k'ozoti ġaztoncæ. Æma sæ ew k'ozo nik'k'wærdta, æma 'j xucaw Uruzmaëgi wæragbæl fækkodta.

3. Uruzmaëg dær kud næ ramæstgun adtajdæ suvællænttæmæ æma k'ozoj nizzuvvutt kodta. Suvællænttæ kæun bajdædtoncæ, ma sin ærtæreğæd kodta. Sæ k'ozo sin fæstæmæ ærxasta, ær-sæ-sabur kodta, sæ xæccæ ġazun rajdædta.

4. Wæddær i usturtæj ba neke zinnuj nixasmæ. Ma wædta Uruzmaëg færsuj suvællæntti:

— Næ onæxsærttæ kæmi 'ncæ omæn neci zonetæ? zæğgæ.

5. Æma suvællænttæj sæ ew zoruj:

— Æz, zağta, nur ibæl ew k'wære cæuj, wæd næ fons xezuni adtæn æma sæ Wask'uppi bærzondbæl fæjjidton, sindi ærxwæstæncæ, otemæj.

2. Нартовские дети играли в мяч вокруг нихаса. И один из них ударил мяч, и он по божьей воле угодил в колено Урузмагу.

3. Как было не разгневаться Урузмагу, и он закинул мяч. Дети стали плакать, и он над ними сожалелся. Принес им обратно мяч, успокоил их, стал играть с ними.

4. Между тем из взрослых никто не показывался на нихас. И тогда Урузмаг спрашивает детей:

— Не знаете ли вы, где наши богатыри?

5. И один из детей говорит:

— Я, говорит, неделю назад ходил пасти наш скот и видел их на вершине Уаскуп, взявшимися за симд.¹

¹ Симд | синд — прославленный нартовский массовый танец.

6. — Æmæ syn sæ nyxæstæj nicy feqwystaj? — zæggæ jæ færsy Wyrzymæg.

— Nicy sæ feqwyston, æcægæj zyrd bakodtoj, zæronð nemæ kwyd nikwal bawazæm, — zæggæ. Aftæ jyn razyrðta læppu.

7. Wyrzymæg ucy nyxas kwyddær feqwysta, aftæ jæ tug æxsyraw ysfyxti. Sæ xæzarmæ tynzgæ færast i æmæ jæ ystyr Ærfænyl rabadti. «Bæræg wyzæn wædæ, Narty gwypypysartæ mæn se 'xsænmae kwynæ bawazoj wæd» — zæggæ zağta.

8. Æmæ Wask'wuppy bærzondmæ Narty fæsivædy razmæ smidæg is. Żury sæm: «Bajriat, næ gwypypysartæ!» Æmæ jæm kæsgæ dær næ rakodtoj, fælæ sæ kæmæn kwyd æntysti, aftæ kafydi: duwwæ denžyzy ræsuğd arvajdænæj kasti, æmæ sæ cæmæj uj zærdæmæ isçi bacydaid, uj tyxxæj kafydysty æz xwyzdæræj.

6. — Ma sin sæ zubanditæj neci feğustaj? — zæggæ 'j færsuj Uruzmaeg.

— Neci si feğuston, æcægæj bazurd kodtoncæ, zæronð næ xæccæ kud nekædbal bawazæn — zæggæ. Otæ in razurðta i biccew.

7. Uruzmaeg eci zubandi kuddær rajğusta, otæ æ tog æxsiraw rajradæj. Sæ xæzaræmæ tunzgæ ærxælæf kodta æma æ ustur Ærfænbael rabadtæj. «Bæræg ozænæj ædta, Narti onæxsærttæ mæn se 'xsænmae kunæ bawazoncæ wæd» — zæggæ zağta.

8. Æma Wask'uppi bærzondmæ Narti fæsevædi razmæ ismedæg æj. Żoruj sæmæ: «Bajrajajtæ, næ onæxsærttæ!» Ma imæ kæsgæ dær næ rakodtoncæ, fal si kæmæn kud æntæstæj otæ kafta: duwwæ dengizi ræsuğd arvajdænæj kastæj, ma si cæmæj oj zærdæmæ eske bacudajdæ, oj tuxxæj kaftoncæ æz xwæzdæræj.

6. — А не слышал ли ты чего-нибудь из их разговоров, — спрашивает его Урузмаг.

— Ничего я не слышал, правда, они сговорились, чтобы старого (человека) никогда больше к себе не допускать. Так ему рассказал мальчик.

7. Как только Урузмаг услышал эти слова, кровь в нем вскипела, как молоко. Поспешно кинулся он домой и сел на своего большого Арфана.¹ «Увидим, если нартовские богатыри не допустят меня в свою среду» — сказал он.

8. И он предстал перед нартовской молодежью на вершине Уаскуп. Говорит им: «Здравствуйте, наши богатыри!» И на него даже не взглянули, но кто как умел, плясал: красавица двух морей смотрела в небесное зеркало, и [в надежде], что кто-нибудь из них ей понравится, они плясали напропалую.

¹ А р ф а н — имя знаменитого Урузмагова коня.

9. Cæstyzulæj dær æm kwy næ rakastysty, wæd Wryzmæg Ærfæny byrynk' fesdaexta æmæ wajyn samadta čyrgmæ. Jæxinymær jæxicæn zyrd radta: «Tæxudy Xwycawy færcy ucy čyrg mæ k'uxy kwy baftid, wæd mæxædæg zæronnd dæn, fælæ sæm æj ysonin, æmæ mæ kæddæra wæd dær sæ astæwmæ næ bawazzysty».

10. Aftæmæj baxæstæg i čyžy cærænma æmæ jæ wad fætægddær kodta. Čyrg dær xæzary tyrgyl badti æmæ zæronnd læžy bæxyl wajgæ kwy awyda, wæd æm žury:

— Kædæm ližys, xorz zæronnd læg?

11.— Kædæm ližyn, zağgæ zağta Wryzmæg: Awary æfsædtæ ærbacæwync dunejy suzgæ, cæğdgæ, dærængængæ. Mænæn mæ xo Wask'wuppy bærzondyl is, hemæ ma kæd uj fervæzyn kænin, zæğgæ, urdæm tağd kænyn.

12.— U, dæ xorzæxæj, xorz zæronnd læg, wædæ mæn dær demæ akæn,

9. Cæstizolæj dær imæ ku næ rakastænca, wæd Uruzæg Ærfæni k'embur fezdaxta æma wajun samadta i kizgæmæ. ÆXe mednimær æxecæn: žurd ravardta: «Tæxodujtæ Xucawi færci eci kizgæ mæ k'oxi ku baftuidæ, wæd mæxwædæg zæronnd dæn, fal sæmæ'j isxoninæ, ma mæ kæddæra wæd dær sæ astæwmæ næ bawazžænæncæ».

10. Otemæj baxæstæg æj kizgi cærænma ma jæ wad fætægddær kodta. Kizgæ dær xæzari žatmabæl badtæg ma zæronnd lægi bæxbæl wajgæ ku ærwidta, wæd imæ žoruj:

— Kumæ ležis, xwarz zæronnd læg?

11.— Kumæ ležin, zæğgæ zağta Uruzæg: Awari æfsædtæ ærbacæuncædujnežy sozğæ, cæğdgæ, bularæ æftawgæ. Mænæn ba mæ xwæræ Wask'uppi bærzondbæl æj, hema ma kæd oj fæjjervæzun kænina, zæğgæ, ordæmæ xælæf kænun.

12.— U, dæ xwarzænæxæj, xwarz zæronnd læg, madta mæn dær dæ hæccæ

9. Когда они даже боком на него не взглянули, Урузмаг повернул морду Арфана и пустился скакать к девице. Про себя дал себе слово: «О, если бы с божьей помощью та девица попала мне в руки, тогда, хотя сам я стар, но привел бы ее к ним, и неужели и тогда они не допустили бы меня в свою среду?»

10. Таким образом он приблизился к жилищу девицы и поскакал быстрее. Девица сидела на крыльце дома и когда увидела скачущего на коне старика, то говорит ему: «Куда бежишь, славный старик?»

11.— Куда бегу, сказал Урузмаг: войска (народа) авар приближаются, сжигая, истребляя, уничтожая все. У меня же сестра находится на вершине Уаскуп, и в надежде спасти ее я спешу туда.

12.— О, прощу тебя, славный старик, в таком случае возьми и меня

kænnod mæn dær bafxærzysty ucy znægtæ, kwy 'rbaxæccæ oj wæd, — zæggæ jæm zury čygz dær.

— Bærgæ dæ akænin, fælæ ærbaxæstæg ysty, æmæ iwnæg bæxyl kwy wajæm, wæd næ rajjafzysty æmæ næ ne 'nusy cardmæ arvitzysty, — zæggæ, ænk'ardgomaw ranyxas kodta Wryzmæg.

Wæd čygz xorz dywwæ sawloxy aiftyğta wærdony æmæ um abadi jæ bæxtærægimæ. Rarast ysty. Wryzmæg jæ Ærfænyl razæj fændagamonæg, sylgojmag ta jæ fæstæ wadi, aftæmæj.

13. Cæjbærc racydaikkoj, xwycaw zony, stæj Wryzmæg zury Ærfænæmæ susægæj:

— Kwitæ dæ baxordtoj, daxi fæk'wylux kæn baræj æmæ ærlæw, cyma mæ nal færazys aftæ, kædæppyn mæ čygz jemæ ysbadyn kænid. Aftæ tyng fændydi čyžy farsmæ badyn Wryzmažy.

xonæ, kenæ ba mæn dær bafxwærzænæncæ jeci znægtæ, ku ærbaqæرتونcæ wæd, — zæggæ imæ zoruj i kizgæ dær.

— Bærgæ dæ xoninæ, fal ærbaxæstæg æncæ, ma ewnæg bæxbæl ku wajæn, wæd næ rajjafzænæncæ, ma næ ne 'noson cardmæ rarvetzænæncæ, — zæggæ, ænk'ardgomaw zubandi rakodta Uruzæg.

Wæd i kizgæ xwarz duwwæ sawloxi rajjeftiğta wærduni ma omi rabadtæj æ bæxdærægi hæccæ. Ranæxstæræncæ. Uruzæg æ Ærfænæl razæj nadamonæg, i silæ ba oj fæste wadæj, otemæj.

13. Cæjbærcæ racudajonæ, xucaw zonuj, wædta Uruzæg Ærfænæmæ zoruj sosæggiti:

— Kujtæ dæ baxwardta, dæxe fæk'ulux kænæ baræj ma ærlæwwæ, cuma mæ næbal færazis otæ, kædimajdi mæ kizgæ æ hæccæ isbadun kænidæ. Otæ qæbær fænd' adtæj kizgi farsmæ badun Uruzæg.

с собой, а не то и меня обидят те враги, когда они доберутся сюда, — говорит ему девица.

— Охотно взял бы тебя, но они близки, и если мы поедem на одной лошади, то они нас настигнут и отправят нас в нашу вечную жизнь — с огорченным видом сказал Урузмаг.

Тогда девица запрягла двух хороших шавлохов¹ в колесницу и вскочила туда со своим возничим. Отправились. Урузмаг на своем Арфане впереди в качестве вожатого, а женщина неслась сзади, так (они ехали).

13. Сколько они проехали, бог знает, но вот Урузмаг говорит шопотом Арфану:

— Собаки тебя съели, притворись, что ты захромал и остановись, будто не можешь меня больше нести, авось девица посадит меня с собой. Так сильно хотелось сидеть рядом с девушкой Урузмагу.

¹ Шавлох — лошадь прославленной кабардинской породы.

14. Ærfæn dær jæxi fak'wylyx kodta æmæ ærlæwwydi. Æmæ wæd çyżg Wyrzymægmae žury:

— Mæ udirvæz yngænæg, xorz zæronð læg, dæ bæx kwy nal færazy; rawaj, mænæ memæ wærdony abad!

Wyrzymæg rabadti çyżžy farsmæ, jæ bæx bæxtы farsmæ babasta aftæmæj.

15. Ælvændag fændægtyl cydysty, æmæ iw sæ wærdon kwy fæk'ul is, wæd Wyrzymæg çyżgyl bancoj kodta. Hemæ iw aly bancojæ dær Wyrzymæžy urs zač'ejy saw ærdu abadti. Aftæmæj calymmæ Wask'wyppy bærzondmæ xæccæ kodtoj, wædmæ Wyrzymæžy urs zač'e sawsawid festadi.

16. Ærlæwwydysty Wask'wyppy bærzondyl. Narty xsæn sylstæg kwy næ wydta çyżg, wæd bambærsta, Wyrzymæg æj kæj fæsajdta uj. Fæstæmæ zdæxyntæ bærgæ raqavyd, fælæ ma dyn æj kæm awağtajakkoj fydweg adæny xatt! Aftæmæj jyn gænæn nal wyd, æmæ bazzadi um.

14. Ærfæn dær æxe fæk'ulux kodta ma ærlæwdtæj. Ma wædta i kizgæ Uruzægmae žoruj:

— Mæ odervæzungænæg, xwarz zæronð læg, dæ bæx ku næbal færazuj; rawajæ, mænæ mæn xæccæ wærduni rabadæ!

Uruzæg rabadtæj kizgi farsmæ, æ bæx bæxtы farsmæ babasta otemæj.

15. ÆEnæ nadi nædtæbæl cudæncæ, ma ew sæ wærdun ku fækk'ol æj, wæd Uruzæg kizgæbæl bancojnæ kænidaæ. Hema alli bancojnæj dær Uruzæg i ors rexi saw ærdo rabadidaæ. Otemæj caldæn Wask'uppi bærzondmæ qærttæncæ, waldængi Uruzæg i ors rexæ sawsawid festadæj.

16. Æristadæncæ Wask'uppi bærzondbæl. Narti æxsæn silæstæg ku næ widta i kizgæ, wæd balædærttæj, Uruzæg æj ke fæsajdta oj. Fæstæmæ æzdæxuntæ bærgæ rağavta, fal ma din æj kæmi rawağtajoncæ næræmon adæmi xatt! Otemæj in gænæn næbal adtæj ma bajzadæj omi.

14. Арфан прыгнулся хромым и остановился. И тогда девушка говорит Урузмагу:

— Спаситель моей души, славный старик, твой конь больше не в силах; иди, садись со мной в колесницу!

Урузмаг уселся рядом с девицей, привязав свою лошадь рядом с лошадьми.

15. Ехали они по бездорожью, и когда колесница накренилась на бок, Урузмаг прислонился к девушке. И вот от каждого (такого) прикосновения в белой бороде Урузмага появлялся черный волос. Таким образом, пока они достигли вершины Уаскуп, белая борода Урузмага стала черным черная.

16. Остановились на вершине Уаскуп. Когда девица не увидела среди Нартов женщины, она поняла, что Урузмаг ее обманул. Попыталась было она повернуть обратно, но разве отпустила бы ее (эта) буйная порода людей! Таким образом ей ничего не оставалось делать, и она осталась там.

17. Wæd æm Soslan bakafyd æmæ jæm zury:

— Kuryñ dæ æmæ memæ iw kaft rakæn!

Čyzyg æm kæsgæ dær ne 'skodta, aftæmæj jæm zury:

— Næ kafyn demæ, umæn æmæ ægær fyd wag læg dæ.

18. Uj fæstæ jæm Xæmyc bakafyd:

— Wædæ memæ rakaf!

— Demæ dær næ kafyn: ægær zæronð læg dæ, stæj xwyzarm zabyrtæ: darys.

19. Wæd ta jæm Sybale bakafyd, æmæ ta umæ dær zury:

— Demæ dær næ kafyn: sily zyħ dyn is.

20. Segasy fæstæ jæm Batraz bakafyd:

— Xwycaw kæmæn næj! Cæwylnæ nyl ærvæssys? Racu ma, memæ rakaf!

17. Wæd imæ Soslan bakafta ma imæ zoruj:

— Korun di æma mæ hæccæ ew kaft rakænæ!

Kizgæ imæ kæsgæ dar ne 'skodta, otemæj imæ zoruj:

— Næ kafun dæw hæccæ, omæn æma ægær næræmon læg dæ.

18. Oj fæste ba imæ Xæmic bakafta:

— Madta mæn hæccæ rakafæ!

— Dæw hæccæ dær næ kafun: ægær zæronð læg dæ, wædta xuzar zabyrtæ daris.

19. Wæd babæj imæ Subalci bakafta ma babæj omæ dær zoruj:

— Dæw hæccæ dær næ kafun: sili c'ux din jes.

20. Segasi fæste imæ Batraz bakafta:

— Xucaw kæmæn næ jes! Cæmænnæ næbæl ærvænsis? Raco ma, mæn hæccæ rakafæ!

17. Тогда Сослан подплясал к ней и говорит ей:

— Прошу тебя, спляши со мной один танец!

Девушка на него и не взглянула и говорит ему:

— Не пляшу с тобой, так как ты слишком буйный мужчина.

18. После этого к ней подплясал Хамид:

— Тогда спляши со мною!

— И с тобой не пляшу: Слишком стар ты и к тому же носишь чуваки из свиной кожи.

19. Тогда подплясал к ней Субалц, но она и ему говорит:

— И с тобой не пляшу: у тебя женский язык.¹

20. После всех подплясал к ней Батраз:

— Безбожница! Почему брезгаешь нами? Выходи-ка, спляши со мною!

¹ Буквально «женский рот».

— Dæwæn dæ fydy-fydy Alæžy Qænzærgæs wæjyg Saw denžyzy bylmae jæxicæn fyjjawæn fæxasta, æmæ uj kwy 'rbazdaxis, wæd bærgæ yskafin demæ.

21. Batraz je 'mbæltty ævdisæn bakodta, aftæmæj arast i jæ fydy-fyd Alæžy agurynmæ Saw denžyzy bylmae.

22. Cæjbærc fæcydaid, xucaw zony, stæj baxæccæ is Qænzærgæsyzaxmæ æmæ iw ran Alæžy yssardta sænyččytæ xizgæ.

23. — Dæ fos biræ, zæronð læg!

— Dæ cærænbon biræ!

— Cavær dæ? Sæggæs dæ či skodta?

— Æz nærton læg dæn. Xæsty zamany mæ Qænzærgæs raxasta æmæ mæ nyr am qizæmaræj mary. Dæw ta cy xur, cy k'ævda ærxasta?

24. — Hæjtt, baba, baba! zæggæ zağta Batraz, wædæ az dær nærton gwyrd ku dæn æmæ dæ aguræg kwy 'rbacydtæn!

— Dæwæn dæ fidi-fidi Alægi Qænzærgæs wæjug Saw dengizi bilæmæ æxecæm fyjjawæn fæxxasta, ma oj ku ærbazdaxisæ, wæd bærgæ iskafinæ dæw xæccæ.

21. Batraz je 'mbæltti ævdesæn bakodta, otemæj randæj æ fidi-fidæ Alægi agorunmæ Saw dengizi bilæmæ.

22. Cæjbærcæ fæccudajdæ, xucaw zonuž, wædta baqærttæj Qænzærgæsi zænxæmæ ma ew rawæn Alægi issirdta dærk'itæ xezgæ.

23. — Dæ fons bewræ, zæronð læg!

— Dæ cærænbon bewræ!

— Ciwavær dæ? Sæggæs dæ ka æskodta?

— Æz nærton læg dæn. Tuğdi zamani mæ Qænzærgæs raxasta ma mæ nur ba ami ġezæmaræj maruž. Dæw babaj ci xor ci k'ævda ærxasta?

24. — Hett, baba, baba! zæggæ zağta Batraz, madta æz dær nærton igurd ku dæn ma dæw agoræg ku ærbacudtæn!

— Твоего дедушку Алага великан Кандзаргас унес на берег Черного моря, (чтобы сделать) для себя пастухом, и если бы ты вернул его, то я охотно сплясала бы с тобой.

21. Батраз призвал своих товарищей в свидетели, а затем отправился искать своего дедушку Алага на берег Черного моря.

22. Сколько он шел, бог знает, потом достиг земли Кандзаргаса и в одном месте нашел Алага, пасущим козлят.

23. — Умножиться твоему скоту, старик!

— Долгой жизни тебе!

— Кто ты? Кто сделал тебя пастухом коз?

— Я нартовский муж. Во время боя меня унес Кандзаргас и теперь здесь меня мучает. А тебя-то что за солнце, что за гроза принесла?

24. Эй, дедушка, дедушка! сказал Батраз, ведь я тоже нартовского рода и пришел искать тебя!

— Cæj nærton gwyrd dæ dy? Cæmæn mæ sajs? Nartæj yzmælæg kwy næwal is. Ærcu ardæm, kæd nærton gwyrd dæ, wæd dæ æz bazonzynæn.

25. Æmæ jæm Batraz xæstæg bacydi. Alæg dær yl jæ k'ux ræwægtytæ kodta, æmæ jæ bawyrnydta, Batraz nærton gwyrd kæj wydi uj, je wængty axastmæ gæsgæ.

26. Æmæ jæm zury Alæg: «Æxsyszgon myn u, myggag ma næ kæj is, uj. Fælæ dæ kury, acu ardygæj. Nicy skænzynæ Qænzærgæsæn, amarzæn dæ».

27. — Axæm nyxæstæ myn mawal kæn, baba! Mænæn ardygæj fæcæwæn nal is, calymmæ dyn de 'znažy amaron æmæ dæw næximæ akænon, walymmæ, — karzæj zağta Batraz æmæ færast i Qænzærgæsy xæzarmæ.

28. Xæzary smidæg æmæ Qænzærgæsy xwyssgæjæ bajjafta. Ærbadti jyl, jæ dywwæ qusyl yn nyxxxæcyd, aftæmæj. Zury jæm Batraz: «Xærzbon

— Cæj nærton igurd dæ du? Cæmæn mæ sais? Nartæj æzmælæg ku næbal es. Ærcæwaj ardæmæ, kæd nærton igurd dæ, wæd dæ æz bazonzænæn.

25. Ma imæ Batraz xæstæg bacudæj. Alæg dær ibal æ k'ox rawægtytæ kodta, ma ži bajragæs æj, Batraz nærton igurd ke adtæj jejæ, je 'wængti raxastmæ gæsgæ.

26. Ma imæ zoruj Alæg: «Æxcæwæn min æj, muggag ma ni ke es jejæ. Fal di korun, randæ o ardiggæj. Neci iskænžænæ Qænzærgæsæn, ra-dæmaržænæj».

27. — Wæxæn žubanditæ min mabal kænæ, baba! Mænæn ardiggæj fæccæwæn næbal es, caldæn din de znagi ramaron ma dæw næxemæ fæx-xonon, waldæn, — karzæj zağta Batraz æma ranæxstær æj Qænzærgæsi xæzaræmæ.

28. Xæzari ismedæg æj ma Qænzærgæsi xussgæj bajjafta. Ærbadtæj ibæl, æ duwwæ gōsebæl in ærxwæstæj, otemæj. Zoruj imæ Batraz: «Xwærz-

— Какого ты нартовского рода? Зачем меня обманываешь? Из Нартов не осталось живой души. Подойди сюда, если ты нартовского рода, то я тебя узнаю.

25. И Батраз подошел к нему близко, Алаг провел по нему рукой и уверился, что Батраз нартовского рода, по складу его тела.

26. И говорит ему Алаг: «Я рад, что наш род еще существует. Но прошу тебя, уходи отсюда. Не справишься тебе с Кандзаргасом, убьет он тебя».

27. — Таких слов не говори мне больше, дедушка! Мне уже не уйти отсюда, пока я не убью твоего врага и не отведу тебя домой, — гневно сказал Батраз и отправился в дом Кандзаргаса.

28. Ворвался в дом и застал Кандзаргаса лежащим. Уселся на нем, схватил его за два уха. Говорит ему Батраз: «Простись с этим светом!

zæġ wælæwyl dunejæn! Margæ dæ kænyn, mæ fydy-fydy myn nyrong kæj fefxærdtaj, uj tyxxæj».

29. — U, æz dæ mad, dæ fydy wazæg æmæ myn mæ udy tæriġædy ma bacu, mæ mulk iwyl dær dæwæn ratzænæn.

30. Batraz æm næ bajqwysta. Kard yslasta æmæ wæjygæn jæ sær ak'wyrda.

Jæxædæg wæjyzy avd k'æbicy bakodta æmæ jyn jæ mulk, jæ fos rambyrd kodta. Stæj Alæzy æxsyry cady cynadta æmæ Alæg jæ usgury zamany kwyd wyd, aftæ festadi.

31. Aftæmæj duwwæ nærton læzy Wask'wuppy bærzondmæ Narty gwyppysarty razmæ ysmidæg ysty. Nartæ dær syl cæwylnæ cin kodtajkkoj!

32. Xwycaw zony, cæjbære fæcin kodtoj. Stæj dywwæ denzyzy ræsuġd razmæ racydi, æmæ Batraz jemæ uskafyd. Kæræzjy zærdæmæ bacydysty,

bon zæġæ wælæbæl dujnejæn! Margæ dæ kænun, mæ fidi-fidi min nurmæ ke fefxwardtaj, oj tuxxæn».

29. — U, æz dæ madæ, dæ fidi iwazæg æma min mæ odi mondi ma baco, mæ mulk ewguræj dær dæwæn ratzænæn.

30. Batraz imæ næ bajġusta. Kard islasta ma wæjugæn æ sær rak'wærdta.

Æxwædæg ba wæjugi avd medæggoni bajgon kodta ma in æ mulk, æ fons ramburd kodta. Wædta Alægi æxsiri cadi nirtadta ma Alæg æ osgori zamani kud adtæj, otæ festadæj.

31. Otemaj duwwæ nærton lægi Wask'uppi bærzondmæ Narti guppursarti razmæ ismedæg æncæ. Nartæ dær sæbæl cæmænnæ cijnæ kodtajoncæ!

32. Xucaw zonuj, cæjbærcæ fæccijnæ kodtoncæ. Wædta duwwæ dengizi ræsuġd razmæ racudæj, æma Batraz æ xæccæ iskafta. Kæræzej

Я тебя убью за то, что ты до сих пор обижал моего деда».

29. — О, ради твоей матери и твоего отца, не бери моего греха на свою душу, все свое богатство отдам тебе.

30. Батраз его не послушал. Извлек меч и снес у великана голову.

Сам открыл семь кладовых великана и забрал его богатство, его скот. Потом Алага выкупал в молочном озере и Алаг стал такой, каким он был во время жениховства.

31. Таким образом два нартовских мужа появились на вершине Уаскуп перед нартовскими богатырями. Нарты как могли им не радоваться!

32. Бог знает, сколько они радовались. Потом красавица двух морей выступила вперед, и Батраз сплясал с нею. Друг другу они понравились,

kæræzimæ sæ k'uxtæ rattoj nærton adæmy 'xsæn:

— Abonæj fæstæmæ max læg æmæ us kwyd wæm næ kæræzijæn aftæ, zæggæ.

33. Stæj Batraz Alægimæ cy fos ærbakodta, udon ærtæ 'mbisy raxæjttæ kodta æmæ zury Wryzmægæ:

— Wryzmæg, dy xistær dæ, fælæ dæm wæddær wændyn æmæ dyn ittæg arfæ kænyn. Mænæ ærtæ 'mbisy cy fos akodton, umæj dywwæ xajy dæw fæwæd, iw dæxi xaj, innæ ta dyn mæ xaj, irædag. Alægæn ta jæ xaj jæxi wæd.

34. Wryzmæg dær nicwal yszyrda æmæ Qænzærgæsy fosæj dywwæ xajy rajsta.

Aftæmæj Nartæ Wask'wuppy bærzondyl kæræzijæn raarfæ kodtoj æmæ sæ xæzærttæm fæcydysty.

zærdæmæ bacudæncæ, kæræzemæ sæ k'oxtæ ravardtoncæ nærton adæmi æxsæn:

— Abonæj fæstæmæ max læg æma osæ kud wæn kæræzemæn otæ, zæggæ.

33. Wædta Batraz Alægi xæccæ ci fons ærbakodta, oni ærtæ æmbesi raxæjttæ kodta ma zoruj Uruzægæ:

— Uruzæg, du xestær dæ, fal dæmæ wæddær ændeun ma din qæbær arfæ kænun. Mænæ ærtæ æmbesi ci fons rakodton, omæj duwwæ xaji dæw fæwæd, ew dæxe xaj, innæ ba din mæn xaj, ærwæddag. Alægæn ba æ xaj æxe wæd.

34. Uruzæg dær necibal iszurda ma Qænzærgæsi fonsæj duwwæ xaji rajsta.

Otemæj Nartæ Wask'uppi bærzondbæl kæræzemæn raarfæ kodtoncæ ma sæ xæzærttæmæ randæ 'ncæ.

подали друг другу руки среди нартовского народа:

— С сегодняшнего дня чтобы нам быть друг другу мужем и женою — сказали.

33. Потом скот, который Батраз принал с Алагом, он разделил на три части и говорит Урузмагу:

— Урузмаг, ты старший, но все же я осмеливаюсь (обратиться) к тебе и крепко тебя благодарю. Вот из скота, который я поделил на три части, из него две части пусть будут твоими, одна — подобающая тебе, другая — моя часть, в счет калыма. Алагу пусть остается его часть.

34. Урузмаг ничего не сказал и взял две части из скота Кандзаргаса.

Таким образом Нарты возблагодарили друг друга на вершине Уаскуп и разошлись по домам.

Д. ЛЕКСИКА

Расхождения иронского и дигорского в области лексики значительны, но ими мало затронуты наиболее важные с точки зрения бытовой, общественной и культурной разделы лексики.

Лексические расхождения между иронским и дигорским можно свести к трем категориям:

- 1) слова, совершенно различные в иронском и дигорском;
- 2) слова, различные по форме, причем эти различия выходят за рамки обычных фонетических соответствий;
- 3) слова, различные по употреблению, хотя и тождественные по происхождению и по форме.

Ниже мы даем список, не исчерпывающий, но достаточно полный, лексических расхождений по каждой из этих категорий.

Словарь

дигорско-иронских расхождений¹

I. Дигорские слова,

неупотребительные или мало распространенные
в иронском

А

1. *acacæn* 'подпорка'; и. *bysæi*, д. *bisæi* id.
2. *acaim* 'шарить', 'искать в потемках'; ср. *rongacai* 'любитель вышить', букв. 'ищущий *rong'a* (хмельного напитка)'.
3. *ac'ajua* 'мастерство, умение'.
4. *adazun* 'быть незанятым, свободным'(?) *aci kiunuga n'adazuj* 'эту книгу нельзя дать, одолжить (т. к. она нужна самому)', *ænadazon* 'то, чего нельзя дать (геср. получить), т. к. оно нужно другому'.
5. *adau* 'пстощение, слабость'.
6. *adægkag* 'чужой, не свой'; ср. и *æcægælon* id.
7. *adestæ* 'куринная дужка', 'игра в куриную дужку' (шар), *karki ades*.
8. *azatxana* 'нужник'; и. *pysunæ*, д. *pusojnæ* id., и. *k'æxtu bynat* id.
9. *ajæ* 'беда'; и. *fud*, д. *fud*, и. *bællæx*, д. *bællax*, и. *laz*, д. *lazæ* id.; ср. *nivaǰæ*.
10. *ajsonggæj* 'целый день'.

¹ Сокращения, принятые в «Словаре»: м. р. — мало распространено, безл. — безличный глагол; сокращения при ссылках на литературу — те же, что выше (см. стр. 359 сл.). При

11. *ajuan* 'шутка, глумление'; и. *xunžylæg*, д. *giriz* id.
12. *al* '(при игре в шашки, в альчики) ход, рассчитанный на определенный ответ партнера', «*al din dædtun*» «даю тебе al» «вызываю тебя на определенный ответный ход».
- 12^a. *alacaq* 'шалаш' (охотн. яз.).
13. *amp'ez*, *amp'æz* 'шаг'; и. *k'axcæf*, и. *sač'ex*, д. *sank'ex* id.
14. *ar(æ)* 'оглобля'; и. *rætænagð* id.
15. *aræsen* 'засада', *aræseni badun* 'сидеть в засаде'; ср. и. *ræsen* 'стоянка' (?).
16. *aræznæ* 'руль'.
17. *arğævnæ* 'клещи'; и. *ark'au* id., и. д. *zægællasæn* id.
18. *asauæzæ* анат., назв. одной косточки у овцы, барана.
19. *asægi*, *uasægi* 'наяву'; и. *galæj*, д. *igalæj* id.
20. *aszağd* '(дикий, бессмысленный) крик' (?).
21. *ases* 'порывистый, горячий', *ases kænnun* 'быть в возбуждении' (обычно о животных); ср. и. д. *tæltæg* id.
22. *asojnæ* 'борона-волокуша из березовых ветвей'; и. *adæg* id.; ср. и. д. *poxcî* 'борона с зубьями'.
23. *asqaun*: *asqud* 'смутно ожидать' (?).
24. *asgot*, *asgod* 'тайна, секрет', *asgot kænnun* 'прятать'; и. *susæg*, д. *sosæg* id.
25. *ast'onæ* 'гнездо'; и. *axston* id. См., впрочем, § 23.
26. *auæ*, *jauæ* 'влага, сок, содержимое, сущность, качество'; и. *au* м. р.
27. *aul* 'поколение (внутри одного рода)'.
28. *avar* 'помещение, здание, дом'; и. *xæzar*, д. *xæzaraæ* id., и. *bæstyxaaj* in.
29. *avædæn*, *abædæn* 'протест', *abædentæ kænnuj* «всячески протестует, не хочет».
30. *avædun* 'замирать (о звуках)', 'разноситься замирая'.
31. *avinsun* 'точить серп', 'натравливать'; ср. и. *ardauyn*, д. *ardaun* 'натравливать', д. *censedun* id.
32. *axid*, *axidt*, *axit* 'частый', 'часто', прош. прич. от *axedun*; и. *aræx* id.
33. *axil* 'поколение'; и. д. *faltær* id.; ср. д. *žilagæ*, *aul*, *qaun*.
34. *axsæ xuarun* 'давать эффект, результат', *neci axsæ xurstoncæ* «ничего не могли поделаться».
35. *azdodun*: *azdud* 'шевелиться, двигаться на месте'; ср. *tælfyn* | *tælfun* id.
- 35^a. *azmæc* 'шут, клоун'; ср. *bižæu*.
36. *azoz* 'зерно преждевременно созревшее, не достигнувшее нормальной полноты', *mænæuæ fajjazoz aj* «пшеница погибла, преждевременно созрев».
37. *azun*: *azt* 'давать приют, приголубить, кормить'.

ссылках на настоящий «Словарь» римская цифра (I, II, III) обозначает отдел «Словаря», арабская — порядковый номер слова. Вопросительным знаком сопровождаются слова, точное значение которых не удалось установить.

АЕ

38. *ædæuagæ* 'несомненно, на самом деле'; ср. *idæun*; ср. н. *ænætæng*, *bælvyrddær* id.
39. *ædemonæj*, *ædemontæj*. 'безотчетно', 'необдуманно'; ср. *uæ'demonæj*.
40. *ædjeugur* 'всего, итого'; см. *jeugur*, н. *ædæppæt*, *ægasæj* id.
41. *ædta* '-ка, же, в таком случае', см. *uadta*; ср. *madta*, по значению ближе к н. *uædæ*.
42. *ædtægfaste*, *ædtægvæste* 'друг за другом', 'подряд'; н. *fæd-fædyl*.
43. *æzælgon* = н. д. *æzællag* 'в бедственном положении находящийся' (Sam. 157)(?).
44. *æzæstævez*, *æzæsqez* 'безбоязненно, открыто, прямо'; ср. н. д. *ædærsgæ*, *ærgom*, *ærgon* id., н. *uændonæj*.
45. *æftirik'uæ*, *tiftirik'uæ* 'норовистый (о лошади)'; н. *osani* id.
46. *æfxuærnæ* 'выщербленное, размытое водой место'.
47. *ægajnæg* 'непочатый' от *kajun* 'затрагивать'; ср. н. *ænævræld*, *ænæqæn* id.
48. *ægirid*, *ægærid*, *ægiriddær* 'вовсе, совершенно не'; н. *æppun*, *æppundær* id.
49. *ægzeri*, *æzgeri*, *fæzgeri* (*sog*) 'старые, разошедшиеся, потрескавшиеся дрова'.
50. *ævasæ*, *æfasæ* 'вязанка', есть и в пр. *jeu ævasæj* 'в один прием', *ævasgaj* 'в несколько приемов', 'с передышками'.
51. *æliz*, *æluiz* (?) 'личинки бычачьего овода'; н. *synt* id.
52. *æmboxun*: *æmbuxt* 'реветь, мычать'; ср. н. *boğ-boğ kænyn*.
53. *æmezagæ* 'задержание мочи (болезнь)', 'страдающий им', от *mezun* 'мочиться'.
54. *æmidolæ* 'полный до краев'.
55. *æmpursun* 'сокрушать, пощипать, громить, вторгаться'; н. *byrsyn*, *bursun* id.
56. *ænadazon*, см. *adazun*.
57. *æmbuqulæ*, *æmbuqulæ* 'водоворот', 'вихрь', 'смятение'; ср. н. *æmt'ery*.
58. *ændagiddær*, *ændaxdær* 'сильнее, крепче'; н. *tyngdær*, н. д. *qæbærdær* id.
59. *ændæog* 'враг, недруг, соперник'; н. *jændæug* м. р.; ср. н. д. *æznag*, н. д. *son*, н. *fudgul*, д. *fudgol* id.
60. *ændeun* 'сметь', *ændiud* 'смелый'; н. *uændyn* id.
61. *ænzær* 'ровное место', 'равнина', 'низина'; в н. м. р.
62. *ænzerun* 'случайно находить', к глаголу *jerun*, н. *arun*.
63. *ængulzæxtæ* 'пляска на носках'; и *k'ax-k'uxtyl kraft*.
64. *ængurzelæ* назв. травы, семена которой употребляются как приправа.
65. *ængezuj* безл. 'можно', 'подобает', 'полагается'; н. *æmbæly* id.
66. *ænk'uælxæ* 'ящерица'; н. *tæk'ulæg*, *gækkuuyri* id.
67. *ænk'urdæg* 'плотно' 'тесно', 'кучей'.

68. *ængirdtæ* 'морщины', и. *ængyrdtæ* м. р.; и. *ænc'yldtæ* id.
69. *ænguæt* 'душный', 'жаркий'; ср. и. *ænuð*, д. *ænod* id.
70. *ænsaræ* 'куча', 'свалка', 'хлам', и. *yssar* м. р.
71. *ænsedun* 'натравливать'; и. *ardaunyn*, д. *ardaun* id., д. *avinsun* id.
72. *æntojnæ* (?) 'беспорядок, беспорядочный'.
73. *ænvæjnæ* 'вровень, равномерно' (?), 'подобно'; ср. и. *ætхиузон*.
74. *ænxæl* 'расхождение, разлад'; ср. *æxxælun*, *ænxælun* 'относиться враждебно'.
75. *ænxælæg* 'общий', 'совместный'.
76. *ænxærsun* (*ænxarsun*?) 'дополнять, пополнять'; ср. и. *ætхасænkæryn* id.
77. *ænxuæcæj* 'все вместе', *ænxuæcge* 'сплошной', к *xuæcun* 'держать', ср. и. *iuyldær*, *ægasæj*, *æmtgæj* id.
78. *æpxæ* 'морковь'; и. *uyrydzы* id.
79. *ærdosk'æ* 'вывих (у животных)', 'особая перевязка при лечении вывиха у животных'.
80. *ærzæf* 'отбивание такта ладонями при пляске', 'аплодисменты'; и. *ætzægð* id.
81. *ærgæ* 'глина'; и. *ælyg* id.
82. *ærnæ* 'предел'; ср. и. д. *aræn* 'граница'.
83. *ærtajun*: *ærtad* 'купаться', 'купать', и. *xī najyn*, *najyn* id.
84. *æruagæs un*, *iragæs un* безл. 'верить'; *mænæj næ baruagæs aj* «я не поверил»; и. *uyrnyun* id.
85. *æruæz* 'стадо'; ср. и. *rægau*, д. *ærgau* id.
86. *ærvgæ* 'ласка' (животное); и. *mystulæg*, д. *mistolæg* (?) id.
87. *ærxu*, *ærxug* 'крепко запертый, захлопнутый'; ср. и. *æxgæd* id.
88. *ærxun* 'тоска, печаль'; ср. и. д. *ænk'ard* id., д. *mæt'æl*.
89. *æsmæ* (*asmæ*?) 'воздух' (?), 'мгла' (?).
90. *æsqætæg* 'оторвавшийся (от дома, родины), кинувшийся прочь' *fe'sqætæg dæn næ bæstæj* «я оторвался, ушел прочь от родины»; *fe'sqætæg kænun* 'спугнуть, заставить сняться с места'.
91. *æstæfun*: *æstæft* 'замечать, примечать, предчувствовать, чуют'.
92. *ætdor* (*ærtidor*) 'кремень'; и. *sxon*, *æsxon*, *æxson* id.
93. *ætæxalun*: *ætæxald* 'возражать, делать замечание, упрекать'.
94. *ævælgæzæ* 'слабый, немощный'; ср. и. *ædyx*, д. *æduxæ* id.; ср. *fælgæzun*.
95. *ævælxæn* 'безобразно' (?); ср. *fælxæn*.
96. *ævdigð* 'открытый, безбрежный' (море, равнина); ср. *tygð*, *tigð*, к глаголу *tyngyn*, *itinzun* 'расстилат'.
97. *ævecud*, *ævecug*, 'непроходимый, где не ходят'; ср. *fecaun*.
98. *ævellon* 'необычайный, предмет удивления', *adæmæn ævellon*, *adæmæn dessag*, и. *dissag* 'чудесный'.
99. *ævzak'æ* 'пчелы для пополнения улья'.
100. *ævzægðod* 'сот при вторичном роении' (Сл.).

101. *ævzæk'ec* назв. травы (Сл.).
 102. *ævzæn* 'пчелиный рой, из которого выделяется второй рой'.
 103. *ævzænzo* 'второе роение'.
 104. *ævzænquire* назв. медоносной травы.
 105. *æxcin* 'пирог с начинкой из сыра'; и. *xabižžyn* id.
 106. *æxcil* 'привязанный, любящий'; и. *iuzærdyg* id.
 107. *æxsægkaḡ* 'ситец'; и. *sik'æ* id.
 108. *æxsæmp'æz* назв. травянистого растения (Сл.).
 109. *æxsærc'ænk* 'белка' (?); ср. и. *æxsærcæḡ*, и. д. *æxsærsædtæḡ* id.; в Сл., по видимому ошибочно, — 'кузнецик'.
 110. *æxsin* 'сизый'; ср. и. д. *æxsinæḡ* 'голубь'.
 111. *æxsneun*: *æxsniud* 'тесать', *æxsneunæn* 'топор для тесания'; ср. и. *amaḡyn* 'тесать', *amajæn færat* 'топор для тесания'; и. *æxniwun* м. р.; ср. также *æxsnyf* 'щепка'.
 112. *æzdirzun* (*æzdirvun*): *æzdirxt* 'тереть, натирать (кожу)'; ср. и. *ævdærzyn*, д. *avdirzun* id.
 113. *æzḡelun*: *æzḡild* 'копать, ковырять'; и. *k'axun*, д. *k'axun* id.
 114. *æzḡeun*: *æzḡiud* 'пошатнуться', 'покоробиться', 'потерять прочность'; ср. и. *tæssond* 'непрочный', 'шаткий'.
 115. *æzḡuli* 'движение', 'суматоха'; ср. и. *zolgō*.
 116. *æzḡeri*, см. *æḡzeri*.
 117. *æztoræ* 'вражда, свара, ссора'; и. *zmir* м. р., *fydæx*.
 118. *æznæt* 'отдельное колено внутри рода'.
 119. *æznætun* 'шарахнуться'; ср. и. *æznæt* 'животное в состоянии беспокростности'.

В

120. *ba* частица, употребляемая в смысле «-ка», «же», «-то», часто не имеющая определенного значения.
 121. *babæj* 'же', 'опять', частица, близкая по значению к и. *ta*.
 122. *baceu* (из *ba+сеu*) 'загадка'; и. *wyciu-wyciu* id.
 122^a. *baḡærbaz* название породы жука.
 123. *bajuantæ* 'члены тела, конечности'; ср. и. д. *wængtæ* id.
 123^a. *bala* 'ягненок' (детское слово); ср. *worko* id.; *wær. wærykk* 'ягненок'.
 124. *balata* 'гуша из солода и муки, применяемая при дублении кожи'.
 125. *baler*, *balir* 'форель', *balerzau* 'рыбак'; ср. и. д. *faler* id.
 126. *baraggenæj*, *baragginæj* 'с доверием, свободно, дружески'.
 127. *barežæ* 'норма', 'мера'; ср. и. *bærc*, д. *bærcæ* id.
 128. *barḡon* 'взрослый', 'возмужалый'; и. *barḡom* м. р.
 129. *barḡ'az* 'мачта'.
 130. *basma* 'ситец'; ср. д. *æxsægkaḡ*, и. *sik'æ*.
 130^a. *bauæn* 'прихожая' (Сл.).
 131. *bæḡet*, *bæḡit* 'выпученный (глаз)'; *bæḡit* id. м. р.; ср. и. *zaḡyr* id.

132. *bældat kænun* 'намечать'; ср. и. *nysan kænyn* id.
133. *bældo* 'большой молот'; и. *bældo* id. м. р.
134. *bæ'c-gos* 'настороженный', букв. «настроившийся на путь (*balc*)».
135. *bælgur* 'насупившийся, нахохлившийся, недовольный, мрачный'; ср. *bulgur*.
136. *bælsun* 'выносить, терпеть'; ср. *buxsun*, *uodænsun*, и. *færazun*.
137. *bæltærna* горчичное растение; и. *sævægros* id. (?).
138. *bæp'æni* назв. ягоды.
139. *bægæ* 'кол, столб'; ср. *boqæn* id.
140. *bæsmær* 'недисциплинированный, несдержанный на язык, развязный'.
141. *bætman* 1) мера зерна (ср. *k'abis*); 2) 'улей' (ср. и. *mydy cyrgæd* id.)
142. *bæzdaþne* 'скула', 'щека'; ср. и. *uadul*, д. *uadolæ*, и. д. *æxsærfars*, д. *ualqos*, и. *rus*, д. *ros* id.
143. *bæznag* 'түчный, обильный (о почве, ниве, о столе с яствами)'.
144. *bec'o*, *bic'o* 'ус'; и. *rix* id.; ср. и. *boc'o* 'борода'.
- 144^a. *bedolæ* 'кладовая'.
145. *bedun*, *betun*: *bett*, *bitt* безл. 'оказывать действие', 'итти впрок', 'влиять', *ænæ bedtær* (от *bedun*?) 'неудачливый', 'беспомощный'; ср. *ænæ bit'iz*.
- 145^a. *bezarur*, *bezarun* 'тошнить'
146. *begeni* 'кисель'; ср. и. *tuagsumgæ* id., ср. и. *bægæny*, д. *bægæni* 'пиво'.
147. *beþeli* 'амбар'; южн.-пронск. *beþeli* id.; ср. и. д. *gon* id., ср. д. *gura*, и. *xordon*.
148. *bek'urtæ* 'фигурки из теста, изготавливаемые на новый год'; ср. и. *basylta*, д. *basiltæ* id.; *bek'ur lædzæg* 'палка с фигуркой или крючком на конце'.
149. *bergelli* 'определенно, наверняка', 'в высшей степени'.
150. *beringun*: *berixt* 'потягиваться, зевать' (?); ср. и. *zæmbun* 'зевать'.
151. *bes* в выражении *jes-bes* 'имущество'; и. *is* 'имущество', и. *is-bis* м. р.
152. *bia* 'айва'; и. *k'omsi* id.
153. *bisseu* 'мальчик', и. *læppi* id.
154. *biþde* 'железный наконечник стрелы'.
155. *bildoþ* 'сопротивление', 'помеха', *bildoþ kænun* 'ставить помеху'.
- 155^a. *binzonæ* 'салазки' (Сл.).
156. *bis* 'шум' (?), *ænæ bis* 'без шума' (?).
157. *bit'iz*: *ænæ bit'iz* 'неудачливый' (?) 'беспомощный', 'бессильный'; ср. *ænæ bedtær* (под *bedun*).
158. *bobona* назв. ягоды.
159. *bodæn* 'чеснок'; и. *nury* id.
160. *boþurdaq* 'гортань'.
161. *boþau* назв. растения (из него получают красную краску).
162. *boqæn* 'дубина'; ср. *boqæ*.
163. *brotti*, *burutti* 'каприз'.

164. *budurgæ* 'лохмотья', 'чучело в лохмотьях, огородное пугало'; и. *budyrgj* id. м. р.
 164^a. *buʒæu* 'шут'
 165. *buʒojnæ* (= *buʒdonæ*) 'место, куда выбрасывают мусор'.
 166. *bularæ æftaun* 'быть бедствием для кого-нибудь, губить', 'сеять смуту, раздор, разруху'.
 167. *bulʒæ* 'вшивый'; и. *systæjʒag* id.
 168. *bulʒaq* 'неприятнь, распря'; ср. *æʒmoræ*.
 169. *bulgʒur* 'пестрый, мешанный'; ср. *bælgʒur*, *bulur*.
 170. *bullæ*, *bullatæ* 'баюшки'; и. *alolaj* id.
 171. *buluʒtæ*, *læbuʒtæ* 'осадки, муть' (пива и т. п.).
 172. *bulur*; *bulur bæx* 'желтая с пятнами лошадь'; ср. *bulgʒur*.
 173. *bungard* 'пень'; и. *bynʒæfxad*, д. *bynʒæfxad* id.
 174. *burcitatæ kænun* 'разрушать, разносить'.
 175. *burdæn* 'вьюга, буран'; и. *tymyð* id.
 176. *burkuzau* 'участник шабаша ведьм'; и. *kuwryszau* id.
 177. *burutti*, см. *brotti*.
 178. *buxsun*: *buxst* 'терпеть'; ср. *bælsun*, *uodænsun*, *falgæzʒyn*; и. *byxsyn* м. р.

C

179. *caʒana* 'облепиха'; и. *kærtmisynʒæg* id.
 180. *caʒæraq* 'дубовая роша' (Сл.).
 181. *carman* 'происшествие, случай (несчастный)'; ср. и. д. *cam*, *bællax* id.
 182. *cavdar* 'передняя конечность (у животных)' (?)
 183. *cæggag* 'березовый прут'; в и. м. р.
 184. *cælgæncæn* 'кухня'; и. *xærinaggæncæn* id.
 185. *cæmpul* 'безрукый, сухорукий'; и. *cænkuyl*, д. *cænkul* id.; скорее ко II отделу?
 186. *cæng* назв. какого-то металла; ср. и. *cængæt* (?).
 187. *cængærjʒnæ* 'локоть (мера длины)', и. *cæmærin* id.
 187^a. *cænquæ* 'мошонка' (Сл.)
 188. *cægal* 'волна'; ср. д. *fælgæzæ*, и. *ulæn*, *fæj'auæn* id.
 189. *cæstug*, *ʒæstug*, *cæstʒug* 'порченный', 'кого сглазили'; и. *cæsty* id. (ко II Отд.?)
 190. *cæmæggon* 'путник'; и. *fændaggon* id.
 191. *cævdæ*, *xuasi cævdæ* '(беспорядочная) куча сена'; ср. и. *xosy ulæn* id.
 192. *cetenæ* 'корзина (для женского рукоделия)' ср. и. *k'alati*, *čyrʒæd*.
 193. *cetun*: *citt* 'ставить на вид (напр., оказанную услугу)'; и. *cæstmæ daryn* id.
 194. *cid* частица, придающая глаголу значение многократности (см. § 75₁); и. *iu*, д. *jeu* id.
 195. *cigon* 'чугунок'; ср. и. *cuajʒag*, д. *ciuan agæ*.
 196. *cilik*, *cilig* назв. дерева с очень твердой древесиной.

197. *cilpæ* 'густой (про бурьян и т. п.)', 'вздохмаченный (про бороду, волосы)', 'кудрявый'; ср. н. *puhsil* 'всклокоченный' и. пр.
 198. *cirxæ*, *serxæ* 'дробь'; н. *sabant'y* id.
 199. *siuan* 'чугун'; в и. сохранилось в *siuajnað* (из *siuan að*) 'чугунный котел'; ср. *sængæt* 'чугун' (?)
 200. *colað* 'челнок (ткацкий)', 'челнок (судно)'; н. *c'æðæz* 'ткацкий челнок, шпулька'.
 201. *somað* какая-то птица (?), *somaqi ajkæ* (?) 'яйцо *somaq*'а'.
 202. *surævæx* 'лицом к лицу' (?), *iscurævæx æncæ* 'они встретились (неожиданно)'.
 203. *surxun*: *surxt* 'складывать, сваливать в кучу'; и *surxun* id. м. р.

С'

204. *c'antxæ* 'уза (от пчел)'.
 205. *c'app* 'приготовление'; *c'app kænun* 'готовить'; и. *cettæ kænun* id.; ср. д. *rævzæ k.*, *zalan k.*
 206. *c'audagæ* 'внутренний покров улья' (Сл.).
 207. *c'ædæ: æ c'ædæ nimtardæi* «заморил червяка», «поел».
 208. *c'ædæx*, *c'ædæxtæ* 'детвора'.
 209. *c'ætæ* 'грязь, сало (на теле, волосах, одежде)'; ср. н. *cæt*, д. *cætæ* (?).
 210. *c'æro* 'кисть (на башлыке, бурке и т. п.)'; ср. н. *cupal* id.
 211. *c'æpp*, *c'æppitæ* 'брызги'; ср. н. *pyrx*, д. *purfæn* id.
 212. *c'æppæ: næ c'æppæ kænij* «не слушается», «слова на него не действуют»; ср. н. *næ cit kænij* id.
 213. *c'æræxsnæg* 'кузнечик'; ср. н. *c'yrc'yrag*, *c'yrc'yrag*, д. *c'irc'irag* id.
 214. *c'ærna* 'пятно', 'крапинка', 'веснушка'; *c'ærnaðun* 'в пятнах; крапинках', 'веснущатый'.
 215. *c'æsæg*, *c'æsunaæg* 'капкан'; и. *c'ysum* id.
 216. *c'æxual* 'неупотребленная, неиспользованная, потерянная, попорченная часть чего-либо'.
 217. *c'æxula* 'пастушья сумка (назв. растения)'; и. *zynzalæg* id.
 218. *c'æzæn* 'подпорка у плетня' (Сл.) (?).
 219. *c'efun* 'вышивать'; д. *k'efun*, *jefun* id., и. *ç'yrxun*, д. *k'irxun* id.
 220. *c'elæ; æd c'elæ æd melæ* 'все, от мала до велика'.
 221. *c'en* 'имущество, наследство, доставшееся в результате несчастья', всего ближе по значению к и. *byn*, д. *bun* 'наследство'.
 222. *c'etun*: *c'itt* 'светить, освещать', ср. *c'ita*.
 223. *c'euævasæn* 'праца'; и. *duræxsæn*, *duralvasæn*, д. *dorævasæn*, *uruxsna*, *uoræxsna* id.
 224. *c'idaðæ* 'деготь, мазут'.
 225. *c'igin* 'мальш'.
 226. *c'ilfæ* 'жидкая гниль, грязь', ср. *kilfæ*.
 227. *c'ilinga* 'көптилка'.

228. *c'ılma* 'мелочь' (Сл.) (?).
 229. *c'irtaxsæn* 'деревянная тарелка, в которой выжимают творожный сыр',
c'irt axsun = *cixt axsun*, и. *cyxt axsyn* 'изготавливать сыр'; ср. и. *siyur*,
 д. *sebur*.
 230. *c'ıta* 'луч (маленький) света', от *c'etun*; и. *ruksy c'yrt* id.
 231. *c'izæ* 'трава, растущая в водянистых, заболоченных местах'.
 232. *c'ong* 'вершина'; и. *c'urr*, д. *c'opp* id.
 233. *c'osgædingzæ* 'дикий лук'; ср. и. *zylak'uy* id.; ср. д. *zilik'u*.
 234. *c'umur* 'грязный'; и. *c'izi* id.
 235. *c'uvvæ binzæ* 'насекомое, овод' (?).
 236. *c'uz* 'мошка' (Сл.: и. *c'uz*) (?); *c'uz kænin* 'нестишь сломя голову
 (о животных, в жаркую пору мучимых насекомыми)'; *c'uz binzæ*
 'мошка'.

D

237. *dangä* 'насечка, орнамент'; ср. и. *damgæ*, д. *damıgä* 'тавро, тамга'.
 238. *danka* 'собачка мелкой породы'; и. *damka* м. р.
 239. *darink'a* 'мокрица'; и. *qusxilæg*.
 240. *dasun*: *dast* 'строить', *dast* 'скирда'; ср. и. *amajyn*, д. *amajun* id.
 240^a. *datugin* 'медведь' (охотн. язык).
 241. *dægæ* (?).
 242. *dægærna* 'грохот'; ср. *dærægğægaj* id.
 243. *dælazæg kænin* 'принижать, унижать, третировать'.
 244. *dællagguræ* 'юбка'; и. *astæuæjdælæmæ* id.
 245. *dælmagurtæ* 'окраины аула'; Сл.: «загробный мир».
 246. *dælmusti* 'под мышкой'; и. *dælarm*, д. *dæluagis* id.
 247. *dæluagis*, *dælagis* 'под мышкой'; и. *dælarm*, д. *dælmusti* id.
 248. *dæncæ* 'пример, образец'; *dækson* 'примерный, образцовый'.
 249. *dærægğzægaj* 'шум, грохот'; ср. *dægærna*; и. *gybar-gybur* id.
 250. *dert* 'скорбь' (Сл.).
 251. *dingæsæn* 'глаз' (шутл.); ср. и. *cæst*, д. *cæstæ* 'глаз'.
 252. *divil*, *diviltæ* 'тряпье, лохмотья', *divildun* 'плохо одетый'; ср. и. *byzgyur*,
 д. *buzgur*, *buzur* id.; ср. д. *fecce*; ср. и. *byrægğ*.
 253. *donæxsinc'æ* 'верба'.
 254. *dordonæ* 'зоб (у птиц)'; и. *guc'a* id.
 255. *dordun* 'здоровяк'.
 256. *dorxund*, *dorxunc* назв. болезни (воспаление и нарыв на щиколотке).
 257. *duğ-duğ*, *duğ-duğ kænin* 'ворчать'; ср. и. *quyr-quyr kænin*.
 258. *duğæ* 'бредень'; ср. и. *kæsağaxsæn xuz* (д. *xizæ*).
 259. *duğuzen* 'воровство', 'обман (при игре)' (?).
 260. *dumæggag* 'полà'; и. *fačči* id.
 261. *duræ* 'большой плетеный конус для рыбной ловли', также 'смычок' (?).
 262. *durægi* в выражении *æraegi-durægi* 'под конец' (и. *ærağiau*).

5

263. *zaguɾ* 'долото'; и. *sart* id.
264. *zalan kænun* 'приводить в готовность' (например, оттачивать оружие и т. п.); ср. *rævzæ kænun*, *s'app kænun*.
265. *zansaq kænun* 'кричать, спорить'; и т. д. *qælæba kænun* id.; ср. д. *zaqula*, *zæfqu*; *nægæ*.
266. *zanxwæræn* назв. старого праздника.
267. *zaqula* 'гвалт, шум'; ср. д. *zansaq*, *zæfqu*, *nægæ*.
268. *zasxa* 'ручка сохи'.
269. *zatma* 'балкон, крыльцо'; ср. и. *tyrŷ* 'крыльцо, передняя'.
270. *zaxana*, *zaxan-maxan*, *zaxan-aman* 'ад'; пр. *zyndan*, д. *zindonæ* id.
271. *zæfqu* 'шум голосов, говор'; ср. *zansaq*, *zaqula*, *ǰær* (и. *qær*), *qælæba* (и. id.), *nægæ*, *stuf*, *sun*.
272. *zægelæ* 'повисший, висящий', ср. и. *zæbul*.
273. *zak'olon* 'подснежник'; и. *malusæg*, д. *malosæg* id.
274. *zælvæ* 1: назв. низкорослого очень твердого дерева, из него делают пальцы.
275. *zælvæ* 2: *is-zælvæj* 'проптался грязью'.
276. *zændæl* 'медленный'; и. *syndæg*, *cadæg* id., д. *kindæg* (?), ср. также *sabyr*, *sabur*.
277. *zæxi*, *zæxiæ* 'олово'; и. *k'ala* id. при д. *k'ala* 'жесть'.
278. *zæbæl* 'мешканье', *zæbæ kænun* 'мешкать, медлить'; ср. и. *fæstiat kænyn*.
279. *zegen* 'цыновка'; ср. и. *eržen*; ср. также и. *c'olobi*, д. *c'ilobi*.
280. *zēlk'or* 'мелкий, дефектный початок кукурузы'.
281. *ziba* 'франт', 'франтовство, спесь'; ср. *sæntladæ* id., и. *k'uydipp* id.
282. *zilagæ* 'поколение'; ср. *axil*, *aul*, *qauin*, *fæltær*.
283. *zilik'u* 'земляная груша'; ср. и. *xuysk'æl* id.
284. *zinau-minau* 'еле-еле, слабо'; и. *zyna-næzyna* id.
285. *zinzæ* 'чешуя, чешуйчатый'.
286. *zingalo kænun* 'вращать глазами (сердито)'; ср. и. *cæstyta zægulta kænyn*, ср. д. *mozgalun*.
287. *zismæg* 'котлета'.
288. *zorǰa* 'пногодь'; и. *sird* id.
289. *zosæ* 'похлебка (рассол с чесноком и пр.)'; и. *cæxdon*.
290. *zuassæ: ær-zuassæ-næ* 'они познакомились, освоились друг с другом'.
291. *zibandī* 'разговор, беседа'; и. *nyxas*, д. *nixas* id.
292. *zugar* 'крюк для очистки ячменя и пшеницы от сорных трав' (Сл.).
- 292^a. *zugur* 'мучнистый, рассыпчатый', ср. и. *læxuræg* id.
293. *zukkæ* 'сосок у животных'; и. *fædæg* id.
294. *zumard* 'щедрый' (?).
295. *zumarǰ* 'горная индейка'; и. *zym* id.

296. *zurk'a, zurk'a* 'обшивка узорная по краям чувяков или бурки'.
 297. *zuruncæ kænun* 'уничтожать'; ср. и. д. *dæræn kænun (kænun)*.

F

298. *fage* 'просо' (очищенное); и. *jæu id.*; ср. д. *xuar, bor xuar* 'просо неочищенное'.
 299. *falzos, falzosti* 'вокруг, вблизи'; ср. *alfars, alfæmbylaj, d. falæmbulaj id.*
 300. *faqera* 'немогущий, неспособный, неуклюжий'; ср. и. *roxst, d. iruǰd, ævælgæzæ*.
 301. *fast: fastbal færsun* 'спрашивать совета'; *fasti xazi* 'вещий, мудрый, муж совета'; ср. и. *ævastæj* 'без спроса', д. *xevast* 'своевольный'.
 302. *fædærgæz* 'легко раскалывающийся (о дровах)', и в пронском (?).
 303. *fældajun: fældad* 'смачивать, увлажнять'; ср. и. *удajun* (см. II отд. «Словаря»);
 304. *fældemæn* 'лживый, фальшивый, обманный', *fældemæntæ kænuij* 'увиливает, лукавит, отвлекает внимание'.
 305. *fæieri* вьющееся растение, и. *nyvzæg, lyvzæg* (Сл.) *id.*
 306. *fælgotun, fælgocun* 'при интенсивном кипении помешивать в котле для охлаждения'.
 307. *fælgæzun* 'мочь, быть в состоянии', ср. *ævælgæzæ* 'немогущий'; ср. *færazyn, d. færazun id.*
 308. *fælgændun: fælgast* 'окрашивать'; ср. д. *ijændun*.
 309. *fælk'evun: fælk'ivd* 'строить, мастерить'.
 310. *fælk'uærun: fælk'uard* 'мигать', *fælk'uærtmæ* 'мгновенно'; и. *cæst nyk'ulyu, cæsty fænyk'uyldmæ id.*
 311. *fælgæzun* 'быть в волнении (о море, реке)', 'разливаться'.
 312. *fælgæzæn* 'волна'; ср. д. *sæga'* 'волна', и. *ulæn, fæjlaucæn id.*
 313. *fælværa* 'позапрошлый год' (из *fæl* и *færa* 'прошлый год'); и. *ændæraz id.*
 314. *fælxat* 'обманщик'; ср. д. *xatun* 'оборачивать', *fælxatun id.*, д. *cæst fælxatæg, и. cæst fældaxæg* 'обманщик'.
 315. *fælxæn* 'перемена, вид, повадки' (?).
 316. *færsag kænun* 'подпевать, подтягивать (при пении)', 'вторить'; и. *gyrnun id.*, д. *girnun* 'ворчать, скулить (о собаке и т. п.)'; и. *færsag kænun* м. р.
 317. *færzæu* 'пища, пропитание', 'угощение'.
 318. *fæsgon* 'количество кукурузы, которое можно обмолотить в один прием'.
 319. *fæstmærun: fæsmard* 'знать, узнавать, знакомиться'; и. *zonun, d. zonun id.*
 320. *fæsqæ* 'трещина'; *fidi fæsqæ* «вылитый отец (очень похож на отца)».
 321. *fætk'uæraen* 'шомпол'; и. *toppy fat id.*
 322. *fæzǰæ: fæzǰæ kænun* 'рвать в клочья'; и. д. *faz kænun (kænun) id.*
 323. *fæzǰeri*, см. *æzǰeri*.
 324. *fæcaun: fæcaud* 'прохаживаться, проходить', 'проследовать мимо'; ср. *ævesud*; ср. *cæwun, cæun* 'идти'.

325. *fese, feci, fici* 'лохмотья, бедная, убогая одежда', 'убогий', 'одетый в тряпье'; ср. и. *byzguyr, byræg*, д. *divil*.
 326. *fedagæ* 'узкая полоска кожи между верхом и подошвой чувяка'.
 327. *fes* 'счастье' (отдельно м. р.), *fesgun* 'счастливей'; ср. и. *amond, amond-žyn id.*, д. *nivæ, nivgun id.*
 328. *firton* 'крупный рогатый скот'; и. *sturtæ*, д. *stortæ id.*
 329. *fiuzili* назв. птички; ср. и. *žyly*, д. *žili* 'птичка', 'крапивник' (?).
 330. *fuddiğ* 'сварливый'; ср. *duğ-duğ, diğ-diğ*.

G

331. *gac kænun* 'ждать'; и. д. *gæžæ kænyn (kænun) id.*, и. *ænqælmæ kæsyr*, д. *ængæl kæsun id.*, д. *xezun id.*
 332. *gaja* 'кит' (?).
 333. *galxat* 'поклажа на пару быков'.
 334. *gaxæ* 'начинка', *gaxgun* 'с обильной начинкой', и. *žaxžžyn id.*
 335. *gæbæt* 'бурдюк'; ср. и. *lalym*, д. *lalun id.*, и. *dic'i id.*
 336. *gædžemæg* 'никудышный'.
 337. *gæžæ* 'терпение'; и. id. м. р., *gæžæ kænyn (kænun)* 'ждать, терпеть'; ср. д. *gac kænun*.
 338. *gælæmon, gælæmenttæ* 'последние остатки' (?), 'что осталось от множества' (?).
 339. *gælæu* 'крыса'; ср. и. *uuru* 'крыса', д. *uru* 'хорек' (?), а также 'крыса' (в некот. говорах).
 340. *gælæxxa* 'бедняга' (?).
 341. *gælžun: gælst* 'бросать'; и. *æpparyn id.*
 341^a. *gælæx* 'раб'.
 341^b. *gælgeu* 'бурка' (охотн. язык).
 341^b. *gæliz* 'котел' (охотн. язык).
 342. *gælleu kænun* 'болтаться', 'висеть'; и. *žæbul uyn id.*, *gellau kænyn id.*
 343. *gælmæg* 'деревянный молоток, кувалда (для отбивки ремней)'; и. *mysalg*.
 344. *gætmæze* 'общественный склад для хранения зерна на случай неурожая'.
 345. *gæržjon* 'способный, умелый'; *næbal isgæržjon æj* «(в последний момент) не сумел».
 346. *gætan* 'тампон'; и. *komraz id.*
 347. *gebena* 'старая черкеска', 'короткая шуба' (?); и. *žebena* м. р.
 348. *gebæ, gebæc'æf* 'живот, пузо'; и. *xyt'un*, д. *xit'in id.*, ср. и. *gyubyn*, д. *gubun*, д. *qæstæ*, и. *gældær*.
 349. *gebet'a* 'пузатый', см. *gebæ*.
 350. *gebun* 'железная обувь', 'кошки'.
 351. *gecfærsæn* 'гадание горохом или деньгами'.
 352. *gediuk'i* назв. травы ('тимофеевка' Сл.) (?).
 353. *gegæ* 'неприятнь, вражда' (*gegæ xastoncæ*) «они враждовали»; ср. д. *æzmoræ, bulğaq*, и. *fydæx, xæram*.

354. *geruz* 'облезлый, облияный, паршивый', *geruz kuj* 'паршивая собака'; ср. и. *gæbær*.
355. *gezun: gīzt* 'трогать'; и. *nyxilun* id., и. *ævnalun*, д. *ævnalun* id., и. *kajun*, д. *kajun*, и. *agajun*, д. *agajun*.
356. *gink'os* 'бублик', и. *k'rendeli* id.
357. *gino* 'ребро упряжного седла'.
358. *gircsæ*, *gercsæ* 'без стеснения, нестесняющийся'.
359. *gīriz* 'шутка', *gīriz kænun* 'шутить, насмеяться', *gīrizzag*, 'смешной, предмет насмешек'; и. *xynžylæg*, *žizæg* id., д. *ajuan* id.
360. *gīt: gitmæ sæun* 'быть в состоянии охоты (о самцах)'; и. *qazun*, д. *ǰazun* id., и. *žyrtmæ sæun* id.
361. *gobat* 'кучка', *gobat kænun* 'окучивать (картофель и пр.)', д. *zobat kænun* id., и. *gubagk* id.
362. *gobæ* 'безрогий, комольный'; ср. д. *gulu* id., и. *ǰuymyza* id.
363. *goc kænun* 'переселяться', *gocgænagæ tærgtæ* 'перелетные птицы'.
364. *goc'ef* 'силач'; и. *bogal*, д. *bogali* id.
365. *godora* 'кладовка для хранения съестных припасов'; ср. и. *k'æbic*, д. *k'æbec* id.; ср. д. *medæggonæ*.
366. *dogura* 'полая тыква' (вообще про крупные, круглые вещи): *dogura sær*, *dogura kark*; и. *kuysyftæg* id.
367. *gok'a* 'сопля', также 'помет овец'; ср. д. *qoǰa* id., и. *luk'a*, и. *xæffynž*, д. *fij læxæ* id.
368. *gol* 'наполненный (мешок и т. п.)' (?) *sænxi gol* 'набитый мешочек соли' (?)
369. *gomori* 'крытая сапетка для зерна'.
370. *goncaruq* 'лапоть'; и. *k'oxozi*.
371. *gorc'e* 'ковер (простой)', 'палас'; ср. и. *gawuz*, д. *gawiz* 'ковер (настоящий)'.
372. *goren* 'ограда'; и. *gæræn* id.
373. *gibora* 'лепешка'; ср. и. *guyl*.
374. *gulzig* 'продолговато-округлый, цилиндрический с округлыми краями, без выступов': ср. *gulu*, *gultumiz*.
375. *gules kænun* 'скатываться стремглав'.
376. *gultumiz* 'обрубленный (напр. палец)', 'бесформенный', 'неуклюжий'; ср. *gulu*, *gulzig*.
377. *gulu* 'безрогий, с обломанными рогами'; и. *guytu*, *guytuza* id., д. *gobæ* id.
378. *gura* 'амбар для зерна' (= *tillægdonæ*); ср. и. *beǰeli*, *gomori*, и. д. *gon* id.
379. *gurumiq* 'грубый, невежа'.
380. *gurun: gurd* 'скользить'; и. *byryn* id.
- 380^a. *guttuz* 'непослушный' (Сл.).
381. *guz: fægguz æj* 'не удалось, сорвалось'.

ġ

- 381*. *ġædæræxsnæg* 'лесной дух', и. *qædox*.
 382. *ġædmærestæ* (из *ġæd+mærestæ*, ср. *mæra*) 'поляна' (?).
 383. *ġædgezgæ* 'щепья, стружки'; ср. и. *sqis*, д. *sges*.
 384. *ġæla* 'полоумный, глупый, дурак'; ср. и. *ædylly*, д. *æduli*, и. *ærra*;
 и. *qæla* м. р.
 385. *ġælġælagæ* 'горло'; и. *qælqælag* м. р.
 386. *ġænzig* 'рана, повреждение'; ср. и. *qan*, д. *ġænæ*.
 387. *ġængælæs* 'разиня, ротозей'; и. *xæliuzyx* id.
 388. *ġængæ*: *xedi ġængitæ* 'мостовые опоры', 'быки'.
 389. *ġærasast* 'хриплый'; д. *qurasast* id. (просто *asast* id.), и. *fæsus* id.
 390. *ġærgurojnæ* 'ручная мельница' (*ġær+kurojnæ*), и. *ærmguyroj* id.
 391. *ġærong* 'маленькая лощина на горном склоне'.
 392. *ġoj* 'маленькая поляна на склоне'; ср. и. *ærduz*, д. *ærdozæ*, д. *mæra*,
ġædmærestæ.
 393. *ġojdun* 'конский щавель'; и. *qolo* id.
 394. *ġonc'ir*, *ġonc'æ* 'улитка'; и. *sætæ'æg* id.
 395. *ġosin*: 1) 'черепица', 2) 'кувшин'; и. 1) *aguri*, 2) *duryn*.
 396. *ġulæg* 'неприятность', 'неприятный'; ср. и. *qyg*.
 397. *ġunk'onbos* 'учкур'; и. *astæubos* id.

I

398. *i* определенный член (см. § 45).
 399. *idæf kænun*, *idæf un* 'страдать от жары, духоты, жажды'.
 400. *idæun* 'отрицать'; ср. *ædæuagæ*.
 401. *idujun* 'пссякать'; и. *sysyn*, д. *isusun* id., ср. *fedujun* id., ср. и. *ævi-*
digæ 'неиссякаемый'.
 402. *izæġnæ* 'трут'; и. *znyġ* id.
 403. *izæxsun*: *izaxst* 'рассыпать'; ср. д. *ræzæxsun* id., и. *zæġdun* id.
 404. *izulun*: *izuld* 'радоваться, веселиться'; ср. и. *rajun*, *cin kænyn* id.
 405. *igajun* 'затрагивать'; ср. и. *agajun*, *kajun*, д. *agajun*, *kajun*.
 406. *igaun*, см. *jegaun*.
 407. *igetun*: *igitt* 'не хотеть что-либо делать, мешкать'; и. *ġityn* м. р.
 408. *igændun*: *igæst* 'марать, пачкать', 'разливать (на платье)'; ср. д. *fæl-*
ġændun; ср. и. *qæstæ*, д. *ġæstæ* 'задетый, запачканный, оскверненный';
 ср. и. *amæntyn* 'пачкать'.
 409. *ik'insun* (*k'insun*): *ik'inst* 'мучиться, терзаться про себя, молча'.
 410. *ilivd* 'находящийся в затруднительном, беспомощном положении', ср.
 и. *æzællag* id.
 411. *ilug* (*iluk*), *ilugtæ*, *illuggon*, *iluggojnæ*, *iliggyn*, *iliggojnæ* 'удила'; и.
æzġællag(kom) id.
 412. *imonau* 'нежный, изнеженный'; ср. и. *buc*, д. *boc* id.
 413. *inæfun* 'дышать'; и. *ulæfun*, д. *uolæfun* id.

414. *iragæs*, см. *æruagæs*.
 415. *irugð*, *iruxt*, *iruxst*, 'расслабленный, бессильный'; и. *rygð* м. р., ср. и. *roxst* id., д. *ræuæxsun*.
 416. *irux* 'лицо, перед'; и. *ærgom*, д. *ærgom* id.
 417. *isærxun*, *izærxun*: *isarxt* 'развлекать, развлекаться'; и. *zyrxun* м. р.; ср. и. *irxæfsyn* id.
 418. *iuæxsun*: *iuæxst* 'вывихнуть(ся)'; и. *ælvæsyn* id.; ср. д. *ræuæxsun*.
 419. *iværzun*: *iuærsun*: *iværst* 'обещать, ободрять, обнадеживать'; ср. и. *zærdæ væryn* id.
 420. *izaznæ* 'рычаг, лом'; ср. и. *tæc'is* id.; см. *izazun*.
 421. *izazun* 'подымать (рычагом)'.
 422. *izælu* 'шелковый платок'; ср. *zældag*, д. *zældagæ* 'шелк', 'шелковый'.
 423. *izærxun* см. *isærxun*.
 424. *izol* 'далекий, далеко'; и. *dard*, д. *idard* id.

J

425. *ja:æ*, см. *auæ*.
 426. *je* 'он', 'тот'; и. *uj* id., *jetæ* 'те', 'они'; и. *idon* id. (см. § 51).
 427. *jeci* 'тот'; и. *уcy*, д. *uoci* id.
 428. *jezæ*, *uezæ* 'яички насекомых'; и. *byr* id.
 429. *jefstag* 'редкий', и. *gæzæmæ*, *stæm*, д. *stæn* id.
 430. *jefstagnæ* 'изредка, время от времени'; и. *xattæj-xatt*, *iskudæj-iskudmæ*.
 431. *jefun* 'пить'; ср. д. *c'efun*, *k'efun*, *k'irxun*, и. *c'yrxun*.
 432. *jegaun*: *jegaud*, *igauin* 'пребывать в подавленном, тоскливом состоянии'.
 433. *jellag*: *æ fæste niǰjellag æj* «увязался за ним (с назойливостью)».
 434. *jelqina* 'маленькие качели'; ср. и. *xeræ*, *xec'ro*, д. *xirine* 'качели'.
 435. *jerisxæ*, *jerisqæ* 'судьба, счастье, талант, предназначение' (?).
 436. *jesap* 'счет, расчет'.
 437. *jeugæron*, *jeuguron* 'очень, особенно'; *nakæ kænintæ jeuguron qu'aj næ 'j* «плавать он не особенно искусен» (Ka ke 85); ср. и. *imyl* id.
 438. *jeugur* 'весь', *jeuguræj*, *jeuguræj dær*, *ædjeugur* 'все целиком, полностью, всего'; и. *iuylðær*, *ægasæj*, *æppætæj* id.
 439. *jix* 'отступление', *jix kænun* 'отступать, осаживать'; *jix!* «назад!» (обращение к животным).

K

440. *karnæ* 'мера, отмеренное задание'.
 441. *kæzos* 'чистый'; и. *sygdæg* id.
 442. *kælæfxælсæ* 'разруха'.
 442*. *kælo* 'худой', 'хилый' (Сл.).
 443. *kæmpustæ* 'лохмотья, починка' (Сл.) (?), 'кое-как зашитый, заштопанный', *kæmpustæg* 'простой человек' (Сл.) (?).

444. *kænon* 'нарыв'.
 445. *kærzɣux* 'стерня (нивы, травы); и. *kærɔcyg* id? и. *qællæg*, д. *qælnæg* id.
 446. *kærongæs* 'вход в кош'.
 447. *kæsautæ kænun* 'вращать, крутить, кривить'.
 448. *kæstau kænun* 'свежевать (тушу убитого животного)'.
 449. *kæt* 'пристройка при хлеве, открытая с одной или с двух сторон'.
 450. *kegog* 'усадьба, дом с пристройками'.
 451. *kelar*, *kerta* 'циркуль' (Сл.).
 452. *kelbet* 'состояние, качество, достоинство'; и. *želbet*, м. р.
 453. *ket* 'настроение, состояние здоровья'; и. *čet*, *čerp* id. м. р.
 454. *keta*, *kena* 'твердая, водонепроницаемая глинистая порода'.
 455. *keta*: 1) 'землянка' (?), 2) 'морена' (?).
 456. *kenæ*, *kinæ* 'то, что подлежит возмещению, отпущению', *ðæu kenæ mæbæl jes* «ты (мне что-то сделал и) должен мне возместить»; *kenæ xatun* 'мстить, возмещать', ср. д. *mast xatun*, и. *mast isyn* id.
 457. *kenges kænun* 'быть в затруднении; колебаться в выборе', 'с тревогой думать о чем', 'размышлять (как поступить при альтернативе и т. п.)'.
 458. *kenkegaza* 'распорядитель на свадьбе'.
 459. *kese* 'белая бязь'; ср. и. *uyryssaqom* id.
 460. *kezæ* 'грубый, жесткий, суровый, сердитый'; и. *čiz* id. м. р.
 461. *kezu* 'очередь'; и. *rad* id.
 462. *kilfæ* 'совершенно гнилой' (Сл.); ср. *c'ulfæ*.
 463. *kin*, *kim* 'волчок'; и. *c'il* id.; д. *kinzela* 'вращение'.
 464. *kindæg* 'медленный' (?) = и. *syndæg* (?).
 465. *kiru* 'недоросль, карлик'; д. *kivzu* id.
 466. *kirdicæ* назв. растения (Сл.) (?).
 467. *kirsæ* 'иней'; и. *čyrs* id. м. р., и. д. *xalas(æ)* id.
 468. *kivzu* 'низкорослый, карликовый'; д. *kiru* id.
 469. *kobsa* 'нарост на дереве'.
 470. *kolduf* 'защитная плотина (в виде плетня, заполненного булыжником)'.
 471. *komzæfæj* 'в полный рот', 'жадно'.
 472. *kork* 'клок, горсть'.
 473. *kufsi* 'кушанье из поджаренной муки с водой'; и. *blatuyqg*, *k'ælua* id.
 474. *kurɣus kænun* 'просить, молить' (?).
 475. *kusæ* 'каменистые, осыпающиеся склоны'; и. *čys* id.

К'

476. *k'abis*, *k'abic*, старая мера зерна (1 пуд 17 ф.); ср. и. д. *merka* id. ср. д. *bætman*, *mætæze*.
 477. *k'abellag* 'тощая, негодная скотина'.
 478. *k'abril* 'выемка, зазубрина'; ср. и. *k'axur* id., д. *nik'æd* id.
 479. *k'adira* 'кабур'; и. *xuytr'ur*, д. *xuytr'ur* id.
 480. *k'ado* 'ветка'; ср. и. *k'aliu*, д. *k'aleu* id.

- 480^a. *k'alca* 'брюки' (охотн. яз.).
 481. *k'almyg* назв. растения (Сл.).
 482. *k'amarca* см. *samar'ka*.
 482^a. *k'anc* 'ямка' (Сл.), 'кус': *kui k'anc fækkodta* «куснул, как собака».
 483. *k'azma*, см. *k'æzma*.
 484. *k'æbur* 'выступ скалы'; ср. и. *k'æmkyr* id. м. р.
 485. *k'æbet* 'морда' (?) (Gurdž. Saxi gæs. 41); ср. д. *k'æmbodtæ*, *k'embur*.
 486. *k'æbuci* 'щенок', см. II раздел словаря.
 487. *k'ædæruæ* 'сухие ветки, щепки для растопки'.
 488. *k'ælamus* 'извив, искривление'; ср. и. *k'ælaes*, д. *k'ælos* id.
 489. *k'ældæur* 'домишко, хата'; ср. д. *k'æs*.
 490. *k'ældun* 'кривой кинжал, кривая сабля'.
 491. *k'ælmæg* 'перевязь у снопа'; и. *kuyrisbædtæn* id., и. *k'ælmug* id. м. р.
 492. *k'æmbodtæ*, *k'æmbudtæ* 'морда'; ср. и. *æmbudtæ*, д. *k'embur*, *k'æbot*, *k'æbet*, и. *æemxudtæ*, д. *æænxodtæ* id.
 493. *k'ænæ*, *k'æntæ* 'мелкие вещи женского рукоделия (иглы, нитки, тряпки и т. п.)'.
 494. *k'ændonæ* 'ящик, куда кладутся *k'æntæ*', в перен. знач. 'живот'.
 495. *k'ærazæ*, *k'ærazgæ* 'окно'; и. *ruzyng* id.
 496. *k'æs* 'сакля, хижина'; ср. д. *k'ældæur*; ср. и. *ææzar*, д. *ææzaræ* 'дом'; *k'æsibadæg uosæ* = и. *k'ulbadæg us* 'колдунья'.
 497. *k'æsibadæg* также 'избалованный, плохо воспитанный'; ср. и. *k'ulbadæg*, и. *k'ulættæg*, д. *k'uleuættæg* id.
 498. *k'æsmustæ* 'пороховница'; и. *k'æzmystæ* 'доспехи' (?).
 499. *k'æxæn* 'обрыв'; и. *k'æxæn* м. р.; ср. и. *k'ardiu*.
 500. *k'æxson* 'лыжка'; и. *k'æxk'ælet* id.
 501. *k'æxi*, *k'æxiðænæ zal* 'пресный хлеб'; и. *dongon zul* id.
 502. *k'æxil* 'узкий проход, теснина' (?) (ДСк. 2).
 503. *k'æzma* 'веревка, ремень, которым привязывается вьюк к ослу', и. *č'irppabos* id.
 504. *k'efun* 'выпивать', *k'efagæ* 'пьяница'; ср. д. *jefun*, *č'efun* id., *k'exun*, *k'irxun*, и. *č'yrxun* id.
 505. *k'ela* 'скамья, стул'; и. *bandon* id.
 506. *k'em* 'гол (в игре в мяч)' (Сл.).
 507. *k'embur* 'морда', и. *č'imbyr* м. р.; ср. д. *k'æmbodtæ*, *k'æbot*, *k'æbet*, и. *æmbudtæ*, и. *æemxudtæ*, д. *æænxodtæ*.
 508. *k'en* 'шашки (игра)'.
 509. *k'era*, *xera* 'отсыревший, размякший' (напр., хлеб).
 509^a. *k'erax* 'револьвер', и. *livor* id., ср. и. *gærax* 'выстрел'.
 510. *k'ero* 'шевелюра' (иронич.).
 511. *k'exun* 'выпивать'; ср. *k'efun*.
 512. *k'ibila* 'ушат, ведро'; и. *č'ybyla* м. р.; ср. и. *k'ærtæ*, *vedra*.
 513. *k'izix*, *k'æzix* 'невзрачный'.
 514. *k'imbus* 'тряпка, затычка'; и. *č'ymbys* м. р.; ср. и. *ææ'il*.

515. *k'isteg* 'кусочек материи, вшиваемый подмышку для прочности'.
 516. *k'iziu* 'жеребенок'; и. д. *bafrag* id.
 517. *k'obos* 'утолщение', *k'obosgin læzæg* 'палка с набалдашником'.
 518. *k'ojdor* 'нестесняющийся, нахрапистый, упрямый'.
 519. *k'oldox* = *k'ojdor*.
 520. *k'ombox* 'почка (у растений)'; ср. и. *k'уура*, *k'уубыр* id.
 521. *k'oхар* 'весло'.
 522. *k'ozae* 'сосновые побеги', 'сосновая роща', 'опушка соснового леса',
k'ozmaerae (из *k'ozae+maerae*) 'поляна в сосновой роще'.
 523. *k'ozo* 'гриб', 'шар, мяч'; ср. и. *zok'o* 'гриб', ср. и. *k'ori*, *purti* 'мяч'.
 523^a. *k'uæd* 'квок', 'квохтанье', и. *k'uyrtt*.
 524. *k'uelli* 'волдырь, мозоль'; ср. и. *tæppal* id.
 525. *k'uælxun* 'прихрамывать, ковылять, ползти'; ср. и. *læsyn*.
 526. *k'uæraex* 'плешь', 'парша (у животных)'; ср. и. д. *sægær* id.
 527. *k'uætti* 'немой'; и. *ægotug* id.
 528. *k'ubus* 'бугор, шишка, выступ'; ср. *k'uzux*.
 529. *k'uzux* 'бугорок'; ср. *k'ubus*.
 530. *k'ulsojnæ* назв. растения, из которого делают вениги (?); и. *c'ylinay*
 id. (?).
 531. *k'uma* 'замок'; и. *guydyr* id.
 532. *k'umbul* 'свекла'; и. *sæxæra* id., д. *zæxæra* 'огород'.
 533. *k'usumon* 'колбаса'; и. *k'uzylmon* (?); ср. и. *taxynæg*, д. *taxinon* id.

L

534. *lacamarz* 'неуклюжий' (?), 'неряшливый'.
 535. *lacin* 'сокол'; и. *uari* id.
 536. *lasæg* 'копна сена'; ср. и. *mæk'uyl* id., д. *bæk'uæl* 'копна хлеба'.
 537. *laze* 'вина, беда'; и. *laz* id. м. р.; ср. и. *axxos*, д. *anxos* id., и. *bællæx*,
 д. *bællax* id.
 537^a. *lazun* 'ехидный' (Сл.).
 538. *læbæg* 'ягодица'.
 539. *læbugtæ*, см. *buligtæ*.
 540. *lædær* 'простак' (Сл.), *lædærtæ* 'Б. Медведица'.
 541. *lædærun*: *lædard* 'понимать'; и. *æmbarun* id.
 542. *læf kænun* 'болтаться без дела, околачиваться'.
 543. *læfijnæ* 'солнечный луч'; и. *xurytyn* id.
 544. *lægurtæ* 'дубина', 'пест' (?).
 545. *læguz* 'плохой, дурной'; и. *ævgær* id.
 546. *læk'æf* 'ноша'; и. *ærgom*, д. *ærgon* id.
 547. *læk'ærdæ* 'влажный, грязь'; ср. и. *c'yf*, д. *c'ifæ*, д. *læp'æda*,
læquma.
 548. *læk'un* 'мутный, муть'; ср. и. *lak'on* 'грязь'; и. *uzmæst* 'мутный'.
 549. *lælagæ* 'вина, беда', ср. *laz* (*laze*), *axxos* (*anxos*).

550. *læppær*, см. *læværæn*.
 551. *læp'æda* 'жидкая, непролазная грязь'; ср. *læk'ærdæ*, *læquma*.
 552. *læquæn* 'юноша, парень'; и. *læppi* id., д. *læppo* м. р.
 553. *læquma* 'жидкая грязь'; ср. д. *læp'æda*, *læk'ærdæ*.
 554. *læsæg* порода рыбы, 'лосось' (?); ср. и. д. *ærgāj* 'лосось'.
 555. *læsæræ*, *læsedæ* (*æxsæræ*) 'спелый орех'.
 556. *læsetæj* 'медленно, тяжело'; д. *læspæs* id. (?).
 557. *læsuf* назв. медоносной травы, 'шалфей' Сл. (?).
 558. *læt'o* 'кувалда (для вколачивания клиньев и т. п.)' ср. д. *gælmæz*; ср. и. *zækkor* id.
 559. *læwærdun* 'итти, меся ногами (снег, землю)'.
 560. *læwzængojnæ* 'с неуклюжими, слишком широкими, лохматыми ногами'.
 561. *læværæn*, *læppær* 'охапка сена'; ср. и. *t'yfyl* id.
 562. *læxcoræn* 'водопад, жолоб'; и. *æxsærzæn* id.
 563. *liagæ* 'позор'; ср. и. *xudinag*, д. *xodtujnag* id.
 564. *lic'æ*, см. *liqæ*.
 565. *liqæ* 'раздавленный', ср. и. *c'æl* id.
 566. *listuq* 'плевок'; и. *tu* id., ср. *lîxsun*.
 567. *livzæ* 'влажный', 'скользкий', 'грязный'; омоним: *lyvzæ* | *livzæ* 'рагу мясное'.
 568. *lîxsun*: *lîxst* 'плевать'; и. *tu kænyn*; ср. *listuq*.

М

569. *madta* (из *ma ædta*) частица со значением: 'то, же, итак, в таком случае'; по семантике близко к и. *uædæ*.
 570. *maimaiddær* 'никогда'; ср. и. *nîkuu*, д. *rekad*.
 571. *maqari* 'первый шафер'; южн.-иронск. (груз.) *maqari* id.; ср. и. *æm-zuaržyn* id.
 572. *mædonæ* 'стояк, вертикальный вал, на котором укреплен жернов' Сл.).
 573. *mægurbælgælæs* 'имеющий подавленный, печальный вид' (?).
 574. *mæk'ur* 'затылок'; и. *k'æbut* id. при д. *k'æbot* 'морда'.
 575. *mælzoj¹ug¹* 'еле живой'; ср. и. *ærdægmarð* id.
 576. *mængæj*, *mængi*, см. *mînk'i*.
 577. *mænk'æj*, см. *mînk'i*.
 578. *mæræ* 'поляна'; и. *ærduz*, д. *ærdozæ* id.; ср. *gædmærestæ*, *k'ozmæræ*.
 579. *mærgæmbud* 'насквозь прогнивший'; и. *æmbyð*, д. *æmbud* 'гнилой', ср. д. *kilfæ* (?).
 580. *mærtîngal* 'мартингал, ремень, идущий от уздечки к подпруге и позволяющий лошади поднимать голову'.
 581. *mærgzæduğd* 'корявый, грубо сложенный', ср. *mærgzduq*.
 582. *mærgzduq* 'корявый, кряжистый, плотный'; и. *mægzduq*, *myzduq* id. м. р.
 583. *mæstxalug* 'горьковатый'; ср. и. д. *mast* 'горький'.

584. *mætæze* 'мера зерна, половина *bætman*'а'; ср. также *k'abis*.
 585. *mæt'æł* 'грусть', 'грустный, печальный'; ср. и. *ænk'ard*.
 586. *mæxæł* 'кожаный мешок'; и. д. *k'æssa* id., и. *mæxæł* м. р.
 587. *medæggonæ* 'кладовая'; и. *midæggon* м. р.: ср. и. *k'æbic* id.; ср. д. *godoraæ*.
 588. *mingi* см. *minkhi*.
 589. *minkin* 'нежный, слабый, болезненный'; ср. *tænt'ixæg*, *tænt'exæg* id.
 590. *m nk'i*, *mingi*, *mænk'i*, *mængi*, *mænk'æi*, *mængæj* 'маленький'; и. *gyc-syl*, *čysyl* id., *mink'ijtæbæł næ* 'едва не' = и. *čysyl ta baqæna*.
 591. *mogajnaæ* 'столб, подпирающий потолочную балку'; ср. и. *sæžynž* д. *sæginžæ*.
 592. *moxun* 'доить (шутл.)'; ср. и. *ducyn*, д. *docun*, и. *qælfyn*.
 593. *muf: muf dæ bili buni*, «*muf* у тебя под губой» — «ничего у тебя не выйдет!», «держи карман!»
 594. *muk'ur* 'плотный' (напр. 'шов'); переносн. 'скрытный человек'; и. *my-k'uyr* м. р.
 595. *muræ* 'колокольчик'; и. *zængærcæg* id.; ср. и. *myrmyrag* 'бубенчик'.
 596. *murtgun kærdæg* 'сочная, густая трава'.
 597. *murguz*, *mizgur* 'мрачный, злобный'.
 598. *murxun: murxt* 'возиться, орудовать, действовать, делать'; и. *myrxun* м. р.; ср. и. *arxajun*, д. *arxajun* id.
 598^a. *musu* название хищника кошачьей породы (Сл.).
 599. *mixæ* 'крутой горный овраг' (Сл. — 'водоворот').
 600. *mixcur* 'мельничный жолоб'; и. *nik* id.; ср. д. *læxcoræn* 'водопад, жолоб'.
 601. *mizgur*, см. *murguz*.

N

602. *nad* 'дорога' (собств. «утрамбованный» от *næтин* 'бить'); и. д. *fændag* id.; сложные слова с *nad* соответствуют иронским с *fændag*: *uælnad*, *dælnad*, *raznad*, *cæcænad*, *galnad*, *bæxnad*, *nærdunnad* = и. *uælvændag*, *dælvændag* и пр.
 603. *naffæ* 'пупок'; и. *bik* id.
 604. *nakæ* 'плавание', *nakæ kænun* 'плавать'; и. *lenk kænyn* id.
 605. *nanc'i* 'выступ, кончик' (?).
 606. *nægæ* 'шум, крик, громкий говор'; ср. и. *qær*, д. *ğær*, и. д. *axst*, д. *uaqær*, *stuf*, *sun*, *zæfqu*, *zaqula*, *zansaq*.
 607. *nælvæg*, *nælvæg* 'обморок'; и. *uazug* id.
 608. *nærcæton* 'нетерпеливый, несдержанный, буйный'; см. *ræтмн*.
 609. *næutag* 'свежая трава' (SD 99) (?).
 610. *næxstær* 'отправление', *ræncæxstær æj* 'он отправился' = и. *arast i*.
 611. *neren* 'до сих пор'; и. *nyrtæ*, *nyrong* id.
 612. *nidæn* 'заглушенный, тихий, тусклый (затухающий звук, шум, свет, огонь)'; ср. и. *myncæg*, д. *mincæg* id.

613. *nigæ* 'прибрежная полоса у реки'.
 614. *nīk'æd*, *nīk'æt* 'зазубрина, зарубка'; ср. и. *ugard* id.; ср. д. *k'abrīl*, и. *k'axyr*.
 615. *nincæg* 'малина'; и. *tænærg* id.
 616. *nigog*, *nigog* 'сопротивление', 'препятствие'.
 617. *nigun-nigunæj zorun* 'говорить зашняясь'.
 617^a. *nissæ* 'дама' (Сл.).
 618. *nivaǰæ* (из *nivæ* и *aǰæ*) 'злой рок, гибель'.
 619. *nivæ* 'счастье', *nivgun* 'счастливей'; ср. и. д. *amond*, д. *fes fesgun* id.
 620. *nixagæ* 'локон у виска'; и. *dadali* id.
 621. *nostæ* 'невестка'; и. *čunz*, д. *kinzæ*; ср. и. *fajnst* 'жена деверя'.
 622. *nosun*: *nust* 'целовать'; и. *p'a kænyn*, *ba kænyn* id.
 623. *nozælæ* (?) *nozalmæ* 'свежая, молодая трава' (?).

O

- 623^a. *Ojnoni calx* чудесное колесо в нартовском эпосе, и. *Balsæžy calx*.
 623^a. *onæxsaræ*, *uonæxsaræ* 'богатырь', 'вожак', и. *guypyrarsar*, д. *gurrpursar* id.

P

624. *paŋzæ* 'поросшие кустарником, затененные, скрытые места', 'лесная опушка'; *paŋzbun*, *paŋzbun* 'кустарник'.
 625. *paŋsa* 'грабли'; и. *xalamæ'zæn* id.
 626. *paŋzbun*, см. *paŋzæ*.
 627. *pæsk'u* 'ключок'; и. *pæsk'ny* id. м. р.; ср. и. *fæsk'au* id.
 628. *pernæ* 'мельничная турбина'; и. *kuŋroju calx* id.
 629. *pirnun* 'двигаться', '(настойчиво) пробиваться'.
 630. *pixsæ* 'сосновая кора' (особым образом обработанная, идет на витье веревок), *nirpixsæ 'j kodta* «разнес его в ключья».
 630^a. *pixagæ*, *pixinkī* 'капризный' (Сл.).

P'

631. *p'aræ*, *p'aruæ* 'чешуя'; и. *xærv* id.
 632. *p'æstu* 'лоскут, клоч'; ср. *pæsk'u*.
 633. *p'eræn* 'сова'; и. *uyg*, д. *ug* id.
 634. *p'erccæg* 'самонадеянный, надменный' (Сл. также 'род черемши').
 635. *p'olci* 'женское платье'; и. *k'aba* id.

Q

636. *qabolæ* 'череп, утолщение кости в суставе'; ср. и. *qambul*; ср. д. *qalqos*.
 637. *qaffæ* 'плешь, парша' (Сл. 'гнилой'); ср. *k'uærcæx*; ср. и. д. *cægær*.
 638. *qalac* 'ковш, большая деревянная чаша'; и. *qalac* id. м. р., и. *kuysi*, д. *kusina* id.
 639. *qallæ* 'станция'.

640. *qalqos* 'череп', ср. *qabolæ*; ср. н. *særy kæxc*, *særy k'uydyr*.
641. *qamuci* 'булава, палица'.
642. *qan* 'поваленный', *raqan œj* 'повалился, опрокинулся' (= и. *afældæxti*), *raqan kænun* 'повалить, побороть. опрокинуть' (= и. *afældaxyn*, *abyrsyn*).
643. *qanz* 'мозг'; н. д. *mağz* id.
644. *qaga* 'большой жук'; ср. н. *qændil*, д. *qændelæ*, д. *qæbuza* 'жук'.
645. *qarta*: *qarta tamaku* 'зловредный, скверный табак' (?).
646. *qasqætannæ*, *qasqætan*, *qasxan* 'резвый, буйный'; *q. kaft* 'резвый танец'.
647. *qain* 'род', 'поколение'; ср. н. д. *fæltær*, д. *axil*, *zilagæ*, *aul*.
648. *qazmuz* 'мяч'; ср. д. *k'ozo*, ср. и д. *k'ori*, *purti* 'мяч'.
649. *qæburğæ* 'похлебка из ячменя. пшеницы'.
650. *qæbuza* 'жук'; ср. н. *qændil*, д. *qændelæ* id.; ср. д. *qaga*.
651. *qædægæ* порода рыбы (головач?).
652. *qæl*: *findzi qæltæ* 'ноздри' (Arg. kiun II 9).
653. *qælqa* 'бычий альчик'; н. *toxsi* id.
654. *qæne* 'подсолнух'; ср. д. *sonxura*, *soxuran* id., и. *æxsynæn* id.
655. *qæppæl*, *qæppæltæ* 'одежда' ср. н. *pysultæ*, *gærztæ*, и. д. *daræc* id.
656. *qærabuğa*, *qrabuğa* 'трус'; ср. н. *tæszærdæ* id.
657. *qærcæu* 'кривой, одноглазый', 'слепой', *qærcæu binzæ* 'слепень'; *qærcæu mistæ* 'крот'; ср. н. *soqquyr* 'кривой'; н. *kuyrm* 'слепой'; д. *kurm* id. м. р.
658. *qærtun* 'достигать', 'доставать', 'хватить' = и.: 1) *xæccæ kænun* 'достигать', 2) *æxxæssyn* 'доставать, хватить', 3) *fag kænun* 'хватить'.
659. *qæsqær* 'отруби ячменя и кукурузы' (Сл.); ср. н. д. *c'ata*.
660. *qæstæ* 'живот'; н. *quybyn*, д. *gubun* id.
661. *qæzala* 'сильно обуглившиеся остатки чего-либо'.
662. *qedzau* = *qellau* 'качанье'? см. II 179.
663. *qes* назв. ягоды черного цвета; н. *sis* id. (?).
- 663^a. *qilon* 'ребенок' (Сл.).
- 663^b. *qimic* 'крестец' (анат.).
664. *qizon* 'поросенок'; н. *qubyl* id., и. д. *cuskæ* id.
665. *qodannæ* 'спесивый, щеголеватый' (Сл. 'статный').
666. *qoğa*, *qoqa*, *gok'a* 'сопля'; н. *xæffynz*, *luk'a* id.
667. *qoğancæ* 'орудие для соскабливания с лемеха прилипшей земли'; *zoms* id.
668. *qonc*, *qonz* 'соболезнование, сочувствие в несчастии', 'забота'; *qonc kænun* 'соболезновать, сокрушаться, быть озабоченным'; н. *qonc* м. р., ср. н. д. *mæt(æ)* 'забота'.
669. *qor*: *qor darun*, *qor kænun* 'мешать, беспокоить'; ср. н. *qug darun*, *k'uylympy kænun* id.
670. *quatæ* 'толк, польза', *neci quatæ dædtoj* «от него нет никакого толка» (Ke ke 23, 35).

671. *quæsse* 'дым', *quæszud* 'пропитанный дымом'; и. *fæzdæg* id.
 672. *quæl* 'кусок, клочок, ломоть, обломок' (по значению соответствует и. *gæppœl*, *mir*, *k'ærtt*, *k'æbœr*); ср. и. *gæl*, *quæl* 'палочка при игре в чижика'.
 673. *quælek kœnyn* 'шататься без дела'; ср. и. *lekka kœnyn*; ср. д. *uozer kœnyn*.
 674. *quænc kœnyn* 'бахнуть, бацнуть', *quæncgæncæn* 'пистолет'.
 675. *qubulzig* 'железа (опухшая)'; и. *ræzupæg* id.
 676. *qulaj* 1: 'ладный, идущий на лад'; ср. и. *æncæqolaj* (Сл.), д. *æncæqulaj* 'беспорядочный'.
 677. *qulaj* 2: 'шум', 'движение'.
 678. *qulfœ*, *quluf*, *qulfad* 'впадина, вмятина, углубление', 'глубокий'; ср. и. *k'uyrf* 'вогнутый, глубокий', и. *zyqq*, д. *zugg* 'впадина'; ср. д. *qulut*.
 679. *qulut* 'глубокий', '(очень) глубокое место'; *qulut mæsk'æ* 'глубокий овраг'; ср. *qulfœ*.
 680. *qum* 'водоворот, омут'; и. *quym* id. м. р.
 681. *qurroj* 'журавль'; и. *qriqurp* id.

R

682. *randæ un* 'уходить, выходить'; и. *accœun*, *racœun* id.; формально = и. *adte un* 'уходить', что не имеет, однако, в иронском такого распространения, как д. *randæ un*; *randæj* 'ушел, пошел', *randæ kœnyn* 'удалить'.
 683. *ravgæ* 'возможность, случай'; и. *ravg* м. р.; ср. и. *fadat*, д. *faduat* id.
 684. *rædæxsun* 'взлезать'; ср. и. *xizyn*, д. *xezun*; и. *xilyn*, д. *xēun*.
 685. *rædesun*: *gog rædesuj* «корова скоро отелится» («у нее появились признаки скорого отела: набухло вымя и пр.»).
 686. *ræzæ* 'сукровица'; и. *ronz* id.
 687. *ræzæxsun* 'рассыпать'; ср. д. *izæxsun* id., ср. и. *zægdyn*, *ajzægdyn* id.
 688. *ræftæ* 'полдень'; и. *æmbisbon* id., д. *ræfton* 'полуденный', *ræftigon* 'в полдень', *raftad* 'время обеда, обед'; ср. и. *bonnræfty* 'днем', 'среди дня'.
 689. *rægcœnyn* 'посыпать, сыпать (соль, муку, перец)'; и. *zœryn* id.
 690. *ræġæjmag* (*raġæjmag?*) 'лучший, отменный, переловой'; ср. и. *axs-ziag*, д. *axsgiaġ* id.
 691. *rætmyn* 'ждать', *baræncœ!* *baræncœ-ba!* «пожди!», «постой!», = и. *fælcœ!* *fælcœu ma*, *fælcœu!*; ср. д. *nærcœton* 'буйный', 'неукротимый'.
 692. *rændun* 'разглаживать', *rændæn* 'каталка'.
 693. *ræscændæg* 'затор араки, браги во время брожения'; и. *amæntgæ* id.; ср. и. д. *sændæg*, от *sændun* 'крошить, мять'.
 694. *ræuæxsun*: *ræuæxst* 'плохо себя чувствовать, впасть в слабость, чувствовать упадок сил'; ср. д. *irugd*, и. *roæst* 'расслабленный'.
 695. *ræues*, *ræibes* 'козуля'; и. *sægyut* id.
 696. *ræuonæ* 'повод, предлог', *ræuonæj*, *ræuonæi* 'под предлогом, под видом';

- ср. и. д. *æfson* id.; ср. и. *ruadžy*, д. *ræuagi* 'из-за, для, ради'; см. *ræuagæ* (III 107).
 697. *ræwæjnæ* 'толстая коноплиная веревка'.
 698. *ræxсun* 'дремать'; ср. и. *ræzæ-mæzæ kænyn* id.
 699. *ræxsbetun*: *ræxsbit* 'вырываться, литься через край', 'бурлить'.
 700. *ræzæ* 'фрукты', *ræzædonæ* 'фруктовый сад', и. *dyrġ* id.
 701. *reun*: *riud* 'рыгать'; и. *biugq kænyn*.
 702. *roxsnæg* 'прозрачный, чистый (напр. цвет лица)'; ср. и. *ræsug*, д. *ræsog* 'прозрачный'.
 702^a. *rujmon* 'чудовище', 'дракон' (в фольклоре).

S

703. *sabaj kænyn* (*c'opp*) 'взбивать шерсть'; и. *k'uymbil sæġdyn* id.
 704. *sajæn* 'корм для скота'; и. *xollag* id., д. *xuallag* не только 'корм', но и 'пища' (человеческая).
 705. *salæ* 'сафьян'; и. *særak* id.
 706. *saldar* (?).
 707. *salfxodæ* 'шапка-невидимка'; и. *gamxud* id.
 708. *samark'a*, *k'amarca* 'надочажная деревянная цепь с регулируемой длиной', ср. *ræxys* | *ræxis* 'цепь железная'.
 709. *samilaq* название растения с черными сладкими ягодами.
 710. *samur-guġ* 'лягавая собака, пичейка'.
 711. *sandæraq* назв. какой-то птицы (Gurdž. Saxi ræs. 47) (?), 'старинный танец' (?).
 712. *Sari* 'сваны', *sariag* 'сван, сванский'.
 713. *sasug* 'головной платок'; и. *kælmærzæn* id.
 714. *satalæ* 'плетеная из молодых березок сапетка, на которой копна сена свозится с гор'; и. *mæggi* id.
 715. *sauæsxolæ* 'пищеvod'; и. *lasæġkag* id.
 716. *sax* 'пристально, напряженно, сильно', 'сильный', *sax k'ævda* 'проливной дождь', *saxxor* 'яркое, жгучее солнце'; в и. только в выражении *sax k'ævda*.
 717. *sæccæ* 'пристальный', 'пристально', *sæccæ-kæscæ* 'пристальный взгляд',
 718. *sæjrad*: *idon* *sæjrad* 'часть уздечки, надеваемая на голову лошади'.
 719. *sælæt* 'пресыщение'; и в иронском, но реже; ср. *æljæd*.
 720. *sæmæt kænyn* 'удивляться', 'быть в замешательстве, в раздумье', ср. *kenges*.
 721. *sændtadæ* 'щеголь, франт', 'щегольство', *sændtadæ kænyn* 'франтить, щеголять'; ср. и. *k'uydipp* 'щеголь'.
 722. *sæppi* 'хлебная мякоть'.
 723. *sægun* 'козий пух (*sæġ-gun*)'; и. *tintyč'i*; д. *t'antik'i* id., ср. и. *sæggiš*, д. *sæges*, *sæge* 'грубая шерсть'.
 724. *særæmæsti* 'благополучный'.
 724^a. *særġæ* 'изголовье', *wælsærġæ* 'над', и. *særġy* 'во главе'.

725. *særmesinȝægmæ* 'вниз головой'; ср. и. *sælbiqquyroj*, д. *særbequroj*. и. *særbyny*.
726. *sæux*, *sæuxi* 'столб' (напр. столб, на котором укреплены ворота).
727. *sekk* 'сомнение, подозрение', *sekk kænin*, *sekk hæssun* 'сомневаться'; ср. и. *guryrꝛxo*, д. *gurusæ* id.
728. *selbur* 'нагрудный ремень на верховой лошади'; в и. редко.
729. *sengæ* 'стойка в плуге'.
730. *senseri* 'букс (*Buxus sempervirens*)'; и. *česa* id.
731. *sentā*, *sent'a* 'фасадная, выдающаяся часть (альчика, камня, дома)': *k'ulux sent'a* 'хромой с вывихом бедра' ('у кого торчит бедро').
732. *sera* 'боковая (не фасадная) сторона дома'.
733. *serf* 'косой, наклонный', *serf kænin* 'сторониться', ср. и. *self kænin* 'проходить мимо, стороной'; ср. и. *zul* 'косой'.
- 733^a. *siaq* 'великан'.
734. *singærrætt emuæ!* (междом.) близко к русск. 'чорт побери!'; ср. и. *zei-ȝælæj!* id.
735. *sinon* 'бокал'; и. *niuzæn*, д. *niuzæn* id.
736. *sire* 'диван'; и. *sre* м. р.
737. *sirinc'iti ġazun* 'играть в чирика'; и. *qæl ætæ læȝæġej qazun* id.
738. *siuaġæ* 'выкуп, контрибуция' (?).
739. *sk'ærtæn* 'скашивший (о молоке)'; ср. и. *æwt*.
740. *sk'eldu* 'брусника'; и. *tæck'uy* id.
741. *sk'ora* 'сажа'; и. *sæg* id.
742. *sk'ot*, *æsk'ot* 'свист'; и. *æxsitt* id.
743. *sobaq*, *sovaq* назв. какого-то животного в эпосе (Тулх. 5).
744. *soc'a*, *soȝæġ* 'завистливый, злобный', 'зависть'; ср. и. *sussa* 'сварливый, скверного характера, вспылчивый' (?); ср. и. *xælæġ* 'зависть', 'завистливый'.
745. *somun*: *sund* 'веять зерно', *kæri æpparyn*.
746. *sonxura*, *soxuran* 'подсолнечник'; *qæne* id., и. *æxsynæn* id.
747. *sotur* 'густой (в противоположность жидкому)'; и. *sutyр* 'оглушенный (ударом и т. п.)', 'потерявший сознание' м. р.; ср. и. *sur*, д. *sor* 'не жидкий, сухой'.
748. *sovaq*, см. *sobaq*.
749. *soxuran*, см. *sonxura*.
750. *stojnæ*, *æstojnæ*, *istojnæ* 'хлев (открытый)'; ср. и. д. *sk'æt* 'хлев (закрытый)'
751. *stuf*, *æstuf* 'шум'; ср. и. *qær*, д. *ġær*, д. *sum*, *næġæ*.
752. *suax* 'пламя'; и. *cyren*, д. *ciren* id.
753. *suf* 'дуновение' (Gurdž. Saxi ræs. 5); ср. и. *syf-syf* звукоподр. 'шелест, дуновение'.
754. *sum* 'звук, шум', *æncæsum* 'беззвучно'; ср. и. *sypp* в *qypp-sypp* д. *qip-sum* 'звук, шопот'; ср. д. *stuf*, *næġæ*.
- 754^a. *sumræġ* 'сплетение брусьев в углах здания', и. *æġæġ?*

755. *sundak'æ* 'шерстяная нить'; и. *tæbyn id.*
 756. *sunzæg* 'малый' (по количеству) ? (Ка ке 5, 54).
 757. *sunsæ* 'слегка подсохший (пот, грязь)'.
 758. *sunukæ kænnin* 'чахнуть'.
 759. *suxæ* 'сухой'; и. *xus id.*; ср. и. *xuysk'*, д. *xusk'æ*.

Т

760. *tabka*, см. *tapka*.
 761. *tadxualitæ kænnin* 'разбивать, разрывать на куски' (ДСк. 9).
 762. *taj* 'кусочек материи' (?) (Gurdž, Aǰduli).
 763. *talak'i* 'выступ, карниз', и. *fælguyr*.
 764. *talǰær (ǰog)* 'бурая с полосами (корова)'.
 765. *tapka, targa, tabka* 'навес'; и. *targa id.* м. р.
 765^a. *taqina* 'ружье' (охотн. язык).
 766. *taturus* 'мужчина в расцвете сил'.
 767. *tatxa* 'грядка'.
 768. *taunæg: taunæg kark* 'наседка', *taunægi badun* 'высиживать яйца'; и. *k'uyrtt, k'uyrtton kark, k'uyrtty badun id.*
 769. *taus* 'слух, молва, рассказ'; и. *tauys* м. р.
 770. *taurætæ kænnin* 'разбросать, растащить'.
 771. *tavezæ, tabezæ* 'внимание, оказываемое гостю, привет', 'приветливый, ласковый'; и. *tavic id.* м. р.
 772. *taxun: taxt* 'снаряжать', 'снаряжаться', 'наряжать', 'наряжаться', ср. и. *fælyndyn, д. fælundun*.
 773. *tæbælængæ, tæppælængæ: fættæppælængæ'j* 'сразу, внезапно исчез, погиб, околел и т. п.'.
 774. *tækkuæ', zækkuæ'* 'обрывок, лоскут'; ср. д. *k'imbus*.
 775. *tæk'uzgæ* 'рябина'; и. *c'uj id.*
 776. *tælæn* 'стремление'.
 777. *tælin* 'увалень' (Сл.) (?); ср. *t'ulin*.
 778. *tælxæ* 'неудержимое, необузданное стремление' (?).
 779. *tælxær (= tælxæ?)*: *tælxær miutæ kænnij* «вызывающе себя держит».
 780. *tæmæg (meǰæ) (?)*.
 781. *tæmæs, tæmæstæ* 'чудо, чудеса', *tæmæssag, tæmæssægtæ id., destæ-tæmæstæ id.*, и. *dissægtæ 'mæ tæmæssægtæ id.* м. р.
 782. *tænǰazæ* 'нижняя часть живота, паховая область'; ср. и. *aǰdræbyntæ*.
 783. *tænuadolæ* 'висок'; и. *k'æmisen id.*
 784. *tæppælængæ*, см. *tæbælængæ*.
 785. *tæppæztæ sæǰdun* 'биться в агонии'; и. *gænǰæxtæ sæǰdyn id.*
 785^a. *tærenquæl* название детской игры.
 786. *tærfæ* 'глубокая и обширная впадина, низина, долина', и. *tærf id.* м. р.
 787. *tæux, taux* назв. медоносного растения (Сл.).
 787^a. *tæx, tax (?)* 'сильный', 'напряженный', и. *tæx* м. р.
 788. *tæxsalæ* назв. пушного зверя ('выдра?').

789. *tæxsun* 'жгуче болеть'; и. *tæxsyn* id. м. р.
 790. *tefseg* 'тарелка'; и. *tæbæg* id.
 791. *tegolæ kænnun* 'собирать в группу'; ср. и. *tyguyr kænnun* id.
 792. *teğxattæj* 'косо, боком, враждебно' (от *teğ* 'бок' и *xatun* 'поворачивать').
 793. *tergadi* 'внимание'; *tergadi kænnun* 'относиться со вниманием, держать в поле зрения, примечать, наблюдать'.
 794. *tiftirik'ua*, см. *æftirik'ua*.
 795. *tigok* 'невольный, вынужденный прыжок'.
 796. *tikis* 'кот, кошка'; и. *gædy* id.
 797. *tîlef kænnun* 'увеливать, уклоняться (от работы и т. п.)'; и. *tylif* м. р.
 798. *tillæg* 'хлеб' (в зерне); ср. и. *xor* id.
 799. *tingun* 'возбужденный'.
 799^a. *tins* 'обильный, богатый'.
 800. *tojmon* назв. (сказочной?) птицы (MSt).
 801. *tolaq* 'развод'.
 802. *tomar kænnun* 'рваться вперед'; ср. и. *læburyn, xi tonyn* id.
 803. *tonau* (от *tonun* 'рвать') 'вырванное, добыча'; ср. и. *tona* id.
 804. *tonx* 'среда', 'поприще'.
 805. *totæg uontæ* 'широкие лопатки' (?) (СОПам. II 161).
 806. *toxona* 'печная труба'; и. *toxna* м. р.
 807. *toxun: tuğd, tuxt* 'биться, бороться, сражаться', *tuğd* 'война'; и. *xæсун, xæst* (д. *xuæсун, xuæst*) id.; ср. и. *tuxæn* 'мучение, мука'.
 808. *tuac'æ* 'болотистое место, поросшее камышом'.
 809. *tubudt* 'гневный окрик, брань'; ср. и. *zagd, d. zust zurd* id.
 810. *tubulojnæ* 'круглая корзина для хранения муки'; ср. и. *tymbyl* 'круглый'.
 811. *tuguldor* 'галька (речная)', и. *dojnag dur* id.
 812. *tugur* 'потолок', 'чердак'; и. *car* id.
 813. *tuğd* 'война'; и. *xæst* id.; см. *toxun*.
 813^a. *tulavast* 'настойчивый', 'упрямый', 'склонный к ч.-н'. (Сл.).
 814. *tulfæ* 'пар', 'дыхание'; и. (*komy*) *tæf* id.
 815. *tunk'ur* 'выпуклый, полный (щека, грудь)'; ср. и. *tuppur, d. tuppur*.
 816. *turæj-turmæ: isturaj-turmæ 'nca* «сцепились».
 817. *turg* 'сердито, грозно'; ср. д. *zust, tubudt*, и. *mæsty, d. mæstgun*.
 818. *tusk'a* 'кабан'; и. *næl xny* id.
 819. *tussoj* 'лежебока, увалень'.

Т

820. *t'affæ* 'лист', *certit'affon* 'трилистник', 'клевер', *tauæg t'affæ* («кислый лист») 'щавель', *æxsi t'affæ* 'лоскут кожи на конце плетки'; и. *syf* id., д. *sifæ* 'древесный лист'.
 821. *t'asæ* 'разведка', 'разведанное, потайное место, известное только одному'.
 822. *t'æra, t'æriğos* 'очаг', *t'ærvingæ* 'столик у очага'; и. *k'ona, artzæst* id.
 822^a. *t'æu* 'выстрел' (Сл.).

823. *t'ifsun* 'чувствовать боль', 'хныкать'; ср. и. *t'izyn* 'хныкать'.
 823^a. *t'illiu* 'детская игра с ножиком' (Сл.).
 824. *t'ing* 'капля'; и. *certax* id.
 825. *t'ixxidt kænun* 'отмечать, замечать'.
 826. *t'ubin* 'тяжеловесный', 'громадина', 'увальень', ср. *tælin* (?).
 827. *t'wga: fæt't'wga'j* 'удрал' (= *fæc'c'uz æj*, см. *c'uz*).
 828. *t'ux: nit't'ux æj* 'растолстел, наелся'.

U

829. *uadses: megtæ uadsetæ badunœ* «тучи громоздятся к дождю».
 830. *uazevzæ* 'рифмованная речь, стихи', и. *ætzævgæ*, д. *ænzævgæ* id.
 831. *ualgos* 'сторона лица, щека'; ср. и. *rus*, д. *ros*, и. *uadul*, д. *uadolæ*.
 и. д. *æxsærfars*, д. *bæzdajnæ*.
 832. *uanæbærcæg* 'какой такой?' 'что за?', 'тем более', ср. *canæbærcæg* 'сколь? насколько?'; и. *uagær*, *uagæry* id., и. *uanæbærcæg* м. р.
 833. *uanik'iafsæ* 'череседельник'; и. *raǵgærz*, *raǵbædtæn*.
 834. *uagær* 'голос, шум голосов'; ср. и. *gær*, д. *ǵær* 'шум, крик'.
 835. *uasæ* 'норма, нормальное состояние' (?).
 836. *uasægi* 'наяву', см. *asægi*.
 837. *uasun: ust* (?) 'сообщать конфиденциально, наедине' (?), «*rausta'j*»
 «отвел его в сторону, чтобы что-то сказать».
 838. *uasxæ* 'клятва'; и. д. *ard* id., и. *somy*, д. *somi* id.
 839. *uaz* 'наставление, проповедь'.
 840. *uædæjti* 'давеча', *uædæjtiggon* 'давешний'; и. *ærdæbon* id.
 841. *uægæ kænun* 'уставать'; и. *fællajyn* id.
 842. *uægdvadug* 'в чувяках на босу ногу, без ноговиц'; и. *uægdʹfadug* id. м. р.
 843. *uældemonæj*, *uældemontæj* 'намеками, иносказательно, аллегорически';
 ср. д. *ædemonæj*, *fældemæn* (?).
 844. *uælzæn* 'поверхностный'; и. *uælængæj* id.
 845. *uæl.nzæ* 'крыша'; и. *uælæzær* id.
 846. *uælvidæntæ* 'слой жира между мясом и кожей'.
 847. *uæras* 'брага (густая)'; ср. и. *k'umæl*, д. *k'umal* 'брага жидкая',
 и. *maxsumæ*, д. *maxsumæ* id.
 848. *uærk'in* 'крыжовник'; и. *qalǵæn* id.
 849. *uæss* 'теленок'; и. *raeuæd* id.
 850. *uæzun*; *uæzt* 'опускаться под собственной тяжестью', *æruæztæj*, *raz-
 uæztæj* 'опустился вниз', 'подался вперед'; ср. и. *uæz*, д. *uæzæ* 'тяжесть'.
 851. *ububurr* 'удод'; д. *sajtankark* id. (?), и. *dygoppon*.
 852. *uzæl* 'отдаленный, неопределенный шум' (только о живых существах:
 'жужжание', 'щебетание' и т. п.); ср. д. *stuf*.
 853. *uzæ*, см. *jezæ*.
 854. *uʹsun* 'угощать кого за столом, оказывать особое внимание'.
 855. *uge* 'хороводный танец'; и. *simd*, д. *sind* id., *uge kænun* = *setun*.
 856. *uncæut* 'служанка'.

857. *uodænsun*: *uodænst* 'терпеть, выносить'; ср. д. *buxsun*, *bælsun*, *fælgazun*.
 858. *uodðær* 'подальше, подаль'.
 859. *uodun* 'стараться'; и. *udun* м. р.
 860. *uogæn*, *uogænæ*, *uogojnæ* 'скрытое место, где прячут запасы на зиму' (обычно о животных: мышах, белках, реже о людях).
 861. *uogulli* 'счастливый, удачный'; и. д. *xair* id.
 862. *uog* назв. медоносной травы (Сл.).
 863. *uormeg* 'богатое, парадное одеяние'.
 864. *uorsalist* 'с проседью'; и. *ursæccæ* id.
 865. *uotid* 'так себе, попусту', 'только'; ср. и. *uөгды*, *ærmæst*,
 866. *uozær kænun*, *uozærin* 'бесцельно бродить, гулять'; ср. д. *quælek kænun*.
 867. *uozgalun*: *uozgald* 'сурово, грозно посмотреть', 'пригрозить'.
 868. *urundug* 'кровать'; и. *syntæg*, д. *sintæg* id.
 869. *uruwsnæ*, *uoræxsnæ* 'праца'; и. *uæræxsæn* м. р.; и. *duræxsæn*, д. *dorælvæsnæ*, *c'eucælvæsnæ* id.
 870. *usdugmæ* (?).
 871. *uses* 'клевер' (Сл.); ср. д. *ærtit'affug* id.
 872. *usqæz* 'безбоязненный', 'вызывающий', 'грозный', 'суровый'; ср. д. *æzæstæz*, *zust*, *zæqær* (?).
 873. *utug* 'толпа', 'масса'.

X

874. *xabæ-sabæ* 'вздохмаченный'; и. *puхcyltæ* id.
 874^a. *xabur-cubur* 'пожитки'.
 874^b. *xaku* 'мастерская, где делают ободья для колес' (Сл.).
 875. *xalcengurtæ* 'травоядные' (?); Сл. — 'беспорядок'.
 876. *xallek* 'беспорядок, хаос'.
 877. *xalq*, *xaq* 'беспокойство, тревога'; ср. д. *xælqoj*.
 878. *xalxos* 'дрянь', 'свалка, беспорядок' (?).
 879. *xames* 'ограда из кольев'.
 880. *xandiraqæj* 'непродуманно, несогласованно, бестолково'.
 881. *xans* 'непроходимая заросль (травы, кустарника, леса)'; также название последнего весеннего месяца.
 881^a. *xanxul* 'стремнина, пороги на реке' (Сл.).
 882. *xaqu* 'густой дым'; ср. д. *quæssæ*, и. *fæzdæg* 'дым'.
 883. *xaraket* 'любвеобильный, добрый, щедрый'; ср. и. *ræðau* 'щедрый'.
 884. *xaræ*, *xaruæ* 'бездыханное тело, труп', 'развалина'.
 885. *xarsiuat* 'разлезлый, разбросанный'.
 886. *xaruæ*, см. *xaræ*.
 887. *xatun*: *xatt* 1. 'поворачивать, переворачивать'; и. *fældaxyn* id., 2. 'при-
 тупить', 3. 'возмещать (за обиду)' 'отплачивать', 'мстить'; и. *isyn*
 (*tug*, *mast*) id.
 887^a. *xauelli* 'бродяга', и. *xauyllæ* м. р.
 888. *xæbal-xubu* 'звукподр. 'шум реки, воды'.

889. *xæbæl* 'вялый, вислый, ненатянутый', в противоположность *ælvast, iting; xæbælgos* 'заяц' (на охотн. языке), букв. «вислоухий».
890. *xæbætze* 'раскорякой, расставив ноги'; и. *xæliu* id.
891. *xæburd* 'трещины в почве, появляющиеся при сильной жаре'.
892. *xædæterxæ* 'покрывало для покойника' (Сл.).
893. *xædzegun* 'одержимый'; и. *xæjræžžyn*, д. *sajtangun* id.
894. *xæfnotug* 'гнойник'; и. *xæfcest* id.
895. *xæk'olæ* 'горло'; и. *xurx*, д. *xorx* id.
896. *xælzæ* 'муть, помутнение (в глазу), катаракта', *boni xælzæ* 'туман'.
897. *xælgon (kujtæ)* (?).
898. *xælora* 'кишка'; и. д. *t'ang* id.; *xatgæ xælora* 'прямая кишка'.
899. *xælgæ* 'мусор', 'опилки'.
900. *xælgøj* 'беспокойство, сумятица, суматоха'; ср. *xalg*.
901. *xælzæ* 'сало, жир' (охотн. язык, Сл.).
902. *xærril* 'волдырь', *xærilajnæ* id. (?), и. *tæppal* id., и. *xæpyloj* м. р.
903. *xærrola* 'вздувшийся, приподнятый' (?), *xæppolti* 'по верху, возвышенно' = и. *uæleuæsty, bærzændty: fat xæppolti randæj* «пуля пролетела по верху (выше цели)».
904. *xæræ* 1. 'мгла, мрак', 'мрачный', 'печаль, тоска', *xærædzast* 'с мрачным, давящим взглядом'; *xæræteg* 'туман' = и. *c'æx miğ*.
905. *xæræ* 2. 'земляной обвал, завал'; ср. д. *ærxæ*, ср. и. *læsæn*.
906. *xæræ-uæræ* 'необдуманно, кое-как'.
907. *xærk'u* 1. 'кобылка в струнных инструментах' (Сл.).
908. *xærk'u* 2. *xærk'u læg* 'легко теряющийся, панически настроенный человек'.
909. *xærsæ* 'урок, задание, определенная часть работы'; ср. и. *xæs* 'долг'.
910. *xæszæfmæ, xæszæf* 'вслед за', и. *xædfæstæ* id.
- 910^a. *xætun* 'гнутьяся', 'притупляться', ср. *xatun*.
911. *xestær, xestærez* 'самолюбивый'.
912. *xegæ* 'печь в виде ямы для выпечки хлеба'.
913. *xeggon, xeggonð kærz'in* 'хлеб из поджаренных ячменных зерен', ср. *xegæ*.
914. *xera*, см. *k'era*.
915. *xevast* 'своенравный, самовольный'; ср. и. *xivænd* id.
- 915^a. *xexez* 'пришлый', 'переселенец'.
916. *xicæ* 'ревностное желание, ревность', *xicæ kænin* 'стремиться, сильно желать чего-либо' (= и. *bællyn*), *xicag* 'желанный, предмет желания' (= и. *bællicag*).
917. *xidæg* 'одинокий', *xidæg jeunæg* 'совершенно один' (ср. *qazax jeunæg*), см. *xidun*.
918. *xidun, xitun, xetun* 'одиноко торчать', 'одиноко пребывать'.
- 918^a. *xirinæ* 'качели', и. *xeræ*.
919. *xiriu, xiriu fiğ* 'безносый', *xirnoj* id.
920. *xizxast* 'решетка'; ср. и. *xuz*, д. *xizæ* 'сетка'.

921. *xoj* 'хищная птица', 'коршун' (?), 'ворон' (?).
 922. *xoturȝæ* 'хилый, слабый'.
 923. *xotxæ* 'оболочка, кожа', 'бренные останки' (противоположность *amæ*).
 924. *xwædexæz*, *xwædexorȝ* (*card*) 'привольная жизнь'.
 925. *xwæduxst* (*læg*) 'тот, кто любит сам во все вмешиваться'.
 926. *xwærgænasæ* 'огурец' (букв. съедобная тыква); и. *žit'ri* ие.
 927. *xwæzæstæj* 'пригоршнями'; и. *armyzaȝæj* id.
 928. *xwibinzæ* назв. насекомого (?), *fæxxwibinzæ'j* «удрал»; ср. и. *nyb-
bynz* is id.
 929. *xwulccag* (*kærzin*) 'хлеб из сырого ячменя' (в противоположность *xeggond*).
 930. *xwncæx*(?).
 931. *xwusk'adonæ* 'склад', 'место, где свалены вещи, орудия и пр., которые в данный момент не нужны'.
 932. *xwiztæ*, *xwiztæȝ* 'чаща, тенистое место, куда забирается скот в жаркую пору'.

Z

933. *zæbæn* 'высохшие экскременты', 'засохшая слизь в носу' (Сл.).
 933^a. *zæȝkuæł* 'лоскут', см. *tæȝkuæł*.
 934. *zæȝcændor* («говорящий камень») 'эхо', и. д. *azæld* id.
 935. *zældæ* 'дерн, молодая трава'; ср. и. *næu* id., д. *næu* 'целина'.
 936. *zænkæ* 'стебель', *monti zænkæ* = и. *tæntæȝ* назв. растения (лопух?).
 937. *zæna* 'плодовой сад', вообще 'место изобилия'; ср. и. *dyrȝdon*, д. *ræ-
zædonæ*.
 938. *zænk kænun* 'отсекать, отрезать'.
 939. *zæqær* 'дерзкий, смелый'; ср. *æzæstæxæz*; и. *uændon*.
 940. *zæran* 'убыток, ущерб'; и. д. *zian* id.
 941. *zætæ* 'овес'; и. *sysȝy* id. есть и д. *sisk'i*.
 942. *zæt'æra* 'кушанье из сыра и крошеного хлеба', *zæt'æragun* 'пирог с начинкой из сыра и трав' (?); ср. и. *sæxæraȝyn* id.
 943. *zȝelæ* 'хворост', *ȝædi sogti zȝelitæbæl fæxxattæn* «в лесу я ходил (собирая) хворост».
 944. *zȝod* 'колени, поворот дымохода в печи' (Сл.).
 945. *zȝod kænun*, *zȝodun* 'уходить, пробираться'.
 946. *zinnadæ kænun* 'лениться'; и. *zivæȝ kænun* id.
 947. *zira* 'тмин' (Сл.).
 948. *zobat kænun* 'окучивать', см. *gobat kænun*.
 949. *ziguł* 'продолговатой формы хлеб'.
 950. *zirk'i* 'на вид невзрачный, но хитрый, зловерный'.
 951. *zura* 'каменистый берег реки', 'галька'.
 952. *zurun* 'кружиться', 'нестись кружась'; ср. и. *zurin*, д. *zurinæ* 'токарный станок', а также д. *zurk'a*, *zurinæ kænun*.

953. *zust* 'сердитый, гневный, суровый'; ср. д. *turg*, *tubudt*, и. *mæsty*, д. *mæstgun*.
954. *zut'i* 'приспособление в виде усеченного рога к мельничному жолобу для усиления напора при малой воде'.

II. Дигорские слова,

различающиеся от иронских по форме, причем различия эти выходят за рамки обычных звуковых соответствий

А

1. *abæreg* 'абрек'; и. *abyræg* id.
2. *adtæn* 'я был'; и. *uydtæn* id. (см. § 61).
3. *afun*: *aft* 'догонять'; и. *æjjafun*, д. *æjiafun* id.
4. *aqæl* 'рассудок'; ср. и. д. *ænaqæl* 'безрассудный'.
5. *arazi* 'согласный'; и. *razy* id.
6. *ardæg* 'по эту сторону'; и. *acyrdygæj*, *acy fars* id., ср. д. *wordæg*.
7. *asozun* 'зажигать', на ряду с *sozun*, и. *suzun* («*isasozzænæj*» «зажжет» MD 1936, № 2. 36).
8. *ast'onæ* 'гнездо'; и. *axston* id.
9. *atæ* 1. 'эти'; и. *adon* (см. § 54).
10. *atæ* 2. 'так'; и. *aftæ*, д. *uotæ* id.; *atemæj* = и. *aftæmæj*, д. *uotemæj*.
11. *auæxæn* 'такой'; и. *axæm*, д. *uæxæn* id.
12. *axedun*: *axidd* 'умножаться'; и. *axadyn* id.
13. *axæssun*: *axast* 'ловить'; и. *axsyn*; ср. д. *nixæssun* = и. *nyxsyn* 'вязнуть' и д. *ræxæssyn* = и. *ræxsun* 'наживлять (нитками)', 'заплетать обувь *ærk'e*'.
14. *azgunst* 'постройка, помещение, здание'; и. *aǰuyst* id., от мало употр. *azgundun*, и. *aǰuyndyn* 'покрывать крышей'.

АЭ

15. *æ* 'его' (притяжат. местоим. 3-го л., см. § 56); и. *jæ* id.; ср. д. *æxuædæg*, и. *jæxædæg* 'он сам'.
16. *ædosæ* 'вчера ночью'; и. *dyson* id.; ср. д. *æzinæ*, *faræ* (см. § 86, 8).
17. *æzær* 'пустынный'; и. *æzæræg* id.
18. *æftudtag kænun* 'выкидывать плод (о животных)', и. *feftawyn* id., ср. и. в диг.: «*raftudta*» «выкинула».
19. *ægaiti* 'хорошо!' 'хорошо, что так!'; и. *ægajtma* id.
20. *æjjeun*: *æjjiud* 'менять'; и. *ivyn*, д. *jevun* id.
21. *æta*, *ta* 'и' (союз); и. *ætæ* id.
22. *æmbaun* 'гноить', каузатив от *æmbijun*, и. *æmbijyn*, в иронском не употребительный; ср. д. *salun*, *carun*.
23. *ætænæ*, *ætонæ* 'вот!'; и. д. *mænæ* id.
24. *ændegæj*, *ændekkæj* 'снаружи'; и. *ædte* id. (см. § 85, прим.), ср. *fæstekkæj*, *ærdikki*.

25. *ænduræ* 'лук' (оружие); и. *ærdyn* id., впрочем в д. есть и *ærdunæ*.
 26. *ængurfæj* 'толпой', 'скопом'; и. *ætnguylfæj* (ср. и. *guylf kænyn*).
 27. *ængurstaunæ*, *ængursteunæ*, *ængursteuæn* 'наперсток'; и. *ænguyrstuan* id.
 28. *ængæl kæsun* 'ждать'; и. *ængælmæ kæsun* id.
 29. *ænkæt* 'все', 'всё'; и. *æppæt* id.
 30. *ænoj* 'без'; и. д. *ænæ*; помимо различия формы следует отметить, что *ænoj* употребляется как послелог, в то время как *ænæ* — как предлог: *me'noj* 'без меня' = и. *ænæ mæn* id.
 31. *ængælca* 'надежда'; и. *ængælcau* id., д. *ængælzau ængælcau* id.
 32. *ængeræn* 'угроза'; и. *ærtqiræn* id.
 33. *ænsuær* 'брат'; и. *æfsymær* id.
 34. *ærdigi*, *ærdigki* 'со стороны'; и. *ærdygæj*, д. *ærdigæj* id.
 35. *ærdgæ*, *ærdkæ* 'веяние', 'утренний ветер'; ср. и. д. *irdgæ* id.
 36. *ærgau* 'стадо, табун'; и. *rægau* id.
 37. *ærræstæ* 'прямо, напрямик'; и. *æmrast* id.
 38. *ærtasun* 'выделять, отделять, различать, выяснять', *ærtasun* 'отделяться, расходиться'; и. *irtasyn*, *irtæsyn* id.
 39. *ærvong* (во второй части сложных слов) 'готовый к чему-либо', *kustærvong* 'готовый к работе'; и. *ævvong* id.
 40. *ærxotug* 'пепел'; и. *ærtxutæg*.
 41. *æsk'etun*, *sk'etun*: (*æ*)*sk'itt* 'приходить в сознание, очнуться' и. *č'icyn* (есть и *č'ityn*) id.
 42. *æsk'uælxun* (рядом с *æsk'uænxun*) 'отличаться'; и. *sguyxyn* id.
 43. *æsson* 'балкарец', 'балкарский'; и. *asiag* id.
 44. *ævæzi* 'видимо, очевидно, должно быть'; и. д. *ævæzzægæn* id.
 45. *ævgærdun*: *ævgarst* 'резать (животное)', 'закалывать'; и. *ærgævdyn* id.
 46. *ævgæzun*: *ævgæzt* 'полоскать'; и. *ængævzyn* id.
 47. *æxsæuk'æ* 'блоха'; и. *æxsænk'* id.
 48. *æxsižgæ* 'приятный'; и. *æxsyžgon*, д. *æxsižgon* id.
 49. *æxsilk'æ* 'щипок'; и. *ælxysk'* id.
 50. *æxsnun*: *æxsnad* 'мыть, стирать'; и. *æxsyn* id.; ср. дееприч. *æxsnæn-gæj* 'моя, стирая', и. *æxsgæjæ*.
 51. *æzdæx* 'оборот, поворот'; и. *æzdæxt*, *zyld* id.
 52. *æzina* 'вчера'; и. *znon*, *yznon* id.; ср. *ædosæ*.

В

53. *baceu* 'загадка'; и. *уyciu-уyciu* id.
 54. *bal* 'еще' в *næbal*, *tabal*; и. *ual* (*nal*, *maual*).
 55. *bægðaðond* 'поручка, поручительство'; и. *byğðuan*, *bægðuan* id.
 56. *bæk'uæl* 'копна (ячменя, пшеницы)'; и. *mæk'uyl* id., ср. *lasæg* (I 536).
 57. *bælaeu* 'голубь'; и. *bælon* id.
 58. *bæragæ* 'порученный кому-либо', 'находящийся в чьей-либо воле', и. *bar*, д. *baræ*; д. *mæ bæragæ* = и. *mæ bar* 'мне порученный'.
 59. *bærnæxst* 'ответственность'; и. *bærn* id.

60. *bæxzoræg*, см. *zorun* (III 63).
 61. *bec'o*, *bic'o* 'ус'; и. *boc'o* 'борода', ср. III 110
 62. *betinzun* 'расширяться'; ср. и. *tynzyn*, д. *itinzun* 'расстилать'.
 63. *bittir* 'летучая мышь'; и. *xælynbyttir* id.
 64. *buzux*, *buzix* 'бородавка'; и. *byzyč'i* id.
 65. *buræu* 'ограда, вал'; и. *byru* id.
 66. *buston(dær)* 'особенно'; ср. и. *bystæžy*, д. *bustægi* 'совершенно'; по значению д. *bustondær* близко к и. *uældajdær*.

C

67. *calængi*, *caldæn*, *caldængi*, *caldængæ* 'пока'; и. *calynmæ* id., ср. *ualdæn*.
 68. *carun* 'давать жизнь', 'благодетельствовать', каузатив от *særun* 'жить', в иронском употребительный только с превербом: *ærcarun*.
 69. *sævedtongæ* 'как будто', 'к примеру'; и. *sævidton* id.
 70. *cidær* 'что бы ни'; и. *cydæriddær* id., ср. д. *kadær*, *kuddær*.
 71. *sigæuagæ* 'нужда, потребность'; и. *quag* id., *cy quag* собств. 'какая нужда'.
 72. *sijes* 'имущество'; и. *is*, д. *jes* id. собств. 'какое имущество'.
 73. *suxcurnæ* 'жолоб'; и. *suxcyr*, *suxcyræg*, д. *suxcyr* id.

C'

74. *c'ilobi* 'рогожа'; и. *c'olobi* id., ср. и. *jeržen* id.

D

75. *dællæj* 'снизу'; и. *dæle*, *dælijæ*; ср. *uællæj*.
 76. *dættun* 'приручать, укрощать, воспитывать'; ср. и. *domyn* 'укрощать, требовать'.
 77. *dærgsæ*, *uærxsæ*, см. § 86.
 78. *degolæ*, *gegolæ* 'обыск'; и. *žigyl* id.
 79. *donug* 'жажда', 'жаждущий'; и. *dojny* id.
 80. *duntæggag* 'пола (платья, шубы)'; и. *duntæg*, *fæčči*, ср. I 260.
 81. *dunex* 'разделенный на части', *dunexkænin* 'делить на части'; и. *dix* id.

З

82. *zalgawinžæ* 'сковородка с ручкой'; и. *algac*, д. *algawinžæ* id.
 83. *žirgæg* 'нож плуга'; и. *žyrğa* id.
 84. *zorænzæg* 'словоохотливый'; ср. и. *žurag* id.
 85. *žugu*, *žigi* 'щекотка'; и. *qužy* id.
 86. *žugtora* 'вдребезги разбитый'; ср. и. *lystæg mur* id.

F

87. *fal* 'но'; и. *fælæ* id.
 88. *falænbula(j)* 'вокруг'; и. *alfæmbylaj* id.

89. *faræ* 'прошлый год'; *farikkon* 'прошлогодний'; и. *faron* id., ср. *fælværcæ* 'позапрошлый год' (I 313).
90. *fældajun*: *fældad* 'смачивать, увлажнять'; и. *udajun*, д. *uodajun* id.; и. *fældajun* м. р.
91. *fældesond* 'создание, творение'; и. *fældyst*, *ysfældyst* id. (от *fældisyn*, *fældesun* 'создавать').
92. *fæltaugi*, *fæltaugæn* (есть и *fæltau*) 'лучше пусть'; и. *fæltau* id.; ср. *cævedtonge*, *caldængæ*, *ualdængæ*, *nerængæ*, *nurongi*, *fudæncængi*.
93. *fændæ un* (сложный глагол) 'хотеть'; и. *fændyn* (простой глагол) id., см. § 74_{2b}.
94. *fændæmagæ* 'отвечающий желанию'; и *fændiag* id.
95. *fæsabærcæ* 'за седлом'; и. *fæsarc* id.
96. *fæstæ* 'ступка'; и. *fæxt* id.
97. *fæstekkæj* 'сзади'; и. *fæste*, *fæstijæ*; ср. д. *ændekkkæj*.
98. *fætæ* 'ширина'; и. *fætæn*.
99. *fest(æ)* 'пеший'; и. *fistæg*, д. *festæg* id.
100. *fæxsujun*: *fæxsud* 'изнашиваться, иссякать'; и. *iæxsijun* id.
101. *fedog* 'глашатай'; и. *fidiuæg*, д. 'fedewæg' id.
102. *fudiraj* 'злополучный, несчастный'; и. *æncæraj*, д. *æncæiraj*, id.
103. *funukt'iz* 'сидня, домосед'; и. *fænykquyz* id., букв. «ковыряющий золу».

G

104. *geten* 'холст, грубое полотно'; и. *çetæn* id.
105. *guajæn* 'дощечка (шит) над колесом арбы для предохранения груза от трения о колесо'; и. *guanum* id. (Сл.).

Ĝ

106. *ĝærmicund* 'горячая похлебка'; и. *qærmxwурр* id.
107. *ĝædgin* 'рана (открытая)'; *qædgom* id.
108. *ĝær* (не только имя сущ. 'крик', 'звук', 'голос', но и прилаг. и наречие) 'громкий', 'звучный', 'громко'; и. *qæraj* id., д. *ĝær nizzardta* = и. *qærcæj nuzzaryd* 'громко зашел'.
109. *ĝæuaj kænun* 'сторожить'; и. *qadqænum*, *qakkænun* id.
110. *ĝenc'un*, *ĝinc'un* 'печаль, горесть, беспокойство'; и. *qunc'um* id.
111. *ĝeuntæ kænun* 'шататься'; ср. и. *qædqiuutæ* 'распатанный' (Сл.).
112. *ĝigkag* 'злой' (обычно о собаке); и. *quqqag* id.

I

113. *idajun*: *idad* 'начинать'; в и. только с превербом: *bajdajun*, *rajdajun* 'начать'.
114. *idi* частица со значением «то бишь», «как его» = и. *jed*, *jæd* id.
115. *izast* 'ясный'; и. д. *rajdzast* id.

116. *iʒæġdun* 'рассыпать'; в и. обычно с превербами: *ajʒæġdun*, *rajʒæġdun*, *baʒæġdun*; ср. д. *iʒæxsun*, *ræʒæxsun* id.
117. *iʒestæ*, *uʒestæ* 'мера длины, расстояние между большим пальцем и мизинцем распростертой ладони'; и. *disny*, *nydisny* id.
118. *iġau* 'крупный', *iġaun* 'увеличивать'; ср. и. *jeġau* 'крупный' (есть и в д. *jeġau?*).
119. *ilæton* 'сказочный напиток'; и. *æluton*, д. *æluton* id.
120. *imæ* (энклит. местоим. 3-го л. в направ. падеже) 'к нему'; и. *æm*, *jæm* id. (см. § 52).
121. *iskurdiadæ* 'дарование'; ср. и. *kurdiat*.
122. *ison*, *raġison* 'завтра'; в и. есть и *som* 'завтра', но чаще *raġsom*, в южно-иронск. *raġsom*.
123. *ivændun*: *ivæst* 'мотать основу для тканья'; и. *nyvændun*, д. *nivændun* id.

J

124. *jemillag*, *jemillek* (*bæx*) порода коней (?), 'неук' (?); ср. и. *jemlykk* 'неук'.
125. *jerġæf* 'защита, оборона', *jerġæf kænim* (слож. глагол) 'защищать, оборонять', 'разнимать дерущихся'; ср. и. *ivġævyn* (простой глагол) 'разнимать', д. *jerġævyn*.
126. *jerun*: *ird* 'находить', 'рождать'; и. *aryn* id.
127. *jeudaġ*: *rajeudaġ æj* 'завязался, возник, начался'; и. *ajdaġ*: *bacajdaġ* is id.

K

128. *kadæ* 'кто бы ни'; и. *ëidæriddæ* id.; ср. д. *cidæ*, *kuddæ*.
129. *kædimaidima* 'авось'; и. *kæd æppyn* id., и. *kædymajdymæ* м. р.; ср. д. *æedmaidima*, *maididdæ*.
130. *kældæ* 'валежник'; и. *kældym* id.
131. *kærcæ* 'куча'; и. *kæri* id.
132. *kærdbaʒæ* 'ножны'; и. *kærdʒæm* id. ср. д. *kurdbaʒæ*.
133. *kencædta*, *kendta*, *kendtæ*, 'а не то' (союз); и. *kænnæucæd*, *kænnod* id.
134. *kiræ* 'сундук, гроб'; и. *ëyryn* id.
135. *kokojnæ* (*sinʒæ*) 'репейник'; и. *kakon* (*synʒ*) id.
136. *kucæj* 'откуда' = и. *kæscæj*; *kucun* 'отколенный' = и. *ëerdygon*; *nekucun* 'никудашный' = и. *niëerdygon*.
137. *kuddæ* 'как бы то ни'; и. *kuddæriddæ* id.; ср. д. *cidæ*, *kadæ*.
138. *kumæ* 'куда' = и. *kædæm*; *jeskumæ* 'куда-нибудь' = и. *iskuydæm*; *kumædæ* 'куда-то' = и. *kædæmdæ*.
139. *kurdbaʒæ* 'кузница'; и. *kuyrdaʒ* id.
140. *kutemæj* 'каким образом'; и. *kuyd æġdawæj* id.

К

141. *k'æbuci* 'щенок'; и. *k'æbys*, д. *k'æbis*, *k'æbus* id.
 142. *k'æzal*, *k'æzal-tæzal* 'кривой'; ср. и. д. *k'æz(æ)*, *k'æz(æ)-tæz(æ)* id.
 143. *k'ælos* 'согнутый, дугообразный'; ср. и. *k'ælæs* id.
 144. *k'elæ* (рядом с *sk'elæ*) 'пятка'; и. *sé'il* id.; ср. д. *k'elzo* 'полуобутый', *k'eltæg* id.
 145. *k'oxmærzæen* 'полотенце', 'платок'; и. *kælmærzæen* id.
 146. *k'ozo* 'гриб', 'мяч'; и. *zok'o* 'гриб'.
 147. *k'uduron* 'обрубок, чурбан, колода'; и. *k'uydyr* id.
 148. *k'umælxij* 'мертвый узел'; и. *kuurmælxync'* id.
 149. *k'uru* (рядом с *k'urta*) 'глухой'; и. *k'uyrta* id.

L

150. *læncæ* 'ложбина'; и. *lænk* id.
 151. *liġz* 'гладкий'; и. *læġz* id.
 152. *lilaġz* 'ящик (выдвижной)'; и. *laġz* id.
 153. *lišk'æf* 'замляника'; и. *ceryšk'æf* id., д. *sæġlišk'æf* 'клубника'.
 154. *list* в выражении *listkæscæ* 'внимательный взгляд'; ср. и. *lystæg*, д. *li-stæg* 'мелкий'; впрочем, и в и. в сложных словах говорят *lyst*.
 155. *lux* 'отрезанный', *lux kænnun* 'резать'; и. *lyg*, *lyg kænnun*; ср. д. *luxzæg* 'обрубок'.

M

156. *mængædtæ* 'ложь'; и. *mæng*, *mæng nyxæstæ*, *gædy nyxæstæ*.
 157. *mærdwazæ* 'поминки'; и. *mærdaz* id.
 158. *mærsintæ* 'носилки для покойника'; и. *mardy synt* id.
 159. *mæruæ* 'почва'; и. *mær* id.
 160. *mæstgun* 'разгневанный, огорченный'; и. *mæsty*.
 161. *mednimær* 'про себя'; ср. и. (*jæxi*) *nymær* id.
 162. *mik'il* 'копчик'; и. *mæqyl* id.
 163. *misi* 'дыня', и. *nesi* id.
 164. *molon: muld* 'выигрывать'; и. *æmbulyr*, д. *æmbolun* id.
 165. *mont*, *monti zænkæ* назв. растения, 'лопух съедобный' (Сл.), и. *mæntæg* id.
 165^a. *mutultæ* 'десны', и. *mylytæ*.

N

166. *næxsun*, *nixæssun* 'вязнуть'; и. *nyxsun* id.; ср. д. *xæssun*.
 167. *neræn* 'до сих пор'; и. *nyrmæ*, скорее к I отделу (I 611).
 168. *nikki(dær)* 'еще'; и. *nožy(dær)*.
 169. *nimæl* (рядом с *limæn*) 'друг, приятель', и. *lymæn* id.
 170. *niqolun* 'окупать', *niqulun* 'окупаться'; и. *nyġulyr*, *nyġulyr* id.
 171. *nyrmigkon* 'нынешний'; и. *nyrygkon* id.

Р

172. *rapisci* 'крупное, налитое зерно'; ср. и. *pumpusi* 'вздутый, пышный', *pusi*, *pisci* 'жареные зерна кукурузы'.
 173. *purf(aen)* (рядом с *purxaen*) 'разбросанный, разбрызганный', 'брызги'; и. *pyrx* id.
 174. *pursa*, *purusa* 'крапива'; и. *pussyra* id.

Р'

175. *p'ura* 'гнилое, дуплистое дерево'; ср. и. *mæra* 'дупло'.

Q

176. *qauræ*, *qaræ*, *qaruæ* 'способности, энергия'; и. *qaru* id.
 176^a. *qæborisæg* 'опыт' (Сл.), и. *qæppærisæg* 'инициатива'.
 177. *qændelæg* 'жук'; и. *qændi* id.
 178. *qæstarǵ* 'наковальня'; и. *qæstaræg* id.
 179. *qedzau* 'висящий и болтающийся'; ср. и. *qellau kænyu* 'болтаться'.
 180. *quælæg* 'тухлый'; и. *læqqug* id.
 181. *qulf kænyu* 'литься через край' (?), 'повалить всей массой, толпой'; и. *quylf kænyu* id., ср. д. *aengurfæj*.

R

182. *raucæg-raucenti*, *raucæncæg-rauti* 'местами, кое-где'; и. *ranæjrcættu* id.
 183. *rædazun* 'давать течь, лить', *rædæguzun* 'течь, капать'; и. д. *tazun*, *tazun*, и. д. *tæguzun*, *tæguzun* id.
 184. *ræsazun* 'садить, посадить', также 'направлять'; и. д. *sazun*, *sažun* 'садить, втыкать'.
 185. *ræsteucæg* 'правда, справедливость'; ср. и. д. *ræstžinad(æ)* id.
 185^a. *ræxæssun* 'наживлять', 'плеть подошву *ærk'e* (горской обуви)'; и. *ræxsyn*; ср. *axæssun*.

S

187. *salaur* 'куница', и. *sælavyr*.
 187^a. *salun* 'замораживать', каузатив от *sælun* 'мерзнуть', в иронском неупотребительный; ср. *æmbaun*, *carun*.
 188. *sagalarǵi*, *saquarali* 'плетень особого вида (с вертикально стоящими прутьями)'; и. *sagari* id.
 189. *sarsenæ* 'сито'; и. *sasir* id.
 190. *saumælǵæ* 'скворец'; и. *sau c'iu* id.
 191. *sæge*, *sæges* 'грубая шерсть'; и. *sæqqis*; ср. *sæqun* I 723.
 192. *særgǵæ*, *særgǵi* 'над', 'возле', 'во главе'; и. *særgǵu*, прежде м. р., теперь вошло в литератур. язык; д. *uælsærgǵæ* 'возле' = и. *uælgus*.
 193. *sæumtæ* 'утро' = и. *sæumtæ rajson*; *saumon* 'утренний' = и. *sæuimon*; *sæumigon* 'утром'.

194. *sinxon* 'сосед'; и. *syxag* id.
 195. *sugon* в *sædsugon* 'сторогий' (СОПам. II 135); и. *sion*, *sædsion* id. от *sy* | *siuæ* 'пог'.

Т

196. *tajuag* образовано от и. д. *tau* 'молодая поросль травы', в и. *tajuag* не засвид.
 196^a. *tatuk* назв. с'едобного растения, и. *mætatyk*.
 197. *taxinon* 'колбаса'; и. *taxynæg* id.
 198. *tæfalæ* 'ресница'; ср. и. *uœl-t'yfal* 'веко'; ср. и. *cæsty xau* 'ресница'.
 198^a. *tærna* 'мальчик', и. *tæryn* м. р.
 199. *tærnix* 'лоб'; и. *nyx* id.
 200. *tætun* (в некоторых дигорских говорах вм. *dædtun*) 'давать'; и. *dæd-tyn* id., д. *tæton* 'щедрый'.
 200^a. *tubulon* 'круглый'; *tubuloinə* 'круглая корзина', ср. *tymbyl* | *tumbul* 'круглый'.
 201. *tuxast*, *tuxuast* 'сильный', 'сильно'; и. *tuxžyn*, *tyng* id.
 201^a. *tuxæn* (последлог) 'ради, для'; и. *tyxxæj*.
 202. *tuzmun* 'спешить'; и. *tyngyn* id.

Т'

203. *t'atxi*, *t'adxi* 'кушетка, тахта'; и. *t'axti*, *t'axtin* id.

У

204. *ualdæn*, *ualdængæ* 'до, до тех пор'; и. *ualyntæ*, *uonng* id.; ср. *caldæn*.
 205. *uarunzæg* 'дождик'; ср. и. *uarun*, д. *uarun* 'дождь'.
 206. *uarungar* 'погода к дождю'; и. *uarunxuyz* id.
 207. *uædmaidima* 'тогда, в таком случае'; и. *uæd ta*; ср. *kædimaidima*.
 208. *uællæg* 'сверху'; и. *uæle*, *uælija* id.; ср. *dællæg*.
 209. *uælvicgæ* 'пирог с сыром', 'ватрушка'; и. *uælvyx* id.
 210. *uær* 'барашек', мн. ч. *uælitæ*; и. *uærykk*, *uæryčytæ* id.; ср. и. *uælygæs*, *ualzarm*, *uærguyn*.
 211. *uærdun* 'арба'; и. *uærdon* id.
 212. *uætdonug* 'прикованный к постели, тяжело больной'; и. *uaton* (*rynčyn*) id.
 213. *uæxæn*, *amæxæn* 'такой'; и. *axæm* id.
 214. *udarnæ* 'чурбак'; и. *uydarm* id.
 215. *uæzdon* 'благородный', 'высшего сословия'; и. *uæzdan*.
 216. *windtug*, *indtug* 'видный', от *wipun*, *jinun* (и. *uynun*) 'видеть'; по значению ср. и. *z yngæ*.
 217. *uogæ* 'будучи' (от *un*); и. *uævgæjæ*.
 218. *uoni*, *uonæn* и т. д., 'их', 'им' и т. д. и *udon*, *udonæn* и т. д. (см. § 51).
 219. *uordæg* 'по ту сторону'; и. *uocy'rdygæj*, *uocy fars* id., ср. *ardæg*.
 220. *uotar* 'кутан'; и. *uæter* id.

221. *uotæ* 'так'; н. *aftæ* id.; ср. д. *atæ*.
 222. *wruæ* 'широкий'; н. *wærcæx* id.
 223. *usqæ* 'плечо'; н. *wææsk* id.
 224. *usqumtæ* 'навыворот'; н. *zūgūymtæ* id.

X

225. *xalæftaucæ* 'жеребьевка, кидание жребия'; н. *xal æpparyn* id.; см. III 9.
 226. *xard* 'обидный'; н. *xarʒ* id. (*xarʒ æm ærkasti* «стало обидно».)
 227. *xæ'aur* 'паук'; н. *xæluaræj* id.
 228. *xælbinc'itæ kænyn* 'непокойно стоять', 'шевелиться', 'извиваться в су-
 дорогах', 'прыгать ногами'; н. *xælbuc' kænyn* id.
 229. *xalfincæj* (рядом с *sælfincæj*) 'снежная крупа'; н. *sælfyncæj* id.
 230. *xærncæj* 'отрепье, лохмотья'; н. *xærræj* id.
 231. *xærsæn* 'вьючное животное'; н. *xæssæn* евфемистически 'осел'.
 232. *xærsun*: *xarst* 'воспитывать'; н. *xæssyn* id.
 233. *xæsnæ* 'парь'; н. *xæsnag* id.
 234. *xæssun*, *nixæssun*, *næxsun* 'вязнуть'; н. *nyxsyn* id.
 235. *xæbæragæ* 'наедине'; н. *xibar(æj)* id.
 236. *xæcivons* '(частная) собственность'; н. *xi fos* (?).
 237. *xesnag*, *xestag* 'доля старшего, что причитается старшему'; н. *xis-
 tæjrag* id.
 238. *xæznæ* 'пастбище'; н. *xizæn*, д. *xæznæ* id.
 239. *xodæzmoltæ* 'улыбка'; н. *xidyzmæl*.
 240. *xuarun* 'красить'; н. *axoryn* id.
 241. *xuasgærce* 'сенокос'; н. *xosgærst* id.
 242. *xuasijnæ* 'лекарство'; н. *xos*, д. *xuasæ* id.
 243. *xuæræ* 'сестра'; н. *xo* id.
 244. *xussigælzjutæj* 'спросонок'; н. *xuyssæggælzæjæj* id.

Z

245. *zajncæ* (?)
 246. *zak'æ*, *zek'æ* 'подбородок', 'борода'; и *zæc'æ* 'борода', *roc'o* 'подбородок'.
 248. *zar* 'песня'; н. *zaræj* id.
 248. *zæjnæ* 'потомство', 'поколение'; н. *zæjc* (д. *zæjcsæ* м. р.).

III. Дигорские слова,

различающиеся от иронских по употреблению
 (семантике)¹

A

1. *amæntæn* 'корыто для теста' (и. *aryng* id.), образование, понятное и иронцу (от глагола *amæntyng* 'заквашивать'), но неупотребительное в этом значении.

¹ Дигорские значения, расходящиеся с иронскими, напечатаны разрядкой.

2. *arġaun*; *arġud* 'читать', 'справлять службу'; и. *arġaunyn* 'справлять службу', *kæsyn*, *færsyn*, *nytaġyn* 'читать'.
3. *ark'au* 'металлическая ложка, в которой плавился свинец для пуль'; и. *ark'au* 'клещи', ср. д. *arġævnæ* 'клещи'.
4. *asast*, *asæst* 'хриплый'; ср. д. *qurasast*, *ġærasast* id., ср. и. *fæsus* id., и. д. *sast*, *asast* 'сломанный'.
5. *astæugaunæ* 'грудобрюшная преграда (собств. «промежуточный плетень»).
6. *azælyn* 'давать отзвук', 'содрогаться, трепетать'; и. *azælyn* 'давать отзвук'.

AЭ

7. *æd* (предлог) 'с', употребляется в д. часто вместо союзного падежа, см. § 90.
8. *æfsærun*: *æfsarst*, *æfsard* 'прессовать', 'наступить ногой, шагнуть', *æfsarst* 'шаг'; и. *æfsæryn* 'напирать', 'прессовать'.
9. *æftaun*: *æftud* 'бросать', 'прибавлять'; и. *æftaunyn* 'прибавлять' (ср. и. *æpparun*, д. *ġælzun* 'бросать'); д. *xalæftaunæ* 'бросание жребия'.
10. *æftuġyn* 'заходить (о солнце)'; и. *æftyn* 'прибавляться' (ср. и. *nyġuylun*, д. *nigulun* 'заходить').
11. *æj* энклит. местоим. 3-го л., в диг. употребляется не только для род. падежа, но и для местн. внутр. и отложительн. в соответствие пронскому *zy* (но есть и диг. *zi*), ср. *si* (§ 52).
12. *ælvæsun*: *ælvæst*, *ælvast* 'выскакивать', 'неожиданно появляться' «*fælvæstæj*» 'появился', и. *ælvæsyn* 'выскакивать', 'вывихнуться'; ср. и. *feværyn* 'появиться', д. *centæsun* id.
13. *ændæc* 'другой', 'кроме', «*uonæj ændæc*» «кроме них»; и. *ændæc* 'другой'; ср. и. *ædtæmæ* 'кроме'.
14. *ængæc*, *ængast*, 'взгляд, присмотр', *ængæc darun* 'присматривать'; и. *ængæc* 'похожий'; ср. и. *cæst darun* 'присматривать'.
15. *ænk'arun* 'становиться пасмурным'; и. *ænk'arun* 'чувствовать'.
16. *ænod*, *inod* 'душный', 'сильно привязанный'; и. *ænud* 'душный'; ср. д. *ænguæt* 'душный'.
17. *ænosi* 'постоянно'; и. *ænusu* 'в вечности' (м. р.), ср. и. *æzux* 'постоянно'; ср. д. *sauængæ* id.
18. *ænsuvcæc* 'единоутробный', 'брат', *ænsuvcæc xwærcæ* 'родная сестра'; и. *æfsumæc* 'брат', и. *æfsymæc* *xo* мало употр.; ср. ниже *ærvadæ*.
19. *centaun*: *centud* 'заквашивать сусло (для араки, пива)', 'собирать сено', 'разводить (кур, свиней и пр.)'; и. *centaunyn* 'заквашивать'; и. *yssivyn* 'собирать сено'.
20. *centæsun*: *centæst* 'удаваться', 'появляться, происходить'; и. *centusyn* 'удаваться'.
21. *ænxwærsun* 'двигать', 'нанимать'; и. *æxxwærsyn* 'толкать', 'нанимать'.

22. *ærgævun*: *ærgævd* 'попадать в цель', 'схватить', *fergævun* 'попасть в цель'; и. *ærgævyn* 'взводить курок', 'подсадить'; ср. д. *ærgivun* 'подымать'; ср. и. *æfkaenyn* 'попадать в цель'.
23. *ærgivyn*: *ærgivud* 'подымать', «*gostæ bargivta*» «поднял уши»; ср. и. *ærgævyn* 'взводить курок', 'подсадить' (см. предыд. слово).
24. *ærvadæ* 'брат', 'родич'; и. *ærvad* 'родич'; ср. выше *ænsuvær*.
25. *ærxæ* 'земляные завалы', 'лавины после ливней', 'образующиеся при этом балки, лощины'; и. *ærx* 'балка, лощина'; ср. д. *xæræ* (I 905).
26. *æstæn* 'редкий, редкостный, необыкновенный', *æstænne* 'изредка', и. *æstem* 'редкий'; ср. и. *xattæj-xatt* 'изредка', ср. д. *jefstagnæ*.
27. *ætdor* (из *ært-dor* 'огонь-камень') 'кремень', образование, понятное и иронцу, но неупотребительное; ср. и. *sxon* 'кремень' (I 92)
28. *æværun*: *ævard* 'класть', 'давать'; и. *fevære min* 'дай мне', *ravardta* 'дал'; и. *æværyn* 'класть', *aværyn* 'дать, одолжить'.
29. *ævdogun*: *avduzt* 'натягивать, давить, пригнетать к земле, притеснять' (=и. *ælgivyn*, *ælvasyn*, д. *ælgævun*, *ælvasun*), *ævduzt* 'угнетенный', *ævduztæj* 'в угнетении'; и. *ævduzgun* 'задвигать задвижку' (это значение есть и в диг.).
30. *ævgærdæn* 'шея', от *ævgærdun* 'резать', образование, понятное в иронском, но не употребит., ср. и. *bærzæj* 'шея'.
31. *ævgærdun (nad)* перерезать (путь).
32. *ævzaræ* 'отборный', *ragævzaræj* 'на выбор'; ср. и. *ævzarun*, д. *ævzarun* 'выбирать, отбирать'.
33. *æxsinæntæ* 'железный гребень для расчесывания шерсти', от *æxsinun* (и. *æxsynun*) 'чесать шерсть', образование, понятное и иронцу, но неупотребит., ср. и. *piræn*.
34. *æxsirfæftaæn* 'вилы' (?), ср. и. *æxsyrf* 'серп' и *æftaun* 'прибавлять'.
35. *æzdoxun*: *æzduxt* 'скручивать', 'двигать', «*ærbazduxta*» «придвинул»; и. *æzduxun* 'скручивать'.

В

36. *badæn* 'сидение', 'место', «*gocitæn jes badæntæ*» (SD 292) «для коров есть места (стойла)»; и. *badæn* 'сиденье'.
37. *baræuazæ* 'отборный', 'лучше не надо'; и. *bar* и *uazun*, собств. 'давать право (выбора)'.
38. *bærzæ* 'бугор', *mulzigbærzæ* 'муравьиная куча'; ср. и. д. *bærzond* 'высокий', 'высота'.
39. *bek'æ* 'вершина'; и. *bik* 'пупок'; ср. д. *naffæ* 'пупок'; ср. и. *c'urr*, д. *c'opp*, д. *c'ong* 'вершина'.
40. *bor xiur*, см. *xiur*.
41. *bijnag (bijnæ, bijnag)* 'нижний', 'войлок'; и. *binag* 'нижний'; ср. и. *nytæt* 'войлок', 'бурка', д. *nimtæt* только 'бурка'.

42. *bundor* 'основной камень', 'домовой'; и. *byndur* 'основной камень дома'; ср. н. *bynatyxisau* 'домовой'.
 42^a. *bunʒud* 'карлик' = и. *dælcetæʒud*.

С

43. *caǵd*, = *ʒaǵd* в сложн. словах: *cærtæxcaǵd* 'весь мокрый', *xalasʒaǵd* 'покрытый инеем', *læk'ærdcaǵd* 'весь в грязи', *borcaǵd* 'весь желтый'; образования, мыслимые и в и. (ср. и. «*ssady jæxi scaǵta*» «вымазался мукой»), но неупотребительные.
 44. *caǵd* 'изгородь'; и. *caǵd* 'наваленная куча чего-либо'.
 45. *carun*, см. II 68.
 46. *caucæn* 'охота', а также в сложн. словах — 'рыбная ловля' (*kæ-salgʒaucæn*), 'сбор плодов' (*æxsærʒaucæn* 'сбор орехов') и т.п.; и. *cuæn* 'охота'.
 47. *cæfsun*: *cæfst* 'гореть'; и. *cæfsyn* 'прилипать', *suʒyn* 'гореть'.
 48. *cætæ* 'к чему', 'зачем'; и. *cætæ* 'к чему', *cætæn* 'зачем'.
 49. *cæucæt* 'потомство, приплод, процент'; и. *cæucæt* 'потомство'.
 50. *cidæc* 'что бы ни', и. *cydæc* 'что-то', *cydæciddæc* 'что бы ни' (см. II 70).
 51. *ciǵæuiagæ* 'нужда, потребность' (см. II 71).
 52. *ciʒes* 'имущество'; и. *cy is* собств. 'что есть' (см. II 72).
 53. *cirt* 'могила'; и. *cyrt* 'надгробный камень', 'памятник'; ср. и. *ingæn* 'могила'.
 54. *cox kænin*, *cox un* 'исключать(ся)', 'уменьшаться', 'удалять(ся)'; и. *sux kæuin*, *un* 'исключать(ся)' и пр.
 55. *culuq* 'сапог', 'кожаный сосуд' (СОПам. II 31) (?); и. *cyruq* 'сапог'.
 56. *cuta* 'будто', 'разве'; и. *cута* 'будто', *cутæ* 'разве'.

С'

57. *c'asæ* 'отверстие' (всякое); и. *c'ass* преимущественно 'нора'; ср. и. *xuynk* 'отверстие'; ср. д. *finʒi c'asæ* = и. *funʒy xuynk* 'ноздря'.
 58. *c'opp* 'вершина, верхушка', 'клок', 'шерсть'; и. *c'urr* 'вершина', в некоторых говорах также 'клок', *k'ymbil* 'шерсть'.

D

59. *dærk'æ* 'козленок', и. *dærk* 'годовалая коза', 'телка', и. *sænykk* 'козленок'.
 59^a. *douuærcsæ* 'кулик' собств. «водяная перепелка»; и. *donyarc id*.
 60. *duʒi ǵær* (= *ʒæǵæn dor*) 'эхо'; ср. н. *duʒy* в *duʒy ruws*, *duʒy xur*, собств. «вторичный (звук, свет и пр.)»

Э

61. *zærna, zærna* 'пкра'; и. *zærna* 'каша из вареных зерен пшеницы, кукурузы', 'коливо'; ср. и. *jæmgæf* 'пкра'.
 62. *zæxæra* 'огород', 'сад'; и. *sæxæra* 'свекла', *sæxæradon* 'огород', ср. д. *k'umbul* 'свекла'; есть и в диг. *zæxæradon* 'огород'.
 62^a. *zilik'u* дикий корнеплод (кервель? земляная груша?); ср. по значению и. *xuysk'æl* 'кервель', а материально и. *zulak'uy* 'мелкий лук'.
 63. *zorun* 'говорить', 'понукаать, погонять', *bæxzoræg* (=и. *bæxtæræg*) 'погонщик лошадей'; и. *zuryn* 'говорить'.
 64. *zugur* 'зернистый', 'покрытый пупырышками'; ср. и. *zuy-guyræj* 'кучей' (значение, знакомое и дигорскому).

F

65. *fadun* 1. 'колоть', 'рассекать (напр. воду)', 'разбить', *doni bafasta* (=и. *dony balægærsta*) 'прошел в брод по реке', *sog fadun* (=и. *sug sædtyn*) 'рубить дрова'; и. *fadyn* 'колоть'.
 66. *fadun* 2. 'покрываться сышью', 'распускаться (про цветок)'; и. *fadyn* 'покрываться сышью'.
 67. *fat* 'стрела', 'пуля'; и. *fat* 'стрела'; ср. и. *næmug* 'зерно', 'пуля' = д. *næmug* 'зерно'.
 68. *fædgæ* 'установленный порядок', 'должное', 'дань'; и. *fædg, fætk* 'установленный порядок, должное'; ср. и. д. *qalon* 'дань'.
 69. *fæltau* (послелог) 'вместо', «*וני faltau æz ramælon*», «вместо них пусть я погибну»; и. *fæltau* (наречие) 'лучше пусть' (ср., однако, и. *særvæltau* 'вместо головы'); ср. и. *bæsty*, д. *bæsti* 'вместо'.
 70. *fælxætun* 'менять', *fælxætun* 'меняться'; в ир. м. р.
 71. *fændon* (имя сущ.) 'желание', (наречие) 'вволю' «*æ fændon fækkafsta*» «он наплясался вволю» (=и. «*je fag*»); и. *fændon* 'желание'.
 72. *finzi* 'вперед' (букв. «в носу»); ср. и. д. *razæj* 'вперед'.

G

73. *gogura* 'б о л в а н', также о животных: «большой, но глупый»; ср. южно-ир. *gogra* 'тыква' (с груз.).

Ğ

74. *ğæsyn* 'удобрять', 'приправлять', 'отделывать, украшать', 'отбивать (косу)', 'насекать (жернов)', 'точить'; и. *qæsyn, qæsyn* 'удобрять', 'приправлять'.
 75. *ğolgun* 'бёрцовая кость', 'ляжка' от *ğolæ* 'альчик'; ср. и. *sguy id.*, и. *qulžyn* возможно, но не употребит.
 76. *ğotpal* в «*bağotpal aǰ*» «повадился», и. *qotpal* 'сумятица'; ср. и. *baftuydi, sağuydi* «повадился».

77. *ġos* 1. 'тишина, молчание', 'безмолвный' (и. *sabyr*); и. только в слож. глаголе, ср. *nyqqus i* «он умолк».
78. *ġos* 2. 'пчелиный сот'; ср. и. *fæġġær*, *mydy ġus id*.
79. *ġut kænnin* 'думать', 'ухаживать', 'присматривать', 'свежевать', 'убирать' (ср. и. *koj kænnyn*, *zilyn*, *æfsnajyn*); д. *ġudġænoeg* 'слуга'; и. *ġwydy kænnyn* 'думать'.

I

80. *insun*: *insad* 'молоть', 'точить'; и. *yssyn* 'молоть'; значение 'точить' также встречается, но реже, ср. и. *ysson* (д. *insojnæ*) 'точильный камень'; ср. и. *сурġ kænnyn* 'точить'.
81. *irajyn* 'кипеть', 'радоваться' (редко); и. *raġyn* 'радоваться'; ср. и. *fyсyn* 'кипеть'; ср. д. *izulyn* 'радоваться'.
82. *isust* (прош. прич. от *isusun*) 'недостача', 'мало'; и. *sust* 'иссякший'.
83. *iændæg* 'бодрый', 'ловкий'; *uændag* 'смелый'.

J

84. *jeu* 'один', 'скорей' (? Gurdž. Saxi ræs. 22: «*jeu festæ!*» «скорей встань!»); и. *iū* 'один'.
85. *jevħæssun* 'переправлять', 'выручать'; и. *ifħærsyn* 'развлекать', 'переправлять'.

K

86. *karz* 'крепкий (о напитках)', 'строгий, суровый, жестокий', а также — 'крутой' (*kærzaxard* «крутой подъем»); и. *karz* 'крепкий' и. пр.
87. *keun*: *kiud* 'пошатнуться', 'отходить в сторону, отклоняться'; и. *ġiuyyn* 'шататься', 'спотыкаться'.
88. *kinzæ* 'остов хвоста' (Сл.); есть ли связь с и. *ġynz*, д. *kinzæ* 'кукла'?
89. *komæġ* 'говорящий', *fækkomæġ imæ'j* «он заговорил с ним»; ср. и. д. *kom* 'рот', и. *ægotuyġ* 'немой'.
90. *kumæġ* 'мало' (употребляется часто вместо и. *ġysyl*, *с'us*, д. *mink'i* 'мало'); и. *kiuytæġ kænnyn* 'уменьшаться, сходиться на-нет'.

K'

91. *k'agð* 'яма'; и. *k'axt* прош. прич. от *k'axyn* 'копать'; в значении 'яма', обычно и. *uærm*.
92. *k'ala* 'жесть'; и. *k'ala* 'олово'; ср. д. *zæxi* 'олово'.
93. *k'æbut*, *k'æbot* 'морда', 'клюв' (=и. *byrynk'*); и. *k'æbut* 'затылок'; ср. д. *mæk'ur* 'затылок'; ср. д. *k'ambodtæ*, *k'embur* 'морда' (I 574).
94. *k'insæ* 'тесто'; и. *ġ'yssæ* 'детские поделки из теста'; ср. и. *xyssæ* 'тесто'.
95. *k'oli sær* 'главный угол в *xæzar'e*'; и. *k'uly sær* (?).

L

96. *lasun* 'возить' и пр., а также 'скисать' *æxsir balasta* 'молоко скисло'; и. *lasyn* 'возить' и пр., и. *æxsyr bacaxsti* «молоко скисло».

M

97. *madæltæ* 'общинные пастбищные земли' (собств. 'матери').

N

98. *najun* 'итти в брод', 'плыть (про судно)'; и. *najyn* 'купать', *xi najyn* 'купаться'; ср. д. *ærtajun* 'купаться'.
- 98^a. *næ* 'ведь' (и. *kuu*) (ДСк. 32, 140), обычно *næ* 'не'.
99. *næu* 'поле, оставшееся под паром, невспаханное'; и. *zæræston* id.; и. *næu* 'дерн' = д. *zælda*.
100. *nindæ* 'щепетильность', 'боязнь', «*nindæ kænuj*» «не осмеливается», «остерегается»; и. *nynd* 'почтительность', 'щепетильность' (?).
101. *nivæ* 'счастье'; и. *nyv* 'картина'; ср. и. д. *amond*, д. *fes* 'счастье', д. *nivesinæ* 'картина' (?).

Q

102. *qabaġ* 'мишень', 'деревня' (СОПам. II 58); и. *qabaqq* 'мишень'.
- 102^a. *qalon* 'ланы', 'доля' «*skodton mæxe æ qalon*» (и. «... *jæ xaj*») (Gurdž. Uadž. 24.).
103. *qazaġ* 'казак', '(совершенно) одинокий'; и. *qazaqq* 'казак'.
104. *qorraq* 'альпийская лилия'; 'пузырь на воде, мыльный пузырь'; и. *qorraq* 'альпийская лилия'.
105. *qur* 'горло', 'голос', *quræst* 'хриплый'; и. *quyr* 'горло'; ср. и. *qæ-læs*, д. *ġæ!æs* 'голос'.
106. *qurta* 'беспокойство, горе'; ср. и. *quyrta kænyu* 'доходить, доводить до крайности'.

R

107. *ræuagæ* 'предлог, повод'; и. (послелог) *ruaġu* 'ради'; ср. д. *ræuonæ* 'предлог'; ср. и. *æfson* 'предлог'.
108. *rævzæ* 'снаряженный', 'снаряжение', 'одежда', 'отделка'; и. *rævz* 'снаряженный'.
109. *revæd* 'пустой'; и. *rivad* 'незанятый, порожний'; ср. и. *aftid* 'пустой'.
110. *rexæ* 'борода'; и. *rixæ* 'ус'; ср. д. *bes'o*, *roc'o* 'ус', и. *boc'o*, *zæ'e* 'борода'.
111. *roc'o* 'ус', и. *roc'o* 'подбородок'; ср. д. *zek'æ*, *zak'æ* 'подбородок', д. *bes'o* 'ус'.
112. *rozingæ* 'культовой хлеб' (?) (СОПам. II 122, 123); и. *ruzyng* 'окно'; ср. д. *k'ærazgæ* 'окно'.

S

113. *saġadaq* 'лук (оружие)'; и. *saġadaq* 'колчан' (?), ср. и. *ærdyn*, д. *ærdunæ*, *ænduræ* 'лук'.
114. *sawængæ* 'всегда' (= и. *iudazyg*); *allisawængæ* id.; и. *suang* 'вплоть до'; ср. д. *ænosi* 'всегда', и. *æziu* 'всегда'.
115. *sæjgæ* (от *sæjun* 'болеть') 'больной'; и. *sæjgæ* id., но обычно — *rynčyn* 'больной'; д. *sæjgædonæ* = и. *rynčyndon* 'больница'.
116. *si* энклит. местоим. 3-го л. мн. ч. формально отвечает и. *sæ*, но употребляется вместо и. *zy* энклит. местоим. 3-го л. ед. ч., ср. выше *æj*.
117. *sos*, *sosæj* = и. *susæg*, *susægæj* 'тайный', 'тайно', а также в диг. — 'молча'; ср. и. *sus* 'молчи'.
118. *stun*, *istun* 'вставать', 'стоять', *dæ razi istæntæ* = и. *dæ razy læwænt*; «пусть стоят перед тобой»; д. *bastadæj* = и. *balæwud*, и. *styn* 'вставать', *læwun* 'стоять'.
119. *sug* 'слеза', 'капля', 'струя'; и. *cæsty sug* 'слеза'.

T

120. *tuppur* 'холм', 'курган'; и. *typpur* 'выпуклый, вздутый', 'холм'; ср. и. (*u*)*obau* 'курган', д. (*u*)*obaj* 'склеп', и. *zæppaz* id.
121. *tyrgæ* 'двор'; и. *tyrg* 'крыльцо', 'сени'; ср. и. *kaert* 'двор', д. *zatma* 'сени'.
122. *tuæsun*: *tuæst* 'обвиваться', 'пробираться', «*æxsærbunmæ ratuæstæj*» «добрался до орешника»; и. *tuæsyn* 'обвиваться'.

U

123. *uædta* тогда, потом; и. *uædta* 'в таком случае'; ср. и. *stæj* 'потом'.
124. *uældaj* 'лишний', 'уже'; и. *uældaj* 'лишний'.
125. *uobaj* 'склеп'; ср. и. *uobau* 'курган', *zæppaz* 'склеп'.
126. *uru* 'хорек' (?), и. *уру* 'крыса', ср. д. *gæ'æu* 'крыса'.
127. *uæmæ* 'отрезок времени', 'период', 'мгновение'; и. *uæm* м. р.

X

128. *xalæ* 'нити'; и. *xal* 'нить', *ændaх* 'нити'.
129. *xatun* 'поворачивать' (ср. I 887).
130. *xætæl* 'ружье'; и. д. *topp* 'ружье'; и. д. *xætæl* 'трубка', свирель', ср. и. *uadynz* 'свирель'; и. *xætæl* 'ружье' в охотн. языке.
131. *xætun* 'ходить', 'бродить', 'скитаться'; и. *xætun* 'бродить', ср. и. *сæун*, д. *сæун* 'ходить'.
132. *xelagæ* 'змея'; и. *xilag* 'ползучее', евфемистически — 'змея', 'serpens'; ср. *kaln* 'змея'.
133. *xelæ* 'волос', 'колосья, зерно' (в противоположность 'стеблю, соломе'); и. *xil* во втором значении м. р.
134. *xæzun* 'пасти', 'ждать'; и. *xizun* 'пасти', *ængalтæ kæsyn* 'ждать'.
135. *xinst* 'угощение'; ср. и. *xynсun*, д. *xincun* 'угощать'.

136. *xonun*: *kinzæ xonun* = и. *čunz xæssyn* 'вести невесту в дом жениха'; остальные значения *xonun*: 'звать', 'называть' и пр. общи обоим диалектам.
137. *xorbadæc* 'место, где собираются жители аула для беседы'; ср. и. *ny-xas*, д. *nixas* id.; и. *xurbadæc* («сиденье на солнце») возможно, но неупотребит.
138. *xuallag* 'пицца' (вообще); и. *xollag* 'корм (для скота)', ср. и. *xærimag*, *xojrag* 'пицца'.
139. *xunæ* 'приношение (съестное)', 'кусоч, передаваемый за столом одним другому в знак уважения, расположения'; в последнем значении ср. и. *xaj* id.; и. *xium* 'приношение'.

Z

140. *zek'æ*, *zak'æ* 'подбородок'; и. *zæc'e* 'борода', *roc'o* 'подбородок', ср. д. *roc'o* 'ус'.

Обратный (пронско-дигорский) указатель¹

A

abyræg || *abæreg* II 1
acæuyn, *adte uyn* || *randæ un* I 682
acy fars || *ardæg* II 6
adæg || *asojnæ* I 22
adon || *atæ* II 9
aftæ || *atæ* II 10, *uotæ* II 221
aftæmæj || *atemæj*, *uotemæj* II 10
aftid || *revæd* III 109
ægajyn || *gezun* I 355
æguri (*æmbærzæn-*) || *gösin* I 395
ægdræbyn || *tængazæ* I 782
æguyst || *azgunst* II 14
alfamblaj || *falæmbulaj* II 88
alğac || *zalğauinzæ* II 82
alolaj || *bullatæ* I 170
alvars || *falzos* I 299
amajæn færet || *æxsneuæn* I 111
amajyn || *æxsneu* I 111
amajyn ('стропить') || *dasun* I 240
amæntgæ || *ræsændæg* I 693
amond || *nivæ* III 101, I 619, *fes* I 327

aræx || *axid* I 32
ardauyn || *avinsun* I 31, *ænsedun* I 71
argauyn III 2
ark'au III 3
ark'au || *arğævnæ* I 17
armyzagæj | *xubezæstæj* I 927
artzæst || *t'æræ* I 822
aryn || *jerun* II 126
aryng || *amæntæn* III 1
asiag || *æsson* II 43
astæuæjdælæmæ || *dælagguræ* I 244
astæubos || *ğunk'onbos* I 397
axadyn || *axedun* II 12
axæm || *auæxæn* II 11, *uæxæn* II 213
axoryn || *xuarun* II 249
axst || *sk'ærtæn* I 739
axston || *ast'onæ* I 25. II 8
axsyn || *axæssun* II 13
axxos || *lazæ* I 537, *lælagæ* I 549
azæld || *zæjændor* I 934

AЕ

ædæppæt || *ædjeugur*, *jeuguræjdar* I 40
ædte || *ændegæj* II 24
ædyty || *ğæla* I 384
æzællag || *ilivd* I 410
æzux || *ænosi* III 17, *sauængæ* III 114
æfsæryn III 8
æfsnajyn || *ğud kænun* III 79
æfson || *ræuonæ*, *ræuagæ* I 696, III 107

æfsymær || *ænsuær* II 33, III 18
æftauyn III 9, 10
ægajtma || *ægaiti* II 19
ægasæj || *ædjeugur* I 40, *jeuguræj* I 438,
ænxuæcæj I 77
ægomyg || *k'uætti* I 527
æğæg || *sumpæg* I 754^a
æğæd || *sælæt* I 719

¹ Римские цифры обозначают отдел «Словаря», арабские — порядковый номер слова.

ælmærin || *cængærijnæ* I 187
ælqivyn || *ævdozun* III 29
æluton || *ilæton* II 119
ælvæsyn III 12
ælvæsyn || *iuæxsun* I 418
ælvæsyn || *æxsilk'æ* II 49
ælyg || *ærgæ* I 81
æm, *jæm* || *imæ* II 120
æmæ || *æma*, *ma* II 21
æmbaryn || *læðærun* I 541
æmbæly || *ængæzuj* I 65
æmbijyn kænyn || *æmbaun* II 22
æmbisbon || *ræftæ* I 688
æmbudtæ || *k'æmbodtæ* I 492, *k'embur*
 I 507, *k'æbot* III 93
æmbulyn || *molun* II 164
æmzægd || *ærzæf* I 80
æmzuarzyn || *maqari* I 571
æmrast || *ærræstæ* II 37
æmtgæj || *ænxuæcæj* I 77
æmt'ery || *æmbuðule* I 57
ænemæng || *ædæuagæ* I 38
æneævnæld || *ægajnæg* I 47
ænc'yldtæ || *ængirdtæ* I 68
ændax || *xalæ* III 128
ænder III 13
ænderaz || *fælvaræ* I 313
ænges III 14
ænk'ard || *ærxun* I 88, *mæt'æl* I 585
ængælmæ kæsyt || *ængæl kæsyt* II 28,
rezun III 134
ængævzyn || *ævðæzun* II 46
æntaun III 19
æntysyn III 20
ænud || *ænguæt* I 69
ænud III 16
ænusy III 17
æpparyn || *gælzun* I 341
æppet || *ænkæt* II 29

æppyn, *æppyndæ* || *ægirid*, *ægiriddær* I 48
ærdæbon || *uædæjti* I 840
ærdægmard || *mælzøjug* I 575
ærduz || *mæra* I 578
ærdygæj || *ærdigi*, *ærdigki* II 34
ærdyn || *ænduræ* II 25, *sağadaq* III 113
ærgævdæn III 30
ærgævdyn || *ævgærdun* II 45
ærgævyn III 22, 23
ærgom || *irux* I 416
ærgom || *læk'æf* I 546
ærmæst || *uotid* I 865
ærmgyroj || *ğærgurojnæ* I 390
ærra || *ğæla* I 384
ærtax || *t'ing* I 824
ærtqiræn || *ængeræn* II 32
ærtxutæg || *ærvotug* II 40
ærvad III 24
ærx III 25
ærysk'æf || *lisk'æf* II 153
ævæzægæn || *ævæzi* II 44
ævdærzyn || *ædirxun* I 112
ævduzyn III 29
ævvoŋ || *ærvvoŋ* II 39
ævzara III 32
ævzær || *læğuz* I 545
ævzæryn (ноявляться) || *ælvæsun* III 12
æxsænk' || *æxsæuk'æ* II 47
æxsæræg || *æxsæræc'ænk'* I 109
æxsærzæn || *læxcoræn* I 562
æxsærjars || *bæzdajnæ* I 142, *ualgos* I 831
æxsitt || *sk'ot* I 742
æxsyt || *æxsytun* II 50
æxsytæn || *qæne* I 654, *sonxura*, *saxuran*
 I 746
æxsyzgon || *æxsiçgæ* II 48
æxxæssyt || *qærtun* I 658
æzgællag(kom) || *ilug(tæ)* I 411
æznag || *ændæog* I 59

B

bacajdağ is || *rajeudağ æj* II 127
badæn III 36
Balsæžy calx || *Ojnoni calx* I 623^a
bandon || *k'ela* I 505
bar || *bæragæ* II 58
bællyn || *xicæ kænun*; *balliccag* || *zicçyg* I 916
bælon || *bælæu* II 57
bærn || *bærnæxst* II 59
bærzæj || *ævgærdæn* III 30
bæsty || *fæltau* III 69
bæstyaxaj || *avar* I 28
bæxtæræg || *bæxçoræg* III 63
bik' || *naffæ* I 603
bik' III 39
blamyqq || *kufsi* I 473
boc'o III 110
bogal || *goc'ef* I 364

boğ-boğ kænyn || *æmboxun* I 52
buc || *imonau* I 412
buqq kænyn || *reun* I 701
byğduan || *bæğdaond* II 55
bynatyzicau || *bundor* III 42
byndur III 42
bynzæfxad || *bungard* I 173
byr || *jezæ* I 428
byrsyn || *æmpursun* I 55
byrsyn, *fældaxyn* || *qan kænun* I 642
byru || *buræu* II 65
byryn || *gurun* I 380
byrynk' || *k'æbot* III 93
byxsyn || *bælsun* I 136, *uodænsun* I 857
byzğuyr || *divil* I 252, *fecç* I 325
byzyc'i || *buzux*, *buzux* II 64

C

cadæg || *çændæl* I 276
cağd III 43, 44
calynmæ || *caldæn* II 67
car || *tugur* I 812

cæf kænyn || *ærgævun* III 22
cængæt || *ciuan* I 199
cænkuyl || *cæmpul* I 185
cæst fældaxæg || *fælçat*, *cæst fælçatæg* I 314

cæst nyk'uly || *fælk'uerun* I 310
cæstmæ daryn || *cetun* I 193
cæsty || *cæstug* I 189
cæsty xau || *tæfalæ* II 198
cættæ kænyn || *c'app kænun* I 205, *zalan kænun* I 264
cæuæt III 49
cævægæxos || *bæltærna* I 137
cævidton || *cævedtongæ* II 69
cæxæra || *k'umbul* I 532
cæxæradon || *zæxæra* III 62
cæxærazyn || *zæi'æragun* I 942

c'ass III 57
c'ægæg || *colaq* I 200
c'æl || *liqæ* I 565
c'il || *kin* I 463
c'olobi || *c'ilobi* II 74
c'uj || *tæk'uzgæ* I 775

česa || *senseri* I 730
cetæn || *geten* II 104
čideriddær || *kaðær* II 128
čit kænyn || *c'æppæ kænun* I 212
čiuyn III 87

č'icy || *æsk'etun* II 41
č'irppabos || *k'æzma* I 503
č'izi || *c'umur* I 234

dadali || *nixagæ* I 620
daræs || *qæppæltæ* I 655
dard || *izol* I 424
dælar || *dælmusti* I 246, *dæluagis* I 247
dæle || *dællæj* II 75
dærj || *dærjæ* II 77
dættyn || *tætun* II 200
di'ç'i || *gæbæt* I 335
disny || *izestæ*, *uzestæ* II 117
dissag || *tæmæs*, *tæmæssag* I 781
dix || *duuex* II 81

zažžyn || *gaxgun* I 334
zækkor || *læt'o* I 558
zængæræg || *mura* I 595
zeudzælæg || *singærrætt euuæ* I 754
zoms || *qoğancæ* I 667

žigul || *degolæ*, *gegolæ* II 78
ži'i'ri || *xuærganasæ* I 926

eržen || *zegen* I 279

cæxdon || *zosa* I 289
cik'æ || *æxsægkag* I 107, *basma* I 130
cin kænyn || *izulun* I 404
cuan III 46
cupal || *c'æpo* I 210
cux III 54
cydæriddær || *cidær* II 70
cyrg kænyn || *insun* III 80
cyrt III 53
cyryq III 55
cyxeyr || *cuxcurnæ* II 73
cyxtæxsæn || *c'irtæxsæn* I 229

C'

c'upp III 58
c'yf || *læk'ærlæ* I 547
c'ylinag || *k'ulsøjnæ* (?) I 530
c'yrc'yrag, *c'ysc'ysag* || *c'æræxsnaeg* I 215
c'yysyni || *c'æsæg*, *c'æsunæg* I 215

č

čynz || *nostæ* I 621
čyrgæd || *cetenæ* I 192
čyryn || *kiræ* II 134
čysyl || *mængæj*, *mængi*, *mink'i*, *mænk'æf* I 590

č'

č'yrxyn || *c'efun* I 219, *k'efun* I 504, *jejun* I 431

D

dojnag dur || *tugul dor* I 811
dojny || *donug* II 79
domyn || *dæmun* II 76
dongon zul || *k'æxi* I 501
duræxsæn || *c'euælvasæn* I 223, *dorælvasæn* I 223, *uoræxsnae*, *uruxsnae* I 869
dury || *ğosin* I 395
dyzy III 60
dygoppon || *ububupp*, *sajtankark* I 851
dyrj || *ræzæ* I 700
dyson || *ædosæ* II 16

ž

zuryn III 63
zygyur III 64
zylak'uy || *c'osğædinzæ* I 233
zynzælæg || *c'æxula* I 217
zyrga || *ži'ğæg* II 83

ž

žyrtæ cæuyn || *gitmæ cæun* I 360

E

F

- fadat* || *raŋgæ* I 683
fadyn III 65, 66
fag kænyn || *qærtun* I 658
faron || *faræ* II 89
fat III 67
fæ̀̀ci || *dumæggag* I 260
fædæg || *zukkæ* I 293
fædfædyl, *kæræzi* *fædyl* || *ædtægfaste* I 42
fæjllcuyn || *fælqæzun* I 311
fælæ || *fal* II 87
fælæu! || *baræn!* I 691
fældæxyn || *xatun* I 887
fældæxyn, *byrsyn* || *qan kænun* I 642
fældyst || *fældesond* II 91
fællajyn || *uægæ kænun* I 841
fæltau || *fæltaugi*, *fæltaugæn* II 92
fæltau III 69
fælxatyn III 70
fændag || *nad* I 602
fændaggon || *cæuæggon* I 190
fændias || *fændæuægæ* II 94

G

- gamxud* || *salfxodæ* I 707
gæbær || *geruz* I 354
gædy || *tikis* I 796
gækkuyri || *ænk'uelxæ* I 66
gænzæxtæ cægdyn || *tæppæxtæ cægdun* I 785
gæppæl || *quæ* I 672
gæræn || *goren* I 372
gærztæ || *qæppæltæ* I 655
gæzæmæ | *jeftag* I 429
gogra III 73.
guanym || *guaejæn* II 105

I

- ingæn* || *cirt* III 53
irdgæ || *ærdgæ* II 35
irtasyn || *ærtasun* II 38
iræfsyn || *isærxun* I 417
is || *bes* I 151
is || *cijes* II 72

- ixsijyn* || *fexsujun* II 100
jæ || *æ* II 15
jæu || *fagæ* I 298

- kakon* || *kokojnæ* II 135
kalm || *xelagæ* III 132
karz III 86
kæcæj | *kuçæj* II 136
kæcon || *kucon* II 136
kædæm || *kumæ* II 138
kælmærzæn || *sasug* I 713
kælmærzæn || *K'oxmærzæn* II 145
kænnod || *kenædta* II 133
kæræzæm || *kærdbazæ* II 132
kæri || *kæræ* II 131
kæri æpparyn || *somun* I 744*
kært || *turgæ* III 121
kærtmisynzæg || *cajana* I 179

J

- jæugæf* || *zærna* III 61
jed || *idi* II 114

K

- kæsagaxsæn xyz* || *duğæ* I 258
kæsyn ('чйтатъ') || *arğaun* III 2
koj kænyn || *jud kænun* III 79
komraz || *gætæn* I 346
kuyd, *kuyd æğdauæj* || *kutemæj* II 140
kuynæg III 90
kuyrdæz || *kurdbazæ* II 139
kuyrisbættæn || *k'ælmæg* I 491
kuyrm || *qæræu* I 657
kuyrmælxync || *k'umælxij* II 148
kuyrojycalx || *pernæ* I 628
kuyrysçau || *burkuçau* I 176
kuyçyftæg || *gogura* I 366

k'aba || *p'olci* I 635
k'ala || *zæxu*, *zæxuæ* I 277
k'ala III 92
k'alati || *cetena* I 192
k'aliu || *k'ado* I 489
k'ardiu || *k'æxæn* I 499
k'æxcæf || *amp'ez* I 13
k'æxk'ælæt || *k'æxcon* I 500
k'æxk'uxtyl *kaft* || *ængulzæxtæ* I 63
k'æxyn || *æzgelun* I 113
k'æxyr || *k'æbpil* I 478, *nik'æd* I 614
k'æbær || *quæl* I 672
k'æbic || *godora* I 365, *medæggona* I 587
k'æbut || *mæk'ur* I 574
k'æbut III 93
k'ælua || *kufsi* I 473
k'æmisæn || *tænuadolæ* I 783
k'ærita || *k'ibila* I 512

lægz || *lilægz* II 152
lælym || *gæbæt* I 335
læsægkæg || *sauæsxolæ* I 715
lasyn III 96
læburyn || *tomar kænun* I 802
lægz || *ligz* II 151
lænk || *læncæ* II 150
læppu || *bicceu* I 153,, *læquæn* I 552
læqqug || *quælæg* I 180

mægz || *qanz* I 643
malusæg || *zæk'olon* I 273
mast isyn || *mast xatun* I 887
mast isyn || *kenæ xatun* I 456
mæck'uy || *sk'eldu* I 740
mæc'is || *izaznæ* I 420
mæk'ulæg || *ænk'uælzæ* I 66
mæk'uyl || *lasæg* I 536, *bæk'uæl* II 56
mænærǵ || *ninæg* I 615
mæng, *gædy* || *mængædtæ* II 151
mæntæg || *monti zænke* I 936

najyn || *ærtajun* I 83
najyn III 98
nal || *næbal* II 54
næl xuy || *tusk'a* I 818
næmyg (пүүл) || *fat* III 67
næu || *zældæ* I 935
næu III 99
nesi || *misi* II 163
nikuy || *maimaidær* I 570
nozy || *nikki* II 168
nuazæn || *sinon* I 735
nuk || *muxcur* I 600
nury || *bodæn* I 159
nygylyyn || *æftujun* III 10

obau || *tuppur* III 120

K'

k'ærtt || *quæl* I 672
k'æssa || *mæxæl* I 586
k'æxty bynat || *azatxana* I 8
k'omsi || *bia* I 152
k'ona || *t'æræ* I 822
k'ori || *qazmuz* I 648
k'oxozi || *goncaruq* I 370
k'rendeli || *gink'os* I 356
k'ulbadæg || *k'æsibadag* I 496, 497
k'uydipp || *ziba* I 281, *sænttadæ* I 721
k'uydyr || *k'uduron* II 147
k'uylympy kænyn || *qor kænun*, *qor darun*
 I 669
k'uyymbil || *c'opp* III 58
k'uyymbil cægdyn || *sabaj kænun* I 703
k'uyya || *k'ombox* I 520
k'uyrma || *k'uru* II 149
k'uyrtt || *taunæg* I 768, *k'uæd* I 523^a

L

læsæn || *xæræ*, *æræ* I 905
læsýn || *k'uælxun* I 525
læuuyyn || *istun* III 118
læzuræg || *zugur* I 292^a
lekka kænyn || *quælek kænun* I 673
lenk | *nakæ* I 604
luk'a || *gok'a* I 367, *qoğa* I 666
lyg || *lux* II 155

M

mæggi || *satalæ* I 714
mæra || *pura* II 175
mæsty || *turg* I 817, *zust* I 953
mæsty || *mæstgun* II 160
mogor || *kolduf* I 470
mur || *quæi* I 672
mydy çyrǵæd || *bætman* I 141
mylytæ || *mutultæ* II 165^a
mynæg || *niden* I 612
mysalg || *gælmæz* I 343
mystulæg || *ærvogæ* I 86

N

nymær || *mednimær* II 161
nymæt || *bujnæg* III 41
nymæxsyn || *rimæxsun* II 186
nynd III 100
nyrma || *neræn* I 611
nysan kænyn || *bældat kænun* I 132
nyv III 101
nyx || *tærnix* II 199
nyxas || *zubandi* I 291
nyxas || *xorbadæn* III 137
nyxilyn || *gezun* I 355
nyxsyn || *nixæssun*, *næxsun* II 166, *xæssun*
 II 234

O

ocani || *æftirik'uæ*, *tiftirik'uæ* I 45

piræn || *æxinæntæ* III 33
purti || *qazmuz* I 648
pyrxæn || *purfæn* II 173
pyrxytæ || *c'æppitæ* I 211

p'a kænyn || *nosun* I 622

qabaqq III 102
qacyn III 74
qalæj || *asægi*, *uasægi* I 19
qalğæn || *uærk'in* I 848
qaqqænyyn || *ğæuaj kænun* II 109
qaru || *qauræ* II 176
qædgom || *ğædgin* II 107
qæl æmæ læzægæj qazyn || *sirinc'iti ğazun*
 I 737
qælæs || *gur* III 105
qælfyn || *mozun* I 592
qændil || *qæbuza* I 650
qæppærisæg || *qæborisæg* II 176^a
qær || *nægæ* I 606, *stuf* I 751
qærmæuypp || *ğærmicund* II 106
qæstaræg || *qæstarg* II 178
qellau kænyn || *ğælleu kænun* I 342, *qed-
 zau kænun* II 179

rad || *kezu* I 461
rağgærz || *uanik'iafsæ* I 833
rajsom, *som* || *ison* II 122
rajyn || *izulun* I 404
rajyn III 81
rast kænyn || *næxstær kænun* I 610
razæj || *finzi* III 72
razy || *arazi* II 5
ræzæ-mæzæ kænyn || *ræxcun* I 698
rægau || *ærğau* II 36, *æruæz* I 85
rætenağd || *ar* I 14
ræuæd || *uæss* I 849
rævz III 108

sabant'y || *cipxæ* I 198
sabyr || *ğos* III 77
sajadaq III 113
saqari || *saqalari* II 188
sart || *zagur* I 253
sasir || *sarsenæ* II 189
sauc'iu || *saumælğæ* II 190
sæg || *sk'oræ* I 741
sægyyt || *ræues*, *ræubes* I 695
sæjğæ III 115
sælavyr || *salaur* II 186^a
sælfynæg || *xæljinæg* II 229
sælyn k=nyn || *salun* II 187
sænykk || *dærk'* III 59
sæqqis || *sæqun*, *sæqes* II 191
særak || *salæ* I 705
særbyny || *særmesinzægæ* I 725

P

pysultæ || *qæppæltæ* I 655
pysyra || *pursa* II 174
pyxcyl || *cilpæ* I 197

P'

Q

qolo || *ğojdun* I 393
qompal III 76
qoppæg III 104
qriqupp || *qurroj* I 681
quag || *ciğæuagæ* II 71
qus III 77, 78
quxcilæg || *darink'a* I 239
quydy kænyn III 79
quyr III 105
quyrmæ III 106
quyr-quyr kænyn || *duğ-duğ, diğ-diğ kænun*
 II 257
qybyl || *qizon* I 664
qyzy || *zugu*, *zigi* II 85
qyg || *gulæg* I 396
qyg daryn || *qor kænun*, *qor darun* I 669
qyqqag || *ğigkag* II 112
qyrnyn || *færsag kænun* I 316

R

ræzynæg || *qubulzug* I 675
rivæd || III 109
rixi || *bec'o*, *bic'o* I 144
roc'o || *zek'æ* II 246
roc'o III 111
ronz || *ræzæ* I 686
roxst || *iruğd* I 415
ruazjy III 107
ruzynğ || *k'æræzæ*, *k'æræzğæ* I 495, III 112
rus || *bæzdajnæ* I 142, *ualqos* I 831
ruxsy c'yrıt || (*rocsi*) *c'ita* I 230
rynčyn || *sæjğæ* III 115, *rynčyndon* || *sæjğæ-
 donæ* III 115

S

særy kæxc || *qabolæ* I 636, *qalqos* I 640
sætælæg || *ğonc'ir* I 394
sæumæ rajsom || *sæumæ* II 193
sc'il || *k'elæ* II 144
sguy || *ğolgun* III 75
sguyxyn || *æsk'uælxun*, *æsk'uænxun* II 42
simd || *uge* I 855
sird || *zorğæ* I 288
sis || *ges* (?) I 663
sk'æt || *stojnæ* I 750
somy || *uasxæ* I 838
soqquyr || *qæræu* I 657
stæj || *uædta* III 123
sturta || *firtun* I 328
styn III 118
suang III 114
szyn || *çæfsun* III 47

susæg || *asqod* I 24, *sos* III 117
sxon || *ætdor* I 92
syf || *t'offæ* I 820
syg III 119
sygdæg || *kæʒos* I 441
sundæg || *ʒændæl* I 276

ta || *babæj* I 121
taxynæg || *taxinon* II 197
tæbæg || *tefseg* I 790
tæbyn || *sundak'æ* I 755
tæf (*komy-*) || *uulfæ* I 814
tælfyn || *æzdodun* I 35
tæppal || *k'uælli* I 524, *xæppil* I 902
tæssond || *æzgiud* I 114
tæssærdæ || *qærabuğa* I 656
tintyč'i || *sæqun* I 723
topp || *xætæl* II 130
toppy fat || *fætk'uæræn* I 321
toxsi || *qælqa* I 653
tu || *listuq* I 566

t'ang || *xælora* I 898
t'axti || *t'adxi* II 203

uadynʒ || *xætæl* III 130
uaʒyg || *næluæg* I 607
uagær || *uanæbæræg* I 832
ual || *bal* II 54
ualynmæ || *ualdæn* II 204
uarynxuyz || *uarungar* II 206
uædæ || *ædia* I 41, *madta* I 569
uædia III 123
uægdy || *wotid* I 865
uælængaj || *uæʒæn* I 844
uældaj III 124
uældajdær || *bustondær* II 66
uæle || *uællæg* II 208
uæliivyz || *uælvicgæ* II 209
uælt'yfal || *tæfalæ* II 198
uælxæʒar || *uælinzæ* I 845
uændon || *æʒæstæʒz*, *zæqær* I 44, I 939
uændyn || *ændeun* I 60
uæræx || *urux* II 222
uærdon || *uærdun* II 211
uærm || *k'ağd* III 91
uærykk || *uær* II 210
uætær || *uoiar* II 220

xaj || *xunæ* III 139
xal III 128
xal æpparyn || *xalæftaucæ* II 225
xalamærzen || *paxsa* I 625
xalas || *kirsæ* I 467
xarʒ || *xard* II 226
xattæj-xatt || *jefstagma* I 430, *æstænme*
 II 26
xatyn III 129
xæbizʒyn || *æxcin* I 405

syntæg || *urundug* I 868
synt' || *æliz* I 51
sysʒy || *zætæ* I 941
systæjʒag || *bulzæ* I 167
sysyn || *idujun* I 401
syxag || *sinxon* II 194

T

tu kænyn || *lixsun* I 568
tuagcymgæ || *begeni* I 146
tyguyr kænyn || *tegolæ kænun* I 791
tymyg || *burdæn* I 175
tyngʒyn || *tuzmun* II 202
tyngdær || *ændağddær* I 58
typpyr || *tunk'ur* I 815
typpyr III 120
tyrg || *ʒatma* I 269, III 121
tyrg III 121
tyxʒyn, *tyng* || *tuxast* II 201
tyxsyn III 122
tyxxæj || *tuxæn* II 201*

T'

t'yfyl (*xosy-*) || *læværæn*, *læppær* I 561

U

uævgæjæ || *uogæ* II 217
uæxsk || *usqæ* II 223
uæzdan || *uezdun* II 215
ucy || *jeci* I 427
ucy fars || *uordæg* II 219
udon || *ietæ* I 426
udony || *uoni* II 218
ugard || *nik'æd*, *nik'æt* I 614
uj || *jc* I 426
ulæfyn || *inæfun* I 413
ulæn (*xosy*) || *cævdæ* I 191
ulæn || *cæqal* I 188, *fælgæzæn* I 312
uobau III 125, *cm*, *obau*
uong || *ualdæn* II 204
uyciu-uyciu || *baceu* I 122
uydajyn || *fældajun* I 303
uydtæn || *adtæn* II 2
uyg || *p'eræn* I 633
uyrynyn || *æruagæs un* I 84
uyry || *gælæu* I 339, III 126
uyryʒy || *æpæ* I 78
uyryssag xom (*quymac*) || *kese* I 459
uysm III 127

X

xæccæ kænyn || *qærtun* I 658
xæcyn || *toxun* I 807
xæc'il || *k'imbus* I 514, *tækkuæl*, *zækkuæl*
 I 774
xæʒar || *avar* I 28, *k'æs* I 496, *k'ældær*
 I 489
xæffynʒ || *qoğa* I 666, *gok'a* I 367, *fiji*
læxæ I 367
xæjærʒʒyn || *xæʒʒegun* I 893
xælæg || *soc'a* I 744, *xicæ* I 916

xælbuc' || *xælbinc'itæ* II 228
xæliu || *xæbætʒæ* I 890
xæliuzyx || *ǰængælas* I 387
xæluaræg || *xælaur* II 227
xælynbyttyr || *bittir* II 63
xærinagkænæn || *cælgænæn* I 184
xærræg || *xærnæg* I 230
xæsnag || *xæsnæ* II 233
xæssyn || *xærsun* II 231, 232
xærɔ || *p'aræ*, *p'aruæ* I 631
xæst || *tuǰd* I 813
xætæl III 130
xætyyn III 131
xec'rc || *jelqina* I 434, *xirinæ* I 918^a
xeræ || *jelqina* I 434, *xirinæ* I 918^a
xibaræg || *xæbaragæ* II 235
xil III 133
xilax III 132
xilun, *xizyn* || *rædæxsun* I 684
xistæjrag || *xesnag*, *xestag* II 237
xivænd || *xævast* I 915
xizæn || *xæznæ* II 238

yssivyn || *æntaun* III 19
yssyn III 80

zæč'e || *reæ* III 110
zæč'e III 140
zæræg || *zar* II 247
zætul || *zægetæ* I 272, *gælleu* I 342
zæmbyn || *berinzun* I 150
zæppaz || *obaj* III 120, III 125
zæræston || *næuæ* III 99
zærdæ væryn || *iværsun* I 419
zærdiag || *zærdton* II 249
zæronð || *zæruæ* II 250
zæryn || *rægænun* I 689
zian || *zæran* I 940
zilyn || *ǰud kænun* III 79

xizyn III 134
xo || *xuæræ* II 243
xojrag, *xærinag* || *xuallag* III 138
xollag || *sajæn* I 704
xollag III 138
xonyn III 136
xor || *tillæg* I 798
xordon || *bægeli* I 147
xosgærst || *xuasgærce* II 241
xudinag || *liägæ* I 563
xudyzmæl || *xodæzmol* II 239
xurbadæn III 137
xurytyn || *lafijnæ* I 543
xuyp'yr || *k'adira* I 479
xuyn III 139
xuynk' || *c'asæ* III 57
xuysk'æl || *zilik'u* I 283, III 62^a
xuysægqæltzægæj || *xussiǰæltzgutæj* II 244
xynǰylæg || *giriz* I 359, *aiuan* I 11
xyssæ || *k'insæ* III 94
xyt'yn || *gebæ*, *gebæc'æf* I 348, 349

Y

yzmæst || *læk'un* I 548

Z

zivæg || *zinadæ* I 946
znon || *æzinæ* II 52
znyǰ || *iǰæǰnæ* I 402
zok'o || *k'ozc* I 523, II 146
zonyn || *fæsmærun* I 319
zul || *serf* I 733
zyǰuymmæ || *usqummæ* II 224
zym || *zumary* I 295
zymægon || *zujmon* II 252
zyndon || *zaxana*, *zaxan-maxan* I 270
zyngæ || *windug* II 216
zynyn || *zinnun* II 251

О ЯЗЫКЕ ЮЖНЫХ ОСЕТИН

Настоящая работа имеет целью дать некоторое представление об осетинских наречиях Южной Осетии на основании имеющихся текстов и исследований, а также материалов, собранных автором во время поездок 1926—1927 гг.

Прежде чем перейти к отдельным наречиям, считаю нужным сказать несколько слов об Юго-Осетии вообще. В отличие от остальных горских народов Кавказа, которые основной своей массой живут либо на северной, либо на южной стороне Главного хребта, осетины с давних пор расселены по обе его стороны.

Поэтому различают Северную и Южную Осетию. Первая, примерно, в два с половиной раза больше второй. Северная Осетия входит как автономная республика в Российскую Федерацию, а Южная Осетия как автономная область составляет, подобно Абхазии и Аджаристану, часть Грузинской ССР.

О времени поселения осетин в Юго-Осетии не имеется точных сведений. Оно происходило, надо думать, разновременно. Несомненно, что Южная Осетия представляет осколок Северной. В пользу этого говорит, между прочим, совпадение многих фамилий в Северной и Южной Осетии. Топонимика в низменных районах имеет обычно грузинский облик. В высокогорных районах она не объяснима ни из грузинского, ни из осетинского и является, повидимому, наследием какого-то доисторического населения.

В трудах А. Шегрена, В. Миллера, Гюбшмана осетинская диалектология излагается в виде трехчастного деления: западное, или дигорское, восточное, или тагаурское (пронское), и южное, или туаальское, наречия. Это деление предполагает существование особого единого юго-осетинского или туаальского диалекта, причем границей между ними и северными наречиями считается Главный Кавказский хребет.

Основным источником знакомства с языком южных осетин для прежних исследователей были тексты церковного содержания, изданные в начале прошлого столетия известным югоосетинским общественным и культурным деятелем Иваном Ялгузидзе. В 1846 г. вышло исследование «Ueber die Ossetische Sprache», основанное на юго-осетинском материале и принадлежавшее перу Георга Розена. Так как факты, которые дает Розен, совпадают в общем с фактами, заключающимися в текстах Ялгузидзе, то это обстоятельство еще более способно было утвердить позднейших исследо-

вателей в их убеждении о существовании единого югоосетинского наречия.

Наблюдения мои убедили меня, что картину югоосетинской диалектологии следует представлять в несколько ином виде. Во-первых, в Юго-Осетии имеется не одно, а три самостоятельных, имеющих ясно выраженные фонетические особенности, наречия. Во-вторых, если взять всю Осетию в целом, Главный хребет не играет в ней роли лингвистической границы между северными и южными наречиями; как это ни кажется странным, но диалекты распределяются так, как если бы никакого хребта не существовало: а именно, примыкающий непосредственно к хребту район Юго-Осетии (Рокский) дает, с небольшими отклонениями, те же языковые факты, что соседние районы Сев. Осетии, и, следовательно, должен быть отнесен туда.

Что касается того особого «туальского» наречия, которое засвидетельствовано в текстах Ялгузидзе и работе Розена, то оно занимает не всю Юго-Осетию, а лишь часть ее, именно западную. Наконец, существует еще третье наречие в восточной части Юго-Осетии, которое самими осетинами называется *čysajnaġ*, т. е. ксанским, от названия реки Ксанки, по которой расселена главная масса осетин, говорящих на этом наречии. Все эти наречия представляют разновидности одного диалекта осетинского языка — именно иронского. Стало быть и при учете юго-осетинских наречий, основных осетинских диалектов надо считать не три, а два: иронский и дигорский.

Переходя к характеристике отдельных наречий, хотелось бы предварительно остановиться на некоторых спорных вопросах терминологии. Естественно, термин «южно-осетинское наречие» придется отбросить, так как единого югоосетинского наречия не существует. Но как быть с термином «туальский», который Вс. Миллер, а за ним и другие совершенно ошибочно употребляют как синоним «югоосетинского»? Вс. Миллер пишет в «Осетинских этюдах»: «По-туальски говорят южные общества, туальцы, т. е. осетины по ту сторону Кавказа, соседящие с грузинами». Если «туальцами» называть тех, кого сами осетины так называют, то это утверждение Вс. Миллера в корне ошибочно: туальцы живут не по ту, а по эту сторону «Кавказа», т. е. хребта, и уж конечно они нигде не соседят с грузинами. «Туальцами» называются прежде всего жители высокогорных районов Сев. Осетии в верховьях реки Ардон, начиная от Кассарской теснины и до хребта. Сюда входят селения — Заромаг, Нар, Зруг, Тиб, Згил и др. В согласии со сказанным, у царевича Вахушта в его географии Грузии читаем: «Двалетия делится на следующие ущелья: Касрис-Хеви, Зрамага, Жхе, Нара, Зрого, Закка». Район, примыкающий к Туалетии на южной стороне хребта, осетины называют в отличие от собственно Туалетии *Urs-tua!-tæ*, т. е. Белая Туалетия.

В грузинских памятниках Белая Туалетия названа «*Maġran Dvaleti*».

Следуя терминологии самих осетин и данным грузинской истории и географии я называю Туалетией или Двалетией вышеуказанные высокогорные районы, примыкающие к хребту с обеих сторон, северной и южной, а не Юго-Осетию. Язык жителей этих районов не может быть назван особым осетинским наречием. Он представляет просто говор того иронского (тагаурского) восточно-осетинского языка, на материале которого базируются работы Шегрена и Вс. Миллера.

Какие особенности туалевского говора отличают его от других северноиронских? Главные из них по моим наблюдениям следующие:

- 1) сужение гласных, в особенности *a* и *e*;
- 2) протяжное произношение;
- 3) замеченная еще Миллером для сёл. Нар тенденция спирантизовать *c* и *ʒ*, т. е. вместо *c* и *ʒ* говорить *s* и *z*: *særyn*, *xæzar* вместо *cæryn*, *xæzar*.

В морфологии и словаре туалевский говор примыкает к северноиронским.

Из собственно югоосетинских наречий, которых имеется два — западное и восточное, наибольший интерес представляет западное, и на нем я позволю себе остановиться несколько подробнее. Это — то самое наречие, на котором были написаны книги Ялгузидзе, которое представлено в работе Розена и которое рассматривалось прежними исследователями как основной юго-осетинский или туалевский диалект. Действительно этот диалект наиболее распространен; на нем говорит больше половины всего населения Юго-Осетии, именно районы Джава, Ортеу, Земо-Картли, Цон, Кудар, по рекам Большой и Малой Лпахве, по реке Паца и по Кударскому ущелью.

Вахушт пишет про них: «Они все переселились в означенные места из Двалетии». Это утверждение Вахушта заслуживает полного доверия, но приходится допустить, что переселение произошло сравнительно давно, иначе трудно было бы объяснить те глубокие различия в фонетике, которые сейчас отделяют это наречие от северноиронского диалекта, в том числе и от туалевского говора.

Осетины называют это наречие «завукојтаг» или «к'wудајтаг», т. е. «джавское» или «кударское», по имени двух крупнейших поселений. Положив себе за правило следовать народной терминологии, я должен был выбрать один из этих двух терминов. Я остановился на названии «джавский» как на более распространенном. Проф. Г. Ахвледиани, вслед за Вс. Миллером, называет диалект «двальским», с чем я не могу согласиться по приведенным выше соображениям.¹

Наиболее характерная, бросающаяся в глаза особенность джавской фонетики по сравнению с иронской может быть определена так: иронский

¹ Проф. Г. Ахвледиани находит возможным рассматривать так называемый «двальский» диалект как самостоятельный, третий диалект осетинского языка, противостоящий не только дигорскому, но и иронскому диалекту (К истории осетинского языка. Известия Тбилисского университета, V, 1925, стр. 313—322). Мы считаем джавский

диалект есть диалект чокающий, джавский — чокающий и даже шокающий, т. е. в соответствие иронским зубным *c*, *ʒ* мы находим в джавском палатальные *č* и *ž* или *š* и *ž*. И если мы без колебаний утверждаем, что в книге Ялгузидзе и в работе Г. Розена представлен именно джавский диалект, то это прежде всего потому, что у того и у другого находим ясно выраженное и последовательное чокание.

Впрочем у Розена мы находим интересное замечание: «*ʒ* und *ž* werden dialectisch sehr häufig miteinander verwechselt». Если *ʒ* и *ž* чередовались по диалектам, то мы в праве предполагать параллельное чередование *c* и *č*. А все это указывает на то, что в числе осведомителей Розена, помимо представителей джавского наречия, были также представители других наречий, быть может туалевского или ксанского.

Историю джавского диалекта мы имеем возможность проследить на протяжении столетия с лишним. Исследование Г. Розена относится к сороковым годам прошлого века. Церковные книги Ялгузидзе появились в двадцатых годах прошлого века. Кроме того в Тбилиси найдена опубликованная проф. Г. Ахвледиани небольшая рукопись светского содержания, принадлежащая перу того же Ялгузидзе и относящаяся к 1802 году. Столетие с четвертью — небольшой срок в истории языка, но мы видим, что за этот промежуток времени джавское наречие подверглось в своей фонетике весьма существенным изменениям. Если при Ялгузидзе и Розене оно было чокающим, то теперь его придется охарактеризовать как шокающее; в соответствии иронским аффрикатам *ʒ* и *c* мы имеем теперь в джавском уже не палатальные аффрикаты *ž* и *č* (как у Розена и Ялгузидзе), а палатальные сибиллянты *ž* и *š*.

Иронское	Розен, Ялгузидзе	Соврем. джавское
<i>ʒuryn</i> 'говорить'	<i>žuryn</i>	<i>žuryn</i>
<i>caeryn</i> 'жить'	<i>čaeryn</i>	<i>šaeryn</i>

Старые *č* и *ž* удержались еще в некоторых положениях:

- 1) после *n*: *ynčajyn* 'переставать';
- 2) после *t*, *d*: *fətžæğdæn*, 'лук для взбивания шерсти';
- 3) при удвоении: *xæččæ* 'смешанный'.

Другая, еще более важная фонетическая перемена, которую претерпел джавский диалект за 70—80 лет, заключается в следующем: у Ялгузидзе и Розена мы находим велярные согласные *k*, *g*, *k'*, палатализованными перед передними гласными *i*, *e*, *y*, как то и сейчас наблюдается в архаическом дигорском наречии; но они в то время не перешли еще в соответствующие палатальные аффрикаты *č*, *ž*, *č'*. К нашему же времени

(«двадальский») диалект, как и все вообще юго-осетинские наречия и говоры, разновидностями иронского диалекта. Легко убедиться, что по всем основным фонетическим, морфологическим и лексическим признакам они смыкаются с иронским и противостоят дигорскому.

этот переход полностью завершился, и сейчас джавский диалект в этом отношении не отличается от других иронских наречий.

У Розена и Ялгузидзе: *ki* 'кто', *kinug* 'книга', *nodu* 'еще', *laɣy* 'человека'. Теперь: *çi*, *çinug*, *noʒy*, *ləʒy*.

Есть основания думать, что и в иронском этот переход велярных в аффрикаты совершился лишь немногим раньше, чем в джавском. Во всяком случае А. Шегрен в своем труде «Ирон æвзагахур» характеризует указанные согласные в иронском как переходные от велярных к палатальным аффрикатам.

Если в смысле трактовки общесетинских аффрикатов джавский диалект может быть назван шпьяццм, то в отношении общесетинских сибиллянтов он, напротив, обнаруживает, в отличие от иронского, свистящность. Нужно заметить, что во всех почти иронских говорах нет ни зубных *s* и *z*, ни палатальных *š* и *ž*, а есть промежуточные между ними характерные передне-небные сибиллянты *ś* и *ź*, свойственные также соседним языкам черкесской группы. Природа этих звуков ускользала от исследователей-осетиноведов. А. Шегрен и В. Миллер без колебаний транскрибируют их через русские *c* и *z*, ничем не оговаривая, что произношение их отлично от русских сибиллянтов. Напротив Андреас и Кристенсен, которые слышали живую осетинскую речь из уст тех же иронцев, также, повидимому, без колебаний передают их буквами *š* и *ž*.

Определяя *ś* и *ź* как средние между *s* и *z*, с одной стороны, и *š* и *ž* — с другой, я имею в виду преимущественно акустический эффект. Что касается физиологической их природы, то они нуждаются в более тщательном исследовании средствами экспериментальной фонетики.

Как бы то ни было, в джавском наречии эти характерные для иронского сибиллянты отсутствуют, и их замещают «чистые» зубные *s* и *z*: ир. *quis* — дж. *qis* 'ухо', ир. *žarun* — дж. *zarun* 'петь'.

Вот все наиболее существенное, что придает характерный облик джавскому наречию в области консонантизма.

Что касается вокализма, то и здесь имеется ряд особенностей, не столь очевидных с первого раза, но при внимательном наблюдении оказывающихся не менее интересными. Прежде всего во всех югоосетинских наречиях и говорах гласные в общем уже, чем в североосетинских. Джавский диалект в этом отношении не составляет исключения. Но этим дело не ограничивается. Оказывается, что все джавские гласные можно по их артикуляции разделить на две группы: одни сопровождаются округло-губной артикуляцией, другие — растянуто-губной. В первую группу входят гласные *a*, *o*, *u* и во вторую *e*, *i*, *e*, *y*.

Могут заметить, что гласным *o*, *u* по самой их природе свойственно огубление. Это, конечно, так, но при сравнении джавской артикуляции этих гласных с иронской нельзя не заметить, что, насколько в иронском лабиализация слаба, вяла, настолько в джавском она отчетлива, напряжена. Северный осетин артикулирует гласные широко, но вяло, джавский

осетин узко, но напряженно. Грубо выражаясь, первый во время речи больше работает мускулами челюстей, второй — мускулами губ и языка.

Ударение в джавском наречии музыкально-эспираторное, с преобладанием тонического момента над экспирацией. Законы распределения ударения те же, что в иронском.

Насколько джавское наречие оригинально по своей фонетике, настолько в морфологии оно целиком примыкает к иронскому. Система склонения совершенно тождественна иронской. Что касается спряжения, то здесь мною замечены следующие отклонения от иронских парадигмов: 3 л. ед. ч. буд. вр. оканчивается на *-žen* (ир. *-žen*), напр. *wyžen* («будет»), ир. *wyžen*; 3 л. ед. ч. условн. накл. наст. и прош. вр. оканчивается на *t* (в иронском на *d*): *šærit*, *šardait* («жил бы»), ир. *šærid*, *šardaid*; 3 л. ед. ч. повелит. накл. также имеет *t* вместо *d*: *šærat* («пусть живет»), сев. ир. *šærad*.

В синтаксисе джавского диалекта не замечено никаких особенностей, заслуживающих быть отмеченными.

В лексике обращают на себя внимание грузинские влияния, о которых речь будет дальше.

Текстов на современном джавском диалекте, удовлетворительно напечатанных, до последнего времени не существовало. У Вс. Миллера в III части «Осетинских этюдов» есть три текста, записанные в 1883 г., но они полны весьма странных противоречий: в соответствии иронскому *c* мы находим у него то *c* (сăгдун), то *m* (барш), то *u* (кăрч); в соответствии иронскому *z* у него то *z* (тугзвх), то *ж* (хăжар). Старые велярные согласные перед передними гласными у него даны то как палатализованные (квзг, лăгв), то как палатальные аффрикаты (зарджвтă) и т. п.¹

В настоящее время мы располагаем обширным собранием текстов на югоосетинских наречиях в виде «Памятников югоосетинского народного творчества», изданных Югоосетинским научно-исследовательским институтом в гор. Сталинир.

Наряду с другими югоосетинскими наречиями там обильно представлен и джавский диалект. Как образчик этого диалекта мы помещаем здесь заимствованный отсюда небольшой мифологического характера текст, снабдив его переводом и разъяснениями.

Yfsatijy zaræg

1. Dywwadæsæj Badilatæ bafænd kottoj: «Šomut Sæččyn kommæ, Yfsati nyn kæd isty rattit».

2. Ui sæ bæx uyd sygdæg sawloxag, uj sæ topp uyd sygdæg eræžypp, uj sæ kard uyd sygdæg saw qanžal, uj sæ nymæt sygdæg andiag.

¹ Осет. этюды III, 1887, стр. 170—177.

3. Bašydysty Sæččyn kommæ ymæ nyqqær kottoj: «Ratt nyn. Yfsati!»
4. Wæd Yfsatijy læppu Žužumarġ xoxy cuppæj wæd rakasti. Fæstæmæ fezdæxt wæd jæ fydmæ ymæ jyn zaxta:
5. «Axæm adæm yrbašydi: uj sæ bæx u syġdæg sawloxag, uj sæ topp u syġdæg eræžypp, uj sæ kard u syġdæg saw qanžal, uj sæ nymæt syġdæg andiag. Kwyd bakænon, dada šæra, kwy qær kænynč: ratt, Yfsati!»
6. Yfsati saxta: «Awaž syn iw qybyl».
7. Qybyl dyn rawaxta. Zilgæ-zilgæ rašydi dælæ kommæ.
8. Badilatæ dywwadæsæj ymiftyġd kottoj, ymšæf yl sæ kottoj — xal-yrdu žy næ fæqwyttoj.
9. Qybyl sæm razdæxt, šæġdyn sæ bajdytta. Dywwadæsæj sæ kæræ-žijyl sugtyžagd yskotta.
10. Dykkag kast rakotta Žužumarġ ymæ zaxta: «Dælæ ta iw læg yrbašæwy. Axæm læg u: zilgæ zængoj ymæ sæmpærč'i, qisun wælæftaw ymæ k'æbæl-yfsæg; jæ topp ta u ræxsæntæj bast».
11. Jæ bon nykkaltta, uj ta u Žutty Kuši, kæmdær ta fæzyndi.
12. Ušy qybyly swytta. Qwyzyn æm bajdytta, xalæj xalmæ. syfæj syfmæ — ymæ jæ fexsta.
13. Ratylidi qybyl ymæ jæ razmæ rtyldi.
14. Dywwadæsæj Badilatæn sæ žawmatæ ratymbyl lasta. Udon ušy ran dywwadæsæj kæræžijyl šaġdæg bazzadysty.
15. Jæ qybyl dær je 'kkoj rakotta.

Песня Афсати¹

1. Двенадцать [из рода] Бадилата² задумали: «Пойдемте в Оленьё [богатое оленями] ущелье, не даст ли нам чего Афсати».
2. Уж и конь у них были чистой шавлоховской [породы]³, уж и ружье у них было настоящий эражыц⁴, уж и пашка у них была настоящий черный қанджал⁵, уж и бурка у них настоящая андийская⁶.
3. Вошли в Оленьё ущелье и воскликнули: «Поддай нам, Афсати!»
4. Тогда сын Афсати, Жужумарг, посмотрел с вершины горы. Вернулся назад к отцу и сказал ему:
5. «Такие пришли люди: уж и конь у них чистой шавлоховской [породы], уж и ружье у них... (и т. д.). Как мне поступить, отец, ведь они кричат: „Поддай, Афсати!“»
6. Афсати сказал: «Выпусти им одного поросенка [т. е. кабана]».
7. Поросенка он выпустил. Кружась [поросенок] спустился в ущелье.

¹ *Yfsati* — бог охоты, покровитель бедных охотников и враг знатных, как это видно и в данном сказании.

² *Badilatæ* — знатный феодальный род.

³ *Sawloxag* (*šawloxag*) — прославленная кабардинская порода коней.

⁴ *eræžypp*, *eræžypp* — высокоценный в старину вид ружья.

⁵ *qanžal*, *qanžal* — род высокосортовой стали.

⁶ «андийская бурка» — жители Андийского округа в Дагестане славились качеством и красотой изготавливаемых ими бурок.

8. Бадилата [все] двенадцать одновременно заряжали [ружья], одновременно стреляли в него — ни одного волоска у него не задели [букв. не уменьшили].

9. Поросенок к ним повернулся, стал их избивать. [Всех] двенадцать он навалил друг на друга, как дрова.

10. Второй раз посмотрел Жужумарг и сказал: «Вон идет опять один человек. Такой он человек: со свернутыми ноговицами и плохими арчи¹, накидка из грубой шерсти и деревянная застежка на шее; а ружье у него перевязано ремешками».

11. Счастливый, это опять Жутты Куши², снова он где-то объявился.

12. Того поросенка он завидел. Стал к нему красться, от былинки к былинке, от листочка к листочку — и выстрелил в него.

13. Покатился кабан и к нему скатился.

14. У двенадцати Бадилата он забрал снаряжение. Они же на том месте [все] двенадцать остались, наваленные друг на друга.

15. И кабана он взвалил на себя.

(Записано от сказителя Вайр К'æбусты из сел. Сыгдта в Юго-Осетии).

Восточное ксанское наречие охарактеризовано мною вкратце в ДАН 1927, стр. 88. Теперь могу сказать о нем еще следующее.

Если заселение осетинами джавского и кударского районов, а тем более туалского следует относить к достаточно отдаленной эпохе, отодвигая его на несколько столетий, то нельзя того же сказать о ксанском. И исторические и языковые факты подтверждают, что поселение ксанских осетин в теперешних местах по Ксанскому ущелью произошло не так давно, примерно в последние 200 лет. Они выселялись, гонимые малоземельем и нищетой, из различных высокогорных районов Северной и Южной Осетии и принесли с собой мешанину говоров и наречий. И вот здесь, в процессе сожителства и общения друг с другом и с грузинами, все эти говоры теряют понемногу свои индивидуальные особенности, нивелируются, приходят к одному знаменателю. При этом то новое наречие, которое вырабатывается, не есть результат победы какой-либо одной из первоначальных диалектических групп, а нечто во многих отношениях новое. Процесс этот еще не закончился, и быть может было бы поэтому преждевременно и неосторожно говорить об едином ксанском наречии.

Однако уже наметились некоторые особенности, отличающие его как от североиронского, так и от джавского наречия:

1. сужение, закрытость гласных;
2. протяжность произношения, главным образом за счет неударных слогов, которые ослабляются не в такой мере, как в иронском;

¹ *arč'i, yrč'i* — обувь у горцев, приспособленная к лазанью по горам.

² *Žutty Kuši* — фамилия и имя знаменитого охотника.

3. иронский губной полугласный *w* замещается нередко губнозубным спирантом *v*: *lævvyn* 'стоять' — ир. *læwvyn*, *dævæn* 'тебе' — ир. *dæwæn*;

4. на месте иронских переднеязычных сибилантов *š*, *ž* находим, как и в джавском, зубные *s*, *z*; напротив, в отношении аффрикат ксанский диалект примыкает к иронскому, т. е. является цокающим.

Перехожу к грузинским элементам юго-осетинской речи.

Грузинское влияние с особой силой сказывается на осетинской лексике. Материал, собранный мной в этой области, далеко не является исчерпывающим, так как мне не удалось посетить ряда интересных районов, в частности нескольких осетинских островков, вкрапленных в сплошное грузинское население.

Грузинские слова, которые ниже приводятся, употребляются осетинами джавского и ксанского районов главным образом в тех деревнях, которые вплотную подходят к грузинским поселениям. С удалением от границ грузинского населения количество грузинских элементов уменьшается, но остается все же значительно большим, чем в североиронских говорах. Большинство слов, если их рассматривать по грамматическим категориям, принадлежит к именам существительным.

Значительный процент слов в самом грузинском усвоен последним из персидского, арабского, турецкого и др., но их форма в осетинском (в частности окончание груз. имен. падежа) не оставляет сомнения в том, что они проникли в осетинский через грузинское посредство.

Грузинские заимствования в осетинском распределены по рубрикам.

Космические понятия

kveqana 'мир', гр. *kveqana* *haeri* 'воздух'

Растения

<i>lobia</i> 'фасоль', гр. <i>lobio</i>	<i>k'waxi</i> 'тыква'
<i>simindi</i> 'кукуруза'	<i>sazanтро</i> , <i>zazanтро</i> 'арбуз', гр.
<i>t'aro</i> 'кукуруза в стебле'	<i>sazanтро</i>
<i>k'ombost'o</i> 'капуста'	<i>st'apilo</i> 'морковь'
<i>c'wanili</i> 'зелень', гр. <i>mc'vanili</i>	<i>k'ak'ali</i> 'орех'
<i>kondari</i> 'вид зелени'	<i>arumbali</i> 'черешня', гр. <i>alubali</i>
<i>vardi</i> 'роза'	<i>at'ami</i> 'персик'
<i>ia</i> 'фиалка'	<i>komši</i> 'айва'
<i>qaqəšo</i> 'мак', гр. <i>qaqəšo</i>	<i>gulabi</i> 'сорт груш'
<i>xaxwy</i> 'лук', гр. <i>xaxvi</i>	

Животные

<i>zači</i> 'буйволенок', гр. <i>zaki</i>	<i>indouri</i> , <i>indouli</i> 'индейка'
<i>k'ambec</i> , <i>kambəš</i> 'буйвол', гр. <i>kameči</i>	<i>bat'i</i> 'гусь'
<i>akme'i</i> 'верблюд', гр. <i>akleti</i>	<i>ixwi</i> 'утка'

matali 'петух' *kaškaši* 'сорока', гр. *kač'k'ač'i*
zič'i, *žuc'i*, *žuk'i* 'индейка', гр. *č'uk'i* *šrošani* 'скворец'

Труд, хозяйство

toxi 'мотыга' *satorne* 'пекарня'
lamgan 'серп', гр. *mangali* *purne* 'пекарня'
č'evri 'борона', гр. *k'evri* *ezo* 'двор'
okoka 'соха на двух быков' *bađi* 'сад'
č'et'i 'палка', гр. *k'et'i* *č'ala* 'долина', гр. *č'ala*
čobaxi или *čombaxi* 'палка', гр. *čom-* *bari* 'равнина'
maxi *č'eri* 'стог'
iaradži 'оружие' *k'wali* 'борозда', 'колея'
xelna 'оглобля саней' *kuča* 'улица'
meseri 'плетень' *manati* 'рубль'
samželi 'саманник', гр. *sabželi* *ureti* 'арба'
begeli 'амбар' *đerži* 'ось', 'стебель'

Одежда

k'aba 'женское платье' *k'oxoži*, *k'oxoži* 'лапоть', гр. *koxinži*
xalati 'халат' *čusti* 'чувяк'
čekta, *sekta* 'сапог' *č'unda* 'чулок', гр. *č'inda*

Пища

č'adi 'кукурузный хлеб', гр. *mč'adi* *mac'oni* 'простокваша'
gunda 'тесто в виде шарика' *miraba* 'варенье'
erbok'ercxi 'яичница', гр. *erbok'vercxi*

Жилище, утварь

otaxi 'комната' *čangali*, *šangali* 'подсвечник'
qvari 'дрань', гр. *qavari* *melani* 'чернила'
k'edeli 'стена' *lila* 'синька'
panžara 'окно' *sabani* 'одеяло'
buxari 'камин' *lejbi* 'тюфяк'
taxča, *taxša* 'доска у стены' *mutaka* 'круглая диванная подушка'
taro 'полка' *xelcaxoci* 'полотенце', гр. *xelsaxoci*
šanaxi 'кадка', гр. *čanaxi* *p'irsaxoci* 'носовой платок'
žami, *žami* 'миска' *žec'ari* 'простыня'
xonča 'большое блюдо' *supra* 'скатерть'
tepsi 'тарелка' *xaliča*, *xališa* 'ковер'
užra, *uzra* 'выдвижной ящик' *pardaži* 'занавес', гр. *pardagi*
k'idobani 'ящик' *č'ilopi* 'цыновка', гр. *č'ilopi*
santeli 'свеча', гр. *santeli* *xaverdi* 'бархат'
nauti 'керосин' *bajraxi* 'знамя'
šuša 'стекло'

Термины родства

<i>saxlik'aci</i> 'родственник'	<i>maqari</i> 'дружка (свадебный)'
<i>simamri</i> 'тесть'	<i>deda</i> 'мать'
<i>sidedri</i> 'теща'	<i>tama</i> 'отец'
<i>mežware</i> 'посаженный отец'	

Числительные

<i>asi</i> 'сто'	<i>p'irveli</i> 'первый'
<i>atasi</i> 'тысяча'	

Прилагательные

<i>oxeri</i> 'покинутый'	<i>kosa</i> 'лысый'
<i>ubeduri</i> 'несчастный'	

Глаголы и abstracta

<i>unda</i> 'нужно'	<i>čamo</i> 'иди сюда'
<i>ikneba</i> 'может быть'	<i>gac'ireba</i> 'нужда', гр. <i>gac'ireba</i>
<i>loca</i> молитва при знахарстве, гр. <i>locva</i>	<i>sernova</i> 'гуляние', гр. <i>seirnova</i>

Наречия, союзы и проч.

<i>c'oret</i> 'как раз', гр. <i>sc'oret</i>	<i>isew</i> 'опять'
<i>xolot</i> 'только', гр. <i>mχolot</i>	<i>aba</i> 'ну!'
<i>rodi</i> в значении отрицания 'не', ср. гр. <i>rodis</i> 'когда'	<i>ercidqwid</i> 'одним словом', гр. <i>ert</i> <i>sit'qvit</i>
<i>rogorc</i> 'как'	<i>čempexemsa</i> выражение презрения, гр. <i>čem pexemsa</i> , букв. «моим ногам»
<i>axla</i> 'теперь'	<i>k'aco</i> обращение: 'человек!'
<i>rağa</i> 'ну', 'же'	<i>čemo zmo</i> обращение: 'брат мой!'
<i>k'i</i> 'же'	<i>ra wici</i> 'не знаю'
<i>xom</i> 'ведь'	
<i>net'awi</i> 'utinam!'	

Отметим некоторые фонетические изменения, которым подвергаются грузинские слова в устах южных осетин.

Перестановки

<i>akmeli</i> ← <i>aklemi</i>
<i>lamgan</i> ← <i>mangali</i>
<i>k'g, k</i> → <i>č', ž', č</i> (перед <i>i, e</i>)
<i>zači</i> ← <i>zaki</i>
<i>zuč'i, č'eti', č'ewri</i> ← <i>č'uk'i, k'et'i,</i> <i>k'evri, pardaži</i> ← <i>pardagi</i>

Выпадение

<i>loca, erbok'ercxi</i> ← <i>locva, erbok'vercxi</i>
<i>c'oret, xolot</i> ← <i>sc'oret, mχolot</i>
<i>ercidqwid</i> ← <i>ert sit'qvit</i>

Диссимилиация

<i>arumbali</i> ← <i>alubali</i>

Спирантизация

k'ašk'aši, xališa ← *k'ač'k'ač'i, xaliča*

Ассимиляция

zazantro ← *sazantro*

Замена

indouli, ← *indouri*
čobaxi ← *čomaxi*

samzeli ← *sabzeli*

Часть приведенных мною слов употребляется на всей территории Юго-Осетии, кроме высокогорных обществ. Остальные в ходу только в районах смешанного осетино-грузинского населения. Любопытно, что в значительном числе случаев осетины, употребляя грузинский термин, знают также его осетинский (иронский) эквивалент и спорадически его употребляют. Можно выделить три категории понятий. Одни обозначаются исключительно осетинскими терминами, другие — исключительно грузинскими и, наконец, третьи (и таких немало) можно выразить по желанию либо осетинским словом, либо грузинским, не рискуя быть непонятым. Можно говорить *ezo* (груз.) или *kært* (ос.) 'двор', *kiča* или *wyng* 'улица', *manati* или *som* 'рубль', *lejbi* или *goban* 'тюфяк', *tepsi* или *tæbæġ* 'тарелка'.

Можно подумать, что такая замена по желанию одного термина другим основана на общем хорошем знании грузинского языка осетинами данного района. Однако это не подтверждается. Во-первых, не везде имеет место такое хорошее знакомство с грузинским языком. Во-вторых, даже там, где оно есть, оно составляет монополию мужчин. Женщины и дети обычно таким знанием грузинского языка не обладают. Между тем и они указанную категорию слов выражают двуязычно. При этом дети, разумеется, не подозревают, что два употребляемые ими для одного понятия термина принадлежат двум различным языковым системам. Для них — это синонимы. Только уже с возрастом и углублением знания грузинского языка термины дифференцируются как грузинские и осетинские, но продолжают употребляться параллельно.

Наконец, мною отмечен ряд случаев, когда оба слова, грузинское и осетинское, употребляются одновременно, усиливая друг друга и как бы сливаясь в одно слово: *jaxi jyl nyssafta kwyd* (ос.) *rogore* (груз.) *mgeli* «он бросился на него, как-как волк», *aba* (груз.)-*caej* (ос.) *rasi* «ну-ну иди!»; *nyr* (ос.)-*ax'a* (груз.) *su kænon?* «что мне теперь-теперь делать?»

Такого рода слова принадлежат обычно к второстепенным частям речи — союзы, наречия, междометия.

Аналогичные явления отмечены в области морфологии, а именно — двойное множественное число: *eb-i* (груз.) + *tæ* (ос.), *čekmebitæ* 'сапоги' от *čekma* 'сапог'.

В общем же морфология почти не задета грузинским влиянием, если не считать таких lapsus linguae, когда осетинское слово снабжается грузинским падежным окончанием и т. п.

Особенную сохранность, даже в районах максимального грузинского влияния, обнаруживает осетинская система глагола. Глагол является, несомненно, самым стойким, самым консервативным элементом осетинской речи. Консерватизм осетинского глагола выражается не только в том, что чужие глаголы не заимствуются или заимствуются в неопределенной, аморфной форме, но и в том, что самая структура осетинских глагольных форм не претерпевает никаких изменений под грузинским влиянием.

Объясняется это не столько, мне думается, тем, что в области морфологии влияния вообще невозможны, сколько тем, что между осетинской и грузинской системами глагола существует глубокое различие, которое делает их чуждыми и непонятными друг другу.

Различие это можно сформулировать так: осетинское спряжение — это система суффиксов (флексий), грузинское спряжение — система префиксов. Конечно, в осетинском глаголе играют известную роль префиксы, а в грузинском — еще большую суффиксы, но в основном такая характеристика правильна. Неудивительно, что две столь разнородные системы глагола не дают при самом тесном общении смешанных форм.

Приходится думать, что при общении двух языков их способность влиять друг на друга, в смысле образования смешанных форм, имеет известный предел в зависимости от характера и строя этих языков и от степени их близости друг к другу.

Языки Северного Кавказа и Дагестана I (1935), стр. 87—97.

ВОПРОСЫ ФОНЕТИКИ
И
ГРАММАТИКИ

150 ЛЕТ ЖИЗНИ ОДНОГО ЯЗЫКА

Положение лингвиста, желающего исследовать факторы, условия и темпы фонетической эволюции языка, довольно затруднительно. Если он имеет дело с языком, обладающим развитой письменностью и использует письменные памятники, то ему приходится считаться, во-первых, с тем, что наличие письменности оказывает на развитие языка сковывающее, нормативное влияние, и что, следовательно, все процессы протекают в этом случае не во вполне свободных, «естественных» условиях; во-вторых, ему приходится считаться и с тем, что сама письменность окостеневает в исторически завешанных и тянущихся из века в век формах, так что между «правописанием» и действительным произношением образуются «ножницы», все более расходящиеся, что значительно обесценивает письменные памятники как материал для суждения о фонетическом состоянии языка в тот или иной момент.

Если же он имеет дело с языком бесписьменным, то и тут он не сможет добиться серьезных положительных результатов, так как в этом случае язык доступен его наблюдению на слишком коротком отрезке времени, не превышающем, в лучшем случае, продолжительности его исследовательской деятельности.

Иронское наречие осетинского языка представляет с этой точки зрения счастливый случай языка, имеющего 150 лет письменность, не настолько мощную, чтобы повлиять на развитие живой речи или исказить картину этого развития, но достаточную, чтобы зарегистрировать языковые факты на нескольких последовательных этапах на протяжении полутора столетий.

О чем же говорят эти факты? Они говорят о том, что за такой, относительно ничтожный промежуток времени иронское наречие претерпело в своей фонетике ряд весьма существенных перемен.

1. Палатализованные заднеязычные *k, g, k'* перешли перед гласными *i, e, y* соответственно в *č, ž, č'*: *kinug* → *činug'* 'книга', *ragu* → *ražu* 'рано' и т. п.

В отношении южноиронских наречий, туальского и джавского, не возникает никаких сомнений, что переход совершился в последнее столетие.

Не только написанные на джавском наречии тексты Ялгузидзе, относящиеся к 1800—1820 гг., но и посвященное этому же наречию исследование Г. Розена «Ueber die ossetische Sprache», 1848 г., застают палатализованные веллярные неперешедшими еще в палатальные аффрикаты. Больше того, в речи стариков как джавского, так и туалского (Наро-Зарамагского) районов до недавнего времени слышались спорадически *k, g*, вместо ожидаемых и общераспространенных теперь *č, ž*.

Относительно североиронского («тагаурского») наречия возникает, как будто, сомнение, совершился ли данный переход в этот же период или его надо отнести к более отдаленной, недостижимой для нас, по отсутствию памятников, эпохе. Перевод катехизиса 1798 г., сделанный в северной Осетии и предназначенный в первую голову для северных иронцев, казалось бы, красноречиво говорит, что в конце XVIII ст. северные иронцы не знали еще перехода *k, g, k'* в *č, ž, č'*. Однако, ряд несуразностей, встречающихся в этом тексте, набрасывает тень на его всяческую, в том числе и фонетическую доброкачественность. К счастью, у нас есть надежная контрольная станция в виде показаний акад. А. Шегрена, которые говорят за то, что в интересующем нас вопросе катехизис заслуживает доверия. Описывая трактуемые согласные 40 с лишним лет спустя после появления катехизиса, Шегрен характеризует их как переходные от *k, g* к *č, ž* и предсказывает, что современем этот переход завершится полностью.¹

Если при Шегрене переход заднебных в палатальные аффрикаты только намечался, то в высшей степени вероятно, что за 40—50 лет до того этот перебой вовсе не имел еще места и что, следовательно, показания катехизиса в этой части нет оснований опирачивать.

Сопоставление почти одновременных показаний Шегрена и Розена, — первого о североиронских наречиях, где переход в то время уже намечался, второго об южноиронских, где о нем еще нет речи, — говорит о том, что переход совершился на севере раньше и уже оттуда распространился на юг. Этот факт придется взять на учет, если мы желаем вскрыть причины и условия данного фонетического явления.

2. Начальное *æ* перешло в *y*. Этот переход совершился тогда, когда успела уже оформиться письменная традиция, идущая от Шегрена, по которой начальное *y* невозможно. Поэтому в письменных памятниках это важное фонетическое изменение так и осталось не отраженным: продолжают писать *æ*, хотя произносят *y*. Осетинская письменность, при всей своей юности, обзаводится, как видим, своим «историческим правописанием».

Что переход начального *æ* в *y* является совершившимся фактом в большинстве говоров и притом не со вчерашнего дня, подтверждается косвенно следующим обстоятельством. В стихотворении осетинского поэта Коста

¹ Осетинская грамматика, 1844, стр. 12—14, 24—25.

Хетагурова, вышедшем в 1899 г., но написанном значительно ранее, находим следующее четверостишие:

Jw izær ta sæ ærxasta sæ *fydbylыз*
 Arryqqy нухмæ.
 «Nal isyn nwazinag — zahta næ *fydsyl* — æz
 Ragæj mæ зухмæ».

Слова *fydbylыз* — *fydsyl æz* воспринимаются, вопреки написанию, как безукоризненная рифма. Очевидно, уже во времена Коста действительным произношением было *yz*, а не *æz*. Ес. Миллер, занимавшийся осетинским языком в этот же период, не отметил данного перехода. Почему? Надо думать, что и он подпал под влияние Шегреневского написания. А кроме того, он находился, без сомнения, под гипнозом ирано-осетинских соответствий, по которым данный гласный, как обычный корреспондент древнеиранского *a*, «должен» звучать *æ*, а никак не *y*.

В настоящее время, по моим наблюдениям, начальное *æ* редуцировалось в *y* во всех югоосетинских и в значительной части североиронских говоров.

3. Начальное *ǰ* перешло в *q*. Возникновение этого перебоя лежит за пределами рассматриваемого отрезка времени и не засвидетельствовано письменными памятниками. Но завершился и завершается он в самое последнее время. Не только в южноиронских текстах начала XIX ст., но и в говорении современных туальцев и джавцев выскакивает спорадически начальное *ǰ* в положении между сонорными во фразе: *tar ǰæd* (вместо *tar qæd*) 'темный лес', *saw ǰwɥn* (вместо *saw qwɥn*) 'черная шерсть', и т. п. Все данные говорят за то, что и этот переход оформился впервые в североиронской среде и уже оттуда распространился на юг.

К перечисленным фонетическим изменениям можно прибавить еще некоторые, менее значительные, датруемые также последним столетием, напр., стяжение группы *æwæ* в *o*: (*næwæd* → *nođ* 'новый') и пр.

Все вместе создает впечатление интенсивной фонетической жизни иронского диалекта в последние 100—150 лет.

*Известия Юго-Осетинского Научно-исследовательского
 института II (1935), стр. 235—238.*

ЧЕТЫРЕ РЯДА СМЫЧНЫХ СОГЛАСНЫХ В ОСЕТИНСКОМ

Тбилисский иранист проф. Г. Ахвледиани в своей работе: «Три *t* в осетинском и их отношение к соответствующим др. иранским звукам», на основании изучения осетинских текстов, подкрепленного собственными наблюдениями, приходит к следующим выводам:

1. В осетинском, кроме придыхательного *t* (груз. *თ*) и «кавказского» *t* (груз. *ტ*), имеется еще третье *t*, близкое к русскому *m* и наличное в глагольных формах part. perf. (напр. *fyst*), прош. вр. (*fyston*), в наст. вр. множ. ч. вспомог. глагола (*stæm*, *stut*, *sty*) и в некоторых других случаях.

2. Это третье *t* восходит к др. иранскому *t*, тогда как придыхательное *t* отражает др. ир. *θ*.¹

Мои наблюдения, охватывающие все почти осетинские наречия (кроме некоторых югоосетинских и дигорских говоров), подтверждая полностью основное положение Г. Ахвледиани о «трех *t*», обнаружили, однако, что:

1. в осетинском языке имеется не только три *t*, но соответственно три *k*, три *p*, три *s* и три *č*;

2. что эти «третьи» согласные не имеют своих особых соответствий в др. иран. консонантизме и появляются в определенных фонетических условиях.

Проф. Г. Ахвледиани обратил внимание на то, что одно и то же слово, скажем «ушли», в различных осетинских текстах пишется то через звонкий *d*: *acydysdy* (Ялгузидзе), то через «кавказский» *t* (груз. *ტ*): *acydyst'y* (Псалтирь, Петербург 1842; Евангелие, Тифлис, 1864), то через придыхательный *t* (груз. *თ*): *acydysty* (Вс. Миллер). Дальнейший анализ текстов мог бы обнаружить, что такое шатание наблюдается не только в отношении «*t*», но также в отношении «*k*», «*p*», «*s*» и «*č*», например, пишут то «*skaryn*», то «*sgaryn*» 'обьскивать', 'разведывать', «*æxkænyu* и «*æxgænyu* 'запирать', «*ræxčy* и «*ræxžy*, 'скоро', «*læppu*, «*læbbu* и «*læbpu* 'мальчик', «*dykkag* и «*dygkaq* 'второй', «*fytcag* и «*fyczag* 'первый', «*weryččyta* и «*weryžžyta* 'ягнята' и мн. др. Чем объясняется такое расхождение? Без сомнения тем, что во всех этих случаях слышится на самом деле не звонкий, не придыхательный и не «кавказский» (смычно-гортанный), а какой-то четвертый звук, для которого не было адекватного знака в употреблявшихся до сих пор осетинских алфавитах. И следовательно осетинские смычные (мгновенные) соглас-

¹ Jahrbuch der Georgischen Sprachwissenschaftlichen Gesellschaft, I—II, Тифлис, 1924, стр. 22—31.

ные образуют систему не в три, а в четыре ряда (включая звонкие): 1. ряд звонких, 2. глухих придыхательных, 3. смычно-гортанных («кавказских») и, наконец, 4-й ряд образуют вновь «открытые» согласные.

I	II	III	IV
<i>g</i>	<i>k</i>	<i>k'</i>	<i>x</i>
<i>d</i>	<i>t</i>	<i>t'</i>	<i>τ</i>
<i>b</i>	<i>p</i>	<i>p'</i>	<i>π</i>
<i>ʒ</i>	<i>c</i>	<i>c'</i>	<i>ç</i>
<i>ʒ̣</i>	<i>c̣</i>	<i>c̣'</i>	<i>ç̣</i>

Согласные 4-го ряда определяются как глухие без придыхания и представляют точное соответствие звонким, которые, как известно, не имеют в осетинском придыхания. Следовательно:

$\tau = t$ минус придыхание
или $= d$ минус звонкость,
 $x = k$ минус придыхание
или $= g$ минус звонкость, и т. д.

Все случаи, где мы встречаем согласные 4-го ряда, можно разделить на две категории:

1. после глухих спирантов *s*, *x*, *f*.
2. в так называемой геминации.

Остановимся пока на первой категории.

Смычный *k* 4-го ряда находим в следующих словах:

ysxarun 'обыскивать', 'разведывать', *ysxymyxun* 'отличиться', *ysxellad* 'сукно', *xæsxard* 'ножницы', *ysxmu* 'бедренная кость', *isxmu* 'когда-нибудь', *isxæj* 'чей-нибудь', *isxætæn* 'кому-нибудь' и т. п.; *færsx* 'ребро', от него — *færsxæj*, *færsxæn* и пр., *uæxsx* 'плечо', от него — *uæxsxæj* и пр.; *yxænyn* 'запирать', *sæxæer* 'поперечный', а также 'ушат'; далее, в формах деепричастия от глаголов, коих основы исходят на *s*, *x*, *f*, напр.: *tasxæ* от *tasyn* 'гнущься', *uasxæ* от *uasyn* ('гудеть', 'петь' и пр.), *xæsxæ* от *xæssyn* 'нести', *tæxæ* от *tæxyn* 'лететь', *tuxxæ* от *tuxyn* 'завертывать', *sxymyxæ* от *sxymyxun* 'отличиться', *safxæ* от *safyn* 'терять', *xafxæ* от *xafyn* 'тереть', *kafxæ* от *kafyn* 'плясать', *xymfxæ* от *xymfyn* 'кашлять' и др., в дигорском кроме того еще в ряде слов, где *k* = ир. *ç*: *tuxxin* 'сильный', *sænxxun* 'солевой', *jesxe* 'кто-нибудь', и т. п.

Обильно представлен в осетинском *t* 4-го ряда. Проф. Г. Ахвледиани прав, когда находит его в part. perf. и образованном от последнего прошедшем времени глаголов; но объясняется это только тем, что, когда part. perf. исходит на (негеминированный) *t*, — а он только и может исхо-

дить либо на *t*, либо на *d*, — ему (в иронском) обязательно предшествует какой-либо из глухих спирантов *s*, *x*, *f*. Примеров на эти глагольные формы можно привести очень много; я ограничусь несколькими:

- от *xæssyn* 'нести' — *xast*; *xaston*, *xastaj* и т. д.
 от *ližyn* 'убегать' — *lyhd*; *lyxæn*, *lyxæ*.
 от *taxyn* 'лететь' — *taxt*; *taxæn*, *taxæ* и т. д.
 от *fyсyn* 'варить', 'печь' — *fyx*; *fyxton*, *fyxtaj* и т. д.
 от *uafyn* 'ткать' — *uæft*; *uæfton*, *uæftaj* и т. д.

Этот же *τ*, опять-таки в положении после спиранта, находим, как указал и проф. Г. Ахвледиани, во множ. числе вспомог. глагола: *ystæt*, *ystut*, *ystu*, отсюда: *mydystæt*, *сydyстæt*, *сæmžyстæt* и т. п. Насколько он распространен, однако, и помимо указанных глагольных форм, можно судить по следующему, далеко не полному списку:

ystæg (кость), *ystaj* 'рысь', *ystur* 'крупная рогатая скотина', *ystur* 'большой', *yston* 'голодный'; *ast* 'восемь', от него *astæj*, *astæn* и пр.; *ystæt* 'редкий', *ystyn* 'вставлять', *ystajyn* 'уставать', *ystaunyn* 'мешать в котле', а также «свалить», *ystæryn* 'лизать', *astæryn* 'отделявать платье', *ystigyn* 'снимать шкуру', *istu* 'что-нибудь', отсюда — *istætæj*, *istætæn*, *istytæ*; *bæstæ* 'страна', диг. *qæstæ* 'живот', диг. *noštæ* 'невестка', *xæst* 'война', от него — *xæstu* и пр.; *qast* 'игра', а также «жалоба», *maст* 'горький', 'горе', 'желчь', *myст* 'мышь', *syст* 'вошь', *сæст* 'глаз', *ystavd* 'толстый', *lyстæg* 'мелкий', *lyстыtæ* 'щепки', *lyстæn* 'подстилка', *fiстæg* 'пеший', *xistær* 'старший', *kæстær* 'младший', *xæстæg* 'близкий', *fæстæg* 'последний', *fæстæ* 'после', *æfstau* 'взаимы', *istug* 'сперва', *ystæj* 'потом', *сухт*, *сухтæj*, *сухтыtæ* и т. д. 'сыр', *fæхт*, *fæхтæj* и т. д. 'ступка', *kafт* 'танец' и др.

p 4-го ряда известно мне только в геминиации, о чем речь ниже.

c 4-го ряда нахожу в слове *fæscæwin* 'слуга', 'служанка' и опять-таки в геминиации.

Для «*č*» 4-го ряда можно привести следующие примеры: *sysčy* 'овес', *ysčytæ* 'кости', *isči* 'кто-нибудь', *færsčytæ* 'ребра', *wæxsčytæ* 'плечи', *xæсčyn* 'должник', *nyfsčyn* 'смелый', *ræxčy* 'скоро' и др.; далее причастия на *-æg* от глаголов с основами, исходящими на *s*, *x*, *f* во множ. ч. *fysčytæ*, *xæсčytæ*, *kæсčytæ*, *taxčytæ*, *tuxčytæ*, *kafčytæ*, *uafčytæ*, *sačytæ*, *sk'æfčytæ* и др.

Мы видим, что предшествование глухого спиранта является тем необходимым фонетическим условием, с которым связано появление смычных 4-го ряда (негеминированных). И это вполне понятно с чисто физиологической точки зрения. Характерной особенностью трактруемых согласных является, как я упоминал, отсутствие придыхания. Очевидно, что спиранты вызывают, по своей природе, большой расход выдыхаемого воздуха, так что его уже «не хватает» на то, чтобы снабдить придыханием

следующий за ними смычный, который и оказывается таким образом лишенным придыхания, т. е. смычным 4-го ряда.¹ Впрочем, можно привести ряд примеров, где за спирантом следует все-таки придыхательный: *yxtong* 'подпруга', *sæxtæg* 'петлица', *sæftæg* 'копыто', *syftær* 'листва', *iftong* 'снаряженный', *yftaun* 'прибавлять', *iftynzyn* 'запрягать', *yxsa* 'деньги', *yxson* 'приятный', *kæxs* 'большая чаша', *сухсур* 'желоб', *yfcæg* 'шея', 'перевал', *syfcæj* 'волоком', *zæfcæj* 'по недосмотру'.

Наличие смычного 4-го ряда вместо придыхательного предполагает долгое бытование в языке группы: спирант-смычный. В таком слове, как *Mæskwy* 'Москва', мы находим, естественно, придыхательный. Точно также, если придыхательный попадает в положение после спиранта в результате живого образования, то сохраняет придыхание, не переходит в смычный 4-го ряда, например:

fys + *tæ* дает *fystæ* 'овцы', а не *fystæ*;
ys + *kænyu* дает *yskænyu* 'сделать', а не *ysxænyu*.²

Что было раньше, согласные придыхательные (2-го ряда) или непридыхательные (4-го ряда)?

На этот вопрос при теперешнем состоянии исторической грамматики осетинского языка не представляется возможным дать категорический ответ. Я склонен думать, что иранскому слою осетинского языка были искони чужды придыхательные смычные. И уже на Кавказе, в процессе языкового смешения с соседями, произошла последовательная замена старых непридыхательных соответствующими придыхательными кавказского типа (частью также смычно-гортанными), причем старые смычные без придыхания удержались в наиболее благоприятном положении, в положении, после спирантов.

Нечто подобное произошло в истории германских языков. По закону так называемого первого перебора согласных глухие смычные *p*, *t*, *k* уступили место аспиратам *ph*, *th*, *kh*, а в дальнейшем — соответствующим фрикативам. Однако старые *p*, *t*, *k* удержались в положении после *s*, *x*: гот. *nahts* 'ночь', гот. *stairno* 'звезда', гот. *spreivan* 'плевать', гот. *skaban* 'скоблить' и т. п. (см. М. Grammont. *Traité de phonétique*, 1933, стр. 237). Можно думать, что и причины, породившие это явление, были одни и те же в германском и осетинском: германский „перебой“ согласных, как и появле-

¹ Таково мнение проф. Л. В. Щербы, которым он поделился со мной в устной беседе и которое кажется мне вполне убедительным. В исторической фонетике греческого языка отмечается аналогичный процесс, утрата аспирации после *s*:

σθ → στ
 σχ → σκ
 σφ → σπ

См. М. Lejeune. *Traité de phonétique grecque*, 1947, стр. 50, прим.

² Напротив, если звонкий смычный попадает в положение после глухого спиранта, хотя бы в живом образовании, он, по свойствам осетинского языка, теряет звонкость и становится смычным 4-го ряда, но ни в коем случае не придыхательным: *iyx* + *žyn* = *iyxžyn* и т. п.

ние придыхательных в осетинском, следует отнести за счет языкового субстрата.

Второе условие появления смычных 4-го ряда — также чисто фонетического порядка, именно геминация или, правильнее, долгота согласных. Всякий геминированный (долгий) смычный есть смычный 4-го ряда. Геминированный звонкий или геминированный придыхательный невозможен в осетинском;¹ поэтому

fʏd + dæŕ дает *fʏttæŕ* («хуже»), а не *fʏddæŕ*
uæt + tæ дает *uættæ* («комната»), а не *uættæ*

Обозначая придыхательные и непридыхательные глухие соответствующими греческими знаками, а звонкие — латинскими, имеем такие закономерности:

ϕϕ → ππ	bb → ππ
ϑϑ → ττ	dd → ττ
χχ → κκ	gg → κκ

Здесь действуют опять-таки чисто физиологические факторы. И звонкость и придыхание предполагают открытую голосовую щель. Между тем при произношении долгого смычного согласного в ротовой полости образуется продолжительный затвор, а при этом условии и голосовая щель не может долго оставаться открытой; она закрывается, и произнесенный долгий смычный оказывается лишенным и придыхания и звонкости, т. е. смычным 4-го ряда.²

Явление геминации очень распространено в осетинском; я приведу лишь несколько примеров:

axxag («достойный»), *duxxag* («второй»), *luxxag* («отрезок»), *xæŕyxx* («ягненок»), *bættyn* («вязать»), *cyttæn* («я шел»), *carrtæn* («я жил»), *sættæ* («готовый»), *uttag* («внешний»), *qættag* («лесной»), *quyttag* («дело»), *læppi* («мальчик»), *utpæt* («все»), *utparyn* «бросать»), *xæssæ* («смешанный»), *lissynæn* («буду бежать»), *fissynæn* («буду платить»), *fæðbi* («пола»), *qabčyn* («ведостающий»), *subčyn* («почетный»), *tuččyn* («кровник»).

Существование в осетинском системы смычных согласных в 4 ряда представляет любопытный факт, не имеющий близкой аналогии в живых иранских языках и сближающий осетинский язык с одной группой кавказских языков, именно южнодагестанской (лакский, лезгинский), где мы находим такую же систему.

¹ Исключение составляют слова, в которых начальный смычный геминируется под влиянием префиксов *ny* и *fæ* (в диг.), напр. *nyttæryn* от *tæryn* 'гнать', *fækkæyn* от *kæyn* 'плакать'.

² См. А. Klingenberg, *Stimmtonverlust bei Geminaten*. Festschrift Meinhof. — Вроскелманн. *Grundriss der vergleich. Grammatik der semitischen Sprachen*, Bd. I, § 41. — А. Н. Генко. *Материалы по лезгинской диалектологии*. ИАН, 1929, стр. 333. — Р. О. Шор в сб. *Языки Сев. Кавказа I*, стр. 135.

Согласные 4-го ряда не могут быть названы в осетинском фонемами в полном смысле. Это ясно уже из того, что все когда-либо существовавшие осетинские алфавиты обходились без их обозначения. Тем не менее можно подобрать несколько случаев, где наличие или отсутствие придыхания имеет смысловозначительное значение, напр. *xæsty* 'в долгах' и *xæsty* 'на войне', *qazty* 'гусей' и *qazty* 'на пляске' и др.

Известия Осетинского Института краеведения
II (1926), стр. 475—480.

СМЫЧНО-ГОРТАННЫЕ СОГЛАСНЫЕ В ОСЕТИНСКОМ

Коренные языки Кавказа, которые Н. Я. Марр называл яфетическими, характеризуются в области фонетики одной, особенно яркой, общей чертой: наличием смычно-гортанных согласных (надгортанных по терминологии Н. Ф. Яковлева, эктивных по терминологии Н. В. Юшманова, абруптивов по терминологии Г. С. Ахвледиани). В артикуляционном отношении они отличаются от обычных согласных тем, что при их произношении гортань на время смыкается, и в реализации звука участвует лишь тот воздух, который был в надгортанной области.

В других языках Евразии эти согласные как ясно выраженные фонемы не встречаются, и в литературе их нередко даже называют «кавказскими». Последнее название, однако, непремлемо, так как, по имеющимся данным, такие же согласные имеются в языках Африки.¹

Индо-европейскому консонантизму смычно-гортанные согласные чужды. Но два индо-европейских языка, с давних пор бытующие на Кавказе, имеют систему согласных, в которую смычно-гортанные входят органическим, стойким элементом: армянский и осетинский. Естественно полагать, что наличие специфических «кавказских» согласных в этих языках объясняется тем, что и армянский, и осетинский языки формировались на субстрате кавказских языков. Так именно и смотрел на это дело Н. Я. Марр.

Но если это так, то степень проникновения данных согласных в тот или иной индо-европейский язык может служить, в известной степени, указанием на размеры участия кавказского субстрата в образовании этого языка.

Отправляясь от этой мысли, мы хотим в данной статье обозреть все важнейшие случаи и условия появления смычно-гортанных согласных в осетинском.

Первое, что обращает на себя внимание при сравнении с армянским, это то, что смычно-гортанные не имеют в осетинском такого массового, проникающего всю фонетическую систему распространения, как в армянском. Если там смычно-гортанные выступают как закономерные субституты определенных индо-европейских согласных (индо-европ. *g* → арм. *k'*, индо-европ. *d* → арм. *t'* и т. д.), то в осетинском о такой последовательной суб-

¹ См. Н. В. Юшманов. Фонетические параллели африканских и яфетических языков. Сборник *Africana*, I, 1937, стр. 21, 25 и др.

ституции нет и речи. Здесь мы находим субституцию придыхательных,¹ а смычно-гортанные появляются в иранских словах лишь в виде исключения и только в определенных условиях, о которых мы скажем ниже.

Преимущественная сфера распространения смычно-гортанных в осетинском—это слова, заимствованные из кавказских языков. Похоже на то, что предки армян сразу стали артикулировать индо-европейские слова своим привычным «кавказским» способом, тогда как предкам осетин пришлось учиться этой артикуляции, осваивать ее, и они ей учились на тех словах, которые они заимствовали у своих кавказских соседей или восприняли из местного субстрата.

Действительно, в общей массе слов, где мы находим в осетинском смычно-гортанные, наибольший процент приходится на предположительно субстратные кавказские слова или на слова, усвоенные из соседних кавказских языков, главным образом из грузинского. Таковы

а. на смычно-гортанный *k'*:

- k'aba* ← груз. (из араб.) *k'aba* 'женское платье',
k'ambec ← груз. (из перс.) *k'ameci* 'буйвол',
k'ala ← груз. (из араб.) *k'ala* 'олово',
k'alati ← груз. *k'alati* 'корзинка',
k'wyri | *k'wære* ← груз. (из греч.) *k'vira* 'неделя',
č'yr | *k'iræ* ← груз. *k'iri* 'известь',
č'iri | *k'ere* ← груз. *k'veri* 'лепешка',
zok'o ← груз. *sok'o* 'гриб',
k'æj ← сван. *k'a* 'плита', 'шифер',
диг. *k'ela* ← мегр. *k'vela* 'скамья',
k'utær | *k'otær* ← чеч. *k'otær* 'куст',
k'umæl ← чеч. *k'omal* 'брага',
zæč'e | *zak'æ* ← адыг. *zak'ä* 'борода' и др.

б. на смычно-гортанный *c'*:

- c'aj* ← груз. (из перс.) *č'a* 'колодец',
guc'a ← груз. *k'uč'i* 'желудок',
c'ynda | *c'inda* ← груз. *c'inda* 'чулок',
c'iryŋ 'сосать' ← мегр. *c'irva* 'цедить' и др.

в. на смычно-гортанный *t'*:

- bit'na* ← груз. (из греч.) *p'it'na* 'мята',
at'ami ← груз. *at'ami* 'персик' и др.

Значительное количество слов, содержащих смычно-гортанные, не имеют пока надежной этимологии, но можно с большой долей уверенности утверждать, что они не иранские:

¹ См. выше, стр. 515.

k'abaz 'конечность', *k'æʒil* 'хвост',
k'æbær 'кусок', *k'ærnyx* 'вор',
k'æʒæx 'скала', *k'ubal* 'шея',
c'uj 'рябина', *xæc'il* 'тряпка' и др.

Всего вероятнее, что эти слова идут из той среды, для которой смычно-гортанные были родными звуками: из кавказского субстрата.

Во всех ли случаях смычно-гортанные кавказских языков передаются в осетинском смычно-гортанными же? Оказывается нет. Есть случаи, когда в осетинском им отвечает глухой придыхательный или звонкий. Так груз. *č'arxali* 'свекла' дало ос. *sæxæra* (в груз. смычно-гортанный, в ос. придыхательный *c*). Грузинскому *bolok'i* 'редис' отвечает в пронском диалекте *bulk'*, но в дигорском *bolgæ* (звонкий вместо смычно-гортанного). В осетинском находим *byl* | *bilæ* 'губа' при сванском *p'il* 'губа', грузинском *p'iri* 'рот'. В соответствии сванскому *tek'er* (балк. *təkər*) 'клен' находим в осетинском *tægær*.

В некоторых случаях такая неадекватная передача объясняется вмешательством одного фонетического явления: диссимилятивного озвончения. Если в грузинском слове два глухих смычных, то в осетинском один из них (обычно первый) имеет тенденцию озвончаться. Это явление отмечено Г. С. Ахвледиани и иллюстрировано им рядом совершенно убедительных примеров:

груз. *k'it'ri* → ос. *ʒit'ri* 'огурец',
 груз. *č'lak'vi* → ос. *ʒylak'wy* 'горный лук',
 груз. *t'ik'i* → ос. *dič'i* 'бурдюк',
 груз. *k'uc'i* → ос. *guc'a* 'желудок',
 груз. *p'it'na* → ос. *bit'na* 'мята' и др.¹

В итоге даже в усвоенных из кавказских языков словах общее количество смычно-гортанных оказывается в осетинском несколько меньше, чем в первых.

Другая группа слов, где мы встречаем смычно-гортанные, это заимствования из русского языка.

С первого взгляда может показаться странным, почему в русских заимствованиях имеет место субституция смычно-гортанных согласных, вполне чуждых русскому языку. Однако, если мы сравним характер согласных в русском и осетинском, то указанное явление станет понятным. В осетинском (как в грузинском и армянском) имеется три основных ряда смычных согласных:

¹ Труды Тбилисского Гос. унив., XVIII, 1941, стр. 41 сл.

1. глухой придыхательный, 2. смычно-гортанный и 3. звонкий. Четвертый ряд — глухие непридыхательные — встречается только в определенных фонетических условиях: после глухих фрикативов и в геминации.

Стало быть при передаче русских глухих смычных осетинский должен выбирать между своими глухими придыхательными и смычно-гортанными. И если выбор очень часто падает на смычно-гортанные, то это следует считать в порядке вещей. Отсутствие придыхания — вот что сближает их с русскими согласными. Этот признак представляется в «фонологическом сознании» говорящих настолько важным, существенным, что он заставляет забывать о более, казалось бы, ярком и разительном различии: смычно-гортанности. По этой же причине, и притом гораздо более последовательно чем в осетинском, происходит субституция смычно-гортанных согласных в словах, заимствованных из русского, в грузинском и армянском.

Впрочем замена русских глухих смычно-гортанными в осетинском далеко не обязательна. Картина здесь несравненно более пестрая, чем в заимствованиях из кавказских языков. В ряде слов, усвоенных, как мы думаем, в более ранний период, мы находим в осетинском придыхательные:

činyg | *kicnygæ* ← русск. *книга*
pec ← русск. *печь*,
kapæk ← русск. *копейка*,
saldat ← русск. *солдат*,
xamut ← русск. *хомут*,
goræt ← русск. *город (горат)*,
kartof ← русск. *картофель*,
xlepa ← русск. *хлеб (хлеп)* и др.

Смычно-гортанные налицо в таких словах, как

k'anaw ← русск. *канавка*,
k'abusk'a → русск. *канука*,
k'uler ← русск. *курьер*,
t'yruβa ← русск. *труба*,
p'ol ← русск. *пол*,
bulk'on ← русск. *полковник*,
bar'iros → русск. *панталоны* и др.

В последних двух словах произошло диссимлятивное озвончение начальных глухих, а в *k'abusk'a* такое же озвончение среднего глухого.

В ряде случаев наблюдается расхождение между североосетинскими и югоосетинскими наречиями: последние больше склонны к субституции смычно-гортанных, чем первые; так для *картофеля* мы в некоторых югоосетинских говорах находим *k'art'of*, в северных всегда *kartof*; для *метради* в некоторых южных *t'e'rad*, в северных *tetrad*; для *копейки* в южных *k'ap'ek*, в северных *kapæk*; для *колхоза* в южных *k'alxoz*, в северных *kal-*

хоз. Параллельно встречаются *ysp'alk'om* и *yspalkom* 'исполком', *k'æmunist* и *kæmunist* 'коммунист', *p'alto* и *palto* 'пальто' и др. Если мы примем во внимание, что южные осетины ближе соседят и постоянно общаются с грузинами, то перевес в их наречии смычно-гортанных станет понятен.

Третья категория слов, где появляются в осетинском смычно-гортанные, это слова, связанные с представлением о физическом усилии. Насколько нам известно, редко бывает, чтобы какой-либо звук или тип звуков был связан со словами определенного семантического круга. Однако осетинские факты не оставляют, кажется, сомнения, что в сознании говорящих существует какая-то связь между смычно-гортанными согласными и представлением о физическом усилии. Особенно наглядно это в тех случаях, когда данная основа параллельно выступает со значением, не связанным с физическим усилением, и в этом случае вместо смычно-гортанного стоит придыхательный или звонкий:

tærun 'гнать' (др. пран. *tar-*) содержит придыхательный; тот же корень с превербом *æm-* (*æn-*), *æn-t'æryn*, означает 'гнать с силой' и имеет уже смычно-гортанный;

наряду с *tuxyn* 'заворачивать' имеем *æn-t'uxyn* 'сильно стягивать (пояс, подпругу и т. п.)';

корень *dux-* (ср. перс. *dōxtan: dōz*) мы находим в *æv-dux-yn* 'задвигать засов, задвижку' со звонким *d*, но в *ræ-t'uz-yn* 'протыкать с силой' со смычно-гортанным *t'*;

наряду с *kærdyn* 'резать', 'кроить' (др. пран. *krt-*) имеем *k'ært kænyn* 'вспаривать';

наряду с *tælfyn* 'шевелиться' — *yst'ælfyn* 'вздрагивать сильно', 'подпрыгивать';

наряду с *kusyn* 'работать' — *ænk'usyn* 'потрясать'.

В перечисленных словах, которые относятся к иранскому слою, появление смычно-гортанных очевидным образом сопутствует семантике мускульного усилия, как бы служит способом его передачи. Возможно, такого же происхождения смычно-гортанные согласные в словах *k'wyryn* 'толкать', 'ударять', *t'yssyn* 'совать', *c'ist kænyn* 'давить', 'щемить', *c'æl kænyn* 'ломать', 'крушить'.

Когда в таком бесспорно иранском слове, как *læunc* 'узел' (др. пран. *grandi*), появляется в конце смычно-гортанный *s*, мы затрудняемся найти этому иное объяснение кроме того, что и здесь оказало влияние представление о мускульном усилии, связанном с затягиванием узла.

Широко представлены смычно-гортанные в звукоподражательных словах и в первую голову в тех, которые опять-таки передают мускульное усилие. Эти слова в осетинском бывают двух типов:

1. употребляемые обычно без удвоения, но факультативно и с удвоением;

2. употребляемые всегда с удвоением.

К первому типу относятся:

k'ur 'удар', отсюда
k'ur kænyn или *k'ur-k'ur kænyn* 'колотить',
t'ær 'удар', 'шлеп' (*t'ær kænyn*, *t'ær-t'ær kænyn*),
t'ur, *t'ur-t'ur* 'удар', 'удары',
k'ærc 'треск', 'оплѣуха' (*k'ærc k'ænyn*, *k'ærc-k'ærc k'ænyn*),
k'ær 'тяп!' (*k'ær kænyn* 'тяпнуть', *k'ær-k'ær kænyn* 'ляять', 'болтать'),
k'wyrtt, *k'wyr-t-k'wyrtt* 'стук',
k'wyzzit 'свист',
c'yggwyt 'плеск (рыбы в воде и т. п.)',
c'yrtt 'прысканье (водой)',
qinc' 'скрип',
c'uk 'удар', *c'uk-c'uk* 'шлепанье' и т. п.,
č'er kænyn 'рассекать', 'разрезать',
p'ært kænyn 'разрывать', а также 'затягиваться трубкой или папиросой'.

Звукоподражания с удвоением проявляют такую же склонность к смычно-гортанным:

k'ær-k'ær 'треск',
k'æs-k'æs 'скрежет',
k'wys-k'wys 'завывание ветра',
k'wyr-k'wyr 'шум, грохот',
k'ybar-k'ybur 'треск', 'хруст',
c'ys-c'ys 'шпиенье',
c'yr-c'yr 'стрекотанье', *c'yrc'yrag* 'стрекоза',
c'ybar-c'ybur 'щебетанье',
c'iw-c'iw то же,
p'ær-p'ær 'треск (разрываемой ткани)', а также 'пустая болтовня'.

Слова *k'æzyn* | *k'wæzyn* 'закататься' и *xæk'urc* 'икание' также, повидимому, звукоподражательной природы.

Широкое использование смычно-гортанных в звукоподражаниях мы объясняем так же, как использование их для передачи мускульного усилия: напряженная артикуляция этих согласных делает их особенно «выразительными» для этих целей. Прекрасный знаток кавказской фонетики Г. С. Ахведиани, когда мы поделились с ним этой мыслью, возразил, что по его наблюдениям смычно-гортанные («абруптивью») в произношении, скажем, грузина не требуют никакого особого напряжения артикулирующих органов. Охотно соглашаемся с авторитетным мнением специалиста. Но в таком случае, для объяснения осетинских фактов, придется допустить, что на осетинской почве в какой-то период эти согласные все же воспринимались как напряженные,

эмфатические и в силу этого особенно пригодные для передачи понятий мускульного усилия и для звукоподражаний. Почему это могло быть? Именно потому, что эти согласные не были в такой же степени привычными, как другие согласные: когда мы учимся каким-нибудь движениям (напр. плаванию), мы затрачиваем гораздо больше усилий, чем когда эти движения полностью нами освоены и стали привычными...

Наш обзор главнейших случаев употребления смычно-гортанных согласных в осетинском был бы не полным, если бы мы не отметили одной фонетической позиции, в которой они появляются особенно часто: после *s*. В этой позиции смычно-гортанные обычны не только в не иранских словах (*sk'ola*, *st'ol* и др.), но и в иранских:

st'aly | *st'alu* 'звезда' ← др. иран. *star-*,
sk'æt 'хлеб' ← др. иран. *fšu-kata-*,
sk'æryn | *sk'ærun* 'гнать' ← др. иран. *skar-*,
sk'wyjyn | *sk'ujun* 'рваться', *sk'wynyn* | *sk'unun* 'рвать', ср. инд.
sku-: *skunóti* 'ковырять' и пр. (Walde-Pokorny, II, стр. 552),
sk'æfyn | *sk'æfun* 'похищать', ср. нем. *schaffen*,
xusk' 'сухой', др. иран. *huška-*,
lysk' | *lisk'æ* 'гнида', ср. др. инд. *likṣa-*.

Объясняется это явление тем, что *s* как спирант требует значительного расхода воздуха и тем вызывает дезаспирацию следующего за ним смычного, что и приводит либо к появлению смычного «4-го ряда» (см. выше, стр. 514 сл.) либо, в виде дальнейшей ступени того же процесса, к появлению смычно-гортанного.¹

За пределами перечисленных случаев можно отметить наличие смычно-гортанных еще в ряде слов неясного (вероятно кавказского) происхождения и, кажется, в двух-трех иранских словах: *k'anncæg* 'мальчик' из др. иран. *kanyaka*, *ænk'ard* 'грустный' из *han-kar-*. Чем вызвано появление смычно-гортанного в этих последних словах — мы не можем объяснить. Контактация с каким-нибудь субстратным словом? Но с каким?

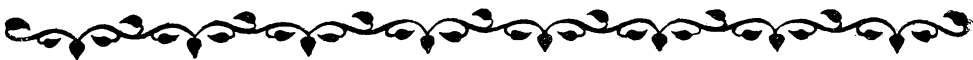
Подводя итог, мы должны отметить, что смычно-гортанные не имеют в осетинском такого распространения, как в армянском, и в период формирования осетинского языка они не составляли органического элемента его фонологической структуры. Они входили в язык вместе с кавказской лексикой и лишь постепенно в некоторые некавказские слова. Так как освоение их требовало известных усилий и сопровождалось напряжением артикулирующих органов, то они стали охотно употребляться для выражения понятий физического усилия и для звукоподражаний соответствующего круга.

¹ См. Яфет. сб., VII, стр. 61—62.

Само собой разумеется, когда число слов, содержащих смычно-гортанные, стало значительным, эти звуки стали фонемами, т. е. приобрели смысло-различительное значение. Можно привести такие пары, как

k'æj 'плита' и *kæj* 'кого', 'чей',
k'us 'миска' и *kus* 'работай',
k'ul 'склон' и *kul* 'глубокое место в реке',
k'ært 'кусок' и *kært* 'двор',
k'ærc 'удар' и *kærc* 'шуба',
c'aj 'колодец' и *saj* 'чай',
c'æl 'раздробленный' и *sæl* 'угощение',
c'as 'отверстие' и *sas* 'сколько',
c'iw 'птичка' и *ciw* 'что такое?'
t'æp 'удар' и *tæp* 'вспышка' и др.

ПОЛНОГЛАСИЕ В КАРТВЕЛЬСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ

Фонетика заимствованных слов представляет интерес во многих отношениях. Изменение фонетического «лица» слова при переходе из одной среды в другую ярко выявляет фонетические особенности и тенденции каждой среды и нормы взаимной субституции звуков. Мало того, очень часто это изменение само по себе, без каких-либо дополнительных данных, позволяет определить направление заимствования и, стало быть, ведет к важным культурно-историческим выводам (см. выше, стр. 288 сл.).

Грузинские заимствования в осетинском уже послужили предметом ценных наблюдений Г. С. Ахвледиани с указанной точки зрения.¹ На 20 примерах автор устанавливает закономерность: если в грузинском слове два глухих смычных, на осетинской почве один из этих смычных (именно первый) имеет тенденцию озвончиться.

По нашим наблюдениям в картвельских заимствованиях осетинского языка выявляется еще одна характерная закономерность: тенденция к полногласию.

Если картвельское слово начинается с группы согласных, осетинский расцепляет эту группу вставкой гласного *æ* или *y*:

1. *sæžyng* | *sæginzæ* 'столб' ← мегр. **čxinž'i* (не засвидетельствовано, но поддерживается грузинским *čxiri* 'палочка' и абхазским *čxənž* 'палка для подвешивания котла');

2. *sæqal* диг. 'волна' ← груз. *c'qali* 'вода';

3. *sæxær* 'жар', 'огонь' ← груз. *sxeli* 'горячий', мегр. **čxari* (не засвидетельствовано), ср. груз. *ce-sxli* 'огонь', чан. *da-čxuri* 'огонь';²

4. *c'ænid* | *c'ænoda* 'осока', 'тростник' ← груз. *c'nori* 'ива', мегр. **č'nod'i* (? не засвидетельствовано);

5. *c'ærna* диг. 'пестрый', 'веснушчатый' ← груз. *č'reli*, *č'rela* 'пестрый';

6. *gælex* диг. 'раб' ← груз. *glexi* 'крестьянин';

7. *gælxur* 'невзрачный', 'жалкий' ← груз. *glexuri* 'крестьянский';

8. *gælæxxa* диг. 'бедняга'³ ← груз. *glaxa* 'бедняга';

¹ Диссимилятивное озвончение смычных в осетинском языке. Труды Тбилисского Гос. унив., XVIII, 1941, стр. 41 сл.

² А. Ч и к о б а в а. Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь, 1938, стр. 158.

³ В словаре Вс. Миллера ошибочно дано значение «пожалуйста». Значение «бедняга» бесспорно, см. например, стихотворение Т. Б е с а т и. *Sižer* («Сиротка»): *sožæg galæxxa* «горький («жгучий») бедняк» (Сб. Dzilli zaraeg, 1934, стр. 30).

9. *gæliŕ* | *gæleræ* 'покоробленный', 'неровный', 'с зазубринами' ← груз. *xrili* 'изогнутый' (от глагола *xr-* 'сгибать');
 10. *gærtam* 'взятка' ← груз. *krtami* id.;
 11. *gumiry* | *gumeri*, *gæmeri* 'великан', 'исполин' ← груз. *gmiri* 'исполин', 'герой';
 12. *čylawi* | *kilawi* 'слива' ← груз. *kliavi* id.;
 13. *čyrysti* | *kiriste* 'христос' ← груз. *kriste*;
 14. *k'æbæda* 'болтун' ← груз. *qbedi*, *qbeda* id.;
 15. *pyrynŷ* | *pirinŷ* 'рис' ← груз. *brinŷi*;
 16. *qædur* | *qædoræ* 'бобы', 'фасоль' ← груз. *xnduri* (← *qdur-*);
 17. *syxyrna* | *sixirna* 'решето', 'крупное сито' ← груз. *cxrili*, *cxrila* 'грохот', 'решето';
 18. *tyrysa* | *turusa* 'знамя' ← груз. (из перс.) *droša*.

Следует отметить соответствия картв. *x* || ос. *g* (*čxinŷi* → *cæginŷæ*, *xrili* → *gæliŕ*) и картв. *l* || ос. *n* (*č'rela* → *c'ærna*, *cxrila* → *syxyrna*). Оба соответствия, хотя и не вполне обычны, не вызывают в данных примерах никакого сомнения. Для первого соответствия (*x* || *g*), ср. еще груз. *xari* (← *qari*) 'вол' → ос. *gal*. Второй перебой (*l* || *n*) носит здесь диссимилятивный характер: из двух плавных *rl* второй становится носовым (*c'ærna* вм. **c'ærla* и *syxyrna* вм. **syxyrla*).

Уместно спросить, насколько выявляется тенденция к полногласию в других, некартвельских элементах осетинской речи. В русских заимствованиях картина аналогичная, напр. ос. *kiwniŷæ* ← русск. *книга*, ос. *k'urupa* ← русск. *крупа*.

В иранском слое языка группа согласных вначале также неохотно терпится. Но там мы находим не расщепление этой группы вставкой гласного, а появление протетического гласного:

- ystyr* | *ustur*, *æstur* 'большой' ← др. иран. *stura-*;¹
æxsar 'доблесть' ← др. иран. *xšadra-*;
ærgæv- 'взваливать', 'подымать' ← др. иран. *grab-*;
æfsad 'войско' ← др. иран. *spāda-* и др.

Нетрудно установить, что во всех иранских словах этого рода начальным согласным бывает фрикатив или плавный, тогда как в вышеприведенных заимствованиях из картвельских языков, а также в *kiwniŷæ* ← русск. *книга*, *t'yrupa* ← русск. *труба*, *k'urupa* ← русск. *крупа*, первый согласный всегда смычный.

¹ В современной осетинской орфографии пишут нередко *styr*, но небольшой гласный приступ вначале всегда слышится, так же как в заимствованных словах *st'ol* 'стол', *sk'ola* 'школа' и др.

Мы имеем, стало быть, такие закономерности:

1. осетинский неохотно начинает слово с группы согласных;
2. если первый согласный в этой группе — фрикатив или плавный, то появляется протетический гласный;
3. если первый согласный — смычный, то вставляется гласный между согласными (полногласие);
4. в качестве протетических и вставных гласных служат слабые гласные: *æ*, *y* в иронском, *æ*, *i*, *и* в дигорском диалекте.

РИТМИКА ОСЕТИНСКОЙ РЕЧИ

В статье «Об ударении в осетинском языке» (Доклады Акад. Наук, 1924, октябрь — декабрь) мы, между прочим, писали (стр. 154—155): «Чрезвычайно распространено в осетинском одно явление, известное впрочем и другим языкам в тех или иных размерах. Именно, в живой речи ударяется не каждое слово. Группа слов, находящихся в определенной синтаксической связи, может носить одно единственное основное (не считая ряда вторичных, очень слабых) ударение, составлять одну акцентуальную единицу. Такие группы мы будем называть комплексными словами или просто комплексами. Ударение в комплексах распределяется по тем же законам, что в отдельных, элементарных словах.

Какого рода должна быть синтаксическая связь между словами, чтобы стало возможным образование комплекса? Этот вопрос оказывается довольно сложным, и мы не будем здесь его подробно обсуждать. Заметим только, что всегда образуют комплекс:

1. послелог¹ с управляемым словом;
2. определение с определяемым;
3. глагол в неопред. накл. с дополнением к нему;
4. сложное сказуемое, именно имя+вспомогательный глагол (но не наоборот!);

5. Кроме того, некоторые частицы всегда соединяются в комплекс с предшествующим (или рядом предшествующих) словом: *ma*, *ta*, *dæ* и др., а также местоим. частицы (старые энклитики) *mæ*, *dæ*, *jæ* (*æj*), *næ*, *wæ*, *zæ* и пр.

Комплексация слов имеет большое значение для семантики осетинской речи; чтобы правильно понять осетинский текст, недостаточно прочесть и перевести шаг за шагом каждое слово. Нужно прочесть, определенным для каждого случая образом группируя слова в акцентуальные единицы. Иначе текст может быть понят совершенно превратно. Например:

1. *bæx* [˘]*næ* *qæwɨ* *max* = «лошадь нужна нам».

bæx *næ* [˘]*qæwɨ* *max* = «лошадь не нужна нам».

2. *iw* *wærdón* [˘]*arazymtæ* *qávɨd* = «один (человек) арбу сделать собирался».

iw [˘]*wardon* *arazymtæ* *qávɨd* = «одну арбу сделать (он) собирался».

¹ В подлиннике ошибочно — «предлог».

Приведенные замечания подтвердились в общем нашими позднейшими наблюдениями, охватывающими все основные иронские наречия и говоры Северной и Южной Осетии.¹

Вместе с тем собранные нами за это время материалы, в частности опубликованные эпические тексты,² записанные с возможно точной и последовательной регистрацией акцентуальных комплексов, позволяют уточнить сделанные ранее наблюдения и дать, если не исчерпывающий, то достаточно полный ответ на вопрос, какого рода синтаксические связи обуславливают образование акцентуальных комплексов или, как их называет Граммон, ритмических групп. Думаем, что наши выводы представят и некоторый общелингвистический интерес, поскольку рассматриваемое явление наблюдается в той или иной форме во многих языках, но, насколько нам известно, не привлекало к себе до сих пор достаточного внимания.³

Прежде чем перейти к классификации комплексов, напомним вкратце основные акцентологические законы иронского наречия осетинского языка, одинаковые как для отдельных слов, так и для целых групп, как бы много слов они ни включали:⁴

¹ Некоторые простейшие случаи акцентуальных комплексов были отмечены также Andreas'ом (A. Christensen, *Textes Ossètes*, 1922, стр. 9) и позднее, независимо от Andreas'a и меня, B. Munkácsi (*Blüten der ossetischen Volksdichtung*, 1932, стр. 9—11, 89—90). Дигорский диалект, насколько можно судить по недостаточным пока наблюдениям, не имеет в данном случае существенных расхождений с иронским.

² В. Абаев. Из осетинского эпоса, изд. Акад. Наук СССР, 1939.

³ Особо важное значение акцентуальных комплексов именно для осетинской речи мог заметить каждый, кому приходится читать много литературы на осетинском языке. Можно привести множество случаев, когда смысл фразы определяется исключительно расстановкой ударения в зависимости от группировки слов в акцентуальные комплексы. Слово и рядом, читая осетинский текст, будь то газетная статья, художественная проза или стихи, вы не сразу улавливаете смысл только потому, что в письме акцентуальные комплексы никак не обозначаются, и вы можете одну и ту же (по написанию) фразу читать и понимать и так и этак, пока контекст не подскажет вам правильного чтения и понимания. Приведем, в дополнение к тем примерам, которые даны в нашей цитированной статье, еще несколько элементарных случаев двойного осмысления одной и той же по написанию фразы, в зависимости от группировки слов в акцентуальные комплексы:

1. *kəsgon bəxyl ábat*т = «кабардинец сел на лошадь».

*kəsgón bəxyl ábat*т = «(он) сел на кабардинскую лошадь».

(*kəsgon* — и 'кабардинец' и 'кабардинский').

2. *máx qəwý zəxx* = «нам нужна земля».

máx qəwý zəxx = «земля нашего селения».

(в первом случае *qəwý* — 3 л. ед. ч. наст. вр. от *qəwyp* 'быть нужным', во втором — Gen. от *qəw* 'селение').

3. *Oktjəbyry zəvod ráwaxta 120 masinəjy* = «в октяб্রে завод выпустил 120 машин».

Oktjəbyry zəvod ráwaxta 120 masinəjy = «октябрьский завод выпустил 120 машин».

(в первом случае *oktjəbyry* — Locat. int., во втором — Gen.).

4. *ámartta iw ság* = «убивал, бывало, оленя».

ámartta iw ság = «убил одного оленя».

5. *árdətmə ráci* = «иди-ка сюда».

árdətmə ráci «не ходи сюда»

⁴ Ср. Доклады Акад. Наук, 1924, стр. 152 сл. Об ударении в дигорском диалекте см. ниже.

а) ударение не падает дальше второго слога от начала, оно может падать только на первый или второй, причем преимущественная тенденция ударения направлена на второй слог;

б) место ударения (на первом или втором слоге) зависит в первую голову от качества гласных, которые с этой точки зрения могут быть разбиты на две группы, сильные (исторически долгие): *a, i, u, e, o* и слабые (исторически краткие): *æ, y*;

в) если в первом слоге сильный гласный, а во втором — слабый, то ударение падает на первый слог *àfæz* 'год', *mà[˘]myl[˘]ku!* «не плачь обо мне!» (формула $\dot{\alpha} - \upsilon$);

г) если в первом слоге слабый гласный, а во втором — сильный, то ударение падает на второй слог (кроме случаев, о которых ниже, в пункте ж): *kwyròj* 'мельница', *cy[˘]xàbar[˘]u?* «в чем дело?» (формула $\upsilon - \dot{\alpha}$);

д) если и в первом, и во втором слоге слабый гласный, то ударение падает на второй слог (кроме опять-таки особых случаев, см. пункт ж): *dywòc* 'два', *dæ[˘]bjny* «под тобой» (формула $\upsilon - \dot{\upsilon}$);¹

е) если и в первом, и во втором слоге сильный гласный, то ударение падает в одних случаях на первый слог (*fizonæg* 'шашлык'), в других — на второй (*sagát* 'недостаток'), но чаще на первый, в частности в тех случаях, когда первый слог представляет преверб *a-*, *ba-*, *ra-* (*amaryn* 'убить', *ràxizyn* 'вылезть' и т. п.), а также в тех случаях, когда второй слог принадлежит суффиксу, или падежному окончанию, или иному форманту (*xòxag* 'горный', от *xox*, *màxon* 'наш', от *max*, *xàdimæ* 'с шапкой', от *xid*, *sùzòj* «чтобы они горели», 3 л. мн. ч. сослаг. накл. от *szuzyn* 'гореть', и т. п.);² в комплексах, содержащих и в первом, и во втором слоге сильный гласный, ударение, более последовательно, чем в отдельных словах, падает всегда на первый слог: *èi[˘]ma[˘]næ[˘]tærsy?* «кто еще нас боится?» (формула $\dot{\alpha} - \alpha$);

ж) в именах или именных комплексах, имеющих вообще ударение на втором слоге (согласно формул $\upsilon - \dot{\alpha}$, $\upsilon - \dot{\upsilon}$, $\alpha - \dot{\alpha}$), ударение перемещается на первый слог, если речь идет об определенном, уже упоминавшемся раньше предмете, иначе говоря, перенос ударения со второго слога на первый как бы заменяет определенный член: *kwyròi* = 'un moulin', *kwjroi* = 'le moulin'; *bæxyl* = sur un cheval, *bæxyl* = sur le

¹ Исключением из этой формулы (помимо случаев, предусмотренных в пункте ж) являются указательные наречия: *mànè* 'вот здесь', *wàrtæ* 'вон там', *wàlæ* 'вон наверху', *dàlæ* 'вон внизу'. Последние два наречия, если они не имеют ука-зательного значения, употребляются с нормальным ударением: *walè* 'наверху', *dalè* 'внизу'. Частица *sæj* 'ну', хотя и со слабым гласным, удерживает на себе ударение во всех случаях: *sæj[˘]ma!* 'ну-ка!' (вместо ожидаемого *sæj[˘]má*).

² В этих последних случаях можно сказать так: в словах с односложной основой и сильным гласным ударение удерживается всегда на гласном основании.

'cheval', *syrx* \widehat{tyrysa} = '(un) drapeau rouge', *syrx* \widehat{tyrysa} = 'le drapeau rouge' и т. п.; явление это, связанное с утратой когда-то существовавшего в осетинском определенного члена, разъяснено нами в упомянутой выше работе (стр. 155);

з) в таких словах, как *systyr* 'встать', *mysyn* 'придумывать', 'сочинять' и др., незакономерное как будто бы ударение на первом слоге (вопреки формуле υ — $\acute{\upsilon}$) объясняется тем, что в этих словах иронский утратил начальный гласный *y* (ср. диг. *isistun*, *imisun*) и, следовательно, нынешний первый слог исторически является вторым. То же — в комплексах, напр. *tyng* \widehat{xorz} 'очень хороший' вместо ожидаемого *tyng* \widehat{xorz} (υ — $\acute{\alpha}$), ср. диг. *iting* = ирон. *tyng*.

Наконец, особо следует выделить одну категорию слов: личные собственные имена. Они в осетинском имеют (за редкими исключениями) постоянное ударение на втором от начала слоге независимо от состава гласных: *Sozyrygo*, *Satàna*, *Batyraz* и т. п.¹

Законы дигорского ударения, по имеющимся наблюдениям, несколько иные. Если в иронском можно говорить об общей акцентологической тенденции, направленной на второй от начала слог, то в дигорском общая тенденция ударения направлена на последний слог. Из этой общей тенденции вытекают следующие закономерности:

а) если слово (или комплекс) включает одни только слабые гласные (*a*, *i*, *u*), то ударение падает в двухсложных словах на последний слог слова, а в трех- и многосложных на последний слог основы: *fidæ* 'отец', *gurumiq* 'грубый', *ziğzærinæ* 'золото', *næ* \widehat{tikis} 'наш кот', *ær-min-cæğdæ* 'сыграй мне';

б) если слово включает одни только сильные гласные (*a*, *e*, *o*), то ударение падает на последний слог: *zatmà* 'крыльцо', *razastòn* 'я вынес', *toxonà* 'печная труба';

в) если слово включает комбинацию сильных гласных со слабыми, то ударение падает на ближайший к концу слова сильный гласный: *fæl-vàræ* 'позапрошлый год', *imonàm* 'нежный', *xebærágæ* 'наедине'.

По сравнению с иронским дигорское ударение представляется весьма слабым и трудно различимым и требует дальнейшего обследования, в частности экспериментально-фонетическими средствами.

Напомним еще раз, что все перечисленные правила относятся одинаково как к отдельным словам, так и ритмическим группам. Иначе говоря, последние рассматриваются просто как многосложные слова, не больше.

Перейдем теперь к классификации комплексов, т. е. к выяснению того, какие именно группы слов и при каких условиях объединяются под одним ударением.

¹ Почему в осетинском собственные имена получили постоянное ударение? На этот вопрос мы пытались дать ответ в «Яз. и Мысл.», II, стр. 48, прим.

1. «Энклитики»

Сюда мы относим слова и частицы, которые всегда объединяются в один акцентуальный комплекс с предшествующим словом (или группой слов). При этом они могут попадать в комплексе в подударное положение (во 2-м слове от начала) и тогда закономерно носят на себе ударение, так что название «энклитик» не вполне к ним применимо.¹

Самый обычный вид «энклитик» — местоименные частицы в функции прямых и косвенных объектов:

Ед. ч.

	1 л.	2 л.	3 л.
Род. п. (прямого объекта) ²	<i>mæ</i>	<i>dæ</i>	<i>jæ (æj)</i>
Дат. п.	<i>myn</i>	<i>dyn</i>	<i>(j) yn</i>
Направ. п.	<i>mæt</i>	<i>dæt</i>	<i>(j) æt</i>
Местн. внешн.	<i>myl</i>	<i>dyl</i>	<i>(j) yl</i>
М. внутр. и отлож.	<i>mæ (mi)</i>	<i>dæ (di)</i>	<i>zy (zi)</i> ³

Мн. ч.

	1 л.	2 л.	3 л.
Род. п. (прямого объекта)	<i>næ</i>	<i>wæ</i>	<i>sæ</i>
Дат. п.	<i>nyn</i>	<i>wyn</i>	<i>syn</i>
Направ. п.	<i>næt</i>	<i>wæt</i>	<i>sæt</i>
Местн. внешн.	<i>nyl</i>	<i>wyl</i>	<i>syl</i>
М. внутр. и отлож.	<i>næ (ni)</i>	<i>wæ (wi)</i>	<i>sæ (si)</i> ³

dy jæ ærdæt rækæ «ты его сюда приведи»,
ij jyn zæxta «он ему сказал»,
rættæd nyn ynüsü koj «пусть даст нам вечную славу»,
wæd sæm rüzyngej rækæst «тогда к ним выглянула из окна»,
sæxx yl ækæn fizonægyl «соли на него посыпь, на шашлык»,
lævær dæ kûryn «подарка у тебя прошу»,
æftætæj zy fæcærdi wæ az «таким образом там (в нем) он прожил один год»;
rækotæ sæ biræ wacæjægtæ «он увел от них много пленных».⁴

¹ Можно предполагать, что исторически они восходят к подлинным энклитикам, т. е. словам, ни при каких условиях не носившим на себе ударение.

² В осетинском функция прямого объекта в личных местоимениях выражается род. падежом, который правильнее следовало бы называть поэтому родительно-виinitельным.

³ В скобках даны в последнем ряду дигорские формы местн. внутр. и отлож. падежа энклитических личных местоимений с необычным чередованием гласных: прон. *æ* — дигор. *i* (*mæ* — *mi*).

⁴ Энклитические местоименные объекты и вообще энклитики, как это можно видеть и в наших примерах, следуют, по нормам осетинского синтаксиса, непосредственно за первым словом (или комплексом) в предложении, хотя бы это слово не было ни предикатом, ни субъектом, а было второстепенным членом предложения.

Кроме перечисленных местоимений-«энклитик» есть еще несколько слов-частиц, которые также образуют комплекс с предшествующим или группой предшествующих слов и которые можно назвать «энклитики»-наречия: *ma*, *ta*, *dær*, *wal*, *iw*, *dam*, *zæggæ*.

ma 'еще', '-ка':

Tajmüræzæn ma wydi iw æfsymær «у Таймураза еще был один брат»;

dy ma àm c àrazys? «ты еще здесь что делаешь?»;

sýrd ma kæm zûry! «зверь еще разве говорит!» [в этом примере в комплексе *sýrd ma* ударение падает на первый слог вопреки формуле $\text{ч} — \grave{\text{а}}$; объясняется это тем, что речь идет об определенном, уже известном звере (*sýrd* здесь = 'la bête'), а в этом случае ударение может падать только на первый слог];

sæj ma, sy ma kæny? «ну-ка, зачем я тебе нужен?»

(собств. — «что ты из меня делаешь?»); относительно ударения *sæj ma* см. выше, стр. 531, прим. 1;

râjs ma dæ fændyr! «возьми-ка свою скрипку!»;

zægg ma myn! «скажи-ка мне!»

àkæsyt ma tagd! «посмотрите-ка скорей!».

ta 'опять', 'же', '-то':

Sozyrygo ta njwazæn bájzag kotta «Созруко опять кубок наполнил»;

wæd ta fèstadis zèrond Wælxæg «тогда опять вскочил старый Уалхаг»;

kark bumbuli dættu, fys ta — qwÿn «курица пух дает, овца же — шерсть»;

nÿr ta kædæm lizzynæ? «теперь-то куда убежишь?».

dær 'тоже', 'также', 'и — и':

ûdonæn dær ta zàxta «им тоже опять сказал»;

yz dær nÿssÿttæn dælætæ «я тоже спустился вниз».

wal 'пока':

àxwyss wal ma warzon «спи пока, мой милый»;

dy ta wal ìm wàs! «ты же пока там пой!»;

fòs wal àm ma særmæ xízæd wæzægyl «стадо пока здесь надо мной пусть пасется на пригорке»;

mæn wâl ÿncåd yrwàz! «меня пока в покое оставь!».

iw, частица, выражающая повторность:

mít iw kwÿ wàryd wæd iw nÿzzàryd k'æzàx lægæty «снег, бывало, когда шел, тогда, бывало, (он) распевал в пещере под скалой».

dam, частица, которая переводится по-русски словами 'мол', 'дескать', 'говорит' или 'говорят' (лат. *inquit*):

yz dàm Nàrtÿ Wÿryzmæg dæn! «я, говорит, нартовский Урузмаг»;

màx dam Làrsag ÿstæt «мы, говорят, — из Ларса»;

xæfsæn dam jæ læppyn — xūry tyn «лягушке, говорят, ее детеныш — луч солнца» (т. е. кажется красавцем) — поговорка;

kæd dām cæfæj næ mælyš, wæd dɔjn ræxwɔst «если, мол, от удара не умираешь, то тебе — укол» (поговорка).

zæggæ, вводное слово в значении «говоря» (дееприч. от *zæɟyn* «сказать»):

kæcōn dæ, zæggæ, jæ færsɔnc «откуда ты, говоря, его спрашивают».

Если в потоке речи следуют одна за другой несколько «энклитик», то все они, естественно, объединяются в один комплекс. При этом соблюдается строгий порядок в расположении энклитик: «энклитики»-наречия всегда предшествуют «энклитикам»-местоимениям, а последние в свою очередь, если их несколько, одно за другим, располагаются в следующем порядке: сперва идут местоимения в дат. или направ. падеже, потом — в род. (прямого объекта), и, наконец, в мест. внутр. и отлож.; если следуют одно за другим несколько «энклитик»-наречий, то они располагаются в следующем порядке: *dær, ta, ma, wal, dam, iw*:

nyr tɑ syn æj kūrɔnc sæ çyzzɔ «теперь опять у них ее сватают, их девушку»;

hè nyr dær ta jæm c'ɔndcæstæj stōng gædy kæsy «вот теперь также опять на него, прищурив глаза, голодный кот глядит»;

rɑtɥ nyn zy Wastyrži! «подай нам из них, Уастыржи!»;

dy tɑ wal mæm æj ɑrdæm yrbækæ «ты же пока ко мне его сюда приведи»;

im wal dam iw æj wɑz «там пока, говорит, его оставь».

2. «Проклитики»

В эту группу мы объединяем слова и частицы, которые соединяются в один комплекс с последующим словом (или словами). При этом комбинация гласных в первых двух слогах комплекса может оказаться такой, что ударение закономерно падает именно на «проклитику», так что термин «проклитика» приходится употреблять с той же оговоркой, как выше термин «энклитика».

Сюда относятся, во-первых, отрицания при глаголах: *næ, ma, nal* (из *næ + wal*).

næ 'не':

næ zōnyn mæ mādɔ rævdɔd «не знаю материнской ласки».

ma 'не' при Imperativ'e и Optativ'e:

mɑ kæut! «не плачьте!» *mɑ tærs!* «не бойся!»;

mɑ iw bawwænd Qōbany! «не доверяй Кубанцам!»;

... *mɔst k'itɔ mɑ gærdɑ* «... (дабы) мышь не грызла житницу».

nal 'больше не':

zærdæ nal aɟury qɑzɔn «сердце больше не просит играть».

Отрицания *næ* и *ta* остаются проклитиками и тогда, когда они осложнены наращением местоимений или наречий:

nīcy 'ничего': *nīcy zonyn* «ничего не знаю»;

tasu 'ничего' (при Imper. и Opt.): *tasu dyl yrcæwæd* «пусть ничего с тобой не случится»;

nīci 'никто': *nīcætæ bazurzæn* «ни к кому он не обратится»;

taçi 'никто' (при Imper. и Opt.), *taçi rbasæwæd* «пусть никто не входит»;¹

nīcwal 'больше ничего' (из *nīcy* + *wal*);

taswal 'больше ничего' (при Imper. и Opt.);

nīkwu 'нигде', 'никогда', *nīkwycæj* 'ниоткуда', *nīkwycæt* 'никуда»;

makwu id. (при Imper. Opt.), *makwycæt* 'никуда' и т. д.;

nætā 'еще не': *nætā tæ vdcæly* «еще мне недосуг».

Давать примеры на все эти случаи считаем излишним.

Отрицания *næ* и *ta* не являются «проклитиками» при предикате в сочетаниях: *næ dær*, *ta dær* 'ни' (при повторном отрицании): *næ dær cærgæ kæny*, *næ dær mælgæ* «ни живет, ни умирает».

Другую значительную группу «проклитик» образуют вопросительные (и относительные) местоимения и наречия при глаголах: *cy* 'что', *çi* 'кто' (и все косвенные падежи от них: *cætæn*, *cæwyl*, *cætæj*,² *kæj*, *kætæn*, *kæwyl* и т. д.), *kæt* 'где', *kædæt* 'куда', *kæcæj* 'откуда', *kæd* 'когда', *kædcæj* 'с каких пор', *kwy* 'когда' (в придаточных временных предложениях), *kwyd* 'как', *cætæn* 'почему', *cæwylnæ* 'почему не' и т. п., а также усложненные формы тех же вопросительных оборотов: *kæcyrdæt* 'в какую сторону', *kæcyrdygaj* 'с какой стороны', *cæj tūxcæj* 'по какой причине', *cæj rwāžy* 'благодаря чему', *kædcæj nyrnæ* 'с каких пор', *kæj ōng* 'до каких пор' и т. п.:

cy wūzan næ fidan? «каково будет наше будущее?»;

çi zony «может быть» (букв. «кто знает?»);

çi cy agury, *ij yssary* «кто что ищет, то и находит»;

kæj bārviŋon kūræg? «кого мне послать сватом?»;

kætæn is, *ij jæ fydy fydæn dær dūg wāžy* «у кого есть (средства), тот и в память своего дедушки устраивает скачки» (поговорка);

kæj fyrtdæ? «чей сын ты?» *kæt wūtæ?* «где ты был?»;

kædæt cæwys? «куда идешь?»;

¹ Само собой разумеется, эти негативные местоимения остаются «проклитиками» и во всех косвенных падежах: *nīcætæn*, *nīkætæn*, *nīkæj*, *makæj*, *tasætæj* и т. д.

² Слово *cætæj* (отлож. пад. от *cy* 'что') употребляется в двух значениях: в точном значении — «от чего», «из чего» и во вторичном значении — «дабы». В первом случае оно является проклитикой, во втором — нет (ср. ниже *kæd*): *ādæt cætæj cærync*, *dy dær ūtæj* «народ чем (из чего) живет, и ты этим»; но *āftæ bākæ*, *cætæj fizonæg dær ma basuza ymæ wæxst dær* «так сделай, чтобы и шашлык не обгорел и вертел».

kæd *ràjgwyrttæ?* «когда (ты) родился?»;

kæd *àcæwzæn, ùj* *bærcæg næj* «когда (он) уедет, неизвестно»;¹

türkæn sæ *rægaw kwy* *fætardi, rægàwgaes wæd* *bàurættaj* «у турса их табун когда угнали, тогда (только) они наняли табунщика» (поговорка);

kwyd *cærzynæn ymæ* *dæw?* «как буду жить без тебя?»;

dæ *bæx mæ* *ùgærdænmæ sæmæn* *bawaxtaj?* «свою лошадь в мой покос почему пустил?»;

cæwylnæ *zaræm, cæwylnæ* *kafæm, kæj* *cij* *qyg* *daræm!* «почему нам не петь, почему нам не плясать, кому мы мешаем!»;

kædæj *nyrmæ* *wary!* «с каких пор идет дождь!».

К числу «проклитик» относится также слово *bærgæ*, трудно переводимое по-русски и выражающее желательность какого-либо факта или действия, но в то же время сомнение в его осуществимости или эффективности; приблизительно его можно переводить: «конечно», «разумеется», «правда»:

iw *qær* *ma* *bærgæ* *nykkotta, fælæ* *ja* *nìci* *feqwysta*, «один крик он, правда, еще издал, но никто его не слышал».

«Проклитики» обеих групп, т. е. как отрицательные, так и вопросительно-относительные, в акцентуальном отношении примыкают непосредственно к предикату (глаголу) и образуют с ним одно целое. Между «проклитикой» и глаголом могут вставляться (и очень часто вставляются) лишь «энклитические» слова и частицы, которые, как уже упоминалось, присоединяются не обязательно к предикату, а к любому первому слову (или комплексу) в предложении, а этим первым словом очень часто и оказываются выше перечисленные вопросительно-относительные местоимения и отрицательные частицы. Однако вставка «энклитических» слов между «проклитикой» и предикатом не раскалывает акцентуального комплекса, так как проклитика плюс энклитические слова (в любом количестве) плюс предикат образуют всегда одно нераздельное единство. Приведем несколько примеров:

nàl *mæ* *zonys?* «не узнаешь меня больше?»;

næ *tà* *myn* *zy* *rat* *ta* «опять мне из них (он) не дал» (*næ* — проклитическое отрицание при предикате *rat* *ta* 'дал', *ta* — энклитика-наречие 'опять', *myn* и *zy* — энклитики-местоимения 'мне', 'из них');

çi *ta* *næ* *qyg* *dary?* «кто опять нас беспокоит?» (*çi* 'кто' — проклитика-вопросительное местоимение при предикате *qyg* *dary* 'беспокоит', *ta* — энклитика-наречие, *næ* 'нас' — энклитика местоимение);

cæmæn *iw* *mæm* *kasti* *mæ* *sæft* *xury* *xaj?* «зачем, бывало, на меня глядело мое потерянное солнышко?» (*cæmæn* 'зачем' — проклитика при *kasti* 'глядело', *iw* 'бывало' — энклитика-наречие, *mæm* 'на меня' — энклитика-местоимение);

¹ Слово *kæd* значит не только 'когда', но и 'если', и в этом последнем случае не является «проклитикой», а имеет самостоятельное ударение: *ja* *bòn* *kæd* *àrciuy* *zynàj*. . . «свой день если он проводит в трудностях. . .»

kæd *dàm* *iw* *dyn* *sæ* *ask'æron* *xizynnæ* *dæ* *bæxtæ?* «когда, говорит, тебе их погнать на пастьбу, твоих коней?» (*kæd* 'когда' — проклитика, *dàm*, *iw*, *dyn*, *sæ* — энклитики, *ask'æron* — предикат).

Местоимения *cy* 'что', *çi* 'кто' (во всех падежах), а также вопросительные слова *kæm* 'где', *kædæm* 'куда', *kæscæj* 'откуда', *kæd* 'когда', *kwy* *id.*, *kwyd* 'как', *sæmæn* 'почему', *sæwylnæ* 'почему не' и др., остаются проклитиками и тогда, когда они употребляются в качестве союзных слов, связывающих придаточное предложение с главным. Если в русском (и во многих других языках) мы привыкли их видеть в начале придаточного предложения, то в осетинском они должны стоять обязательно при предикате придаточного предложения (а последний бывает обычно в конце), причем между относительным местоимением-связкой и предикатом могут вставляться (как и в вышеприведенных случаях) лишь энклитики (а также отрицательные частицы), не расцепляющие акцентуального комплекса связка + предикат.¹ Примеры:

fæsmøn *fækaena*, *dæu* *ùrs* *æxsyraej* *çi* *næ* *bafsæsta* «пусть раскаивается, тебя белым молоком кто не насытил»;

Bobà *ùj* *tyzæcæj* *zylyn* *u*, *jæ* *çyžžy* *sæwændonæj* *mòjmæ* *kæj* *rat* «Боба тем виноват, свою дочь против воли замуж что выдал»;

jè *fsymæry* *kæm* *njwæxtá*, *ùrdæm* *yrbæcyd* «своего брата где оставил, туда (он) пришел»;

wæ *çyžžy* *çynžy* *kæd* *yrvitut*, *ùj* *myn* *zæj* «вашу девушку замуж когда выдаете, это мне скажи»;

xàlajudy *dwaræj* *kwy* *bakás* *ymæ* *çyžžy* *kwy* *fætá*, *wæd* *zàx-ta*... «шатра в дверь когда взглянул и девушку когда увидел, то сказал...»;

kwy *nìçi* *ta* *zmælydis* *ádæmæj*... «когда никто опять не двигался из народа...»;

àrv *kwyd* *nèry*, *àftæ* *næ* *sævy* «небо как (сильно) гремит, не так (сильно) поражает» (поговорка).

3. Союзы

ymæ (*æmæ*, *'mæ*), *kænæ*, *fælae*, *wædæ*, *yvi* (*ævi*), *symæ*, *cyta*, *ywæza* (*æwæza*), *yndæra* (*ændæra*), *kættæra*.

Перечисленные союзы не могут быть отнесены ни к одной из двух рассмотренных выше категорий слов («энклитики» и «проклитики») и должны быть выделены особо. Их существенная особенность заключается в том, что они никогда и ни в каком положении не могут получать ударения. В потоке речи они примыкают в акцентуальном отношении к предшествующему или последующему слову (или комплексу), но ударение в этих словах (или комплексах) распределяется так, как если бы

¹ Исключением являются связки *kæd* 'если', *sæmæj* 'чтобы', *calynnæ* 'пока' и *kwyd-æer* 'как только', которые не связываются в комплекс с предикатом придаточного предложения, имеют самостоятельные ударения и могут отстоять как угодно далеко от предиката.

этих союзов вовсе не существовало; они совершенно не принимаются в расчет и не участвуют в счете слогов от начала, определяющем место ударения в комплексе. Более того, если к ним примыкают энклитики (а это бывает очень часто, так как энклитики тянутся, как мы знаем, к первому слову в предложении, а этим первым словом по самой своей функции бывают часто наши союзы), то эти энклитики также сбрасываются со счетов и не участвуют в распределении ритмических центров речи.

От рассмотренных ранее энклитик и проклитик наши союзы отличаются, следовательно, тем, что, в то время как первые, не образуя в речи самостоятельных акцентуальных единиц, могут, однако, в комплексе оказаться под ударением в соответствии с общими законами распределения ударения в словах и комплексах, союзы не ударяются ни при каких условиях. Первые могут быть названы поэтому ударяемыми или органическими энклитиками и проклитиками, последние (союзы) — неударяемыми или неорганическими.

Слушая беглую речь, трудно бывает подчас уловить, примыкают ли союзы (в особенности *ymæ* и *yvi*) к предшествующему, или к последующему акцентуальному центру. В опубликованных нами текстах достаточно примеров и на первый и на второй случай. В ряде же случаев мы вынуждены были отказаться от присоединения союза как к предыдущему, так и последующему ударению и оставляли его как самостоятельное, но неударяемое слово.

Несколько примеров:

ymæ (aəmae, 'mae) 'и':

fārasτ˘ bony˘ 'mæ fārasτ˘ yxsævy˘ çynzæxsæv fækdττoj «девять дней и девять ночей свадьбу справляли» (союз *'mæ* примыкает, в нашем восприятии, к предшествующему акцентуальному комплексу);

çygz˘ bāwad˘ dənžyztæ ymæ˘ àlenk˘ kotta «девушка подбежала к морю и поплыла» (*ymæ* примыкает к последующему комплексу, однако ударение в комплексе *àlenk˘ kotta* распределяется без всякого участия *ymæ*, а именно падает на первый слог, по формуле $\acute{\alpha} — \alpha$);

ymæ˘ syn˘ zāxta Syrððn «и им сказал Сирдон» (*ymæ* вместе с примыкающей к нему энклитикой *syn* присоединяется акцентуально-ритмически к *zāxta*, не имея, однако, никакого влияния на ударение последнего, которое падает так, как если бы слов *ymæ syn* вовсе не существовало в комплексе);

ssārut˘ æj˘ mæ˘ myn˘ æj˘ yrkænūt «найдите его и мне его приведите» (союз *'mæ* вместе с двумя примыкающими к нему энклитиками *myn* и *æj* остается не акцентуированным и в ритме речи кажется тяготеющим к последующей акцентуальной единице *yrkænūt*, не влияя, однако, на ее ударение);

Wyryztæg˘ bācæwy ymæ˘ rāxæcy˘ mælixkæn˘ jæ˘ xāræ˘ qæcculyl «Урузмаг входит и стаскивает с князя его шелковое одеяло» (здесь мы затрудняемся отнести *ymæ* как к предшествующей, так и последующей акцентуальной единице и оставляем его самостоятельно и без ударения, так как можно утверждать, что во всех подобных случаях не слышится ни *ymæ*, ни *ymæ*).

Есть, однако, несколько случаев, когда *ymæ* ведет себя как энклитика в обычном для осетинского смысле, т. е. как ударяемая энклитика (см. выше), а именно, присоединяясь акцентуально к предшествующему слову, *ymæ* может принимать на себя ударение, если занимает в комплексе подударное положение. Это имеет место в нескольких привычных, часто употребляющихся выражениях:

yʒ æ̇mæ ḋj «я и ты»

sæxx æ̇ymæ kærżjyn «соль и хлеб (хлеб-соль)»

bæx æ̇ymæ wærḋðn «лошадь и арба»

çyʒg æ̇mæ læ̇pṫṫj «дочь и сын»

læ̇g æ̇ymæ ùs «муж и жена» и др.

Во всех этих случаях мыслимо, однако, и ударение на первом слоге комплекса: *yʒ æ̇mæ ḋj*, *bæx æ̇ymæ wærḋðn* и т. д. именно тогда, когда на знаменательной части комплекса (на *yʒ*, на *bæx* и т. д.) делается логическое ударение или когда речь идет об определенной «лошади», определенной «девушке (дочери)» и т. д. В последнем случае переход ударения на первый слог вполне закономерен (см. выше, стр. 531).

kæ̇næ 'или', 'либо':

ḃiræ wæ wærżjyn æ̇ymæ ẇyn ṙaṫżjynæ̇n kæ̇næ ẏṅùsy çard kæ̇næ ẏṅùsy k̇oj «много вас люблю и вам подарю либо вечную жизнь, либо вечную славу»;

æ̇j ḋjyn kæ̇næ mæ k̇ùrd, kæ̇næ mæ bæ̇x, kæ̇næ mæ ç̇jrimag «вот тебе либо мой меч, либо мой конь, либо мое крымское ружье» (в этих примерах *kæ̇næ* присоединяется в качестве неударяемой проклитики к последующим акцентуальным комплексам, не оказывая никакого влияния на распределение в них ударения);

kæ̇næ ç̇jyl ṙàjsom ṅal bon k̇oṫçajd? «или для него завтра уж больше не настал бы день?» (здесь *kæ̇næ* вместе с энклитическим местоименным объектом *ç̇jyl* присоединяется в качестве неударяемой проклитики к *ṙàjsom*, которое сохраняет при этом свое нормальное ударение).

Ни в одном случае нами не зарегистрировано *kæ̇næ* с самостоятельным ударением *k̇ænæ* или *kæ̇nè*.

fæ̇læ 'но':

..*fæ̇læ ta ṙàkæsçæ̇ṅis xur* «...но опять выглянет солнце»

..*fæ̇læ ma k̇æ̇m bæ̇żgad ugærdæ̇n mæ̇næn?* «...но еще разве остался покос у меня?» (картина такая же, как выше, с *kæ̇næ*: *fæ̇læ* вместе с энклитиками *ta* и *ma* объединяется с последующими акцентуальными единицами, не оказывая никакого влияния на их ударение).

Ударение *ḟælæ* или *fæ̇lè* совершенно не наблюдается.

wæ̇dæ 'в таком случае', 'так':

çæ̇r wæ̇dæ çæ̇bèçæ̇j! «живи в таком случае по-хорошему!» [*wæ̇dæ* в качестве неударяемой энклитики присоединяется к *çæ̇r*; если бы *wæ̇dæ* относилось к категории ударяемых энклитик, мы имели бы закономерно ударение *çæ̇r ẇæ̇dæ* (по формуле $\upsilon - \acute{\upsilon}$), что невозможно];

wædæ ta dam myn zy xatyr rākur «так опять, говорит, мне у него прощения попроси» [*wædæ* вместе с целой вереницей энклитик (*ta dam myn zy*) не имеет самостоятельного ударения и присоединяется к *xatyr* (ударение в *xatyr* — одно из немногих исключений из формулы $\grave{\alpha}$ — υ)].

Ударение *wædæ* не наблюдалось ни разу. Ударение *wædè* явственно слышится, когда *wædæ* стоит самостоятельно в вопросительном обороте в значении «а как же в таком случае?» или в значении подтверждения «а как же бы вы думали!», «конечно»:

Uj Čermèn nœw «Это не Чермен»; *Wædè? wædæ èi u?* «Ну а как же? а кто же он?»;

Tjyng axwyr u? «Очень он образованный?»; *Wædè! ùmœj axwyr-dœr nœ qœwyr nœj* «А как же! образование его в нашем селении нет».

yvi (*ævi*, *'vi*) 'или' (в вопросит. оборотах):

lœg œvi ùs? — «мужчина или женщина?».

В отношении ударения этот союз трактуется совершенно так же, как союз *ymæ* (см. выше).

сума вопросительное слово, трудно переводимое по-русски:

сумæ èi u? — «кто же он?» (или — «интересно, кто он?»).

сума 'будто':

àxœt gwyr gwyr yssydi, сума k'œzœx rakaldi «такой грохот раздался, будто скала обрушилась».

уваæза (*ævæza*) 'а ведь', 'по правде говоря':

уваæза xœrz fœminas kœttam «а ведь хорошо мы угостились».

yndæra (*ændæra*) 'а нето':

ynœd bœd, yndœra dœ mæryn «спокойно сиди, а нето тебя убью».

кœттæра трудно переводимый по-русски союз, всего ближе можно, кажется, передать его русским «посмотрим»:

àwaz œj, kœттæра cy kœnid «пусти его, посмотрим, что он сделает».

Напомним, что последние, трехсложные, союзы (*уваæза*, *yndæra*, *кœттæра*), как и ранее рассмотренные двухсложные (*fœlæ*, *wædæ*, *kœnæ*, *сумæ*, *сума*), не могут ни в каком положении иметь ударение ни на каком слоге, т. е. невозможны ни *кœттæра*, ни *кœттæра*, ни *кœттæра̀* и т. д.

4. Обращение и вводные слова

Обращение выступает обычно как неударяемая энклитика или проклитика и в этом отношении напоминает рассмотренные выше союзы и частицы.

сœj wædæ! 'ну же!'

и

сœj Syrdon! 'ну, Сирдон!'

звучат в акцентуальном отношении совершенно одинаково.

Примеры на обращение-энклитику:

àccœut, mæ xurtæ! «идите, мои солнышки!»,
kwyd wýd dæ xàbar, Wyrzymæg? «как было твое дело, Урузмаг?»,
à, Wælxæžy fyr! «ну, Уалхагов сын!»,
hæ, xorz çyžg! «Эй, славная девица!»,
gàs mæm fœcù, Sozyrygo! «добро пожаловать, Созруко!»,
dæ bòn xòrð wa, K'armagon! «добрый день, Кармагон!»,
còm, Sozyrygo! «пойдем, Созруко!»,
bàjwar, Nærtón læg! «подели, нартовский муж!»,
nywazæt mæ, Narty galtæ! «оставьте меня, нартовские щеголи!»
ùj xwyzæn sylgojmag nikæj xædzaræj rakæszænis, yrtæ Nar-
tæ! «подобная женщина ни из чьего дома не выгянет, три (фамилии) Нар-
 тов!»,

Sozyrygojy dissægtæm èi næ kasti, Batoryž! «на созрукоевы
 чудеса кто не смотрел, Батрадз!»,

cy àgurys, mægwyr læg? «что ищешь, бедный человек?».

В некоторых случаях целые вводные предложения, имея характер обращения, трактуются как энклитики:

cy kòttaj, dæ mad dæ bynyl bazzaja, dòn cœwylnæ rbaxas-
taj? «что с тобой, чтобы тебе пропасть, почему не принесла воды?»
 (здесь бранное выражение «*dæ mad dæ bynyl bazzaja*» произносится «одним
 духом», совершенно так же, как обращение-энклитика);

èyndž, dæ ryntæ baxæron, næximæ fændazj bar myn ràtt!
 «невестка, да съем я твои болезни, разреши мне ехать домой!» (в этом
 примере обращение *èyndž* стоит под ударением, как выше побудительные
 частицы *saj, hæj!* 'ну!', а ласкательное выражение *dæ ryntæ baxæron*
 присоединяется к нему как энклитика).

Примеры на обращение-проклятику:

næ zæronð læg, dæ ràzæj mæxæj nyxàsý bar nikæmæn is
 «наш старик, впереди тебя из нас никто не может взять слова»;

ýz dýson bðntæ fyný myxhagæj nicy fetton, fælæ, ne 'fsin, dæxædæg cy fýn fettaj, ùdon žùr «я вчера до утра не видел ничего
 похожего на сновидение, но, наша хозяйка, ты сама расскажи, какой сон
 видела» (в этом примере проклитическое обращение *ne 'fsin* вместе с про-
 клитическим союзом *fælæ* примыкают в отношении ударения к следующей
 акцентуальной единице *dæxædæg*);

wædæ myn Wælxæg, mè 'rtæ syžærin nywazæny kwy rà-
xas-taj, wæd myn cœwylnæ fenyn kænys dæ qàryžyn gwyrd? «так
 у меня, Уалхаг, мои три золотых кубка ты забрал, почему же не показы-
 ваешь мне своего доблестного сына?» (проклятика *wædæ* плюс энклитическое
 местоимение *myн* плюс обращение *Wælxæg* образуют вместе одну
 «большую проклятику» при следующей акцентуальной единице *mè 'rtæ*
syžærin nywazæny).

Не всегда, однако, обращение выступает в ритме речи как неударяемый энклитический или проклитический привесок к соседним акцентуальным центрам. Иногда оно получает самостоятельное ударение. Это бывает, по нашим наблюдениям, в случаях особо подчеркнутого или почтительного обращения, когда обращение хотят сделать особенно полновесным, когда на него делается логическое или эмоциональное ударение:

xòrz dæ xàj wæet, Wælxwæg! «добрая твоя доля, Уалхаг!».

5. Комплекс: определение с определяемым

Определение, чем бы оно ни было выражено: именем прилагательным, существительным, местоимением, числительным, глаголом (в его именных формах), наречием — всегда и во всех случаях объединяется с определяемым в один акцентуальный комплекс.¹

Если при одном определяемом имеется несколько определений, то, как бы велико ни было их число, образование комплекса остается неизбежным.²

Нет надобности повторять, что ударение в комплексе данного типа определяется теми же закономерностями, что в отдельных словах: оно не может падать дальше второго слога от начала комплекса, распределение его между первым и вторым слогом зависит от качества гласных в этих слогах, а также от определенности или неопределенности предмета:

Wyrjzmtæg yswizy Sadènžyzy kalačy mæsyžy særmæ. «Урузмаг подымается Черноморского города башни на верхушку» (все три определения выражены род. падежом имен существительных);

Wælxwægžy xærcæg myn mē 'rtæ syžjærin nywazæny fæzàs-ta. «Уалхаг-осел у меня мои три золотых кубка унес»;

c'æx næwwyl rābatysty «(они) расселись на зеленой траве» (в этом примере мы ожидали бы в комплексе *c'æx næwwyl* «на зеленой траве», по составу гласных в первых двух слогах комплекса, ударения на втором слоге: *c'æx nēwwyl*; однако ударение на первом слоге вполне закономерно, так как речь идет об определенном предмете и при *c'æx næwwyl* подразумевается определенный член: «sur le gazon vert»);

ymæ jæm Xūry čyžg rāwadis «и к нему Солнца дочь вышла»
[к комплексу *Xūry čyžg* «Солнца дочь» (*Xury* — Gen. от *Xur*) присоеди-

¹ Напомним, что синтаксическая структура комплекса, определение + определяемое, в осетинском такая же, как в языках агглютинативного типа: тюркских, монгольских, финно-угорских, яфетических южной и восточной группы (из иранских языков сюда примыкают согдийский, ягнобский, белуджский и некоторые др.). Именно: определение всегда предшествует определяемому; оно не согласуется с ним в числе и падеже, т. е. определение с определяемым при всяких грамматических изменениях рассматриваются как единое целое, в котором достаточно оформлять последнюю часть, т. е. определяемое. Из последнего обстоятельства должно, как кажется, вытекать также акцентуальное единство определения с определяемым, но имеет ли оно место во всех вышеуказанных языках, нам не известно.

² Кроме случаев, когда определения по содержанию однородны: *ðær-zònd, xærzkònd, ræsùgd lætku* «высокий, стройный, красивый юноша».

няется в качестве неорганической, неударяемой проклитики союз *umæ* вместе с примыкающей к нему местоименной энклитикой *jæm* (см. выше, стр. 539)]; *Wælxæžy* *kæstær* *læππu* *jæm* *råwadiis* «Уалхагов младший сын к нему вышел».

Если определение представляет фамильное (родовое) имя, оно имеет обычно самостоятельное ударение:

Nårtu *Wælxæg* «Нартовский Уалхаг».

Однако в тех случаях, когда фамильную принадлежность данного лица желательно подчеркнуть, мы имеем один комплекс:

Nårtu *Wælxæg* «Нартовский (именно нартовский, а не какой другой) Уалхаг».

Наречия в осетинском ни морфологически, ни синтаксически не дифференцированы от прилагательных и в отношении ударения трактуются одинаково:

áfte *ræsugd* «столь красивый»,

týng *žæbæx* «очень хороший» (ударение на первом слоге, так как *tyng* — из *itíng*).

Числительные, сочетаясь с род. падежом ед. числа имени (обычная конструкция), образуют с ним комплекс:

fæjnæ *stæs* *cæfy* «по восемнадцати ударов».

Но в некоторых случаях (при перечислении целого ряда предметов) они могут сочетаться с имен. или отлож. падежом мн. числа и тогда имеют самостоятельное ударение:

sædæ *sædæ* *iwšion* *galtæ*, *sædæ* *sædæ* *dysiontæ*, *sædæ* *sædæ* *yr-tysiontæ*... «сто раз сто однорогих быков, сто раз сто двурогих, сто раз сто трехрогих...»

6. Комплекс: послелог с управляемым словом

Комплекс этого типа можно свести исторически к предшествующему — определению с определяемым. В самом деле, если возьмем такой пример, как *mæsyžy* *særmæ*, то его можно трактовать и как атрибутивную и как послеложную конструкцию. В первом случае мы будем рассматривать *mæsyžy* как определение к *særmæ*, выраженное род. падежом от *mæsyg* «башня», а *særmæ* — как направ. падеж от *sær* «голова, верхушка», и переведем: «на верхушку башни» (на чью верхушку?). Во втором случае мы можем рассматривать *særmæ* как послелог «на», «управляющий» род. падежом, и переводить просто: «на башню».

Почти все осетинские послелоги могут быть исторически сведены к именам, технизовавшимся в функции послелогов. И почти все они, за редкими исключениями, управляют род. падежом, что предполагает старую, ныне уже значительно десемантизованную, атрибутивную (точнее — посессивную), связь.¹

¹ Отмечу попутно, что и в данном случае осетинский смыкается не с индо-европейскими, а с тюркскими, монгольскими, финскими, яфетическими языками, где мы также находим систему не предлогов, а послелогов.

Выражая локативные, а в переносном значении — хронологические и иные отношения, послеложные конструкции имеют в осетинском самое широкое распространение. К числу наиболее употребительных послелогов относятся: *raz* 'перед', *fæstæ* 'позади', *wælə* 'над', *dælə* 'под', *sær* (*særmæ*) 'на', *byn* 'под', *as-tæw* 'посреди', *æxsæn* (*yxsæn*) 'среди', *midæg* 'внутри', *cur* 'около', *wælgus* 'возле', *ættijæ* (*yttje*) 'за', *falyjæ* (*fale*) 'по ту сторону', *tyxxæj* 'из-за', 'ради', *rwažy* 'благодаря', *færcy* id., *bæsty* 'вместо', *dærgy* 'в течение', *fædył* 'вслед' и др.

Для наших целей достаточно привести несколько примеров, из которых можно видеть, что послеложные конструкции, так же как атрибутивные, выступают в речи как неделимые ритмические единицы:

yz sæfty mærgty fædył sæwɣn «я иду вслед за гибельными птицами» (*fædył* — внешне-мест. падеж от *fæd* 'след', употребляемый в функции «вслед за»; но всю конструкцию можно рассматривать и как possessивную, где *sæfty mærgty* «гибельных птиц» определяет *fædył*: «по чьему следу?»);

áfæzæj afæzme dðny byn fæydystæt «в течение года под водой мы шли» (*byn* 'дно' употребляется в значении послелога 'под');

Narty as-tæw — dynžyr č'yryn xæzar «среди Нартовского (селения) — большой (покрытый) известью дом» (*as-tæw* adv. 'среди', но также subst. 'середина', 'талия');

sæxi midæg tærxðn kænɣnc «между собой рассуждают».

Наряду с послелогоми существует в осетинском два предлога: *æd* (*yd*) 'с' и *æncæ* (*ɣncæ*) 'без'. В отношении ударения их можно трактовать вместе с послелогоми. Как и последние, они объединяются в комплекс с управляемым словом:

æd bæx «с лошадью».

æncæ mætcæj fæcær «живи без заботы».

7. Сложный глагол

Термин «сложный глагол» мы употребляем здесь в весьма широком и необычном значении; мы будем называть сложным глаголом любой глагол вместе с его ближайшими конкретизаторами: прямым и косвенным дополнением, обстоятельственными словами и пр., а также, в некоторых случаях, с субъектом. Ввести понятие сложного глагола в таком понимании мы вынуждены потому, что подобные комплексы при определенных условиях выступают в ритмике осетинской речи как единое целое.

Картина здесь, однако, не так проста, как в ранее рассмотренных случаях. Если там определенные синтаксические сочетания всегда выступали как единые акцентуальные комплексы, то синтаксические сочетания, называемые нами «сложным глаголом», могут образовать или не образовать комплекса в зависимости от семантических оттенков, часто весьма тонких и деликатных. Иначе говоря, в «сложном глаголе» мы имеем дело не с формально необходимым, а с факультативным, семантически обусловленным комплексом. Ритмика здесь находится в подчинении семантике.

Наша задача и заключается в том, чтобы показать, при каких условиях сложный глагол образует комплекс и при каких такое образование не имеет места.

С формально-синтаксической стороны здесь можно сделать прежде всего следующее наблюдение: если глагол дан в форме инфинитива или деепричастия, то объединение его в комплекс со своими конкретизаторами обязательно.

Возьмем сложный глагол *sug sættyn* «дрова рубить». В инфинитиве и деепричастии мы будем иметь всегда одну акцентуальную единицу, образуемую глаголом и прямым объектом:

sùg sættyn næ zònyš «дрова рубить ты не умеешь»,

sùg sætgæjæ jæ k'ax færætæj nyccäfta «рубя дрова, он поранил топором ногу».¹

Если глагол стоит в императиве, то комплекса не образуется (кроме случаев, о которых ниже) — конкретизатор и глагол получают каждый самостоятельное ударение:

sùg yrsætτ! «дров наруби!»,

xòrʒ cær! «хорошо живи!».

В спрягаемых формах сложный глагол образует единый комплекс в том случае, если данное действие или состояние противопоставляется или сопоставляется с каким-либо другим одновременным или возможным действием или состоянием:

ÿz sùg yrsætzynæn dy ta àrt yškæn! «я дров нарублю, а ты огонь разведи!»

В этом примере даже императивная форма сложного глагола (*àrt yškæn* «разведи огонь»), которая, как выше было указано, вообще не образует комплекса, на этот раз объединяется под одним ударением, именно потому, что налицо прямое противопоставление одного действия («разведи огонь») другому («нарублю дров»). Императив сложного глагола как раз и может образовать комплекс только при том условии, когда мы имеем прямое, выраженное в речи противопоставление одного действия или состояния другому. Напротив, изъявительные формы сложного глагола образуют комплекс и тогда, когда такое противопоставление не дано в речи, но лишь подразумевается или допускается:

cy mì kænyš? — *sùg sættyn* «что (ты) делаешь?» — «дрова рублю» («а не другое что делаю»).

¹ Само собой разумеется, и причастия типа *poen actoris* образуют в сложных глаголах одно акцентуальное целое. Они даже пишутся обычно вместе:

sugsættæg 'дровосек'

dónæssæg 'водонос'

kæsaǵæsæg 'рыболов' и т. д.

То же можно сказать о *participium futuri*:

sugsættinæg «тот, кто будет рубить дрова», «намеревающийся рубить дрова» и т. п.

При отсутствии всякого намека на такое подчеркивание данного действия в противоположность другим, ответ звучал бы: *sij sættyn*, т. е. конкретизатор и глагол имели бы каждый самостоятельное ударение.

Так как противопоставление данного действия другому предполагает наличие на нем логического ударения, то наше наблюдение можно было бы резюмировать и так: сложный глагол образует один акцентуальный комплекс, если на нем делается логическое ударение.

Далее, так как фактическим носителем этого логического ударения является не глагол, а конкретизатор (дополнение, обстоятельственное слово), ибо на нем именно лежит семантическое бремя выражения специфичности данного действия в отличие от всяких других, то мы можем говорить о логическом ударении именно на конкретизаторе, как об условии образования комплекса.

Наконец, так как конкретизатор в этих случаях всегда предшествует глаголу, то образование комплекса сводится в сущности к тому, что конкретизатор, когда на нем делается логическое ударение, как бы «поглощает», с точки зрения речевого ритма, следующий за ним глагол.

Это важное наблюдение мы считаем возможным обобщить в виде «закона прогрессивного поглощения», который можно, повидимому, распространить на все случаи факультативного (не обязательного) образования комплекса. Сущность этого закона заключается в том, что когда мы имеем в предложении несколько следующих друг за другом элементов, А, В, С (в данном случае конкретизаторы и глагол), для которых имеется потенциальная возможность образовать одну ритмическую единицу, то такое объединение имеет место в том лишь случае, если логическое ударение падает на первый из этих элементов (А); если логическое ударение падает на второй элемент (В), то он объединяется со следующим (С), но не с предшествующим (А), и т. д. Короче, ритмическое поглощение совершается всегда в прогрессивном, но никогда в регрессивном направлении.

Возьмем для примера фразу:

ij bærc fos kæd yrysk'ærttaj, wæd ma dæ cy qæwy? «столько скота если (ты) пригнал, то чего тебе еще надо?».

Если в первом (придаточном) предложении сделать логическое ударение на первом элементе *ij bærc* 'столько', то фраза, в отношении ритмики, будет выглядеть так:

*ij̇ bærc fos kæd yrysk'ærttaj, wæd má dæ cy qæwy?*¹

Если логическое ударение упадет на второй элемент, *fos* 'скот', то мы будем иметь:

ij bærc fòs kæd yrysk'ærttaj, wæd má dæ cy qæwy?

¹ Восходящую интонацию придаточного предложения мы оставляем здесь без обозначения (см. ниже, стр. 555).

Наконец, если носителем логического ударения будет последний элемент, *yrysk'ærttaɟ* 'пригнал' (связка *kæd* 'если' не идет в расчет), то мы получим:

ij bærc fòs kàd yrysk'ærttaɟ, wæd má dæ cy qəwuy?

Выше мы отмечали, что сочетание: фамильное имя + собственное имя образует один акцентуальный комплекс лишь в том случае, если на первом элементе, т. е. фамильном имени, делается логическое ударение, если принадлежность данного лица к данной фамилии особо подчеркивается: *Sànaty Beslæn* «Шанаев Беслан» (именно «Шанаев», а не какой другой). Легко видеть, что и этот случай подводится целиком под закон прогрессивного поглощения.

Возвращаясь к сложному глаголу, мы должны указать, что сцепление его в одну ритмическую группу возможно, в соответствии с вышеизложенными условиями, лишь в том случае, если конкретизатор предшествует глаголу. Если он следует за глаголом, то образование комплекса немислимо ни при каких условиях, каждый элемент должен иметь самостоятельное ударение:

Čermèn sættɟ sùg «Чермен рубит дрова» (*sættɟ sùg* — невозможно).¹

В связи с этим следует отметить, что в инфинитивных и деепричастных формах сложных глаголов, где, как мы видели, объединение в комплекс абсолютно необходимо, конкретизатор ни в коем случае не может следовать за глаголом. Можно сказать только *sùg sættɟn* «дрова рубить» и *sùg sætgæjæ* «дрова рубя», но ни в коем случае не *sættɟn sùg* «рубить дрова» и не *sætgæjæ sùg* «рубя дрова».

Следует особо выделить весьма распространенные в осетинском образовании с так называемыми вспомогательными глаголами *wyn* 'быть' и *kættɟn* 'делать'. Вообще говоря, к ним применимо все, что сказано выше о сложных глаголах, а именно: они образуют комплекс, если конкретизатор предшествует глаголу и если логическое ударение падает на конкретизатор, и не образуют его в противном случае:

Čermèn sian kòtta, jœ mād ta xəzary bat̃ti «Чермен охотился («охоту дела»), его мать же дома сидела». Мы видим, что сложный глагол *sian kòtta* образует комплекс, и знаем почему: потому что данное действие («охотился») логически акцентировано, оно противопоставляется другому действию («дома сидела», поэтому и *xəzary bat̃ti* — под одним ударением). При отсутствии такого противопоставления и при отсутствии вообще логического «упора» на данном действии мы имели бы:

Čermèn sian kòtta.

Короче говоря, картина здесь такая же, как при обычных сочетаниях: конкретизатор + глагол. Иное положение создается тогда, когда сложные

¹ То же самое относится к случаю с фамильными именами: если они следуют за собственными именами, обязательно самостоятельное ударение на каждом элементе: *Beslæn Sànaty* «Беслан Шанаев», *Xəzbi Alɟxatɟ* «Хазби Аликов».

глаголы с *wyn* и *kænyŋ* снабжаются глагольными приставками (превербами) *a-*, *ær-*, *bə-*, *ærbə-*, *ra-*, *ys-(s-)*, *fæ-(fə-)*, *ny-*.

Если вместо выражения «Чермен дрова рубил» — *Čermen sug sašta* — мы пожелаем бы сказать «Чермен на рубил дров», мы должны снабдить глагол *sašta* превербом *a-*, выражающим совершенность действия: *Čermen sug asašta*. В сложных же глаголах, образованных с помощью *wyn* и *kænyŋ* (а иногда еще *lasyn* и *daryn*), преверб может приставляться не к глаголу, а к стоящему впереди конкретизатору (явление, которое можно подвести под понятие «групповой флексии»), и в этом случае сложный глагол всегда и с абсолютной необходимостью выступает как единое акцентуальное целое, как комплекс:

ərfa [˘]*myn* [˘]*kəttə* «он меня благодарил» (без преверба).

Если мы пожелаем сказать «поблагодарил», мы должны снабдить наш сложный глагол *ərfa kəttə* превербом *ra-*, но последний может быть приставлен не к *kəttə*, а к *ərfa*:

rə-ərfa [˘]*myn* [˘]*kəttə*;

и в этом случае неизбежным следствием оказывается сцепление всей фразы в одну ритмическую группу, включающую помимо двух частей сложного глагола еще и энклитику *myn* (вообще энклитики охотно вставляются между конкретизатором и глаголом).

Точно так же, рядом с *əxwyr dən* «я привычен» (с двумя ударениями), будем иметь *s-əxwyr* [˘]*dæn* «я привык» (с одним ударением), рядом с *cin kænzəni* «будет радоваться» — *bə-cin* [˘]*kænzəni* «порадуется», рядом с *yrđiag kəttə* «вопил» — *ny-ʹrđiag* [˘]*kəttə* «завопил» и т. д. Преверб уподобляется как бы обручу, который, накладываясь на обе части сложного глагола, скрепляет и спаивает их в одно неделимое целое.¹

Дальнейшие наблюдения показывают, что в роли такого обруча оказываются не только превербы, но также, на этот раз уже для всех видов сложных глаголов, отрицательные и вопросительно-относительные слова и частицы, известные уже нам, как проклитики (см. выше, стр. 535 сл.), если они стоят впереди конкретизатора, а конкретизатор впереди глагола:

nə [˘]*cin* [˘]*kəttə* «не радовался»,

mə [˘]*myl* [˘]*cin* [˘]*kæn* «не радуйся мне»,

nəl [˘]*æj* [˘]*qwydy* [˘]*kænys?* «больше не помнишь этого?»,

nɨwəl [˘]*mast* [˘]*fəttə* «никакого уж больше горя он не видел»,

nɨkæmæj [˘]*nicy* [˘]*xæs* [˘]*darɨn* «(я) никому ничего не должен»,

sæmæn [˘]*mæ* [˘]*fydæbonæj* [˘]*marut?* «почему меня мучаете?»

(«мучаете» выражено сложным глаголом *fydæbonæj marut*, букв. «субиваете мукой»),

¹ Во всех приведенных случаях приставка может стоять и непосредственно при глаголе: *ərfa myŋ rə-kəttə*, *əxwyr s-dæn*, *cin bə-kænzəni*, *yrđiag ny-xəttə*, но такое употребление менее привычно. Как видим, в этом случае комплекс распадается (если для его сохранения нет уже известного нам основания — логического ударения).

kæyd *ràžy* *festyš?* «как рано встаешь?»,
kwyd *qæræj* *zaryš?* «как громко поешь?»,
kwyd *ræsugd* *dæ, kwj!* «как ты красива, как!»,
Wyryzmæg *qwydy* *bàjdaju, sy* *gdàwæj* *ta* *airvæzon,* *zæggæ*
 «Урузмаг начинает думать, каким способом бы мне спастись, говоря»,
kwy *bàfynæj* *dæn, imæj* *bòntæ* *nìsy* *fyn* *fetton* «когда заснул,
 оттуда до утра никакого сновидения не видел».

Рассматривать сочетание: субъект плюс предикат как частный случай сложного глагола было бы, пожалуй, чрезмерным и произвольным расширением нашего и без того достаточно широкого понятия «сложного глагола». И тем не менее, с точки зрения ударения, приходится это сделать. Субъект во фразе можно рассматривать как конкретизатор с применением к нему всех уже известных нам правил, а именно: если субъект следует за предикатом, то он не объединяется с ним в комплекс ни в коем случае:

àsy *'xsæv* *ta* *jæ* *bàqagqænon* *yz* «в эту ночь же ее постерегу я»; если субъект стоит впереди предиката и на нем делается логическое ударение, т. е. он противопоставляется другим наличным или подразумеваемым субъектам, то он ритмически «поглощает» следующий за ним предикат, объединяясь с ним в один акцентуальный комплекс:

àsy *'xsæv* *ta* *jæ* *yz* *bàqagqænon* «в эту ночь же ее я постерегу» («а не ты, как в прошлые ночи»),

nyr *tà* *dy* *sàrt* *kæn* «теперь же ты разведи огонь» («а не я...»),
 ... *ymæ* *sæ* *xæsty* *qæry* *xwyzæn* *kwy* *sæwy* «... но ведь от них слышится подобное шуму битвы» (с логическим ударением на *xæsty* *qæry* *xwyzæn* «подобное шуму битвы»).

Если перед субъектом в описанных случаях стоит вопросительное слово *sy?* «что за?», *savær?* «какой?» *sætæn?* «почему?» и т. п., то образование комплекса неизбежно, как и в других случаях сложного глагола:

sy *qyg* *da* *bacydis?* «какое горе в тебя проникло?»,
sy *dæ* *fydbylyz* *dæ* *'raxasta?* «какое твое несчастье тебя занесло сюда?».

Заканчивая на этом классификацию акцентуальных комплексов в осетинском, считаем излишним проиллюстрировать (и проверить) добытые нами результаты на ряде примеров, взятых из опубликованных нами фольклорных текстов:

sæ *iwæn* *jæ* *sær* *ralygotta, imætæn* *jæ* *còng* «из них у одного отрезал его голову, у другого — его руку»;
sæ *iwæn* — определение с определяемым, так же как *jæ* *sær* и *jæ* *còng*; *jæ* *snr* *ralygotta* — сложный глагол, объединяющийся в комплекс потому, что конкретизатор *ja sær* «голову» логически подчеркивается и противопоставляется другому конкретизатору *jæ* *cong* «руку» (см. выше, стр. 547); само *ra-lyg-kotta* представляет уже сложный глагол, от *lyg-*

kænyŋ 'резать', букв. 'отрезанным делать'; преверб *ra-* приставляется не к *kænyŋ* (котта), а ко всему комплексу *lyg-kotta* (стр. 549).

ymbisysævmæ dy fæfynæj kæ, ʔmæj bõnmæ ta ʔz «до полуночи ты поспи, а оттуда до утра — я»;

dy fæfynæj kæ «ты поспи», «ты» логически подчеркивается и противопоставляется субъекту «я» в следующем предложении, поэтому имеем комплекс (прогрессивное поглощение, как и в предшествующем примере *jæ sær ralygkotta*); *fæfynæj kæ* — импер. от *fynæj kænyŋ* 'спать' с превербом *fæ-*, *ta* — органическая энклитика.

Wyrʔzmæg xærcægyl badyn jæ særmæ baxasta, fælæ jyl zyğwymmæ ta sæmæn ʔspattʔ «Урузмаг снизошел до того, чтобы сесть на осла, но (он) на него задом-наперед-то зачем сел?»;

xærcægyl badyn 'на осле сидеть' — сложный глагол в инфинитиве с неизбежной в таких случаях комплексацией (стр. 546); *xærcægyl* — ударение на первом слого вопреки формуле $\upsilon — \grave{\upsilon}$, так как речь идет об определенном, уже упоминавшемся осле (стр. 531); *zyğwymmæ... ʔspattʔ* «задом-наперед... сел» — сложный глагол, образующий один комплекс, потому что логическое ударение делается на *zyğwymmæ* «почему задом наперед?» (ср. предшествующие примеры и см. выше, стр. 547, «прогрессивное поглощение»); *ta* — энклитика и *sæmæn* — проклитика, разумеется, не расщепляют комплекса сложного глагола; *fælæ* — неорганическая проклитика вместе с энклитическим местоимением *jyl*.

ʔj bāræj zyğwymmæ spattʔi «он нарочно задом-наперед сел».

Из двух конкретизаторов при глаголе *spattʔi* 'сел' логическое ударение делается на первом, *bāræj* 'нарочно', поэтому он акцентуально поглощает следующие за ним части сложного глагола.

rægzmæ ʔjn fændag xærcæg wyny, fæstæmæ — jæxædæg «вперед ему дорогу осел видит, назад — он сам»;

xærcæg wyny — сложный глагол с логическим ударением на конкретизаторе, он же субъект, который противопоставляется другому субъекту (*jæxædæg* 'он сам'), поэтому имеем комплекс: *xærcæg wyny*.

ʔz àm amælzynæn ʔmæ bambizynæn, ʔmæj jyl cy bafccæn? «я здесь умру и сгнию, от этого ему что прибавится?»;

àm amælzynæn ʔmæ bambizynæn — два глагола с общим конкретизатором *am* 'здесь'; так как логическое ударение падает на *àm* («здесь умру...»), то он «поглощает» все последующее; *jyl* — энклитика, *cy* — проклитика (вопросит. местоим. при глаголе).

ʔrtæjæ jæ wællag fars ʔrbattysty, cyp̄p̄aræj — jæ dællag fars «трое с его верхней стороны сели, четверо — с его нижней стороны»;

æ wællag fars — два определения при определяемом (см. выше, стр. 543); в качестве конкретизатора этот комплекс присоединяется к глаголу *ʔrbattysty*, так как налицо противопоставление другому конкретизатору — *jæ dællag fars*.

cæwyl mast kænut? «о чем горюете?»;

вопросительное местоимение *sæwyl* (внешне-местный от *sy* 'что'), будучи само проклитикой, стягивает в комплекс сложный глагол *mas: kænut* 'горюете' (стр. 549).

âfæzæj afæzma: dōny byn iwtæ kwy fæcydystæt «целый год под водой вместе ведь (мы) шли»;

dōny byn — послеложный комплекс (стр. 544 сл.); *iwtæ... fæcydystæt* «вместе... шли» — сложный глагол, образующий комплекс, потому что логическое ударение делается на *iwtæ*: «вместе шли»; проклитика *kwy* закономерно стоящая непосредственно перед глаголом, не может, как обычно, нарушить комплекса.¹

aj mē fsymær Yxsærtæžy us u «это моего брата Хсартага жена есть»;

Yxsærtæžy us u — сложный глагол, где первый член, *Yxsærtæžy*, будучи под логическим ударением, «поглощает» следующие за ним; впрочем *Yxsærtæžy us* образует комплекс независимо, как определение с определяемым; если бы логическое ударение делалось на *mē fsymær* 'мой брат', то мы, по закону прогрессивного поглощения, имели бы: *aj mē fsymær Yxsærtæžy us u*.

kæræžyl cìn kænync «друг-другу радуются»;

сложный глагол *cìn kænync* не образует здесь комплекса, каждый его член имеет самостоятельное ударение, так как данное действие не подчеркивается логически, ему не противопоставляется, ни явно, ни мысленно, какое-либо другое действие (стр. 546). При логическом ударении на *kæræ-*

¹ Между конкретизатором и самим глаголом могут вставляться, не нарушая комплекса, все виды органических энклитик и проклитик, а именно:

а) союзные слова, связывающие главное предложение с придаточным (если сложный глагол стоит в придаточном предложении): *sy* 'что', *ci* 'кто', 'который', *kwy* 'когда', *kwyd* 'как' и др.

б) отрицательные слова и частицы: *næ*, *nicy*, *nici* и т. п.;

в) вопросительные слова и частицы: *sætæn* 'почему', *kæd* 'когда' и т. д.;

г) энклитики-наречия: *ta* 'еще', *ta* 'опять', *wal* 'пока', *dær* 'также' и т. д.

д) энклитики-местоимения: *mæ* 'меня', *dæ* 'тебя', *jæ* 'его' и т. д.:

а) *sug kwy sasta, jæ k'ax wæd fæcæf* «дрова (он) когда рубил, его нога тогда поранена»;

б) *jæ sug næ sættu, jæ art næ kæny* «ни дров не рубит, ни огня не разводит»;

в) *sug næ sættys fælæ art ta sæwyl næ kæny?* «дров не рубишь, но огня-то почему не разводишь?»;

г) *sug dær yrsætzy næn, ymæ art dær yskænzy næn* «и дров нарублю, и огонь разведу»;

д) *mæ jæ qygdar, sug myn sættu* «не мешай ему, дрова он мне рубит».

При скоплении между конкретизатором и глаголом нескольких энклитик и проклитик (что вполне возможно) они располагаются в следующем порядке:

1) энклитики-наречия (в определенной последовательности, см. выше, стр. 535);

2) энклитики-местоимения (также в определенной последовательности, см. там же);

3) вопросительные и (в придаточных предложениях) союзные слова (связки);

4) отрицательные слова и частицы.

næl æj qwydy kæny, sug sættyn ta myn kwy næ kwytta? «больше того не помнишь, дрова рубить опять мне как (ты) не хотел?» (т. е. «помнишь, как ты опять отказывался рубить дрова?»).

zjyl имели бы: *kærəzjyl cin kænyns*; при логическом ударении на *cin* — *kærəzjyl cin kænyns* (прогрессивное поглощение).

mæ dɔngarz dær myn nyc'c'æl kotta 'mæ myn mæ pɥsultæ dær nysk'wɥttæ kotta «(он) мне и мой сосуд для воды разбил и мое платье изорвал»;

dɔngarz nyc'c'æl kotta и *pɥsultæ nysk'wɥttæ kotta* — сложные глаголы, из которых первый образует комплекс, так как на *dɔngarz* делается логическое ударение, а второй не дает комплекса, так как нет логического ударения на *pɥsultæ* 'платье'; *mæ* 'мой' присоединяется к *dɔngarz* и *pɥsultæ* как определение, а *dær* и *myn* — как энклитики; союз *'mæ* вместе с энклит. местоим. *myn* не имеет, как обычно, ударения и примыкает в виде неорганической проклитики к следующему ритмическому центру; *nyc'c'æl kotta* — от *c'ælkænyn* 'ломать', с прибавлением преверба *ny* — впереди (а не к *kotτα*); *nysk'wɥttæ kotτα* — от *ysk'wɥttæ kænyn* 'разрывать', где *ysk'wɥttæ* в свою очередь — множ. ч. от ррf. глагола *sk'wɥyn* 'рваться', следовательно, *sk'wɥttæ kænyn* — букв. «разорванными делать».

wæ fɥdy fɥd k'æləetžynyl nyxχus is ymæ ɥj babærcæg kænut «ваш дедушка на кресле высох, и его проведайте»;

ɥj babærcæg kænut образует комплекс, так как на первом члене *ɥj* делается (как ясно из контекста) логическое ударение: «его проведайте»; *bærcæg kænyn* 'проведывать' имеет впереди преверб *ba-*, а *χus wɥn* — преверб *ny-* (с закономерным удвоением начального согласного): *nyxχus is* 'высох'.

kæd ɥj bærc tyxgæncæg ystut ... «если (вы) настолько насильники...»; *ɥj bærc tyxgæncæg* «(в) такой мере насильники» (*tyxgæncæg* — ед. число вместо множ.) — трехчленный комплекс, где каждый член служит определением к следующему; вместе с *ystut* «вы есте» он образует сложный глагол, объединяемый в одну ритмическую единицу, потому что на первом члене делается логическое ударение: «на столько насильники...».

cɥ fɥd bon jæ xaj fæcis? «какое несчастье его долей стало?»; *fɥd bon* и *jæ xaj* — конкретизаторы при *fæcis* 'стало'; стоящее впереди вопросительное местоимение *cɥ* скрепляет всю фразу в один комплекс (см. выше, стр. 549 сл.).

fæsæmæ əzdæxon, kwɥd zaxta əftæ jæm rəzɥndis iw cydær ... «„назад вернусь“ как только сказал, так ему показалось одно что-то...»; *kwɥd zaxta* «как сказал», как и другие слова и выражения, вставляемые при передаче чужой речи: *dæm* 'дескать', *zæŋdæ* 'говоря' (стр. 534 сл.), присоединяется к предшествующему слову энклитически; впрочем в данном случае возможно и самостоятельное ударение: *əzdæxon, kwɥd zaxta*.

ɥz cɥ fændagyl cæwɥn, ɯm mārŋ atæxæg kwɥ nɛ wæendɥ «я по какой дороге иду, по ней птица пролететь не смеет»; всю фразу *ɥz cɥ fændagyl cæwɥn* «я по какой дороге иду» здесь можно рассматривать как «сложный глагол» (включая и субъект *ɥz* 'я', см. выше, стр. 550); ритмическое объединение фразы под одним ударением

объясняется тем, что логическое ударение падает на первый член (субъект) *уз*: «дорога, по которой я иду...»; иначе говоря, имеем «прогрессивное поглощение»; *màrġ atæxæg* значит, собственно, «птица пролетающая», причем *marġ* воспринимается как определение к *atæxæg* (а не наоборот), поэтому — комплекс; ...*kwy næ wændy*, букв. «...когда не смеет», *kwy* и *næ* — две проклитики при глаголе *wændy*.

dæ cæstyŋæ nærtòn læžy cæstyŋæ xwyzæŋ ysty, yndæra dyn dæ bærzæj àxawyn kotrain «твои глаза нартовского мужа глазам подобны суть, а не то тебе твою шею отсек бы»; *nærtòn læžy cæstyŋæ xwyzæŋ* «подобные глазам нартовского мужа» — обязательный комплекс типа «определения с определяемым»; *xwyzæŋ* можно рассматривать и как послелог, что не меняет положения (стр. 544 сл.); так как на этот комплекс падает логическое ударение, то он поглощает (в речевом ритме) и следующий за ним вспомогательный глагол *ysty* 'суть', образуя с ним сложный глагол; *yndæra* как неударяемая проклитика примыкает, вместе с энклитикой *dyn*, к следующей акцентуальной единице *dæ bærzæj; àxawyn kotrain* — сложный глагол, скрепленный превербом *a-* (собственно мы имеем здесь живой способ образования *saus-tiv'a* в осетинском с помощью *kænyŋ*: *xawyn* — 'падать', *xæwyn kænyŋ* 'заставлять падать', т. е. 'отсекать').

iw xaj mænæn dæccæŋ, dyw wæ jæxïcæŋ iszæŋ «одну часть мне даст, две — себе возьмет»; *mænæn dæccæŋ* и *jæxïcæŋ iszæŋ* связаны здесь в комплексы, так как на конкретизаторах *mænæn* и *jæxïcæŋ* делается логическое ударение, они противопоставляются друг другу: «...мне даст, ...себе возьмет...»; *iw xaj* 'одну часть' — комплекс типа «определение с определяемым» с ударением на первом слове по формуле $\alpha - \alpha$.

aj kwyd ynatomd dæn! læg myŋ læwærttæ kótta 'mæ sæ cæwyl-næ iskæj bakwytτton? «вот как несчастен (я) емь! человек мне подарки делал, и (я) из них почему какой-нибудь не принял?»; вопросительные слова (проклитики) *kwyd* 'как' и *cæwyl-næ* 'почему не', стоя перед сложными глаголами *ynatomd dæn* 'несчастен емь' и *iskæj bakwytτton* 'какой-нибудь принял', играют роль «обручей», стягивающих их в комплекс, независимо от того, делается ли логическое ударение на конкретизаторах или нет (см. стр. 549); *myŋ* 'мне' — местоименная энклитика, стоящая, как обычно, тотчас же после первого слова в предложении, а не после предиката; союз *'mæ* вместе с примыкающей к ней (как к первому слову в предложении) энклитикой *sæ* 'из них' образует неударяемый комплекс, который мы в данном случае, как и во многих других, затрудняемся связать с предшествующим или последующим акцентуальным центром.

aj myŋ xbrz xæxxon zyly 'rxastaj řizonæxlag «это (ты) мне хорошую горную птичку принес на шашлык»; комплекс *xbrz xæxxon zyly* (два определения с определяемым) в ка-

честве логически подчеркнутого конкретизатора «поглощает» следующий за ним глагол *'rxaſtaſj*; второй конкретизатор *fiſonæxhaſ*, как стоящий после глагола, безусловно выпадает из комплекса и имеет самостоятельное ударение; энклитика *тун*, как обычно, пристраивается к первому слову в предложении.

kædmæ *batʰtʰyſtu*, *wædmæ* *fæbətʰtʰyſtu* «доколе сидели, доколе посидели»;

из двух вполне симметричных фраз первая образует комплекс, а вторая нет, так как первая начинается с вопросительного слова (*kædmæ*), а вторая — с утвердительного.

xistæraej *zurút wæ* *fjyntæ* *'vi kæs-tæraej?* «по-старшинству рассказываете ваши сны или по-младшинству?»;

объединение слов *xistæraej* *zurút* под одним ударением объясняется тем, что они выступают здесь как сложный глагол, где ударение делается на конкретизаторе *xistæraej*, который прямо противопоставляется другому — *kæs-tæraej* (по-старшинству... по-младшинству); *wæ* *fjyntæ* 'ваши сны' могло бы, в качестве второго конкретизатора, также включиться в комплекс, если бы оно стояло впереди глагола.

Kàzity *Satana* *'mæ* *Nàrty* *Satana* «Кадзиевская Сатана и Нартовская Сатана»;

фамильные имена *Kàzity* и *Nàrty* в данном случае «поглощают» акцентуально следующие за ними собственные имена, так как на них делается логическое ударение, они прямо противопоставляются друг другу (стр. 544); там где такого подчеркивания и противопоставления нет, мы находим самостоятельные ударения на фамильном и собственном имени: *Kàzity Satàna*, *Nàrty Satàna*.

В заключение считаем нелишним сказать несколько слов об интонации.

В вопросительных предложениях, а также в придаточных предложениях всех типов, в особенности когда они предшествуют главному, наблюдается восходящая интонация, примерно такая же, как в русском, но более резко выраженная. Интонационное напряжение, распространяясь на ряд соседних слогов и слов и повышаясь по мере приближения к вершине интонационного подъема, очень часто скрадывает в известной мере различие между ударными и неударными гласными, но не настолько, чтобы можно было колебаться в установлении основного акцентуального центра данной ритмической единицы. Это интонационное напряжение мы обозначаем в наших текстах знаком $\underline{\quad}$ (акут), в отличие от знака — (гравис), который употребляется нами для обозначения нормального ударения.

Вопросительные предложения, если они начинаются не с вопросительных местоимений и наречий, имеют всегда восходящую интонацию:

Nàrty qæwmáe fœndág zònúit?

«В Нартовское селение дорогу знаете?»;

xis-ærcæj zúrút wæ fýntáe 'vi kæs-ærcæj?

«по-старшинству рассказываете ваши сны или по-младшинству?».

Если вопрос начинается с вопросительного местоимения, то ясно выраженная восходящая интонация имеет место лишь в том случае, если на этом местоимении делается логическое ударение:

cy zàx-áj?

«что ты сказал?» (в смысле «что именно ты сказал?» напр. при переспрашивании):

kædæm cæwýs?

«куда идешь?» (в смысле «куда именно ты идешь?»).

В противном случае вопросы лишены интонационного напряжения:

cy zàx-áj?

kædæm cæwýs?

Примеры на придаточные предложения:

dæx-ærcæj cy fýn fæ-áj, ùdon zúr

«ты сама какой сон видела, расскажи»;

cæwýn qóm èi 'ú, ùj jæx-ærcæj racæwæt

«кто способен идти, пусть сам приходит»;

nærtòn fós kwý nè komáj, wæd sàw galy sær ràlyg kænut...

«если нартовский скот не будет слушаться, то отрежьте голову черного быка...»;

kwý niçi zmælyd wælæmáe yrtæ Nartáj, wæd fès-ædis Wælxæg

«когда никто не подымался из трех нартовских фамилий, то вскочил Уалхаг»;

cálymmæ dýl cæwæg ymbælá, wálymmæ fæs-æmæ mà razdæx

«пока тебе не встретится путник, до тех пор назад не возвращайся».

Есть одна область, для которой учение об акцентуальных комплексах или ритмических группах имеет непосредственное практическое значение. Мы имеем в виду стихосложение. Осетинское стихосложение является тоническим (точнее — силлабо-тоническим). Ритмика стиха определяется ударением. Естественно, что, поэт, стремящийся к совершенству музыкальной формы, должен отдавать себе ясный отчет в том, что в качестве естественных ритмических единиц он имеет дело в осетинском не с отдельными словами, а с группами, и в соответствии с этим строить «архитектонику» стиха. Простейшее решение задачи — когда естественные ритмические группы совпадают со стопами:

Kæm [˘]*ræzɯnc*, | *kæm* [˘]*cærync* |
Dæ [˘]*xətæ* | *dæ* [˘]*mād?*
Tæxūdy, | *tæxūdy*, |
Kæmcæn [˘]*is* | *dæ* [˘]*càrd!*

(Из стихотворения поэта Коста «Dzyvyldar»).

Однако такое совпадение, даже при трехсложных стопах, может иметь место лишь sporadически, а при двухсложных и вовсе редко. И тем не менее стих может быть музыкально безупречным. Для этого не требуется, чтобы границы стоп совпадали обязательно с границами ритмических групп. Достаточно, если стихи в отношении естественной ритмической структуры построены симметрично. Так, рифмующие стихи

Bæværzy | *stut* [˘]*myn* *mæ* | [˘]*màrd*
Nicæmcæn | [˘]*wal* [˘]*wyd* *dæ* | [˘]*càrd*

(Коста «Zony»),

хотя в них стопы (дактилические) совершенно не совпадают с ритмическими группами, безкоризненны в музыкальном отношении, так как ритмическая структура их абсолютно симметрична (в обоих стихах имеем:

— — — — — | — — — — —).

То же можно сказать о четверостишии:

Tyzmægcæj | [˘]*mæm* *mà* [˘]*kæc*, | — — — — — | — — — — —
Mæ [˘]*fýdy* | [˘]*zæronð*, — — — — —
Dæ [˘]*zærdæ* | *mæ* *mà* [˘]*xæss* | — — — — — | — — — — —
Mæ [˘]*zærdæ* | *jy* [˘]*kond*. — — — — —

(Коста «Nyfs»).

Если возьмем с другой стороны четверостишие

Xàlon | *bærgavst* | *sýnzyl*... | — — — — — | — — — — —
Wad *ty* | *mýg* *xæs* | *sý*... — — — — — | — — — — —
Sàw [˘]*aj* | *næžy* [˘]*rynžyl* | — — — — —
Nàry | [˘]*qæw* *xwys* | *sý*. — — — — — | — — — — —

(Коста «Sižærgæs»)

то в нем несимметричность ритмической структуры 1-го и 3-го стихов воспринимается как известное нарушение музыкальной четкости...

Подводя итог нашим наблюдениям в области осетинского фразового ударения мы должны признать, что имеем дело с одной из самых интимных сторон языка, проникновение в которую требует от исследователя весьма совершенного владения живой речью. Неудивительно поэтому, что все исследователи осетинского языка, даже те, которые в общем вполне удовлетворительно знали язык, как Вс. Миллер, в отношении ударения шли впотымах. В лучшем случае фразовое ударение подменялось словесным ударением, что вряд ли позволительно вообще в каком-либо языке, а в осетинском приводит нередко к чудовищным искажениям смысла в виду исключительной роли, которую играют в нем акцентуальные комплексы.¹

Мы далеки от того, чтобы считать осетинский язык в этом отношении каким-то уникалом. По всей вероятности, сходную картину можно найти во многих других языках. Но несомненно, что, например, русский или итальянский языки дают совершенно другой тип ритмического членения речи, чем осетинский. Определяющим здесь является ударение отдельного слова. Из европейских языков, кажется, французский по своей склонности к образованию ритмических групп может быть до некоторой степени приближаем к осетинскому. «Звуковой поток в русском языке распадается на слова благодаря тому, что каждое слово выделяется словесным ударением: *мы читаем книгу научного содержания* — 5 ударений и 5 слов. Правда, в русском существует некоторое число безударных слов — так называемых энклитик и главным образом проклитик; но это не меняет особенно дела, так как этих безударных словечек относительно немного, и они имеют характер подвижных префиксов и суффиксов, а главное, так как нормально всякое ударное слово всегда сохраняет свое ударение на своем обычном месте. Поэтому-то мы и говорим в русском о «словесном ударении». Ничего аналогичного мы не имеем во французском: там ударением снабжаются не слова, а группы слов, выражающие в процессе речи единое смысловое целое... Таким образом во французском мы никоим образом не можем говорить о словесном ударении, а должны говорить лишь о «фразовом ударении»... От незнания этого глубокого различия между фонетической структурой русского и французского языков зависят постоянные и совершенно нетерпимые ошибки русских против делимости французской речи или, как обыкновенно говорят, против «французской ритмики» (Проф. Л. В. Щерба. Фонетика французского языка, 1937, стр. 77 сл.).

Полностью применимо к осетинскому и следующее замечание проф. Л. В. Щербы: «Мы видим, таким образом, что ритмическое членение фран-

¹ Отрядным исключением являются тексты, опубликованные В. Мункácsi (Blüten der ossetischen Volksdichtung, 1932), где замечены и переданы в записи некоторые более элементарные случаи акцентуальных комплексов (см. нашу рецензию в «Яз. и Мысл.», III—IV, стр. 318).

То обстоятельство, что при записи текстов старались выловить ударение обязательно в каждом слове, породило представление о «слабости» осетинского ударения (Вс. Миллер, Осет. этюды, I, 4—5, В. Мункácsi, op. cit., 8). Мы никак не можем разделить это мнение в отношении иронского диалекта. Основные ударения в потоке речи, обуславливающие его ритмику, совершенно ясны и отчетливы.

цузской речи, или, иначе, расстановка ритмических ударений тончайшим образом нюансирует смысл речи» (*ibid.*, стр. 79). Разница, однако, в том, что в осетинском расстановка ритмических ударений определяет не только нюансы, но сплошь и рядом самый простой, элементарный смысл фразы (примеры см. выше, стр. 529 сл.).

Без фразового ударения осетинский текст асемантичен. Выше, говоря о «сложном глаголе», мы отмечали, что как самые элементарные, так и самые тонкие и в то же время весьма существенные семантические оттенки передаются исключительно с помощью различной ритмической группировки слов и перемещения фразовых акцентуальных центров.

Недостаточно сказать, что в осетинском наряду со словесным ударением существует фразовое. Можно пойти дальше и утверждать, что в осетинском говорить об удареии отдельного слова вообще не имеет смысла. Одно и то же слово, попадая в различные условия контекста, может либо вовсе не ударяться, либо ударяться на первом слоге, либо — на втором, т. е. давать все три мыслимые вообще в осетинском (иронском) акцентуальные возможности.¹

Исследование фразового ударения невольно сосредоточило наше внимание на осетинском синтаксисе и позволило сделать в этой области ряд наблюдений, которые мы надеемся со временем привести в систему. Здесь мы хотели бы только еще коснуться вопроса о связи фразового ударения с языковой топологией.

Чтобы подойти к постановке этого вопроса, мы представим следующую картину. Допустим, что среда, говорившая на языке синтетического типа (вроде, скажем, абхазского), вынуждена была в силу тех или иных исторических обстоятельств усвоить язык аналитический, типа хотя бы современных новоиранских языков.²

Но, как мы видели, вокруг этих акцентуальных «вершин» группируется в осетинском часто по несколько слов, на каждом из которых могут быть лишь весьма слабые ударения, не имеющие в ритмике речи существенного значения. Как только вы установливаете ритмические группы, представление о «слабости» ударения рассеивается.

¹ То, что в осетинском реальное существование имеет только Satzакzent, в то время как Wortakzent существует лишь как абстракция, может служить подтверждением того исторически неоспоримого положения, что первичным в языке является вообще акцентуация фразы, а не акцентуация отдельного слова. «Wir sind gewohnt, von der Wortakzentuation auszugehen und deren Beeinflussung durch die Satzakzentuation als etwas Sekundäres aufzufassen. Sprachgeschichtlich ist das aber wohl falsch, denn... man spricht in Sätzen und nicht in Worten, oder wenn dies geschieht, so vertritt das betreffende Wort einen ganzen Satz. Deshalb ist jedenfalls auch die Satzakzentuation das Primäre gegenüber der Wortakzentuation und hat zur Festlegung der letzteren vermutlich in entscheidender Weise beigetragen». (Alfred Schmitt. Untersuchungen zur allgemeinen Akzentlehre. Heidelberg, 1924, стр. 30).

² Термины «синтетический» и «аналитический» употребляются здесь как синтаксические, а не морфологические характеристики. Синтетическими в этом смысле (или как обычно говорят — полисинтетическими) являются, напр., многие североамериканские языки, а также, в меньшей степени, наш абхазский; что касается таких языков, как латинский или греческий, которые также слышат за «синтетические», то их правильнее назвать аналитико-синтетическими (аналитическими в синтаксисе и синтетическими в морфологии). Разумеется, абсолютных границ между различными степенями синтетизма провести нельзя, поскольку нет абсолютной границы между синтаксисом и морфологией.

С внешней стороны этот аналитический язык, пересаженный в «синтетическую» среду, мог бы в основном вполне удержать свой аналитический облик, и тексты, записанные на этом языке с раздельным, аналитическим написанием всех синтаксических элементов и без фиксации фразового ударения могли бы производить вполне «аналитическое» впечатление.

Но несомненно в то же время, что прежний синтетизм мог и обязательно должен был еще долго заявлять о себе по крайней мере в одной области: в акцентуации, в ритмике речи. Именно: те синтаксические элементы, которые раньше, в синтетической речи, инкорпорировались в состав неделимого целого, образующего фразу или часть ее, продолжали бы и теперь объединяться по привычке под одним ударением.

Осетинский язык, с его сложной, но в то же время стройной и выдержанной, синтаксически и семантически обусловленной системой акцентуальных комплексов и представляется нам результатом такого взаимодействия аналитического языкового материала с синтетическим языковым типом.

Необычайно богатая система энклитик и проклитик, с их ничем почти не ограниченной способностью нанизываться одна на другую в длинные вереницы, обязательная комплексация определений с определяемым и послелогов с управляемыми словами при любом числе входящих в комплекс лексических и слоговых единиц, наконец, комплексация «сложного глагола», которая, как мы видели, оказывается на деле сплошь и рядом комплексацией всей фразы со всем многообразием входящих в нее синтаксических элементов, — все это позволяет нам говорить об «акцентуальном полисинтетизме» осетинского языка, за которым скрывается несомненно определенная полисинтетическая струя всей языковой типологии.

И если наши соображения правильны, то мы должны выдвинуть, как общетеоретический вывод, что фразовое ударение является одним из существенных моментов при определении языковой типологии.

А такая оценка фразового ударения дает нам право считать, что он заслуживает большего внимания, чем какое ему до сих пор уделялось как в общем языкознании, так и в изучении отдельных языков.

*Из осетинского эпоса, изд. Академии Наук СССР,
М.—Л., 1939, стр. 96—134.*

К ИСТОРИИ ОСЕТИНСКОГО СПРЯЖЕНИЯ

Нам приходилось отмечать, что система глагола относится к наиболее консервативным частям осетинской грамматики. Она имеет больше всего точек соприкосновения с общепранским состоянием и менее всего следов воздействия других языковых структур, в частности кавказской, оказавшей глубокое влияние на другие стороны языка.

Иранский облик осетинского спряжения определяется такими чертами как:

а. наличие двух основ, настоящей и прошедшей, из которых первая восходит к старой основе настоящего времени, а вторая — прошедшему причастию;

б. сохранение четырех наклонений с их характерными внешними признаками: индикатива, конъюнктива, опатива и императива;

в. сохранение следов старого каузатива с его характерной приметой — подъемом гласного (*tæ¹syn* 'умирать', *maryn* 'убивать' и т. п.);

г. чередование в ряде случаев простых основ с лнхоативными, снабженными приметой *s* (*tavyn* 'греть', *tæ¹syn* 'согреваться' и др.);

д. сохранение в основном иранской системы превербов, хотя локативная семантика этих превербов приспособлена к выражению не отвлеченных (как в индо-европейских языках), а конкретно-образных пространственных отношений (см. выше, стр. 109).

При всем том надо признать, что осетинский глагол как система форм весьма далеко ушел от древнеиранского состояния. Но этот отход определялся, в основном, общими процессами движения от синтетического выражения грамматических отношений к аналитическому, характеризующими развитие всех иранских языков.

Отсюда морфологическое упрощение системы глагола, ликвидация многообразия глагольных основ («классов»), обеднение флективных форм и развитие перифрастических образований и пр.

В частности, в осетинском все прошедшие времена представляют новые, перифрастические образования, тогда как формы настоящего времени во всех наклонениях продолжают, в основном, древнеиранскую традицию.

Во всем этом нет, повторяем, ничего, что выделяло бы осетинский язык среди других новоиранских языков.

Но есть одно явление в осетинском, которому мы не находим близкой параллели в живых иранских языках: различные формы прошедшего времени в глаголах непереходных и переходных.

Ряд новоиранских языков имеет в прошедшем времени переходных глаголов особую пассивную конструкцию с постановкой логического субъекта в косвенном, а объекта — в прямом падеже. Таковы языки курдский, талышский, бе.уджский (основной диалект), афганский, памирские и др. В осетинском никаких следов такой конструкции не видно. Прошедшее время переходных и непереходных глаголов различается не конструкцией, а формой глагола.

Нечто подобное мы находим в согдийском, где перифрастические формы прошедшего времени образуются от непереходных глаголов с помощью 'быть', а от переходных — с помощью 'иметь':

”γi’ym (*āgat-im*) 'я пришел' (*-im* 1 л. ед. ч. от глагола 'быть' энклит. форма);

δβ’rt δ’r’m (*δiβart dārām*) 'я дал' (*dārām* 1 л. ед. ч. от глагола 'иметь').

Такая картина живо напоминает то, что мы имеем в ряде новых европейских языков:

франц. *je suis venu*, нем. *ich bin gekommen* 'я пришел', франц. *j’ai donné*, нем. *ich habe gegeben* 'я дал'.

В осетинском глагол *dār*-'иметь' не используется как вспомогательный, и различение переходности и непереходности в прошедшем времени достигается иными способами.

Возьмем для примера глаголы *mælyn* 'умирать' (прош. прич. *mard*) и *maryn* 'убивать' (прош. прич. *mard*):

<i>marddæn</i> 'я умирал'	<i>marddon</i> 'я убивал'
<i>marddæ</i>	<i>marddaj</i>
<i>mardis</i> -æj	<i>mardda</i>
<i>mardystæm</i> -an	<i>marddam</i> -an
<i>mardystut</i> -ajtæ	<i>marddat</i> -ajtæ
<i>mardysty</i> -æncæ	<i>marddoj</i> -oncæ

В *marddon* 'я убивал' и пр. мы видим удвоение *d*. Такое удвоение имеет место после плавных (*r*, *l*), носовых (*m*, *n*), полугласных (*j*, *w*). После фрикативов (*s*, *x*, *f*, *z*, *ǰ*, *v*) оно не наблюдается. Мы даем для сравнения прошедшее время глаголов *tærsyn* 'бояться' (прош. прич. *tarst*) и *færsyn* 'спрашивать' (прош. прич. *farst*).

<i>tarstæn</i> я 'боялся'	<i>farston</i> 'я спрашивал'
<i>tarstæ</i>	<i>farstaj</i>
<i>tarstis</i> -æj	<i>farsta</i>
<i>tarstystæm</i> -an	<i>farstam</i> -an
<i>tarstystut</i> -ajtæ	<i>farstat</i> -ajtæ
<i>tarstysty</i> -æncæ	<i>farstoj</i> -oncæ

Из приведенных примеров видно, что непереходные и переходные глаголы имеют в прошедшем времени разную флексию, присоединяемую к одной и той же основе — причастию прошедшего времени. Далее мы

видим, что конечный согласный причастия (*d*) в определенных условиях геминируется.

Что же представляет собой эта флексия? Для глаголов первого столбца (непереходных) этот вопрос легко решается. Формы *marddæn*, *tarstæn* разлагаются на *mard-dæn*, *tarst-dæn* и т. д., где *dæn*, *dæ*, *is|æj*, *ystæm|an*, *ystut|ajtæ*, *ysty|æncæ* представляет настоящее время глагола *wyn|un* 'быть'. Стало быть, эти формы являются перифрастическими и они аналогичны формам прошедшего времени в других средне- и ново-иранских языках.

Но как быть с флексией глаголов второго столбца (переходных)? Что представляют собой окончания *-on*, *-aj*, *-a* и т. д.? Ес. Миллер, отмечая совпадение их с окончаниями конъюнктива (*fæerson*, *ǰærsaj*, *færsa* и т. д.), приходит к выводу, что «староосетинский язык использовал личные окончания конъюнктива для образования прошедшего времени переходных глаголов».¹

Трудно, однако, согласиться с возможностью такого механического перенесения окончаний конъюнктива, имеющего значение будущего неопределенного, для образования форм прошедшего времени. К тому же при этом предположении остается без объяснения геминация *d* в *marddon* и пр.

Поскольку в основе прошедшего времени переходных глаголов, как и непереходных, лежит прошедшее причастие, естественно думать, что во втором столбце перед нами такие же перифрастические формы, как в первом, и что, стало быть, *-on*, *-aj*, *-a* представляют по происхождению не морфемы, механически отклеенные от одних форм для образования других, а какие-то формы вспомогательного глагола.

Обращаясь к спряжению глагола *wyn* 'быть', мы действительно такие формы находим. Это формы конъюнктива:

<i>won</i>	<i>wæm</i> <i>wæn</i>
<i>waj</i>	<i>wat</i> <i>wajtæ</i>
<i>wa</i>	<i>waj</i> <i>woncæ</i>

Мы и думаем, что формы

marddon 'я убивал'
marddaj
mardda и т. д.

образовались из перифрастических

mard-won
mard-waj
mard-wa и т. д.

¹ W. Miller. Die Sprache der Osseten, 1903, стр. 73.

В этом случае получает объяснение и геминация *d* в *marddon* и пр. Она явилась результатом ассимиляции *w*: *dw* → *dd*. После фрикативов *s*, *x*, *f*, *z*, *ǰ*, *v* геминация слабо или вовсе не выражена по чисто фонетическим причинам: фрикативы ослабляют или уничтожают геминацию последующего смычного.

При таком толковании форм прошедшего времени переходного глагола остается все же одна неясность. Поскольку эти формы образованы с помощью конъюнктива вспомогательного глагола, они, казалось бы, должны иметь значение прошедшего времени конъюнктива. Между тем значение их бесспорно индикативное.

Прежде чем попытаться объяснить эту «странность» мы рассмотрим еще прошедшее время третьего наклонения, опатива. Такое прошедшее в осетинском существует и имеет следующие формы:

<i>mardain</i> - <i>aincæ</i> 'я умрал бы'	<i>marddain</i> - <i>aincæ</i> 'я убивал бы'
<i>mardais</i> - <i>aiscæ</i>	<i>marddais</i> - <i>aiscæ</i>
<i>mardaid</i> - <i>aidcæ</i>	<i>marddaid</i> - <i>aidcæ</i>
<i>mardaikkam</i> - <i>aiancæ</i>	<i>marddaikkam</i> - <i>aiancæ</i>
<i>mardaikkat</i> - <i>aiajtæ</i>	<i>marddaikkat</i> - <i>aiajtæ</i>
<i>mardaikkokj</i> - <i>aioncæ</i>	<i>marddaikkokj</i> - <i>aioncæ</i>

Мы видим, что здесь формы переходного глагола отличаются от форм непереходного геминацией *d* (*mardain* 'я умрал бы', *marddain* 'я убивал бы'). Объяснить это различие можно, если и эти формы рассматривать как перифрастические, образованные от прошедшего причастия с помощью опатива вспомогательного глагола. Опатив от глагола 'быть' известен в трех видах:

<i>win</i> - <i>cæ</i>	<i>ain</i> - <i>cæ</i>	<i>wain</i> - <i>cæ</i>
<i>wis</i> - <i>cæ</i>	<i>ais</i> - <i>cæ</i>	<i>wais</i> - <i>cæ</i>
<i>wid</i> - <i>cæ</i> и т. д.	<i>aid</i> - <i>cæ</i> и т. д. ¹	<i>wais</i> - <i>cæ</i> и т. д.

Форма *mardain* 'я умрал бы' разлагается на *mard-ain* и т. д. Форму *marddain* 'я убивал бы' мы объясняем из *mard-wain* с ассимиляцией *dw* → *dd*, как в *marddon* и пр. Существенно отметить, что эти формы, будучи по происхождению опативными (вспомогательный глагол участвует в них в форме опатива), в действительности приобрели вполне конъюнктивное значение: 'я умрал бы', 'я убивал бы'.

Имея в поле зрения все приведенные факты, мы можем наметить такую схему исторического развития форм прошедшего времени в осетинском. С утратой древнеиранских флективных форм прошедшего времени (имперфекта, перфекта и аориста) язык был поставлен перед необходимостью создать

¹ Эти формы сейчас неупотребительны, но засвидетельствованы у Шегрена и Вс. Мэралл.

новые формы прошедшего времени. Эта задача была решена на путях образования перифрастических форм из прошедшего причастия спрягаемого глагола и настоящего времени вспомогательного глагола 'быть'. Такие формы были вначале созданы по всем трём наклонениям:

индикативу: *mard-dæŋ* и т. д.,

конъюнктиву: *mard-won* и т. д.,

оптативу: *mard-ain* и т. д.

Можно предполагать, что по этой схеме шли первоначально все глаголы, без различия переходности и непереходности; стало быть *mard-dæŋ* могло означать 'я умирал' и 'я убивал', *mard-won* 'я умирал бы' и 'я убивал бы' и т. д. Поскольку оптатив в прошедшем времени весьма сблизился по значению с конъюнктивом, употребление формы *mard-won* (рядом с *mard-ain*) в ее прямом конъюнктивном значении все менее оправдывалось. Зато давала себя знать потребность различения глаголов переходных (активных) и непереходных (медальных). И вот тогда-то формы прошедшего времени конъюнктива (*mard-won* и т. д.), оказавшиеся «вакантными», были использованы как индикативные для переходных глаголов в отличие от непереходных. Иными словами, эти формы переместились из одной корреляции (конъюнктив — оптатив) в другую (переходность — непереходность), из сферы наклонения в сферу залога. Различение оптатива и конъюнктива в прошедшем времени перестало быть актуальным, и наличное богатство форм было использовано для другой более актуальной оппозиции: для различения активных глаголов от медальных.

Что делало это различение более актуальным? Прежде всего наличие значительного количества глаголов, которые при одной и той же основе имеют два варианта: со слабым гласным в непереходном значении (*mælyn* 'умирать', *kælyn* 'литься', *sæfyn* 'пропадать' и др.) и с сильным гласным в переходном значении (*maryn* 'убивать', *kalyn* 'лить', *safyn* 'терять' и др.). Последние восходят, как мы отмечали, к старым каузативам. Различаясь в настоящем времени гласным основы, эти оппозирующие пары, однако, совпадают в прошедшем причастии; так, от *mælyn* 'умирать' и от *maryn* 'убивать' прошедшее причастие звучит одинаково *mard*; от *kælyn* 'литься' и от *kalyn* 'лить' имеем одинаково *kald*; от *sæfyn* 'пропадать' и *safyn* 'терять' одинаково *sæft* и т. п.

Стало быть, различие между переходным и непереходным значением, очевидное в настоящем времени благодаря оппозиции гласных, в прошедшем времени исчезало. Оно могло найти выражение только в используемых формах вспомогательного глагола. И если согдийский пошел по линии использования разных вспомогательных глаголов, 'быть' и 'иметь', то осетинский привлек для этой цели разные формы одного и того же глагола 'быть': индикатив и конъюнктив.

В прошедшем времени оптатива дифференциация между переходностью и непереходностью была достигнута, как кажется, использованием двух разных вариантов оптатива вспомогательного глагола, *ain* и *wain*; отсюда

с одной стороны *mardain* (из *mard-ain*) 'я умирал бы', с другой *marddain* (из *mard-wain*) 'я убивал бы'.

Это один из примеров того общего явления, что в процессе технизации речи языковой коллектив использует наличный морфологический инвентарь в самых разнообразных функциях и направлениях, мало считаясь с историческим содержанием тех или иных элементов.

О ЗАЛОГОВОЙ НЕДИФФЕРЕНЦИРОВАННОСТИ ПРИЧАСТИИ

Категория залога выступает в современном осетинском глаголе достаточно четко. Она может быть выражена:

а. лексически, т. е. различием основ, например, *xawyn* 'падать' и *æpparawyn* 'бросать', *gwyryn* 'рождаться' и *arwyn* 'рожать' и др.;

б. морфологически, чередованием гласных, например, *kælyn* 'литься' и *kalyn* 'лить', *ænk'wysyn* 'шататься' и *ænk'usyn* 'шатать' и т. п.;

в. морфологически, например, различием форм в прошедшем времени, *qwy's'i* 'сн слышался', *qwy'sta* 'он слышал' и т. п.

г. словосочетаниями, например, *badyn* 'сидеть', *badyn kænyn* 'усаживать' (*kænyn* самостоятельно значит 'делать'); *arawyn* 'строить', *aræwt sæwyn* 'строиться' (*sæwyn* самостоятельно значит 'итти'); *nažyn* 'купать', *x'i nažyn* 'купаться' (*x'i* 'себя').

Однако, при более углубленном знакомстве вскрывается ряд фактов, нарушающих общую картину и свидетельствующих об известном «равнодушии» к залоговым различиям.

Прежде всего имеется некоторое количество глаголов, совмещающих медиальное и активное значение:

sættyn 'ломаться' и 'ломать',

xizyn 'пасться' и 'пасти',

sižyn 'гореть' и 'жечь',¹

fyçyn 'кипеть' и 'кипятить',²

æxsiðyn 'кипеть' и 'кипятить'.

Только в прошедшем времени эти глаголы имеют разные формы для непереходного и переходного значения:

sastis 'он ломался', *sasta* 'он ломал',

xyztis 'он пасся', *xyzta* 'он пас',

syğdis 'он горел', *syğta* 'он жег' и т. д.³

Весьма распространенный тип составных глаголов (имя плюс *kænyn* 'делать') имеет также обычно оба значения, медиальное и активное:

xæccæ kænyn 'смешиваться' и 'смешивать',

roa kænyn 'забываться' и 'забывать',

biræ kænyn 'умножаться' и 'умножать',

¹ В дигорском диалекте различаются *sožyn* 'жечь' и *cažsyn* 'гореть'.

² В дигорском, различаются *fyçyn* 'кипятить' и *iražyn* 'кипеть'.

³ См. об этом выше, «К истории осетинского спряжения», стр. 562 сл.

iw kænyŋ 'объединяться' и 'объединять',
zæbæx kænyŋ 'поправляться' и 'лечить',
xus kænyŋ 'сохнуть' и 'сушить' и т. п.

Только в том случае, если эти глаголы снабжаются превербами и вследствие этого получают значение совершенного вида, наступает залоговая дифференциация: сочетания с *kænyŋ* 'делать' имеют только переходное значение, а для непереходного значения вводится глагол *wyŋ* 'быть':

ysxæccæ kodta 'он смешал', *ysxæccæ is* 'он смешался',
ferox kodta 'он забыл', *ferox is* 'он забыт', (но в дигорском *feronx æj* также 'он забыл'),

baiw kodta 'он объединил', *baiw is* 'он объединился',
yszæbæx kodta 'он вылечил', *yszæbæx is* 'он поправился' и т. д.

Обращаясь к причастиям (глагольным именам), мы встречаем такую же картину: в одних случаях залоговая ясность и дифференцированность, в других — диффузность и безразличие.

Осетинский глагол имеет причастия: настоящего времени, на *-æg*, прошедшего времени, на *-t*, *-d*, будущего времени, на *-inag* | *-uŋnag*.

В первых двух залог по видимости ясно выражен. Причастия настоящего времени на *-æg* имеют активное значение, причастия прошедшего времени на *-t*, *-d* — пассивное или медиальное.

В причастиях будущего времени залог не выражен. В зависимости от контекста они могут пониматься и как активные, и как пассивные.

Для примера возьмем два глагола: переходный *zuryn* 'говорить' и непереходный *sæwŋyŋ* 'итти'.

Пряч. наст. вр. *zuræg* означает 'говорящий', *sæwæg* — 'идуший', 'путник'.

Пряч. прош. вр. *zyd* 'сказанное' 'слово', *cyd* — 'пройденное' или чаще 'ход', 'походка'.

Пряч. буд. вр. *zurinag* может означать и «тот, кто намерен говорить» и «то, что подлежит говорению», *sæwinag* «тот, кто намерен итти» или «то, что надлежит пройти».

Выходит, что причастие будущего времени по своему залоговому безразличию противостоит другим причастиям, где каждая форма допускает только однозначное залоговое толкование.

Можно ли, однако, утверждать, что причастия настоящего и прошедшего времени имели всегда отчетливую залоговую характеристику? Ряд фактов заставляет в этом усомниться. Мы имеем лексикализованные старые образования на *-æg*, которые имеют не активное значение, а пассивное или медиальное.

Так от глагола *kærdyn* 'косить' прич. наст. вр. *kærdæg* должно означать 'косящий'; но в словаре мы найдем лексикализованное *kærdæg* в значении 'трава', т. е. «косимое». Совершенно очевидно, что в *kærdæg* 'трава' мы

имеем по смыслу причастие страдательного, а не действительного залога.

Другие примеры:

zaræg (от *zarȳn* 'петь') означает не только 'поющий', но (лексикализованно) и 'песня';¹

wælxijæg (от *wælxijȳn* 'нашивать') означает не 'нашивающий', а «нашитое» → 'подметка';

scændæg (от несохранившегося *scændȳn* 'крошить', ср. *sættȳn* 'ломать', *æsscændȳn* 'крошить') означает не «тот, кто крошит», а «накрошенное» → «хлеб, накрошенный в молоко» и т. п.

В медиальных глаголах лексикализованные причастия на *-æg* означают очень часто не лицо, находящееся в действии или состоянии, а самое действие или состояние:

rizæg (от *rizȳn* 'дрожать') не только 'дрожащий', но (словарно) 'лихорадка';

æxsnyrsæg (от *æxsnyrsȳn* 'чихать') не только 'чихающий', но и 'насморк';

xwufæg (от *xwufȳn* 'кашлять') не только 'кашляющий', но и 'кашель';

xwysæg (от *xwysȳn* 'спать') не только 'спящий', но и 'сон'.

Еще более многозначно слово *xudæg* (от *xudȳn* 'смеяться'): оно означает и 'смеющийся', и 'смешной', и 'смех'.

Если формы на *-æg*, имея ныне преимущественно активное значение, балансируют, однако, между всеми тремя залогом (активом, медиумом и пассивом), то параллельные причастные (они же деепричастные) формы на *-gæ*, имея от переходных глаголов пассивное значение, т. е. определяя объект, а не субъект действия, от непереходных глаголов определяют лицо или предмет, находящийся в действии или состоянии.

Причастия на *-gæ* от переходных глаголов:

dūcgæ qūg 'дойная корова' (от *dūcȳn* 'доить'),

kærdgæ dūr 'тесаный камень' (от *kærdȳn* 'резать'),

tærgæ bæx 'погоняемая лошадь' (от *tæryȳn* 'гнать'),

длг. *xwærgæ nasæ* 'съедобная тыква', = 'огурец' (от *xwærȳn* 'есть'),

zongæ 'знакомый' (от *zongȳn* 'знать'),

cyttgæ 'похлебка' (от *cyttȳn* 'хлебать').

В приведенных примерах формы на *-gæ* могут рассматриваться как причастие настоящего времени пассива.

Теперь рассмотрим формы на *-gæ* от непереходных глаголов:

sæwgæ dōn 'текучая вода', 'река' (от *sæwȳn* 'итти'),

wajgæ bæx 'скачущая лошадь' (от *wæjȳn* 'скакать'),

fūcgæ bas 'кипящий суп' (от *fūcȳn* 'кипеть'),

æxsidgæ bædgæny 'кипящее пиво' (от *æxsidȳn* 'кипеть'),

xudgæ xūr 'смеющееся солнце' (от *xudȳn* 'смеяться'),

zūngæ 'видный' (от *zūnȳn* 'быть видным'),

¹ В дигорском диалекте различаются *zar* 'песня' и *zaræg* 'поющий', 'певец'.

dumgæ 'ветер' (от *dymyn* 'дуть'),
qærzgæ 'нездоровый' (от *qærzyn* 'стонать'),
 диг. *sæjgæ* 'больной' (от *sæjun* 'лежать', 'болеть').

Здесь формы на *-gæ* относятся уже к субъекту действия или состояния.

В таком выражении как *sužgæ cæstysyð* 'жгучая слеза' не ясно, представляет ли *sužgæ* медиальное или активное причастие («жгучая» или «горючая»), так как *sužyn* означает и 'жечь' и 'гореть'.

Эти же формы на *-gæ* в описательных оборотах с *kænyñ* 'делать' означают уже не объект и не субъект действия, а самое действие:

fyssgæ kænyñ 'писать' («писание делать»),
cæwgæ kænyñ 'итти' («хождение делать») и т. п.

Таким образом формы на *-gæ* оказываются также многозначными, относясь то к объекту действия, то к субъекту действия, то к самому действию.

Редко встречающиеся глагольные имена на *-on* характеризуются такой же залоговой нечеткостью; от *warzyn* 'любить' имеем *warzon* 'любимый', а от *baryn* 'прощать' — *baron* 'прощающий'.

Прошедшее причастие на *-t*, *-d* восходит к старым причастиям на *-ta*, которые в иранских (а также в других индо-европейских языках) имеют обычно пассивное значение, т. е. определяют объект действия. В таких формах, как *bast* 'связанный' (от *bættyn*), *sast* 'сломаемый' (от *sættyn*), *fyst* 'написанный' (от *fyssyn*), *tarst* 'испуганный', (от *tærsyn* 'бояться'), *tad* 'талый' (от *tajyn*), *scid* 'обманутый' (от *sajyn*), *amc d* 'построенный' (от *amañyn*) и т. п., пассивный характер этих причастий выступает ясно.

Однако и тут нет полного единообразия. Так, если от *mælyn* 'умирать' прош. прич. *mard* означает 'мертвый', то от *cæryn* 'жить' прош. прич. *card* означает не 'живой' или 'живший', а 'жизнь'. Таких примеров, где формы на *-t*, *-d* означают не объект действия, а самое действие или состояние, весьма много. Можно сказать, что это обычная функция таких форм:

kond (от *kænyñ* 'делать') не только 'сделанный', но и 'устройство', 'сложение', 'структура';

xærd (от *xæryn* 'кушать') не только 'съеденный', но и 'еда';

nozt (от *nwazyn* 'пить'), не столько 'выпитый', как 'напиток';

wynd (от *wynyn* 'видеть') чаще не 'виденный', а 'вид', 'внешность';

qazt (от *qazyn* 'играть') 'игра', 'пляска';

farst (от *færsyn* 'спрашивать') 'вопрос';

zond (от *zonyn* 'знать') 'ум';

kwyst (от *kusyn* 'работать') 'работа';

zağd (от *zæğyn* 'говорить') 'ссора';

xæst (от *xæsyn* 'воевать') 'война' и др.

Некоторые лексикализованные причастия на *-t*, *-d* от непереходных глаголов обозначают, однако, не действие, а действующее лицо. Так ос. *tağd* 'быстрый' представляет по происхождению прош. прич. от корня *tak-* 'бежать', 'лететь', 'течь' (ср. ос. *tæxyn* 'лететь'). Развитие значе-

ния: 'текучий', 'летучий' → 'быстрый'. Обозначая не объект действия и не самое действие, а субъект действия, *taǵd* примыкает по значению к живым образованиям на *-æg, -gæ* с тем же значением (см. выше).

То же можно сказать о *ærdxord* 'покаявшийся (в дружбе)' от *ard* *xærgyn* 'клясться', о дигорском *ændiud* 'смелый' от *ændeun* 'сметь'.

Еще более разительны случаи, когда причастия на *-t*, имеющие прочную репутацию пассивных, оказываются активными даже в переходных глаголах. Такой случай мы имеем в дигорском *sinon-xast* 'виночерпий', букв. «носящий (*xast*) кубок (*sinon*)». Здесь «пассивное» причастие *xast* (от *xæssyn* 'носить') означает не 'носимый' или 'несенный', а 'носящий'. Это же активное значение имеет *xast* в выражении *ny's-xast* 'отважный', букв. «несущий надежду (*ny's*)».

Резюмируя наши наблюдения над осетинскими причастиями, мы должны признать, что залоговые границы между ними весьма текучи и зыбки. Видимая залоговая четкость в причастиях настоящего и прошедшего времени рассеивается при более близком рассмотрении. Особенно ярко выявляется залоговая многозначность в некоторых старых лексикализованных образованиях, которые зачастую даже не осознаются уже как причастия (*kærdæg* 'трава', *dymgæ* 'ветер', *zond* 'ум' и др.).

Три значения присущи этим причастиям: субъект действия, объект действия, самое действие. Но эти три значения отнюдь не распределены четко между тремя причастными формами. Напротив, каждая причастная форма могла принимать и то, и другое, и третье значение в зависимости от конкретных условий и потребностей.

О НЕКОТОРЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СУФФИКСАХ С ОГРАНИЧЕННОЙ ПРОДУКТИВНОСТЬЮ

Суффикс *-t* | *-tæ*.

Еще Вс. Миллер высказал догадку, что в осетинском слове *cæst* 'глаз' (др. иран. *čašman-*) *-t* является суффиксом, и предположительно возводил его к др. иран. *-ti*.¹ Суффиксальный характер *-t* подтверждается и тем, что слово сохранилось и без этого форманта, в виде *casm* 'петля', что точно соответствует др. иранскому *čašman-*. Развитие было, видимо, такое: *čašman* → *casm* → **cæsmtæ* → *cæstæ* → *cæst*.

Как выяснилось, *cæst* не стоит одиноко. Целая группа имен содержит тот же элемент *-t* | *-tæ*:

myst | *mistæ* 'мышь', др. иран. *mūš*;

syst | *sistæ* 'вошь', др. иран. *spiš*;

nostæ диг. 'невеста', др. иран. **snaušā-*, др. пнд. *smuṣā-*;

sæftæg 'копыто', др. иран. *safa*; здесь на старое *sa^f*-росло целых два суффикса, *-ta* и *-g*.²

Может быть этот же суффикс с озвончением (*t* → *d*) имеем в диг. *zældæ* 'молодая трава', 'дерн' (ср. др. иран. *zari-*, ст. слав. *земле*), если это слово не восходит к др. иран. *zari'a-* 'желтый', что менее вероятно.

Наличный в этих словах суффикс *-t* | *-tæ* следует возводить не к *-ti*, а к старому *-ta* или *-tā*. Старое *ti* закономерно дает в осетинском *e*, и если бы даже в положении после *s* сохранился *t*, в слове *sæftæg* во всяком случае было бы *e*.

Случайно ли совпадение этого суффикса с осетинским показателем множественности *-t*? Очень может быть, что не случайно. Элемент *-t* (из *tā*?), прежде чем специализироваться как показатель множественности, был, повидимому, полисемантический, выражал коллективность, собирательность, обобщение, отвлеченность и пр. В этот полисемантический период он и закрепился, вероятно, за вышеприведенными словами, придавая им какой-то оттенок значения, который мы сейчас не можем уже уловить.

Суффикс *-c* | *-cæ* (-š | -šæ).

Вс. Миллером правильно возводится к *ti*. Но приводимые им примеры (диг. *dærgcæ* 'длина' от *darǰ* 'длинный' и диг. *wærcæ* 'ширина' от *wærcæx*

¹ Осет. этюды, II, стр. 106.

² Особого суффикса *-tæg*, существование которого допускал (под вопросом!) Вс. Миллер (Sprache der Osseten, стр. 94), не существует.

‘широкий’) дают основание думать, что суффикс *-cæ* — отыменной и служит для образования абстрактных имен от имен прилагательных.¹ Нетрудно, однако, показать, что основное употребление этого суффикса — отглагольное:

bærc | *bærcæ* ‘мера’ от *barun* | *barun* ‘мерить’;

balc | *balcī* ‘путешествие’, ‘поездка’ из **bār-ti*, от *bār* ‘ездить верхом’ букв. «поездка верхом», ср. ос. *baræg* ‘всадник’;

xælc | *xwælcæ* ‘пропитание’ из *xvar-ti*, ср. *xæryn* | *xwæryn* ‘кушать’;

æfxælc | *æfxwælcæ* ‘повреждение’, также ‘выкидыш’, из *apa-xvar-ti* к др. пран. *xvar-*, ср. авест. *xvara-* ‘рана (наносимая в виде наказания)’, ос. *æfxæryn* | *æfxwæryn* ‘наказывать’, ‘повреждать’;

ærz | *ærzæ* ‘природа’, *ærzæj* ‘от природы’, от *arun* ‘рождать’;

gwyrgz | *igurgzæ* ‘зародыш’ от *gwyryn* | *igurun* ‘рождаться’, ‘зарождаться’;

zæjs пр. ‘потомство’ от *zajun* ‘рождать’, др. пран. *zā-*;

nytæc | *nimæzæ* ‘счет’ (← **ni-mā-ti*), от *nytmæjun* | *nimæjun* ‘считать’;

tonc пр. ‘желание’, ‘страсть’, к др. пран. *tan-* ‘проявлять духовную активность’, в дигорском встречаем *mond*;

fidyc *fidawc* | *fedawcæ* ‘красота’, ‘изящество’ от *fidawyn* | *fedawyn* ‘быть к лицу’, ‘красоваться’;

fælgonc ‘сложение’, ‘вид’, из **pari-kryn-ti*, ср. *kæryn* ‘делать’, *kond* ‘устройство’, ‘сложение’.

Диг. *mond* рядом с пр. *tonc*, а также *kond* рядом с *fælgonc* (из *fæl-konc*) позволяют думать, что суффикс *-ti* мог чередоваться с *-ta*, формантом прош. причастия.

Суффикс *-ond*.

К приведенным В.с. Миллером примерам *bærzond* ‘высокий’, ‘вершина’ и *zæronnd* ‘старый’, ‘старость’ (Осет. эт., II, стр. 110) можно прибавить:

æmbisonnd | *æmbesonnd* ‘басня’, ‘притча’ из *æm-mis-ond*, ср. *mysun* | *imisi-sun* ‘придумывать’, ‘сочинять’, к др. пран. *han-mrs-*. Для дгспимияции *mt* → *mb* ср. *æmboʔun* ‘выигрывать’ из *æm-moʔun* (диг. *moʔun* ‘выигрывать’);

faldesonnd диг. ‘создание’, ‘творение’, от *feldæsun* ‘создавать’, ‘творить’, др. пран. **pari-dais-*.

Суффикс *-ond* восходит к старому форманту причастия настоящего времени *-ant*.

Суффикс *-n* | *-noe*.

В.с. Миллер приводит только слова, восходящие еще к др. пранскому: *fyn* | *fun* ‘сон’ (← *hwafna-*), *bun* | *bun* ‘низ’ (← *buna-*), *farn* ‘благодать’ (← *hwarna*) и некоторые др.² Нижеследующие примеры показывают, что этот суффикс, восходящий к *-na*, был продуктивен в осетинском и в позднейшее время:

¹ Die Sprache der Osseten, стр. 94.

² Осет. этюды, II, стр. 107; Sprache der Osseten, стр. 88.

bærn | *bærnæ* 'ответственность', ср. *bar* 'право';
iværn | *iværnæ* 'сажень' от *iværn* | *iværn* 'растягивать' (← **vi-bærn*?);
færæz(n) | *færæznæ* 'средство', 'возможность' от *færærn* | *færærn*
 'быть в состоянии' (← **pati-rærz*);
a æznæ диг. 'руль' от *ærærn* 'направлять' (← *ærærz*);
ærævnæ диг. 'клещи' (**ær-græb-næ*);
færdis | *færdisnæ* 'вилы для вынимания мяса из котла', от *fær* 'мясо'
 и *ærn* 'брать', 'вынимать';
ærznæ диг. 'пастбище' от *ærn* 'пасты';
særnæ диг. 'обман' от *særn* 'обманывать';
æræznæ диг. 'лом' от *ærærn* 'поднимать ломом';
æræznæ диг. 'потомство' от *ærærn* 'рождать', ср. пр. *æræc* id.

Как видно из приведенных примеров, суффикс *-n* | *-næ* служил в осетинском главным образом для образования отглагольных имен. Особенно продуктивен был он в дигорском диалекте.

Он мог чередоваться с другим, живым и действующим по сей день суффиксом *-ærn* (др. иран. *-ana*):

диг. *æræznæ* — пр. *æræznæ* 'пастбище',
 диг. *særæznæ* — пр. *særæznæ* 'обман', приманка,
 диг. *æræznæ* и диг. *æræznæ* 'щека',
 диг. *æræznæ* — диг. пр. *æræznæ* 'лопаточка для мешания в котле'.

Это чередование восходит к глубокой древности. Ср. русск. *вол-на* при ос. *æl-ærn* 'волна'.

Суффикс *-ærn* | *-ærnæ*.

Употреблялся для отыменных образований и имел, как кажется, уменьшительное значение.

æræznæ | *æræznæ* 'игла с трехгранным острием для шитья обуви', от *æræc* 'копье', стало быть «маленькое копье». Уместно вспомнить, что трехгранные наконечники стрел и копий составляют одну из характернейших принадлежностей погребального инвентаря предков осетин, скифов.

æræznæ пр. 'свирель', вероятно от *æræc*, др. иран. *væta* 'ветер' и следовательно означает букв. «ветерок»;

æræznæ | *æræznæ* 'лук' от *æræc* | *æræcæ* 'стебель', стало быть — «стебелек».

Суффикс *-ærn* | *-ærnæ* близок к суффиксу *-ærn* | *-ærnæ*, который находим в словах *æræznæ* 'окно' (где *æræc* ← др. иран. *æræca* 'свет'), *æræznæ* | *æræznæ* 'темный' (от *æræc*, др. иран. *æræcra* 'темный'), *æræznæ* 'корыто для теста' (к др. иран. *æræc* 'молот', *æræca* 'мука'). Если *-ærn* возводится к др. иран. *-ærna* ← *-ka*, то *-ærnæ* может восходить к *-ærna* ← *-ti*.

Суффикс *-ærn* | *-ærnæ*.

Как живой словообразовательный элемент этот суффикс известен нам только в одном слове: *æræznæ* 'домовитый', 'хозяйственный', от *æræc* дом. В прошлом он имел, повидимому, более широкое использование. Мы находим

его в обиходнейшем слове *kærzyn* | *kærzin* 'хлеб', где он, однако, уже не осознается как суффикс. Слово *kær*, ныне отдельно не употребляемое, связывается с грузинским *keri* 'ячмень'; *kærzyn*, стало быть, означало «ячменный».

Для образования абстрактных понятий в осетинском употребляются суффиксы *-ad* и *-zinad*. Последний есть несомненно сращение уже известного нам *-zyn* с *-ad*.

Любопытным является использование этого именного словообразовательного элемента в системе глагола, именно в качестве своего рода агглютинативного показателя будущего времени:

sær-zyn-æn «я буду жить» и т. д.;

здесь *sær* — основа глагола «жить», *æn* — настоящее время глагола «быть», *zyn* выступает, очевидно, как примета будущего времени.

Суффикс *-zyn*, *-zin* близок к живому и весьма употребительному суффиксу *-žyn* | *-gin*, *-gun*, выражающему обладание или наделенность чем-либо. Оба они должны рассматриваться как наращенные, двухсоставные, а именно *-zyn* | *-zin* из др. иран. *-či* + *-aina*, а *-žyn* | *-gin* из др. иран. *-ka* + *-aina*.

Суффикс **-k'a**.

Придает именам уменьшительный оттенок:

fyrk'a 'барашек', от *fyr* 'баран',

sæwk'a 'козел' от *sæw* id.,

syk'a 'рог (маленький)' от *sy* 'рог',

gærk'a 'деревянное кольцо для стягивания веревки', ср. балк. *gəgə* id.

Суффикс *-k'a* содержит смычно-гортанный согласный и должен рассматриваться как вклад из кавказских языков. Действительно, в грузинских говорах находим такой суффикс, например, хевсур. *Mgelk'a* собств. имя, от *mgeli* 'волк', *Zağlik'a* от *zağli* 'собака', *Lomik'a* от *lomi* 'лень', *Kurdželik'a* от *k'urdželi* 'заяц'.¹

Все перечисленные выше суффиксы были продуктивными в различные периоды осетинского языка и послужили для образования определенного, более или менее ограниченного круга дериватных образований, после чего они уже не имели живого применения. Можно ли однако считать их мертвыми? Не всегда. В некоторых случаях они еще осознаются говорящими, как суффиксы, а раз так, то не исключена возможность их «оживления» и использования для новых словообразований.

¹ Пользуюсь случаем выразить благодарность В. В. Бардавелидзе и Л. И. Бочоришвили, с исключительной любезностью предоставивших мне свои хевсурские записи, откуда я заимствовал вышеприведенные имена.

ИЗ ИСТОРИИ
СЛОВ

К ПАЛЕОНТОЛОГИИ СЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ «ЛЮБОВЬ» И «НЕНАВИСТЬ»

Известно, что глаголы, выражающие чувства и душевные состояния (*verba sentiendi*), имеют в различных языках двоякую конструкцию: чувствующее лицо ставится либо в именительном (субъективном) падеже: я люблю, я ненавижу, я голодаю, я жажду, я хочу и т. п., либо в косвенном (объективном) падеже: мне нравится, мне хочется и т. п. Мы будем называть первый способ выражения активным, а второй — пассивным. В одном и том же языке могут параллельно употребляться оба способа: 'я хочу' и 'мне хочется'; или одни глаголы могут предпочтительно употребляться в одной конструкции, другие — в другой: 'я люблю', но 'мне нравится' (однако можно сказать и 'мне любится'). В некоторых языках решительно преобладает пассивная конструкция, например в грузинском: *mi-qvar-s* 'я люблю' (букв. «мне любится то»), *m-zul-s* 'я ненавижу' (букв. «мне ненавидится то»), *m-ši-a* 'я голоден' (букв. «у меня голод есть») *m-c'quri-a* 'я жажду' (букв. «у меня жажда есть») и т. п.

Существует взгляд, что эти две конструкции отражают две последовательные ступени человеческого сознания и мышления. Одна — когда человек, испытывавший то или иное чувство или душевное состояние, казался себе как бы одержимым какой-то силой, будучи сам пассивной жертвой этой силы. Такому осознанию соответствует пассивная конструкция (мне нравится). Другая — когда человек в своих чувствах и эмоциях мыслил себя уже как активное начало, как субъект. Такому осознанию соответствует активная конструкция (я люблю).

Считается, что первое состояние древнее второго.

«Выражение телесных и душевных аффектов и состояний у примитивного человека идет по линии конкретизации и персонификации. Так как у него, с одной стороны, большое невежество в отношении действующих в природе сил, а с другой — сильная потребность доискиваться причин, то его мышление направляется в сторону мистического или сверхъестественного, где он ищет объяснения также для испытываемых им телесных и душевных аффектов. Хорошо известна целая армия демонов болезней, которым приписываются человеческие недуги в народной медицине всех племен. Существуют также демоны голода и жажды и т. д. Что душевные

аффекты и переживания ставились в причинную зависимость от сверхъестественных и демонических сил, об этом свидетельствуют сохранившиеся во многих культурных языках окаменелые формы».¹ Пассивная конструкция глаголов *sentienti* и *есть, стало быть*, такая «окаменелая» форма, отражающая воззрение примитивного человека. Смена конструкций есть смена мировоззрений. «Свойственный первобытному человеку способ восприятия, основанный на вере в духов и демонов и порождавший конкретные представления о любви, ненависти, страхе, раскаянии, желании, как о состояниях одержимости, должен был, с культурным прогрессом, уступить место рационалистическому понятию, что привело к постепенному исчезновению пассивно окрашенных безличных глагольных форм».²

Мы склоняемся к мысли, что обе конструкции, а стало быть и скрытые за ними воззрения могли быть одинаково древними и искони существовать параллельно. Вообще нам кажется, что синтаксические конструкции — ненадежный критерий для определения древности и примитивности мышления: они слишком быстро становятся трафаретной техникой речевого выражения, совершенно нейтральной в отношении мировоззрения говорящих. Ключ к пониманию развития человеческого мышления мы видим не в синтаксисе, а в исторической семасиологии.³ Итак мы займемся не происхождением синтаксических конструкций, а происхождением понятий, в данном случае понятий любви и ненависти. К каким конкретно-образным представлениям они восходят? Какова их палеонтология?

Писатели и поэты не раз отмечали, что эти две противоположные эмоции — любовь и ненависть — оказываются в жизни весьма близки друг другу и легко переходят одна в другую.⁴

Не имея в виду погружаться в эти темные глубины человеческой психики, мы должны только отметить, что с точки зрения лингвистической палеонтологии «любовь» и «ненависть» действительно могут развиваться из одного первоначального понятия. Впрочем это лишь один из многочисленных случаев, когда палеонтологический анализ приводит нас к закону единства противоположностей.

¹ *Н а v e r s*. Handbuch der erklärenden Syntax, 1931, стр. 103—104.

² Там же, стр. 105.

³ С иной точки зрения приходит к этому же выводу Фэй (W. Fay), когда он говорит: «The problem (безличных глаголов чувствования) resolves itself into a question of semantics or definition, rather than one of syntax» (The impersonals of emotion. The classical Quarterly, v. XI, 1917, стр. 89).

⁴ Катюлл в известных стихах выразил пережитую им муку любви, соединенной с ненавистью:

Odi et amo. Quare id faciam, fortasse requiris.

Nescio sed fieri sentio et excrucior.

Мопсан пишет: «Il existe assurément un amour atroce, cruellement torturant, fait de l'invincible enlacement de deux êtres disparates, qui se détestent en s'adorant» (L'épingle).

Такое же «смятение чувств» описывает Достоевский. «... Из-под непрерывной к вам ненависти, искренней и самой полной, каждое мгновение сверкает любовь. . . . Напротив, из-за любви, которую она ко мне чувствует, тоже искренно, каждое мгновение сверкает ненависть, — самая великая!» (Бесы, II ч., 6 гл. .).

Перейдем к языковым фактам.

В осетинском глагол «любить» идет по активной конструкции: *æz warzyn* 'я люблю' (ср. *mæn fændy* 'мне хочется', пассивная конструкция).

Основа *warz-* 'любить' предполагает арийское *varg-*. Последнее же полностью соответствует славянскому *vorgu* (ст. слав. *vragъ*, русск. *ворог*) 'враг'. С звуковой стороны сопоставление безупречно. Что касается отношения значений (ос. «любить» — слав. «враг»), то оно представляется настолько парадоксальным, что мы готовы были признать звуковое совпадение случайным, пока нам не попались другие аналогичные случаи.

Арийское *prī-* (др. инд. *prī-*, авест. *frī-*) переводят «любить», «благоволить» и пр. Однако в сочетании с превербом *ā-* мы находим в Авесте другое, как мы думаем, более древнее значение: авест. *ā-frī-* 'заклинать', 'произносить магические формулы, заклинания'. Так же точно в русском *за-говор* 'колдовство' выступает магическая семантика, которая уже не чувствуется в простом *говорить*.

Авест. *āfrīti-* может означать одинаково «благословение» и «проклятие»; в том и другом случае речь идет о магическом, колдовском действии. Амбивалентность значения вытекает с необходимостью из самой природы магического действия. Всякое такое действие исходит из убеждения в существовании светлых и темных сил, находящихся в вечном антагонизме и борьбе. Этот дуализм в мировоззрении представляет естественную надстройку на дуализме и антагонизме социальном: на вражде и борьбе между своим и чужим коллективом, племенем. Всякий колдовской акт есть акт вмешательства в эту борьбу на той или другой стороне. В силу этого он неизбежно амбивалентен: он направлен на пользу одной стороне и во вред — другой. Так заговор от какой-либо болезни представляет одновременно акт дружественный (в отношении больного) и враждебный (в отношении злых сил, вселившихся в больного). Таким образом из единого понятия колдовства, чародейства, выделяется с одной стороны понятие «благословения», «симпатии», «любви», с другой — «проклятия», «вражды», «ненависти».

Возвращаясь теперь к славянскому *vorgu* 'враг', мы можем отнести с полным доверием к его палеонтологическому тождеству с осетинским *varz* 'любить'. Рядом с *vorgu* 'враг' мы находим в славянском глагол *vorg-* 'ворожить'. Отрывать эти два слова друг от друга, как это, впрочем не очень уверенно, делает Ф. Миклошич,¹ нет никаких оснований. Славянские *vorgu* и *vorg-*, русские *ворог* и *ворожить* заключают одну и ту же основу. Семантическая их связь не менее закономерна и безукоризненна, чем фонетическая: враг — тот кто ворожит, ворожит мне во вред. Эта же основа могла означать «ворожить на пользу кому-нибудь», стало быть «благоволить», «симпатизировать», «любить». Это значение и закрепилось в осетинском *warz-* 'любить'. Такое же развитие значения мы имеем в авест. *āfrī-* 'заклинать' — *frī-* 'любить'.

¹ Etym. Wörterbuch d. slav. Sprachen, стр. 395.

Обще-индо-европейская основа *verg* || *vorg*-, к которой относятся русские *ворожить*, *враг* и ос. *warz*- 'любить', в других языках означает «действовать», «работать» и т. п.: греч. *ἔργον* 'деяние', 'дело', 'работа', *ἐργάζομαι* 'я работаю', нем. *wirken* 'действовать', *Werk* 'дело', 'работа', англ. *work* id., авест. *varəz*- 'действовать' и т. д. Однако и в этих языках сохранились следы того, что слово означало не просто «действие», а «чародейство», «колдовство». Магическо-религиозная семантика особенно отчетливо выступает в греческих словах (этой же основы) *ἔργια* 'культовое действие', *ἔρδω* 'приношу жертву'. В этой связи можно напомнить, что на славянской почве враг означает также «чорт». Таким образом слово тесно и разнообразно связано с кругом примитивных магических и демонических представлений.

Кажется странным, что авестийский и осетинский, оба иранской группы, так далеко разошлись в значениях: авест. *varəz*- 'действовать' — ос. *warz*- 'любить'. Расхождение столь велико, что никому из исследователей осетинского языка не приходило в голову сближать эти два слова. Теперь семантическое развитие как будто разъясняется: «действовать» — «чародействовать» — «чародействовать на пользу кого-либо, дружественно» — «любить». Смысловое отдаление осетинского («любить») от авестийского («действовать») не может особенно удивить, если принять во внимание обособленное положение осетинского в кругу иранских языков и особые связи скифских наречий со славянскими. Мы исходим из того, что древнеиранское *warz*- имело значение «чародействовать», откуда, как мы видим, может закономерно развиться значение «любить». Приписывая иранскому *warz* такое значение, мы, к счастью, не остаемся в области одних предположений; это значение сохранилось в языке ормури: орм. *waž*- (← *warz*-) 'заклинать'.¹

Можно было бы показать на ряде других примеров, что глаголы, которые дошли до нас в значении «действовать», «делать», в древнейшую эпоху означали «магическое действие», «чародейство». Объясняется это не тем, что всякое действие рассматривалось как колдовство. Но всякая производительная работа имела свое конкретное название: «ловить рыбу», «рубить дрова» и т. д. Чародейство же, с помощью которого можно будто бы добиться самых разнообразных результатов, рассматривалось как действие *par excellence*, как универсальная «работа». Вот почему общее понятие «делать» оказывается в ряде случаев совпадающим с понятием «колдовать». Приведем еще один общеизвестный факт: мы имеем с одной стороны древнеиранское *kar*- 'делать', авест. *čārā*- 'средство', с другой лит. *kéras* 'колдовство', русск. *чары* и т. п. Хотя славяно-балтийские факты засвидетельствованы позднее арийских, с точки зрения исторической семасиологии более древним надо признать магическое значение корня *kar* || *ker*. Мы не видим серьезных фонетических или смысловых трудностей, чтобы отнести сюда

¹ G. Morgenstierne. Indo-iranian frontier languages, I, стр. 335, 396.

же др. ирл. *sarait* 'я люблю', лат. *cārus* 'любимый', 'дорогой'. И здесь «чародейство» и «любовь» оказываются родственными понятиями.

Разобранные факты позволяют набросать следующую схему семантического развития:

Некоторые дополнительные иллюстрации кажутся нам нелишними.

1. Приводившийся выше иранский глагол *frī-*, *āfrī-* с его модификациями в разных иранских языках может служить прекрасным примером того, какие семантические возможности носили в себе магически окрашенные слова-понятия.

Из *āfrī-* 'чародействовать' на персидской почве развились с одной стороны *āfrīn* 'слава!', 'браво!' с — другой глагол *āfrīdan* 'творить', 'создавать'. Эти два слова казались по значению так далеки друг от друга, что П. Г о р н¹ даже ставит вопрос, не правильнее ли отделить их друг от друга. В действительности оба значения вполне закономерно развились из первоначального «чародействовать»: *āfrīn* 'браво!' означает собственно «будь благословен!» благословение же есть «позитивная» сторона всякого чародейства, как «проклятие» — его «негативная» сторона. Что касается глагола *āfrīdan* 'творить', то своим значением он целиком принадлежит к кругу магических понятий, ибо «творить» в примитивном мышлении не могло означать ничего другого как «вызывать с помощью чар, с помощью заклинаний».

На осетинской почве *āfrī-* дало *arfæ*. В современном живом языке это слово означает «благодарение», *arfæ kœnyu* «благодарить». Однако такие выражения как *xisaw arfæ* «божье благословение», *xisaw dyn raarfæ kœnœd* «бог да благословит тебя» указывают, что значение «благодарить» вышло из «благословлять» и что слово относится к кругу магических представлений. Еще яснее выступает это в таких выражениях как *cæsty arfæ* «заговор против дурного глаза».² Выражения, подобные последнему,

¹ Р. Н о р н. Grundriss der neupersischen Etymologie, 1893, стр. 10.

² Напр. в «Памятниках народного творчества осетин» II, стр. 171 сл.

интересны в особенности тем, что в них выступает еще первоначальное амбивалентное значение: «заговор», «заклинание» вообще.

Рассматриваемый иранский глагол без преверба *frī-* получил преимущественно значение «любить». Каким образом оказываются связанными значения «колдовать» и «любить», об этом мы уже говорили выше. Здесь отметим еще, что и это значение сохранилось в осетинском в слове *lymæen* | *līmæen* 'друг' (из *frīman*).

2. Ос. *æznag* 'враг' и ос. *ælgitæg* 'проклинатель' (от *ælgityn* 'проклинать') являются синонимами. В одной и той же фразе можно по желанию употребить одно или другое слово. Так, можно сказать: *de 'znag aftæ* «твоему врагу (да будет) так» или *de 'lgitæg aftæ* «твоему проклинателю (да будет) так». Стало быть значения «враг», «вражда» могли развиться из значения «проклинать», как значения «друг», «любить» из значения «благословлять».

3. В кругу рассматриваемых понятий можно разъяснить еще два осетинских слова: *xæzgul* 'любовница' и *fydgul* 'враг'. Во второй части обоих слов мы видим основу осетинского глагола *kuryn* 'просить' (*kur* → *gur* → *gul*). Стало быть точное значение первого слова — «просящий хорошее» (*xæzgul* из *xærz-kur*, где *xærz* ← *xorz* 'хороший', 'добро'), точное значение второго — «просящий дурное» (*fydgul* из *fyd-kur*, где *fyd* 'дурной', 'зло'). Переход *gur* → *gul* произошел, надо думать, по диссимляции *xærzkur* (до исчезновения *r* в *xærz*): *xærzkur* → *xærzgur* → *xærzgul* → *xæzgul*. Затем, по аналогии, *l* был перенесен также в *fydgul*. Магическая семантика глагола *kuryn* 'просить' в настоящее время потускнела, но в производном от него *kurdiat* она выступает достаточно ясно. В осетинских эпических сказаниях *kurdiat* означает способность получать просимое у высших сил. Такая способность есть способность чародея, заклинателя, и мы с уверенностью можем восстановить первоначальное значение *kur-*: «чародействовать», «испрашивать путем заклинаний», в дальнейшем: «магически пожелать кому-либо добра или зла». Амбивалентное значение глагола *kur-* было, с помощью *xærz* и *fyd*, уточнено в двух противоположных направлениях: *xæzgul* «колдующая на благо» → «любовница», *fydgul* «колдующий на зло» → «враг».

4. Мы видим, что амбивалентность является характерной особенностью магических терминов. С этой точки зрения разъясняется загадочная, с первого взгляда, семантика таких слов как нем. *bannen* или лат. *sacer*. Два противоположные значения немецкого *bannen*, «очаровывать» и «изгонять», если их перевести на язык магического мышления, означают: «привлекать с помощью чар» и «изгонять с помощью чар». Амбивалентность лат. *sacer* «священный» и «проклятый» основана, очевидно, на таких же представлениях. Хорошим примером амбивалентности магических понятий может служить также др. инд. *raks-* «охранять» и «вредить». Авестийское *maqdra-* 'заговор' в силу двоякого значения снабжается уточняющими определениями: *spənta-maqdra-* 'небесная мантра' и *aya-maqdra-* 'злая мантра'. Двоякое значение присуще и персидскому *afsūn* 'чары'.

Все рассмотренные нами факты приводят к следующим выводам:

1. Глаголы, выражающие любовь и ненависть и требующие в настоящее время активной конструкции, восходят к древнейшим магическим представлениям.

2. Палеонтологический анализ этих глаголов приводит нас к действиям, имеющим ясно выраженный активный характер: «благословлять», «проклинать», «заклинать», «чародействовать»; нет никаких оснований думать, что соответствующие глаголы имели когда-либо пассивную окраску и пассивную конструкцию.

3. Если в других случаях понятия «любить», «ненавидеть» имеют пассивную конструкцию, то это значит, стало быть, что соответствующие глаголы имеют иную палеонтологию, восходят к иным представлениям, представлениям не об активном чародействе, а о пассивной одержимости.

4. Поскольку и те, и другие представления (активное чародейство, с одной стороны и одержимость — с другой) не выходят из круга магических воззрений, они должны рассматриваться как одинаково древние и примитивные.

5. Нет, стало быть, данных считать, что пассивная конструкция глаголов *sentienti* (во всяком случае глаголов «любить» и «ненавидеть») древнее активной; обе конструкции ведут к одинаково древним воззрениям и могли возникнуть и существовать параллельно.

Встает, однако, вопрос, зачем было иметь два разных глагола и две разных конструкции для выражения одной и той же эмоции, скажем любви? В том-то и дело, что то, что нам кажется теперь единой эмоцией, в примитивном осознании могло заключать представление о двух коренным образом различающихся явлениях. Каким образом? Прежде всего примем во внимание, что любовь, как и иные эмоции, могла представляться примитивному человеку лишь в конкретно-образном выражении, а не как отвлеченное, ни в чем осязаемое не проявляющееся состояние. В зависимости от характера эмоции она представлялась либо активностью (чародейством), направленной на пользу любимого объекта, либо таким состоянием, при котором человек сам оказывается жертвой воздействующих на него волшебных чар. Иначе говоря наши отдаленные предки могли различать то, что для нас сплось в одно: любовь как деятельность и любовь как одержимость. Любовь человека к своему роду и племени, любовь родителей к детям или детей к родителям должна была больше подходить к первому виду любви, половая любовь — ко второму. Пережитком этих воззрений является сохранение в языках нескольких основ для «любить»: греч. *φιλέω*, *ἐράω*, *ἀγαπάω* и т. п.

Итак, две конструкции глаголов *sentienti* не скрывают за собой двух стадияльно разных типов мышления, исторически сменявших одно другое. Если в некоторых современных языках преобладает одна конструкция, а в других — другая, то это ни в коем случае не дает права на какие-либо далеко идущие выводы относительно различий мышления и мировоззрения соответ-

ствующих народов. Смешно было бы, в самом деле, думать, что мышление, скажем, современного грузина отличается принципиально от мышления современного русского. Могут сказать, что в грузинском языке пассивная конструкция глаголов *sentiendi* сохранилась как «пережиток» от древних эпох. Однако признать, что целые речевые категории могут сохраняться «пережиточно» неопределенно долго и при всех общественных формациях — это значит признать, что эти категории не имеют никакого значения для стадияльной характеристики.

Пассивная конструкция так же мало является пережитком, как активная. Обе они равноправны и стадияльно равноценны. Они восходят к тому времени, когда человек отличал эмоцию как деятельность от эмоции как одержимости. Когда это различие утратило свое значение в мировоззрении людей, язык пошел по линии обобщения и унификации соответствующих глагольных конструкций. Разница между языками в том, что в одних унификация пошла по линии активной конструкции, в других — по линии пассивной. В большинстве же языков, насколько можно судить, обе конструкции в разных пропорциях сосуществуют по сей день.

*«Академия Наук СССР академику Н. Я. Марру»,
1935, стр. 121—124.*

ОСЕТИНСКОЕ МАЕНÆÆВ 'ПШЕНИЦА'

Работая над осетинским словарем, я обратил внимание на то, что ряд названий съедобных растений начинается с одного и того же слога *тæ*:

tæncæw 'пшеница';

tæncærg 'малина';

tæzcærcæw название одного съедобного, травянистого альпийского растения;

tæctatæk id.,

tækcærcæz название дикого альпийского корнеплода.¹

Начальное *тæ* отнюдь не настолько распространено в осетинском, чтобы наличие его в приведенных словах можно было объяснить игрой случая. Пять или шесть слов одного и того же семантического круга, начинающиеся с одного и того же элемента, — это нечто, выходящее далеко за пределы того, что можно было бы ожидать по теории вероятностей.

Признание указанного явления неслучайным равносильно в сущности признанию того, что в начальном *тæ* мы имеем некий самостоятельный, когда-то значимый элемент, который сросся со словом в такой степени, что перестал осознаваться как таковой. В пользу последнего вывода говорило еще одно обстоятельство: все приведенные слова относятся к категории неразъясненных, т. е. не имеющих установленных соответствий ни в каких других языках.² Причину этого с нашей новой точки зрения естественно было видеть в том, что прежние исследователи брали приведенные слова как неделимые целые, не отделяя начального *тæ*. Если для мало известных альпийских растений и даже для «малины» неразъясненность можно объяснить просто тем, что исследователи не обратили на них внимания, то этого никак уже нельзя сказать про такое огромной культурной важности слово, как «пшеница», мимо которого не мог, разумеется, пройти ни один лингвист-осетиновед.

Я попробовал подойти к разъяснению наших слов, исходя из отделимости начального элемента, и получил следующие результаты.

1. *tæncæw* 'пшеница'. В силу оснований, которые будут ясны из дальнейшего, я присоединяю к начальному *тæ*- также *-n* и, следовательно, делю

¹ Быть может к этому списку можно прибавить еще *maǰalda* «куколь» (?).

² Сопоставление Б. Мункачи (B. Munkácsi): ос. *tæncærg* — вот. *namer*, зыр. *namir* (Keleti Szemle IV, стр. 380) имеет значение, быть может, для разъяснения финских фактов, но ничего не дает для разъяснения ос. *tæncærg*.

так: *mæn-æw*. Восстанавливая для второй части предположительно утраченное начальное *y*, получаю *yæw*, т. е. живое осетинское слово в значении «просо», ср. ягноб. *yau* 'ячмень', шугн. *yavaj*, перс. *jaw*, санскр., авест. *yava-* id.

2. *mæncærg(ə)* 'малина'. Делю *mæ-nærg(ə)*. Вторую часть *nærg(ə)* восстанавливаю в **nængə*, **nænəḡ*, где второе *n* по дссимиляции перешло в *r*; ср. аналогичный перебой носового в плавный в *malusæg* из *manusæg* 'подснежник', *lamaz* из *namaz* 'намаз (молитва)', или диалектическое *duwadaestælon* из *duwadaestænon* 'двенадцатиструнный'. Восстановленное *nænəḡ* вместе с диалектическим дигорским *nincæg* 'малина' принадлежит, повидимому, к довольно обширному слою, общему у осетинского с тюркскими: ср. балк. *nanəḡ*, *nanəḡ* 'малина', саг. *nonəḡ* 'черника', мад. *nonəḡ* id.

3. *mæzærcæw* — название съедобной травы. По отделении *mæ*, получаем *zærcæw*, где *zærc* — разновидность индоевропейской основы в значении «желтый», «зеленый», «зелень», «трава»: санскр. *hari-*, авест. *zairi-*, лит. *želvas*, лат. *holus*. В осетинском эта основа налична еще в ряде слов: *zærcæston* «незасеянное, гуляющее поле», букв.: «место (*ston*) (заросшее) травой» (*zærcæ* из *zærcæw*?); *zæridaw* «второй год нескошенный покос»; диг. *zældæ* «молодая трава, дерн».

4. *mætataḡ* — название съедобной травы. Отделимость *mæ* ясна уже из того, что в дигорском диалекте имеем просто *tatuk* в том же значении.

5. *mækærcæz* — название дикого корнеплода. По отделении *mæ* получаем *kærcæz*, для которого у меня нет верных соответствий; но языковое чутье подсказывает, что членение правильно.

Итак, отделимость начального элемента полностью подтвердилась анализом вторых частей наших слов. Но что же представляет этот начальный элемент *mæ*? Ответ, который дает на этот вопрос сам осетинский язык, был полной неожиданностью для меня и будет такой же, вероятно, для читателя. Мы отнесемся к нему с осторожностью, но без предубеждения. Мы видели, что в одном случае, в слове *mæn-æw*, наша частица является в форме *mæn*. Имеется ли в осетинском слово, которое могло бы принимать обе формы, и форму *mæ* и более полную форму *mæn*? Да, имеется. Это — притяжательное местоимение (оно же личное косвенных падежей) 1-го лица единственного числа — «мой», разновидность хорошо известной косвенной основы общепранского личного местоимения 1-го лица, ср. перс. *man*, др. перс. *manā* и др. Выходит, следовательно, что наше *mæn-æw* (**mæn-yæw*) значит букв. «мой злак» («просо» — лишь функциональный «момент» общего значения «злак»), наше *mæ-zærcæw* «моя трава» и т. д.

Отсутствие чего-либо аналогичного в известных мне фактах других языков не дает мне права видеть в данном толковании частицы *mæ-*, несмотря на его очевидность с точки зрения внутри-осетинской, больше, чем гипотезу. Однако эта гипотеза не так уж беззащитна с теоретической стороны, как может показаться. Хорошо известно, что во многих языках существует обязательная аффиксация при имени притяжательных местоимений; без какого-либо притяжательного местоимения имя не может быть

употреблено. Это явление наблюдается не только в отдаленных от осетинского языках. Оно известно соседнему с осетинским абхазскому языку. Оно сохранилось также в вершикском языке на Памире, языке, который имеет для иранских языков бесспорное субстратное значение. Как пережиток такого состояния, мы легко можем допустить закрепление и сращение некоторых местоимений с некоторыми категориями имен «наглухо». И такие факты тоже наблюдаются. Нет ничего невозможного в том, что в отдельных случаях некоторые категории имен могли сращиваться с местоимениями 1-го лица, если эти имена всего чаще и охотнее связывались именно с 1-м лицом.

На какой почве могло произойти сращение с местоимением 1-го лица именно в наших словах, названиях *съедобных растений*? Кто знаком с работами Н. Я. Марра и с этнографической литературой по культуре растений, тот не затруднится ответить на поставленный вопрос: всего вероятнее на почве тотемистических представлений. Закрепляя за названиями известных растений местоимение «мой» (= «наш»), общество заявляло о своих особых отношениях с этими растениями.

Такова несколько необычная гипотеза, которую я позволяю себе высказать для объяснения несколько необычных явлений осетинского языка. Чтобы быть убедительной, она нуждается в подкреплении аналогичными фактами из других языков, которых пока в моем распоряжении нет.¹ Я не уверен, что в лингвистической литературе уже не отмечались сходные явления. Но даже если бы подобные факты не были никем отмечены, это ни в какой мере не убеждало бы меня в том, что их и нет в действительности. Не имеем ли мы сотни примеров, когда самые яркие, разительные, кричащие факты остаются незамеченными только потому, что умы исследователей не подготовлены к их осознанию?

Независимо от того, что представляет собой начальное *тæ*, *тæп*, не подлежит сомнению, что во второй части рассмотренных нами названий съедобных растений мы имеем самостоятельные слова: *уæв*, **пæпæд*, **гæгæв*, *tatuk* и вероятно **кæргæз*.

Язык и мышление I (1933), стр. 67—70.

¹ Единственный известный мне случай сращения местоимения 1-го лица с именем до полной почти утраты осознания их отдельности и самостоятельности, это культовые термины, как итал. *Madonna*, фр. *Notre-Dame* и вежливые обращения, как фр. *monsieur*, *madame*. Эти слова кажутся настолько «из другой оперы», что сопоставление их с нашими *тæпæв*, *тæгæгæв* может показаться весьма странным. Однако действительно ли эти два ряда фактов так далеки друг от друга? Не имеем ли мы здесь пережитки одних и тех же по существу тотемистически-культовых отношений на разных стадиях, дающие сходные результаты, идет ли речь о растительном тотеме (ос. *тæпæв*), женском божестве (ит. *Madonna*) или формуле вежливости (фр. *monsieur*)?

ОСЕТИНСКОЕ *fyccag* 'ПЕРВЫЙ'

Порядковое числительное *fyccag* *ficcag* 'первый' является единственным неразъясненным до настоящего времени числительным в осетинском. Две попытки В.с. Миллера разъяснить это слово не удовлетворяют самого автора и сопровождаются оговорками о проблематичном характере предлагаемых этимологий. Первая попытка¹ исходит из «праформы» **pratia* через ступени **pratiya* → **pairtya* → **firtiag* → *fitcag*. Вторая — связывает *fyccag* с санскр. *patiṣ*, авест. *paitiṣ* 'против'.² Обе этимологии должны быть отвергнуты: первая по фонетическим основаниям, вторая — и фонетическим, и семантическим.

Мы считаем, что слово *fyccag* может быть разъяснено внутросетинскими средствами, а именно привлечением некоторых фактов дигорского диалекта.

Порядковое числительное «первый» отличается от других порядковых числительных тем, что оно обычно не связано семантически и этимологически с соответствующим количественным числительным «один», и семантика его лежит не в плоскости количественного понятия «одного», а в сфере пространственно-временных понятий «начала», «начального», «переднего» и т. д.³

Обращаясь к соответствующим понятиям в осетинском, мы находим здесь корень *raz-* для выражения пространственных (отчасти временных) отношений (*razæj* 'впереди', *razzag* 'передний' и др.) и корень *rag-* для временных (*ragæj* 'давно', *ražy*, *ragi* 'рано', *ragon* 'давний'). Эти корни, восходящие оба к др. иран. *frāk*, *frāč*, не могут быть поставлены ни в какую связь с *fyccag*.

Обращаясь к дигорскому диалекту, мы находим там для понятий «перёд», «впереди» и пр. наряду с *raz-* еще и *finz-*, что значит собств. 'нос' (ирон. *finz*, диг. *fij* или *finzæ*). Напр. *finzi col* (Памятники нар. творчества осетин, II, стр. 139₂ св.) 'ступай впереди!' собств. «в носу» (ср. русское «идет в голове отряда»), вместо иронск. *razæj cul*; *finzæwæg* 'предводитель', собств. «идущий в носу», вм. обычного *razæwæg id.*; *dæ nivæ*

¹ В.с. Миллер. Осет., этюды, II, стр. 162.

² Gr. Ir. Ph. I, Anhang, стр. 49.

³ Такова, в частности, семантика слова «первый» в индо-европейских языках (Waldе-Рокн у. Vergl. Wörterbuch d. i.-g. Sprachen. II, стр. 32 сл.) Ср. также кабард. *yiper* 'первый', при *yipe* 'начало', ингуш. *xalxæra* 'первый', при *xalxæra* 'передний', *xalxæ* 'раньше', 'впереди'. О грузинском *p'irveli* 'первый' см. ниже.

finzi cæwæd 'твое счастье впереди пусть шествует' (В. Gurdžibeti. *Saxi gæsuǵd*, стр. 25); *fæon din finzi* 'пусть я буду впереди тебя' (в смысле «пусть я раньше тебя умру», id., *Æduli*). Важно подчеркнуть, что в последнем выражении, представляющем употребительную формулу выражения симпатии, любви, обычно вместо *finzi* фигурирует *fussag* 'первый': *dæ fussag fæon* 'пусть я буду первый' ('пусть я раньше умру').

Следует прибавить, что *fussag* вообще употребляется в осетинском иногда как послелог «перед», вместо *razæj*, *razmæ*, напр. *aj fussag*, 'перед этим', 'давеча' (вм. *aj razmæ*), *jæ fussag sæ skodta* 'он погнал их впереди себя' (вм. *jæ razæj sæ skodta*).

Мы видим, таким образом, что, во-первых, *fussag* по своему значению и употреблению тесно примыкает к *razæj*, *razzag*, 'перед', 'передний' и что, во-вторых, в дигорском диалекте в этом же значении употребляется наряду с *raz-* также *finz-* 'нос'. Отсюда естественно притти к мысли, что *fussag*, *fissag* 'первый' и образовано от *fynz*, *finz-* 'нос'. Фонетически такое сближение безупречно. Нарращение адъективного суффикса *-ag* влечет за собой удвоение конечного согласного: *fynz + ag* → *fynzzag* (ср. *razzag* 'передний' от *raz*, *qæddag* 'лесной' от *qæd*, *suggag* от *sig* 'дрова' и многие др.). Так как всякий геминированный звонкий смычный становится геминированным глухим,¹ а в этом сочетании *n* не имеет шансов удержаться, то мы и получаем в дальнейшем из *fynzzag* → *fynssag* → *fussag*.²

Вывод: осетинское порядковое числительное *fussag*, *fissag* образовано от *fynz*, *finz* 'нос' и значит собственно «носовой», «передний».

Можно указать в заключение, как на близкую семантическую параллель, на грузинское *p'irveli* 'первый' от *p'iri* 'рот', 'лицо'.

Язык и мышление X (1940), стр. 13—14.

¹ См. выше стр. 516.

² Геминация *z* могла быть также результатом ранней ассимиляции *n*, ср. *bættyn* 'вязать из *bændyn*, *sættyn* 'ломать' из *sændyn*.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЛАТИНСКОГО VULCĀNUS

Имя прославленного римского бога-кузнеца считается этимологически темным. В этимологическом словаре латинского языка Эрну и Мейе об этом имени сказано кратко: «Nom de divinité dont l'étymologie est indéterminée».¹

Между тем трудно представить себе слово, которое было бы более простым и прозрачным по происхождению и образованию, чем *Vulcānus*, *Volcānus*. Оно включает вполне латинское **vulc-*, **volc-* 'волк' и хорошо известный, вполне латинский формант *-ān-* (*āno-*, см. Fr. Stolz. Historische Grammatik der lateinischen Sprache, I Band, 2 Hälfte: Stammbildungslehre, 1895, стр. 480—482).

С точки зрения реалий смысл такого толкования также чрезвычайно ясен и прост: бог огня и кузнечного дела у римлян получил преемственно имя своего предшественника — тотемного «бога» волка, так как культ огня и кузнечного дела был в свою очередь связан преемственно с тотемическим культом волка.

Что волк был тотемным животным у латинян в этом никаких сомнений нет. В легенде о Ромуле и Реме тотемические элементы, несмотря на рационализаторскую обработку, проступают совершенно прозрачно. Смысл легенды в ее первоначальном виде сводился к тому, что римский народ ведет свое происхождение от волка.²

Что же мешало распознать этимологию и тотемную природу Вулкана?

Во-первых, то, что слово *vulcus*, *volcus* в значении «волк» в латинском не засвидетельствовано; для «волка» мы находим там только *lupus*. Однако *lupus* не является чисто латинской формой. Оно усвоено, повидимому, из соседних оско-умбрийских говоров.³ Чисто латинская форма, отвечающая индо-европейскому **ulquos* (древнеиндийскому *vṛka-*, русскому *волк*), должна была звучать именно **vulcus*, **volcus*. Почему же она не сохранилась? Надо думать, как раз потому, что волк был тотемным животным и его имя попало под действие словесного запрета (табу). По этой же причине в славянских, балтийских и германских языках исчезло индо-европейское название медведя. Когда коренное латинское название волка **vulcus*, попав под

¹ Ernout et Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine, 1939, s. v.

² См. наш «Опыт сравнительного анализа легенд о происхождении нартов и римлян» («Памяти ак. Н. Я. Марра» 1938, стр. 317 сл.).

³ См. Osthoff в Indogerm. Forsch., 4, 279, а также этимологические словари Вальде и Эрну-Мейе.

запрет, исчезло из обращения, латиняне стали называть волка заимствованным у соседей именем *lupus*. Старое название волка сохранилось, быть может, в этническом названии *Volcae*; так называли римляне одно из племен в южной Галлии. Итак, с точки зрения истории языка нет препятствий к тому, чтобы считать, что в *Vulcānus* скрывается старое латинское название волка.

Однако приемлемо ли это с точки зрения системы религиозных воззрений древних римлян? Почтенный небесный кузнец, супруг Венеры и вдруг — волк! Возможно ли это? Ведь речь идет не о североамериканских индейцах с их тотемическими воззрениями, а о культурном европейском народе, в пантеоне которого не сохранилось как будто никаких тотемических и зооморфных черт.

Дело однако в том, что этот пантеон дошел до нас в сильно «облагороженном» и приукрашенном виде. В более древнюю эпоху он, вероятно, очень смахивал на североамериканские тотемы. После работ Моргана и Энгельса уже нельзя сомневаться, что римляне, как и другие европейские народы, прошли через свою «ирокезскую» стадию с ее родовым строем, тотемизмом и пр. И если покопаться, то, вероятно, Вулкан-Волк окажется не единственным пережитком этой стадии.

Мы все же не решились бы вторгнуться в прекрасно разработанную область классической науки и предлагать свое разъяснение имени *Vulcānus*, если бы не поразительная аналогия с фактами осетинского языка и мифологии.

Некоторые мотивы осетинского героического эпоса и другие данные позволяют думать, что у осетин волк также был в прошлом тотемическим животным. В полном согласии с этим стоит тот факт, что исконно-осетинское название волка, которое должно было звучать **wærx* или **wærg* не сохранилось в осетинском. Оно было очевидно вытеснено под действием словесного табу. Вместо него мы находим *biræġ* | *beræġ*, что могло быть заимствованием из другого иранского же языка, сакского (хотанского), где волк назывался *birgga*. Иначе говоря, картина точно такая же, как в латинском. Но этого мало. Параллель идет гораздо дальше. В пантеоне древних осетин был бог-кузнец. Его имя мы встречаем обычно в форме *Kurd-Alægon* «Кузнец Алагон». Но в нескольких сказаниях сохранились более старые формы: *Kurd-Alæwgon*¹ и *Kurd-Alæ-Wærgon*.² Последняя форма, как самая полная, должна быть признана и самой древней. Элемент *Alæ* восходит очевидно к *arya* 'арийский', 'аланский', и все имя означает, стало быть: «Кузнец Аланский Варгон». Выходит, что имя бога-кузнеца было собственно *Wærgon* «Варгон». Что же оно означает? Оно представляет точную кальку латинского *Vulcānus*, т. е. включает старое осетинское название волка *wærg*, отвечающее латинскому *vulc-*, и суффикс *-on*, восходящий к *-ān*.

¹ Памятники народного творчества осетин. вып. 11, стр. 42.

² Там же, стр. 10.

Функция латинского форманта *-ān-* и осетинского *-on* чрезвычайно близки друг к другу. Оба они означают происхождение откуда-либо, принадлежность к кому или к чему-либо и т. п. В частности оба могут обозначать принадлежность к известному роду: лат. *Aemiliānus* 'принадлежащий к роду Эмилиев', ос. *Сургузон* 'принадлежащий к роду Цириха', 'Цирихович'. Стало быть лат. *Vulcānus* (как и ос. *Wargon*) могло означать «Сын волка». Таким же точно образом, с помощью того же форманта *-ān-*, образовано имя не менее популярной богини *Diāna*, букв. «Дочь неба» (от *diim* 'небо').

Как ни разителен параллелизм между латинскими и осетинскими фактами, нет надобности для его объяснения предполагать влияние древних осетин на итальянцев или наоборот. Сходство объясняется тем, что одинаковые причины порождают одинаковые следствия. И осетины, и латиняне прошли через тотемическую стадлю. И у тех, и у других был тотемический культ волка и связанный с ним словесный запрет на старое имя этого хищника. С возникновением металлургии виднейшее место в мифологии и пантеоне занял бог-кузнец. Естественно, что культ этого бога и там, и тут оказался преемственно связанным с предшествующим ему тотемическим культом. Бог-кузнец был как бы трансформацией тотема волка и унаследовал его имя.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ХОРС И СВАНСКОГО ՋԳՐԱԳ «СВ. ГЕОРГИЙ»

У читателя может возникнуть недоумение: по какому признаку мы объединяем древнерусское языческое божество со сванским св. Георгием? Спешим оговориться: ни о какой исторической связи между ними мы не думаем. Речь у нас будет идти только о путях образования их имен.

В статье «Прилагательное *хороший* и его производные в русском языке» С. П. Обнорский высказывает два положения:

1. прилагательное *хороший* образовано от имени божества Хорс и значило первоначально «хорсовский», «принадлежащий Хорсу»;

2. имя Хорс, со своей стороны, есть старое заимствование из осетинского, где *xorz* значит «хороший».¹

Считая первое из этих положений совершенно убедительным, мы высказали в свое время сомнение относительно второго.² Развитие значения от «бога» к «хорошему» казалось понятным. Но обратное развитие от «хорошего» к «богу», от абстрактного прилагательного к названию конкретного божества представлялось искусственным. Нам не пришла тогда в голову мысль, что *xorz* 'хороший' могло быть на осетинской почве постоянным эпитетом какого-то тоже вполне конкретного божества, и в русский язык оно было усвоено не как отвлеченное прилагательное, а именно как имя божества, вернее как часть этого имени, эпитет, тогда как самое имя или не было воспринято, или отпало впоследствии.

Сейчас мы думаем, что дело обстоит именно так и что, стало быть, предложенная С. П. Обнорским этимология имени Хорс в конечном счете правильная.

К этому убеждению мы пришли после того, как заметили, что в религиозно-мифологических песнях осетин дигорского племени имя весьма популярного в этих песнях св. Николая неизменно сопровождается эпитетом *xwarz* «хороший», «добрый»: *xwarz Nikkola* или *Nikkola xwarz* 'добрый Никола'.³ Никто теперь не сомневается, что христианские «святые» у осетин (и не только у них) являются преемниками старых языческих божеств, восприняв все их функции, качества и эпитеты. В высшей степени вероятно, что до «добрého Николь» у осетин существовал какой-то тоже «добрый»

¹ Язык и литература, III, стр. 241—258.

² Сб. Памяти акад. Н. Я. Марра, 1938, стр. 336.

³ См., например: Памятники народного творчества осетин, вып. 2, 1927, стр. 138—140.

языческий бог, функции и эпитеты которого впоследствии были перенесены на св. Николая. Вот это-то старое осетинское (ясское) божество с эпитетом *xorz* 'добрый' и было воспринято русскими, причем эпитет был воспринят и стал употребляться как самое имя (Хорс). В дальнейшем отсюда образовалось также прилагательное *xoroshii*. Путь вполне возможный и естественный.

Сванское название св. Георгия, *Žgərāg*, не имеет удовлетворительного объяснения. Н. Я. Марр справедливо считал, что оно «не имеет ничего общего с именем Георгий».¹ Действительно, никакими свойствами сванской фонетики нельзя оправдать превращение Георгия в *Žgərāg*. Во время нашего пребывания в Сванетии в 1944 г. мы упорно добивались у сванов, нельзя ли как-нибудь осмыслить это загадочное имя средствами сванского языка. Все опыты этого рода оказались безуспешными. Тогда мы обратились к соседним языкам, в первую очередь к мегрельскому, который с давних пор оказывает сильнейшее влияние на сванский. И здесь, как кажется, мы нашли разгадку. В мегрельском слово *žgiri*, *žgəri*, *žgəra* означает «хороший», «добрый». Такое прилагательное, как мы имели случай убедиться на примере осетинского, могло быть украшающим эпитетом «святого», в частности святого Георгия. Последний зовется у мегрелов *Gege*, *Žerge*, *Žege*. С эпитетом *žgəra* мы могли бы иметь *Žgəra-Gege* «Добрый Георгий». Вот это-то мегрельское *Žgəra-Gege* с усечением конечного *-ege* и могло дать сванское *Žgərāg*. В этом случае мы получаем объяснение и для долготы *a*: она является компенсацией за утрату двух последующих гласных.

Теперь читателю должно быть ясно, почему мы связали древнерусского Хорса со сванским Джгырагом. Оба эти имени образовались, как мы думаем, одинаковым путем: они усвоены у соседей (ясов в первом случае, мегрелов — во втором), причем заключают собственно не самое имя божества, а его эпитет «добрый». Разница между древнерусским и сванским термином только в том, что в сванском, помимо эпитета *žgəra* 'добрый', уцелел и начальный согласный имени «святого» *g* (*Žgəra-Gege* → *Žgərā-g*).

¹ Хрвст. Восток, IV, стр. 135.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПЕРСИДСКОГО *DĀRŪ* 'ЛЕКАРСТВО'

Это слово производилось от древнеиранского *dāru* 'дерево'¹ и от глагола *dar* 'держатъ'.² То и другое разъяснение справедливо подвергнуто сомнению Гюбшманном.³ Легко видеть, что в этих «этимологиях» просто притянуты наудачу похожие по звучанию слова, без какого-либо семантического критерия. Правильнее было бы выяснить путем справок в народной медицине и в народной фармакологии, в чем заключалась сущность первобытного лечения и каковы были примитивные лекарства. Задача эта не столь уже трудная. Известно, что древнейшее лечение включало два главнейших элемента: колдовство и травы. Они применялись либо раздельно, либо в комбинации друг с другом. Позднее к ним присоединилось еще третье средство: нож первобытного хирурга. Об этих трех средствах отчетливо говорит Авеста:

karətō. baēsaza- 'лечащий ножом',

urvarō. baēsaza- 'лечащий травами',

maδrō. baēsaza- 'лечащий мантрой, т. е. заговором'.

Ясно, таким образом, в какой плоскости лежит идеосемантика «лекарства» и в каком направлении следует вести этимологические поиски.

Персидское *dāru*, пехлевийское *dārūk* (*dār* + суффикс *-ūk*) могут быть без натяжки разъяснены как частный случай семантического развития 'трава' → 'лекарство'. Для этого нужно только допустить, что в этом слове начальное *d* отвечает не общеиранскому *d*, а общеиранскому *z*, как это имеет место во многих других персидских словах: *gasta* → *dast* 'рука', *zraya* → *daryū* 'море' и др.⁴ В этом случае мы приходим к основе *zar-* (индо-европ. **ghel-*), которая действительно значит в иранских языках 'желтый', 'зеленый', 'зелень', 'трава': ав. *zairi-* 'желтый', сак. **zarū* (*ysarū*) 'зеленый' (BSOS. IX 537), согд. **zēr* (*zyr*) 'желтый', ос. (дигорский диалект) *zældæ* (из *zar-ta*) 'молодая трава', ос. *zærcæston* 'незасеянное поле', букв. «место (*ston*), поросшее травой (*zærcæ*)», ос. *mazærcæw* название съедобной травы (см. выше, стр. 588), афг. *ziyar* 'желтый' и др. Сюда примыкает ряд слов из других индо-европейских языков: др. инд. *hāri-* 'желтый', 'зеленый', русс. *зеленый*, *зелень*, лтов. *žalias* 'зеленый', греч. *χλόη* 'трава', лат. *holus* 'зелень', 'овощи' и др.

¹ Nyberg. Hilfsbuch des Pehlevi, II, стр. 49 и др.

² Horn. Grundriss der neupersischen Etymologie, стр. 116.

³ Hübschmann. Persische Studien, стр. 59.

⁴ См. Hübschmann, цитир. соч., стр. 220 сл.

Ближайшее отношение к персидскому *dārū* имеет однако др. персидское *dāruva* в *asā dāruva* 'бронза', букв. «желтая (*dāruva*) медь (*asā*)».¹ Др. перс. *dāruva* предполагает общеиранское **zārva-*. И хотя мы в Авесте точно такой формы не находим, зато ее идеальные соответствия наличны в родственных индо-европейских языках: литов. *želvas* 'зеленоватый', герм. **gelwa* (нем. *gelb*) 'желтый', лат. *helvus*. В этих словах легко распознать уже известный нам корень **ghel-* (иран. *zar-*), усиленный формантом *-wo*, который особенно охотно употребляется в словах, обозначающих цвет, окраску. Долгота *ā* в *dāruva* есть результат деривационного подъема (*vṛddhi*) при наращении форманта; ср. др. перс. *mārgava* 'маргианец' при *Marguš* 'Маргиана' (название страны).

Итак, перс. *dārū* следует сближать не с *dāru* 'дерево' и не с *dar* 'держатель', а с древнеперсидским *dāruva* 'желтый' и с иранским корнем *zar-*, означающим 'желтый', 'зеленый', 'зелень', 'трава' и пр. Иными словами семантика 'лекарства' и здесь, как в ряде других языков, ведет нас к 'траве'. Древнерусское (старославянское) *зеле* означало 'зелень', 'траву', а потом 'лекарство' и 'яд'. Аналогичное развитие значения имеем в греческом *φάρμακον*: 1. 'трава', 2. 'целебная трава', 3. 'лекарство', 4. 'яд'.² В осетинском лекарство зовется *xos* | *xwasæ*, но основное значение этого слова — 'сено', т. е. сушеная трава.

³ Не следовало ли однако удержать этимологию *dārū* 'лекарство' ← *dāru* 'дерево'? Ведь и тут мы остаемся в кругу растительных понятий. Дело однако в том, что, как видно из приведенных примеров, 'лекарство' ведет именно к 'траве', а не вообще к растениям или к дереву. К тому же персидское *dār*, отвечающее древнеиранскому *dāru*, означает 'бревно' и 'дрова', т. е. дерево как строительный и топливный материал, а не как растение (в последнем значении употребляется другое слово *diraxt*). О лечении же бревном или дровами мы ничего не знаем.

В персидском имеется и другое слово для лекарства: *darmān*. Оно сопоставляется с др. инд. *dharmāṇa-* 'держатель'.³ Этимология представляется достаточно искусственной. Мы не видим препятствий к тому, чтобы и здесь усматривать иранский корень *zar* 'трава'. Суффикс *mān* не обязывает искать непременно глагольного корня. Формант *-mān* в персидском — не только отглагольный, но и отыменной, напр. в *kišt mān* от *kišt* 'посев'. И если *dar-* предполагает общеиранское *zar-*, то *darmān* может отвечать иранскому **zar-mān* 'зелье'.

¹ См. Иранские языки, I, 1945, стр. 132.

² Как видно из этих примеров, 'лекарство' и 'яд' находятся в тесном родстве. Объясняется это как общим законом расщепления значения, так и тем, что именно ядовитые растения очень часто служили также (разумеется, в несмертельных дозах) для лечебных целей.

³ Р. Н о г н в Grundriss der Iranischen Philologie, B. I, 2 Abt., стр. 102.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Общие вопросы	
Происхождение и культурное прошлое осетин по данным языка (лингвистическое введение в историю осетинского народа)	9
1. Язык как исторический источник	9
2. Индо-европейская система	12
3. Иранская группа	13
4. Происхождение основного лексического фонда осетинского языка	15
Названия частей тела	17
Названия космических тел и явлений.	18
Термины родства	19
Обозначения пола, возраста, величины, цвета и пр.	20
Числительные	21
Местоимения	22
Употребительнейшие глаголы	23
5. Коротко о фонетике, морфологии и словообразовании	25
6. От истории языка к языку истории	30
7. Предки Осетин пришли на Кавказ с севера	31
8. Осетины — остаток скифов-иранцев	36
9. Осетины-алавы	41
10. Свидетельства языка о культуре и быте древних осетин	48
Естественная среда	48
Материальная культура	52
Хозяйство	56
Общественно-бытовые отношения и мировоззрение	62
11. Кавказский субстрат	75
12. Культурные влияния	80
К характеристике современного осетинского языка	95
О взаимоотношении иранского и кавказского элемента в осетинском	109
О диалектологическом изучении горских языков Кавказа	123
О «винительном» падеже в осетинском	129
Древнеперсидские элементы в осетинском языке	138
Скифо-аланские этюды	
Скифский язык	147
1. Что мы называем «скифским языком»?	147
2. Лексика	150

	Стр.
3. Фонетика	202
4. Морфология	216
5. Словообразование	221
6. Заключение	238
Заметка I. Легенда о происхождении скифов	242
Заметка II. Термин «скиф»	243
Осетинские этнические термины iron, allop	245
Alapisa	248
Древнеосетинская зеленчукская надпись	260
Поездка к верховьям Кубани, Баксана и Черема	271
Поездка в Сванетию	291
Поездка в Абхазию	309
Мегрелизмы в осетинском	323
Древнееврейские элементы в осетинском	331
Происхождение слова химæтægi 'простой'	333
Аланские культурные термины в кавказских языках	335
Значение и происхождение слова æluton	338
Значение и происхождение слова gong	348

Диалектология

Очерк расхождений иронского и дигорского диалектов	357
Предисловие	357
Введение	360
A. Фонетика	364
I. Гласные	364
II. Полугласные	373
III. Согласные	375
IV. Ударение	385
B. Морфология	387
I. Словоизменение	387
Имя	387
Местоимение	400
Глагол	407
II. Словообразование	421
V. Синтаксис	426
G. Текст	428
D. Лексика	439
Словарь дигорско-иронских расхождений	439
Обратный (иронско-дигорский) указатель	486
О языке южных осетин	494

Вопросы фонетики и грамматики

150 лет жизни одного языка	509
Четыре ряда смычных согласных в осетинском	512
Смычно-гортанные согласные в осетинском	518
Полногласие в картвельских заимствованиях	526
Ритмика осетинской речи	529
К истории осетинского спряжения	561
О залоговой неиндифференцированности причастий	567
О некоторых словообразовательных суффиксах с ограниченной продуктивностью	572

Из истории слов

	Стр.
К палеонтологии слов, обозначающих «любовь» и «ненависть»	579
Осетинское <i>тæлпæтæ</i> 'пшеница'	587
Осетинское <i>фуссаг</i> 'первый'	590
Происхождение латинского <i>Vulcānus</i>	592
Происхождение древнерусского <i>Хорс</i> и сванского <i>Džgəgāg</i> «св. Георгий»	595
Происхождение персидского <i>dārū</i> 'лекарство'	597

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Оформление художника *М. П. Садикова*
Редактор издательства *А. И. Соболева*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректор *Ю. М. Северинова*

*

РИСО АН СССР № 3130.
Подписано к печати 9/VI 1949 г.
М-19510. Печ. л. 37³/₄ Уч.-изд. л. 46¹/₄
Тираж 3000. Зак. 1332

1-я типография Издательства АН СССР
Ленинград, В. О., 9 линия 12

40116